Василий Дмитриевич

ПОЛЕНОВ

Елена Дмитриевна

ПОЛЕНОВА

Е. В. САХАРОВА

Общая редакция
А. И. ЛЕОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»
МОСКВА · 1964

Василий Дмитриевич
ПОЛЕНОВ
Елена Дмитриевна
ПОЛЕНОВА

Хроника семьи художников

Эта книга посвящена памяти двух поколений выдающихся художников России второй половины XIX века. Передовые люди искусства той эпохи в сумерки реакции умели видеть свет впереди, стремились к нему и вносили свой вклад в стройку будущего. Высокий моральный облик людей, которым «ничто человеческое не чуждо», определяют порядочность, долголетняя дружба, доброе товарищество, благожелательность к молодежи и бескорыстная любовь к искусству. На мою долю выпало счастье знать многих из них. Личная связь с миром, который раскрывается в этой книге, дала возможность оживить мертвые строки документов прошлого и осветить то, что для постороннего человека осталось бы неразгаданным.

Книга составлена из переписки моего отца Василия Дмитриевича Поленова с родными и друзьями-художниками: Репиным, Васнецовым, Антокольским, Крамским, Чистяковым и другими, из переписки Елены Дмитриевны Поленовой, безвременно умершей талантливой художницы-акварелистки, иллюстратора русских народных сказок, страстного поборника русского народного декоративного искусства, с П. Д. Антиповой, Е. Г. Мамонтовой, Н. В. Поленовой, художницей М. В. Якунчиковой, а также с В. В. Стасовым, который высоко ценил творчество Поленовой. В основном переписка Е. Д. Поленовой публикуется впервые.

На страницах книги выступают ученики Поленова по Училищу живописи, ваяния и зодчества: Левитан, К. Коровин, Архипов, С. Иванов, Головин, Пастернак, Щербиновский, их друзья: Остроухов, Серов, Нестеров, Врубель, младшие ученики: Виноградов, Татевосян.

В первую часть книги большим разделом вошли материалы неопубликованного архива Ф. В. Чижова из хранилища рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина и письма из архивов певицы Климентовой и Абамелек-Лазарева, совершившего с Поленовым путешествие в Египет и Палестину в 1881—1882 годах. Вторая часть составлена из переписки Е. Д. Поленовой; сюда входят также документы и письма В. Д. Поленова в связи с реорганизацией и деятельностью Петербургской Академии художеств.

Письма подобраны с отсевом того, что отводит от стержня повествования о жизни двух поколений художников.

Приношу благодарность за помощь в работе Дмитрию Васильевичу Поленову, Николаю Алексеевичу Сахарову, Ангелине Александровне Передельской и светлой памяти друга Льва Андреевича Поленова.

Е. Сахарова

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

В шестидесятых годах XVIII века по решению Ломоносова двое из лучших студентов Петербургского университета—И. И. Лепехин и А. Я. Поленов были командированы Академией наук в университеты Германии (Страсбург и Геттинген). Поленов изучал юридические науки и вернулся с дипломом юриста. Это был первый русский «законовед» с высшим образованием. Вернувшись на родину, Поленов принял участие в конкурсе, объявленном Вольно-экономическим обществом (1766) на лучшее сочинение об освобождении крестьян. Но «за над меру сильные выражения» не был удостоен первой премии, которая была присуждена иностранцу. Поленову было указано, что эти выражения «по здешнему состоянию неприличны», и предложено изменить текст записки. Однако сглаженная форма не изменила смысла этого интересного документа, в котором автор гневными словами говорит о преступном и позорном «рабовладельчестве», требует немедленного прекращения «бесчестного торга человеческой кровью» и предлагает ввести в России всенародную грамотность. Записка Поленова под девизом «plus bonae mores valent, quam bonae leges» («хорошие нравы лучше хороших законов») была удостоена Золотой медали в 12 червонцев «с прописанием на оной имени автора», но в печати она прозвучала только через сто лет, когда крепостное право было отменено («Русский архив», 1865) и переиздана в наши дни в сборнике «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (Госполитиздат, М., 1952). От Алексея Яковлевича пришла в семью Поленовых прогрессивная общественная и научная мысль.

Искусство пришло в семью Поленовых через Николая Александровича Львова, известного в свое время архитектора и литератора, почетного члена Академии художеств. Н. А. Львов был другом поэтов Державина и Капниста, художников Левицкого и Боровиковского. Он и жена его, Мария Алексеевна (рожденная Дьякова), были в центре литературного салона, куда стекалось все выдающееся в мире искусства и культуры конца XVIII века. После смерти Львовых детей их взяла в свой дом и воспитала Дарья Алексеевна Державина — младшая сестра Марии Алексеевны Львовой. «Веринька» Львова, бабушка Поленовых, выросла в доме Державиных, с юных лет вращаясь в кругу людей передовой мысли, в центре литературных событий. У Державиных она встретила своего

будущего мужа, героя Отечественной войны 1812 года полковника Алексея Васильевича Воейкова. Портрет Воейкова в форме генерал-майора находится в Галерее 1812 года Эрмитажа среди других портретов, по окончании войны заказанных английскому художнику Джорджу Доу.

Вера Николаевна Воейкова (Львова) была живым источником исторических воспоминаний. В дни сражений под Смоленском, в селе Красном, под Москвой, она получала записки от жениха, написанные в походных условиях то на седле, то на барабане. Среди этих документов особенно дорог клочок пожелтевшей бумаги, на котором пером нацарапаны слова: «вчера было сраженье», «я остался жив». Дата записки 27 августа. В дни Бородинского сражения Воейков стоял на геройской защите Шевардинского редута. Ему выпало на долю проделать весь поход 1812—1815 годов до взятия Парижа и полной победы над французами. Он был другом и сотрудником Сперанского, опала которого отразилась и на судьбе Воейкова; после военных подвигов он вышел в отставку и окончил жизнь в глухом тамбовском поместье Ольшанка. Вера Николаевна осталась молодой вдовой с тремя детьми.

Превосходный портрет Крамского в Музее-усадьбе В. Д. Поленова раскрывает образ этой умной, энергичной, властной женщины. Вера Николаевна знала и любила прошлое своей родины, наизусть цитировала главы из литературной новинки того времени «Истории государства Российского» Карамзина, знала и любила русскую народную поэзию и сказку. Долгая поездка внуков в имение бабушки Ольшанку в ее дорожной карете была полна занимательных рассказов. «Бабаша», как звали ее в семейном кругу, подметила дарование старшего внука Василия, а позднее и младшей внучки Елены и поощряла их конкурсными заданиями на сюжеты из русской истории и Библии. За лучшее, как в Академии художеств, семейное жюри присуждало медали.

Вера Николаевна культивировала дарование своей дочери Марии Алексеевны, матери Поленовых, о которой сын Василий говорил: «От матери я унаследовал страстную любовь к живописи». Мать была его первым учителем.

Муж Марии Алексеевны, Дмитрий Васильевич Поленов, друг и поклонник Брюллова, устроил ей занятия с брюлловским учеником академиком Молдавским. В доме Поленовых бывал Ф. А. Бруни, высоко почитался Александр Иванов, ставший идеалом поленовской молодежи. Художественная атмосфера, создаваемая матерью, поддерживалась отцом, человеком науки, также горячо любившим искусство.

В тридцатых годах прошлого столетия Дмитрий Васильевич был назначен секретарем посольства («Русской миссии») в Афинах и провел три года в Греции, где познакомился со многими выдающимися людьми научного и художественного мира. Ярко запечатлелась в его памяти встреча с Брюлловым у подножия Акрополя. Встреча с пенсионером Академии

художеств архитектором Р. И. Кузьминым увлекла Д. В. Поленова на раскопки античных древностей и определила дальнейший характер его деятельности. В России он продолжал занятия археологией, был долголетним секретарем Русского Археологического общества, занимался русской историей, разыскивая по архивам северных монастырей древние летописи, которым посвятил ученые труды.

И отец и мать Поленовы содействовали развитию художественного дарования в своих детях.

В конце XVIII века прадед художников, А. Я. Поленов, приобрел землю в Олонецкой губернии (Карелия) на месте владений вымершего рода дворян Вындомских, усадьба которых сгорела. После смерти отца (1851) Дмитрий и Алексей Поленовы, по делам семейного раздела, отправились к дедовским владениям в Олонецкий край. Плыли по Неве, по Ладожскому озеру до устьев Свири и впадающей в нее Ояти. Оттуда по проселочным дорогам к погосту Имоченскому. Речные просторы с их живительным запахом лесной хвои очаровали Дмитрия Васильевича Поленова: он облюбовал место на высоком берегу Ояти, близ селения Окулова гора, и задумал там построиться. Летом 1855 года он приехал туда вместе с женой и детьми, которых к тому времени было пятеро (три сына и две дочери). Временно поместились в наскоро поставленной избе. Старшим детям предоставили для ночлега распряженную дорожную карету. В скором времени здесь был построен по проекту архитектора Р. И. Кузьмина трехэтажное бревенчатое здание с двумя большими террасами и просторными комнатами, в которых удобно размещалась семья даже в то время, когда дети стали взрослыми и семейными. На третьем этаже была отведена светлая комната под мастерскую старшего сына Василия, поступившего в Академию художеств.

Василий Дмитриевич больше всего любил реку. В его ведении были лодки, построенные местными мастерами, удобные для плавания на веслах и «на парусу́». Надо было быть хорошим лоцманом, чтобы плавать по мелководной и каменистой Ояти. Сохранилась сделанная его рукой речная карта с обозначением фарватера: подводных камней, островов, мелей и мест, удобных для высадки. Олонецкие названия чередовались с собственными романтическими названиями, навеянными чтением романов Вальтера Скотта: «Затонувшее судно», «Камень Барбароссы»; «Бабушкиной прогулкой» назывался лесной овраг, в котором три ключа сливались в быстрый и холодный ручей. В ручьях, впадавших в Оять, водились форели («ловьяны»). В глубине лесов были озера, некоторые очень большие, обильные рыбой, поросшие редкими в тех местах кленами, вязами, дикой яблоней. Таким было Мальгозеро. Подъезжая верхом к озеру Кирвезень, окруженному сосновым бором, В. Д. Поленов однажды увидел плавающего белого лебедя, «как в сказке». На Рогозере стая лебедей била крыльями, издавая непонятный, издали загадочный шум. Медведи

подходили близко к жилью, встречались лоси, а в верховьях Ояти водились рыси — такова была в то время дикая и вольная природа Олонецкого края. Редкие селения по берегам реки — «погосты»— хранили стиль древнерусской деревянной архитектуры. Народ, которого миновало татарское иго и по бесплодности земли мало коснулось крепостное право, тоже сохранил облик величавого достоинства древней Руси.

Обе няни Поленовых: Пелагея Михайловна Лепихина (няня сыновей) и Аксинья Ксенофонтовна Булахова (няня дочерей) происходили из крестьян. Они сделались членами семьи, прожили жизнь и умерли в доме своих питомцев, соединяли их с жизнью народа. Любовь к русской поэзии и сказке, вылившаяся в творчестве Е. Д. Поленовой, заложена няней.

Правнуки «первого русского эмансипатора» А. Я. Поленова несли грамотность в народ. В 1866 году они организовали школу в Имоченцах. Совсем еще юная Елена Дмитриевна усердно работала в деревенской школе. Сестры, Елена и Вера Поленовы, прошли медицинские курсы и оказывали первую помощь населению там, где не было врачей. Интерес к жизни и творчеству русского народа и тонкое чутье родной природы истоками связаны с детскими впечатлениями, которые дала жизнь в Имоченцах.

С детства рисование было любимым занятием В. Д. Поленова. Однажды отец рассказывал о том, как цирковая наездница прыгала через кольца, обтянутые бумагой. «И бумага была вся чистая, не изрисованная? Как жалко!» — сказал восьмилетний Вася. Каждый клочок бумаги в его руках населялся миром богатого детского воображения: то появлялись охоты на диких зверей, то битвы, то иллюстрировались нянины сказки. В дневнике матери записано, как Вася иллюстрировал песню «Синица за морем не пышно жила». По тексту песни: синица зажгла море, рыба в нем сварилась, и к берегу пришли «охотники морской ушицы похлебать». На детской картинке были нарисованы наивные фигурки охотников с ружьями и ложками в руках. Сохранился интересный линейный рисунок 1852 года, на котором изображен слон, впервые виденный детьми в зверинце Царского Села. Для рисования Вася уединялся в отцовский кабинет и, примостившись к столу или лежа на ковре, подолгу сосредоточенно рисовал.

Мать — Мария Алексеевна Поленова — сама художница, рано начала в своих детях развивать любовь к рисованию и очень заботилась, чтобы у них были хорошие преподаватели. Первым профессиональным учителем Поленова был П. А. Черкасов, впоследствии инспектор классов Академии художеств. Он бывал в Имоченцах, где под его руководством дети делали карандашные пейзажи с натуры. Но основным учителем Поленовых — брата и сестры — был П. П. Чистяков. Знакомство с Павлом Петровичем началось в 1859 году, когда Василию Поленову было всего 15 лет. По рекомендации врача-гомеопата Дерикера Поленовы пригласили Чистякова, в то время еще ученика Академии художеств. «Помню, что на пер-

вый урок он поставил нам три кубика один на другой и сразу стал требовать очень внимательного рисунка... Затем была поставлена женская маска. Павлу Петровичу понравился у меня фон; помню, как он, указывая на мой рисунок, сказал моей матери: «Мне нравится, как они рисуют, точно играют». (Он тогда говорил о третьем лице во множественном числе.) Скоро я перешел на масляные краски, стал писать натюрморт.

Занимались мы два раза в неделю. Павел Петрович приходил днем и занимался со мной масляными красками, а когда темнело, мы все трое: я, сестра Вера и брат Алексей — рисовали карандашом с гипсовой коровы. Павел Петрович похвалил мой натюрморт: «Они колорист, так составили тон стекла, что и мне не составить».. После натюрморта я писал с лошади бар[она] Клодта. Оба эти этюда сохранились у меня до сих пор»*. (Этюд вороной лошадки хранится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.)

С 1859 года Поленов начал посещать классы Ф. И. Иордана в Академии художеств, но занятия пришлось прервать, так как в 1861 году вся семья, по служебному назначению отца, на два года переехала в Петрозаводск. Старшие сыновья поступили в гимназию. Юный художник, видимо, роптал на перерыв занятий в Академии художеств, и родители снова обратились к Чистякову с просьбой приехать на лето в Имоченцы. Приехать Чистякову не удалось, он ответил письмом, в котором советовал своему ученику продолжать работать самостоятельно и «не сокрушаться о том, что отстанет от Академии: это не может быть.. если вы продолжаете заниматься искусством. Отстать можно тогда, когда пройдет охота, любовь к искусству»**.

Петрозаводская гимназия сыграла большую роль в формировании личности Поленова. Там он встретил человека, под влиянием которого сложились и окрепли его общественно-политические убеждения. Это был молодой преподаватель русской литературы Иван Петрович Хрущов, который вскоре женился на старшей сестре Поленова Вере Дмитриевне. Прогрессивно настроенный талантливый педагог читал курс русской литературы вдохновенно, останавливаясь на ее свободолюбивых страницах. С кафедры петрозаводской гимназии впервые прозвучали для Поленова пророческие слова Пушкина:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

* «П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания». М., 1953, стр. 380—381.

** П. П. Чистяков — Д. В. Поленову. 16 апреля 1862. Архив Поленовых

Как светлую зарю своей юности, Поленов всегда вспоминал шестидесятые годы и лекции Хрущова: «Перебирая в памяти минувшие годы, с каким чувством радости.. я останавливаюсь на светлых, полных упоительных надежд шестидесятых годах. Твоя горячая, талантливая, глубоко человеческая проповедь.. была ярким светом, озарившим нашу начинающуюся жизнь.. ты широко распахнул нам двери в светлый чертог разума.. тот свет, что мы там увидели, был свет истинный. И до сих пор он мне светит и указывает путь»*.

Вернувшись в Петербург в 1863 году, Поленов по желанию родителей поступил в университет, по семейной традиции, на юридический факультет. Это была уступка родителям, считавшим высшее гуманитарное образование необходимым, но душа его рвалась к Академии художеств, которую он посещал сначала по вечерам в качестве вольноприходящего ученика, а вскоре, временно оставив университет, целиком отдался Академии художеств. В 1867 году он окончил курс обязательных занятий и получил полагающиеся серебряные медали по рисунку. Оставалось пройти два конкурса на золотые медали по избранному им классу исторической живописи. Поленов провел их одновременно с курсом университета. В 1869 году получил Малую золотую медаль за программное задание «Иов и его друзья»; в 1871 году он закончил университет и Академию художеств, получив Большую золотую медаль за картину «Воскрешение дочери Иаира».

В обоих конкурсах участвовал и Репин, также удостоенный золотой медали; «ты сразу своим огромным талантом стал во главе русского искусства и продолжаешь быть первым русским художником современности»**, — писал Поленов своему другу через тридцать лет, признаваясь, что Академия была ему родной, что ей он обязан художественным образованием, художественными связями, близкими друзьями. Поленов называл «лучшим местом на планете» ту часть набережной Невы, где находилась Академия художеств. Золотая медаль давала право на поездку за границу на шесть лет в качестве академического пенсионера. В июне 1872 года Поленов из Петербурга выехал в заграничное путешествие.

Из группы мастеров мюнхенской школы Поленов на сей раз выделил Габриэля Макса. Его «Светоч» (ослепленная христианка, раздающая светильники у входа в катакомбы), «Анатом», сцены из Фауста Гёте — произвели на Поленова настолько сильное впечатление, что заслонили фантастические композиции Ганса Макарта, которому в Петербурге на выставках Академии художеств отдавалась дань молодого увлечения.

* Из письма В. Д. Поленова И. П. Хрущову. 22 декабря 1901.
** Из письма В. Д. Поленова И. Е. Репину. 1 ноября 1901.

В Мюнхене Поленов посетил мастерскую исторического живописца Карла Пилоти, принявшего молодого собрата по искусству «как себе равного художника, если не по достоинству, то по стремлению». Поленов ловил каждое слово зрелого мастера: «сначала все с натуры и только с натуры, не подражая никому,— говорил Пилоти,— молодому художнику лучше начинать с так называемого жанра, то есть с картин, которые он берет прямо непосредственно из жизни его окружающей, и только стоя твердо на реальной жизненной почве, переходить к исторической живописи.. только тогда картина будет своим собственным произведением.. без строгого изученья всегда впадешь в подражание или ничтожество»*.

В это время в Мюнхене и в Байрейте, в театре, построенном для исполнения опер Вагнера, шли первые постановки его тетралогии «Кольцо Нибелунга». Впечатление было неизгладимое.

Лето Поленов проводил в загородном доме родителей своего университетского товарища Отто Кюстера на берегу Штарнбергского озера. Музыкальная семья Кюстеров знакомила его с классической музыкой и вводила в курс современных новинок. По обычаю немецких студентов, оба товарища совершали прогулки в горы Баварии, Тироля, Швейцарии. Вспоминая эти прогулки, Василий Дмитриевич пишет: «Видел я горы, большущие-пребольшущие, озера зеленые-презеленые, видел реки разных размеров.. много и другого чего видел, и все-таки скажу, что наша плоская возвышенность роднее и симпатичнее мне, чем все эти чудеса»**.

Из Мюнхена через горы и тунели Швейцарии Поленов проехал в Венецию, Флоренцию и в Рим. Он надеялся по примеру своих предшественников пожить и поработать в Италии, снял мастерскую и устроился, было, оседло в Риме: «Матерьялу и мыслей было много, даже слишком много,— я принялся работать. Сначала дело шло удачно, я был очень доволен.. но слишком поспешная радость не всегда приводит к добру, работа пошла все хуже и хуже, и, несмотря на старание осилить неудачу, я не смог.. я оставил все и уехал из Рима»***. Сначала в Неаполь, оттуда в Кастелламаре, где находился Репин с семьей, где жил и командированный Петербургским университетом от кафедры истории искусства Адриан Викторович Прахов с семьей. Собравшись вместе, они совершили восхождение к пылающему кратеру Везувия, побывали в «Голубом гроте» на Капри и под пение «Вниз по матушке по Волге» плыли по Неаполитанскому заливу. Вместе с Репиным Поленов посетил мастерскую Доменико Морелли, итальянского исторического живописца, писавшего на евангельские темы. Строгая простота и реалистическая трактовка евангельских легенд отозвались в более позднем периоде творчества Поленова.

* Из письма В. Д. Поленова П. Ф. Исееву. Париж, 16, 17 декабря 1873.
** Из письма В. Д. Поленова И. Е. Репину. Рим, 15 февраля 1873.
*** В. Д. Поленов — П. Ф. Исееву. Париж, 2 января 1874.

Обветшалая живопись академического направления, заполонявшая тогда Италию, претила художникам. Угнетало их соединение исторических развалин с нищетой и грязью народных кварталов. Поленов чувствовал себя в Италии, «как-то без почвы, без смысла», расслабляющая жара действовала на него, «жителя обонежских лесов, очень отупляюще». Вырвавшись на два месяца в Россию и добравшись до Имоченец, он вздохнул полной грудью: «Я в деревне!..— писал он С. И. Мамонтову,— какой у нас сосновый воздух! Итальянцы не подозревают, что такой на свете существует»*.

Однако пребыванию в Риме суждено было во многом решить дальнейший творческий и жизненный путь Поленова. Он познакомился с семьей москвичей Саввы Ивановича и Елизаветы Григорьевны Мамонтовых. Соединение этих двух очень разных людей, дополнявших друг друга, создавало на чужбине привлекательный очаг русского одухотворенного уюта. Савва Иванович, «человек насквозь пропитанный искусством», откликался на все прогрессивное, что создавалось в художественном мире. Его тянуло к людям искусства, они становились его друзьями, вокруг него всегда зарождалась творческая жизнь. Елизавета Григорьевна, друг Антокольского, Васнецова и товарища своих сыновей Серова, который любил и ценил ее, как родную мать, привлекала теплотой отношения к людям и жизнеутверждающим духом своей светлой личности. Люди разных слоев общества, связанные с искусством и культурой, собирались вокруг этой семьи. В Риме они образовали артистический кружок, где проводили время за чтением, ставили спектакли, всей компанией совершали поездки к древним руинам, веселились на традиционном римском карнавале. В эту компанию входили: Антокольский с женой, Прахов с женой, Поленов, композитор М. М. Иванов, проездом в Неаполь был Репин с женой, бывал поэт Голенищев-Кутузов. Зиму жила там семья Оболенских — мать и две дочери. Младшая, юная Маруся, стягивала к себе все симпатии и была центром оживления. Между Поленовым, тоже жизнерадостно настроенным, и восемнадцатилетней Марусей завязалась дружба с оттенком более глубокого и нежного чувства. Но Маруся заболела и в несколько дней умерла от воспаления легких. Трагедия, безжалостно оборвавшая юную жизнь, ужасом поразила окружающих. Поленов переживал ее как тяжелое личное горе. Радостное оживление покинуло мамонтовский кружок. Понемногу все начали разъезжаться. Уехал и Поленов.

Хотя ему казалось, что он покинул Италию, ничего не сделав, время показало иное. В Риме была начата его первая историческая картина «Право господина». Там же, под впечатлением смерти Маруси Оболенской

* В. Д. Поленов — С. И. Мамонтову. Имоченцы, 29 июля 1873.

и болезни студентки Лизы Богуславской, умершей от туберкулеза, зародились первые замыслы картины «Больная», в которой звучат отголоски одного из любимых им романсов Шуберта «Смерть и девушка» («Я молода еще — мне рано умирать»). В это время сделаны наброски и зарисовки с больной Лизы и первые эскизы к картине.

Летом 1873 года Поленову удалось пожить в Имоченцах, проехать в Москву и в подмосковную усадьбу Мамонтовых Абрамцево. Здесь, в обаянии поэтичного уголка русской природы, деревенской тишины и обстановки дома Мамонтовых, в котором все дышало искусством, он понял, что это не временное знакомство, а глубокая нерасторжимая внутренняя связь. «Вспоминаю я мое первое посещение Абрамцева осенью 1873 г., — писал он Мамонтову по прошествии многих лет, — оно неизгладимо запечатлелось в моей памяти.. Это короткое пребывание в вашей деревне озарило меня таким чудным светом, что он до сих пор светит мне путеводной звездой»*.

В Италии Поленов ближе сошелся с Репиным, с которым в Петербурге не было достаточного времени общаться: Академия художеств и университет поглощали все силы. Поленова тянуло в круг товарищей, собиравшихся на вечера Артели под руководством Крамского. Там бывали Репин, Васильев, Шишкин, Савицкий, Антокольский — все те, кто строил новую реалистическую школу в России. Но Поленов боялся, целиком погрузившись в искусство, не кончить университет и не сдержать слово, данное отцу. Он сознательно воздерживался от общения с товарищами.

В Италии, на чужбине, художники лучше поняли друг друга и теснее сблизились. «Малый он чудесный, — писал Репин Крамскому, — в Италии я с ним гораздо более сошелся.. мы, что называется, душу отводили. Товарищ он хороший. Мы мечтаем о будущей деятельности на родной почве»**. Осенью 1873 года Репин перебрался в Париж, снял мастерскую на Монмартре и устроился на оседлую работу. Вслед за ним и под его влиянием приехал туда Поленов.

В Париже в те годы собралась целая компания выдающихся русских художников. Они сгруппировались вокруг профессора живописи, пейзажиста Алексея Петровича Боголюбова, которому Академия художеств поручила оказывать содействие своим пенсионерам. На его вечерах бывали Дмитриев-Оренбургский, Репин, Поленов, Савицкий, Беггров, талантливый польский художник Шиндлер. Боголюбов был дружески связан с Тургеневым, бывали у него А. К. Толстой, пианистка и композитор В. С. Серова, которая жила в Париже со своим маленьким сыном, ставшим впоследствии замечательным художником. В мастерской Бого-

* В. Д. Поленов — С. И. Мамонтову. Москва, 6 апреля 1900.
** И. Е. Репин — И. Н. Крамскому. Рим, 2 сентября 1873.

любова собирались в условленные дни для занятий офортом и керамикой, устраивали вечера с живыми картинами и талантливым юмором. Художники гримировали друг друга, сочиняли костюмы, придумывали мизансцены и просто от души веселились.

Тургенев ввел Поленова в салон Полины Виардо, где собирался весь музыкальный Париж. Серьезная музыка чередовалась с веселыми танцевальными вечерами. Вместе с молодежью веселился Тургенев, ставивший шарады, а Сен-Санс, по словам Репина, аккомпанировал танцам с таким энтузиазмом, что «чуть на голове не ходил».

Богатство и разнообразие жизненных впечатлений не мешали строгому изучению музеев и посещению выставок, в которых Поленов и Репин были неразлучны. Оба они с большой любовью и благодарностью относились к Боголюбову. Репин писал Стасову: «Боголюбов очень много делает для русских молодых художников: достает работы и печется, как о своих детищах, спасибо ему, молодец»*.

По совету Боголюбова художники провели лето 1874 года на берегу океана в местечке Вёль (Нормандия).

На берегу величественного океана с его приливами и отливами, среди «тружеников моря» — нормандских рыбаков, утверждался талант Поленова-пейзажиста. Г. Г. Гагарин (вице-президент Академии художеств), посетивший мастерские пенсионеров в Париже, отметил это дарование. То же отметил позднее и Стасов: из всей отчетной выставки художника в 1876 году он избрал пейзаж с белой нормандской лошадкой на берегу океана в местечке Вёль: «Этакую картинку с пропастью солнца и воздуха, с такими рельефными камушками и песком, с таким чудесным переливом зелено-голубых волночек, умирающих и заливающихся в песок, я вечно хотел бы видеть у себя перед глазами»**. В Нормандии в местечке Этрета́ написан Поленовым превосходный пейзаж: черная, засмоленная рыбацкая лодка с черными парусами на фоне океанского прибоя (Третьяковская галерея). Но ни сам художник, ни его друзья в то время не придавали серьезного значения этим шедеврам.

Считая себя обязанным отчитываться перед Академией художеств по исторической живописи, Поленов работал над сюжетными историческими картинами. В Париже окончил начатое в Риме «Право господина». Картина, принятая и выставленная на Весеннем Салоне 1874 года, куплена П. М. Третьяковым. Вторая картина — «Арест гугенотки» — была куплена Александром III для предполагаемого музея русской живописи (ныне Государственный Русский музей). Поленову хотелось выставить картину на Передвижной и вступить в Товарищество, но администрация Академии

* И. Е. Репин — В. В. Стасову. Париж, 16/28 декабря 1874.
** В. В. Стасов — В. Д. Поленову. Петербург, 3 января 1877.

художеств воспротивилась этому и выставила картину на отчетной академической выставке 1875 года. Обе картины написаны в традициях французских исторических живописцев, под влиянием Делароша, но обличительная трактовка сюжета русская. Картина «Право господина» навеяна путешествием по развалинам средневековых замков Германии. Вспомнились страшные своей жестокостью законы, которые Поленов изучал как студент юридического факультета. «Право господина» («право первой ночи») и «Арест гугенотки», как и большинство картин Поленова, проникнуты сочувствием к судьбе угнетаемой женщины.

Два больших художественных увлечения, разделенных Репиным, яркими вспышками осветили пенсионерские годы Поленова. Блестящий колорист Анри Реньо со своим девизом «Haine au gris» («долой серое») захватил их на Венской Всемирной выставке 1873 года, где они впервые увидели его картины. Трагическая судьба художника — героя-патриота, убитого в день последней вылазки из осажденного Парижа 19 января 1871 года,— усиливала интерес к его личности. Похороны Реньо, совпавшие с капитуляцией Парижа, обратились в демонстрацию народного траура. Впечатление этой драмы было свежо в 1873 году. Поленов и Репин зачитывались письмами художника, опубликованными его другом Дюпарком. Конный портрет генерала Прима, в окружении восставших крестьян осадившего гнедого андалузца, «Саломея», «Казнь без суда» и другие репродукции с картин Реньо хранятся в собрании Музея-усадьбы В. Д. Поленова. Однако на творчество Поленова Реньо не оказал влияния. Иначе было с другим увлечением, которое охватило всех художников, видевших посмертную выставку испанца Мариано Фортуни в 1875 году. Перед Фортуни преклонялся и Реньо: «я провел день у Фортуни,—писал он Дюпарку,— и у меня руки опустились. Он поразителен.. У него чудеса живописи! Это мастер учитель для всех нас. Если бы ты видел те две, три картины, которые он заканчивает, и его последние акварели!!! Вот отчего мои мне опротивели!*

Много разговоров и споров возникло вокруг имени Фортуни. Крамской с позиций передвижничества, взыскательный к идейному содержанию картины, отрицал блестящее внешнее творчество Фортуни. Репин, захваченный этим ярким художественным явлением, писал Крамскому: «Слава его сделана.. художниками всего света.. Они.. раскупили большинство его набросков, как редкость, как бриллианты». Поленов сравнивал Фортуни со сверкающим метеором на фоне обыкновенных звезд. Полет этого метеора яркой вспышкой озарил художественные будни и несомненно оставил искры на палитре Поленова. От черноты ранних работ и сдержанной серо-зеленой гаммы семидесятых годов он переходит к кон-

* Анри Реньо — Дюпарку. Рим, 1869. Переписка Анри Реньо. Париж, 1872.

трастным задачам колорита, которые блестяще разрешились в этюдах Востока, а в более поздние годы влекли его к мотивам русской золотой осени.

В конце пребывания в Париже Поленов задумал написать большое многофигурное полотно «Пир у блудного сына». Судя по сохранившимся эскизам (Третьяковская галерея) и неоконченной картине (Музей-усадьба В. Д. Поленова), колористический замысел художника был очень интересен: на фигуры пирующих в тени интерьера египетского храма падают горячие отблески тканей, натянутых между колоннами, капители которых вырисовываются на синем небе. «Сюжет роскошный, певучий, — писал ему Чистяков, — по сюжету и живопись»*. Но начатому не суждено было вылиться в законченное произведение.

Осенью 1874 года, к большой радости молодого художника, стронулся с обжитого места в Петербурге и приехал пожить с ним в Париже его отец. Съехались и другие члены семьи: мать, сестры и старший брат. В это пребывание Поленов написал превосходный портрет своей любимой старшей сестры Веры (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

В Париже посещал его Ф. В. Чижов, которого в семье любили как родного, чтили как старшего друга-наставника. Чижов, физик по образованию, горячо интересовался искусством, был другом Александра Иванова и Гоголя, писал статьи об итальянской живописи. В Париже он имел связи в художественном мире и устраивал посещения закрытых частных галерей. Переписка с Чижовым много давала Поленову. Ему он высказывал свои рабочие планы, делился сомнениями в трудные минуты, иногда спорил, защищая путь реалиста-демократа, который считал единственно правильным.

Идеи социализма, все с большей силой выступавшие в прогрессивном сознании Европы, приходили и в мастерские русских художников. В поисках сюжета, созвучного его настроению, Поленов от «Блудного сына», не задевавшего живых струн его творчества, перешел к «Лекции Лассаля в рабочем клубе». Письма показывают, какова была реакция патриархальной семьи из Петербурга. Сестры упросили его щадить родителей и не портить своего пути художника «печатью неблагонадежности», которая свяжет ему руки в будущем. Картина не осуществилась. Сохранились этюды рабочих (Музей-усадьба В. Д. Поленова), карандашные эскизы в альбомах и эскиз, сделанный художником в старости, в послереволюционные годы.

В 1876 году Париж посетили И. Крамской и В. Васнецов. Всей компанией ходили по музеям, выставкам и окрестностям Парижа, бродили по спящим улицам Монмартра и без конца спорили, обсуждали. Стержнем всего, что захлестывало, возмущало или радовало, было молодое русское

* П. П. Чистяков — В. Д. Поленову. Петербург, 1 декабря 1875.

2 Заказ 234

искусство, рвавшееся из застарелых академических норм на широкую дорогу реализма, от условного к народному содержанию, к отражению жизни. Эти встречи и разговоры еще сильнее звали на родину, разжигали жажду деятельности в России.

С отъездом Репина в 1876 году Париж опустел для Поленова. Продолжительная разлука с родиной сказывалась на работе, в которой чувствовалась беспочвенность и пустота. «Приезжай, приезжай к нам, к мужикам,— писал Репин из Чугуева,— как заблестит перед тобой наша русская действительность, никем не изображенная. Как втянет тебя до мозга костей ее поэтическая правда, как станешь ты постигать ее, да со всем жаром любви переносить на холст, так сам удивишься тому, что получится перед твоими глазами..»*

Выхлопотав разрешение Академии художеств, Поленов в конце июля 1876 года досрочно вернулся в Россию.

Холодный, чиновничий Петербург не произвел на Поленова хорошего впечатления. В Академии художеств после вольного Парижа его поразил общий застой, «стоячее болото», «всасывающая трясина». Не теряя времени, он устремился в Имоченцы, где проводил, не расставаясь с этюдником, счастливые дни вместе с младшей сестрой, в лесах и на реке. От этого пребывания на родине сохранился превосходный законченный портрет местного сказителя былин Никиты Богоданова (Третьяковская галерея). Крамскому он писал: «Репин одобрил, говорит, что другой человек писал, что парижские вещи, в сравнении с этими, без натуры писаны. Хотелось бы, чтобы Вы посмотрели, я очень ценю Ваше мнение и дорожу Вашим одобрением»**.

В Петербурге в залах Академии художеств Поленов и Репин выставили свои работы, написанные за границей. Петербург мало привлекал обоих художников: Репин уехал к себе на родину в Чугуев, а Поленов устремился добровольцем в Сербию, а затем, по желанию наследника***, участвовал в качестве фронтового художника в русско-турецкой войне. Не радостно было его настроение, ужасы войны не рождали творческих замыслов, а настоящая своя работа, тоже творчески не найденная, оттягивалась и ускользала.

Еще будучи в Париже, Поленов и Репин сговорились, вернувшись на родину, устроиться в Москве.

Летом 1877 года Репин с семьей переехал в Москву, там же обосновался и Поленов со своим товарищем художником Р. С. Левицким, сняв квар-

* И. Е. Репин — В. Д. Поленову. Чугуев, 20 января 1877.
** В. Д. Поленов — И. Н. Крамскому. Петербург, 12 сентября 1876.
*** С 1881 г. — император Александр III.

тиру в Трубниковском переулке. Здесь, несмотря на досадную потерю времени на войне, Поленов подготовил к Передвижной выставке 1878 года в Москве картину «Московский дворик» (Третьяковская галерея). В это же время написаны «Заросший пруд» (Третьяковская галерея), «Старая мельница» (Серпуховской музей), «Пруд с лягушками» и «Черная олонецкая лодочка на Свином ручье». Все эти картины проникнуты радостью возвращения на родину, к тому, что с детства близко, дорого и понятно.

Сдержанный и строгий судья Крамской, развесив работы Поленова на «громовой» Передвижной выставке 1879 года, на которой были «Царевна Софья» Репина, «Осужденный» Маковского, «Березовая роща» Куинджи и другие картины, вошедшие в историю русского искусства, не мог удержаться от восклицания: «Поленов молодец!»*

Этот творческий взлет художника совпал с охватившим его большим чувством любви к женщине. Возвращаясь из Киевской губернии, где проводили лето его родители, он по дороге встретил певицу Климентову, первую исполнительницу роли Татьяны в первой постановке оперы Чайковского. По отзывам современников, романсы Шумана, Шуберта и Чайковского звучали в ее исполнении с незабываемой красотой. Поленов, страстный любитель музыки, восхищался талантом этой женщины, любил ее со всей силой человека, первая молодость которого была позади. Но отклика, равного своему чувству, не имел.

Жизнь в Москве складывалась очень насыщенно. Из Трубниковского переулка Поленов с Левицким переехал на Девичье поле во флигель среди громадного сада, спускавшегося к Москве-реке. Тут же, совсем близко, в Теплом переулке жил Репин. Художники постоянно общались; к ним присоединялся Васнецов, они совершали увлекательные прогулки по окрестностям Москвы и древним историческим монастырям.

Задумав картину из русской истории, которую— Репин в одном из писем назвал «Пострижение негодной царевны», очевидно, навеянную изучением допетровских законов на том же юридическом факультете, Поленов написал серию превосходных интерьеров московских соборов и монастырей (Третьяковская галерея, 1877). Но картина не была написана, эскизы также не сохранились. Видимо, их и не было.

Репин устраивал у себя рисовальные собрания, привлек Сурикова. Здесь же Поленов встретил Н. Д. Кузнецова, с которым впоследствии близко сдружился.

В доме Мамонтова, где все эти художники были приняты как родные, кипела жизнь искусства. Мамонтов был музыкален, в юности учился петь в Италии, был страстным театралом, под влиянием Антокольского занимался скульптурой. Талантливая натура сказывалась во всем, что

* И. Н. Крамской — И. Е. Репину. Петербург, 25 февраля 1879.

он делал, и это привлекало незаурядных людей самого разного склада. «Сколько художников жило и живут душа в душу с этой семьей! — говорил Васнецов на юбилейном вечере мамонтовского кружка,— так крепко привлекает нас всех к этой семье, конечно, и ласка хозяина и хозяйки дома, но.. есть и нечто другое, и это другое — живая художественная душа их обоих и творческий талант самого Саввы Ивановича, по некоторым особенным чертам редкий. Эта художественная жилка проявляется в нем многоразлично: и в скульптуре, и в музыке, и в особенности в драматическом поэтическом искусстве. Но самая характерная его черта как человека — это способность возбуждать и создавать кругом себя энтузиазм: работая с ним, немудрено взвиться и повыше облака ходячего» *.

В доме Мамонтова зародилось театральное дело. Под Новый, 1879 год Поленов повторил у Мамонтовых живые картины боголюбовских вечеров: «Русалки», «Демон и Тамара», «Апофеоз искусств», а на следующий год поставил трагедию Майкова «Два мира», сам играл заглавную роль Деция, представителя античной культуры, которому противопоставлялась юная христианка Лида. Роль Лиды, близкую ее внутреннему складу, проникновенно исполняла Е. Г. Мамонтова. Эти высокохудожественные спектакли так увлекли и подняли настроение, что за ними в течение многих лет следовали одна за другой замечательные постановки Поленова, Васнецова, а затем Серова, Остроухова, Коровина, Врубеля. Дело, переросшее домашнюю сцену, в 1885 году было перенесено в организованную Мамонтовым Частную оперу, где публика впервые увидала новый оперный репертуар русских композиторов: Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова в исполнении свежих молодых сил, среди которых сформировался могучий талант Шаляпина. Театр Мамонтова опрокидывал обветшалые условности оперных спектаклей. На место затасканной мишурности казенных постановок явилась историческая правда и выдержанность стиля в творчестве лучших мастеров эпохи.

Художественные праздники не мешали упорной повседневной работе Поленова в мастерской. Он сообщает точное распределение своего рабочего дня, которое нарушает лишь изредка, чтобы на хорах, вдали от знакомых, послушать симфоническую музыку.

В это время написан им первый вариант картины «Больная» (Государственный музей в Риге). И. П. Хрущов, побывавший в мастерской Поленова, писал: «Он работает картины: две из болгарской войны — небольшие и большую, которая очень понравилась Тургеневу,— «Умирающая». Постель, на ней больная,— у постели записывает последнюю

* Из речи В. М. Васнецова, произнесенной на 15-летнем юбилее мамонтовского кружка в январе 1894 г.

волю гостья. Обстановка бедная, студенческая. Вся прелесть в выражении лица умирающей»*.

Творческое оживление, не покидавшее дом Мамонтовых, на несколько дней вывело Поленова из его рабочего затворничества: его просили принять участие в постановке пьесы С. И. Мамонтова «Иосиф».

Поленов, еще не побывавший в Египте, использовал для декораций свои парижские эскизы к картине «Пир у блудного сына». Об этих спектаклях Васнецов говорил: «почти все мы.. со славой поработали не только кистью, но и на сцене были не последними. Поленов сколько ролей прошел: прекрасный был Деций, с Елизаветой Григорьевной [Мамонтовой в роли христианки Лиды], Камоэнс, Репин — прекрасный Бермята, Неврев тоже. О Серове и говорить нечего: и балерина, и декоратор, Фатима, купец измаильтянский, черкес и кто еще, не знаю сегодня. Калиныч — Врубель тоже сегодня прекрасно играл. Помню и почтенного профессора Поленова, пишущего декорации: весь в белилах, саже, сурике, охре,— глаз не видно, и тут же роль разучивает. С Репиным чуть не побранились за право писать декорацию..» Друг Мамонтова профессор Петр Антонович Спиро так играл Царя Берендея, «что и век не забыть,—говорил Васнецов,— такого царя Берендея, боюсь, русская сцена не увидит, жаль, что и Островский не видал»**. Редкая музыкальность Мамонтова и Спиро, обладавшего лирическим тенором, придавала вечерам особую красоту и поэзию.

Поленов урывал время от основных дел и увлекался композицией. Им написана оратория на слова трагедии Майкова «Два мира» и музыкальное сопровождение к этой постановке на мамонтовской сцене. В то же время он работал над симфонией, которую посвящал старшей сестре, своему близнецу, которая была для него самым близким другом и которой суждена была недолгая жизнь (Вера Дмитриевна Поленова скончалась в тридцатисемилетнем возрасте). Последнее лето они вместе провели в Имоченцах.

Лето было жаркое с освежающими грозами. В Имоченцах собралась музыкальная компания, устраивали домашние концерты, исполняли ораторию Поленова «Два мира». Совершали далекие прогулки по лесам и Ояти. Пребывание на воздухе укрепило силы Веры Дмитриевны. Она не разлучалась с братом: сопровождала его на этюды, с книгой для чтения вслух. В это лето Поленов написал несколько этюдов Ояти, среди них замечательный этюд «Оять на профиль» (очевидно, по семейному названию леса на горизонте, очертанием похожего на человеческий профиль). Этюд был разработан в большую пейзажную картину (1886). Сохранился

* И. П. Хрущов — Е. Д. Поленовой. Петербург, июнь 1880.

** Из речи В. М. Васнецова, произнесенной в день 15-летнего юбилея мамонтовского кружка.

в семье этюд «Ванька с Окуловой горы» и портрет того же сказителя былин Никиты Богоданова. Все это работы высокого художественного мастерства.

После жаркого лета настала теплая осень со вторым цветением яблонь, и сразу ударила суровая зима. Ранний ледостав отрезал водные пути. Путешествие до Петербурга в возке, сооруженном для Веры Дмитриевны, длилось пять дней. Она стойко переносила все путевые невзгоды, но, добравшись домой, вскоре слегла и 7 марта 1881 года умерла от плеврита. Ее памяти Поленов посвятил картину «Больная» (Третьяковская галерея). Чертам лица девушки он придал сходство с сестрой, с нее написана тонкая, нежная рука, лежащая на подушке. Личное чувство художника, вложенное в картину, составляет силу ее воздействия на зрителя, помимо превосходно написанных аксессуаров вокруг лампы, бросающей отблески зеленого абажура на столик и фигурку умирающей.

Со смертью Веры Дмитриевны переломная черта легла через жизнь Поленовых. Петербург отошел в пережитое и завершенное прошлое. Началась оседлая жизнь в Москве среди новых людей, с новыми творческими исканиями.

В семье Поленовых крепко жили традиции двух великанов русского искусства — Брюллова с его прославленным «Последним днем Помпеи» и Александра Иванова, творца картины «Явление Христа народу», которая была путеводным идеалом молодого Поленова.

В лице сына, вставшего на путь исторического живописца, родители в тайных мечтах надеялись увидеть продолжателя этой высокой живописной традиции. «Пиши, благословясь, большую картину. Не разменивай себя на мелочь»*, — просила мать, когда он работал в Париже. Отец, не считавший себя вправе навязывать сыну своих мнений, умер, не высказав заветной мечты. Друзья художники, друзья мамонтовского круга — все ждали от Поленова монументального полотна, с большим содержанием. Легенда о Христе и грешнице, рассказанная евангелистом Иоанном, с ученических лет привлекала внимание Поленова. В 1867 году, будучи учеником Академии художеств, он сделал эскиз-рисунок на эту тему. В Париже, весь проникнутый впечатлениями выставки Фортуни, в очень оригинальном, колоритном эскизе 1876 года (Третьяковская галерея), он снова вернулся к тому же сюжету. Чтобы правдиво воссоздать обстановку евангельской легенды, Поленов в 1881 году поехал на Восток. С этюдником и альбомами объездил Египет, Палестину, Сирию, побывал в Греции и привез богатое собрание превосходных пейзажей, архитектурных и жанровых зарисовок. Не было в них внешнего блеска дешевой ориентальной экзотики, а все та же, свойственная ему тонкая правда о земле, с которой неразрывно связана жизнь простого человека. Народный худож-

* М. А. Поленова — В. Д. Поленову. Петербург. 4 апрела 1875.

ник СССР В. Н. Бакшеев писал, что он «пережил восторженное состояние перед работами В. Д. Поленова, выставившего серию палестинских этюдов на выставке Товарищества передвижников. Какая красота, какая радость, какая чудная гармония красок, как много в них солнечного света.. Эти этюды — гимн в честь красоты и очарования природы»*.

С таким драгоценным материалом художник вступил в новую полосу своего творческого пути — осуществления картины «Христос и грешница».

В 1882 году Василий Дмитриевич Поленов женился на серьезной, преданной ему девушке, с которой встретился в семье Мамонтовых. Его молодая жена, Наталья Васильевна Якунчикова, поставила своей задачей — помочь ему осуществить задуманную картину «Христос и грешница». Зиму 1883/84 года они провели в Риме в совместной работе над материалами. Поленов писал этюды с итальянских натурщиков и вырабатывал эскизы, жена читала ему вслух книги Ренана, под влиянием которого задумано воплощение евангельского рассказа. Они окружили себя литературой и увражами по архитектуре и быту отдаленной эпохи. Работа шла плодотворно и увлекала обоих.

В Москве тем временем осталась младшая сестра Елена Дмитриевна с матерью. Соединившись в одну семью, Поленовы сняли старый особняк графа П. И. Толстого близ Екатерининского парка. В те годы этот район, да и вся почти Москва, носили характер полугорода, полупровинции с огромными садами, весной покрытыми коврами синих подснежников, с липовыми аллеями и заросшими прудами.

Рассказывая Стасову о своем творческом пути, Е. Д. Поленова писала: «я себя считаю исключительно ученицей Чистякова. Я начала брать у него уроки, мне было девять лет»**. Чистяков, дававший серьезные уроки старшим детям Поленовых, охотно принимал в свою компанию серьезную и усидчивую девочку.

С 1864 года, пока Чистяков находился в Италии, Е. Д. Поленова занималась у Крамского в Школе поощрения художеств и брала у него частные уроки дома. Зиму 1870 года она вместе с замужней сестрой В. Д. Хрущовой проводила в Париже, с увлечением работая в мастерской художника Шаплена, но франко-прусская война оборвала эти занятия. Е. Д. Поленова подолгу жила в Киеве у сестры, муж которой был инспектором Института благородных девиц. Обе сестры занимались в школе для детей служащих института, а в годы русско-турецкой войны работали в добровольческом санитарном отряде. Только в 1879 году, вернувшись в Петербург, Поленова снова поступает в Школу поощрения художеств и с медалями кончает ее по классу керамики и акварели.

* Воспоминания В. Н. Бакшеева. 1950.

** Е. Д. Поленова — В. В. Стасову. Москва, 12 ноября 1894.

После возвращения Чистякова из Италии (1870) она пользуется каждым своим пребыванием в Петербурге, чтобы возобновлять с ним занятия акварелью и пишет под его руководством этюды головы с натуры.

В 1880 году Школа поощрения художеств командирует ее в Париж для изучения керамического дела. Работа в мастерских знаменитых керамистов Парижа увлекает художницу, и возможность внести свои знания в русскую керамику представляется ей заманчивой перспективой.

Смерть сестры и переезд в Москву обрывают налаженный строй занятий и планы Поленовой. Москва для нее чужой город, где не завязано ни дружеских, ни художественных связей. Но она вступает в новую полосу своей жизни как отмеченный Чистяковым, Репиным и братом — тонкий художник акварелист. Находясь в путешествии в сердце Египта, брат вспоминает о ней и спрашивает у матери: «что ее акварели? Сделала ли она на выставку, что предполагала. С наслаждением вспоминаю об них и о том времени, когда с нею вместе писали»*. Когда эти свежие тонко проработанные акварели появились на выставке в Школе поощрения художеств, они привлекли всеобщее внимание. Сам Чистяков сказал Репину, что «они сделали бы честь самому пресловутому мужчине-художнику»**, а Репин просил Поленова поцеловать ей руки за такие шедевры (имеются в виду акварели 1881 года, написанные в Ольшанке, находятся в Музее-усадьбе В. Д. Поленова). Окрыленная высокой оценкой больших художников, оставшись в Москве, в окружении парка с тихой гладью прудов и великолепными цветущими зарослями, Поленова отдается своей любимой «увлекательной беседе с природой». Пейзажный этюд летом с натуры составляет существенный интерес ее жизни.

Поздним летом 1884 года Поленова вместе с семьей Антиповых совершила поездку по Волге от Нижнего до Астрахани, оттуда на Кавказ по Военно-Грузинской дороге и от Батума до Ялты. Из путевых акварелей она сделала обработки и увеличения для Периодической выставки, на которой ежегодно выставлялись и раскупались ее акварели. На этот раз к ее большой радости две акварели приобрел для галереи П. М. Третьяков: «С этой минуты поверилось только, что я точно художник»***. Но вместе с тем она говорила, что грандиозные виды ей чужды и оставляют ее холодной. Возвращаясь от красот Кавказа и Крыма к облюбованным зарослям толстовского дома, она писала П. Д. Антиповой 21 января 1885 года: «это мне близко и дорого — это мне и удается».

Кроме московских уголков, созвучных ее творчеству, целый мир природы открылся в Абрамцеве, куда она ездила во все времена года,

* В. Д. Поленов — М. А. Поленовой. Египет, 12 января 1882.
** И. Е. Репин — В. Д. Поленову. Петербург, ноябрь 1882.
*** Е. Д. Поленова — П. Д. Антиповой. Москва. 21 января 1885.

особенно восхищаясь деревенской зимой. Отношения с людьми складывались благоприятно. Крепкая дружба связала Поленову с Е. Г. Мамонтовой. Вошедшая в семью невестка — жена В. Д. Поленова — незаурядный человек, была полна желания внести теплоту и художественное оживление в семью, опустошенную смертью отца и старшей сестры.

С 1882 года В. Д. Поленов стал преподавателем в Училище живописи, ваяния и зодчества и привлек в дом самых талантливых учеников. Под руководством В. Д. Поленова устроили рисовальные и акварельные собрания. Их охотно посещали Васнецов, Неврев, Киселев; наездами из Петербурга — Репин, Чистяков, Боголюбов; рисовали и писали ученики — Левитан, К. Коровин, Архипов, С. Иванов, Головин, Пастернак, Щербиновский, Виноградов; их друзья—Остроухов, Серов, Нестеров, А. М. Васнецов, Врубель, позднее младшее поколение—Мария Якунчикова, Татевосян и другие. Вспоминая об этом времени, Остроухов писал: «Как художник исключительной величины Василий Дмитриевич стоял в центре этой интимной художественной жизни и направлял ее, но делал это незаметно.. точно открывал широкое окно, в которое лился светлый и бодрый художественный воздух» *. «Четверги идут все более и более оживленно. Последние два раза позировала группа из трех мальчиков итальянцев. Ободранные шарманщики, ужасно живописные и веселые ребятишки. В промежутках они играют и поют свои народные песни, и этим еще придают оживление собравшемуся обществу»**. Собрание рисунков и акварелей поленовских вечеров, хранящееся в Музее-усадьбе В. Д. Поленова, представляет большую художественную ценность. Этюд Остроухова «Итальянские музыканты», подаренный им Н. В. Поленовой,— тонкий, законченный жанровый этюд.

В один из весенних дней, когда художники собрались, а рисовать не хотелось, вздумали расписывать стол-шкафик, который употребляется в кухне, всякой всячиной во вкусе древнерусской живописи. Васнецов расписал дверь на самом главном фасаде изображением стилизованных птиц на фоне стилизованной растительности. Это занятие понравилось художникам. В Абрамцеве Е. Д. Поленова привлекла к нему мамонтовских подростков, которые с увлечением и усидчивостью расписывали мебель по ее рисункам. Семейные занятия она вынесла в столярную мастерскую, организованную Е. Г. Мамонтовой. Общение с деревней показало, что роспись деревянной утвари еще живет в народе. Поленова нашла мастера, который с двумя учениками подростками расписывал посуду и объяснил ей, что он навыкал около тятеньки, тятенька посуду расписывал. Дедушка — дуги расписывал. Не умерло и резчицкое искус-

* Из воспоминаний И. С. Остроухова. Москва, 1928.
** Е. Д. Поленова — П. Д. Антиповой. Москва, 23 ноября 1884.

ство. «Цель наша подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться»; «мы ищем вдохновенья и образцов, ходя по избам и приглядываясь к тому, что составляет предметы их обихода» *. Применив резчицкое дело в столярной мастерской, Е. Д. Поленова достигла того, что оно разрослось в так называемое Абрамцевское производство, со складом и магазином в Москве, а в 1900 году на Всемирной Парижской выставке силами Абрамцевского производства под руководством художников был оборудован замечательный отдел русского народного творчества.

Чтобы разнообразить занятия на художественных собраниях, Е. Д. Поленова ввела керамические вечера, которые оказались отдыхом от живописи. Поленова с увлечением применяла знания, полученные в Школе поощрения художеств и в мастерских Парижа. Эти вечера послужили началом гончарного дела, организованного в Абрамцеве сыном Мамонтова Андреем и Врубелем. Впоследствии оно расширилось в большое производство, во главе которого стоял С. И. Мамонтов.

В 1886 году выделился кружок любителей археологии, в который входили не одни художники. Занятия, связанные с изучением древних памятников Москвы и окрестностей, шли успешно и с большим интересом. Несомненно, они отразились в творчестве А. М. Васнецова с его циклом картин о старой Москве.

Работа над русским пейзажем навела Поленову на мысль «выразить поэтический взгляд русского народа на русскую природу, выразить связь почвы с выросшими на ней произведениями. Сюжетом для этого буду брать сказки, песни, различные поэтические поверья»**. Первая сказка, созданная Поленовой «Белая уточка», иллюстрирует текст сборника сказок Афанасьева. Навеяна она прудами толстовского сада, утками и маленьким Федей, сыном Поленовых, который послужил моделью для ребяток в гнезде белой уточки. Вторая сказка — «Война грибов» — зародилась в дорожной карете бабушки Воейковой по пути в ее тамбовское поместье Ольшанку: «я вспомнила «Войну грибов» в той редакции, как я слышала ее от своей бабушки в очень раннем детстве.. постаралась перенестись в то далекое время, когда, слушая тот рассказ, я представляла себе в лесу миниатюрные поселки, монастыри и города, выстроенные, так сказать, в грибном масштабе, в которых живут и действуют эти удивительные существа, так как в детском разумении гриб — это существо совсем живое и очень привлекательное» ***. Воплотить сказку помогло художнице Абрамцево с его дубовой рощей, где некогда старик Аксаков с Гоголем собирал белые грибы. Последняя картинка, изображающая поход груздей, дружно

* Е. Д. Поленова — А. Д. Антиповой. Москва, 16 апреля 1885.
** Е. Д. Поленова — П. Д. Антиповой. Москва, 25 октября 1886.
*** Е. Д. Поленова — В. В. Стасову. Москва, 2 апреля 1894.

взявшихся за ружья, написана с абрамцевской террасы — вид на лесную дорогу, которая поднимается в гору к Хотьковскому монастырю.

Случайно увидав сказку «Война грибов», изданную Е. Д. Поленовой в 1889 году способом фототипии не в цвете и довольно посредственно, Стасов все же пришел в восторг: «этот род — именно Ваш, Ваш собственный, и именно в нем Вы произведете все Ваше самое замечательное» *. В статье, посвященной памяти Е. Д. Поленовой (1899), он дал восхищенное описание каждой из четырех картинок сказки. Иллюстрация сказок, которые очень понравились друзьям-художникам, увлекла Поленову. Она сделала еще рисунки к «Избушке на курьих ножках», к сказкам «Морозко», «Иванушка-дурачок», «Волк и лиса». Все эти сказки, созданные преимущественно в Абрамцеве, можно назвать «абрамцевским циклом». Они отмечены светлым жизнерадостным настроением. Персонажи: люди и животные не имеют злобного характера, даже волк, примерзший к проруби, скорее похож на мирного дворового пса; босоногая русская девочка в домотканом синем сарафанчике из сказки «Избушка на курьих ножках» не несет на себе печати отверженности. Пейзажи, на фоне которых проходит действие, полны очарования родной природы, солнечного света и тонкой красоты оттенков русской зимы. Многие из них подлинные шедевры, исполненные с легкостью и прозрачностью большого мастера-акварелиста (находятся в Музее «Абрамцево» и в Музее-усадьбе В. Д. Поленова). Народный художник СССР К. Ф. Юон в своих воспоминаниях дает им высокую оценку: «Рисунки Е. Поленовой к русским сказкам — чарующие документы о русских детях, о русской народной душе. Примитивный уклад деревенской жизни недавнего прошлого в них отражен лаконично, правдиво и трогательно. В них слышен голос русской матери, доброй бабушки и любимой няни... лишенный стилизации их правдивый язык делает их близкими каждому русскому в той же мере, как поэзию Пушкина или музыку Чайковского» **.

Во всех постановках мамонтовских домашних спектаклей Е. Д. Поленова принимала деятельное участие как незаменимый талантливый художник — исполнитель костюмов по рисункам брата («Алая Роза», «Фауст») и Васнецова («Снегурочка», «Русалка»). Летом 1885 года ей пришлось по просьбе С. И. Мамонтова принять участие в оформлении спектаклей Частной оперы. Сезон начинался «Снегурочкой» Римского-Корсакова в постановке Васнецова. Толпу берендеев было решено одеть в настоящие русские костюмы. Кое-что нашлось в абрамцевском музее из собранного Е. Д. Поленовой и Е. Г. Мамонтовой, но этого было мало. С. И. Мамонтов направил абрамцевского старосту на его родину в Тульскую губернию.

* В. В. Стасов — Е. Д. Поленовой. Петербург, 19 мая 1894.
** «Советская культура», 5 апреля 1956.

«Результат получился блестящий»,— пишет Н. В. Поленова в книге «Абрамцево». Алексеич привез массу вещей и среди них некоторые такие оригинальные и примитивные по покрою, что В. М. Васнецов и Е. Д. Поленова пришли в восторг. По ним В. М. Васнецов набросал костюмы для главных действующих лиц. Елена Дмитриевна занялась подыскиванием подходящей материи, кройкой, отделкой и руководством вышивок. Хор и статистов одели в настоящие рубахи, сарафаны, армяки, привезенные из Тульской губернии. Впечатление получилось грандиозное.. Художник Суриков, присутствовавший на первом представлении, был вне себя от восторга. Когда вышли «Бобыль» и «Бобылиха» и с ними толпа берендеев с «широкой масленицей», с настоящей старинной «козой».. его широкая русская натура не выдержала и он разразился неистовыми аплодисментами, подхваченными всем театром» *. В том же сезоне Е. Д. Поленова руководила исполнением костюмов по рисункам В. М. Васнецова для оперы «Русалка». Строился новый русский театр с новыми требованиями исторической правды и художественности постановки. Поленов вместе с Мамонтовым был одним из зачинателей нового дела, Елена Дмитриевна также вносила в него свой труд и талант. По просьбе Васнецова она выполняла и его «товарищеские заказы» на костюмы для некоторых персонажей в росписи Владимирского собора.

Летом 1885 года Поленовы снимали дом в усадьбе Лопухиных Меньшове, близ Подольска. Поленов работал над большим рисунком к картине «Христос и грешница» (Музей-усадьба В. Д. Поленова). А на этюды ходили вчетвером: Поленов, Коровин, все лето проживший в Меньшове, Е. Д. Поленова и Н. В. Поленова, которая под влиянием золовки тоже начала работать акварелью. Наездами бывал Остроухов и ученик Поленова молодой художник М. А. Мамонтов. Для поучительного сравнения Поленов писал этюды с одного места с Коровиным и создал свой пейзажный шедевр «Тургенево» в деревне, соседней с Меньшовым (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

Три лета (1887—1889) Поленовы провели на Клязьме в живописном дачном поселке Жуковка, куда к ним стекались те же молодые друзья-художники. В 1888 году жил Коровин и оставался до поздней осени, жила восемнадцатилетняя Мария Якунчикова, сестра Н. В. Поленовой. Коровин создал в Жуковке целый ряд превосходных вещей, часть из них в Третьяковской галерее, часть в Музее-усадьбе В. Д. Поленова. Среди них жанровый портрет «За чайным столом» написан на террасе в Жуковке. Вокруг стола: Н. В. Поленова (у самовара), М. В. Якунчикова в профиль, Е. Д. Поленова на первом плане. Работу эту можно безоговорочно отнести к «чудесам живописи», которых Поленов ждал от своего ученика. Та же

* Н. В. Поленова. «Абрамцево». М., 1922.

терраса с двумя фигурами, окаймленная ящиками огненных настурций, и та же терраса, заброшенная и унылая, в холодный день поздней осени, великолепный пейзаж осеннего леса с фигурой путника на тропинке, «Березовая аллея», осень, вечерний интерьер «У лампы» — Поленов с книгой, Н. В. Поленова с работой, «На лодке» — Поленов на веслах, М. В. Якунчикова за рулем (Третьяковская галерея) — тоже перлы коровинской живописи.

«Племя младое, незнакомое» поднимало «свой могучий рост». Первым из учеников Поленова выступил в Товариществе передвижников в качестве экспонента Левитан со своими звенигородскими пейзажами 1884 года. В 1886 году Остроухов показал картину «Ранняя весна» (Третьяковская галерея). Через год появился этюд С. В. Иванова «Переселенка в вагоне» (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

В 1889 году целая группа молодых москвичей из Школы живописи, ваяния и зодчества выступила с новыми отличными работами, среди них дебютировала экспонентом Товарищества и Е. Д. Поленова. Первая проба в жанровой масляной живописи на конкурсе в Школе поощрения художеств принесла ей премию. Она посылала картину «Иконописная» (1887, Третьяковская галерея). Первая удача вдохновила художницу на новую жанровую картину «Шарманщики». Товарищи уговорили Поленову послать «Шарманщиков» на жюри Передвижной выставки.

Осенью 1888 года Поленовы переехали в Кривоколенный переулок на Мясницкой, вблизи от Училища живописи, ваяния и зодчества, с которым тесно связывалась их жизнь (В. Д. Поленов был преподавателем, Н. В. Поленова с 1886 по 1889 год — ученицей). В Училище устраивались вечерние классы: натурные и акварельные, их посещали все члены семьи и ученики Поленова. В Кривоколенном переулке был снят двухэтажный особняк Фроловой, достаточно просторный, чтобы в нем могли продолжаться художественные собрания, привлекавшие новых членов. Томительное ожидание результатов голосования на жюри собирало художников в дом Поленовых; чтобы сократить время, они вместе ходили на «Грибной рынок» у Китайской стены, на балаганы Девичьего поля, в Зоологический сад; общая тревога еще крепче связывала и сближала молодежь. Тем временем В. Д. Поленов, как авторитетный художник и член жюри Товарищества, в Петербурге отстаивал интересы своей молодежи. Наконец пришли телеграмма и письмо. Общее ликование — приняты: «Пустынник» Нестерова (Третьяковская галерея), «Смерть переселенца» Иванова (Третьяковская галерея), «Письмо с родины» Пастернака (Третьяковская галерея), «На Волге» Архипова (Третьяковская галерея), лесная быль «Лоси» Степанова (Третьяковская галерея), «Первая зелень» и «Серый день» Остроухова (Третьяковская галерея), три шедевра Левитана «Под вечер», «На Волге», «Пасмурный день на Волге» (Третьяковская галерея), «Шарманщики» Поленовой и «чудо живописи» Коровина «У балкона» (Третьяков-

ская галерея), написанная с этюда, привезенного из Испании. Судя по некоторым аксессуарам (ковер), вещь работалась в доме Поленовых; через жюри проходила не гладко (13 из 16 голосов) и вызывала много нареканий; еще труднее проходили перлы живописи Левитана (9, 10 и 13 из 16 голосов).

В 1891 году единогласно прошел шедевр Остроухова «Сиверко» (Третьяковская галерея). Художник был избран в члены Товарищества. Левитан выступил с картинами, написанными по волжским этюдам: «Тихая обитель», «Ветхий дворик» и с путевыми этюдами Италии. Он также был избран в члены Товарищества. Картина Е. Д. Поленовой «Гости» прошла единогласно и была отмечена Стасовым, который писал в газете «Новости», что она «полна правды, простоты и колоритности».

Радость пришла в дом Поленовых и с конкурса Общества любителей художеств 1888 года. Первую премию за портрет «Девочка с персиками» (Третьяковская галерея) получил Серов. Коровин получил вторую премию за «Чайный стол» в Жуковке (Музей-усадьба В. Д. Поленова), Левитан — вторую премию за пейзаж «Вечереет», и Коровин — третью за «Золотую осень».

В то время как «младое племя» росло и крепло вокруг любимого учителя, сам Поленов работал над картиной «Христос и грешница». Он задумал ее как народную сцену на площади перед ступенями храма. Чудесные этюды Востока, послужившие материалом для картины, внесли в нее жизнерадостный колорит и вызвали восторг молодежи.

Ученик Поленова Татевосян вспоминает: «Это было событие, это был настоящий праздник, особенно для нас, молодежи, учеников его. Мы праздновали точно свою победу. После традиционных, почти черных картин.. «Грешница» была светлым, жизнерадостным, горячо солнечным произведением в холодной, снежной Москве, к тому же она была дерзким вызовом для религиозных ханжей»*. В. Вересаев писал Поленову по прошествии многих лет: «Картина на меня произвела потрясающее впечатление — особенно фигурой и лицом Христа, человека с огромной душой»**.

Картина вызвала большую полемику в прессе. Писатели Короленко и Гаршин посвятили ей серьезные, высоко оценивающие статьи. Реакционная пресса обрушилась на художника за отход от канонического образа Христа и кощунственное изображение библейского события.

Был ли сам художник доволен тем, как воплотилась его долголетняя творческая мечта? Сошлось ли осуществление с высоким замыслом? Вероятно, нет, так как он долго находился в подавленном состоянии. За полгода до окончания картины постигло его безутешное горе. После нескольких дней тяжелых страданий был вырван из жизни его двухлетний первенец — Федя.

* Воспоминания Е. М. Татевосяна. (Рукопись). Тбилиси, 1928 (архив Поленовых).
** В. Вересаев — В. Д. Поленову. Москва, 1 января 1926.

Устроившись семейно в Москве, оторвавшись от слишком далеких Имоченец, Поленов лелеял мечту создать себе подмосковный уголок взамен отцовской усадьбы, так много давшей его творчеству. После долгих поисков он облюбовал место на высоком берегу Оки, застарелое маленькое поместье в стиле гоголевских старосветских усадеб. Оно послужило временным пристанищем, откуда художник начал строить ту усадьбу, где в наши дни расположен его музей и картинная галерея собранная им. Красота приокской природы, чудесный мир речных просторов, ставший основным источником его творчества, осуществление заветной мечты создать музей и галерею в деревенской местности помогли художнику залечить душевную рану, вернуться к жизнеутверждающему творчеству.

В восьмидесятых годах прошлого столетия в Москве, кроме галереи русского искусства, которую собрал Павел Михайлович Третьяков, была маленькая закрытая галерея его брата Сергея Михайловича, собирателя иностранной живописи. При содействии Поленова молодежь имела возможность посещать ее. В галерее С. М. Третьякова была картина Фортуни «Заклинатель змей», был чудесный маленький серо-розовый пейзаж Коро «Вереск», которым восхищался Коровин,— он в шутку даже подписывался Coro vine. Была картина Бастьена Лепажа «Деревенская любовь», которой Нестеров посвятил восторженные строки в «Давних днях», была картина Даньяна Бувере «Благословение новобрачных», заинтересовавшая многих художников своей живописной задачей белого против света. Поленов говорил, что эта картина оказала влияние на живопись Серова в портрете «Девочка с персиками» и на Коровина в «Чайном столе», отчасти сказалась и у Репина в решении задачи белой двери, отворенной на просвет сада в картине «Не ждали». Фигуры на фоне белого окна в картине Е. Д. Поленовой «Гости» написаны также не без влияния Даньяна Бувере.

Осенью 1889 года в Париже открылась Всемирная выставка, на которой побывали многие русские художники. Новое французское искусство с его световыми и цветовыми задачами, иногда блестяще разрешенными, ошеломило москвичей. Старые живописные нормы передвижничества перестали удовлетворять, а новое увлекало, но и сбивало с твердых позиций. С. Иванов в отчаянии готов топить печи своими картинами, Архипов не может закончить начатых работ, Коровин «находится в беспричинно тяжелом настроении. Говорит, что совсем не тянет работать.. А писать так, как хочется, т. е. чтобы выходила не живопись, а музыка, не может. Кажется, у него в первый раз такое настроение и он в отчаянии»*. Е. Д. Поленова тоже бьется от сюжета к сюжету, задумано шесть картин и ни одна не доведена. Но она по мере сил стремится поднять дух товарищей. «Поддаваться такому настроению не нужно, нужно всячески бороться с ним,—

* Е. Д. Поленова — М. В. Якунчиковой. Москва, май 1889.

пишет она С. Иванову..—Я думаю важнее всего искать и надеяться, что цель и внутренний смысл дела мы все-таки найдем»*. Корреспондентом Е. Д. Поленовой с 1889 года до конца жизни была Мария Якунчикова, уехавшая учиться и работать в Париж и сообщавшая новости французского искусства в его стремительном движении под уклон, к декадансу.

В жанровом творчестве Поленовой выступил новый облик художника. От жизнерадостного восхищения природой и жажды передать ее как можно правдивее и светлее, от теплоты, вложенной в милые русские сказки, она переходит к сюжетам, выражающим жизнь города — «жизнь без исхода, без горизонтов, с пересохшим от зноя горлом и пересохшими от однообразия мозгами»**. В картине «Шарманщики», навеянной группой итальянских мальчиков, позировавших на поленовских «четвергах» и написанной отчасти по этюдам и зарисовкам с этой группы, Поленова передала трагедию людей, в поисках куска хлеба покинувших солнечную родину для холодных улиц чужого города. В картине «Гости», которую она сначала назвала «В гостях у крестной», изображена прачка, озабоченно склонившаяся над гладильной доской, и два белоголовых деревенских малыша у табуретки, для которых жиденький чай с кусочком сахара был лакомством. Картина «Без сил, без денег» изображает изнуренную женщину в подвальной каморке и двух молодых арфистов, девушку и юношу, за весь унизительный день на улицах города не заработавших на кусок хлеба. Но все же и в этой помрачневшей полосе ее творчества прорывалась поэзия природы, хотя бы самой печальной городской дождливой осени (пастель «Мокрые крыши», Третьяковская галерея).

В последние годы жизни Е. Д. Поленова принимала горячее участие в образовании молодого выставочного объединения Московского товарищества художников. Планы были широкие и заманчивые, предполагалась организация больших передвижных Народно-исторических выставок. Поленова со свойственной ей энергией вела раздел русской истории. Сама написала три картины: «Масленица в деревянном городе», «Видение воинам Александра Невского» (по рассказу новгородской летописи) и очень интересно задуманную трагическую картину «Убиение Бориса» (Русский музей). Ужас надвигающегося убийства в выражении глаз молодого князя, сзади которого мерещится темный силуэт и тень руки на стене. Смерть не дала художнице довести до конца дело Народно-исторических выставок. Без ее умного и деятельного руководства оно развалилось.

Летом 1888 года, находясь в Жуковке, Е. Поленова наряду с живописными этюдами вела, как она говорила, «этюды по народной литературе»:

* Е. Д. Поленова — С. В. Иванову. Москва, 6 и 15 декабря 1891.
** Е. Д. Поленова — М. В. Якунчиковой. Москва, май 1889.

«сначала заставила болтать ребят, а теперь напала на старика, который упросил меня написать его портрет. Я согласилась.. во время отдыха я заставляю его рассказывать сказки, а сама записываю. Очень это увлекательно..»*. У нее зарождаются новые планы, новые работы, для осуществления которых она едет в Кострому и рассчитывает на помощь П. Д. Антиповой. В Костроме у Антиповых она начала делать эскизы новых сказок. Нашлись местные жители, с детства помнившие сказки в устной передаче. Некоторыми текстами Поленова воспользовалась взамен взятых из сборника Афанасьева. П. Д. Антипова была ей ценным сотрудником в обработке литературной части задуманного дела.

На лето 1889 года художница выехала с семьей Антиповых в их поместье в глушь Кологривского уезда Костромской губернии. Совершенно новая обстановка, по своей природе напоминавшая Имоченцы, своеобразное достоинство народа, хранившего следы древней культуры, прибаутки старых сказительниц («в лесу родились, пеньку молились»); языческие обряды на церковных праздниках и чудесная деревянная архитектура, как фон к жизни лесной деревни,— все это дало Поленовой богатый подлинный материал для нового цикла сказок.

В отличие от работы над первым, абрамцевским, циклом Поленова думает теперь о возможности издания сказок в цвете и вносит некоторый элемент стилизации и ограничения гаммы красок. В иллюстрациях второго цикла художница выступает во всеоружии зрелого мастерства, но сама она пишет Стасову, что считает его еще не выработанным и не законченным. Из первого цикла сказок была издана в цвете «Белая уточка» (Издательство «Остров», 1923). Некоторые иллюстрации костромского цикла изданы в очень хороших цветных репродукциях, сделанных в Мюнхене фирмой Брукман (Издательство Гроссман и Кнебель, Москва, 1906). Изданы сказки: «Сынко Филипко», «Отчего медведь стал куцый», «Плутоватый мужик», «Козлихина семья», «Жадный мужик», «Злая мачеха», «Кот и петух» и прибаутки: «Дурак и дурочка», «Рыжий и красный», «Пеньё-кореньё», «Тили-телешок», «Николашка-требухашка», «В тридесятом царстве», «Сорока-ворона». Часть подлинников была куплена с посмертной выставки Поленовой (1902) Советом Третьяковской галереи и находилась в экспозиции, другая часть, приобретенная М. К. Тенишевой, находится в Ленинграде в Русском музее. Первые варианты раннего периода выставлены в музее Абрамцева. В Музее-усадьбе В. Д. Поленова представлены в подлинниках, копиях и репродукциях оба цикла сказок.

Большое событие в поленовский и мамонтовский художественный круг принес 1896 год. При очередной Нижегородской ярмарке была организована Всероссийская художественно-промышленная выставка. Устрои-

* Е. Д. Поленова — Е Г. Мамонтовой. Жуковка, 22 августа 1888.

тель ее — министр финансов С. Ю. Витте — предложил Мамонтову широко развернуть картину возглавляемого им строительства Северной железной дороги. Мамонтов пригласил лучших молодых художников своего круга — Серова и К. Коровина, финансировал их поездки на Север и работу в недоступном и никому в то время неведомом Мурманском крае. Вся сила блестящего дарования обоих художников вылилась в превосходных этюдах, привезенных с Севера. Многие из них были обработаны в картины и выставлены в Москве на Периодической выставке 1896 года. В их числе захватывающая строгой правдой и мрачным величием картина К. Коровина «Гаммерфест. Северное сияние». По заказу Мамонтова Коровиным были написаны панно для Ярославского вокзала. Художник поднялся на вершины своего таланта, в незабываемых образах передав картины борьбы человека с суровой природой Севера.

Панно, заказанные Мамонтовым Врубелю, были отвергнуты жюри выставки, но Мамонтов, неудержимый в том, что считал делом большого искусства, на свои средства построил специальный Врубелевский павильон, обратился к своему верному другу Поленову с просьбой поднять дух Врубеля и *лично* помочь закончить его непризнанные полотна. «Савва [Мамонтов] и Константин [Коровин] упросили меня взять на себя окончание врубелевских панно. Они так талантливы и интересны, что я не мог устоять»*, — писал Поленов жене. «Ты не знаешь, дорогой Василий Дмитриевич, как благодатно подействовало на меня твое письмо, — писал ему Мамонтов, — в тебе сказался большой художник с той шириной и с тем святым огнем, которые делают людей счастливыми... [искусству] надо служить до конца дней с восторгом и радостью». Вот ответная телеграмма Врубеля: «польщен мнением Василия Дмитриевича о работе и тронут его великодушным предложением, согласен».. Коровин согласен работать с тобой. Значит надо немедленно приниматься за дело»**.

В Москве в доме Мамонтова на Спасско-Садовой закипела необыкновенная и трогательная работа. Заслуженный профессор, академик с европейским именем как рядовой рабочий, не жалея сил, помогал младшему безвестному в то время собрату встать на ноги и выйти на арену большого искусства. «Мы с Коровиным усиленно работаем, но я не ожидал, чтобы это было так утомительно. Двойная ответственность за себя и за другого (т. е. Врубеля).. Я люблю работать у Саввы в доме, когда там носится художественная атмосфера.. когда я приехал, я пошел к Врубелю и с ним объяснился, он меня чуть не со слезами благодарил. Потом Сергей [Мамонтов] мне передавал, что Врубель совершенно ожил, что он в полном восторге от того, как дело повернулось. Я с ним сговорился, что я ему

* В. Д. Поленов — Н. В. Поленовой. Нижний Новгород, 4 июня 1896.
** С. И. Мамонтов — В. Д. Поленову. Нижний Новгород, 4 июня 1896.

помогаю и только оканчиваю его работу под его же руководством. И действительно, он каждый день приходит, а сам в это время написал чудесные панно «Маргарита» и «Мефистофель». Приходит Серов, так что атмосфера пропитана искусством.. я не жалею, что взялся за эту работу.. время от времени эти панно развертываются на дворе и там работаются»*. Когда работа была окончена, Мамонтов вручил Поленову условленный гонорар — тысячу рублей. Поленов хотел отдать деньги Врубелю и Коровину. Врубель не принял денег, тогда Поленов всю тысячу передал своему «Костеньке», который в то время не имел прославленного имени и был беден.

Оконченные Поленовым и Коровиным панно «Принцесса Грёза» и «Микула Селянинович» были выставлены во Врубелевском павильоне на Нижегородской выставке. Там же были и другие панно, сделанные по заказу К. Д. Арцыбушева для его московского дома в Сыромятниках: сад Маргариты и фантастический полет Мефистофеля и Фауста над средневековым городом. Они были навеяны той же Нижегородской выставкой, где Мамонтов возобновил антрепризу Частной оперы и в исполнении молодого Шаляпина давал оперы «Фауст», «Русалка», «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и другие. Своим прозорливым чутьем подлинного в искусстве Мамонтов угадал в начинающем певце будущую гордость и славу России.

В этом периоде своего существования Частная опера поднялась на небывалую высоту. Оперы Римского-Корсакова: «Псковитянка», «Садко», «Царская невеста»; Даргомыжского — «Русалка»; Бородина — «Князь Игорь»; Чайковского — «Орлеанская дева»; Серова — «Юдифь»; Мусоргского — «Хованщина», «Борис Годунов»; Шаляпин в ролях Ивана Грозного, Варяжского гостя, Мельника, Ивана Сусанина, Мефистофеля, Олоферна, Досифея, Владимира Галицкого, Бориса Годунова; Забела-Врубель — Волхова, Марфа, Маргарита; Цветкова — Ольга («Псковитянка») Орлеанская дева; Секар-Рожанский — Садко; постановки Врубеля, Коровина, Головина, Серова, Поленова («Орфей», «Орлеанская дева»)— все это были взлеты театрального искусства. Как великолепное созвездие блистала сплотившаяся группа питомцев поленовского гнезда.

О своем участии на Нижегородской выставке Е. Д. Поленова сообщала Стасову: «Я вздумала сделать рисунок для вышивки, которая будет выставлена летом в Нижнем.. Сюжетом я выбрала сказочную Жар-птицу, стерегущую золотые яблоки. Я изображаю темную ночь, наверху тучи, между ними виден месяц, звезды; в середине дерево с золотыми плодами на нем, на верхушке дремлет огненная птица; вокруг дерева свиваются и переплетаются сказочные цветы и травы. Внизу между корнями дерева притаились зайчата, еще ниже — болотные травы — камыши, водоросли—

* В. Д. Поленов — Н. В. Поленовой. Москва, 19 июня 1896.

все сильно простилизовано. Работа эта ужасно меня заинтересовала — одно боюсь, уж очень мал срок, — успею ли? Исполнительные чертежи должны быть сделаны в натуральный размер» (5×3 аршина). Панно «Жар-птица» (заказ М. Ф. Якунчиковой) было осуществлено и выставлено на Нижегородской выставке. Е. Д. Поленова сделала задуманные рисунки, а вышивку исполнили тамбовские крестьянки из села Соломенки, где во время голода 1891 года М. Ф. Якунчиковой были оборудованы швейные и вышивальные мастерские. Замечательные работы русских народных мастериц экспонировались в павильоне кустарного прикладного искусства. Там же были выставлены и талантливые работы русских художников-прикладников. Панно Е. Д. Поленовой служило украшением столовой особняка М. Ф. Якунчиковой в Мертвом переулке в Москве.

Работы по русскому прикладному искусству для Нижегородской выставки сплотили и вдохновили целый ряд художников на дальнейшую разработку этой благородной темы. Готовилась Всемирная Парижская выставка 1900 года, на которой Россия вступила в первые ряды мирового искусства, а многие художники поленовского круга получили высшие награды.

Подготовляя русский кустарный отдел, Е. Д. Поленова провела зиму 1897 года в Париже в тесном рабочем общении с художниками Головиным и Марией Якунчиковой, наездами бывала М. Ф. Якунчикова. В Париже художники познакомились с С. П. Дягилевым, заинтересовавшим их смелыми замыслами новых выставок журнала «Мир искусства» и театральных антреприз. Обложку для журнала он заказал обеим художницам. Е. Д. Поленова выполнила заказ для № 1, но все номера 1899 года пошли с обложкой К. Коровина. Эскиз Поленовой воспроизведен в № 18. М. В. Якунчикова по странному совпадению изобразила лебедя, как бы поющего прощальную песню среди заводи, окруженной хвойным лесом и молодыми березками. Эта обложка была использована Дягилевым для № 18 журнала, посвященного памяти Е. Д. Поленовой. Она умерла 7/20 ноября 1898 года от ушиба головы о булыжники московской мостовой. Болезнь в течение двух лет понемногу подкрадывалась и унесла ее в расцвете таланта и неосуществленных творческих замыслов.

Когда хоронили Елену Дмитриевну, вокруг гроба столпились художники, ее друзья, любившие ее, любившие тот жизнерадостный источник художественного вдохновения, который, как свежий родник, клокотал в ее окружении. Некоторые плакали, но памятнее всех трагическая фигура Левитана, скорбно смотревшего на восковое лицо покойницы. И к нему подбиралась неумолимая рука судьбы. Через полтора года не стало и его. Он умер в самом расцвете таланта.

В 1895 году умерла любимая и глубоко уважаемая мать Поленовых.

«Пришла беда, отворяй ворота»,— говорится в народной пословице. За потерей близких людей пришло другое горе. Друг Поленова Савва Ива-

нович Мамонтов из-за интриги двух министров, по ложному обвинению в растрате государственных средств, попал на скамью подсудимых. Ф. И. Шаляпин писал, какое гнетущее чувство тоски и бесправия охватило его, когда, вернувшись из путешествия по Европе, он узнал, что его друг и учитель находится в тюрьме: «Чем ближе к родине, тем все более блеклыми становились краски, серее небо, ленивее и печальнее люди..

А тут еще мне сказали, что С. И. Мамонтов арестован и сидит в тюрьме. Это меня окончательно подавило, это показалось мне нелепым, невероятным — Савва Иванович так непохож был на человека, которого следует посадить в тюрьму. Я знал его только как человека, который беззаветно любит искусство, я слышал, что, и сидя в тюрьме, он занимается скульптурой, лепит голову Грозного, составляет рисунки и краски для своей мастерской керамики, придумывает новые способы обжигания кафеля. И так неловко, стыдно было думать, что старик, друзьями которого были Врубель, Серов, Поленов, Коровин, В. Васнецов, человек, которого всегда окружали лучшие, талантливейшие люди русской земли, сидит в тюрьме»*. Когда летом 1900 года суд присяжных оправдал Мамонтова, зала суда превратилась в место всеобщего ликования, все, кто мог, спешили обнять дорогого друга и выразить ему чувство любви и благодарности.

Мамонтов вышел из тюрьмы оправданный, но разоренный. Особняк на Спасской-Садовой, в котором прошла целая художественная эпоха, и все сокровища искусства, собранные там, были проданы на аукционе. Сказочно-былинные полотна Васнецова «Битва русских с печенегами», «Ковер-самолет», «Три царевны подземного царства», скульптуры Антокольского, картины друзей — все ушло в чужие руки. Надо было неумирающую силу жизни, чтобы не сломиться под ударом и не пасть духом. И Мамонтов шел вперед к тому, что жило и звало к творчеству. Он поселился на своем гончарном заводе у Бутырской заставы, продолжая дело, начатое в Абрамцеве его сыном Андреем и Врубелем. Дело выходило на широкую дорогу, мастерская выполняла большие заказы на облицовку зданий. По рисункам Врубеля и Головина были сделаны изразцовые панно на стены строящейся гостиницы «Метрополь»: «Принцесса Грёза», «Орфей» и другие декоративные панно.

На Всемирной Парижской выставке 1900 года С. И. Мамонтов был награжден золотой медалью за свои великолепные майолики. За них получили золотые медали и работавшие на его гончарном заводе Врубель и Головин. Жизнь искусства продолжала кипеть всюду, куда проникал творческий дух Мамонтова. Старые друзья любили отдыхать в жизнерадостной атмосфере, которую приносило молодое поколение артистической и художе-

* «Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство», т. 1, «Искусство», М., 1959, стр. 142—143.

ственной молодежи, сплотившейся в новом очаге искусства у Бутырской заставы.

За радостью освобождения старого друга пришла другая радостная весть: Серов и Коровин получили высшие награды на Всемирной парижской выставке. Оба питомца гнезда Поленова вышли на арену мировой славы. К этой радости, однако, прибавилась большая обида за Левитана, имени которого не было среди списка награжденных, пестрившего именами художников, вскоре отметенных временем. Обида эта усиливалась тем, что Левитан был смертельно болен,— он умер, не получив радостной вести о всемирном признании. Глядя на этот странный список, вспоминаются горькие страницы мирового искусства: Микеланджело, Рембрандт, и эти великаны под лаврами несли терновый венец.

Трагедия Врубеля, творения которого давали «исправлять» Котарбинскому, непризнание его вдохновенных монументальных панно на жюри выставки в Нижнем Новгороде, трудное начало творческой деятельности Коровина, постоянная недооценка Левитана. История хранит цифровые данные голосований, на которых с трудом проходили шедевры обоих художников.

Для русского человека, любящего родную землю, выставка Левитана — это история его жизни. Вот ранняя весна. Среди снегов хлынул ручей. Не в Абрамцеве ли это за плотиной у дубовой рощи? Ожидание скворцов на деревьях, залитых большой водой. Они будут селиться в дуплах и скворешниках и петь на заре радостные песни. Сумерки в зеленеющем овраге — не там ли это, где ждет художников в домике на лесной просеке их друг и собиратель доктор Трояновский? Тончайшая жемчужина, почти миниатюра — яблони в цвету в саду этого садовника-чародея, который в конце лета будет угощать своего «Левиташу» сочными яблоками, а потом не отойдет от одра его смертельной болезни. Вот тропинка на пригорке — не здесь ли была первая встреча и первое счастье молодого чувства? И вот серая осень, сыро, ветер рвет листья — не здесь ли короткое прощанье до радостной встречи перешло в разлуку на всю долгую жизнь? Но всего этого не понял «гордый взор иноплеменный», и величайший художник-поэт не получил даже почетной грамоты, которыми осыпали ныне забытые имена. Васнецов, пославший на выставку: «Аленушку», «Битву русских с печенегами», «Запрестольный образ Богоматери», «Витязя на распутье» и другие лучшие произведения,—ничем не отмечен. Сам Поленов с полотнами евангельского и пейзажного цикла остался за бортом этого странного жюри.

Настроение его в эти годы было не радостное. Удары судьбы один за другим сыпались на его голову. Смерть дорогих людей, трагедия Мамонтова — все это падало на глубокую личную обиду Поленова, оскорбленного Академией художеств, которая после большой работы над перестройкой устава, по тайному распоряжению правительства, устранила

его от должности профессора — руководителя мастерской во вновь организованном Высшем художественном училище. Поленов, опытный педагог, воспитавший целое поколение талантливых художников, выпускников Московского училища живописи, ваяния и зодчества, считал своим гражданским долгом работать в обновленной Академии художеств вместе с Репиным и Чистяковым, который тоже оказался отстраненным. В работе над новым уставом Поленову многое удалось отстоять, но настойчивость его убеждений не понравилась начальству Академии, в которой он должен был, по всей справедливости, быть одним из первых деятелей. Общественность и особенно молодежь были за Поленова. Сознав неправильность, недостойность своего поступка по отношению к Поленову, вице-президент Академии художеств И. И. Толстой поставил на общем собрании вопрос об его избрании профессором — руководителем художественной мастерской. 21 апреля 1897 года состоялось единогласное избрание. 11 июля того же года сам президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович прислал Поленову «милостивое» письмо, приглашая его на руководящую работу на самых льготных условиях, какие только он пожелает.. Поленов, в это время уже целиком погрузившийся в другую художественную работу, отклонил предложение, отказался от профессорства в Академии художеств и в своем отказе был непреклонен. Работа, поглотившая художника в эти годы,— давно задуманный цикл картин из жизни Христа, для которых он в 1899 году совершил второе путешествие в Египет и Палестину.

Во дворе своего дома в Сыромятниках, где в зале с хорами находились замечательные панно Врубеля «Микула Селянинович», «Сад Маргариты», полет Фауста с Мефистофелем на фантастических конях, К. Д. Арцыбушев построил для Поленова большую светлую мастерскую. Здесь и протекала работа художника с 1896 до 1900 года.

Основная идея этого цикла — Христос — человек, проповедник гуманных идей. Однако за год до выставки картин «Из жизни Христа» он писал жене: «Это пока не картины, а большие эскизы»*. Завершение многолетних трудов, по мнению художника, не сходилось с его замыслами. Но когда в Петербурге в 1909 году была устроена выставка, к нему пришел его учитель и друг П. П. Чистяков «благодарить за выставку».

В главе своих записок «Русские люди», с восхищением вспоминая о Левитане, Ф. И. Шаляпин продолжает: «Вспоминается Поленов — еще один замечательный поэт в живописи. Я бы сказал, дышишь и не надышишься на какую-нибудь его желтую лилию в озере. Этот незаурядный русский человек как-то сумел распределить себя между российским озером с лилией и суровыми холмами Иерусалима, горючими песками азиатской

* В. Д. Поленов — Н. В. Поленовой, Борóк, 4 марта 1908.

пустыни. Его библейские сцены, его первосвященники, его Христос — как мог он совместить в своей душе это красочное и острое величие с тишиной простого русского озера с карасями? Не потому ли, впрочем, и над его тихими озерами веет дух божества?..»*.

Л. Н. Толстой, которому Поленов послал альбом выставки, изданный в 1908 году в одноцветных репродукциях, благодарил художника: «Альбом Ваш произвел на меня сильное впечатление. Воображаю, как подействовала бы сама выставка, и очень, очень сожалею, что не могу видеть ее» (Л. Н. Толстой, поправляясь после тяжелой болезни, не мог ходить). «Не говоря уже о красоте картин и том вполне сочувственном мне отношении Вашем к изображаемому предмету, самый этот огромный труд, положенный Вами на это дело, вызывает глубокое уважение к художнику. Кроме всех других значений, Ваша выставка имеет, по-моему, значение и педагогическое. Нельзя в лучшей форме передать детям историю Христа, как по Вашим картинам»**. (В 1910 году выставка Поленова была повторена в Праге и там же было сделано превосходное издание его картин в цвете, но, когда оно осуществилось, Л. Н. Толстой уже умер.)

Выставка картин «Из жизни Христа» повторялась дважды в Москве, в Твери и вместе с Передвижной выставкой в Орле, Харькове, Киеве Екатеринославе и Казани. В 1924 году была частично приобретена меценатом-коллекционером Чарльзом Крэном с выставки русского искусства, устроенной Наркомпросом в Нью-Йорке.

В 1902 году ждала Поленовых еще одна тяжелая утрата. Умерла от туберкулеза легких М. В. Якунчикова.

После смерти Е. Д. Поленовой Мария Васильевна с удвоенной энергией принялась за выполнение того, о чем они вместе мечтали.

Шла подготовка русского кустарного отдела на Всемирной Парижской выставке. Е. Д. Поленовой был заказан проект павильона-терема, но болезнь, надвигавшаяся в грозных признаках, принудила ее отказаться от этой работы, которую взял на себя К. А. Коровин.

М. В. Якунчикова провела лето 1899 года в подмосковном имении М. Ф. Якунчиковой, среди дремучего елового бора на высоком берегу Нары, вспоминая юность, проведенную в царстве подмосковных лесов около деревни Морево. В это время М. Ф. Якунчикова собирала в своем доме склад вещей для Кустарного отдела предстоящей Всемирной выставки в Париже. Здесь были игрушки, набойки, ткани, утварь, собранные по всей России. Мария Васильевна была счастлива погрузиться в этот чистый русский дух. В то лето она сделала эскиз драпировки-панно, которое изображает крестьянскую девочку, собирающую грибы в чаще леса.

* «Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство», т. I, М., 1959, стр. 290.
** Л. Н. Толстой — В. Д. Поленову. Ясная Поляна, 3 июня 1909.

Работа была выполнена как аппликация из кусочков холста, который красили и пришивали те же тамбовские крестьянки из села Соломенки, вышивавшие ковер-панно Е. Д. Поленовой «Жар-птица». Теперь их работы украшали русский павильон Всемирной выставки в Париже.

М. В. Якунчикова умерла в предместье Женевы, где муж ее, врач Л. Н. Вебер, купил дом. Все стены этого дома были увешаны ее произведениями. Ковер хранился в скатанном виде и развертывался по традиции, установленной второй женой Л. Н. Вебера, в день памяти художницы, похороненной под русским дубовым крестом около церкви того же предместья Женевы.

Когда проходит молодость, крепко и жизнерадостно спаивающая друзей-единомышленников, когда смерть уносит свои жертвы и редеют сомкнутые ряды, в сознание закрадывается тяжелая мысль о несправедливости судьбы, вырывающей людей творческого духа, которым мало одной жизни, тем более такой короткой. Якунчикова умерла тридцати двух лет, Левитан не дожил до сорока; Врубель — слепой, в психиатрической больнице; жизненный путь Серова внезапно обрывается в расцвете таланта. В 1908 году умирает душа мамонтовского круга Е. Г. Мамонтова. Вглядываясь в прекрасные, дорогие черты, Серов долго стоял над гробом, но, когда близкие попросили его зарисовать лицо умершей, он сказал: «Нет, не могу». В счастливые дни юности в Абрамцеве он любил рисовать это лицо, полное жизни и материнской ласки к нему. Поленов писал своей дочери на чужбину: «больно нам за тебя, что ты одна в эти грустные минуты нашего общего горя.. я в такие минуты вспоминаю слова Жуковского:

О милых спутниках, что жизни путь нам осветили,
Не говори с тоской, их нет, а с благодарностию — были.

Старайся быть крепкой и работай, работа удивительно облегчает тяжелую ношу жизни и горя»*.

Сам Поленов всю жизнь работал не покладая рук в самых разнообразных сферах деятельности. В эти годы он был вдохновлен устройством грандиозного скульптурного музея в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Он задавался мечтой покрыть стены скульптурных залов фресками и панно, сделанными лучшими силами молодых художников. Он хлопотал о средствах на командировки в Италию и Грецию питомцев своего гнезда — Серова, Коровина, Головина: «Если моим художественным детям Коровину и Головину удастся сделать что-либо равносильное их таланту, то я получу великую награду за мои

* В. Д. Поленов — Е. В. Поленовой. Москва, 29 октября 1908.

труды, большего я ничего не желаю»*,— писал он Васнецову, прося и его принять участие в деле. Он пишет Серову, как распределить греческие темы между ним (Серовым), Коровиным, Головиным, Грабарем, Мусатовым, талантливым учеником В. Н. Мешкова — Владимировым, и сам хочет ехать в Грецию и работать для музея. Серов советует привлечь и Сурикова, который «еще свеж» и «хорошо чувствует».

Война 1914 года вихрем смела мечты и замыслы Поленова, который в преклонном возрасте (67 лет) ездил в Грецию и по этюдам написал для музея восемь картин. Рухнули большие планы, но в это время он уже не был одинок. Завязалась нить огромного дела, которое поглотило его, подняло на своих волнах и украсило последние годы, превратив их в расцвет новой жизни.

Оглушительным ударом грома поразил Поленова 1905 год: «Над Петербургом разразилась страшная трагедия,—писал он Репину,— надо сплотиться, действовать заодно»**. Но только двое — Поленов и Серов — имели гражданское мужество послать в собрание Академии художеств возмущенное заявление. Президент Владимир Александрович был командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, войска были в его распоряжении, и на него легло страшное обвинение в преступных событиях 9 января. Заявление не было оглашено вице-президентом И. И. Толстым и, как тогда говорили, «положено под сукно». «Полагаю, нужно выходить из членов Академии»***,— писал Серов. Но Поленов был иного мнения: «Посылая наше заявление в Академию художеств, мы почти наверняка знали, что Толстой его не сообщит собранию, поэтому я и послал копию Репину с просьбой познакомить товарищей, что он, вероятно, и сделал. Ведь наше заявление не было тайным, я думаю, большинство из членов Академии об нем знают. Я бы с большим удовольствием вышел из теперешней Академии, но мне кажется, что наш гражданский долг теперь не позволяет нам уходить, надо стоять твердо, а если придется, так и нести последствия.. мы, наверное, доживем до лучших дней!.. А уйти теперь, выйдет, мне кажется, что-то вроде бегства.. нанесем как бы обиду некоторым из товарищей, которые наверное подписали бы наше заявление, если бы были в нашем положении»****. Поленов остался верен своему решению не выходить из членов Академии художеств, но Серов, своими глазами видевший расстрел рабочих из окон Академии и в тяжелом сердечном припадке потерявший сознание, подал гневное заявление о своем выходе, которое тоже не было оглашено. Причиной его ухода было выставлено расстроенное здоровье.

* В. Д. Поленов — В. М. Васнецову [Москва, октябрь 1907].
** В. Д. Поленов — И. Е. Репину. Москва, 19 января 1905.
*** В. А. Серов — В. Д. Поленову. Петербург, 3 марта 1905.
**** В. Д. Поленов — В. А. Серову. Петербург, 4 марта 1905.

Надеясь на реформы, которые были обещаны в манифесте 17 октября, Поленов писал жене: «Теперь хотя и страшный, но великий праздник. свобода вырвана из зубов хищников»*. Но вместо ожидаемого просвета тьма еще сильнее сгустилась в ужасах залитого кровью вооруженного восстания. Поленов, живший рядом с Пресней, вплотную столкнулся с кошмарами этих трагических дней. Все они занесены в дневник художника, с этюдником ходившего через баррикады. 21 декабря сделана запись: «Всё стихло». Эту страшную тишину, страшнее пушечных залпов и пожара на Пресне, помнит и автор этих строк. С тяжелым сердцем вернулась молодежь на школьную скамью, что-то оборвалось, точно кончилась беспечная юность, и дорога в будущее заволоклась черным туманом.

Глубоко и тяжко пережил это время стареющий художник, но молодое, увлекательное дело осветило его старость, ему он предался всей душой, всем своим талантом и опытом художника. Дело это — народный и детский театр.

В один из первых дней вооруженного восстания в дневнике Поленова сделана запись: «Вечером было заседание союза деятелей искусств.. Председательствовал С. И. Мамонтов. Присяжный поверенный Толбузин умно редактировал первые параграфы, выясняющие цель общества..» Позже, в письме к Коровину, он рассказывал: «Я все более и более втягиваюсь в это глубоко интересное дело и восхищаюсь, как молодежь, люди самых разнообразных положений, состояний, занятий, возрастов там работают. Цель этого кружка или секции — распространение искусства среди народа, а главное средство — это сцена. И вот наш кружок поставил себе задачей содействовать устройству фабричных, деревенских и школьных театров. Для осуществления этой задачи, для достижения намеченных целей мы работали над теми отраслями искусств, которые в своей совокупности дают театр»**.

В 1915 году Поленов приобрел участок земли около нынешнего Зоопарка и с помощью друзей, сочувствовавших делу, построил по своему проекту, как он называл,— «театральную лабораторию на всю Россию». На чрезвычайном собрании «Секции содействия устройству деревенских и фабричных театров» было постановлено выразить благодарность за щедрый дар и просить художника разрешить наименовать здание Секции «Домом имени академика Василия Дмитриевича Поленова». В этом доме расположились мастерские декорационные и костюмерные, склады декораций, бутафории, реквизита, театральная библиотека и зал для показательных спектаклей. Поленов собственноручно написал около тридцати типовых декораций, кругом него кипела работа молодежи, которую он любил и умел хорошо настроить и научить. В театральном зале ставились пьесы

* В. Д. Поленов — Н. В. Поленовой. Борок, 25 октября 1905.
** В. Д. Поленов — К. А. Коровину. Москва, 16 мая 1913.

в его постановках. Некоторые он сам обрабатывал для сцены, выбирая красивые и поучительные легенды и рассказы из истории разных народов. Рассказ французской писательницы Евгении Фоа «Анна Бретонская», с детства оставивший поэтическое воспоминание, он обработал в пьесу и показывал в исполнении детей подрастающему поколению округи.

И. Э. Грабарь, которого Поленов пригласил в свой детский театр, благодарил его восторженным письмом: «Не могу удержаться, чтобы не высказать Вам своего сердечного восхищения всем тем чудесным делом, которое Вы сделали с Вашими друзьями, которое оживили и согрели только Вашей верой, любовью и энергией»*.

Великий Октябрь застал художника в Борке́, куда он, как обычно, переехал на лето, чтобы больше не выехать оттуда до конца дней. Для человека с неугасающим интеллектом жизнь в деревне несла много нового. Он впервые прожил здесь всю зиму, в первый раз застал ледоход и увидел великолепное зрелище половодья на Оке. По этюду, сделанному с натуры, он написал большую картину «Ледоход», символизирующую стихию освобождения природы от зимних оков. Эта тема совпадала с тем, что происходило в жизни родины, которая сбросила гнет прежнего строя и мощным потоком хлынула к обновлению.

С чутьем прозорливца будущего Поленов еще в 1912 году пригласил столяра Большого театра и заказал ему по своим чертежам сцену для школы соседнего села Страхова, которую построила его жена с учетом возможности театральных постановок (два больших класса отделялись раздвижной перегородкой). На этой сцене в том же году силами поленовской молодежи был поставлен спектакль «Аленький цветочек» (по народной сказке). Теперь, когда стихия обновления охватила крестьянскую молодежь, демобилизовавшуюся с фронтов империалистической войны, нашлись хорошие сценические дарования, и дело, подхваченное детьми художника, закипело. В письме к Толбузину Поленов сообщает: «У нас тут среди крестьян образовалось два театральных кружка, но с разным оттенком — один придерживается бытовых пьес в обыденной обстановке, а другой избрал более сложный и отдаленный от современности — эпический, исторический и сказочно-легендарный и сатиру. Между исполнителями.. есть очень талантливые и одухотворенные. Дочери заняты режиссерством, костюмами, гримом, но и сами участвуют, а я пишу декорации, устраиваю сцену и делаю бутафорию, так что, как видите, наше дело перекинулось и сюда»**.

* И. Э. Грабарь — В. Д. Поленову, Москва, 2 февраля 1917.
** В. Д. Поленов — Д. А. Толбузину. Боро́к, 2 мая 1919.

Театральное дело, начатое в 1918 году с народной драмы «Царь Максимилиан», поставленной сыном страховского лесника, продолжалось в течение двадцати лет. Ставились постановки: «Борис Годунов» Пушкина, Мольер, Шекспир, «Вильгельм Телль» Шиллера. Работала молодежь деревни и города Тарусы, дочери Поленова и сам старец-художник, закат которого озарился «чудным светом красоты и любви»,— как он писал Толбузину. В этом свете потонуло большое личное горе — смерть лучшего друга всей жизни, С. И. Мамонтова (1918), смерть дорогого товарища В. М. Васнецова (1926) и двух братьев. Безмолвно и глубоко переживались эти утраты, но кругом свежими струйками пробивались источники новой жизни. На том месте, где «отговорила роща золотая», неудержимо стремились к теплу и свету оживающие молодые побеги.

В это время Поленов занялся своей последней работой: портативным театром — диорамой для передвижения по окрестным школам. Диорама эта представляла кругосветное путешествие в эффектах дня и ночи. Такие картины, как ночное извержение Везувия над Неаполитанским заливом, иллюминация в Китае, монастырь святого Бернарда в Швейцарии; зеленая лампада в келье, свет фонаря на снегу, тень собаки, идущей откапывать путников в снежных заносах; гондолы на карнавале в Венеции — все это было полно неожиданно прекрасных эффектов и вызывало восторг не только детей, но и взрослых. На картине «Иллюминация в Китае», когда вдруг, отражаясь в воде, вспыхивали причудливые фонарики, плошки — все сверкало и переливалось разноцветными огнями, художнику, любившему лично показывать свою диораму, делали овацию. Идея сделать диораму зародилась у него от общения с деревней, которая в те годы хранила унылый быт: «бездорожье, долгое осеннее ненастье, темнота, снежные заносы и вдруг кругосветное путешествие!»— говорил художник и со всем свойственным ему жаром увлекался своей последней большой работой. Чтобы показать ее в округе, он сконструировал удобный складной ящик наподобие театрального макета. Он всегда любил столярничать. В образцовом порядке держал многочисленные инструменты и подолгу работал на верстаке, находя отдых в физическом труде. Шел трудный голодный двадцатый год. Когда Поленов показал диораму в Страхове, к нему подошли дети. Один мальчик поднес свежеиспеченную белую булочку со словами: «На тебе, Василий Дмитриевич, кушай на здоровье!»

Восьмидесятилетний юбилей художник встречал на крыльце своего дома-музея, который он любил показывать приходящим экскурсиям. Его глубоко радовало, что и это любимое детище встречало сочувствие, вызывало интерес и уважение. Награжденный высшим в то время званием народного художника республики, осыпанный приветствиями старых и новых друзей, Поленов был счастлив.

Поздравляя его с восьмидесятилетием, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский писал: «Имя Василия Дмитриевича Поленова дорого новой России не только как имя одного из крупнейших представителей русской художественной культуры, но и как имя человека, весьма рано поставившего перед собой задачи распространения этой культуры в широких массах и разрешившего их с блеском, подобного которому мы в истории нашей экстенсивной культуры не имеем»*.

Он не был одинок даже в самые преклонные годы; он жил творчеством, современностью и был счастлив откликом окружающих. Той страшной картины одиночества, которую раскрывают письма его друга Репина из Куоккалы, у Поленова не было. Он был на родине, сеял добрые семена, и они давали хорошие всходы.

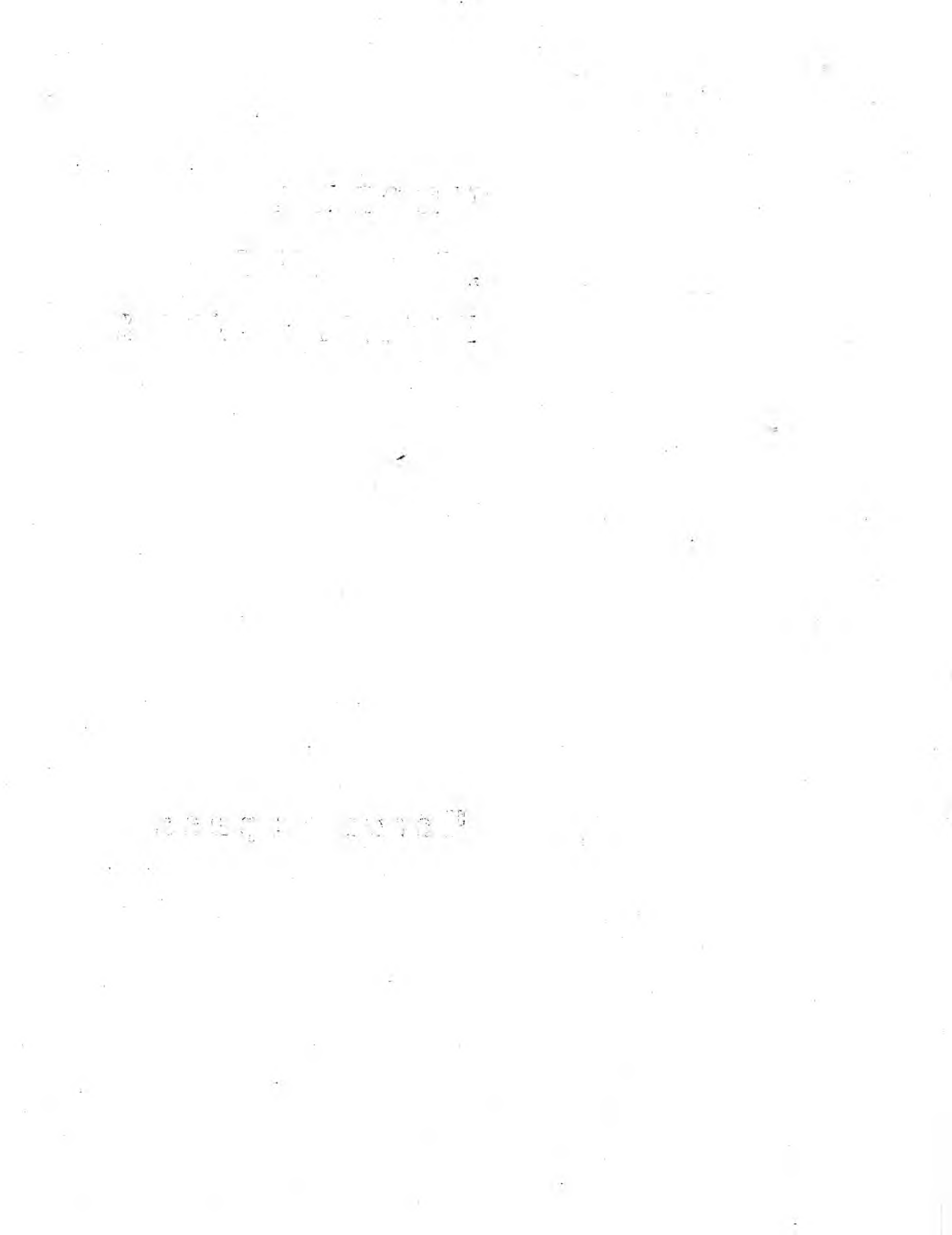
Поленов умер летом 1927 года. Была жаркая покосная страда, но вся округа бросила работу, чтобы на руках донести гроб художника до места его последнего успокоения. Дети с зелеными веточками окружали гроб своего дорогого «дедушки Поленова».

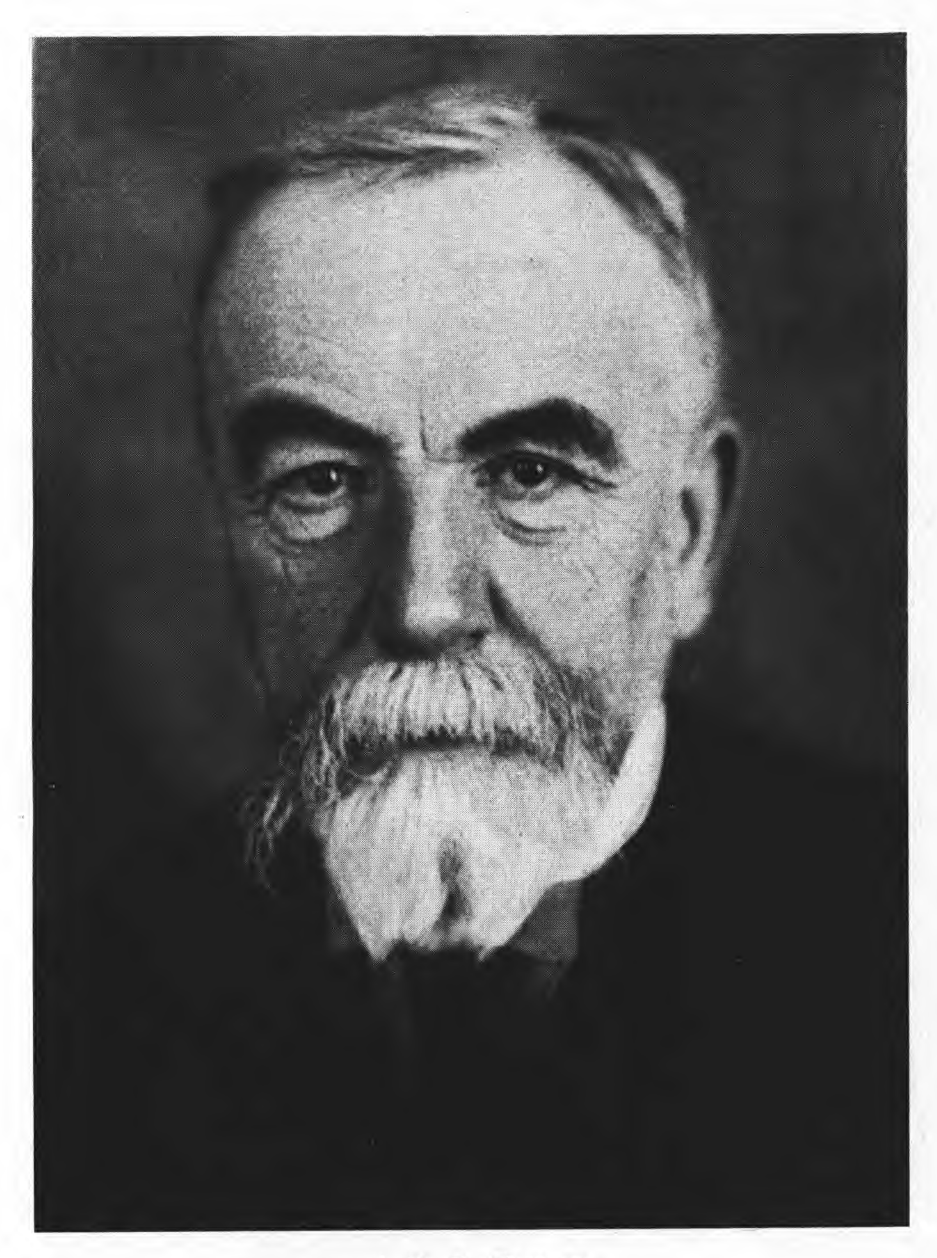
«Смерть человека, которому удалось исполнить кое-что из своих замыслов, есть событие естественное и не только не печальное, а скорее радостное, это есть желанный отдых, покой, притом покой вечный, покой небытия, а бытие его остается и переходит в то, что он сотворил». Время подтвердило правильность этой мысли, высказанной в завещании Поленова. Бытие его живет на стенах лучших музеев и галерей Союза и за рубежом: в Америке, Германии, Франции, Чехословакии. Превосходный музей в Борке́ (ныне Поленово) с многотысячной посещаемостью служит ему достойным памятником.

Е. Сахарова.

ПИСЬМА
ДНЕВНИКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Часть первая





1. В. Д. Поленов
Фотография. Начало 1900-х гг.

ГЛАВА I. 1855—1863 годы

Детство. Постройка дома в Имоченцах. Жизнь в Петрозаводске. Окончание гимназии.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 27 сентября 1855 г.*

..В июле месяце часть дома[1] была готова, и когда мы перешли в него, то после тесноты, в которой жили, дом показался нам великолепным замком.. Спокойствие деревенской и совершенно уединенной жизни, последовательность в занятиях, которую можно учредить, очень хороши для детей и, конечно, проводить так лето гораздо полезнее для них житья на дачах, где, как-то более чем зимою, столкновение с обществом.. Крестьяне же все на оброке, и Дмитрий не хочет переводить их на барщину, чему и я очень рада. Это была бы большая тягость для крестьян.. В барщинной работе меня всегда особенно тревожит состояние женщин. Им несравненно тяжелее, чем мужикам.. Главная теперь польза для нас будет состоять в пребывании летом в деревне, где все жизненные припасы дешевле, чем в Петербурге, а жизнь несравненно привольнее, особенно для детей..

** Петербург. 24 марта 1856 г.*

..На днях был у нас староста из Олонецкой деревни, все это время мы были заняты разными устройствами для более удобного летнего пребывания в деревне, куда, если все будем живы и здоровы, то поедем с детьми как только дороги просохнут.

4 Заказ 234

** Имоченцы. 19 июня 1856 г.*

..Мы в деревне много хлопочем, много тратим денег, то есть много по доходам, но есть ли возможность устроить вновь хоть небольшое хозяйство, не тратя денег? Место здесь очень хорошее, воздух здоровый, смолистый и сухой. Река недалеко от дома и чудное купанье[2].

Меня очень смущала мысль, что мы, приехав сюда поселиться, не только не прибавим благосостояния мужиков, но, напротив, стесним их во многом, но теперь, как стали вникать в подробности, то видим, что много было злоупотреблений им самим вредных, которые надо стараться устранить, и деятельность наша здесь.. и мужикам будет полезна со временем..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 30 мая 1858 г.*

..Здесь распустили слух, что будто привезена картина Иванова[3] и он сам приехал.. Нам говорили, что она уже будто и выставлена в одной из зал Зимнего Дворца..

** Петербург. 18 июня 1858 г.*

..Недели с полторы как Маша со всеми чадами и домочадцами отправилась в Олонецкие страны и там уже, по письмам, блаженствуют, особенно дети.. На всякий случай вот тебе наш деревенский адрес: такому-то господину, С.-Петербургской губернии, Новоладожского уезда, на станцию Доможирово. Если не лень будет, то можешь прибавить: для доставления в усадьбу Имоченцы. Это, брат, штука историческая, XV века[4].

** Петербург. 28 сентября 1858 г.*

..Нечаянно из газет узнали мы о кончине Иванова. Почет огромен, но судьба странная. Кончить свой заветный труд с таким высоким достоинством, привезти его на родину, которая с таким нетерпением его ждала столько лет, и кончить поприще..— Маша с детьми часто ходит в Академию единственно для картины Иванова, и дети, то есть старшие, замечают и судят очень порядочно. Понимают и восхищаются..[5]

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 18 ноября 1858 г.*

..На днях было у нас великое торжество. Мы купили, как дети говорят, картину Иванова. Но, в самом деле, купили его Иоанна Евангелиста; в малом виде этюд, с которого он писал большого в картине, это видно потому, что разбит на граны..[6]

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Имоченцы. 29 июня 1861 г.*

..С 12-го.. июня я опять живу в деревне. К настоящему делу, то есть к переговорам с крепостными я еще не приступал.. Хорошо, что крепостное право уничтожено.. Как-нибудь сладим, хоть и с потерей; но, по крайней мере, нет тяжелого чувства владеть людьми.

Я теперь занимаюсь составлением биографии первого эмансипатора в России. Он был не иной кто, как некто Алексей Яковлевич Поленов, родной мой дед... Он написал в 1766 году рассуждение о свободном труде крестьян и получил за него медаль от Вольного экономического общества. Его-то биография меня теперь и занимает..[7]

** Петрозаводск. 7 октября 1861 г.*

..Ты уже знаешь, что лето мы провели в деревне и про себя не могу сказать, чтобы с полным удовольствием. Я набрал для себя кое-какой интересной работы, а не сделал ничего,— все время употребил на разбор и устройство своей библиотеки, главную часть которой привез в деревню, где и намерен положить ей основание..

Из деревни мы намеревались выехать в первых числах сентября, а выехали по причине разных болезней только четырнадцатого.

Едва мы приехали в Петрозаводск[8], как Вася, простудившись в дороге, слег в постель и пролежал неделю. Не прежде, как в конце сентября, мы могли определить двух младших в здешнюю гимназию. Алеша поступил в пятый, а Костя во второй класс, и они, с помощью божьей, пойдут обыкновенным путем, но Васе предстоит много труда. Ты, я думаю, помнишь, что мы намеревались приготовить его к Университету через два года. Теперь же мы сократили это время на один год. В прошлую зиму, как ты знаешь, он ходил в Академию художеств; очень там успевал и к ней пристрастился. Хоть мы и обзавелись разными статуями и головами, но все-таки он боится, что в два года, не имея руководителей, как наприме[р]

Иордан, он слишком отстанет от рисования. Маша тоже разделяет его мнение; поэтому мы решили, чтобы ему приготовиться здесь к Университету в продолжение этой зимы, то есть к июню месяцу. Дело очень трудное и, я признаюсь, не знаю, как оно выполнится... В Университет он думает идти по историческому факультету, если только в нем нет обязательного греческого языка, которого он не намерен учить. Если же там будут требовать этот язык, то он выберет факультет естественных наук. Вот главные наши предположения. Так как мы опоздали сюда приехать и поместили Алешу и Костю в гимназию полтора месяца спустя, как там уже начался курс, то и им, следуя за общим курсом, надо изучить и то, что там было пройдено. Все это вместе произвело огромное нашествие учителей в наш дом.

* *Петрозаводск. 24 марта 1862 г.*

.. Я приготовляю для тебя сильную просьбу. Все это время я занимался составлением биографии моего деда, который в 1767 году, следовательно, девяносто пять лет тому назад, написал исследование о преимуществе свободного труда крестьян перед крепостным.

Статью эту, за которую дед мой получил золотую медаль от Вольного экономического общества, я хотел напечатать, приложив к ней его биографию..

Я думал было отдать ее в Академию наук, в которое-нибудь из ее изданий по русскому отделению. Но так как в биографии (основание которой состоит из писем деда в бытность его в чужих краях) он порядком отчесал тогдашних академиков, то мне, как нынешнему члену ее (см. СПб.-ские ведомости, 31 декабря, 1861 г., № 289)[9] и неловко туда предлагать подобную статью. Возьмись, друг мой, устроить мне это дело[10]. Жаль, что «Русская беседа» прекратилась[11]. Там, пожалуй, за такую статью дали бы деньжонок, а я накупил бы себе книжонок..

Поблагодари от меня, друг мой, милейшую редакцию «Акционера» за присылку двух первых томов Гоголя. Славный подарок! Особливо, когда она не забудет прислать и следующие два тома. У меня не было полных сочинений его позднейших изданий, а только первое. Поэтому и подарок дорогой редакции много ценю, а еще более ее память. Вот у меня так плохая память, и я забыл, что мне еще кто-то обещал прислать книжонок; кажется, стихотворения Хомякова (не полное издание его сочинений, а только одни стихотворения) и какие-то еще другие хорошенькие книжки. Не знаешь ли ты, душа моя, кто бы такой? Если вспомнишь, то скажи ему об этом..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

П. П. ЧИСТЯКОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 16 апреля 1862 г.[12]

Милостивый государь Дмитрий Васильевич, желаю Вам и всему семейству Вашему доброго здоровья и поздравляю с прошедшим Вашим праздником.

Извините за долгое молчание! Всегда во всем опоздать — вот мой страшный враг в жизни! Впрочем была причина, я хотел наверно знать, когда назначат деньги на поездку за границу, и тогда, соображая с обстоятельствами, дать Вам решительный ответ.

Благодарю Вас, Марью Алексеевну и детей Ваших за доброе расположение ко мне, я ведь и сам всегда всех Вас уважал и любил... благодарю Вас!

Да, я очень удачно закончил тяжелый академический курс. Картина[13] моя наполовину не окончена, но, несмотря на это, Академия приобрела ее для себя и послала на лондонскую выставку — это кажется лишнее, ну, да не мое дело, пусть так!

Письмо от Василия Дмитриевича я получил и — было очень совестно, что не успел ответить раньше на первое Ваше письмо; виноват, простите!

Деньги на отъезд за границу готовы, но я решился прожить в России до конца августа: хочу писать картину не большую — нужно оставить денег для престарелого отца. Это необходимость, а потому я и не знаю, что Вам теперь сказать насчет поездки в Имоченцы, наверное, не могу ничего! Еще заказывают большой портрет здесь в Петербурге. Если бы не эти два обстоятельства, то в мае или начале июня, когда кончатся все уроки (я учу в Академии в гипсовых головах и в рисовальной школе), я бы не задумываясь к Вам прикатил.

Во всяком случае, теперь не могу ничего написать решительного, а в конце мая непременно отвечу положительно[14].

Василию Дмитриевичу советую не сокрушаться о том, что отстанет от Академии: это не может быть, особенно, если Вы продолжаете заниматься искусством. Отстать можно тогда, когда пройдет охота, любовь к искусству. Я и сам поступил семнадцати лет в класс оригинальных голов и, как видите, не отстал; потому что всегда любил живопись! Сбиться с пути можно, не спорю; но для этого вот какое правило напишите.

Не начертивши движения и общих пропорций, не начинать вырисовывать; не нарисовавши, не начинать писать, и не составивши приблизительно колера, не писать, а писавши, чаще вставать и сравнивать с оригиналом. Замечаниями пользоваться, конечно, поверяя их с натурой,— вот и все! Да еще, главное! Не подумавши, ничего не начинать, а начавши, не торопиться!.. Желаю всем Вам доброго здоровья, искренно уважающий Вас

Павел Чистяков.

Архив Поленовых.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Имоченцы. 22 июня 1863 г.*

..Вася и Алеша выдержали свои экзамены; 14-го июня получили аттестаты для вступления в Университет. Экзамены их по словам учителей и директора были совершенно блистательные. Алешин аттестат еще великолепнее Васиного. А Вася этому больше всех рад и говорит мне: «Для Алеши это важнее, потому что он имеет главное в виду университет, а для меня все-таки главное Академия художеств»..

Нынешнюю зиму мои старшие работали и занимались очень усердно. На их счастье господь послал в Петрозаводск даровитого, очень образованного молодого человека, который поступил в петрозаводскую гимназию в качестве старшего учителя по русской словесности — это Иван Петрович Хрущов. Вот он-то сделал им величайшую пользу и поставил их так в отношении ко всем учителям и другим ученикам гимназии, с которыми они должны были держать экзамены, что Васе и Алеше стало гораздо удобнее приступить к экзамену. Надо Вам сказать, что Хрущов понял Дм[итрия] Вас[ильевича], полюбил его и полюбил наших мальчиков. Дм[итрий] В[асильевич], с своей стороны, полюбил очень Хрущова и мы сблизились и подружились. И вот теперь Хрущов приехал к нам в деревню вместе с Васей и Алешей, которые оставались долее нас в Петрозаводске для акта. И недельку там пожили своим умом при добром содействии И. П. Хрущова..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГЛАВА II. 1863—1869 годы

Переезд в Петербург. В. Д. Поленов в университете и в Академии художеств. Окончание академического курса. Первая заграничная поездка на Всемирную Парижскую выставку. Малая золотая медаль за картину «Иов и его друзья».

В. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Имоченцы. 8 сентября 1863 г.

..Ты, я думаю, рад, что лекции начнутся не скоро, успеешь втянуться в рисование. Ты пишешь, что выставка скоро откроется, как мне бы хотелось видеть ее, узнай, если можно, до каких пор будет открыта, может мы

еще застанем, потому что говорят, последние два года она была очень хороша[1].. Ты уж знаешь, что я пишу Ольгу*, белое покрывало на голове из мамашиной шали вышло довольно колоритно. Мне очень весело писать, особенно потому, что я привыкла держать палитру и муштабель, не ронять на себя мольберт с картиной и изредка только въезжаю черной кистью в белое место.

Как Лилька славно рисует с гипса, головка ангела вышла у нее очень недурно, да и с оригиналов очень хорошо идет..

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 21 октября 1863 г.*

.. Я еще в августе месяце приехал сюда сначала один. Скоро за мной приехали и сыновья, все трое. Старшие поступили в университет, который был открыт только 7 октября. Поэтому шесть недель они должны были пробыть без дела, что было именно с Алешей. Умирая, как говорится, от скуки, он отправился в деревню; а я, также соскучившись смотреть на него ничего не делающего, отпустил его. Теперь он давно уже здесь, и университет у них в полном ходу.

Вася с 1 сентября начал ходить по вечерам в Академию художеств и там, по крайней мере, удовлетворял своей охоте к рисованию. Кроме того, по утрам он ходил туда же на некоторые лекции и остался ими доволен. Теперь он в большом раздумье о своем положении и недавно откровенно мне его высказал. Он боится,— погнавшись за двумя зайцами, не поймать ни одного. Академию он не только не хочет оставлять, но все более и более к ней привязывается. В университете он также не хотел бы работать кое-как. А между тем, если к концу нынешнего года он перейдет в натурный класс, то вместе с карандашом, то есть с вечерними классами, ему хотелось бы работать и над этюдами, то есть с натуры, но уже масляными красками, а это бывает только по утрам. Университетские же лекции без исключения утренние. К этому Вася прибавляет, что в Академии преподают такие предметы, которых нет даже в университете, к[ак] н[апример]: анатомию, строительное искусство, начертательную геометрию и историю изящных искусств. На некоторые из этих лекций он уже ходил и нашел их любопытными.. Но все это, а вместе с тем и художническая карьера, которой Вася хотел бы себя посвятить, должны уничтожиться с посеще-

* О. Л. Воейкова — двоюродная сестра Поленовых.

нием университета. Я говорил ему, что если он будет только поддерживать себя в художестве, а главное время посвятит университету, то художество все-таки от него не уйдет. Он с этим не соглашается и, как кажется, единственно от нетерпения. Он боится, как говорит, потерять способность к технике, которая, по его убеждению, может быть приобретена только в молодости. Против этого, конечно, нельзя ничего сказать, только я думаю, что ему хочется поскорей овладеть красками. Еще его прельщают медали. Хоть он и не высказывал этого определительно, но часто поворачивал на то, что медали дают большие права, и что для получения их, то есть медалей, нужна постепенность. Боюсь быть слишком строгим, но мне кажется, что гоняться за медалями — это уже не будет художническое призвание, а привязанность к внешности и точно то же, как ордена в службе.

Пока мы решили на том, чтобы он ходил в университет, а по вечерам продолжал посещать Академию до праздников. А там увидим.

Теперь прошу тебя, друг мой, рассуди обо всем этом с твоим светлым взглядом и дай твое мнение. Вот теперь-то хорошо было бы нам с тобой повидаться.

* *Петербург. 1 января 1864 г.*

Не могу начать лучше первого дня Нового года, как к тебе писать. Да и есть о чем. Еще бывши в Петрозаводске, я послал к тебе маленькую статейку, учителя тамошней гимназии Хрущова и что-то сказал тебе в похвалу его. Действительно, это прекрасный молодой человек, из хорошей фамилии, даровитый, образованный и судьбой брошенный в Петрозаводск на должность учителя гимназии. Впрочем, дорогу учительскую он выбрал по убеждению. Увидевши в нем очень порядочного юношу, мы его приютили, а он со своей стороны, увидев в нас порядочных людей, тоже к нам привязался. По своей обязанности в гимназии он очень усердно занялся с нашими детьми, старшими сыновьями. Наконец, пришло лето. Мы отправились в деревню и пригласили его к нам туда приехать. Здесь он занялся с Костею; вообще же провел время у нас очень приятно, тем более, что влюбился в Веру. Она от него не отстала, и кончилось это тем, что в первый день праздника мы их помолвили.

Вася на последнем экзамене в Академии получил опять № 1 за свой рисунок и переведен в натурный класс. Он подал просьбу об увольнении его из университета и поступает в формальные ученики. Что-то с ним будет? Как-то страшно за эдакую необычайную дорогу..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

** Петербург. 16 октября 1866 г.*

..Остановился у Дм[итрия] Вас[ильевича] Поленова; их самих нет, они в деревне, а дома их дети. Мне очень нравится, что они живут отдельно, хотя и в том же доме. Молодым людям непременно надобно давать более свободы и более самостоятельности.

Вася славно идет в Академии художеств. Вчера в разговоре с ним я видел, что он сильно имеет расположение к натуральной школе, что поэтому ему нравится картина Ге «Последний ужин Христа». Он нападает на то, что их во что бы то ни стало заставляют быть в академии историческими художниками. Это, действительно, глупо и непонято профессорами и Академиею. Им следовало бы глубоко разбирать великие произведения великих maestro, сильно держать на технике искусства, особенно на рисунке, требовать строгости в исполнении, не позволять писать картины без эскиза, даже без двух эскизов, одного, где было бы видно все сочинение, другого, на котором были бы набросаны пятна колорита и освещения, потом без картона, на котором был бы полный рисунок картины. Но воображение не должно сковывать. Давать понятие об идеале, об его значении, об его высоте не на собственных произведениях молодого художника, а на критической оценке великих произведений различных школ..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Имоченцы, 10 июня 1867 г.*

..Мы проводим время в пустынной тишине в лесах среди свободы. Вася устраивает, то есть обделывает себе лодку для катанья по безводной или мелководной реке Ояти и сверх того отделывает парк — место, которое мы с Машей готовим себе для прогулок на старости лет..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

М. А. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Имоченцы. 8 июля 1867 г.*

..Вася уехал в четверг на «Петрозаводске» в Петербург и вероятно 10-го июля выедет из Петербурга в Париж..[2]

Архив Поленовых.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 27 декабря 1867 г.*

..Вася получил перед праздниками Большую серебряную медаль, то есть четвертую, и этим кончил академический курс, то есть ученический, остаются теперь золотые медали, но он более уже не ученик Академии. Ему теперь до Малой золотой медали впереди совершенно свободных года полтора, он и возобновил свое давнее желание поступить в университет. Никто из нас — ни я, ни Маша — не были против, но Вася хотел пройти весь университетский курс в два года усиленным образом, а потом приняться за золотые медали, на что также нужно еще два года, следовательно, четыре года. Маша посоветовала пройти курс университета в четыре года, обыкновенным путем и без усилий. Так как поэтому времени у него будет достаточно, то он и не будет оставлять своей живописи, и в эти четыре года, продолжая работать, может получить и золотые медали. На этом мы сегодня и остановились..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 12 января 1869 г.*

..От Веры и Ивана Петровича часто получаем письма, они еще до сих пор в Штутгарте, где им хорошо. Вера пишет, что точно уголок России.. А Иван Петрович оттуда ездит в Тюбингенский университет. Алеша из Витебска тоже часто пишет, особенно к Лиле, с которой он в постоянной переписке. Пишет, что занят и, кажется, не скучает. На праздниках же там много танцевали. Здешняя моя молодежь находится под очарованием оперы, и Лиля туда же, хотя прежде всегда выдавала себя за антимузыкантшу. Вчера они все в первый раз слышали Патти, и в восторге.. Лукка под конец явилась на сцену, и на наш абонемент достался «Фауст», где Лукка, точно, очень хороша. Вася столь был ею поражен, что, возвратясь домой, по памяти нарисовал ее в роли Гретхен. Портрет вышел так похож, что Васины товарищи уговорили его подарить этот портрет Лукке. Что и было сделано. Вася с торжеством поднес ей эту Гретхен — Лукку. И портрет очень понравился оригиналу, за что оригинал подарил Васе свою карточку фотографическую с надписью: Souvenir de l'original! Pauline Lucca. (На память от оригинала! Полина Лукка)..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Швейцария*]. *Близ Вевэ. 6 июля 1869 г.*

Вася, вчера получила твое письмо и эскиз [3]— благодарствуй, конечно, никакое описание не может так передать картину, как сама картина. Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь на твой эскиз сказала. По-моему, очень хорошо и группировка и эффекты, особенно позы сидящего друга, и в белом бурнусе. Насчет пятен трудно сказать, ибо главная фигура еще слишком туманна и в эскизе весь эффект сосредоточен на стоящей фигуре. Главная задача, я думаю, будет выражение лица Иова,— жаль оч[ень], что у меня в эту минуту нет Библии под руками, но я непременно достану и тогда, если хочешь, напишу, как я понимаю моральное состояние и выражение человека, на которого обрушилось зараз столько благополучия и не понимающего за что?!

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Имоченцы. 27 июля 1869 г.*

..Я распределила свое время так: в школьный день—от восьми до десяти — школа [4], в остальные я или гуляю, или приготовляю что-нибудь для писания. Эти часы даже при солнце не заняты никаким этюдом. После же десяти все часы разложены на пять этюдов. Все начаты — ни один не кончен за недостатком солнца..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. П. ХРУЩОВУ

* [*Имоченцы. Сентябрь 1869 г.*]

..Теперь вы наслаждаетесь Парижем. Интересно, какое впечатление он на вас произвел: то ли, что на меня, или какое иное. Я теперь отдыхаю на лаврах, хотя еще не на пожатых, потому что медали не имею. Вообрази, какую предательскую штуку сделала с нами милейшая Академия. Задает она нам тему самую академическую, до которой, кроме нее, никому дела нет, и вдруг, в момент развязки, то есть присуждения награды отказывает и предает нас на суд публики. Не знаю, чья это выдумка, но во всяком случае очень неудачная. Пишем мы вещь заказную без вдохновения, не

только не интересную, несообразную требованиям «арса» [искусства] и вкусам публики, но враждебную им, и вот они призваны оценивать ее. И кто же эти судьи? Или крикуны-фельетонисты, которые в искусстве весьма мало смыслят, или, еще лучше, недоучившиеся гимназисты, уже абсолютно ни в чем толку не понимают, а не только что в искусс[тве]. Моя картина кончена и отдана на выставку [5] и ждет ее открытия, чтобы подпасть под зубы нашей фельетонной так называемой критики, которая рада ко всему прицепиться, чтобы в куски изорвать. После такой операции Совет Академии, сообразуясь с нею, будет раздавать награды, так что изволь ждать почти два с половиной месяца решения судьбы.

Я теперь нахожусь в Имоченцах и отдыхаю, ибо под конец уже стало не в силу. Кончив университетские экзамены, я на другой уже день работал в Академии в моей студии и до 4-го сентября почти не выходил из нее.

Третьяковская галерея.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 12 сентября 1869 г.

Друг мой Вася, выставка у нас неизвестно когда откроется, хотя и уверяют, что в это воскресенье, но этого быть не может, потому что чересчур мало присланных картин. Сегодня в первый раз попал (и то фуксом) на выставку, которая сильно на меня подействовала, как сбор лучших наших молодых художественных произведений. Между ними на первой ступени стоит Верещагин, картины которого ты знаешь. Удивительное умение писать и рисовать, хотя в выборе сюжета и компоновки в нем ничего не вижу. Замечательны его акварели, которые, между прочим, вывешены в одной зале с твоей картиной и всех четырех конкурентов. Репина картина удивительно хороша, от него я не ожидал подобного понимания общего. Возле его картины стоит твоя (которая, откровенно говоря, не производит того впечатления). Вот общие недостатки, которые я осмелюсь сказать. Тон картины, сверх всех ожиданий, холодный. Рисунок не совсем удовлетворяет на первый общий взгляд, в особенности многострадальный, у которого ноги длинны и голова не нарисована. Несмотря на эти недостатки, пятна поразительны правдой и реальностью. Вид гор тяжел тоном и давит первый план, который бесподобен. Вот и все, что я могу сказать тебе насчет твоей картины. Урлауб и Макаров из рук вон плохи. Мне думается, что этим двум не получить по медали..

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 21 сентября 1869 г.

Василий Дмитриевич, может быть письмо мое окажется лишним, в настоящее время, когда я даже не уверен, застанет ли оно Вас на месте и когда нет никаких положительных сведений, которые я мог бы считать необходимостью сообщить Вам.

Но все же это гораздо лучше, чем письмо, которое я хотел было написать сейчас же, как поставлены были программы (роковая суббота) под влиянием самой безотрадной хандры. Программы на выставке показались мне до того плохими, мне сделалось так совестно, что оставалось только бежать или провалиться сквозь землю.

Не знаю, способность ли это человеческая привыкать, или программы действительно не так плохи, как мне показалось сгоряча? Только теперь я уже нахожу в них много хорошего. (По живописи Ваша лучшая, что, впрочем, Вы сами знаете.) Лучшие вещи на выставке это «Масленица» Маковского, «Тюрьма» Верещагина, пейзаж Дюккера, портрет Перова [6] и портрет Крамского К. Васильчиковой. (Это, конечно, мое мнение.) Самое скорбное впечатление производит Виллевальд[е] своими двумя баталиями [7] (один приятель мой очень метко выразился о них — по его мнению, это — *два решета*). Впрочем, к их счастью, глаз на них не останавливается. Вашей картиной я слышал Виллевальда, он был очень огорчен за неоконченность. Небрежность в выполнении он принимает чуть ли не за личное оскорбление.

Говорят, что экзамен программам будет 27 сент[ября]. Впрочем, этот слух лишен всякого вероятия. А вернее, что это воспоследует по закрытии выставки. Меня очень приятно поражает спокойствие программистов: Урлауб ходит не иначе как с самодовольной улыбкой и со спокойной самоуверенностью человека, сознающего себе цену. Макаров добродушно улыбается во весь свой огромный рот. На меня это подействовало очень благотворно, так что я теперь даже очень весел (может быть не перед добром?). Как то Вы там? Счастливец! Василий Дмитриевич.

Наслаждаетесь, вероятно, натуральными благами природы, а не искусственными, какие выпали теперь на нашу долю.

И. Репин

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 3 ноября 1869 г.*

Дорогой Федор Васильевич, спешу сказать Вам, что вчера Вася получил золотую медаль за свою картину. Все четверо конкурентов

получили медали. Репин, который уже второй раз пишет на эту медаль, получил № 1, Вася — № 2.

Мы все этим очень довольны, и Вы тоже, верно, с нами порадуетесь..

..Вася мог быть на торжественном акте в Академии художеств и получить лично свою медаль. Награды раздавала в[еликая] к[нягиня] Мария Николаевна со своим новым товарищем в[еликим] к[нязем] Владимиром Александровичем..

Третьяковская галерея.

ГЛАВА III. 1870—1872 годы

Поездка Е. Д. Поленовой и В. Д. Хрущовой в Париж. В мастерской Шаплена. В. Д. Поленов и Р. С. Левицкий в Имоченцах. Этюды крестьянского интерьера и быта. Большая золотая медаль за «Воскрешение дочери Иаира» (1871). Окончание Академии художеств и университета.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Дрезден. 19 февраля/2 марта 1870 г.*

Здесь в Дрездене выставлены «Pest in Florenz» Makart'а [«Чума во Флоренции» Макарта], он катает их теперь по Германии и набирает денег. На этом промысле немцам и окупаются их большие картины. Вряд ли их у него кто-нибудь купит. Он продает их за десять тысяч талеров. Это не шутка. Разве что он наберет за выставку их и тогда спустит цену. Сегодня я была там.. Как тебе сказать, эти три картины Makart'а [Макарта] совсем не то, что я воображала, не то, что можно вообразить по фотографиям.. Во-первых, они гораздо меньше, чем себе представишь. Не больше как $3 \cdot 1\frac{1}{2}$ в каждой, потом написаны страшно условно, бьет на эффект, и совсем не по-немецки. А видно, что она здесь произвела сенсацию. Везде вывешены об ней объявления и выставлены с нее фотографии во всех видах и очень дорогие, надо прибавить. Но зато, Вася, если бы ты видел, что здешние немцы выставляют в своем Саксонском «Kunst Verein» [Художественном объединении].. О боже мой, наши красносельские и компания совсем перед ними бледнеют. Например: «Hochzeitsreize nach Italien» [«Свадебное путешествие в Италию»]. Фон — наверху синее небо, продолжение — такое же море (можно сказать, что не пожалел немец синей

краски), на этом фоне скала. Желтая с малиновыми тенями. На скале — немец — но эта рожа! В темно-сером подваченном костюме, подле него немка, в желтом, тоже ватном платье, вышитом черными и белыми шнурками. Они стоят обнявшись и устремивши взоры на небо. И все в таком же роде, и еще как написаны — ужас, ужас.. Мы останемся тут еще недели две. Хочу предпринять что-нибудь в галерее, если можно. Скучно жить, долго ничего не делать..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург. 1870*].

..О Макарте.. Он у нас стоит до сих пор в Академии, и я довольно часто хожу его смотреть, с каждым разом как-то все больше и больше его понимаешь. Действительно, в первый раз он вас ошеломит новизной, оригинальностью, небывалостью, но чем больше на него смотришь, тем больше понимаешь и втягиваешься. Другие произведения от слишком близкого знакомства надоедают — это, наоборот. Эту картину, или скорее эскиз, нельзя отнести чисто к искусству живописи. Это есть какое-то переходное произведение к музыке. Вы слышите одну из тех гигантских симфоний Бетховена, которые, начиная с анданте, идут все кресчендо и разражаются в самый буйный престиссимо. Первая картина «Introductione andante» [Интродукционе анданте], вторая — «Symphonia scerzo amoroso» [Симфония скерцо аморозо], третья часть «Finale presto» [Финале престо]. Со стороны живописи особенно хорош колорит и сцентрализованы пятна. Кроме того, что за чувство, сколько силы движенья, сколько страсти, сколько упоения. Даже кровь приливает, когда смотришь..

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Петербург. 12 апреля 1870 г.*

..На прошлой неделе у нашей молодежи начались экзамены. Вася одним экзаменом закончил нынешний курс и уже добыл себе в Академии мастерскую. Он хочет до отъезда своего за границу попачкать что-ниб[удь] здесь [1].

Костя с Коньяром спустили тоже один предмет, государственное право, как они говорят, труднейший. Костя схватил пятерку..

Гос. библиотека СССР им. В И. Ленина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург 1870 г.*].

..Вы уехали почти накануне повторения прошлогоднего бенефиса. Начались опять спевки. (Столыпин опять какую-то хору сочинил.) Беготня снизу вверх, сверху вниз. На акте мы опять были распорядителями. Но этот раз было гораздо веселее, чем прошлого года, потому что нынче на акте было множество хорошеньких дам и девиц женского пола и мы наперерыв, один перед другим, старались делать всякие любезности дамам. Я пустил в ход «парлэ франсэ» и тем произвел громадный фурор, так что, взвесив все шансы за и против, по крайней мере три [барышни] в меня влюбились.

Между прочим, на акте счастье мне вдруг улыбнулось, я был представлен начальством своим господином субинспектором его прозрачности господину министру народного просвещения, духовных дел тайному советнику и кавалеру многих орденов империи, который удостоил протянуть мне два с половиной пальца, до коих я с премногим трепетом и великим движением духа прикоснулся..

После акта у нас был студенческий обед (наша компания), ну, как водится, сильно на тово, Костя, ну уж тот совсем — тово. Коньяр был крайне развязен и любезен, даже три раза начинал о чем-то вроде республики, сиречь революции рассуждать. Я, говорят, обнимался все с Боком, Никитиным и Новосильцевым и т. д.

После обеда мы пошли, то есть я и Коньяр, повели Костю к Рафе Левицкому (мы обедали у Демута), где у нас были заготовлены перемены, чтобы ехать на бал. Костю положили на постель, а я с Коньяром, напившись чаю, переоделись и поехали молодцами на бал..

Да, кстати, Крамской приехал из-за границы, и я его видел, и говорил с ним о моем проекте. Ну, разумеется, он против того, чтобы учиться на Западе, тем более, что на постоянной выставке явилась картина Перова («Птицелов»), которая в себе соединила огромную кучу философии, психологии, логики, эстетики, этики, правды и справедливости и много других элементов. Из чего и следует, что не следует учиться за границей, что, дескать, у нас есть Федотов, а теперь Перов, которые почище колбасников ваших будут..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Париж*] *2/14 июня 1870 г.*

Васька! Ура! Я ученица Mr Charles Chaplin [господина Шарля Шаплена]! Это не художник, а прелесть. Преинтересный тип. Вообрази

2. Дом в Ймоченцах
Рисунок П. А. Черкасова. 1857

3. Портрет Д. В. Поленова
Гравюра В. А. Боброва. 1879

4. В. Д. Поленов. Портрет М. А. Поленовой
Масло. 1885

5. Ф. В. Чижов
Фотография. 1870-е гг.

себе большую темную мастерскую, весь свет сосредоточен на натуре, вокруг все мольберты,— шум, смех, говор, ходят, устраиваются. Но вот маленькая (его, лично его) дверь отворилась и в ней показалась длинная, худая, белокурая фигура — это профессор. Все стихло, все ждет.. ловят каждое его слово. Да и он — какое благородство отношений, каким он себя настоящим держит рыцарем.. Прелесть, я тебе скажу увлекательный тип. Такой спокойный, и всех бранит, никого не хвалит, разве заметит, что руки упали. Мы к нему приехали переговорить об условиях, а он: «Mais pourquoi donc perdre ainsi son temps, mettez vous á travailler» [Зачем же так терять время, садитесь работать]. Посадил меня. Поворот пришелся удачный, светлый профиль. У меня задалось — пошло недурно, он этого не ожидал. «Du courage, du courage» [Смелее, смелее],— говорил он сначала, а теперь: «C'est bon, c'est très bon, trop d'aplomb peut étre.Vous ne respectez par asses votre peinture» [Хорошо, очень хорошо, может быть немного самоуверенно. Вы не достаточно уважаете свою живопись]. У меня «trop d'aplomb» [слишком большой апломб]. Это бы сказал Крамской?

Пишем мы теперь голову старого зуава, с характером голова. Ну, вот пока и все. Между девочками есть очень миленькие. Особенно две — одна русская — Дьякова, очень талантливая, а другая англичанка.. сумасшедшая девчонка, clown. [клоун] мастерской..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Париж*], *29 июня 1870 г.*

.. Лилька бедная совсем нос повесила с тех пор, как нас домой загоняют,—а то такая была славная, живая, деятельная.

..Мы ездили с Chaplin [Шапленом] прощаться и сидели у него довольно долго. Он давал нам разные советы.. и Лилька по его советам будет теперь продолжать. «Пишите, говорит, все, что попадется, но все с натуры и все одинаково серьезно и строго».— «Vous avez du talent» [У вас есть талант]. И потом ко мне: «Elle est très bien douée» [Она очень одарена] — «Vous avez du fond; ce qui est plus, mais vous ne possedez pas votre métier et voila à quoi il faut parvenir» (В Вас есть содержание, что еще больше, но Вы не владеете техникой дела и вот чем Вы должны стремиться овладеть). Теперь Лилька начнет дома голову с натуры и, чтобы не ходить далеко,— мою. Если удачно — поднесем это Хрущову, если нет — спрячем..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Петербург. 23 сентября 1870 г.***

Чистяков вернулся из Италии. Хотя привез мало, но зато, что привез, изумительно и по живописи, и по рисунку.

«Муратор» (каменщик у стены) захватывает, хорош тоже нищий и особенно «Чучарка» — итальянка. Он говорил, что это портрет известной красавицы Джованнины. Хорошо бы у него опять поучиться.

Был у Репина в академической мастерской, светлое большое помещение, хорошо, что его выделяют и поощряют. Бруни, который держит себя довольно далеко от учеников, у него был и давал советы.

Он (то есть Репин) был с Васильевым летом на Волге и привез несколько эскизов и много интересных этюдов, бурлаки и мужики на плотах, один бурлак особенно удался, совсем живой тянет барку на фоне Жигулей и неба, покрытого облаками при западнике, несколько этюдов Волги, и все при солнце. Это большой талант.

Чудесные этюды или почти картины Васильева.

Надо побольше пописать этюдов с натуры, пейзажей.

Живопись мою Чистяков хвалит: «Вы в итальянца пошли, у нас так колорит не понимают, а в рисунке слабовато, надо поучиться».

Репин представил свои работы совету, и В[ладимир А[лександрович] заказал две картины.

Был в Эрмитаже, хорошо бы там поработать, тоже и в Кушелевской галерее [2].

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 14 октября 1870 г.*

Вася третьего дня возвратился из Имоченец. На озере покачало, но все же довольно скоро и благополучно доехали. Он привез большое количество этюдов с натуры[3] и доволен деревенским тихим житьем-бытьем, а теперь принимается за университет..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Киев. 16 октября 1870 г.*

Вася, это правда, что мы тебе давно не писали, но видишь, это потому, что слишком много пришлось бы писать и особенно под ярким, свежим впечатлением. Париж.. теперь уже, увы, представляется как невероят-

ный сон. Ты знаешь, из таких снов, из которых просыпаешься и спешишь опять закрыть глаза, силишься заснуть, чтобы он продолжался. Fecamp— это аббатство времен Вильгельма Завоевателя, Câtes или Côtes de Normandie [берега Нормандии] — теперь морские купанья и маленькие бухты для рыбацких лодок. С горы, из древней церкви Notre Dame du Refuge [Богоматери — Прибежища] видно все громадное синее море и розовые скалы, которые из него выплывают. Странное это море — живое такое, личное, говорливое,— весь день шумит, ревет, возится или мурлычет, шепчется,— и ты с ним устанешь и ждешь, когда оно успокоится, когда, наконец, отдохнет. Настала ночь; все тихо, темно, всё спит, а море все разговаривает, все хлопочет или слегка стонать начнет. И ни до кого ему дела нет, живет себе само с собой, плещется о скалы, делает свои вечные отливы и приливы, разбесится вдруг ни с того ни с сего.. кричит, катит свои валы, весь берег закидает пеной, а к вечеру усмирится и точно хохочет — смешно ему, что всех перепугало. Сперва ты его боишься, как дикого зверя, а потом начинаешь любить, как поэта. Нам оно являлось во всех видах, хотя мы пробыли там только пять дней.. А потом пришла телеграмма, что Хрущов в Париже. Мы поспешно вернулись, собрались в два дня, прокатили ночью по Франции и утром уже были на бельгийской границе, то есть вне опасности, говорил Хрущов, а мы ее только тут и начали понимать. В Париже мы ее решительно не признавали.

В Кельне повстречали мы два поезда, первый подвез раненых, и легко раненых разложили тут же по douan'e [таможне], у тебя под ногами; тяжело раненых стали выносить в город,— лицо одного я до сих пор забыть не могу,— пленные французики, жалкие такие, показались у ворот вагона: «Une goutte d'eau s'il vous plait» [Каплю воды, пожалуйста],— только молили они. Потом их отодвинули и подкатил другой поезд, вагоны убраны зеленью, песни, крики, пьяные рожи немцев. Триумфиренд [торжествуя] едут они дальше продолжать свои победы. А тебя разбирает такая злоба, такое отвращение от всех этих королей, политиков, военных гениев, комбинаций — все это так мелко перед этим громадным злом..

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 24 февраля 1871 г.*

..Васе задана новая программа: «Воскрешение дочери Иаира».. Эскиз его утвержден Советом Академии. Но теперь он должен быть весь в приготовлении к университетскому экзамену. Этот последний выпускной..

** Петербург. 12 марта 1871 г.*

..Вася в большом недоумении. Его эскиз утвержден, тема ему очень по душе, работать и писать эту картину очень бы желал и мастерская дана. Но прежде июня приняться нельзя. Экзамены последнего курса кончаются в первых числах июня, и поэтому ранее нельзя и думать приняться за картину. А тогда приниматься ли? Мало времени..

** Петербург. 22 марта 1871 г.*

..У моей молодежи начались экзамены. Вася очень благодарит Вас за внимание Ваше к его работе. Он говорит, что теперь у них в Академии столько перемен и разных нововведений, что решить трудно, как лучше ему устроиться. Вот, если даст бог, Вы к нам приедете, как думаете в апреле или начале мая, то на словах он все Вам сам передаст. Сегодня Вася сдал удачно два экзамена и получил пять баллов. Теперь он пока свою картину оставил в стороне и думу о ней отложил до поры до времени. Главное теперь кончить свой университетский курс. А там спокойно обдумать свою работу..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 31 марта 1871 г.*

Дорогой дядя [4], благодарю Вас за участие, которое Вы принимаете в моих делах. Они сложились очень курьезно; столько pro и contra [за и против], что не знаешь, на что решиться. Работа на первую золотую медаль есть вещь серьезная и очень трудная; конкурс большой, то есть пять человек конкурирующих и два из них очень сильны, а медаль по уставу выдается одна или в крайнем случае две. Все это весьма затруднительно. Кроме того, после университетского экзамена силы будут значительно потрачены, так что по-настоящему для восстановления их надо бы было отдохнуть маленько, что я и думал сделать.

Ходили у нас слухи, что выставка будет перенесена с сентября на февраль, это было бы для меня превосходно, дело было бы в шапке; слухи оправдались, выставку действительно перенесли на весну, но только нас изъяли из этого перенесения и дали привилегию окончить программы к сентябрю, основываясь, верно, на том, что чем раньше кончишь, тем раньше и свободен будешь. Это причины против. Причин за то же много: недавно сочинили такое правило, что отказавшийся от конкурса теряет навсегда право конкурировать, но даже если и примут мои обстоятельства

в уважение и сделают для меня исключение, то во всяком случае я раньше как через два года не получу права опять конкурировать, так как конкурсы на Большую золотую медаль происходят теперь не ежегодно, как прежде, а через два года. Но самая главная причина, по которой мне бы хотелось писать, та, что сюжет мне пришелся по душе и эскиз, как по моему так и по общему мнению профессоров, вышел очень удачен. Мой учитель Чистяков непременно советует конкурировать теперь. «Потом уж не захочется конкурировать да и не до того будет; а быть до известной степени обеспеченным, в начале самостоятельных занятий, очень важно, потому что оно дает возможность учиться, не заботясь о добывании денег. При том сюжет задан Вам не сложный, вышел он удачно, просто, симпатично и жизненно, так что только маленько пообдумать, да и прямо за дело». И в самом деле он тут прав. Этот сюжет прямо задался, Иов, совершенно, наоборот, с самого начала не уложился в воображении, поэтому, когда я приступил к картине, то решительно не знал, что выйдет. Теперь же, напротив, сцена заданной темы (Воскрешение дочери Иаира) мне представилась так реально, что будто бы она передо мной происходила, поэтому, раз начавши, я не буду путаться ни в общем, ни в мелочах, как в первый раз, я налягу на главное, то есть на рисунок и на выражение. Итак, вот доводы за и против. Хотя и трудно, а работать страсть хочется, особенно как зайдешь в Академию, там все уже действуют, ну так и подмывает бросить полицейское право и сравнительную статистику европейских государств и взять палитру в руки.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва. 5 апреля 1871 г.*].

Милый и дорогой мой Вася. Письмо твое совершенно поставило меня в тупик. Само собой разумеется, что в деле самостоятельной, да еще более, художнической работы, любовь к предмету, энергия и охота работать — выше всех положительных соображений для самой работы. Останавливать — значит опрыскивать холодной водой. Следовательно, мы, искренно тебя любящие, должны сказать тебе: с богом пускайся по твоему влечению. Вот почему и я, в свою очередь, скажу тебе это же и уже, сказавши, не пущусь ни в какие соображения. Чистяков , сам художник, судя по всем отзывам, слышанным мною у вас, враг прозаических соображений,— он с художественной стороны и со стороны исполнительных твоих сил знает тебя, вероятно, больше, чем кто-нибудь. Его совет и художественно-архипастырское благословение должны иметь большее значение, чем наши расчеты.

Только этого никак не говори Вере Николаевне [Воейковой], потому что она непременно будет защищать благоразумие и опытность. А всякий знает, что благоразумие — прародитель всех гадостей и заклятый враг художественности. Само оно еще и так и сяк, его можно подкупить, потому что это величайший взяточник в мире: все берет, ничем не брезгает. Но, если ему дадут в помощь опытность, пиши пропало: самые величайшие кляузники не сделают того вдесятером, что сотворит соединение этих двух друзей. Ты сообщи, пожалуйста, это и Чистякову, хотя, кажется, он враг первому и второе употребляет только, как старую тряпку, на стирание остатков от красок и масла с палитры.

Следовательно, благоразумию дай такого треуха, чтобы оно, подлое, не смело тебе и рыла показывать, а опытности вежливенько дай хорошего киселя, или попросту выражаясь, подж...ка, да и принимайся с богом за картину. В первых числах мая авось увидимся. Обнимаю тебя, очень и очень любящий тебя, враг мерзкой опытности.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Имоченцы. 26 июня 1871 г.*

Очень мы были довольны, дорогой мой Вася, всем тем, что ты пишешь о твоей академической деятельности. Дай бог, и дальше и больше. Радуюсь тому, что Чистяков доволен, он строгий и беспристрастный судья [5]. Твой диплом [6] мы получили тоже с большой радостью..

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Киев. 4 октября 1871 г.*

..Очень рада, что мои сыновья Вас встретили. Порадовало нас и то, что Вы пишете о Васиной картине. Что-то бог даст, а точно он потрудился и талант есть. Мы здесь живем в отраду сердца.. Киев, несмотря на дурную осеннюю погоду, при первом луче солнца поразительно хорош.. Мои дочки, равно как и Иван Петрович, Вам усердно кланяются и благодарят Вас за память. Иван Петрович очень занят, а это-то и есть отличная вещь.

** Петербург. 2 ноября 1871 г.*

..Спешу уведомить Вас об нашей радости, которая, знаю, и Вам близко к сердцу. Сегодня Вася получил Большую золотую медаль. Можете себе представить, как он доволен. Я еще его картины не видала, но говорят, что вещь хорошая. Есть недостатки, видно еще мало навыку; но все профессора говорят, что много таланту [7]..

Петербург. 14 января 1872 г.

.. Примите наше поздравление с Новым годом и с открытием первого участка вологодской железной дороги... Вася радуется тому впечатлению, которое сделало на Вас их выставка картин, и горячо благодарит за те Ваши слова, которые к нему обращены.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. П. ЧИСТЯКОВУ

Петербург. [1871 или 1872 г.]

Милостивый государь Павел Петрович, несколько раз толкался в Вашу мастерскую, но никак не мог застать Вас. У меня есть большая просьба до Вас. Не будете ли Вы столь благодетельны и не согласитесь ли Вы давать мне и товарищу моему Левицкому уроки. Я знаю, что время у Вас теперь дорого, поэтому я думал так устроить: мы будем работать по вечерам, с гипсу или с натуры, как Вы укажете, а Вы будете приходить к нам раз в неделю и наставлять нас на путь истинный. Я думал начать работать в Академии, но там, во-первых, наставников таких, как следует, нету, а во-вторых, товарищи и даже профессора на это очень странно смотрят: отзвонил свои медали, так и с колокольни долой, что еще одним мешать, а другим надоедать приходишь. Время это у Вас много не отымет — один-два часа в неделю, впрочем если Вам удобнее не вечером, а в какое-либо другое время дня, то для нас это наверное все равно. С нетерпением жду Вашего ответа, надеюсь, что Вы не откажете бывшему Вашему ученику [8].

Искренне преданный Вам *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

ГЛАВА IV. 1872—1873 годы

Заграничная командировка — пенсионерство. Лето на Штарнбергском озере. Поездка в Италию. Знакомство с семьей Мамонтовых. Замыслы картин «Право господина» и «Больная». Поездка к Репину в Кастелламаре. Восхождение на Везувий.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

* *Вена. Июнь 1872 г.***

На границе суета, толкотня, крик, все куда-то торопятся. Я под конец показываю свой чемодан. Таможенный офицер сурово: «Haben sie etwas zu deklarieren? Tabak, Wein, Cigarren? — Ich habe Cigaretten.— Sie müssen Zoll bezahlen. Ihr Pass?» [Имеете ли что объявить? Табак, вино, сигары! — У меня папиросы.— Вы должны платить пошлину. Ваш паспорт?»] Я дал мой «пасс», он внимательно посмотрел. «Sie sind Künstler? — Ich bin Mahler.— Das ist famos. Ich habe einen Neffen, der ist auch Künstler. Sehr froh Bekanntschaft zu machen» [Вы художник? — Я живописец.— Это здорово. У меня племянник, он тоже художник. Очень рад познакомиться]. Мы обменялись дружеским рукопожатием. «Lassen Sie passieren» [Пропустите],— обратился он к солдатам, те наклеили билет, я поблагодарил, и мы расстались друзьями.

Для начала мне звание оказывает услуги. Переезжая тут границу, не замечаешь той резкой перемены, которая так поражает после Вержболова в Эйдкунене. Тут немцы очень редкие, все поляки, жиды, а простой народ хохлы. Те же небольшие белые хатки, крытые соломой, те же волы и соломенные шляпы. Но что ново — это горы и изредка замки, этого у нас нет. Реки быстрые и мутные. Дунай не голубой, как его назвал Штраус, а серо-коричневый. Австрийские дети что-то считают: «един, два, три». Надписи и названия на двух языках: немецком и славянском, почти по-русски.

Вена. Был в Стефане, это впечатлительно. Несколько веков истории.

* *Мюнхен. 22 июня 1872 г.***

Прибыл в Мюнхен. Первое впечатление хорошее. Город мне понравился, тихий, но в нем заложена глубокая мысль. В нем нашло себе приют искусство; главным образом живопись, но отчасти и музыка. Галереи и коллекции изумительные. Я их пробежал мельком, чтобы только познакомиться, а потом уже подробно разберусь. «Alte und Neue Pinakotek» [Старая и Новая Пинакотека][1].. В первой чудесный Рембрандт

и Броуер (в Эрмитаже такого нет). Neue Pinakotek [Новая Пинакотека] хотя и велика количественно, но по качеству слаба. Выделяется картина Pilotti [Пилоти] «Смерть Валленштейна». Его относят к школе Paul Delaroch'a [Поля Делароша]. Вещь впечатлительная. Чудесная небольшая галерея Шака [2], там много картин Бёклина, оригинального художника; классический, греческий мир у него в пейзаже, которому отведена иногда главная роль, и представление живое, если можно так выразиться, жанровое. Он живет бо́льшую часть года в Италии, поэтому пейзажи его почти все итальянские.

Чудесная тоже «National museum [Национальный музей]. Это огромное собрание предметов повседневной жизни — мебель, утварь, оружие, образцы материй, образцы искусств, музыкальные инструменты. Каждая зала или комната декорирована в стиле данной эпохи, что придает необыкновенную жизнь находящимся в ней вещам. Такой музей удивительно поучителен, каждое столетие является живым.

** Зеесхаупт. 26 июня 1872 г.***

По предложению Отто Кюстера и его родителей я отправился в Seeshaupt [Зеесхаупт]. Вилла находится на самом конце Штарнбергского озера при местечке Зеесхаупт.

Приехал по железной дороге, а оттуда пешком около двух верст. За границей всюду множество железных дорог, и больших и маленьких.

Погода туманная, гор, про которые рассказывал Отто, не видно. Окрестности местами очень напоминают наш Север (Имоченцы).

Местечко находится на высоте двух тысяч фут[ов]. Старый барон уверяет, что «иногда неделями не видать гор. Так бывает и в Швейцарии, когда мы путешествовали mit der mama [с мамой], так гор и не видали».

Вилла — большой каменный дом в два этажа с подвальным помещением, на углу башня, в которой идет лестница, как в старинных домах или замках.

1 июля погода разгулялась, появились горы.

Очень красивая панорама. Вся так называемая горная цепь открылась. Этого у нас нет. Может быть на Кавказе?

Особенно хороша угловая гора Zugspitze [Цугшпице], она возвышается над долиной, а за ней идут другие, меньшей величины: Benedikten Wand, Karwendel Gebirge [Бенедиктен ванд, Карвендель гебирге] и др[угие].

Мне удалось сделать несколько рисунков и расписать нижнюю подвальную комнату гербами, после чего мы назвали ее Rittersaal [Риттерзаль]. Жизнь наладилась почти по часам. Утром ходим по окрестностям, а вечером в деревню Kegelbahn und Gasthaus [Кегельбан и харчевню]. Я никогда не только не играл, но и не видал, как играют в кегли, но Отто

меня заставил, и как иногда бывает совершенно неожиданно, я выиграл первый приз «Ein Kreuzer mit Band» [Крейцер на ленте]. Чудесная игра по своей азартности, а главное моциону.

В Германии, а особенно в Баварии и неподалеку от Мюнхена, слово малер («Mahler») имело особенный престиж, а Отто, чтобы показать, кто у него гостит, взял мой альбом и показал собранию «Бенедиктенванд и Цугшпице» и привел всех в восторг.

Потом пошли в Gasthaus [харчевню], где меня познакомили с местной знатью: Herr Oberförster, Herr Pfarrer (curé'du village [господин главный лесничий, господин священник (деревенский священник)], сельский учитель, молодой доктор, господин, приехавший отдохнуть — «privatisieren» [пожить частной жизнью], бывший первый тенор, der Herr Baron und der Herr Künstler [господин барон и господин художник]. Оберфёрстер рассказывал, кажется, свои похождения на охоте или на войне, но я ничего не понял [3]. Der Herr Pfarrer bonvivant [господин священник, любитель весело пожить], анекдотист — смешил; Отто, хотя и фальшиво, но пел вовсю, тенор его поддерживал, это выходило великолепно, и он оказался героем вечера. Пили пиво и расстались большими друзьями.

** Бавария. Зеесхаупт. 4 июля 1872 г.***

Вечером мы вернулись из небольшого путешествия «Rundreise» [экскурсия].

Сначала по железной дороге, а потом в омнибусе, как это рисуют на картинках (в старой книжке «Adam und Bilderbogen») [Адам и листы с картинками][4]. После чего по-настоящему по-немецки пешком, с сумкой или ранцем на спине. Пешком ходить здесь принято; так ходили Шиллер, Гёте, Haidn [Гайдн], Mozart [Моцарт] и все остальные великие люди в молодости. Пошли и мы. Дороги всюду устроены и утрамбованы превосходно, всюду указательные знаки, расстояния обозначены не верстами или милями (Meilen), а часами (Stunden).

На станции железной дороги меня заинтересовали какие-то молодые люди в маленьких цветных фуражках. Это, оказалось, студенты празднуют какой-то их праздник (кажется, называется «Komersch» [Комерш]). Стоят студенты в ряд, со шпагами и знамен[ем]. Отто объяснил мне, что надо быть очень осторожным и пристально на них не смотреть, что это не принято и может быть из этого неприятность.

Расставшись с студенческим праздником, мы пошли в Тегернзее. Когда дошли, было уже темно, горы стояли как черные великаны.

Рано утром «Früstück» [завтрак] тоже как на картине.. Дорога мокрая от ночного тумана или дождя, при этом пошли не по знакам, а еще короче, сбились, пришлось сделать большой крюк, но чтобы не сов-

сем осрамиться в своем знании местностей, полезли по непролазным местам и под конец попали не туда, куда шли, но вид оказался таким неожиданно красивым, что мы забыли и усталость и мокроту, при этом мы вдруг из темного ущелья очутились на ярком солнце и перед нами великаны, освещенные им! Я никогда так близко гор еще не видал, в первый раз настоящие горы увидел так близко. Внизу небольшие прозрачные голубые озера, а с горы несется зеленый горный поток. Два великана «Wendelstein» [Вендельштейн] и «Breitstein» [Брейтштейн], а дальше цепь меньших братий, а рядом вековые ели.

Горы на картине и на фотографии не так впечатлительны, как в настоящем воздухе.

** Зеесхаупт. 16 июля 1872 г.***

Вернулись в «Seeshaupt» [Зеесхаупт]. Там прибавилось общество, несколько новых гостей: брат M-me Кюстер с двумя дочерьми Marie [Мари] и Sophie Löwe [Софи Лёве].

В Германии хороший обычай — вечером, после «Abendbrot» [ужина] хозяйка говорит: «Jetzt, Kinder, werden wir singen» [Теперь, дети, будем петь]. Раздают маленькие книжки (квартеты, очень просты и нетрудны), авторы и классические и современные: Haidn, Mozart, Mendelson, немецкие Volkslieder [Гайдн, Моцарт, Мендельсон, народные песни] и некоторые новые композиторы. Все поют как умеют (в Германии все умеют петь с листа).

Правда, на вилле собралось исключительно музыкальное общество. Сама M-me [мадам] Кюстер бывшая оперная певица, у нее и до сих пор сохранился красивый выразительный голос. Племянницы ее тоже очень музыкальны. Младшая поет в опере. По вечерам приходит сосед, бывший тенор. Отто из кожи лезет вон, иногда у него выходит вроде тенора, я низкий голос. Все стараются и наслаждаются. Даже пришел Postdirector [директор почты] с дочкой, хотя и не музыкант, но большой любитель музыки. Двоюродные сестры Отто прелестны. Особенно меня привлекла Мария Лёве. Живая, умная, талантливая и очень красивая девушка. Она давала необыкновенно эстетический оттенок тому обществу, где участвовала, она мне представлялась Сильвией [5]. Между нами зародилась дружба...

У младшей прелестный сопрано и белокурые волосы «blonde Locken» [белокурые локоны].

Отто выглядит итальянским тенором, правда, третьей степени, и ему разрешают петь итальянские арии.

Разговор по большей части вращается около искусства, больше всего рассказывают про Вагнера и про молодого романтического короля Людо-

вика Баварского. Благодаря его инициативе сооружен в Байрейте новый театр, сделанный именно для опер Вагнера. Теперь там готовятся к постановке его нескольких музыкальных драм под названием Niebelungenlied [Песнь о Нибелунгах] [6]. Много анекдотов о поющем персонале и особенно о Лукке. Она оказывается совсем наивной, но гениальной особой.

Все очень интересуются и следят за живописью. Знают художников, знают разные направления.

Вообще я был поражен и именно высокой культурностью этих людей, при этом люди простые, приветливые и очень добродушные.

Ночью была гроза, продолжалась недолго, но выходило что-то вроде светопреставления. По предсказанию кого-то ждут настоящего Weltuntergang [конца света]. Это в связи с кометой Биела, которая должна зацепить нас хвостом.

На днях были разные явления, над озером был виден огненный столб радужного цвета, в горах появляются огненные пятна, в Инсбруке было землетрясение, все эти дни где-то слышны глухие раскаты и т. д.

Сегодня чудный день, это бывает после грозы, небо безоблачно, дышится легко. Мы же — барышни Лёве, Отто, старый тенор и я — разучиваем квартет Мендельсона, чтобы насладиться пением.

Темнеет, все собираются к ужину, пролетело несколько болидов.

** Зеесхаупт. 19 июля 1872 г.***

Мы отправились во второе путешествие (Rundreise), так же как и первый раз, по железной дороге, потом омнибус и пешком. Стали взбираться на руины. Первая попалась развалина Тэк (Teck). Уцелела одна башня. Живет там Förster [лесничий] и угощает пивом, жалуется, что прежде было больше посетителей и пили больше пива и доход теперь меньше, это после войны, но говорят, что Бисмарк все поправит.

От замка Hohen neufen [Гоген нейфен] осталось мало, зато от Hohen urach [Гоген урах] много сохранилось. Много живописных уголков, напр[имер] внутренний дворик, ворота, лестница, идущая вдоль стены, воскресают не рыцари, а бароны с своими правами и нравами. У нас эти нравы господствовали и во время Пушкина, да и позднее.

Поднялись на Hohenzollern [Гогенцоллерн]. Это огромное сооружение, корпуса, залы, подвалы, вышки, башни, подъемные мосты и т[ак] д[алее]. К сожалению, все так подновлено, что мало переносит в историю и Вальтер Скотта, впрочем Германию он мало затрагивал.

Спустились в маленький городок Reutlingen [Рейтлинген]. Чудесные старинные уголки: башни, переходы, лестницы вдоль стен, выступы на арках. В Bilderbogen [Иллюстрированных листах] такие изображены.

К сожалению, мой спутник все торопится. Конечно, ему скучно. Приходится отрываться от рисунка.

Что касается луковичных куполков, о которых говорил кн[язь] Гагарин, то их действительно очень много и в Баварии и в Швабии. Но мне кажется, что пришли они не с востока, то есть не из России или Индии, а из собственной головы, из фантазии строителей эпох Возрождения или барокко. От этой эпохи осталось много следов и в городах и деревнях. Но остались еще и следы более ранних стилей. Интересна в Баварии и в Мюнхенских музеях так называемая Bauerngotik [крестьянская готика].

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Имоченцы. 12 июля 1872 г.*

Вася, я в Имоченцах, а ты где? Счастливый! Я, кажется, не писала тебе с Киева, след[овательно], начну с начала и кончу концом.

Москва произвела лучшее впечатление, нежели я ожидала со стороны выставок, особенно большой, то есть, как ее, политехнической. Глупо составлена, но интересна, много такого, о чем и не подозреваешь.

Вообще полезная вещь выставки в России. Насчет же картин, общее впечатление хорошее, а из особей по фокусу великолепен Чистяковский старик, а по содержанию внутреннему мне ужасно понравились утопленницы Крамского. Не ожидала я, чтобы он так сильно мог скомпонировать. По-моему, не сухо и не холодно, а как по сочинению и живописи отличается от остальных произведений нашей прежней русской школы, где представлялись русские пейзанчики, в сантиментально-плачевной обстановке, с задней мыслью и направлением.. [7]

В Питере меня встретил Алеша и произвел на меня самое приятное впечатление. Через него я достала по твоей рекомендации «Бесы» Достоевского. Какая сильная по реальности вещь, что ж ты мне раньше не сказал, что оно так хорошо.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Зеесхаупт. 3 августа 1872 г.***

Сегодня я возвратился из путешествия по Швейцарии, чтобы окинуть общим взглядом самые главные горы средней Швейцарии Berner Oberland [Бернскую возвышенность], надо подняться на гору, называемую Rigi [Риги].

В Швейцарии так устроено или устраивают, что пока подвигаешься, ничего не видишь. Еловый лес и лужайки, на которых пасутся коровки и побрякивают своими колокольцами, согнутыми из медного листа. Но когда взберешься на «штафель» (площадку), то сразу перед тобой открывается целая панорама. Не скажу чтобы грандиозная, это белая пила на синем фоне, а путешественники по преимуществу англичане, проверяют, все ли пока на своих местах. Но скоро все погрузилось в синеватую дымку и остались только две-три верхушки, освещенные последним лучом, это одно мгновенье, и все погрузилось в темноту. Это впечатлительно.

Рано утром всех будят смотреть Sonnenaufgang [восход солнца]. Наехало народу видимо-невидимо, погода установилась безоблачная, все ждут. Вдруг раздается альпийский рог, инструмент не особенно музыкальный, но пронзительно-громкий, которого повторяет эхо, отовсюду слышно. Но горы еще в тени. Но вдруг из зубчатой пилы показывается искра, другая, третья и выплывает сферическая огненная линия — это солнце. Тут все поворачиваются и смотрят, как постепенно освещаются верхушки Оберланда, первый засветился Mönch, Eiger, Jungfrau, Schreckhorn, Wetterhorn, Глэрниш [Мёнх, Эйгер, Юнгфрау, Шрекхорн, Веттерхорн] и так далее. Все как в объявлении.

На Риги поднимается особенная железная дорога, она цепляется за лежачие зубцы и так карабкается вверх. Она еще не кончена, но представляет любопытное зрелище. Взрывают мины, вспыхивают молнии, днем видно, как летят камни, пыль, деревья, целые утесы, а в горах все время раскаты, как грома.

Спустились мы с Л. Левицким в Люцерн — красивый городок. Интересный крытый мост с картинами, изображающими земледельца и смерть. Об них говорит Ж[орж] Санд.

Взобрались на Schinige Platte [Шиниге Плятте]. Красивый вид, так что за него не жаль заплатить франк. В Швейцарии так устроено: забор, калитка и красивый вид, за это один франк, так что вся Швейцария на откупе у кельнеров. Тут зрелище действительно грандиозное: Jungfrau [Юнгфрау] и ее два сына Silberhorn [Зильберхорн] и Schneehorn [Шнеехорн]. Потом опять те же знакомые Mönch [Мёнх] и Eiger [Эйгер]». Гид (тут мы идем с гидом) говорит нам: (хотя эта Швейцария и немецкая, но говорят по-французски). «Faites attention messieurs, il y a neigé cette nuit. Nous aurons des avalanches [Будьте осторожны, господа, сегодня ночью шел снег,— будут лавины]. И действительно, начали показываться снежные каскады. Сначала небольшие, а потом будто целые водопады, при этом какие-то выстрелы, это падают камни, и гром, раскаты в горах.

В долине Rosenlaue [Розенлауе] бело-зеленый пенистый поток, а вдали все те же великаны.

Reichenbach [Рейхенбах] — это Каламовская природа, но более суровая, чем у него.

Гид попался нам очень симпатичный, простой, примитивный человек, но и храбрый. В этих людях все как будто видишь Телля. Мы с ним распростились друзьями, а он нам дал словесное удостоверение: «Vous êtes de bons marcheurs» [Вы хорошие ходоки].

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Имоченцы. 7 августа 1872 г.*

Ты всяких чудес из Швейцарии наслал, судя по тому списку, что ты прислал Алеше, а между тем не пишешь, какое на тебя произвела оная Швейцария впечатление и в самом ли деле она так увлекательно хороша, как ее считает Вера? Она уверяет, что лучше гор, насладительнее, чем жить в горах, нет для нее ничего на свете. Так ли? Лучше ли горы моря? Красивее, этому я, пожалуй, поверю, но неужели симпатичнее?

А я остаюсь в Имоченцах долее, нежели предполагала сначала, т[о] е[сть] почти до сентября. Я за многое здесь принялась, но не знаю, что удастся исполнить. Между прочим, в хорошие дни писала с натуры и с большой, как бы это выразить, персеверенцией [percévèrance, фр.— настойчивостью], чтобы не употреблять иностранного слова. Бывают такие странные расположения духа, когда неудачи и трудности не отнимают куража, а напротив, раздражают нервы и подстрекают. Вот и я так теперь. Так что я думаю, что если удастся задержать родителей до конца августа здесь, то что-нибудь успею зробить.. А дивертисмент мой состоит в верховой езде. К оной я ужасно пристрастилась. Сшила себе амазонку и езжу, знаешь ли с кем? — с папá. Он говорит, что уже восемь лет не ездил. Это очень любезно с его стороны и очень для него полезно. Сперва все говорил: «Покатаемся немножко»,— а последний раз мы за Никоновщину ездили, и он в восторге остался. До сих пор погода стояла очень хорошая, вчера был дождь, которому хозяева, то есть мама с управляющим были очень обрадованы, потому что они успели убраться в хорошую погоду, теперь посеялись и теплый дождь полил посев..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Мюнхен. 8 сентября 1872 г.***

Столица Баварии за последнее время сделалась одним из самых живых и интересных центров Западной Европы. Бавария сделалась как бы художественной мастерской Германии или Академией в смысле обучения.

Из класса или мастерской Пилоти вышли Ленбах, Макарт, Г. Макс, Дефрегер, Лицен-Мейер, Зейц, Грюцнер, Шмидт и др[угие]. Кроме того, в Мюнхене учился Бёклин, Каульбах. Более современное направление, во главе которого стоит Диц,— стоит ближе к французам, к так называемой Барбизонской школе. У молодежи часто слышишь восторженные возгласы: die Franzosen» [французы]. В классе или мастерской Дица работает и учится мой товарищ по Академии Шпринг. Из художников, работающих теперь, в Мюнхене совершенно отдельно стоит Габриэль Макс (чех по происхождению). По глубине для меня он выше всех.

Шпринг очень дружески ко мне отнесся, показал классы или мастерские Мюнхенской Академии, познакомил меня с молодежью. Для них теперь идеал французское искусство: das Graue, aber nicht das Braune [серое, но не коричневое]. Привел меня к оружейнику и старьевщику. Он много работает и сильно шагнул вперед и имеет успех.

Тут на выставках появляются картины Бёклина. Его считают сумасшедшим, но не все. В галерее Шака целое собрание его картин, между ними поэтическая «Willa am Meer» [Вилла у моря]. Появляются картины Макарта, напр[имер], удивительная «Чума во Флоренции».

Художественная жизнь в Мюнхене кипит; работают во всю, но очень разно, и работа их имеет успех. Есть немецкие богатые любители, как граф Шак, но главные потребители американцы.

Хороша здесь опера, такого Вагнера нигде не услышишь. Я слышал Тангейзера. Кажется, услышу и Лоэнгрина, германский дух передают как нигде. Талантливо исполняются и комические оперы. Например, «La part du diable» [Доля дьявола] Обера, комики у немцев изумительны, но Моцарта, несмотря на всеобщее поклонение, я не схватываю, «Figaro's Hochzeit» [Свадьба Фигаро]. Красива тоже декорация театра внутри, т[о] е[сть] занавес и портал. Жаль расставаться!

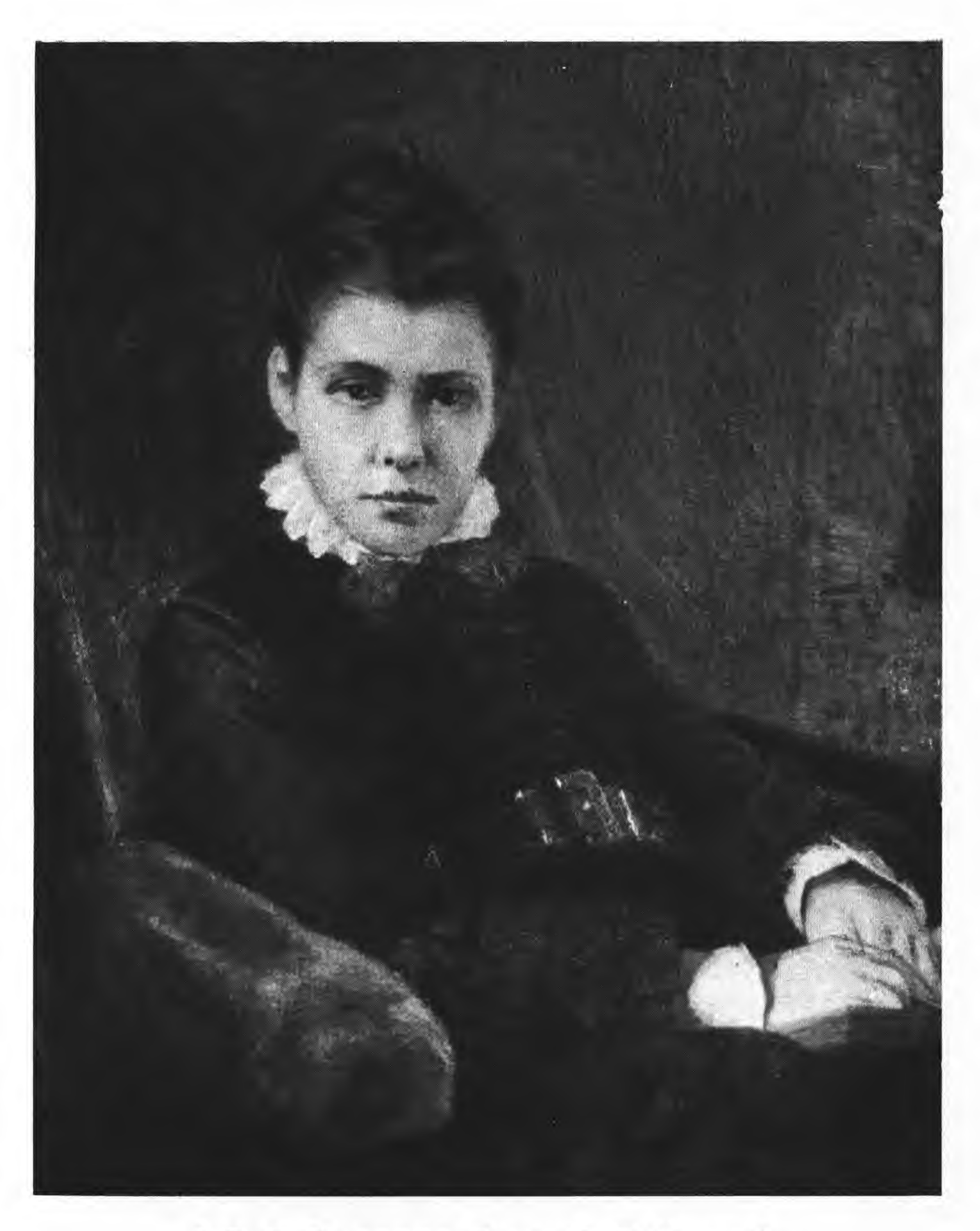
** Венеция. 18 сентября 1872 г.***

Из Мюнхена через Инсбрук, Верона, Виченца, Падуя и Венеция.

Перевал через Бреннер изумительно красив, а легенды, связанные с развалинами монастырей и замков, глубоко трагичны. Интересно, как заворачивает поезд в ущелье и выходит на то же место, но гораздо ниже, так что немцы пешком спускаются, сидят, пьют пиво и ждут поезда.

Венеция удивительная! Это какая-то творческая фантазия, какой-то вдохновенный уголок! Городок выстроен на воде, да так чудно, а вместе с тем так привлекательно, что ни с чем не найдешь сравнения. А художественная красота такая своя собственная, что стоишь и только удивляешься.

Задолго до построек, то есть самого городка, поезд [идет] по лагуне. Это водяно-болотистое пространство, не то озера, не то камыши как



6. В. Д. Поленов. Портрет В. Д. Хрущовой
Масло. 1874.

7. В. Д. Поленов. Портрет Е. Д. Поленовой
Фрагмент. Масло. 1871

в болоте, не то что-то вроде каналов. Пахнет морской водой, устрицами, морскими водорослями, по временам стоят барки с поднятыми парусами, но без ветра, и вдруг гондола, черная, длинная с железными ножами и топором спереди, а сзади гондольер, но не [в] белой рубашке, а засаленном пиджаке, и все это не на картине, а в действительности.

Пассажиры наполняют вагон и говорят громко по-итальянски, как будто похоже на наш говор и как будто уже понимаешь. Правда, я в последнее время немного подучился. А вдали показались купола и длинные колокольни, ровные четырехугольные, таких нигде еще не было. В воздухе и тепло и влажно и какое-то высокохудожественное настроение. Я еду в третьем классе, и поэтому англичан не видно.

Поезд со всего разбега останавливается у города или таможни, там всюду таможни, но относящиеся только к папиросам. Делается все скоро, и начинается уже Венеция, то есть барки, гондолы, крики, толкотня. Каждый отель имеет свою барку, я попадаю в Luna [Луна].

Гостиница второго сорта на берегу узкого зеленого канальчика близ площади св. Марка. Потолки расписаны фресками, удивительно красивы гирлянды, особенно колоритна столовая.

Большая площадь с мачтами или шестами для флагов. Сам старый Марк снаружи неуклюж и некрасив с своими серыми куполами вроде пузырей, но внутри захватывает. Это особая византийская красота, местами пол и стены покривились. Но удивительно живописные уголки, например купель, которую местные художники пишут и этим живут.

Рядом с ним удивительнейшее и по-моему живописнейшее здание — это Palazzo Ducale [Дворец дожей]. Грандиозные залы, самая большая del Maggiore Consilio [Верховного совета], вроде народного республиканского собрания. Потом Совета десяти, Совета трех [«dei trecapi»] с красивой разделкой потолков, расписанными стенами Tintoretto, Veronese, Tiepolo [Тинторетто, Веронезе, Тьеполо] и другие.

Мост Ponte dei sospiri [Мост вздохов] через канал из залы суда в тюрьму Bocca di leone [пасть льва] и, наконец, Piombi [свинцовые камеры], которые теперь уничтожены, но под которыми еще сидел Silvio Pellico, [Силвио Пеллико].

Чудная галерея в так называемой Академии. Там, кроме всемирно известных Тициана, Веронезе (Paolo Caliari) [Паоло Кальяри], удивительны картины Карпаччо.

Церкви в большей части не богаты внутренним убранством, но есть чудные картины, например Пальма Веккия.

Интересно ходить по венецианским переулочкам или закоулкам, всюду мостики, маленькие палисадники, горшки с цветами перед окнами, на крышах из черепицы длинные трубы с каким-то фантастическим гориском наверху.

Мне всюду как будто виделась фигурка «Consuelo» [Консуэло] и учителя ее «Porpora» [Порпора], даже слышался ее голос. (Чудный роман Жорж Санд.) Она жила в Венеции, как-то ею пропиталась и поняла ее.

Говорят, что устья Арно [8] заносятся песками и Венеция будет отрезана от моря, и тогда ей конец. Уже и теперь каналы пахучие, но тогда превратятся в помойные ямы; это будет очень жаль, даже трагично.

Во Флоренцию дорога идет по цветущей Ломбардии, все фруктовые деревья и между ними гирлянды винограда, не красиво, хотя оригинально и привлекательно. Реки в каменных каналах на несколько аршин выше долины, от этого бывают большие наводнения.

Дальше дорога вступает в горы Апеннины, на вершинах бывшие крепости или замки, а под ними проходят туннели.

** Флоренция. 24 сентября 1872 г. ***

Высокий темный, как будто закопченный город.

Огромное скопление художественных произведений, особенно живописи. Встречаешь во множестве старых знакомых или друзей, знал их по гр[авю]рам, литографиям, а иных даже в цветных копиях. Две огромных картинных галереи Uffizi и Pitti [Уффици и Питти] [9], потом картины коллекций в Академии и церквах.

Огромное собрание раннего Возрождения, что называется прерафаэлитов: Джотто, Filippo Lippi [Филиппо Липпи], Boticelli [Ботичелли], Мазаччо, Filippino [Филиппино], но есть и лучшие создания Рафаэля: Della Sedia [Делла Седиа, мадонна в кресле], прелестный Мурильо. Такое множество, что голова кругом идет. Я почему-то особенно увлекся фресками Мазаччо, хотя они сильно попорчены. Он очень близок нам.

Из Уффици в Питти длинный коридор через мост и Арно. Там все рисунки, гравюры и офорты. Чудесны Рембрандты (100 florin). Это очень хорошо устроено. У нас в Эрмитаже богатейшие коллекции, но все под спудом.

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 2 октября 1872 г.*

..Видела я твою картину [10]. Хороша дочь, необыкновенно хороша, симпатична и взгляд ее на Христа, этот мгновенный возврат от смерти

в жизнь выражен чудесно. Какой Христос благородный против других, так спокоен, движения так изящны. Совершенно согласна с Mme Bock [мадам Бок], которая говорит: «Comme on voit que ce tableau est fait par un jeune homme de famille» [как видно, что эта картина написана молодым человеком из хорошей семьи]. Весь тон картины благороден. Остальные мне не понравились, все пахнут русским художником (не в обиду будь сказано), даже хваленый Репин..

Весной, если ты будешь в Вене, то и мы туда приедем себя показать и на тебя посмотреть, каким ты итальянцем стал. Мама и Лилька только что приехали от баронессы Küster [Кюстер], которая в восторге от тебя: il est charmant votre Basile [он очарователен, Ваш Василий]..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Рим. 15 октября 1872 г.***

Тепло, небо голубо-синее, но не очень яркое, такое бывает и у нас, вид с горы, называемой Collis hortorum [холм садов] или Monte Pincio [Монте Пинчио], напоминает флорентийцев и по преимуществу Рафаэля в его картинке Георгий убивает дракона, а царица Александра вдали молится (Эрмитаж).

Петр [собор] громаден как снаружи, так и внутри, но не грандиозен, какой-то пустой и без фантазии. Может быть, оттого, что всюду видишь подражание. И в Петербурге и в Париже, в Берлине, Вене, в Лондоне и во множестве других городов.

Подул ветер, который тут называется «сирокко», из Африки, из самой Сахары, наводит он уныние и в средние века считался смягчающим обстоятельством при убийстве.

Тут уже живет товарищ по Академии поляк Семирадский. Очень любезный и обязательный господин и интересный художник. У него я познакомился с несколькими польскими молодыми художниками. Они пригласили меня участвовать в их воскресных экскурсиях по окрестностям Рима. Некоторые из них знают хорошо и места и обычаи, и в большой компании не опасно, бандиты, то есть разбойники, не трогают, уважают форестьеров [иностранцев].

Ватикан, или Ватиканский дворец, примыкает к колоннаде Петра. (В Кушелевской галерее есть маленький эскиз Delaroch'a [Делароша] итальянское семейство на ступеньках колоннады Петра.) Сооружение это — огромное нагромождение, как бы ящиков с огромным количеством комнат или зал. Одна из самых больших, вроде сарая, это так называемая Сикстинская капелла. Потолок (плафон) и боковая стена написаны al fresco Микеланжело: изумительно. Правда, все утрировано, но необыкновенно

могуче. Пророки какие-то гиганты с развитыми мускулами и спокойными движениями. Они пишут и читают книги, между ними такие же исполинские дамы, пророчицы, Сивиллы, они тем же занимаются. Впечатление производят грандиозное.

Но особенно меня захватили стансы Рафаэля. Это комнаты, разукрашенные и расписанные им и его учениками. В картинах появляются сами авторы, Рафаэль, его учитель Перуджино и некоторые из учеников изображены. Впечатление получается, точно они работали и только что ушли позавтракать. Эти комнаты по своей общей, необыкновенно художественной концепции, по удивительно живым и содержательным картинам [...]. Тут так называемая Афинская школа, так называемый Диспут, который особенно отмечал Чистяков: «это сон как по небу полуночи». Стоящая на коленях папская стража сейчас встанет и понесет старичка в носилках домой. Ничего подобного не воображал видеть.

Скульптурное собрание мраморных статуй и барельефов громадно, теряешься, слишком много, и больше все копии Римской эпохи.

Большого собрания картин, [как] в других крупных городах, в Риме нет. Все отдельные небольшие собрания во дворцах принчипалов и маркизов: Palazzo Colonna [Дворец Колонна], Borgese [Боргезе], Doria [Дориа], Rospilliasi [Роспильязи] и т[ак] д[алее]. Какой чудный Веласкес — [портрет] папы Иннокентия — в галерее Дориа. У нас в Эрмитаже только одна голова потная, красная, мясистая, считается оригиналом, а это повторение. Вообще художники делали много повторений своих вещей.

Удивительный мальчишка на «Триумфе Галатеи», совершенно такие по улицам бегают. Вообще Рафаэль, юный, сам почти мальчик, удивительно чувствовал ребятишек. Его юный скрипач, в меховом воротнике, для меня одно из лучших произведений, какие я знаю.

Познакомился с доктором немцем, он уже несколько лет в Риме, говорит, что климат нездоровый. Лихорадки обычное явление, так называемая perniciosa [губительная] почти всегда смертельна. Но что удивительно тут скопилось, это древние самые знаменитые сооружения: Колизей, Пала[тин], Палаццо Цезарей, Forum Romanum [Форум Романум] с его триумфальными арками, колонны Траяна и то, по правде сказать, все это в изрядно попорченном виде. Павел Семенович Сорокин вынес из Рима впечатление, «что это мусорная яма». Человеку, не посвященному в историю, все эти обломки представляются не подобранным мусором, а про картины: «так их много, что не сразу разберешься». Чистяков говорил, что за границей «надо много раз на все смотреть, только тогда поймешь». Это верно. Scalinata [Скалината] лестница, ведущая снизу с Piazza di Spagna [Пиацца ди Спанья] наверх прежде, то есть при Иванове, Брюллове, Гоголе, Чижове, была местом скопища натурщиков «больше деревенских» каптадиов и их семейств, и, говорят, грязь и вонь была изрядна.

Но теперь новое правительство, то есть Виктора Эммануила, которого очень любят, наводит чистоту, но этого не любят.

Из русских художников один очень обязательный, скульптор Снигиревский. Он помог мне найти студию, то есть мастерскую; большая светлая, неподалеку от пиацца Барберини.

С первого же дня ко мне стали заходить модели, то есть натурщики разных фасонов, один даже похож на Чистяковского муратора, но не такой интересный. Я хочу написать несколько этюдов, а потом уже картины.

Время от время хожу в театр, это хороший способ овладеть итальянским языком, но пока не захватывает. Говорят, что не начался еще сезон, что вот когда приедут странствующие труппы, будет хорошо. Пока все больше основано на традименто [измена] и традиторе [изменник]. Мне больше нравятся комические представления [...] «Arlecino» [Арлекино], что-то вроде Петрушки из живых людей. Много жизни и юмора. Но опера!

В Италии и особенно около Рима много еще разбойников, но не в костюме Фрадьяволо, а больше в изношенных пиджаках. Они наживаются главным образом на форестьерах и преимущественно на англичанах, так что у Обера верно изображена итальянская домашняя жизнь в Абруццах. Следят за англичанами.. А кстати молятся и очень усердно мадонне, покровительнице разбойников, а в тратории, когда подопьют, танцуют и если возникнут недоразумения, то ножом в бок. Один из самых верных способов решать споры.

В Италии есть целые скопища или даже общества: воров, мошенников, разбойников, бандитов, они ведут хорошие дела, откупаются, у кого следует, и не трогают, кого не следует. В Неаполе это общество называется Каморрой, в Сицилии — Мафией. Художников не трогают.

Интересны окрестности Рима, они совершенно пустые, и одному ходить там опасно, но в компании, то есть нескольким людям вместе можно, особенно к художникам относятся с уважением, их никто не трогает. Так что я принадлежу к уважаемому сословию.

Рим окружен высокими средневековыми стенами, прорезанными время от время воротами: Porta del Popolo, Porta Pinciana, Porta Pia, S. Lorenzo, S. Giovanni [Порта дель Пополо, Порта Пинчиана, Порта Пиа, С. Лоренцо, С. Джованни] и т[ак] д[алее] и сейчас за ними начинается так называемая Кампания. Пустые необработанные пространства, покрытые на некотором расстоянии друг от друга развалинами, изредка попадаются стада овец с живописными пастухами. По этим пустырям тянутся дороги, древние и новейшие, одна из интереснейших — это так называемая Via Appia antica [Виа Аппия антика]. Она окаймлена заборами из античных мраморных барельефов и обрубков колонн, обитают ее ящерицы, говорят, бывают и скорпионы. По Кампании рассеяны остатки арок акведуков, снабжавших, да отчасти и снабжающих Рим, водой. Они грандиозны и заросли плющом, и никому до всего этого нет дела.

Из древних круглых, так называемых мавзолеев (надгробных памятников), сделаны в средние века башни (Donjons), напр[имер], памятник Цец[илии], Мет[еллы]. Он находится на возвышении и издалека виден, с ним связана трогательная легенда об отце, потерявшем дочь.

Остатков древней римской культуры много, но от того ли, что они разрушены или засыпаны, мало дают о ней сразу представления. Правда, что Колизей и отчасти Дворец Цезарей дают картины зверских увеселений и бесчеловечных зрелищ римской гражданственности всех слоев.

В художественном отношении я от Рима ожидал большего. Говорят, что он потерял особенность папской культуры, но еще не принял более современные условия жизни. Бритое духовенство исчезло, изредка попадаю[тся] вереницы семинаристов. Бросаются в глаза «Tedesci» немцы в балахонах рачьего цвета.

Новые постройки очень бездарны, это огромные ящики для приезжающих.

Осенью, как и везде, бывают серые дождливые дни, но бывают и солнечные теплые недели, ясно, как-то приветливо, сад на Монте Пинчио особенно привлекателен и, что оригинально, рядом растут сосны (пинии) и пальмы, а цветы всюду еще цветут.

Но бывают и ливни, так что в мою студию через большое окошко налило целую лужу, хозяин меня утешает, что это у них бывает редко. Вечером иногда летают светящиеся мухи. Они безвредны и необыкновенно красивы. В библии они почему-то причислены к казням египетским, по-латыни musca lucens [светящиеся мухи].

Я сблизился с художниками поляками. По воскресеньям хожу с ними по Римской Кампании. Она мне нравится своей безлюдной какой-то отчужденностью, и это рядом с так называемым вечным городом. Правда, хоть он и вечный, но очень не велик, я его теперь знаю, и он у меня, как на ладони. В пустынной Кампании попадаются osterie (харчевни), где под конец странствия подкрепляемся жареной смесью Fritto misto и местным вином, очень приятным напитком не крепким, а обладающим какой-то особой радостью.

Начал работать в мастерской или студии. Начал делать этюды для картины «Кто из вас без греха». Вообще жизнь Христа меня с давних пор интересует, и вот из этой жизни мне хочется изобразить несколько эпизодов.

Утром в кафе Греко, там получаются письма. Обедают в траттории вкусно, просто и дешево. Из всех блюд самое местное это Fritto misto, смешанное жареное —овощи, кусочки рыбы и каракатицы, дикая спаржа, какие-то коренья — словом, именно всякая смесь.

После обеда я иду вдоль главных улиц: via Condotti [Виа Кондотти] и Корсо; в маленьких магазинах всякие недорогие, но очень художественные изделия: лаковые брошки, кораллы, мозаики, поддельный жемчуг. Есть и картины и очень талантливые.

Вечером большинство художников собирается в уже названном кафе Греко, он заменяет клуб. Тут испанцы, немцы, поляки, немного русских. Французов нет, их говора не слыхать, у них своя академия.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 1 ноября 1872 г.*

Твои письма, дорогой мой Вася, составляют для нас всех большое утешение. Спасибо тебе, что часто и подробно пишешь. Бабаша пишет сама к тебе, она очень довольна, что получила твое письмо. Такая она любящая, что на всех ее внуков достает у нее много любви. И хорошо вы делаете, что умеете это ценить. Папа крепко тебя обнимает, он всякому твоему письму радуется от всей души. Теперь папа принялся очень усердно за Археологическое общество. Вчера было собрание общества для обсуждения работ бывшего съезда, и для издания в свет трудов, которые были тут заявлены. Выбран для этого комитет, и Общество признало нужным избрать Дмит[рия] В[асильевича] председательствующим этого комитета. «Нам нужно связующее начало, цемент,— говорили почтенные члены,— и Вы-то этим будете для нас всех»..

Третьяковская галерея.

В. Н. ВОЕЙКОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 1 ноября 1872 г.

Получила твое письмо из Рима, мой милый друг Вася, от всей души благодарю тебя, что, имея такую обширную корреспонденцию, ты успеваешь всем писать и меня не забываешь.

Слава богу, что ты здоров, но видно, что ты не так весело проводишь время в Риме, как ты сам и мы все думали, когда ты ехал в Италию, где сборище всего знаменитого искусства всех времен..

Ты рисуешь теперь, мой друг,— и время быстро летит, но нужен отдых, и в эти минуты отдыха хотелось бы тебе быть в твоей семье, к которой ты так привык, что в Италии ты вздыхаешь и желаешь хоть один вечерок провести с родной своей семьею, как ты сам пишешь..

Сегодня у меня все обедали, а тебя одного недоставало, мой друг.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** [Петербург] 7 ноября 1872 г.*

В пятницу я слышала Nilson [Нильсон] в «Фаусте» и такой прелести не ожидала. Что за голос, что за чувство, какая простота изящная. Лиля говорит: c'est juste la Gretchen que Goethe a revé [это именно та Гретхен, которая представлялась Гёте]. Белокурая, высокенькая, стройная, я еще такой в «Фаусте» не слыхала. По-моему, несравненно и голосом и игрой выше Лукки. Знаю, что ты этому не поверишь, но если бы ты ее видел и слышал, то со мною согласился бы [11].

Крепко тебя обнимаю. Хоть бы на несколько часов слетала в Рим, взглянуть на тебя, на твою студию и работу..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Рим. 29 ноября 1872 г.***

Сегодня вечером, да вероятно и всю ночь, было совершенно особенное явление. Громадное количество падающих звезд, совсем вроде огненного дождя. Еще летом об этом говорили и называли «Weltuntergang» [конец света]. Кто боялся, а кто нет.

Дело в том, что планета Земля проходила через хвост кометы Биелы. И вот мне пришлось видеть это событие в Риме с высоты Скалинаты у Тринита деи Монти.

Явление было изумительное, по французской терминологии «феерия».

По вечерам начал ходить в рисовальные вечера под названием «Академия Джиджи». Старый натурщик в каретном сарае устроил костюмный и натурный классы. Много молодых художников, особенно испанцы. Фортуни занимался в этой «Академии» и прославил ее своими акварельками. Он испанец и окружен молодыми испанцами. Они как бы примируют. Действительно, они очень талантливы.

Подходит ко мне господин и спрашивает по-русски, я ли приехавший пенсионер Академии Поленов. Это был Прахов, посланный университетом для кафедры по истории искусства. Он пригласил меня к себе. Жена его очень милая особа, угостила меня чаем. Там познакомился я с пианистом и композитором Ивановым.

Декабрь 1872 г.

Там же познакомился я с Катериной Алексеевной Мордвиновой и ее сестрой М. Оболенской, очень приветливыми особами.

Там же я встретился с Мамонтовым, который бывал у нас, когда гостил Федор Васильевич. Он между прочим сообщил мне, что есть проект вести железную дорогу на Север, через ваши места; я так обрадовался, что

обещал ему расписать станцию фресками; если будет решено строить узкоколейную железную дорогу, то нас не обойдут.

И вот в Риме я узнал, что осуществляется наша мечта.

Жена его, Елизавета Григорьевна, пригласила к ним обедать. Мне они показались очень простыми и симпатичными людьми.

Новые знакомые спрашивали, ознакомился ли я с картинными галереями Рима, я сказал, что еще плохо, что Адриан Викторович [Прахов] гораздо лучше знает, чем я. Действительно, он живет в Италии уже два года и по всему видно изучил ее хорошо. При этом, кажется, человек очень живой и не педант.

Прахов брат того ученого филолога, который бывал у Изм[аила] Ив[ановича] Срезневского.

Прахов сказал, что скоро приедет И. Репин.

** Рим. Январь 1873 г.***

Познакомился с художником Рицциони. Он уже давно в Риме, его маленькая картина «Евреи в синагоге во время чтения древних книг» удивительно живая вещь. Он очень приветливый и готов всем поделиться.

В ресторане встретил художника Боткина. Он очень был близок с Ивановым, у него Иванов умер в Петербурге. Я его много расспрашивал об Иванове. Под конец он был как будто преследуем манией, что его хотят отравить. Мастерская его была на «Виа Систина», возле церкви «Тринита», хорошо бы побывать в ней.

Карнавал (масленица). Римляне и иностранцы веселятся. Но что удивительно, что, несмотря на громадное стечение народа, экипажи ряженых, то есть костюмированных и маскированных людей, крики, свист, хохот, бросанье друг в друга известки, под названием «конфетти», ни давки, ни толкотни, все как-то скользят, не задевая друг друга, и веселятся, и не видать полиции.

Прахов пригласил меня съездить в древний Этрусский городок Корнетто, к нам присоединился Антокольский. Иванов сюда ездил для этюдов и взял пейзаж [12], то есть горы. А первый план, по словам Боткина, он взял в Альбано.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 10 января 1873 г.*

..Чистяков бывает у нас, он здоров и пишет картину «Христос, благословляющий детей». Вместе с тем сделан адъюнкт-профессором в Ака-

демии, с назначением жалования около пятисот руб[лей] в год. Это неважно, но ему обещали квартиру.. Его очень занимает преподавание в классах, и когда его дежурство, то очень многолюден становится класс. Вчера он дал первый урок Лиле. Начал теорию рисунка по тому же бюсту Аполлона, по которому и ты рисовал.

Павел Петрович обещал тебе написать..

** Петербург. 24 января 1873 г.*

..Очень и очень были мы довольны, что ты веселился на Корсо [13]. Когда долго нет весточки, то воображение пугает всякими невзгодами на чужой стороне. Слава богу, что ты здоров и весело тебе живется в Риме. Павел Петрович все это время говорил, когда про тебя спрашивал: «А теперь ему очень весело в Риме — там карнавал». Он очень исправно приходит по вечерам к Лиле на урок. Прежде был гипс, а теперь Лиля карандашом кончает портрет Авдотьи Яковлевны. Потом, вероятно, возьмут натуру из академических — молодую головку. Были мы у Павла Петровича с Лилей. Очень мила его картинка «Девочка с собачкой», но еще не кончена..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[Рим] 15 февраля 1873 г.

Дорогой друг, собираюсь тебе писать вот уже много времени, да из этого все толку не выходит, авось теперь что-либо выйдет.

Ты, конечно, знаешь, что я путешествую по загранице уже около осьми месяцев, одним словом, с тех пор как мы с тобой в Москве через решетку говорили [14]. В разных местах побывал, много разных чудес перевидел и теперь нахожусь в вечном городе, преславном Риме. Видел я горы, большущие-пребольшущие, озера зеленые-презеленые, видел реки разных размеров, текущие не медом и млеком, а больше помоями, наконец, видел груды векового мусора, накопившегося и накопляющегося в городе, которому предстоит, как полагают, вечность; много чего и другого видел и все-таки скажу, что наша плоская возвышенность роднее и симпатичнее мне, чем все эти чудеса, и не раз являлось желание убежать отсюда и прикатить к вам посмотреть, как у вас живут-могут. Здесь, в Риме, жилось пока отлично в некоторых отношениях, но чисто от случайных событий и нисколько — от римской свободной жизни. Сам Рим — как бы тебе сказать — не то, что бы не хорош, и климат в нем по временам славный, и небо бывает иногда действительно довольно темное, итальянское, и пейзаж вокруг не похож на российский, а, несмотря

на то, он какой-то мертвый, отсталый, отживший. Существует он [...] сколько веков, а даже и типичности нету, как в немецких средневековых городах, где с одной стороны улицы на другую можно из верхних окошечек руку подавать, а влюбленная немецкая парочка может даже целоваться. Нет в нем той красоты, которая так пленяет в новых европейских центрах, Париже, Вене, Петербурге. Нет в нем и жизни своеобразной, собственной, а весь он как будто существует для иностранцев, все эти выкопанные, расчищенные форумы, базилики, термы как будто построены для англичан и американцев.

О художественной жизни в современном смысле и помину нет, художников много, а толку мало; работают все замкнуто, каждая национальность отдельно от другой, студии их, хотя и отперты, но главным образом опять же для богатых заморских покупателей, так что и искусства подгоняются к их вкусу. Во-первых, чтобы англичанину не показалось неприличным, во-вторых, чтобы не было слишком велико, дабы с удобством могло находиться в кабинете, наконец, чтобы было непременно что-нибудь напоминающее Рим, чтобы могло служить сувениром, ну и пишется все то же и рубится все одно. Словом, Рим есть мануфактурный город, поставляющий другие промышленные места своим местным производством. Недавно открылась тут годичная выставка, боже мой, что за ничтожество; у нас, на кассовой выставке [15] проглядывало какое-то движение, чуялось в будущем что-то хорошее, а тут в настоящем плохо, а в будущем и того меньше, потому что римский художник уже в первой своей картине является рутинным подражателем. Римские художники, которые стоят уже крепко, больше ловкие аферисты, или, выражаясь по-русски, пролазы. Впрочем, это общее впечатление, которое производят итальянцы: грубы, неразвиты, необразованны и такие же мошенники, как и всюду, только с оттенком трусости и подлости.

Разумеется, между ними есть исключения, есть таланты, даже очень крупные, но редко они выбиваются, а выбившись, превращаются в фабрику. Старые итальянцы меня тоже не увлекают, особенно цветущей эпохи Возрождения, начавшейся с легкой руки Буанаротти. Сам он поражает своей рельефностью и силой. Что за смелость фантазии, что за умение подметить и передать самое быстрое движение, самые мимолетные повороты и выражения (внешние), наконец, что за необыкновенная плодовитость и разнообразие самих отраслей труда, все это изумляет тебя, но при всем том смотришь и приходишь к заключению, что *художественного в его творениях мало*. И вот с легкой руки этого *барочного титана* почти вся Италия пошла писать по его следам. В *Риме* галерей и музеев много, но хорошего, сравнительно, в них *меньше, чем — да хоть бы в нашем Эрмитаже*. Исключая станцы Рафаэля, сикстинский плафон и несколько отдельных хороших холстов, бóльшая часть — *произведения второго и третьего разбора*, а главное, уж очень они все однородны и *однообразны*.

Пока будет браниться, скажу тебе кое-что о своей собственной персоне: не понимаю, кто мог тебе рассказать, что я шесть картин написал, я действительно хотел написать и не шесть, а больше, со временем, а в голове у меня еще их больше, чем сколько когда-либо напишу, но теперь пока написал только одну, да и ту уничтожил, как увидел, что вздор делаю,— сначала я принялся было усердно за работу и дело пошло недурно, но вдруг я попал в такую круговоротную струю, что совершенно завертелся в суете мирской, а о своем собственном аскетическом подвиге и забыл... теперь уж не знаю, оставаться ли в Риме или удрать. *Художник, пока работает, должен быть аскетом, но влюбленным аскетом*, и влюбленным в свою собственную работу и ни на что другое свои чувства не тратить... впрочем, я может быть и вру, иногда наоборот совсем бывает, а дело только выигрывает.

Поэтому прощай покуда, мой поклон Савицкому, Макарову, Урлаубу и другим всем друзьям и товарищам. Напиши, что делаешь ты, они все, что наша касса, как ее дела, она меня очень интересует, вообще опиши подробнее все, что ни есть у вас в Питере.

Твой В. Поленов.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 23 марта 1873 г.

Послала тебе телеграмму, дорогой мой Вася. Ждем твоего ответа с нетерпением. Письмо твое от 14/26 марта нас глубоко огорчило и очень встревожило [16]. Приезжай к нам, голубчик мой, дорогой. В родной семье ты найдешь отраду.

Если ты решился на отъезд, то телеграфируй, и папа, в случае нужды, попросит здесь кого следует, чтобы тебе было выслано позволение возвратиться в Россию немедленно.. Возвращайся, душа моя, в родную семью, где ты так дорог, так дорог, что о тебе теперь сердце так и надрывается. Пиши поскорее, отвечай нам, на что ты решился. Подумай о папà. Он просто не знает, что и сделать, чтобы облегчить твое горькое чувство и поскорее тебя увидеть. Возьми над собой власть, дорогой мой Вася, не предавайся безотрадному унынию, когда еще есть столько людей, которых ты горячо любишь и которые тебя так любят. Лиля, бедненькая, так бы к тебе и полетела... Если тебе тяжело приехать сюда, поезжай к Вере в Киев на весну. Поживи с ней и с Хрущовым, им будет большая радость.

Любящая тебя мать.

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 31 марта/12 апреля 1873 г.

..На этой неделе получили мы твое второе письмо после понесенного тобою глубокого горя. Все мы теперь здесь живущие вполне разделяем его с тобою и понимаем твое положение. Но нам грустно еще и то, что никто из нас не может доставить тебе истинного утешения. Утраты, подобные твоей, не утешаются словами. Тяжело тебе, очень тяжело! Не меньше твоего и нам знать, что ты в таком горе и один. Я и мама надеемся, что время, как и со всеми другими, облегчит и твою рану. На тебя она подействовала еще сильнее потому, что она еще первая, и что до сих пор ты, можно сказать, был избалован удачами. Но жизнь, ты и сам это должен знать, не может состоять из одних удач. Уж так она устроена. Как мы ни сокрушаемся о тебе, но я все-таки советую тебе и прошу не предаваться такому отчаянию, которое мы видим из твоих писем. Ты должен быть человек дела и забывать об этом — тебе не следует. К этому ты припомни, что у тебя еще остались люди, которым ты дорог.

На прошлой неделе заходил к нам Семирадский и принес твое давнишнее письмо, то, которое ты дал ему перед его отъездом из Рима. Хотя он приходил к нам в то время, когда мы уже знали о твоей печали, но нам все-таки было приятно его видеть и слышать разные о тебе подробности. Я всего более интересовался твоими работами, и он передал нам много такого, что нам приятно было узнать. Вчера он и Чистяков у нас обедали и оба очень много разговаривали о Риме и о тамошней жизни..

Третьяковская галерея.

В. Н. ВОЕЙКОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Петербург. 31 марта 1873 г.*

Твои письма, твоя телеграмма, в которых ты нас извещаешь, мой милый друг, о душевном твоем горе, так глубоко нас всех поразило и так сильно огорчило, что мы все не имеем спокойной минуты, зная, как ты страдаешь, и видя по твоим письмам, в каком отчаянии ты находишься; и в это тяжелое время ты на чужой стороне, в семье не своей родной, и где каждое место напоминает тебе невозвратную твою потерю..

Я же, с моей стороны, готова материально помочь, напиши, мой друг, чего ты больше теперь желаешь и что может тебя хоть немного утешить, подумай, как ты всем нам дорог и как твое спокойствие составляет спокойствие и счастье твоего отца и матери. Если же не хочешь приехать теперь в семейство твое, то вот мое мнение, уезжай из Рима.. У нас был твой

товарищ Семирадский, который тебя очень полюбил и выхвалял твой талант и твои этюды в Риме, и также начатую твою картину [17]..

Кончаю мое письмо, если ты не приедешь, повторяю тебе, что у всех здесь одна мысль: не оставлять тебя одного.

Целую тебя.

Твоя старая старуха, тебя сильно любящая.

В. Воейкова.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 8 апреля 1873 г.*

..Сейчас получили мы письмо от Васи. Он пишет, что, слава богу, здоров и принялся за работу. Просит, чтобы никто из нас не приезжал к нему теперь. Что вы за богачи такие, говорит Вася, чтобы разъезжать по Европе, когда никакой необходимости нет. Говорит, что здоров, буду работать пока сил хватит, а силы пока есть. Теперь же приезд кого-либо из вас может расстроить мои занятия. Говорит, что Мамонтовы, Праховы отнеслись к нему как к родному и с ними можно по душе поговорить..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 10 мая 1873 г.

У нас теперь гостит Федор Васильевич, дорогой мой Вася. Перед своим отъездом из Москвы он видел твоего.. хорошего приятеля Мамонтова, который ему много о тебе говорил. «Он очень и очень полюбил Васю и отзывается о нем с большой похвалою». Говорит, что, слава богу, ты здоров и принялся усердно за работу; эти вести очень порадовали папа̀ и нас всех, дорогой мой Вася, твои встревоженные письма нас так напугали, что все думалось о тебе, здоров ли ты, и твои слова, что ты здоров, мы принимали за успокоительные слова для нас..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 31 мая 1873 г.*

..Алеша писал тебе, Вася, о болезни и кончине дорогой нашей бабушки. Ужасно неожиданно это случилось и так скоро нашла болезнь, что

мы не успели опомниться, а ее уже не было на свете. Мама сама хотела написать тебе, но ей столько предстоит хлопот и разных распоряжений, что она теперь не имеет времени, а желает, чтобы ты не оставался совсем без писем. Тело везут в Тамбов, в Тригуляев монастырь, где погребен дедушка Алексей Васильевич. Мама поедет туда через несколько времени с Костей, я же останусь здесь с папа́, а когда приедут сюда Хрущовы, то с ними — в Имоченцы, там будем тебя ждать, туда после и мама хочет приехать..

Третьяковская галерея.

П. П. ЧИСТЯКОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Липицы* [*июнь 1873 г.*].

Сейчас только получил письмо Ваше, многоуважаемая Елена Дмитриевна, и очень жалею, что оно немножко опоздало, и я не мог отдать последний долг дорогой бабушке Вашей, и многопочитаемой и уважаемой мною старушке, на которую я, как художник, любил всегда смотреть. Смерть ее я предчувствовал по цвету лица, но таким предчувствиям не хочется верить. Вовремя и сделавши свое дело, умереть не страшно, даже следует... конечно... ну да что об этом философствовать! Благодарю Вас, многоуважаемая Елена Дмитриевна за письмо.

Искренне преданный Вам

Павел Чистяков.

Бедная жена моя была очень огорчена, она ведь очень любила Вашу бабушку.

Архив Поленовых.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Абрамцево. 21 июня/3 июля 1873 г.

Здравствуйте, милый друг мой, Василий Дмитриевич, исторический и иных родов живописец. Где вы набираетесь впечатлений? Будь я сухой искатель результатов во что бы то ни стало, я бы подозрительно покачал головой и пожал плечами, то есть: «жаль, юноша способный, а баклуши бьет нещадно».. но я этого не делаю. Не теряйте только Вашей техники — жизнь, которую Вы пьете (то есть начали пить) полной чашей, дает Вам силу, это верно. Сравните Ваши два сюжета: первый — придворный, и позднейший — смерть девушки [18]. Второй ведь уже с царапиной, и слава богу! Я жду Вас в России, ведь и здесь можно оцарапаться. Не шутя, приезжайте!..

Я пока, увы, кроме своих прозаических сюжетов, ничего не обрабатываю. Глина моя покоится в недрах земли, но не надолго, к Вашему приезду будут дивные изваяния [19]. Милый Мордух [20] пишет часто. Черкните и Вы, ведь не отвалится рука!

Ваш совсем *С. Мамонтов.*

Напишите о Ваших планах, или Вы подобны утлой ладье, гонимой ветром?

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Неаполь. 8 июня 1873 г.***

Подходим к Неаполю, темнеет, вдали виден силуэт об двух вершинах. На верху более высокой — небольшое белое пятно, вроде панаша, это Везувий. Неаполь есть большой приморский город. Стон стоит неимоверный, все кричат, оглашая воздух над трущобами. Но все это пропадает в красоте морского залива, дымящейся горы и изумительно красивых окрестностей. Но поэтическая «Santa Lucia» [Санта Лючия] отходит в предание, море от этого берега отходит, как оно отошло от многих береговых местечек, зато, утешают себя итальянцы, увеличивается песчаная — «Пляж», действительно, эти песчаные отмели составляют одну из привлекательных сторон морских набегающих волн [21].

На Везувий приходится восходить по рыхлому, какому-то темно-серому составу, это так называемый пепел Везувия. Наверху под ногами горячо, из щелей вырываются струйки пара, а из середины валит огромный столб паров, превращающийся в облака. Гора после прошлогоднего извержения все еще не успокоилась, по временам все еще слышны подземные раскаты.

Городок Торрэ дель Греко не один раз заливался лавой, которая тут докатывается до моря. Ведь лава не течет, а катится. Тут то же, что и в швейцарских горах, пока подымаешься, ничего не видишь, кроме серой земли под ногами, и вдруг кратер, то есть самое огнедышащее жерло. Огромные скалы, покрытые серой, и клубящийся беложелтый столб пара.

У подножия Везувия, как известно, были в древности небольшие поселения, городки, теперь их выкапывают из-под пепла, больше всего сохранившийся городок — это Помпея, правда, она разрушена землетрясением, случившимся до извержения, но все-таки древняя жизнь с ее особенностями очень ясно вырисовывается.

Попадаются в разных местах художники, пишущие этюды. Удалось и мне сделать несколько набросков карандашом и краской. Везувий на берегу моря и берег Сорренто я сделал себе на память.

Италия представляется мне не такой, как принято ее изображать. Желто-красных тонов я как-то мало вижу, разве при закате, а мне представляются скорее серебристо-оливковые, то есть серые.

Показывая мне и Репину Помпею, Адр[иан] В[икторович] Прахов рассказал интересное предположение, что третий городок, погибший от извержения Везувия,— Стабия находится под деревней Сканцано, [там] недавно были открыты богатые фрески. Геркуланум и Помпея были небольшие приморские порты, а Стабия состояла из вилл знатнейших римских патрициев и, вероятно, обладала лучшими сокровищами древнего искусства, может быть, оригиналами греческой скульптуры и живописи и что предполагается создать общество (в Англии), чтобы начать раскопки, и теперь идет торг об условиях, что может быть увезено и что должно остаться. Если так, то нам предстоит увидеть новый мир из античного искусства.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Кастелламаре. 2 июля 1873 г.

Дорогой Федор Васильевич? Давно собираюсь поделиться с Вами моими впечатлениями, вынесенными за это последнее время, теперь улучил свободный часок и пользуюсь им; расскажу Вам мой взгляд на Италию.

Италия произвела и производит на меня совершенно другое впечатление как на Вас и вообще на всех тех, которые ее знали прежде. Мне она представляется страною восточной, полудикой, но без первобытной простоты и патриархальности стран настоящего Востока, напротив того, она мне кажется страною нравственно испорченною и сильно измельчавшей в интересах. Она теперь обратилась в большую проезжую дорогу, очень любопытную по своему прошедшему, по которой ездят все больше праздные богачи, туристы и которых туземцы так и норовят как бы обмануть и стянуть лишний франк или сольд. Конечно, я в глубь страны не входил, и поэтому с полудикими горными жителями мало имел столкновений, те, должно быть, остались такими же, как были и прежде. Но все, что до сих пор встречается мне на пути, это смотрит на путешественника иностранца как на доходную статью, с которой чем больше лупить, тем лучше.

Вы были в Италии, когда на ней лежал поэтический (со стороны) оттенок иноземного ига, особенно на Венеции. (Этот оттенок составляет и теперь симпатичность Польши для Европы и нравственную силу ее.) Оттого и Италия тогда была так симпатична передовым людям, теперь она

имеет всякие либерты, а ее интересы из крупных, человеческих, стали самыми буржуазными. Всякий обратился в торгаша, стремящегося сколотить себе поскорей и побольше деньжат, чтобы насладиться спокойствием буржуазной доходности без дела.

Венеция теперь вымирающий город, насколько мне показалось, но что у нее до сих пор завлекательно, это ее прошедшее. Помимо своей, в высшей степени интересной индивидуальной особенности, вследствие ее исключительного географического положения, в ней история сохранилась так цельно, так свежо, что все это вместе делает ее одним из интереснейших старых городов Европы.

Рим имеет еще больше на себе слоев истории, с одной стороны, это есть город обломков, и при том каких обломков, гнусного древнего Рима с памятью обо всех его омерзительных отвратительностях, с воспоминанием о зверском императорстве, животном рабстве, бесчеловечной черни. Средние века и начало новой истории дают в Риме папство, с его роскошью, развратом, инквизициею, иезуитами; в искусстве Рим дает безобразный тяжелый барок, огромные, но безвкусные сооружения как в архитектуре, так и в живописи и в скульптуре. Наконец, новый Рим стал городом, существующим больше для иностранцев, чем для самого себя, вся его промышленность, торговля, даже искусство только ими и держатся, только под их вкус или моду и подделываются; никакой самостоятельности, никакой живой струи неприметно, словно в них жизнь умерла.

Венеция если теперь не имеет, то имела прошедшее богатое и в торговом и в политическом отношении, а особенно в искусстве; и подобного Веронезу я ничего не видывал в художниках среднеитальянских школ.

Рим в своей истории представляет ряд бесчеловечностей и, если появляются великие и светлые личности в истории Италии Аллигиери, Буонарроти, Фальери, Вечелли, Кальяри, Колумб, Манин, Маццини и т[ак] д[алее], то все с севера из республик.

Теперь я в Неаполе в Кастелламаре, купаюсь в море и созерцаю Везувий. Неаполь произвел на меня впечатление огромного, грязного многолюдного города, с самым жалким, больным, нищенским населением. Кстати, еще в нем поел всяких морских диковин и чуть на тот свет не отправился. Вообще я чувствую себя в Италии очень не у себя, как-то без почвы, без смысла, а при том еще расслабляющая жара действует на меня, жителя северных обонежских лесов, очень отупляюще.

Прощайте дорогой дядя, крепко Вас обнимаю, от всей души любящий Вас

В. Поленов.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 12 июля 1873 г.

Вас, прелестный друг мой, Вас[илий] Дм[итриевич], иногда разобрать трудно, где Вы шутите и где всерьез говорите. Вы, в письме Вашем (которое само по себе сделало мне удовольствие далеко не из последних) рассказываете, не то что вскользь, а так как будто о чем-то очень обыкновенном, вроде приятной закуски после рюмки водки, о намерении Вашем, Репина, а может быть, и Мордуха переселиться на некоторое время в Москву и здесь работать. Не говорю уже о том, что Москва в день приезда Вашего придет навстречу со всеми чудотворными иконами из города и окрестностей — я-то (по непреложной воле судеб, я всегда интересуюсь собою всласть) вижу в этом для моей персоны целый мир в будущем.

Вы, серьезно говоря, не сделаете ошибки, если целым кружком поселитесь в Москве на некоторый срок для работы. Вне всякого художественного центра Москва все-таки может дать много самобытного, свежего, не загаженного материала для художника. А общество? Общество везде есть и хорошее и дурное, надо только уметь попасть, да, наконец, можно сгруппироваться на славу. Итак — avanti [вперед]! Жду и писем и Вас. Хороший Ваш приятель

Савва Мамонтов.

Третьяковская галерея

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Неаполь. 21 июля/2 августа 1873 г.*].

Как жаль, что я утерял право бранить тебя, мой милый Базилио [22], теперь я должен безропотно довольствоваться теми крохами, которые ты соблаговолил мне из Вены. Я не ответил тебе из России, я был дома, сыт по горло и ленив, как истый россиянин; теперь не то, теперь я ужасно голоден: я написал уже десятка два писем и пока очень мало получил ответов. Каюсь, я буду исправляться, как могу.

Ты хоть пощадил бы авторское самолюбие — о моей картине ни слова, ни замечания [23].

Жаль, что мы не были вместе, и говорить нечего, что я теперь упивался бы там всем, как божественным нектаром; во-первых, теперь я почти здоров, а во-вторых, Италия все время трубит мне и во сне и наяву: «Друг мой, ты очень прыток, в тебе избыток варварских сил и ты думаешь, что ты сможешь сделать лучше других, нет, шалишь!» Сделать что-нибудь хорошее ужасно трудно, ты сам увидишь, как поживешь подольше у нас; ты сделаешься такой дрянью, таким ничтожеством, что будешь благоговеть перед последним богомазом Италии (ему покровительствует уна Мадонна, а тебе кто?). Так делали до сих пор все твои соотечественники

и более всех самый лучший ваш Signor Paul Ч [синьор ПаульЧ][24]. Вот только разве Поленов не сдается; да он очень рано убежал отсюда...

Я просыпаюсь. Духота, жара, лень двинуть пальцем; на сквозной ветер боюсь идти, и так уж очень кашель допекает... Ах, поскорей бы отсюда! Бежать без оглядки, несмотря на чудные персики, великолепные сливы, фиги и прочие блага, которых тут теперь вдоволь; появились даже мои любимые арбузы и дыни.

Да, о вещах на Венской выставке я уже думаю теперь как о едва возможном; может быть, это было во сне. Невероятно, чтобы человечество поднялось до этого гения. Мы были на Капо ди Монте... Каспучини, Землечини, Сухачини, Грязини... мне даже дурно сделалось; слава богу, попался Боскетто, и я отвел на нем душу (тоже ученик Морелли[25], тоже общеевропейская вещь). Как просто, как живо, как свежо! Я напивался им, как изнемогающий в Аравийской степи у студеного ключа вдруг очутился.

С Адрианом в Неаполе мы были в студиях у Альтамура и у Дальбоно (очень интересно, тоже ученики Морелли). Адриан уехал в Вену; вместе с твоим письмом мы получили и от него из Триеста; он вот так совсем иначе: он, сев на пароход в Анконе, долго еще не может оторвать взгляда от прекрасного профиля прекрасной страны.., в которой так много... и пр[очее] и пр[очее].

Хороша Академия наша: до сих пор ни слуху, ни духу, ни денег... Так меня мучит, что я задолжал тебе.. До сих пор ни дождинки, ни росинки, беловатого дыму так много накопилось, что Сарнских гор совсем не видно, а Везувия только верхушка и курит по-прежнему...

Третьяковская галерея.

ГЛАВА V. 1873 год

Всемирная выставка в Вене. Жизнь в Имоченцах. Первая поездка в Абрамцево.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. И. МАМОНТОВУ

Имоченцы. 29 июля 1873 г.

Приехал из Вены и получил Ваше ответное письмо, на которое теперь отвечаю, милейший Савва Иванович.

Вы говорите, что я говорю слишком легкомысленно о прожекте поселиться в Москве, а я говорю об этом самом прожекте совершенно

не легкомысленно, взвесив предварительно на весах размышления если не все, то некоторые, даже многие стороны сего предприятия, и Мордух, человек солидный, и Репин, человек умный, с одобрением кивали головой. Какая же после этого это шутка? В Вене много хорошего, Макс нонче выше других, это правда, но французы-то молодцы какие; после всех невзгод, которые их потрепали, они дали полторы тысячи нумеров художественному каталогу. Но не одним количеством они высоки, они и качеством выше других, особенно формально.

Теперь я в деревне, дышу à plains poumons [полной грудью] после душной, зловонной Италии; какой у нас сосновый воздух! Итальянцы не подозревают, что такой на свете существует. К Вам когда соберусь, пока еще не знаю, ибо очень теперь занят: то мокну на дожде, то сохну на солнышке, а то так спущаю змей (огромный с клапанами и атютантами), бросаю плоские камушки по реке с деревенскими мальчиками, тоже пишу этюды, впрочем, последние так, изредка, в виде отдыха [1].

Архив литературы и искусства.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 11 сентября 1873 г.*

..Жилось нам в Имоченцах превосходно. Вся семья была в сборе. Из посторонних приехал к нам Растовский, да с дочерьми приехала англичанка, для упражнения в английском диалекте и очень сошлась с ними.

Вася преимущественно посвятил себя рекоплаванию, устроил флот с парусами (всего было две лодки) и самым ревностным и неутомимым ему помощником был Костя. Когда все было изготовлено, то они пустились в отдаленные плавания по нашей реке Ояти. Я с Машей раза два тоже в них участвовали; а когда они бывали одни, то возвращались не раньше девяти часов вечера; оставаясь без обеда, но не голодные, потому что набирали с собой разной провизии, которую приготовляли как-нибудь на берегу. Вера, слава богу, переносила все эти прогулки удачно. Костя, кроме удовольствия, делал геологические исследования и привозил груды камней с какими-то доисторическими формациями. Алеша, хотя и принимал во всем участие, но относился к этому немного свысока. Он больше подвизался насчет политической экономии и просмотрел весь твой «Вестник промышленности», в котором нашел несколько промахов. Две девицы, Лиля и англичанка, не отставали от компании и участвовали в качестве гребцов и поварих, а Лиля еще содействовала и по части геологии. Эти водные удовольствия перемежались с сухопутными поездками.

Вечера, если молодой народ не очень уставал, посвящались чтениям. Читали какое-то сочинение о Земле, потом перешли к астрономии, и все это с пояснениями и толкованиями.

Вот тебе, друг мой, краткий отчет о нашем летнем пребывании в Имоченцах. Как бы ни было, но мы и все приезжающие к нам, оставляют их с грустью.

** Петербург. 23 сентября 1873 г. Вечером*

..Завтра Вася собирается ехать в Москву и приедет прямо к тебе. Ты во всяком случае с ним не церемонься. Если Дельвиг еще у тебя, то не нужно, чтобы Вася тебе мешал. Он найдет себе притон и, кажется, рассчитывает на Мамонтова. Но мне особенно хотелось бы, чтобы он с тобой почаще виделся, когда ты на свободе, то есть вечером. Ежели найдешь случай, то проэкзаменуй его. Мне как-то не совсем нравится его слишком реальное направление. Если и ты заметишь в нем то же, то не примешь ли труда отвлечь его немного от этой дороги. Я вообще нынче с ним не спорю. Но вот тебе один факт. Говоря с ним о его работах, он сказал мне, что у него много начатых картин, которые он думал продолжать нынешней зимой и их кончить. В числе их одна имеет сюжетом Jus prima nocti [Закон первой ночи]. Ну что это за сюжет? По описанию, которое Вася мне сделал, самого jus [закона]-то и нет. Представлено будет несколько лиц, которые, может быть, и удачно будут написаны, но как самого дела не будет изображено, то и давай картине какое хочешь название. А название ей будет дано только для красного словца. Ведь мало ли было в человечестве безобразий, ну и заведывай ими история, а зачем же изящество-то портить ими?..

** Петербург. 30 сентября 1873 г.*

..Третьего дни мы провели весь вечер вместе, совершенно одни, и он показывал мне некоторые, очень немного из своих эскизов. Что же между ними было? Казнь Лопухиной. Не знаю, известна ли тебе эта история? Она и сестра ее Балк были публично наказаны кнутом при Елизавете Петровне, черт знает за что! Кажется, за то, что Лопухина, первая красавица того времени, имела глупость похвастать, что она даром что не императрица, а будет получше ее и по красоте и по уму, и проч[ее]. Их с семейством обвинили в каком-то заговоре, и пошла писать [2].

Что же представлено на картине? Эшафот, верхняя его часть. В стороне стоит столб и к нему привязана за руки полуобнаженная женщина,

которая как бы упала на колени. Руки подняты кверху и между ними видна ее опущенная голова, лица не видать. В некотором от нее расстоянии стоит почти всем фасом к зрителям мужчинища с плетью в руках. Я заметил ему некоторые исторические неверности; но не мог не сказать, что не люблю подобных сюжетов..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Берлин. 2 декабря 1873 г.***

..В новой галерее наверху удивительная картина Сегантини: в Альпийских горах старик везет гроб, может быть сына, а может быть какого-нибудь путника, на нем сидит женщина и ребенок, фон — снежные вершины, освещенные заходящим солнцем. Изумительно! Еще хорошая вещь «Der Stier im Wasser» [«Бык в воде»].

** Дрезден [декабрь 1873 г.]**.*

..Чудные четыре Веронеза, изумительный колорит.

Мадонна Рафаэля с будущим покорителем мира — очень сильно, и прелестны ребятишки внизу, жаль, что старик в желтой ризе и улыбающаяся девица портят торжественность и наивность настроения [3].

Третьяковская галерея.

ГЛАВА VI. 1873—1874 годы

В Париже. Общение с Репиным. Боголюбовский кружок. Картина «Право господина» на весеннем Салоне 1874 г. Лето на берегу океана в местечке Вёль. Поездка в Этрета — «Лодка с черными парусами». Начало работы над картиной «Арест гугенотки». Приезд родителей в Париж

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Киев. 9 декабря 1873 г.*

Итак, ты опять в Париже. Вася. Какое он нынче сделал впечатление на тебя, вероятно лучше, чем тогда. В спокойном состоянии, если таковое возможно для Парижа, он симпатичнее, да и ты переменился, многое чему

ты симпатизируешь теперь, тогда ты проходил без внимания. Все-таки французы из всех наций — передовая нация, в ней жизнь кипит.

Работаешь ли ты? Я думаю, ты бы нами был доволен — тебе бы по вкусу была жизнь, которую мы здесь ведем, мы очень много занимаемся разными предметами. Первое и главное — школа, состоящая из восемнадцати человек служительских детей, которые собираются у нас четыре раза в неделю на три с половиной часа. Занимается Вера, я и еще одна бывшая институточка Леля Подвысоцкая, хорошая такая девочка, серьезная, с сильным желанием приносить пользу и трудиться. Желание, которым мы не преминули воспользоваться, и довольно удачно применить к нашей школе. У нас две группы. В старшей группе — старшей ученице четырнадцать лет, а меньшей, самой маленькой — шесть лет!! У каждой из нас по два часа уроков, у Веры центральные уроки, то есть «мироведения», как их называют. Леля Подвысоцкая учит грамоте, чтению и письму, а мне досталась арифметика.— Так как мне никогда не приходилось учить арифметике, то я хожу слушать в маленьких классах института уроки арифметики по новой методе Грубе, и с некоторым успехом применяю их в школе.

..Вечером, когда свободны, мы с Верой читаем. Обыкновенно Вера читает, а я рисую сравнительной величины животных для ее уроков мироведения. Или я читаю, а она красит. Так мы прочли геологию Лайэлля, теперь читаем Конта и потом примемся за Дарвина. Кроме того, раз в неделю к нам приходят немки из института и читают нам новейшие немецкие произведения литературы.

Готовим для наших школьников елку к праздникам. Клеим, красим, шьем. Так проходит время, не весело, но очень наполнено..

Пока прощай. Пиши из Парижа, когда побываешь в Auteuil, rue d'Auteuil № 21 (Отейль, улица Отейль), есть ли следы разорения на этой улице?

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Париж. 8 декабря 1873 г.**.*

Я второй раз в Париже. Он мне больше приглянулся, чем в первый раз. Правда, тогда поглотила меня выставка, которая была непомерно хороша, то есть искусство, собранное за десять лет. Ходишь по этим залам и уходить не хочется. Но сам Париж суетлив и ничтожен.

С тех пор он перенес катастрофу, но Франция да и сам Париж от нее только выиграют.

Отправился к Репину. Очень радостная была встреча, не знаю, чем я заслужил. Вообще он относится ко мне очень дружески. На другой

день пошел на Monmartre rue Veron, 31 [Монмартр, ул. Верон, 31], его мастерская не особенно большая и не слишком светлая.

Репин живет тут уже более месяца и знает всю художественную топографию этих мест[1].

Нашли мастерскую большую, хоть и старую, но светлую. Освободится только через месяц. А пока он позвал меня работать у него. Опять по-товарищески.

Живу теперь я на Monmartre [Монмартре] очень высоко под крышей mansarde [мансарда]. Типичное жилье рабочих и художников. Вид удивительный, весь Париж под ногами. Пошел его осматривать. Сена хоть и не широкая, но так красиво устроена, как-то ступенями, что получает вид почти широкой реки.

Был в Лувре, огромное собрание: картин, статуй, древностей, но впечатление такое, что как-то мало системы, что перетасовано, поэтому очень трудно ориентироваться. В немецких галереях и Эрмитаже, который тоже устроен немцами, больше системы.

Notre Dame de Paris [Собор Парижской Богоматери] считают лучшим зданием так называемой готики, внутри так подновлено, что совершенно пропадает ее вековая старина. Это жаль.

По вечерам мы устроили чтение. Мы поочередно читаем. Я помогаю Репину освоиться в общих чертах с французским языком. Читаем письма Реньо, убитого на последней вылазке. Это громадная потеря не только Франции, но и для искусства вообще[2].

Потом прочли роман Шпильгагена «Один в поле не воин», я начал этот роман еще во время экзаменов, но должен был отложить за неимением времени. Теперь прочли весь. Он немного растянут, но задача или замысел глубоко интересный. Мне представляется, что он охватывает всю нашу эпоху. Герой романа Лео передовой юноша, изображен очень талантливо, крепкая натура, которая для идеи общего блага жертвует всем, а умирает из-за пустяка. Хороша тоже героиня Сильвия, которая сначала с презрением относится к юноше, бедному родственнику, называет его нищим, а потом совершенно подпадает под его власть. И, странная вещь, когда кончаешь повесть, то она как будто уменьшается и даже теряет свой престиж, а эта вещь растет, и глубоко грустно, что так бесполезно погибли люди, имевшие исполнить такие великие задачи.

Париж мне нравится, в нем чувствуешь себя почти как дома, так все приветливы, так все услужливы. Репин находит, что все как-то сделаны на один фасон, правда, культура как-то сравнивает людей, но от этого только легче жить. В общем французы симпатичны, они много и легко работают. На меня они производят впечатление народа талантливого и честного.

Гейне их верно понял и оценил.

Третьяковская галерея.

М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Рим]. 9/21 декабря 1873 г.

Пожалуйста, извини меня, милейший мой Базиль, что до сих пор я ничего не написал тебе. Дело в том, что просто время как-то мало. Но тем не менее я чувствую себя виноватым против тебя и против нашего дорогого Ильи. Надеюсь, что скоро исправлюсь и постараюсь исправить прошедшие грехи.

Теперь к делу. Завтра или послезавтра вещи твои будут высланы и все исполню как можно аккуратнее, лишь бы ты не сердился на меня.

Мы здравствуем хорошо. Время идет незаметно. Я работаю, только работа идет больно медленно, да признаться я не тороплюсь. Я думаю через месяц кончить «Христа»[3], и если кончу, тогда непременно упьюсь пьяным. Уж больно хотелось дойти до конца. Ну это желают все художники, которые творят.

Нового здесь ничего нет. Мы стараемся только не скучать, это главное и благодаря этому каждый учит другого..

Ну, о здешних художниках нечего говорить, ты их знаешь. Здесь приехал Семирадский с женою, он как-то дуется, и я, надо сказать, стараюсь окончательно прервать с ними знакомство, потому они далеко не из наших. Как видишь, все идет хорошо, а все-таки если бы не работа, то можно здесь зевать, сколько душе угодно, и от скуки умереть; только благодаря тому, что теперь здесь семейство Мамонтова, скука не так заметна.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Париж. Декабрь 1873 г.***

В субботу Репин позвал меня идти в русскую церковь. Она очень впечатлительна. Он, оказывается, ходит по субботам ко всенощной, а по воскресеньям к обедне, там собирается известная часть русской колонии. А, кроме того, Репин оказался человеком религиозным. Я очень рад был ему сопутствовать, там чудесное пение.. да и в службе много красоты.

Парижская церковь построена по проекту архитектора Кузьмина. Он был товарищем моего отца, они вместе были в Греции и Константинополе. Оттуда Кузьмин вывез вдохновение и знание Византийского храма. В Петербурге он построил Греческую церковь на Песках и была построена под его руководством Парижская. Она состоит из полукруглых абсидов, распис[анных] живописью, там находятся картины Боголюбова. Одна из них марина — Генисаретское озеро, другая вода[4]; не знаю, чья мысль,

но оригинально и красиво в церкви видеть большие пейзажи. Переносишься в природу и евангельские повествования и легенды.

Репин познакомил меня с Д. А. Татищевым, у него, как и у Боголюбова, собираются художники. Он сам художник-любитель, любит искусство и художников. Он пробыл в Париже всю осаду и очень интересно рассказывает.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. Ф. ИСЕЕВУ

Париж. 16, 17 декабря 1873 г.

Многоуважаемый Петр Федорович! Получил я через Вас от Совета Академии первое предостережение о том, что худо себя веду и не исполняю данных мне от Академии предписаний. Действительно, я нахожу себя неправым перед ее заботливою попечительностью; очутившись на воле, я повел себя худо, как блудный сын, а не как хороший, нравственный, почитающий родителей. Что делать? Уж больно хорошо на воле живется! Но блудный сын под конец покаялся, и я тоже. Опьянение от первой минуты теперь прошло (положим, что эта минута продолжалась немного долго, больше году), но я принял твердое намерение вести жизнь трезвую и хочу начать серьезно трудиться.

Много — и очень много хорошего тут за границей, особенно по нашей специальности; так много, что сначала голова кругом пошла. Прежде всего я попал в Мюнхен. В Вене я этот раз не остановился, а проехал дальше.

Мюнхен в отношении искусства с недавнего времени стал одним из самых живых и интересных центров Европы. В первой половине настоящего столетия он по своему направлению совершенно походил на нашу северную столицу. Тот же искусственный классицизм господствовал тут, как и у нас. Впоследствии, объехав бо́льшую часть художественных центров Европы, я увидел, что это направление было таким повсюду, все шли за французами, только без успеха последних, потому что у французов это направление было самобытным ходом развития их искусства, а у остальных оно было только подражанием, потому и осталось ничтожным. В итальянских академиях — Венеции, Флоренции, Риме, Неаполе — всюду встречаешься с двойниками Егоровых, Шебуевых, Брюлловых и т. д. То же самое и в немецких центрах, также и в Мюнхене. Но вот является Карл Пилоти и своим здоровым и простым взглядом на дело совершенно преобразовывает школу. Теперь там столько молодых, свежих сил, столько различных направлений, самобытных талантов, столько живой производительности, что любо смотреть. Невольно попадаешь

в этот круговорот работы и сам начинаешь горячо заниматься (теперь я очень сожалею, что дольше там не пробыл). Уж не говоря про количество художников, их насчитывают старых и молодых, даровитых и бездарных до полутора тысяч всевозможных национальностей, а только взяв качество, можно найти в своем роде первоклассные европейские таланты. Особенно интересны и симпатичны для меня мюнхенские субъективные колористы: Ганс Макарт, Габриель Макс, Бёклин, Ленбах.. Все названные мною художники представляют собою совершенно оригинальные явления, хотя все принадлежат к субъективному направлению. Макарт — это необузданный фантазист, который в своих картинах достигает до чего-то музыкального, в его живописи слышится страстная мелодия с роскошной и причудливой гармонизацией. Его «Чума во Флоренции», с которой я познакомился в Петербурге, сильно меня поразила. Впоследствии я видел еще несколько его вещей, из них особенно мне понравилась маленькая картинка в галерее Рачинского в Берлине[5], изображающая молоденьких силенов и фавнов, несущих вакханочку. Макс поражает своей необыкновенной простотой и действительностью, доходящей чуть не до фотографичности; но чем больше всматриваешься и углубляешься в его картины, тем шире открывается перед вами горизонт, тем больше находишь творчества, вдохновения и глубоко поэтического чувства, настроенного всегда к печальному и доходящего в иных произведениях до высокого драматизма. В первый раз я увидел произведение этого художника у нас, на постоянной выставке, там случайно продавалась одна из его картин, именно «Гретхен перед Мадонной», на слова из Гётовского «Фауста»: «Ach neige [du] schmerzenreiche dein Antlitz gnädig meiner Noth» [«О склони, многострадальная, Твой лик милостиво к моей беде!»]. Или еще вернее картина изображала стихи: «Wer fühlet, wie wühlet der Schmerz mir im Gebein (und) was mein armes Herz hier banget, was es zittert was verlanget» и т. д. [Кто почувствует, какая боль терзает мою грудь, отчего замирает мое бедное сердце, отчего оно трепещет, чего жаждет]. Потом я видел много работ этого замечательного художника частью в оригиналах, частью в фотографиях. Особенно сильное впечатление произвел на меня его «Мефистофель в платье Фауста». Глядя на это худое, костлявое лицо, эти тонкие сжатые губы, этот всеотрицающий, мертвящий взгляд, так и слышатся слова: «Verachte nur Vernunft und Wissenschaft des Menschen allerhöchste Kraft» [О презирай и разум и науку, эту высочайшую мощь человека]. Далее страшная по своей реальности и вместе фантастичности «Walpurgis Nacht Erscheinung» [«Видение Вальпургиевой ночи»] и, наконец, его две вещи, взятые из древнехристианского мира: «Распятие святой Юлии» и «Licht» [«Светоч»]. Последняя изображает молоденькую девушку христианку, ослепленную на пытке, с заживающими ранами на руке, сидящую при входе в катакомбы и раздающую зажженные лампады входящим христианам.

Во всей этой простой фигурке виден внутренний свет и непоколебимая нравственная сила, ее озаряющая, несмотря на ее внешнюю темноту и слабость.

Бёклин по преимуществу пейзажист, но пейзаж у него тесно связан с человеком, в нем находящимся, так что все вместе составляет общее целое, выражающее всегда какое-либо душевное состояние. Его «Пустынник», «Эхо», «Панический страх», «Обитатель ущелья», «Убийца», «Вилла у моря» — все это картины самобытные и очень сильные по впечатлению, которое они оставляют. С его картинами я познакомился в Мюнхене, в прекрасной галерее барона Шака. Там же находятся несколько вещей Ленбаха, подражателя древним мастерам портретистам. Портрет монаха, голова девушки и итальянчик на солнце суть вещи, замечательные по живописи; там же в первый раз я увидел произведения Фейербаха; содержание своим картинам он берет из греческого античного мира и из Евангелия. Из жанристов, которых в Мюнхене много, очень замечателен Гизис (родом грек); в выражении лица не уступает дюссельдорфским жанристам и Дефрегер, отличающийся жизненностью своих картин; из баталистов особенно талантливы два поляка: Брандт и Герымский. Кроме того, в Мюнхене множество пейзажистов, обрабатывающих тоже субъективно колористическое направление Stimmung [«настроение»], как они его называют. Из них особенно хорош маринист Боланаки (венгерец). К сожалению, большинство и лучшая часть произведений этих художников не остаются у нас, а перебираются к нашим заатлантическим друзьям.

Я был у некоторых из мюнхенских знаменитостей в мастерских и был особенно хорошо принят Пилоти. Он меня принял, как себе равного художника, если не по достоинству, то по стремлению. Таким же образом я был принят Морелли в Неаполе, но об этом речь впереди. Пилоти расспрашивал меня про нашу Академию, про ее направление, про мои личные работы и намерения, словом, сразу поставил меня почти на дружескую ногу. Я, разумеется, воспользовался таким расположением и расспрашивал у него обо всем, что меня интересовало. Между прочим, он рассказал мне, как он прошел свою школу, как он, будучи учеником, сперва Корнелиуса, потом Шнора, впал в уныние от их мертвенности и выдуманных принудительных форм, как он бросил все это и один стал работать с натуры: «Einen besseren Lehrer giebt es nicht mein lieber Freund» [Нет лучшего учителя, милый друг]. Сначала все с натуры и только с натуры, не подражая никому; поэтому молодому художнику лучше начать с так называемого жанра, то есть с картин, которые он берет прямо непосредственно из жизни, его окружающей, и только стоя твердо на реальной жизненной почве, переходить к исторической живописи, ибо только тогда картина будет своим собственным произведением, а без строгого изучения натуры всегда впадешь в подражание или ничтожество. Кроме Пилоти, я был у Каульбаха, он занят опять огромным картоном «Время Нерона»,

по композиции похожим на две берлинские его фрески: «Рассеяние народов» и«Разрушение Иерусалима». К сожалению, я не мог познакомиться с Максом, в студию к себе он никого не пускает, а притом его в то время в Мюнхене не было. С некоторыми молодыми мюнхенскими художниками я познакомился через Шпринга, бывшего ученика нашей Академии. Приехав в Мюнхен, ему удалось попасть в мастерскую к Дицу, одному из наиболее знаменитых мюнхенских учителей, что очень трудно, и успехи, которые он сделал, поразительны.

Хороша в Мюнхене Старая пинакотека, чудесные есть Рембрандты, Вандики и несколько Броуеров (тенирсовского направления, но с бóльшим талантом и жизнью, чем Тенирс), которых, насколько могу теперь припомнить, у нас в Эрмитаже нету. Зато таких голов и вообще такой коллекции Рембрандта, как у нас, нигде я не встретил — ни в Париже, ни в Дрездене, ни в Мюнхене, не говоря уже об Италии.

Из Мюнхена сделал я небольшое путешествие в Вюртемберг, по рекам Неккеру и верховьям Дуная; осматривая старые города, замки и сделал несколько этюдов, так как я собирался написать картину из средневекового германского быта[6]. Потом в Италии был увлечен другим и только теперь думаю начать ее.

Остаюсь преданный Вам

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. Ф. ИСЕЕВУ

Париж. 2 января 1874 г.

Из Мюнхена я отправился через Бреннер в Италию. Venezia la bella [Прекрасная Венеция], действительно красавица, но не в нашем смысле, то есть не в смысле красоты городов девятнадцатого века,— она и грязна, и воздух в ней не всегда душист и свеж, но это ничего от ее собственной красоты не отнимает, она так оригинальна с своими дворцами, церквами, каналами, черными красивыми гондолами, своей характерной архитектурой, что представляется проезжему путнику чем-то фантастическим, каким-то волшебным сном.

В Академии художеств я в первый раз встретился с Паоло Веронезе во всей его блестящей красоте. Из старых южных мастеров я никого не знаю, кто бы мне так полюбился, как он. Тициан бесспорно хорош, он часто тоньше Веронеза, я долго восхищался его изящными произведениями в особенности его гениальным «Взятием на небо», но Веронезе имеет что-то притягательное, в него влюбляешься; сживаешься с его жизнью, или, вернее, с жизнью изображаемых им людей, потому что он изображает

свою Венецию, какою она была при нем, полную одушевления и красоты. Из старых мастеров я другого не знаю столь объективного реалиста. Как выражение объективного колорита (то есть колорита красоты, в противоположность субъективному колориту, колориту настроения или выражения чувства) Веронезе, как мне кажется, стоит на самой высокой ступени, до которой доходило это направление. Положим, что на это мне могут возразить, что колорит есть дело личного вкуса, что живопись Гвидо Рени нравилась Брюллову больше всего, что он не видел, что он даже не замечал венецианцев-колористов, увлекаясь пуристами эклектиками, тогда как теперь живопись Гвидо Рени представляется нам лишь только сырым подбором красок, не имеющих никакого отношения ни к свету, ни к воздуху, ни к материи. Точно так, как и Рубенс считался прежде великим колористом, тогда как Рембрандт у пуристов почти ничем не считался. На таковое возражение отвечать очень трудно, мерила действительно нету. Наука, которая до сих пор не пришла к мало-мальски ясному определению красоты линии, хотя работает над этим вопросом значительное время, почти не касалась логического уяснения красоты и выражения тона, — но возвращаюсь опять к Веронезу.

Веронезе объективен не только со стороны колорита, но и со стороны изображаемого им события он объективней всех других итальянцев. Венеция и Веронезе — это одно и то же, его небо, здания, люди и по сю пору остались, последние только обнищали, измельчали, потеряли свое политическое и эстетическое значение и, подобно остальной Европе, променяли свои художественные одеяния на современный прозаический костюм. Впоследствии всюду, где только я не встречал Веронезе, он всё больше и больше овладевал моей симпатией. Под конец так им увлекался, что дорожил каждой его безделушкой, каждым его мазком, подобно тому как дорожишь каждым словом, каждым взглядом любимого человека.

Из частных наблюдений, сделанных мною во многих галереях и выставках, я пришел по поводу колористов к такому общему выводу: германское племя давало прежде и дает теперь субъективных колористов — Рембрандта в семнадцатом веке и мюнхенцев в настоящее время, а романское — объективных: венецианцев и испанцев в эпоху Возрождения и французскую школу колористов теперь.

Очень интересен Карпаччо, наивность его часто доходит до смешного, но при всем том он крайне симпатичный художник и чистокровный натуралист. Сделав несколько самостоятельных вещей, я с большим удовольствием исполню с него копию, заказанную мне его высочеством для Академии[7].

Флорентийские галереи богаты превосходными вещами. Тут больше все со старыми знакомыми встречаешься, которых знал лишь прежде по гравюрам или чертежам, а теперь знакомишься лицом к лицу. Весьма

приятное знакомство. Чудесные портреты Тициана и большое собрание изящнейшего из средних итальянцев идеалистов Andrea del Sarto [Андреа дель Сарто]. Но, говоря откровенно, к ним, а тем более к позднейшим эклектикам, я остался холоден. Не понимаю их идеализма. Слишком много в них искусственного, а искусственность есть, по моему мнению, один из злейших врагов искусства. Напротив того, меня особенно заинтересовали флорентийцы — реалисты, так называемые прерафаэлиты: Gotto, Lippi, Boticelli, Pinturicchio, Guirlandajo — Bigordi, Perugino [Джотто, Липпи, Боттичелли, Пинтурикkио, Гирландайо—Бигорди, Перуджино] и много других. Особенно понравилась мне в них эта простота, с которой они относятся к искусству и действительности.

Конечно, подражать им, к чему некоторые европейские художники в последнее время стремились, неправильно. Это то же самое, если бы взрослый человек стал из себя представлять наивного младенца, по меньшей мере, это вышло бы странным.

Проходя по узкому коридору, ведущему из галереи Uffizi в Palazzo Pitti (Уффици в Палаццо Питти), я нежданно-негаданно встретился со всею коллекцией Рембрандтовых офортов, выставленных в витринах, вот тут искусственности нет, одно чистое искусство.

В Риме я остановился и хотел заняться. Материалу и мыслей было много, даже слишком много,— я принялся работать. Сначала дело шло удачно, я был очень доволен и делал хорошие предположения для будущего, но слишком поспешная радость не всегда приводит к добру, работа пошла все хуже и хуже, и, несмотря на старание осилить неудачу, я не смог... я оставил все и уехал из Рима... Да — высокое дело искусство — но и трудное дело...

Будучи в Неаполе, я постарался познакомиться с Морелли. Этот художник сильно увлек меня в шестьдесят седьмом году на Всемирной парижской выставке, я так мало ожидал встретить в итальянском отделе что-либо подобное, что был поражен. Но произведения Морелли хороши не потому только что вокруг него в Италии мало художников, выходящих из ряда посредственностей, картины его, стоя среди самых крупных произведений остальной Европы, и тут блистали как драгоценные камни. Как они приветливы, эти великие люди Западной Европы, они держат себя с простым смертным просто, радушно, человечно. Как в Мюнхене у Пилоти, так и тут испытали мы такое теплое чувство, придя к Морелли (я был с Репиным)[8]. Он показывал нам свои этюды, эскизы, начатые картины, написал нам собственноручно дозволение осмотреть галерею Фонвиллера, где находятся почти все его самые лучшие произведения, так как иначе в эту галерею нет доступа. В этой галерее, между прочим, находится его глубоко поэтическая и полная жизни картина «Тассо, читающий свои стихи Элеоноре», потом «Герцог Ларасский над черепом друга», «Помпейская баня» и еще несколько вещей. Но как плохо италь-

янцы ценят и заботятся о своих новых мастерах — я нигде не мог найти фотографий с картин Морелли, и когда спросил у него самого об этом, то он не знал, на кого мне указать[9]. Подобным равнодушием был встречен и другой итальянский молодой художник, именно Фаруфини; талантом он стоял выше современного искусства, но, несмотря на все старания, всюду терпел неудачу; кончил он тем, что за бесценок распродал свою мастерскую, занялся фотографией, но, потерпев и тут фиаско,— отравился. Я помню, как Чистяков уничтожил наши программы, принеся маленький эскиз Фаруфини и поставив его рядом с нашими большими холстами. Не гневайтесь на мое откровенное писание, добрейший Петр Федорович, остаюсь преданный Вам

В. Поленов

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 5/17 января 1874 г.

Дорогая мамочка, получил Ваше маленькое письмо по поводу праздников, благодарствуйте. Я, то есть мы, провели их так смирно и тихо, как никогда. Единственное развлечение, что мы себе позволили, это собраться в театр, один раз, но, несмотря на то, что собирались каждый день, не собрались, от независящих случайностей больше. Работаем по-прежнему, одно только, модели уносят много денег, так что не знаешь, что и начать. Хотим пуститься в коммерцию, то есть продавать этюды, которые мы делаем, да только вряд ли удастся это, тут нужен шик, а не этюды учащегося.

Несмотря на все мнимые и настоящие парижские удобства к жизни и живописи, все-таки это чистый вздор за границей работать; это именно самое лучшее средство, чтобы стать ничтожеством, какими становятся все художники, прогнившие здесь шесть лет. Поэтому при первой возможности я вернусь в Россию, чтобы там самостоятельно начать работать; постараюсь через год. Пока, конечно, сложа руки сидеть не буду, кое-что сделать непременно надо, но это все так ничтожно, вяло, фальшиво.

Я теперь поселился в моей квартирке и мастерской. Переезд, обзаведение самого необходимого, как-то: постели, стульев, столов, мольбертов — все это очень обошлось дорого, к тому же из Рима пришли мои оставленные вещи, за которые тоже дорого пришлось заплатить, так что финансы вдруг до того истощились, что почитай к концу месяца и есть не на что будет. Об натуре мы теперь и попечение отложили. У Репина тоже очень пусто в кармане, а пенсию присылают обыкновенно к полови-

не следующего месяца, то есть вместо начала января в половине февраля. Поэтому будьте так добры, продайте мои пятипроцентные билеты и пришлите вексель..

Париж. 16/28 января 1874 г.

Дорогая мамочка, благодарю Вас за деньги, которые Вы мне выслали.. Мне это очень важно, что Вы прислали, теперь я опять начну работать с натуры, а то надо было все оставить. Я уже разослал моделям повестки, завтра и начну продолжать прерванные работы.

Мастерская чудесная, светлая, удобная. Одно только — солнце все утро смотрит ко мне в окна. Избавиться от него не трудно, но боюсь, что летом жарко будет..

Павлу Петровичу большое спасибо за его ко мне дружбу. Да, вот еще, Крамской пишет Репину, что он начинает картину[10], в которой ему надобится римская архитектура.., и просит купить здесь фотографии развалин Помпеи и прислать ему. Будьте так добры, отберите из коллекции итальянских видов, которую я подарил Лильке..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

*Париж. 10 января 1874 г.***

Работаешь целый день, а вечером идешь смотреть, что выставлено в окнах художественных и других магазинов. Тут появляются и картины, и гравюры, и фотографии, и другие художественные произведения — керамика, майолика, новые открытия по стеклу, фаянсу, печати.

Какое-то наглядное обучение и наслаждение. Рядом с этим все время чередуются разные выставки. На днях открылась чудесная выставка акварельного искусства. Англичане особенно сильны в этом искусстве.

Третьяковская галерея.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 20 января 1874 г.

..Пиши твою картину, но так, чтобы не видать в ней было подражания. Первое, на что должен обращать внимание наш русский художник, это на самостоятельность. Не будь этого, сейчас заметишь этот грешок над

французами, у которых картины как будто все писаны одним художником, очень мало в них разнообразия.. «Jus primae noctis» [«Право первой ночи»], спору нет, хороший сюжет, но сделай его так, чтобы действительно передать зрителю впечатление закона первой ночи. Не слушай никого, а пиши себе, как знаешь, лучшее, что можно посоветовать, а то как нельзя легче сбить художника..

Посещаешь ли театры? Не избегай, в особенности народных, так как в них найдешь бездну мотивов и костюмов, которые можешь даже во время представления зачерчивать в альбомчик.

Кланяйся от меня Репину. A propos [кстати], помни, что я тебе говорил; увидишь, что Репин своим заграничным жительством себя погубит. А жаль, парень-то талантливый. Но что же делать? Трудно русскому взгляду быть за границей. Выйдет непременно помесь..[11]

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 11/23 февраля 1874 г.

..Прежде всего отвечу по возможности на Ваш вопрос о мастерской в Москве. Найти в Москве что-либо выстроенное специально для мастерской трудно; есть, говорят, хорошая студия, где работал Перов (теперь перебрался в Худож[ественный] класс[12]), она занята каким-то мазилой, которого, может быть, можно и согласить на исход, я это узнаю стороной. Помимо этого, без сомнения, можно будет найти какой-нибудь заброшенный большой барский дом, с большими окнами, с надлежащим простором и внутри и снаружи. Конечно, при этом, я думаю, нечего стесняться,— если таковой дом будет, например, не в центре города? Вообще о деле этом я помышляю и буду помышлять немало; что же касается до копления денег, то самое лучшее копить больше, они никогда не лишние. Устроиться в Москве можно на всякую руку, об этом нечего беспокоиться. Ах, черт возьми, как бы это было хорошо, если бы Репин, Мордух, Вы в самом деле были бы в Москве, как бы можно было хорошо, деятельно, художественно зажить..

На рождестве я, разумеется, был в Риме, там всё здравствует, даже Ваше окошечко на пиацца Барберини цело. Микеле* женат и совершенно пока счастлив, что дальше будет, ведает Аллах да мудрые люди. Мордух со своим Христом прелесть, Христос не только не надоел ему, но день ото дня при мне росла его сила. Вообще, на мой взгляд простого смертно-

* М. М. Иванов.

го, это огромное произведение, в нем я впервые увидал мировое значение Христа. При мне он его всё еще работал, теперь жена пишет, что голова окончена. Вы, разумеется, знаете, что Мордух со своим Христом едет к Вам в Париж.. Семья моя в данный момент в Неаполе, жена пишет, что там уже больно хорошо, ну а у меня, черт знает что: сейчас дворник большой метлой снаружи с окна снег сметает, очень занесло. Хоть бы он той же метлой у меня на душе вычистил!

Если жена к нашей пасхе проберется в Париж, я, может быть, дня на четыре приеду, а то, пожалуй, и нет..

Поклон Репину, хотя я его и мало знаю, но люб он мне.

Скажите хоть по секрету, что делаете, то есть пишете Вы и Репин, я ей-ей не разболтаю. Ведь я право, ей богу, интересуюсь[13].

Я леплю на славу, только жаль ничего не выходит, а я все-таки леплю.

Отвечайте скорее Вашему *С. Мамонтову*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 13/25 февраля 1874 г.

Дорогая мамочка, я здоров и работаю все по-прежнему с утра и до вечера. День весь пишу, а вечером читаю вслух либо рисую. Теперь мы готовим себя к офортному делу и поэтому по вечерам чертим пером с фотографий[14]. Что, не знаете ли Вы, какое впечатление производят мои отчеты? Пришлю Вам скоро третий отчет, где я разбираю значение Академии и художественной мастерской..

Париж. 17 февраля/1 марта 1874 г.

..Вчера был у меня на днях приехавший сюда Боголюбов. Я этому рад, ибо он может нам помочь там, где нам самим трудно будет, особенно в знакомстве с французскими художниками, которых он почти всех знает, а он сам очень обязательный господин, любит покровительствовать молодежи..

Я оканчиваю теперь с Репиным чтение недавно напечатанных писем Реньо. Очень любопытная и поучительная книжка. Если у Вас есть несколько минут лишних, то прочтите ее, она Вас заинтересует, а когда Лилька приедет, пущай и она прочтет. Впрочем, Вам это будет на три четверти

менее интересно, чем мне, так как Вы не знаете чудных произведений этого колоссального художника-живописца.

Кстати, заговорив о Реньо, какой тоже огромный талант у Репина. Все, что он ни делает, какой бы пустяк это ни был, выходит у него так значительно, так интересно, что у другого художника и в огромной картине и с драматическим сюжетом не находится. Близость моя с ним мне очень полезна, полезнее, чем десять лет в Академии. И славный он такой малый, даром что талант, а простой, добрый, немного нервный и болезненный. Ну да и жизнь его до последних двух лет не слишком-то баловала. Трудную школу он прошел [15]. Работаю я теперь картину из германской средневековой жизни, эскиз я Вам, кажется, показывал, описание ее я пришлю Вам в черновом отчете, как только спишу его начисто..[16]

Как французы много, однако, работают, страсть. Несмотря на огромное количество магазинов, где каждую неделю выставляются новые картины, у них постоянно появляются выставки, одна за другой. Не успела закрыться выставка акварелей, на которой находилось много прелестных вещей, как уже открывается новая выставка масляных картин, и на этой — чудесные вещи. А через полмесяца откроется Салон[17], на котором бывает, как говорят, до трех тысяч нумеров. Ну, просто завидно. И сам я работаю много, а как будто почти ничего не делаю — всё кажется слишком мало времени.

Вот так штука, вернулся домой в полной уверенности, что послал Вам сие письмо, оказывается, что оно лежит на столе, а я отправил к Вам другое, долженствовавшее поехать в Лейпциг[18]..

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 22 февраля/6 марта 1874 г.

..Меня серьезно тянет на несколько деньков приехать в сие уморительное местечко Париж, потолкаться около Вас. Не бойтесь, не надолго,— не отвлеку. Право, словно я и выберусь, ибо есть вероятие, что к пасхе моя семья будет в Париже. Теперь остается придумать средство, как улизнуть от старого ворчуна дяденьки[19], он ведь и сам тоже охотник шататься на гулянках.

..Пишите и картины, и письма, и радуйте и тем и другим друзей Ваших, к числу которых причисляю и себя. Самым усердным образом кланяюсь через Вас Репину, надеюсь, и, даже наверное рассчитываю, что будущее еще сблизит нас с ним..

Жму Вам крепко руку. *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. Ф. ИСЕЕВУ

Париж, 2 марта 1874 г.

Милостивый государь Петр Федорович! Извините меня за ошибку при франкировании первого письма, мне совестно, что Вам, вероятно, пришлось заплатить вдвое, это все от непростительной рассеянности, от которой надо, однако, отделаться.

Уезжая из Рима во второй раз, я направился к столице новой германской империи [20]. Не стану ее описывать, а скажу только о том, что меня всего более там заинтересовало. В картинной галерее и скульптурных залах Берлинского музея я нашел очень много любопытного. Глядя на огромное собрание слепков с греческих антиков (если не ошибаюсь, то это самая полная коллекция в Европе), расположенных, по возможности, в научно-систематическом порядке, я впервые стал немного постигать высокую степень красоты античной пластики. Искалеченные обломки фронтонов Парфенона, его фризы частями, кариатиды Эрехтея, некоторые круглые статуи удивительно хороши, они сильно меня поразили. В Петербурге в Академии я любовался ими иногда, но мало понимал, не успевал сосредоточиться. А тут, один-одинешенек во всей Германии, я, без всякой помехи, целые дни проводил перед ними, всматриваясь в эти строгие, спокойные и неуловимо-красивые формы. Что за бездонное море — искусство, или, выражаясь по-русски: чем дальше в лес, тем больше дров! Какое неисчерпаемое разнообразие мотивов, форм, содержания находится для него в жизни и, однако, как трудно дается понимание этих ее проявлений, а тем более проявления их в искусстве. Чем больше видишь, чем больше изучаешь и углубляешься, тем осмотрительнее становишься в своих приговорах и тем строже делаешься к себе: и это прекрасно и то чудесно, и не знаешь, где же альфа и омега, на чем остановиться, чего придерживаться.. Но дело в том, что великие создаватели ничего не придерживаются, кроме своего творческого гения. И редко же они появляются! Только следя за историческим ходом развития искусства, видишь, сколько надо подготовки, какую вековую школу проходило искусство перед появлением великого человека, которому удается вывести общее заключение из целой школы, из целого направления. После долгой работы и длинного ряда представителей ее, в средней Италии являются Буонарроти и Рафаэль, в Венеции — Тициан и Веронезе, в Испании — Веласкес и Мурильо, на севере — Рембрандт и Ван-Дейк.

В наше время тоже появился такой талант, который должен был сделать общий вывод из французской школы, но ему не суждено было судьбою это осуществить, слепой случай вырвал его из жизни в минуту, когда он только что начинал свой могучий полет,— я говорю об Henri Régnault [Анри Реньо], убитом 19-го января 1871 года, вечером, накануне капитуляции Парижа. Ему было двадцать восемь лет. Да, эта по-

теря значительнее пяти миллиардов, двух провинций и нескольких крепостей.

Заговорив о гениальных представителях школ, я позволю себе несколько отступить от моего рассказа и высказать некоторые составившиеся у меня убеждения по поводу академии и мастерской, выведенные мною из наблюдения над прежним и настоящим искусством. Мне кажется, что школа (употребляя здесь это слово в техническом смысле, то есть в смысле науки, выведенной долголетней, иногда вековой практикой) имеет огромное значение в искусстве, и именно школа, образующаяся в мастерской, какою она образовалась тут, на Западе, напротив того, академия играет здесь второстепенную роль, как в Италии, так и в Германии, так и во Франции, особенно теперь, тогда как мастерская составляет ту силу школы, из которой выходят великие мастера. Несмотря на большие достоинства академии и, так сказать, гуртового обучения, оно имеет значительные невыгоды. Главным образом они состоят: во-первых, в коллективности преподавания, а во-вторых, в методичности и сухости, следствием чего результаты, несмотря на кажущуюся быстроту, для самобытности искусства очень медленны, а движение искусства безжизненно. Обучить человека быть художником — дело нетрудное, но дать возможность таланту цельно развернуться — задача очень не легкая! Совершенно другое влияние имеет мастерская на художественное развитие и самобытность произведений учащихся. С теоретической точки оно может показаться странным, как мастерская может развивать самобытность, тогда как в ней больше подчинения личному направлению мастера, чем в школе или академии, где больше общности и больше правильности. Но на деле именно эта правильность, эта общность, это отсутствие живого примера, а часто и живого слова и составляют слабую сторону академии. Положение наставника в отношении наставляемого там и тут различны. В школе или академии наставник — назначенный и имеет настолько общего с учениками, насколько продолжается его класс. В мастерской же, напротив, выбранный уважаемый и любимый учитель. Отношение его определяется не количеством, а качеством. Поэтому мастерская имеет незаменимое значение для искусства, она должна оставлять за собой школу и академию. Это можно проследить во всех эпохах художественной жизни и подтвердить множеством примеров как из минувшего времени, так и настоящего. Преимущество академии перед мастерской заключается в неограниченности количества учеников, так как в академии и школе обучение одинаково методически — ровно, сколько учеников ни будь, лишь бы место позволяло, поэтому и результаты равные. В мастерской же все обусловливается практикой и зависит больше от хода самого дела, чем от априористической теории; поэтому и результаты неравные. Но зато качественно они неизмеримо выше академических, как мы это видим на Западе. Правда, в мастерской образ представления, приемы и манера

учителя передаются ученику, но это только имеет влияние на посредственностей, а даровитый ученик не остается при них, они служат ему только подготовкой к самобытной работе. Учение в мастерской заменяет ему добывание собственным трудом и опытом того, что уже известно и что передается гораздо полнее, яснее и проще мастером, чем преподавателями в школе. В мастерской метод заменяет школа, опять в техническом смысле слова. Но так как мастерская есть произведение историческое, то она с трудом может быть прилагаема там, где жизнь сама еще не подготовила к этому почвы и в самом обществе не появилось в ней потребности, а если и применялась без надобности, то и оставалась без успеха. Академия, напротив, есть искусственное средство распространения образования, поэтому она всюду приложима и почти всюду с одинаковым успехом. Академия принесла большую пользу там, где историческая жизнь народа не дала ему возможности самобытно развиться и создать самобытное искусство, но она имела обычно насколько положительную, настолько и отрицательную пользу. У нас в России мастерская в том виде, в каком она существует в Западной Европе, к сожалению, еще не появилась. В Европе мастер, или, лучше сказать, учитель, есть художник в широком смысле слова, а ученик его — не подчиненный школьник, они равны с ним, если еще не по достоинству, то по одушевлению одним делом, одною целью, они товарищи по труду. В их отношениях нет ничего формального, иерархического, отношения эти самые простые человеческие, и часто отеческие, особенно к молодым обоего пола. Всюду, где только я мог расспросить о подобных мастерских или самому их увидеть, я всюду пользовался случаем познакомиться на деле с их жизнью и работою, и всюду — в Мюнхене, Неаполе, Париже — всюду находил тот же живой и свободный дух, царивший в них, а с этим вместе огромное, почти безграничное уважение и любовь к учителю, между учениками и ученицами, несмотря на то, что многие из них ясно сознавали его недостатки и слабости.

Вот те убеждения по поводу художественного образования и развития, к которым я пришел при изучении европейских школ старого и нового искусства; академия в Европе есть теперь не только вспомогательное средство, но живой и цельный способ обучения искусству, есть художественная мастерская, и из нее, как из жизненной среды, выходит цельный, здоровый художник, не обессиленный схоластикой, как нам показывают факты.

Извините меня за такое длинное отступление от моего рассказа, но, раз начавши, мне хотелось передать Вам все те мысли, которые меня так сильно теперь занимают[21]. Итак я продолжаю прерванное описание моего путешествия.

С замирающим сердцем шел я в Дрезденскую Bildergallerie [картинную галерею]. Я готовился увидеть Мадонну Рафаэля. Она для евро-

пейца-художника, да и просто для всякого туриста, составляет уже с давних пор такой же культ, как для араба черный камень в Мекке. Несмотря на множество копий, гравюр, литографий и фотографий, виденных мною, несмотря на много читанного и слышанного о ней,— всё это словно парализирует непосредственность действия,— все-таки это произведение произвело на меня глубокое впечатление. Не будь тут Сикста и Екатерины[22], которые, по-моему, охлаждают цельность впечатления и на которых сама Мадонна не обращает никакого внимания, это было бы высокое по настроению создание, оно могло бы доводить до галлюцинаций, это было бы настоящее видение.

Дрезденская галерея своим количественным объемом так велика, что сразу довольно трудно с ней освоиться. На первый раз я ограничился внимательным знакомством с моими любимцами, находящимися в ней,— я разумею Paolo Verones'а [Паоло Веронезе] и Рембрандта. Первый хотя тут не так богато представлен, как в Венеции, но все-таки в этой галерее много чудесных его вещей, ярко обрисовывающих его талант. Какое тонкое чувство красок, какое необыкновенное умение сочетания и подбора тонов, какая сила в них, какая свободная и широко развернутая композиция, при всем этом легкость кисти и работы, как я ни у кого не знаю. Хотя тут и есть хорошие вещи Рембрандта, но наша эрмитажная коллекция несравненно богаче.

В Берлине и Дрездене как итальянские, так и германские школы очень интересно сгруппировались. Берлинское собрание богато особенно древними мастерами, то есть художниками первой эпохи Возрождения, а Дрезденская — второй эпохи и позднейшими. Припомнив мюнхенские и флорентийские галереи, мне было очень удобно сравнить, во-первых, две различные по направлению эпохи художественной жизни Италии, а во-вторых, сравнить искусство романцев с германцами. Характерная черта первой эпохи итальянского искусства заключается в реальном направлении, тогда как второй — в идеальном. Крутой поворот на идеализацию начинается, собственно, с Буонарроти; с легкой руки этого барочного титана, реальный объективизм древней флорентийской школы исчезает и заменяется не идеальным субъективизмом,— к нему в романской расе не выражалось склонности,— а идеальной условностью. Положим, что флорентинцы условны, но они условны безвинно, их условность происходит от недостатка средств, от естественного младенческого неумения, тогда как тут уже начинается условность от избытка средств, тут она искусственна, а поэтому действовала пагубно на последующие эпохи художественной жизни... Далее обобщая романское и германское искусство, меня поразили следующие особенности: у романцев удивительное понимание красоты и красивости, которая им как будто врожденна, но при этом скудость фантазии и способность одно и то же повторять на разные лады, с множеством более или менее значительных вариаций.

Германцы, наоборот, обладают огромной фантазией и более личным миросозерцанием, чем романцы, так что, выходя из зал романских художников, уносишь впечатление чего-то красивого, но общего всему направлению школы, тогда как от германцев остается воспоминание о более или менее выдающихся личностях.

Сам я теперь работаю над картиной из средневекового германского быта. Путешествуя прошлый год по Германии, осматривал я старые феодальные замки. Бродя по развалинам рыцарских «бургов», а потом, спустясь в долину, где крестьянское население осталось почти с теми же обычаями и в тех же костюмах, мне, было, представились взаимные отношения баронов с вассалами, и я задумал написать картину, взяв за фабулу одно из феодальных прав барона, а именно — право, по которому всякая девушка перед вступлением ее в замужество принадлежала барону. Право это называлось «Jus primae noctis» [«Закон первой ночи»]. Барон вышел под вечер посмотреть на приведенных для выбора девушек, обвенчанных в этот день.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности и извинить за помарки в письме.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Париж. 24 марта/5 апреля 1874 г.

Давно уже Вам не писал, дорогие петербуржцы, все работал, хотелось во что бы то ни стало выставить в Салоне картину. Ну и выставил, но по сю пору не знаю, принят ли или попал в refusés [отвергнутые]. Тут очень трудно попасть на выставку, не то что у нас всякому рады, тут же бывает до семи тысяч нумеров живописи, а нынешний год дозволили присылать не две, а три картины, надеясь на новые залы, которых не получили, поэтому juri [жюри] относится вдвое строже к допущению картин в свой Салон. А соперничать здесь трудно, ибо, кроме всех французских знаменитостей, тут находится множество иностранных художников, которые почитай что посильнее будут многих французов, ну и поди, конкурируй с этими господами. Только пока прошу Вас держать это в секрете, когда примут мою вещь, то я напишу..

Через Боголюбова (славный он человек, такой добрый и любезный) я познакомился с некоторыми добрыми людьми — с Татищевым, отставным гусарским генералом, страстным любителем живописи и стряпающим что-то вроде лошадок; потом с monsieur и madame Бове[23], урожденной Соловцовой, москвичами, добрейшими и радушнейшими людьми. Конечно, по взглядам на вещи мы совершенно расходимся, но это ничего, это лиш-

ний sujet de conversation [повод для разговора]. С ними тут живет старушка, мать madame Бове, помещица, немного напоминающая мне grand'maman [бабушку], и я с ней большой приятель. Теперь у меня работает Боголюбов, так как его мастерская еще отделывается, и это мне очень приятно. У нас теперь французский светлый праздник, идет дождь, очень холодно и город такой же веселый, или скорее скучный как и всегда..

Париж. 31 марта/12 апреля 1874 г.

..Я, кажется, Вам уже писал, что выставил в Салоне картину, но не совсем конченную, и теперь нахожусь в ожидании — примут или нет. Жюри уже кончил свой суд, и теперь всюду говорят об том, кто refusé [отвергнут] и кто reçu [принят]. Тут как будто вся публика заинтересована в этом. Все рассуждают, обсуждают, словом, всех это занимает. Число поступивших картин было — семь тысяч пятьсот номеров, а принято только — тысяча восемьсот сорок. Многие из refusés [отвергнутых] получили уже извещение о том, что могут получить свои картины назад, я еще ничего не получил, и не знаю чем объяснить. Впрочем, скоро это узнается. Теперь я приостановил немного усиленную работу, так как сюда приехали из Рима и Москвы Мамонтовы и мой товарищ Савицкий, которым я до некоторой степени объясняю тонкости Парижа. Конечно, это не надолго, так как я теперь в колее строгой работы и думаю так продолжать..

Париж. 16/28 апреля 1874 г.

Моя картина «Le droit du Seigneur» [«Право господина»] принята в Салон и, пользуясь правом, принадлежащим экспонентам, покрыть свое произведение лаком или пройти его, коли сие потребно, за два дни до открытия выставки, я завтра поутру отправляюсь в Palas de l' industrie [Дворец индустрии] или Palais des Champs Elýsées [Дворец Елисейских полей] и, возвратясь оттуда, отпишу вам, что увижу, а вперед думаю, что интересное увижу.

29 апреля. Был сегодня на выставке и увидал свою картину, или картинку, такой она мне показалась маленькой посреди великих имен художественного мира. Очень лестно. Я с утра и до четырех часов там ходил, и только-только бегло успел оглядеть живописный отдел. Поразительное разнообразие и свобода работы. Много нового, свежего, реаль-

ного. Выдающегося, совершенно из ряда вон я не приметил, да оно и трудно сразу-то охватить такое множество все более или менее хороших вещей. Но есть что-то простое, здоровое, противорутинное, которое проглядывает в этом сумбуре направлений, манер, взглядов. До сих пор голова кругом идет. После выставки я отправился к Тургеневу на прощальный обед, который он сделал нескольким из своих близких друзей перед отъездом в Россию. Какой простой, симпатичный старичок, Иван Сергеевич, веселый, остроумный рассказчик. До одиннадцати часов прообедали и не заметили, как время прошло; между прочим, познакомился я с Вырубовым, философом-позитивистом, последователем Конта, тоже очень веселым и простым господином. Обед был по парижскому и вообще заграничному обычаю не на дому, а в ресторане, и еще в каком ресторане — в центре Латинского квартала, в комнате, где обедывали прежде Герцен, Санд, Прудон, Тургенев и тому подобные знаменитости!.. И как эти великие люди, когда с ними сблизишься, на простых людей похожи, даже смешно! На днях я был у Ивана Сергеевича. Он мне показывал свою галерею и галерею Виардо и познакомил меня с Monsieur и Madame, своими добрыми друзьями, как он их называет. Они вместе живут. Как лестно себя чувствовать среди очень известных людей.

Висит моя картина между другими, и подходят к ней, как и к другим, и разбирают ее, и критикуют, как и другие. В этом случае я не согласен с римской пословицей, что будто лучше быть первым в деревне, чем последним в городе. Начнешь с последнего, а доберешься, может, и подальше, faut pas perdre courage [не надо падать духом], а еще более усилить работу. Что мне особенно понравилось, это художественная жизнь и солидарность художников тут. Так как на выставке сегодня были одни художники, то я и наблюдал их, как они друг к другу относятся,— подойдут к картине, разбирают ее, отыскивают достоинства, указывают на несовершенства, но как только подойдет автор, начинается беспощадное уничтожение ее, но все это по-товарищески, без желчи, а так, больше для веселости.

Что хорошо у французов, и вообще заграницей, что каждому отдают должное, у каждого стараются отыскать его более хорошую сторону и уважают труд..

Чем больше сам работаешь, тем больше приучаешься уважать чужой труд, знаешь, как нелегко дается наше ремесло, как усидчиво и стойко надо идти и работать, чтобы достичь до хорошего!

Сегодня был у меня Иван Сергеевич и похвалил некоторые этюды и Оять во время восточного дождя, небольшую картинку, написанную мною в свободное от занятий время[24]. На лето думаю ехать в Нормандию, а осенью, может быть, попутешествую по северо-западу Европы..

Третьяковская галерея.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 3 апреля 1874 г.

..Письма Régnault [Реньо] доставили мне огромное удовольствие, читал я их с жадностью[25]. Вправе ты думать о нем как о гениальной личности. Как хорош он в своих описаниях об Испании, об Альхамбре, а в особенности о мадридской революции, которой он так страстно увлекся. Как он легко умел пользоваться всем, что его поражало. Хотел бы я видеть нашего брата в его положении. Каким образом он произвел портрет Général'a Prima [генерала Прима] при существовавшем порядке[26], ведь для нас вещь совершенно непонятная. Но что меня более всего удивляет в его письмах, это его скромность. Читая их, как-то невольно приходишь к тому результату, что он все начинал и ничего не кончал, тогда как он произвел бездну работ, о которых, я думаю, французы и понятия не имеют. Как объяснить себе скромность эту с энергической его натурой.. Свет, насколько я могу судить по слухам и по его собственным сказаниям, есть пункт помешательства. На этом он с ума сходил. Судя по фельетонам, он немного декоративен. Я, хотя и не имел счастия видеть его работы, смею предположить, что он был даже очень декоративен.. Но опять-таки в нем было, может быть, нетерпение. Ему хотелось все больше и больше делать, и поэтому он не кончал. Не знаю как тебя, но меня это ужасно как-то озадачивает, тем более имея в виду то, что он был страшный поклонник испанской школы, а в особенности Веласкеса, которого он копировал, который, как мне известно, хотя и очень бойко писал, но все же кончал, и замечательно своеобразно кончал. Невольно мне в голову приходят подобные вопросы, а решать их не могу, потому что не видал работы Régnault. Он выказал себя совершенным парижанином, которым всегда море по колено, что бы ни говорили, а он все свое ломит. Régnault до того увлекся, что отправился в Африку. Для света он забывает даже его действительное назначение, то есть он заменяет исторические сюжеты маленькими уличными сценками танжеровской жизни. Хоть бы что-нибудь видеть!

Кто мог в нем предполагать такого колосса? Крайне жаль его. Предчувствовал он-таки свою будущность, что заставляло его быть такой скороспелкой..

Третьяковская галерея.

Е. А. БОГУСЛАВСКАЯ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Лейпциг. Май 1874 г.*].

Поленов, голубчик мой, Вы только поймите мое безвыходное, ужасное положение. Вы только представьте одно то, что я должна испытывать

при мысли о том, что через два, через три месяца меня не станет.. Вы только вспомните, что мне двадцать один год и не больше. Неужели же для меня не нашлось лучшей участи, как темная могила. Понимаете, климат Лейпцига до такой степени дурен, что я чувствую его разрушительное действие — и я не могу выехать. О Меране или вообще о юге думать больше нечего, мне бы хоть в Россию-то к сестре замужней перебраться. Там, по крайней мере,— прием теплый и уход порядочней, чем здесь.

Милый Поленов, не можете ли Вы занять у кого-нибудь сумму рублей двести. Понимаете, только с этой суммой я могу окончательно справиться с хозяйкой и с долгами и уехать. Верите ли Вы, что в настоящее время денег идет такая масса!.. Ах, мне тяжело писать все это, но поймите же мое состояние, кому же хочется умереть, а здесь я не могу прожить долго, я должна уехать из этой отравы — Лейпцига. Я как утопающий хватаюсь за всех и за все и вот к Вам пишу. Конечно, я знаю, что просьба почти неисполнима..

Пишите мне, не сердитесь на меня. Я теперь достойна только жалости..

Ваша *Елисавета*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Париж. 11 мая 1874 г.*

Дорогой дядя! Вы перед моим отъездом, еще в первый раз, позволи[ли] мне к Вам обращаться, когда положение выйдет критическое. Ну вот я к Вам и обращаюсь. Дело в том, что в Лейпциге находится моя одна хорошая приятельница, нигилистка, в университете, а теперь она больна и хочет ехать в Россию к сестре. Она, верно, там и кончит, потому что она в злой чахотке. Она мне теперь пишет и просит, чтобы я ей прислал или достал бы денег на обратный путь. Я, что мог, ей послал, но этого мало, а у меня теперь в моем министерстве финансов такой ветер свищет, что и сам-то ежусь. Ну, да это все посторонний вздор, а главное дело в том, что не можете ли Вы выслать этой девице в Лейпциг двухсот рублей. Вы меня этим очень обрадуете, дорогой дядя, я с этой девушкой очень дружески связан и мне бы хотелось ей помочь в такую критическую минуту. Ее адрес: Leipzig Grimmische Strasse № 24/III Elisabeth Guslavsky (Лейпциг. Ул. Гримма № 24/III. Елизавете Богуславской][27].

Теперь тут Салон открыт и моя картина там же находится. Кто из знакомых художников ее видели, одобряют, да и я сам нахожу, что она не теряет там; вообще я очень доволен, ибо туда попасть трудно, и многие французы с протекцией были отказаны[28]. Но как тут все-таки много худож-

ников и много работают. Представлено на выставку было до семи тысяч картин, принято неполных две.

Прощайте дорогой дядя, обнимаю Вас крепко, до свиданья.

Любящий Вас *В. Поленов.*

Да, у меня к Вам есть еще просьба, когда я приеду в Москву, позвольте с Вас портрет написать?

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Париж. 10/22 мая 1874 г.

Поздравляю Вас, дорогой папа, с царской любезностью[29], это очень мне было приятно, тем более что оно вышло сюрпризом, а во-вторых, большое Вам спасибо за Ваше длинное и преинтересное письмо, которое я получил сегодня, купно с чаем, папиросами, Храповицким и голосами[30]. Я его несколько раз сряду прочел, так оно полно интереса.

Мамá спрашивала имя старушки Соловцовой,— ее зовут Анна Афанасьевна. Она ко мне очень благоволит и рассказывает всякие истории про былое прошедшее, даже заступается за меня, когда начинается спор с остальной компанией. Это бывает обыкновенно в воскресенье после обеда. Начинается какой-либо разговор и переходит в спор. Недавно было особенно бурное рассуждение. Заговорили о Польше и поляках. А надо Вам сказать, что Татищев был командиром лейб-гусарского полка, Граббе—л[ейб]-г[вардии] конного, Бове — кавалергардский ротмистр, и все они были в Польше во время повстания.. Я встал за них, то есть за поляков, ну, Вы можете себе представить, как все на меня бросились, впрочем, Граббе поддерживал, так как он панславист, хохол и гомеопат. Мадам Бове в душе тоже мне сочувствовала, но она еще мало привыкла высказывать вещи, прямо противоречащие всем принятым обыкновениям. Татищев очень остроумный и ловкий диалектик или проще краснобай повел атаку довольно правильно, но все без успеха. Под конец прибегнул к всегдашнему аргументу: «Душа моя, вы это по молодости, по неопытности так говорите, поверьте мне, уж я лучше это знаю, я опытнее Вас и так далее». В таком случае, не надо мне опытности, если от нее изменяются убеждения. Старушка Соловцова старается оправдать меня тем, что «это он все увлекается и что это пройдет». Точно будто мне пятнадцать лет. Татищев: «Да, по тому, что Вы говорите, Вам не больше». Мадам Бове лукаво улыбается: «Свернете Вы себе голову, Поленов, когда-нибудь».. Но когда дело доходит до крупной политики, тут происходят такие пассажи, что и пересказать трудно. Впрочем, я этих людей отчасти даже уважаю, потому что в них мало притворного, манерного, кривого,

как у большинства их сословия, и поэтому есть убеждения довольно твердые и основанные на некоторой логике, а не на привычке или тупом чванстве.. Самый сильный из этого общества Татищев, с которым я больше и спорю, он рассуждает логически и имеет теорию, во многом довольно основательную и твердую. Даже приятно с ним сражаться.. Вследствие ли нашего враждования, или чего другого, но ко мне особенно благоволит Татищев, часто приходит в мастерскую, приносит фотографии, увражи, достает разные нужные мне сведения и советует изучать русскую историю по французским об ней сочинителям. На днях он притащил мне чудесную фотографию Венеры Милосской, снятую Брауновским способом: «Прохожу я мимо магазина и вижу портрет этой чиновницы, а Вы о ней хорошо отзывались, я и подумал, оригинал подарить ему не могу, ибо он не мой, а портрет поднесу». Кстати, мне вспомнилось, как я первый раз перед этой статуей стоял. Остановился я и стою. Кустод, увидав внимание, с которым я смотрю на нее, подходит ко мне и говорит, что это есть лучшее произведение античного Рима, что туристы проходят мимо, бросая лишь беглый взгляд, но что истинный любитель, как вы, должен осмотреть ее со всех сторон. Далее почтенный страж пояснил мне, что это портрет очень известной дамы, которая находилась при дворе тогдашнего императора и что дамы тогда носили платье не из шелковой или шерстяной материи, как теперь, а что они ходили «demi-nues» [полуголые] и шили платье из льняных тканей. «C'est pourquoi la drapperie est si amusante» [«Вот почему драпировка так забавна»] и долго объяснял он мне все тонкие достоинства богини. Поблагодарил я обязательного пояснителя за его любезное объяснение, потому что без него я бы никогда этого не узнал. Это я сообщил между прочим Татищеву, в подтверждение его мнения, что даже и русскую историю надо изучать по французским книжкам. Как они еще глубоко невежественны, эти европейцы, а с ними и наши аристократы..

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 16 мая 1874 г.

Слушая некоторые твои рассуждения прошлого лета в Имоченцах, я часто думала, дорогой мой Вася, подобно Анне Афанасьевне Соловцовой, что тебе точно пятнадцать лет. Прочитав же последнее твое письмо, я еще более утвердилась в моем мнении. Но вот беда, что этому никак не поверят те люди, которые только тем и занимаются, что подбирают подобные рассказы, нанизывают их себе на память, а потом их при случае, чтобы удостоверять кого нужно в неблагонадежности нашей моло-

8. В. Д. П о л е н о в. Право господина. *Масло. 1874*

9. В. Д. П о л е н о в. Сказитель былин Никита Богоданов
Масло. 1876

дежи, выставляют на вид. Все эти твои излияния ничего другого не сделают, как принесут вред не только тебе, но и твоим самым близким. И все это из-за того, чтобы геройски стать в позу и сказать: «А мне что? Я выше толпы!» Признаюсь, что высказанный тобою образ мыслей нас очень огорчает, и тем более, что все это навеяно на тебя какой-то нездоровой атмосферой. Алеша находит, что все очень остроумно, если ты сам над собой посмеиваешься, и описывая эти твои беседы, из себя выделываешь очень искусного фантазера.. Он не хочет признать в тебе пятнадцатилетнего юношу, так как я это делаю. Ты там сердись, бранись, а я всегда косточек ищу, и до косточек хочу тебя пробрать. Но об этом довольно, и прошу тебя, дорогой мой Вася, мне на это не отвечать. Баста! Побереги нашу старость, ты горячо нас любишь. Это я знаю. Все это пишу серьезно и прошу исполнить с преданностью к нам[31].

М. П.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 22 мая/3 июня 1874 г.

Напрасно, мамочка, Вы так кирпичитесь! У Бове говорят обыкновенно по-русски, так что les domestiques qui sont français ne comprennent rien [французская прислуга ничего не понимает]. Следовательно, опасности нет никакой. Притом же я удивляюсь, как убедительные доводы Алеши Вас еще не убедили, что не все domestiques [прислуга] из III отделения, и что у III отделения есть, вероятно, дела более интересные, чем подслушивать, что скажет пенсионер Поленов.. Вы совершенно ошибочно думаете, что то, что я говорю, есть фанфаронство или позировка, напротив того, все это весьма серьезно.. Правда Ваша, я не до всего сам дошел, даже первый толчок был не из меня, а извне. Если позволите, я в коротких словах Вам объясню. В шестьдесят первом и шестьдесят втором годах некто, г-н Хрущов, учитель русской словесности в петрозаводской гимназии, имел это на меня влияние. Вы его, вероятно, помните? С тех пор много воды утекло, много изменилось и многие изменились, и я тоже, но с этого времени основание моих убеждений не поколебалось.

Далее я был в университете, читал много и действительно много заимствовал из этих источников, так что то, что я говорю, я не думаю выдавать за свои собственные изобретения: во-первых, я слишком слаб, чтобы изобретать подобные великие вещи, а во-вторых, я занят делом совершенно другим, которое берет у меня все мое время и не дозволяет мне.. додумываться самому до всего этого.. И, наконец, странная у Вас, мамочка, нетерпимость к чужому мнению,— если что не по Вас, так

сейчас и баста, и чтобы речи об этом не было. Вы сами высказываете свои соображения, а вслед за этим заставляете молчать Вашего собеседника.. На этот счет папа гораздо терпимее Вас..

Третьяковская галерея.

Л. А. БОГУСЛАВСКАЯ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Лейпциг. 29 мая 1874 г.*

..Прежде всего прошу Вас простить меня в том, что я, не имея удовольствия быть с Вами знакомой, позволяю себе писать к Вам, но причины, побуждающие меня к этому, настолько уважительны, что Вы, вероятно, не откажете мне в Вашем снисхождении.

Я знаю от бедной моей больной сестры Лизы, что Вы принимаете большое участие в ее настоящем безвыходном положении; знаю также и то, что Вы при посредстве Вашего московского знакомого намерены были выслать ей двести рублей для возвращения в Россию; последнее обстоятельство так ее утешило и ободрило, что она по получении Вашего письма совершенно оживилась духом, а потому, казалось, была крепче и физически, но, когда по расчету срок получения желаемых денег прошел, она опять начала унывать и отчаиваться, а вместе с тем и чувствовать себя хуже. Вообще лейпцигский климат для нее убийствен, притом она живет в центре города, где, конечно, нет чистого воздуха, а переменить квартиру по настоящему своему безденежью не может, кроме того, пользуется очень плохой пищей, все это вместе на ней весьма скверно отражается, а помочь нечем, и потому для нее остается единственным утешением считать дни и часы, когда она выедет отсюда.

Поэтому, Василий Дмитриевич, будьте добры, напишите, есть ли еще возможность рассчитывать на эти деньги или нет.. потому что лучше знать определенно самую худшую действительность, нежели томиться наилучшими ожиданиями.

Вашим ответом должен решиться для нее может быть вопрос жизни, потому что у нас с ней надежд ни на кого и ни на что уже больше нет и поэтому, если доброе Ваше желание ссудить ее деньгами оказывается теперь почему бы то ни было невозможным, то я, узнав это положение, должна буду уже как-нибудь, на свои чересчур скудные средства устроить ее подходящим образом в Лейпциге, в ожидании ее ужасной смерти.

Если мое обращение к Вам найдете навязчивым, то в свое оправдание могу Вам сказать только то, что естественно мы с ней до сего времени хватались за все, за что была только малейшая возможность ухватиться, хотя бы это была соломинка, потому что твердых опор у нас нет, мы с ней

стоим в мире среди неба и земли без средств и всякой возможности к существованию, мы всем чужие и никому до нас нет дела, а если и есть на свете два-три человека, тепло к нам относящихся, то они сами находятся в таком же бедственном положении, как и мы..

Лиза в страшно мрачном состоянии духа, и на все мои убеждения написать Вам и спросить, положительно отказалась, говоря при этом, что она считает неловким Вам надоедать, поэтому я, не сказав ей ни слова, решилась сама к Вам написать..

Л. Богуславская.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Париж. 31 мая 1874 г.*

Дорогой голубчик дядя! Я писал Вам несколько недель тому назад, прося Вас исполнить одну мою большую просьбу. Не знаю, не дошло ли до Вас письмо, или Вас в Москве нет, не знаю, как объяснить себе. Дело в том, что в Лейпциге умирает теперь одна моя приятельница, или лучше друг, в чахотке, и желает только возвратиться на родину, чтобы умереть у своих, все же не так горько. Просит она у меня двести рублей, на это я ей выслал двести франков, больше не мог, ни одна из моих работ не продалась, из Академии деньги не высылают, а прислали выговор за слишком вольнодумные отчеты, так что, все вместе взяв, я и не знал что делать и к Вам обратился, прося Вас ссудить мне эти двести рублей, послав их прямо в Лейпциг по следующему адресу: Leipzig Nürnberger Strasse № 21 IV treppe Fräulein Lubow Boguslawsky [Лейпциг. Нюрнбергская ул., 21. IV этаж. Любови Богуславской].

Сам я работаю много и надеюсь понемножку достичь до чего-нибудь изрядного, одну картину уже написал и выставил, ее одобряют, другую кончаю, кроме того, пишу этюды для будущих работ и головы с натуры, с восьми часов утра и до шести часов вечера сижу с палитрой и, кажется, время провожу не даром, дело как будто начинает направляться на лад. Трудная вещь искусство, иногда до поту доходит, а казалось бы, что работа не тяжелая, сиди себе, да кисточкой помазывай. И как трудно иногда бывает в отчаяние не впасть от всех трудностей этого дела, просто и рассказать не умею.

Прощайте, дорогой дядя, крепко любящий и обнимающий Вас

В. Поленов.

С нетерпением жду несколько слов от Вас.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Л. А. БОГУСЛАВСКАЯ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** [Лейпциг] 13 июня 1874 г.*

Милостивый государь Василий Дмитриевич, извините, пожалуйста, что не сейчас же отвечала на Ваше письмо; эти два дня меня не было в Лейпциге. Письмо с деньгами, присланное Вами, я передала сестре, она уже в России, откуда, вероятно, Вам напишет. Здоровье ее весьма плохо и при тех условиях, в каких она находится, нельзя надеяться на выздоровление..

Третьяковская галерея.

Е. А. БОГУСЛАВСКАЯ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** [Белополье. Июнь 1874 г.].*

Сердечно благодарю Вас, благородный друг мой, за все то сочувствие, какое Вы оказали мне. Вы не любите благодарностей,— но я не могу пройти мимо этого.

Вы еще питаете надежду увидеться, нет, мой голубчик, не увидимся мы с Вами. Я теперь сижу в Белополье, а скоро буду лежать в земле. Для того чтобы мне выздороветь, об этом нечего мечтать,— нет, а чтобы продлить мою жизнь, надо много, надо итальянским воздухом дышать, а не белопольским, а на это много денег надо.

Да и теперь, по правде сказать, я помирилась со своей судьбой.. Пишите мне, мой милый утешитель, мой дорогой друг. Ваши письма доставляют мне так много радости.. я так дорожу любовью людей.. Писала бы больше, но удивляюсь, как и это еще написала,— у меня страшно болит правое легкое, и я ничего правой рукой делать не могу. Прощайте, мой родной, помните и пишите к любящему Вас и благодарному Вам другу.

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Киев. 2 июня 1874 г.*

Вася, мы на днях едем за границу, а теперь у нас мама, которая приехала по случаю Лилькиного дела[32]. Мама решается отложить и ждать, и я совершенно с ней согласна. Мы человека не знаем, и я, признаюсь, не верю в искренность его чувства. Тут, Вася, дело не в mesalliance'ах

[мезальянсах], не в породе или родовитости, или, еще хуже, в аристократизме,— это мелочь, а дело в том, что, по-моему, он не довольно ценит Лилю и, что его чувство к ней не довольно серьезное,— кроме того, мы его не знаем, ни его деятельности, ни его среды, ни его самого как человека и, по-моему, не можем так рисковать Лилькой, которая теперь, конечно, находится в экзальтированном состоянии. Надо, чтобы все это успокоилось, чтобы Лилька пришла в нормальное состояние, и тогда мы увидим, как она скажет. Она едет со мной за границу отчасти для того, чтобы видеть тебя, и ты многое можешь, чтобы успокоить ее, а еще больше экзальтировать ее какими бы то ни было идеями не следует теперь, не время. Я тоже очень, оч[ень] желала бы тебя видеть.. Если тебе будет возможность и средства свободные — приезжай к нам.. Баден — это чудное местечко, мы бы там втроем отдохнули душой,— нас бы обеих так оживил, обрадовал твой приезд. В конце августа обратим свой путь на юг Франции, к морю, и я надеюсь, не вдвоем, а с мамашей, которая решительно хочет пожить с нами за границей. Это отлично.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 20 июня 1874 г.*

Дорогой дядя. Сегодня я получил от Лили письмо, которое мне было очень приятно, вот выдержки: «В ответ на мое письмо, в котором я излагала дело и прошу маманиного согласия, я получила от нее очень доброе, мягкое, ласковое письмо с подобными фразами: «Папа тоже, как и я, ничего подобного и в мыслях не имел; письмо твое ему очень по душе, видно прямое чувство и полное доверие к нам».— «Ты всегда была благоразумна, поэтому мы оба имеем к тебе большое доверие». «Вперед ты можешь быть уверена в безграничной нашей к тебе любви, а кроме твоего счастья мы ничего не желаем». Несмотря на все это, мама просит ничего не решать, не переговоривши с нею. Одновременно с этим письмом получила очень хорошее письмо от Алеши, полное сочувствия ко мне; это обстоятельство меня сильно успокоило, иметь Алешу на своей стороне в этом деле, почти равносильно согласию родителей». А сегодня я получил от Веры.. Оне обе теперь едут за границу и скоро будут в Бадене и меня зовут к себе, я постараюсь это исполнить и повидаться с ними, очень хочется потолковать и узнать все подробности..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Виши. 21 июня 1874 г.

Шестой день уже, как я здесь, решительно всякий день хочу писать к тебе и просто не нахожу времени,— и заметь, встаю в пять с половиной часов, ложусь в одиннадцать.

Как пойдет с шести с половиной валять, то пей один источник, то потом бери душ ascendant [восходящий], то есть попросту промывательное, то завтракай, то, отдохнув, ступай снова пить и брать ванны,— как-то до того утомляешься, что ничего не хочется делать. Слава богу, жарко,— этого я жду уже давно и только вот дня три, как наступило это блаженство. Здоровье, кажется, видимо улучшается.

Нет, брат, видно не удастся нам изменить взаимно наши взгляды на современные требования молодых художников,— писать я страшно обленился. А во всяком случае мое мнение таково, что вы в ваших требованиях высказываете только недовольство и никак не приходите ни к чему положительному; ты, например, говоришь, искусство не может быть вне требований жизни,— прекрасно; но каждое ли требование жизни просит себе отголоска со стороны искусства. Попробуй изобразить весьма важный момент настоящей нашей жизни на водах,— ставление клистиров,— как хочешь, а это уж никак не сделается содержанием картины. Я нарочно взял крайнюю точку крайности,— начинай от нее идти далее, ближе к центру,— право, бывают в самой жизни такие времена, что искусство, как ни бейся, как ни подсматривай, а едва ли оно найдет что-нибудь вызывающее сочувствие. Да вот оно, например, только между нами, потому что я считаю преступлением охлаждать человека на ходу предприятия,— я видел у Репина Парижскую кофейню,— скажи мне спокойно, положа руку на совесть, может ли она сама по себе, без какого-нибудь случайного события, быть предметом картины? Никогда. Это может быть tour de force [фокус] художника и только. Как ты управишься с этой массою черных сюртуков, пальто и фраков, без которых нет кофейни, а которые на картине будут, с одной стороны, отъявленными врагами колорита, как его ни насилуй дамскими костюмами, с другой — будут похожи на модную картинку, то есть на картинку мод.

На чем тут остановится общечеловеческое внимание? А на чем оно останавливается, проходя мимо настоящей кофейни? Совершенно другое дело,— тут его останавливает движение фигур, беспрестанные их движения, жесты, возгласы, болтовня, все вместе, тогда как половина этого недоступна картине[33]. Вот на первый раз невольно заболтался.

Очень бы хотелось мне найти в твоей мастерской портрет Оболенской совсем оконченным,— он мне сильно нравится. Долго вообще вся твоя

мастерская провожала меня по дороге,— да, брат, взять предмет картины, не мутовку облизать,— ты вот все бьешь на колорит, а на словах-то любишь содержание, а не форму. Когда жизнь не требует идеала, а пробавляется обеденным набиванием желудка, трудно тут искусству искать в ней предмета для своей кисти. Но об этом после.

Скажи-ка ты мне, как вы решили. Я, пожалуй, подался бы на то, чтобы ты и Репин написали мой портрет или мои портреты, только как бы это устроить? Недели будет мало, а больше недели мне пробыть в Париже трудно. Думаю, что я здесь кончу курс к десятому июля, даже едва ли не к восьмому, но буду в Париже не раньше десятого, а может и двенадцатого. Мне хочется пробыть несколько часов в Орлеане и потом в Creuzot [Крезо]. Пожалуйста, отвечай мне тотчас же, поговорив пообстоятельнее с Репиным. Пожалуй, я готов был бы давать и два сеанса в день, но краски не высохнут, а мне не хотелось бы, чтобы потом ссылаться на то или другое неудобство.

Обнимаю тебя и благодарю за то, что ты скрасил собою мое пребывание в Париже.

Твой *Ф. Чижов.*

** Виши. 23 июня 1874 г.*

Как я рад, что дело Лили решается без сильных препятствий. Только, Вася, пожалуйста, ты не сильно увлекай Л[илю], и писавши к Лиле, не закусывай удила. В самом деле, тут не аристократические взгляды, а то, насколько его имя подходит к Лиле, иначе, пожалуй, посадите ее в такую среду, что и сами будете не рады. Ей теперь прямо говорить это довольно трудно, потому что она или совсем пьяна, или сильно навеселе,— следовательно, ее логика такова: «все это пустяки — семья, среда, все это такие глупости, под именем которых стоит и род, и происхождение, и общественное значение». Спорить с ней, только усиливать ее настойчивость. Вера пишет правду, что надобно же его поузнать; надобно же и Лиле посмотреть немного потрезвее. Жена не лапоть, поносишь, с ноги не сбросишь. А все-таки я от души рад, что Лиле готовится полнота жизни, что эта встреча взбудоражила ее природу, для меня бывшую всегда загадочною. Ума у нее очень довольно; душа проглядывает везде, но как-то все сковано такой броней благоразумия, что никак не доберешься до сути. А известно и ведомо, что благоразумие есть родной отец всех пакостей человеческих. Передай-ка ты это Лилиньке.

Жду от тебя письма в ответ на мое; да, может быть, мы вместе соберемся в Баден, если я не буду сильно торопиться домой. Только, пожалуйста, отвечай поаккуратнее; хотя благоразумие и величайший подлец,

но делать нечего, призови его на совет*. Ты с ним так редко советуешься, что никак не опасайся, оно тебя на надует.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 24 июня 1874 г.*

..Очень рад поговорить с Вами об искусстве, о моих на него взглядах и требованиях от него. Сказав про искусство, что оно должно выходить из жизни, а не из теории, я под этим не разумел, что оно непременно должно изображать современную жизнь и что художники должны писать фраки; я под этим требованием понимаю то, что искусство не должно отставать от интересов современной ему жизни, а так как современные стремления всюду проникнуты требованием, всего прежде для своего развития, полной свободы и упразднения давящего авторитета, то и искусство желает получить волю и освобождение от схоластики и академической рутины. А там пущай оно изображает фраки, жилеты, панталоны, лохмотья.. лишь бы не академическую рутину. Положительных идеалов у нас нету, это правда, но искусство или (говоря выдумкой Платона) красота тем и широка, что для нее отрицательный идеал столько же пригоден и близок к сердцу, сколько и положительный, в этом отношении она гораздо богаче двух старших своих сестер, нравственности и истины. Она так же была узка, как и они, пока она держалась условности, но когда она отбросила ее и приняла к себе и безобразное, ибо и в нем есть красота, то сейчас же она стала широка и свободна, а старшие две сестрицы этого сделать не могут, во лжи нет истины, а в разврате нет нравственности. Впрочем, это, кажется, к делу тут не идет, а так к слову пришлось. Требование же наше от живописи состоит в том, чтобы она как можно правдивее и ближе к действительности изображала выбранное им событие, прошедшее или настоящее, все едино, в этом и состоит направление реалистов. Художники с малым талантом или без оного, либо с талантом только внешним, не идут теперь дальше фотографии, и разнообразят только способы выполнения внешнего. Напротив того, талантливый человек, с чувством, влагает, кроме внешности, внутренний свой мир, свою особенную поэзию, неуловимую и неуяснимую умом и правилами, а чувствуемую внутренним чувством и передающуюся зрителю, способному, конечно, чувствовать ее как бы электрическим током. Подобного рода создания можно назвать творческими. Положим, этот принцип, то есть

* Не думаю, чтобы оно решилось идти на твой призыв, разве сильно будешь упрашивать (*примечание Ф. Чижова*).

объективного реализма, к которому теперь стремятся передовые молодые художники, можно назвать мелким, будничным, в сравнении с идеалами и фантазиями субъективных идеалистов, но что же делать, вся жизнь теперь стала мелка и будничпа, по крайней мере наше время в этом упрекают. Но все-таки правда на стороне этого будничного принципа, и если явится талант с личным почином (вспышки таких талантов уже появляются у Морелли, Фаруфини, Règnault [Реньо])*, то найдет почву строго и хорошо подготовленную и создаст великие вещи. Тут есть два таланта, которые очень мне симпатичны — Невиль и Ф[ирмен] Жирар, я Вам их показывал. Вглядываясь вчера в Лувре в картины старых итальянцев, называемых общим именем прерафаэлитов, я нашел, что последний, то есть Жирард, очень близок к ним, не по выполнению, разумеется, у итальянцев оно еще детское, неумелое, но по настроению, и по любви к делу, с которой работано. В этом отношении он, впрочем, составляет исключение из французской школы, французы холодно и без поэзии относятся к своим работам, и в этом, как мне кажется, виновата отчасти академия, она, первое, что делает, уничтожает своим непреложным правилом личную свободу, самобытный взгляд, а с этим всякую поэзию и чувство. Рисовать и писать можно выучить человека, как можно научить сапоги шить, а самобытности и чувству не выучишь, а только зашибешь ученьем. Академия же именно выучивает, или делает художников по своим шаблонам, а жизнь создает их для своих потребностей[34]. Что касается выбора темы для картины, то Ваша правда, что это дело трудное. Хотя большой талант из ничтожного сюжета сделает такую вещь, что променяешь на самые глубокие, возвышенные и драматические содержания, да это опять не к делу. Оно действительно позамысловатее, чем мутовку облизать, много бьешься над сюжетом, много передумаешь, и если не выходит того, что хочешь и как себе представляешь, то дело в слабости выполнения или выражения мысли. Если я не изобразил в своем «Droit du seigneur» [Право господина] того, что хотел, то значит не совладал с задачей, а задача тут была и в содержании[35]. Я хотел представить один из довольно выдающихся обычаев средневекового феодального быта, рисующий отношения рыцаря властителя к подвластным ему лицам. Вышел он, хорошо пообедав, на дворик своего ястребиного гнезда посмотреть на девушек невест, приведенных к нему для ночлежного развлечения. Подбоченился он и слегка усмехается, увидав, что девочки не совсем дурные и что стоит его баронской чести приложить некий труд для их просвещения. Крайняя девушка понимает, в чем дело, покраснела и потупилась; средняя стоит как бы выше своего положения и смотрит

* Морелли никому не известен, он под спудом бережется в Неаполе, а Фаруфини и Régnault [Реньо] в самом начале были потеряны! Что делать? (*Примечание автора письма*).

на него с легким презрением, а дальняя, еще глупенькая, не понимает. Мужья, отцы, матери, приведшие их, остались вдали, у ворот, их не пустили солдаты, а наверху на лестнице молодой приятель и капеллан замка пересмеиваются. Не всех же трех он себе возьмет, и на нашу долю будет.

В. Поленов.

** Париж. 29 июня 1874 г.*

..Вы говорите, чтобы я не закусывал удила, я, напротив того, стараюсь писать успокоительно, вольно ж им там волноваться и обижаться. Мама, кажется, не на шутку на меня рассердилась, вот уже около месяца ни единого от них словечка.

Да, мне самому кажется, что благоразумие вещь не лишняя в жизни, надо бы мне с ним взойти в сделку, одно только, больно дорого сто́ит.. Лилька пишет, что они думают приехать в Баден в первых числах июля нашего стиля, или здешнего. Напишите мне, когда Вы думаете быть в Париже, а я у сестер спрошу, сколько времени они останутся в Бадене, тогда я Вас дождусь. Репин уехал в Нормандию и не думает вернуться в Париж раньше осени, поэтому я уже не знаю, как мы с портретом устроим, если бы можно было Вам съездить туда, то мы бы дней в пять, при двух сеансах, которые Вы даете, могли бы написать Ваш портрет. Впрочем, это по времени не выходит, сестры, верно, так долго в Бадене не останутся. Тогда уж я один напишу Вас в Бадене. Это, я думаю, будет самое лучшее.

Между прочим, вот что Лилька пишет: «если бы ты знал, как мне теперь трудно, ты бы, наверное, приехал повидать нас в Баден, ты один у меня, который относится сочувственно. Вера не сочувствует, Хрущов первую минуту, но зато очень скоро изменил свой взгляд и образ мыслей. Остальные члены семьи только мне по губам помазали, а теперь я вижу ясно, что они все сделают, чтобы расстроить это, и так далее.. Его фамилия Шкляревский, они еще уверяют, что он поляк и это скрывает, а он настоящий малоросс по происхождению и русский по симпатиям и интересам. Очень любит Москву, его лучшая мечта когда-нибудь там поселиться, и ты там будешь, вот кабы бог привел...»

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Виши. 30 июня 1874 г.*

..Надобно было бы потолковать с тобою об искусстве и о ваших не то что требованиях, но недовольствах Академиею; особенно о весьма оскорбившем меня твоем взгляде на Рим и на всю Италию, взгляде, с которым

твой Henri Régnault не только не согласен, а диаметрально противоположен[36]; но утомление от вод не оставляет ни атома в уме, который мог бы отдаться чему-либо, кроме воды.

Очень я рад, что ты подумываешь призвать благоразумие, и нисколько не боюсь за твое с ним, по всей вероятности, очень короткое свидание. За другого боялся бы, но у тебя на роду написано никогда с ним не якшаться, ну а суженого конем не объедешь. Я, правду тебе сказать, и рад, что наше предположение писать портрет в Париже не состоится, потому что это задержало бы меня там никак не менее шести или семи дней, между тем, как мне очень хочется скорее домой на плантации.

Теперь, отбросив пребывание в Париже, я очень буду готов поехать в Баден, скатаем вместе, только я съезжу не больше, как дни на два.

Думаю, что Шкляревский чисто малороссиянин; со мною в гимназии был товарищем, то есть не товарищем, а старше меня двумя классами, Шкляревский чисто малороссиянин, это фамилия малороссийская, а не польская, но боюсь, что среда серенькая. Увидим. Я постараюсь разузнать поосновательнее, и мне это тем легче, что никому не придет в голову, что Лиля так мне близка,— это одно; а второе, я узнаю от совершенно различных источников.

..Я завтра ожидаю карту Германии, там я посмотрю маршрут моей поездки. Мне еще хочется побывать в Нюрнберге, как потому что я там был проездом, а между тем там множество остатков готического времени, так еще и потому, что хочется осмотреть там хмельники. Не знаю, бывал ли ты там? Это не очень далеко от Мюнхена.

Итак изволь оставаться в Париже до 15 июля и, по всей вероятности, мы пустимся вместе в Баден. Ты даже можешь поэтому и не усиливаться в призыве на помощь благоразумия,— я поневоле с ним сдружился, так что если вместе поедем, оно будет в нашем вагоне..

Третьяковская галерея.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

** Прага. 4/17 июля 1874 г.*

..Во вторник в четыре с половиной часа пополудни мы выехали с Васей Поленовым и в шесть с половиной сегодня я в Праге, а он поехал в Баден-Баден к сестрам. Я не поехал с ним, потому что было бы уж очень для меня утомительно. Довез его на свой счет, потому что у него карман пустоват.

Присматривался я к его картине.. что была на выставке[37], она сильно выигрывает в мастерской; там лицо рыцаря почти не видно, то есть выражение его почти скрывается, потому что он был высоко повешен — здесь

видно сладострастие. Лица трех девушек с тремя совершенно различными выражениями. Но вся картина весьма и весьма не кончена. По самому предмету она держится на оконченности и может быть весьма недурна, когда будет хорошо окончена. Лицо рыцаря, его платье должно быть не набросано, а легко выработано; руки девушек, воздушная перспектива — все это требует работы, а во многих местах она только что подмалевана. Думаю, что если Вася не поленится окончить, то она явится весьма недурною.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Париж. Июнь 1874 г.*

..Боголюбов очень хвалит местечко Вёль в Нормандии на берегу моря.

Там бывает много художников и к ним приспособились. Он советует съездить месяца на два. Работается там легко, есть небольшой пляж, но не модный курорт или bains de mer [морские купанья].

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Нормандия, Вёль июнь] 1874 г.

Мой милый друг, Василий Дмитриевич! Не могу удержаться от восторга! Так хорош Вёль[38]. Места во всяком роде, восхитительные!

В первое же утро я окунулся в поле: земля была влажная от мелкого дождика; колосья высокой пшеницы и рису скрывали от меня горизонт; только по темно-синему, сероватому небу неслись белые хлопья облаков, а узкая дорожка вся украшена полевыми цветами и маком — прелесть, прелесть! И какой восхитительный воздух; дышится чисто, легко, в ноздрях такое ощущение, точно ты из бани или из купальни. Пейзажи на каждом шагу, и разнообразие необыкновенное, во всяком роде есть; есть и замок вроде наших исторических хуторов; очень напоминает Малороссию. Квартира нас ожидала; все здесь есть: кафе всякие, лавки, мастерские (сапожн[ые] и столярн[ые], и портняжные), все, все можно найти.

Наша квартира — прелесть что такое! Речка чистейшей ключевой воды — наш забор; деревья, зелень и этот убаюкивающий шум мельничных колес.. точно в сказке. А море! Просто чудеса!

Нет, десяти Италий с Неаполем я не променял бы за этот уголок. Третьего дня, в день нашего приезда, я уже видел здесь одного худож-

ника — писал что-то: очень живописное крылечко, на котором баба ищет в голове у ребенка, я видел только натуру, к нему не заглядывал.

Ягоды нам приносят сейчас с гряд; молоко парное; масло сейчас сбитое; куриные яйца; все это свежейшее. Вчера я писал два этюда; а вечером прогулялись в поле, далеко. Веруньку* украсили маком, во все складочки, и она, представь себе, мне позировала, в позе республиканки Первой р[еспублики].

Сегодня с Верой** пошли по полю, собирали цветы полевые для букета; потом свернули к морю и вышли на гребень скал; опять вид по обеим сторонам божественный, и море зелено-голубое при солнце.. Прожить здесь лето очень, очень стоит. Поля, как в России.

Когда я в пятницу утром вышел на море, то ужаснулся: вода отлила на целую полверсту и оголило морское дно, черное, колеями; зеленая растительность прилипла к земле; пауки так и шныряют по песку. Что-то страшное. Группы детей таскают какую-то морскую траву. Чудесные картины. А вечером уже все было покрыто; вода близко подошла; я не мог определить место, до которого доходил..

Нормандия. Вёль. 14/15 июля 1874 г.

Варвар ты, варвар! Злодей ты, злодей! До сих пор тиранишь себя в одухотелом Париже! Как не стыдно. У нас тут благодать: жары совсем не было ни разу, приятная теплота днем и прохладные вечера. Платье здесь пригодилось мое летнее, очень хорошо в нем; но можно смело и в сюртуке быть, жары нет и опасностей простуды тоже не видать. Поспешай сюда, ибо кое-что из красот полей уже сжато и они стоят скучные; боюсь, что к твоему приезду все будет убрано с полей и ты не увидишь этой благодати.

Море по-прежнему, только очень синее по случаю голубого неба. Вообще наступает пора застарелого лета (я не люблю этого времени — неподвижное), многие полевые цветы отцветают, трава выгорает, жар устойчивее в полях и так далее..

Купи себе купальный костюм, черный шерстяной, на плечи и штаны вместе, и попробуй, чтобы он не чернил платка; здесь не принято купаться с неприкрытым телом, как в Италии. Башмаки можешь купить здесь: множество и всяких фасонов, и костюм даже я себе купил здесь семь фр[анков] пятьдесят с[антимов]. Но проклятый чернит очень, чернила из него выходят.

* В. И. Репина.
** В. А. Репина.

[Приписка.]

Пугачевцы[39], брат, беда, как разыгрываются: у Веры не высыхают глаза от слез, да и мне подчас жутко становится; он подчас забывает свой идеал (война и мир), и тогда производит вещи сильные, хотя и романтичные. Нельзя не видеть в нем таланта и даже крупного.

Пишу этюд с девочки (дешевы здесь эти натурщицы), я теперь плачу один фр[анк] за сеанс, и очень довольны; прежде, по неопытности, я платил дороже. Здесь рабочая женщина получает четырнадцать су в день. Правда, девчонка плохо стоит; глупа, как пень.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Нормандия. Вёль, 20 июля/1 августа 1874 г.

Теперь я нахожусь в Нормандии, на берегу моря, в маленьком городке, называемом Veules. Живу вместе с Репиным в домике, находящемся в лесу, то есть в лесу не в лесу, а между деревьями, на берегу быстрой и прозрачной, как кристалл, речки; она течет не более как полторы версты, а на ней находится три фабрики и восемь мельниц, постоянно работающих.

Пишу этюды и вспоминаю И́моченцы. Ваша правда, дорогая мамочка, И́моченцы — хорошее изобретение, я совершенно в этом случае на Вашей стороне против хулителей оных. Что же касается до Вашего проекта приехать туда на лето с моим Репиным, то это и для меня золотая мечта, я ему сообщил, что Вы его приглашаете к себе. Он в восторге и очень Вас благодарит. Если работы мои пойдут сию зиму, как мне бы хотелось, то я возымел дерзкое намерение будущей весной вернуться в Россию, а лето провести у Вас в И́моченцах, а если бы еще остальная компания собралась туда, то был бы праздник великий. Просто и думать боязно. Проект насчет мастерской тоже чудный. Вот бы великолепие было — еще мастерскую иметь в И́моченцах, да лучше и выдумать ничего нельзя. Я даже на радостях и план и фасады сделал, и место определил, куда ей стать. Я думаю поставить ее в огород, среди огурцов и моркови, возле той рощи, которая у Кулгачей, по левую сторону большой дороги к Ояти..

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Шелковичная плантация. 18 июля 1874 г.

..Часто я мысленно переношусь в твою мастерскую и вместе с тобою думаю о выборе предмета. Твоя картина, бывшая на выставке, занимает меня сильно. Хоть ты и работал над ней, но по самому предмету она

потребует от тебя сильной выработки; не знаю, достанет ли у тебя терпения. Если достанет, то сделаешь большой шаг как художник и поставишь себя хорошо в практическом отношении. Ты выбрал такую минуту, в которой тебе не помогает драма внешнего борения, следовательно, все должно основываться на отчетливом передании выражения. Видно, что ты его прочувствовал, но при таких небольших фигурах работа должна быть чуть только не миниатюрная. Лицо барона, лица девочек, потом их руки, только намеченные, платье барона, лица вверху стоящих — все это требует работы и работы. Я бы очень хотел взять с тебя слово, что ты не выпустишь этой картины из своей мастерской, пока не кончишь ее до тонкости. Весь тон какой-то серенький и над подробностями архитектуры следует поработать. Ты не сердись, что я все это пишу тебе; верь, что пишу без малейшего притязания на совет знахаря, а руководили мною и любовь к тебе, весьма простая и весьма искренняя, и любовь к искусству. Не понимаю, отчего при последнем посещении твоей мастерской портрет Оболенской показался мне менее ушедшим вперед, нежели как показалось это в первый раз.

Авось либо удастся наше предположение приехать мне в Париж на будущий год пораньше, пробыть в нем с неделю, так чтобы ты и Репин могли порядочно подмалевать мой портрет и потом на возвратном пути дать его кончить. Я в твоей мастерской ни для одной из задуманных и набросанных тобой картин не видал эскиза, о картоне уже и говорить нечего. Скажи, пожалуйста, считаешь ли ты их совершенно лишними или просто не достает терпения? Здесь я тебя спрашиваю решительно для собственного моего поучения; мне кажется, что и то и другое мне очень бы помогало.

Когда, бог даст, будем вместе в Париже, надобно будет постараться видеть частные собрания картин, как, например, Пурталеса[40], кажется у него я видел четыре известные картины Леопольда Робера и Декамерон — Винтергальтера. Но все это так давно, что перепутываются имена. Вообще я наперед уже наслаждаюсь недолгим пребыванием с тобой в Париже, как-то мне очень привольно с тобой, и не бойся, приехавши на неделю, я не отниму уж времени от твоей работы. Теперь я таскал тебя, во-первых, потому, что ты не работал, во-вторых, потому, что хотел тебе дать практические наставления благоразумия житейского, но увидел, что это решительно напрасный труд и потому вторично такого неблагодарного труда не предприму. Здесь я останусь недолго, всего до первых чисел августа, потому пиши мне в Москву, в Правление Московско-Ярославской северной дороги, и пиши, не откладывая. Лучше не франкируй писем. В Имоченцы я писал на днях, не знаю, как-то они смотрят на Лилино дело, это меня сильно занимает. Надеюсь узнать о Шкляревском и, что узнаю, тебе сообщу. Обнимаю тебя крепко.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Вёль. Нормандия. 21 августа 1874 г.*

Дорогой дядя, спасибо Вам за Ваше доброе и искреннее писание. Я вполне с Вами согласен, что картина моя «Le droit du seigneur» [«Право господина»] есть вещь совершенно неоконченная, и что много ее работы предстоит, чтобы довести ее до конца, и работа именно в главном, в передаче чувства и выражения в лицах. Сравнительно с моими товарищами я еще очень мало работал и поэтому так еще слаб в технике и еще так неопытен и неумел в передаче своей мысли и своего чувства, что часто самому очень больно и горько бывает, видя, как мало еще сделал, и страшно даже подчас становится, как подумаешь, сколько еще надо сделать, чтобы достичь хотя до среднего удовлетворительного вывода. Но я стараюсь, насколько у меня есть силы, подавить в себе этот черный страх, идти к цели, чего бы это ни стоило, и достичь ее во что бы то ни стало, это я поставил себе задачей и буду ее добиваться до конца.

Портрет Маруси Оболенской тоже вещь неоконченная, это только подмалевка, как мне удастся его кончить, я и сам не знаю, может быть, я и не справлюсь, особенно же окончание лица, где фотография уже почти не имеет значения и приходится делать по воспоминанию. Что касается до моих эскизов, то они лишь только наброски и намеки, только общие пятна композиции, и ничуть не больше этого, оставляю же я их незаконченными не из лени, или нетерпеливости, а потому, что от себя оканчивать что бы то ни было и особенно теперь, для меня есть время потерянное, мне надо еще работать с натуры и строго изучать ее, так что я им никакого значения не придаю, как художественным вещам. Насчет галерей я очень сожалею, что Вы так торопились домой, ибо в это время в Париже была превосходная выставка в пользу Альзас-Лорена, на которой были собраны все лучшие художественные произведения частных коллекций Парижа. Там, кроме превосходных вещей древних мастеров, было много Paul Delaroche [Поль Деларош], Ingre [Энгр], David [Давид], Delacroix [Делакруа], Meissonier (Мейссонье) и других.

С сестрами я провел неделю и много обо всем перетолковал. Дело усложняется. Вера говорит вещи про него, которые не совсем понятны, конечно, все мелочи, да жизнь-то все больше из мелочей состоит, крупное в ней попадается редко. А Лилька на них как будто не хочет обращать внимания. Напр[имер] то, что, не имея согласия мамà, по Киеву вдруг разглашается новость о женитьбе Шкляревского на Поленовой. Вера в этом обвиняет его, теперь, впрочем, оказывается, что это сделали люди, которым он и Лилька доверились. Потом разные предположения со стороны Веры в неискренности его чувства, а больше в корыстных целях, но это догадки, а не факты. С другой стороны, семья его вовсе не любопытная, что тоже не маловажно, впрочем, я этому мало придаю значе-

10. В. Д. Поленов. Московский дворик
Масло. 1878

11. В. Д. Поленов. Ванька с Окуловой горы
Масло. Этюд. 1880.

ния. Словом, по словам Веры и Лильки, это два разных человека. Мама ему написала в ответ на его предложение письмо, где она говорит, что так как она его не знает, то отлагает свое решение на неопределенное, но весьма долгое время, с совершенным воспрещением писать Лильке, на что он ответил, по-моему, очень прямо, искренно и просто; не знаю, какое впечатление это произвело на родителей, но думаю, что не совсем благоприятное. Он говорит, что он мог бы согласиться на такие условия только в том случае, если бы его цели были бы корыстны, как думает мама, и просит смягчить такой строгий приговор, определить срок, хотя бы годовой или более и позволить переписываться, если даже и не прямо с Еленой Дмитриевной, то хотя через Алешу, так как он у родителей пользуется уважением. Лильке очень было желательно, чтобы Вы познакомились с ним и решили бы, что это за господин, подлец ли он по профессии, как про него сказал один немец Хрущову, и желает сделаться аристократом через женитьбу, как думает Вера, или же ни то и ни другое, а просто честный человек..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Баден-Баден. 7/19 августа 1874 г.*

Знаешь, Вася, твое письмо отличное, только не дай бог, чтобы мама когда-нибудь догадалась о твоих воззрениях на ее хитрости и подкопы англичан под русское рукоположение. А мамашину просьбу «лишней бумаги на письма не тратить» он не исполнил, потому что Алеша прислал мне его письмо (к Алеше), написанное на тридцати двух страницах. А? Как тебе это покажется — тридцать две страницы написать обо мне! Я такого ничего и во сне никогда не видала, не поверила бы, если бы сама не прочла и не пересчитала всех тридцати двух страниц. Отличное письмо и отличный он человек, и я его очень люблю и вижу, что он меня любит и верит в меня. Это меня радует. Но мама с ее хитростями! О, мама!!!..

Это скучно, она запутывает дело, которое, в сущности, могло быть таким простым. Он любит меня без всякого романтизма, но горячо и искренно. Он не уступит меня, не откажется теперь и я не хочу отказываться — надо будет как-нибудь уломать мамà. Алеша и Вера, кажется, оба сдались, а мама без этих двух союзников не так опасна. Ждем Алешу сюда в Баден, писал, что в начале августа думает получить отпуск. Рада буду видеть его и потолковать с ним, если он совсем будет на моей стороне, тогда дело наполовину улажено.

** Баден-Баден. 1 сентября 1874 г.*

Вася, сюда приехал к нам Алеша и привез с собою много хорошего. Например — «Карла I» Van Dyck'a [Ван-Дейка], которого я так люблю,— из Дрезденской галереи. Кроме того, он виделся в Берлине с А[лексеем] С[ергеевичем] и привез убеждение, что он действительно такой же хороший, за какого я его считаю. Я рада тому, что Алеша так переменился. Он всего лучше может действовать на мама̀, а мама до сих пор упирается и не хочет смягчиться..

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 27 августа 1874 г.

Ну, брат, Вася, спасибо за последнее письмецо, правду сказать, я побаивался, чтобы твоя молодость не вооружилась на мои замечания. Волка бояться — в лес не ходить. По моему пониманию мы должны со своей стороны употребить все, чтобы не только не быть ниже своих собственных требований, но непременно самою работою повышать самые эти требования. Но подчиняться страху — это на тебя не похоже, поэтому об этом я не пишу.

Надеюсь, что на будущий год в мае я явлюсь к вам в Париж и вы можете мучить меня сеансами сколько хотите, но, дружок мой, вы оба будете иметь дело с стариком несговорчивым.

Вы и забудьте думать, чтобы я ограничился сходством, нет, брат, так и с собаки писать портрет не годится. Рубенса львы истинные цари зверей, а собаки умнее наших министров. Я хочу, чтобы ты в портрете передал не милостивого государя Фед[ора] Вас[ильевича] Чижова, а того Чижова, которого ты любишь (или, пожалуй, не любишь), то есть того, которого ты любишь или не любишь за что-нибудь таящееся в нем самом. Точно того же попрошу и у Репина. Тогда портрет и имеет значение художественного произведения, когда я в нем вижу, как художник понял, понял и принял к своей душе душу того, с кого он пишет портрет, иначе для какого черта сидеть десять сеансов и скучать страшнейшим образом, для чего и художнику сидеть столько же и потеть над своей работой, когда фотография может передать лицо, то есть все его внешние подробности с математической точностью, может быть немного согрешившую от фокуса стекла, но незаметно для неопытного глаза. Ан нет,— фотография, чем больше на нее смотришь, тем делается пошлее и сильно наскучивает, исключая фотографии людей близких сердцу, не по собственному ее значению, а потому что переносит к особе, сердце наполняющей. Чем больше

смотришь на истинно художественный портрет, тем больше он пленяет; не красотою лица, на которую и не взглянул бы в натуре, может быть его и не заметил бы, но которое отразилось в лице художника, так что собственно смотришь не на истинное лицо, а на отражение его в душе художника. Чем выше его понимание прекрасного, то есть чем более художественности у портретиста, тем доступнее ему внутренняя красота человека, с которого он снимает портрет. Не знаю, удавалось ли тебе встречаться с такими высокими художниками, не живописцами, не скульпторами и не писателями, которым чуть-чуть не с первого взгляда бросается в каждом высоконравственная сторона его природы, а мне случалось. Кажется, мы оба узнаем одинаково какого-нибудь господина, один умеет найти в нем все прекрасное, я все скверное, третий все смешное, четвертый ничего особого, все ему кажется обыденным, дюжинным. Все первые три портрета непременно найдут сочувствие в слушателе словесного их изображения, а четвертое войдет в число тех купеческих степенных физиономий, которыми обыкновенно украшаются купеческие комнаты. Не знаю, как-то ты от меня отделаешься? Положим, что я с Репиным буду женироваться, не смея посягать на его художественное понимание; но тебе-то, брат, сильно достанется. Например, видел я портрет Тургенева, не помню кем написанный, кажется Ге или едва ли не Перовым. Я принял его за портрет бывшего московского головы— Казакова, знаменитого торговца мужской и женской обувью. А Тургенев талант замечательный. Положим, он сам настолько унижал сам себя.. до степени уличного продавца обыденных картинок, а потом и до пишущего вывески, такие, в которых все-таки виден прием талантливого и опытного художника. Портрета его же, писанного Репиным, я не видел. А как тебе угодно, портреты Боровиковского усаживали меня против себя на целые часы, и чем более я ими любовался, тем они больше меня пленяли.

Бывши в Киеве, я совершенно с видом постороннего человека разузнавал о Шкляревском и узнал: 1) что он истый малороссиянин, а не поляк; 2) что он из семейства бедных дворян Черниговской губернии, что он превосходный сын и потому нисколько не смущается тем, что мать его ходит в платке, а не в чепчике,— для дам самое страшное преступление; 3) что он превосходный человек, весьма образованный и с весьма эстетическим вкусом, весьма и весьма душою предан искусству. Одним словом, все его хвалят. Сам по себе он не нуждается в средствах, потому что имеет большую практику медицинскую. Полагаю, что искание аристократических связей приписано ему Хрущовым, который (полагаю) и в движении собачьего хвоста, изображении псовых ласк, тоже видит искание аристократических связей.

Я не видал Хрущова, потому что пробыл в Киеве всего одни сутки, быв у него два раза, но не мог достучаться. Вот тебе пока донесение, настолько подробное, насколько я мог собрать сведений. Обнимаю тебя

и прошу меня не забывать. Когда буду в Париже, постараюсь осмотреть частные собрания картин, хотя, конечно, было бы лучше видеть их собранными воедино; но и то сказать, когда они собраны, то и внимание разлетается и они сами убивают одна другую. Любящий тебя больше, чем любят кровных племенников.

Ф. Чижов.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Париж.] 21 августа/2 сентября 1874 г.

Милейший Василий Дмитриевич! Третьего дня утром, в понедельник я велел Вьелю[41] отправить вам все, что нужно[42]; вы, конечно, уже все получили, и бумажку, записанную вами, я вложить велел и мундштуки тоже.

В Париже еще довольно жарко, советую вам подольше оставаться в деревне, да, здесь душновато, хорошо еще, что вчера прошла отличная гроза, теперь прохладнее, но, несмотря на это, Париж кипит жизнью и везде заметно гораздо большее оживленье, чем в прошлом году; должно быть, дела опять в ход пошли и парижские миллиарды галопом стремятся в отечество со всех стран. Да, дивлюсь я этой самодеятельности, кипучести французов! Вот тебе и скверное правительство и несамостоятельность самоуправления! А все гигантски шагает вперед, везде устраиваются, починяются, украшаются и все изящнее, и все эффектней. Посмотри, как они начнут еще ворочать! Да здравствует самоуправление и да будет проклят деспотизм владык, отупляющий, каждый по своему вкусу, свой народ, кто делает из него машину в виде солдата, кто просто машину или снаряд для жевания..

Три дня я вычищал и устраивал мастерскую, завтра пойду работать.

Пиши, как проводите время и куда намерены ехать..

Собери кое-каких растений со дна моря, я забыл — большое тебе спасибо скажу.

Твой *Илья.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

** Париж, август 1874 г.***

..Вернулся из Нормандии. Алексей Петрович был прав, Вёль — прелестное местечко, иностранцев нет, а кое-где художники и немного, зато на небольшом пространстве много разнообразия; море, фалеза, то

есть берег в виде скалы, ручей, вроде маленькой речки, две мельницы, пруды, на которых растет кресон; называется Cressoniére [крессонный водоем].

Жители занимаются ловлей крабов, мулей, мелкой рыбы, есть старые матросы, садоводы по части яблонь, земледельцы. Чудесное питье сидр (Sidre de Normandie) [нормандский сидр].

Жизнь самая патриархальная, простая, недорогая, и хотя против Англии, но совершенно без англичан.

Мне удалось сделать большой запас этюдов. Был в ближайшем городке, но уже более людном и отчасти Bains de mer [морские купанья]. Это Etretat [Этрета]; там много рыбачьих судов, разных воротов и фалеза с знаменитыми воротами.

Таможняя стража против контрабандистов, которых они называют Вальтер Скотт.

У Репина я познакомился с В. С. Серовой[43], вдовой композитора, создателя опер «Юдифь» и «Рогнеда», и с семьей Ге. Вдова и дочери брата художника очень симпатичные люди. Старшая дочь очень живая, вторая красавица, а третья натура глубокая, как бывают у Тургенева.

Здесь почему-то считают меня аристократом. Это какое-то недоразумение. Я никаких дворянских качеств в себе не чувствую. Постоянно работаю, да и выше всего люблю работу. Всякую работу; конечно, больше всего живопись. Хотя подчас эта работа очень тяжелая или, скорее, трудная. Близкие мне люди все работники.

Третьяковская галерея.

К. А. САВИЦКИЙ — И. Н. КРАМСКОМУ

Париж. 18 сентября 1874 г.

После долгих скитаний и странствований очутились мы опять на месте, в Париже, и нужно надеяться, что на продолжительное время засядем здесь. Пора подумать о деле, уже довольно освежаться различными созерцаниями. Я Вам, кажется, писал о том, что собираюсь в Оверни на воды. Пробыл там почти месяц.. наслаждаясь очаровательной природой тамошних мест; затем, возвратясь в Париж, отправились в Нормандию, где пробыли два месяца так хорошо и отрадно, что и слов не нахожу выразить Вам свое удовольствие. Что за море, что за скалы, что за люди тамошние французики и их патриархальный быт — это просто очарование. В среде их чувствуешь себя всегда новым, и тени нет того, чтобы озлобиться на самого себя — то, что у нас называется хандрой, здесь по штату не полагается,— везде привет, улыбка и радушье. Предприимчивость такая, что ни на минуту не останавливается их деятельность

и поэтому всюду интересно, ново и притом баснословно дешево. Что касается до работы художников, то препятствий не встречается, даже в захолустьях, как Вёль в Нормандии. Всяких любителей, потребителей и самих художников было там такое множество, что доходило до смешного. Выйдешь на этюд, так всюду рассажены, точно грибы.. В Вёле нас была целая колония русских художников, слывшая под названием «Красных шапок»[44], которыми мы запаслись там совершенно случайно (они очень удобны при морских ветрах), были там: Репин с семьей, Поленов, Боголюбов, Беггров, Добровольский, хотя очень франтоватый, но слывущий под названием «свиной художник» (специальность его — писать свиней) и, наконец, нас двое[45]; приезжал на короткое время Харламов; оттуда мы перебрались в Этрета.. там, несмотря на то, что пробыли всего пять дней, вдоволь насладились и насмотрелись на рыбачий быт.

Чтобы Вы могли судить о том, как дешево там жить, то достаточно сказать, что квартира, утренний шоколад или кофе, завтрак из пяти и обед из шести блюд стоят пять франков в день с персоны. Все мы до того поправились и душевно и телесно, что даже совестно перед горожанами французами. Загорелые и обветрившиеся лица наши меняют кожу и лоснятся от излишества жирных частиц. Результатом прожитого нами таким образом лета вышло то, что, совершенно неожиданно для меня самого, работая слегка и шутя, я насчитываю у себя до сорока оконченных этюдов типов на воздухе и пейзажей, три начатых картины, из которых одна маленькая почти окончена, другая подмалевана, а третья, и в то же время главная, размером в два с половиной аршина, скомпонована и частью заготовлены для нее этюды, сюжет: «Путешествие в гору Sanci [Санси] в Оверни»[46], типы всевозможных иностранцев на лошадях, ослах, пешком и даже барыни, несомые в креслах. Кроме того, несколько акварелей с натуры и масляных эскизов. Результат, оказывается, не дурен, если только удастся осуществить все это так, как было бы желательно. Для этого предпринимаю все от меня зависящие меры..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *St. Jean de Luz* [*Сен Жан де Лю. Франция. Сентябрь 1874 г.*]

Вася, я видела Пиренеи!.. Мы доехали ничего себе, с маленьким, однако, приключением: отъехали мы от Bloi (Блуа) — очень интересный городок, вдруг stop [стоп], забегали кондуктора, переполох, сломалось что-то в локомотиве, ни взад, ни вперед. Послали в город. Через час, по крайней мере, пришел другой локомотив,— только тащить нас он не может, а стоит сзади на тех же рельсах. Так мы простояли более двух

часов. Ночь, буря, дождь — французы стали возмущаться, хотели все пешком в город идти. Думали, думали и придумали, чтобы нас цельный локомотив толкал сзади, а сломанный как-то устроили так, чтобы он не мешал. Ничего, все хорошо, только через это везде мы опоздали и, если бы не твоя провизия,— хоть с голоду помирай. В Туре догнал нас курьер, мы с ним продолжали свое странствование. Все благополучно, раза четыре меняли вагоны, но это еще ничего. Вообще путь не интересный, кроме некоторых городов. Бордо очень красив! Сегодня с утра ехали land'ами [ландами].. Потом вдруг синие Пиренеи, с белыми вершинами вдали, а с другой стороны — море — красиво. Приехали в St. Jean [Сен Жан], на нас бросились черномазые мальчишки в красных токах и по-испански предлагают нам гостиницы. Вообще Испанией пахнет..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Сен Жан де Лю]. 14 октября [1874 г.]

Вася, мы не поняли то, что ты нам написал о темах, читать выходит хорошо, а как же представить мать внутри избы, отца в дверях, а сына на дворе. Это нас совсем сконфузило и подорвало твой престиж. И первая картина хороша, да там их три целые, которые ты будешь писать,— одним словом, не поняли, так не поняли.

Насчет твоей перспективы вот что придумали: теперь Лилька ее внимательно прочитывает и отмечает все неясности, неровности, повторения,— некоторые главы — я; в Париже надо нам будет с тобой посвятить вечера два-три, а может, и больше, чтобы это поправить,— потом я возьму в Киев, и Хрущов нам поправит ошибки стиля, тогда и хорошо будет, можно в свет пускать[47].

Третьяковская галерея

ИЗ ДНЕВНИКА М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** 12/24 октября 1874 г.*

Утром в 10 часов приехали в Париж. Вася нас встретил на gare du Nord. Получили наши сундуки, их и не открывали. Поехали к Конк[ордии] [Дмитриевне] Сверчковой, где и остановились. Встреча самая радушная и гостеприимная. Позавтракали и поехали с Васей вместе в его мастерскую. Радостно видеть, как много он работает и многое очень уже хорошо. Видела выставленную им картину в Salon в Париже, № 1502.

Хорош портрет Маруси Оболенской, не окончен; но головка мастерски написана. Головка антиквария замечательна. Головка молодой женщины с черными волосами на желто-золотистом грунте очень тоже недурна и по задаче трудна для колорита. Много этюдов, два Вася подарил мне и папа. 20 *ноября/2 декабря*. Вера пошла с Васей в мастерскую, он хочет сегодня начать ее портрет масляными красками[48].

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

* Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 24 ноября 1874 г.*

Вот я и съездил за границу. Что взял! А я все-таки съездил и третьего дни вечером возвратился домой с одной Лилей. А Маша с Верой остались еще в Париже докучивать. Мне не удалось порядочно покутить. Когда мы приехали в Париж с юга Франции, то стало и дождливо и холодно..

Самое большое удовольствие наше было то, что мы постоянно были в компании молодежи, то есть Веры, Васи и Лили. В это время как мы были в Париже, туда приехала императрица с наследником и в[еликим] к[нязем] Алексеем Александровичем. Наследник посетил некоторые мастерские наших художников, в том числе был и у Васи и заказал ему картину, то есть взял ту, которая была уже начата, и просил ее кончить..[49] Наследник пробыл у него более получаса и осмотрел в подробности все его эскизы, которые он наработал нынешним летом в Нормандии.

Вера собиралась отвечать тебе на твое письмо, да и сам я хотел тебе писать из Парижа в ответ на твой вопрос о деле Лили. Да было не совсем удобно. Маша, наконец, решилась уступить и согласилась на желание Лили. И Шкляревский писал Маше и просил позволения войти с Лилей в переписку для уяснения таких вопросов, которые остались между ними неразрешенными. Но мне кажется, что теперь вопросов для разрешения быть уже не должно и просьба Шкляревского, по-моему, есть только ниточка, за которую он держится, чтобы отворить дверцу. Маша отвечала ему другим, более широким предложением, то есть открыла дверцу пошире и так, чтобы можно было свободно в неё войти, а не пролезать с усилием. Она пригласила его приехать на праздники в Петербург поближе с нами познакомиться и так далее. Маша все претендует на желание узнать человека. Да поди, узнаешь. Я старался разуверить ее в этом намерении и напрасном труде. Можно знать человека и год, и два, и десять, и больше лет, а все же кончишь тем, что не узнаешь его. Уж таков он есть, этот человек.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

ГЛАВА VII. 1875—1876 ГОДЫ

Встреча Нового года у А. П. Боголюбова. «Арест гугенотки». Посмертная выставка Фортуни в Париже. Портрет Ф. В. Чижова. Замысел картины «Пир у блудного сына». Приезд Крамского и Васнецова в Париж. Возвращение Репина и Поленова в Россию. Совместная отчетная выставка в Академии художеств.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 25 декабря/6 января 1874/75 г.

Дорогая мамочка, все не мог собраться Вам написать, ибо работал очень усердно над своей картиной[1], которая теперь близка к концу, а, кроме того, подвернулись еще занятия посторонние, отнимающие все вечера. Не знаю, удачно ли кончатся..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Париж. 1/13 января 1875 г.

Не послал начатого письма, потому что эти три дня был занят устройством праздника, который наш кружок сделал Боголюбову накануне нашего Нового года. Теперь я только что оттуда; три часа ночи, а спать не могу. Праздник удался так, как никто не думал и не гадал. Вечера эти вообще просты, но очень интересны. Доступ на них имеют, за малым исключением, только люди искусства, нашего и других. Madame Серова и несколько хороших голосов, готовящихся к сцене, внесли элемент музыкальный, Тургенев и гр[аф] Алексей Толстой — элемент поэзии. Но сегодня был вечер исключительный. Собственно, компания, собирающаяся у Боголюбова, делится на два отдела — один интимный кружок, а потом остальное общество. Первый состоит из: Репиных, Савицких, Дмитриевых, Серовой, Жуковского, одного хохла, замечательного баса, другого архангельца прекрасного тенора, и трех молоденьких хохлушек Ге, племянниц знаменитого художника. Одна из них учится петь, другая обучается живописи, третья — не знаю чему. Но дело в том, что одна красивее другой, а другая красивее одной. Да еще к этой же артели принадлежит комик Беггров, про которого я Вам говорил, и Поленов. Вот из этой-то компании составился такой вечер, что все пришли в неописанный восторг. У Дмитриева-Оренбургского оказалось множество разнооб-

разнейших русских, малороссийских, мордовских и кавказских костюмов. Они нарядились в них, и когда публика собралась и стала немного скучать, вошли с пением в залу. Эффект был неожиданный. У Толстого лицо вытянулось и глаза открылись от удивления. Впереди шла M-me Дмитриева*, высокая, стройная дама в московском наряде, и несла хлеб-соль. Первый хор был древняя святочная песня: «Слава на небе солнцу высокому, слава!» и при последнем стихе «Слава нашему Алексею Петровичу, слава!» M-me Дмитриева поднесла ему хлеб-соль. Затем начался хоровод и хоры: «Как по морю-морю синему», «Солнце на закате», «Волга», «Сени» с пляской (плясали Репины). Бас хохол, в чумацком наряде, пропел несколько малороссийских песен.. Этим кончилось первое действие. Через несколько времени входит оборванный мужичонка и просит у хозяина позволения привести медведя[2], по-заморски обученного, вваливается огромный, совсем как будто настоящий медведь, с козой, с мальчишкой-барабанщиком и начинает выделывать всякие ученые колена. Успех огромный! Аплодисменты не умолкают, даже до того, что когда медведь, переодетый в свой обычный костюм, вошел в залу, то она опять вся разразилась аплодисментами. Потом сцена из «Фауста» Гуно: серенада Мефистофеля и Мефистофель перед церковью. Далее алжирский танец в настоящих арабских костюмах. Плясал один молодой художник-американец, который провел несколько лет на Востоке, а на тамбурине играла M-me Серова. Потом Беггров, в нагольном тулупе, в парике и превосходно загримированный Репиным, рассказал очень удачно о том, как Мишка Савин в Белокаменной был и каких он там чудес нагляделся. Его три раза вызывали, тут опять антракт.

Когда все немного отдохнули, то публику попросили удалиться из залы, и Репин, Поленов и Татищев поставили живую картину «Апофеоз искусства». Наверху был транспарант с вензелем Боголюбова и новым 1875 годом. Под ним стоял гений (маленький сын Серовой) с огромными белыми крыльями и лавровыми венками в руках. Немного пониже, около него полукругом сидели четыре искусства. (По проекту Поленова их должно было быть пять, но одна дама закапризничала, и поэтому обошлись без архитектуры.) Скульптуру изображала M-me Дмитриева, живопись — средняя Ге, Серова — музыку, старшая Ге — поэзию. Все они были в белом тюле и газе с лавровыми венками на голове, в цветах и с атрибутами, приличными их званию: молоток, резец и бюст, палитра и кисти, книга, перо и личина, и арфа. Внизу помещались великие представители искусства: в середине сидел Гомер, седой, плешивый старик в белой тунике и гиматионе; справа стоял Рафаэль (M-me Репина); слева на скамейке сидел Микельанджело (Поленов); по бокам помещались Шекспир (Жуковский

* Жена Дмитриева-Оренбургского.

и Бетховен (Шиндлер). Лица были загримированы Репиным, Савицким и Поленовым. Когда все было установлено, публику попросили взойти в залу, сесть на места, и в момент, как стала бить полночь, зажгли друммондов свет, и под звуки шопеновского полонеза занавес упала. Никто этого не ожидал. Тургенев сидел в первом ряду, прямо передо мною. Я смотрел на его лицо — оно все просияло. Вообще Тургенев радовался, как ребенок. У Толстого лицо еще больше вытянулось, а глаза шире раскрылись. После мне говорили художники, что верх был очень красив, очарователен, но нижняя часть была так интересна, так художественна и так сильна по выполнению, что нельзя было оторвать глаз. Особенно характерно удались Рафаэль, Гомер и Буонарроти.

Боголюбов, который вовсе не ждал этого, был, как говорится, на седьмом небе. Обнимал нас, целовал, не знал, как отблагодарить. Я забыл Вам сказать, что наша артель художников сговорилась поднести ему по картине или этюду. Приходя, мы отдавали наши произведения консьержу, а он их приносил к Боголюбову: «C'est pour Monsieur, mais la personne n'a pas voulu dire son nom» [«Это для Вас, но податель не пожелал назвать своего имени»]..[3]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 10/22 февраля. 1875 г.

..Картину я свою кончил и жду, чтобы она подсохла, иначе пыли дорогой много пристанет. Она, кажется, нравится, и я сам нахожу, что шагнул вперед против первой. Теперь работаю к Салону «Восстание Нидерландов»[4], да только не кончу, а выставлю два-три этюда.

Последнее время немножно завертелся насчет плясу, ну и выходит неладно для дела, встаешь в одиннадцать часов, а работа и стоит. Третьего дня был прелестный вечер у Mme Виардо, bal costumé [костюмированный бал], что за костюмы, какой вкус, какая историческая верность, как характерны народные костюмы и веселье какое, несмотря, что как сельди в бочонке, почти на одном месте толкутся. Впрочем, первый приз, как костюм, взял Харламов, портретист, про которого я Вам говорил; одет он был венецианским элегантом конца XV века. Весь костюм был сделан из материи того времени, удивительно хорош, точно с картины Карпаччо пришел. Я был одет белым черкесом в огромной папахе с кинжалами и пистолетами, как на разводах в свите бывают, костюм недурной, но плясать в нем трудно.

Надо опять за работу приниматься, а завтра опять вечер у Бертье, а там у Боголюбова, у Mme Ге, потом опять у Mme Виардо и т. д.[5].

Недавно в нашей русской колонии артистов случилось очень грустное событие: жена Савицкого скончалась[6], и он уехал в Россию. Бедняга совершенно убит горем, он, может быть, будет в Петербурге и у Вас. Вы его позовите обедать, он хороший человек.

Какая M-me Виардо прекрасная дама, первый раз она мне показалась немного кривлякой, но когда поближе с ней познакомишься, то она просто обворожительна. Я понимаю платоническую любовь к ней Тургенева. Да и он-то какой хороший господин — сердечный, теплый и такой простой, что даже забываешь, что это Иван Сергеевич Тургенев. На балу он был наряжен десятником, и как это к нему шло, настоящий разбогатевший мужичина, глава семьи и содержатель бойкого постоялого двора.

M-me Виардо с ним обращается как с старшим братом-холостяком, который на старости лет нашел пристанище у домовитой сестры. А Виардята к нему относятся как к любимому дяде. На интимных вечерах он повесничает с молодежью, будто самому только третий десяток пошел. Теперь начался пост и начнутся у них музыкальные вечера. M-me Виардо мне говорила, что у нее есть такой голосок, венгерка, что просто «prèlest, et une fort jolie personne pardessus le marché» [«прелесть и, кроме того, очень красивая женщина»][7]. Сегодня у меня был Иван Сергеевич, ему картина понравилась. Он мне даже сказал: что у меня талант есть, и крупный, и движение вперед большое! Я этому очень рад![8]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. Ф. ИСЕЕВУ

Париж. 16/28 февраля 1875 г.

Милостивый государь Петр Федорович! Получив от Вашего превосходительства извещение, от 7-го февраля 1875 г., я считаю долгом объяснить в этом письме его императорскому высочеству товарищу президента и Совету императорской Академии художеств мой образ действий и занятий во время заграничного пребывания. Если я до сих пор ничего не выслал в Академию художеств, хотя был обязан по инструкции прислать картину к концу второго пенсионерского года, то я сделал это не вследствие неблагодарности к учреждению, которое дало мне художественное образование, или небрежению к правительству, которым я послан за границу, напротив того, глубоко уважая их и сознавая вполне свою нравственную обязанность служить всеми моими силами и способностями моему отечеству, я не осмеливался выступить перед ними в первый раз с вещью, которую считал неудавшеюся и которую в настоящее время оканчиваю. Я говорю о моей первой картине, написанной за границей, «Le droit du Seigneur» [«Право господина»], фотографию с которой я имел честь

представить в Совет Академии. Никто более меня не желает вернуться на родину, чтобы моим трудом доказать на деле мою горячую любовь к ней и искреннее желание быть, насколько могу, ей полезным. Имея непрестанно перед собой эту цель, я учился здесь и старался совершенствоваться в избранном мною искусстве. Занимаясь в особенности выработкой техники, я писал все более этюды с натуры, но в то же время готовил несколько картин, как я имел уже случай сообщить Вашему превосходительству, чтобы послать на суд Академии, на первый раз ту из них, которая более или менее меня удовлетворит. Теперь я исполняю это, посылая картину, приобретенную его императорским высочеством государем наследником цесаревичем. Далее, следуя примеру наших уважаемых наставников: Алексея Петровича Боголюбова, Василия Петровича Верещагина и других, я намеревался представить в Академию при возвращении в Россию все свои работы за последние годы. Во время посещения его императорским высочеством наследником цесаревичем моей мастерской я имел счастье показать его высочеству мои картины, этюды и эскизы, которых у меня теперь нумеров до шестидесяти, и удостоился заслужить милостивое одобрение его высочества.

Если Совет императорской Академии художеств не доверяет моим словам, сомневается в моих трудах, то профессор Академии и член Совета оной, Алексей Петрович Боголюбов, может засвидетельствовать справедливость их, так как уже год, что дружески руководит моими занятиями. Благодаря его примеру, с одной стороны, а с другой — опытным и добрым советам, очень многое, бывшее прежде для меня неясным, стало понятным и простым. Работая летом с натуры вместе с ним и сравнивая свои этюды с его мастерскими произведениями, я научился в несколько часов большему, чем работая месяцы один. В нашем искусстве сравнение своих произведений с произведениями талантливых и зрелых мастеров есть один из главнейших способов к развитию и совершенствованию. На выставках этот способ имеет широкую возможность применения и в особенности на таких обширных и разнообразных выставках, как парижские, где из восьми тысяч представляемых картин избираются не более двух-трех тысяч. Я уже на опыте узнал поучительное и благотворное влияние сравнения, выставив в прошлом году в Салоне мою картину «Le droit du Seigneur» [«Право господина»], хотя далеко не конченную. Я ясно сознал свои недостатки, ясно увидел, чего мне следует избегать, до чего добиваться, понял то, что в мастерской, без сравнения, мне и в голову не приходило. За что же отнимать у нас это могучее средство усовершенствования, запретив выставлять наши работы на заграничных выставках? Наши предшественники, приобретшие себе почетное имя в ряду европейских художников, как-то: Алексей Петрович Боголюбов, Карл Федорович Гун, Василий Петрович Верещагин и другие, были счастливее нас, их не связывало такое суровое правило, которое совершенно

парализирует цель нашего заграничного пребывания. Рядом с этим на выставках мы имеем возможность знакомить публику со своими работами и продавать некоторые из них, ибо одно пенсионерское содержание хватает лишь на половину расходов годовой серьезной работы.

Вследствие всего вышеизложенного покорнейше прошу Ваше превосходительство ходатайствовать о милостивом согласии его императорского высочества, товарища президента и Совета императорской Академии художеств разрешить нам для нашей пользы выставлять хотя некоторые произведения на заграничных выставках.

Надеясь на Ваше благосклонное содействие, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Пенсионер *В. Поленов*

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Петербург. 10 февраля 1875 г.*

Милый и добрый дядя, пишу Вам, чтобы сообщить результат дела, в котором Вы приняли такое теплое участие. Получила из Киева от Веры известие, вследствие которого разрушаются все мои мечты и надежды. Я еще не писала туда, потому что от Алексея Серг[еевича] не имела письма. Бог знает, напишет ли он даже мне после объяснения с Верой, во всяком случае думаю написать ему в последний раз и такое письмо, которое не допускало бы ответа. В один день то, что было еще накануне близко и дорого, стало вдруг для меня давно прошедшим, далеким воспоминанием. Точно был у меня хороший несбыточный сон, после которого слишком скоро настало пробуждение. Теперь придется отучать себя от тех мыслей и планов, которые в эти последние десять месяцев наполняли собою всю мою жизнь. Кто виноват в том, что все это оказалось несбыточной мечтою — не знаю, но его винить не могу. Верю все-таки, что он любит меня сильно и искренно, и я его и теперь люблю по-прежнему, если не больше прежнего. Вместе с тем мы разошлись навсегда, между нами все кончено. Странно, что с самого начала меня грызло это предчувствие, еще в мае я писала Васе о том, как легко все расстроить, хотя в то время мы уверяли друг друга в полной невозможности такого исхода. Это было слишком хорошо, чтобы могло осуществиться.. Пусто, холодно, одиноко стало во мне и вокруг меня с тех пор, как я от него отказалась. Что я сделаю теперь со всей длинной ненужной жизнью, не могу себе представить; как поволочу ее дальше, а нужно волочить со дня на день, без желаний, без смысла, без будущего. Уедут скоро братья, а я оста-

нусь, одиночество мое станет еще чувствительнее. Одна мысль составляет для меня истинное утешение в эти невеселые дни, мысль об том, что Вы, может быть, скоро к нам приедете, дорогой наш дядя. А невеселую эпоху переживает теперь Ваш Лилек, и сколько ни думает, исходу не может придумать. Покуда мне приходилось бороться со взглядами и мнениями моей семьи, борьба имела смысл. Теперь, по словам Веры, он сам разделяет отчасти их взгляд, следовательно, приходится только подчиняться. Но я верю все-таки, что устройся это дело, прежде чем его надорвали гадкими сплетнями, то не я одна, а он тоже был бы счастлив. Теперь, при этих обстоятельствах, мне легко отказаться от него, но забыть и разлюбить его не могу никогда, да что толку, лучше было бы, если бы могла.

Прощайте, дорогой дядя, приезжайте к нам, это будет такая большая радость для каждого из нас.

Крепко и искренно Вас любящая *Е. Поленова.*

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 22 февраля 1875 г.*

Очень перед тобою виновата, Вася, давно бы следовало написать тебе. Но мне больно писать тебе о моем деле, во-первых, потому, что я чувствую, что именно в этом отношении между нами стоит Вера, а она так дико на него смотрит, ты же невольно стал смотреть отчасти ее глазами. Так, по крайней мере, я поняла из ее слов. Другая причина, почему я не писала тебе, следующая: знаешь ли ты состояние полного отчаяния, когда судьба отнимает в лице одного человека все, что было у тебя,— если знаешь, то поймешь мое состояние. Теперь, что воспоследовал окончательный и даже официальный разрыв, я поняла, как я любила, как я жила этой любовью, как она оживляла во мне каждую мысль, каждое действие, каждое предприятие мое. Теперь ее нет,— это для меня живая смерть,— все потемнело, похолодело во мне и вокруг меня. Самое искреннее, спокойное желание умереть заменило ту страстную, лихорадочную потребность жизни, которую я чувствовала в эти последние десять месяцев. Вася, подумай, в течение шести месяцев сближаться, жить общей жизнью, видеться каждый день. Потом десять месяцев бороться, работать над тем, чтобы навсегда заручиться правом жить этой общей жизнью, и в ту минуту, когда, казалось бы, все препятствия устранились, потерять все и безвозвратно потерять. Это не причуда мама́ и не слабость отца, как было прежде, это — КОНЕЦ, а не временная неприятная задержка. Когда этого не хотели мама и Вера, можно было бороться и верить в благоприятный исход, но теперь, что он сам этого не хочет, остается только

подчиниться. Я его не виню нисколько,— для меня ни на минуту не было разочарования. Что легче было мне: полюбить, а ты знаешь, что я редко увлекаюсь, а полюблю, так сильно, а потом увидеть, что я ошиблась, или, как теперь, полюбить сильно, ни на минуту не усомниться, любить до конца и после разрыва и думать, что напутали другие и поставили между нами стену недоразумений, через которую нет возможности перейти. Мне кажется, что разочарование хуже еще. Тут, по крайней мере, целы воспоминания, прошедшее чисто и дорого..

Братья на днях уезжают. Я одна с моими черными мыслями. Алеша и Ф[едор] В[асильевич] советуют опьянить себя работой.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 6 марта 1875 г.*

По Вашему совету я серьезно занялась подготовкой к экзамену. Без этого мне трудно подыскать себе дело по вкусу. К сожалению, я спохватилась теперь немного поздно, всего дали одну неделю, чтобы приготовиться. В будущую среду 12-го назначен первый экзамен. Боюсь, не успею подготовить себя настолько, чтобы быть уверенной в успехе. А без этой уверенности легко можно и провалиться. Что будет, то будет.

..Сегодня было письмо от Васи, он уже выслал свою картину в Академию. Она с дозволения цесаревича будет здесь выставлена на Передвижной выставке. Вера тоже пишет, она, кажется, здорова, ее писем мне не дают читать. Что там происходит, не знаю. Я не писала в Киев до сих пор. Напишу, если удастся заставить себя быть поспокойнее, иначе не хочу писать. Теперь еще рана слишком свежа. Стараюсь не растравлять ее воспоминаниями, напротив, занимаюсь вещами посторонними. Приготовление к экзамену занимает весь день, а утомление дня делает, что хорошо сплю ночи. Папа просит Вам передать, что хорошо бы Вам, покуда у Вас бессонница, приехать сюда. Мы бы Вам все устроили, чтобы Вам было спокойно. Впрочем, может быть, Вы поедете в Киев. А в Киеве, может случится, встретитесь с А. С. Шкляревским. Я бы желала этого, Вы, я уверена, перемените взгляд на него, он окажется гораздо лучше, чем Вы его теперь считаете.

Прощайте, дорогой дядя, крепко обнимаю Вас за себя и за своих. Когда будет время, напишу Вам что-нибудь потолковее, а теперь простите и за такое письмо.

Искренно Вас любящая *Е. Поленова*

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

Ф. В. ЧИЖОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 12 марта 1875 г.*

Спасибо тебе, моя милая Лиля, за письмецо,— тебе теперь было не до писем, когда экзамены на плечах. Что ты там ни говори, а я уверен, что ты не провалишься, а выдержишь его превосходно. Это теперь как нельзя больше кстати. Что станешь делать? Подавать тебе утешения — нахожу очень банальным. Было ли бы тебе к счастью супружество, было ли бы к прибавке обыденного нашего человеческого горя,— этого не решит никто; я полагаю, что к счастью, хотя к такому, которое было бы куплено дорогою ценою многих внутренних страданий. Что там ни говори, а вступить в такую ежедневность жизни, в которой на каждом шагу встретишь не то, в чем выросла, это, при всей любви, невольно была бы внутренняя ссылка. Положим, что любовь украсит и ссылку, но, по крайней мере, не надобно от себя скрывать, что ты шла на довольно трудное поприще жизни. Жить в бедности трудно, но, во-первых, тут бездна прямой, открытой борьбы, в которой не совестно признаваться и нет надобности скрывать, а жить в скудости развития всех окружающих и стараться скрыть это от всех своих кровных, если можно и от самого мужа, которому все эти скудоразвитые — свои, которых он любит и нельзя не желать, чтобы не любил, — тут все борения внутренние пришлось бы брать на себя..

На днях, именно в понедельник, я еду в Киев всего дни на четыре; может быть, увижу там Шкляревского и постараюсь посмотреть на него беспристрастнее. Без старания сделать этого не могу. Что там ни говори, а те слезы, которые я видел и которые мне доходили до сердца, шли от его слабохарактерности и невыдержки. В обществе, которое при своих довольно пошлых криках о правах женщины ставит мужчину полным распорядителем всего ее существа, мужчине надобно взвешивать свои слова и поступки. Его слово должно быть таким твердым векселем, чтобы никому в мире не пришло и в голову сомневаться в его уплатимости. Ты никогда не должна была знать его внутренних борений, и ты одна, а не сплетни барынь, кумушек и просвирень, между которыми Иванна Петровична* занимала видное место,— должна была решить все. Искренно тебе скажу, что больно отдается только твое горе, только то, что разрушились твои мечты и уничтожилась будущность полной жизни, хоть бы и со страданиями, иначе я и «ох» не сказал бы о том, что суженого пришлось просто пешком обойти, даже и на коне не объезжать. Не сердись, мой миленький Лильчик, за старческую трезвость: опьянение — дело хорошее, им только и красится молодость, но для нашего брата старика: мы тогда только им

* И. П. Хрущов.

вполне любуемся, когда знаем, что после похмелья будет еще веселее. Обнимаю тебя и крепко целую, обними за меня моих милых и очень, очень дорогих твоих родителей.

Твой *Ф. Чижов.*

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Париж. 2/14 марта 1875 г.

Спешу ответить на Ваше письмо, дорогой папа. Только что получил его, но не надеюсь, чтобы оно пришло вовремя к пятому.

Картина моя отправлена в Академию прямо с просьбой быть пересланной е[го] и[мператорскому] в[ысочеству] н[аследнику] цесаревичу, тотчас по осмотре оной Советом. Об этом я уже известил гофмаршала двора е[го] в[еличества] Зиновьева, так что они уже знают.

Что касается до Академии, то пущай они нас вызывают назад, если им заграничное пребывание наше так солоно далось. Мы только этого и желаем.

Кроме того, тут у нас опять с Академией история вышла. В один прекрасный день я получаю от Исеева извещение следующего содержания. «М[илостивый] г[осударь] Вас[илий] Дмитр[иевич], до сведения е[го] и[мператорского] высочества дошло, что некоторые гг. [господа] пенсионеры выставляют свои работы на парижских и других выставках, между тем как Совет и[мператорской] Акад[емии] худ[ожеств] со дня отъезда их за границу имеет от них лишь письменные сообщения о занятиях и путешествиях.

Находясь во время пенсионерства не только в обязательных отношениях к Совету, как о том подробно объяснено в инструкции, пенсионеры Академии должны состоять и под непосредственным контролем Совета Академии, а потому е[го] и[мператорское] высочество изволит находить, что пенсионеры не имеют права участвовать в каких бы то ни было выставках, не представивши Совету Акад[емии] отчета вообще о своих занятиях, в письменных сообщениях, и об успехах своих в художественных работах.

С другой стороны, е[го] и[мператорское] высочество изволит полагать, что на каждом русском художнике, получившем образование в Академии, а в особенности на тех, кто пользуется еще правительственной субсидией и дозволением жить за границею для своего усовершенствования, лежит нравственная обязанность показать свои успехи прежде всего перед учреждением, трудившимся над их воспитанием, перед правительством, давшим средства, и, наконец, перед соотечественниками.

По сим основаниям е[го] и[мператорскому] высочеству благоугодно было приказать мне, в разъяснение циркуляра от 23 апреля 1874 г., сообщить Вам, милост[ивый] госу[дарь], к непременному исполнению: 1) пенсионеры Академии обязываются все свои работы представлять в императорскую Академию художеств, от которой будет зависеть поместить таковые на тех или других выставках;

2) пенсионерам Академии безусловно воспрещается участвовать в иностранных выставках;

Примите и т. д...»

На это я отвечал письмом, которое прилагаю к сему. А картины, в числе этюдов, выставил в Салон,— интересно, что будет из всего этого[9].

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Троице-Сергиевский посад. 5 марта 1875 г.

Давным-давно собираюсь писать к тебе, мой милый, дорогой мой Вася, да как-то все что-нибудь помешает. При мне было получено твое письмо с описанием превосходной вечеринки на Новый год у Боголюбова, при мне получено недавно и другое письмо, где ты передаешь плясовую жизнь свою. Два раза я был в Петербурге и, как всегда, жил у ваших как в собственной семье своей. Теперь эта семья весьма немногочисленна. Костя уехал со мной в края Тамбовские быть хозяином и, по-моему, сделал очень хорошо,— он в петербургской жизни мог бы страшно опустеть; ему трудно найти источник жизни в самом себе, а необходимо, чтобы он давался ему извне, иначе он замотается. Это чудное сердце, но не твердого закала. В деревне при Леониде Алексеевиче он займется хозяйством, потом, авось, либо женится, и жизнь его составится превосходно. Взял он с собой два ружья,— это тоже источник жизни. Алеша, ты я думаю слышал, решил съездить на берег Ледовитого океана, полагаю, что уже он уехал. Он не оставил службы, получил от Министерства финансов командировку на лето, и, следовательно, поездка не сделает изменения на пути службы. Но полагаю, что она оживит его. Пожить в краю совершенно особенном, по всем рассказам и описаниям преисполненном исключительностей, начиная от климата до образа жизни туземцев, выходящим совершенно из ряду мест обитаемых, и все это после единообразной жизни департаментской,— это непременно будет для него обновлением. А что будет после — посмотрим.. Мы начинаем разрабатывать северные промыслы; покупать треску, хотим начать солить сельдей, которые у нас лучше голландских, но по невежеству и малокапитальности не солятся

порядочным образом; хотим заняться китобойством, акульным промыслом и звериным промыслом, где ты думал? Очень недалеко, рукой подать, — на Новой Земле. Теперь именно это предприятие начинает осуществляться понемножку. Лиля грустит и потихоньку от своих и чужих поплакивает. Ей улыбнулась жизнь, потешила ее надеждой на глубокое чувство; кое-какие препятствия превозможены, как тут попались на пути старые предрассудки из того времени, которое дало тебе сюжет твоей картины «Droit du Seigneur» [«Право господина»], и ни за что ни про что все здание ее надежд и мечтаний разрушилось. Все, казалось, сгладилось; мама согласилась на то, чтобы они писали друг другу, но, как говорят оба брата и Лиля, ты, было, за пирог, ан черт поперек, подвернулся тут Хрущов с своей узкой аристократоманией, и получила Лиля письмо от Шкляревского,— я не знаю его содержания, но знаю одно, что после получения его Лиля плакала и решила, что все разрушено. Мне было сильно грустно; совестно было спросить у Лили письмо, и ограничился я только тем, что с сильною грустью целовал мою милую Лилю. Я не знаю Шкляревского, следовательно, не могу сказать ничего решительно, особенно при совершенно разноречивых показаниях: Алеша его защищает, мама обвиняет, Хрущов тоже не говорит в его защиту, слова Лили, как сидящей на скамье подсудимых, мало имеют значения. Все это, пожалуй, и так, а между тем ее жизнь потеряла всю радужность, особенно теперь, когда она осталась одна с своей тоской и с моими чудными стариками, славными, милыми, мне очень и очень родными, а все-таки пеший конному не товарищ. Вот тебе состав юной части твоей семьи.. Пора мне занять последний листок и собственною особою,— впрочем, места еще довольно, можно частицу уделить твоим приятелям. Мамонтов, знаешь хорошо, пробавляется художническим дилетантством и дилетантством железнодорожным, потому мы иногда и враждуем с ним, что я заклятый враг дилетантства; но зато это такая славная природа, что ругаешь его именно потому, что хорошее хочешь видеть лучшим. У него Антокольский вылепил эскиз памятника Пушкина,— по мысли очень оригинальный, только боюсь я, удастся ли ему исполнение, не будет ли это ряд или масса мелких линий, не имеющих ничего общего, пластического? Скала, на ней на особого рода скамье-диване сидит Пушкин, опущенною рукою держит книгу; по скале один за другим по ступеням, проделанным в скале, тянутся произведения его фантазии: Борис Годунов, Самозванец, Пимен, Пугачев, Мазепа, Скупой рыцарь, Мельник, Татьяна, Моцарт, Сальери — много их, не знаю, всех ли я перечел. Я видел только в частях; завтра увижу в общем, теперь все это собирается воедино. Пугачев, Скупой рыцарь и Моцарт очень хороши и типичны, остальные с подписями, то есть Годунов в мономаховой шапке, Мазепа в гетманском одеянии.

Не было ни гроша, да вдруг алтын — не писал я, не писал, да и хватил. Я явлюсь в мае в Виши, следовательно, проеду через Париж; но вот

беда: мне очень не приходится жить в нем — неделю туда и неделю оттуда. Подумай-ка, не лучше ли тебе перебраться недели на три в деревеньку вблизи Виши,— в самом Виши может быть дорого и неудобно. Окрестности очень недурны. А это было бы хоть куда хорошо: воздух превосходный, горы, хоть и не бог знает какие, да все-таки горы; замки препорядочные, напр[имер] Bourbon Busset [Бурбон Бюссэ], вид из него чудесный. Пожалуйста, обдумай невдолге и напиши мне только уж совершенно определительно. Мне время будет страшно дорого: я из Парижа еще должен много скитаться. Жду от тебя решения. На Репина посягать не могу, это уж будет твое дело. До того обнимаю тебя, моего милого и целую.

Твой старый Чижов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 14/26 марта 1875 г.*

Милый дорогой дядя, как радостно было мне получить Ваше дружеское письмо. Тем более, что я перед Вами виноват, я Вам не ответил на Ваше последнее. Представьте, и мне это приходило в голову, чтобы написать Ваш портрет в Виши, через это и у Вас время не отнимется и мне будет очень приятно провести с Вами несколько время вместе.

Жаль мне бедную Лильку, не везет ей счастье, а хороший она человек, а кого тут винить, не знаю, больно мне за нее; мама и Вера, должно быть, довольны, это обидно!

За Алешу и за Костю рад, что они к деятельному делу пристроились. Косте петербургская департаментская деятельность не по характеру; «кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся»,— сказал где-то Тургенев.

Об себе я Вам вот что скажу, дорогой дядя, я стараюсь, тружусь и все собой недоволен, все мало и вывод еще не удовлетворяет меня. Не могу попасть на свою точку, не могу себя себе хорошенько выяснить; воли, энергии и терпения у меня, как мне кажется, нет недостатка, но характера очень мало, поэтому брожу пока еще в полупотемках.

Кроме того, с Академией у меня опять поднялась борьба; именем е[го] и[мператорского] в[ысочества] запрещают нам выставлять наши вещи на выставках заграничных, а спрашивается, каким же образом идти вперед и совершенствоваться, если не сравнивать своих произведений с другими. Так-то можно и в России учиться, даже там лучше, по крайности жизнь окружающая там близка к сердцу и не приходится измышлять, как тут. Я и Репин, однако, выставили, что будет, не знаю.

Увидите Савву Мамонтова и Лизавету Григорьевну, то передайте им мой дружеский поклон и скажите, что Москва у меня так идеально засела

в голове, что мысль о моем поселении в ней придает в минуты упадка бодрости продолжать работать здесь. Если Антокольский еще в Москве, то и ему мое дружеское объятие.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В, Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 15/27 марта 1875 г.*

Спасибо за письмо твое, друг Вася, Да, дело — вещь хорошая, а счастье вещь еще того лучшая. Ну, да не далось, так и бог с ним. Взгляд твой на А[лексея] С[ергеевича] не разделяю, но вижу действительно, что он не похож на Верин взгляд, что я вывела из твоего письма ко мне. Вера же мне твоих писем читать не давала..

Насчет дела, я, было, сунулась экзамен держать. Готовилась всего одну неделю и, понятное дело, провалилась на законе божьем. Теперь буду серьезно готовиться, а то без диплома, как-то оно выходит, точно из милости берут тебя..

Здесь был Ф[едор] В[асильевич] — вот прелесть человек. За эту зиму я очень с ним подружилась, и мы ведем деятельную переписку. Его советы и поддержка много помогли мне перенести мое горе. Но я конченный человек, я уже волочу ноги, как разбитая лошадь, а идти я не могу. Алеша прав, любить можно только раз в жизни. И [что] она может сделать из человека, эта самая любовь, я просто и вообразить прежде не могла, что это за счастье при взаимности и какие страдания, когда ее нет.

Днем я работаю, занимаюсь. Развлекаться не могу и не хочу — люди очень противны, кроме самых близких и сочувствующих: Анна*, Ф[едор] В[асильевич]. Зато вечером является невыносимая тоска, разные симптомы при этом: наплыв воспоминаний или картины будущего, которые строила я себе в хорошее время; и места от них не найдешь — иногда мне кажется, что я с ума сойду. Когда был Алеша, он подкарауливал такие минуты и заставлял меня думать вслух. Теперь еще хуже; я рада за них, что Кости и Алеши нет, но для меня это время быть в полном одиночестве, признаюсь, очень тяжело. Говорят, занятие дает много или скорее может многое заменить. В начале зимы я принялась за изучение головы, стала работать с Чистяковым. Но я это делала успешно, потому что работала не для себя одной. Такая мысль придает много силы. Ну, прощай, однако. Вздумаешь, напиши. Спасибо вам — не забываете: вот и Костя часто пишет. От Алеши не жду. Он поехал далеко..

Третьяковская галерея.

* А. А. Голицына-Прозоровская.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Париж. 2/14 марта 1875 г.

Милостивый государь Иван Николаевич! Желая удостоиться чести участвовать своею картиною, купленною его высочеством наследником цесаревичем на выставке Товарищества передвижных выставок, я просил его высочество дать мне на это свое соглашение[10].

В случае, если воспоследует на мою просьбу согласие его высочества, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой поставить картину мою на упомянутую выставку, если на это не найдется препятствий со стороны членов Товарищества.

Сюжет картины взят из религиозных войн католиков с гугенотами, а именно «Арест Jacobine de Montebel» [Жакобины де Монтебель], графини d'Etremont [д'Этремон].

Надеясь на Ваше благосклонное участие, покорнейше прошу Вас, многоуважаемый Иван Николаевич, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 19 марта 1875 г.

Спешу сообщить тебе, Вася, весть о прибытии сюда твоей картины. Семнадцатого марта она прибыла благополучно в Петербург. Открыла ее сама Академия, а не Крамской, как ты желал. Он был у нас вчера вечером, видел картину, в восторге от нее, но далеко не в восторге от тех распоряжений, вследствие которых они ее лишаются. Дело в том, что твоя картина на Передвижной выставке стоять не будет, а будет выставлена после в Академии, когда будет (говорят в апреле) академическая выставка..

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 23 марта 1875 г.

Добрейший Василий Дмитриевич, я глубоко тронут Вашим доверием — поручить моим попечениям Вашу картину. Благодарю Вас от всего сердца за доверие и изъявляю удовольствие и радость как мою, так и членов Товарищества по поводу Вашего сочувствия, так геройски

заявленного, к целям Товарищ[ества] перед лицом Академии. Вы, вероятно, имели главным образом тот резон, что выставки в Академии не будет и что, следовательно, Вы, хотя и пенсионер, можете располагать собственным выбором между двумя частными обществами; но, к сожалению, в Академии на это взглянули иначе. Дело в том, что я получил из дворца цесаревича две бумаги официального характера по поводу Вашей картины; одна от шестого марта о том, что цесаревич согласен, чтобы Ваша картина была на Передвижной выставке, другая от тринадцатого марта (получена мною семнадцатого) в противоположном смысле, где сказано, что вследствие личных объяснений между товарищем президента и цесаревичем картина Ваша будет поставлена в Академии по закрытии Передвижной выставки. Как видите, люди, которые этим распоряжаются, потеряли хладнокровие, из чего Вы можете заключать, как велика их ненависть к Передвижной выставке. Ваше желание тут ни при чем, им по произволу распоряжаются.

Всего прискорбнее во всем этом обстоятельстве это то, что Вам Ваш поступок, вероятно, прощен не будет, и я боюсь как бы не вышло чего-либо, так называемого *неудобного*. Картина Ваша была получена в конторе Академии семнадцатого марта, где я ее и видел, разумеется, сейчас же. Она в совершенной сохранности, и так как я вслед за сим получил злополучную бумагу, то и не мог доставить себе удовольствие распоряжаться ее постановкой; ко мне можно было применить известную поговорку: видит око... и т. д., а картина хорошая, колоритная. Очень жаль, что ее не будет у нас; а Товарищество было радо, когда узнало о Вашем намерении. Во всяком случае члены Передвижной выставки высказывали надежду, что если не удалось на этот раз, то со временем, быть может, препятствия устранятся, и мы будем иметь удовольствие видеть Вас в числе своих действительных членов. Все здесь изложенное я сделал известным Вашему батюшке, который был огорчен, быть может, не менее моего.

Если найдется свободное время и Вы напишете мне несколько строк, то я буду Вам крайне признателен и рад отвечать Вам даже длинным посланием. Но Вы не пугайтесь, я это не буду делать вдруг, а обещаю быть благоразумным.

Уважающий Вас *И. Крамской*.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 29 марта 1875 г.

Мы видели твою картину, дорогой мой Вася, она очень переменилась к лучшему, и колорит мне нравится, гармонии много и большая сила в тонах. Движение вперед, видно, что не даром трудился все это время.

Чистяков говорит: живописец Василий Дмитриевич — колорист. Находит, что по сюжету слишком сладко написано, но это молодость, иначе и нельзя, прибавляет он, но картина очень хороша. У нас вчера обедал К. А. Савицкий. С ним пришлю тебе небольшую посылочку, а именно серебро, чайных ложечек четыре и ту столовую ложку, которую тебе оставила няня Аксинья Ксенофонтовна и которая тебе может быть нужна, так как уже ты ведешь оседлую жизнь[11].

Петербург. 29 марта 1875 г.

Это письмо, хотя не так скоро будет у тебя, дорогой мой Вася, оно все же подробно передаст тебе все то, что нам известно относительно твоей картины. Папа писал тебе уже об ней длинное письмо еще до ее появления сюда, и письмо это было послано через посредство Николая Андреевича [Жерве] в наше парижское посольство. Получил ли ты его? Теперь передам тебе, что было после. Из канцелярии наследника, вследствие твоего письма, уведомили Ивана Николаевича Крамского, что великий к[нязь] дозволяет выставить твою картину, но только здесь, на Передвижную выставку, а далее, чтобы ее не увозили из Петербурга, а возвратили бы в[еликому] к[нязю]. Через несколько дней тот же самый И[ван] Н[иколаевич] получает уведомление от Зиновьева, что после переговора товарища президента с наследником цесаревичем твоя картина не будет выставлена на Передвижной выставке. Вот И[ван] Н[иколаевич] приходит к нам с этим известием. Он взял у нас твой адрес и хотел сам об этом тебе писать.

Вследствие этого распоряжения, так как мы не знали, где же нам видеть твою картину, папа написал Исееву с просьбой о дозволении ему с семейством видеть твою картину. Папа получает ответ часа через два, что всегда, во всякое время он имеет право видеть картину, которая будет стоять в зале правления. Но что теперь она находится во дворце великого князя Владимира Алекс[андровича] и что там же ее будет смотреть е[го] и[мператорское] в[ысочество] наслед[ник] цесар[евич], а что, вероятно, после двадцать пятого марта она будет возвращена в Академию. Вот двадцать шестого марта мы и поехали туда смотреть картину. Сам Исеев провел нас в залу правления. Тут встретил нас П. А. Черкасов. Мы нашли картину уже привезенную из дворца и стоящую в темном углу залы правления. Нас было четверо — папа, я, Лиля и тетя Паша. Тут Черкасов стал суетиться и со сторожем передвигать картину и приискивать ей удобного освещения. Все это, конечно, так и коробило папа́. Картина сама очень нас удовлетворила, я уже писала тебе об этом по почте. Черкасов говорил, что, вероятно, картина твоя будет выставлена для

публики после пасхи, потому что тогда будет академическая выставка. Вчера вечером был у Лили для урока П. П. Чистяков, и он пояснил нам это, сказав, что предполагается выставка после пасхи в Академии для всех тех вещей, картин, скульптурных и архитектурных работ, которые присланы в Академию на степени, кто на академика, кто на профессора, и что твоя картина тоже будет тут, вероятно, выставлена. У нас, как только к чему не прикоснется академическое начальство, говорил П[авел] П[етрович], все выходит грязь. «Но я молодым людям говорю,— надо все это преодолевать. Тоже и Василию Дмитриевичу говорю и прошу его все это преодолеть, а от пенсионерства не отказываться. Деньги, которые он получает, деньги русские, а не Исеева, да и Академия русская. Люди не хороши, да они могут перемениться. Не след отказываться, надо одолеть. Как и мне трудно мое преподавание дается в Академии, и как мешают со стороны начальства. А все же дело идет, и нет в мире лучше устроенных классов для учеников, как в нашей Академии. Преподавание очень плохо, это правда, а вот с усердием примешься, и дело пойдет. А все же в Академии преподавать лучше, чем так на стороне, удобнее устройство». Признаюсь, душа моя, мы очень боимся, чтобы все эти дрязги не имели на тебя дурного, раздражительного влияния. Мы с К. А. Савицким много о тебе говорили. Он, кажется, очень хороший господин и искренно тебя любит. Со слезами на глазах говорил он нам, что ты был для него в тяжелые минуты пережитого им горя[12]. «Тут вот узнаем человека,—сказал он,— и никогда не забуду все, что сделал для меня Василий Дмитриевич». Во вторник, то есть первого апреля, будет собрание академического Совета, на который будет представлена твоя картина. На другой день Совета мы собираемся идти в Академию опять посмотреть картину, которую к этому дню намеревались прилично выставить на мольберт. Если что узнаем новенького, то напишу..

Петербург. 4 апреля 1875 г.

Вчера мы были в Академии. Смотрели вновь твою картину, которая теперь поставлена на мольберт и лучше освещена. Никого, кроме сторожа, там не было в зале правления. Этот сторож сказал, что Совет был и что очень одобряют твою картину.. Папа, Лиля и я пошли в Кушелевскую галерею[13] и Циркуль[14]. Только что вошли в первую залу Циркуля, смотрим, на мольберте у окна, очень удачно освещенная стоит твоя картина «Йаировна»[15] и с нее делают копию. Художника тут не было, копирующего ее, но сторож нам сказал, что эту картину копирует Созин, а для кого, он этого не мог сказать. Потом пошли мы далее и встречаем

Володю Бока с Сашей Прозоровским, которые стремятся в правление, чтобы видеть твою картину. При выходе из Академии мы опять встретились с ними, то есть Боком и Сашей. Бок в восторге от твоей картины. Сегодня получили от тебя письмо с известием, что ты с Лавецари посылаешь фотографии и этюды. Но его самого еще не видали и вещей не получали. Мы нашли в твоих костюмах два кусочка материи, которые по восточному их характеру могут тебе пригодиться, посылаем их тебе с ложками. Напиши, что ты думаешь теперь начать работать. Пиши, благословясь, *большую* картину. Не разменивай себя на мелочь, а главное, крупная, большая вещь это будет хорошая школа, чтобы двигаться вперед. Папа, я, Лиля, мы все того мнения и говорили это Савицкому, который тоже так думает и говорит, что так и тебе передал свое мнение..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Париж. [*1*] *12 апреля 1875 г.*

Благодарю Вас, многоуважаемый Иван Николаевич, за Ваше доброе сочувствие ко мне. Очень мне было лестно увидеть из Вашего дружеского письма такое благосклонное расположение ко мне членов Товарищества передвижных выставок, тем более что я со своей стороны ничем его не заслужил. Я думал, что так как официальной академической выставки в этом году не предполагается быть, то я получаю право выбора между частными выставками и могу участвовать в том обществе, к целям и направлению которого относятся мои симпатии. На деле же оказалось иначе. Мы, пенсионеры, находимся теперь в кабальной зависимости от Академии, и без ее контроля и дозволения шага ступить не можем. Окончательно разорвать с ней не приходится, пользы от этого выйдет мало, а себе навредишь; положение, как видите, не очень приятное. Конечно, можно было бы идти напролом, ну да на это, чувствую, сил не хватает; что делать — слаб, сам в том сознаюсь.

Теперь в Париже все занято предстоящим Салоном, то есть годичной выставкой. Жюри кончил свой осмотр, отказал шесть тысяч картин, принял две с половиной; недовольных множество, все журналы говорят об этом, словом, это составляет животрепещущий вопрос дня. Но меня лично охватил и поглотил один художник, произведения которого составляют, по моему пониманию, самую высокую точку развития нашего искусства; он, как мне кажется, есть последнее слово художественности в живописи в настоящее время. Можно бы сказать — техники, но это слово слишком узко для его произведений, в них она является в таком богат-

стве, в такой роскошной красоте, что перестает быть манерой, а делается творчеством. Он соединяет с строжайшим, но не условно мертвым академическим, а жизненным рисунком, с неуловимо тонким реальным, хотя и личным, чувством цвета (его картины, если так можно выразиться, серебристо-перламутровые) самое правдивое сопоставление предметов, как оно в живой действительности только бывает, и поэтому до поразительности новое и своеобразное. И при всем этом такое разнообразие способа работы, такое легкое, даже шутливое отношение к ремеслу, что его картины, не колеблясь, я называю апогеем чистого искусства. Я говорю о недавно скончавшемся испанце Фортуни. После его картин ничего уже не видишь, то есть ничего в памяти не остается,— они заслоняют собою все остальное. Репин выразился очень оригинально о Фортуни: «после него натура кажется условной, искусственной». Впрочем, я, может быть, увлекаюсь, не знаю! Но в настоящую минуту я нахожусь под его обаянием; я думаю, оно похоже на опьянение от опиума или от иной музыки[16]. Впечатление от живописи, подобное этому, я испытал еще два раза — в [18] 76 году[17] от Морелли и в [18] 73 в Мюнхене — от Бёклина. Фортуни и на Реньо наводил бессонницу[18].

Благодарю Вас, Иван Николаевич, за любезное предложение писать мне, я с нетерпением буду ждать Вашего письма.

Глубоко уважающий Вас *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Париж. 4/16 апреля 1875 г.

Дорогой папа, Ваше интересное и подробное письмо мне было очень приятно. Особенно мне понравился нагоняй, который мне собираются сделать. Это откровенно и по-приятельски. Такие прямые отношения люблю, знаешь, с кем имеешь дело, и как вести атаку. Я понимаю, как они должны меня недолюбливать за последнюю мою выходку насчет Передвижной выставки, и в отношении ко мне они правы, ибо я их хитро подвел, из-за меня они сделали бестактность в политике, принуждены были прямо выказать свое недоброжелательство к ней. Одно жаль, что принцип, за который стоит наш шеф[19], неверен. Он находится под сильным и вредным влиянием чиновника, который, может быть, в администрации и хозяйстве очень дельный и полезный человек, но слишком узко и старо смотрит на ход жизни, мало он дальновиден, точно как будто такими мерами, как всякого рода стеснения и запреты, можно до чего-нибудь истинно хорошего дойти. Временно тормозить можно, пожалуй,

и задавить можно, но развить, дать ход, жизнь чему-нибудь, нельзя, опыт доказал сие не раз. Я послал в Салон два маленьких этюда: работника в лесу, который Вам нравился и вместо которого я Вам рыбака дал, и голову.. еврея. Принята была головка — как вещь более оконченная, работника нашли слишком этюдным. Оно и правда, но всё-таки жаль, ибо мне гораздо было бы полезней увидеть на выставке его, чем [...], так как он принадлежит к новому искусству, а головка написана в условиях старого направления мастерской. По крайности билет буду иметь даровой. О том, что мы выставили, Боголюбов написал в таком смысле, что наши вещи были отданы до прихода запретительного циркуляра. Какой, однако, хитрый господин Исеев,— ничего не говорит о моем письме. А мне было бы очень любопытно узнать о нем. До Боголюбова дошли слухи, будто бы он его не показал товарищу президента, а показал письмо Репина, написано с плеча и не слишком тактно. Далее Боголюбову пишут, что мой шеф нашел мою картину очень колоритной, но удивляется композиции,— отчего же, кроме женской фигуры, остальные обрезаны. Это уже придирка. Получил от Крамского очень милое письмо, где он описывает все случившееся и жалеет о неудаче. Ну, да я свое дело сделал. Со временем, когда буду свободен, присоединюсь к ним,— их учреждение хорошее.

Мамочку благодарю за ее письмецо. Мне дорог отзыв милого Павла Петровича, которого я от души люблю и уважаю, мой дружеский ему поклон.

Папа, если Вы, паче чаяния, еще раз как-нибудь увидитесь с моим начальством, Исеевым или кем другим, то, мне кажется, надо держаться политики обвинительной, а не защитительной, то есть Вы скажите, что и Вы мне выговаривали за мое кирпичение и не согласны с ним; таким путем, мне кажется, скорее узнаешь правду..

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 5 апреля 1875 г.

Говоря по совести, я был удивлен, уважаемый Василий Дмитриевич, Вашим решением поставить Вашу картину на Передвижную выставку и в то же время обрадован. Мне всегда казалось, что дело наше заслуживает сочувствия и поддержки (говорю именно настоящее слово — поддержки) от, так называемого, молодого поколения, и Ваша решимость в данном случае служит ручательством за будущее, в этом я теперь не сомневаюсь, но что же делать, я понимаю, что Вам иначе и поступать не сле-

дует, как Вы намерены. Было бы, по-моему, странно идти против, да еще одному. Подождем, авось бог милостив, не вечно будет продолжаться крепостное право, или лучше, дождется же Исеев губернаторства, и тогда наверное будет гораздо либеральнее (в мыслях) относительно Академии.

Все, что Вы пишете относительно Фортуни, мне знакомо — по слухам; это, конечно, самое неудовлетворительное, что можно знать о картинах, так как орган этот назначен природой совсем не для картин, но... но... с некоторым желанием я могу вообразить... вероятно, опять-таки не то, что следует. Однако же, будучи знаком с одной стороной его громадного таланта через офорт, я почти догадываюсь, что это такое. Мне ясно до очевидности, что наступила пора и для русских художников начать писать действительно. До сих пор мы, в большинстве случаев, полагали, что можем каких-нибудь французиков шапками закидать (это десять человек-то!). Но боже мой, что это за штука такая, живопись! Счастлив тот, кто ровно ничего не понимает, что значит *писать*, какое блаженное состояние, какая наивность и несокрушимое олимпийское спокойствие: развел краски, домазал до края, а если не хватило красочки, то разбавил маслицем — и готово! Чудесно.

Это великое недоразумение спасло всех нас от самоубийства, то есть давало силу заблуждаться и думать, что и у нас есть живопись! Так и вертится на языке фраза избитая, пошлая, но все-таки глубоко мною чувствуемая, что вы, то есть не лично Вы, а вообще молодое поколение, во сто раз счастливее нас. А между тем, много ли времени прошло? Какие-нибудь десять-двенадцать лет; что это значит в жизни общества? Я понимаю еще тридцать, сорок, как подобает поколенью, а то десять? Не обидно ли? Но уж такая судьба русского общества, что то, что было вчера еще впереди, завтра, в буквальном смысле завтра, будет невозможно, и не для одного или двух невозможно, а для всех станет очевидным. Четыре года тому назад Перов был впереди всех, еще только четыре года, и после Репина «Бурлаков» он невозможен. Догадывались об этом и раньше, но только, когда вещи стали рядом (приготовлявшиеся на Венскую выставку), для всех стало очевидным, что уже невозможно остановиться хотя бы на маленькую станцию, оставаясь с Перовым во главе.. Это скучно, это старо, это все Вам знакомо, но это все продолжение одной и той же мысли, что я чуточку догадываюсь, что такое Фортуни! Вот Вам! Что же делать, вперед, так вперед, коли постоять нельзя; и черт их возьми, этих французов, испанцев и прочих; ведь заведутся же на свете такие беспокойные люди, что не дадут русскому человеку постоять и отдохнуть немножко, особенно после щей с кашей, кулебяк и прочей благодати.

Уважающий Вас *И. Крамской*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. П. ЧИСТЯКОВУ

Париж. 10/22 апреля 1875 г.

Дорогой Павел Петрович, как мне было приятно узнать из писем своих, что картина моя Вам нравится; ведь Вы знаете, как я ценю Ваши слова, как я им верю. Я работаю довольно много. Тут в Париже хорошо работается, потому что много вокруг работают, а кто и не занимается нашим делом, тот интересуется им. Напр[имер] Салон (годичн[ая] выставка) составляет здесь жизненный интерес. Все говорят о нем еще до открытия, сколько нумеров прислано, сколько принято, сколько отказано. На днях я был у одного банкира, в картинной галерее которого находятся, между другими замечательными вещами, несколько произведений Фортуни акварелью и масляными красками. Вообще в последнее время я имел случай несколько раз видеть его работы. Они мною совсем овладели, я только их теперь и вижу. Что за новый, небывалый взгляд на картину, какая особенная композиция, какой удивительный рисунок, какие интересные цвета. Я помню, как Вы высоко ставили этого художника. Вы раз как-то, говоря про его картины, выразились, что от них сияние идет, и действительно правда, рядом с ними все тускнеет, меркнет, ничего не выдерживает, Мейсонье кажется рыжим, деревянным, Замакоис — старым, условным, а на Жерома просто глядеть не хочется, до такой степени он не талантлив. Фортуни мне спать не дает, из-за него я двумя часами раньше встаю. Он и на Реньо так же действовал. Как обидно, что такие большие люди так рано умирают.

Что у нас в Петербурге новенького и хорошенького делается? Говорят, что Передвижная выставка нынешний год очень недурна, особенно хвалят картину Максимова и пейзаж Куинджи[20]. Что Вы сами поделываете, Павел Петрович? Мы часто с Репиным Вас вспоминаем, если будет у Вас свободное время и расположение, то Вы мне доставите большую радость, написав несколько строк.

Искренно любящий Вас *В. Поленов.*

Третьяковская галерея

П. П. ЧИСТЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург. 1875*].

..Он [Фортуни] все для техники и для глаза [...] подбирал, все красивые и художественные вещи и писал их прекрасно и вполне художественно. Но я видел его последние работы и заключил, что он перешел предел и попал на дорогу фотографа. След[овательно], напиши он так Христа Ивановского, то погиб бы совсем. Так Семирадский перенес картину на

холст, изображение, как говорится, в манере Фортуни. Ловко, ярко, грязно, криво, косо и глупо, глупо непомерно. Прахов вполне справедливо разобрал. Ему честь, ему и слава. У нас в Академии Семирадский гением считается, конечно, по решению начальства — скряги Исеева..

Строже относитесь, то есть к строению картины. Перспективу примите к сведению и применяйте к делу. Может, французы и давно работают, но законы-то искусства и потребности изящного и русские знают и понимать могут. Смотрите и Вы построже на французов. Есть здесь некто — ученик Суриков, довольно редкий экземпляр, пишет на первую золотую. В шапку даст со временем ближним. Я радуюсь за него. Вы, Репин, и он — русская тройка..

Третьяковская галерея.

П. М. ТРЕТЬЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Москва. 12 апреля 1875 г.*

Милостивый государь Василий Дмитриевич. На днях я имел честь известить Алексея Петровича Боголюбова, что я согласен приобрести Вашу картину «Le droit du Seigneur» [«Право господина»] за назначенную цену тысячу рублей, что сим и Вам имею удовольствие подтвердить. Я весьма рад, что в моей коллекции будет Ваша работа. Вы, вероятно, пошлете картину в Академию и затем поручите передать ее мне. Также я желал бы узнать от Вас: каким образом Вы желаете получить за нее деньги.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашим преданным слугой.

П. Третьяков

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 13/25 апреля 1875 г.*

..Я очень обрадовался Вашему предложению провести с Вами несколько время в Виши и написать там Ваш портрет. А когда Вы меня известите, куда и когда приехать, я сейчас и явлюсь.

Сегодня у нас первый день светлого нашего праздника, а я сижу с раздутым полулицом и сильно страдаю от образующегося нарыва в щеке, застудил флюс, вот и платишь за неосторожность.

Вот уже пятый день, как сижу один-одинешенек, только мой Репин, спасибо ему, каждый день на полчасика заглядывает, сообщает о случившемся. Теперь, впрочем, немного легче стало, после нескольких приемов беладонны.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 22 апреля 1875 г.

..Это превосходно, что ты приедешь в Виши, но дело в том, что в самом Виши жизнь довольно дорога, а главное шумна и суетлива. К тому же трудно найти квартиру, а не комнату в гостинице, которые обыкновенно никак не подчиняются требованиям художественной работы. Кругом живут, шумят, свет не туда, куда надобно, и пр[очее] и пр[очее]. По всему этому я думал бы лучше всего нанять квартирку вблизи Виши в местечке или деревне. Туда я мог бы ходить или ездить всякий день часов после двенадцати, потому что все утро занято питьем вод и ходьбой. А ты мог бы подчас, нанявши ослика, отправиться в окрестности, например, в замок Bourbon Busset [Бурбон Бюссэ], замок XII века, весьма живописный и с превосходными видами из замка.

Все это предполагая, я предложил бы тебе, не долго думавши, теперь же, разумеется выздоровевши от твоего флюса, съездить в Виши и там вблизи приискать себе приют на месяц так, чтобы потом уже не терять времени. Если хочешь, чтобы тебе указали какое-нибудь порядочное помещение, адресуйся к хозяйке Grand'Hôtel. Bonnet [Гранд-отель. Боннэ], там много Гранд-отелей, потому помни Bonnet [Боннэ]; она очень милая госпожа, поведай ей свое горе,— искание квартиры *не в трактире*, и она поможет. Если бы случилось, что она не поможет, то адресуйся к весьма образованному человеку, доктору Souligoux [Сулигу́], поклонись от меня, передай, что я ему бесконечно благодарен, что опять буду в мае, и потом попроси у него совета, где бы поместиться художнику *не в трактире*, это условие sine qua non [непременное], потому что в трактире на водах хуже, чем в аду, где все-таки с Асмодея и с чертенков можно делать этюды. Все это смастери как можно скорее и тотчас же напиши мне, ибо около нашего 7 мая я думаю выехать из Москвы и быть у Вас около 14/26 или 16/28. В Париже я останусь сутки двои, если не меньше.

Видел я твою картину в Академии и уже совершенно не помню, писал ли я тебе о ней или нет; кажется, что писал подробно, или это письмо писалось в голове моей, а на бумагу не перешло, потому, вероятно, и на почту не отправлено. Ведь это со мною случается, особенно, когда

сильно желаю написать и так живо напишу в уме, что после никак не могу сказать наверное, писал или думал писать. Поклонись от меня Репину, а тебя обнимаю крепко. Жду сюда Дмитрия Вас[ильевича], еще обнимаю тебя.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 18 апреля 1875 г.*

..Я проведу лето в Имоченцах в полном одиночестве. Я и теперь живу как в деревне. Всех избегаю, ни с кем не вижусь.. Акварелью я занимаюсь,— хотя в начале зимы шло лучше. Чистяков был доволен первой головкой. Теперь апатия, в которой я нахожусь, невольно сообщается тому, что я делаю. К экзамену тоже готовлюсь, хотя очень трудно переломить себя и заставить зубрить года и тексты, когда голова занята другим..

Прощай, спасибо, что пишешь, очень тоскливо. Иногда просто места не могу найти.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Париж. 15/27 мая 1875 г.

Дорогой папа, благодарю Вас за присылку «Пчелы»[21], но я ее уже раньше получил от самого Прахова. Очень мне было приятно прочесть его лестный обо мне отзыв, а главное, я рад был за щелчок, который он дал Академии. От нее я получил выговор за эту картину. Мне Исеев пишет, что, по мнению Совета, картина моя по композиции и рисунку слаба, а по колориту и аксессуарам не вполне лишена достоинств. Боголюбову он сообщает, что он спросил товарища президента, чтобы снять с себя всякую ответственность, посылать ли мне такое заключение Совета, на что получил ответ: «Непременно послать, пусть себе на ус намотает!» Но это все не беда, пока моя политика удается, как нельзя лучше. Теперь надо собрать все силы и двинуть себя вперед.

На днях к Вам придет некто Беггров, мой парижский приятель.. Это бывший моряк, теперь ученик Боголюбова. Он всюду бывал, тонул на «Александре Невском», перевозил кандиотов, был в Афинах и весьма недурно рассказывает свои похождения, не в смысле сведений,—их у него весьма немного,— а со стороны художественной у него рассказы очень

картинны и комичны. Будьте так добры, пригласите его обедать. Он довольно тонкий гастроном, любит поесть и понимает толк в этом деле..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Париж. 24 мая 1875 г.

Да, многоуважаемый Иван Николаевич, далеко ушла Европа вперед, так далеко, что и бегом не догонишь, поэтому я пришел к такому заключению, что, собственно, бежать бесполезно, а надо, не унывая, тихо идти, да идти, хотя подчас ох, как жутко приходится. Оно и труднее тихо и твердо идти к цели, чем бежать зря. Раздумывая так со стороны о положении у нас искусства, приходишь к выводу, что трудно ему у нас живется. Путь, по которому оно доселе шло, искусственный, условия внешние мало сподручны, особенно в нашей северной Пальмире; четверть года — тьма, две другие — грязь, снег, дождь, ветер, а четвертая — пыль и духота. И социальное настроение у нас не таково, чтобы искусству процветать; большинство равнодушно, а вожаки даже враждебны ему, ну и поди работай. А все-таки хочется работать, сколько сил есть, хочется добиться до чего-либо хорошего, авось да и выйдет что-нибудь. Посмотришь, как тут дело идет, словно по маслу, работает себе каждый в своем роде, в самых различных направлениях, что кому по душе, и все это ценится и все оплачивается. У нас главным образом значение имеет, что́ сделано, а тут, ка́к сделано. Напр[имер], за медный таз с двумя рыбами платят по двадцати тысяч франков, да еще в придачу считают сего медных тазов дел мастера первым живописцем, и, пожалуй, не без резону. Это — Vollon [Воллон]. Но главное, чем я тут восхищаюсь, это умением их осуществить свои силы и способности. Фортуни, напр[имер], этот всесторонний талант в выполнении, в содержании в большинстве случаев мелок, он холоден и отчасти даже ограничен, но поэтому он и не ищет внутренней глубины в искусстве, ему внешняя далась, как никому, он в ней остается и делает чудеса. Он не увлекается в жизни и жизнью, а увлекается работой, за ней он торжествует, она для него праздник. У нас скажут, что это узко, но, в конце концов, вывод самый блестящий. Недавно была выставка и продажа всего, что осталось по его смерти (продано на миллион триста тысяч фр[анков]). И между прочим находилась неоконченная картинка plage [приморье] Неаполитанского залива, по-моему, это — его chef d'oeuvre [шедевр], и ушла она в Америку, а могла бы попасть к нам, тут был в это время некий россиянин г[осподин] Боткин[22], который купил на такую же сумму конченную картину Фортуни, но сравнительно неудачную и даже ординарную, а этот настоя-

щий брильянт не взял,— потому-де не кончено, о, бездарное непонимание и тупое безвкусие; я равнодушно об этом вспомнить не могу; могли бы иметь самую новую и лучшую вещь современного искусства, а теперь она и в Европе не осталась.

Искренне преданный Вам *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Париж. 22 мая/3 июня 1875 г.

Прелюбопытный городина, этот Лондон! Сколько дыму! Погода чудесная и ветер сильный, а солнце светит красно-бурым светом, вроде того как у нас во время лесных пожаров, только запах не горелый, а удушливый от каменного угля. Зашел я как-то в Париже к одному приятелю американцу, художнику. Он мне, между прочим, говорит, что едет в Лондон и предлагает, не хочу ли я? «С большим удовольствием, когда?».— «Через два дня».—«Чудесно». Я подстрекнул Репина, да еще приятеля поляка, тот своего, американец — своего. Таким образом, в условленный день были в семь часов на «гаре»* и покатили в Па-де-Кале, почти вшестером. Утро было пасмурное и ветреное, но, подъезжая к морю, небо очистилось, погода разгулялась, а море разыгралось и начало подбрасывать наш «стимер», который вроде ладожских. Предварительно, пока «стимер» стоял в порте, ожидая прилива, мы для безопасности закусили и пропустили по коньячку, а иные и по два. Ну и ничего, все храбро стояли на мостике и любовались пейзажем. В ясный день все время идем в виду берегов, из Кале видны белые фалезы Альбиона. После полуторачасового подбрасывания мы подошли к каменной стене Дуврского порта. На ней сидели, свесив ноги, всякие джентельмены и несколько пунцовых солдат с какими-то поддонками на затылке. Понеслись мы по Англии, совершенно другой аспект, что Франция. Там, то есть во Франции, деревья все обкорнаны, обгрызены, их мало и торчат они особняком. Тут же они растут точно натурально, всюду коттеджи в зелени, луга зеленые-презеленые, усыпаны толстыми баранами, зато какие бараньи котлетки, таких я нигде не едал. Зовут их почему-то «чопс». Полей очень мало, все луга да деревья, богато раскинувшие свои ветви. В Англии как-то все на широкую ногу и отзывает чем-то семейно-аристократическим, в противность буржуазно-мелочной и торгашной Франции. Наконец, вкатили мы на Лондон и понеслись по крышам (в Лондоне почти нет ж[елезных] дорог

* На вокзале.

на земле — либо под землей, либо над ней). Престранный вид, точно какая-то карточная городня или Япония. Дома в Лондоне низки, редко в четыре этажа, и почти все сделаны по одному шаблону, напр[имер], сорок или пятьдесят домов одинаковых, далее столько же с маленькими изменениями и так далее. Почти все дома, за исключением торговых улиц, о трех окнах и трех этажах, с крылечком, и обитаются одной семьей. Трубы домов, а их множество — как будто подстрижены под одну высоту, а над ними возвышаются телеграфные и железнодоржные сигналы различных устройств и фабричные трубы, и все это прокопчено дымом и облиплo сажей. Улицы кривые и грязные, снаружи дома из простого темного кирпича, некрасивы и скучны, магазины маленькие и случайные. Словом все безвкусно, буднично, сумрачно и фабрично, но весьма оригинально и строго. На следующий день отправились смотреть примечательности, коих в Лондоне немало. Британский музей состоит из нескольких коллекций, внизу антики, египетские, ассирийские, этрусские, малоазиатские, греческие и римские — все в оригиналах. Кариатиды Эрехтейа и безрукий и безголовый торс Парфенона суть такие вещицы, что даже призадумаешься над ними.. Наверху помещается естественная история — зоология, ботаника, минералогия и так далее. В Кенсингтонском музее собрано столько всякой всячины, что сначала одуреваешь и глупеешь и, только потом, попривыкнув, опять становишься умнее и начинаешь кое-что понимать. Он, впрочем, еще далеко не кончен. В нем можно находиться до десяти часов вечера. Все освещено газом, всякий народ там гуляет, девчонки бегают, и полисмены ничего, и все смотрят, толкуют и чему-нибудь да научаются. Цель этого учреждения есть наглядное обучение всяким предметам.. Кстати подвернулась к нашему приезду годичная выставка, которая дала возможность познакомиться с аглицким современным искусством. В общей сложности оно оригинально, как Лондон и англичане, но еще довольно деревянно, неталантливо, некрасиво, хотя есть молодцы здоровые. В чем они особенно силачи — это в изображении воды, и в особенности моря и волны. Один франт (Moor [Мур]) изобразил волну, бьющую через разбитое судно у берега, по ней пена, но не условная, как ее делают французы, немцы и Боголюбов, а настоящая, как в натуре. Другой изобразил инвалидов,— сидят себе и слушают, а что слушают — неизвестно, а иной вздремнул, и все в красных мундирах; и хорошо, т. е. головы много в себе содержат смысла. Написавшего инвалидов зовут Herkomer [Геркомер]. Насчет красных мундиров,— весьма многие ходят в оных, начиная с гвардии королевы и кончая мальчишками, которые сапоги чистят.. Кроме этой выставки, были еще частные, где находились французские, немецкие и испанские художники, и, увы, французы спасовали, была одна картина, которая получила первую медаль в прошлом Салоне, но тут она мне показалась столь ничтожной, столь слабой, что я удивился, отчего она там казалась хорошей вещью, и при-

шел к заключению, особенно после нынешней раздачи медалей в Салоне, что французы и в искусстве подгнили и, пожалуй, что назад скоро покатятся, несмотря на всю их gloire militaire [военную славу] в этом деле.. Видел я знаменитые аглицкие акварели, которые будто бы не уступают живописи маслом, но я так с этим не согласен. Правда, в аглицкой масляной живописи сильно проглядывает акварель, но сама по себе она очень слаба, особенно если сравнить ее с испанцами или итальянцами. У англичан она какая-то полинялая, пунктирная, сухая. В железных дорогах и в «чопсах» они сильнее, чем в искусстве.

Представьте себе, в Лондон входят и выходят ежедневно до шестнадцати т[ысяч] поездов, да это и представить себе трудно, не видав,— один за другим так и катят. В подземной железной дороге расстояние между поездами две минуты, и несется он на всех парах, так что вы думаете, что это не для вас, а какой другой шальной несется, и почти мгновенно останавливается, вы вскакиваете, и он дальше. И все это без звонков, без крику, без указателей. Но надо самому знать или спрашивать, а то никто не укажет, хоть с голода умри. Это первая страна, в которую я попал без языка. В ней никакой другой, кроме аглицкого, цены не имеет. Англичанин, даже если и знает по-французски, не ответит вам ни слова на вопрос французский. Надо непременно знать по-аглицки, чтобы ехать в Лондон. Как я сожалею, что вместо ненужной латыни или разных катехизисов, богослужений, чтения псалмов и т. п. бесполезностей не выучили меня по-английски, дело иное было бы.

Едят в Лондоне много, но однообразно. Обед в три шиллинга, почти четыре франка, состоит из ростбифа с картофелем, сколько хочешь, и сыру, тоже сколько хочешь и больше ничего, а питье отдельно. И чуть спросишь чего другого, так заплатишь почти вдвое. Зато гарсоны в ресторанах точно лорды. Видел я оба Кристаль Паласта, старый и новый. В первом самое интересное, это — архитектурные стили в натуре. Египет, Греция, Рим, Помпея, Альгамбра, Готика, Возрождение — одно за другим; и как сделано умно, строго, серьезно, просто глазам не веришь. А то идешь по саду, и вдруг болото или озеро со скалами, на которых собралась вся допотоповщина: крокодилы, носороги, лягушки, летучие мыши, и все в настоящих размерах, т. е. колоссальных.. В предпоследний день пришел к нашим американцам их знакомый англичанин, который уже прежде со мной познакомился и почему-то меня полюбил, и предлагает мне показать настоящие диковинки Лондона, которых иностранцы обыкновенно не видят. Я, разумеется, ухватился обеими руками за него, подпрыгнул, и мы отправились втроем — м-р Боникастль, Репин и я. И угостил же он нас. Вот вкратцах, что мы видели и где мы были в этот день. Были в судах разных категорий, с судьями в лиловых, черных, красных и синих мантильях, в париках серых, белых, длинных, коротких, с присяжными и без оных, с адвокатами о двух кисточках на парике и об одной. Видели парламент,

камеру депутатов пустую и камеру лордов с лорд-канцлером в длинном парике, с комиссией лордов и двух лорд-канцлеров в отставке, рассматривающих законы Эдуарда Исповедника относительно разводов.. Оттуда отправились в Сити, то есть собственно настоящий Лондон. Там сосредоточена вся торговая Англия и почитай всего света. Этот самый Сити есть государство в государстве, он имеет свои права, свою администрацию, свою полицию. Верховная власть принадлежит лорду-мэру, который вовсе не лорд, а просто сапожник или портной, но становится лордом, когда сидит на мэрском кресле Сити. Напр[имер], ни один отряд войск не может пройти по Сити, не получив дозволения от лорда-мэра. Если королева нечаянно попадется в Сити, то сейчас запирают ворота, и она считается в плену, пока лорд-мэр не поднесет ей ключи. Он разбирает дела Сити без присяжных и без парика. Мы и его видели. Тут же находится центральная почта, Лондонский банк, в погребах которого находится, забыл сколько фунтов стерлингов золотом, верно много. Там и российских миллиончиков много, припасенных кое-кем на черный день. Были в центральном лондонском телеграфе; представьте себе огромную залу, с четырьмя меньшими по бокам в виде флигелей, в которой сидят тысяча двести девиц и то и дело, что тыкают пальчиком всё в одно место, а кавалеры им подают бумажки и берут назад; и какие хорошенькие девицы этим занимаются. Для поступления держится строгий экзамен. По стенам устроен целый механизм железных труб, с медной приправой внизу; посредством этих труб и рассылаются по Лондону депеши. В действие они приводятся воздушным насосом. Эта система устроена вследствие медленности проволок, которые не успевают удовлетворить движению. Депешу вкладывают в войлочный цилиндр, потом в трубу, закроют, повернут кран, и пошла писать, и таким образом одна за другой. У каждой трубы по мальчику, который то и дело, что всовывает цилиндрики в трубу или вынимает из нее прилетевший. Потом прошли по рынку с ростбифом одним, только ростбифом; все это громадных размеров. Подойдя к Темзе, спускались смотреть туннель под ней — один пешеходный, другой для железн[ых] дорог. Тут мы были возле знаменитой Лондонской Tower (La tour de Londre) [Тауер. Лондонская башня]. Прежде это была средневековая крепость и тюрьма для политических преступников, в ней сидела Елизавета, посаженная сестрой своей Марией, потом Мария Стюарт. Там же были заключены Дженни Грей, Анна Болейн и множество других персонажей. Теперь это арсенал, и в одной из башен хранятся государственные королевские регалии. Самые интересные места, на которых история запечатлела свой след событиями, напр[имер] комнатка, или скорее окошко от комнаты, где были убиты дети Эдуарда[23], место в стене, где были найдены их кости. Теперь они лежат в Вестминстерском аббатстве. Комната с альковами, где сидели перед казнью осужденные. На стенах видны знаки, которые они царапали перед смертью — кто герб свой, кто молитву,

кто стихи. Дженни Грей сделала герб и два непонятных знака. У самого выхода из этой башни находится место, где их казнили. Там же деревянная тумба, на которую они голову клали, и топор, которым они этой головы лишались. Сколько тяжелых дум пронеслось над этой тумбой, облитой и почерневшей от крови. То же тяжелое впечатление производит низкая черная дверь Нью-Гейт, из которой выводят уголовных преступников для виселицы. Она не на площади, а в улице, кривой, под гору; из окон домов видно всю процедуру, как у себя в комнате. За каждое окно платят по восемьдесят и более шиллингов для этого спектакля.. Вернулись мы на пароходе по Темзе. Набережных, кроме одного небольшого пространства вверху, у нее нет, а по всему берегу склады и магазины, и идет самая деятельная нагрузка и разгрузка товару. Видели несколько готических зал, принадлежащих разным корпорациям и учреждениям. Зала Сити XIV века, зала и церковь темплиеров [24] XIII века, принадлежащая теперь корпорации адвокатов. Для того чтобы быть принятым в эту корпорацию, надо, кроме научных занятий, шестьдесят два раза в этой зале отобедать. В церкви рыцари лежат из черного камня. У иных ноги скрещены — это значит, что были в крестовом походе.

Были в Вестминстерском аббатстве, где погребены короли и великие люди: дети Эдуарда, Ричард Л[ьвиное] С[ердце], Генрих VIII, его жены, Мария Стюарт, рядом Елизавета, Карл I, Дженни Грей и т. д., потом Шекспир, Диккенс, Гендель, Питт Чатам и другие. Из окрестностей был в Виндзоре, резиденции королевы, и Ричмонде. В заключение был на заседании спиритов, которые показываются за плату.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Виши. 4/16 июня 1875 г.

Теперь я в Виши, пишу портрет с дяди Федора Васильевича и отдыхаю немного от парижской работы. Тут очень недурно, музыка играет, бомонд гуляет, липы цветут и духи распускают пресладкие. Есть река вроде Ояти, с некоторыми, однако, изменениями.. Очень любопытно предприятие Федора Васильевича. Он очень им занят и много мне рассказывает. Дал прочесть Алешин отчет, очень дельный [25]. Если это предприятие, то есть пароходство по Северному океану, пойдет, то дядя думает расширить предприятие, устроить там ссудный банк, начать китоловство, которого у нас еще нет, поставить тресколовство, сельделовство и сельдесоление на основаниях, выгодных для поморского населения, и этим освободить его из кабалы кулаков-промышленников. Хочет начать

эксплуатацию гуано на Новой Земле, а, в конце концов, хочет нашим Имоченцам дать занятие, а именно думает съездить в Шотландию, посмотреть там джиноделание и обратить в пользу, коли то окажется возможным, наш можжевельник, от которого, как Вам известно, до сих пор толку мало..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Париж. 19 июня/1 июля 1875 г.

..Мы возвратились из Виши. Дядя уже уехал в Москву. Портрет я написал и, кажется, удачно. Все, кто его видел, находят большое сходство. Я сам отчасти доволен. Репин говорит, что это лучшая моя вещь, которую я когда-либо произвел. Жуковский, который его близко знает, находит, что трудно лучше передать сходство и характер его. Сам дядя особенно доволен тем, что он вышел раскольником или старовером. В лице я более всего доволен лбом, в котором вышла дума, и глазами, которые выражают, как мне кажется, и строгость его, и доброту. А во всей фигуре и в руке видна его могучая.. воля.

Одним только дядя недоволен — это размером портрета, он хотел в полнатуры, но ничего мне не сказал, а я взял в натуру. Дядя хотел подарить этот портрет барону Дельвигу, а теперь, говорит, совестно в комнату повесить, будет слишком на себя обращать внимание. Я ему обещал написать другой портрет, когда он на будущий год вернется опять к нам.

Теперь я думаю засесть в Париже до будущей весны и начать «Блудного сына»[26]. Много у меня приглашений есть на лето: и на север Франции, и на юг, и в Германию, и в Россию, но пока довольно,— я отдохнул и прогулялся, и отлично прогулялся. Поездка в Лондон так удалась, что если бы придумывать, лучше ничего не придумал бы. Столько нового, любопытного я там видел..

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 8 июля 1875 г.

Спасибо, брат, тебе за все твои милости,— ты заставил вспоминать о себе с истинным удовольствием. На днях пойдут к тебе «Соловки»[27], а там по времени и другие книжки. Как-то ты поживаешь? Принимаешься ли за задуманное тобою дело? К твоим я пока еще не писал, потому что приехал сюда 3 июля, все прошатался на пространстве между Парижем

и Москвою. Здесь нашел страшный жар, который сегодня уже сильно умерился. Москва довольно пуста, жарка, пыльна и душна — поэтому я думаю еженедельно, хоть на денек уезжать в деревню к моим приятелям.

Теперь, между прочим, письмо мое к тебе вызвано особым обстоятельством, именно вчерашним разговором моим с моим большим приятелем Барановским. Зять его главный начальник самого большого аквариума в мире; он у него жил в Неаполе и говорит, что теперь приезжают туда художники и в таком восхищении от невиданной доселе подводной игры света и тоже невиданного в большом виде подводного быта подводных обитателей, в таком восторге, какого передать не могут. Что они предпринимают издать альбом этого подводного мира, с его обыденными чудесами красок и оттенков и с его вседневными капризами жителей моря и морского дна. Для картины «Садко» [28] Ильи Ефимовича Репина — это клад. Картина его была бы первою, передавшей все эти чудеса прямо с оригинала, доступного немногим. Мне кажется, что было бы ему непростительно не воспользоваться этим. Не говоря об его желании собственном, которого, разумеется, я не знаю,— тут могут быть два препятствия. Первое и главнейшее — деньги, и гордость его обратится за ними к кому бы то ни было. Я не могу допустить этого в умном и вполне честном художнике. По честности художественной он должен знать, что он обязан употребить все средства написать картину так, как только можно в настоящую минуту. Мелочная щепетильность тут неуместна. Я готов ему предложить деньги, которые он мне уплатит по продаже своей картины. Незнание языка ему не помешает: я пришлю письмо, по которому ему отведут квартиру с заботами о дешевизне, и там есть русские дамы, принимающие билеты в аквариум. В самый аквариум ему будет вход самый свободный, какой только может быть допущен правилами аквариума,— на это мы тоже отсюда снабдим его письмами. Слушай, брат Вася, ты [....] это дело устрой — деньги, письма и [....] с какими все это будет прислано, все это готово. Обнимаю тебя и жму руку И. Е. Репину.

Твой *Ф. Чижов.*

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва. 1875 г.*]

..Чижов только что воротился и рассказал про свой портрет. Нечего рассказывать Вам, как я рад, что это факт совершившийся. Право, Вы молодец! Очень любопытно будет взглянуть,— Чижов доволен, а на этого ворчуна угодить не легко. Я думаю уж он и пробирал Вас порядком!

Видел я в Питере Вашу картину в Академии (стояла не по свету) и от души любовался. Колорит благородный, очень изящный и весьма удачная компоновка, так что все внимание зрителя устремляется на барыню [29]. Я — публика, и непосредственное впечатление, полученное мною, очень хорошее.

До свиданья, не забывайте нас, а мы с женой всегда помним в Вас нашего хорошего друга..

С. Мамонтов.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Имоченцы. 7/19 июля 1875 г.*

..Родители подарили мне чудный «баскет» — парная камышная корзиночка, самим править и грум сзади. Все это мне сюрприз, который, разумеется, для меня не имеет никакого значения, но тешит отца. Смешно смотреть, как они, то есть родители, стараются меня утешить и показать мне, насколько я счастливее дома теперь, чем была бы, если бы.. Бог с ними, не ведали бо, что творили.

Очень вероятно, что недель через пять-шесть Вера будет в Париже. Хрущова посылают за границу лечиться. В 4-м отделении ему обещали на поездку денег и, если дадут, то в таком случае они поедут..

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Имоченцы. 15/27 июля 1875 г.

Твое лондонское письмо и вместе с ним другое, писанное по возвращении твоем из Виши, я получил три дни после отъезда мама́ и Лили в Имоченцы. Я остался в Петербурге для некоторых дел, а между тем подъехали Вера с Хрущовым. С ними я и прочитал в первый раз твое лондонское письмо. Оно доставило нам большое наслаждение. Несмотря на сжатость и необходимую краткость описания, характер этого любопытного городины схвачен и изображен верно.. Мне особенно понравилось твое суждение об английском искусстве своею правдою и заключением, что англичане в железных дорогах и «чопсах» сильнее, чем в искусстве. С одним только я не согласен. Ты пишешь, что надо непременно знать по-английски, чтобы ехать в Лондон. Отчасти это может быть и правда, но ты говоришь далее, что как ты сожалел, что вместо ненужной латыни или разных катехизисов, богослужений, чтений псалмов и т. п. бес-

полезностей не выучили тебя по-английски. Это я нахожу совершенно ошибочным. Мы имели в виду дать вам, и дали, такое образование, каким не всякий из твоего круга может похвалиться. Поэтому и латинский язык и другие называемые тобою бесполезности были необходимыми звеньями в длинной цепи вашего образования. Положа руку на сердце, мы смело можем сказать, что сделали для вас все, что было нужно, и до этой минуты укорить себя ни в чем не можем, тем более, что и вы очень хорошо воспользовались употребленными нами об вас стараниями. Доказательством тому, не входя в разные подробности и частности, служит то, что все вы, то есть все трое вышли порядочными людьми. А будущее в руках божиих. Что же касается до английского языка, то я не понимаю, что помешало тебе выучиться ему, когда ты кончил и университет и Академию. Ведь Вера и Лиля выучились же по-английски. Если бы и ты в свое время вздумал приобрести себе знание английского языка, то мы не отказались бы помочь тебе материальными средствами.

Вместе с твоим лондонским письмом мы получили и то, которое ты писал по возвращении твоем из Виши. За несколько дней перед тем я был у Веселовского и на вопрос его, что ты теперь делаешь, я сказал ему, что ты поехал в Виши и там будешь писать портрет Ф[едора] В[асильевича]. На это Веселовский стал рассуждать о высоком значении этого рода живописи и об его трудности. В пример он указал на известных колоссов: Тициана, Ван-Дейка, Рубенса, Рембрандта и некот[орых] других. В наших русских живописцах он не нашел ни одного имени, на котором можно было бы остановиться с удовольствием. Он упомянул несколько новых французских имен, которых я не припомню, потому что они мне вовсе неизвестны, хотя он и назвал их имена. По его теории сходство портрета еще не есть его достоинство. Можно сделать портрет очень похожим, но безжизненным, как у большинства, то есть у всех наших портретистов. Главное нужно передать характер лица, которого желаешь изобразить, его всегдашний вид, а не ту минуту, когда это лицо сидит перед тобою неподвижно, делает из себя статую и доводит себя до безжизненности. Тут всякое выражение теряется. После этого разговора, спустя несколько дней, мы и получили твое письмо, в котором, описывая сделанный тобою портрет Ф[едора] В[асильевича], ты именно говоришь, что передал его характер и выражение. Можешь представить, как мне приятно было узнать, что ты удовлетворил требование строгого судьи и знающего толк в искусстве. Таким я считаю Веселовского. Недовольство Ф[едора] В[асильевича] размером портрета напрасно. Это он говорит из скромности, а мама и я полагаем в этом достоинство. Очень любопытно нам было бы взглянуть на него, но жаль, что Ф[едор] В[асильевич] намерен подарить его Дельвигу. В наших скромных палатах он был бы более у места. Если ты не снял с него фотографии, то сделай это для меня и на мой кошт, только поручи исполнение хорошему мастеру, а не такому, который делал

герц[огиню] d'Etremont [д'Этремон]. Я желал бы иметь штук десять. Постарайся это исполнить.

Веселовский говорил мне, между прочим, что Академия намерена сделать выставку в сентябре. Не знаю, насколько верно это известие. Но все-таки для тебя оно интересно, и ты, может быть, найдешь нужным украсить эту выставку некоторыми твоими произведениями. Это было бы не худо. Веселовский, как классик, сам академик, Академии де-сиенц и почетный член Академии de artis [художеств] стоит за эту последнюю и против передвижников, которые, по правде сказать, немножко осрамились последнею выставкою. Я послал тебе подробное ее описание в нескольких нумерах газеты «Русский мир». Все это послано с Лавецари, но дошло ли до тебя, не знаю. О Третьякове, купившем у тебя картину «Выпуск девиц из института»[30], я не имею никакого известия и даже не знаю, который это из Третьяковых. Их два брата, и оба имеют картинные галереи.. Следовало бы Лиле написать тебе; но она, как грамотная, пусть сама напишет, отчего она не написала тебе вовремя; да притом же она лезет в педагоги[31], обзавелась каким-то протопопом и долбит с ним катехизис, приобрела петербургских пюферариев и малюет их акварелью, а, наконец, навязала себе на шею по собственной склонности, Анну, только не орден, а Голицыну[32] и возится с ней. Впрочем, она уже тебе написала, только, верно, не сказала ничего про свои проделки. Ты, конечно, сделаешь теперь вопрос, а что же Вы-то? — Я-то? Во-первых, я давно уже за негодностью исключен из звания писарей. Коротких и скорых писем писать не умею, а на длинные времени не было. Да и согрешил же я, окаянный. Ты знаешь, верно, что я перевез из Имоченец главнейшую часть своей библиотеки. Когда мы перебрались на новую квартиру, мама отвела мне две комнаты, одну для библиотеки (заднюю по фасаду), а другую возле, для парадного кабинета, в который назначено перевезти имоченские хорошие шкапы и с содержащимся в них добром. Это еще в будущем. А в настоящем было то, что я принялся за установку в порядок той части книжек, которые были налицо, и за проверку их по каталогу. Ну и погруз в них..

Наконец, я успел выхлопотать себе половину награды, которую хотели мне дать за пятидесятилетие на службе. Но половина эта есть существенная и заключается в четырех т[ысячах] ежегодного содержания. И за то спасибо! А другая половина, почетная, впереди. Ну, да бог с ней! Хоть бы ее и не было, так не беда. И мама и я довольны и тем, что получили. От Алеши давно не имеем известий. Получили коротенькое письмо из Цып-Наволока[33], его столицы. Он обещал прислать нам подробности об его путешествии и пребывании на месте. Но до сих пор еще нет ничего..

Третьяковская галерея.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ[34] — РОДНЫМ

** Париж. 4 августа 1875 г.*

..В первом часу вышли мы из дому — и в rue Blanche [улица Бланш] № 72 вошли во двор, поднялись на третий (т. е. четвертый) этаж [35], позвонили и вошли в мастерскую Васи, т. е. Вас[илия] Дм[итриевича] Поленова. Стасов дал нам его адрес и ему сказал, что мы будем. Он принял нас очень дружественно. У него рабочая, довольно большая, очень высокая комната, окрашенная темным цветом, вся увешанная картинами и картинками, с очень большим окном в зелень. Он тут и живет и неподалеку ходит обедать. Житьем в Париже очень доволен, но хочет воротиться домой и будет об этом стараться. Ему хочется сделаться русским живописцем и для этого изучать русскую природу. В том, впрочем, чем он доселе занимался и чем теперь занимается, мало видно этого стремления к родине. Теперь он занят приготовлениями к большой картине «Пир блудного сына».. Вася изображает блудного сына пирующим в Александрии под египетским небом. Он показывал нам эскизы своей картины: она должна быть блестяща по колориту..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

Париж. 5/17 августа 1875 г.

Дорогой папа, получил Ваше письмо от 15/27 июля. Ваши письма доставляют мне всегда огромную радость и интерес, так они полны содержания. Вы говорите, что латынь, катехизис и прочие бесполезности, как я их называю, были на деле необходимостями. Я со своей стороны совершенно с Вами согласен на этот счет, но я сожалею только о том, что столько трудных бесполезностей приходится одолевать из необходимости. Я очень хорошо знаю, что без них ни в гимназию, ни в университет не попадешь. Одно, что я могу сказать о нашем обучении, что в него элемент божественного был влит на несколько капелек через край. Из этого элемента была сделана какая-то особая система эдукации. Впрочем, и то правда,— с тех пор много воды утекло, много изменилось, и то, что тогда казалось необходимым, теперь уже совершенно лишнее. Вот про это я и говорю, что жаль, что так много было божественного, в сущности ни к чему не послужившего. Если от него половинку отнять, да заменить аглицким диалектом, никто бы в убытке не остался. Что касается до Веры и Лили, которые обучились сему знанию, то они на это посвятили по крайней мере два года, чего я решительно не мог сделать за другими занятиями, более для меня важными. Перебирая в памяти мою рабочую жизнь, я не

припоминаю ни одного момента, за исключением нескольких летних недель, которые шли на отдых и на набирание сил для дальнейшей работы, я не припоминаю времени, когда бы я бездельничал или работал бесцельно. Но я и аглицкий язык не оставил без попытки им овладеть. Но уж было поздно, надо было пожертвовать слишком много на это времени, чего я не мог. Ну да бог с ним, и без него проживешь.

Жаль, что господин Веселовский так беспощаден в своих приговорах. По-моему, если в русском искусстве и есть до сих пор что-нибудь находящееся на дороге, то именно портрет. И в прошедшем у нас все-таки портретный род стоит выше других отраслей живописи. Возьмите Боровиковского, Левицкого, Брюллова, как хотите, а это до некоторой степени имена в портретной части. Из современников Крамской и Перов тоже заслуживают внимания..

Теперь сюда приехал Стасов, и я с ним довольно часто вижусь у Репина. Что за взбалмошная личность, что за ералаш в голове. Точно он юноша, который до сих пор голубей гонял. И вот попались ему какие-то журнальные статейки, и начинает он ляпать вкривь и вкось гениальности, которые создает его великий ум. Все это сыро, необдуманно и непоследовательно, совсем бездоказательно и основано только на том, что, мол, ни капельки мне не нравится, и что Рафаэль дрянь, а «Фауст» — Гуно мерзятина. Словом, подобные остроумные определения так у него и выскакивают и часто неожиданно для самого себя. Разумеется, я не молчу, а грызусь с ним чуть не на смерть. И что мне всего удивительнее, что он в диалектике крайне слаб. Казалось бы, кому как не ему в этом деле иметь навык, а он, оказывается, совсем другое, и сбить его в споре ничего не стоит, до такой степени его экспромты противоречат один другому. Словом, это умственный Помпадур..[36]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 7 августа 1875 г.*

Дорогой дядя, я так Вам долго не отвечал из-за Репина, который все колебался. Ваше доброе сочувствие к нему его очень тронуло, а поездка в Неаполь его привела в восторг, он сейчас же хотел собраться и катить, без всякой гордости приняв предлагаемую Вами помощь. Но, рассудив более холодно вопрос, он стал колебаться главным образом насчет времени. Ему непременно хочется кончить картину к лету, а за ней дела еще очень и очень много, поэтому он думает ее теперь и подвинуть, и в случае, если на половине дороги окажется возможным уделить месяц на поездку, то тогда воспользоваться Вашим к нему расположением. Он говорит, что

Вы совершенно правы, настаивая на поездке в Неаполь, и что, относясь честно к работе, необходимо воспользоваться таким богатым материалом, как неаполитанский аквариум. Но так как желание вернуться в Россию у нас теперь заглушает все остальное, то он боится не кончить к предполагаемому сроку, хочет сначала заручиться временем. Во всяком случае он очень благодарит Вас за Ваше к нему расположение и на днях сам будет писать Вам, дорогой дядя..

Вашим портретом все посещающие мою мастерскую очень довольны, а знающие Вас находят, что, кроме большого сходства, характер верно передан. Я очень рад.

Крепко Вас обнимаю, любящий Вас. *В. Поленов.*

Гос. библиотека СССР. им. В. И. Ленина.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 31 августа 1875 г.

Что мой высокопочтенный Василий Дмитриевич или просто Вася, как-то Вы поживаете? Как-то идет Ваша картина? Довольны ли Вы ходом работы? Все это вопросы, которые меня занимают и на которые я прошу безотлагательного ответа. Получил ли ты «Соловки» Немировича-Данченко, которые тебе посланы еще в конце июля или начале августа под бандеролью?

Очень мне жаль, что Репин не решился поехать пожить в Неаполе; ну, по крайней мере, съездил бы туда на недельку времени, там наделал бы этюдов в аквариуме. Уговори его, пожалуйста, и представь ему то, что нам, людям трудящимся, не только не хорошо, а гадко смотреть на помощь собрата по труду, как на какое-то вспоможение. Слава богу, мой труд награжден с лихвой, но я не даю решительно никакой цены деньгам, кроме той, какую они заслуживают, как средство быть полезным. Теперь на Мурманское дело я ухлопал все, что имел, и если еще получу, еще дополню, никак не потому, что жду дохода,— да даже и не жду, а потому что уверен в оживлении края и в том, что тут не поможешь возгласами да желаниями, поможешь только делом, да и того мало, тут нужно дело крупное, результаты которого были бы видимы, бросались бы в глаза и тем привлекли бы сотрудников и последователей.

Потолкуй хорошенько с Репиным, употреби все твое красноречие, и если ты уверен, что ты не красноречив, то напейся пьян на мой счет и пустись ораторствовать — не достанет витейства, пусти в ход силу и просто поколоти его, только достигни цели. Обнимаю тебя от души и убедительно прошу писать безотлагательно и отвечать на все мои вопросы.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 18 сентября 1875 г.*

Дорогой дядя, барон Дельвиг был в Париже и был у меня, я показывал ему портрет, он нашел его похожим и передающим Вашу внутреннюю личность и Ваш характер, заметил только, что лицо немного длинно.

Книгу «Соловки», к моему большому сожалению, я не получил, вероятно, какой-ниб[удь] любознательный почтмейстер или кондуктор почтового вагона ее зачитали. Во всяком случае это весьма обидно. Что касается до моей картины[37], то я теперь нахожусь накануне ее начинания, материалы собраны, главные этюды написаны, холст натянут, остается строго привести в перспективу архитектуру и фигуры, чем я теперь и занимаюсь. Вообще работа идет. Репин с Вами вполне согласен, он все больше и больше убеждается в необходимости съездить в Неаполь. Но поверенного по Вашему делу Вы выбрали плохого, а, пожалуй, что даже и хорошего, он вместо того, чтобы уговаривать Репина ехать, доказывает ему, что никакой нет надобности в этом, вследствие чего Репин, как упрямый хохол, все больше и больше склоняется на поездку..

Хрущовы должны были давно быть в Париже и сообщить мне разные подробности о всяких штуках, но на полпути по нечаянности попали в Венецию.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Венеция. 11 [сентября [1875 г.]*

Получили вчера твое письмо, спасибо, что так скоро написал. Ну, брат, что это за Венеция — просто очарование,— приехали мы вечером через Brenner [Бреннер], прежде въехали, вся публика и вагоны и локомотив, прямо в море, четыре километра ехали морем, потом вышли опять-таки к воде, тут крик, шум, толкотня, шлепанье весел о воду, тебя какие-то черные силуэты подхватывают, сажают в лодку, ты опускаешься на мягкий диван, лодка отчаливает, все вокруг успокаивается, и вот ты мягко и плавно скользишь в гондоле по черной воде канала — вокруг все тихо, только мерный удар весла и легкое покачивание напоминает, что ты сидишь в лодке,— для того чтобы совсем было впечатление волшебной сказки, еще выплыла луна и осветила своим театральным светом старые палаццо и всю эту магическую картину,— что-то такое новое неиспытанное, одним словом, для въезда в Венецию удачнее ничего нельзя было придумать..

Третьяковская галерея.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

Москва. 5 ноября 1875 г.

Приехали Вера и Лиля из-за границы. Они провели недель шесть в Париже и очень довольны. Говорят, что брат их Вася сильно занят, сильно работает, именно сильно работает. Что Репин сильно бедствует, недоволен своей картиной «Садко» и вообще в довольно грустном состоянии. Теперь я очень стеснен, а следовало бы послать Васе пятьсот рублей за портрет.. как-нибудь обернусь..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

П. П. ЧИСТЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 1 декабря [1875 г.]

Без обиняков, прямо к делу. Слышал я, многоуважаемый Василий Дмитриевич, что Вы начинаете картину «Блудный сын «с друзьями» объедалами». Сюжет выгодный, особенно для Вас, но не забудьте, что ныне девятнадцатый век, то есть век, идущий после пятнадцатого, шестнадцатого и прочих. Следовательно, и искусство должно быть, может и не лучше, и не выше, но полнее, то есть более и почти со всех сторон удовлетворять потребностям изящного. Поэтому осмелюсь, может быть и вовремя, обратить Ваше внимание на людей, которых Вы изобразите; то есть дайте им роли по характеру их. На пиру такого пустяка — дутика, как блудный сын, были всякие объедалы. Были прожоры — акулы; были гадины — шипящие змеи, сатирики. Был один душевно преданный друг, прихлебатель — собака, и любил и боготворил он блудного сына *Колосса*. Были и велемудрые пугалы — объедалы, резонеры; вероятно, были и артисты, хлыщи и борзописцы, что ли там, какие-то ученые. Попить, поесть — все любят. Не забудьте, что были и такие, которые презирали блудного сына, смеялись и острили ему в глаза и жрали на славу! Только проведите все это тонко, осторожно. Если бы Веронез писал эту картину, то для него довольно и костюмов бы было.. да и у него замечается намек на характеры. Все, что я пишу, может быть, и не к делу; может, Вы совсем не то и пишете.. Впрочем, то, о чем я говорю, есть неотъемлемая часть и главная часть всякой изящно исполненной работы. Не забудьте по сюжету и живопись. Сюжет певучий, роскошный и живопись такая.

Передайте многоуважаемому Илье Ефимовичу и всему его семейству от меня и от наших низкий поклон и пожелание всего лучшего. Скажите ему, что в его картине не цвет воды задает тон, а веяние впечатления от былины задать должно тон воде и всему; вода тут ни при чем. Цвет и гус-

тота воды бывают разные; а былина такая одна. Так музыка — не птичками поющими утро выводит, а впечатлением, навеянным свежестью и прелестью своею на душу артиста, себя выражает. От музыки Римского-Корсакова «Садко»[38] душе делается гадко; уши трещат, и слушать нет сил, вот что! Не пишу Вам много, а так только, что необходимо. У нас допотопные болванотропы провалили самого лучшего ученика во всей Академии, Сурикова. За то, что мозоли не успел написать в картине. Не могу говорить, родной мой, об этих людях; голова сейчас заболит, и чувствуется запах падали кругом. Как тяжело быть между ними. Ученики меня, кажется, любят и понимают, на деле даже некоторые. Держусь всеми силами в стороне, избегаю даже встречи с мудрецами.

Я член общества выставок[39], странного общества, но хорошего в будущем.. конечно, если умеючи вести дело. Всякий, имеющий какое-либо звание от Академии, может быть действительным членом этого общества, с тех пор как поставил свою работу на выставку. Выставки Акад[емии] переданы этому обществу; а цель этого общества — капитал, в будущем обеспечивающий ход рус[ского] искусства. О подробностях не пишу. Скажу только, что общ[ество] — это свободное, широкое, не связывающее искусство ничем. Дай бог успеха ему. Если бы Вы вздумали порадеть этой цели, то поставьте с Ильей Ефимовичем вместе что-либо на выставку.. впрочем, Ваша воля; во всяком случае от комитета Вы получите бумажку. Айвазовский, приглашенный в это общество, с великой благодарностью вступил и уже открывает выставку в пользу общества. Еще у него есть идея — выстроить в Крыму павильон для художников; тоже от имени общества. Вот видите, какой славный юноша появился[40]. И, главное, с буквы «А» началось.

Обнимаю вас всех от души и желаю доброго здоровья.

Искренно Вам преданный *Павел Чистяков.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 3 января 1876 г.*

Ну, спасибо, Лилька, что ты занимаешься делом, то есть приготовкой к экзамену, а книга не уйдет, потом успеешь заняться..[41] Теперь серьезные работы у меня приостановились на время, а днями я оканчиваю кое-какие мелочи, по вечерам же у меня целые рабочие рауты. Моя мастерская из живописной превратилась в декорационную, столярную, кисейную, швейную и т. д. Приходят иногда дамы, и работа идет самым великолепным способом. Живо и весело. Да, брат, коммуна есть самое рациональное рабочее учреждение, и, пока до нее не дойдут, ничего

общего и стройного не будет, поэтому vive la commune [Да здравствует коммуна]! Жаль мне, что ты товарища себе не нашла, одной заниматься далеко труднее, чем в общине. С Верой я переписываюсь, и мне ее письма нравятся.. Я много всякой штуки изобретаю для ее книги. Мне хочется, чтобы она вышла чем-нибудь очень хорошим..

Портрет дяди Ф[едора] В[асильевича] для папа́ почти кончен и вышел, по словам иных, в некоторых частях лучше, чем оригинал. «Le droit du Seigneur» [«Право господина»] тоже кончено.. Египетскую картину[42], несмотря на одобрение мамаши, что она большая, я уменьшил в три раза и нахожу это очень умным. Во-первых, сюжет не достаточно крупен для натурального размера, потом работы было бы слишком много и третье: с большой картиной, если она не заказ или не приобретается куда-нибудь во дворец, не будешь знать, что потом и делать. Пишу еще картину, но об этом после. Впрочем, сюжет скажу: «Заседание Интернационала» или «Публичная лекция Лассаля»[43]. Что ты на это скажешь? Илья и Вера Алексеевна* тебе кланяются. Прощай.

В. Поленов.

Портрет Маруси [Оболенской] отослан, и я получил очень трогательное и приятное для меня письмо от матери. Прилагаю его тут. Дай прочесть мамаше и, при случае, перешли Вере.

Кланяйся дорогому Павлу Петровичу, поблагодари его за письмо и скажи, что я не замедлю ему отвечать.

Третьяковская галерея.

З. С. ОСТРОГА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Ментона. 27 декабря 1875 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, как выразить Вам мою благодарность, душевную признательность и глубокую радость при получении чудного Марусиного портрета! Я ждала его с лихорадочным нетерпением, наслаждаясь заранее мыслью иметь изображение моей возлюбленной дочери, написанное Вами. Но, признаюсь откровенно, действительность превзошла мечты моего воображения. Когда я увидала портрет, то была поражена до глубины души,— мне представилось, что моя дорогая Маруся стоит передо мною во всем блеске своих восемнадцати лет, с чудным выражением ее ангельского лица! Глаза до того полны жизни, мысли и чувства, что взор их проникает в душу. Я не могла и до сих пор не могу смотреть без слез на этот чудный портрет, и чем больше смотришь на него,

* И. Е. и В. А. Репины.

тем труднее от него оторваться. Вы один могли передать на полотно тот внутренний мир, которым жила Маруся..

Антокольский также усердно работает над Марусиным памятником. Он пишет, что все им восхищаются и говорят, что это будет одно из лучших его произведений..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** 27 декабря/7 января 1875/76 г.*

Сейчас получила твое письмо, Вася, да, я работаю, но я теперь только поняла, что за вред таился в изучении «Телемака»[44] и других произведений, так называемого «Золотого века». При поверке оказалось, что я ничего не знаю ни из одного предмета: не говоря о русской грамматике, арифметике и катехизисе, но даже из истории мои сведения оказались такие разрозненные и частные, что они мало мне в этом деле помогут. Вот как люди смотрят разно на дело: ты жаловался, что тебя обучали псалмам и катехизису, а не обучили английскому языку, а я вздыхаю, что так много моего времени ушло на английскую и французскую литературу и что я не была обучена счету, текстам и грамматическим правилам.

Твои костюмы я давно кончила, но не имела случая их переслать.. Вчера костюмы твои отосланы были в министерство.. Если костюмы очень сомнутся, то снеси их к тете Леле и попроси, чтобы у нее их разгладили с левой стороны — это их не испортит..[45]

Ты поручил мне прочесть письмо.. родителям, а твое письмо между тем неудобочитаемо, так что мне было весьма неловко. Папа пристал, чтобы я непременно им дала твое письмо, прибавляя, что ты им ничего не пишешь. А там есть вещи компрометантные, во-первых, для тебя, ну, да это бы ничего. Ты пострадал бы по своей вине, но, главное, компрометантные для Веры, которая тщательно скрывает от родителей свое обращение[46]. Письма твоего я не дала, прочла то, что можно было, но папа огорчился. А ты вперед такого рода писем не пиши, а пиши удобочитаемые, если же захочешь или нужно написать что-нибудь такое, то это нужное пиши отдельно, дабы была возможность давать твои письма родителям. А то в самом деле их жаль. Ты им не пишешь, да и я не могу им дать твоего письма.. Прощай. Кланяйся Репиным, что их рябятки?

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Киев. 5 января [*1876 г.*]

До сих пор не собралась отвечать тебе на твое последнее письмо, дорогой мой друг, а надо сознаться, что оно меня очень озадачило. Я недовольна твоим письмом, потому что вижу в нем много не твоего, то есть не передуманного серьезно тобою и не имеющего оснований. Я пишу резко, как бы я тебе говорила, между нами это можно и должно. Ты знаешь, как я дорожу тобой, или чтобы выразиться еще точнее, как я тебя люблю, как я дорожу твоим мнением (я тебе уже это говорила); твое одобрение имеет для меня животворное влияние, и поэтому я отношусь невольно строже к тебе и к твоим убеждениям, а, по-моему, твои теории грешат тем, что не имеют под собой никакой реальной почвы и поэтому страшно произвольны. А дай только ход произволу, и бог знает, до чего можешь дойти. Особенно же он незаконен в таком серьезном деле, как отношения твои к России. Так-таки повально хватить всех по головам, точно уж во Франции или Германии нет совсем ни подлых людей, ни ошибок, ни грубости? Это заграничное направление, и я его считаю страшно вредным, потому что оно, раздражая и возмущая, часто преувеличенными и искаженными фактами, охлаждает к делу в ней, отбивает силы. А, по-моему, в России так нужны люди, что в сто раз лучше сделать для нее четверть предположенного дела, нежели отшатнуться от нее несколькими фактами несправедливости, которые в грубой форме, часто ложные, доходят до вас. Нельзя так резко судить и осуждать того, что сам не видишь, во что сам не вник. Приезжай, прежде вглядись сам, изучи сам, столкнись с ней на деле или как деятель и тогда говори.

Работая теперь с русскими детьми, изучая русский дух (для книги) и русск[ую] жизнь, я все больше и больше привязываюсь к России и чувствую к ней что-то кровное, *больное*, как выражалась няня, идеал для меня русск[ого] человека. Мне обидно и горько, что тебя, такого русского душой, возбуждают против России и что ты подобными письмами парализуешь и себя и других. Теперь я ясно вижу, какой вред приносит слишком долгое пребывание за границей,— это все равно, как бы отношения между частными людьми.. Тебе необходимо личное объяснение с Россией и серьезное с ней свидание. А пока учись, работай, читай, но не осуждай и, главное, не ожесточайся. Теперь еще одно слово, но в этом, не знаю, сойдемся ли мы во взглядах: я еще нахожу, что во имя родителей ты должен быть обдуманнее и осторожнее. Ну, уж это дело твоей совести, на это я не могу напирать.

Вот ты нападаешь на Россию, а спроси, где лучше всего стоит педагогия,— где она всего живее, всего более в движении — у нас,— положим, и в Германии хорошо, но там рутиннее, вялее. Где положение женщины, историческое и теперь общественное, всего лучше, где она всего

более стоит как человек?— Об этом и говорить нечего. Прочитай «Flamarande» George Sand [«Фламаранд» Жорж Санд], и ты поймешь, какая пропасть между русской женщиной и француженкой.. Нет, Россия с своей миролюбивой политикой, устремленная всем своим вниманием на себя, не спит. Этот долгий внешний мир дал ей возможность заняться собою, устремить все свои силы на самое себя. Много, много в ней интересного и хорошего, только приезжай..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Киев. 10 января* [*1876 г.*]

Наконец-то дождалась от тебя письма, Лилька.. повторяю тебе и прошу опять, не откладывая, написать Васе. Он гораздо больше тебя послушает,— помнишь, он говорил в Париже, что считает, что ты одна разделяешь вполне его мнения, а что я по убеждениям подхожу ближе к Алеше. Теперь, впрочем, он считает, что и я способна ко всему хорошему, и поэтому мне легче ему писать, но я знаю, что от тебя он примет эти вещи лучше и что твои слова на него больше подействуют. Я ему писала и буду писать опять на днях и пробирать, но и ты со своей стороны поддержи меня. Я тебе столько раз говорила в Париже, что надо быть осторожнее с Васей и его удерживать, а ты его поддерживала, когда он говорил вещи совсем несообразные. Это правда, что он под конец стал мягче, но ты знаешь, какой он впечатлительный и неосторожный.. Мы должны стараться остановить его, а лучше бы всего вызвать в Россию. Последнее же может только папа́. Поэтому-то, если ты найдешь нужным, сейчас же напиши мне, и я напишу папа́, конечно, в форме как можно мягкой о Васе. Только отвечай мне поскорей. Мне кажется вообще, что на него начинает вредно действовать это долгое отдаление от России. Ты знаешь, как за границей часто на нее сплетничают, как искажают и преувеличивают факты,— его это раздражает, а проверить их он не может. Мне очень хочется приехать к вам и, если я еще получу подобное письмо от Васи, то, вероятно, и приеду. Лучше же сказать папа́ все, как есть, нежели дождаться чего-нибудь неприятного, тогда и им будет гораздо тяжелее, и мы будем виноваты, что не употребили всевозможные меры, чтобы предупредить беду. Я уверена, что он до сих пор проникнут мыслью беречь и менажировать папа́ и мама́, но между этой серьезной заботой и своими необдуманными письмами он не видит ничего общего. Я на всякий случай пишу тебе еще другое письмо, чтобы ты могла этого не показывать. Только, пожалуйста, отвечай поскорее.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 14 января 1876 г.

Вася, отчего ты никому не пишешь? Во-первых, родители имели от тебя с августа месяца à la lettre [буквально] *несколько строк*, ты же знаешь, как они любят получать письма. Отца это очень огорчает, хотя он и не высказывает этого прямо, но в таком случае еще более грешно их обижать. Сам же ты меня бранишь (и основательно бранишь) за то, что я не умею их менажировать [щадить].. а теперь ты сам поступаешь с ними очень нехорошо. Если хочешь послушаться моего совета, то сядь сейчас же и напиши им хоть немного о своих работах, о том, что было у вас на праздниках,— все это очень интересует папá. Пожалуй, это под влиянием твоей картины «Блудный сын», ты сам становишься «блудным сыном». Кстати, напиши, получил ли ты костюмы и каковы они. В синем я немного изменила рисунок, то есть не довела борта доверху. Мне показалось, что это будет лучше ввиду того, что ты хочешь надеть ему всякое украшение вокруг шеи. Напиши тоже, двигается ли она, то есть эта картина[47]. Ты спрашиваешь, что я скажу насчет новозадуманной картины: собрание рабочих. По этому поводу сказать можно много; между прочим, твои же слова, сказанные мне: «Мы уже больше не дети, прошла пора выходок, которые по необдуманности и несерьезности могут сделать больше вреда, чем пользы». Мне кажется, эти слова твои ко мне.. ты теперь должен отнести к себе. Твои убеждения (конечно, я подразумеваю убеждения, касающиеся известной области), каковы бы они ни были, должны быть, по крайней мере, до поры до времени вполне неизвестны публике. Какое значение может иметь такая картина? Из нее узнают, что была публичная лекция Лассаля, да это и без того известно. Вследствие же такой картины скажут: «Вот он каков». И, конечно, ты будешь парализован в дальнейшей деятельности. Вообще в деле серьезном, как это, следует поступать осторожно и осмотрительно. Одна бестактность может повредить делу, тебе самому и еще многим людям, тебе близким. О том, где найти предел осторожности, это ты сам должен определить. В том же, что осторожность необходима, ты со мной согласен..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. Д. ХРУЩОВОЙ

Париж. 5 февраля 1876 г.

Ты, Вера, точно с Лилькой сговорилась, и она мне выговор шлет и мораль читает насчет осторожности; я нисколько не против нее: осторожность — вещь полезная, даже необходимая, но если ее доводить до крайности, то она с успехом может превратиться в бесчестную трусость,

она может сделаться ширмой, за которую весьма удобно прятаться в минуту, когда следует действовать. Шестнадцатилетняя Перовская не рассуждала, осторожно или нет, когда бежала от отца, бросая удовольствия, роскошь, на неизвестное, трудное будущее. Теперь это один из самых крепких субъектов социальной пропаганды и один из самых надежных деятелей для будущей трудовой России..

Ах, да, я «Блудного сына» бросил, а вместо этого пишу «Александрийскую школу неоплатоников»[48] и целый роман сочинил..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Киев. Февраль 1876 г.*]

..Васино письмо не посылаю, оно мне нужно, но выписываю самые поразительные места; напр[имер]: «работа эта (то есть социальная пропаганда) еще гонима пока, ее пытаются раздавить, да уже поздно, но это и они начинают понимать, и чувство презрения переходит в страх..» и далее: «все старое уже до такой степени износилось, прогнило, что какие они заплаты там ни прикладывай, все-таки всюду рвется, всюду лезет врозь. К тому же у нас наверху делаются такие вещи, что подумаешь, будто нарочно, чтобы как можно больше возбуждать ко всему этому гнилому ненависть и отвращение. Недавно, напри[мер], у нас в Академии художеств произошло изгнание учащихся в ней женщин, после чего им всемилостивейше дозволено поступать, но не иначе как со свидетельством от полиции о благонравном поведении. До сих пор полицейское свидетельство требовалось в публич[ных] домах, а в Академии зачем? Это не ясно. И ничего, у нас все это проходит им даром, все оскорбления, все притеснения, все у них в руках, и они пользуются своей силой самым грубым и наглым образом. Ах, что за холопское царство. Холопы прислуживаются и выслуживают перед хамами! Постойте, милостивые государи, ваши дни сочтены, вы не будете забыты при расчете». Теперь я пишу: правда, что было от чего смутиться? Только, Лилька, ради бога ты не подавай Васе вида, что мы с тобой в комплоте [заговоре],— он уж и так пишет, что мы точно сговорились,— а то мы потеряем престиж. Сколько этот человек у меня время берет en permanence [постоянно] пишу ему письма. Сегодняшняя тема была на осторожность.Пишу, что осторожность и трусость две вещи совсем не смежные, что, начав дело, надо идти прямо и, пожалуй, иногда осторожность по боку, а пока еще не начал никакого дела, бесчестно себе раскладывать систематически поперек дороги палки и т. п..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 6/18 марта 1876 г.

Дорогая мамочка, спасибо Вам за костюмы и за все прочее. Что же касается до выставки[49], то я ничего не желаю на ней выставлять, так как предполагал в будущем году сделать общую выставку всех моих работ, и поэтому не хочу разрознивать коллекции. Кроме того, мне эта выставка, по своему составу, по своему уставу и по другим причинам не по душе, вследствие чего я на ней постараюсь ничего не выставлять, а при первой возможности примкну к Передвижной, составу и принципам которой я вполне сочувствую.

Портрет Федора Васильевича нравится всем, кто его видел, поэтому я его тоже приберегаю для своей выставки. На днях у меня был Тургенев. Я, между прочим, ему показываю портрет и говорю, что это Чижов. «Да, это Федор Васильевич.Очень похож! Только я его знал темным». «То есть как темным?»—«Тридцать пять лет тому назад,. Как он побелел за это время».— Мне это было приятно, ибо значит похож, коли через тридцать пять лет люди узнают. Уходя, Тургенев сказал мне, что я, не в укор будь сказано другим, работаю много и сильно иду вперед, на что мы русские до сих пор не слишком щедры. Это мне было тоже приятно..

А теперь у меня есть к Вам всепокорнейшая просьба — купить мне и прислать при случае, если еще лучше в бандероли, как газеты, следующую музыку: 1) «Не искушай меня без нужды» Глинки, 2) «На раздольи небес ярко светит луна» (слова Щербины), музыка — не знаю[50], 3) «Ночь в Гренаде» Сеймура Шифа. Вы меня этим очень одолжите. Обнимаю папа́ и Вас и т. д.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

* *Париж. 31 марта/12 апреля 1876 г.*

Дорогой папа́, благодарю Вас за присланный мне подарок, который я сейчас же пустил в оборот, то есть купил себе камеру-лючиду и увраж костюмов, которые мне очень хотелось иметь.. Попрошу Вас помочь Лильке указаниями насчет моей просьбы о «Демоне». Если можно прислать еще рисунок серег и налоя. Момент взят на следующие слова из второй части, 10-й главы «Демона», переделанные мною:

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,

Чью грусть ты смутно угадала,
Чей образ видела во сне.
Ничто пространство мне и годы,
И бич властителей земных,
Я дух познанья и свободы,
Я враг небес, я жизнь природы,
И, видишь, я у ног твоих.
К тебе принес я в умиленье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.

На храме будет сделана большими буквами подчеркнутая строфа..[51]

Теперь у нас готовится Салон. Жюри уже кончил. За несколько недель до этого Репин писал Исееву, прося позволения выставить хотя этюды, на что получил в ответ, что просьбу эту Исеев даже не передавал е[го] в[ысочеству] п[резиденту] Ак[адемии], ибо получил бы отказ, сам же позволить, разумеется, не может, но далее говорит, что доносами ни он, ни п[резидент] А[кадемии] не занимаются, и в случае, если картины пенсионеров будут выставлены, то они притворятся ничего не знающими. Вследствие этого, Репин и я, мы послали и были приняты. Я выставил портрет Ф[едора] В[асильевича] и «Одалиску»[52], которую подарил Татищеву за дружбу ко мне и за его милые procédes [действия] к нам..

Третьяковская галерея

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург. Март 1876 г.*]

Посылаю [тебе] то, что нашлось дома и в Археологическом обществе. Далеко не удовлетворит тебя, я знаю. Папа обещал потормошить Броссе насчет этого.

№ 1 и 2 — армянские капители из «Les ruines d'Ani» [«Развалины Ани»] Броссе.
№ 3 и 4 — византийские капители VI века, папá говорит, что схожи с грузинскими.
№ 5 и 6 — образа Спаса и Деисуса, оба грузинские.
№ 7 — складень Византийский.
№ 8 — два медные образа русские, но оригинальные рисунки, поэтому скалькировала. Они изображают св[ятого] Никиту, поражающего диавола, и св[ятого] Федора Тирона, поражающего змия.

..Приедешь ли ты в Имоченцы? Родители ужасно этого желают, о себе не говорю.

Третьяковская галерея

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 14/26 апреля 1876 г.

Дорогая Лилька, ну, брат, спасибо тебе за кальки. Складни я целиком взял. Это именно то, что мне нужно. Жаль только лампады ты не нашла, тогда бы больше ничего и не нужно было. Поблагодари папашу за содействие.. Я тут в самых разнообразных обществах верчусь: во-первых, наш русский артистический кружок.. во-вторых, музыкальный французский мир у м-ме Viardot [Виардо], в которую я не на шутку влюбился.. и, наконец, по ту сторону воды — студенты обоего пола, всевозможных оттенков. Да еще Татищев, у которого с кем только не встречаешься, и все это не особенно мешает мне работать. Одно только — á la longue [надолго] оно становится утомительным. День целый работаешь, а вечер у кого-нибудь, но теперь все это понемногу прекращается и разъезжается, и поэтому можно будет больше сосредоточиться на работе. Очень и мне бы хотелось попасть к вам на лето, да только вряд ли сие удастся, разве на осень, да и то пока ничего определенного не могу сказать. Еще много работы осталось, а на полпути бросать не приходится.. Через два дня открывается Салон, тогда сообщу.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 30 апреля/12 мая 1876 г.

Милая мамочка.. На днях открылся Салон и окончательно убедил меня в нелепости торчать тут и учиться. Французы, за исключением маленькой группы реалистов, то есть Мейсонье и двух-трех его учеников, которых я очень высоко ставлю и люблю, нечто иное, как ряд рутинных, самодовольных, disons le mot [скажем прямо] — бездарностей! Поэтому как можно скорее из самохвального, хотя приятного и даже милого Парижа.. Портрет Ф[едора] В[асильевича] в Салоне не только не проиграл, а, напротив, выиграл. Все его одобряют, есть даже такие смельчаки, которые его предпочитают великому Харламову, выставившему портрет Тургенева, по-моему, плохой. И что всего удивительнее, что господа эти из харламовского лагеря. Кстати о Тургеневе, он почему-то в эту зиму ко мне очень благоволит и мил со мною необычайно, может быть, оттого, что я все с ним спорю, даже бранюсь, а вчера на вечере у м-ме Виардо я его так из терпения вывел, что он меня обозвал пятнадцатилетним мальчиком. Он скоро едет в Питер и зовет меня с собою, к сожалению, маленько рано. Коли бы папаша ему послал свои книжки[53], то это бы ему доставило огромное удовольствие, и мне тоже..

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Секиринцы. 18 мая 1876 г.

..Пишет мне Дельвиг, что он видел мой портрет на выставке, восхищен им и пишет еще, что ты непременно хочешь, как можно скорее выбраться в Россию, именно в Москву. Знай же, что я купил домик, в котором тебе готовы две комнаты,— это на широкой улице, на Садовой, в месте, довольно покойном. Знай еще, что у тебя есть в Москве пятьсот руб[лей] на начало жития. Я уверен, что ты предварительно уведомишь меня о том, когда ты вздумаешь переселиться в Москву. Между прочим, тут хорошо и то, что ты будешь в середине России, а не в Чухляндии. Вздумаешь куда-нибудь поехать — всюду железные дороги. Очень хотелось бы мне, чтобы ты съездил в Малороссию, ты никогда в ней не бывал. Богатая растительность, правда в садах, потому что лесов не существует..

Что поделывает Репин, когда-то он собирается в Россию? Я слышал, что ты прогнал блудного сына, и поделом сукину сыну. Я не говорил тебе ничего, а правду сказать, мне не нравился этот предмет, главное потому, что тут все могло только держаться на щегольском исполнении, содержание же так избито, это одно, второе, что не отвечает времени и его интересам, что не знаю, как бы приняли эту картину.

Я каждый год летом езжу по северным дорогам; если ты захочешь прокатиться до Ростова, Ярославля и Костромы,— пустимся. Если даже захочешь побывать на далеком Севере, в Вологде,— и туда путь открыт. А на юг могли бы мы через Курск скатать в Малороссию. Не можешь ли ты купить мне франков на пятьдесят таких рисунков углем, из которых ты мне купил два. Если будешь при деньгах, то купи, я тотчас тебе заплачу; но посылать такую сумму, особенно из деревни, столько хлопот, что боже упаси..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 19/31 мая 1876 г.

Дорогая мамочка!.. Очень я рад, что Вы разрешаете мне приехать летом к Вам. Мои планы следующие: 3/15 июля моя мастерская будет сдана, к этому времени работы будут кончены, упакованы и отосланы в Академию. Тогда я приеду в Питер, переговорю с Исеевым о выставке, которую мне бы хотелось сделать в сентябре или октябре, или, если это Вам неудобно, то позже, и прикачу к Вам в Имоченцы, коли Вы там будете. Там мне бы очень хотелось написать папашин портрет и несколько этюдов для зимних работ. Потом, в начале сентября я думаю съездить в Москву,

осмотреться и поискать помещения на зиму. Потом выставка, а потом, что выйдет.. Выставка моя будет состоять из шести или семи картин и до шестидесяти этюдов, что из всего этого выйдет, не знаю..

Третьяковская галерея

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Париж. 20 июня 1876 г.*

Дорогой дядя, как Вы меня обрадовали Вашим милым письмом. Я не тотчас отвечал Вам на него, потому что все ждал ответа от моего начальства, чтобы знать, что со мной будет и куда судьба заблагорассудит меня кинуть, но, не получив до сих пор ничего, я не хочу так долго оставлять Вас без известия о моих планах. Они следующие: теперь я предполагаю везти мои работы в Питер на рассмотрение начальства, а потом отправлюсь в Москву для приискания себе жилища на зиму и тогда приеду к Вам.

Портрет Ваш я выставил в Салоне, и он был замечен многими и одобрен. Теперь я оканчиваю свои работы, некоторые уже отослал в Россию, между прочим, картину, купленную Третьяковым, прося его, деньги за нее передать Вам, а Вас, дорогой дядя, попрошу их пока оставить у себя, а потом выдать Репину, который будет в них сильно нуждаться, возвратясь в Россию. Спасибо Вам, дорогой мой, за Ваши заботы обо мне, не знаю, как Вас и благодарить, впрочем тут благодарность не к месту, это слишком официальное и холодное чувство, тут привязанность и любовь, а любить Вас я люблю... Вообще хотелось бы Вас повидать и обо многом поговорить, ну, да надеюсь это скоро будет. Если начальство не позволит мне вернуться в Россию, то я и без его позволения обойдусь, а там будь, что будет, за границей же оставаться теперь не только незачем, но даже вредно, я в этом твердо убедился.

Рисунки углем я Вам купил и привезу, когда приеду. Я очень рад, что не написал блудного сына, это было временное увлечение Поль Веронезом. А теперь у меня русские сюжеты в голове[54]..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ПОЛЕНОВ — РОДНЫМ

Париж. 18/30 июня 1876 г.

Долго не писал Вам ничего, потому что хотел сказать что-либо положительное на свой счет, но, к сожалению, до сих пор ничего не знаю о моей дальнейшей судьбе, то есть не имею никакого ответа от Исеева,

хотя я ему уже два раза написал, прося ходатайствовать у президента о разрешении мне вернуться в Россию. Вещи мои почти кончены, надо их отправлять. Через две недели меня выгонят из мастерской, тут бы я и прикатил к вам, а теперь и сам не знаю, что будет. Нельзя ли как-нибудь узнать у Исеева, намерен ли он мне отвечать или нет и какой будет ответ — положительный или отрицательный; во всяком случае я за границей больше не останусь. Пользу, однако, она мне принесла во многих отношениях, а главное в том, что все, что до сих пор я делал, все это надо бросить и начать снова-здорово. Тут я пробовал и перепробовал все роды живописи: историческую, жанр, пейзаж, марину, портрет головы, образа[55], животных, nature morte [натюрморт], и так далее и пришел к заключению, что мой талант всего ближе к пейзажному бытовому жанру, которым я и займусь.

Тут в Париже теперь Крамской, который был несколько раз у меня и сказал мне много дельного и хорошего, хотя очень жесткого[56].

Не знаю, где Вы, в каких местах. Если приеду в Питер и Вас не будет, то я в Имоченцы, разумеется, не поеду, а отправлюсь в Москву переговорить и устроить там всякую штуку..

В. Поленов.

Алеша, если родителей нет в Питере, то потрудись переслать письмо, и если тебе не слишком скучно, то сходи к Исееву и спроси у него, получил ли мои два письма с просьбой о возвращении, и напиши мне его ответ, очень меня обяжешь..

[Приписка на полях]: Петербург, 23 июня.

Сегодня я наводил справку в Академии. Возвращение в Россию разрешено, и завтра будет отправлено письмо об том Академиею — пенсионеру Поленову.

А. Поленов.

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Киев. 12 июля 1876 г.*

..Вчера мы получили письмо от Васи, он пишет, что 3/15 июля он сдает свою мастерскую и вслед затем сам укатывает из Парижа. Проездом он намерен зацепить Бельгию и Голландию, на что думает посвятить около двух недель и, таким образом, приехать в Пет[ербур]г не прежде 25 июля. К этому времени и мы рассчитываем подъехать..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

** Петербург. 29 июля 1876 г.*

Никогда не совершал я так приятно путь, как тот, который привелось мне сделать нынешний раз от Киева до Москвы. Сердечно благодарим тебя, я и Маша.. В вокзале встретил нас Вася. Алеша был у своих знакомых на даче и не знал ничего о нашем приезде. Целый день мы не наговоримся с Васей о всякой всячине. Между прочим, о его картине, приобретенной Третьяковым. Вася сказал нам, что он уже ее получил и просит тебя не хлопотать о деньгах, потому что хочет сам просить Третьякова прислать их к нему сюда.

Вася показал мне статью: «Le Salon de 1876» [«Салон 1876 г.»], помещенную в «L'Univer illustré», № 1103, 13 mai 1876 [«Иллюстрированный мир», 13 мая], в которой мы прочитали: «Un beau portrait d'homme par Mr Polènoff: ce vieillard (какой невежа автор статьи) á barbe grise assis et tenant un livre, semble respirer. C'est la vie prise sur le fait, la vie a son déclin, lente, pensive. Tous les détails sont étudiés avec autant de largeur que de précision». [«Прекрасный мужской портрет г-на Поленова: кажется, что этот седобородый старик.. сидящий с книгой в руках, дышит. Это сама жизнь, жизнь на склоне лет, тихая и задумчивая. Все подробности проработаны широко и точно»].

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

** Петербург. 16 августа 1876 г.*

..Вася с Лилей теперь, как я полагаю, наслаждаются в деревне. Оба они народ не празднолюбивый, и Лиля, вероятно, кое-что продалбливает к предстоящему экзамену; а Вася выписал себе кусок равендуку — это для какого-ниб[удь] паруса, в подкрепление к его речной флотилии. Этому занятию он предается в Имоченцах с большим азартом. Сам удрал, а на меня взвалил порядочную обузу хлопот в таможнях с его имуществом. По двум присылкам я уже получил вещи. Между ними интересными оказались фарфоровые тарелки и блюда с его живописью. Это то, что они, то есть наши парижане, называют «Le Céramique» [керамика][57]. А главное и самое интересное имущество в восьми ящиках осталось еще в таможне, и там говорят, что нужно, чтобы он сам, отъявленный художник, получил свои вещи; другое же лицо должно заплатить большую пошлину за множество привезенного им тряпья (костюмы и драпировки), на которые таможня смотрит как на шелковые и шерстяные материи. Таким образом, любопытство наше осталось неудовлетворенным. Жаль! Более недели тому назад, как я получил от П. М. Третьякова переводный

12. В. Д. П о л е н о в. Река Оять. Ймоченцы.
Масло. 1880.

13. В. Д. Поленов. Больная. *Масло. 1886*

билет на имя Васи в тысячу рублей. Это за картину «Средневековый барон». Я уведомил от себя Третьякова о получении присланного им билета..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

** Петербург. 11 сентября 1876 г.*

..Какие хорошие вещи привез с собой Вася своей работы,— все больше этюды. Между оконченными вещами замечателен мой портрет. Теперь все выставляются в Академии, а потом будут выставляться в Москве. Очень хорошие, теперь входящие в моду, тарелки и блюда фаянсовые, на которых пишутся целые картинки каким-то новым способом и после обжигаются. У него таких несколько, и все очень хороши. На одном кот и кругом в бордюре разные события из кошачьей жизни. Мне кот не со всем нравится, он как-то сердито смотрит, голова велика, нет той круглоты и красоты очертаний, которая у кота едва ли не красивее, чем у всех животных, и потом нет той лукавой приветливости во взгляде, отличительной черты характера кота..

Петербург. 12 сентября 1876 г.

Вчера утром был в Академии художеств, видел выставленные картины Репина: Садко, народная сказка, негритянка и Парижская кофейня. Исполнение превосходное. *Садко* в подводном царстве смотрит, как мимо него проплывают или проезжают красавицы, но он не пленяется ими, а пленяется замарашкой, что наверху, одетою просто. Это изображение самого Репина, пред которым идут все страны образованные: Франция, Италия, Испания, Америка, а он ни которой не пленен и всё его тянет к замарашке, к неумытой, непричесанной, его родимой России.

Негритянка так себе, как Вася выразился, этюдна, а по мне фотографична. Негритянка богато одетая, ничего более, никакого внутреннего содержания.

Парижская кофейня — в ней очень хорошо обдуманы головки женские, каждая со своей задачею: это кокотка высокого полета, средняя даже, пожалуй, и не совсем кокотка; мужчины парижане, то есть решительно ничто дальше шляпы-цилиндра и перчаток, щегольски охватывающих руку. Один читает газеты и совершенно весь — чтение. Газета для него полный интерес жизни, альфа и омега его умственного и нравственного, гражданского, политического и всечеловеческого существования. Вообще содержание картины не то, что бедно, а не картинно. Мысль так запутывается в явлении, что смотрящему представляется одно явле-

ние и останавливает его на себе, ничего не говорит, именно потому, что до мысли, в нем наглухо завернутой, не скоро доберешься. То же самое и в Садко. Не растолкуй мне Вася, мне никогда не понять бы. Тогда как в многострадальном Иове нечего и говорить, тут факт, и, следовательно, мысли не требуется. Есть еще в картине Репина («кофейня») особенность, которой я не заметил бы, но которая есть некоторый tour de force [фокус] художника в исполнении, это именно двойной свет, на переднем плане простой солнечный, на заднем от ламп. Время взято то, когда начинают освещать кофейни, а между тем с бульвара еще светло. Не знаю, верно ли схвачено это последнее освещение, потому что не заметно вечернего свету, всегда довольно капризного.

У Васи Поленова выставлено множество вещей, больших и маленьких, всего до шестидесяти, конечно, более этюдных, даже все их можно было бы в строгом смысле назвать этюдами, а некоторые, впрочем немногие, чуть-чуть не подмалевками. У Васи мысль — второе дело; содержание в красоте, в живописности, в чувстве, всего более в живописности, до сих пор не глубокой, не задевающей чувство зрителя, но нравящейся и большею частью приятной. Его Le droit du Seigneur, баронское право первой ночи, которое он теперь назвал просто: немецкий барон — хорошенькая вещица. Особенно у него везде изучены околичности. Например: в немецком бароне стены замка превосходны; собаки, обнюхивающие стены, так живы с их живым чутьем, что, кажется, слышишь, как они обнюхивают. Три девочки, приведенные на выбор,— так себе. Это одно из самых драматических, уродливых явлений средних веков: барон перед выходом замуж каждой своей вассалки имеет право на первую ночь — право отвратительное, оскорбляющее человеческое чувство. Какая тут должна быть сильная и страшная драма в душе жениха, все это так вдали, что можно предполагать, но уже ничего не видно.

Потом этюды «La Cigale» — Стрекоза, это девочка близ Парижа с гитарой,— все лето пела, так поди же попляши.

Две черногорки, одна в ущелье с пистолетом, очень не дурна, другая просто человек на фоне желтого атласу, как будто бы на золотом фоне.

Мой портрет, который мне теперь менее нравится, чем прежде, кажется, как будто мало добродушия в выражении, оно у меня есть.

Мученица в подземной тюрьме, в дворце Цезарей и в углу тигр, готовый броситься и пожрать ее; наверху, на балконе, император с несколькими римлянами. Фигура жертвы, главного лица картины, мала по размеру картины; тигр так совпадает цветом с цветом стен, что не скоро его отыщешь глазами; римляне — крошечные куколки наверху,— все это, можно сказать, только эскиз и то без натуры.

Одалиска — так себе для богатства костюма.. Талант есть, но много не личной самонадеянности и не личного самодовольства, а самонадеянности и самодовольства времени.

По мне таланту у Репина больше, но мало сравнительно образованности..

Теперь Вася и Репин и многие из их собратий непременно хотят писать в России, непременно ищут содержания картин в русском быту.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Петербург. 12 сентября 1876 г.*

Многоуважаемый Иван Николаевич, благодарю Вас за превосходные угольные рисунки, которые Вы мне прислали; тут они вдвое лучше выглядят, чем в Париже. Вы меня этим выручили из большой неловкости[58].

Понравилась мне Россия больше, чем я воображал, но не понравился Питер! А в Академии какое стоячее болото! Какая всасывающая трясина... Речь как-то зашла о драматизме. Исеев мне говорит, что у них драматизм состоит в интригах одного против другого и другого против одного. Ну, и дай бог им здоровья с таким драматизмом, а меня он мало занимает.

Начал я работать в деревне, сфотографировал мужичка[59] и кое-что другое. Репин одобрил, говорит, что другой человек писал, что парижские вещи в сравнении с этими фотографиями — без натуры писаны. Хотелось бы, чтобы Вы посмотрели; я очень ценю Ваше мнение и дорожу Вашим одобрением. Но, разумеется, это только начало; после того как я разорвал с прошедшим, надо все сызнова начинать, дело трудное, но занимательное, даже завлекательное. Завтра еду в Москву, а оттуда дальше.

Если Васнецов еще в Париже и Вы его увидите, то передайте ему мой дружеский привет,[60] Шиндлеру тоже. До свиданья.

От души преданный Вам. *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

А. П. БОГОЛЮБОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Трепор*]. *16 сентября* [*1876 г.*]

Многоуважаемый и любезнейший друг Василий Дмитриевич! Извините меня, что не ответил Вам на Ваше прощальное слово, полученное мною в Нанте, ибо не знал, куда писать,— в Париж было поздно, Вы уже обозначили свой отъезд,— а в России опять не знаю, где Вы приютились,— у почтенного ли родителя Вашего или на родине в Олонце! Но так как прервать с Вами всякую речь и связь не желаю, то пишу по совету

И. Н. Крамского в Питер на имя Вашего отца, которому прошу от меня усердно поклониться, хотя я с ним и очень мало знаком.

Все это время я работал то в Бретани, то в Нормандии, перекочевывая из Nantes [Нанта] в Parvic [Парвик], оттуда в St. Malo [Сен Мало], в Dinar [Динар], St. Michel [Сен Мишель] и через Париж в St. Valery sur Somme в Tréport [Сен Валери на Сомме в Трепор], где теперь живу домом, пишу бури и куда приехал И. Н. Крамской, деньков на десять ко мне, дабы, наконец, очнуться от офорта и жгучей моей мастерской; где он увидел Вас, Репина и брата моего, снятых просто живыми, но брат мой просто дивен по сходству и исполнению. И[ван] Н[иколаевич] в восторге от рыбацких типов и уже пригласил двух на сеанс. Tréport точно очень интересен, ибо вся жизнь рыбака перед нашими окнами, а бури были иные такие, каких я редко видел. Около пятидесяти этюдов привезу в Париж и засяду за работу с головою свежей оканчивать мои баталии,— картины, конечно, официальные, но не все же можно делать то, что мы хотим,— надо не забывать и la marmitte [котел].

Где Репин и что он делает? Кланяйтесь ему от меня и скажите, что я прошу его, как и Вас, хоть три раза в год, но все-таки сообщать друг другу, что мы делаем и как живем. Ведь это немыслимо после нашей дружной жизни расставаться без всякой другой причины, как только ссылаясь на слововыражение — «что лень обуяла».

Главное, что меня очень интересует, это Ваш успех в Академии; потрудитесь мне сообщить о нем подробно..

От Савицкого я имел весточку, спросите зауряд и про его картину. Крамской 1 октября переезжает к себе в Rue Vaugirard, cité Talma [улица Вожирар, ситэ Тальма] № 8—10. Ковалевский в Veules [Вёле]. Беггров в Венеции, говорит, что очень трудно писать с натуры, ибо мальчишки одолевают, потому все этюды не кончены..

Не забывайте меня и верьте преданности. Вас душевно любящий и уважающий

А. Боголюбов.

Увидите Исеева, поклонитесь от меня.

Третьяковская галерея

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Париж. 5/17 октября 1876 г.

Я не тотчас отвечал Вам на Ваше любезное письмо, Василий Дмитриевич, потому, что около двух недель я находился между небом и землей: Боголюбов переехал в город, а моя мастерская не была еще готова; я нашел себе мастерскую в rue Vaugirard cité Talma № 8 и № 10, в саду,

отдельно совершенно, и только один ко мне ход. Все условия, нужные для моей цели, налицо,— внизу сад в моем распоряжении, и совершенно закрыто со всех сторон, так что могу ставить натуру на воздухе и никто не помешает. Долго я приискивал, наконец, напал на эту, но в том виде, как она была, ее нельзя было оставить, нужно было увеличить, и увеличили. Только теперь все кончено, и я переехал. Со мной теперь дядя Васнецов, который начал здесь одну интересную картину, полагаю, что если он сработает ее, будет картина добрая. Живя в Медоне, он видел там праздник, и его заинтересовал один балаган — «Цирк»[61]; труппа зазывает зрителей, тут и клоун, один из главных персонажей в картине, есть также и публика. Сюжет, положим, не особенно новый, но точка зрения новая и взята интересно: картина в высоту, дело уже при огне, эффекты оригинальные, выражения пропасть, народу немного, но естественно; словом, картина будет добрая. Кланяется он Вам.. Радуюсь, что Россия не произвела на Вас неприятного впечатления, а напротив, и надеюсь, что Вы найдете кое-что действительно интересное для живописи.

Поклонитесь Репину, если знаете, где он, и черкните иногда словечко в rue Vaugirard. Я буду очень рад получить.

Уважающий Вас *И. Крамской.*

Третьяковская галерея.

ГЛАВА VIII. 1876—1877 годы

На фронте в Сербии. Решение Поленова и Репина переселиться в Москву. Первый этюд к картине «Московский дворик».

ДНЕВНИК В. Д. ПОЛЕНОВА

От Киева до Делиграда

24 сентября 1876 г. Сегодня приехал в Белград[1], «Београд» по-«сербски». Не писал ничего в пути, сердился на немцев, их точные указатели весь мой маршрут искалечили. В одном анцейгере одно, в другом — другое, а на деле выходит совсем третье; поэтому я почти на двое суток опоздал. А не худая страна Подольский край — живописно; и в людях есть много особенного..

Красивый край северная Венгрия, населенная русинами. Из Пшемисла (в Галиции) через Кашой и Пешт приходится переваливать через Карпаты. Очень живописные места. По всей линии попадаются славяне:

поляки, русины, иногда хорваты; но жалкую роль они здесь играют. Простоватые, нерасторопные, длинноволосые и оборванные, они покорно повинуются живым и энергическим маджарам. И жаль их и досадно на них,— а все-таки приятно слышать за границей язык, близкий к родному. На одной станции сидят в уголку две девчонки, славянка и маджарка, одна учит другую считать: един, два, три, пять, седьмь, десять. четрнадесять и т. д. Маджарка повторяет и хохочет над такими бессмысленными звуками. Но рядом с мягкими и добродушными славянами в мадьяре есть что-то грубое, даже дикое. Возбуждение против России сильное. Пештские газеты яростно нападают на славян и глумятся над их неудачами. Несмотря на все это, нельзя не отнестись к венграм с завистью, когда посмотришь, в какое короткое время они сумели себя поставить так независимо в международной политике и у себя дома. Ведь теперь они тащат за собою на буксире всю Австрию. Внутри у себя они выработали сельское хозяйство, торговлю, искусства. В искусстве я лучше могу судить, нежели в чем другом,— оно у них, как тоническое, так и образное (наше),— необыкновенно оригинально, самостоятельно и высоко.

Пешт — очень красивый город, сколько своим положением, столько и внутренней отделкой — маленькая Вена, но живописнее ее. Всюду видна энергичная работа, всюду проскальзывает честолюбивое желание во что бы то ни стало завоевать себе политическую роль. В Пеште пересели на огромный венгерский пароход и пошли по Дунаю вниз. Время ясное и теплое. Всю ночь просидел на палубе, глядя на общеславянскую реку, ее холмистые, крутые и однообразные берега, освещенные почти полной луной; вода, как зеркало.. Оригинальны на Дунае водяные мельницы, они целыми партиями стоят на воде почти посреди реки, одна за другой, и представляют из себя плавучие деревни.. Невеселые думы шли на ум, ничего доброго впереди не рисовалось.. На другое утро вышел я на палубу. Дунай мутный, не знаю, кто его назвал «Die schöne blaue Donau» [прекрасный голубой Дунай]. Штраус наименовал так один из своих вальсов. Названье злое, ибо он серый, мутный и неприветливый. В Землине пересаживаются на другой пароход (маленький) и переправляются через Дунай в Белград. Высокое чувство уважения охватило меня в то время, как пароход медленно входил в устье Савы в виду Белграда. Как ни говори, а он первый возымел дерзость подняться не только словом, но и делом на защиту братьев, угнетенных дикой азиатской ордой, в нем впервые раздался голос, зовущий на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданьях, и, может быть, весь этот героизм, все это самоотвержение, все эти жертвы ни к чему, все пропадет и погибнет даром. Сердце сжималось и тяжело становилось на душе..

С Дуная Белград представляет довольно величественный вид. Впереди на горе стоит грозная крепость и придает ему воинственный вид. За крепостью расположен на холмах сам город. Одно мне показалось

странным — это несколько мечетей с минаретами. Их в Белграде, кажется, шесть. Подходя ближе, я удивился, увидав большое здание с флагами, из которых один белый с красным крестом,— значит госпиталь, а другой английский (белой эскадры). Странное дело — мы идем драться за христиан против ислама, а тут мечети. Симпатии англичан на стороне турок, а тут на первом же шагу английский госпиталь. На пристани я по кокарде узнал члена Славянского комитета [2] и обратился к нему. Он меня очень любезно приветствовал и пошел вместе со мной в город; по говору я увидел, что серб. На первый мой вопрос: как идут дела? он отвечал, что прекрасно, лучше ничего не требно. Поднявшись по высокой лестнице в гору, мы очутились в верхнем городе, где меня и поместили в очень скверной гостинице, в комнату, где помещались уже пять добровольцев. Но пока никого из них не было. Я умылся, оделся и отправился к В. Н. Токареву. Трактирщик объясняет мне адрес: «Све право». Я пошел и свернул в первую улочку направо. «Не господине»,— догоняет он меня. «Све право». «Да я и иду направо». «Не, то есть десно, треба све право идети». Оказалось, что «све право»,— значит все прямо. Белград имеет вид русского губернского города средней руки; постройки, впрочем, все каменные. На улицах очень пусто, уныло и праздно; признаков войны никаких, только русские волонтеры изредка попадаются, да в кафанах (кофейнях) шумят, а то Белград и забыл бы, что на границе война. Токарев совсем не ожидал видеть меня перед собой, но встретил очень ласково, покровительственно, родственно. Потребовал, чтобы я у него остановился, что я и сделал. На другой день я не мог продолжать путь, т. к. пароходы ходят через день. Я воспользовался этим, чтобы посетить [....] загородный «конак» (дворец) князя, обращенный в госпиталь. Отстоит он версты четыре от города; дорога идет по возвышенности, с которой видна долина р[еки] Савы, впадающей в Дунай. Направо на холмах город с крепостью, мечетями и церквами, а вдали Землин. Вся дорога усажена тополями; по возвышенностям разбросаны желтеющие кусты и деревья. Въехав в парк, мы остановились под огромным тенистым буком. На деревянной скамейке сидела женщина арабского типа, редкой красоты, в черном платье, с повязкой красного креста на левой руке, и энергически разговаривала с вертлявым господином. Меня познакомили. То была Карцева, жена русского консула, а господин — корреспондент «Московских ведомостей». Она дочь яффского консула и купленной им невольницы. Мне она представилась чистокровной арабской лошадью. Небольшая головка, с резко, но красиво нарисованным профилем, с огромными глубокими черными глазами и как смоль черными волосами; гибкая, стройная, страстная, от нее дышало палящим Востоком.. Она расспрашивала подробности о раненых русских офицерах в деле 16 сентября, еще не привезенных в Белград, и горячо спорила об каких-то распоряжениях, которые не исполняются. На лужайке устроены бараки

для солдат почти с роскошью. Павильон, служивший прежде музыке и прохлаждению во время загородных гуляний, обращен в офицерский госпиталь. Одно я только не понимаю, кто гулял и для кого была прежде музыка и прохлаждения, ибо общество в Белграде состоит исключительно из немецких и еврейских коммерсантов, которые до далеких загородных гуляний не охотники. Очень тяжело раненных теперь не было, их оставляют в более близких к месту действия госпиталях.. Каких-каких только национальностей нету в армии. Славяне всех родов и видов, румыны, итальянцы, немцы, пруссаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы, даже англичане, не знаю, есть ли французы. Возвратясь в Белград, я обежал его. Красиво он расположен в весьма еще примитивном виде. Обедать отправился к Токареву, у него целое общество особ санитарного персонала — врачи, помощники и т. д. Весь обед речь шла об различных случаях практики, которые представлялись в эту войну. Как одному субъекту полчерепа или челюсти отняли, другого почти что пополам разрезали, отыскивая пулю, потом опять сшили, один какой-то с весьма интересной раной должен был непременно умереть и почему-то выздоровел, а другой непременно должен был выздороветь и умер.. Рассказывали про военные действия. Война ведется тут большей частью так: идут сербы и турки друг на друга и «пуцают» (стреляют), пока не страшно, наконец, подойдут на ружейный выстрел, дадут залп и кто куда, воображая, что одни других преследуют. Про штаб Черняева тоже много было говорено всякой всячины, но больше все с худой стороны. Токарев рассказал, как их провожали в России и как встретили турки. В России, как известно, были напутственные молебны чуть ли не на каждой станции, встречали городские и другие чиновники и сановники. Народ восторгался и умилялся, их благословляли и прославляли, проливая горячие слезы сочувствия, и т. д.. Приезжают в Землин; там их пропустили с уважением как отряд Женевского креста. Подходит пароход к Белграду, слышен колокольный звон. «Это нас встречают»,— говорит кто-то, и так думают все; причаливают к пристани, но на ней почти никого нет; какой-то не то чиновник, не то серб да два жандарма с медными бляхами вместо погон. «Где русский консул?»— спрашивает Токарев. Не знают, какой такой консул. «Где экипажи, чтобы отвезти дам в отведенные помещения?» Ни про экипажи, ни про помещения никто ничего не знает. Пришлось посылать за колясками, которых, если не ошибаюсь, в Белграде три, и отыскивать номера в гостиницах. А звон, слышанный с парохода, был звон к вечерне.

На другой день в семь часов утра отходил пароход в Семендрию (Смедерево) и Дубровицы, а оттуда на Парачин и Делиград в армию. В три часа пополуночи получил от Токарева депеши к главнокомандующему...

26-е [*сентября*]. В шесть часов утра был на пароходе. Народу много, утро чудесное, Дунай как зеркало, Белград красуется на горе, на пристани

оживленно. Путешественники самые разнообразные, много русских — два офицера, один раненый, едет в Базиаш, а оттуда в Россию. Три доктора. С двумя из них — Островским и Пратичем — познакомился накануне у Токарева. Островский — начальник Пожаревацкого округа, ловкий разбитной поляк.. очень плохой медик, но чудесный администратор, ведущий свое дело, хотя не вполне чисто, но по-военному и с треском. Пратич, с которым пришлось мне ехать после дороги вместе, представляет из себя добродушного, но глупого серба. Доктор Склифосовский возвращается из Черногории и осматривает русские госпитали в Сербии; рассказывает чудеса храбрости про черногорцев.. Много сербов — усатые и безусые, несколько недурных сербиянок, в городском национальном костюме: ярко-алая феска с маленькой черной кисточкой (мужчины носят темно-кирпичного цвета), обвитой огромной косою черных волос. На торсе надета атласная или суконная турецкая куртка, обшитая серебряным или золотым галуном. У сербских женщин глаза особенно хороши — темные, глубокие, продолговатые. Погода чудная, ни облачка, настроение самое веселое, войны точно будто и нет. Все заняты обыденными своими делами. Сербский берег Дуная — нагорный и красивый, австрийский — плоский. Большинство публики сидит в крытой каюте на палубе, завтракают, пьют ниготинское вино и «цирни ќафе» [черный кофе]. Внизу в каюте сидят серьезные люди, негоцианты, и толкуют по-немецки. В углу спит сестра, пользуясь свободными временами, чтобы выспаться в запас. Остановились в Смедереве. Перед городом на берегу Дуная стоит древняя турецкая крепость о двадцати семи башнях, построенная из римских развалин с мраморными разбитыми барельефами в кладке стен. На берегу стоят кареты красного креста для перевозки раненых. Кареты эти только что получены из Англии.

Из Дубровиц отправились в Пожаревац. Островский оказал мне самый любезный прием и предложил остановиться у него. Показал мне пять своих госпиталей на триста кроватей, разбросанных по городу. Во время обхода познакомил с своим санитарным персоналом: два врача — русский и серб, девять студентов Медико-хирургической академии, три студентки, две сестры-волонтерки и две сербские фельдшерицы. Я только было разговорился с одной из сестер, Некипеловой, как Островский в пять минут ее сплавил зачем-то в Белград. Признаюсь, мне понравилась эта быстрота. Она тайком от семьи прикатила из Одессы на несколько рублей в Сербию, не зная ни единой души, и была поймана и завербована Островским на пароходе, когда она, голодная и потерянная, не знала, что предпринять. Теперь он выхлопотал ей по пятьдесят р[ублей] в месяц жалованья от Славянского комитета. Он очень хвалит ее: «Работает она у меня за троих мужчин, бог ее знает, когда она и спит, все при больных». Другая, Розинг, девушка достаточной семьи, дочь генерала.. приехала на свой счет. До Сербии она ни разу в своей жизни не только не видела раненого, но не

была в больнице, а теперь так навострилась, что заведует целым отделом в одном госпитале. «Энергичный и ловкий работник, хотя и дочь генерала»,— отозвался о ней доктор, ее начальник. Некоторых студентов Островский тоже очень хвалит, но не одобряет сербских врачей. Вчера, напр[имер], понадобился инструмент, которого в госпитале не оказалось. Студент бежит к местному земскому доктору, тот флегматически отказывает, говоря, что испортят ему инструмент. Много новых ощущений испытал я в этот день,— эти палаты с больными, эти перевязанные руки, ноги, головы, некоторые ампутированные. Один особенно мне врезался в память — без руки и с раздробленной ногой, молоденький болгарин. Островский с ним шутит, обещает скорого выздоровления, тот доверчиво, даже с любовью ему улыбается, мне же Островский говорит, что он почти к смерти приговорен. Неприятное и прискорбное впечатление производит дисциплинарный лазарет, где лечат раненых в палец. Их приходится почти 80 процентов на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь предлог уйти из армии. Вечером к чаю собралась к Островскому большая часть санитарного отряда. Он привез из Белграда всем своим подчиненным подарки, т.е. всякие хирургические инструменты и перевязочные принадлежности. С какою алчностью они набросились и разбирали эти невеселые предметы, точно лакомства какие. Позже всех пришел из дальнего лазарета письмоводитель Островского. Он принес известие, что турки обходят Ниготин, а сербы отказываются защищаться. Если так, то в три перехода неприятель может быть в Пожареваце. Что меня поразило, это — что тут, на месте, об движении войск как своих, так и неприятельских гораздо меньше знают, чем у нас в Петербурге, а гибель разнообразнейших и разноречивейших слухов.

27-е [*сентября*]. Рано утром тронулись в путь. Сербские «колы» (повозки) состоят из жердочек и прутьев. Небо все безоблачное, дорога хорошая — шоссе, но жарко и пыльно. Страна благодатная, богатая, цветущая, ленивая. После двухчасовой тряски остановились у водопоя. Белое каменное сооружение с остатками турецкого стиля. Несколько коней пьют воду в колоде. Подальше в тени сидят солдатики. Мы подошли. Они были отпущены на несколько дней в свои «кучи» (дома) и теперь возвращаются опять на границу, т. е. на место действия. Они предлагают нам поесть с ними «добро свинско печенье» (жареная свинина), хлеба и «раки» (водка). Рассказывают про подвиги русских офицеров, что их ранят только в грудь.. «Русские офицеры куда как храбрее и добрее наших. Наши берут с солдата последние десять пар (пять сантимов), а если у кого нет денег, то бьют и не дают ни пить, ни есть, заставляют исполнять самые трудные работы». Действительно, это общий отзыв, что сербские офицеры так же неразвиты и невежественны, как и солдаты, но, имея власть, обращаются очень худо с солдатами и пользуются временем

службы, чтобы нажиться, сколько можно. Далее встретили двух русских офицеров, едущих в Белград в отпуск на несколько дней. Один, из русско-болгарской бригады Медведовского, рассказывал о разгроме их отряда 16 числа, о странном поведении Медведовского, который торжественно дал клятву быть впереди в белой папахе, а во время боя его белой папахи не только впереди, но и назади никто не видел. И он оправдывается будто бы тем, что его ординарец у него снял ее и спрятал к себе под седло, находя, что стоять рядом с белой папахой небезопасно.

В Шабаре мы обедали, кухня непривлекательная в Сербии, начиная с супа и кончая каким-то сладким тестом вместо пирожного — все с перцем, так и дерет горло. Кафана соединяет в себе трактир, постоялый двор и кабак. Одноэтажное здание, белое, как все здания вообще, и с открытой наружной галереей. Внутри галереи расписаны изображением славянских героев; главную роль играет королевич Марко. Живопись не особенно художественная, по стилю конец XVIII века, и королевич Марко изображен в виде герольда Людовика XIV. Внутреннее помещение — большая грязная прегрязная комната с большой печью, в которой постоянно варится «цирни кафе», разукрашена дрянными немецкими хромолитографиями более или менее клубничного содержания. Признаюсь, самостоятельного искусства почти нигде нет, всюду, где только появляется орнамент, лепной или живописный, все это либо турецкое, либо немецкое.

На дороге встретили огромный караван беженцев (беглецов) из-под Зайчара — болгар и сербских валахов. «Кол» триста тянулись тихо на волах одна за другой, домашняя утварь, кукуруза, ребятишки, стада баранов. Любопытно, что женщины, начиная с маленьких девочек пятишести лет и кончая старухами, все идут с прялкой и веретеном и прядут. Валахско-болгарский женский костюм необыкновенно красив: белая шитая рубаха, белый или цветной платок на голове, на груди, в ушах и голове украшения — монисты из серебряных турецких монет, на руках золотые и серебряные браслеты, на иной серебра и золота дукатов на пятьдесят. У башибузуков чутье неплохое, что они отправились донжуанничать и разбойничать в Болгарию, во-первых, болгарские женщины необыкновенно красивы, а во-вторых, есть что и взять у них. Белая рубаха до щиколоток, спереди передник, либо поперечно-полосатый, либо вышитый персидско-славянским узором, чрезвычайно характерным и живописным. Эта часть костюма, как мне объяснил мой спутник, составляет отличительный признак женщины от девушки. Сзади длинная густая темно-синяя бахрома, покрывающая заднюю часть рубахи, болтающаяся, как хвост у лошади. Оно придает движению что-то плавное и правильное. Вообще женские костюмы в Сербии красивы и притом чуть ли не в каждом уезде различны. У мужчин, шедших при караване (их было меньше, чем женщин), были надеты бараньи шапки в виде мухомора, в белых куртках

и белых штанах, непридержанных в штиблеты, как у других славян полуострова. Почти все были одеты хорошо, а многие даже богато, они бежали не после разгрома, а от него. На одной из станций разговорился я с одним сербом (все немного образованные сербы говорят на общеславянском языке, т. е. немецком, и вообще этот язык оказывал мне много добрых услуг во время путешествия). Серб этот оказался школьным учителем. Пока перепрягали лошадей, я пошел посмотреть школу — довольно чистая большая комната с немецкими картами. Учится в ней человек семьдесят, теперь, разумеется, она пустует. Надо заметить, что почти все сербы грамотны, что, впрочем, не мешает им быть еще в очень первобытном и тупом состоянии.

Учитель свел меня и на свою половину, привел жену и дочь, которая подошла и приложилась мне к руке, хотя ей уже лет осьмнадцать, но таков древний обычай гостеприимства. Угостил меня собственного изделия вином, молодым и очень невкусным, и дал на дорогу грушу, жесткую, как дерево, но все это с сияющим радушием на лице.

Ночь лунная, по дороге обозы и таборы «бегунцов» расположились ночевать,— всюду костры из кукурузы,— красиво. Рано поутру собрались мы в Чуприю.. В Чуприи начинаешь чувствовать близость войны: запасные батареи, оружейные кузницы, по дороге на возвышенностях появляются укрепления и шанцы. Партии солдат тянутся к Делиграду. Приехали в Парачин. Парачин — это летняя резиденция короля и пребывание штаба.. На большой площади стоит огромное неоконченное сооружение — собор и конак (дворец) князя. Одноэтажное белое здание с галереей, отличающееся от двух подобных ему гауптвахтой спереди и трехцветным флагом. Против дворца речка — приток Моравы и мост через нее. В ней купаются ребятишки, лошади, телята. На площади свиньи, «колы» с волами, солдаты варят что-то в котлах. В трактире, где я остановился, ужинали на дворе, усаженном деревьями и освещенном фонарями. Сербские офицеры из штаба, живущие во дворце, пришли ужинать и все время пели народные песни и гимны на немецкий манер, стройно и хорошо (собственно народное сербское пение неважно — сипло, дико и фальшиво). Потом пришел оркестр скрипачей-цыган. Удивительно музыкальный склад у этих людей, точно будто все импровизируют, а выходит ладно и стройно. В противоположной кафане тоже шло пение, но нескладное,— пели русские добровольцы.. В Парачине я расстался с моим спутником-врачом.. Чем ближе к театру, тем больше обозов и таборов всякого рода, всяких людей,— дорога заставлена почти сплошь. В Рожанах, шесть верст от Делиграда, остановились выпить вина. Освежившись, отправились дальше, стало светлее, луна взошла. Перевалив через первую гору, услышали глухие, мерные выстрелы орудий. Дорога так заставлена, что нигде проехать нельзя, пришлось остановиться, свернули в сторону, завернулись, как могли, и крепко заснули, хорошо, что

ночи не холодные. Утром рано приехали в Делиград. Я отправился в штаб. Главнокомандующий еще не принимал..

В девять часов дежурный ординарец доложил. Я был принят Черняевым и передал ему поручения. Он произвел на меня противоположное впечатление первому, очень некрасив, но необыкновенно симпатичен. Что-то внимательное и доброе светится в его глазах. Вас охватывает какая-то теплота и безотчетное доверие к этому человеку, вы для него готовы идти в огонь и воду. Он взял у меня депеши и письма и пригласил к себе обедать. Я поблагодарил и пошел в офицерские бараки штаба; все в веселом настроении — вчерашняя стычка была удачна, т. е. нивчью. Идет болтовня о разном вздоре, о войне, между прочим. Все ждут перемирия, а потом и мира; неудачная война всем надоела, а пальба из орудий время от времени все идет да идет, на нее внимания не обращают. Штабные офицеры чистенькие, нарядные, и сербский походный мундир выглядит на них очень элегантно. Боевые офицеры, приезжающие с позиций, наоборот, загорелые, почернелые, обносившиеся. В час я отправился в штаб к обеду.. Вечером был позван главнокомандующим к себе и пробыл у него более часа. Редко приходилось мне встречать такого симпатичного человека, как Михаил Григорьевич Черняев. Ни фатовства, ни позировки, а, напротив,— необыкновенная простота и скромность во всех словах, приемах и действиях. При этом глубокая преданность идее, которая сообщалась и вам, совершенно вас побеждала и заставляла чуть что не боготворить его. К сожалению, мне показалось, что он начинал уже сильно сомневаться в возможности привести свои желания к счастливому окончанию. Он рассказал мне историю своего прибытия в Сербию. Когда третье отделение узнало о его намерении отправиться помочь восставшим славянам, его призвали и запретили ему ехать в Боснию или Герцеговину, куда он и намеревался сначала ехать, вследствие чего он очутился в Сербии, а между тем дали знать на таможни, чтобы такого-то Черняева не пропускать. Поэтому из Кишинева он пробрался через границу из деревушки, в которую телеграф не проведен. «Сильно ошиблись мы все в сербах, и отчего такая перемена, объяснить даже трудно, народ, который так геройски боролся за свою независимость несколько десятков лет тому назад, стал теперь совершенно к этому неспособен. Сербы — народ чрезвычайно покорный и мягкий (это, впрочем, общеславянское качество), но тупой и почему-то трусливый не в меру».. Я его стал расспрашивать о военных действиях. «Несмотря на наши поражения, мне кажется, что мы одержали пассивную победу. Турки дальше не идут. Благодаря ли бездарности пруссака Османа-паши или просто трусости турок, но мы с нашими слабыми средствами, с армией, в которой половина людей взята прямо от сохи и вооружена чуть не дубинками, удерживаем неприятеля в три или четыре раза сильнейшего нас. Не будь на их стороне Англии, мы, может быть, теперь не тут бы были. Вот это ружье

(американское магазинное) дает восемнадцать выстрелов, не заряжая, и этим вооружены черкесы и башибузуки». Подробно расспрашивал меня о России, о настроении общества и правительства, есть ли надежда получить от первого помощи? «Стыдно и нерасчетливо нашему правительству держать себя в таком официально холодном отношении к горячему движению, охватившему всю Россию».. Я вышел от него совершенно им обвороженный, мне припомнился Кутузов в «Войне и мире».

На другой день я явился к Дохтурову, новому начальнику штаба.. Он показал и рассказал, что мне нужно делать, обещал дать лошадь и двух ординарцев, поручил своему помощнику все это исполнить. Ничего этого, разумеется, не исполнилось, т. к. там вообще мало, что исполнялось, всякий действовал больше по вдохновению, но, несмотря на это, и за доброе намерение спасибо.

1 октября. Поутру идет канонада, впрочем небольшая, так — от скуки. На нее мало обращают внимания. Днем бродил по окрестностям Делиграда в тылу армии. Что за живописная путаница, какого только народу там нет, но прекрасный пол почти отсутствует.

За ужином послышались сначала редкие выстрелы из орудий, которые постепенно учащались. Все переглянулись. Через несколько минут вошел дежурный ординарец и подал главнокомандующему депешу. Прочтя ее, он сказал что-то начальнику штаба, который вскочил и выбежал. Канонада все усиливалась. Минут через пять взошел начальник штаба, вернулся с донесением. Черняев встал и вышел, а за ним бросились все. Турки почему-то открыли огонь из орудия почти по всей линии. Вечером оно представляет довольно красивое зрелище: блеснет молния, через несколько минут глухой раскат, а потом более слабый удар,— это разрыв снаряда.

Поскакали ординарцы в разные стороны. Мы взобрались на пригорок, чтобы лучше видеть спектакль, толки, догадки, объяснения. Оказалось, что в Бабавиште заметили наших охотников, отправившихся на рекогносцировку, и открыли пальбу. Наша батарея ответила, и пошло писать. Через час пальба затихла. Не успели успокоиться от тревоги, как показалось пламя, послышались крики: «Пожар!» Действительно, в середине штаба загорелся шалаш. Шалаши и бараки штаба были сделаны из досок, соломы и камыша, поэтому занялось, как порох. Опять суматоха, команда, крик, ржание лошадей, пальба патронов, которых находилось множество в каждом шалаше, и наконец разрыв турецкой гранаты, поднятой на поле и оставленной неразряженной. К счастью, ветер, который был довольно силен при закате, теперь стих, и понемногу огнем овладели. В нашем шалаше помещалось четверо, пришлось поместить еще пятерых и погорельцев. Вышло немного тесновато, зато весело. Рассказы продолжались чуть не до самого утра. Кто утверждал, что подожгли турецкие шпионы, зная, что в Делиград привезен динамит. А по

другим и, кажется, более достоверным сведениям пожар начался с барака Хлудова, который специально занимается питием.

2 октября. Надоело мне слоняться в Делиграде. Жду все распоряжений. Кончу тем, что сам распоряжусь по примеру других. Предложили мне поехать на ближайшую позицию, я принял с удовольствием; достали коней и отправились. День чудный, безоблачный, жаркий, как у нас в июне. Спускаемся в долину, в лесу расположены войска и передовая цепь. Солдатики у костров варят себе обед, всюду оживленный говор, но подвод, «кол», и всякого нагромождения, как за Делиградом, тут уже нет. Стоит рота в строю и обучается отражению кавалерийской атаки. Кое-где слышен русский говор. Русские офицеры подходят с расспросами, нет ли чего новенького. Турок уже не видать, хотя мы теперь очень близко от них. Поехали на батарею, но нас туда не пускают, требуют.. письменное разрешение, а мы[им] не запаслись.. Вернулись домой, но прозевали обед, пошли в кафану, но там тоже остатки. Пришлось удовольствоваться «паприкоша», похлебка из капусты и перцу,— любимое кушанье сербов, остаточками жареного поросенка под названием «свинско печенье».

3 октября. Сегодня совершенно неожиданно встретил Дубровского. Очень друг другу обрадовались, зовет с собою на позицию к Андрееву в село Вукань, на крайний правый фланг. Я очень доволен этим предложением, ибо, в конце концов, жить при штабе, когда приехал узнать, что такое есть война,— скучновато. Пошел к начальнику штаба отпроситься на позицию, Дохтуров согласился и даже нашел, что это прекрасно и даже это лучшее, что я могу сделать. Ну, и прекрасно, постараемся сделать лучшее, что можно. Я приготовился. Надо было выехать в двенадцать, но кола прибыла только в три часа. Кое-как поместились, не то лежа, не то сидя, и тронулись. Кола узкая, полузакрытая, лошади измученные, еле-еле потащили..

4 октября. Рано поутру поднялись и отправились в путь. Чем дальше от Шелиговаца, тем все становится безлюднее, шалаши и солдатики попадаются все реже и реже, а местность становится все красивее и красивее. «Если бы турки не были такие трусы, они давным-давно могли бы нас отрезать и перерезать, мы ведь совсем отделены от армии». Ну, думаю, это не входило в программу моего путешествия.. Наконец, после нескольких все увеличивающихся подъемов подъехали к оврагу, спустились в него, остановились перед небольшим домиком. «Вот мы и в Вукане. Пойдемте, я представлю вас начальнику». Вукань состоит из нескольких мазанок, разбросанных по тропинке и окруженных фруктовыми садами. У одной из мазанок небольшая площадка, на ней стоит сербский трехцветный флаг. Эта мазанка есть главная квартира полковника Андреева, начальника летучего передового отряда, состоящего из эскадрона драгун (имени генерала Черняева), батареи из двух горных орудий, двух чет черногорцев

и четы сербов, всего вместе людей до четырехсот. На склоне оврага стоят коновязи и солдатские шалаши. Под навесом устроен стол и лавки, сидят несколько офицеров. С некоторыми.. я и раньше был знаком, Ждут обеда и рассуждают о том, чем сегодня угостят их.. Дубровский был послан в Делиград с донесением о последней экспедиции, очень удачной, и привез некоторым офицерам медали, а Андрееву Тàковск[ий] крест[3]. Пошли расспросы о России, о положении дел и т. д. Вообще я заметил, что на позициях очень мало знают, что происходит вокруг. Поэтому новому человеку на позиции очень рады, все-таки развлечение. Андреев и его сподвижники устроились в Вукане очень уютно и хозяйственно. Позиция превратилась в русское поместьице. Избушка с двумя комнатами, первая — большая, курная, собственно комната офицеров, и вторая — маленькая, где помещался начальник с адъютантом. Обзавелись хозяйством, взяли у турок в плен несколько людей, гусей и баранов, которые оказывали много пользы. Здесь мирно, спокойно, ни хлопотни, ни суеты, ни интриг, как в Делиграде. Находится Вукань на юго-восточном склоне Ястребатского хребта и составляет крайнюю позицию правого фланга. Отсюда Андреев спускается в долину Сербской Моравы, делает неприятности туркам в виде жжения деревень, отнятия обозов и взрывания мостов и исчезает в горы..

После обеда Андреев предложил мне ехать с поручиком Ведринским в разъезд на аванпосты. Надо было передать медаль одному офицеру, находящемуся там, и посмотреть на неприятельское расположение. Чудесные картины, дорога вела сначала по берегу горного потока, потом взошла в старый буковый лес оригинального колорита, толстые стволы деревьев были пепельно-седого цвета, а земля была устлана темно-красным обвалившимся листом. Перевалив через гору и проехав сербскую границу, которая идет по самой вершине Ястребаца и отделяет Сербию от Турции низеньким каменным забором, перед нами открылся обширный вид долины Сербской Моравы, по ней рассыпаны беленькие полуразрушенные деревни, одна дымилась, одна была подожжена накануне нашим эскадроном, и вдали у подошвы двуглавой горы [....] белой точкой виднелся Ниш[4]. Исполнив поручение, мы миновали передовые посты и спустились в долину. Турок нигде не было, но следы их остались. Проезжая по разрушенной деревне, мы увидели несколько сербских голов на кольях, между ними была одна женская. Когда мы взобрались опять на гору, было уже темно, пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Сделав заворот, мы увидели весь турецкий лагерь, как на ладони, он ярко пылал кострами, в середине находился правильный освещенный четырехугольник, вероятно, главная квартира. Доносились звуки военной музыки[5].

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Чугуев, 26 октября [18]76 г.

Вчера получил письмо от Поленова из Крушеваца от 10-го еще октября! Он пристроился к летучему отряду полковника Андреева, который составляет крайнюю позицию правого фланга Моравско-Тимокской армии. Какие бедствия, пишет! Боюсь, что его нет в живых уже.

И. Е. Репин. «Письма».

И. Е. РЕПИН — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Чугуев, 26 октября 1876 г.

Милостивая государыня Елена Дмитриевна! Вчера я получил письмо от Василия Дмитриевича. Обрадовался, конечно, но прочитал и струсил. Он находился тогда в Крушеваце и намерен был «*отпроситься в Белград, отдохнуть*». Письмо писано 10-го октября. Вам он, вероятно, писал уже после этого, я послал ему вчера в Белград, советовал ворочаться домой, право, там ведь уж очень плохо. Не найдете ли Вы нужным вернуть его поскорей домой; если Вашего влияния недостаточно, то употребите родительские и всякие всевозможные меры, чтобы вернуть его. Мои опасения сбылись, он человек храбрый и забрался в очень опасный пункт, долго ли до греха.

Извините, что я пишу Вам, но я боюсь, что он не писал Вам правды, или, по крайней мере, возьмите с него честное слово не ходить в опасные пункты. Еще раз простите.

Вера Вам очень кланяется. Мы поселились на зиму в Чугуеве, Харьковской губ[ернии].

Я не смею утруждать Вас просьбой сообщить мне, где теперь Василий Дмитриевич, но если Вы будете столь великодушны, то попадете во святые.

Ваш покорнейший слуга *И. Репин.*

Третьяковская галерея.

Д. В. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

* *Петербург, 12 ноября 1876 г.*

..Вчера вечером от Васи привез нам письмо молодой Гирс, который приехал из Белграда. Вася пишет, что здоров, что много интересной

работы у него, которую не успел кончить, и что надеется около 12-го ноября, т. е. сегодня, быть уже в Петербурге у нас. Но пришлет из Варшавы телеграмму. Еще оной нет..

** Петербург, 22 ноября 1876 г.*

..От Васи мы получили два письма с места, т. е. из Београда (по-сербски). В каждом из них он пишет, что не кончил еще своих работ и об отъезде своем будет телеграфировать из Варшавы, и это телеграфирование он обещает уж третий раз. К нам уже являлись некоторые добровольцы, которые свели с ним там знакомство. Но его самого все еще нет. Только вчера, в воскресенье, приносят нам телеграмму, в которой значится: «Пришлите карету завтра, понедельник восемь вечера Варшавскую дорогу — Доброволец эскадрона Тернска Поленов». Шут! Карету послали, и в урочное время доброволец в походной форме, украшенной знаками отличия[6], явился к нам здрав и невредим, но много навирает. Он объявил нам, что завтра же едет в Москву, поэтому и письмо это повезет к тебе..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

** Москва. 24 ноября 1876 г.*

.. Приехал Вася Поленов с крестом и с медалью за храбрость. Он просто служил добровольцем, то есть был в отряде полковника Андреева.. Черняев — добрый, благородный, храбрый, бесхарактерный, бестолковый и сам совершенно мальчик. Ну есть ли, например, такт при торжественных случаях за обедом пить шампанское, когда все голодают и многие ходят без сапог. Есть ли такт иметь около себя пять-шесть телохранителей в национальной одежде: боснийцев, герцеговинцев, сербов, черногорцев и старосербов. Все это в платье, шитом золотом, и теперь, когда он поехал в Вену, они поехали с ним в таком маскарадном платье. Это уж просто-напросто ребячество..

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Чугуев, 8 декабря [18]76 г.

Поздравляю тебя, дорогой мой Василий Дмитриевич, от всей души!!!

Вот, когда ты уже герой в полном смысле и во всех отношениях!!![7]. Теперь, брат, тебе остается только *жениться!*

Да, я говорю совершенно серьезно — теперь или... уж никогда... Я вполне разделяю и сочувствую твоему настоящему счастью! Теперь ты на высоте благ земных!

Я тоже очень счастливо живу здесь: жизнь вышла такая интересная, что я и не воображал! Очень много интересного прошло через меня за это время; и оно, как всякое интересное время, кажется гораздо больше, чем его было в действительности.

Приезжай, приезжай к нам, к мужикам! За чистоплотность не отвечаю (ну, да ведь ты теперь как истинный герой видал виды), но глаза твои будут очарованы, за это ручаюсь.

Я думаю, только в Испании найдется что-нибудь под стать Чугуеву! И как он колоритен, оригинален! Одно слово — Испания!

Желал бы видеть тебя теперь украшенного орденом и в сербском (??) наряде!

Пожалуйста, не пиши на конверте «господину академику»; а знаешь ли, чугуевцы прежде меня прочли об этом в газетах и поздравляли меня[8]. Некоторые думают, что я только теперь принят в Академию учиться.

Брат писал, что профессора не хотели мне дать «академика»; только тебе и Ковалевскому, меня считали недостойным. Обидели бы навеки!!!

Я читал рецензии в «Русском мире», в «Петерб[ургских] вед[омостях], в «Новом времени» и в «Пчеле»[9]. Но знаешь ли, я и этого не ждал, я был готов к гораздо худшему! В «Русском мире» автор статьи даже, как видно, никогда былины «Садко» не читал, в картине все морскую царевну искал и вообрази — нашел! Но я его обожаю за тебя! А Адриан-то! Читал «Пчелу»? Я с ним не в переписке, и он мне не присылает «Пчелы» (здесь ее один юнкер получает). Я думаю, что все это он делает на зло Стасову.. Получил ли ты письмо мое в Белград?

Вера очень кланяется тебе и сестре. Верунька, Надюшка вспоминают тебя; по-французски они теперь ни слова.

Кланяйся Алене Дмитриевне и поблагодари ее за письмо.. У меня начато три картины, но серьезно пока я занят одной[10], впрочем, работаю редко..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. В. СТАСОВУ

[*Петербург*] *19 декабря 1876 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич! С нетерпением ждал я обещанной Вами статьи, очень мне хотелось знать Ваше о себе мнение. Может быть, Вы отложили об ней попечение и не будете писать? Во всяком слу-

чае, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: если у Вас найдется лишняя минута, которую Вам будет не жаль мне подарить, то будьте добры, напишите мне несколько слов о моих работах. Вы доставите мне этим настоящее удовольствие и пользу, и чем откровеннее, тем лучше. Хотя я с Вами во многом не схожусь, но ценю Ваше мнение и суждение больше, чем всех наших критиков и ценителей вместе взятых. И чем прямее будут Ваши слова, тем с большей благодарностью я их приму. От Репина получил вчера письмо, он очень доволен своим Чугуевым, говорит, что хорош и колоритен, как Испания. Я оттого не иду к Вам и не спрашивал тогда Вашего о себе мнения, потому что на словах не так удобно высказываться, как письменно, поэтому прошу Вас этого как большого одолжения.

Искренне преданный Вам *В. Поленов.*

Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Петербург. 24 декабря 1876 г.*

Многоуважаемая Елисавета Григорьевна.

Послал я Вашим молодцам на елку малороссийскую калядку, написанную паломником, объяснение написано моим зятем Хрущовым, а картинка нарисована сестрой, поэтому я ее и дарю моим друзьям, хотя сам тут непричастен. Сильно стремлюсь к вам в Москву, вероятно, в ней будет сподручнее работать, чем в Питере, где ни минутки нельзя иметь свободной, чтобы сосредоточиться, то тот, то другой. Но на это мне могут сказать, отчего же ты не едешь в Москву, если там так хорошо? Ответить придется на это, что и рад бы в рай, да грехи не пускают. Видно, много их у меня накопилось. Но все-таки я не теряю надежды и строю планы, как я устрою себе в Москве мастерскую и начну работать там в удовольствие другим и на радость себе. Пока в ожидании такого приятного времени я рисую для господина Прахова мое путешествие в его журнал, хотя с весьма малым удовольствием, ибо направление и весь дух этого господина мне сильно антипатичен. Но что же делать, коли масляные дела идут в дефицит, надо испробовать карандашное дело, может оно даст два-три лишних гроша. Вследствие этого сижу в Питере в ожидании праздника на своей улице. Может быть, он и придет?

Вам желаю веселых праздников и счастливого Нового года, а сам остаюсь от души преданный Вам *В. Поленов.*

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 3 января [18]77 г.

Ну-с, Василий Дмитриевич, пеняйте на одного себя, если так долго не получали от меня никакого ответа. Вы оказались настоящим российским джентльменом, как следует, — не пишете своего адреса в письмах, и, кажется, воображаете, что я святым духом отгадаю, где именно Вы живете! Уже, наконец, только любезный Элиасик Гинцбург вызвался разузнать, пошел и в самом деле пронюхал, уж я и не знаю — где, настоящее место Вашего жительства. Так-то лишь благодаря ему, я имею возможность написать Вам сегодня. Кайтесь и убивайтесь!!!

Вы хотите знать мое настоящее мнение о выставленных Вами вещах: сто раз благодарю Вас за честь и одолжение и готов исполнить Ваше желание, только мне пришлось бы писать целую статью и, признаться, — сказать, у меня так вначале и было назначено, т. е. напечатать о Вас зараз с Репиным, но план мой изменился совершенно невольно, решительно против моего намерения. Я вынужден был *обстоятельствами* написать свою статью о Репине совершенно в иной форме, чем сначала думал. И при этой оказии пришлось не упомянуть ни о Вас, ни о каком другом художнике. Впрочем, очень легко может быть, что случай все-таки еще раз представится: я слышал, что как-то весной будут снова выставлять в Академии работы всех пенсионеров, а если нет, то оказия будет, когда придет сюда картина Семирадского[11]. Итак, в ожидании всего этого, я скажу Вам несколько слов, но все-таки всю свою мысль, со всею *грубостью и откровенностью*, какими высказал точно так же всю свою мысль Репину, Антокольскому и многим другим. Вот что я думаю про Вас. Мне кажется, во-первых, что в Вашем таланте *две* главных струны — колоритность и грация, — и эти две симпатичные стороны поразили меня еще в первой Вашей работе, мною виденной: «Дочери Иаировой». В этой программе я не видел ровно ничего исторического, никакого выражения глубокого чувства, не было и тени чего-то, что вводило бы нас в комнату, где сию только минуту смерть царила. Сверх того даже была немного неприятная комбинация линий: руки Иисуса Христа были размахнуты наподобие крыльев ветряной мельницы или прежних телеграфных знаков, — но, несмотря на все это, в картине царствовала пропасть прелестной грации и миловидности, а краски ласкали глаз. После Вашего возвращения из-за границы, я нахожу что Ваша натура ничуть не изменилась, и за Вами остались прежние недостатки и прежние прекрасные качества. Сочинения, создания, характеристики типов — по-прежнему мало или вовсе нет, но зато грации и красок — много! Знаете ли, однако, что на меня всего более произвело впечатление из всей Вашей выставки? Это — нормандский берег с белой нормандской лошадью посреди холста. Мне кажется, тогдашний день, тогдашнее солнце, тогдашняя вся сцена, сильно поразили Вас,

царапнули Вас до глубины души, — и от этого-то выразилось тут так много поэзии, правды, красивости и искренности. Нет, этакую картинку с пропастью солнца и воздуха, с такими рельефными камушками и песком, с таким чудесным переливом зелено-голубых волночек, умирающих и заливающихся в песок, — я вечно хотел бы видеть у себя перед глазами. Потом очень грациозна и мила Ваша «Стрекоза», написана она очень сочно и свежо, — красивая элегантная вещица. Но тут нет никакой Вашей индивидуальности, а что и того хуже, нет ничего русского, а просто-напросто какой-то ловкий и элегантный француз. Тоже французисты, не индивидуальны, но изящны, красивы и элегантны портреты с разных французских и ориентальных натурщиц. Лучшее из ваших *сочинений* и прежнего и нового времени — «Le droit du Seigneur» [«Право господина»]. Тут многое подумано, сильнее и серьезнее всего остального, всего лучше создан тип самого сеньора. Вся внешняя обстановка местности, двора etc. [и т. д.] соображены прекрасно, но у того же сеньора нет ровно никакого выражения. Старик совершенно ничтожен и как тип, и как выражение, а три девочки или новобрачные (я уже и не знаю, что именно?) — все три почему-то на одну и ту же колодку, все одна и та же физиономия, костюм, характер (или точнее бесхарактерность). «Герцеговинка» — ровно ничего не стоит, особенно потому, что даже не разберешь: мальчик это или женщина? «Христианка, брошенная льву»[12] тоже очень ничтожна, и даже условна, а лев лежит где-то в углу, словно тряпка, и даже сначала не отличить его от камней. Тарелка с «русским бояриной» ловко и вкусно написана, но этот боярин слишком офранцужен, лошадь тоже не русская. Иные из ландшафтиков очень милы. В общем итоге, во всяком случае, много элегантного и изящного письма, чего-то очень приятного и грациозного. После всего этого угодно Вам выслушать мое мнение о том, что я полагаю Вам *полезно* и что *вредно*:

1) Вам больше всего надо теперь искать *самого себя* и собственной своей индивидуальности. Вы ее и до сих пор еще не отыскали, ни на чем не остановились и слишком бесхарактерно болтались и вправо и влево, прилепляясь то к тому, то к другому.

2) Вам надо *влюбляться* в ваши сюжеты, всей душой и всем помышлением; только тогда и выходят истинно талантливые вещи. А то до сих пор вы были слишком индифферентны к тому, что писали: оттого выходило мило, элегантно —и только.

3) Вы собираетесь поселиться в Москве, это не что иное, как несчастное подражание Репину, это (по словам Лермонтова) «пленной мысли раздраженье!», а между тем Москва Вам ровно ни на что не нужна, точь-в-точь как и вся вообще Россия. У Вас склад души ничуть не русский, не только не *исторический*, но даже и не *этнографический*. Мне кажется, что Вам бы всего лучше жить постоянно в Париже или Германии. Разве что только вдруг с Вами совершится какой-то неожиданный переворот,

откроются какие-то неведомые доселе коробочки и польются неизвестные сокровища и новости. Конечно, я не пророк!

4) Кончу тем, чем начал: отыщите, допросите самого себя, Вас все еще нет достаточно налицо!

А впрочем, все это личное мое мнение, и больше ничего. Может быть, все это правда *для одного меня и ни для кого другого*. И если я Вас не раздосадовал слишком и Вы остаетесь sans rancune [без дурного чувства], заходите ко мне в библиотеку: потолкуем, в том числе и о том, как Тургенев прописал меня в новом своем романе «Новь» на стран[ицах] пятнадцатой-шестнадцатой под именем критика Скоропихина, порицающего молодых художников и огулом ругающего все старое в искусстве (!!?!!). До свиданья.

Ваш *В. С.*

P. S. Кстати: мне только что жалок и карикатурен Прахов, объявивший Вас женским сенсуалистом[13]).

Публичн[ая] б[иблиоте]-ка. 13 января [18]77 г.

Скажите, пожалуйста, Василий Дмитриевич, получили Вы или нет мое письмо, несколько дней тому назад написанное в ответ на Ваше желание получить мое мнение о Ваших картинах. Вы мне ничего не пишете и сами не показываетесь, — и я крепко боюсь, что мое письмо пропало. Не может же быть, что бы Вы получить-то его получили, но не говорите ни слова, «*рассердившись на меня*»? Правда ведь, этого не может быть?

Ваш *В. С.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. В. СТАСОВУ

[Петербург] 14 января [18]77 г.

Что Вы, Владимир Васильевич, не только я не рассердился на Ваше письмо, а напротив того, большое Вам спасибо за такое прямое отношение ко мне и к делу. Я нахожу, что Вы совершенно правы, говоря, что мне надо углубиться в самого себя, отыскать свою индивидуальность, что до сих пор я слишком бесхарактерно болтался вправо и влево, прицепляясь то к тому, то к другому. Все это как нельзя вернее; но почему мне не следует оставаться в России, почему она ровно ни на что не нужна, этого я не понимаю и совершенно не согласен. Что я, живя за границей, в Париже,

увлекался произведениями французских художников и волей, с одной стороны, а с другой — неволей им подражал, еще не значит, что я для России никуда негоден. Положим, что моя натура не типично русская, но из этого не следует, чтобы я был бы французом или немцем. Что я до сих пор ничего русского не дал России, происходит от обстоятельств, то есть гимназии и университета, не давших мне время работать то, что было моим. Получив медаль и отправившись за границу, я действительно растерялся: такое множество разнообразных и новых впечатлений и увлечений сильно сбили меня с толку, не дали сложиться определенному индивидуальному направлению, и, болтаясь, как бумажка на ниточке, то в одну, то в другую сторону, я цеплялся то за один, то за другой предмет. Если во Франции со мной произошло офранцужение, то почему же в России не произойдет обрусение?.. Кто знает, быть может, я теперь стану на более прямой и твердый путь?.. О своих симпатиях, убеждениях, направлении говорить, конечно, нечего, пустая трата времени, надо все это показать на деле; удастся мне это — хорошо, а не удастся — значит, не хватило. А какую Вы *неудачную критику* об Репине написали, мне просто обидно за Вас. Положим, что и справедливо, да уже больно *скучно*, *длинно*, *тяжело*, *мало талантливо и не остроумно*. Конечно, вреда большого Репину, как многие думают, от этого не произойдет, но и пользы мало!.. Простите за откровенность, не мог не высказать своего впечатления[14].

Не заходил к Вам до сих пор, ибо очень занят срочной работой. Как только немного освобожусь, забегу.

Искренно уважающий Вас *В. Поленов*.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В. В. СТАСОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *14 января* [*18*]*77 г.*

Василий Дмитриевич, я очень рад был получить сейчас Ваше письмо,— наконец-то! Я из него узнал, что Вы и в Москву еще не уезжали (значит, письмо мое не пропало), тоже и не сердитесь на меня (значит, я не понапрасну писал его). Но теперь я спешу снова сказать Вам пару слов в дополнение к тому, что уже говорил Вам в письме. Я никогда не посмею настаивать на том, чтобы такой-то художник поселился навеки за границей, а другой исключительно жил бы в России: во-первых, я не пророк, чтобы отгадывать в молодом человеке, в какую именно сторону пойдет впоследствии его талант, а во-вторых, страшно всегда боюсь и давать и принимать советы, а все-таки скажу вот что: на моих глазах еще со вре-

мен Белинского, немало примеров было того, как талантливый художник слабел и даже вовсе пропадал оттого, что старался насильно примкнуть к роду, ему вовсе не свойственному. Вот этого-то я и боялся, когда говорил Вам, что, по-моему, Россия Вам сделает только вред. До сих пор Вами не было высказано ни одной национально русской черты; я и говорил себе, что, по моему разумению, ничего не может быть для Вас хуже, как прилепиться к Москве (немножко с чужого голоса)и к исключительно национальной нашей школе. Не знаю, любите ли Вы и понимаете ли музыку, имеете ли симпатии к новой нашей музыкальноей школе. Если да, то Вам должен быть известен Даргомыжский и история его произведений. У него также не было никакого расположения, ни способности к выражению чего-нибудь «русского». Но по привычке и по взятой складке он все хотел сочинять архирусские вещи à la Glinka [в духе Глинки] (который вдобавок был ему приятель и товарищ почти с юношеских лет). Но ничего из этого никогда не вышло, пока он не почувствовал и не отыскал самого себя, и тогда круто порвал с непригодной ему национальной школой, но зато тотчас же создал вещи глубоко самобытные. Я ничуть не думаю Вас сравнивать с Даргомыжским, но, по моему разумению, то, что я сейчас рассказал, это всегдашний ход дела.

Вы мне можете еще возразить, что Дарг[омыжский], хотя и не имел ничего национального, но все-таки весь век прожил в Росии, и только здесь создал все свои *не русские* вещи. Я отвечу, что это истинная правда, и всякий сообразит сам, что ему делать и где ему быть. Но я забросил словцо о чужих краях (может быть и не совсем кстати) только потому, что мне хотелось явственнее выразить мою мысль о ненужности для Вас житья в Москве. Впрочем, я готов взять все слова мои об этом собственно предмете назад, и обязуюсь больше его не трогать.

Получил я в это время два новых письма от Репина, которые мне были бесконечно отрадны, но только сожалею, что ему пришлось жаловаться на долгий перерыв в получении газет. Он мне пишет, что вот 10 января к нему не пришел еще ни один номер «Нового времени». Но вся вина оказалась не на моей стороне, а на стороне конторы этой газеты. Теперь уже все исправлено, и, я надеюсь, он в настоящую минуту читал уже все номера, в том числе и мою статью. A propos [кстати], так как Вы сами же заговорили про мою статью, то я решаюсь сказать Вам два слова тоже и про нее.

Вы находите, что она *скучна*, *длинна*, *тяжела*, *малоталантлива* (другими словами: бездарна) и *не остроумна*. На все это не имею ничего отвечать — всякий пишет, как может. Но при этом мне очень жалко, что Вы, кажется, не обратили никакого внимания на ее содержание, и ни слова не сказали мне о нем. Во всей нашей газетной литературе никто ничего не говорил о дурацких критиках Репина (между которыми мне всего невыносимее Адриан Прахов — по претензиям и природной глупости) — вот

я и рассудил, что о них надо высказать все то, что я в них находил. Вот Вы находите мою статью скучною, длинною и не талантливою, но пусть не только Вы, но *все*, *все* это найдут, и даже в сто раз больше, я все-таки буду считать «обязанностью» высказать публично то, что мне кажется крайне необходимым. А мнения бывают различны. Вы говорите: «Многие думают» (насчет моей статьи) и т. д. Какая досада, что Вы мне не рассказали этого поподробнее. Ведь из этих слов я могу заключить, что, может быть, в числе этих «многих» есть тоже и художники. А мне всегда так важно и дорого знать, что думают наши художники, хотя бы наши мнения были совершенно противоположны. Не расскажете ли Вы мне всего этого при свидании?

Ваш *В. С.*

P. S. Мне говорят, что Прахов сильно мною недоволен и собирается мне отвечать. Bravo—bravissimo [Браво — брависсимо] — это будет для меня праздник!!!

[Петербург] 17 января [18]77 г.

Василий Дмитриевич, сегодня утром был у меня в библиотеке один господин, желающий купить которую-нибудь из ваших картин. Он просит Вас поэтому сообщить ему через меня цены некоторых из них, например: 1) «Герцеговинки» (эта нравится ему более всего, кажется), 2) Нормандского ландшафта с белой лошадью, 3) Блюда с женской головой, 4) «Jus primae noctis» [«Право первой ночи»], 5) «Уличной певицы», 6) разных женских этюдов[15]. Если случится время у Вас, заходите сами в библиотеку, очень рад повидаться, а не будет времени, хоть по почте пришлите цены.

Ваш *В. С.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. В. СТАСОВУ

Петербург. 18 января 1877 г.

Не имея времени зайти теперь к Вам, добрейший Владимир Васильевич, сообщаю цены письменно:

1. Герцеговинка	— 600 р.
2. Норманская лошадка (продано)	— 500 р.
3. Блюдо с женск[ой] головк[ой] (продано)	— 100 р.
4. Jus primae noctis (продано)	— 1000 р.
5. Уличная певица	— 700 р.
6. Этюды женск[их] голов №:	
на желтом фоне № 11	— 200 р.

Малороссиянка в саду № 14	—	200 р.
Египтянка № 22	—	200 р.
Женская голова № 23	—	50 р.
Женская голова № 45	—	30 р.

.. Я упомянул о Вашей статье именно потому, что *прежде Вы писали иначе*. Прежде у Вас мысль была выражена коротко, энергично, интересно, дельно, часто остроумно и талантливо, *на этот раз* как назло, совсем не так. Вы говорите, что я не обратил внимания на содержание,— напротив того, я именно и сожалел об неудачной форме, потому что содержание справедливое. Может быть, Вы скажете, что форма не составляет сути дела,— положим, но эта суть-то является посредством формы на свет, а в случае неудачности формы суть сильно проигрывает. Что касается до вреда, то об этом мне говорили, между прочим, художники, и особенно один. Он такого мнения, что у нас рекламы пока вредят художнику, *а Ваши статьи о Репине*, по его мнению, публика принимает *за рекламы*, ну и относится поэтому к Репину по меньшей мере *холодно*. Но я не согласен: по-моему, нашей публике почти все равно, что ни пишут, особенно про наше рукомесло, правда, что она некоторые газетные фразы повторяет попугайным манером, но ведь это чтобы что-нибудь сказать, а большого серьеза сему не придается. Я уверен — напишет Репин хорошую вещь, ему близкую и свойственную, и симпатии *большинства будут на его стороне опять*, потому что он одно время, т. е. после «Бурлаков», пользовался большим расположением публики. А что Репин напишет вещь хорошую и не одну, в этом я *почти уверен*.

Преданный Вам *В. Поленов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Чугуев. 20 Генваря [18]77 г.

Дорогой друг Василий Дмитриевич! Если ты получил мое последнее письмо, если у тебя, может быть, уже и Стасов спрашивал кое-что о моем поручении, то ты поймешь, как долго ты не отвечал мне, и я не знал уже, что подумать: здоров ли ты? или упоенный славой, ты совсем позабыл меня старика? и т. д. Теперь же я очень рад, вижу, что все, слава богу, по-старому; а тебе просто-напросто теперь живется здорово и весело. Переговорим прежде всего о житейской ерунде, чтобы она уже не мешала потом более возвышенным занятиям.

1-е. Счетом Беггрова[16] я совершенно доволен — он очень добросовестен, аккуратен и честен по-купечески. Это хорошо.

2-е. Об облигациях и сериях я ничего не смыслю и уже слепо полагаюсь на людей, которые тебе посоветовали; но вот в чем дело: ведь я тебе писал, что деньги мне понадобятся осенью, а тут как же быть с этими облигациями? Я думал, что ты просто отдашь их кому-нибудь спрятать в сундук до осени. Ну, да, это все хорошо, все равно.

Статью Стасова[17] я читал, она написана с большим жаром и сильно, хотя несколько преувеличенно, о критиках; так что человек, мало знакомый с этим делом, ничего не поймет, и вынесет только одно, что какой-то дерзкий Репин ошельмован навеки критиками. Но в описании достоинств картины он доходит до поэзии; это превосходно! Это поэтическое произведение!

Ты хорошо делаешь, что рисуешь для «Пчелы»[18]; только здесь в провинции я вижу, какую она играет роль; это единственный способ нашей популярности; а этим художнику пренебрегать не следует..

Хорошо ты сделал, что дал Мурашке кое-что от плодов своих лет шесть назад. Я тоже, помнится, надавал ему всякой всячины[19].

Если ты припомнишь наши разговоры еще в Париже о Мусоргском, то сам догадаешься, что я, наконец, рад за его успех в тебе.

Мы все, слава богу, гуляем по окрестностям с Верой до усталости; чудесные места! Погоды чаще солнечные, и до смешного: зарядит, например, недели на три — на небе ни облачка, голубизна его итальянская, ослепительный блеск снегу — прелесть! А лунных ночей таких нигде нет, они почти, как день белый!.. Я работаю почти каждый день от десяти часов до двух или одного; гуляю, читаю.

Поговорим теперь о тебе, начиная со Стасова. Он во многом прав, как и сам ты замечаешь. Я буду говорить только о тех местах его приговора, где он ошибается. Порешив, что у тебя склад не русский и что тебе нужно жить в Париже, он даже прибегает к самой жесткой форме убеждения — укоряет тебя в подражании... Он на все готов, лишь бы не допустить тебя до Москвы, которую он ненавидит (журнально), как провинцию, воображая там одних прокислых в патриотической капусте купцов.

Но это не так: ты только вспомни бессодержательность парижской жизни, от которой мы иногда не знали, куда деваться. Вспомни десять тысяч художников, бесцветных и приторных своим однообразием до тошноты; представь себе их незначительность в интеллигентном движении общества (я не говорю о Невиле, Бретоне), это — ремесленники, не более; вспомним это общественное мнение, буржуазное, прозаическое, ремесленное!!.. Неужели у тебя хватило бы духу поселиться там навсегда? Для чего? Чтобы быть хорошим, но чужим мастеровым? Что ты будешь там делать? Для Парижа, конечно, потому, что в России тебя будут презирать и совершенно справедливо. Вспомни, как пошлость воззрений буржуазных въедается там скоро в плоть и кровь. Вспомни Фирмен Жирарда — до какой пошлой буржуазности он дошел! Реньо не мог ужиться в этой

сфере и бежал в Испанию, на Восток; он, пожалуй, приехал бы и в Россию и не ошибся бы, он чувствовал, как свежесть новых мест, новых впечатлений настраивает художника высоко, напоминает ему о его призвании и — «миру новые светила, дела избранника небес». Словом, он не зарывал своего таланта в землю. Он, Стасов, прав, говоря, что у тебя есть французистость; но на это есть неумолимые причины: ты рос в аристократической среде, на французский лад; ты учился от французов и усвоил их средства; так неужели же век целый оставаться на начале?!! Какой вздор...

Нет, брат, вот увидишь сам, как заблестит перед тобою наша русская действительность, никем не изображенная. Как втянет тебя, до мозга костей, ее поэтическая правда, как станешь ты постигать ее, да со всем жаром любви переносить на холст — так сам удивишься тому, что получится перед твоими глазами и сам первый насладишься своим произведением, а затем и все не будут перед ним зевать. Вспомни Хельмонского!. Да, что и говорить. Можно после этого вернуться в rue Blanche 72 [улицу Бланш] и там из вечно того же шарфа сочинять «Герцеговинку»[20] и проч[ее] и проч[ее]. Я жалею, что тебя здесь нет; при твоей кипучей восприимчивости и деятельности ты бы тут черт знает, что дал.

О Москве я все так же думаю, как и прежде. Это для нас необходимо, неумолимо и страшно выгодно.

Хотел было еще кое-что писать об Академии и о дальнейшей нашей обязанности... да это до другого раза.

Наша прелестная лошадка Машка (трех лет) засекла себе копыто так сильно, что уже недели две больна...

Ах, да, напиши мне, пожалуйста, какой это чин — академик, чему он равняется? У меня многие спрашивают, а я не знаю сам хорошенько.

Пропиши мне статьи о чинах всех вообще.

Чугуев. 9 февраля [18]77 г.

Спасибо тебе, дорогой Василий Дмитриевич, за все сообщенья; не поленился ты на этот раз, и я постараюсь не остаться в долгу. Ты несколько странно понял мой отзыв о французах; я никогда и в мыслях не держал мять их, где нам!!. Я только хотел указать на их теперешнее художественное заблуждение, на их уклонение от прямого пути; а объехать их мимо, выбиваясь на главную дорогу, еще не значит мять их, сила материальная может быть и на их стороне.

О работах своих мне писать не хочется, начато у меня много, но я ничем этим не удовлетворен и чувствую, что еще не попал на нечто значительное.

Выгоду Москвы я разумел только с нравственной стороны, со стороны знакомства с Россией, об материальной выгоде ничего нельзя сказать вперед. Теперь я даже думаю, что едва ли мы останемся там более трех лет. Нельзя не заметить там некоторой заедающей провинциальности, и она, я в этом уверен, даст себя почувствовать со временем; тогда-то захочется нам вернуться в нашу противную столицу.

Что ни говори, а только Питер живет свободно, и инициатива во всех жизненных отношениях принадлежит ему; он же и судья всякому продукту; миновать его нельзя, если не пожелаешь остаться втуне, ну, да об этом мы еще потолкуем на свободе.

А об академии вот что я хотел сказать: ты был прав, тысячу раз прав в очень ожесточенном споре с Крамским, когда мы гуляли по Monmartr'у [Монмартру] и, возвратясь еще к нам, спор продолжался очень долго. Я защищал тогда Крамского, т. е. идею частной инициативы в искусстве, за которую я и сам всегда стоял. Ты защищал Академию, т. е. учреждение на широких началах с огромными средствами и всевозможными пособиями, где учатся всей премудрости сообща и т. д.

Миллион раз ты прав! И если не появилось в искусстве настоящего времени мастера, подобного Рембрандту, Веласкесу, Тициану и др[угим], то это значит, что не родилось еще равносильного таланта (в те времена это тоже редкость было и ценилось), а талант родится, я в этом убежден, *и только благодаря нашим огромным средствам, пойдет еще дальше.*

В народном понятии Академия художеств стоит высоко, о ней говорится всегда как о чем-то очень значительном и дорогом,— оно так и есть в идее и даже на фактах (стоит прожить в захолустье, где никакого искусства, ничего этого нет,— чтобы оценить его!!!). Вот почему, исходя из народных же понятий, принимая во внимание те средства, которые отпускаются государством на это святое дело,— нам надобно иметь в виду нашу Академию; и если мы почувствуем себя в состоянии принести пользу, то войти в нее, хотя бы для этого пришлось перенести неприятности. Теперь на свободе рассуждая беспристрастно, я даже не вижу в ней врага какого-то, которого где-то в ней откопали; она у нас так свободна, так либеральна! И мы остаемся в дураках, когда там фигурируют Вениги, живя припеваючи.

Такая мысль об Академии у меня появилась тотчас же, как я, по прибытии сюда, бросился смотреть наших доморощенных талантов в г[ороде] Чугуеве, за которых, помнишь, я так ретиво ратовал... Увы! Что я нашел!.. Не стоит и говорить... Василий Федорович Макашов, отставной ветеран (первая скрипка) гений, в сравнении с прочим, хотя от его скрипки не знаешь, куда от стыда глаза девать и чем затыкать уши. А человек не без чувства, тем хуже для него... Вот мескинность*... Да нет, такого и слова

* Mesquin — пошлый (*фр.*).

у нас нет, чтобы выразить эту степень вкуса. Из живописцев только покойный Персанов составляет исключение, действительно талант, а прочее... И ведь их здесь много, свободного времени у них черт знает сколько (все без работы сидят и плачут), а никто пальца о палец не ударит для чего-нибудь путного — даже говорить с ними невозможно и бесполезно... Вот она, провинция!.. Припоминаю теперь, что и тогда, как и теперь, я был самый образованный человек в г[ороде] Чугуеве. А между тем народ, мужики, с которыми я хорошо сошелся,— меня *поражают тонким пониманием действительного искусства*, т. е. искусства, что говорится, «для искусства». Удивительно!!!

Убийственнее всего у здешних живописцев это рутина, да ведь какая! Тошно и обидно смотреть. Светлой лучезарной звездой блестит Академия наша во всех отношениях, когда перенесешь взгляд на нее прямо из Чугуева, и даже передвижники как-то проигрывают, в них видится что-то мелкое, да еще обещающее измельчать. Это уж очень грустно, а, пожалуй, неизбежно, ибо если иметь в виду только богатых покупателей, то нужно же удовлетворять их вкусу и сделаться им приятным настолько, чтобы они не пожалели несколько сот р[ублей] из своей мошны... Черт побери! Я способен все это возненавидеть и поглядеть с презрением на людей, угождающих купеческому вкусу!.. Что ни говори, а Академия стоит высоко и, как бы то ни было, делает возложенное на нее государством дело. Что ты ни говори, а вглядевшись беспристрастно, ты не можешь не заметить присутствия там какой-то высшей, благородной силы, чего-то неподкупного, олимпийского. Все это я прошу тебя до поры до времени оставить между нами; пожалуйста, *никому ни слова* об этом пока, пиши мне, как ты теперь думаешь на этот предмет; а другим прочим не говори, ибо это нам повредит и *очень сильно, и в обоих лагерях*. Мы на эту тему еще успеем наговориться, а пока ты все-таки напиши.

Твой *Илья*.

Статью Адриана против Стасова ты, конечно, читал, в «Пчеле»[21]. Как ты о ней скажешь? «Новь» я прочел только первую часть. Подражания тем писателям, что ты говоришь, я не вижу; по-моему, это *тот же Тургенев*, только послабее, вот и все, и исключая Фомушки и Фимушки, мне эта вещь даже понравилась — много натуры.

Идея твоя писать «*Постриженье негодной царевны*»[22] — великолепна, и ее в Москве ты хорошо можешь обработать, стоит!

«Пчелу» я беру у знакомых и приготовился видеть твои рисунки с четвертого номера, однако — труба! Сегодня видел «Герцеговинку в засаде». Хорошо вышло, только глаз один меньше другого.

На лошадку свою верхом я еще не садился, подожду еще с месяц, а в санях ездил на ней, а верхом ездил на другом мерине, которого мы продали, ногами слаб был.

15 февр[*аля*] Письмо твое я продержал долго, хотел еще кое-что написать; ну, да уж до другого раза. «Новь» я прочел всю. Что ни говори, а вещь хорошая и подражания в ней я не вижу никому. Нет, *она* подымает опять имя Тургенева. Подражание, разве, Фом[ушка] и Фим[ушка]. Ну, да это дрянь. А есть много чудесных мест: напр[имер], разговор Татьяны с Марьяной; да много, много, есть хорошего. Но чудак, не мог он без «*Скоропихина*» обойтись, слабость и пот[ом] «*наших паскудных живописцев*». А бессрочный солдатик каков? Что кричал вслед Нежданову: «Постой, *мы тебя распатроним*!».

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Петербург, 19 февраля 1877 г.

Милостивый государь Павел Михайлович, позвольте мне Вас от души поблагодарить за Ваше любезное дозволение выставить Вашу картину[23] на моей выставке, а кроме того, благодарю вас еще более за то серьезное наслаждение, которое я испытал, осматривая Вашу, поистине замечательную, галерею.

Великая слава Вам и многие лета за такое горячее и разумное покровительство русскому искусству. Позволю себе высказать Вам прямо то, что я всем говорю, что Вы единственный у нас собиратель, который строго и правильно относится к искусству. Приобретение Вами произведения не есть случайная фантазия или прихоть любителя, оно равняется оценке строгого и тонко понимающего знатока.

Поздравляю Вас с приобретением «Боярина» Чистякова, я рад, что коллекция Ваша обогатилась таким замечательным произведением. Такие вещи не каждый год появляются в нашем искусстве[24]. Сообщая Вам об отсылке Вашей картины, я прилагаю при сем повестку на ее получение. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Москва, 9 марта* [*18*]*77 г.*

Вася, во-первых, напиши непременно Фед[ору] Вас[ильевичу]. Он сам вернулся со мной к этому разговору и даже ожидает от тебя письма, а с таким человеком стоит сцепиться. «Если он мне напишет, то я разовью ему свою мысль, я бы не хотел оставить этот разговор так».

Видно, что эта выходка и слова его самого задели, потому что он вернулся к нему, но повторяет, что рисованье в «Пчелу» есть вывеска; что я оспаривала, говоря, что это обстоятельства тебя заставили временно взять на себя такую работу и что если можно в чем упрекнуть тебя, то это скорее в аристократическом отношении к искусству, а никак не в чернорабочестве. Одним словом, ты ему напиши все, как нам говорил.

Во-вторых: видели мы галерею Третьяк[овых] и никак не ожидали, чтобы она произвела такое сильное впечатление. Сегодня опять отправляюсь туда. Сколько чувства, сколько дум, сколько скорби заложено в ней.. Вчера вечером у меня сидела Л[изавета] Гр[игорьена] Мамонтова—сама приехала ко мне первая,— какая милая и симпатичная душа. Сегодня я к ней съезжу. Завтра еду в Киев.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург. 12 марта 1877 г.*

Дорогой дядя! Последний разговор наш остался неоконченным и был прерван на таком интересном месте, что я продолжаю его письменно. Вы напали на нас за посягательство на свободу других людей. Вы говорили, что Вы выросли, прожили и привыкли уважать свободу в каждом ее проявлении, а что мы ничем не лучше турок и башибузуков, требуя от такой-то личности того-то, от другой другого и т. д. Мне обидно было на Толстого за его последний роман, и поэтому я выразил сожаление об том, что такой огромный талант занят таким, относительно, ничтожеством[25], что от него желательно было бы иметь что-нибудь более могучее, более впечатлительное, что он силой своего дарования мог бы благотворно влиять на молодежь, если бы был с жизнию и брал бы из нее живые, свежие струи, что кому много дано от того много и потребуется, что, по-моему, свобода состоит из прав и обязанностей и т. д.. Вы на все это напали, говоря, что это стесняет свободу, что таким манером мы вернемся к палке и к произволу и т. д... Но, когда речь зашла обо мне, Вы вдруг перешли на противоположную сторону и, когда Вера сказала, что она осудила бы меня, если бы я работал вывески, Вы сказали, что я теперь именно этим и занят, что работать в иллюстрацию то же, что делать вывески, и что с моей стороны заниматься этим подло. Я нахожу, что это крайне непоследовательно, Вы даете Толстому полную свободу выбора в своих работах, даже осуждаете и не допускаете критику этого выбора, а выбор моего труда стесняете, называя подлым тот труд, которым, по Вашему мнению, мне бы не следовало заниматься. Не знаю, кто тут ближе к произволу! Но, помимо этого, я не нахожу ничего подлого в работе вывесок, а тем более в работе

для иллюстрации, в ней не только нет ничего подлого, а, напротив, эта работа может быть чрезвычайно честною и полезною деятельностью, особенно у нас, где это дело может иметь огромное образовательное и воспитательное значение. Но я тогда отчасти с Вами согласился, я Вас не вполне понял. Я думал, что Вы напали на меня за то, что я работаю в «Пчеле»; но Вы не на это напали, Вы осудили вообще работу в иллюстрацию, т. е. прикладную. В том, что я принял работу в «Пчелу», действительно есть некоторая непрямота, а именно потому, что я не схожусь в нравственных убеждениях с ее издателями и несмотря на это согласился у них работать. Произошло это оттого, что они давали мне хорошие деньги, а деньги мне были нужны, других же источников не предвиделось. Были еще и другие причины, почему я не занимался более значительным, теснота места, темнота времени и т. д. Я все это говорю только в виде разъяснения, а нисколько не для своего оправдания, я ни в ком не оправдываю непрямой поступок, а в себе меньше, чем в ком бы то ни было.

Ваш *В. Поленов.*

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 16 марта 1877 г.

Как я от души благодарю тебя за письмо твое; очень, очень тебе благодарен,— позволь мне с этого начать. Ты далеко не посторонний мне по всегдашней любви к тебе и потому мы можем с тобой браниться, но ссориться не должны. Если бы не безотдышные занятия все это время по заседаниям в советах и в общих собраниях, то я давным-давно написал бы к тебе. Наш разговор и моя резкость не были у меня экспромтированы, а вышли из накопившегося думою, только схватились за суждение о *Толстом* как за предлог. Просто скажу тебе, что мне сильно не понравилось то, что ты занялся последнее время гравированием и рисованием для «Пчелы». Тут опять вовсе ни при чем были и «Пчела» и само по себе рисование. Окончи ты вполне твое художественное воспитание, поставь ты себя художником на ту степень, какая тебе указана твоим талантом, твоим образованием,— тогда ты господин твоего времени и твоих трудов. Ни в гравировании, ни в рисовании для журнала я не вижу и, по моим простым, если хочешь демократическим понятиям, не могу видеть ничего не только унизительного, но даже сколько-нибудь неподходящего. Каждый честный труд есть достойный человека дела и каждый честный труд в самом себе несет непременно истинно хорошую сторону человеческого призвания. Но вот тут-то и вопрос: вправе ли ты употреблять твое время и твой труд на работу просто денежную? По моим понятиям о

честности — положительно нет, положительно не вправе. Академия выдает тебе и твоим товарищам пенсионерское пособие с одной определенной целью — художнического самовоспитания или художнического самообразования. Путь этого самообразования предоставлен Вам самим, контроля нет и потому, чем меньше связи внешней, тем более ответственности перед самим собой: не отступаешь ли ты от прямого честного пути. Здесь честность — прямота пути, то есть решение, насколько прям и честен путь подчиняется одному собственному твоему суждению. Пишешь ли ты портреты, пишешь ли ты картину, ты остаешься на твоем законном пути изучения природы и овладения техникой искусства. Я прошу тебя, как человека сильно мною любимого и меня любящего, читать мои строки без казуистического самозащищения, а с тою же простою искренностью суждения, с какою я пишу. В художническом самообразовании должно насесть на себя не только со стороны внешней работы, но еще более со стороны работы внутренней, не быть лениву не только в исполнении, но особенно во внутреннем умственном или скорее художественном обсуждении предмета твоей работы. Для приучения себя к этому внимательному и глубокому обсуждению одно время в жизни — молодость. Если в молодости дать себе потачку в выборе предмета, не приучить себя строго подчиняться строгому художественному разбору — дело кончено, приговор подписан. После художнический ум, привыкши скользить по поверхности, а нисколько не вдаваться в глубь художнического суждения, сделается тяжел на подъем. Ну, брат, Вася, ты уж вызвал меня на то, чтобы я высказался, не сердись, ты знаешь я все время молчал,— никогда ни в Париже, ни в Виши, ни в Петербурге не решился ни одним словом посягнуть на твою художническую, не скажу свободу, а не сердись, назову ее иначе, на твою художническую разнузданность. По-моему, ты только в двух твоих работах был художником — «Le droit du Seigneur» и портрет Оболенской. Первый сюжет не оправдывался моим пониманием искусства; в отрицательной стороне жизни трудно найти художественный идеал, но ты знаешь, что я никогда ни словом, ни намеком не бросил тени посягания на твой выбор. Ты тогда был под струею отрицательного направления — это твое дело; но в выражении этого направления ты был искренен, следовательно, безусловно честен. В портрете Оболенской ты был под влиянием увлечения сердца — самое законное увлечение и самый законный источник художественности. В истории искусств беспрестанно встречаем примеры; в истории сердца еще чаще и еще неотразимее. Я веду к тому: работал ли ты над собой, чтобы обдумывать избранный тобою предмет картины, взглянешь — понравился, и дело кончено. Но все-таки ты работал, по крайней мере, над техникою искусства, а, следовательно (прости, хоть и не вполне), все-таки честно исполнял твое назначение. Опять повторяю, тут нет контроля, мой контроль, в первый раз высказываемый, есть контроль дружбы и любви, никак не более.

Теперь несколько слов о деньгах. Прости, Вася, тут ты понимаешь независимость очень и очень мелко, и гордость твоя тут именно слышала звон да не расслушала, откуда он. Ты в работах для «Пчелы» ищешь денег на обзаведение в Москве, что же ты выработаешь? Два гроша. А потеряешь полгода, если не больше, художественного самообразования. Опять условие — я говорю от души, прошу тебя отвечать не юридически, а тоже из глубины души, то есть отвечать тебе самому. Я тебе говорю, что у тебя есть в Москве деньги, именно четыреста или пятьсот рублей. На первый шаг довольно к пенсионерской сумме на подмогу. Ты не имеешь права отказаться — тебе предлагает не богач, наживший деньги нечестным или получестным образом, а твой брат — труженик, трудившийся весь век и работавший и работающий, как вол. Что ж? Тут оскорбляется твоя гордость, прости и здесь, гордость дворянская, а она не мешает делать не совсем честно в отношении к призванию твоему, терять время и труды на рисование чего-то — то есть на работы рисовальщика, но не художника самообразующегося. Перед тобою жизнь, а теперь сильнейшие минуты этой жизни для того, чтобы сформировать себя истинным художником. Давай-ка сюда, не тебя казуиста, а тебя честного искреннего художника: что небось ты оправдаешь твой выбор сюжета в «Демоне»? Оконченному художнику — выбирай, что хочешь по прихоти фантазии; молодому, еще идущему вперед, и еще вполне не заявившему себя трудом оконченным изображать в полумраке, где не видно ни ясного рисунка, ни определенного колорита, — суди сам. По моей системе непосягания на свободу, я не сказал бы ни слова. Но начал говорить от души, все и вырвалось. Еще и еще раз очень благодарен тебе за письмо твое, люблю тебя сильно и потому не желал бы недомолвок.

Твой *Чижов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

** Петербург, 18 марта 1877 г.*

Дорогой дядя, я со многим согласен в Вашем письме, но только в общем значении, а никак не в данном случае. Разумеется, что лучше и ценнее писать хорошие картины и портреты, чем делать иллюстрации, об этом и речи не может быть, но заказать себе написать хорошую картину, когда чувствуешь себя к этому совершенно неспособным (временно), очень трудно. Я был так утомлен, возвратясь из Сербии, от множества новых и сильных ощущений, что положительно не в силах был начать ничего серьезного. Начал писать черногорца, всю зиму просусолил его и кончил тем, что бросил и пишу теперь другого, который вдвое больше и в де-

сять раз успешнее идет. Кроме того, внешняя обстановка не особенно была удобна для большой работы. Поэтому я просто не хотел ничего начинать крупного, хотел отдохнуть от последнего путешествия и заграничной четырехлетней, без перерыва, работы. Но вот что я не понимаю, это что Вы говорите об окончании художественного воспитания, после чего можно располагать своим временем и выбором работы. По-моему, художник не только не может сам знать, да и не должен стараться узнать, кончил ли он свое художественное образование или нет; он должен стараться развивать в себе способность до самого конца (как, напр[имер], Мейсонье). Или эти шесть лет пенсионерства составляют художественное воспитание, после которых художник может считать окончившим курс этого воспитания. Жалок будет тот художник, который себе это вообразит. (Впрочем таких много было)... Я только начинаю свое художественное дело, почти все, что было работано до сих пор, было ученье и подготовка,— окончив одно и перед началом другого, я сделал перерыв и дал себе промежуток отдыху, я из опыта знаю, что работа идет гораздо лучше и качественно и количественно после двух, трехмесячного отдыха. А чтобы не терять время непроизводительно, я занялся сравнительно легкой и хорошо оплачиваемой работой, которая принесла мне не два медных гроша, а больше четырехсот рублей.

Что касается до моей картины «Дух познания»[26], то я эту картину глубоко люблю, она имеет для меня огромный смысл, и я начну ее оканчивать или переписывать, как только отыщу себе где-нибудь уголок, и постараюсь в ней выразить этот смысл, насколько хватит у меня сил и способностей.

Ваш *В. Поленов.*

Очень Вам благодарен, дорогой дядя, за предлагаемые деньги, у меня теперь достаточно накопилось, но я ими все же воспользуюсь, чтобы помочь Репину.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Петербург. 23 марта 1877 г.*

Милостивая государыня Елисавета Григорьевна, сегодня имел честь послать Вам в Москву картину, приобретенную супругом Вашим Саввою Ивановичем, с пожеланием, дабы она пришлась по нраву Вам, совокупно с лицами, коим она предназначается. Название картины сией будет франкское «Le rossignol en détresse» [«Соловей в беде»][27], а изображает она девицу, заимствованную из окрестностей града Парижа Croissy prés

Bougival [Круаси около Буживаля], а имя девицы сией Blanche, сиречь Бланка, а прозвище ей Ormier [Ормье], а родом она из Нанта (Nantes Morbihan) [Нант Морбиган], а на гитаре она играет не поразительно, но поет зато весьма чувствительно, нравом обладает самым приятным, обстоятельства ее не особенно статейные, но ведь могут поправиться. Знакомство я свел с девицей сией в те времена, когда она, думая позабавить господ и получить за сие соразмерное удовольствию вознаграждение, была, напротив того, со двора их изгнана (надо полагать, что господа те к слушанию пения не всегда были склонны) и таким образом находилась в настроении грустном, ибо потерпела посмеяние, не получив вознаграждения, поэтому и основываясь на всем вышеизложенном, другое название картине сией будет «pas d'chance» [«не везет»], что значит «не все коту масленица». Вследствие чего с̀ истинным почтением и преданностью имею честь быть

В. Поленов.

Архив Поленовых.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Чугуев. 29 марта 1877 г.

Дорогой Василий Дмитриевич! Пишу тебе на радостях, сегодня у нас родился сын[28]. Мне пришлось заменить акушерку самому, так как она опоздала..

Ты меня страшно раздразнил своим письмом: ни слова о Семирадского картине[29], т. е. полунамек есть, да все же хотелось мне больше слышать от тебя,— действительно ли никто в мире так хорошо не писал перламутра и проч[ее]?

Потом о каких-то сереньких людях говоришь тоже неясно; хвалишь «Кафе»[30], которого ты никогда не одобрял. Ну, да, впрочем, увидимся же. А я сегодня получил от Стасова, где он пишет, что ты уже уехал в Москву и сетует, что ты с ним не простился.

Как только приедешь в Москву, так *и я приеду*. Напиши, в какой день и где остановишься. По-моему, у Кокорева (Попова), против Кремля; мы можем поместиться в одном номере. Там хорощо; поищем вместе. Как же, ведь я ни на одну иоту не отступаю от нашего плана: мы будем жить в Москве, пока будет возможность, а потом, что бог даст. Ты поедешь по Волге, а я поеду в то же время по Днепру (проедусь только и вернусь домой). Мы намерены поселиться верстах в пятнадцати от Чугуева, в Мохначах. Во всяком случае, из Чугуева тебя проводят ко мне, где бы я ни был.

Прощай пока, я тороплюсь, ты извинишь, конечно.

Всегда твой *Илья.*

P. S. Ко мне приехал Н. Мурашко в вел[икую] пятницу и уехал только сегодня, торопится к своей выставке. До свиданья, целую тебя. Пиши поскорей. Я, наконец, набрел на *сюжет* — чудеса.

Третьяковская галерея.

Ф. В. ЧИЖОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва, 9 апреля 1877 г.

..Взаимное неполное понимание в деле, где все зависит от полнейшего понимания и от взаимной веры в то, что мы оба, не соглашаясь друг с другом, ищем истины, а никак не хотим поддепать один другого. Ты, например, не вправе, не считал меня таким, чтобы я окончание самообразования художника мерил годами его пенсионерства!. Кажется оно беспредельно, а посмотришь у березы один рост, у сосны другой, у ели третий, да и у тех на одной почве сосна выше, на другой ниже, что с ней ни делай; в одном месте дуб низенький, тощий и корявый, на другом под ним чуть не кроется целое стадо от солнечного жару.

Третьяковская галерея.

П. П. ЧИСТЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 17 апреля 1877 г.

Вы живописец добрый, В[асилий] Д[митриевич]. Это я давно знал. Взгляд у Вас живописный на натуру и потому прилагайте или поверьте чувство Ваше рассуждению. Французами-то не очень увлекайтесь, а судите их строго, уважая, конечно, их честное отношение к технике искусства.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Москва, 23 июня 1877 г.

Дорогой дядя, благодарю Вас за гостеприимство,— вот уже почти три недели, как я у Вас живу и пользуюсь всевозможными комфортами со стороны Егора, который необычайно ко мне внимателен и любезен. Первое время моего пребывания в Москве было не совсем удачно, во-первых, я съел у Гурина растегай, да такой, что пролежал полтора дня, во-вторых,

долго квартира не наклевывалась, а в-третьих, у меня сделалась сильная зубная боль и перешла в общую невралгию, продолжавшуюся почти неделю. Но теперь, кажется, все эти неприятности понемногу уладились, зубы прошли, квартира нашлась, а растегаев я больше есть не буду. Мое новое жилище очень неподалеку от Вас, находится оно в Дурновском переулке между Новинским бульваром и Собачьей площадкой.

Давно не имею сведений ни об ком из Вас, т. е. обитателей «Киовии» «Capitale des Monomaches» [столица мономахов], как обозначается сия страна в французских географиях.

Теперь я намерен остаться в Москве и работать, поездка по восточной России и Волге пока отложена.

Прощайте, дорогой дядя, еще раз спасибо за приют, крепко Вас обнимаю. Ваш *В. Поленов.*

Мой адрес: Москва, Дурновский переулок близ Спаса на песках, дом Баумгартен[31].

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГЛАВА IX. 1877—1878 годы

Русско-турецкая война. На фронте в Болгарии. Знакомство с М. Н. Климентовой. Сестры Поленовы на работе в лазаретах Киева.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Чугуев, 2 июля [1877 г.]

Дорогой друг, Василий Дмитриевич. Мы живем в Мохначах, уже целую неделю. Хороша Хохландия! Прелесть. Сейчас я из Харькова заехал в Чугуев на пути в Мохначи, откуда уезжал нарочно — менять золото. Вот штука: харьковские менялы дают так дешево, что не стоит менять, говорят сбыту нет. А потому я решил подождать месяца два, а там, вернувшись, разменять в Москве или Питере; право, жаль терять более двадцати пяти рублей. Если ты можешь прислать мне пока рублей триста, мне этого хватило бы и вернуться, тогда я напишу, чтобы Академия задержала бы сентябрьскую треть до моего приезда в Питер, куда мне нужно будет приехать за вещами, тогда все разом и разменяю.

Прошу тебя ответить поскорее; если ты не можешь, то придется сбыть золото здесь, а жаль терять.

Адрес прежний: Чугуев, Никитинская ул[ица], в собствен[ном] доме.

Пиши пожалуйста, как вы с Рафаилом устроились, нашли ли, наконец, идеал?[1] А я, брат, своим продолжаю быть довольным.

Кланяйся Мамонтовым, если увидишь. А здесь превосходно! В нашем садочке такие чудесные пахучие розы цветут, да и прочего цветного добра довольно. В Мохначах зато почти ни кола, ни двора, т. е. все это есть, да поразгорожено.

А *Казак* наш оказывается замечательным конем; он похож на того, что я ездил у Мамонтовых, сербского коня. Настоящая казацкая лошадь, огонь будет. Кстати о казаках, в Чугуеве стоят теперь Донские и для меня теперь ясно, как божий день, что чугуевцы с ними родные братья: язык, привычки, песни, типы, словом, это те же казаки; да и давно ли чугуевцы перестали быть казаками?!

Прощай, тороплюсь в Мохначи; теперь целую неделю не буду знать, что делается на свете, ни писем, ни газет не будет. Верунька прощалась со мной с таким воплем, обнимала меня с таким жаром, как мать из «Тараса Бульбы» (казачка и она). Меня это, однако же, беспокоит. Третий день сегодня, что я их оставил; вот сообщение! И они на новом месте, так еще боятся все! Глушь, и кручи над Донцом и ни души из мужчин.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Киев[ской] губ[ернии]. Деревня Петрушки. 5 июля 1877 г.*

Дорогой мой Вася, очень обрадовались мы твоему письму. Не знали, куда писать тебе и где ты находишься. Хорошо, что сыскал мастерскую и, кажется, помещение en grand [на широкую ногу]. Думаю также, что очень хорошо теперь сосредоточиться на работе, а не все отдаваться минутным впечатлениям нового пути. Поэтому благоразумно делаешь, что Волгу оставил на другой раз. Хотя летом и приятнее было бы то путешествие, которое ты намеревался сделать. Для отдыха поэтому приезжай к нам, у нас место есть, дача поместительная, кругом тенистый старинный заглохший сад. Рядом деревеньки, довольно первобытного склада. Если Раф согласится с тобой ехать, то привези и его подышать южным деревенским воздухом[2].

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Чугуев, 21 июля [1877 г.]

Дорогой Василий Дмитриевич! Вот и неделя прошла, а денег твоих нет еще. Поторопись, пожалуйста, выслать, а то я кое-как перебиваюсь.

Насчет новой квартиры я долго думал и решил все-таки остаться на старой. Для меня она пока будет удобна, а дальше, что бог даст, нельзя сразу рисковать сильно; а возьми еще в расчет мебель, дрова для большой квартиры... Ну, да об этом потом. Я думаю начать переездку в Москву в половине августа, чтобы устроиться зáтепло. А жаль расставаться с Малороссией, здесь теперь просто рай; Испания, да и шабаш! Солнце! Вот оно где, настоящее солнце! Чистота, блеск, яркость, серебро!!!

Да, брат, солнце изучать, я надеюсь, мы с тобой еще приедем сюда. Прощай пока, тороплюсь, кланяется тебе моя семья, Рафаилу Сергеевичу мое глубочайшее почтение..

Мамонтовым наш поклон передай. Твой *Илья*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

* *Москва, 4 сентября 1877 г.*

Милостивая государыня Мария Николаевна, разумеется, я не забыл своего слова, одно, чего я прошу у Вас: позвольте мне отсрочить на некоторое время посещение галереи Третьякова, так как завтра я должен уехать из Москвы недели на три. Тотчас по возвращении я извещу Вас, и тогда Вы потрудитесь назначить, где и когда нам встретиться[3]. С глубоким уважением и преданностью остаюсь готовый к услугам

В. Поленов.

Архив литературы и искусства.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Ольшанка, 13 сентября 1877 г.*

Дорогая мамочка, я теперь нахожусь в богоспасаемой веси, или, скорее, усадьбе Ольшанке. Дождь льет без перерыва, но мы не унываем, пишем с дяди портрет и надеемся на будущие блага. Срок для портрета мне дан небольшой, всего семь ден, надо успеть и лицом в грязь не ударить. Завтра дядя уезжает, а я остаюсь еще на недельку, чтобы поработать с натуры.. По вечерам компонуем проект дома в русском стиле[4].

Третьяковская галерея.

П. Ф. ИСЕЕВ — Д. В. ПОЛЕНОВУ

* *[Петербург] 22 сентября 1877 г.*

Милостивый государь, Дмитрий Васильевич, три дни тому назад я послал в Москву весьма нужную телеграмму Василию Дмитриевичу. Не получив до сих пор ответа, позволяю себе покорнейше просить Вас сообщить мне, находится ли он в Москве, и если его нет там, то где я мог бы найти его.

Государю наследнику угодно, чтобы В[асилий] Д[митриевич] состоял при его главной квартире. Необходимо дать вел[икому] князю [Владимиру Александровичу] какой-нибудь ответ, а я до сих пор еще не нашел В[асилия] Д[митриевича]. Помогите мне пожалуйста.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *П. Исеев.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

* *Москва, 1 октября 1877 г.*

Милостивая государыня, Мария Николаевна, сегодня вернулся в Москву, а послезавтра вечером, по совершенно неожиданным обстоятельствам, должен буду ее опять оставить, и может быть надолго, поэтому, если завтра или в понедельник у Вас будут часа два свободных, я с удовольствием исполню свое обещание относительно галереи Третьякова. Если ничто Вам не помешает, то покорнейше прошу Вас назначить место и время, где мне Вас встретить. С глубоким уважением и преданностью остаюсь готовый к услугам

В. Поленов.

Архив литературы и искусства.

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. В. ЧИЖОВА

* *Москва, 2 октября 1877 г.*

Сейчас заходил ко мне Вася Поленов, только что приехавший из Тамбовской губернии, его вызывает к себе наследник на Дунай. Пожалуй, вызов лестный, тем более, что он, т. е. Поленов, не напоминал о себе ни выставкой, ни новыми картинами; вызов приятный и в денежном отношении. Но, слава богу, и, как я всегда люблю прибавить, честь времени, теперь уж не так восхищаются призывами царскими: Васе кажется весьма

бесцеремонным такой призыв свободного художника; теперь мы уж очень не любим, чтобы нами распоряжались как крепостными, крепостное право уже уничтожилось.

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ХРУЩОВОЙ

** Петербург, 6 октября 1877 г.*

Вера, сообщаю тебе известие, которое, конечно, тебя удивит. Третьего дня сюда приехал Вася, вызванный Исеевым. Недели две тому назад Исеев получил от цесаревича запрос о том, что согласится ли Вася ехать к нему и состоять при его главной квартире в качестве художника. На что Вася, считающий, что отказаться ему неловко, ответил утвердительно. Это обстоятельство очень расстраивает Васины планы, ибо он желал зиму нынешнюю работать в мастерской по тем этюдам, которые у него собраны в таком огромном количестве. Родители очень довольны лестным вниманием цесаревича к Васе. Едет он в субботу отсюда, думает остановиться на один день в Москве и потом через Кишинев и на Янтру. В Киеве он не остановится и хочет тебе телеграфировать, чтобы ты, если хочешь, могла выехать на железную дорогу с ним повидаться..

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — Ф. В. ЧИЖОВУ

Петербург, 10 октября 1877 г.

Очень давно Вам не писала, дорогой Федор Васильевич. Эти дни была я очень встревожена состоянием здоровья Дм[итрия] Вас[ильевича]. Вдруг болезнь приняла острый характер. Сильный жар даже с бредом. И вообще симптомы пугающие. Кажется, со вчерашнего дня есть изменения к лучшему. Теперь сон является более спокойный.— Здесь с нами Вася. В субботу еще прошедшую намеревался он пуститься в свое дальнее путешествие, да, разъезжая здесь спешно по разным делам, простудился и три дня сидит в комнате. Сегодня ему, слава богу, лучше, но доктор не отпускает, пока совершенно не поправится..

** Петербург, 14 октября 1877 г.*

..Живем мы в такое трудное время, что неожиданное, непредвиденное вдруг вас так и перевернет. Вчера получили письмо от Веры. Ей поручено отделение госпиталя военного, в котором 160 больных и раненых воинов, многие очень тяжело ранены, и вот она уже около двух

недель ежедневно там дежурит и вместе с этими несчастными скорбит. Недостаток людей, прислуги, сестер милосердия очень велик, и Вера просит, чтобы Лиля приехала к ней на помощь. Завтра Лиля едет в Киев. Вася сегодня едет в Москву и будет у Вас..[5]

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

* *Москва, 16 октября 1877 г.*

Милостивая государыня Мария Николаевна, исполняя Ваше желание, сообщаю Вам, что сегодня я приехал в Москву, а послезавтра, т. е. во вторник, еду дальше. Если Вам угодно будет меня видеть, то потрудитесь назначить, где и когда. Извините, что я записку эту посылаю к Вам прямо, а не в консерваторию, но сегодня воскресенье и Вы бы получили ее только завтра.

Преданный Вам *В. Поленов.*

Архив литературы и искусства.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Киев, 21 октября 1877 г.*

Дорогая мама, вчера, т. е. на другой день моего приезда, была я с утра до обеда в башне[6].. Теперь нас довольно народу, есть несколько постоянных сестер, т. е. таких, которые ночуют в госпитале. Но тем не менее беспорядок еще очень велик, нам еще придется много хлопотать, чтобы устроить хотя бы в нашем-то отделении так, как нам бы хотелось. Вера очень бодра духом — она утомляется физически, но уже настолько закалилась, что спит и ест хорошо, а это важное условие для поддержания сил. Вера очень, очень обрадовалась вашему сбору и очень благодарит Вас и Алешу за присланные деньги. Кабы можно было еще с кого собрать. Право, я думаю, многие наши знакомые дали бы охотнее, зная, что это сейчас пойдет в пользу, чем когда думают, что купим запас чего-нибудь нужного, да и сложим в склад, либо у Сазикова будем образа покупать. Здесь, по крайней мере, так Вере удалось уже собрать кое-что вещами и деньгами. Дают кто один рубль, кто три, и из этих скромных цифр составляются небольшие суммы, а на них сколько истинной пользы нашим больным: раздаем чай (всем), теплое молоко, яйца;— самым слабым, изнуренным даем бульон (их казенный суп редко бывает питателен). Вчера Хрущов с Васей (он остался здесь на сутки) были у м-ме Дрентельн, у Вановской и у дру-

гих дам, у которых мужья на войне. Вановскую они не застали, вот она и приехала повидать Васю, показать ему своего маленького сына для того, чтобы Вася мог передать ее мужу, что видел их процветающими..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

Болгария, Брестовица. 5 ноября 1877 г.

Многоуважаемая Мария Николаевна, спешу исполнить свое обещанье: написать Вам с театра войны. Вот уже более недели,как я нахожусь в Болгарии в Рущукском отряде[7], но до сих пор ничего особенно интересного со мной не произошло.

До Букурешта я доехал благополучно, только у Ясс случился небольшой анекдот, т. е. поезд чуть не соскочил в овраг вследствие неосторожности быка, который, гуляя, попал под него.. Журжево, через которое мне пришлось ехать, до сих пор обстреливается из Рущука и турки дошли до такой тонкости, что попадают прямо в поезда, подходящие к станции. Что касается до меня, то я с признательностью ценю их вежливость, когда я проезжал Журжево, то они меня даже не задели. При переправе через Дунай был такой туман, что не только die schöne blaue Donau [прекрасный голубой Дунай] (которая entre nous soit dit [между нами] желто-грязная, как помои) не было видно, но за двадцать шагов трудно было что-либо различить.

Переправа в отряд цесаревича находится неподалеку от Рущука и производится пока на лодочках. Мы сбились с пути и пошли колесить по Дунаю, наткнулись на остров, потом на берег, но только на тот, от которого отплыли, и, наконец, после трехчасового плавания, спустившись версты четыре вниз, отыскали турецкий берег. Шесть верст ниже от переправы находятся три линии минных заграждений, но на них мы не наткнулись. На том берегу Дуная, кроме пехотных солдатиков, никого и ничего. Я стал в тупик, что делать? Приходить ли в уныние или идти пешком до главной квартиры, около двадцати верст. Но судьба и тут выручила меня. Как нарочно, в этот день на берег Дуная за ячменем пришли казаки, я к ним, они так были милы, что уступили мне лошадку и взяли меня с собой до главной квартиры. Они возвращались туда. Но туман не унимался, а время было позднее; нечего делать, выступили, шли четыре с половиной часа, три раза сбивались с дороги и все-таки благополучно прибыли к месту назначения, удачно миновав турецкие аванпосты. Те же казачки приютили меня на ночь у себя в землянке, так как был уже первый час ночи и мне решительно некуда было деваться. Славные они люди. На другой день я представился цесаревичу и теперь работаю, погода только не благоприятствует.

Извините за некоторую бессвязность повествования, если когда-нибудь увидимся, то постараюсь рассказать Вам более толково..

Архив литературы и искусства.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** Киев, 6 ноября 1877 г.*

Дорогая мама, мне кажется, что давно Вам не писала, но мы были очень заняты, а, кроме того, я была немного больна, так что три дня пропустила, не ездила в госпиталь; а время дома употребляла на кройку и заготовку теплых вещей нашим бедным солдатикам, уходящим в транспорт. Последнее время в Киеве постоянное передвижение: только люди немного поправляются, их сейчас назначают в транспорт, т. е. перевозят в более отдаленные госпиталя. Раз мы поехали с Верой на железную дорогу вместе с нашими людьми, по просьбе м-ме Игнатьевой, которая устроила там склад теплого платья для самых нуждающихся. Мы должны были указать ей, кто из наших нуждается в нем и в каком именно. Тут мы видели впервые вблизи, как возят по железным дорогам наших больных воинов.

Один поезд был «санитарный». Это игрушка. Лучшего желать нельзя. Рессорные койки, белоснежное белье, для каждого теплые носки, самовары, умывальники, с ними сестры, одним словом, все, о чем можно только мечтать для удобства больного. Этот поезд шел в Ригу. Через час отправлялся другой поезд, тоже с больными — пассажирский. Их посадили в вагон третьего класса, многие были еще настолько слабы, что им необходимо было бы лечь... но лечь было негде. Этим, по крайней мере, тепло, но есть еще поезда — официально они называются «приспособленными», а солдаты их называют «воловьими» и ненавидят их всей душой и боятся их ужасно. Это товарные вагоны без скамей, без коек, часто без подстилки и без печки, их сваливают туда очень много народу, и многие, начинавшие оправляться, заболевают, иногда умирают тут. Дело, начатое Игнатьевой, великое дело! Теплые вещи нужнее всего этим людям, едущим, только что с постели, после тяжелой болезни дальше при таких условиях. Но, разумеется, всей русской армии не одеть одному человеку. А там-то, в Турции, какой должно быть недостаток в одежде. Сегодня к нам пришел новый транспорт. Нам, на наши два отделения пришлось пятьдесят человек новых: из них двадцать пять с отмороженными ногами! Это ужасные страданья, часто пальцы отвалились и на место их зияющие раны.. В этих случаях все старания докторов направлены на одно: предупредить гангрену — тогда человек может быть спасен, иногда ему даже остается возможность владеть оставшейся частью ступни.

Весь день мы проводим в «Башне», а по вечерам мы ездим просить на ту же башню. Пожертвования идут туговато, но все же идут. Теперь учредилось «Бульонное общество» — это университетские дамы, которые приезжают в «Башню» и варят там куриный и говяжий бульон для самых слабых. Это нам большое подспорье. Что приятно во всем этом трудном деле, это, что приходится заниматься с интересными людьми..

Очень будем мы обрадованы, мамочка, всему, что Вы нашим больным пришлете. Всякая тряпка — нам драгоценность. Да и корпия пойдет в дело, хотя не в нашем отделении, но мы передадим Ольге Голицыной в ее хирургическое отделение. Для наших же отмороженных нам ужасно нужны тряпки и побольше..

** Киев, 7 ноября 1877 г.*

Каково, Карс наш! Дай бог, чтобы скорее кончилось это ужасное мученье наших бедных, славных, покорных безропотных людей.

Какой был восторг при этой новости в «Башне». Пришлите им, мамочка, для этого радостного известия то, что Вы им предназначали.

Солдатское платье мужа Матрены Вавиловны очень, очень будет кстати. Многие из наших уходят буквально без ничего. Казна дает им платье временно, до следующего госпиталя. Если это человек очень больной, ему выдадут что-нибудь из теплого склада м-ме Игнатьевой, если же он имеет несчастье совсем поправиться и выпросился на родину, он уже ничего, буквально ничего не получает..

** Киев, 18 ноября 1877 г.*

..Мы с Верой все по-прежнему с увлечением занимаемся нашей милой «Башней», и дела наши идут недурно. Теперь в «Башне» организовалось общество, которое поставляет хорошую пищу для самых слабых, разумеется, теперь еще суммы, которыми это общество располагает, недостаточны для того, чтобы удовлетворить всех нуждающихся, и нам приходится кое-что дополнять, но надо и то сказать, что благодаря нашей или правильнее Вериной энергии, члены общества прибавляются и суммы увеличиваются. Мы хотим просить Вас и папá быть тоже нашими членами. Членский взнос три р[убля] в месяц, вас это не очень затруднит, потому что Вам не придется платить более как месяца два. Мы принимаем всех в члены, кто только пожелает, с великою радостью. Имя того лица внесем в список, а, пожалуй, и не внесем, напишем от неизвестного, а ему, лицу этому, за то земно поклонимся. Взносы наши и нами добытыми членами взносятся, пока мы работаем в «Башне». Ждем с нетерпением присылку вещей нашим больным. Одежда, бинты, тряпки, корпия — самые для нас теперь суще-

14. В. Д. Поленов. Христос и грешница. *Картон, уголь. 1885*

15. В. Д. Поленов. Н. В. Якунчикова за этюдом.
Акварель. 1882.

16. Е. Д. Поленова. Художники на рисовальных вечерах у Поленовых
Акварель. 1889

17. К. А. Коровин. Художники на рисовальных вечерах у Поленовых
Акварель. 1887

18. В. Д. П о л е н о в. Левитан в костюме бедуина на рисовальных вечерах у Поленовых. *Тушь. 1887*

ственные вещи. Пища у нас сносная, и казенная улучшилась, и для слабых есть и бульон, и яйца, и каша молочная и т. д. Желательно было бы, разумеется, чтобы наше общество могло несколько еще расширить свою деятельность и покупать, например, вино и водку: это два предмета очень нужные теперь в госпиталях по случаю наплыва людей с отмороженными ногами. Мы дополняем отчасти этот пробел, но пока еще довольно скудно, впрочем надеемся, что когда удастся завербовать еще несколько членов в наше общество, то пополним его вполне.

Казалось бы, что наша жизнь идет очень однообразно, а вместе с тем она так полна новых впечатлений, что мне, право, кажется, будто я не три недели, а, по крайней мере, три месяца здесь.

Вот еще что, мамочка, папа непременно хотел, чтобы я записалась в Красный крест. Быть членом Красного креста и носить знак его положительно мне необходимо, это даст пропуск: в госпитали, на железной дороге, в санитарные поезда и т. д. Но, работая здесь в военных госпиталях, мне не хочется записываться здесь, в Киеве, так как общество Красного креста находится в постоянной борьбе с обществом военных госпиталей. Хорошо было бы, если бы Вы записали меня в Петербурге.

Пушкинский дом.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва, 20 ноября 1877 г.

Дорогой друг Василий Дмитриевич, сейчас получил твое письмо, по которому узнаю, что ты благополучно доехал до места твоего назначения. Рад от души твоему приезду и тому, что тебе оказывали радушный прием как со стороны государя наследника, так и со стороны людей, его окружающих. Желаю, чтобы это радушие сохранилось надолго и послужило бы тебе в твою пользу. Le plus gros de l'affaire est fait [Самая трудная часть сделана], тебе остается только пересилить себя, чтобы хватило духу перетерпеть остальное время твоего неожиданного странствования, хотя очень счастливого для тебя. Странно то для меня (по крайней мере, я себе часто задаю этот вопрос), что для твоей работы не существует никогда помехи. Каким образом, ты берешься для того, чтобы в один день отмахать четыре, пять, шесть этюдов. Для меня положительный вопрос. Понимаю, если бы этюды твои были бы дрянно трактованы, но нет же, ведь нужно же, чтобы они были бы очень и очень хороши и окончены. Браво, браво и еще раз браво. Вижу очень хорошо удивление твоих новых товарищей..

Сообщи мне, в каком именно роде ты пишешь свои этюды и что за сюжеты их?

Не могу без смеху читать твое путешествие на кульках ячменя по Дунаю. Ты, я думаю, сам в душе хохочешь. Хорош же рулевой. Кажется,

очень просто переплыть реку с одного берега на другой. Ведь трудно себе представить, чтобы весь Дунай был загроможден минами. Хороши и казаки тоже, блуждающие по давно знакомому месту. Впрочем, может быть, что ячмень имеет такое волшебное свойство, что в состоянии совращать с пути путешествующих..

Репина вижу и все более и более привязываюсь к нему. Чудесный человек, добрый и простой и прекрасный художник. Дай бог, побольше таких. Про Васнецова ни слуха ни духа. Что с ним сталось — неизвестно. Жду, не наждусь его.

Как сведение сообщу тебе, что письмо твое дошло до Москвы в двенадцать дней. Немного долго. Еще одно сведение, которое тебе уже, вероятно, известно. Ф. В. Чижов скончался во вторник, в половине одиннадцатого вечера, 16 ноября, самым неожиданным образом для него, так как он все время до своей смерти говорил об улучшении своего здоровья и о том, что ему нужно ехать по делам в Петербург. Видимо, ему было лучше, он обедал хорошо, вечером пил чай и много говорил. Мгновенный разрыв сердца (без всякой боли) прекратил его существование. Его похоронили в Даниловском монастыре возле Гоголя, Самарина... вообще между людьми, которые были ему когда-то товарищами. Я был на этих похоронах, желая заменить кого-нибудь из ваших, напр[имер], тебя. Странно, что из ваших никого не было, celà m'a choqué [это меня поразило], как могут сложиться обстоятельства. Его все время несли на руках его сослуживцы и прислуга разных железных дорог, при которых он был главным лицом. Оставил после себя духовное завещание, по которому завещал всю свою библиотеку Румянцевскому музею, точно так же и его Брюллова, Левицкого и Иванова. Сверх того завещал свой дневник, который он вел с четырнадцатилетнего возраста по день своей смерти. Последний день был им замечен (замечательно). Завещает свой дневник с тем, чтобы спустя сорок лет после его смерти он был бы напечатан. Можешь себе представить, сколько тут должно быть интересного. Нам с тобою едва ли придется дожить.

Прилагаю к письму цветок и листик, сорванный мною на его могилке. Тебе, может быть, будет это приятно. Много говорят про какой-то капитал, который он оставил после себя, предназначенным в пользу чего-то. Но все это только слухи. Верного еще ничего нет. Сав[ва] Мамонтов и твой брат Алексей остались его душеприказчиками.

Отец твой, Д[митрий] Васильевич, ничего не знает о случившемся про Чижова. Будь осторожен в твоих письмах к нему..

Репину я сказал, что сообщать про Чижова тебе не стану, но я не выдержал..

Надеюсь до скорого свиданья. Что тебе там делать? Ты, я думаю, все твои дощечки дописал..[8].

Третьяковская галерея.

ИЗ ЗАПИСОК Ю. А. АРСЕНЬЕВА

[Брестовец] 27 ноября [1877 г.]

..Мы просидели в хате кн[язя] Долгорукова около часу, причем он угостил нас чаем. При нас заходил к нему также художник Поленов, состоящий при главной квартире цесаревича. Он показывал нам свои талантливые эскизы масляными красками, которые он делает очень быстро, на ходу, набрасывая их на тонких дощечках, по примеру французских баталистов..

Между этими набросками чрезвычайно живописны виды р[еки] Янтры и окружающих горных балок; поражает богатство и разнообразие тонов, которыми отличаются эти горные виды. Особенно хорош небольшой набросок дальней панорамы снежного хребта Балкан при полуденном освещении и на фоне ярко-голубого неба. Весьма удачны также типы пленных турок из последнего дела у Трстника[9].

В. Д. ХРУЩОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** Киев, 6 декабря [18]77 г.*

..На прошлой неделе мы получили квитанцию на вещи, которые Вы нам посылаете, какой большой транспорт. Целуем Ваши ручки и от души Вас благодарим, благодарим и тех добрых милых людей, которые приняли участие в этой посылке.

Мою Елену Дмитр[иевну] выбрали уполномоченной по хозяйственной части и она теперь по вечерам и в настоящую минуту очень занята отчетами, которые будет представлять председателю и членам-учредителям в четверг (это день наших собраний еженедельных)..

Это время, кроме того, что мы работали в самой «Башне», мы старались устроить и внешний порядок и главное собрать хотя небольшой капитал. Много ездили по городу, собирая членов, устраивая концерт, раздавая билеты. Труды были успешные. Концерт удался как нельзя лучше благодаря вмешательству одного милого человека, и мы выручили более трехсот рублей.

Но это не главное, главное—надо было устроить наше общество, чтобы мы могли действовать заодно, сообща и не тянуть в разные стороны. По моей просьбе, а затем по моему предложению на первом же заседании нашего общества была избрана единогласно председательницей Ек[атерина] Леон[идовна] Игнатьева — для меня это был большой триумф. Членами учредителями: гр[афиня] Панина, м-ме Давыдова, я, Лиля, м-ме Бец (жена одн[ого] профессора)..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

** Брестовец, 26 декабря 1877 г.*

Милостивая государыня, Мария Николаевна. Вот уже почти два месяца, что я, исполняя Ваше желание, послал Вам первое письмо. Не получая на него ответа, я написал второе, но и на него не имею до сих пор ни единого от Вас словечка, осмеливаюсь писать в третий раз. Вообще с тех пор как я в Болгарии, все как будто меня забыли. Друзья ничего не пишут, сестра, которая всегда очень точно отвечала, и та ни слова, точно все сговорились.

Одна maman не забывает, только ее письмами и живу. Если Вы не передумали почему-нибудь написать мне несколько слов, как было условлено при прощании, то покорнейше прошу Вас вспомнить обо мне. Вы не можете себе представить, до какой степени всякое известие с милого севера не только приятно, но живительно на меня тут действует. Извините за мою навязчивость, но, по-моему, раз отношения начались, ничего нет хуже, по крайней мере для меня, как неясность, поэтому прошу Вас, если Вы находите продолжение этих отношений почему-нибудь для Вас неудобным, прямо и просто написать мне об этом, а пока я еще нахожусь в недоумении. С глубоким уважением и преданностью остаюсь готовый к услугам

В. Поленов.

** Брестовец, 12 января 1878 г.*

..Ввиду тех громких и блистательных побед, что совершались все это время и совершаются еще теперь за Балканами, наш небольшой отряд, со скромной ролью, ему предназначенной, совершенно исчезает в блеске и славе действительно действующей армии. Но что же делать, кто-нибудь да должен исполнять пассивную роль, она выпала нам. Были и у нас небольшие, а два раза довольно серьезные дела. Вы желаете бо́льших подробностей, постараюсь насколько могу исполнить Ваше желание. 14 ноября во время самого дела мы были довольно далеко, и только потом мой теперешний начальник, т. е. государь наследник, отправился осматривать место битвы. Дело 30 ноября мне удалось видеть ближе. 28 ноября турки стали переходить огромными массами через Лом, против двух позиций Трстника и Мечки, с очевидной целью прорваться у Дуная, истребить переправу и дать помощь Осману под Плевной; войск у нас было очень мало, почти что втрое меньше неприятеля, но в этот день сраженье не начиналось. Вечером мы получили радостную весть, что Плевна взята и поэтому нам пришлют подкрепление через восемь дней, но турки восемь дней не выждали, а 30 пошли на нас в атаку. В восемь часов утра начался огонь

по всей линии, сначала слабый, но вскоре перешедший в общий оглушительный гул. Велено было седлать коней и в путь. Подъехав к возвышенности, с которой довольно ясно была видна большая часть действия, наследник сошел с коня и взошел на курган, с которого долгое время следил за ходом сражения. Или оттого, что солдатики наши крепко стояли на местах и необычайно хладнокровно отбивали каждую атаку турок, а потом скоро перешли в наступление и быстро погнали неприятеля, но на меня эта картина в общем произвела не столь ужасающее, но сколько грандиозное и даже скажу красивое впечатление. Погода была чудесная, ясный солнечный день и совершенное безветрие, дым от орудий и ружей не стлался и не застилал картины, а столбами поднимался кверху. Особенно торжественна была минута, когда наш правый фланг, повернув правым плечом, ударил в левый фланг неприятеля, произвел замешательство, чем и решил победу в нашу пользу. После этого вся наша линия перешла в наступление. Но тут стали везти раненых. Это тяжелое зрелище. Потом мы поехали дальше на самое поле битвы. Оно было усеяно убитыми и умирающими и все больше турками. Я отделился и поехал посмотреть поближе; некоторые из них мне сильно врезались в память. Один с разбитой головой лежал в предсмертной агонии и, вероятно, сжигаемый жаждой, сгребал с головы в рот кровь и мозг, стараясь утолить невыносимую жажду; другой с разбитыми ногами изодрал на себе все платье и почти обнаженный со сжатыми кулаками и закатившимися глазами испускал какое-то глухое хрипение, третий выскреб руками яму возле себя, так тут и умер и т. д. и т. д. Словом, невеселое зрелище. К следующему утру большая часть из них замерзла.. Почти все убитые лежали с открытыми глазами. Странное впечатление делают убитые наповал, особенно если не в голову: лежит человек, под ним лужа крови, а лицо совершенно спокойное, только глаза, хотя и открытые, но тусклые, без блеска. И странное дело, тогда я на все смотрел почти спокойно, даже многих зачертил у себя в альбоме. Вы спрашиваете, нашел ли я сюжеты для картин: и да и нет. Сюжеты мирные, т. е. бивуаки, стоянки, передвижения, хотя и интересны, иногда очень живописны, но мало рисуют войну, сюжеты же человеческого изуродования и смерти слишком сильны в натуре, чтобы быть передаваемы на полотне, по крайней мере, я чувствую в себе какой-то еще недочет, не выходит у меня того, что есть в действительности, там оно так ужасно и так просто... После этого дела были у нас небольшие рекогносцировки, но большей частью мы жили все на месте и довольно спокойно. Много пришлось перенести войску, а отчасти и нам, от холодной почти русской зимы, совершенно неожиданно посетившей нас в Болгарии. Ночью особенно приходилось плохо от холоду. Хотя мы стоим в избушках, но они почти сквозные, плетеные из прутьев и замазаны глиной, маленькие, низенькие и с крошечным оконцем, за неимением стекла заклеенным бумагой. Но все-таки мы не замерзли, а каково бедным солдатикам приходилось. В одном нашем

отряде замерзло и занесено было снегом около трехсот человек, были случаи, что больные замерзали в госпиталях, а сколько пленных турок замерзло, и счету нет. Природа как будто сговорилась с людьми. Мало ей, что около трехсот тысяч людей убито и искалечено войной, да около восьмидесяти тысяч мирных жителей зарезано и вдвое больше пущено по миру, нет же и она захотела участвовать в общем празднике и несколько тыщенок своих жертв прибавила для округления счета... Бедное человечество! Когда-то ты перестанешь страдать? Или никогда? Сколько слез проливалось и проливается ежечасно, и все мало, и все требуется еще и еще. Вспоминается мне небольшое стихотворение Мея, хоть и небольшое, но сильное:

Слезы людские, о слезы людские!
Льетесь вы ранней и поздней порой.
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной...[10]

Очень рад, что Вы начинаете более удовлетворяться своим голосом и пением, значит много и дельно работаете, лишь бы Вам не утомиться чересчур. Тоже очень рад Вашему сценическому успеху, с каким я удовольствием очутился бы теперь в Москве и с каким бы наслаждением послушал бы Вас. Завидую Вашему опьянению от симфоний, у нас тоже иногда бывает опьянение, но не от симфоний, а от коньяку.. При одном воспоминании хорошей музыки делается у меня нервное волнение..

Архив литературы и искусства.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Киев, 3 февраля 1878 г.*

Только что получила твое письмо, такое коротенькое, бесцветное, в котором ты ничего не говоришь, просто так-таки ни слова ни о себе, ни о других... что это значит,— неужели ты на нас рассердился за то, что мы не писали, не думаю, ибо это было бы по крайней мере странно, чтобы не сказать худого слова..

Мы теперь крайне утомлены и на ниточке от упадка духа, так тяжела эта борьба со всякой несправедливостью, грубостью, ложью. А нельзя бросать дела,— так оно сложилось, что изо дня в день, петля за петлей, петля за петлей и затягивается и не можешь оторваться.. Пока мы обе здоровы. У нас турки были и занесли к нам тиф, но нам не в диковину; с ним бороться легче, чем со многими другими..

** Киев, 16 апреля 1878 г.*

Дорогой друг мой, думали мы было выбраться отсюда, да не удалось. В настоящую минуту мы более, нежели когда-нибудь, заняты госпиталем, уже по тому самому более, что во многих первый пыл остыл, все это приелось, надоело и многие бросили,— а людей-то везут все таких же, и им одинаково, как и прежде, нужна помощь и поддержка. Мы работаем поэтому сколько можем, хотя и у нас уже нет ни той энергии, ни тех сил. Теперь ожидаем Алешу, тебя не смеем приглашать, зная, как ты занят и как тебе надоели разъезды..

Третьяковская галерея

ГЛАВА X. 1878—1879 годы

Жизнь в Москве. «Московский дворик» на Передвижной выставке в Москве. Смерть отца. Картины «Бабушкин сад», «Удильщики», «Лето», «Заросший пруд», «Летнее утро», «Речка» на Передвижной выставке в Петербурге и Москве.

И. Н. КРАМСКОЙ — И. Е. РЕПИНУ

Петербург, 17 февраля 1878 г.

..Поленов — здесь, и я у них буду обедать в воскресенье.. Если бы и Поленов изъявил наклонность в нашу сторону, то и он, по всем формальным правам, не должен быть подвергаем «оглашению», потому что он прислал в Товарищество картину, и не его вина, что ее силою от нас оттягали..[1].

И. Е. Репин. Письма.

И. Е. РЕПИН — И. Н. КРАМСКОМУ

[*Москва*] *6 марта* [*1878 г.*]

..Что же это Вы к Поленову обедать не пришли, как обещали в воскресенье? Он приехал очень храбрый, как всегда, и очень довольный собой и своими отношениями к светилу[2]; но вглядываясь в него пристальней, я заметил, что он невозвратимо время потерял и надел на себя камер-юнкерские кандалы, расшитые золотом[3]. А отношений (ах, я наивность!)

никаких и не могло быть (хотя он в этом не сознается). Написал он им хаток, их квартиру внутри и снаружи, мест, где они стояли в бездействии,— вот и все; о войне ни слуху ни духу. Ни одного солдатика или пушки — ничего этого он не видал («русская армия не живописна! Вот турецкая — другое дело»).

В первое же наше свидание я ему развил, со всех сторон, необходимость поступить *теперь* в Товарищество. Он был согласен и только жалел, что крупного у него ничего нет. Но теперь опять отдумал посылать коечто и откладывает, кажется, до крупного. Я подозреваю, не имеет ли на него влияния с этой стороны этот enfant de maman [маменькин сынок] Левицкий.

И. Е. Репин. Письма.

И. Н. КРАМСКОЙ — И. Е. РЕПИНУ

Петербург, 8 марта 1878 г.

..Что касается Поленова, то.. идти против отца и матери — вещь очень трудная, такая трудная, что мы его положения и не можем даже себе представить, а потому говорю решительно: я его не сужу.. Я очень рад был услышать, что Вы его видите, и потому передайте (я не хотел бы, чтоб он имел основание обозвать меня невежей): в назначенное воскресенье я поехал к нему, потому что очень хотел его видеть, только... только меня дворник того дома, куда я явился, чуть не отволок в участок, когда я стал утверждать, что в этом доме живет Поленов. Как это случилось? Конечно, виноват я сам, потому что, когда ушел от меня В[асилий] Д[митриевич], я через часик думаю — запишу-ка я адрес, нечего надеяться на память, и записал: Сергиевская, д. № 42. Хорош? Спрашиваю у одного, у другого, не знают, заходил к Васнецову за адресом, не застал дома, а когда застал, говорит: не знаю; найти найду, а номера не знаю, а я по Сергиевской домов около пяти прошел, все спрашивал, не здесь ли живет Поленов? Когда же узнал точный адрес, он уже уехал. Ну значит не судьба. Ради создателя, передайте Поленову, что все я это передумал: о воскресенье, то есть.. Пусть он посмеется и пусть мое невежливое поведение сочтено будет наказанным.

И. Е. Репин. Письма.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Москва, 13 апреля 1878 г.*

Многоуважаемый Иван Николаевич, картинка моя на Передвижную выставку готова (т. е. картинка давно готова, а рама только теперь)

К сожалению, я не имел времени сделать более значительной вещи — мне хотелось выступить на Передвижную.. с чем-нибудь порядочным; надеюсь в будущем заработать потерянное для искусства время. Картинка моя изображает дворик в Москве, в начале лета[4]. Теперь я не знаю — стоит ли послать ее в Петербург или дождаться уже, когда выставка сюда приедет. Поэтому, будьте столь добры, напишите мне, до каких пор продолжится выставка в Петербурге. Мне ужасно жаль, что Вы не нашли тогда нашей квартиры, но дело в том, что Вы искали вместо 41-го — 42-й номер.

Глубоко уважающий Вас *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург*] *14 апр*[*еля*] *1878 г.*

Уважаемый Василий Дмитриевич. Искренно обрадовался я Вашему письму. Сожалею, что здесь в Петербурге не явилось Вашего имени (так как выставка закрывается 22 апреля и немедленно отправляется в Москву). Но дело от того не изменяется; не изменяется оно и от того: более или менее значительное Вы поставите. Я вполне понимаю, что с Вашей стороны это естественно, но и только. Главное дело в том, чтобы Товарищество, обновившись, отвечало на все шипения и крики делом, достойным внимания. Что это именно так и что на будущий год приготовляется более значительный удар рутине, не подлежит для меня сомнению. Но, несмотря даже и на то, что в настоящем году мы не были особенно блистательны, мы доказали все-таки кому следует, что сил у нас еще достаточно. Потому что с каждым годом все новые и новые лица примируют [первенствуют: от латинского prima]. Те, кто до сих пор оставался в тени и на чьи силы, казалось, нельзя было рассчитывать, вышли вперед и заняли место, показывающее, какая в самом деле огромная сила лежит в нравственных задачах Товарищества. Ярошенко и Савицкий положительно выросли, особенно Ярошенко. Словом, я с надеждой смотрю на будущее и... радуюсь. Ничего, кроме этого одного слова, я не могу Вам сказать.

Что делать, моя память начинает со мной шутить злые шутки: 41-й номер принимает за 42-й через час после того, как слово было сказано. Извините, тем более, что я наказан уже за это.

Уважающий Вас *И. Крамской.*

А не мешало бы Вам сообщить мне свой адрес, а то я пишу это письмо на имя Репина.

Третьяковская галерея.

М. А. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург*] *4 мая 1878 г.*

..Алеша говорит, что твоя картина «Дворик» и Спас-пески посередине, просто прелесть, что этюд очень хорош, но картина гораздо превосходнее[5]. Рыбачками[6] он не так доволен. Говорит, что и ты тоже недоволен ими. Если ты не мог пройти эту воду с натуры, то, по моему мнению, такую вещь выставлять не след. Впрочем, ты, верно, и сам строго к этому делу отнесешься. Насчет того, что ты пишешь о своей работе для цесаревича, я думаю, что хорошо бы было выслать теперь то, что готово и перед отъездом на другую квартиру кончить те три вещи, которые ты предполагал сюда выслать. Рамки все три их ожидают. А потом, пожалуй, все остальные картины вдруг. Алеша говорит, что Брестовец очень вышел хорошо, хоть его пришли,— право лучше и сделаешь большое удовольствие. Впрочем, как знаешь, я тебе не указ[7].

[приписка Д. В. Поленова]

А совет очень хороший и я вполне его разделяю.

Третьяковская галерея.

П. П. ЧИСТЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ И Р. С. ЛЕВИЦКОМУ

[*Петербург, май, 1878 г.*]

Душевно благодарю вас, добрейший Василий Дмитриевич и Рафаил Сергеевич, за ваше радушье и за угощенье ваше[8]. До Питера доехал я благополучно и потихоньку работаю, вспоминая вас. Вероятно, Вы знаете, Василий Дмитриевич, о женитьбе Алексея Дмитриевича. Вот видите, и ранее июля увидимся с Вами. Чего Вы-то смотрите; младшему брату уступаете!.. Впрочем, не торопитесь. Мы, живописцы, народ мимолетный, бездомный. Напишите мне, продалась Ваша картина?[9] Да напишите Ваш новый адрес. Ко мне пишите так: С.-Петербург, Царское село, Фридентальская колония, П. П. Чистякову.

В начале лета, когда еще черемуха и яблони цветут, на моей родине (в Тверской губернии), помню, бывали праздники. В огородах, на свежей зелени, у приютного погребка в тени, частью и в свету, сидят с пивцом в руках добряки крестьяне и, мирно запивая, празднуют. Красивая, срядная молодуха подает из погреба пиво, а они калякают и пьют, пьют и калякают. Бывает между ними и пономарь, а иногда и дворовый пожилой. Вот картина на лето для начала. Только нужно и сочинять и писать добродушно, тепло эту картинку. Нужно видеть народ простой, трудолюбивый, симпатично добрый; а воздух кругом чистый, прозрачный; деревья цветут, а могут и не цвести. Погребок отворен и внутри темно, холодно,

а на пороге, с ковшом в руках наготове, здоровая, свежая бабенка. Ну, да сами лучше увидите, если вздумаете на лето заняться этим сюжетом. 17-го еду со всем семейством на дачу. Буду опять терзать несчастную «Мессалину»; все не могу заморить. Живуща. Что делать![10]

Не торопитесь делаться членом Передвижной выставки, успеете. Слышал я, что Саврасов шуточку свою, впрочем даровитую, продал за пятьсот р[ублей]. Радуюсь. Есть знаток, стало быть[11]. По-моему «Добиньи», что на постоянной выставке, курьез сравнительно с картинкой Саврасова, а небось заплачено прилично! Еще раз спасибо вам, братия, за все. Жена моя вам кланяется, а я певице вашей[12] низко кланяюсь.

Искренне вас любящий *Павел Чистяков.*

Поклонитесь душевно многоуважаемому Илье Ефимовичу с семейством. Передайте ему мою искреннюю благодарность за все...

Третьяковская галерея

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. П. ЧИСТЯКОВУ

Москва, 19 мая 1878 г.

Добрейший и милейший Павел Петрович, большое спасибо Вам за Вашу ко мне дружбу, за все Ваши хорошие советы и за Ваше дружеское и теплое письмо. Рафаил тоже Вас от души за все благодарит. Ваше посещение и наставления обновляют и оживляют всегда, так и этот раз было с нами. После Вас глаза открываются и начинаешь глядеть на дело иначе, начинаешь опять строже относиться к себе, а рядом с этим и смелости больше является. Жаль только, что далеконько Вы от нас живете и редко приходится пользоваться Вашими хорошими наставлениями.. С новыми силами примусь за окончание неоконченных работ. Картина моя действительно продана, ее купил Павел Михайлович Третьяков[13]. Вы не ошиблись. Вы говорите, не торопитесь поступать в передвижники, да оно так и есть, вот уже шесть лет, как я желаю поступить, да разные внешние обстоятельства мешали. Теперь, насколько я понимаю, этих обстоятельств больше нет и я свободен, а все симпатии мои были на стороне этого общества с самого его возникновения, поэтому, если меня примут в члены, то я буду очень этим доволен. Впрочем потолкуем об этом, когда увидимся, а теперь крепко Вас обнимаю и еще раз благодарю за доброе расположение ко мне.

Ваш *В. Поленов.*

Вере Егоровне прошу Вас передать мой нижайший поклон. Илья и вся его семья поживают теперь ничего себе, ребятишки поправляются. Когда переменю квартиру, непременно сообщу адрес.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** [Киев] 13 мая 1878 г.*

..Кончим здесь наше дело в самом ближайшем будущем. «Башня» уже закрыта, некоторые больные наши переведены уже в лагерь, другие временно в смежное с башнею здание, но и эти скоро будут выведены, тогда мы передадим всех больных своих другому кружку.. Теперь у нас осталось не то дело интересное и полезное, что было зимою, а лишь одна суета: кончить с тем, расплатиться с этим, сдать склад третьему и т[ому] подобное..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва, 16 июня 1878 г.*

Дорогая мамочка, к сожалению, а, может быть, и к счастью, Баумгартены уступили мне не двести рублей, как я хотел, а только пятьдесят, на что я, конечно, не согласился, а был в большом затруднении, что делать, так как мы с Рафаилом все углы Москвы избегали и нашли только одну подходящую квартиру, но, к сожалению, в тысячу семьсот р[ублей]. Но в это время ко мне приезжает вдруг гр[аф] Олсуфьев. Ну, конечно, всякие радости, расспросы, рассказы, между прочим о квартире. Он и говорит, что в доме его двоюродного брата отдается флигель. Мы отправились, оказался флигель подходящий и цена семьсот рублей, а сад и описать нельзя какой; пять десятин, старый, заросший барский сад, с оранжереями, храмами, гротами, прудами, горами, словом, какой-то волшебный сон. Я, разумеется, нанял, но перееду не раньше, как недели через две, ибо теперь там красят, клеят, строят и т. д., но все-таки я рад[14].

Работы мои, которые я предположил (т. е. первая серия), подходят к концу, но не знаю еще, когда я их привезу, до переезда или после, вероятно, после. Олсуфьев остался очень доволен работами, сделал несколько замечаний, которые я исправил[15]..

** Имоченцы, 11 сентября 1878 г.*

Дорогая мамочка, благодарим Вас весьма за присланные гостинцы, сиречь виноград, груши, яблоки и арбузы, последние привели в смущение

Дашку и Николая, они никак не могли понять, как такие большие яблоки висят на дереве и не падают. Благодарю папашу за мазь, а Вера благодарит за лекарства, ибо за последнее воскресенье набралось столько больных, что Вера и Аленка до шести часов вечера с ними талякали. Вера исполняла роль врача, а Аленка «фершала»[16].

Третьяковская галерея.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва, 16 октября 1878 г.

Дорогой и добрый друг мой, Василий Дмитриевич, глубоко прочувствованное письмо твое с извещением о смерти отца твоего тронуло меня до слез. *Царствие ему небесное*. Совершенно верно говоришь ты, что трудно покидать *друга-отца*. Что может быть ближе к сердцу тех людей, которые, несмотря на всевозможные препятствия и жизненные невзгоды, употребят все свои силы и средства, чтобы отделить большую часть своей жизни, своего существования — деткам своим.

Смело скажу, что Дмитрий Васильевич, отец твой, принадлежал к числу таких родителей и который именно так относился к святому делу воспитания их. Дети оправдали его заботы и попечения, что и облегчило ему тихо и спокойно отойти от мира сего. *Мир праху Вашему*. Откровенным сердцем высоко чту память Вашу..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург*] *28 генваря* [*1879 г.*]

Мы все очень сочувственно отнеслись к мысли Хрущова изобразить ймоченский домик на портрете папá. На днях пересматривали альбомы, но еще не решили, на чем остановиться. По-моему, домик всего красивее со стороны оврага. Этим фасадом он смотрит на парк и просек и так красиво высится над оврагом. Но тем не менее мама желает иметь твое о сем мнение.

Биография подвигается, выйдет целый томик, написано талантливо и личность папá выходит такая цельная и светлая[17]..

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — П. П. ЧИСТЯКОВУ

[Москва] 24 генв[аря] [18]79 г.

..Поленов написал очень хороший пейзаж «Паромик с лягушками», очень свежо и солнечно и тепло..

И. Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Москва. 1 февраля 1879 г.*

Многоуважаемый Иван Николаевич, ..видел вчера Ваш рисунок, присланный Мамонтову. Сильное впечатление он произвел на всех; очень хорошо взято событие, так глубоко, что неожиданно захватывает вас. Когда Репин открыл рисунок — все смолкло, и так почти час все находились под тихим, грустным настроением[18].

У меня к Вам просьба, Иван Николаевич. Я просил А. К. Беггрова заказать мне рамы, и когда они будут готовы, то переслать их в Правление. Будьте так добры, прикажите их принять, вставить картины, когда оные придут, а главное, будьте так добры, присмотрите за постановкой картин. Так как и в «Болоте» и в «Рыбаках» горизонт взят высоко, то они не должны стоять высоко — не более полутора аршина от полу. «Садик» писан прямо с натуры, поэтому он вышел немного черен и проигрывает от соседства двух первых картин; его следует поставить отдельно от них.

Названия картин: болото с лягушками я называю «Лето», удящих мальчишек—«Рыбачки́», а третью — «Бабушкин сад». Надеюсь прислать картины в конце масленицы.

Искренне преданный Вам *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Петербург. 3 февраля [18]79 г.*

Многоуважаемый Василий Дмитриевич.. Так как выставка наша открывается очень скоро, то было бы недурно получить картины в первой половине первой недели великого поста. Ваши поручения о постановке картин с великим удовольствием исполню.

Какая странность: Вы написали картину *«Бабушкин сад»*, а я пишу одну картину, которую называл сначала *«Дедушкин сад»*, а потом думал

назвать «Волшебная ночь», но, разумеется, в том случае, если она того будет заслуживать. Теперь же волей-неволей должен буду назвать «Волшебной ночью», хоть бы и никакого волшебства и не оказалось. Вот как оно бывает. Впрочем, все к лучшему. Пожалуй, и хорошо, что Вы меня заставили решиться на название раньше самой картины[19].

Уважающий Вас *И. Крамской*.

Очень рад, что Вы находите мой рисунок удачным, и спасибо за теплые слова и участие.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Москва. 12 февраля 1879 г.*

Многоуважаемый Иван Николаевич, я послал пока две вещи, третья еще не высохла, дня через два и ее вышлю. Совпадение названий очень легко устранимо, тем более, что первое название моего садика было «Бабушка и внучка»— пусть оно так и будет. Да оно и справедливее, а то за что же внучку обижать. Картина «Лето» продана Д. П. Боткину за 800 рублей; картина «Рыбачки́» продана Матвееву за 500 рублей; картину «Бабушка и внучка» оценяю в 700 рублей.. Слышал, что Вы больны; от души желаю Вам скорее поправиться.

Искренне преданный Вам *В. Поленов*.

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — И. Е. РЕПИНУ

[Петербург] 14 февраля [18]79 г.

..Поленову не могу отвечать — некогда, пусть извинит.. Картины Поленова были очень дурно уложены. Одну из них, «Лето», прорвал гвоздь, она оборвалась, и на небе дыра в палец. Я принял меры, чтобы поправить; разумеется, ничего не будет заметно, но помалчивайте. Мы вскрыли ящик втроем: я, Литовченко и Беггров, видел и Шишкин.

И. Е. Репин. Письма.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Москва. 15 февраля 1879 г.*

Ужасно смутило меня известие, многоуважаемый Иван Николаевич, что картина моя прорвана, тем более, что Вы не пишете, где прорвана

и как. Если у Вас будет минутка свободного времени, будьте так добры и сообщите мне, где картина прорвана, очень ли сильно и возможно ли сие зачинить. Для большей точности прилагаю набросок ее,— прошу Вас указать чернилами, где именно приключилось несчастье. Третью картину я послал отдельно.

Преданный Вам *В. Поленов.*

Укладывать имел глупость я сам, так что вина вся моя.

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург. 18 февраля 1879 г.*]

Уважаемый Василий Дмитриевич. Картина Ваша прорвалась так, как я нарисовал чернилами, на воздухе. Она упала со своих гвоздей и зацепившись за противоположный винт, так на нем и проехалась. Мы тут еще рассуждали: а что было бы, если бы она не укрепилась на одной этой дырке? Было бы четыре дыры. Зачиниваю я сам, собственноручно, потому что Сидоров в Эрмитаже требовал недели полторы времени; быть может, и мне удастся сделать это сносно; я уже этому немножко научился.

Теперь двенадцать ч[асов] ночи, бумаги ни клочка, вот я и стащил у детей их писчую бумагу. Это я докладываю Вам, чтобы Вы не подумали, что я всегда пишу на такой скверной.

Выставка наша хоть куда. Откроется в пятницу на второй неделе поста и простоит ровно месяц. Об этом мы неустанно будем трубить в газетах — торопитесь, мол, на шестой неделе будет в Москве, это верно. Почему запоздала? Куинджи задерживает, а у него вещи слишком значительные, чтобы не обратить внимания; и так как каталог будет на второй день выставки готов, то надо, чтобы все было в порядке, а то публика всегда ругается. А Репин молодец?

Уважающий Вас *И. Крамской.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

* *Москва. 23 февраля 1879 г.*

Не знаю, как Вас благодарить, уважаемый Иван Николаевич, за Ваше попечение о моей картине. Из этого анекдота я вывожу заключение, что писать картины и укладывать их — две вещи совсем разные и что впредь самому укладывать не надо, а надо поручать людям, опытным

в этом деле. Теперь мы с нетерпением ждем рецензий о наших вещах и вообще о выставке; очень жаль, что она опоздала, одновременное открытие академической выставки может сильно перепутать дело и помешать нашей.

Преданный Вам *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

И. Н. КРАМСКОЙ — И. Е. РЕПИНУ

[*Петербург*] *25 февраля* [*18*]*79 г.*

..Так или иначе, а выставка еще и до сих пор не вся, еще нет десяти номеров и между ними значительных. Ну, да все равно, то, что есть, так загремело, произвело такое впечатление, что, я убежден, после этой выставки ни Академии, ни кому следует — не поздоровится. Там, в Академии, все было употреблено на то, чтобы нас убить, если не собственными средствами, которых, разумеется, недостаточно, то хотя бы с помощью иностранцев, имея во главе Макарта... Теперь они, т. е. там в Академии, сами сознаются, что они перехватили, ходят по нашей выставке и недоумевают, — потому что выставка в самом деле громовая. Сегодня я, наконец, поставил Куинджи и... все просто ахнули! То есть я Вам говорю, выставка блистательная.. в первый раз я радуюсь, радуюсь всеми нервами своего существа. Вот она настоящая-то, то есть такая, какая она может быть, если мы захотим.

Скажите Васнецову, что он молодец за «Преферанс». Не знаю, общий ли тон выставки так влияет или в самом деле выставка далеко за уровень, только я хожу и любуюсь. Поленов молодец, а о Маковском [Владимире] и говорить не следует — перед его картиной плачут, перед Вашей приходят в ужас[20].

И. Е. Репин. «Письма».

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург. 1879 г.*]

..В нашу комнату, где «Софья»[21], на выставке, пожалуйста, не принимай никаких других вещей; свой пруд повесь посередине, а другой — у окна, рядом не вешай — это всегда невыгодно — одна будет мешать другой, впечатление разбиваться будет..

И. Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям.

ГЛАВА XI. 1879—1881 годы

Увлечение М. Н. Климентовой. Начало мамонтовских домашних спектаклей. В Имоченцах. Е. Д. Поленова в Школе поощрения художеств. Заграничная командировка.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

* *Москва. 3 марта 1879 г.*

В последнее время отношения наши, насколько мне удалось их проследить, стали, не смею сказать дружескими, а ровными, спокойными, словом, отношениями хороших знакомых даже, может быть, симпатизирующих друг другу.

Все недосказанности, неясности прошлогодней весны перешли уже в область прошедшего, которое, как Вы сами сказали, не должно более вернуться, а как я вижу, и не может уже вернуться; поэтому прямо и откровенно пишу Вам, Мария Николаевна, с желанием пояснить мое относительно Вас поведение, изложив мое внутреннее душевное состояние за последний год.

Побудило меня к этому, во-первых, обвинение Ваше, которое Вы на днях высказали, что я не хорошо поступил с Вами, нарушив те отношения, которые Вы желали бы, чтобы между нами оставались, а, во-вторых, просто для себя самого; высказавшись Вам прямо, мне будет легче, уже и те немногие откровенные слова, которыми мне удалось с Вами поменяться на днях, много успокоили меня,— да не только успокоили, они влили теплоту в душу. Ясность и определенность, в которую Вы меня теперь поставили, хотя и отрицательные, но все же лучше той нерешенности, в которой я находился без малого год..

В прошлом году, когда я заметил, что во мне развивается к Вам особенное чувство,— пока не назову его прямо по имени, я стал настороже; чувство это начало выясняться, становиться все определеннее и крупнее. Я не хотел ему сразу поверить, не проследив строго его истинность; долго и недоверчиво разбирал я его со всех концов, чтобы не ошибиться и, насколько помню, не проронил в это время ни одного намека, который мог бы его Вам обнаружить. Я не хотел застать Вас врасплох, я не хотел, чтобы чувство мое перешло бы к Вам от меня искусственно, я не старался Вам нравиться, как это бывало прежде, я боялся хотя бы самою малостью возбудить его в Вас нарочно. Я хотел, чтобы чувство в Вас ко мне родилось и развилось, если уже ему было суждено явиться на свет божий, само собою. Но этого не случилось и, вероятно, к Вашему счастью.

В памятный мне вечер, после «Фауста», Вы были совсем другая со мной, чем обыкновенно, Вы называли меня несколько раз довольно выра-

зительными наименованиями: «мой милый друг», «мой Фауст», — я впрочем не придавал этим словам особенного значения, мало ли какие слова приходят вечером в голову, а иногда появляются на языке, но когда, в заключение всего, Вы выразились ясно, хотя и намеком и ответили на мой вопрос, что Вы не шутите, а говорите совершенно серьезно, я точно весь переродился. Вы исчезли, я остался, как озаренный светом. Как теперь, помню эти несколько дивных мгновений. Это было в два часа ночи; хоть и в конце апреля, но погода стояла ужасная, шел снег с дождем, огромные мокрые хлопья так и залепляли лицо, всюду грязно, мокро, пронзительный ветер, а я стоял на ступеньке Вашего крыльца и был несказанно счастлив, и лучшей минуты в моей жизни не было..

И все это из-за одного намека, который можно было потом истолковать как угодно или просто забыть, что впрочем и случилось. Как иногда надо мало человеку,— один намек, и он на седьмом небе. Ну, а если бы Вы тут сказали не намеком, а прямо — да я и не знаю, что бы со мной произошло.. После этого мы почему-то не виделись целую неделю. Что я в эту неделю не переиспытал,— и пересказать не умею! Сколько жгучих мучительных, но и радостно-счастливых было минут — и не помню. Сердцу прямо физически было больно, я не знал, что с ним делать, оно колотилось как птица в клетке, но какая радость, какое счастье, какой огонь разливался во мне.. Чудные были эти минуты. От всей души благодарю Вас за них и.. желаю Вам когда-нибудь их испытать.

Но все это основывалось пока на одном намеке, поэтому мне надо было получить или его подтверждение или же прямое открытое признание.

Через неделю мы встретились,— ничего особенного, я удивился, наконец, спрашиваю — и о, неожиданность!! Даже не помнят, что сказали и с веселым любопытством просят повторить, напомнить.— Ну, тут пришлось уже холодно — очень холодно..

Прошло не знаю сколько времени, но показалось много. Вы, наконец, приходите, помню, как ни в чем не бывало, та же веселая, приветливая, беззаботная, как и всегда. Мне стало совестно перед самим собою, я ясно увидел, что Вы не кокетка, не ветреница, как я Вас называл за последние дни, а просто еще дитя. Умное, интересное, милое дитя с огромным запасом жизни, веселья, чистоты; что в Вас и тени не может быть чего-нибудь намеренно лживого; что Вы, сами того не замечая, даете и радость, и горе, и солнышко, и дождь. Я был совершенно побежден, я был разбит.. Итак, буря прошла, не коснувшись Вас и краюшком.

Когда Вы уехали, я стал понемногу приходить в себя. Тут мне самому пришлось уехать. Грустное событие, которое готовилось в нашей семье, притупило жгучесть моей личной боли. Не до своих горестей было — умирал горячо любимый и высокопочитаемый отец. Но и тут, в эти минуты большой печали, образ Ваш не отходил от меня, он давал мне и силу и бод-

рость твердо нести неминуемое горе. Тут-то я ясно понял, что я Вас действительно беззаветно люблю..

Надо Вам откровенно сознаться, что я довольно-таки увлекался в моей тридцатичетырехлетней жизни.. и с успехом. Но любить — говорю прямо, я никогда никого не любил..

Да, я Вас беззаветно люблю, Мария Николаевна,—да что я говорю! Я не Вас люблю, а я тебя люблю, люблю тебя всей силой моей души, всей страстью моего сердца,— ты мое горе, ты моя радость, моя жизнь, мой свет..

Я часто искал в памяти ту минуту, когда я полюбил тебя и пришел к тому, что полюбил я тебя в день нашей странной случайной встречи..

Скажу теперь несколько слов о будущем: есть у меня еще одна любовь, я и решил ей отдаться. Любовь эта — мое искусство, моя работа, мой труд. Ты сама сказала, что люди, могущие служить искусству, должны жертвовать своим личным удовлетвореньем — счастьем. Я это разделяю и постараюсь применить это к жизни. Докажу на деле, что.. силы воли у меня много, что раз приняв решение, я его доведу до конца, насколько хватит способности и таланта.

Глубоко уважающий Вас *В. Поленов.*

..Портрет.. может быть окончен[1]. Вы смело приезжайте ко мне, как к художнику Поленову, я уговорю Рафаила быть все время в мастерской, что-нибудь читать, он это для меня сделает.. так, чтобы не вышло неприятного для Вас tête à tête.

За помарки в письме извините, завтра уезжаю и потому не успел переписать его.

Архив литературы и искусства.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 14 сентября [*18*]*79 г.*

Ну, брат, Москва не торопится. Я нарочно шел так, чтобы издали увидеть, как испорчен фасад твоего обиталища; ничуть не бывало, он целехонек. Вошел во внутрь: полы взломаны в трех комнатах, и больше ничего, впрочем в средней, т. е. мастерской даже и не весь взломан паркет, а так только с одного края. Андрей жалуется: день работают, и то коекак, а два и вовсе не показываются. Я ему посоветовал сходить к самому хозяину и попросить как можно поторопить работы: Василию Дмитр[иевичу], мол, очень нужно, экстренное дело, и чтобы хотя к 20-му было непременно готово. Андрей обещал исполнить все это, но очень сомневался в успехе своей влиятельности. Это твое дело..

В Москве гораздо теплее, ветру нет, солнце полное, но над всей Москвой стоит такая густая атмосфера из дыма, чада и всякой всячины, что колорит солнца напоминает Париж осенью, «выходя из черного», как говорил Леман, как ранние произведения Веласкеса и Мурильо, интересно. Но в первый раз я убеждаюсь в доброте и благости творца, создавшего ветер. Что бы такое наросло над большими городами, если бы не разгонял бескорыстный благодетель этой густой тучи..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Петербург. 2 декабря 1879 г.*

..Я работаю.. довольно много у Григоровича[2]. Кроме фарфорового класса, начала в натурном акварелью писать, чем очень довольна.. На прошлой неделе продала тарелочку с головой осла (копия) за пятнадцать р[ублей], что весьма мне кстати и еще получила заказ на большой фаянсовой пляке [пластинке] написать с рисунка пером Шварца — пир Грозного..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Петербург*] *21 декабря* [*18*]*79 г.*

..Лилька молодец,— с осени заработала себе больше ста пятидесяти рубл[ей], но, что гораздо дороже денег, это то положение, которое она себе составила там, где она работает. В школе Григоровича она теперь первая, и не только по таланту, а как человек, как деятель. Григорович от нее в восторге, делится с нею своими планами, замыслами. На днях от имени Общества обратился к ней с просьбой принять поручение за границу — поездку с целью изуч[ения] живописи на фарфоре и эмали. «Общество просит Вас смотреть на эту командировку, не как на личное дело, а как на дело общественное. Вы можете этим принести пользу русск[ому] искус[ству] в широких размерах»...

Лилька, вероятно, примет, но еще не знает, на какое время назначить свою поездку. Ее последняя работа в школе chef d'oeuvre, копия с рисунка Шварца — «Пир Иоанна Грозного», заказ Общества поощрения художеств..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 16 января 1880 г.*

Какой скандал, Вася, меня посылают в командировку за границу от Общества поощрения. Я думаю, это первый пример в истории, по крайней мере русской, чтобы особа нашего бабьего сословия получала поручение и отправляема была в командировку с целью изучения и т. д. Когда Григорович сообщил мне об этом, то я отвечала, что во всяком случае принять эту командировку теперь, сейчас, было бы по меньшей мере глупо, и того больше — недобросовестно, потому что ехать с моим теперешним незнанием, значит наверное ничего не сделать. Но они посылают меня в мае, а теперь я должна усиленно готовиться и для этого откладываю многие свои занятия, между прочим и гимназию, а то я там-то усилила, а остальные оставила в прежних размерах. Оказалось, что приходилось спать не более пяти-шести часов и голодать с одною чашкою кофе в желудке до шести часов. При таком режиме, во-первых, очень устаешь, а, во-вторых,— отовсюду уходишь с чувством, что не доделал, да и просто сил не хватает — везде вяло работаешь. Я хочу оставить теперь только: 1) фарфор, т. е. фаянс, 2) мой приютик[3], который очень не хотелось бы бросать, и 3) уроки Чистякова, которые, впрочем, еще не начала, но начну с будущей недели. Вот еще что: перед праздниками по заказу Общества, кажется, писала тебе об этом заказе, я сделала большую пляку, изображающую пир Иоанна Грозного. За эту пляку я получила медаль, хотя нахожу, что она мне не удалась. Впрочем, я думаю, это была медаль политическая: Обществу неловко было бы посылать меня изучать фарфоровое производство, обходя тех из учениц, которые имеют уже медали.

Впрочем, дело не в том, а вот в чем: после экзамена наши работы были выставлены, и какому-то господину это произведение понравилось, и он хотел купить, на что ему сказали, что это приобретено Обществом, тогда он попросил повторить, что мне очень на руку, ибо ни на чем так не узнаешь перемены красок, как на такого рода повторениях. Эта сцена происходит в золотой палате (терема), с которой у тебя сделан этюд; вот если бы ты мне.. прислал его, коли он тебе сейчас не нужен,— в ножки бы тебе поклонилась. Неужели ты до тех пор не побываешь? Мне-то вряд ли придется быть в Москве — время не будет. Все это очень хорошо, только одно связывает меня с Петербургом, ибо по возвращении моем из-за границы Григорович хочет поручить мне заведование всем этим отделением.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

* [*Москва*]. *28 апреля* [*18*]*80 г.*

Многоуважаемая Мария Николаевна, Вы как-то раз назвали меня своим другом, и в этот раз уже не шутя, как Вы сами это мне сказали. Друзья же относительно друг друга имеют не только право.. но и обязанности говорить чистосердечно, как они думают, иначе отношения их были бы пустыми словами.

Вчера я был на Вашем блистательном дебюте [4] и случайно пришлось сидеть рядом с Иваном Сергеевичем Тургеневым, и вот мы вдвоем Вас судили, т. е. говорил почти все Иван Сергеевич, а я больше слушал. Мне все это надо Вам передать, тем более, что Тургенев мне это поручил. Сегодня я не хотел Вам мешать, так как, вероятно, от поздравителей.. Вам сегодня отбоя нет, а я прошу Вас назначить мне, когда к Вам прийти и рассказать все, как следует. Не сердитесь на меня, дорогая моя, за такую навязчивость, я самым искренним образом желаю Вам всего лучшего.

В письме описывать долго, скажу только в нескольких словах общее впечатление Ивана Сергеевича в конце разбора всей оперы, после последней фразы молитвы, которую Вы необыкновенно сильно выразили, он сказал: «Это слишком крупный талант как вокальный, так и драматический, чтобы остаться на полпути, ей немного уже осталось добиться в четыре-пять месяцев у хорошего профессора, как, напр[имер], Viardot [Виардо], она может совершенно закончить свое артистическое образование, из нее может образоваться первоклассная певица, но ей надо еще серьезно поучиться, послушать серьезных артистов, у нее гораздо более природного дарования, чем школы, и это ее счастье, потому что то, что ей дала школа, есть товар весьма дешевый, итальянский, но не первоклассный, а второго или третьего разбора.

От души рад Вашему успеху, поздравляю Вас и желаю еще гораздо большего и более серьезного.

Ваш *В. Поленов.*

Очень тороплюсь, оттого и вышло может быть нескладно, ну да Вы мне все это простите.

Архив литературы и искусства

И. П. ХРУЩОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург. Июнь, 1880 г.*]

..Я только что возвратился из Москвы, где меня задержал Пушкинский праздник. Мы с Васей были и на открытии монумента, и на обеде, и на заседаниях. Овации Тургеневу были беспримерны, да и речи о Пушкине хороши. Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе

глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться, не отдохнуть от всех тяжелых впечатлений последних лет. Был подъем духа, был праздник, какого не запомню с Ломоносовского юбилея. Вася был пьян духом, и я рад, что вытащил его из мастерской, да и он рад. У него был Тургенев, которому он поднес повторение «Дворика» [5]. Он работает картины: две из Болгарской войны,— небольшие и большую, которая очень понравилась Тургеневу,— «Умирающая». Постель, на ней *больная*,— у постели записывает последнюю волю *гостья*. Обстановка бедная, студенческая. Вся прелесть в выражении лица умирающей.. [6].

За обедом в день открытия памятника Пушкина я сидел близко от Григоровича, и мы говорили о Вас. Его мнение о такой близкой особе было для меня очень интересно. Во всяком случае он надеется на успех. Успеха желаю и я искренно..

Архив Поленовых.

В. Д. ХРУЩОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

**Имоченцы. 15 августа [18]80 г.*

..Вот уже месяц, что у нас нет дождей, ветер меняется, но погода остается превосходной. Только желанного западника[7] нет как нет. По вечерам устраиваются концерты — поют хоры, квартеты. К сегодняшнему вечеру готовят исполнение Васиной оратории[8]. Это время Хрущов нам читал о Пушкинском празднике, все, что было написано лучшего,— речи и статьи, между прочим, и свою статью, напечатанную в «Береге», очень интересно и живо написанную, испорчено началом, где как-то кстати и некстати приплетаются всякие цари и царицы. Я уже тебе писала об успехе Алешиной брошюры, я ее читаю теперь,— очень серьезная вещь[9]. Я бы желала остаться в Имоченцах елико можно дольше, здесь мне лучше, спокойнее и дешевле. А главное работать можно,— а пока я еще не принималась за Курбского, все времени нет,— рассчитываю на осень. Вася начал писать с натуры, я ему читаю в это время. Хрущов оч[ень] занят своей почтой[10] и разбором здешней библиотеки. Все было бы хорошо, если бы пошли мои работы, но до сих пор они сильно хромают,— и мне на себя досадно, иногда мне даже кажется, что из меня ничего путного и не выйдет[11]. Когда ты думаешь вернуться? Напиши, мне бы не хотелось раньше твоего возвращения ехать в Питер..

** Имоченцы. 27 августа [18]80 г.*

..Не знаю, писала ли я тебе, что пока здесь был Алеша, у нас устраивались хоры и квартеты,— последнее время изучили и исполнили Васи-

ну ораторию «Два мира». Исполнили вполне с чтением. Очень впечатлительно и сильно. Есть места в музыке высоко драматические. Какой он талантливый. Теперь, что уехал Алеша, меньше музыки, больше чтения и кабинетных занятий..

Мы теперь читаем по вечерам записки Пассек. Очень живо написано и такое интересное время. Это та самая Пассек, которая издает теперь детск[ий] журнал. Я хочу с ней познакомиться. Вообще хорошо бы мне эту зиму приобрести нужные знакомства..

Архив Поленовых.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Москва. 23 августа [18]80 г.*

Хочу на несколько минут нарушить твой северный покой, дорогой друг Базиль. Дело в том, что я приступил к осуществлению твоей мысли по обстановке статуи Христа[12] и мучим сомнениями, которые ты один можешь истребить.

На рисунке, который ты мне дал, показаны колонны, даже есть две детали их. Не могу я догадаться, как они задуманы, одной ли ширины сверху донизу или верх несколько шире. Мне кажется, что ширина должна быть одна? Чтобы не пришлось потом рвать на себе последние волосы, я решился спросить тебя. Не откажи черкнуть словечко. Какая, ты думаешь, должна быть толщина колонн, довольно ли 4 вершка? Возвышение пола выходит, по моему соображению, только на 1/2 ар[шина] с одной ступенью, иначе статуя станет слишком высока для зрителя. Прилагаю тебе сколок с твоего рисунка и размеры. Если будет свободная минутка, ответь.

Что ты поделываешь, как тебя встретил твой любимый север? Как твое расположение духа? Не знаю, верно ли, но мне как будто чувствовалось, когда ты жил в Абрамцеве[13], что у тебя не совсем легко было на душе, и у меня за тебя сердце побаливало..[14]. Живем мы по-прежнему, я временами охаю, когда тесно в груди, и смеюсь и весел, когда отпустит. Жена с ребятами ездила в Киев, а я за это время сиротствовал с дочерьми. В один из дней моего одиночества посетил меня Рафаил, пробыл день и заспешил в Москву. Я, Репин и Васнецов вылепили друг друга, и теперь торжественно стоят три бюста, приедешь — увидишь[15]. Будь здоров и весел. Искренно жму твою десницу и желаю всего лучшего.

Твой *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Париж. 12/24 сентября 1880 г.*

.. Я уже начала осмотр музеев, фабрик, мастерских и пр. На днях мы были у *самого Дека*, и я с ним познакомилась, он — милейший человек. Очень любезно меня принял, узнавши, что я прислана в Париж Григоровичем. Показал нам прежде всю свою выставку, т. е. готовые вещи, которые д[олжны] б[ыть] выставлены в магазине, есть чудные блюда Collin [Колэна] и других художников. Показывал свои краски, им изобретенные. Он долго держал в секрете состав violet [фиолетовый] и bleu turquois [бирюзовый синий], но теперь под голубой его цвет и другие начали подделываться, хотя той свежести и прозрачности никто не мог достичь. Затем он повел нас по мастерским: в первой работала женщина, она поливала эмалями вазу, т[ак] наз[ываемую] cloisonné [клуазонированную]: это была большая ваза, она расписана по бисквиту, потом клуазонирована и затем уже залита прозрачными эмалями. Потом он показал нам блюдо, приготовленное для живописи, опять совсем особое приготовление: он обжигает бисквит, как все, потом покрывает его белой массой engobe [паста для керамики] и опять обжигает. Оно похоже на гипс, потом его расписывают, опять прожигают краски, потом поливают couvert'ом [эмалью] и тогда в четвертый и последний раз в огонь. Поправки и дополнения невозможны. Их чудный, прозрачный, чистый bleu turquois [бирюзовый синий] в необожженном виде — грязно-серый. Вообще краски совсем изменяются. Потом он показал все производство: изготовление глины, эмали, мастерскую, где мулируют, муфеля для обжога живописи и печи для обжога посуды. Потом повел в мастерскую, где работают художники. Я после этого хотела уехать, но он не пустил: «Non, non, attendez donc, puisque vous êtes venue de si loin, il faut, que je vous montre tout, allons voir l'atelier de mon frère» [нет, нет, подождите, так как Вы приехали издалека, надо, чтобы я Вам показал все. Пойдемте посмотреть мастерскую моего брата]. Это небольшой музей, где находятся образцы древнего, китайского и испанско-мавританского керамического производства, и затем целая стена посвящена лучшим, наиболее удачным их собственной фабрики. На самом почетном месте висят три головки Анкера: в середине женская головка удивительно легко и тонко сработанная, на голубом фоне и в голубом платье с белым кружевным покрывалом на голове, и две головы стариков. Чудесные вещи. Потом показал нам свою salle de bain [ванну] — изразцы и пласты в мавританском стиле, и мы снова вышли в сад. Очень мило они живут, в глухом квартале Парижа (в Vaugirard'е) [Вожирар], маленькие домики в большом саду, а сад весь украшен фаянсом: изразцы на заборах, вазы и т. д. Прощаясь, я горячо благодарила его, он очень любезно говорил, как счастлив был со мною познакомиться, и звал еще к себе, если я останусь в Париже, а равно и на будущее время.

Мы расстались «до свиданья» и друзьями. Раньше еще, когда я была в его магазине, чтобы попросить позволения быть на фабрике и познакомиться с его сестрой, то она мне рассказала, что у них, кроме своих наемных декоратеров [прикладников], есть в Париже двенадцать художников, между ними одна барыня, которые получают его посуду и его краски, работают у себя и делают что им вздумается, у него обжигают и продают за известный процент в его магазине. Так работает Анкер, Collin [Колэн] и др.

Теперь здесь Бок. Некоторые вещи вместе осматриваем с ним — интересно. Он знает древнюю керамическую живопись. Работаю пока дома, но на днях начну в мастерской у одного здешнего керамика. Новые горизонты все открываются, даже досада берет — не поспеваешь..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Имоченцы. 26 сентября 1880 г.*

.. Очень интересно, что ты пишешь о Деке, это самый талантливый, по-моему, фабрикант, и на него работают замечательные художники. Это знакомство тебе будет полезнее, чем все остальное. Хорошо было бы у него поработать, если это возможно. Я нынешнее лето с половины и осень провожу в Имоченцах. Вторая половина лета и первая осени были небывалой красоты, теплоты, ясности, чистоты, сухости без засухи и пожаров. Словом, я такого сезона не помню.. Писал я все больше Оять с разных пунктов, хочу из нее сделать две-три картины..

Летом была тут большая компания и много было экскурсий. Впрочем, это в порядке вещей. Из ряду выходящим занятием была музыка, симфонии Бетховена в четыре руки и квартетное пение, исполнялась и моя оратория. Очень мне жаль, что тебя не было и нет теперь. Вдвоем работать гораздо интереснее, да и вообще по-многому...

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Париж. 12/24 октября 1880 г.*

.. В настоящее время я занимаюсь эмалью «limoutin» [лиможем], что называется, и имела chance [удачу] попасть на учителя дорогого, но редко хорошего. Когда я прошла то, что хотела и что можно было узнать у Егорова и на фабриках, то я написала об этом Григоровичу и прибавила,

что желаю теперь заняться лиможами, в ответ получила от него восторженное письмо. Эта мысль ему очень понравилась, ввиду того, что он так желает ввести этот род живописи в своей школе. Я занялась им серьезно и напала на отличного учителя и милейшего человека, так что мы теперь друзья и дело пошло на лад. Вообще письмо Григоровича очень милое, теплое, внимательное. Я послала им в Питер несколько образчиков своих работ, не знаю, что они скажут. Теперь такая хорошая пора для работы в Париже, я вообще осенью всегда лучше всего работаю, а теперь очень, кроме того, втянулась в Париж; все-таки нигде на свете так хорошо не работается (говоря про изучение чего-либо), как здесь. Вот еще деревня для вольного труда с натуры хороша. Работать — и в Имоченцах, и в Воейкове, и где угодно, а учиться — в Париже, а жить — в Москве. Как, жаль, что год не состоит из трех осеней! Из них одну бы учиться в Париже другую — наслаждаться работой с натуры в деревне, а третью — в Москве применять к делу свои знания! Костя еще здесь, но собирается ехать. Много наехало народа, но я еще ни с кем не видалась, ибо очень занята: ежедневно работаю у Siefert'a [Зиферта].. Сегодня не у него, потому что сегодня воскресенье. Свободна и иду на выставку в Palais de l'Industrie [Дворец промышленности]..

Третьяковская галерея.

В. Д. ХРУЩОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 26 октября [18]80 г.*

.. Вася уехал в Москву третьего дня. Ему очень хотелось тебя видеть, но по твоему последнему письму Хрущову видно, что ты еще не скоро вернешься, а ему надо было очень спешить ввиду выставки. Им, т. е. передвижникам, разрешено в ней участвовать наравне с Академией и вместе с тем совершенно самостоятельно. Вася говорит, что это большая победа [16]. Он везет из Имоченец много этюдов, больше пейзажи и три или четыре головки [17].

Архив Поленовых.

В. Д. ХРУЩОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 5 ноября 1880 г.

..Сегодня получила письмо от Лили прямо из Парижа,— пишет, что едет домой. Я очень рада. Хотя она и говорит, что работы осталось еще очень много, но, как видно, она много и сделала. «Последнее время,—

пишет,— днем бегала по фабрикам и мастерским, а работала только по ночам. Очень интересно, как-то теперь пойдет дело здесь..»

Вчера я была в музее Григоровича и видела картину Куинджи «Ночь на Днепре». Что за диво,—не знаю, хорошо ли, худо ли, но ничего подобного прежде не видела. Луна светит по-настоящему, зыбь на реке серебрится и мерцает, на земле ночной покой разлит,— огонек на берегу горит, он горит сам по себе, друг другу не мешают, как и бывает в природе. Картина стоит в темной комнате, что еще усиливает волшебность ее. Мешает смотреть рама, золотая рама, которая безбожно блестит и слепит глаза. Перед нею постоянная толпа. В темноте толкаются, спотыкаются друг через друга, слышны возгласы восторга и изумления.. И действительно фокус. Кажется, тут был и сам Куинджи — ассирийская голова, черный, широкоплечий, не очень высок..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Петербург. 1 декабря 1880 г.*

Давно собиралась написать тебе обо всех моих обстоятельствах, но все не было времени. Вначале, когда я возвратилась из Парижа, я сама немного заболела, но теперь я-то поправилась, но Вера простудилась и слегла, так что я даже в школе теперь не бываю, а взяла работу на дом и теперь дома работаю.. Очень нас она напугала.. Я боюсь, что при ее всегдашней слабости и малокровии эта болезнь испортит ей всю зиму. Всегда так дурно ей, когда осенью она бывает больна. Напишу тебе еще хотя несколько слов послезавтра. Пока прощай..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 3 декабря* [*18*]*80 г.*

Что это с Верой случилось. Ужасно это известие меня перевернуло. Летом и осенью она себя, кажется, хорошо чувствовала, много работала, ходила, наконец, необыкновенно бодро перенесла зимнее путешествие от Имоченец до Питера. Я уже радовался, что она окрепла и поздоровела, а тут вдруг слегла. Ужасно обидно.

Я нынешнюю зиму уединился совершенно. Нигде не бываю, даже у Мамонтовых был один только раз, сказал, что затворяюсь, чтобы рабо-

тать и просил не сердиться на меня, если я не буду бывать. Работаю от девяти часов утра до девяти часов вечера и не скажу, чтобы чувствовал себя утомленным, правильная жизнь и интересная работа меня не утомляют. Единственное освежение я позволяю себе в лице симфонических концертов по субботам, куда я прокрадываюсь потаенным ходом и сижу на хорах в темном углу, чтобы никто меня не видел. Хотелось бы поработать так месяца четыре или пять. Ты ничего не пишешь о Григоровиче и о твоей работе в школе. Извести об Вере. Если мое присутствие нужно, то я приеду..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Петербург. 6 декабря 1880 г.*

..Твое присутствие покуда не нужно. Верина болезнь очень серьезная, но опасности нет. Вчера был Белоголовый, он опытный в этом деле и очень Вере понравился. Ее это очень ободрило, а это весьма важно при ее нервности. Я всего более боюсь за выздоровление, т. е. что при ее слабости такая болезнь ее очень истощит. Мамашу ждем с большим нетерпением. Получили телеграмму, что она выезжает из Воейкова должно быть завтра, но будет сюда только в пятницу. Напишу еще, хотя доктор думает, что затянется, худых симптомов нет, нет осложнений, но самая болезнь очень долгая. Я, конечно, совсем не работаю.

* *Петербург. 23 декабря 1880 г.*

Вера вне опасности, но еще надолго, кажется, прикована к постели. Бедная, коли бы ты видел, до чего она изменилась. Теперь нравственно мы стали немного спокойнее, но фактически так же много хлопочем около нее. Болезнь такая, что требует самого внимательного и безотлучного ухода. Вот сегодня четыре недели, что я никуда. Ни у кого не была еще с приезда, не принялась работать, а между тем очень бы надо. У меня было много заготовлено за лето неприятного в школе. У меня есть там друзья, но есть и злые враги.. Никогда еще не было стольких мне со всех сторон предложений интересных работ и занятий. Ото всего должна отказываться — грустно. Очень тебе завидую, что ты можешь работать. Ну, да что ж делать, обстоятельства не всегда складываются так, как мы этого желаем,—лишь бы ее-то выходить, так чтобы следов не осталось от этого плеврита..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 25 декабря [18]80 г.*

Однако сильно прихватило Веру, что и до сих пор она не может оправиться, и при ее слабом здоровье всякая болезнь вдвойне тяжело ложится. Да уж то радость, что дело идет к лучшему. Дай бог ей хорошенько поправиться, да и вообще ей следует восстановить здоровье. Это счастье, что на хорошего доктора набрели, может быть, он действительно сумеет ей помочь. С тех пор как ей лучше стало и у меня работа пошла гораздо успешнее, а то ужасно было тяжело. Я нынешнюю зиму так устроился, что ни у кого не бываю, а сижу целый день дома, впрочем, не сижу, а больше стою, потому что работаю больше стоя. День распределен так: до девяти часов приготовление к работе, в девять — чай, от десяти до часа — настоящая работа, т. е. живопись серьезная, в час—обед до двух, от двух до четырех — опять настоящая работа, от четырех до пяти — движение на воздухе по Девичьему полю. Потом два часа либо письма, либо чтение, вообще случайные занятия, в это же время я иногда пишу симфонию для Веры. Как только ей будет совсем лучше, то я пришлю, если не всю, то первую часть. Потом два с половиною часа опять живопись, но только подготовительная, или эскизы. В девять с половиной — ужин и чай, в одиннадцать — спать, и так каждый день.

Последнее время я позволил себе раза два побывать у Мамонтовых. Савва написал драму в виде мистерии, сюжетом взял историю Иосифа[18], собрал всех своих ребятишек — детей и племянников — оказалось до сорока штук, заставил их разучить и вышла прелесть какая вещь. Для постановки понадобился я, и вот под моим руководством написали своими средствами декорации, и удачно вышло. Завтра генеральная репетиция, а в воскресенье — представленье. Что за талантливая личность — этот Савва, как он языком владеет; и все это выходит у него сюрпризом для самого себя. Е[лизавета] Г[ригорьевна] сильно к сердцу приняла известие о Вериной болезни. Хороший она человек. Всех обнимаю.

В. Поленов.

Об деньгах не беспокойся, возвратясь из Имоченц в Москву, я написал две картинки для периодической выставки Общества поощрения[19] и продал их еще в мастерской, теперь у меня есть, а как только выставка кончится, получу все сполна.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

[Петербург] 4 марта 1881 г.

Многоуважаемая Елисавета Григорьевна, благодарю Вас за участие. Состояние сестры не хорошо, хотя доктора до сих пор подают надежды,

но я мало этому верю, сегодня была вторая операция. Эксудат опять оказался серозным, но слаба она уже очень, а главное температура ее не оставляет. Доктора говорят, что такого странного организма с такими противоречиями они не встречали, и это не первый раз, что доктора это находят. Бедная, она сильно страдает от неумолкаемого жару. Боже, какое тяжелое время.

* *Петербург. 8 марта 1881 г.*

Дорогая Елизавета Григорьевна, вчера в десять часов утра не стало моей Веры[20]. Она Вас очень любила, несмотря на отрывочное знакомство, да и Вам она, кажется, была симпатична. Мать и сестра очень спокойны и пока мы все здоровы. Я предложил матери перебраться в Москву. Она с радостью ухватилась за эту мысль. Это на первое время ее займет — хлопоты и переезд и т. д. Поэтому мы хотим похоронить сестру там же. Прошу очень Савву мне помочь по этому поводу в Москве, конечно, он не откажет. Приедем мы, вероятно, в пятницу, но я об этом телеграфирую.

В. Поленов.

Архив Поленовых.

Н. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва. Март 1881 г.*]

.. Долго я не могла решиться писать тебе; со вчерашнего вечера все колебалась; но теперь не могу больше, хоть, может быть, это и глупо и смысла не имеет, но нужно душу излить.. а приду к тебе, опять буду молчать..

Я свои чувства к Поленову никогда не выражаю, разве иногда только прорвется оно, но потом и опять овладею им. Особенно уже последнее время я стараюсь подавить его. Но верь, Лиза, оно страшно сильно и время только все сильнее развивает его. Я не требую взаимности, эти золотые мечты прошли теперь, а если когда и найдут опять, я скорее гоню их. Я жажду доверия, как к человеку.. Я живо за него чувствую, что он теперь должен испытать, потеряв лучшего друга.. Я душу рада отдать, чтобы облегчить это страдание его, а что же я могу сделать — ничего.. Да и к чему ему вдруг мое участие, сочувствие; эта еще что выскочила, что она мне... А он для меня самый близкий сердцу человек.. его образ неразлучен со мной, во всех моих думах, во всех моих действиях..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 4 апреля [18]81 г.*

Лилька, напиши хоть словечко, ничего об вас не знаю. Как мамаша себя чувствует, как ты себя ведешь.. Я начинаю жалеть, что от вас уехал, если что нужно, то напиши и я немедленно явлюсь.. Не знаю, как это устроить, а мне кажется, что тебе и мамаше следовало бы на весну уехать из Питера, хоть в Анашку или в Воейково, впрочем, я не знаю, как ты думаешь лучше, так и делай, но во всяком случае побереги себя хоть для меня. Один только и есть ты у меня близкий человек, не уходи же себя, если что нужно, напиши, я все сделаю. Вообще как только весна настанет, вам нужно в деревню, это тем более возможно, что ты зимой хочешь вернуться в Питер для школы керамики. Квартиры в Москве начинают появляться. Теперь я работаю над разными неотлагательными работами, а на страстной думаю приняться искать квартиру.. Тут хотя и тяжело, но все-таки не так, как в Питере, а вместе было бы гораздо вольготнее..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *[Петербург]. 4 апреля 1881 г.*

..На меня опять находят сильные сомнения. Мне наша комбинация начинает казаться неподходящей. Чтобы не было врозь тоскливо, мы будем жить — мама *одна* в Анашке (по крайней мере два месяца — сентябрь и октябрь). Я — *одна*, только частью с Костей в Питере в номере гостиницы. Ты — *один* в Москве в квартире, где пустуют двадцать комнат и которая стоит около двух тысяч руб[лей] сер[ебром]. Это значит, что мы все собрались в кучку, чтобы не было так тоскливо. Опять меня преследует мысль — разорять ли так сразу питерский дом.. До свиданья. Как и что ты думаешь? Мама на все согласна. Она желаний положительных не имеет, поэтому мы должны решить за нее..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 10 апреля 1881 г.*

..Во вторник на страстной неделе я был на кладбище. Еще очень много снега. Верину могилу при мне расчистили и поставили у сосны скамейку; сажать деревья я пока не решился, потому что земля еще не протаяла. Со временем там будет очень хорошо..

Москва. 24 апреля 1881 г.

..Думал выехать сегодня, но работы около Вериной могилы не кончены. Я хочу обнести эту площадку пока деревянным забором. На каменный цоколь и чугунную решотку надо приготовить денег, на такое большое место это будет стоить более тысячи рублей. А посадить деревья, поставить одну загородку опасно — все изломают. Подрядчик обещал все кончить к четвергу будущей недели, я и хочу дождаться, чтобы при мне это сделать. Без меня все перепутают. Я купил разных деревьев и кустарников и посажу их прежде, а цветы потом. У нас стоит чудная погода. Отдохнуть бы вам в деревне где-нибудь надо. Я у Мамонтовых и нравственно и физически ободряюсь.

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XII. 1881 — 1882 годы

Первое путешествие В. Д. Поленова на Восток с А. В. Праховым и С. С. Абамелек-Лазаревым.

В. Д. ПОЛЕНОВ — А. В. ПРАХОВУ

* *Москва. 8 ноября 1881 г.*

Дорогой Адриан Викторович, сегодня узнал я от Саввы, что Вы собираетесь в странствование на Восток, правда ли это? Я ведь тоже имею намерение предпринять такое же путешествие, и если почему-либо это не расстроит Ваших планов, то я был бы несказанно рад совершить его вместе с Вами. Прошу Вас написать мне два словечка, но совершенно откровенно, подходит ли Вам это или нет, для меня это было бы совершенным обновлением. Если да, т. е. я не буду Вам помехой, то напишите мне в немногих словах приблизительный маршрут и время отправления, чтобы я мог приготовиться. А главное прошу Вас быть откровенным и прямо написать мне, если Вам мое спутничество неудобно. Искренно любящий Вас

В. Поленов.

Архив Праховых.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. В. ЯКУНЧИКОВОЙ

* *Москва. 19 ноября 1881 г.*

Были в соборах.. Простилась с Поленовым перед его отъездом в Египет. Самые разнообразные чувства волнуют меня. И тяжело ужасно и в то же время радуется сердце за слишком дорогого человека..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. Н. КЛИМЕНТОВОЙ

Каир. 8 декабря [18]81 г.

С тех пор как я с Вами простился, моя дорогая, сменилось столько.. новых мест и лиц, что я теряюсь, начиная свое немудрое описание. Странное чувство овладело мною, покидая Москву. То, что я накануне узнал, было так неожиданно, так неподготовленно, что мне как-то не верилось. Давно я уже заставил себя считать все это прошедшим, привык уже и не думать.. И вдруг опять все поднялось.. и жутко, и отрадно, и больно мне стало, противоположные мысли мешались в голове, и я долго не мог в них распутаться.. Путевые товарищи мои, люди веселые и не любящие много задумываться, наконец, растрепали мою смущенную душу и отрезвили кружащуюся голову[1].

Рядом с этим предпринимаемый мною путь был для меня так интересен, я уже так давно мечтал об нем, что теперь, когда мечта многих лет начинала осуществляться, я не верил такой удаче, смотрел на себя как на постороннего человека и завидовал ему.

Проезжая Орел, я припомнил 31 августа [18]77 года. Памятный мне день[2].

В Киеве мы провели сутки и осмотрели чудесные византийские мозаики XI века на стенах Софийского собора и интереснейшие, вновь открытые фрески в Кирилловском монастыре, работы на один век позднее, но уже русской, т. е. с русскими надписями, а не греческими, как в Софии.

Кроме того, я был в школе рисования, основанной одним академическим товарищем, некто Мурашко. Не обладая ни талантом, а еще меньше деньгами, а имея при себе только терпение и страстную любовь к делу, Мурашко основал школу, собрал очень миленький музей и до сих пор ведет ее и преподает один-одинешенек. Нынешней весной двое из его учеников получили в Академии большие золотые медали. «Выше этой награды я еще ничего не имел в жизни»,— говорит он. Самое отрадное впечатление. Красивый город этот Киев, притом был мягкий безоблачный осенний день.

Во время переезда нашего через границу случилось полное лунное затмение. Когда Никий собирался отступать от Сиракуз, случилось тоже лунное затмение, он понял эту штуку с дурной стороны, остановил выступление, вследствие чего и погиб. Мы ему не последовали, а храбро продолжали ехать в вагоне, что нас за это ожидает, не знаю, но желаю, чтобы не участь Никия.

В Румынии холод, 6 градусов мороза, а румыны почему-то думают, что у них тропики и не топят ни вагонов, ни комнат, даже не затворяют дверей на улицу и на вопрос, отчего они так делают, нам отвечают, что теперь еще не ночь, чтобы затворять двери.

Дунай переехали под Журжевым. Недалеко от этих мест переезжал я его в 77 году, но тогда под угрожающими пушками рущукских бастио-

нов и вблизи наших минных заграждений. Помню мое тогдашнее настроение. Настоящее было очень тяжело, но будущее, разумеется мое личное, казалось мне широко развертывающимся, сколько было веры в свои силы, сколько надежды на жизнь, сколько любви в сердце и что же, теперь ото всего этого остались одни обломки..

Я не рисуюсь, говоря это Вам, перед Вами мне нечего притворяться и разыгрывать роль, я говорю это совершенно искренно, постараюсь сохранить хоть дорогие мне обломки.

Чудесная плодородная страна Болгария, а сколько русской крови пролито за нее, дай бог ей развития и процветания.

Но вот и в Варне, вечер, Черное море спокойно, даже береговые огоньки отражаются красными столбиками в слегка колеблющихся водах залива. Мы очень этому довольны, авось не будет качать.

Пароход дает свисток и пускается в путь, его начинает слегка покачивать, но мы крепимся, качка усиливается, все ничего, наконец, к утру я не выдержал и слегка заболел. Скверное, гнусное, презрительное состояние, когда укачивает.

Но вот берега Босфора, и пароход входит в пролив. Небо серое, покрыто тяжелыми облаками. Холодный ветер пронизывает вас, береговые холмы, а для нас, обитателей плоской России, пожалуй, и горы, весной, вероятно, очень красивы, хотя однообразны, но теперь они серо-рыжего цвета, зелени совершенно нет, за исключением черных длинных кипарисов и темных зонтичных пиний. Общее впечатление грязное и унылое. Полуевропейские, полутурецкие домики, унизывающие береговые холмы, не характерны. На половине Босфора высятся две сердитые, но теперь безвредные башни и зубчатые стены крепости, построенной Магометом II, а потом захваченной генуэзцами.

Наконец показался Константинополь. Общий вид его: это груда грязно-желтых и серо-коричневых домиков, громоздящихся один на другом, перерезаемых длинными желтыми уродливыми зданиями казарм и красивыми массами полукруглых куполов мечетей с высокими минаретами. Пароход наш останавливается при входе в Золотой Рог, длинный и узкий залив Мраморного моря, делящий Константинополь на две части: со всех сторон подплывают лодки и каики, крик, шум, толкотня, проезжает маленький пароходик и давит лодки, завязывается брань и драка... Наконец, нас спустили в лодку и повезли к берегу Перы (Пера — европейский квартал Константинополя), осмотрели на таможне вещи, т. е. дали турке бакшиш (бакшиши на Востоке имеют магическое значение, переводя на русский язык,— это значит на водку), чем дело и кончилось. Наши чемоданы ввалили себе на спину носильщики и понесли в гору. В Константинополе все тяжести переносятся людьми, так как вследствие постоянных крутых подъемов и спусков лошади в малом употреблении, а то, что у нас называется ломовые, то их совсем нет. Мы пошли с проводниками пешком.

Улицы Константинополя узкие, грязные, с самыми разнообразными запахами, дома высокие с выступающими этажами и закрытыми балконами. Тротуаров почти нет, все ходят прямо по улице. Люди, собаки, которых почти столько же, сколько людей, лошадки с толстыми турецкими эфенди, наконец, экипажи, которых, впрочем, очень мало, все это смешивалось в полусонной суматохе и толкотне. Оправившись немного, мы первым делом отправились в Стамбул, т. е. древний город, собственно Византию, впоследствии Константинополь. Проехав по мосту через Золотой Рог, поднявшись грязными, плохо вымощенными улицами Стамбула, мы очутились на холме, на котором стоит Айя-София (Святая премудрость) и на котором стояли прежде дворцы византийских императоров, гипподром и т. д. Теперь на этом холме находится дворец султанов (Эски-сарай), очень бездарная постройка с сокровищницей, с удивительным фарфоровым арабским киоском. Султаны больше не живут в этом дворце, он стоит уныло, уединенно и заброшенно. Впрочем, в этом вся его прелесть. Чудный холм, с него, как на ладони, перед тобою растилается часть Стамбула, Золотой Рог, Пера, Галат, Босфор [....], Мраморное море, Принцевы острова, высокие голубые горы, азиатские берега и далеко за ними, в облаках, Олимп вефинский, покрытый снегом. На первом плане кипарисы, лавры, платаны, пинии. И вся эта панорама, как по заказу, осветилась до этих пор скрывавшимся солнцем. Чудная картина...

Спустясь темным узким, необыкновенно зловонным переходом, очутились мы у северного входа нартекса, сняв калоши вместо мусульманских туфель, которые обязательно надо снимать при входе в мечеть, взошли мы в мраморный с золотыми сводами нартекс или закрытую паперть храма. Но тут мы были остановлены тремя оборванными девчонками от пяти до семи лет, которые очень озабоченно стали объяснять, что теперь гяурам, т. е. нечистым, нельзя входить в храм, так как сейчас начнется молитва правоверных. Наш переводчик их успокоил, сказав, что это не их дело, а что лучше они бы вызвали муллу (священника). Девчонки убежали и привели муллу, который объявил, что мечеть осматривать можно за известное вознаграждение (с каждого иностранца берут около двух рублей), чему все остались очень довольны, почему девчонки попросили бакшиш.

Мы подошли к средней отворенной двери.. Я не помню более величественного и художественного впечатления от архитектоники. Ни Пантеон, ни храм Петра, ни Кельнский собор не могут сравниться с свободным полетом мысли, создавшим этот храм. Потом, осматривая подробности, встречаешь полуграмотные места в архитектурных частях, а особенно в строительной технике, но замысел и удача вылившегося целого изумительны. Описывать трудно, не берусь, надо самому видеть, чтобы иметь понятие.

Мусульмане в это время творили молитву с большим благоговением, но и вековой рутиной. В апсиде, где находился прежде алтарь, а теперь

кибла (священное углубление в стене, обращенное к Мекке), находился главный мулла и голосил довольно чистым тенором молитву. При известных словах вся масса белых и зеленых тюрбанов, расположенных правильными рядами, немного накось главной оси здания, то становились на колени, то вдруг вскакивали, то нагибались к земле и все, как один, с удивительной дрессировкой. Минут через пятнадцать молитва кончилась и поднялся ужасный гвалт, тюрбаны расположились кругами; в середине каждого очутился мулла и началось преподавание Корана. Кто во что горазд, как в торговый день на базаре.

Чудный храм. Жаль, что мозаичные изображения закрашены желтой краской, подражающей золоту, но совсем не передающей его, она тяжелит верхнюю часть здания и наскучает глазу. Воображаю себе, что это за красота была, когда все мозаики были целы и играли своими гармоническими переливами.. Все, что я до сих пор видел в области архитектоники, не имеет того размаха личного творчества, как Айя-София. Гениальные художники были ее строители, Исидор и Анфимий — великая им слава.

Видел я, как султан Абдул Гамид едет церемониально из дворца молиться в мечеть. Бледное, испитое, апатичное, полуживотное лицо — вот и весь султан.. На эту незамысловатую церемонию съезжается [...] много публики, особенно туристы. Локальная особенность состоит, во-первых, в том, что во время шествия два паши подкуривают султана духами из серебряных мисок, оно и понятно, потому что натуральный турецкий аромат очень неприятен для обоняния.

Во-вторых, когда султан едет, солдаты, генералы, министры все кричат: «Великий султан, царствуй десять тысяч лет», а когда он подъедет к мечети, то придворные чины в мундирах, вроде наших камер-пажей или писарей главного штаба, становятся в кружок друг к другу лбами, приставляют руки ко рту в виде трубы и голосят на манер муэдзинов: «Великий султан, не будь таким гордецом, бог все-таки знатнее тебя».

Оригинальны тоже кареты, наполненные гаремами, т. е. дамами пашей по три и по четыре штуки в каждой и с черным евнухом на козлах. Все лицо дамы закрыто белой кисеей с узкой щелью для глаз, иногда это выходит довольно мило и даже пикантно..

1 декабря вечером мы взобрались на палубу парохода и очутились среди целого стада баранов. Так и пахнуло на меня нашими степными поместьями с их бараньими запахами. Всю ночь шли по Мраморному морю и к утру остановились в Дарданеллах. По обеим сторонам пролива построены крепости в различные эпохи истории. Тут и остатки древних стен, и средневековые башни, и, наконец, XIX век с грозной [. . .] батареей. Ветер северный, попутный. С Черного моря тянутся тяжелые темно-серые тучи, но до нас не доходят. Перед нами светлая полоса и вдали ясное небо. Мы в классических водах. Вышли из пролива, облака тают, солнышко греет, слегка покачивает. Слева тянется Малоазиатский берег с Лидий-

ским скалистым хребтом, Безикская бухта, гора Ида, Троада — место древней Трои, большие курганы, по преданию могилы героев Илиады.. Поутру взошли в бухту острова Сиры.. Попутный ветер все крепчает, так что, выйдя в море, поставили паруса, пароход весело несется по волнам. По сторонам продолжаются острова: Делос, Ренея, Парос, Милос и т. д. «Если будет такая погода,— говорит капитан,— то мы в двое суток дойдем до Александрии».

Но это не сбылось. Около шести часов вечера ветер стал меняться, подул душный южный сирокко или самум и в несколько часов превратился в шторм, поднялась буря, трескотня, шум разбивающихся о пароход волн, свист ветра в снастях,— я не выдержал, заболел и двое с половиной суток не мог ни поднять головы, ни что-либо съесть. Тяжелое состояние.

6 декабря рано поутру я почувствовал, что качка стала совершенно незначительная. «Не подходим ли мы к Александрии»,— промелькнуло у меня в голове. Мысль эта сразу меня воскресила, я вскочил, оделся и выбежал на палубу... На востоке занималась заря, южнее виднелась черная полоска материка.. Африка! Твердая земля!.. Мне казалось, что я первый открываю эту сказочную страну...

Показался Александрийский маяк, стоящий на месте древнего Птоломеевского Фароса, одного из семи чудес света по признанию греков. Виднеются пароходы подходящие и уходящие из Александрии.

Навстречу к нам с поднятыми парусами, качаясь по волнам, как чайка, бежит шлюпка лоцмана, подходит к пароходу. Смуглый араб, цепляясь, как кошка, быстро взбирается на пароход. Это лоцман для входа в порт. Торжественно становится он на мостик и плавными, немного театральными жестами, ведет пароход в порт. Берег все приближается, можно уже разглядеть песчаные, скалистые холмы пустыни, пальмовые рощи у самого моря, отдельные здания города и его предместий. На душе легко и радостно.

Наконец, взошли в великолепный Александрийский порт, простились с капитаном, добродушным остзейцем, сели в лодку и вышли на твердую землю.

Я в Египте! В стране, в которой, говорят, «не темнеют неба своды, не проходит тишина». Жаль мне стало, что нет Вас со мной, чтобы радоваться вместе.

В. Поленов.

P. S. Что-то Вы поделываете в суровой Москве? Как живете-можете, если вздумаете написать что-либо, то адресуйте в Иерусалим poste restante [до востребования]. До свидания!

Архив литературы и искусства.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

[Каир] 16 декабря [18]81 г.

Александрия — это большой оживленный город, с славным историческим именем и хорошими воспоминаниями; но, к сожалению, совершенно без вещественных памятников этих воспоминаний. Первый раз увидел я тут пальмовые рощи, или, скорее, плантации. Я воображал пальму красивее, чем она показалась мне в действительности. Издали пальма очень своеобразна и грациозна; но вблизи она безжизненна, ее измятый ствол, сухие серо-зеленые перья, густо покрытые пылью, дают ей вид чего-то картонного, сделанного. Население самое разнообразное и живописное, полное смешение Запада с Востоком. Тут смуглые, благообразные арабы, чванные турки, приниженные феллахи, добродушные негры и европейских разновидностей сколько угодно. Мы пошли запасаться всякими атрибутами для будто бы предстоящей жары, хотя на нас были теплые пальто. Наш проводник-араб говорит нам, что «инглези» запасаются всей этой дрянью, но что обыкновенные люди носят всегдашнее платье. Правда, прибавляет он, что в Каире климат не такой холодный, как в Александрии; но по правде tous les climats c'est toujours la même chose [все климаты всегда одинаковы]. Оригинальный взгляд. Вечером железною дорогой долетели до Каира. По дороге на станциях все смуглые и черные лица разных африканцев. Повсюду огни и живописные группы восточных фигур, греющихся вокруг. Изредка виднеются многочисленные разветвления дельты Нила с отражающимися огоньками. В десять часов прикатили мы в Каир и очутились в New Hotel [Нью Отель], чуть-чуть что не дворец. Каир состоит из двух совершенно различных городов или частей одного огромного города. Часть его, прилегающая к хребту Моккатам (восточному), по виду и по содержанию совершенный Восток, со всею грязью, запахами и художественностью восточной обстановки. Другая, прилегающая к Нилу,— это европейский Каир по образцу Парижа, с некоторыми местными особенностями, наприм[ер], плоскими крышами и с чудными экзотическими садами. Рано поутру я встал и пошел с Абамелеком на крышу нашего дворца, чтобы увидеть пирамиды. Утро было пасмурное и холодное, и они еле-еле отличались в тумане на горизонте. Начали мы с осмотра магометанского Каира, т. е. арабских мечетей, надгробных памятников калифов, многолюдных и пестрых базаров и узких, темных улиц мусульманского Каира. Каирские памятники арабского искусства считаются лучшими по строгости и чистоте стиля. Первое место занимает мечеть Гассана и его турбе, могила. Но, к сожалению, эти высокохудожественные постройки находятся в большой мерзости и запустении, они либо загажены, либо разрушаются. Например, мечеть Гассана была обречена на слом, но за неимением средств ее оставили. Общее впечатление магометанского искусства, это — сильная поспешность и небрежность в крупных частях и изу-

мительно тщательная работа в подробностях и орнаменте.. Но самое одуряющее впечатление произвела на меня мечеть Ель-Аз-хар; так называется двор с колоннами и портиками очень грубой работы, сплошь покрыт он бритыми халатниками в белых тюрбанах, сидящими на корточках или лежащими врастяжку и занятых долблением вслух Корана. Кое-где сидят уже обучившиеся муллы и громким голосом толкуют этот же Коран, стараясь перекричать друг друга, и стоит тысячеголосный стон. Более нелепого, одуряющего впечатления никогда не испытывал. Исламизм отжил и разваливается, как его мечети. На берегу Нила в пригороде Каира — Булак, знаменитый египтолог Мариет основал музей, куда в продолжение тридцати лет собрали очень интересную коллекцию. Музей этот служит как бы введением к памятникам древнего Египта. В начале нынешнего года случайно открыта была усыпальница самых великих египетских фараонов.. Но всего интереснее — это две статуи из камня песчаника и выкрашенные краскою,— свежести, как будто вчера окрашены, и поразительно хорошей работы, и совершенно живая деревянная статуя толстого господина под названием Шейк Эль-белед. Каменные статуи изображают бритого господина с усиками, по имени Ра-отеп и царской родственницы Неферт [Нефертити] с стеклянными глазами, которые смотрят, как живые. Найдены они в гробнице Мейдумской пирамиды, с записями третьей династии, т. е. около шести тысяч лет до рождества Христова. Поэтому древнее на две тысячи лет пирамид Хеопса и Хефрена.

Вообще, что удивительно в египетском искусстве, это, что оно является сразу на высшей точке своего развития, за которой идет застылое повторение того же самого и постепенное падение. Изумительно!

На третий день рано утром отправились мы на большие пирамиды близ деревни Гизе. Чудное безоблачное утро, солнце только что показалось и косыми розовыми лучами обливает долину, довольно холодно, теплое пальто очень впору. Пирамиды находятся на запад от Каира на самом рубеже песчаной Ливийской пустыни и плодородной долины Нила, верстах в двенадцати от города. К ним ведет по зеленым полям всходов высокая насыпь, усаженная акациями и сикоморами,— кусты и тенистые деревья. Две громаднейшие пирамиды Хеопса или Гуфу (тоже Суфис) и Хефрена стоят на каменных холмах, оканчивающих пустыню. Вышина их около семидесяти сажень. Сложены они из параллелептических песчаников, вышины в полтора аршина, который теперь составляет лестницу. Заведует этими пирамидами одно племя бедуинов, под начальством шейка, и каждый путешественник платит пять франков за восхождение. Не успели мы осмотреться, как нас окружили бедуины, подхватили под руки и потащили наверх. Операция эта совершается следующим образом. Двое тянут вас за руки, а двое подсаживают в зад, а несколько карабкаются рядом и стараются вас отбить, доказывая, что именно они-то и суть те настоя-

щие проводники. Таким образом начинается восхождение. Бедуины в это время объясняют вам на упрощенных европейских диалектах, что это пирамиды и что это «très bon» и «very good» [очень хорошо], «colossal» [грандиозно], даже попадается русское «хорошо» и что это очень трудно, притворяются запыхавшимися и что за все это надо «bon bakchich» [хороший бакшиш]! Минут через тридцать я очутился на вершине пирамиды Хеопса. Арабы с притворным восторгом кричат «Hourra»! [ура], поздравляют с таким небывалым подвигом. А через десять минут на эту же пирамиду втаскивают целое брит[ан]ское семейство, различных возрастов и полов. Вид с пирамиды очень любопытен. На юго-восток — вся долина Нила, ярко-зеленая от всходов, с пальмовыми рощами, с озерками, оставшимися от разлива. В середине изгибается Нил. Белыми точками виднеется Каир, а за ним хребет Моккатам, оканчивающий долину по ту сторону реки. На север — плодородная равнина Дельты. На запад — море подвижных песков Ливийской пустыни, с выступающими кое-где каменными утесами. Я попробовал сделать набросок этого вида. Во все время, что я писал этюд, сменялись на вершине пирамиды появлявшиеся британцы. Арабы делают с ними, что хотят. Ни на минуту не выпускают из рук. Объясняют, или что иногда очень опасно, кричат в оба уха разные исторические и географические подробности. Например, что пирамиды построил фараон, очень давно, что там находится Каир, и Искандерия, а что там — Сахара. Между прочим, втащили толстую, красную, как мак, британку. Она, пыхтя, расселась на уступе вершины и [...] душить своих проводников одеколоном. Спускаться с пирамиды утомительнее, чем подыматься. Приходится садиться на корточки, спускать ноги с камня и спрыгивать на следующий. А бедуины в это время сверху и снизу вас растягивают за обе руки. На другой день я еле передвигал ногами от боли в мускулах. Совершенно другое впечатление производит внутренность пирамиды. Она состоит из наклонных коридоров и зал, то узких и низких так, что едва пролезаешь, то высоких, теряющихся в темноте. И душно и темно, скользко. Формы этих коридоров странные, непонятные. Жутко в этой глухой гробнице, с наслаждением дышишь после на свежем воздухе. Саженях в ста находится знаменитый колосс Сфинкс и подземный, недавно открытый, гранитный храм, который, по записям, древнее пирамид. Под конец дня мы очень подружились с бедуинами. Они признали в нас таких же людей, как и сами, потому что на англичан (инглизи) они смотрят, как на полулюдей. Вообще арабы относятся с большим уважением к работе. Когда вы куда-нибудь появляетесь, они бросаются на вас с криком и гвалтом, предлагают вам что попало, начиная с ослов и кончая черепками, прося за это немедленно башкшиш. Но как только вы садитесь работать, вся толпа с уважением отступает. Являются с ветками отгонители мух и лишних бакшишников. Распростившись с бедуинами и получив приглашение ехать с ними на верблюдах в пустыню, мы вернулись в Каир. День

простоял без облаков, это был первый в Египте. За ним последовала серия таких же дней. Три недели.

Первое впечатление от пирамид как от чего-то тупого. Стоило тратить столько человеческих сил для таких непроизводительных груд камня. Но чем больше всматриваешься, тем более удивляешься смелости строителя — строителю, избравшему такую простейшую форму для своей мысли. И они начинают все больше и больше вам нравиться.

Каир—чудесный город, ему предстоит большое будущее. Среди Нила лежит островок Рада, покрытый пальмами, мандаринами («Юарр, эффенди», как их называют арабы), виноград, бананы и т. д. в запустении; а можно было бы сделать рай земной. Если бы желтому Нилу пришлось дать другое прозвище, я бы назвал его пальмовой рекой, начиная от Александрии и до Филэ, дальше я не был, по берегам его почти беспрерывно стоят пальмы.

Третьяковская галерея.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ А. В. ПРАХОВА

** Пароход «Булак». 18/30 декабря 1881 г.*

Стоим с пяти часов у Гебель-Сельселеха, причалили к берегу, вбили в землю пару крепких кольев, притянулись и стали у самого берега. Мы с Basilio только что вернулись с чудной прогулки на берег; по сыпучим уступам песчаника взобрались наверх, ушли дальше в пустыню и долго не могли оторвать глаз от величавого океана звезд, от величавой картины далекого аравийского берега с одиноким огоньком, от спокойного, как сталь, блестящего Нильского потока, от суровых и в то же время чарующих масс нежного света неполной луны и глубоких теней. Я никогда не забуду этой ночи в пустыне!!.

** Асуан. 20 декабря 1881 г./1 января 1882 г.*

..Наконец, мы на нашем «дахабие»— огромной барке с салоном и спальнями[3].

** 23 декабря 1881 г./4 января 1882 г.*

..наша дахабия причалила к берегу из-за сильного противного ветра; этот сердитый NNW не перестает дуть с тех пор, как мы выехали в Египет, теперь он нам крайне некстати.. В конце обеда драгоман докладывает, что на берегу видели шакала. Абамелек воодушевляется.. заряжает ружье

и мы прыгаем на берег. Абамелек с арабом идет за шакалом, а мы с Basilio идем, глядя на луну. По дороге я поднял священного жука, застав его на самом месте священнодействия; черный маленький Пта катал огромный шар.. Затем мы попали в плантации «дурро», здешнего хлеба. Высокие [колосья] подымались аршина на два над нашими головами. Тяжелые шишки иногда ударяли в лицо, и жутко и приятно было идти по узкой меже среди незнакомого хлеба, в чужой далекой стране при свете месяца, игравшего по длинным листьям, и думать о вас, милые. Плантация увела нас далеко, далеко, но мы сами пошли еще дальше по пескам. Возвращаясь, мы захватили несколько колосьев «дурры», вдали раздался выстрел, Абамелек палил в шакала мимо. За чаем я читал приятелям мои записки. Когда я пишу, Нил плещется за нашими окнами, дахабия скрипит, вздрагивает, луна льет в окна целые потоки голубого света. Матросы спят. Абамелек тоже залег, опять пытавши счастье на охоте, мы с Basilio строчим..

Архив Праховых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. И. МАМОНТОВУ

** По пути в Едфу. 24 декабря [18]81 г.*

Дорогие мои Савва и Елисавета Григорьевна, хоть писание сие придет к Вам уже не вовремя, но все-таки поздравляю вас с наступающим рождеством и Новым годом. Живо себе представляю у вас елку и всех моих милых друзей вокруг нее. Что твое драматическое создание об христианах, продолжал ли ты его и как удалось? Сколько раз, глядя на величественные египетские храмы, припоминал я нашу прошлогоднюю мистерию, ее творца и исполнителей[4]. Теперь я наяву вижу все эти красивые декорации. Мы уже спускаемся по Нилу. Любопытная речка этот Нил: узкая полоска плодородной и обработан[ной] земли с множеством финиковых пальм, сикомор, белых акаций идет между двумя грядами огромных масс песчаника, а в верхнем течении, гранита. Одни поля ярко зелены, со всходами, другие уже желтые, спелые и идет третья уборка, всюду работает человек, да какой курьезный, живописный. Славный народ эти африканцы: арабы, феллахи, копты, нубийцы, абиссинцы, негры с различными подразделениями, и все это на фоне красивых и величественных египетских развалин, которым по две, по три, а некоторым и по шести тысяч лет. Особенно подружился я с нубийцами. Смышленные, ловкие, веселые, они нас совершенно пленили. Я чуть-чуть было не привез тебе прелестнейшего темнокожего мальчугана[5]. На пароходе мы долетели до Асуана (1/2 градуса от тропиков) и теперь спускаемся. Хорошее место Асуан, против него зеленый плодородный остров Элефантина, на нем живут абиссинцы и ходят, как ходил праотец Адам после изгнания из рая, а ребятишки придержи-

ваются просто райского костюма. Дальше идут первые нильские катаракты, а за ними священный, а теперь волшебный остров Филе. Вот уже три недели, как мы не видели облаков, но от жары мы нигде не страдали, напротив того, теплое осеннее пальто, особенно по утрам, оказывало благодетельное действие. Подробное описание следует. Крепко тебя обнимаю, мой привет друзьям.

Твой *В. Поленов.*

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

Гирге. 12 января [18]82 г.

..Теперь мы уже проехали весь предполагаемый Нил, и возвращаемся. Очень интересное путешествие. К сожалению, не успеваю описывать. Адр[иан] Вик[торович] зато очень подробно и живо его изображает в своих записках. Не знаю, застанет ли меня в Каире доверенность; но во всяком случае я оставлю свой адрес и поручу переслать ее в Иерусалим. Очень рад, что Лилька занята. Что ее акварели? Сделала ли она [на] выставку, как предполагала? Ужасно сильно они врезались мне в память. С наслаждением вспоминаю об них и о том времени, когда мы вместе с ней писали. Вообще Ольшанка и Анашка вспоминаются мне самым радостным эпизодом за последнее время. Даже самому хочется попробовать учиться акварельному искусству[6]. Благодарю очень Крамского за хорошую память обо мне. Если его увидите, то передайте мой искренний поклон. Работаю я сколько позволяет время. К сожалению, остановки всюду довольно коротки и поэтому не успеваю ничего сделать спокойно. Но до сих пор я доволен путешествием..

Третьяковская галерея.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ А. В. ПРАХОВА

** Абу-Керкас. 15 января 1882 г.*

Мы на суше. Сегодня рано утром простились с нашей дахабией. Раис и матросы пришли нас провожать и на прощание пожали нам руки.. Местность, где мы находимся, лежит на рубеже Верхнего и Среднего Египта.. Товарищи мои поотстали. Абамелек стал палить в красавцев коршунов. Basilio принялся рисовать.. На следующее утро мы с Basilio двинулись по местечку посмотреть, нет ли каких интересных архитектурных мотивов. Basilio вычерчивал все, что попадалось.. Толпа сочувственно

заглядывала в альбомчик.. Особый восторг был, когда он стал зачерчивать львов с одного из порталов. Львы на задних лапах с тонкими усами, как у французов и даже с бакенбардами..

Архив Праховых.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. С. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА

* [*Петербург. 1882 г.*].

17 января.. в семь с половиной ч[асов] вечера были уже дома в New Hotel [Нью Отель], где нашел письмо мамá, благодарившей меня за портрет мой, сделанный В. Д. Поленовым. В Каире стояла холодная и дождливая погода.. В это наше второе пребывание мы еще съездили к пирамидам, но не Гизехским, а Саккарским и Абоксирским. Едешь из Каира по железной дороге.. Был жаркий день с тучами, но после полдня начался сильный ветер и стало довольно свежо, у Саккарской пирамиды мы видели шакала. Эта пирамида ужасной высоты, немногим меньше, чем Гизехские, далеко не так изящна, так как многие уступы обвалились.. Кончилось путешествие по Египту. Жалко покидать эту дивную страну, дивную по плодородию, по красоте пейзажей, по величию и массе развалин и по прелести расы, ее обитающей. Главный народ образовался из древних египтян и пришлых арабов.. Во всех их сношениях с вами чувствуется что-то искреннее, задушевное, теплое, человеческое, которое в них напоминает русского простолюдина..

Архив древних актов

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

[*Каир*] *17 января* [*1882 г.*].

Вчера приехали обратно в Каир. Через пять дней думаем продолжать путь. То есть начать Палестину и Сирию..

Порт-Саид. 25 января [*18*]*82 г.*

..Из Каира вверх по Нилу доехали мы на почтовом пароходе до Асуана. Мы Куку предоставили возить англичан, а сами избрали свой способ путешествия. Асуан лежит почти на тропиках; но особенной жары во все время путешествия мы не ощущали. Напротив того, скорее страдали от холода, который особенно чувствителен ночью и утром.

Асуан — торговый городок верхнего Египта, и потому в нем можно видеть множество различных африканских типов. Попадаются джентль-

мены центральной Африки, у которых весь костюм состоит из веревочки с кисточками вокруг талии. На острове Элефантине часть населения состоит из верхних нубийцев, гуляющих почти, как бог создал. Часа полтора от Асуана вверх по Нилу, обойдя первую катаракту и пройдя через пустыню, находится священный остров Филе с храмом Аиуки (Изиды), храмом Воскресения, с развалинами коптской древней христианской церкви и почти цельным храмиком Тифониум. Остров и постройки в разрушении; но все это очень красиво и загадочно, как сон. На острове Филе находится особое племя, которое по-русски называется баловниками. Впоследствии оказалось, что это племя обитает по всему Египту. Занятие этого народа состоит в приставании к инглизам для получения бакшиша. Надоедают вам эти баловники или бакшишники до одурения, пока с ними не взойдешь в дружбу, и они не увидят, что вы человек работающий. Тогда они делаются деликатными и необычайно внимательными. Моим лейб-бакшишником был нубиец Джума, пресмышленый мальчуган. Главная его должность состояла в отмахивании от меня мух. Мы расстались с ним большими друзьями, он на память подарил мне свое опахало, состоящее из особой пальмовой метелки..

Хорошая страна Египет. Нил составляет как бы улицу, на которой сосредоточено все движение и жизнь страны; а по берегам находятся всякие достопамятности. Вообще путешествие по Нилу имеет характер интереснейшей прогулки, с центральным пунктом — Карнакским храмом, который так велик, что в нем одновременно происходит и гулянье, и охота на шакалов, и живопись, и завтраки, и пастбище овец, и многое другое. Я там сделал несколько удачных этюдов с арабских обитателей страны. В Асиуте пересели на железную дорогу и вечером возвратились в Каир, под покровительством больших пирамид.. Теперь мы находимся в Порт-Саиде и сегодня пускаемся в море на Яффу. Если будете писать, то посылайте в Бейрут, куда думаем прибыть через месяц.

Если какая-либо картина продалась, то прошу Вас прислать мне в Афины рублей пятьсот. Путешествие по Нилу оказалось более дорогим, чем я рассчитывал, боюсь остаться без денег..

Иерусалим. 2 февраля [18]82 г.

Дорогая мамочка, в Иерусалиме думал найти Ваше письмецо и не нашел. Не знаю, получили ли Вы из Каира мое письмо с иллюстрациею Константинополя, в котором я прошу писать мне в Иерусалим. Жаль, если это письмо пропало.

Иерусалим оказался к нам далеко не таким милостивым, как Каир и Египет. Там во все наше плавание, потому что по Египту не путешеству-

ют, а плавают, не было ни одного дождя. Раз только при осмотре царских могил, в ущелье Бибан-Эль-Молук упало несколько капель, и в горах раздался удар грома. Арабы нам объявили, что это случается через семь лет. А то все время было почти что безоблачное небо. Но в день отъезда из Каира все вдруг изменилось. Сделалась страшная буря, холод, и так продолжается до сих пор. Буря была так сильна, что трое суток пароход не приходил в Порт-Саид и мы сидели у моря и ждали погоды. Порт-Саид, это — северный вход и выход Суэцкого канала, оживленнейший морской порт, тут стоят и проходят сотни огромных морских пароходов, под разнообразнейшими флагами и вымпелами, совсем особая жизнь. Переезд до Яффы был очень тяжелым, то есть пароход сильно качало, а меня сильно травило. Перед Яффой пришлось болтаться двадцать четыре часа, выдерживая карантин, назначенный турецким правительством в пику египетскому. С парохода до Яффы, при сильном волнении, да проливном дожде, прыгая между утесами, доплыли мы до берега. Яффа маленький приморский грязный городишко, но окруженный на несколько верст роскошными апельсиновыми садами, в которых деревья и как раз теперь усыпаны плодами. Из Яффы отправились мы в крытой таратайке по довольно сносному шоссе в Иерусалим. Небо разъяснело, солнце осветило плодородное финикийское побережье. На полдороге, в уединенном домике, под названием Латрун, мы заночевали, и на другой день с рассветом при холодном дожде и ветре пустились через склон Ливана в Иерусалим и после полдня холода и мокроты вступили в пригород Иерусалима, т. е. в русское подворье. Консул нас ожидал и приготовил нам помещение. Оправившись, отправились мы к нему, оказалось, очень милый радушный господин, страстный любитель живописи, так что египетские мои этюды произвели огромный фурор. Взяв «каваса» (телохранителя), мы пошли к гробу господню. Это — конгломерат строений, начиная от третьего века (церковь императрицы Елены) и кончая куполом над часовней гроба, выведенном в 1868 году. Но что за живописная вещь этот лабиринт церквей, алтарей, переходов, лестниц, подвалов, балконов и т. д., и все это живет. Какая разнородная толпа богомольцев движется перед вами; начиная от наших русских старушек всех губерний (их тут огромное количество) и кончая черными нубийцами и абиссинцами христианами..

Иерусалим. 5 февраля [1882 г.]

Следующие два дня мы осматривали все достопримечательности этого великого местечка. Тут все как на ладони, и как много интересного и красивого; но лучше всего это площадь Соломонова храма, теперь мечеть Омара. Я торжественнее ничего не видел, разве только Эски-Сарайский холм в Стамбуле. Тоже очень хороши оливковые сады. Погода в эти два

дня была тоже особенная, шел все время мягкий, мокрый снег, так что Иерусалим превратился в русский город. Один мужичок в тулупе стоит и крестится: «Слава богу, совсем, как у нас».

Но зато после бури, когда я стал работать, наступили чудные весенние дни, солнце не палило, а слегка согревало. Тут так много живописного и интересного, что совершенно теряешься, работы пропасть, а время мало, и приходится брать все урывками. Жаль, что нет времени все это подробнее описать Вам..

Третьяковская галерея.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ А. В. ПРАХОВА

**** Иерихон. 6 февраля 1882 г.***

Второй день провели в седле. Начинается походная жизнь.. Утречком ногу в стремя и поехали к «Мертвому морю», казавшемуся — совсем рукой подать — на деле ехали около двух часов.. Наконец, у самого берега. Ярко-голубое небо среди двух стен темно-фиолетовых и рыжеватых гор, плоский белый песчаный берег, усеянный грядами седых камней, выброшенных морем. Полное отсутствие жизни. Действительно «Мертвое море». Я хлебнул воды, страшно солона. . Море тихо, нежно плескалось у берега, отсюда мы прогарцевали к Иордану.. Мы с Basilio присели и сделали по этюду..

Архив Праховых.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. С. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА

6 февраля покинули мы Иерусалим и отправились на Иерихон и Мертвое море в Дамаск. По дороге увидели впервые вооруженных людей. Все вооружены пистолетами или ружьями, кремневыми по большей части, самые бедные — копьем или ножом или даже палицами и булавами. По всей Сирии и Палестине все носят оружие. Видели также в первый раз бедуинов с длинными пиками из бамбука..

Несмотря на раннее время года, т. е. от 6 до 15 февраля (ст. ст.), мы только два дня дождливых имели от Дженнина до Назарета и от Назарета до Тивериады и то, что это за дожди! Три или четыре arrosades [поливки], как называет их наш драгоман, потому что они продолжались всего с полчаса и были очень слабы.. А то сколько чудных жарких дней мы имели почти все время, в особенности в Иорданской долине.. Самая прелестная местность — это Самария, затем Дженнин, Тивериада— чудная, восхититель-

ная, теплая природа. Вода синяя, как небо, чудные горы, снежный Гермон.. Пальмы, развалины.. Тивериадское озеро, самое лучшее, что мы видели по дороге..

15 февраля мы приехали в Дамаск в дилижансе по прелестному шоссе, выстроенному французскою компанией.. Город положительно утопает в садах, которые, к сожалению, теперь без листьев. Подъезжаешь к городу через узкое ущелье направо, налево шумят потоки, которые, наконец, образуют один большой.. Дамаск имеет много улиц совершенно крытых, которые образуют базар, столь славящийся своим богатством.. Что особенно поражает в Дамаске это белизна кожи жителей, есть даже много и белокурых рядом с совершенно загорелыми лицами бедуинов[7].

Часть дороги мы ехали по берегу чудесного прозрачного ручья. День был по временам очень жаркий, но дул сильный и холодный ветер. За час до Баальбека вдруг нам показали темную массу руин и посредине башню довольно высокую. Сильное чувство разочарования охватило меня, после чудных светло-золотистых развалин Пальмиры было досадно видеть небольшой комплекс развалин, совершенно почерневших от времени. По мере нашего приближения башня все начинала светлеть, и наконец ясно стало, что это не что иное, как шесть громадных колонн, которые были видны в amfilade [анфиладе]. Мы проехали мимо разрушенной мечети, бывшей прежде христианским зданием. Город Баальбек довольно большой, есть базар. Приехав в гостиницу, мы расположились в прекрасных комнатах в восточном стиле, выходящих на балконы с чудесными мраморными полами.

Мы здесь снова соединились с Василием Дмитриевичем Поленовым, проехавшим Сирию от Назарета до Баальбека через Баниас и Дамаск один, пока мы съездили в Пальмиру. Сейчас же мы с ним отправились осматривать город и руины.. Дошли до Акрополя, прошли сквозь ворота в колоссальный подземный ход, стены которого до известного места стесаны, а затем оставлены недоделанными. Вообще в Баальбеке все здания сохраняют следы, что они недоделаны, т. е. никогда не были окончены. Выходя из подземелья, имеешь налево храм Юпитера, прекрасно сохранившийся с этой стороны, и направо на высокой подставке те шесть громадных колонн, которые издали мне показались башнею. Осмотрели храм Юпитера и увидели там прославленные кружева из камня, которые, впрочем, вблизи вовсе не так тонки, как издали.. На западе от этого храма на большом возвышении стоял храм Ваала, построенный Антонином Пием, как говорит предание, это было мировое чудо.. От храма Ваала сохранилось только шесть монументальных колонн, в окружности имеющих 34 четверти.. Вокруг всего храма поля или лучше сады, и при нас еще жители продолжали разрушение древностей. Именно они взрывали порохом колонны и камни, упавшие в сады с Акрополя.. Тут видно, из каких громадных камней были сложены нижние части стен, они достигают таких размеров,

которые никогда не были достигнуты даже в Египте. Уму непостижимо как могли передвигать такие камни.

10/22 марта выехали мы в час пополудни из Баальбека верхом по прекрасному шоссе, погода была теплая без ветра, из-за туч выглядывало солнце и освещало некоторые части чудесно зеленеющей равнины. Абрикосовые деревья в полном цвету, равно как и персиковые, наполняли воздух чудным ароматом.. От Баальбека идет долина, несколько поднимаясь в продолжение двух часов, затем скрывается Баальбек, зато открывается вид на Гермон с его величественными формами. До пяти часов ехали мы так, любуясь и наслаждаясь воздухом.. На другой день в три часа пополудни были в Бейруте. Что за прелесть эта дорога! Ничего не может сравниться с видом, который имеешь с вершин Ливана на море: внизу Бейрут с берегом далеко видным, на горизонте Каир. Скалы Ливана в этом месте лесистые до известной высоты, затем начинаются виноградники, потом уже зеленеющая равнина с восхитительными лесами и рощами пиний. Белая дорога извивается, как змея, по скалам и затем тянется белой лентой по лесам и нивам. Виноградники узкими террасами или лестницами спускаются по склонам гор, издали точно полосатые мохрабийские (тунисские) безрукавки. К этому надо еще прибавить чудный день, распускающиеся листья фиг.., темную зелень каменных дубов, вдали вершины гор, покрытых снегом. Пальмы напоминают путешественнику, что он вступил в чудный климат... Провели мы в Бейруте пять дней.

16/28 марта сели на австрийский пароход.. Первый вечер начало сильно качать и, так как у нас втроем была одна каюта, то я ужасно боялся болезненных припадков В[асилия] Д[митриевича]. Однако все обошлось благополучно. До утра мы стояли на якоре перед Ларника на острове Кипре. Чудное утро, море, как зеркало. Вблизи маленький прибрежный городок: кое-где пальмы, плоский берег и вдали горы.. В девять часов вечера a clair de lune [при свете луны] выехали мы из Кипра. На следующее утро увидели, что мы плывем близко от берега. «Малая Азия?»— спрашиваю капитана. «Нет, все еще Кипр». Настолько он велик, что мы объезжали его более двенадцати часов. К вечеру разразилась гроза и продолжалась всю ночь, к утру высадились мы на Родосе..

Выехав в понедельник из Бейрута, в пятницу прибыли мы в Смирну в два часа пополудни.. Мы повернули и оказались в великолепном Смирненском заливе.. В субботу 21 марта оставили мы Смирну и в семь часов вечера были перед Хиосом, а в семь час[ов] утра, после довольно свежего ветра, ночью проехали мимо мыса Суния с его четырнадцатью колоннами от храма Афины. Это единственнй храм Греции, сохранивший белый цвет мрамора, как говорят, от морского воздуха. Может быть, это правда, так как одна сторона Парфенона, именно юго-восточная, также бела, если только господствующий ветер с моря.. Только Пропилеи в Афинах сохранили белизну свою, прочие руины более или менее пожелтели, а местами,

где есть выступы.., почернели. Мы провели в Афинах одиннадцать дней до 4 апреля.. Акрополь удален от современных Афин, и можно вполне спокойно и в уединении среди обломков, покрывающих все пространство Акрополя, мечтать о великих событиях, свидетелями которых были эти здания. Во время нашего пребывания трава там цвела и аромат ромашки, наполнявший воздух.., восхищал меня[8].

Архив древних актов.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. В. ЯКУНЧИКОВОЙ

* [*Москва*]. *10 апреля 1882 г.*

Вернулся Поленов из Палестины.

Архив Поленовых.

Часть вторая

ГЛАВА I. 1882—1883 годы

Начало творческой деятельности Е. Д. Поленовой. Начало преподавательской деятельности В. Д. Поленова в Училище живописи, ваяния и зодчества. Лето в Абрамцеве.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 20 октября 1882 г.*

..Нас встретили Вася с Наташей[1]. Они уже были в Москве и третий раз приходили нас встречать. Вот поехали мы домой, т. е. в дом Толстого[2]. Дом славный, старый, симпатичный. Чудный сад с прудом и караси есть в том пруду, но по контракту ловить их нельзя иначе, как на удочку — это недурно: при найме дома в столице возникает вопрос о способе ловли рыбы! ..Были в Абрамцеве, смотрели церковь.. Мамаша довольна Москвой и Наташей, которая в самом деле очень удачно выбрана, если можно судить о человеке в полторы недели знакомства..

* *Москва. 7 ноября 1882 г.*

..На днях Вася получил письмо от Репина. Он пишет: поцелуй обе ручки у Ел[ены] Дм[итриевны] за ее акварельные этюды[3]. Видел Чистякова, который мне сказал, что они сделают честь любому мужчине-художнику..

* *Москва. 28 ноября 1882 г.*

..Ты спрашиваешь, с кем часто вижусь. Решительно ни с кем, кроме своих.. Вообще я ближе всех с Наташей, которая оказалась преоригинальным и преинтересным субъектом, и с M-me Мамонтовой, которая тоже очень симпатична..

В половине декабря откроется Периодическая выставка. Готовлюсь выставить несколько летних этюдов — белые цветы на пригорке и делаю картинку с ольхового леса, что понравился Чистякову.. Езжу на высшие женские курсы слушать историю искусства.. Не знаю, могу ли здесь иметь изразцы для керамического заказа — уже несколько раз напрасно разыскивала..[4]

** Москва. 19 декабря 1882 г.*

.. Пиши о керамических экзаменах в школе — они меня очень интересуют. Кто из новых появился и что выставляют прежние?. Недавно прочла «De l'ideal» Taine'a [«Об идеале» Тэна]. Чудная вещь. Днем мы работаем порознь, каждый у себя, а вечером собираемся и читаем громко, обыкновенно у меня в мастерской. Читаем статьи исторического и художественного содержания, которые всех интересуют. Вообще, большей частью сидим дома, видимся мало с кем..

** Москва. 24 декабря 1882 г.*

.. Сейчас устанавливали Периодическую выставку[5], которая будет открыта все праздники, и, сегодня же, Вася, приехавши оттуда, объявил мне, что две мои акварели «Старушка» и «Белые цветы» куплены [Н. С.] Третьяковым. Это приятно..

** Москва. 25 декабря 1882 г.*

.. Вчера приехал Адриан Прахов, который сообщил мне, будто товарищи мои по школе очень недовольны моим отсутствием, сильно его ощущают и скучают по мне. И радостно, и грустно было это слышать. Приятно оставить по себе хорошее воспоминание и грустно вспоминать время, которое прошло, никогда уже больше не вернется и которое в сумме оставило самые хорошие по себе следы. В этом отношении я здесь очень, очень одинока.. У Мамонтовых готовится домашний спектакль — это, кажется, будет интересно. Дети принимают участие — это всегда мило. Я взялась распоряжаться костюмами..

** Москва. 3 января 1883 г.*

.. Мои дела чуточку налаживаются. На выставке акварели продавались: две купил Третьяков до открытия, в первый день были проданы «Сарай» (и́моченский летний этюд) и «Ольховый лес» с фигуркой девочки,

кот[орый] я увеличила с того этюда, что Чистякову понравился. Дня через два продалась пятая, а сегодня мне сказали, что уже все шесть проданы. Белые цветы я повторила для петербургского конкурса. Кроме того, когда пройдут эти противные праздники, хочу приняться за приготовление акварелей для петерб[ургской] акварельной выставки.. Есть две ученицы — все же движение вперед..

** Москва. 17 января 1883 г.*

.. Вчера была на мамонтовском спектакле и вернулась поздно. .. Спектакль очень удался.. Декорации были удивительно удачны, костюмы великолепны, да и пьеса талантливо составлена. Mise en scéne [постановка] прелестная, а что всего милее, это, что главные роли были исполнены детишками и подростками.. Вообще все мило, изящно, художественно[6]. Тем не менее, я рада, что все это кончено, и с сегодняшнего утра я засела за работу..

** Москва. 28 февраля 1883 г.*

.. Заказ большой керамический, о котором я писала тебе осенью, состоялся[7]. Надо его начинать работать. Он потребует очень много работы и предварительной и исполнительной, но я ему очень рада и с материальной стороны, а главное, он очень мне интересен. Начала уже понемногу подбирать материал. Потом начну делать большие эскизы масляными красками. В этом деле опытность Вас[илия] Дмитр[иевича] мне будет очень кстати. Один такой эскиз я уже набросала на холсте. Придется вспомнить стародавнюю старину в виде палитры, муштабеля и пр. принадлежностей масл[яных] красок. Не знаю, как пойдет, но мысль об этой работе мне очень улыбается..

Москва. 7 марта 1883 г.

.. Заказ мой керамический не печка, не пол, не стена и даже это не заказ, а два заказа, кот[орые] состоят в том, чтобы сделать керамическим способом образа для наружных стен церкви и часовни. Один заказ я приняла наполовину, т. е. взялась сделать несколько образов для пробы, если они удадутся, можно будет и за остальные приняться.. На какую сумму — это очень трудно сказать..

Сама же приеду я в Питер дней на десять, и ты меня не будешь уговаривать остаться дольше, ибо работа ждет — с собой взять не могу. Материал весь здесь. Некоторые образа буду копировать, а те, которые от себя придется компоновать,— требуется масса увражей..

** Москва. 14 апреля 1883 г.*

.. Доехала отлично. Почти весь поезд знакомых.. На станции всего больше шагала взад и вперед с Репиным. Он был на нашей выставке акварельной, видел мои вещи, удивительно внимательно их рассматривал. Ругается, что имя свое я не подписываю, и без каталога трудно было ему их отыскать. Тем не менее признал. Отметил прежде всего «Пригорок», который очень похвалил. «Помните,— говорит,— в последний раз, что Вы у меня были, я Вам этюд Шишкина показывал. Вы мне сказали, что у Вас тот же мотив есть на выставке», «Очень,— говорю,—помню».—«Так вот я, когда Ваш увидел, подумал: куда Ваш лучше». Говорит, что против прошлогодних — гигантский шаг вперед. Затем нравятся ему очень твои «Березы» и зима, особенно вороны..[8]

Москва. 24 апреля 1883 г.

.. Компоную Покров под руководством Василия, по вечерам черчу другие два. Но я думаю, что очень они мне солоны придутся тогда, когда настанут теплые дни и будет тянуть на работу с натуры.. Относительно места [...], ты придаешь этому обстоятельству слишком много значения. Еще гораздо важнее само достоинство вещи, чем отведенное ей место. Будут вещи лучшие, и на дурном месте их оценят. Повесь Фортуни хоть под столом, он и оттуда огоньком засветит..

** Москва. 13 мая 1883 г.*

.. Работаю очень мало, много у нас бывает из Питера.. Между прочим много художников передвижников, кот[орые] наехали из Питера рисовать коронацию[9]. На днях обедали: Савицкий и ваш Макаров, сегодня — Крамской и Боголюбов. Савицкий говорит, что самое сильное художественное впечатление его, вынесенное с нынешней акварельной выставки,— это мой «Пригорок»..

** Москва. 21 мая 1883 г.*

.. Начала на днях с натуры работать, что, как всегда, несколько подняло дух, но ужасно обидно чувствовать у себя за спиной работу, которая не двигается.. Так бы хорошо разделаться с ней и со спокойным духом отдаться натуре.. Я тоже разжилась товарищем по акварели, так что ты

не можешь меня дразнить этим.. Наташа до сего времени кисти не макала в воду, а теперь ужасно увлекается. У нее очень мило сразу пошло, она положительно очень талантливая. Мне это очень приятно, ты сама знаешь, как вдвоем интереснее работать, чем в одиночестве..

* *Москва. 24 мая 1883 г.*

.. Коронационные праздники кончились.. В Москве опять станет тихо по-прежнему, будем снова работать.. С самого въезда высочайших особ до сегодняшнего дня не проходило дня, чтобы кто-нибудь из коронац[ионных] гостей не побывал у нас.. Одних художников мы видели страсти сколько. Два раза обедал Антокольский, но не по случаю коронации был едет бедняга в злой чахотке кумысом лечиться в Самару..

* *Москва. 11 июня 1883 г.*

.. Последнее время очень увлекалась и вдохновлялась на работу, читая Fortuny. «Sa vie et ses oeuvres» [Фортуни. «Его жизнь и творчество»]. Вот работал человек. Боже мой, и ведь ему тоже часто казалось, что у него не клеится.. Читала еще «Исповедь» гр[афа] Л. Н. Толстого.. Лев Толстой и Иванов — вот два колосса по нравственной высоте своих художественных инстинктов, это два одиноко стоящие и величайшие, еще ..не вполне понятные и не по достоинству оцененные, но положительно величайшие деятели нашего времени. Равных им я не знаю никого..

* *Москва. 22 июня 1883 г.*

.. Брат уговорил меня ехать.. к ним на денек[10]. Но вместо денька провела три.. Хорошо в деревне, сделала там три этюда. Вообще страшно увлекаюсь работой с натуры. Сад наш очень для этого хорош, но это ужасно дурно отзывается на заказной работе. Я сделала уже одиннадцать этюдов, два начала. Некоторые в довольно крупном размере. Все собираюсь бросить это милое занятие и предаться той более скучной, но необходимой работе. Трудно их вести одновременно, очень уж интерес неравномерно распределен.. С натурой пейзажной, конечно, есть стороны более трудные, чем с натурой живой или мертвой, которую работаешь в своей мастерской, но зато сколько поэзии, насколько сильнее живется в то время, когда ведешь эту увлекательную беседу с природой..

** Москва. 26 июня 1883 г.*

.. Вернувшись из Абрамцева, я, было, так правильно начала работать. До десяти гуляю, с десяти до часа с натуры фигуру для образа пишу, ежедневно ходит натурщица. От двух до четырех — образ Казанской бож[ьей] мат[ери] уже керамическими красками.. От шести и до девяти этюд в саду с натуры и от десяти до двенадцати опять образа. Ты видишь, что число часов, посвященных на образа (семь часов в день), значительно превышает работу с натуры (три часа). Образа пошли недурно. Начинаю в них втягиваться, особенно, когда погода портится и не тянет на этюд. Этюдов двенадцать. Некоторыми Вася доволен и Васнецовы одобряют..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** [Абрамцево] июль 1883 г.*

.. Василий принялся сегодня же за царскую акварель[11]. Он теперь так настроен, как я его никогда не знала. Антокольский много с ним говорил, так поднял его дух, дал ему больше уверенности, отрешил его от всех мелочей и дрязг, и Василий весел и бодр, как положительно я его никогда не видала. Поездка за границу твердо решена, только что кончится вся царская история[12]. В начале сентября уедем. Поселиться он все-таки думает в Риме, а в Неаполе поживем до этого, так как Антокольский говорит, что там он исключительно может встретить подходящие типы. Редкий человек Антокольский. Он тут так на всех чудно подействовал, он сам так высоко настроен, что передал частичку этого настроения и нам всем, и все как-то соединились одним хорошим чувством. Дай бог, чтобы настроение это поддержалось..

** Абрамцево. 20 июля 1883 г.*

.. Сегодня Василий получил от Репина письмо[13]. Испанией он доволен, но говорит, что Velasquez [Веласкес] и Murillo [Мурильо] велики только в тех произведениях, где они брали типы самостоятельно из народа, а не в заказных портретах чопорных аристократов. В экстазе от Парижа, где был в нескольких собраниях революционеров-социалистов, слышал их речи и особенно увлечен речью извозчика в белой шляпе..

** Абрамцево. Июль 1883 г.*

..Оболенский пишет очень любезное письмо, что он не отвечал на первое Васильино письмо, потому что передал его в церемониальную комис-

сию и ждал точных ответов, чтобы их прислать. Ответов нет еще. Государю, пишет он, желательно, чтобы Вы прислали Ваши картины в Петергоф в большой дворец, надеюсь при этом случае с Вами видеться.. Письмо Оболенского ужасно нас обрадовало, а то как-то страшно было, что останутся на руках эти картины, а кому они нужны, да и самому Василию противны. Он повеселел и стал рисовать шкаф для своих книг и фотографий. Акварель его быстро двигается.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 1 августа 1883 г.*

.. Работы двигаются. Василий остался ими доволен, что меня крайне радует, ибо он не стесняется и не хвалит, когда недоволен.. К сожалению, его вкус и вкус заказчика могут не сойтись ..Какая невообразимо тяжелая вещь заказ. Вот намучаешься-то. Главное, думаешь, передумываешь, делаешь, переделываешь изо всех сил, как только умеешь и, вдруг, не того ожидал заказчик..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Москва*] *26 августа 1883 г.*

..Ты говорила как-то, в каком ты теперь равнодушном настроении и вспоминала о прошлом, полном надежд и чудных планов. Я именно такую минуту и переживаю с страшной силой.. коли будем живы и здоровы, на будущий год заживем бодро и давай вместе работать и затевать всякую штуку, людей найдем, да и будем орудовать. Я еще человек только начинающий жить, или, скорее, понимать, сколько в жизни чудного,— полный надежд и готовности; ты — человек по натуре бодрый, по жизни опытный.. Отчего же нам не пополнять друг друга!.. Читала ли ты о смерти Тургенева. Я ему отдаю последний долг как автору «Призраков», «Первой любви» и «Довольно». Они мне давали кульминационные пункты высокого настроения..

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Ольшанка. 1 сентября 1883 г.*

Дорогой друг Наташа.. мне здесь очень скверно живется — главным образом оттого, что я совсем не могу здесь работать. Дядя, как дитя малое, пристал ко мне, чтобы я ему написала в гостиной фрески и те два панно,

которые Василий не закрасил ему два года тому назад. Кроме того, я ему должна переделать на более простой фасон Васильину резьбу для столовой. В те же минуты, когда мне удается удрать и работать, то и там меня догоняет скучающая ольшанская компания и пристает, как банный лист, фу черт дери.. Все больше и больше убеждаюсь в том, что жить не у себя дома — это самое противное, что только можно выдумать.. Да, хорошо бы, если бы когда-нибудь осуществился твой проект пожить опять и поработать вместе. Хотя я чувствую, что много сил моих убыло на всякую дрянь жизни. Нету прежней веры ни в себя, ни в людей, нет или страшно мутны и туманны те чудные горизонты, полной смысла и счастья жизни, которые такими яркими, светлыми и ясными представлялись мне прежде. Много во мне горького напластования тяжелых, подчас как будто невыносимо тяжелых пережитых событий. Во многом я сама сознаю, что виновата, во многом виноваты другие, иногда никто — обстоятельства [14].. Не знаю, что и предпринять, чтобы стряхнуть с себя это глупое состояние духа. Всю надежду теперь возлагаю на Анашку и на свободную работу. Там всегда до сих пор хорошо жилось. Костя очень интересуется моей работой и всегда старается по возможности обставить меня удобно, а сюжеты, я думаю, везде можно найти — даже в Анашке, тем более, что я с моей «жалкой способностью» довольствуюсь маленькими уголками и не ищу, как Куинджи, изображать les grandes scènes de la nature [большие явления природы]..

** Степной хутор [Анашка] 21 сентября 1883 г.*

..Фрески я сделала, кончила к большому удовольствию Л[еонида] А[лексеевича]. Размер их большой, в одной 2—3 аршина, в другой 3—4 аршина, и, конечно, мне делать такую картину то же, что Виктора Мих[айловича Васнецова] засадить за миниатюрный портрет на кости. Но для Л[еонида] А[лексеевича] нет никаких оттенков.— «Ты училась рисовать, стало быть можешь нарисовать и фреску». Ну, да самолюбием иногда можно пожертвовать, но время ужасно жаль.. В Ольшанке мы читали Тэна «Voyage en Italie» [«Путешествие по Италии»]. Очень много отсюда вошло в его «Эстетику», но много есть и кроме того всяких интересных взглядов и мыслей, хотя гораздо распущеннее написано, нет, как там, строгой обработки, но местами талантливо очень..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** [Москва] 12 сентября 1883 г.*

Дорогой друг Лиля, вчера вернулись мы из Абрамцева и опять дома.. Пребывание в Абрамцеве было очень удачное этот раз; я от души радова-

лась за Василия; погода стояла чудная, и он много ходил, ездил на лодке, охотился, одним словом, физически действовал всласть.. Каких чудес наработал Аполлинарий! [Васнецов] Ну просто завидно до чертиков. Какие краски! Откуда он берет такую силу? Сделал около девяноста этюдов..

* *Москва. 26 сентября 1883 г.*

..Посылаю тебе вырезку из газет. Какие интересные в этом году курсы. История искусства три часа в неделю и читает Быковский, которого очень хвалит Василий; он слышал его лекцию о Перове. Будешь ли ты ходить? Мы теперь читаем «Entretiens sur l'architecture» Violet le Duc'a [«Беседы об архитектуре» Виолэ ле Дюк'а] и именно то, что касается еврейских памятников. Удивительно остроумно и оригинально. Кроме того, Лиза [Мамонтова] нам читает.. не бывшую в печати вещь Толстого, где он, основываясь на евангельском тексте «не осуждайте», отрицает всякие власти и суды. ..Савва вернулся с юга и сообщил мне, что образ твой произвел фурор. Титов ахнул. Оказывается, что он будет находиться в самом Екатеринославе на главной станции..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Степной Хутор. [Анашка] 4 октября 1883 г.*

.. Как ты меня порадовала известием, что мой «Покров» понравился заказчику. Это до такой степени приятно, что даже выразить трудно. Главное дело, с заказом никогда не можешь даже приблизительно дать себе отчет — сделал ли вещь порядочную или же, напротив, такую невозможно дрянную вещь, что ее показать совестно. Зато, когда угодишь, это такое наслаждение, что даже как-то на все иначе начинаешь смотреть. Даже меньше обидно, что осенью не удалось поработать с натуры.. Вперед буду стараться зимой брать заказы, а лето очищать для своей работы..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 18 октября 1883 г.*

.. Ну, мы, кажется, едем. Сейчас Василий пошел за паспортом и надо надеяться, что ему выдадут оный, так как все нужные на то документы, как-то: свидетельство от полиции, что к нашему выезду препятствий не

имеется, отпуск из школы[15] и свидетельство на жительство находятся при нем. ..Василий вернулся из Питера ужасно мрачно настроенным. Гатчино и его обитатели подавляюще подействовали на него, и один рассказ обо всем этом навел на меня уныние. Теперь с него как пуд свалился и даже не верится, что все кончено. Кроме Гатчина, он был у Репина, у Микеле Иванова, и вечер, проведенный у последнего, самый был приятный и интересный. Целый вечер провел он у Антиповых, в восторге от них — такие милые люди. Ехать мы думаем 25, то есть ровно через неделю.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Степной хутор [Анашка]. 18 октября 1883 г.*

..Количеством за последние три года я наработала:

Летом 1881 г. — 60 штук.
» 1882 г. — 50 штук.
» 1883 г. — 40 штук.

Ты пишешь, что Василию очень понравилась «Березовая роща» и Репину тоже нравится. Мне сейчас кажется, что я тогда гораздо лучше работала и что теперь мне уже никогда так не сработать..

** Степной хутор [Анашка]. 27 октября 1883 г.*

..Последние годы в Питере, особенно самый последний год, и, еще более особенно, последнюю весну, жилось полно и работалось хорошо и с результатами. И это сделало для меня Питер и тот кружок, который наиболее близко был соприкосновенен с этой жизнью и работой, — очень дорогим. В Москве у меня никого нет близкого теперь, и с отъездом брата и Наташи стала она пустая и холодная.. Ну, да что делать.. одну зиму как-нибудь протянуть можно, а когда наши тут, то и с московской жизнью мириться можно. То, чего я боялась, совсем было неосновательно.. Василий совсем не имел на меня того подавляющего влияния в искусстве, как я боялась. Напротив, столкновение с ним и с его друзьями-художниками отозвались положительно с пользою, и я теперь вижу, что в этот год я сделала шаг вперед..

** Москва. 3 ноября 1883 г.*

..Вчера приехала в Москву. В Тамбове провела один вечер у Вышеславцева, и что это был за вечер! Не преувеличивая скажу, что редко

19. В. Д. Поленов у входа в мастерскую. Рим. 1884
Фотография С. И. Мамонтова

20. На террасе дома П. Н. Толстого.
Слева направо: С. И. Мамонтов, И. С. Остроухов, М. М. Антокольский, П. А. Спиро, В. Д. Поленов, В. А. Серов
Фотография. 1883

в жизни приходится испытывать такие высокие наслаждения. У него находится, хотя и многопредметный, но замечательный музей художественных произведений, состоящий из нескольких оригинальных образцов греческой пластики (терракота) и также пластики (мрамор и дерево) и живописи эпохи итальянского Возрождения. Какие у него увражи!..

** Москва. 27 ноября 1883 г.*

..Много хлопот с образами, чтобы приготовить к выставке, нужно было заказать металлические обручи, залить сзади цементом, вставить в рамы. Все это дело такое новое, что мастера не сразу соглашаются... Думаю, что это дело может иметь будущее и принести выгоды и для меня и для других.. Самое трудное — это проложить путь.. Я еще не кончила два заказа, недоделанные с весны, а теперь получила еще два.. Лишь бы мои образа.. на французском фаянсе выдержали русские морозы..

Архив Поленовых.

ГЛАВА II. 1883—1884 годы

Поездка в Италию. Работа над материалами к картине «Христос и грешница». «Алая Роза» на мамонтовской сцене. Возвращение в Россию. Начало поисков подмосковного имения.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 6 ноября 1883 г.*

Siemo a Roma [Мы в Риме]. Вчера вечером приехали сюда и хочу скорее дать о себе весточку.. Сколько было анекдотов смешных, которые первым делом хотелось рассказать тебе, и сколько грандиозных впечатлений хотелось передать.

Выехали мы из Москвы в среду 26 октября. До самого Рима доехали мы чудеснейшим образом.. Утро следующее оказалось чудным: солнышко, тепло, светло, чисто — так и охватила нас заграница. Первым делом в Стефана, самый сильный по впечатлению для меня готический собор, и этот раз увлекла нас его грандиозность; Василий тоже в первый раз так сильно вдохновился готикой собора. Пыль веков, закоптелые стены — все носит отпечаток времени, во всем читаешь ты целую историю челове-

чества. Орган играл, и музыка настраивала так высоко, какие мысли не проходили через голову.. Сквозь разноцветные стекла скользили солнечные лучи и какими-то меняющимися красками окрашивали кружевную готику. Здесь тебя все отвлекало от обыденной материальной жизни, тут жизнь духа — и все настраивает на нее. Взглянешь над собой, а там этот свод, в котором одна часть вытекает из другой, все удлиняясь кверху, и ты чувствуешь, как по всем жилам проходит влекущая, воздымающая тебя сила. Грандиозное впечатление. Чудная еще минута была, когда мы вышли из Стефана; на нас вдруг пахнуло теплом, но каким-то особенным, радостным, веселым, обновляющим теплом. Вообще на нас обоих Вена произвела этот раз отличное впечатление. Все живет, и так бодро, интересно.. Днем отправились мы в Künstlerhaus [Дом художника] — Венскую постоянную выставку, находящуюся против нашей гостиницы; и попали же мы. Представь себе, как нарочно, там теперь временная Graphische Ausstellung [Графическая выставка], т. е. выставка всяких способов воспроизведений печатанием, выставка от всех стран Европы. ..Ну какие офорты, а какие ксилографии, некоторых забыть не могу.. Представь, что мне удалось таким образом познакомиться с галереей лучших европейских картин в чудных воспроизведениях, как-то офортах avant la lettre [до печати].. Выставка так нас заинтересовала, ..что мы решили остаться еще день. Наконец настал вечер. Опера какая-то преглупая «Der Wiederspänstigen Zähmung» [«Укрощение строптивой»] на сюжет Шекспира, музыка незначительная и уже забылась. Появляется Лукка, совсем не толстая, начинает играть, и игра все та же. Пением она минутами давала высочайшее наслаждение, но, к сожалению, такая плохая опера, только в одной маленькой арии она могла немного развернуться. Василий говорит, что она утратила полноту голоса, но временами она брала еще удивительные ноты. Но вместе с ней пел баритон — вот так диво. Мы до сих пор не верим, что это была действительность, а не сон. Молодой еще человек, отличный сильный голос, хотя еще мало обработанный; но эта красота лица, движений и костюма — что-то поразительное. Таких [подлинных] костюмов и так художественно красивых и правдивых можно разве только во сне видеть.. Во вторник утром отправились мы в Венецию, куда решили ехать совсем неожиданно: вдруг после Стефана захотелось уж очень видеть Марка. Дорога чудная идет до самой почти Mestr'ы [Мэстры], мы не отходили от окна, и одна картина сменялась другой. На горах мы въехали в сплошной снег. В двенадцать часов ночи приехали в Венецию, остановились в Luna [Луна].. Первый день был серый, сырой, негостеприимный, и я сохранила мрачное впечатление о Венеции; но зато второй день, боже, его не забуду никогда! В первый день мы обошли Марка и Дворец дожей, на другой день солнце сияло во всей красе, небо безоблачно. Мы отправились в Академию; там меня совсем увлек Carpaccio [Карпаччо] и маленький Иоанн Креститель

в веронезовской Мадонне. Часа в четыре отправились на гондоле в городской сад. Боже, что за нега, что за дивное, ласкающее впечатление этого моря, этого солнца, этого убаюкивающего движения гондолы. В саду тишина, чудный воздух.. какое то здоровье входит в тебя, бодрость восстанавливается, жить хочется и жить бодро, полно.. Такие минуты редки, а для меня Венеция останется каким-то сном счастья, надежд и упований. Вечером полная луна и опять гладь и тишь; мы опять выехали на гондоле, и вдруг среди тиши ночной раздался хор, но какой — понеслись бравурные, бодрые, полные энергии звуки молодых, звонких голосов! Не верилось, что это действительность. В тот же вечер мы уехали.

Флоренция не понравилась, осталась какая-то тоска по Венеции.. Мы поспешили в Рим, куда и приехали вчера в четыре часа, и по рекомендации остановились в Hôtel Castagni [Отель Кастаньи], и что же, она оказалась на той самой улице, где была Васильина мастерская[1]..

Архив Поленовых.

С. И. МАМОНТОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Москва*] *8 ноября 1883 г.*

Здравствуй, любезный друг Наталья! Читал твое письмо из Вены[2]. Вкусно пишешь — у меня даже слюнки потекли. Захотелось вон из холодной туманной Москвы. Здесь все лица какие-то вытянутые, невеселые!

Я последнее время сильно погружен в каменный уголь[3] вперемежку с «Алой Розой»[4]. А ведь сия последняя двигается преисправно, и напрасно вольтерианцы утверждают, что она делается кое-как. Кротков идет сильными шагами: написал очень красивый дуэт отца с Бьянкой, который так и хочется постоянно напевать,— даже жалость берет. Чем черт не шутит, — вдруг и мы с Кротковым дадим, несмотря на окружающую нас сырость и мразь, какие-то художественные образы и чарующие звуки! Да уж я этого толстого пихтеря проберу и выжму из него, что можно. Жаль только, что мой поэт Сергей[5] морщится, без него скучно. Ну, да, бог даст, ничего серьезного не будет.

Митричу* мой дружеский поцелуй, навеки нерушимый. Желаю ему высоко поднять свой дух, отряхнуться, и дав простор вдохновению, подарить нас чем-нибудь торжественно-прекрасным. Выше, выше, сильнее и бодрее! Пусть низменная братия роется в пыли и копошится в старых обносках — нам до нее дела нет! Больше солнца, больше света! Вперед! Обнимаю вас обоих..

Архив Поленовых.

* В. Д. Поленову.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Рим. 13/25 ноября 1883 г.

Уважаемый Иван Николаевич. Посланный Вами мне портрет я получил в день моего отъезда за границу и поэтому не успел поблагодарить Вас за Вашу любезность[6]. Очень сожалею, что не пришлось мне видеться с Вами в Петербурге; но я приезжал на очень короткое время, торопился за границу и не успел побывать у Вас во второй раз. Теперь я в Риме, ничего не делаю, а только греюсь на южном солнышке, которое здесь и в нашем мрачном ноябре светит приветливо и ясно. Рим растет не по дням, а по часам, как говорит сказка; там, где еще недавно были пустыри и кучи мусора, теперь высятся громадные дома и отели. Вообще работа кипит. Из грязного мусорного провинциального городка делают столицу — и сделают, да еще какую. Вы чувствуете в Италии, что народ оживает; на всех углах римских улиц вы видите надпись какого-то предприятия: «Italia e la sua futura grandezza» [«Италия и ее будущее величие»]. Приятно встретиться с народом, который так уверен в своем будущем. И это не слова, не реклама — всюду вы чувствуете эту надпись и верите ей. В самом деле, если взглянешь в недавнее прошлое Италии, вспомнишь, как этот народ с великими гражданами во главе, начиная от короля и кончая последним угольщиком, единодушно сплотился для дела освобождения родины от внешних и внутренних притеснителей, то нам понятны станут и эта твердая вера в будущее, и эта энергичная работа в настоящем.

Любо-дорого смотреть на итальяшек, добились они до света, несмотря на все препятствия и невзгоды, и радуются ему, не теряют времени, а действуют во всю мочь.

Но что всего завиднее у них — это их благодатный климат. Мне кажется, что, если бы господь бог одной осьмушкой такого климата наградил нас, мы бы много были здоровее, живее и свободнее. Что касается до нашего искусства, то по дороге я видел много интересного. Во-первых, в Вене была международная графическая выставка; на ней было собрано все, что наше время произвело по части гравюры, офорта, ксилографии, литографии и вообще печатных изданий. В Венеции попались мне несколько чудесных акварелей. Во Флоренции видел я частную галерею современных итальянцев, все больше фортуниевской школы. В Риме был только у Сведомских да у Риццони. Сам ищу мастерскую, но для этого, кажется, опоздал, все хорошее разобрано.

До свидания, уважающий Вас *В. Поленов.*

P. S. Жена просит свидетельствовать Вам свое почтение.

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 17/29 ноября 1883 г.

..В благодатной мы стране! Климат, воздух, природа, а искусство-то какое! Сейчас в первый раз видела Velasquez'a [Веласкеса] и все еще чувствую его живой взгляд. Сколько простоты, а в то же время правды. В Капитолии его собственный портрет, сделанный им. Два портрета врезались в памяти — Velasquez [Веласкес] и Микеланджело, тоже собственной работы. Вчера только прочли мы ту главу в «Voyage en Italie» Tain'a [«Путешествие по Италии» Тэна], где он говорит о Микеланджело в Сикстинской капелле. Помнишь ли ты ее хорошо, а то перечти. Какую яркую полную картину всего безобразия жизни того времени, распущенности, растления он дает, и как сильно после нее выступает строгий портрет Микеланджело. Среди этой жизни сохранился такой чистый, высоконастроенный страдалец-человек. В Капитолийском портрете выразилась в этих изборожденных чертах — вся глубина этого характера.. Что мне тут еще ужасно нравится — это что во всех галереях как-то уютно, теперь мало народа, сидят, копируют и никто тебе не мешает. К тому же, времени впереди много, не спешишь и без утомления все рассматриваешь.. Василий нанял две мастерских в совершенно противоположных направлениях от дома. Одна очень симпатичная, небольшая,— больших совсем не найдешь — там работать уединенно и приятно; другая на via Margutta [виа Маргутта] на пятом этаже у Сведомских, узкий коридор, никуда не годный, но зато терраса солнечная, что для него очень важно — для этюдов с натуры. Но там на виду у всех, в самом водовороте художников, а ты ведь знаешь, как он не может работать в постоянном va et vient [суете]. Сведомские добрые бонвиваны, но так далеки от настроения, требуемого Васильиной картиной. Вообще он со страхом приступается, а я не с меньшим..[7] Жаль, что Антокольский не здесь! Теперь я выписываю Havet [Гавета], и мы начнем читать вместе, это ему даст настроение..[8] Столько было теперь впечатлений, что надо и их переработать.. Анекдоты без конца. Начиная с Москвы он [Василий] все теряет. Там потерял билеты — искал, все перешарил — оказалось, что они просто в кармане. Та же история всякий раз с каждым билетом, железнодорожным, театральным или входным. Садимся мы в Венеции в спальный вагон, платим за места, очень довольны, что хорошо поместились; едем, начинаем сосчитывать деньги, хотим посмотреть, что стоят билеты — их нет. Начинаем искать, положительно обшарили все купе — пропали. Он отлично помнит, как воткнул их в шляпу. Я обшариваю его всего,— нет.. сгинули да и все, а он так хорошо помнит, что они были в шляпе. Заявляем; кондуктор говорит, что надо так оставить до Флоренции. О, скандал! Оказывается уж во Флоренции, что в самой же Венеции контролер взял билеты и взамен дал спальную квитанцию, которая и есть.

Вчера приходим в Borghese [Боргезе]; он нарочно разменял деньги в гостинице. Хвать, их нет. Опять все карманы по десять раз — нет: надо уходить; вдруг оказываются в кармане. Всякий раз какое отчаяние и какая уверенность..

** Рим. 23 ноября/5 декабря 1883 г.*

..Когда я писала тебе последнее письмо, то была в некотором сомнении; сильно боялась, чтобы Василий не стосковался с одним только слабым ресурсом — мной; но пока дела идут отлично. Он сильно полюбил свою частную мастерскую, а в другой еще и не был; да и правда, мастерская чудо какая симпатичная. Галереи же дают такой материал и пищу, что чудо. Видела я Веласкеса в Palazzo Doria [Палаццо Дориа] — на красном фоне драпировки, на красном кресле, в красной мантии, с красной кардинальской шапочкой — красное лицо папы Иннокентия X. Черт знает, что такое; вспомнить его не могу — это живое лицо, вылепленное до невероятности правдиво, и ты так и видишь эти живые потные блики с синеватым рефлексом, они блестят; в то же время как широко, играючи написано. Мне кажется, что эта вещь понятна только для тех, кто сам стоит близко к живописи и чувствует эту удивительную кисть. Большинство проходит мимо. К тому же, на мой взгляд, это такая вещь, которая страшно побуждает к работе, дает энергию, указывает на чудную школу, открывает как бы путь, которому следовать; для ищущего художника это, по-моему, откровение. После этой вещи не скажешь: «Руки отнимаются, вот это мастер, а мне уж где!» Напротив, с удвоенным рвением примешься за дело. До сих пор ни одна вещь в Риме, да скажу даже нигде, меня так не увлекала. Представь себе мое горе, я тут вместо древних римлян, которых не могу полюбить, увлеклась Возрождением и его художниками и все с ними вожусь. Почти все они тут есть, и ужасно живо оттого их изучение. А для древней истории видно слишком у меня мало фантазии; не могу из осколков колонн и развалин, стоящих одна на другой от разных эпох, восстановить древнее величие Рима..

..Большая разница писать тут и в России. Василий в Москве сделал несколько эскизов, и, когда смотришь на них тут, рядом с природой, они совсем бледны, бесцветны. Здесь он сделал несколько — солнце и блеск..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

Альбано. 18/30 декабря [18]83 г.

Дорогой друг Лиза, как тут ни хорошо, а все-таки часто-пречасто вспоминаю я об тебе и вообще об вашем теплом для меня уголке; я редко

высказываюсь, да, признаюсь, и не умею, а скажу тебе, что нет человека, который бы меня так согревал и поддерживал в минуты уныния, как ты..

Мы с Натальей вдруг заскрипели: сначала она, а потом и я, но, к счастью, натолкнулись на такого прекрасного врача, а еще больше человека и даже друга, что теперь хворость прошла. Он отправил нас прогуляться в Альбано, где мы живем теперь шестой день и наслаждаемся чудесным воздухом, дивной погодой и природой[9]. Работа у меня двигается, хотя пока еще подготовительная, но я доволен и чувствую себя воскресающим для своего искусства. Мечты почти всей моей болезни начинают получать образы и, может быть, в конце концов и осуществятся. Наталья сильно помогает мне в моей работе: по вечерам мы читаем с ней все, что можем достать подходящего к еврейской и евангельской истории и археологии, дни летят как часы, но когда она захворала, стало мне очень жутко..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Альбано. 18/30 декабря 1883 г.

..Работа моя двигается. Я хотя работаю и не много, а выходит значительно; картина моя, для которой я теперь готовлю материал, все яснее и яснее передо мной рисуется, но начинать ее в Риме я не думаю, а хочу для нее все подготовить и писать уже дома, но для этого надо будет обдумать, где мне удобнее будет с ней поместиться, ну, да это еще впереди..

Архив Поленовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 24 декабря 1883 г.*

...К моему весьма большому огорчению, нынешний год не состоялась Периодическая выставка, но в залах Общества будет выставлена новая картина К. Маковского и в это же время другие картины. Третьего дня я послала туда двенадцать своих летних и осенних акварелей. Вот тебе список их:

№ 1. «У ручья» (белые цветы с фоном деревьев, написано по двум летним этюдам осенью — т. е. частью в Анашке, частью в Москве);

№ 2. «Туманный день» (писано с этюда, сделанного у Кости в Анашке поздней осенью из окна);

№ 3. «Поздней осенью», ручеек и голые деревья, тоже в Анашке, в огороде у Константина;

№ 4. «Зима». Знаешь, с воронами, та, что была выставлена и не продалась в Питере;
№ 5. «Мак» (ты знаешь — прямо этюд);
№ 6. «Болото». Писано в Ольшанке — изображены листья, водоросли, осока у берега и белые кувшинки;
№ 7 и 8. «Полевые мальвы». Писано в Ольшанке, в саду;
№ 9. «Осенние листья» — в Анашке из окна;
№ 10. «Степная дорога» — у Кости же;
№ 11. «У стены» (абрамцевский этюд одной из ромашек);
№ 12. «На лугу» (тоже абрамцевский этюд мелких ромашек).

Выставила их третьего дня, а уж сегодня три из них проданы,— за такое старание я им подарила самую большую из моих акварелей (№ 1) и таким образом стала их пожизненным членом. По поводу этой выставки часто виделась с Ник[олаем] Серг[еевичем] Третьяковым... Одна из моих акварелей куплена им (№ 9), а другие две (№№ 2 и 7) каким-то Федоровым. Очень рада, что в Москве к моим акварелям так любезно относятся..

Архив Поленовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 28 декабря [1883 г.]/ 9 января [1884 г.]

Дорогой Василий, благодарю тебя от души за твое доброе, теплое письмо, оно именно потому мне особенно и дорого, что ты, который не умеешь высказываться, сказал мне такое теплое, ласковое слово. Сама не дождусь я того времени, когда опять буду с вами, конечно, нечего и говорить, как сильно мне вас недостает, я без вас совсем осиротела... Савва так занят своей оперой, что вряд ли соберется тебе написать раньше ее окончания. Он был очень рад твоему письму и сочувственному отношению к его затее.. Я очень благодарна Елене Дмитриевне за ее помощь в деле костюмов, которые почти все пришлось делать новые.. Виктор Михайлович тоже не устоял, увлекся и начал писать новую декорацию для волшебной залы. Сейчас пишет..

Архив Поленовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 28 декабря [1883 г.]/ 9 января [1884 г.]

..В доме у нас каждый день репетиции, то одна антреприза, то другая, т. е. Савва и Сережа. Сергея ужасно жаль, он хлопочет ужасно, вся его

компания жаждет играть, и ничего не выходит, так как взрослые все заняты оперой. Они, кажется, переменили три или четыре пьесы, и все напрасно. Наконец, мы сегодня сжалились над ними и предложили повторить «Снегурочку»[10], так, запросто, между своими. Они ухватились за это. Васнецов, конечно, тотчас же увлекся, и пошла работа, всех актеров собрали.. Спиро будет играть царя, Леля — Наташа*, а Весну, нечего делать, беру я на себя. Сергей будет Мизгирем..

Архив Поленовых.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 31 декабря [18]83 г.

Спасибо тебе, дорогой Базиль, за твое горячее и дружеское письмо — оно несколько дней уже не выходит у меня из головы. Хочется написать тебе длинный и подробный ответ, но, сказать по правде, репетиции «Алой Розы», постановка и всякие хозяйственные хлопоты (не говоря уже об железных дорогах, которых все-таки забывать не приходится) настолько абсорбируют меня, что я не найду времени спокойно расписать тебе все как следует.

Опера наша вышла сверх ожидания так интересна, что можно смело сказать, что в сокровищницу русского творчества поступает новый и не безынтересный вклад, и я хожу по этому случаю небывалым именинником — из нашей художественной сферы что-то дается на общую потребу, и эта мысль является для меня чем-то особенно одуряющим и приятным.

Опера, как следует опера, во всей форме, отличные мелодии, красивая фактура и очень приличная вокальная обстановка (без сравнения выше «Кумушек»)[11]. Через семь дней представление, а вчерашняя репетиция прошла до того удовлетворительно, что исчезло всякое сомнение в успехе.

[Москва] 1 января 1884 г.

Особенно сильны и прямо художественны сцены Бьянки с Чудовищем. На роль Чудовища нам бог послал такого роскошного баритона[12], о каком я и не мечтал,— художник в полном смысле. М-ме Гальнбек в роли Бьянки очень деликатна и изящна и достодолжно увлекается. Сегодня первая оркестровая репетиция — любопытно, что выйдет. Бен-Саида поет твой брат Алексей, д[онью] Хименес его жена. Васнецов написал для волшебной залы новую декорацию — готика со сводами и разными вол-

* Н. А. Мамонтова — дочь брата С. И. Мамонтова.

шебными страхами, напр[имер] на правой кулисе огромная химера держит герб чудовища. Спиро поет Альмериго — очень забавно, хотя со всеми онерами tenore di grazia [лирического тенора]. Ну, довольно, подробности все сообщит Лиза, которую скоро увидите.

С Новым годом поздравляю обоих вас, дорогие друзья мои. Дай бог вам стать на настоящую колею — тебе написать нечто выходящее из ряда вон, а Наташе сына — тогда вся жизнь получит надлежащий рельеф.

Лиза моя настолько теперь молодцом, что сама захотела играть роль Весны в «Снегурочке», это меня очень обрадовало. Лицо ее гораздо веселее и живее и редко дрожат брови, а все-таки отлично, что она решила прокатиться за границу.. Письма ваши были как нельзя более кстати и подняли наш общий дух — спасибо за них. Очень и очень жаль, что вас нет здесь,— вы более чем кто-либо сумели войти в тон того поднятия художественного духа, которое нас всех оживляет теперь..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 2/14 января 1884 г.*

..что сказать про нас! Во-первых, наше здоровье: я чувствую себя великолепно, о лихорадке пока и помину не было.. О Васильином здоровье не скажу того же.. В мастерскую он не ходит — боится, что холодно, и работает дома. Он писал тебе о проекте писать картину в России. Я сперва была этим озадачена, хотя это уже давно ему пришло в голову, но передумав все хорошенько, согласилась с этим.. по крайней мере он будет иметь тут много времени для приготовления материала, которого, по-моему, у него совсем нет, а где же в России может он достать такой богатейший материал. Конечно, сам материал и тут не придет, надо искать. Но главное, пользоваться тем, что есть под рукой, а не думать о будущем, упуская настоящее. Теперь он все работал карандашом, отыскивая всем позы, приблизительно кончил и теперь несколько дней как приводит картину в перспективу, а я читала «Vie de Jésus» [«Жизнь Иисуса»], которой у нас чудное издание восемьдесят третьего года со всевозможными комментариями[13]. Более вдохновительного для работы его чтения трудно найти, и он даже увлекался и написал несколько эскизов других[14].. Как только кончит Василий перспективу, так займется большим эскизом масляными красками и, найдя вполне позы и определив величину фигур в настоящей картине, начнет этюды с натуры, а мне предстоит шитье костюмов..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва, 9/21 января 1884 г.*

Наташа, моя дорогая, прости, что писала тебе редко, теперь, кажется, дело иначе пойдет. Знаешь, ведь бывают такие минуты, когда живешь замкнуто, сдержанно, среди холодной равнодушной обстановки. Так было со мною осенью, когда после хорошей прошлой зимы и недели августа я вернулась в пустую (тогда для меня) Москву, в опустевший наш графский дом. Одиноко и холодно стало на душе, и в такое время сжимаешься и неохотно делишься с другими, особенно в письмах, своими нерадостными чувствами. Это последнее время мне жилось совсем иначе благодаря Ел [изавете] Гр [игорьевне]. Я ведь тебе уже писала, как неожиданно хорошо изменились наши отношения.. во время приготовлений к спектаклям я бывала каждый день у них soit disant [якобы] для костюмов и так отвыкла от дому, и так привыкла к ней, что просто вообразить себе не могу, как это будет, когда она уедет к вам. Она все зовет меня в Рим с собою, хоть на два дня, говорит, чтобы вам рассказать все про «Алую Розу», а то боится, одна без другого участвовавшего лица не сумеет хорошо рассказать.

Ну, Наташа, уж и «Роза» же вышла. Представь себе: идет опера при стечении публики более ста человек — вся музыкальная Москва налицо: и Эрдмансдёрфер и Павловская и проч [ие], которую оперу сам композитор слушает в первый раз, так как она до дня спектакля не была еще вся готова, то не только генеральной репетиции не могли дать, но даже ни на одной не прорепетировали ее с начала до конца; поэтому она не только была новинкою для публики и для всех участвовавших, но и для самого, тревожно дирижировавшего сочинителя. Сегодня утром была у Ник [олая] Сер [геевича] Третьякова и видела там его отца, который был на представлении. Я спрашиваю его о впечатлении. «Очень, говорит, многое мило, интересно, симпатично, но вместе с тем писать opéra comique [оперетку] в четыре действия и так, чтобы она шла от восьми часов вечера до двух часов ночи» (это правда) «согласитесь, это несколько жестоко». Нельзя было не согласиться. Кроме того, шла она не гладко, сбивались, врали. Савва Иванович, Петр Антонович и Алексеева — Жуанита — безголосые, за них страшно, ждешь каждую минуту, что вот-вот и со скандалом все вдруг станет. Но все же прошло, ну и отлично. В сущности же вещь сама по себе в музыкальном отношении талантливая, изящная, симпатичная во многих номерах. Особенно хороши первые два действия. Но, к сожалению, для волшебного замка его заторопили, и партия Бианки вышла слабее всего. У Чудовища есть очень красивая ария, у него же и голос чудный.. Кто очень увлекается, мил, интересен и как человек и как чуткий художник — это А [лександра] Н [иколаевна] Гальнбек. В некоторых местах она просто тебя за душу захватывала и, видно, свою

душу всю туда положила и надорвалась-таки, так что заболела, бедняжка, после спектакля. Вчера вся компания давала Кроткову обед в Эрмитаже, а оттуда поехали в тройках докутить, но она уже в этом кутеже не участвовала и тем самым так хорошо выдержала тип Бианки. Она, должно быть, недюжинная, сама того еще не сознает вполне, но в душе горит священный огонек. Невольно все симпатии к ней стянулись. Ведь я тебе, кажется, писала последний раз еще до «Снегурочки». Вот был милый, симпатичный спектакль. Ужасно были милы в нем Виктор Мих[айлович], который Мороза играл, Наташа Анатольевна [Мамонтова] в роли Леля была совсем прелестна, Алексей просто влюбился в эту девчурочку, Таня [Мамонтова в роли Купавы] должно быть была слабее, чем в первый раз, ибо не произвела сильного впечатления, Маша [Мамонтова в роли Снегурочки] была совсем плоха. Но кто был неподражаемо прелестен — это Петр Антонович в роли царя Берендея. Уж и костюм же я ему постаралась сделать! Он был очень тронут, — мы теперь большие друзья. Он подарил мне книжку с надписью, а я ему акварельку подарю. Теперь уж ты большое количество выставленных не увидишь — шесть продано, одну я Обществу подарила, одну хочу Петру Ант[оновичу] подарить. Мне самой жаль ужасно, что ты их не увидишь. Наташа, знаешь что, никому на свете так не люблю я свои работы показывать, как тебе, дорогая. Образ третий еще не начинала, вообще работой недовольна. Мало работаю. Писала ли тебе, что начала серьезно работать с Ник[олаем] Серг[еевичем] у него. Писали еврейку, теперь мальчика начали...

Архив Поленовых.

Ф. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Воейково* [? *1884 г.*]

Милые мои Наталья и Василий.. об «Алой Розе» вам, конечно, уже подробно писали и рассказывали. Скажу только о своем личном впечатлении, которо[е] было так сильно, что мы с Алексеем и теперь постоянно фредонируем [напеваем] мелодии «Розы» и вспоминаем это время. Идеальнее impressario [импрессарио], чем Савва Ив[анович], мне кажется, не может быть, до такой степени он все ведет оживленно, интересно, и, главное, талантливо. Я просто очарована была и жалела лишь об одном, — что у меня была слишком бесцветная роль. Я никогда вообще не гонюсь за первыми ролями, готова хоть кого угодно изобразить, если это нужно, хоть лампы зажигать, но тут, именно под Саввиным руководством и с ним, было бы *так* интересно провести настоящую хорошую роль, что жаль возможного, неосуществившегося громадного удовольствия. В сущности, давнишняя моя мечта была спеть в опере серьез-

ную роль, но никак это мне никогда не удавалось. Видно и не удастся, потому что хотя мы потом с Саввой и строили разные châteaux en Espagne [волшебные замки], но они только в Испании и возможны, а мы живем в Москве и в Воейкове — местах, отдаленных от Кордовы. Несмотря на это легкое облачко на дне души, участвовать в этом спектакле было большое удовольствие, и я вовсе не формально благодарила Савву по окончании, а от всей души. Измучился же он, бедный! Маэстро не подготовляет музыки и не просматривает партии, оркестр не ладится... хор врет, и все это идет к нему за помощью и указанием: «Савва Ив[анович]! Как нам сделать?» «Савва Ив[анович], можно надеть шапочку Maria Stuart [Мария Стюарт]» (это я)... «Савва Ив[анович], Савва Ив[анович]!» Словом, бедного Савву Ив[ановича] рвали на части, и он, усталый и сиплый, с свихнутой рукой ухитрился еще в день представления облачиться в полную парадную форму поверх костюма и принимать каждого приезжающего на верху лестницы. Это просто гений для таких вещей. Несмотря на все недочеты нашей подготовки, я уверена, что будь он в голосе, опера сошла бы очень гладко, он бы поднял дух исполнителей, так что вдохновились бы тем даже, что несколько было смутно.. да, наконец, он сам оживил бы и придал яркости блеском своего исполнения. Надо было видеть, с каким увлечением он играл на каждой репетиции.

Очень мил был, поэтичен и изящен детский спектакль «Снегурочка», хотя не весь. Общее впечатление, по-моему, было гораздо изящнее и тоньше нашего. Вся сцена в тереме царя до последней мелочи была прелестна. Царь Берендей — Спиро безукоризнен.. и, однако, я замечаю, что все письмо мое есть целый ряд знаков восклицания, а так как, продолжая, пришлось бы опять ставить восклицат[ельные] знаки.. то и кончаю, переходя к сведениям о нашем будничном житье-бытье. Не могу только не упомянуть о Морозе — Васнецове. Хотя мы самого Мороза никогда не видали, но он, наверное, такой, каким был Васнецов. Вы мне простите все эти longueurs [длинноты], но дело в том, что по мере того, как я пишу, мысленно я переживаю оба спектакля и невольно поддаюсь их впечатлениям...

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Москва. 14 января 1884 г.*

..Это время я работала с Третьяковым у него в мастерской.. Сам Третьяков очень стал недурно писать, гораздо чище и свежей. Очень и он и прочие ученики вздыхают о тебе и Прянишниковым недовольны. Да и в самом деле: ведь твой класс собственно живописный главным обра-

зом должен развивать в них смысл колорита, пятна, стало быть, краска играет тут первенствующую роль. Вообрази себе, что он им ставит как nature morte — гипсовый барельеф. Мало им в тех классах гипсы глаза намозолили.

Мне ужасно завидно Ел[изавете] Гр[игорьевне], что она к вам в Рим едет. Из Наташиного последнего письма я увидала, что вы совсем втянулись в евангельскую жизнь, и мне так стало обидно не участвовать в ней. Это такие высоко поэтические минуты, когда можешь отбросить на время настоящее и душою перенестись в далекое прошедшее и сжиться с жизнью, идеалами, обстановкой, природой тех людей. И когда эти минуты являются, с ними вместе является какая-то охватывающая нравственная атмосфера. Живя в одиночестве, ее ничем не добьешься, для этого надо собраться нескольким более или менее единомыслящим лицам: «Где двое или трое собраны..» Помнишь, такого рода атмосфера налетала на нас, когда судьба нас сводила втроем: тебя, Веру и меня. Нечто похожее повторилось в прошлом году в эпоху былин[15]. А вот теперь, мне сдается, вы переживаете тот лучший, высочайший нравственный момент, до какого когда-либо доходило человечество, и мне ужасно обидно только издали чуять, что делается что-то хорошее далеко, так далеко, что сколько душою ни стремишься туда, ничего не поделаешь.. Ну пока прощай, скажи Наташе, чтобы она не оставляла милую привычку писать часто и много. Теперь, что Ел(изавета) Гр(игорьевна) с ней, она может мне писать вдвое больше, чем прежде, и я буду часто вам писать. Ответили ли тебе все, кому ты писал зараз?

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 18/30 января 1884 г.*

..Только что вернулась от Вас, т. е. от Ваших мальчиков, с которыми ездила рисовать. Всех видела — и Савву Ивановича, и Сергея, и Воку, и Юру, и Конст[антина] Дм[итриевича], и Варвару Гавр[иловну], и Авенирыча. Все благодушествуют и все обстоит благополучно. Вока, Юра и К[онстантин] Д[митриевич] приводили в перспективу комнату, а я приводила в перспективу Воку, Юру и К. Д., и комнату, и самого Авенирыча тут же прихватила[16]. Потом кончился урок, пили чай в нижней столовой; все в доме по-прежнему: те же комнаты, та же лестница и диван деревянный стоит на ней и все, точно ничего не изменилось. Сидишь, рисуешь и смотришь на дверь из залы в кабинет и все ждешь, вот-вот покажетесь Вы из двери, и никто не вышел из нее во весь вечер; а все же

приятно было побывать на старых местах, когда-то таких чужих, холодных, а теперь таких привычных, родных..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 19/31 января 1884 г.*

..Мы теперь читаем Renan [Ренана] — «Apôtres» [«Апостолы»], и первые главы привели меня просто в экстаз, зато дальше сухо, менее картинно, да и материал далеко не такой уж интересный. Вчера наконец получили давно желаемого Vogüé [Вогюэ][17], два громадных ouvrages [увража], и Василий сделал открытие, которое привело его в восторг. В Сирии сохранился храм Иродовой постройки одновременной с Иерусалимским храмом, что доказано надписью. Vogüé дает подробные рисунки деталей всех орнаментов. Василий ходит, как именинник. Он теперь больше жалеет о «Снегурочке», чем об «Алой Розе»; да и я тоже. Второй раз ему не приходится ее видеть..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 3/15 февраля 1884 г.*

..Насчет моих работ: мне все кажется, что идут они вяло, противно, бездарно, но я иногда думаю, что, при известном характере и требованиях, не есть ли это всегдашнее впечатление данного момента. Это наблюдение меня несколько утешает. Мне казалось, напр[имер], осенью, что я вовсе, ну, окончательно обездарела в тех пейзажных этюдах, которые работала после Москвы, а потом, когда взглянула на них через несколько времени и другим показала, нашла, что в некоторых пунктах (напр[имер] в соблюдении общего) двинулась вперед. Нужно одно: работать во всю мощь, сколько есть сил, все их напрягать и расходовать. Я работаю много и, знаешь ли, как? ..принялась работать пером. Я давно об этом думала, и думала, что это, должно быть, очень важно для выработки более определенности и верности в рисунке — в чем именно я ощущала страшнейший недостаток. Попробовала и нахожу в самом деле, что это неимоверно полезно, — это чувство, что каждая черта есть нечто такое, что ты производишь один раз и навсегда, держит тебя в железных тисках, никуда не дает податься. Выходит-то, конечно, очень погано, но это ничего не значит, вижу положительно, что это полезно..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 2/14 февраля 1884 г.

..Эти последние месяцы мы с Натальей сильно занимались историею Христа и археологией Иерусалима и его храма. Ужасно интересно, были вечера, где мы чуть что не захлебывались от настроения. Последнее тринадцатое издание Ренана «Vie de Jésus» [«Жизнь Иисуса»], переработанное им и дополненное критическим разбором четвертого Евангелия, столько проливает света и столько дает теплоты, что я давно не испытывал таких живых впечатлений от чтения книги. Рядом с этим во многом сглажена сентиментальность стиля и строже разобраны факты. Далее первые главы второго тома «Les Apôtres» [«Апостолы»] так душевно верны, так глубоко прочувствованы и так художественно написаны, что ты совершенно переносишься в далекое прошедшее, в эту темную минуту, где происходит событие, последствия которого неисчислимы для человечества. Перед Ренаном мы читали De Saulcy [де Сольси][18] описание Иерусалима и следили по моим фотографиям за его странствованиями и открытиями. Выходило, точно мы сами странствуем и открываем. Теперь читаем Vogüé [Вогюэ], который своим строгим анализом и ясной научной критикой, хотя и разбивает горячие страницы и пылкие догадки De Saulcy, но тем дает больше положительных данных для работы. Я до сих пор все работал над эскизом и теперь нахожусь в переходном состоянии, т. е. готовлюсь к этюдам. Собственно, теперь я бегаю по Риму и отрываю всякие лоскутки и кусочки, из которых Наталья шьет для картины костюмы, Лиза ей помогает..

Архив Поленовых.

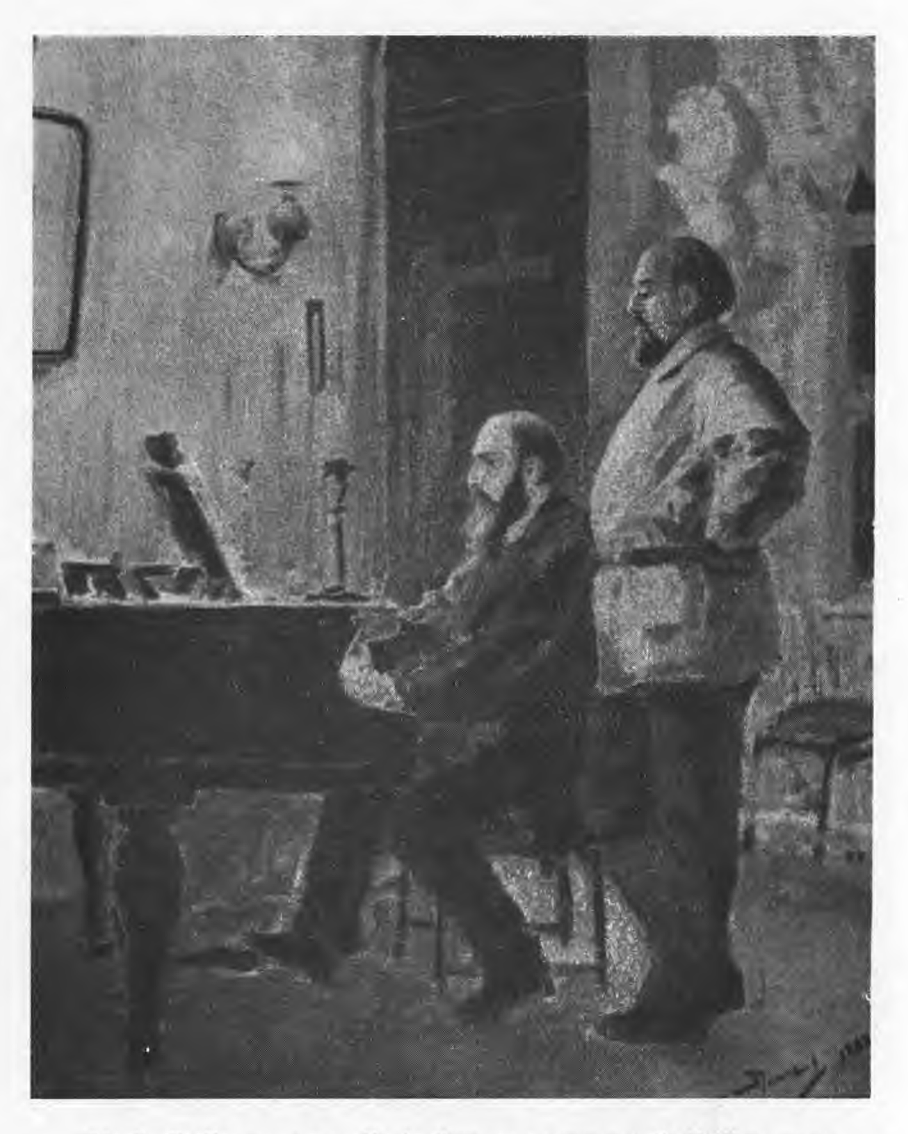
Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Москва. 19 февраля 1884 г.*

..Долго не отвечала тебе, как-то не писалось все это время, тоскливо уж очень было. Вторая половина этой зимы далеко не то, что была прошлая и начало нынешней. Вообще, ты знаешь, я с людьми сближаюсь не легко, а в настоящую минуту здесь и нет никого, с кем тянуло бы сблизиться. А без людей жить — тоскливо и вредно. Вот и выбивайся, как знаешь.

Мне работается куда как скверно — а продаю недурно: на днях выставила еще шесть акварелей на постоянную выставку[19]. Сегодня узнала, что три из них проданы. Между ними абрамцевские дубы, помнишь, тот этюд, что мы писали одновременно с Аполлинарием Васнецовым, остальные осенние, которых ты не знаешь. Кстати, как грустно, что та картина — абрамцевский пруд, которую написал Аполлинарий осенью,

21. Е. Д. Поленова. Столовая в доме Мамонтовых на Спасской Садовой. *Акварель. 1884*



22. В. Д. П о л е н о в. П. А. Спиро за роялем и С. И. Мамонтов
Этюд. Масло. 1882

до такой степени не похожа на его этюды, что узнать нельзя художника, и, по-моему, хуже тех двух, что были выставлены на прошлогодней Передвижной. Конечно, это еще ничего не значит, но невольно ждешь от него, судя по его летним этюдам..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 11/23 февраля 1884 г.

..Как уж вспоминала я теперь тебя в связи с костюмами. Их много надо делать, стараться, чтобы они и по материи и по работе были насколько возможно echt [подлинные].. Что, кажется, удивительно удается, так это костюм грешницы, и не поверишь, что не echt. У Василия работа, кажется, теперь пойдет. Тебе, как художнику, должно быть особенно понятно его состояние. Теперь вот, подводя итоги за все это время, я прихожу к такому заключению, стараясь на все смотреть объективнее. Для постороннего человека кажется, что ничего не сделано; но человек, стоящий близко к труду и знающий, что стоит творчество и как трудно дается эта суть, которую постороннему и не видно, — скажет, что время не потеряно. Василий напишет эту картину, в этом сомнения больше нет. Она стала для него необходимостью, она получила форму и образ; то, что смутно представлялось — стало сутью. Полное сосредоточение на этой картине это время, чтения наши — осуществили ему вещь. Эскиз не удавался, то есть каждый не удовлетворял, и это было ужасно мучительно. Наконец на последнем он успокоился. Если взглянуть постороннему на этот эскиз, то скажут, что это случайный счастливый набросок пятен, но когда видел, как к нему подходили, как мало-помалу вырабатывалась всякая мельчайшая подробность, сколько мук и разочарования это стоило, то скажешь иное, для большинства не понятное, а человеку, стоящему близко и чувствующему все, как свое, более чем понятное. Теперь он стал работать с натуры, и дело идет хорошо пока. Вчера к нему приходили Котарбинский и Сведомский и остались в восторге от его этюдов, а может ли быть сильнее стимул.

Не дали мне вчера кончить письма. Пришел Суриков, уже две недели живущий тут без всякого знакомства. Лиза накануне неожиданно встретила его на улице; вчера Василий притащил его к нам завтракать. Он в таком экстазе от заграницы, что рвет и мечет. Первый раз ему пришлось вчера вылить свою душу человеку, вполне ему сочувствующему. И уж увлекался же он. Веласкес здешний его совсем поразил, он просто говорить об нем не может. С ужасом думает он о России, о неудобстве квартир, когда здесь всякий маленький художничек, пишущий картинки на магазины, имеет настоящую мастерскую в десять аршин. Все твердит, что для

него графин Manet выше всякой идеи. Искусство для искусства, всем в глаза буду бросать это слово. В России будут на меня глаза таращить, и волосы дыбом встанут (при этом сразу подымает свои густые волосы), а я все же буду говорить. Особенно поразила его за границей эта прямая уже потребность искусства, служение публики ему. Эти чудные здания, воздвигаемые правительством и городами для выставок. Сколько у вас тут света — грех не быть колористом, ведь тут тонешь в свету. До сих пор он не работал за границей, но теперь уже соскучился, и Василий предлагает ему одну из своих мастерских, чем он, кажется, и воспользуется. Очень уж я рада за Василия, что приехал Суриков. Этот поглубже Сведомских, у которых главная забота о том, как бы потолще, в палец, положить краски. В Сурикове чувствуется мощный размах Руси.

А ведь правда, должно быть, очень интересно рисовать пером. Только, пожалуйста, до нашего возвращения кончи образ, чтобы весной работать в саду.. Вернется Лиза, ты съездишь в Абрамцево, напишешь этюд весеннего тающего снега, самый дивный момент в Абрамцеве, может быть, для меня, потому что у меня с ним соединено самое поэтическое, чудное, волшебное воспоминание жизни, а именно весны 81-го года..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 20 февраля/3 марта 1884 г.*

..Как верно твое замечание, что трудно в данную минуту судить о том, сделано ли художником что-нибудь существенное или все время его работы ушло на усиленный, тяжелый, но бесплодный труд. И во время такого труда, так часто ошибочно на это смотришь. Напр[имер], со мною было именно так нынешним летом. Мне казалось, что если я двинулась и сделала вещи интересные и крупные, то это в первую половину сезона, в московском саду и в Абрамцеве. Потом поехала я в деревню, и когда там работала, у меня во время работы не раз вдруг начинал выступать холодный пот от сознания, что не только не делаю лучше, но что это позор, что десять лет тому назад я бы не сделала таких стыдных произведений. Приехав в Москву, смешала их и стала показывать. Вообрази, понимающим и ничего не смыслящим больше нравились те, которые относились ко второй серии. Выставила я их в два приема (всех восемнадцать штук), продавались они таким образом:

из семи штук первой серии — одна продалась
из десяти штук второй серии — семь продались.

И еще одна продалась, не относящаяся ни к той, ни к другой, именно прошлогодняя зима с воронами, всего девять штук. Но, когда я писала

их, мне, ей-богу, казалось, что хоть топись в пруду с отчаяния. Всячески себя стыдила, говорила себе, что ведь те я делала урывками между делом. И, казалось, ничто не помогало, а теперь результат налицо, и я очень довольна. Теперь для Питера уж осталась совершенная дрянь, и хочу написать что-нибудь новенькое из ольшанских этюдов, которые за недоделанностью не были выставлены..

Если бы ты знала, Наташа, как мне тоже грустно, что вы там без меня костюмы стряпаете. Вот так уж с наслаждением и увлечением бы стала помогать тебе..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 22 февраля/5 марта 1884 г.*

Василий работает во всю мочь, и дело пока идет успешно. У него каждый день натура, и уже вперед заняты недели. Сегодня буду в первый раз выказывать свои знания итальянского языка и по его поручению писать письма к нескольким натурщицам. Ведь мы с Мамонтовыми берем уроки у премилой итальянки. Василий каждый день приносит мне свои этюды, а к нему мне не придется совсем идти, слишком высоко. Некоторые головы мне очень нравятся; а как легко здесь доставать натуру. Василий ловит проходящих, и большинство охотно приходит и сейчас же понимает, в чем дело.. Погода у нас стоит последние дни просто жаркая, деревья отцветают и зеленеют..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 4/16 марта 1884 г.*

..Эти дни у меня работал Н. С. Третьяков. Я этому рада, все маленькое разнообразие для мамаши. Он добрый малый, приносит разные новости, болтает без умолку и производит некоторое развлечение. Для мамаши это именно то, что нужно ей. Он не гость, ей занимать не приходится, а, главное, она любит смотреть за работою других.. Третьяков положительно делает успехи. Он по-моему совсем не бездарный. Работает он теперь или скорее задумал работать картинку и готовит к ней этюды. А я ведь очень люблю работать не в одиночестве, так что тоже всякому товарищу рада. Рассказывал он сегодня, что последний месяц у них в школе работа немного оживилась. Дело в том, что Прянишников вместо nature morte

поставил им nature vivante, т. е. живого натурщика в очень, по словам Н[иколая] С[ергеевича], эффектном бедуинском костюме, чему ученики ужасно, бедные, обрадовались, а то он, говорят, им самовар поставил, да откусанный огурец.. Я это время работаю довольно много, стало гораздо светлее, и дни длиннее, одно меня приводит в отчаяние — это упорство, с каким в этом году держится снег и вообще зима; я думаю, вам подумать смешно, что у нас еще зима с морозами..

В Питере открылась Передвижная выставка. Репин выставил картину под названием «Не ждали». Сюжет следующий: семья из среднего круга сидит на даче в комнате с открытой на террасу дверью — старуха мать, молодая девица и двое детей, а на пороге двери показывается только что пришедший, вероятно, из ссылки бедный политический ссыльный — сын и брат находящихся в комнате. Говорят, хорошо написано. На лице старухи удачно выражено смешение чувства радости и ужаса. Вообще же, кто бранит, говоря — «вечное репинское подчеркивание», кто хвалит, говорит — «вещь, полная драматизма, прочувствована и продумана». Крамского тоже кто хвалит, а кто говорит — сухо. Его несколько портретов и две картины: «Безвозвратная потеря» — заплаканная дама в трауре, должно быть, стоит перед гробом, хотя гроб не виден, а только вся обстановка намекает на присутствие оного[20]. Другая — «Причины неизвестны» — дама вся в белом с закатившимися глазами, открытым ртом, на кресле и со склянкой яда в руке[21]. Говорят, сам Крамской очень болен, Боткин посылает его за границу и говорит, что вряд ли он вернется. Большой успех имеет кузнецовский Верушкин портрет[22]. Нравится тоже пейзаж «Зима» какого-то Дубовского, новое имя — никогда не слыхивала..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 3/15 марта 1884 г.

..Получил твое письмо как раз накануне среды, которая у меня назначена для отдыха.. Жизнь у меня идет очень однообразно.. Я все утро, т. е. часов до трех, пишу этюды, пока головы, а потом снимаю фотографии с моделей в костюмах, которые мне сделала Наталья, и очень удачно. Что дальше будет, не знаю, но пока работа идет у меня до пота лица, и материал быстро увеличивается. Эскиз видели уже многие художники и, кажется, заинтересовались. Вообще чувствуешь себя тут гораздо свободнее насчет искусства, чем у нас, а несмотря на это долго здесь жить утомительно и сиротливо..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 15/27 марта 1884 г.

..Последнее время мы стали опять читать Ренана.. Кроме того, нас тут в этом спящем в художественном отношении Риме, где кружок художников со Сведомскими во главе представляет просто болото, ..сильно заняло «Новое время» с рецензиями о Передвижной выставке, а последняя статья, писанная без сомнения Репиным, совсем увлекла. Читала ты ее? Если нет, то возьми у Мамонтовых № 2879 (кажется) и 2883. Статьи под названием «Письма к другу»[23]. Письмо Репина, хотя и полно противоречий и с ним можно соглашаться или нет, вся статья такая горячая, что возбуждает тебя на разбор, а не отвращает, как все пошлые газетные критики. Василий, конечно, пишет Репину, а я радуюсь и буду ждать с нетерпением ответа Репина, ибо очень люблю его письма. Статья пришла к нам в понедельник утром, а вечером был Суриков. Я прочла статью, и затем начались горячие споры. Василий ораторствовал, Суриков тоже, и все мы оживились. Суриков совсем стал свой, ручной, любит приходить. Квартира наша очень уютная, а с Василием можно отвести душу. Он далеко не блестящего ума человек, но в нем ужасно симпатично его горячее отношение к искусству. В одном из №№ «Нового времени» была рецензия Боборыкина на выставку. Там между прочим было сказано, что Суриков в выставленном этюде подражает Репину[24]. Как нарочно, пришел Суриков и прочел статью. Боже, что стало с ним. Мы думали, что он все у нас перебьет! Бегал по комнате, убеждал нас, что зачем ему подражать Репину и т. п. Я не знала, как его успокоить. Беда так принимать к сердцу газетные критики, особенно у нас, где умеют только ругать.. Кстати, письмо Василью, пересланное тобою, заключало в себе предложение от какого-то Яроцкого купить Васильин «Абрамцевский пруд», выставленный в Петербурге. Цену дают семьсот пятьдесят рублей; ну да, что тут дорожиться — вещь ведь неважная. Василий согласился, да и дело, по-моему. От души пожалели мы Крамского, надорвал себя человек работой.. Третьего дня вечером вернулись Мамонтовы..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 1/13 апреля 1884 г.*

..Вы как-то спрашивали про Виктора Мих[айловича Васнецова]. Вообразите, вчера в первый раз с осени добралась до них, вот далеко-то они заехали. Он бодр и весел, но очень устает на работе. Фрески его хороши, но мне кажется и их судьба та же, что почти всех его произ-

ведений: задумано удивительно в угле — чудесно (одна — ужин, еще стоит не тронутая краской). Та, которая только подмалевана, — охота на мамонта — тоже поразительно сильно действует, но те, которые больше сделаны, значительно слабее. С поразительной силой он начинает, а потом какая-то вялость является. Я думаю, это черта характера и вряд ли тут что-либо может помочь. Его торопят кончить к концу апреля, к проезду царской фамилии, — вряд ли поспеет, впрочем, он сам говорит, что выставит их в красках, но не доделанными, а потом возьмет к себе — кончать..[25]

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 30 марта/11 апреля 1884 г.*

..Была у Виктора Михайловича и там встретила Репина, который только что приехал сегодня из Петербурга. Викт[ор] Мих[айлович] страшно много работает, очень устает, сильно, бедный, похудел. Алекс[андра] Влад[имировна Васнецова] говорила мне, что он так утомляется и вместе с тем возбуждается работой, что не может спать. Нехорошо.. Репин не получал Васильиного письма и взял у меня его адрес. Ужасно ворчит на то, что Василий уступил свою картину так дешево, говорит: «нахальный какой-то полячишко, всем хвастает, что он так много выторговал». Говорит, что этак он вредит себе, а я думаю — вздор. Разве всякий не волен продавать свою вещь за ту цену, за какую он хочет. Собирается писать Василию реприманд за это. Говорит, что они Передвижную откроют в понедельник, значит мы во вторник на страстной в Питер направимся..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Рим. 4/16 апреля 1884 г.

..Рада я за Василия. Он теперь не работает. Приезд Саввы его очень оживил, всюду ездят, бегают, сейчас с ними пошел на Ludovisi [Людовизи], а это была моя давнишняя мечта, взял краски — что-нибудь напишет. Савва очень мило отнесся к его работе и разбирал его эскизы искренно и не пустословно. Все это придает Василию нового рвения, и он с своей стороны вдохновляет Савву на новые сюжеты для оперы. Вообще они очень дружелюбно друг к другу относятся, и пикировки совсем нет..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Неттуно. 1/13 мая 1884 г.*

..Вот уже ровно неделя, что мы в Неттуно, дорогая моя Лиленька, и все не могу собраться написать тебе, но ты меня простишь. Утром мы, как встанем, отправляемся писать, и я спешу во всю мочь, чтобы не задерживать Василия; пишем на раскаленном солнце до часу, тут возвращаемся обедать. Глаза и голова так утомлены, что хочется в темноте отдохнуть. В пять идем опять гулять на берег моря (Василий торопит), а теперь второй день и тут пишем.. Живем мы тут в итальянской семье и знакомимся с простой итальянской жизнью. Море тут чудное. Первые два дня оно страшно шумело и привело меня в отчаяние, но затем стало, как зеркало. Местечко совсем еще мало известное иностранцам. Гостиниц нет, нет и приставания; идет простая, рабочая жизнь. Десять минут ходьбы — чудные тенистые сады Боргезе, где все свободно ходят; берег скалистый, а под скалами пляж, вроде как в Нормандии..

** Вена. 19/31 мая 1884 г.*

..Большой мне сегодня был сюрприз и очень обрадовал. Иду я по улице, остановилась перед магазином и рассматриваю, вдруг голос: «Здравствуйте!» Я подымаю голову — передо мною жена Сурикова, он и дети. Мы очень друг другу обрадовались. Они в восторге от Неаполя и все не доедут до России. Милые они люди, и очень бы хотелось их привлечь в Москве. Василий Иванович потом заходил к нам; очень он мне нравится; да нет, мне они все четверо очень нравятся, как одно нераздельное ядро..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Москва. 1 июня 1884 г.*

..Все не чувствую себя человеком, что мне ужасно обидно теперь, когда приехали наши римские, привезли такую массу интересного, и для того, чтобы смотреть, и для того, чтобы слушать, а я и смотреть почти не могу — делается дурно..

** Москва. 9 июня 1884 г.*

..Болезнь не сдается.. Запрещено всякое напряжение мозга. Пишу контрабандой.. До сих пор не решаюсь смотреть Васильиных римских

работ. Раз начала — на четвертом эскизе сделалось дурно. Они ужасно все милы и ласковы ко мне. Василий ухаживает за мной, как за малым ребенком, об Наташе и говорить нечего. Они говорят, что я совсем не раздражительна. Доктору не нравится — это признак большой слабости..

** Москва. 7 июля 1884 г.*

..С разрешения доктора я немного начала работать, — часа по два в день. Работаю с большим наслаждением.. Какое это огромное наслаждение приниматься за работу после невольного продолжительного отдыха, да и вообще выздоравливать после долгой и томительной болезни. Точно снова жить начинаешь совсем новой жизнью. Все улыбается, все точно направлено, чтобы доставлять удовольствие.. А уж как поездка на юг и работа с тобой мне улыбается, так этого сказать не умею..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 22 июля 1884 г.

..Василий совсем под впечатлением, скорее, обаянием Саввы и Спиро и компании и беспощадно бранит Лизу; я чувствую, что многое справедливо, но многое и наоборот, чувствую уже потому, что как-то пахнуло на меня чем-то низменным.. Давно Василий не был в таком настроении, в которое между прочим его вводит всегда Спиро, и не поверишь, как мне просто так-таки больно, что он будет писать картину в этом настроении теперь. Для Спиро не существует Христа, и картина Василия для него имеет интерес исключительно внешний и пикантного анекдота. Василий совсем иначе относился к ней, и мне больно видеть в нем пробуждение старого несимпатичного отношения. Может быть, я и утрирую, все кажется таким ужасным, но в настоящую минуту совсем тяжело, лучше бы он бросил картину. Говорить я этого, конечно, не буду, а буду только его посылать в Абрамцево. Пусть отдохнет, убедится в низменности Саввиного направления и тогда опять, может быть, вернется к хорошему настроению. Водевиль[26] назначен, кажется, на будущее воскресенье..

Москва. 27 июля 1884 г.

..Сегодня меня как-то опять согрел разговор с Васильем о его картине, и стало приятно, что я ничего раньше не говорила.. Вечером приехал

Виктор Михайлович [Васнецов] и.. ночевал, а сегодня подробно рассматривал картину и передал мне свое впечатление. Многое раздражило бы Василия, так что я даже порадовалась, что его не было, но во многом глубокая правда. Когда Василий сегодня вернулся, я ему передала резюме слов Васнецова, именно то, что, я знала, его не раздражит, и в самом деле оказалось удачно. Надо тебе сказать, что вся правая группа написана под влиянием Саввы и местами мне ужасно противна, кроме грешницы, которая удалась. Вик [тор] Мих [айлович] напал на шарж и между прочим сказал фразу, которая глубоко подействовала на Василия: «Я не хочу, чтобы картина эта первым впечатлением вызывала у меня улыбку». Василий сейчас же принялся за работу и с большой искренностью..

Архив Поленовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Абрамцево. 31 июля [1884 г.]

..У нас идет такая суета, страх. Репетиции каждый вечер, пишут декорации, рисуют афиши, шьют костюмы и т. д. Одним словом, шум и суета с десяти утра до двух ночи. Я хотя подчас всем этим и очень утомляюсь, но отсутствие вечного чужестранного элемента[27] меня сильно радует. Жаль только, что детям приходится работать над такой глупой вещью. Дрюшка так хорош, что хотелось бы его силы приложить к чему-нибудь более серьезному[28]. Беда моя, что я не могу просто относиться и веселиться со всеми заодно. Мне все сквозит изнанка веселья и портит мне все. И здесь опять несу роль полиции и цензуры. Савва так увлекается, что совсем теряет меру и заставляет детей говорить и петь совсем не подобающие вещи, а меня это возмущает и я воюю. Много кое-чего за эти дни отвоевала..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 6 августа 1884 г.

..Василий пока картину оставил, работает над другим, а я только теперь начинаю вполне сознавать, сколько еще нравственных мучений впереди связано с этой картиной и ее судьбой. Вообще не дождусь тебя, чтобы обо всем этом поговорить и многое обсудить, ибо только ты это можешь понять..

Архив Поленовых.

ГЛАВА III. 1884—1885 годы

Начало поленовских рисовальных и акварельных собраний. Ученики В. Д. Поленова. Этюды Востока на Передвижной выставке. Акварели Е. Д. Поленовой на Периодической выставке. Поленов в Русской частной опере. Зимние поездки на этюды в Абрамцево. Организация кустарно-резчицкой мастерской в Абрамцеве.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 28 октября 1884 г.*

..Устраиваются акварельные утра[1], одно воскресенье у нас, другое у Третьякова, вечера же в таком же виде, как и раньше,— раз у Мамонтовых, раз у Суриковых.. В акварельных утрах очень горячее, по-видимому, участие будут принимать Левитан и Коровин, самые даровитые ученики здешней Школы живописи и ваяния. Третьяков очень хорошо начал.. Он положительно под моим влиянием повернул в эту сторону, к добру или худу, кто знает.. Там же стоит большая картина Вас[илия] Дм[итриевича], завешенная драпировкой. Он не принимался еще за нее после рождения Федюка. И теперь весь интерес сосредоточился на учениках. Это хорошо. Кстати, теперь стоит самое темное время, а ученики им так увлекаются, что пусть и он им платит хоть отчасти тем же..

* *Москва. 10 ноября 1884 г.*

..Завтра у нас состоится первое аквар[ельное] собрание, желающих много. Вчера, кажется, с специальной целью быть приглашенным на эти акв[арельные] утра, приезжал Киселев.. Третьего дня просидел у нас П. П. Чистяков. Показывала работы[2] . Остался доволен листьями с кипарисами и без них и крымским первым видом. Впрочем он до того уставши, что я ему одну треть показала. Киселеву и Сурикову обещала показать во время отдыха от натуры завтра. Писать собираемся очень красивую еврейку. Интересная голова.

* *Москва. 11 ноября 1884 г.*

Сегодня писала еврейку. До чего она интересна — поразительно.. Показывала этюды Кис[елеву] и Сур[икову] — очень одобрили..

** Москва. 15 ноября 1884 г.*

..Работаю — и жадно. Работа ладится, даже Василий, который во время работы всегда страшно строг, и тот одобряет. Сделала три картинки из путешествия, хотелось бы сделать двадцать. ..Насколько быстрее работать с натуры, чем разрабатывать на спокое в мастерской..

** Москва. 18 ноября 1884 г.*

..Сегодня на нашем воскресном собрании было два новых члена: Васильины ученики Левитан и Коровин. Левитан тот самый, кот[орого] этюды так понравились Вас[илью] и Нат[аше]. Коровин писал масл[яными] красками (покуда он один), а Левитан сделал аквар[ель] — разовую голову,— прелесть что такое! И такие молодые, свежие, верующие в будущее. Новой и хорошей струйкой пахнуло от этого элемента. Уж сегодня работало нас десять человек, да еще два имеются в виду,— и двоим найдется место, хотя будет тесновато. Ну да это дело последнее, шло бы дело горячо и с увлечением. До сих пор все удивительно ретивы и аккуратны..

** Москва. 22 ноября 1884 г.*

..В начале недели были с Нат[ашей] у Суриковых. Снова наслаждались суриковскими акварелями. Ужасно упрашивала его закончить и разработать штуки четыре-пять для Периодической выставки. Пора отучать моск[овскую] публику от того мнения, что Стрелковский есть последнее слово аквар[ельного] искусства..

** Москва. 23 ноября 1884 г.*

..Сейчас вернулась с рисовального собрания мамонтовского. После чая рисовали карандашом голову старика, очень интересно освещенного и характерного. Ел[изавета] Гр[игорьевна] читала «Декабристов» Толстого. Очень был вообще удачный и симпатичный сеанс. Что Левитан сделал! Ну просто восторг!..

Путешествие, чувствую, и физически, и нравственно было крайне освежительно и полезно. Уж не говоря про художественную пищу, кот[орую] оно мне дало..

Ах, какой был удачный сеанс сегодня! Левитан всех с ума сводит.. Меновая торговля (этюдами) в разгаре[3]. На днях поеду выбрать этюд у Киселева, у Васнецова [В. М.]; Остроухов уже принес три очень хороших.. Я давно хочу сказать тебе одну вещь и не решаюсь.. Вот теперь я работаю с этюдов путешествия для выставки, а мне хочется послать их тебе в вечное и полное владение, если ты согласна на это. Мне бы очень хотелось, чтобы они принадлежали тебе.

* *Москва. 15 декабря 1884 г.*

..Это время мы живем музыкой. Сегодня шла девятая симфония, к которой всю неделю мы [готовились]. Е[лизавета] Гр[игорьевна] с Остроуховым играли нам ее с комментариями. Он хороший музыкант.. Он прочел нам свою статью о Бетховене и Девятой симфонии, нарочно по этому случаю написанную..

* *Москва. 27 декабря 1884 г.*

..Получила.. своего рода перевод в старший класс для самолюбия.. Дело в том, что вчера открылась Периодическая выставка, а сегодня мне сообщено, что две мои акварели куплены. Как ты думаешь кем?! Самым большим галерейным Третьяковым! Каково!.. Третьяков купил твою любимую «Казань» и Натальину любимую башню, и то и другое увеличенное..

* *Москва. 29 декабря 1884 г.*

..У нас до того здесь вошло в моду собирание этюдов, что мы друг перед другом упражняемся стащить что-нибудь поинтереснее. На днях получила ужасно дорогой для меня подарок: эскиз последней картины Васнецова.. Для меня Васнецов — это художник, в мастерской которого зачерпнешь всякий раз такую глубину теплого и богатого содержания, как нигде здесь. Пятница.. Вечер у Мам[онтовых] был опять очень удачен. Члены этих собраний не только не охладевают, но, напротив, все горячее работают. Завербовали еще нового члена, Васильина ученика — очень симпатичного человечка. Словом, работа художественная ключом кипит..

Воскресенье. Наши рисовальные собрания принимают замечательно оживленный характер. Сегодня было очень весело. Что их еще оживляет, это размен этюдов.. Сегодня получила два этюда от Левитана и один Третьякова. Таким образом за эту неделю моя картинная галерея обога-

тилась десятью художественными произведениями. В таком настроении отлично работаешь..

** Москва. 5 января 1885 г.*

..Вчера сыграли мамонтовские ребятишки своего «Иосифа»[4]. Успех полный. Уж и повозились мы над ним — ног под собой не чувствовали. Моя часть, как всегда, была — костюмы, но наволновалась за все.. пьеса кончается или, вернее, обрывается. Ужасно хочется пятого действия: этой высокотрогательной сцены встречи с братьями... но автор пьесы, при всей своей талантливости, обладает одним прискорбным недостатком— замечательным отсутствием терпения.. где она ему начинает надоедать, он находит приличным написать ей, кстати или некстати, конец — и баста!..

** Москва. 21 января 1885 г.*

..Спасибо за хорошее подробное и полезное для меня письмо твое. С мнением Чистякова согласна. Пробовать себя на новых жанрах не мешает, но, конечно, на нравственной обязанности каждого художника лежит тщательно изучать себя, подсматривать в себе то, что составляет его личную сущность и в этом направлении себя развивать. Виды, а уж особенно грандиозные, природы — мне не по натуре. Любоваться, восторгаться ее красотами — могу, но, передавая их, остаюсь чересчур спокойна и холодна. Не могу так облюбовать их, как иногда мелочь какую-нибудь, но родную. За душу захватывает одна лишь своя хорошо знакомая природа северная или среднерусская, особенно тогда, когда она выражена в маленьких, ничтожных, как будто, но глубоко-поэтических уголках. Это мне близко и дорого — это мне и удается. Из путешествия нашего — волжские места ближе нашей великорусской натуре, чем Кавказ или Крым, и волжские виды привлекли больше симпатий.

Насчет самолюбия: не поверишь, как приятно попасть в Третьяковскую коллекцию. С этой минуты только поверилось, что я точно художник; крупно ли, мелко ли делаю, но делаю дело, то самое, какое они все делают. Почувствовала какое-то общение с настоящими художниками.. Суриков пришел в неистовство, когда мое имя увидал.. не только рядом, но ниже Стрелковского. Рвет и мечет на критиков и публику. Говорит: «хорошо, что не послушал Вас, не выставил, разве можно перед такими неучами выставлять».. Относительно твоего мнения о моей школьной карьере я со всем с тобой согласна. Одну бесспорно полезную для меня сторону ты упустила из вида, а именно: школа в данную минуту очень меня оживила в отношении моих художественных работ, а Григорович придал много решительности. Не будь он, я, может быть, и до сих пор не выстав-

ляла бы, не пошла бы дальше художественных экзерсисов. Но это, конечно, все лишь одна внешняя сторона, а собственно по художественному содержанию, я согласна с тобой, что я оттуда ровно ничего не вынесла.

** Москва. 27 января 1885 г.*

..Спасибо за подробности о Чистякове.. Считаю, что перемешивать тщательную и высмотренную манеру с более быстрой, не только полезно, но и просто необходимо.. Эту манеру стала сознательно развивать в себе, начиная с летних работ 81 года, и нахожу, что результат получился положительный. Не согласна с его советом выставлять на академических выставках. Не буду — чересчур несимпатично. Жаль, что сам Чистяков застрял в этой трясине..

Обстоятельства сложились так, что невольно я очутилась в близком отношении с настоящим театром. Кротков, который написал оперу «Алая Роза», устроил с помощью С. И. Мамонтова первый частный театр[5].. Декорации и костюмы «Русалки» производились по рисункам Васнецова, а костюмы «Фауста» взял на себя брат.. Оба художника и режиссера обратились ко мне с просьбой исправить костюмы, .. исполнение которых оказалось очень грубо..

Архив Поленовых.

Ф. А. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Воейково. 1 февраля 1885 г.*

..Посылаю тебе вырезку из «Нового времени» о первом представлении «Русалки». Кроме того, у нас есть отзывы приезжих из Москвы, которые все сходятся в одном мнении — оркестр, хоры, дирижер и обстановка очень хороши, а труппа плоха и не способна привлекать публику. Для успеха предприятия, говорят, обязательно ее пополнить более опытными и талантливыми певцами, а то ступить не умеют. Не знаю, какая цель была у Саввы Ив[ановича], т. е. устраивал ли он самостоятельный *зрелый* театр или школу для молодежи (мы, признаться, думали сначала, что он нанял залу для своих *любительских* спектаклей, чтобы не переворачивать своего дома вверх дном, а в случае успеха особенного дать публичное представление в чью-нибудь пользу, как он мечтал для «Алой Розы»). Но выходит, что ему выпала антрепренёрская роль, а это, боюсь, ему скоро надоест — хлопот и дрязг ведь, наверное, страшно много..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Москва. 7 февраля 1885 г.*

..Ездила в Абрамцево с Е[лизаветой] Гр[игорьевной], Васнецовым [В. М.], Остроуховым и Левитаном. Очень удачно.. Сделала два довольно удачных этюда, хотя на открытом воздухе акварелью работать почти невозможно — краска мерзнет. Сейчас набежал дружеский заказ. Нужно сшить древнерусский женский костюм для картины Васнецова..

** Москва. 10 февраля 1885 г.*

..Сегодня у нас был первый акварельный сеанс.. С самого декабря [они] были прекращены по случаю срочной работы брата. Новая наша натура до того удачна и симпатична, что совсем все в восторге. Сидит мальчишка, прехорошенький столяренок, в настоящем восточном детском костюме... прелесть, что за фигурка..

** Москва. 17 февраля 1885* г.

..То, что я и другие рисуем и пишем, когда собираемся у нас и у Мамонтовых, нельзя назвать работой. Собственно, прелесть и польза этих собраний не в том, что на них производится, а именно то, что собираются вместе люди одной специальности. Обмен впечатлений и мыслей важнее самой работы. У Мам[онтовых] натурный класс заменен перспективным — читает брат..

** Москва. 5 марта 1885* г.

..Я в настоящую минуту нахожусь в отличном состоянии. Я.. задумала и набросала эскизы к трем пейзажным картинам. К одной из них разработан эскиз вполне. Подобрала много материала и вчера начала в довольно крупных размерах (11—14 вершков). Кроме того, хожу в сад и там собираю мотивы, а чтобы можно свободнее писать, когда ниже замерзания, попробовала писать маслом — ничего себе, хотя все же мне лично акварель много симпатичнее..

Вторая — в эскизе; а третья.. — ждет своей очереди. Все это до того меня поглощает.. Я давно не запомню в себе такой сильной, бодрой, даже возбужденной работы.. До того я теперь разгорячена работой, что когда темнеет — досада берет — жду не дождусь утра, чтобы снова за работу..

* *Москва. 12 марта 1885 г.*

..Третьего дня было последнее воскресенье акварельное.. Все это прекращаем, чтобы все свое время направить на свои личные работы...— дни длинные. Что-то плохо спится эти ночи.. Глаголев и то все повторяет: «работайте с умеренностью». Разве возможно?..

* *Москва. 26 марта 1885 г.*

..Было много хлопот с выставкой. Васильины картины[6] до того дурно были развешаны, что в субботу он там проработал, в воскресенье мы все там собрались и.. в понедельник в час дня было все кончено.. Василий отпер двери, и хлынула толпа.. Ждали большего от Репина, один Василий в восторге и изумлении от живописи этой вещи[7]. Остальные холодны. Вообще нынешняя выставка оставила грустное впечатление, и затхолью несет от всех этих Шишкиных, Волковых, Киселевых и пр...

* *Москва. 2 апреля 1885 г.*

..У нас вошли в моду своеобразные архитектурные занятия: Василий задает архитектурную тему.. К следующему четвергу каждый готовит проект, выбирая и справляясь для этого с увражами, строит свой проект из крошечных, но прелестно исполненных кирпичиков.. Является экспертиза из художников: Поленова, Васнецова, иногда Сурикова, Арцыбушева и присуждают первый номер.. В большинстве случаев первые номера получают Наталья и я..

* *Москва. 16 апреля 1885 г.*

..В четверг занимались особой работой художественной. Стол-шкафчик, котор[ый] употребляется в кухнях, мы вздумали расписывать всякой всячиной во вкусе древнерусской живописи. Васнецов расписал дверь на самом главном фасаде изображением стилизованных птиц [на фоне] стилизованной растительности... так что стол в 1 р[убль] 30 к[опеек] значительно возрос в цене[8]..

* *Москва. 23 апреля 1885 г.*

..Васнецов уезжает недель на шесть за границу, а затем в Киев года на два. Это заметная утрата (для нашего кружка). Он человек очень самобытный и рельефный. Зато и награбила же я у него всякой всячины..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 24 апреля [18]85 г.*

..Несмотря на одну общую нам черту, проявляющуюся в отношениях к людям, ведь мы с Вами совсем противоположные люди. У меня за последние годы, лет за десять должно быть, развилось и воспиталось, так сказать, обстоятельствами одно свойство очень нехорошее, сама знаю, и сколько я могла подметить, очень Вам антипатичное, хотя Вы прямо никогда не высказывали мне этого. Свойство это состоит в том, что я вижу в людях и жду от них больше дурного, чем хорошего. Корень этому лежит в одном событии, которое мне было очень трудно пережить, потому что как-то сразу пришлось столкнуться с отрицательными сторонами в людях дорогих и близких, в такое время, когда всего меньше я могла этого ожидать. После этих близко следовавших одно за другим разочарований во мне стало развиваться болезненное недоверие и просто даже страх к людям. Настали ужасно тяжелые годы. До сих пор холодом обдает при воспоминании об них. С помощью добрых людей и вследствие настоятельного требования с их стороны я стала бороться с этим ужасным чувством. Мне отчасти удалось осилить его, и то, что Вы застали,— это только остатки прежнеог. Но, вероятно, вполне мне никогда не удастся вылечить себя от этого.. Вы же, родная, просто иногда совсем и не видите дурного, с одним лишь хорошим хочется Вам считаться. В этом, конечно, Ваша сила. Это и есть тот свет, который к Вам так неотразимо притягивает. Но в этом есть для Вас и тяжелая сторона, я говорю о той минуте, когда волей-неволей действительность ставит Вас лицом к лицу с оборотной стороной. Вот отчего на меня находит невольный страх, когда Вы точно умышленно закрываете глаза на то дурное, что есть во мне, оттого-то я и прошу Вас, не отнимая у меня Вашей ласки, которая стала для меня совсем необходимостью, не убавляя теплоты Вашего отношения ко мне, все-таки не избаловать меня. Ведь распуститься так легко, а подхватить себя и в руках держать, так страшно трудно..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Абрамцево. 29 апреля 1885 г.*

Вчера написала тебе только то, что было необходимо, потому что очень спешила, а теперь расскажу, как живем. Вчера совсем не работала, потому что, во-первых, было много гостей, впрочем это не главная была причина. Семеныч* работал, значит, и я бы могла и, правду сказать,

* И. С. Остроухов.

ужасно мне нравится, как он начал этюды. Всех он сделал четыре, но мне нравятся два. Один маленький закат и один серо-лиловый весенний вид, не кончил его, и это очень жаль. Я же.. просто ходила, дышала и пропитывалась весной и деревней..

..Во время прогулки Сергей и Дрюшка собирали мне цветы, которыми я пользуюсь для шкафика. Мы проектируем его так: дверцы —стилизованные цветы и фрукты; верхний и нижний ящики — орнаменты на золотом фоне, а верхний карниз—будем по мере набирания весенних цветов их изображать на нем. Сегодня с утра работала на этюде, жарилась на солнце без зонтика.. После часового обеда мы отправились в монастырь втроем: Ел[изавета] Гр[игорьевна], Дрюшка и я. Чудный был день, славно прогулялись и купили у одной бабы паневу и безрукавку, а у другой сумочку. Все это пойдет во вновь открывающийся костюмный музей — наш..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. Апрель 1885* г.

Семеныч был у нас вчера вечером и очень насмешил. Я спрашиваю: «что Елена Дмитриевна?» — «Право не знаю, я ее не видал. Видел, когда она приехала, а потом «они все секретничали»[9]. И при этом рассказывал всякие подробности и серьезно досадовал. На днях собирается в Абрамцево, но только не к Елизавете Григорьевне, а кончать этюд.. Василий все время бодр и хорошо настроен, хочется работать. Вот отчего мне и хочется скорее в Меньшово, я там приму меры для устройства мастерской. Василий берет с собой натурщика для позирования на солнце..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Абрамцево. 2 мая 1885 г.*

..Вчера приехали Савва Ив[анович] и мальчики. Он, т. е. Савва, очень просто мил и любезен. С большим сочувствием отнесся к нашим предприятиям мебельным и костюмным. То и другое поощряет, советует дать этим предприятиям более широкий ход. Я ему рассказала свою мысль об том, чтобы в абрамцевской мастерской производилась такая мебель, а потом под руководством художников окрашивалась тоже какими-нибудь местными троицкими маляришками из тех, которые там посуду расписы-

вают. Тем более что это производство там совсем, говорят, перестало давать доход, и потом ставить их для продажи на кустарную выставку. Ему это очень понравилось. Вчера к обеду привозили толстяка Кроткова, он пообедал, покряхтел и уехал сейчас же после обеда. Савва рассказывает, что они хотят ставить «Хованщину» Мусоргского и некоторые места очень хвалит.. Сегодня гуляли мы с девочками, подбирали лягушат — это мои новые натурщики для шкапчика.. Вчера за обедом Савва говорит Кроткову: Ник[олай] Сер[геевич], а ведь Вы помните, что Вы хотели написать музыку к моему «Иосифу»? — «Да, конечно, я напишу!» Савва Ив[анович] смотрит на часы: «Вы думаете, что Вы успеете?» — «До отхода поезда вряд ли, но на днях напишу». — «Устроим оперу и на праздниках будем давать для детей». На это я заметила, что в таком случае нужно 5-й акт приделать, а то конца совсем нет. «Отлично, так вот, mesdames (дамы), вы, пожалуйста, после обеда засадите меня, и я напишу 5-й акт». К сожалению, это не сбылось, потому что после обеда была баня, потом— потом заболтались, потом стали все зевать, и тогда решили лучше всего идти спать.

** Абрамцево. 25 мая 1885 г.*

Вечером приехал Савва и привез Иванова (Микелэ). Их сейчас стали мерить с Семенычем. Оказалось, что это единицы математически равной величины[10].

Вечером стали зарисовывать в книгу привезенный из Москвы материал и составлять рисунок для нового шкапика. Я хочу прямо дать Семену расписать его по рисункам, а не нам копировать, думаю, что это будет интереснее. Савва же схватил солонку и сейчас: «пожалуйста, поскорее нарисуйте что-нибудь — я буду вам продавливать».

Без меня они устроили музей наверху, в комнате Ел[изаветы] Гр[игорьевны], заняли стену около двери, где карта висела. Там же красуется большая модель школы: такой домик с дверьми, окнами и внутри даже парты. Это сделали столяры и поднесли Ел[изавете] Гр[игорьевне] в честь десятилетия абрамцевской школы, а девочки вышили полотенце. Модель так приблизительно в аршин длины, очень симпатично, немного кустарно сработана, как ты любишь..

После обеда занялись шкапами. Дрюшка принялся за новый табурет; нашел, что тот уж очень неудачно начат. Часа в четыре отправились в монастырь: купили три бурачка (один с живописью, один с выдавом) и два пояса — музей помаленьку прибывает..

Семеныч продолжает дурить, обижается, что я занимаюсь пустяками, а не хожу с ним на этюды..

Архив Поленовых.

ГЛАВА IV. 1885—1886 годы

Первое лето в Меньшове. Работа над эскизами к картине «Христос и грешница». «Снегурочка» в Русской частной опере. Картина «Больная» на Передвижной выставке. Левитан и Остроухов — экспоненты на Передвижной выставке. Приобретение акварели Е. Д. Поленовой «Зима» П. М. Третьяковым.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Меньшово[1]. 1 июня 1885 г.*

..Мы устроились симпатично, много ходим, и я чувствую себя отлично.. Василий сперва был в неособенном настроении, а теперь все лучше, да лучше и до отличности дошел. Стал даже хвалить такую жизнь, очень весел и бодро настроен. Конечно, оба мы еще более, чем когда-либо, мечтаем о своем угле, теперь, что попробовали, как можно было бы жить, если бы все это было наше. Василий работает, я читаю..

** Меньшово. 17 июня 1885 г.*

..Мотивы у нас какие хочешь, и даже Василий признает, что масса. Берега реки очень красивы, когда с ними ближе познакомишься. У меня намечено мотивов — куда ни повернусь, и теперь, что я тут одна, я их несколько раз в день все обхожу. Я вообще жизнью в Меньшове очень довольна, так тихо, спокойно, а главное, что и мой Базиленька был хорошо настроен, не знаю, каким вернется.. Получил телеграмму из Абрамцева от Спиро, Васнецова, Левитана, Остроухова и Мамонтовых — зовут его; поехал туда сегодня вечером...

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Сиверская[2]. 21 июня 1885 г.

..Начинаю этюд — ничего себе. Даже один ужасно мне нравился вначале. Кончу — до того засушу, засалю, загажу, что просто ужас меня охватил. Думаю, что же это такое. Просто не помню, чтобы так сплошь я скверно работала. Вот покажу — сама увидишь. Неужели так все лето пройдет. Ну, нечего унывать.. работать надо — это зависит от меня, а удача от чего-то другого, капризного, неуловимого. Это досадно, но ничего не поделаешь..

** Степной хутор Анашка. 2 июля 1885 г.*

Дорогая моя Натальюшка, пишу тебе от Константина, к которому приехала сегодня в ночь. Ехать было очень тяжело.. с теперешним новым устройством поездов на Ртищеве пришлось быть только в час ночи. Там меня встретил сам Константин, и мы, не дожидаясь света, сейчас же тронулись к нему. Через час стало светло, а приехали мы на хутор — солнце вставало. Разгулялись мы, спать уже не хотелось и мы, напившись чаю, отправились осматривать все новости хутора.. В парке его, который очень мало виден из-под земли, масса новых вершковых плантаций, которые радуют его, как ребенка игрушка. Вообще, несмотря на очень крупные хозяйственные неудачи и денежные затруднения, я очень довольна Константиновым настроением. В доме у него тоже очень стало мило. Столовая с полотенцами вышла гораздо лучше, чем можно было ожидать, а новая мебель: его собственной работы божница и работы его домашнего столяра— шкаф-буфет и стол раздвижной — просто прелесть, как удачны. Особенно хороша резная божничка. Я хочу пробыть у него неделю, во вторник, 9-го, едем с ним вместе в Ольшанку, там дней десять, и к тебе, моя дорогая..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Степной хутор. 4 июля 1885 г.*

..Живется мне здесь очень хорошо, как всегда бывает мне у этого брата. Я всегда очень любила Константина с самого детства и всегда знала, что и я ему никогда не лишний, а напротив, всегда, во всякое время бываю нужный ему человек. Это сознание придает ведь, Вы знаете, огромную прелесть отношениям..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Меньшово. 7 июля 1885 г.*

..Пошли мы вчера вечером с Василием в соседнюю деревню нарисовать окно, которое наметили, и сделали приобретение. Говорю я одной старушке: «Мы пришли к вам погулять». — «Милости просим, взойдите к нам». Мы взошли. Славная изба, уселись. Рядом со мной на скамье лежит холст и на нем валек, я скорее повернула его — резной; то есть не Константинова резьба[3], а просто вырезан глубоко рисунок фантазии — очень безобразно,

но интересно. Мы купили за пятьдесят копеек. Сегодня опять пойдем В Меньшове самом ничего нет, оно горело два раза, и все исчезло..

** Меньшово. 11 июля 1885 г.*

..Представьте, что за стариной и в Ростов ездить не надо. Я теперь и ночью-то все брежу об резьбе. У нас ее оказывается много, и мы с Василием скупаем [ее] с жаром, так что к несуществующему его музею прибавилось за эту неделю: три донца, четыре лещала (по-нашему — валька) и одна солоница; кроме того, полотенец много и один шелковый платок. Слух пущен, и теперь даже приносят к нам. Резьба все Константинова, кроме одного лещала. Кроме этого у меня сорок аршин пестряди. У меня просто лихорадка отыскивания сделалась с тех пор, как оказалось, что здесь много.. в Валищеве — одна верста от нас — очень много. Все старое от дедов оставшееся. Вчера солоницу добыли в Тургеневе, около трех верст от нас. Может быть, и в других деревнях окажется. Сегодня, только что Василий уехал в Москву, я начала мыть щеткой самое грязное донце, на котором насилу можно было различить очень интересный рисунок, и что же оказалось — вдруг стала появляться краска. Донце было раскрашено, и хотя краски осталось мало, но видно, что было крайне интересно окрашено[4]..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Меньшово. 31 июля 1885 г.*

..Мы здесь работаем усердно, очень приятно, уж и не говорю, как полезно работать под руководством Василия и в сообществе с более сильными художниками.. Наш музей и абрамцевский очень увеличиваются, часто предпринимаем археологические экскурсии в соседние деревни..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Меньшово. 31 июля 1885 г.*

..Входим без исключения в каждую избу, а достали только одну, правда, довольно интересную вещь: расписную солонку. Интересна она потому, что является как бы опорой нашему производству. Живопись

грубая, но совсем другого типа, чем бурачки: по темно-синему фону — красные разводы и елочки. Можно будет ею воспользоваться и повторить ее..

** Меньшово. 6 августа 1885 г.*

..Не сразу решилась объявить своим о новом полученном мною заказе[5]. Когда рассказала — они не поздравили меня.. Они видят только трудности, утомление и жалеют время, которое придется отрывать от работы.. Вчера вечером рассматривали костюмы, решили попытать достать здесь кое-что. Кроме того, составить подробную записку (поминание) того, что нужно будет купить и заказать. Кроме того, нарисовать в натуральную величину рисунки вышивок. Все это надо будет приготовить к 12-му. Кроме того, хотелось бы достать к тому дню костюмы Тани и Наташи Мамонтовых*, затем костюм Мар[ьи] Федоровны.** А Вы, голубушка, привезите: 1) синий нагрудник, 2) белый холщовый нагрудник, 3) мордовские рубахи (для вышивок) и все, что найдете подходящего для «Снегурочки» в Хотькове или по деревням. Спрашивайте в деревнях шитые полотенца и передники, может быть, попадется что-нибудь интересное. Передайте, пожалуйста, Савве Ивановичу, что я его очень прошу достать к 12-му костюмы Танечки и Наташи, над ними уже немало мы побились все, и они *оба очень* мне будут нужны и для покроя и для материй. Костюм «Снегурочки» тоже не дурно бы иметь, но он не так необходим. Еще привезите с собой рисунок маленькой Снегурки, зимней, и свою лебяжью пелерину[6].

Сегодня во время обеда принесли две вырезные вещи — одна солонка с орлами и резьбой — хорошая, другая — очень тонкая, отчетливая и интересная вещь — чайница, тоже резная, крашеная в желто-красный цвет — очень красивая вещь. Наташа благодарит за концы и все так же азартно относится к коллекционерству. Сегодня до обеда ходили с ней на этюд, на болотце, а Василий с Коровиным — в Тургенево[7]. Коровин очень доволен, что попал к нам, работает с увлечением и, кажется, у него начинают открываться глаза, видит, в чем состоят его главные недостатки в живописи,— в общем очень милый, симпатичный, деликатный малый, натура нежная и тонкая, из таких, которых страшно легко может сломить мало-мальски черствая обстановка жизни..

Архив Мамонтовых.

* Т. А. и Н. А. Мамонтовы (Купава и Лель) — племянницы С. И. Мамонтова.
** М. Ф. Мамонтова (Снегурочка) — племянница С. И. Мамонтова.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Меньшово. 9 августа 1885 г.*

..Наши дела в мастерской идут успешно — особенно успешно собирание материалов. Русское народное творчество это, оказывается, совсем нетронутая сторона и, кажется, нет русской деревни, из которой нельзя было бы вывезти чего-нибудь интересного.. Кончила этюд на болоте тех белых водяных цветов, которых ищу уже давно.. Вас[илий] очень похвалил этот этюд.. Е[лизавета] Гр[игорьевна] привезла работу, кот[орая] напоминает зиму: костюмы для оперы «Снегурочка».. У нас живет Коровин, ученик брата, очень милый мальчик, работаем все четверо, очень увлекаемся..

** Меньшово. 18 августа 1885 г.*

..Эти дни были заняты проводами Васнецова..[8] В Киеве его ждет колоссальная худ[ожественная] работа. Проводы были самые трогательные. Это был один из членов кружка, в кот[ором] более, чем в других, выражался самобытный, оригинальный характер, совсем особое, своеобразное художественное миросозерцание, поэтому всякий из нас мог черпать что-нибудь новое. Богатство внутреннего содержания в этом человеке поразительное. А теплотой своего отношения к людям и жизни он привлекал к себе всех художников.. На днях Левитан подошел к брату и говорит, что до него дошел слух, что в этом году я привезла такие этюды, каких еще не бывало у меня, удивляюсь, по-моему, нынешний сезон хуже других, тем не менее такие слова ужасно придают энергии работать.. Начала два больших этюда: один — избушка, береза, дорога, другой — болото вечером с камышом и розовыми и белыми болотными цветами. Оба очень люблю, вероятно, потому, что еще далеки до окончания.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Меньшово. 21 августа 1885 г.*

..Пишу я огород мужицкий с подсолнухом и маком. Коровин тоже работает с увлечением. Наталья рисует, краски на время отложила. Василий больше все рыбу удит. Стало много щук попадаться, каждый вечер к ужину едим рыбу своей охоты. По вечерам сидим все вместе — кто что делает, а я перечерчиваю в книгу накопившийся материал.

А знаете что, хорошо бы было, если бы Ив[ан] Антонов[ич][9] теперь же сделал бы два шкапика маленьких и повторил тоже большой.. только

с двухстворчатой дверкой. Чтобы побольше вещей было наработано к началу сентября. Хорошо, если бы к тому времени были скопированы: укладка и наши два шкапика, тогда мы бы приступили к новым вещам. Стали бы делать складень, полочки, угловой шкапик, резные солонки, ящички, пользуясь музейным материалом. Это так будет весело, что просто прелесть. У меня всякие мысли в голову приходят, я их буду пока только зарисовывать..

** Меньшово. 23 августа 1885 г.*

..Эти дни, что дождь лил без промежутков, я все время занималась набросками проектов для нашей мастерской. Некоторые из них получили одобрение всех. Даже Семенович, уж чего враг нашего дела, и тот про книгу сказал: «а она у Вас очень становится интересная, конечно, лучше было бы этюды писать, ну да уж что с Вами делать»..

** Меньшово. 29 августа 1885 г.*

..К ужасу Семеновича, много думала и кое-что придумала для производства.. сочинила я один шкапик совсем особенный. Он ни по фасону, ни по подробностям ни на один из существующих не похож.. Кроме того, сделала рисунок для складня.. Теперь работаю полочку и еще один висячий шкапик, для него, впрочем, не хватает материала без музея..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Абрамцево. 21 сентября 1885 г.*

..Мы вчера ездили к Семену в Комягино[10]. Остались им довольны на этот раз. Думаю, и это меня очень утешает, что небрежность его последних работ происходила от того, что среди дела были праздники. А самая его мастерская произвела на меня просто поэтическое впечатление. Сидит он в тулупе — кругом кисти, краски разложены, а у стола рядышком его два ученика пресерьезно вычерчивают заданные им цветочки. Кроме того, некоторые его выдумки совсем симпатичны. Но копировать он положительно не может, в нем слишком много творчества. Часто его выдумки ужасно неприятны, но полагаю, что придется с ним мириться именно для того, чтобы, вызывая всякие и удачные и неудачные, попадать на очень хорошие. Помаленьку, я думаю, он все-таки немножко привыкнет

к тому, чего мы требуем и что нам нравится. Я думаю, что это лучше, чем ломать его. В столярной дело идет совсем хорошо. И мальчики и Ив[ан] Ант[онович] работают оживленно и просто с увлечением. Боюсь, что с отъздом нашим все это уж не пойдет так гладко. Ну, да что же делать, уж и то хорошо, что наготовили-таки порядочно всякой всячины на первый раз для выставки..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Москва. 18 октября 1885 г.*

..Получила из Киева письмо от Васнецова, в котором, между прочим, приносит слезную просьбу помочь ему в костюмах раннехристианских для фресок. Приходится делать, как отказать приятелю..

Статью в «Новостях» об опере «Снегурочка» читала и очень ею довольна. Наконец-то вкус и искание истины начинают брать верх над рутиной и мишурной роскошью..

** Москва. 25 октября 1885 г.*

..Вчера сижу дома одна; вдруг звонок, приходят докладывать — Репин. Говорит: «Мне Суриков сказал, что у вас по четвергам собираются».— Сидит Репин, смотрит мои этюды, еще звонок — Суриков и Остроухов. Так и просидели вчетвером целый вечер. Репин хвалил мои работы, но, говорят, он все теперь хвалит, это вошло у него в привычку: — зачем обижать; стало быть, и верить ему больше не приходится. Суриков сказал, что за лето я сильно двинулась..

** Москва. 8 ноября 1885 г.*

..У нас условие: по возможности не прибегать к помощи изданий и вообще печатного или какими-либо другими способами обнародованного материала. Напр[имер], не заимствовать форм и рисунков в памятниках общеизвестных или находящихся в открытых музеях.. цель наша — подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться. То же, что попадает в издание,— это большей частью умершее и забытое. Стало быть, нить порвана и ужасно трудно искусственно ее связать. Дать мужику копировать с памятников XIII и XIV века, ему незнакомого, давно забытого, может быть ему так же чуждо, как

копировать мавританский или древнегреческий памятник. Вот почему мы ищем главным образом вдохновения и образцов, ходя по избам и приглядываясь к тому, что составляет предметы их обихода, стараясь, разумеется, отбрасывать иноземную новейшую прививку..

Архив Поленовых.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Киев. 2 ноября 1885 г.

..Я узнал, что ты уже начал писать картину[11]. Я этому очень радуюсь, я боялся, что ты еще будешь откладывать. Ты умеешь серьезно готовиться к серьезному делу, и как бы я желал для себя хотя немного иметь этого уменья. Судя по твоим эскизам в красках, картина будет и колоритна и поэтична. Поэтичность картины едва ли не более всего заключается в тоне и красках. Содержание и композиция теней картины прекрасны. Дай только бог тебе здоровья, а то у тебя есть привычка немного прихварывать. Впрочем, само дело дает бодрость.

А я, брат, еще более тяжелую задачу взвалил на себя. Вероятно ты знаешь об этом от Прахова. Сначала я трусил брать на себя такую громаду дела, а потом махнул рукой и взял..

Если бы удалось заручить тебя и Сурикова, зажили бы на славу так, как и при Аскольде и Дире не живали..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 14 января 1886 г.*

..Акварели мои помаленьку распродаются. На днях был у нас Третьяков le grand [большой] и говорит мне: «Сейчас был на выставке и приобрел там Вашу «Зиму». Не скрыла от него, как мне было приятно.

Дела производства пошли вдруг до того успешно, что все расхваливают, и мастерская завалена заказами. В Абрамцеве написала пять этюдов зимних. Здесь работаю, готовлю вещи в Питер. Давно не чувствовала такого жара и увлечения к работе, как это время, и работается успешно. «Зима», которую купил Третьяков, это одна из трех задуманных, начатых в прошлом году больших пейзажей..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 6 февраля 1886 г.*

..Василий очень усердно работает «Больную» и думает пройти все без натуры, так как натура его только совсем собьет со старого и возбудит уже совсем новую картину. Сегодня он принялся за акварель для альбома Рубинштейна, так как срок близок.. Вообще настроение Василия отличное, а в таких случаях, сама знаешь, все как-то хорошо и у меня-то спорится.. Погода у нас чудная — иней такой красоты, какой еще, кажется, в этом году не было. Сейчас приедет Семеныч, привезет свои картины для Передвижной, чтобы показать Василию и пройти при нем..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 11 февраля 1886 г.*

..В воскресенье вечером слушала «Хованщину» Мусоргского в частном любительском кружке — вещь интересная, исполнение из рук вон плохое. Виделась там со Стасовой [Н. В.] и Репиными. Звали к себе. Вера Алекс[еевна] говорит: «Загляните к нам, у нас теперь так хорошо, так весело — совсем, совсем хорошо». Ну, подумала, слава богу, коли так, хотя, право, не могу себе представить, как это может быть[12]..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 12 февраля 1886 г.*

..Я сегодня была в дневном концерте Рубинштейна, слушала Шопена и так довольна, что успокоиться не могу. Так я давно не слышала хорошей музыки, и это гениальное исполнение дало мне громадный запас просто счастия какого-то..

Знаешь ли ты эти минуты в жизни человека, когда у него является горячая благодарность кому-то и чему-то, что дано ему воспринимать, наслаждаться, просто всем существом, жить красотой искусства.. и хочется жить и жить. Редки эти минуты, но это минуты безграничного счастия. А ведь как много людей, совсем не знающих этого, полных отрицания.. Страшно жалею, что тебя нет здесь сейчас..

Архив Поленовых.

И. С. ОСТРОУХОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Прекрасный Петербург. 19 февраля 1886 г.

Многоуважаемый Василий Дмитриевич, ах, как здесь хорошо! Сегодня, приехавши сюда, я уже побывал у Васнецова, Дубовского, Ярошенки и слушал даже в утреннем спектакле половину третьего и весь четвертый акт «Кармен». *Славина и оркестр* — превосходно (пожалуйста, скажите Елене Дмитриевне, что Славина мне очень понравилась), но остальные — остальные ниже критики. Какое чучело Мельников — Тореадор и, о боже, какая прелесть Васильев 3-й в Хозе! Хоры и декорации, вся монтировка рутинны, скучны безнадежно. Завтра слушаю «Онегина», послезавтра я, наконец, пошлю-таки Петру Антоновичу* (уязвлю) телеграмму: «Цукки божественна. Остроухов». Петербург теперь стал настоящим Цуккирбургом — только и речи, что об этой божественной Вирджинии.. Не дождусь того дня, когда я в первый раз от балета приду в восторг. Если это случится, интересно будет посмотреться в зеркало... Теперь о выставке.

Дубовской написал пять небольших и одну большую картину — превосходные вещи, в особенности две из маленьких (чуть-чуть олеографичны). Как я их увидел, так и сообразил, что я провалился!

Васнецов [А. М.] сделал две вещи очень недурных (и тоже с некоторой прилизанностью хромолитографии), как я их увидел, так и сообразил, что я еще раз провалился. Боже мой, как грустно проваливаться, если бы Вы знали!.

Говорят, что экспоненты здешние (я, кроме поименованных, не успел еще видеть работы остальных) наготовили вообще много, и хорошие вещи все. Завтра страшный день № 1: все экспоненты условились везти вещи свои именно завтра в двенадцать на выставку, чтобы посравниться друг с другом, и я тоже поплетусь,— вот будет картина!.

До двадцать шестого буду страшно крутиться с утра до вечера, чтобы и не думать о результате. А двадцать шестого страшный день № 2,— и ну как последний?

Заболтался совсем. Будьте здоровы, приезжайте скорее.. Федюка поцелуйте и попробуйте выучить его говорить «Цукки»,— как это выговорит, скоро все заговорит. До свидания.

Преданный Вам *И. Остроухов.*

Ну, а если примут, так я такую свечку поставлю, что знаменитая свеча гоголевского городничего померкнет[13].

Третьяковская галерея.

* П. А. Спиро.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 3 марта 1886 г.*

..В Абрамцеве прожила почти целую неделю. Погода была мне благоприятная, и я после сентября в первый раз работала с натуры не из окна, а прямо на воздухе. Было 2—3 градуса выше нуля. Привезла пять этюдов. Из них два по совету и решению наших посылаю на выставку. Вот что выставляю: 1. «Осенью» (девчонки у забора) — Ц[ена] — 25 р. 2. «Огород с подсолнухами» — 25 р. 3. «За плотиной» — 25 р. 4. «Водяной лопушник» — 25 р. 5. «Сумерки» — 20 р. 6. «Бочка» — 15 р. 7. «Этюд» — 15 р. 8. «Речка» — 15 р. 9. «Зимой» — 10 р. 10. «Мальчик с обезьяной» — 10 р. 11. «К жилью» — 10 р. 12. «Дорога» — 10 р.

Уж до чего кстати, кабы хоть частичка продалась. На днях сделала долг.. Куда как это неприятно..

Производство идет удивительно успешно. Заказов куча. Мастера (мальчики-школьники) совершенствуются.. Насчет техники мы, сознаюсь, очень слабы. Наши вещи.. идут хорошо, я полагаю, исключительно благодаря новизне, оригинальности и стильности модели..

* *Москва. 9 марта 1886 г.*

..Наш Семеныч в восторге — на седьмом небе, что принят на Передвижную. Заметила ли картину нашего Левитана, я ее не видала, но все хвалят,— тоже вроде ранней весны[14]..

* *Москва. 18 марта 1886 г.*

..Теперь засела за голову с натуры. Пишу рыжего мужика не для картинки, а просто для экзерсиса. Время от времени это совсем необходимо. Так давно не писала я головы, что даже интересно стало, а уж наверное полезно. Работаем вместе с Наташей — она карандашом. Охотится присоединиться к нам Серов. Какой он талантливый малый и такой вместе с тем бестолковый. Вряд ли решусь тебе его рекомендовать. Во-первых,— копун, не кончил портрета, кот[орый] начал чуть ли не в январе, а кроме того, очень уж неровный..

* *Москва. 29 марта 1886 г.*

..Не писала вчера — очень утомилась, деревенский воздух чересчур подействовал. Там (в Абрамцеве) совсем не работала с натуры, несмотря на то, что Семеныч и Антон [Серов] оба писали и очень успешно. Но я себе

этого теперь не хочу позволять. Думала я думала, как бы немножко денег раздобыть, и вот что придумали общими силами. Я напишу несколько небольших керамических образов и выставлю их на Постоянную выставку. Это будет реклама — может быть, получу керамические заказы, может быть, уроки, словом, теперь ни от чего не откажусь, что может дать заработок..

* *Москва. 30 марта 1886 г.*

..Производство одно утешает меня. Так успешно идет, как ни одно дело, где я участвовала, не шло. У нас весна чудесная, тянет на натуру.. Писала ли про успехи Серова, кот[орый] всех нас так порадовал. Он имеет заказы,— портреты лошадей, и так как заказчик очень доволен, дает хорошие деньги, то и художник очень доволен..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 10 апреля 1886 г.*

..Вчера был у нас Суриков,— говорит, всю Москву избегал, искал человека, который взялся бы на фарфоре сделать образ,— ему из Сибири поручение такое прислали[15]. Не мог найти — все отказывались. Уж не знаю, кто ему на меня указал. Я охотно согласилась, только сказала ему, что лучше на фаянсе, чем на фарфоре. Он напишет туда, спросит — все ли им это равно. Всякий заказ теперь, конечно, кстати..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 22 апреля 1886 г.*

..Занята была повтореньем вороньего пейзажа в двух экземплярах.. Теперь имеется в виду заказ керамического образа.. сибирской золотопромышленнице Кузнецовой.. для надгробного памятника. Пластинки для него нигде не могла достать в Москве, не можешь ли достать мне в Питере.. Срок заказа — половина мая. Стало быть, теперь буду им исключительно заниматься, не знаю только, позволит ли здоровье. Что-то глаза устали и голову ломит..

* *Москва. 26 апреля 1886 г.*

..Теперь над эскизом работаю. Сюжет трудный. Три дня работала — ничего не выходило.. Вчера поздно вечером, или, скорее, ночью,.. вдруг

стали приходить мысли в голову, и работа стала налаживаться.. Задача следующая: изобразить фигуру Спасителя и предстоящими ему апостолов Петра и Павла. Я достала целую литературу об этом предмете. Изображение этих апостолов во всех видах, всех веков и пород, начиная с IV века — до XIX. Реального, понятно, нельзя было дать — надо было сочинить кое-что стильное и мистическое. Вот это долго и не удавалось. Теперь на мази, только бы не сбиться. Если образ удастся, надо будет некоторые мои другие образа повторить и поставить на выставку. Может быть, привлеку этим заказчиков..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Абрамцево. Июнь 1886 г.*

..Вот уж третий день работаю, и мне искренно кажется, что я делаю до такой степени позорно, мерзопакостно, точно я абсолютно все забыла, что знала прежде. Работаю я этюд большой; я его мою, перекрашиваю, скоблю, переделываю по двадцать раз — все хочется добиться наибольшей возможной близости к правде, в результате грязная черствая сажа, а Семеныч, чудак,— хвалит. У него начато много и ничего не доведено. Работает он очень много, конечно, не хуже, чем в прошлом году, но он недоволен своей работой.. Сегодня здесь Савва Ив[анович]. Очень нравится ему Васильина картина[16].

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 16 июня 1886 г.*

..Так была тронута рецензией в «Русской мысли», словами, меня касающимися. Хорошие отзывы в печати о моих вещах я уже встречала раза три, четыре, но никогда, ни один так искренно не порадовал меня, как этот[17].. Приехал Антокольский и говорит мне: «Видел одну Вашу вещь, до того мне понравилась, что я упрашивать стал, чтобы мне ее уступили». До сих пор Антокольский не обращал ни малейшего внимания на мою мазню. Относился к этому, как к баловству и шалости. Поэтому я совсем удивилась и даже сконфузилась. В вещи этой есть, говорит, стиль, настроение, момент выражен. Как ты думаешь, что это? Все те же вороны на снегу. «Элегические сумерки», как их назвал Ковалевский в своей рецензии. Видел он их у Репина, но Репин не соглашался (уступить их).— «Самому, говорит, очень уж нравится». Все это очень приятно.

Прожила в Абрамцеве десять дней. Погода стояла чудесная, работала я много, усердно и с переменным счастьем, т. е. порою тяжело и просто в отчаянии бросала. Точно ничего не знаю, ничего не умею, то вдруг наладится, пойдет, как по маслу.. Я написала на натуре эскиз для картины, а потом буду к этому эскизу делать этюды и из всего этого буду писать картину. Самый эскиз нравится всем.. Василий говорит, что вынес целое поэтическое впечатление от него. Мне тоже по замыслу нравится эта вещь — с нетерпением жду, когда примусь за разработку ее.. Удивительно это, как меня тянет на крупные размеры. В эскизе десять вершков, а мне представляется, какая это маленькая вещь, сравнительно с тем, как себе представила, какая будет картина. Мне все хочется либо разовую вещь делать — и тогда маленькую, либо уж очень что-нибудь крупное..

** Москва. 24 июня 1886 г.*

..С натуры работаю совсем особым приемом. Именно: пишу не этюды, а задачи, т. е. небольшие отрывки из природы для разрешения каких-нибудь мною самой заданных себе вопросов, напр[имер]: отношение верхов деревьев к небу или солнцевой группы зелени к теневой и т. д.

Антокольский бывает довольно часто это время. Это человек, удивительно способный подымать дух и вообще пробуждать в людях высокие художественные стремления. Рассказывал свои планы будущих работ. Удивительно, как много мощи в этом маленьком, тщедушном человечке. Он очень одобряет картину брата и, добрый товарищ, от всей души радуется, что Василию, наконец, удалось выполнить мечту, которую он почти двадцать лет носил в себе, так как даже эскизы к этой вещи он показывал лишь самым близким друзьям[18]..

** Москва. 2 июля 1886 г.*

..Вчера у нас обедал Боголюбов, рассказывал про Париж и про Питер. Между прочим, обращается к брату и говорит: «Видел у Репина очень хорошую Вашу вещь; мне ужасно понравилась — снег, стволы деревьев, а на снегу стая галок сидит». Это все мои вороны, вот понравились-то. Нам даже смешно стало. Василий поправил его ошибку, что это моя вещь. «Поздравляю, говорит, очень хорошо, так колоритно и не красочно». Ты спрашиваешь про Васильин перспективный курс — теперь об нем и речи нет. Он слишком.. поглощен картиной, которая быстро подвигается к концу..

Архив Поленовых.

ГЛАВА V. 1886— 1887 годы

Вторая поездка в Меньшово. Смерть Феди. Первые иллюстрации Е. Д. Поленовой к русским сказкам. Н. В. Поленова — ученица Училища живописи, ваяния и зодчества. Археологический кружок. Изучение древностей. Е. Д. Поленова получает премию за картину «Иконописная». «Христос и грешница» на Передвижной выставке.

Н. В. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Меньшово. 19 июля 1886 г.*

..Доехали мы отлично, с большим комфортом, только жара была очень томительна. Федя во время поездки на вокзал внимательно смотрел из окна и все время нам объяснял, особенно его поражало количество извозчиков.. При входе на вокзал начался самый ужас. Бесчисленное количество «дядей». Федюк кричал страшно, бросался с рук на руки, и по всей станции раздавался отчаянный «дядя». Василий занял отдельное купе, но и тут Федя долго не мог успокоиться и все требовал, чтобы папа не отходил от двери и стерег его от дядей. Мало-помалу он стал привыкать и развеселился. Сегодня начался ряд восторгов. Терраса наша в этом году прелесть как убрана растениями разными пестролиственными, каких я и не видывала. Оказывается, что Василий мне этого нарочно не говорил, чтобы был сюрприз. Сделано это Ершовым. Мы пили кофе на террасе, и Федюк около нас ахал от восторгов. Василий научил его сходить задом с двух ступеней в палисадник. Мы ужасно радовались на все анекдоты с Федюком, как полил дождь и загнал в дом. Федя был в отчаянии, жаловался папе на «дожжу» и грозил на него пальцем..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Меньшово. 30 июля 1886 г.*

Феде теперь лучше, жар уменьшился. Вчера он нас сильно напугал своими судорогами, дрожью и остановившимися глазами. Наташа послала к Ершовым, и эти милые люди все сделали, что могли. Прислали нам свою няню, опытную женщину в детских болезнях. Она энергично и умело стала распоряжаться, и дело пошло к лучшему..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Меньшово*] *7 августа 1886 г.*

Дорогая мамочка, если Вы еще у Кости, как это видно по Вашему письму, которое мы сейчас получили, то Вы не получили наших писем и не знаете, какое тяжелое время мы переживали здесь. Мы все, и Василий, и Наташа, и я, находимся в каком-то тумане, еще не понимаем, что это действительность. На прошлой неделе я Вам писала, что заболел наш милый, дорогой мальчик. Заболел Федюшка в понедельник — 28-го июля. До сих пор никто не может понять, отчего это с ним случилось. Сделалась рвота, потом судороги, а потом кровавый понос.. Меня Наташа выписала на третий день Фединой болезни для подмоги в уходе. Когда я его увидала, он мне сразу очень не понравился. Но потом, когда доктора стали успокаивать, я вместе с Василием и с Натальей поверила, что он выздоровеет. Так прошло восемь дней. Ему становилось лучше. Как вдруг болезнь повернула совсем в другую сторону. Появились какие-то новые страдания. Потом утихли, потом опять ужасный приступ сделался. Потом он совсем стих, начали холодеть ручки и ножки. Я стала обертывать его теплыми салфетками. Я позвала Василия, думала это жар спадает. Василий стал мерить температуру — градусник показал почти сорок. С этой минуты он уже не страдал и скоро тихо отошел. Наташи тут не было в это время, Василий пошел сказать ей. Их ужасно жаль. Наташа сама была в это время нездорова. Теперь она совсем поправилась и.. поехала с Василием в Москву. Митю еще раньше увезла в Москву Ел[изавета] Вас[ильевна]. Я еще осталась, чтобы кончить все в Меньшове. Ужасно горько. Сейчас вернулась из приходской здешней церкви, со мной Ел[изавета] Гр[игорьевна] и Влад[имир] Васильевич [Якунчиков]. Несли его на руках вечером, так тихо, мирно, поэтично. Такой он был хорошенький. А в церкви его окружила целая толпа пестрых ребятишек со свечами, а он среди них — беленький, улыбающийся. Напишем еще скоро. Все об Вас думали, как Вам будет горько. На все воля божия. Крепко Вас обнимаю.

Ваша *Е. Поленова.*

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Абрамцево. 10 августа 1886 г.*

..Большое горе у нас с Вами, и тяжело переносить его врозь. Мы с Наташей стараемся быть сколько можем твердыми, и Наташа меня удивляет своей нравственной силой — ни одной жалобы, ни одного

слова упрека. Видно уж так было суждено. Последнее время Федя нас пугал своим быстрым умственным развитием и сравнительно малым физическим. Кроме того, у него все больше и больше развивались страхи к непонятному.. В Меньшове он как-то испугался старого образа в углу.. вечером он боялся тени на стене, раз как-то мне показалось, что он испугался днем при солнце своей тени. Все это мне очень не нравилось, Наташу тоже это беспокоило.. Петр Антонович [Спиро], который приехал к нам с Елизаветой Григорьевной, думает, что тут было что-то, готовящееся давно, что нервная система у Феди была слишком натянута и тонка, поэтому и не выдержала первой немного серьезной болезни.. По всему, как я теперь припоминаю, я вижу ясно, что он был не жилец.. Мы перебрались в Абрамцево, где мы немножко успокаиваемся. Федю я с помощью Ивана Семеновича [Кукина] и Владимира Васильевича похоронил на Ваганьковском кладбище рядом с Верой, и это ужасно утешает Наташу.. Она старается не падать духом, быть твердой и не увеличивать нашего общего горя. Все друзья наши действовали с такой теплотой, с таким горячим искренним чувством дружбы, что намного смягчили горесть нашей потери. Не говоря уже про Лилю, которая, как приехала, не отходила сначала от Феди, а потом от Наташи, но совершенно посторонние люди, как Ершовы, оказали нам самое горячее участие. Елизавета Григорьевна, Петр Антонович, Илья Семенович, Владимир Васильевич, Елизавета Васильевна, Владимир Григорьевич [Сапожников], папаша [отец Н. В. Поленовой] — все они все время окружали нас самым глубоким сочувствием и помогали переносить нашу тяжелую утрату, и Вас, голубушка мамочка, мы просим не сокрушаться.. Наш ангельчик Федя больше не страдает, а в жизни ему бы пришлось, может быть, много страдать.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Абрамцево. 2 сентября 1886 г.*

..Смотреть, как нестерпимо тоскуют люди близкие и дорогие, это так тяжело, что сказать не могу.. Работаем и живем в Абрамцеве, но как-то неестественно, не так, как прежде, чувствуется что-то добровольно-принудительное.. Наташа тоже работает и очень мило, просто не уступает настоящим художникам, которых в Абрамцеве всегда много.. У меня работы, конечно, идут не так, далеко не так, как в середине лета. Это и понятно.

Страшно удручающе действует видеть людей близких в таком безысходно-тоскливом состоянии..

** Москва. 20 сентября 1886 г.*

..Виновата я очень перед тобою, что долго тебе не писала. Очень тяжело писать... так изменилось все с тех пор, как мы виделись в последний раз, что трудно ввести тебя письменно в те многочисленные различные заботы, страхи и боль за близких, какие ежеминутно приходится переживать.. Сама я совсем здорова и, странно сказать, что в те, к сожалению, редкие минуты, когда сердце попокойнее, то в себе вдруг почувствуешь такой сильный порыв к работе, столько мыслей и такую какую-то уверенность в возможность выразить их на бумаге, какой прежде совсем в себе не знала.. Привезла я множество этюдов и эскизов, и теперь я примусь за исполнение четырех больших вещей, из них: одна пейзажного содержания, а три другие довольно сложные композиции с фигурами.. Находят их оригинальными и интересными. Как-то выполню. Хочется кончить их к декабрю, то есть Периодической выставке.

У нас тут должна открыться первая акварельная выставка, кот[орую] устраивает Петербургское Товарищество.

** Москва. 25 октября 1886 г.*

..Выставка очень симпатичная[1].. Из питерских очень нравятся многие вещи Бенуа и два или три Беггрова. Москвичи-художники выставили очень мало.. выставил несколько набросков брат мой, Суриков, Остроухов. Очень я люблю акварельную манеру Сурикова. Я выставила шестнадцать штук, наторговала довольно успешно, продала одиннадцать штук.. Все мною выставленное — этюды или, вернее, наброски с натуры, сделанные в свободное время. Этюдов же для будущих задуманных мною картин много, но ни одного не выставила, так как они мне нужны. Ты спрашиваешь, какие это будут картины. Уж и не знаю, сумею ли я рассказать, что это будет или что бы я желала, чтобы это было. Мысль, которой я задалась,.. очень дерзкая, но страшно заманчивая. Хочется в целом ряде акварельных картин выразить поэтический взгляд русского народа на русскую природу, т. е. выяснить себе и другим, каким образом влиял и выражался русский пейзаж на русской народной поэзии эпической и лирической. Словом сказать, выразить связь почвы с выросшими на ней произведениями.. Впрочем, словами или пером этого не расскажешь.. Вся работа впереди, и, кто знает, что из этого выйдет. Сюжетами для этого буду брать сказки, песни, различные поэтические поверья и пр. Хочется подметить и выразить те художественно-вымышленные образы, которыми живет и питается воображение русского народного человека. Что скажешь об этом замысле?..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 22 октября 1886 г.*

Дорогая моя Натальинка, не поверишь, какое странное ощущение писать тебе в Питер. Как-то никак не могу связать тебя с Питером. У нас здесь все обстоит благополучно. Твой сын совсем не скучает, целый день пляшет да песни поет, и рожа у него самая распредовольная. Проводив вас, я принялась за работу, а мамаша что-то завязала, какой-то микроскопический шелковый чулок, должно быть, для Митяя. Она очень им занята, и он ей во весь рот улыбается..

Сегодня утром ездили к Алексею Ант[онову], смотрели Дрюшкин стол[2]. Мне нравится — очень вышел симпатичный. Завтракала у Мамонтовых. За завтраком Сав[ва] Ив[анович] читал с своими прибавлениями заметку Сизова об Акварельной выставке, которую посылаю тебе.. Антон показывал мне свои этюды последние и знаменитую лодочку в Сочи. Этюды очень талантливы и очень, как всегда, не доделаны. Работают в общей мастерской. До сих пор все, кажется, очень довольны[3]..

** Москва. 24 октября 1886 г.*

..Сегодня вечером был Илья Семеныч, приезжал просить кое-какие из Васильиных фотографических приспособлений. Удивительно оживленный, бодрый и в восторге от товарищеской общей работы, которую он ведет и в мастерской и в школе..

Понимаю, какое должны на тебя производить впечатление питерские музеи. Такие они живущие, как мало встречаешь даже между заграничными, а тут еще радует, что это свое, русское. Вчера мы ездили с Ел[изаветой] Гр[игорьевной] смотреть новое помещение для склада производства. Мне там очень, очень понравилось,— и люди дельные и симпатичные.

Решили устроить открытие 2-го декабря. Я продолжаю работать утром красками, вечером пером и карандашом..

Архив Поленовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Москва. 15 ноября 1886 г.*

..Писала ли я тебе о новой затее, которая отнимает много времени, но дает много приятных и полезных минут. Собираться с целью рисовать — это уже немножко приелось и стало вообще общеупотребитель-

ным, а общее дело вместе с тем вещь крайне приятная. Вот мы что придумали. Собрались мы компанией и решили в нынешнем году ознакомиться с историческими и археологическими памятниками Москвы. Для этого мы составили программу, разобрали памятники между членами и каждую среду утром едем осматривать который-нибудь из них. Тот из членов, на долю которого достался этот памятник, исследует его по книгам и увражам, изучает его и потом уже объясняет его значение прочей компании. Это очень удалось, кружок растет, и мы увлекаемся археологией страшно. Много тоже хлопот с производством. 2-го декабря открываем склад своих вещей. Приехали из Абрамцева вещи. Одних шкапчиков сорок штук. Кроме того, разных женских рукоделий. Начинаем тоже и кружевное дело — хочется все по древним образцам. Все бы это можно, да хлопотливо, а, главное, время много берет, а еще так мало двинулись те вещи, что задумала к Периодической выставке. Словом сказать, давно не была так завалена разнообразнейшими занятиями, как в нынешнем году. Случилось так, что.. в этом году завязалось много новых и, кажется, довольно интересных знакомств. Только бы как-нибудь время прибавить себе и поспевать всем заняться, а то с переезда в Москву чувствую некоторый ущерб художественным работам от остальных занятий.

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. М. ВАСНЕЦОВУ

Москва. 9 ноября 1886 г.

Дорогой Виктор Михайлович,. искреннее тебе спасибо за твое глубокое к нам сочувствие.. Да,— нет у нас больше нашего Федюшки, дорогого мальчика, а какой он становился милый,— вспомнишь о нем, как-то радостно станет. Уж зато как горько, как обидно, что нет его больше, голубчика. Вот уже три месяца, как я с ним навсегда простился, а точно как будто еще вчера он у меня на руках засыпал.. Странные эти законы природы: сделают они что-то такое живое, прелестное, радостное, и так беспощадно сами же его уничтожат. К чему все это? Кому они так необходимы, все эти страдания? Я за последнее время плохо себя чувствую, к общему расстройству прибавилась какая-то не то желудочная, не то сердечная боль, гложет она меня потихоньку, а конца как-то не видать. Силы понемногу уходят, с трудом могу работать два-три часа в день. Картину мою начал опять писать, но по тому, как дело идет, мало надежды на хороший конец. Ах, если бы удалось ее кончить, я бы с радостью ушел бы отсюда..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 14 ноября [18]86 г.*

..К обеду, т. е. в семь с четвертью, приехала Наталья из школы, как всегда веселая, оживленная и привезла с собой обедать своих *новых школьных товарищей*[4] — Семеныча и Антона. Вечером приехал Н. С. Третьяков — компания, как видишь, не новая, но Наталья была так оживлена и возбуждена, что и они стали неузнаваемы. Особенно за ужином, который длился до двух часов ночи. Если она не ослабеет, то весьма возможно, что ей удастся что-нибудь устроить. Василий сам несколько повеселел.. По вечерам режу рамы. Наталья читает что-нибудь археологическое. Василий тоже приходит, приносит картинки, объясняет, чего мы не понимаем. Вообще общее настроение много лучше, чем в начале осени..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. Декабрь 1886 г.*

..Вчера утром состоялась наша археологическая поездка. Печатный Двор крайне интересен как снаружи, так и внутри. Такие славные рукописи с такими заглавными буквами, что не оторвался бы от них. Пресимпатичный старичок-библиотекарь, который говорит, что можно работать у него, когда хочешь, даже когда его нет там.. Когда вернешься, поедем непременно смотреть рукописи.. Вчера вечером [были]: Семеныч, Левитан, два Всеволожских, Неврев и Суриков. Совсем художественный кружок. Александр Всевол[одович Всеволожский] играл. Очень мило импровизирует..

Архив Поленовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 18 февраля 1887 г.*

..Сегодня Наталья получила письмо от Василия. Пишет, между прочим, что Антокольский вспоминал мою картинку («картинку Елены Васильевны»), говорил, что она ему очень нравится, что он просит мне передать, что есть там еще одно упущение, которое теперь пришло ему в голову, а именно то, что нигде не показана их работа, что нужно показать святого на золотом фоне. Уж не знаю, слушаться ли. Как ты думаешь?..

Пишет Василий, что Семеныч очень волнуется за свою картину — боится не примут[5]. Пишет, что между экспонентами много миленьких пейзажей, но выдающегося — ничего. Лучшие вещи это: «Поле ржи» Аполлинария Васнецова[6] и картина Матвеева — Евдокия Лопухина сейчас после пострижения..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 16 февраля 1887 г.

..Вчера вечером я долго переводила Ренана.. и так живо передо мною встает вся история твоей картины. Ведь она часть нашей жизни, всегда останется таковой. Так бы мне не хотелось, чтобы ее купил государь, так боюсь, что она не попадет в Эрмитаж (да и там несимпатично будет стоять), а попадет в одну из многих зал дворцов и пропадет там для нас и для всех рядом с разными бесчисленными батальными картинами. Там, в залах, назначенных для холодных приемов, так как-то тяжело будет за нее.. Мысль эта теперь не отходит от меня и просто тревожит. Я бы на твоем месте просто уступила Павлу Мих[айловичу] на двадцать тысяч, только бы она была здесь. Конечно, поступай, как тебе кажется лучше и более по душе, но все же мне хотелось это высказать, потому что это меня беспокоит, да и не может не беспокоить, как судьба слишком мне близкого и дорогого существа..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург*] *20 февраля 1887 г.*

..Картины наши приехали, моя благополучно. Завтра буду натягивать. Волнение среди петербургских товарищей большое по поводу москвичей, которые навезли на этот раз много и больших и малых картин..

[*Петербург*] *21 февраля 1887 г.*

..Сегодня поставили мою картину. Большие художники, кажется, довольны. Мне-то они все хвалят. Впрочем, они в этом отношении люди прямые. Репин еще ничего не говорил, он, впрочем, днем ее сегодня не видел, а вечером на общем собрании некогда было. Поставили ее так,

как она была у Саввы, т. е. свет слева. Я пробовал ставить с обеих сторон: когда свет справа, то выигрывает общее, когда же свет слева, то главная фигура, т. е. Христа, лучше освещается. Я и решил пожертвовать общим. Сегодня был цензор Никитин, осмотрел выставку, попросил подробное описание исторических картин. Перед моей картиной спросил, можно ли Христа выставлять на выставке? Но мы его убедили, что картина Семирадского — почти тот же сюжет, была на выставке и что в Эрмитаже много картин, где изображен Христос. Сегодня послали ему каталог картин с описанием, и разрешения еще не последовало..

Третьяковская галерея.

П. М. ТРЕТЬЯКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 20 февраля 1887 г.

Дорогой Василий Дмитриевич. Исполняя задачу собирать по возможности все замечательное в нашей живописи, я не могу упустить Вашу картину как самую замечательнейшую; но исполнение этой задачи мне очень нелегко; вот почему я и обращаюсь за уступкой. Сравнительно с некоторыми художниками Ваша цена умеренная. Но что же делать, другим иногда приходится платить сверх соображения, боясь упустить. Вы исключение из других. После В. Г. Перова Вы первый особенно снисходительно относились ко мне при приобретении работ Ваших ввиду, как мне казалось, моей задачи. Буду вполне откровенно говорить. Ваша картина может быть приобретена только: или правительством или мною; по размерам ее других покупателей быть не может. Я бы предложил так: картина Вами продана мне давно (Вы давно могли это предвидеть), за какую цену, никому не нужно знать (как меня всегда оскорбляют газетные сообщения о ценах), если государь-император изъявит сожаление, что картина продана, если картина в его мнении будет иметь успех, вследствие того имела бы шансы на приобретение, я плачу двадцать четыре тыс[ячи], в противном случае двадцать тыс[яч]. Мне кажется, это было бы вполне справедливо. Я в воскресенье буду в Петербурге.

Письмо Ваше получил вчера поздно вечером.

Если относительно волос смотреть так, как Вы смотрите, то какой же анахронизм непокрытая голова между всеми покрытыми?

Глубоко Вам преданный *П. Третьяков.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 28 февраля 1887 г.

Открытие выставки назначено на четверг. Вот кабы ты приехала к открытию..

Петербург. 23 февраля 1887 г.

..Сегодня было последнее общее собрание и обошлось очень бурно, но чрезвычайно дельно и достойно. Сегодня мы получили от Исеева извещение, что завтра в два часа у нас будут государь с государыней. Моя картина оказалась самой опасной, и цензор Никитин ее запретил, так что был сделан особый доклад Грессеру, и был прислан особый чиновник особых поручений, чтобы посмотреть, действительно ли эта вещь опасна, и этот чиновник, какой-то полковник, разрешил эту картину оставить. Об Суриковской картине, говорят, и разговору не было, сразу пропустили. Павел Михайлович написал мне письмо с какой-то нелепой комбинацией, которую я не понял. Но это уже было поздно. Меня спрашивали в Товариществе об моей картине, и я сообщил, что она никому еще не продана. Когда соберешься ехать,— телеграфируй.

24-го. Сейчас еду встречать государя.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 24 февраля [18]87 г.

Дорогая мамочка, сегодня на выставке у нас был государь*. Он был необыкновенно мил и деликатен, перед каждой картиной, которую он желал приобрести, он спрашивал, не заказана ли она кем-нибудь, и, когда получал отрицательный ответ, говорил, что оставляет ее за собой. Увидав меня, обрадовался, подал мне руку, спросил, отчего я совсем не бываю в Петербурге. Я ему рассказал, что живу в Москве, где работаю. В субботу поутру был у нас цензор Никитин, который, осмотрев выставку, не сказал ни слова, но поехал к Грессеру и сообщил, что есть картина Поленова, которую он пропустить не может. Грессер прислал какого-то полковника — своего чиновника особых поручений для проверки, тот отозвался об картине Поленова положительно, т. е. что он в ней ничего непозволительного не видит. В воскресенье приехал великий князь Влад [имир] Алекс [андрович], долго стоял перед моей картиной, нашел, что она плохо

* Александр III.

поставлена, но что вещь чудесна и для нас, образованных людей, очень интересна своим историческим характером, но что для толпы это еще недоступно и может возбудить толки. Уезжая, очень остался доволен выставкой и спросил, когда мы «прикажем» привезти государя. Мы попросили, чтобы это было во вторник, так как выставка еще не вполне была устроена. Во вторник поутру приехал Грессер, привез Победоносцева и повел прямо к моей картине. Этот нашел, что картина серьезная и интересная, но больше ничего не сказал. Но после его отъезда запретили печатать каталог. В два часа приехал Влад[имир] Алекс[андрович]*, увидав меня, закричал: «Сколько лет, сколько зим мы не видались» и начал расспрашивать, долго ли я работал над этой картиной, откуда материал и т. п., через двадцать минут приехал государь, государыня, наследник, Георгий Александрович [Романов] и Константин Константинович [Романов]. Пошли осматривать выставку, она у нас помещается в двух этажах. Государю очень понравилась картина Мясоедова «Косцы», и он ее приобрел, потом Шишкина, маленькую вещь Маковского[7]. Наконец пришли к моей картине. Первое, что он сказал: «Как интересно, но жаль, что так плохо освещена». Потом стал подробно рассматривать и расспрашивать, я стал рассказывать. Подошла государыня и заметила: «que l'expression du Christ est admirable» [что выражение Христа превосходно].— «Правда, правда,— сказал государь,— издали он мне показался немного стар, но выражение чудесное». Я стал объяснять картину государыне. Уходя, государь сказал, что для такой картины тут света мало и что было бы очень интересно ее увидать при хорошем освещении. Пошли они в следующую залу. Я остался у себя. Вдруг бежит Влад[имир] Ал[ександрович] и зовет: «Поленов, что Ваша картина — свободна?» — «Никому не принадлежит, Ваше имп[ераторское высоч[ество] — «Государь ее приобретает». Я поклонился. В это время показывается государь — «Ваша картина никем не заказана?» — «Никем, Ваше императорское величество».— «Я ее оставляю за собой». Я низко поклонился. Уезжая, государь благодарил нас за прекрасную выставку, разрешил все приобретенные им картины везти в провинцию и сказал, что предыдущие он получил в целости и сохранности, и пожелал нам успеха. Когда государь уехал, Грессер подскочил к Влад[имиру] Алек[сандровичу] и спрашивает: «Ваше высоч[ество], как же насчет картины?» Я не расслышал кого». На что великий князь сказал: «Государь ее не только одобрил, но и приобрел, следовательно!» — Грессер шаркнул ножкой и исчез. Итак, моя картина осталась на выставке. Теперь ее благодаря любезности Лемоха и Мясоедова перенесли на другое место, где она будет гораздо лучше освещена..

Третьяковская галерея.

* Президент Академии художеств.

М Н. КЛИМЕНТОВА-МУРОМЦЕВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 12 апреля 1887 г.

Поздравляю с громадным успехом Вашей картины! Это просто гениальная вещь. Хотелось бы видеть Вас и сказать лично, в каком я восторге. Толпа народу перед картиной, замечания, которые слышишь кругом, мешают цельности впечатления. Нельзя ли попасть на выставку в незаконный час? — без публики. Счастливец, какой в Вас талант!

Каждая фигура на меня произвела своеобразное впечатление, которым хотелось бы с Вами поделиться. Во всяком случае, увидимся или нет, желаю Вам продолжать идти по пути гения и славы.

Мария Климентова.

Третьяковская галерея.

П. А. СПИРО — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 1887 г.

Милый, сердечный друг, Василий Дмитриевич. Как это естественно вышло: присяжные критики, ученые чиновники (департамента «Московских ведомост[ей]» и др[угие])[8] чуть ли не враждебно отнеслись к твоей картине, а двое людей, людей с истинным чутьем, как Гаршин и Короленко[9] [...],— она настоящий оазис — отдохнуть душой и наслаждаться. Присяжные критики, а равно и Стасов — «зрелы», у них свои законченные «убеждения» (различного сорта, конечно), шаблон; что в жизни искусств не точно подходит под этот их шаблон, то негодно; они слепы и глухи ко всему иному..

Какая прекрасная статья Короленки! Какая цельность, как тонко, умно, не натянуто; что значит — основной взгляд на картину верен и широк.— и все до подробности в картине ему стало ясно, просто и жизненно!

Мне особенно жаль в этом случае Стасова, он, во всяком случае, впадает именно в ту ошибку, за которую он так нападет на «академистов»,— в нетерпимости и отвержении ко всему, что не вполне соответствует им усвоенной и проповедуемой «религии в искусстве». Между тем красота жизни двигается вперед не шаблонами, а творчеством, и чуют это движение вперед не те критики, которые только «учены», но не творцы, а которые не только учены, но и сами творцы. Воображаю, как бы Тургенев восхищался твоей картиной!

..Да, мне еще ужасно нравится, что Буслаев от твоей картины в большом восторге (знаю я это из письма Кондакову); это, говорит, первый

настоящий выход реализма на Руси, хвалит очень статью Короленки, а статью Стасова называет позорной![10]..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 13 марта [18]87 г.*

..Показывала свою картинку [«Иконописная»]. Аполлинарий одобряет, Семеныч критикует, остальные так смотрят, не смеют ни хвалить, ни бранить. Взяла у Аполлинария все сведения, как оформить посылку в Общество. Он знает — сам не раз ставил на конкурсы. Это вышло очень кстати, а то, пожалуй, и не приняли бы, если бы не все условия были соблюдены. Сегодня, наконец, решилась, заколотила ящик, запечатала конверт со знаком, а знак — икону поставила..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

** Москва. 4 апреля 1887 г.*

..Я ведь писала тебе, что стала работать масляными красками, и написала я картинку исторически бытовую под названием «Иконописная». Картинку эту послала в Питер на конкурс, а на днях получила уведомление, что мне присудили вторую премию[11]. Конечно, это было для меня большой радостью и очень поощряет меня писать масляными красками. Поэтому у меня в комнате появились холсты, мольберты и вообще стала настоящая мастерская..

** Москва. 5 мая 1887 г.*

..Ты пишешь, что я напрасно выставляю вещи, которые вредят моей репутации. Да бог с ней совсем, мне теперь важна не она, а деньги. Мне важно жить не на чужой счет, а чем этого достичь, это вопрос меньшей важности. Тут (не заказ) я никому ничего не навязываю, хочешь бери, не хочешь нет. А что покупающей публике нынешнего года вещи нравились, это мне показывает то, что все до одной (их было четырнадцать) продались. Есть обстоятельства, в которых материальная сторона жизни задевает нравственную. Таковы мои теперешние обстоятельства. Мне важно именно теперь выручить несколько лишних десятков рублей, потому что они ставят меня независимо..

Архив Поленовых.

ГЛАВА VI. 1887—1888 годы

Лето в Жуковке. М. В. Якунчикова. Поездка В. Д. Поленова в Крым. Поездка на Оку в поисках имения. Первый цикл сказок Е. Д. Поленовой.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Жуковка. 15 июня 1887 г.*

.Я рада, что у меня Маша* Она с короткими промежутками пробудет у меня все лето. Это, право, редкая в наше время девушка. Так она уже зрело развита, с одной стороны, и детски наивна — с другой. Как интересны с ней чтения. Мы перечитывали Пушкина, а теперь читаем Белинского о Пушкине. С ней можно говорить и судить, как с большой, да и редкой большой. Как-то были у нас Семеныч с Антоном, и очень приятно мы провели время. Они рассказывали и показывали преинтересные фотографии, а потом Антон очень талантливо начал этюд с Маши[1], а я читала.

Архив Поленовых.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Морево. 24 июня 188 г.*

Дорогая Наташа, сегодня ровно неделя как я здесь[2], но мне кажется, что уж целый месяц прошел с тех пор, как я уехала из Жуковки[3], и так хочется к вам. Но не думай, что здесь скучно, напротив, очень даже весело, занятия самые разнообразные, но самое интересное, это разыскивать разные вещи; я уж объехала и обошла семь деревень и нашла тринадцать предметов, успех, как видишь, не блестящий, но это-то мне и нравится, потому что если нахожу что-нибудь, то радости моей нет конца. Жалею, что нельзя будет тащить показывать тебе мои деревяшки.

Собираюсь к тебе через неделю, если позволишь, а до тех пор ужасно хотела бы знать, что у вас делается, если будешь настолько милостива, то напиши, а если не хочется, то уж я потерплю неделю. Наверно, ничего особенного у вас не случилось, это только мне так кажется, потому что я попала в такую деревню, глушь и все так противоположно Жуковке. Вообрази, здесь почти ситцу не видно, все крестьянки ходят в сарафанах

* М. В. Якунчикова.

из крашеной холстины. Не нужно ли тебе каких-нибудь деревенских произведений? Здесь делают очень хорошие корзины из лыка..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Жуковка. 6 июля 1887 г.*

..Гости у нас не переводятся. Маша опять приехала, кроме того, эти дни были Коровин и Всеволожский. Коровин с Василием сейчас уехали в Москву покупать лодку. Рыболовство у нас в полном ходу. Сегодня, вероятно, опять вернется Семеныч..

Архив Поленовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Абрамцево. 31 июля 1887 г.*

..На прошлой неделе мы были у Буслаева, он очень милый старик, но вряд ли скажет нам много нового. Видно, в этом предмете он как в лесу, но уж и то хорошо, что так заинтересовался. Я оставила ему все свои снимки, чтобы он мог в них несколько разобраться, он еще раз хочет приехать осмотреть музей. Зовет к себе в Москве и обещает показать много интересных изданий. Просил позволения быть у нас в Москве и очень желает познакомиться с Василием — в восторге от его Христа, все читал, что появлялось в печати по поводу картины..

Архив Поленовых

Ф. А. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Воейково. 31 июля [18]87 г.*

..Дня через три уезжает от нас Иванов [С. В.] ваш. Погода не очень-то благоприятствовала его работам, но все же у него набралось много этюдов, многие очень удачные, и теперь он не дождется, когда примется писать картину[4]. Он оказался очень милым сожителем, нецеремонным и прямым, так что его посещение нам было только приятно. По приезде в Москву он думает побывать у вас. А что Василий, как здоровье, когда едет в Крым?..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — И. С. ОСТРОУХОВУ

** Жуковка. 29 августа 1887 г.*

Добрейший Илья Семенович, я получила Ваше письмо 28-го вечером, когда вернулась в Жуковку, проводив Василия в Крым. Не поверите, как мне было приятно это письмо, каким оно было бальзамом в тяжелую минуту. Мысль, что Вы, может быть, вовремя получили его письмо и выехали к нему в Подольск, утешила меня хоть немного. Может быть, Вы придали ему бодрости, я так на это надеюсь. Он уехал в таком ужасном состоянии, что пока я не буду иметь хоть слово вести от него, я не буду знать покоя. Мысль, что он один в таком состоянии, не оставляет меня. Как я ни старалась ободрить его, он расставался с нами, с Митенькой и со мной, как будто ехал на верную смерть. Раз испытавши потерю, какую мы испытали в прошлом году, мысль о возможности и новых, конечно, всегда с нами, против этого ничего не сделаешь, этого не высказываешь, а грызет оно вечно, пройти оно может только с годами, когда опыт жизни покажет иное.. От души надеюсь, что развлечение дороги, а в Крыму новые впечатления дадут Василию желанный поворот к лучшему. Последние две недели он был тут так хорош, что стали являться надежды на полное выздоровление. Даже написал этюдик и стал говорить о других дальнейших..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Симферополь. 30 августа 1887 г.

..Проезжая мимо дороги, ведущей в Меньшово, живо мне вспомнились два лета, проведенные там; первое — такое счастливое и второе — такое печальное. Вспомнилось, как мы в первый раз ехали под страшной грозой и градом.. Красивые места на Оке под Серпуховым и дальше — вверх по течению. Вот где бы нам поселиться. Если буду жив-здоров, то проедусь по Оке от Серпухова до Алексина. Может быть, и найду что-нибудь. Особенно мила станция Свинская, не знаю, за что ее так невежливо назвали. В Серпухове оказалось, что в том же поезде едет Сергей Тимоф[еевич] Морозов в Крым.. Я был рад этой встрече. Оказывается, что С[ергею] Т[имофеевичу] гораздо лучше — часть лета, проведенная на маневрах в седле под проливным дождем и солнцем, на него удивительно хорошо подействовала, так что он совсем оживился, говорит, что теперь перед ним есть полоска света, есть надежда на выздоровление, словом, очень на меня хорошее впечатление произвел. Узнав, что я хочу поселиться в Алуште, он придумал такую комбинацию: остановиться в Симферо-

поле и оттуда ехать через Алушту в Ялту. Он хочет жить в Гурзуфе. Мы так и решили..

Красивые места под Курском, а еще более оригинальные под Харьковом, временами едешь сыпучими песками и сосновым лесом, но совершенно другого характера, чем наши северные леса — кривые мизерные, зато дубовые лесочки по балкам — хороши. Что за унылая страна эта Черноморская Хохландия — все выгорело, запылено, зелень сероватожелтого цвета от пыли.

Сейчас прошелся по городу, есть места, удивительно напоминающие уголки Востока, Тивериады, Назарета, так что можно делать этюды солнца. Тебя и Митьку обнимаю..

Ялта. 1 сентября 1887 г.

..Из Симферополя мы выехали в четыре часа. Думали быть в Алуште засветло, а на деле оказалось, что засветло мы сделали полдороги, остальную при звездах. При этом был странный случай — я рассказывал Морозову, что такое Фортуни, и сделал такое сравнение: — «Видите эти звезды, это мы, разной величины художники, и, представьте, если бы теперь пролетел блестящий метеор,— это был бы Фортуни». Через несколько минут над нами загорелся огромный метеор, осветил все электрическим светом и довольно медленно спустился в балку. Мы так и ахнули. Я никогда ничего подобного не видал.

В Алуште преуютная, чистенькая гостиница, чудесная еда и отличное молоко, и к тому же во время ужина Седьмая симфония Бетховена в четыре руки. Какой-то молодой человек с дамой чудесно играли. Утром отправились в Ялту, жара неимоверная, но это ничего, а что неприятно, это — пыль. Оказывается, вот уже три месяца, как тут не было дождя, все выгорело, деревья возле дороги совершенно серые от пыли. Вот и чистый морской воздух..

Ялта на первый взгляд мне очень понравилась, напоминает не то Неаполь, не то Смирну, не то Бейрут. Вечером я пошел к Якунчиковым, застал всех в хорошем настроении.. Маша в упоении от природы и купания и одета таким же матросом, как у нас в Жуковке. Зато Вера — в красных кружевах и разводах, вероятно, по-модному.. Чувствую себя до сих пор очень недурно и даже писать хочется..

* *[Ялта] 4 сентября 1887 г.*

..Сегодня чудное купание, море тихое, прозрачное, не вышел бы из него, так оно ласково тебя гладит.

Потом я пошел на базар, интересного там мало — яблоки, капуста, арбузы, московский красный товар и, между прочим, одна татарская лавочка медной посуды: кувшины, ведра, чашки, кастрюли — все местного характера. Накануне в ней был целый татарский раут, а сегодня только один мальчик, который работал внизу в кузнице. Я с ним разговорился и выбрал несколько штук, но некоторые из них были не лужены, а лудить одному нельзя, объяснил мне татарин — надо огонь раздувать. Я предложил свои услуги, и вот мы стали работать; он мастером, я — в подмастерьях. Мне это было очень интересно, потому что я отчасти узнал, как лудят посуду. Окончив работу, мы принесли вещи домой. Я взял фунт винограду, пошел к Ай-Василю и стал мечтать.. Мечтал я об домике на берегу Оки, об том, как мы его устроим, как мы там заживем, сделаем большую комнату, где будет музей, галерея и библиотека. Рядом будет столярная мастерская, адмиралтейство, рыболовство и терраса, а над этим будет моя живописная мастерская и твой маленький кабинет, где ты будешь отдыхать.. Чудесные мечты, может быть, и сбудутся.. Посылаю Митьке пляшущего татарчонка, только бы это не слишком его напугало..

[Ялта] 8 сентября 1887 г.

..Чем больше я хожу по окрестностям Ялты, тем все больше я оцениваю наброски Левитана. Ни Айвазовский, ни Лагорио, ни Шишкин, ни Мясоедов не дали таких правдивых и характерных изображений Крыма, как Левитан. Сегодня только одно время были облака вроде Айвазовского — пухлые, бело-серые и приторно стушеванные, как это умеет Айвазовский один, но у него это доведено еще до большей слащавости. Молодец Левитан..

[Ялта] 11 сентября 1887 г.

..На днях, проходя по набережной мимо магазинов, я заметил в одной кавказской лавочке чашку родосского фаянса. Ужасно она мне понравилась. Думаю, по меньшей мере рублей пятьдесят стоит. На другой день не выдержал, зашел. Спрашиваю: — «Это у вас откуда?» — «Это персидский вещь». «А что стоит этот вещь?» — «Стоит он три рубля пятьдесят копеек, а я вам за три рубля отдам». В углу оказалась другая такая же чашка, но слегка разбитая. Ту он оценил в шестьдесят копеек и уступил за пятьдесят. Если это настоящие родосские фаянсы, то они стоят побольше этого, а главное — очень красивы. А восточный человек мне говорит: — «Как ты хорошо сделал, что и другую купил, у меня бы никто ее не купил»..

Перечитываю теперь я Тургенева «Записки охотника». Что за живые и глубоко человечные картины, всюду разлита любовь к людям, и почему они так сильны и правдивы до сих пор, потому что нет черствости и нет подчеркнутости и преувеличения теперешних художников, как, напр[имер], Репин, где главную роль играет холодная мораль. И так мне захотелось опять в деревню, в свой уголок..

[Ялта] 18 сентября 1887 г.

..Теперь я работаю с натуры каждый день и не устаю. Даже как будто отдыхаю во время работы, как это бывало прежде в здоровые времена. На днях я пошел с Сергеем Морозовым на водопад Учан-Су, Морозов с полдороги вернулся, я пошел дальше и пришел к водопаду в совершенную темноту. Луна то показывалась из-за облаков, то пряталась. Впечатление очень поэтическое. Вернулся я довольно поздно домой, порядком-таки усталый. Я сделал около восемнадцати верст..

Юг и жара действуют на меня недурно, но очень разваривают. Сегодня я был вечером у Якунчиковых; оказывается, и они все раскисли. Маша говорит, что ноги еле волочит... Я тоже это ощущаю, но что мне особенно приятно, что голова последнее время гораздо реже болит. И вот уж несколько дней, как это продолжается. Теперь я живу на даче у самой Ялты по дороге в Ливадию. Место премилое, и дача очень симпатичная. Вот, если приедешь в Крым, то в этом месте симпатично жить..

Я теперь читал, т. е. не читал, а наслаждался «Записками охотника». Есть, конечно, там слабые отрывки, напр[имер] «Гамлет Щигровского уезда» и в этом роде, но зато есть такие дивные картины, такие живые люди, такие глубокие стороны жизни захвачены, что всего тебя пронизывает. Есть кое-что устарелое, напр[имер] постоянное обращение к читателю, но это мелочь. Теперь перечитываю «Первую любовь», вот это так написал художник..

[Ялта] 21 сентября 1887 г.

..Сегодня, несмотря на проливной дождь, я с Якунчиковыми.. ездил в Алупку. На меня, признаться, грустное впечатление произвели все эти роскоши. Куча денег, а смысла мало. Богатый барин выписал иностранцев, архитекторов и мастеровых, и вышло смешение стилей. Тут и готика, и мавритания, и ни то ни се, а в общем, очень далеко от настоящего художества. Рад бы я был вернуться к тебе.

Признаться, Крым с его пассатами мне порядком начинает надоедать..

[Ялта] 23 сентября 1887 г.

..С каждым днем, что близится срок моего лечения, все больше и больше тянет меня домой. Особенно сегодня: погода испортилась, со всех сторон ветер, воздух холодный, купаться нельзя, через каждые десять минут налетают ураганы с дождем, по морю ходят фонтаны от крутящегося ветра, всюду мокрота и жидкая грязь. Зато вчера был чудесный день. Я чувствовал себя изумительно хорошо — бодро, свежо.. Я отправился к Якунчиковым.. И мы вчетвером, т. е. Маша, Вера, Ольга и я, отправились сначала через Дерикой, потом нижний Ай-Василь, верхний Ай-Василь и пришли к подножию самых скал в ущелье потока «Ялта». Вот грандиозная картина! Мы так и ахнули. Никак не ожидали. С одной стороны громадная вертикальная скала, от которой во время допотопных разрушений оторвалась половина и рассыпалась глыбами по ущельям; с другой стороны — утесы, покрытые соснами, а в самом ущелье шумит поток, и все это в вечернем полумраке..

24-го сентября. (Вечер). Сегодня получил твое чудесное письмо от 18-го сентября, где ты описываешь осенний день и восторгаешься осенью. Как я тебе в этом сочувствую. Осень у нас на севере — это лучшее время года. И какое было бы счастье, если бы нам удалось что-нибудь получить свое и там зажить, да так, чтобы часть зимы захватывать. Вообще это письмо меня ужасно порадовало.. Живем мы с Сергеем Тимофеевичем довольно хорошо. Я вчера дал ему урок живописи. Он был в восторге и все объяснял, отчего у меня выходит, и, судя поэтому, мне кажется, что из него ничего не выйдет. Он слишком много рассуждает и слишком хорошо знает все причины, отчего и почему что происходит, и поэтому непосредственного чувства в нем очень мало..

[Ялта] 29 сентября 1887 г.

Очень интересно будет мне прочесть биографию Грановского. Ты знаешь, как я люблю эту эпоху, т. е. людей этой эпохи, и именно людей так наз[ываемого] западного направления. В них что меня привлекает, это человеческая сторона, которая преобладает над национальной. В этом главная их сила и превосходство над славянофилами. Как эта человеческая сторона сильна у Тургенева, не нарадуешься.. Так мне хочется в деревню, как ты одна это можешь только понять; вернувшись в Москву, употреблю все старания, чтобы достать нам уголочек землицы. Сегодня я взял «Анну Каренину» и как раз напал на место, где Левин в деревне с Кити.. И к ним приезжают Стива и Васенька. Там описана охота и душевное состояние Левина и его собаки Ласки. Что за красота! Если у нас будет именьице, я непременно сделаюсь охотником, хоть и плохим,

но все-таки охотником. Это много здоровее и живительнее, чем живопись. Надо непременно встряхивать себя физически, чтобы быть здоровым нравственно. Работа в деревне над землею, я уверен, починит наши расшатанные нервы и укрепит надорванные силы..

[*Ялта*] *1 октября 1887 г.*

..Я каждый день теперь пишу этюды, и один даже удался. Морозов им ужасно доволен, отойти не хочет. Сегодня Антон написал лошадку с татарином. Вот так прелесть. Он показывал мне фотографию с Ве́рушкина портрета[5], должно быть, замечательная вещь; судя по фотографии, это живая действительность. Он мне говорил, между прочим, что поступил в школу, на этот раз уже с разрешения инспектора, и поэтому работает там с большим удовольствием, без страху..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 21 октября 1887 г.*

..На днях Василий ездил по Оке смотреть одно имение. Места ему очень понравились, но не то имение, которое продается. Вообще он больше, чем когда-либо желает приобрести деревенский pied à terre [пристанище].. из поездки по Оке он возвратился очень веселый и свежий..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 3 ноября 1887 г.*

..У нас началась зимняя жизнь со всеми ее принадлежностями, частыми поездками в Абрамцево, куда я еще с большим удовольствием езжу, чем летом. Так удивительно хорошо, разнообразно и красиво зимой в деревне, что я этого прежде и представить себе не могла. На прошлой неделе мы возобновили свои археологические поездки в Москве. Поступили новые члены, и дело идет опять очень оживленно.. У нас теперь еще возникает план устроить художественные собрания, потому что начинает как-то чувствоваться разъединение между художниками, тогда как силы есть и постоянно наталкиваешься на новые молодые силы..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 27 декабря 1887 г.*

..Вчера ездила я на ученическую выставку. Молодец Миша*, его вещь в самом деле очень хороша. Недаром это единственное приобретение Павла Мих[айловича] Третьякова. Вообще выставка из ряда вон хорошая, много искреннего, теплого, задушевного вылилось в произведениях этой молодежи. Отрадное очень впечатление. Сегодня у нас просидел почти весь день П[авел] М[ихайлович] Третьяков. Показывала ему абрамцевские последние зимки и сказки. Зимки некоторые похвалил, а сказки так очень даже хвалил, хотя высказал такое рассуждение, когда дошел до «Волнушкина монастыря»[6]. «Это,— говорит,— очень хорошо, а чувствуется васнецовская школа».. Заинтересовался тоже изданиями Нестерова «Сказки Пушкина»[7] и Симова «Русс[кой] ист[орией]», а также и нашими четверговыми рисунками, которые в самом деле уже представляют очень интересную коллекцию и, кажется, всем очень нравятся. Словом, Пав[ел] Мих[айлович], уходя, объявил, что он уносит от нас целый запас художественных новостей.

Архив Мамонтовых.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Киев. 31 декабря 1887 г.

Дорогой Василий Дмитриевич. Много раз я собирался тебе писать, но благодаря своей малой склонности к писанию писем вообще все откладывал. Летом я даже уж написал письмо и хотел отсылать, но услышал, что ты едешь в Крым и проездом намереваешься побывать в Киеве; в видах скорого личного свидания письмо не было отослано. И стал я тебя поджидать с величайшим нетерпением. Помимо того, что я желал с тобою видеться как с человеком, наиболее мне близким и родным по духу, несмотря на различие характеров, я жаждал иметь в тебе серьезного критика, и затем я мечтал, что, увидевши собор наш, решишься взять на себя работу и будешь моим товарищем. Когда я услышал, что ты проехал обратно, минуя Киев, мне было до крайности горько.

Мне очень важно, чтобы мою работу видел хоть один из серьезных художников, а тем более ты, как знаток именно этого моего дела, которое едва ли кто-либо понимает ясно. Затем я услышал, что ты продолжаешь болеть и едва ли возьмешься за дело собора; эти слухи меня прямо обес-

* М. А. Мамонтов.

куражили. Это значило, что как будто я сам отказываюсь от большой части дорогой мне работы. Я мог представить товарищем своим только тебя. И если ты не сможешь взять на себя эту работу, то для меня уж все равно, кто бы подле меня ни работал..

Уговаривать тебя я не смею и считаю нецелесообразным и рискованным, так как брать на себя такое серьезное дело, хотя и увлекательно, должно совершенно самостоятельно.. Я только буду всей душой радоваться, если ты решишься взять на себя это трудное и святое дело..

Я тебя еще не поздравил с успехом твоей картины; судя по всем отзывам, она необыкновенна! Я видел начало и по нему, конечно, отчасти, могу представить, как это вышло сильно! Ни одна картина не вызывала в наше время таких серьезных рассуждений. Все, лично ее видевшие, передают свое впечатление восторженно. Дай бог тебе всегда такого успеха!

Мне так хотелось бы побывать у вас и повидаться со всеми вами, посмотреть твою картину, посмотреть у других работы. Мне, вероятно, все покажется крайне новым. Я как-то совсем отстал от общей жизни, и художественной, и всякой. По временам страшно хочется вырваться и полетать по белу свету.

Дай бог счастья и здоровья твоей прибавляющейся семье..

Уважающий и любящий тебя всего *В. Васнецов.*

Третьяковская галерея

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. М. ВАСНЕЦОВУ

[Москва] 8 января 1888 г.

Милый друг, Виктор Михайлович, не заехал я к тебе из Крыма потому, что очень нехорошо себя чувствовал и торопился домой. Мне бы ужасно хотелось и повидаться с тобой и посмотреть на твои работы, и думал я собраться весною к тебе, да все не могу справиться с болестями, которые влезли в меня, да и не выходят, и такие жесткие гадкие боли, что, не испытав их, нельзя себе представить; и находит на меня такое уныние, что волочишь изо дня в день свое существование без радости, без отдыха. Что особенно тяжело, что состояние это доводит меня до какого-то озлобления, с которым подчас совладать не можешь. Работать трудно, хочется отдохнуть, а отдыха нет и ждешь, ждешь — придет же когда-нибудь настоящий отдых.. Доктора называют эту мою болесть неврастенией с истерической подкладкой и ипохондрическим верхом (шуба хорошая!) и даже лечат меня. Один Петр Антонович сказал правду, что лечить тут нечего, а надо терпеть, что, может быть, со временем и само пройдет.

Что касается работы в соборе, то я решительно не в состоянии взять ее на себя. Я совсем не могу настроиться для такого дела. Ты — совершенно другое, ты вдохновился этой темой, проникся ее значением, ты искренне веришь в высоту задачи, поэтому у тебя и дело идет. А я этого не могу, мне бы пришлось делать вещи, в которые я не только не верю, да к которым душа не лежит; искреннего отношения с моей стороны тут не могло бы быть, а в деле искусства притворяться не следует, да и ни в каком деле не умею притворяться. Ты мне скажешь, что я же написал картину, где пытался изобразить Христа. Но вот в чем дело: для меня Христос и его проповедь одно, а современное православие и его учение — другое; одно есть любовь и прощение, а другое... далеко от этого..

Сам я по таланту небольшой человек, таким меня все считают, и справедливо, но замыслы у меня большие; много я и долго работал и, наконец, достиг теперь некоторой известности. Достиг я ее главным образом благодаря сюжету моей картины, т. е. смыслу сюжета или, как говорят, идее картины. К великой моей радости, многие поняли то, что я хотел сказать, и отозвались с сочувствием. Это мне дает смелость говорить еще, насколько хватит сил, и это составляет мое счастье. Мне кажется, что искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит. В жизни так много горя, так много пошлости и грязи, что если искусство тебя будет сплошь обдавать ужасами да злодействами, то уже жить станет слишком тяжело. Как я [высоко] ставлю в отношении радостного искусства твой «Каменный век», я и сказать не умею.

На днях тут был Павел Петрович Чистяков, он в восторге от этого произведения: «Васнецов дошел в этой картине до ясновидения, это первая русская картина, с нее должно начаться русское искусство». Это верно! В этой картине выражено все будущее развитие человечества, все, для чего стоит жить. Ты не думай, что я упрекаю в притворстве при теперешней работе, ты вдохновился ею и нашел в ней смысл, и я глубоко это уважаю. Все тебе кланяются. Наташа все хворает, привязалась к ней грудница и вот третий месяц не отстает, нарыв за нарывом, измучилась, бедная, да и меня измучила. Обнимаю тебя крепко. Прости.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 4 февраля* [*18*]*88 г.*

..Вчера вечером собрались наши художники: Левитан, Иванов и Коровин. Оба возвратились из Питера. Иванов в таком подъеме духа, такой оживленный, бодрый, верующий, что просто смотреть весело. Вечер вышел удачный, оживленный, веселый и серьезный. Вообще гораздо

лучше, когда нет Семеныча,— при нем никогда не бывает таких интересных и задушевных разговоров об искусстве, он как-то и другим не дает выразить мысли и сам все какими-то пустячками отшучивается. Была, конечно, Маша Якунчикова — верный посетитель четвергов.. Рисовали мы все, даже Наталья рисовала..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — И. С. ОСТРОУХОВУ

** Москва. 19 февраля 1888 г.*

..Лучшая новость у нас..— это картины Кузнецова, да они же будут новостью и у вас в день получения моего письма. До того хорошо, до того свежо, ново, радостно, что на душе становится весело, когда только подумаешь об них; а что за живопись! Восторг да и все! Большое ему спасибо, что он привез мне их показать и этим утешил меня за всю пропавшую зиму. Интересно, какое он на Вас произведет впечатление[8]..

** Москва. 27 февраля 1888 г.*

Сегодня наконец получила от Вас, добрейший Илья Семенович, обещанное письмо с описаниями и премного за него благодарю. Жаль только, что оно пришло не вчера, в четверг, когда были у нас люди, жаждавшие узнать, приняты ли они. Я сегодня телеграфировала Левитану, чтобы успокоить его. Очень нас заинтересовали Ваши описания к картинам из каталога, одно только меня очень огорчило, это судьба бедного Левицкого. Его бы так ободрило, если бы он попал на выставку. Вас все мы искренно поздравляем. Долгое молчание Ваше мы уж не знали, чем объяснить. Были всевозможные предположения: что Вы не приняты, что Вы выписали этюды, чтобы доказать, что Вы много работали — что Вам дали срок до общего собрания переписать картину и т. п. И вдруг в конце концов Вы прошли единогласно [9]. Браво! Только письмом Вашим я не вполне довольна, Вы ничего не пишете про Репина, остался ли он членом или экспонент, затем говорите о Ярошенко, а картинки его не прислали. Василий очень интересуется результатом общего собрания..

** Москва. 1 марта 1888 г.*

..Очень мы все порадовались за Васнецова. Беседуя о Передвижной, мы делали предположения, кого выберут в члены, и я предполагала Аполлинария. Со мной соглашались, и вот предчувствие сбылось. Если увидите его, то поздравьте от меня. Еще порадовали Вы меня известием

о Рафаиле Серг[еевиче] — я его очень люблю — он сердечный человек, и рада, когда ему улыбается судьба. У нас последние дни все благополучно, и Василий как-то получше, надолго ли — неизвестно. Вчера Савва привез каталог, и Василий читал речь Мясоедова — остался ей очень доволен..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — И. С. ОСТРОУХОВУ

* *Москва. Март 1888 г.*

Пожалуйста, не подумайте, Илья Семенович, что мое долгое молчание продиктовано черной неблагодарностью. Давно поблагодарила бы Вас за поклон, за память и за картинки с архитектурной выставки, но дело в том, что письмо Ваше Нат[алия] Вас[ильевна] получила в самый момент моего отъезда в Абрамцево, и я, уезжая, не знала даже, что они (Ваши два рисунка) предназначаются мне, успела только узнать судьбу экспонентов и уехать. Уже возвратясь, узнала обо всех подробностях,— но лучше поздно, чем никогда,— большое Вам спасибо. В Абрамцеве было удивительно хорошо, хотя работать за холодами не было возможности. Но зато можно было наслаждаться и мечтать о весне и, так сказать, предвкушать прелесть первой весенней работы на воздухе, чему я и предавалась всей душой..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 25 марта 1888 г.*

..Я работаю сказки. У меня их теперь сделано пять начерно, а начисто еще ни одна не кончена.. Четверги идут все более и более оживленно. Последние два раза позировала группа из трех мальчиков итальянцев. Ободранные шарманщики, ужасно живописные и веселые ребятишки. В промежутках они играют и поют свои народные песни и этим еще придают оживление собравшемуся обществу..[10]

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 10 апреля 1888 г.*

..Сегодня мы похоронили Елизавету Августовну Сурикову. Она скончалась в пятницу в два часа дня, а мы узнали только в субботу вече-

ром. Лев Николаевич [Толстой] прислал свою дочь [Татьяну Львовну], и она увезла Василия к Сурикову. Лев Николаевич спросил Вас[илия] Ив[ановича], кого бы он желал видеть, он указал на Василия. Василий просидел у него до двенадцати часов ночи, а вчера утром я поехала к нему и провела с ним несколько часов. Он до того жалок, до того убит, что как ребенка жаль его. Со мной он много плакал, временами приходил в страшное отчаяние, но под конец стал спокойнее и все не отпускал меня. К счастью, накануне ее смерти приехала из Питера ее сестра, вдова Кропоткина, на ее руках и скончалась Елизавета Августовна. Она очень напоминает сестру. Дети любят ее и не отходят теперь от нее. Она на днях уедет, и не знаю, что будет дальше. Вероятно, в силу обстоятельств и он уедет в Питер. Вчера целый день кто-нибудь из нас был у него, а вечером мы еще вместе поехали к нему, а это такая даль, так что теперь я чувствую большую усталость. Она страшно изменилась.. Сегодня мы похоронили ее на Ваганькове, очень близко от нас. Так его жаль, что просто не знаешь, как ему помочь. Хоть ему и очень не хочется в Питер, а по-моему, другого исхода ему нет. Он теперь в первый раз узнал, что есть горе на свете, как будто вдруг прозрел, и страшно теперь упрекает себя в том, что не берег ее. Все твердит: «Я одно доброе дело сделаю в память ее, да, сделаю,— всем мужьям буду говорить: — берегите вашу жену — я не берег, и что же я теперь»..

Архив Поленовых.

ГЛАВА VII. 1888 год

В. Д., Е. Д., Н. В. Поленовы, М. В. Якунчикова, К. Коровин, Остроухов, Серов, Нестеров, Левитан в Жуковке. Поездка Е. Д. Поленовой в Кострому.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Жуковка*] *12 июля* [*1888 г.*]

Приехала я в Жуковку и застала такого рода компанию: Василия с пальцем, прожженным ляписом чуть не до кости, Наталью в хорошем духе, веселую и даже работающую, Машу в ожидании меня и чающей с моим приездом получить полное художественное вдохновение. Уж показала мне все места, которые она для меня облюбовала, будем писать их

вместе. Места, правда, очень хорошие.. Живет здесь совсем на все лето Коровин и много работает: гостит второй день Семеныч и тоже работает. Петр Ант[онович Спиро] и Сергей [Спиро] в Москве, я встретила их в Мытищах. Приехала я в пятом часу, пили чай. Потом все.. отправились на так называемые «бугры» на этюд. Это на правом берегу Клязьмы, версты четыре от Жуковки, удивительно красивое место. Там мы писали впятером: Василий, Коровин, Семенович, Маша и я до самого заката..

Жуковка. 22 августа [18]88 г.

..К нам приехал Нестеров.. прожил он у нас два дня и произвел на нас очень хорошее впечатление. Написал два этюда. Один с меня на «буграх», другой пейзаж. Оба оставил в подарок хозяевам за гостеприимство. Особенно всем нравится мое изображение. Он еще сильно жалуется на приступы тоски, но вид у него несравненно лучше, да и сам он сознает, что физически он стал совсем здоров. Говорит, что много и бодро работал, словом,— приятно слышать, что человеку стало лучше и полнее житься, чем месяца два назад.

Наша жизнь в Жуковке в общих чертах все та же самая. Все мы много работаем, я опять чувствую себя сильно в ударе. Веду рядом работу по живописи и те этюды по народной литературе, о которых говорила тебе. Недавно стала ходить в деревню с этой целью. Сначала заставила болтать ребят, а теперь попала на старика, который упросил меня написать его портрет. Я согласилась. Во время сеанса он сидит, как манекен, так старается, а во время отдыха я заставляю его сказывать сказки, а сама записываю. Очень это увлекательно. Старик в таком восторге от своего портрета, что после первого сеанса вдруг — бух — мне в ноги..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

Жуковка. 25 июля 1888 г.

..Ты пишешь, чтобы я делала как мне удобнее, а мне удобнее будет двинуться в августе. Не говоря о том, что теперь в Жуковке я попала в компанию на редкость художественную, нас на этюд ходит шесть человек. Из всех живущих только один не занимается искусством и тот музыкант и поет [П. А. Спиро]. Работы идут недурно, могу много набрать материала для зимы, а ты пишешь, что у вас в Костроме для меня мало художественного материала. Я приеду в августе, т. е. поднимусь из Жуковки, когда уже исчерпаю то, что представляет художественную пищу: жуковская природа и собравшееся в Жуковке общество. Здесь живет К. Коро-

вин, приезжает часто Остроухов, живет Наташина сестра — художница. Василий много работает, словом, есть у кого поучиться и нужно пользоваться этим[1]. Много у меня здесь начато этюдов. Задумано кое-что, только теперь начинаю чувствовать, что рука расходилась..

* *Жуковка. 22 августа 1888 г.*

..вот и август начинает кончаться, а я все еще захлебываюсь работой в Жуковке. Погода стоит чудная, компания продолжает быть ужасно вдохновительная, на днях к ней еще прибавился Нестеров, тот самый молодой художник-страдалец из породы Claude Lantier [Клод Лантье][2], о котором я тебе рассказывала. Он много и серьезно работает нынешнее лето. Более собой доволен и окреп и поправился физически, но нравственно все такой же нервно-ненормальный. Интересный субъект.. Все продолжают работать с удивительным воодушевлением и энергией. Об результатах, разумеется, говорить надо после. К сожалению, бывает и так: работаешь, кажется, отвратительно, а поглядишь — и сделал кое-что. А в другой раз — и много, и в данную минуту удовлетворен, а смотришь: в итоге очень мало двинул дело. Такое уж это наше ремесло капризное. Но во всяком случае самое ощущение ужасно хорошее, когда работается оживленно и с верою в результат. У меня в настоящее время зарождаются новые планы, для новых работ и для осуществления их я сильно рассчитываю на поездку в Кострому и на твою помощь. Но об этом после, лучше всего при свидании, кот[орое] теперь будет, надеюсь, скоро. Как бы мне хотелось разорвать себя на две части — одну оставить в Жуковке, а другую — в Кострому, для начала новой серии, которая, мне почему-то кажется, именно там может быть осуществлена..

Архив Поленовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Киев. 19 сентября* [*1888 г.*]

..Работы Васнецова меня ужасно удовлетворяют, могу только одно сказать: ужасно гармонично. Когда снимут леса, должно быть, будет очень величественно.. Больше всего нравится Матерь божия с херувимами и русские святые. В настоящее время Виктор Мих[айлович] делает эскиз Страшного суда — очень хорошо. Этот Страшный суд и Крещение Руси задержат его в Киеве еще лишних два года. Считает, что работы ему здесь еще года на четыре. Я совершенно понимаю его радость от работы, нежелание ее отдать в другие руки. Вообще настроение у него чудесное — творит человек и верит в свое творчество..

Киев * *23 сентября* [*1888 г.*]

..В соборе Владимира была еще раз. Открывали Христа в куполе. Работы Васнецова можно сравнить с чудным, могучим, гармоничным хором, поющим хвалу Богоматери, и только при этом хоре она сама становится вполне понятна — она скромная, не принимает этой хвалы себе, а подает поющим своего сына. Весь орнамент, все эти разнообразные цветы и растения на золотом фоне только еще более усиливают общее впечатление. Хорошо, очень хорошо! Обидно ужасно, что храм так построен, что нет места, откуда можно будет видеть общее. Тогда, мне кажется, можно будет еще меньше получить общее впечатление, чем теперь с лесов. Кроме того, большая часть живописи покроется этим безобразным мраморным киворием. Вообще все, что Прахова, очень не интересно. Васнецов страшно воодушевлен, у него масса эскизов еще не исполненных, и все ужасно интересно. Он забирает все еще и еще работы, которая, по-видимому, оплачивается плохо, говорит, что, пожалуй, придется уехать с долгами..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Кострома. 16 сентября 1888 г.*

..Приехала в Кострому, город этот — ужасно симпатичное русское захолустье. Через Волгу переезжала на пароме с огромной партией арестантов. Тут и женщины, одна с грудным ребенком, мальчик лет двенадцати в арест[антском] халате и такой, точно игрушечный, арестант, оборванный немец в круглой шляпе. Самый паром так напомнил детство. Те времена, когда приходилось ездить в Имоченцы сухим путем. Только у парома отнята половина его поэзии тем, что его на буксире тянет пароход. Здесь застала всех более или менее здоровыми, очень довольными и одинокими.. Пока прощай. Будь милая, напиши, что в Жуковке делается. Уж очень как-то сжилась — скучно ничего не знать. Не поленись, пожалуйста. Прощай, всем поклон. Как идут работы у художников? Начала ли Маша свою дорогу с рябинками? Что твоя лодка? Что чайный стол? [3] Что Христос с Коровинским лбом? [4]..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Жуковка. 20 сентября 1888 г.*

..Коровин со мной вместе ездил в Москву и до сих пор еще не возвращался. Пускай его немного погуляет, только бы вернулся кончать «стол».

Последний день он писал Машино платье с манекена и очень хорошо, только не кончил. Кроме того, Василий все ему устроил, чтобы писать большую картину с Веры, он пришел в восторг, уехал в Москву за подрамком и пропал. Маша занята приготовлением к путешествию. Устраивает акварель, шьет футляры, несессеры, словом, в восторге. Я привезла ей из Москвы разных клеенок, парусин, тесемок, и она изобретает.

Хотим теперь читать Тэна, благо нет Коровина, который по-французски не понимает..

21-го [сентября].

Сейчас вернулся Коровин.. В восторге от Серова лично, ужасно ему понравилось его настроение, как жениха. Он уже объявил, женится скоро и едет в Киев работать в соборе..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Кострома. 23 сентября 1888 г.*

..Ужасно радуюсь, что у Коровина продолжают ладиться его работы. В его лодочную картину [5] я, правду сказать, не очень-то верю. Мне кажется, мало у него для нее материала. Хоть бы чайный стол-то он кончил..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Жуковка. 29 сентября 1888 г.*

Дорогая Лиленька, и рада была бы почаще тебе писать, но просто не выберу времени, у меня сейчас три этюда в работе и из них не знаю, который больше люблю. Все еще не докончены, но кажется, что будут удивительные, а что из них выйдет, еще бог весть. Все время стояла чудная погода — теплота и красота. Только сегодня подул ветер и стал сдувать клены, так что приходится нервно скоро работать.. Маша сегодня уехала, а за границу уезжает в пятницу. Очень воодушевлена своей поездкой. Мы ей по Бедекеру отметили все самое интересное. Едут они в Абаццию, Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, Марсель, Париж и домой. Таков план, но осуществится ли он вполне — не известно. Коровин работает все с таким же жаром и уж наметил себе двадцать пять картин, которые должен исполнить к рождеству..

* *Жуковка. 7 [октября] 1888 г.*

Дорогая Лиленька, кое-как намазала тебе от себя подобие того пейзажа, который единственный в этом году мне удалось довести до конца[6]. Василий и Коровин хвалят, а мне вначале страшно нравился, а теперь, что кончен, совсем опротивел. Впрочем es ist eine alte Geschichte [это старая история]. Мы все еще в Жуковке, решаем теперь переехать на будущей неделе, т. е. от 12-го до 15-го октября, но если погода будет стоять такая, как сейчас, то едва ли это осуществится. Второй день что морозно. Ночью было 4 градуса мороза, но ясно, тихо — просто восторг. Коровин захлебывается, о Москве и не думает. Дрызгает во всю мочь, а подрызгавши и прозябши, идет стрелять дроздов..

Архив Поленовых.

ГЛАВА VIII. 1888—1889 годы

Е. Д. Поленова руководит абрамцевской мастерской. Работа над картиной «Шарманщики». Керамические четверги. Конкурс в Обществе любителей художеств. Картины Е. Д. Поленовой, Иванова, Архипова, Остроухова, Нестерова, Пастернака на Передвижной выставке. Поездка В. Д. Поленова с К. А. Коровиным на Оку.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *[Москва] 13 ноября 1888 г.*

..Вчера мы все собрались к С. М. Третьякову [1]. Какие у него есть хорошие вещи из новых и из старых, но до чего в его галерее понимаешь, под каким сильным влиянием французов работает Антон [В. А. Серов]..

* *Москва. 20 ноября/2 декабря 1888 г.*

..Я очень энергично и много и с удовольствием работаю. Написала я на прошлой неделе эскиз [2], который в четверг вечером, когда собралось много художников, был очень ими одобрен. Это, конечно, придало мне смелости и еще поддало жару. Теперь пишу с него картинку, хотелось бы выставить ее на Периодическую, если успею кончить к концу декабря.

На прошлой неделе у нас состоялся первый керамический четверг. Собралось много народа. Был и твой Дрей [А. С. Мамонтов], только не хотел работать. Говорит: «первый раз посмотрю». Потом эскиз хотел сделать. «Тогда, говорит,— уж буду писать». Нас было за чаем четырнадцать человек. Но работали только пятеро. Я не могла работать, потому что пришлось показывать приемы. Семеныч взял на себя хлопоты по обжогу. Наташа усердно посещает школу свою. Вчера приходил Философов и звал нас на субботние вечера в училище. Вероятно, будем там бывать, теперь это очень близко [3]. Словом, зима эта принимает характер исключительно художественный.

* *Москва [24 ноября 1888 г.]*

..Давно не запомню, чтобы работала с таким огромным увлечением, как это время. Сегодня писала с натуры этюды фигур для моей картинки, и, как всегда при работе с живой натуры, все внутри стало трястись.. Вечером была керамика, пришло мало народа, Дрюша не был, но занимались дельно. Кажется, очень симпатичный малый Пастернак, даром, что смешная у него кличка. Для нашего художественного кружка это еще в том отношении находка, что не здешний, кроме того, очень образованный человек. Чувствуешь в нем университетское образование, а в живописи Мюнхенскую школу. Все это придает ему большую интересность и новое содержание..

* *Москва. 30 ноября/12 декабря 1888 г.*

..В эту субботу была в первый раз в школе * и работала. Очень мне там понравилось. Что-то такое дельное, серьезное, просто прелесть, как мило. Видела там Нестерова, который много об тебе расспрашивал. Просил тебе кланяться и все мечтает побывать в Риме, когда ты еще там будешь.. Сегодня я была у Нестерова, он переделал свою картину по нашим замечаниям, и стало гораздо лучше. Послезавтра он собирается в Уфу на полтора месяца. Увозит с собой своего «Пустынника», для которого у него сделан превосходный этюд первого плана. Такой этюд, что просто не верится, что это он такую сильную вещь мог сделать. Думает из Уфы проехать в Питер, а оттуда в Рим.

Ты спрашиваешь, ..что я работаю — не сказку ли? — Нет, не сказку и вот почему: издавать у меня денег нет, а впустую работать не охота. Текстами займусь, но до сих пор не добралась до них — все некогда.

* Училище живописи, ваяния и зодчества (субботние вечера).

А главное, отбивает от них охоту заниматься то обстоятельство, что применить их к делу не приходится или, по крайней мере, отошло в далекое будущее, когда кто-нибудь из нас разбогатеет..

** Москва. 3/15 декабря 1888 г.*

..Все эти дни идет у нас горячка с производством. Как всегда в это время масса требований на те вещи, которых нет, и такое желание, чтобы было побольше и поскорее, чтобы собрать деньги, которых не хватает..

В четверг (1 декабря), когда мы с В[ерой] Ив[ановной Ершовой] устраивали выставку, приехала барыня, которая мне показалась незнакомой, так что, к моему великому стыду, она должна была себя назвать, оказалось, что это была Нарышкина, жена обер-гофмейстера. Она заказала много вещей на восемьдесят с чем-то рублей и потом обратилась ко мне с такою просьбой: сделать ей у нас тридцать рамок для зеркал размером вершка в четыре с ручкой для котильонной фигуры ее бала. Она раз в год дает в Питере бал. Зеркала должны быть: пять штук очень нарядных для государыни и великих княгинь, остальные двадцать пять попроще. Я не обещала, но сказала, что подумаю. И теперь, ввиду наших малых доходов, решила поступить так: приготовлю я несколько рисунков и скажу Нарышкиной, ..что вообще заказов на *несуществующие* у нас типы мы не берем, так как они обходятся заказчику очень дорого, а нам они неудобны. Но для нее я, так и быть, могу сделать исключение и, если она захочет заплатить по пять рублей за нарядные и по три рубля пятьдесят копеек за более простые рамки, то я принимаю заказ. Если она согласится, то заказ этот будет нам выгоден и даст денег, которых в нынешнем году все-таки мало, вследствие того, я полагаю, что вещей заготовлено не достаточно много. Одобряешь ли ты.. мои распоряжения? Уж очень мне бы хотелось, чтобы во время моего управления производством наши дела не хуже шли, чем прежде. Не знаю, удастся ли.

Остальные дела идут помаленьку своим чередом. Керамические четверги, кажется, очень всех интересуют. По утрам я работаю к выставке картинку, только, кажется, не кончу, все с натурщиками незадача. До сказок все еще не добралась.

Москва. 7/19 декабря [18]88 г.

..Картинка моя представляет улицу, т. е. не улицу, а переулок — был снег, потом оттепель, стоит месиво, лужи, вдали разорвались тучи (дело под вечер), на небе желтый просвет и несутся облака, а на первом плане идет семья итальянцев-шарманщиков: отец, мать и трое ребятишек. Мне

хотелось кончить эту картину к выставке Периодической, т. е. к концу декабря. Кажется, не успею. Это время очень много дела с производством. Занимаюсь им по вечерам. В склад езжу в сумерки. На этой неделе наторговали мы на 209 р[ублей] 75 к[опеек]. Конечно, было бы еще больше, если бы можно было.. последить на месте, но я надеюсь, что декабрьская продажа не будет хуже прошлогодней..

** Москва. 8/20 декабря 1888 г.*

..Получила твое письмо от 1/13 декабря с вопросами насчет выставки и продажи. Время у меня производство берет, конечно, очень много, но не отнимает почти от дневной работы. Я уже писала тебе, что административной части я определила сумерки, а художественной по производству — вечера. Зато страдает от этого дело сказок, хотя я не особенно об этом и плачу — во всяком случае сейчас издавать их я не буду, значит, это дело хотя и очень для меня интересное, но не безотлагательное..

Сегодня была суббота в школе. Я была в ударе, работалось недурно, и во время антрактов ученики, как мухи на варенье, набрасывались на мою акварель. Завтра воскресенье и конкурс. Не буду запечатывать письма, чтобы сообщить результат его.

Сегодня состоялся конкурс на Дмитровке. По портрету Антон получил единственную «портретную» премию размером в двести р[ублей]. За жанр первой премии не дали никому. Вторую получил Коровин (Конст[антин] Ал[ексеевич]) за «Чайный стол». Третью — Орлов за картину «Смотрины невесты». За пейзаж — первой опять-таки не получил никто, вторую получил Левитан. Третью получил тоже Коровин (К. А.). Вот тебе результат конкурса.., которого ты требовала.. [4].

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 11 декабря 1888 г.*

..Сегодня [Василий] в сильно возбужденном состоянии, принимал участие в jury [жюри] по случаю конкурса на Дмитровке. Антон получил премию за Верушкин портрет, Коровин — за «Чайный стол» и за пейзаж. Ужасно счастлив и радуется их радостью..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* [*Москва*] *11 декабря 1888 г.*

..Мои занятия распадаются на дневные и вечерние. Днем я работаю, пишу картинку маслом, хотела поставить на Дмитровку к праздникам, но не поспею. Другие масляные вещи, сама я вижу, слишком слабы, чтобы с ними дебютировать. Та, кот[орую] пишу теперь, многим из художников очень нравится. Все в один голос просят не торопиться, не комкать ее, лучше пожертвовать этой выставкой, но сработать как следует. К утренним занятиям относятся и сказки, но их это время мало работаю — уж очень увлекаюсь картинкой.. К вечерним занятиям я отношу производство, кот[орое], в добрый час сказать, идет превосходно. Из новых типов удались почти все и вмиг были расхватаны, и получилось много заказов на них,— только поспевай. Художественной частью производства я занимаюсь вечером, а административной в сумерки, а раз в неделю езжу в Абрамцево.

Четверги у нас устроились керамические — бывает очень много молодежи. Сами они пожелали этого, и до сих пор еще дело идет с большим оживлением. Кроме того, я посещаю акварельные субботы, которые устроились в Школе живописи и ваяния для учеников и художников,— своего рода костюмный класс. Все это не только наполняет, но переполняет время, так что даже днем бываешь очень усталой.

Друзья мои процветают, из нашего кружка трое на днях получили премию в Обществе любителей: Коровин, Серов и Левитан. В кружке нашем прибыло два новых члена художника. Один совсем не московский, одесский, кажется, еврей, хотя выдает себя за португальца, во всяком случае, очень красивый молодой человек. На днях возвратилась из-за границы Маша Якунчикова. За Машу очень страшно, такая она худая, нервная, бледная, со спинными болями.. А на остальных только бы радоваться — она одна омрачает картину. Здоровье Наташи гораздо лучше, даже лучше, чем когда-либо было. Словом, зима идет недурно, жаловаться нечего. На днях послала несколько своих акварелей на выставку в Ригу..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 18/30 декабря 1888 г.*

..В понедельник была Нарышкина. Взяла все заказы, расплатилась и заказала зеркала. Очень я этому рада. Сильно надеялась этим заказом

покрыть долги. Теперь в течение праздников сделаю рисунки зеркал, а как только откроется мастерская, начнем их исполнять. Я хочу за тридцать зеркал взять с Нарышкиной сто тридцать рублей, а считаю, что нам они будут стоить не более тридцати р[ублей]. По мере того, что буду делать рисунки, буду посылать тебе рисуночки, чтобы ты знала, какие они будут..

Четверг. ..Сегодня достала себе итальянку и маленького итальянца и писала свою картинку. Теперь ты, наверное, давно получила письмо с картинкой. Не знаю, заметишь ли ты, и, вообще, довольно ли выражено, что сцена происходит не ранней весной, а, напротив, поздней, дождливой и холодной осенью.

Сегодня был четверг. Керамикой бросили заниматься, а вместо художественного занятия золотили орехи для елки Мите и Кате. Наташа хочет на елку позвать Суриковяток [5]— вряд ли у них будут веселые праздники..

** Москва. 26 декабря 1888 г.*

..Встретили мы праздники весело. Была елка, на которой особенно весело было девочкам Суриковым, впрочем, и свои Катя с Митькой тоже очень наслаждались. Из больших детей, кроме В[асилия] Ив[ановича] Сурикова, был приглашен Всеволожский. Получил в подарок картинку и книжку, которую нам же будет читать по вторникам. Радости его не было конца. Я тоже получила хорошие подарки: мольберт очень удобный, а то у меня совсем не было хорошего, и это мне даже работу тормозило, и потом мою любимую из иллюстраций Daudet [Додэ] «Trente ans de Paris» [«Тридцать лет Парижа»]. Вчера, чтобы убить длинный праздничный день, ездили мы с Натальей на обе выставки: на ученическую и на Дмитровку. Выставки очень хорошие в этом году, много свежего, искреннего. Сегодня были разные гости, я сидела дома, между гостями работала, а Наталья сейчас приехала сияющая с ученической выставки — продала свою картинку и, главное, чужому..

В вечера, свободные от чтений и от четвергов, я, наконец-то, добралась до сказочных текстов. Теперь буду переделывать «Морозку» по новой костромской редакции. А если к марту получу те доходы, которые сулит мне в нынешнем году брат Константин, то можно будет и к изданию приступить..

Картинка моя страшно меня интересует, люблю ее очень, просто не запомню, чтобы свою художественную работу так любила, как ее теперь люблю. Хорошо ли она идет, худо ли — совсем не могу судить. Слишком горячо к ней отношусь и в горячке этой не могу разобраться..

Архив Мамонтовых.

К. А. КОРОВИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Рим. Декабрь 1888 г.*]

Многоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич, как хороша скульптура Ватикана! Просто я в восторге. Мы, Савва Иванович и я, больше похожи на зайцев, чем на сколько-нибудь приличных путешественников. Мы уже едем дальше, опять в Милан. Быстрота железной дороги, тряска поезда, бессонные ночи по приезде в город делают из меня идиотика. Вот и сейчас пишу Вам письмо из почты, и то почти на ходу. Я не только работать, но и видеть-то почти ничего не успел. Был у Сведомских, они просили меня остаться на Новый год, но увы! Работы их мне не очень понравились. Так как я надеялся работать, все разбивается при действительности, я ничего, видно, не сделаю.. Античная скульптура просто поразила меня. Я даже не представлял себе ничего подобного. Живые, совсем живые! Да какие хорошие!

Ваш всегда преданный *Конст. Коровин.*

Третьяковская галерея.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 31* [*декабря 1888 г.*]/*12 января* [*1889 г.*]

..Коровин тут написал несколько этюдов, но очень наскоро. Его Савва Иванович совсем затормошил. Заставляет постоянно работать, а тому хочется смотреть, вот он, бедный, совсем сбился, не знал все время, что ему делать. Меня поразило его полное незнание истории. Он такие слова, как Палатин, Форум, видимо, слышал первый раз. Думаю, что подобные путешествия ему только вредны, а никак не полезны. Теперь они отправились в Париж на такой же срок. Опять все время будут тормошиться..

* *Рим. 6/18 января* [*1889 г.*]

..На этот раз могу сообщить тебе кое-что по художественной части. Вчера я была в обществе художников на выставке. Почти что не на чем остановиться, про содержание и говорить нечего, все то же, что пятнадцать лет назад было, да и по технике ничего не выдается. Затем была у Сведомских. У Павла стоит огромный холст. Действие происходит во время французской революции. Группа аристократов убегает от преследования народа. На первом плане лежит молодая женщина в роскошном костюме, по-видимому, только что убитая. Готовит он эту картину к Парижской выставке, работы за ней еще очень много, а пока еще общее

место. А у Александра так и совсем не интересно: ворота Этрусского города, из которого выезжает войско,— это заказ Терещенко. Была еще у двух русских скульпторов — и у того и у другого получила большое удовольствие, особенно у Беклемишева, про которого я тебе, кажется, уже писала. Это человек положительно талантливый, с хорошими стремлениями. Он лепит фигуру жрицы, защищающей свое божество, статую Минервы. Фигура очень выразительная, полная убеждения, в ней много движения, энергии, вообще хорошо. Чувствуешь, что у человека не только руки, но что он весь работает, живет своей работой и идеей, которую вкладывает в нее. Другой скульптор Залеман вылепил Кентавра, защищающегося в битве, около него лежат два трупа, скованные с ним цепями. В фигуре много силы, но лица еще нет, так что окончательного суждения еще нельзя иметь. Есть тут и несколько живописцев молодых. По фамилиям знаю Лосева и Киселева..

** Рим. 10/22 января [1899 г.]*

..Живем мы теперь далеко не так одиноко, как первые месяцы.. Русских оказывается все больше и больше. Много молодежи и очень симпатичной, конечно, все больше художники, есть и девушки. Две присланные от школы Штиглица. Все они скучают и ужасно стремятся сплотиться в одно общество, но не знают, с чего начать и где собираться. Я предложила устроить вечер с чтением, рисованием, лепкой, музыкой и т. д., одним словом, кто во что горазд, а я беру на себя чтение. За мысль эту ужасно ухватились и, вероятно, будем собираться раза два в неделю. Читать буду все, что здесь найдется интересного, конечно, больше перечитывать старое. Девочки мои тоже готовят себе работу для этих вечеров. Вера — резать по дереву, Шурка — лепить из глины под руководством Беклемишева..

** Рим. 11/23 января 1889 г.*

Не успела вчера кончить письма, увлекли меня смотреть в компании Сару Бернар. Возвратилась из театра с тяжелым чувством, а художественного удовольствия не получила,— больше не пойду ее смотреть, не понравилась она мне. Чем ближе всматриваюсь я в жизнь и искусство здесь, мне наше русское все симпатичнее и симпатичнее становится.

Не правы Соловьев и компан[ия], утверждающие, что Россия уже все сказала. Нет, у нас еще гораздо больше материала в задатках, чем у них, мы еще ближе к истине, чем они..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва*] *8 января 1889 г.*

..Все это время главным образом занималась сказками. Писала тексты, прилаживала их к картинкам и отчасти картинки меняла для новых текстов. Например, в «Морозке» на 3-ей картине, где приходит сам Мороз, я его сделала стариком с бородой, соответственно костромскому тексту. Теперь принялась разрабатывать «Иванушку-дурачка» по абрамцевскому тексту, который для моей цели оказался даже гораздо удобнее афанасьевского, он короче, более сжатый и поэтому его несравненно легче подгонять к картинкам. Это мое вечернее занятие, в те вечера, когда нет гостей. Во время же чтений я все работала рисунки зеркал нарышкинских, а когда Семеныч приезжает, делаем керамику. Не помню, писала ли я тебе, что в последнем обжоге одно мое блюдо вышло очень удачно, всем нравится. Семеныч сейчас же намекнул, что не мешало бы ему его пожертвовать, и немедленно получил его в подарок. На днях были опять в театре, смотрели опять Цукки. Опять очень она нам понравилась, еще больше, чем в первый раз. Давно театр не давал мне такого сильного художественного впечатления, как тут..

* *Москва. 15 января 1889 г.*

..Все это последнее время я работала и картинку и сказки. На днях Всеволожский явился с разными сведениями из типографий и литографий. По его словам судя, издание это не должно обойтись очень дорого. На днях должны делать пробы шрифта, бортиков, а потом и картинок, но для этого мне придется сделать увеличенные картинки и черным способом. Ужасно он хлопочет об этом издании. Сам предложил мне взять все хлопоты, всю скучную часть на себя. Те сведения, которые он доставил, очень оказались интересными. Принес разные способы окрашивания механическим способом и т. д. Думаю начать с «грибов»..

Архив Мамонтовых

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 18/30 января* [*1889 г.*]

..Чудное впечатление получила я на днях, так хотелось, чтобы и ты в это время была со мною. Художник Рейман, живущий здесь уже лет двадцать, работавший очень много в катакомбах, предложил показать нам катакомбы Домитиллы, куда вообще публику не пускают. Вот в воскресенье мы и были там и получили такое полное, чудное, прямо художествен-

ное впечатление, какие редко выпадают на долю. Представь, что мы проходили в катакомбах более полутора часа и совсем не заметили времени, так подпали под настроение, что жаль было выходить на свет. Нас было двенадцать человек, все со свечами, что производило необыкновенное впечатление. Мы во многих местах нарочно останавливались и группировались так, чтобы получить известный эффект, и действительно получали его. Эти катакомбы далеко не так опустошены, как те, в которые постоянно водят путешественников, есть крипты, почти совсем сохранившиеся, чувствуется жизнь, и невольно проникаешься настроением душевного мира, некогда царившего здесь. Есть, например, алтарь с оставшимися светильниками на нем. Колодезь со скамьями вокруг, куда приводили для крещения новообращенных, и т. д. Много очень наивных фресок. Все так остались довольны этой поездкой, что решили каждое воскресенье отправляться всем вместе и под чьим-нибудь руководством что-нибудь осматривать.

Вчера в первый раз собирались у нас вечером. Я читала Гоголя, потому что никакой другой книги не могли еще пока достать. Общество разделилось на две части. Беклемишев принес глины, и к нему присоединилась.. Шурка, и у них так удачно пошло дело, что в следующий раз Беклемишев обещал принести маску, с которой они будут лепить. Сам он под впечатлением катакомб сделал голову мученицы. За другим столом шло рисование друг с друга и целых групп — здесь участвовали Киселев и две Штиглиц[евские] барышни. Одна из них очень мило набрасывает..

* *Рим. 22 января/3 февраля* [*1889 г.*]

..Все больше и больше ознакамливаемся с живущими здесь русскими. Все-таки самый интересный и симпатичный — Беклемишев. Это на редкость чистой души человек и с высоко нравственными идеалами, работа его больше всех интересует меня, и я часто захожу в его мастерскую. Здесь художники делятся на две партии и зовут себя по улицам — Маргутские и Систинские. Первые — это Сведомские и комп[ания]. Вторые — Риццони, который впрочем держит себя в стороне, затем — Лосев, который составляет центр другой партии. Сам он художник-труженик, но не из талантливых, у него очень хорошая мастерская, молодежь больше и собирается у него. По воскресеньям приходят писать масляными красками с натуры.

* *Рим. 23 января/4 февраля* [*1889 г.*]

Вчера не успела дописать письма, было воскресенье, и весь день прошел на народе. Утром ходили к обедне, встретили знакомых и сговорились поскорее позавтракать и отправиться на Via Appia nuova

[виа Аппиа нуова]. Беклемишев хотел там показать колумбарии знатных римских фамилий. День был хороший, хотя в Кампании ветреный. Собралось нас на этот раз меньше — девять человек. Колумбарии и гробницы действительно оказались очень интересные, совершенно сохранившиеся, с необыкновенно тонкими барельефами и красивой раскраской..

* *Рим. 26 января/7 февраля* [*1889 г.*]

..Был у нас второй вторник, читала я на этот раз «Певцы» Тургенева и некоторые стихотворения в прозе. Книги достала у дьякона. Барышни, Лосев и Киселев рисовали присутствующих, Вера лепила голову собаки, Шурка — лисицы, а Беклемишев — Веры. Во время чая завязался очень живой разговор, и все вечером так остались довольны, что просили: нельзя ли собираться еще раз в неделю. Я охотно согласилась, и теперь к нам еще будут приходить по четвергам. Закон наших вечеров — приходить в семь с половиной часов и оставаться не позднее десяти с половиной. Одна из барышень — Ободовская — очень талантливая и умная, другая будет попроще. Они обе копируют орнаменты, одна в Ватикане, а другая где-то в библиотеке. По воскресеньям пишут с натуры у Лосева в мастерской..

Архив Мамонтовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва* [*январь 1889 г.*]

..Теперь я работаю сказку с грибами черной тушью в увеличенном виде, чтобы с этого уже издавать. Должно быть, очень скоро кончу и тогда приступлю к печатанью. Немножко страшно, но в то же время очень весело будет..

* *Москва. 4/16 февраля 1889 г.*

..Здесь в настоящее время между художниками идет ужасная горячка. Подходит время Передвижной выставки. Приехал Нестеров, привез своего «Пустынника». Написал его много лучше, чем первый был написан, тем не менее очень собою недоволен, первое время после приезда был ничего себе, а теперь, говорят, ужасно стал мрачный опять. Чудную вещь и по замыслу и по исполнению написал Пастернак. Давно я не получала такого сильного и глубокого впечатления, какое мне дала, сверх всякого ожидания, его картина [6]. Сцена происходит в казарме. В углу на койке лежит

солдат и покуривает, от него стелется синий дымок папиросы. В ногах у него сидит солдатик, совсем молоденький, рябой, очень симпатичный, тихий и грустный, в руках он держит распечатанный конверт. Он, видимо, получил письмо из далекой родины, может быть, первое письмо... Он неграмотный и дал товарищу, третьему солдатику, тоже молодому, тоже симпатичному, с трудом, по складам разбирающему писаное, прочесть ему это письмо. Он слышал только первые строки и уже унесся воображением куда-то вдаль и не видит и не слышит того, что делается рядом. Очень, очень хорошо.. Тебе, наверное, уже писали мальчики, что возвратились Савва Ив[анович] и Коровин. Коровин привез из Испании несколько неважных этюдов и одну превосходную картинку [7]. Сегодня с Машей Васильевной ездила к Семенычу. Там же работает и Левитан. Есть у них хорошие вещи, но не то, далеко не то..

* *Москва. 12/24 февраля 1889 г.*

..Вчера по совету Наташи я решилась на довольно рискованное предприятие: окончила свою картинку —«Итальянцев» и хочу послать на Передвижную. Завтра пошлю и после этого целую неделю буду в ужасном положении. Хорошо как примут, а вдруг выгонят. Ну, что будет, то будет, а все-таки попробовать надо. Вчера совсем неожиданно приехал к нам Антокольский. Говорил, как всегда, очень много и интересного много привез с собою и живого, расшевеливающего. Меня похвалил (чему, конечно, я рада очень) и за картинку и за сказки, которые видел в первый раз..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — И. С. ОСТРОУХОВУ

* [*Москва. Февраль 1889 г.*]

Многоуважаемый Илья Семенович! Мне передал Вас[илий] Дм[итриевич], что Вы настолько любезны, что беретесь доставить мою картинку на выставку. Посылаю ее к Вам и прилагаю название ее и проч]ие] атрибуты. Не воображала себе, что буду так волноваться из-за этого. До свидания. Искренне Вас уважающая

Е. Поленова.

Название картины: «Шарманщик», цена двести пятьдесят р[ублей]. Москва, Кривоколенный переулок, д[ом] Фроловой.

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 15/27 февраля 1889 г.*

..Сегодня отослала восемь штук акварелей на очередную акварельную выставку. Не знаю, писала ли я тебе, что Третьяков купил у наших приятелей их картины и этим сделал двух вполне счастливых людей. Он купил картину Пастернака и нестеровского «Пустынника». Особенно счастлив этим Нестеров. Он, было, совсем приуныл, особенно после посещения Сурикова, которому его картина совсем не понравилась. Он купил еще «Весну» у И[льи] Семеновича, но о впечатлении этой покупки я не знаю, так как это случилось перед самым его отъездом в Питер, и я его уже не видала после этого. В нынешнем году из Москвы, говорят, поехало более двадцати картин экспонентов на Передвижную. Пятеро, я знаю, в первый раз, и, кажется, все порядком волнуются, но я думаю, что я — больше других. Ну, увидим, что будет, то будет. Последнее время я так хорошо занялась сказками, так у меня наладилась «Избушка на курьих ножках», а теперь совсем не могу продолжать.

* *Москва. 20 февраля/4* [*марта*] *1889 г.*

..Сегодня кончилось мое томление — картинка моя принята на Передвижную выставку, о чем Василий известил меня телеграммой. Все эти дни я ужасно волновалась, до того, что буквально не могла ничем как следует заниматься. За эту неделю очень мы сблизились с Ивановым, с которым оказались товарищами по жалкому состоянию. Он тоже все это время страшно беспокоился о том, примут ли его [8]. От нечего делать он часто заходил к нам за сочувствием и во мне находил его самое непритворное. Вчера, чтобы убить самый ужасный день (тот день, в который в Питере решалась наша судьба), мы сговорились целой компанией отправиться на балаганы. Нас было семь человек: Наталья, я, Иванов, Архипов, Хруслов, Виноградов и Романов — все тебе незнакомый народ, все молодые художники, из них Хруслов и Архипов очень симпатичные. Провели день очень весело; на балаганах мне удалось кое-что зарисовать. Оттуда отправились пить чай к Иванову и смотреть его и Архипова (они живут вместе) работы; много, дельно, серьезно они работают и по направлению очень они хороший народ. Сегодня пришла от Василия телеграмма, что из москвичей приняты: Нестеров, Иванов, Архипов, Хруслов, Пастернак, Поленова, Ярцев, Левитан и Остроухов. Сейчас забегал Иванов узнать свою судьбу и судьбу товарищей. Что нас всех ужасно удивляет — это то, что, судя по телеграмме Василия, Коровин, должно быть, не принят. Если это не ошибка со стороны Василия, то это не делает чести художественному пониманию передвижников.

Завтра мы в той же художественной компании собираемся на Грибной рынок [9]. Я — набирать русского духа для сказок, другие — жанристы, наблюдать типы. Я очень рада, что кончилось это глупое состояние ожидания. Теперь опять с новыми силами примусь за дело, а то просто я поглупела от этого нерешительного положения. Никакого сравнения, как я больше волновалась из-за этой картинки, чем, когда я посылала на конкурс свою «Иконописную». То, что я писала тебе о Пастернаке, не противоречит прежнему впечатлению — он остался тем же симпатичным и хорошим малым, очень сердечным и славным товарищем, каким он показался не только нам, но и всему кружку нашей художественной молодежи, но все-таки картина его обнаружила такие глубокие, драгоценные стороны понимания, каких никаким образом нельзя было в нем заподозрить из личного с ним знакомства. На днях он женился. Жена его тоже еврейка из Одессы, хорошо знакома с женой Серова. Кузнецов, который хорошо знает и ту и другую, говорит, что они одной национальности. Теперь они уехали на время из Москвы, но хотят здесь поселиться, и тогда Пастернак просил позволения привести к нам жену. Она, говорят, хорошая музыкантша..

Ты, конечно, знаешь, что Дрюша получил 2-й номер. Но, может быть, не знаешь, что Наталья на последнем экзамене получила 1-й номер за эскиз «Христос, благословляющий детей». Оба очень довольны..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 22 февраля 1889 г.

..Если бы ты знал, сколько мы пережили волнений в эти дни. В понедельник пришла от тебя телеграмма с именами принятых, и Коровина там не было. Нас это так озадачило, что и сказать трудно. Значит, отказано Третьякову и Коровину наравне. Уж и досталось же передвижникам! Между тем Коровин несколько раз в течение дня забегал узнать, если ли известия. Во время обеда явился Иванов и пришел еще в смущение, что не принят Степанов.. Вечером в десять часов явился Костенька, и произошла драма. Ужасно было его жалко и обидно, что такая талантливая вещь не понята. Может быть, произошла ошибка, почему и была послана тебе телеграмма. Вчера собрались у нас завтракать: Иванов, Архипов, Виноградов и Романов, чтобы потом идти на Грибной рынок; радость была очень неполная. На Грибном рынке было удивительно хорошо, но мысль об Коровине все портила. Оттуда мы все домой в ожидании от тебя ответа на телеграмму. Дома письмо,— так все на него и набросились. Приняты и Коровин и Степанов! Сейчас гонцов к Коровину во

все концы Москвы, к Мамонтовым, в декорационную мастерскую, к Лазареву — его нигде нет, и вот сегодня уж двенадцать часов и неизвестно, узнал ли он. Никогда не приходилось так волноваться из-за Передвижной выставки, а теперь пришлось быть в самом центре заинтересованной горячо молодежи. Интересно, кто виноват в пропуске имени Коровина— телеграф или ты.

Сейчас явился Костенька, прыгает, кувыркается, сегодня все москвичи будут спрыскивать. Он узнал вчера от Иванова, которого встретил у Грабье, и не хотел ему верить..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 23 февраля 1889 г.

..Какая досада, что я наделал столько неприятных часов Костеньке, виноват не телеграфист, а я; я теперь даже припоминаю, как я в черновой вычеркнул одного Коровина и, переписывая ее, забыл поставить другого. Прошу у Костеньки прощения за такую большую неприятность..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 24 февраля 1889 г.

..Сейчас получила твое письмо с известием, что в члены никто не выбран. Мы этого не ожидали, но остались этим очень довольны. Быть членом для молодых совсем не полезно, как-то рано их успокаивает, тогда как конкурировать как экспоненты страшно задорно, а принимают широко, совсем не теснят. Воображаю разочарование Семеныча; ну да это полезно..

Мы здесь молодцами, здоровы, веселы.. Представь, что я каждый день бываю на Грибном рынке — это такая поэзия, что не воображаешь себе. Ужасно жаль, что ты этого не увидишь. Между прочим много горянщины, и я тебе купила три табурета вязью. Продает их пресимпатичный старик, который привез огромный транспорт из Костромской губ[ернии], Макарьевского уезда. Старик сам ужасно кустарен. Он очень со мной подружился и обещает мне привезти на будущий год бочонков. Я хочу его позвать к себе и показать, каких именно.. Вообще мы все.. как-то весело и предприимчиво настроены. Меня ужасно как раззадорил мой эскиз, а потом кружок Иванова, который мне очень симпатичен. Меня очень

радует та роль, которая тебе сложилась среди этой молодежи. Ты и наш дом — для них центр света художественного, их тянет к нам, да, по-видимому, им это полезно. Очень меня заинтересовал Виноградов. Это совсем юнец, из которого можно все сделать. Очень неразвитой, совсем не глупый мальчик. Теперь он, к счастью, вышел из кружка, где его спаивали, и под влиянием Иванова.

Я теперь с приближением весны снова замечтала о своем уголке на Оке, и там у нас будет флигелек, где будут иметь пристанище все эти господа..

Третьяковская галерея.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 23 февраля/7 марта 1889 г.*

..Рада очень за Нестерова. От Семеныча получила такое загадочно-восторженное письмо, что решила, что он по крайней мере женился. Письмо было написано до продажи картины, что же с ним теперь — воображаю.

У нас карнавал наконец совсем окончился, и, кажется, все с удовольствием принялись по-настоящему за работу..

Наши художники тоже засели в мастерские и стали показываться только по вечерам. Беклемишев сделал за это время два интересных эскиза: Христа и мученицы со львом. Статую свою подвигает, и она мне продолжает все так же нравится, вообще думаю, что он пойдет вперед. На лето мечтает ехать в Египет и т. д. Славный он вообще человек, тебе наверное понравился бы. Киселев — это необыкновенное явление: ни Академия, ни жизнь за границей — ничто не отразилось на нем, точно его сейчас привезли прямо от Троицы из его иконописной, но человек он с очень чистой душой. Спроси об нем у Нестерова — это его товарищ, он тебе расскажет, что это за чудак. Он стал совсем Шуркиным другом и положительно делает все, что она хочет..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва*] *23 февраля 1889 г.*

Ужасно трудно передать словами все то, что испытывалось за эти дни. Такие были переходы от надежды к отчаянию, от отчаяния к радости. Потом начали приходить из Питера известия, которые тоже то радовали,

то приводили в недоумение, как, напр[имер], то, что из москвичей не приняты Коровин и Третьяков. Это оказалось ошибкою. Коровин принят и, кажется, даже покупается. Из наших друзей непринятым остался один лишь Николай Сергеевич Третьяков, и его очень жаль, хотя вещь его была в самом деле слабая. Вчера пришло письмо от Василия с подробностями. Выбирало шестнадцать человек. Я прошла большинством пятнадцать против одного. Семеныч принят, но не полностью. Из трех вещей: «Ранней весны», «Болота» и «Вечера» — приняты две первые, последняя же отказана.. За это время общий страх и надежда очень нас сблизили с Ивановым, Хрусловым и Архиповым. Эти два и я, мы в первый раз дерзнули ставить на Передвижную. Вчера весь день проходили на Грибном рынке. Очень интересный этот Грибной рынок. Кое-что зачертила и накупила курьезных глиняных животных, думаю, что некоторые из них пригодятся для сказок. Жанристы наши: Иванов, Архипов и Виноградов были в восторге. Какой славный народ эти художники или по крайней мере некоторые из них. Есть в их компании студент, потому ли, что он ни то, ни се, ни серьезный художник, ни серьезный ученый, но далеко не такой симпатичный. Маша Вас[ильевна] идет дальше и находит, что он даже менее развит и менее отзывчив, чем эта художественная молодежь, и она права отчасти. Сегодня они устраивают ужин и звали нас с Натальей, но мы отказались. Всего удивительнее, конечно, было для меня письмо Василия, которое только что сейчас получила Наталья. Представь, что он пишет: «Репину из экспонентов более всего нравится Константин Коровин и Елена Поленова, про картину последней он говорит, что «это такая превосходная вещь, такая сильная, правдивая, что, пожалуй, второй такой на выставке нет. (?!?) Одно жаль, что нет на правом тротуаре русской бабы, чтобы было яснее видно, что это в России, что необходимо, иначе не выходит сюжет». Каково, как твою Алену — Репин расхвалил [10]..

** Москва. 27 февраля/11 марта 1889 г.*

..У меня совсем спуталось в голове, что и когда я тебе в последний раз писала: кажется, это было после письма Василия [11], где он пишет о мнении Репина относительно моей картины. С тех пор из выдающихся фактов на Передвижной было общее собрание, на котором не было выбрано ни одного нового члена, значит и Семеныч не попал. Это известие было очень радостно встречено в нашем кружке. Уж очень он много хвастал последнее время. А что будет членом, он в этом не сомневался, даже фрак взял с собой для приема их величеств. Но, как видно, и без него обошлись..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 2/14 марта* [*1889 г.*]

..Вчера мы ходили в сад французской Академии и ужасно приятное впечатление вынесли. У них мастерские разбросаны по саду, мы в некоторые заходили. Они там так славно, весело работают. Тут же в саду, под руками, у них чудесный скульптурный музей, в котором тоже много народа работает.

Заходила я на днях к Риццони. Грустное он производит впечатление, работает много, низвел искусство в настоящее ремесло и зачах как-то на нем, и он не единичное явление. Здесь, в Риме, таких художников очень много..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 6/18 марта 1889 г.*

..Вчера приехал Василий, привез много рассказов о Петербурге. Накануне его приезда приехал Нестеров и тоже, конечно, главным образом рассказы его вертятся около интересов искусства и Передвижной выставки. Общее впечатление этих рассказов такое, что в Питере художники живут более интересами мелких столкновений личных и общественных, чем интересами отвлеченного искусства. Вообще направление московской молодежи куда как симпатичнее. Говорила я с Нестеровым о вашем Киселеве. Его многие знают, подтрунивают над ним, считают его добродушным малым, но не талантливым. О Беклемишеве отзывы несравненно интереснее, и все говорят о нем с большой симпатией..

* *Москва. 8/20 марта 1889 г.*

..О лете я еще ничего определенного не решила. Василий с Натальей будут жить в Жуковке. Мамаша собирается к Алексею.. Летом хочется побывать в глуши костромских лесов у Антиповых. Думаю, что край этот д[олжен] б[ыть] для меня весьма интересный. Обо всем этом еще никому не сообщала и покуда никому ничего не обещала.

* [*Москва*] *10/22* [*марта 1889 г.*]

Вчера у нас собрались наши художники, между прочим был и Нестеров. Ужасно он мне показался жалким — одинокий, больной, тоскую-

щий. Удачи его мало его ободрили или, по крайней мере, не надолго. Он хочет уехать в Уфу и пожить дома в семье, исключительно для поправления нервов и вообще расшатанного здоровья. В мае поедет в Париж, а на лето мечтает поселиться в Хотькове. Завтра мы с Натальей собираемся в Абрамцево..

** Москва. 13/ 25 марта 1889 г.*

Наконец-то удалось побывать в Абрамцеве.. Мастерскою я на этот раз осталась довольна. Вообще они работают недурно, но уж очень они не самостоятельны и не находчивы. От этого и происходит застой в деле. Думаю, что нынешняя зима все-таки принесет своего рода пользу. Я им помогаю несравненно меньше, чем ты, а требую от них того же самого..

Теперь у меня нет ни единой копеечки долга и около тысячи р[ублей], свободных для издания сказок. Впрочем, я это время как-то от них отстала и делала эскизы для картин. Одна тема — из древнерусской жизни: светлый, солнечный летний день, двор усадьбы зажиточного вотчинника XVI или XVII столетия, среди двора пляшет обученный медведь с проводником, с козою и барабанщиком, налево у колодца присел паренъ-подросток, и около него на траве валяется пара медвежаток. Налево у крыльца высыпала вся семья, а у заборов, на воротах повисли ребятишки со всего села [12].

Другая тема — современная. Навеяна она мне была тем, что Катька с няней Полей жила у нас. Тип няни и жизнь детской вдруг страшно ярко воскресил во мне тип нашей няни и нашей детской, и вот я хочу написать картинку под названием «Детская» и передать сколько возможно характер русской няни и атмосферу прежней русской детской. Как ты думаешь? Можно ли это в картине, или нет? [13] Личные мои симпатии, конечно, лежат побольше к второй теме. Но эскиз первой больше нравится тем, кому показывала. Есть у меня и еще несколько замыслов, но они как-то еще не определились в сюжеты. Читала ли ты Чехова рассказ «Святой ночью», что за прелесть. Вот чудный мотив для картины, полупейзажной, полужанровой. Его рассказы вообще очень вдохновительно действуют, есть превосходные картинки жизни..

** Москва. 19/31 марта 1889 г.*

..Посылаю тебе листок из альбома, где у меня был набросок для картины «Детская». Она у меня теперь на очереди, и писать ее я буду по всей вероятности, но весьма возможно, что нигде не буду выставлять. Мне почему-то кажется, что такие интимные вещи не следует показывать

публике. Впрочем, увижу. Мыслей у меня много бродит в голове, но те все темы нужно работать на воздухе — эта единственная комнатная, другой работы (живописной) у меня теперь нет, так что, во всяком случае, это послужит упражнением..

Вчера вечером был у нас Семеныч и играл места из «Нибеллунгов» Вагнера, которые здесь пойдут на днях..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. В. ЯКУНЧИКОВОЙ

** Москва. 3/15 мая 1889 г.*

Получила Ваше письмо с картинкой [14], милая Маша, и ужасно ему обрадовалась. Отвечаю Вам тем же: то, что Вы видите здесь — это сюжет моей теперешней картинки. Как Иванов не может расстаться с переселенцами, так я с шарманщиками. Чтобы дать Вам более или менее верное об ней представление, считаю нужным сообщить размер ее —11,5×8,5 вершков. Не знаю, как удастся, но хочется выразить впечатление, получаемое в комнате весною, когда через русское окошко видишь этот отрывок жизни на вольном воздухе, которой живут на западе. Жизнь, которая дает людям такой особый привлекательный колорит. Кроме этого, о себе сообщу Вам, что принялась работать тоже «Детскую». В сюжет все больше и больше втягиваюсь. Холст я взяла довольно большой —1 ар[шин] 6 в[ершков]×14 [вершков]. Он весь записан—хотя фигуры я еще с натуры не работала. Теперь буду проверять. Нахожу огромное наслаждение писать вечером. Это обстоятельство точно снимает ответственность перед «знакомыми». Это, дескать, так, *шутка*, не картина, для себя, для удовольствия, преодолеть трудность вечернего света. От этого работается легко, весело, без креста. Вот Вам почти все о себе.

Об сонной России напишу, что на Передвижной она с художественной стороны в самом деле явилась сонною, особенно Питер. Свежими выступили только москвичи. Особенно поразителен Архипов. Свежесть и чистота красок изумительные. Ни в сюжете, ни в композиции, ни в колорите нет ни малейшего следа перовщины или репинщины. Вы пишете, что если я исполню Ваше желание и напишу Вам, то Вы в награду *обещаете мне за это все, что ни попрошу*. Отлично, вот что я попрошу: меня ужасно заинтересовал, по иллюстрированному каталогу судя, нынешнего года Салон. Если Вам не скучно, сделайте мне выписку тех картин, которые Вам более других бросились в глаза, и коротенькую их характеристику, т. е. чем эти картины привлекают внимание..

Об наших художниках знаю мало. С отъездом Иванова распался кружок. Одно во всех в них чувствовалось, что успех на Передвижной

сильно вдохновил их, и на лето они мечтают ехать, заряженные охотой работать и любовью к делу.

Недавно Вас[илий] Дм[итриевич] ездил с Коровиным на Оку. Пробыли шесть дней. Привезли по три этюда каждый. У Коровина один ужасно симпатичный. Уж очень он умеет взять оригинально и тепло. У Вас[илия] Дм[итриевича], по-моему, тоже много интереснее этюды, чем были прошлогодние. Вот что мне известно из русской художественной жизни. Что делается в других областях — я вовсе не знаю, поэтому и сообщить не могу.

Архив Поленовых.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Биарриц. 9/21 мая 1889 г.*

.. Вы не поверите, как мне страстно хочется исполнить Ваше желание насчет Салона, но я боюсь, что не смогу удовлетворить его. Я по своей глупости не купила каталога и ни одного имени не помню, но, может быть, если я намечу Вам некоторые картины, Вы их найдете сами. Впрочем, вот что: ведь я не могу сказать, чтобы какая-нибудь картина отдельно обращала на себя внимание.. Впечатление получается от всего ensembl'я [общего] чего-то громадного, громадного, могучего горячего соревнования. Так что кажется, точно все художники работали сверх сил, в поте лица, а не мазали кисточкой в блаженном спокойствии, прихлебывая из стакана кофе или чай с ленивыми промежутками; конечно, очень может быть, что это все было, только кажется-то так, точно все сработано с одного размаху. Place de la Concorde [Площадь Согласия] (их две, не маленькая, а большая). Грязное, нашлепанное небо, ливень, все точно написано индийской и черной краск[ой]; направо, около фонарей, очень хорошо, мокрый тротуар и мостовая; писал это, кажется, не француз, и оттого, вероятно, так хорошо. Французу только стоит попробовать написать свою парижскую улицу, чтобы ее совсем исковеркать. Вы заметили в каталоге небольшую картинку: верхушку дилижанса без низу; вдали, кажется, Arc de Triomphe [Триумфальная арка[не то похороны с лавровыми венками, а на омнибусе написано Pantheon [Пантеон], а дальше не разберешь. В каталоге эта картинка меня заинтересовала, но в Салоне это просто гадость: малюсенькая, жесткая с сухими лилово-синими тонами. Впрочем, о плохих вещах нечего распространяться, тем более что их мало.

В саду работница в сабо [деревянных башмаках] кормит ребенка. Наивосхитительно. Вышло капельку манерно, но не намеренно. Чудно написан платок на голове и задняя красная кирпичная стена. Величина очень большая, и все так просто и правдиво, хотя ужасно умело, но вместе с тем искренно. Разбитые горшки, валяются лейки и желтые листья.

Быки везут из сарая телегу. Вот сила, размах — просто челюсти сжимаются. Нет, я не могу никак говорить в отдельности об каждой картине, у меня только отрывки. Тут голые ветки ивы против солнца, там красная подушка, белый цветок, волна с лодкой около парохода, и я не знаю, какое еще вавилонское столпотворение..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. В. ЯКУНЧИКОВОЙ

** Москва. Май 1889 г.*

Большое, большое спасибо за Ваше письмо. Отрывки впечатлений Салона мне очень дороги, нужны, вдохновительны. Радуюсь необыкновенно, что картинка моя Вам понравилась. Возможно, что, увидевши оригинал, возьмете слова Ваши обратно, но это все равно, важно теперь об ней слышать симпатичный отзыв, так как теперь еще очень горячо ею живу. В замысле она мне нравится, в исполнении, конечно, нет, исключая подоконника, которым я довольна, и другие говорят, что он «хорошо написан». Мальчик сначала смотрел на меня и стоял ближе к окну: был виден по колена. Потом мне это не понравилось. Именно для того, чтобы зрителя оставить только зрителем, я того соскоблила, сделала нового и отвернула ему голову. В то же время я передвинула его так, что ноги видны — это была, может быть, ошибка? Я хотела выразить, что мальчик смотрит наверх, но не знаю, выражено ли это. Все эти дни не работаю. Собираю вещи, приканчиваю мелкие дела. В конце месяца поеду к Антиповым на север Костромской губернии, в ужасную глушь. Меня это радует. Меня радует мысль, что в течение двух с половиной месяцев я не увижу ни одного художника, не услышу ни одного разговора со словами художественного жаргона. И не то, чтобы я не любила художников. Напротив, наших москвичей я очень люблю, жить без них, не в их интересах, не знать, что они думают, чего хотят, куда карабкаются — было бы грустно. Даже их маленькие ссоры, зависти, ненавистничание — все это дает теплоту и оживление, но на некоторое время уйти от всего этого — боже мой, какое наслаждение..

.. Сейчас был у меня Коровин и рассказал следующее: (надо Вам сказать, что он нанял с братом и с Лазаревыми дачу по Рязанской дороге).—«Еду, говорит, я сегодня по железной дороге, сосед мой обращается ко мне, спрашивает: позвольте узнать, Вы человек торговый?— Нет, говорю, я вовсе не человек,— я художник». Вот мне-то теперь и хочется пожить просто с людьми, а не с художниками.

Коровину и Нестерову больше нравится «Детская», Семенычу — «Окно». Коровин находит, что живопись «Детской» похожа на его живо-

пись — но это, к сожалению, неверно. Сам он говорит, что не работает, находится в очень беспричинно тяжелом настроении. Говорит, что совсем не тянет работать, что принимался, и выходит похоже на природу, но противно, и сама природа противна и что его не удовлетворяет только одно верное передавание природы. А писать так, как хочется, т. е. чтобы выходила не живопись, а музыка, он сейчас не может, не находит в себе сил. Кажется, у него это в первый раз такое настроение, и он в отчаянии. Нам с Вами все это очень знакомо, да и то, когда оно находит, просто не знаешь, куда спрятаться от него. Это то состояние, которое Вы назвали прозябанием, в отличие от жизни..— Вы на редкость талантливый человек, Маша, и меня зло берет, когда я вижу, что Вы не выкладываете из себя то, что в Вас есть, не по какому-либо Вам присущему свойству, а по чисто внешним на Вас набегающим обстоятельствам. Я полагаю, что главная из этих внешних причин, мешающая Вам жить и производить на свет много талантливого,— это Ваше попорченное здоровье. Поэтому благословляйте Биарриц или всякое другое самое дрянное местечко, какое есть на земном шаре, если оно может восстановить Вас физически,— остальное придет само собою.— Вы пишете, что хочется Вам пофилософствовать, сделайте одолжение, когда хотите и об чем хотите. Всегда буду не только рада Вашему письму, но еще буду его желать с целью эгоистической, ибо от Ваших писем, даже не мне адресованных, получаю всегда толчок к мозговой работе и художественному вдохновению.

Представьте, какое странное во мне настроение — меня не только не тянет в деревню, но я много бы дала, чтобы месяц или полтора пробыть теперь в Москве. На улице, когда я еду куда-нибудь, то встречаю десятки сюжетов, выражающих жизнь города — жизнь без исхода, без горизонтов, с пересохшим от знойной пыли горлом и пересохшими от однообразия мозгами..

Мой адрес: Костромская губ[ерния] Кологривский уезд, город Парфентьев. Его превосходительству Алексею Ивановичу Антипову для Е. Д. П.

Удивляюсь только тому, что Вы ставите вопрос—отрадно ли думать, что для Вас возможно поправиться здоровьем, если впереди лишь прозябанье. Мне кажется, Вам совсем грешно так думать, Вас ждут такие заоблачно-восхитительные минуты, раз что Вам творчество судьбою отпущено в такой положительно огромной дозе. Да и вообще Вы не можете даже в самые мрачные минуты отрицать того, что Вы способны жить самой полной внутренней жизнью, какая только доступна человеку в моменты общения с «призраком», как мы выражались прошлым летом, чтобы выразить известное духовное состояние. А ведь улучшая свое здоровье, Вы с уверенностью можете рассчитывать, что эти минуты будут повторяться чаще и результаты будут крупнее.

Архив Поленовых.

ГЛАВА IX. 1889 год

Е. Д. Поленова у Антиповых в Нельшевке. Костромские леса. Второй цикл русских сказок.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Кострома. 27 мая 1889 г.*

.. Завтра в семь ч[асов] утра садимся на пароход и едем в Нельшевку[1] сначала по Волге, потом по Унже и только во вторник доберемся до места. Антиповых нашла очень заглохшими.. Девочки* смотрят в рот, когда я говорю, и всему дивятся. Так что для них и страшных слов не стоит говорить, так как они и простым дивятся. Воспитанницы Смольного института, которые точно вчера родились и ни о чем понятия не имеют. Пр[асковья] Дм[итриевна] очень мне рада, говорит, что просто глазам не верит. На новом месте и в новой среде меня охватило ужасно тоскливое чувство, да и ночь-то плохо спала — оно все вместе. Ну, что-то будет! Только бы работалось — тогда ничего..

* [*Пароход*] *29 мая* [*1889 г.*].

Садимся на пароход. Холодно, серо, мрачно. Волга тоже серая, неприветливая, словом, все, чтобы поддержать тоскливое настроение духа. Надеялась на то, что, если такое начало, то продолжение будет иное! Едем по Волге, дождь, сидим в каюте, познакомилась с местным председателем губернской земской управы. Очень характерный тип, очень заурядный, кажется, человек, знает брата Алексея и Савву Иван[овича]. Разговор вертится около Чижовских школ[2]. Его именье около Плёса. В Плёсе остановка. Какое чудное местечко этот Плёс. А дождь все проливной. Вечером остановились в Юрьевце. Это предел путешествия по Волге. Хотя Юрьевец называется городом — это обыкновенная и даже не очень большая деревня. Дождь все льет, вижу его из окон каюты, никакой охоты выйти на берег. Переходим на маленький пароход, на котором пойдем по Унже. Садимся в каюту, входят туда солдаты с чемоданом, генеральской шинелью. Местная полиция суетится наверху, какой-то важный генерал едет на ревизию из Юрьевца в Кологрив. Входит наконец и сам генерал, высокий, худой, седой старик, за ним местный воинский началь-

* Дочери брата А. И. Антипова.

ник в полной парадной форме и при орденах. Начинается буквально гоголевская сцена. Полковник совсем глуп, что ни слово, то впросак попадает, дрожит всем телом, запинается, вставляет столько «Ваше превосходительство» в свои фразы, что через это трудно становится понять. Во время их разговора меня поражают умные, простые, жизненные вопросы и ответы генерала. Ночью разошлись по своим каютам. Среди ночи слышу, как пароход двинулся с места.

* *Пароход. 30 мая. Понедельник.*

Утром просыпаемся на Унже. Солнце, но ветрено и холодно. Речка премилая, совсем вроде наших олонецких рек, берега открытые, деревушки, светлый желтый песок подходит к синей темной воде, плоты с бревнами и дровами и бабами на руле. Познакомились со вчерашним генералом, удивительный он оказался умница. Вечером в Макарьеве. Красиво расположенный монастырь Макарья Унженского, на повороте реки, на крутом берегу, весь в зелени.

* *Пароход. 31 мая.*

.. Совсем подружилась я с симпатичным генералом. Это удивительный, должно быть, из ряда вон человек. Он занимает очень большой и важный пост. Постоянно ездит ревизовать состояние резервных войск в трех губерниях. Такие генералы не ездят, говорят, иначе, как с целой свитой адъютантов, ординарцев, прислуги. Этот ездит совсем один. Кто-то удивился этому и спросил, отчего он так делает.— «Да, как Вам сказать,— говорит,— зачем адъютант, ведь он только мешает». Но с ним даже денщика нет, он все сам себе делает. В разговоре оказалось, что он во многом последователь Толстого. Ему приходится половину жизни проводить на ревизиях. И вот между двумя местами ревизии он едет то на пароходе, то по железной дороге, то в тарантасе. Едет, смотрит, слушает, наблюдает и затем обобщает, делает выводы. Но какой огромный запас наинтереснейших жизненных сведений у этого человека, какое тонкое знание и понимание жизни народной — это себе представить трудно. Его все интересует. Какие деревья растут, где кончается еловый и начинается пихтовый лес, что сеют крестьяне, чем промышляют. Стала я рисовать амбарушку в два выступа, сейчас заинтересовался, что именно я нахожу в этом интересного.. Разговорились мы, и, представь мое удивление, он начинает высказывать мне мой взгляд на русскую архитектуру, на то, как, по его мнению, мало истинно русского духа в архит[ектурных] постройках в так называемом русском стиле. Высказывался он очень осторожно,

боясь, как не специалист, сказать что-нибудь лишнее или резкое. Оказывается, что и он во время поездок своих зачерчивает все, что ему в этом смысле понравится, что бросится в глаза, как особо интересная деталь и потом применяет это к своему деревенскому дому. К сожалению, этих зачерточек с ним не было ни одной. Ездит он по таким интересным губерниям, по глухим местам Ярославск[ой], Костр[омской] и Владимирской губ[ерний]. Если бы он в эти путешествия брал с собой денщика, то я бы к нему в денщики попросилась. Видел и много деревянных церквей. Об одной, недавно им встреченной, рассказывал: в виде башенки восьмигранной она выстроена и с пирамидальной крышей наверху. В Костромском уездном городе Варнавине. Обещал прислать фотографию, если найдет. К вечеру мы были совсем свои люди. Ночью ему приходилось сойти с парохода и поэтому он очень неохотно ушел в свою каюту, три раза вставал, говоря, что спать пора, и три раза садился, потому что слишком много всяких вопросов хотелось перебрать. Какие, какие не были затронуты стороны жизни, и в большинстве случаев так много оказалось общего во взглядах и идеалах, что просто удивил он меня, и так не похож он на военного и на генерала. А вместе с тем он Балканы перешел с Гуркой, у него Георгиевская лента на шпаге, под его командой полк получил награду, за что у него особый знак. Все это узнали мы из ответов на вопросы, предложенные присутствующими мужчинами, которые понимают, что Георгий на шпаге или мундире с известной выпушкой имеют особое значение, сам же он не любит говорить о своем генеральстве и о войне. Все его симпатии и интересы в жизни мирной. Распрощались мы с симпатичным генералом и разошлись спать. Встречу ли его когда-нибудь? Вероятнее, никогда, но встреча эта ужасно тепло будет вспоминаться..

* [*Нельшевка*] *1-го июня, среда* [*1889 г.*].

В четыре утра приехали в Кологрив. Тут ждут лошади, экипажи, около семи часов садимся и в девять с половиной в усадьбе. Дорога лесом, только вначале две деревни, и потом верстах в пяти от усадьбы. Значит верст двадцать все лес, лес, лес..

* *Нельшевка. 5 июня 1889 г.*

.. Вот в каком доме живет в настоящее время Алена твоя. Это маленький, чуточный домик, на манер тех общеместных дач, что массами видишь в Пушкине и других современных загородных местах. Настоящая, прежняя, барская, отцовская и дедовская усадьба Антиповых находится верстах в ста отсюда и имеет совсем другой, судя по фотографиям, характер.

Добираться туда так трудно, что они предпочли выстроить маленький домик в середине огромной (чуть ли не десятитысячидесятинной) лесной своей дачи и живут тесно, среди леса, в глуши и дичи настоящих заволжских лесов. Жизнь эта представляет что-то среднее между подгородной, столичной — в силу многих десятков лет, проведенных в Петербурге,— и пионерски-робинзоновской, если можно так выразиться, в силу местных условий безлюдности и отдаленности от чего-либо, напоминающего город и страны цивилизованные. Вот относительно местности, что же касается обитателей ее, то могу сказать, что я не ошиблась насчет того характера, в какой сложится жизнь..

Сам А[лексей] И[ванович] Антипов человек очень не сложный, простой, добродушный, по идеалам деревенский житель, любит столярничать, слесарничать, заниматься всякими мелкими поделками, для чего жизнь в неустроенной усадьбе дает постоянный обильный материал. Потому вне города он начинает блаженствовать, и это состояние в нем так сильно, что те неудобства и лишения, иногда довольно серьезные, которые приводят в смущение дамскую часть семьи, для него буквально не существуют, он не замечает их за тем увлечением деревней, которое так долго недоступно было ему во время долголетней службы в петербургских департаментах. Во всем этом, конечно, много есть симпатичного. Что меня лично коробит в нем — это его полная, безусловная нехудожественность, при известных притязаниях на нее. Пр[асковья] Дм[итриевна] — совсем другой человек, она вся состоит из самых благих намерений. Человек она очень ищущий, жаждущий, но весьма бедно одаренный, да еще болезнью лишенный многих способов прилагать к жизни свои благие намерения. Барышни — племянницы в общем очень милые девочки, но, кроме Смольного и узкого кружка петербургских салонных знакомых, ничего еще не видавшие, представляют мало интереса. Старшая из них — красивая, очень определенного, петербургского типа барышня — благонравная, безупречная, довольно сухая, очень бедная по натуре и очень скучающая везде, а уж особенно в такой деревне, где никаких нет внешних ресурсов. Другая, меньшая — гораздо живее, находчивее и положительно талантливая, единственная талантливая из всей компании. До сих пор проявления этой талантливости были самые несерьезные, они выражались в хорошем слухе, в быстром схватывании музыкального мотива, в бренчании на фортепьяно или на гитаре. Но в особенности она талантливый комик, она так иногда расскажет самую простую вещь, что держаться нельзя от хохота. Очень ей тоже хочется учиться рисовать. Будет сопровождать меня на этюд, со страшной жадностью следит за каждым моим словом, с какой-то страстностью следит за каждым моим мазком. Думаю, что эта еще не проснувшаяся и крайне не развитая девочка все-таки может представить из себя благоприятную почву. Вот покуда состав общества, ожидается еще двоюродный брат хозяйки и Каминская, женщина-врач. Ее приезду я очень,

очень рада, в ней чувствуешь не только близко к себе стоящего, но, пожалуй, и дальше себя ушедшего человека. Это натура сильная, развитая, в высоком смысле слова честный человек, при большой мягкости и удивительной чуткости и отзывчивости художественной.. Время мы проводим так: прежде всего занялись устройством дома, для этого, конечно, потребовался мой совет. Устроили так: перенесли столовую в маленькую комнату, где была прежняя кухня, а столовую отвели под мастерскую мою и общественную, в ней мой мольберт, мои художественные принадлежности и пять столов для общих занятий и общих чтений. Вчера в первый раз устроились, я писала масл[яными] красками, кто рисовал, кто работал. Читали чеховскую драму[3], напечатанную в мартовской книжке «Северн[ого] вестника» нынешнего года. Вещь эта давалась в Петербурге нынешней зимой и, говорят, производила сильное впечатление современностью типа главного лица. Очень безотрадное, но верное нашей жизни явление, ты прочти, когда найдешь свободную минуту. Перерывами между двумя дождями (погода продолжает быть холодная и дождливая) пользуемся, чтобы ходить, знакомиться с местностью. Места здешние очень напоминают наши имоченские места, только самая усадьба вся гораздо миниатюрнее — и дом, и место около дома, и речка — все похоже, но поменьше. Виды же, отойдя от дома, шире и грандиознее — это моря, безграничные моря лесов. Глухо и внушительно, но своего рода торжественность есть и в этом.

** Нельшевка. 9 июня 1889 г.*

.. День делится здесь по моему проекту на четыре промежутка следующим образом: встаем в восемь, в девять — чай. Между чаем и завтраком идем по деревням, я с зачертками, со мной одна из девочек тоже с альбомом, и рисуем, остальные, то есть Пр[асковья] Дм[итриевна] и другая из девочек — с фотографией. Заходим в избы, ищем резьбы. Нашей геометрической почти не попадается. Вообще резьбы мало, крестьяне живут бедно. Если и попадается резьба, то владимиро-суздальского выпуклого скульптурного типа. В двенадцать возвращаемся домой, завтракаем. В самое жаркое время сидим дома, я за рисованием, другие — кто за какой работой. Пр[асковья] Дм[итриевна] или одна из девочек читают. Третьего дня мы начали записки Marie Bachkirtzeff [Марии Башкирцевой]. Так до трёхчасового чая. Потом, отдохнувши дома, опять в деревню, в избу к той бабушке, которая, по общему приговору ребят, лучше всех сказки сказывает. Она веники вяжет и говорит, вокруг масса ребятишек. Мы все с карандашами и бумагой. Сцена эта происходит в больших, старых, закоптелых сенях. К шести возвращаемся домой, обедаем. После обеда, если свет благоприятный, я иду на этюд, если нет, то едем кататься в более отдаленные деревни. Сегодня спустили лодку, и можно будет раз-

нообразить катанья еще новым способом передвижения. Речка очень миленькая, но совсем миниатюрная, пожалуй, меньше еще вашей Вори. Живется, как видишь, ничего, по крайней мере очень наполнен день.. Конечно, без тех внешних, окружающих элементов, которых здесь много, уже в силу новизны места для меня, было бы жутко и тяжело. Люди дают мало, много ждут от меня, а только давать, не набирая сил, тяжело и утомительно..

* *Нельшевка. 12 июня 1889 г.*

..Дома сидим мало, много ходим по деревням, катаемся на лодке и гуляем. Я это время за ходьбой даже мало работаю, очень меня интересует новый край, новые места, своеобразный характер жизни здешнего населения. Край очень глухой, много глуше наших и́моченских краев, хотя во многом их, то есть И́моченцы, напоминает. Народ простой, добродушный, приветливый. В деревнях все зазывают, расспрашивают, сами любят рассказывать. Послезавтра две недели, что я здесь, и вижу, что материалу столько, что дай бог его хоть наполовину исчерпать в два месяца..

* *Нельшевка. 15 июня 1889 г.*

.. Производства нашего я здесь не забываю и даже кое-что уже начинаю набирать по части резьбы. Не знаю, как повезу весь этот щепной товар, в сундук никак его не втиснешь, придется делать отдельный ящик. Вчера с утра уезжали отсюда и возвратились уже поздно вечером, в двенадцатом часу. Ездили мы за сорок верст на лошадях, в тот самый посад Парфентьев, через который идет почта и который, мне казалось, должен непременно быть похож на посад, где мои белянки, волнушки живут. Это ожидание не исполнилось. Парфентьев похож на общий тип северных русских уездных городов, тем не менее самою поездкой я осталась очень довольна. Места прелестные, напомнили мне дорогу от И́моченец к Петрозаводску. Крутые овраги, большие подъемы, дорога вьется между бесконечных лесов, что-то поэтическое, грустное и необъятное навевает на душу такая дорога. Пейзаж постоянно меняется и в то же время остается все время в одном характере. Отдельно красивого — выдающегося — места нет, остается впечатление от общей сложности виденного, впечатление крайне симпатичное. Ездили мы втроем — две девочки и я. Одной из них нужно было деньги послать, я вызвалась ее шапронировать, чтобы поглядеть новые места, а другая девочка соблазнилась сборами и выпросила, чтобы и ее взяли. Они хорошие девочки, добрые, милые, очень неиспорченные и неизбалованные. Очень еще мало видели, мало испытали, поэтому всему радуются, все им весело и интересно. Работаю я мало, гораздо меньше,

чем хочется,— погода очень не благоприятствует. Все это время у нас холодно и дождливо. Вот третье лето такое неудобное для нашего брата-художника..

** Нельшевка. 20 июня 1889 г.*

.. Ты спрашиваешь про сказки, и это дело стало за погодой.. Впрочем, особенно интересных и не попадалось. Совсем новой ни одной, по характеру большею частью юмористические, и эти у бабушки Федосьи лучше выходят. Фантастические она комкает и наслаждается только тогда, когда попадает на смешной элемент. Других старух еще не приходилось пытать..

** Нельшевка. 22 июня 1889 г.*

.. Сегодня и вчера весь день пишу в избе этюд печного угла для «Бабы-яги»[4], ухожу после утреннего чая, к завтраку возвращаюсь. После завтрака опять туда, к трем часам опять домой чай пить и в третий раз между чаем и обедом. Думаю, сегодня кончу. Жители избы ко мне привыкли и живут, будто меня и нету в углу, и едят и говорят, точно они одни. Очень симпатичная семья, состоит из отца, матери, старухи бабушки и двух ребятишек. Никогда не приходилось мне видеть такой нежности и внимательности между членами семьи у крестьян. Если бы их описать, то сказали бы, что это ложь и рассиропливание. Напр[имер], такая вещь: отец идет косить сено и, возвращаясь к обеду, приносит букетик земляники своей трехлетней дочке. Мне понравилось изреченье старухи, которая извиняется, что у них все попросту:

Наша сторона самая глухая, мы люди темные,
в лесу родились,
пеньку молились,
и говорить-то толком не научились.

Завтра Иванов день, в одной из соседних деревень праздник. Собираемся туда ехать. Говорят, там в этот день особые творят обряды — девки с посудинами каши обходят с песнями поля, потом едят кашу, а ложки бросают в рожь.

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Нельшевка*] *11 июля 1899 г.*

.. Недавно мы видели картину Прянишникова в натуре. Здесь, как и в Вологодской губернии, сохранился древний обычай братчины, т. е.

раз в год в приходе в храмовый праздник устраивается общественное угощение. Это делается таким образом: кто желает, может жертвовать, что хочет — мясо, крупу, пиво, хлеб. Изо всего этого готовится обед, за которым все в праве участвовать. В этом году целая деревня пожертвовала мирского быка. Его приводят накануне и тут же непременно на церковной площади закалывают. Потом, начиная с вечера, всю ночь и частью на другое утро варят навар с крупою —«кашицу». Как один котел готов, так сливают в кадку и варят другой. Таких кадок с супом было наварено штук шесть. Варят кашевары из мужиков. Большею частью одни и те же из году в год. Один мужик говорит, что он уже более двадцати лет этим занимается, иной раз и не хочется, да нельзя отказаться, нельзя не потрудиться.—«Как можно отказаться,— говорит рядом баба,— вот у нас на деревне мужик был, сколько лет ходил варить — потом ушел на мельницу и не пошел больше в кашевары, так что же вы думаете, всю руку ему оторвало».. [Варили всю ночь и последний котел уже доваривали во время обедни. Когда все готово, приходит священник и кропит все святой водой с молитвой, и после этого начинается угощение. Настланы на траве доски, которые служат и скамейками и столами. Начинают с того, что угощают дальних. Потом уж садятся свои. Хотя день был дождливый, но временами проглядывало солнце, и тогда очень красиво было смотреть на эту огромную, пеструю, веселую толпу, в середине которой сидят и едят весьма непривычную и лакомую для них мясную пищу. Человек шесть, десять «чужестранцев», как они здесь выражаются, вокруг построены шалаши с красным товаром, с пряниками, а некоторые торговцы приехали на телегах и попросту разложили товар на траве, на пригорке и торгуют себе..]* Все это, как видишь, очень интересно, вообще край хороший, много всякого материала, только вот все погода мешает..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Нельшевка*] *14 июля 1889 г.*

..Здешние все очень мило относятся к моим работам, все помогают, кто чем может, так что избалуют меня ужасно. Кто об натуре хлопочет, как добыть мальчишку, который понравился, кто мольберт таскает за мной, кто устраивает и прилаживает что распоролось и развинтилось, кто моет палитру и кисти. Я совсем тронута и очень благодарна, стараюсь внушить себе, что это хорошо, но можно так временно плавать, как сыр в масле, но отнюдь не привыкать к этому чересчур..

* Заключенное в квадратные скобки взято из письма Е. Д. Поленовой к Е. Г. Мамонтовой от 4 июля 1889 г.

** [Нельшевка] 28 июля 1889 г.*

..Теперь, что время подходит к концу, я вижу, что наработала я не больно много, ну, да я не себя виню, делала, что могла. А погода все такая же отчаянная, все дождь и дождь.. В настоящее время пишу большой эскиз на тему: «Шли наши ребята из Нова-города». Местные условия довольно для этого благоприятные и постройки, и типы, и даже костюмы: например, шапка на мужике или головной убор девушки, который она одевает в момент «сговора», как только пропьют,— так и должна надеть и ходить в нем до самого венца. У каждой семьи есть своя такая «поднизка», как они это называют, и все невесты этой семьи ее надевают. Если в семье не сохранилось поднизки, то на время невестничества берут взаймы у соседей. Кроме этой работы, хочу написать несколько этюдиков для того, чтобы раздарить здесь компании за все их добродетели..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Абрамцево. 29 июля [1889 г.]*

.. Вчера приехал Васнецов. Производит очень хорошее впечатление, серьезно настроен, видно, живет своей работой. Я ему очень рада. Конечно, мы с ним первым делом в церковь и там фантазировать насчет того, что нужно будет со временем еще написать, сделать и т. д. Нашим производством он очень интересуется, но относится как и прежде. Ужасно жалеет, что не увидит тебя и твоих сказок. Пробудет он всего дней десять, но за это время собирается съездить в Введенское и Жуковку. В Киевском соборе он все забирает больше и больше работы..

** Абрамцево. 2 августа [1889 г.]*

.. весь день провела с Васнецовым и, конечно, весь день прошел в разговорах.. в общем ведь у меня всегда было очень много с ним общего в стремлениях и понимании жизни, то есть цели жизни. Я нахожу, что он как художник идет вперед (конечно, не говорю о технике, в этом я не судья), он весь полон замыслов и надежд. Ужасно приятно, отрадно видеть, когда человек живет для известной идеи, впрочем, тогда только и возможно действительно что-нибудь создать. Вот это-то главным образом и чувствуешь в нем. Он сам говорит, что он в Киеве только нашел себя..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Нельшевка. 11 августа 1889 г.*

.. Я просто не запомню, чтобы подъем духа и энергии в работе так долго был во мне в этом градусе, в каком он приблизительно с рождества. Это очень, очень много, и я страшно благодарна судьбе.. Одно время начали было силы изменять, я чувствовала, что стала скользить вниз, но тут благоприятная случайность подкинула меня так высоко, что я снова теперь в сильнейшем подъеме духа и работаю с новой удвоенной энергией, несмотря на то, что дождь льет немилосердно. Все больше и больше убеждаюсь, что внешние неблагоприятные обстоятельства ровно ничего не значат сравнительно с теми мешающими работать элементами, которые находятся в нас самих. То обстоятельство, о котором я сейчас упомянула и которое так благотворно на меня подействовало,— это приезд сюда женщины-врача О. Ю. Каминской. Ах, Натальенка, что это за человек. Я, право, думала, что такие типы существуют только в книжках, да еще в старинных. В эпоху религиозного настроения такие люди давали типы святых — она мне напоминает характеристику св. Франциска Ассизского у Мишле. Не могу тебе сказать, как мне грустно, что ты не едешь в Париж. Мне лично опять совсем не хочется туда ехать. Не будь Константин, кто знает, может быть и не поехала бы вовсе. Хочется работать. Все кажется именно вот теперь-то начну и сделаю.. Наплыв мыслей и планов художественных очень, очень сильный. Вообще живу полно, деятельно, хорошо..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Нельшевка*] *4 августа 1889 г.*

.. Теперь я работаю ужасно трудную вещь, из которой, кажется, даже вовсе не выйдет ничего путного. Пишу на слова фофан[овского] стихотворения «Звезды ясные»— стало быть, нужно изобразить ночь, звезды, ночной воздух, ночной свет, ночные краски, словом, всю чудную поэзию летней ночи. Вероятно, ничего этого не удастся сделать, но я уже тем довольна, что для нее приходится писать ночью этюды, ходить наблюдать и делать заметки в лунные ночи, и это все заставляет более всецело им отдаваться, подробнее и интенсивнее их изучать, а поэтому и наслаждаться ими.

Вот приеду, все покажу..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Абрамцево. 9 августа* [*1889 г.*]

Я эти дни.. так много видела, так много получила разных впечатлений, что не знаю, с чего начать. Прежде всего была я у Троицы и проникла в академическую библиотеку, завела там знакомство, и теперь нам с тобою во всякое время можно будет туда отправляться. Видели мы «Апокалипсис» с миниатюрами XVII века, очень много интересного. Ты там найдешь массу архитектурных рисунков, церквей, башенок и звонниц, есть и целые города. «Житие Сергия» не в этой библиотеке, а в Лаврской, но полагаю, что и туда пробраться не трудно. Вчера я была с Васнецовым в Москве. Туда приезжали Василий и Спиро, и мы все вместе были в Историческом музее. Сколько там нового, интересного, просто глаза разбежались. По нашей части есть хорошие вещи. Сизов, как всегда, был ужасно любезен и предлагал все, что угодно, к нашим услугам. Познакомилась я и с Забелиным, но пока его сочинения мне больше нравятся, чем он сам. Показывали нам новые залы, которые еще отделываются, Новгородскую и Владимирскую. Затем ведь я еще в первый раз видела коллекцию Постникова, для меня и в ней нашлось ужасно много интересного. Ну, да, одним словом, мне Исторический музей понравился больше, чем когда-либо. Оттуда мы отправились к С. М. Третьякову, и на этот раз я видела Бастьена Лепажа, мне очень понравилось, но еще сильнее захотелось посмотреть «Иоанну д'Арк» и еще больше потому, что получила на днях письмо от Беклемишева, который в полном восторге от нее, говорит, что это лучшая вещь на выставке. Как жаль, что он не может прочитать записок Башкирцевой [5]. От С[ергея] М[ихайловича] поехали к П[авлу] М[ихайловичу] и тут обошли всю галерею, но, к сожалению, я была страшно уставши и не могла смотреть так, как хотелось бы.. Не знаю, знаешь ли ты, что Суриков уехал на неопределенное время в Сибирь..

* *Абрамцево. 12 августа* [*1889 г.*]

.. Вчера приехал в Абрамцево Нестеров, только что возвратившийся из-за границы. Он, конечно, в восторге от своей поездки. Говорит, что, когда жил на Капри, даже чувствовал себя совсем счастливым, чего еще после смерти жены ни разу не испытал. На выставке его тоже больше всех захватил Бастьен Лепаж — его «Иоанна д'Арк». Поселяется он на осень опять у Троицы и с наслаждением мечтает о работе. На очереди у него «Жены-мироносицы» и «Маленький Сергий со старцем». Сегодня он от нас поехал в Жуковку. Вообще он производит очень хорошее впечатление, гораздо лучшее, чем Серов, который тоже едет в Париж..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Жуковка. Август 1889 г.*

Дорогая Лиленька, когда-то я тебе наконец напишу, просто жить не дает совесть, а все не найду минутки. От души радуюсь за тебя, такое удачное лето, и приписываю это главным образом тому, что ты вдали от семьи и близких, и никакие жизненные заботы и мелкие дрязги тебе не мешают и не отвлекают. Антиповых ты хотя и любишь, но за них не болеешь, а живописью можно заниматься только тогда, когда она есть главное в жизни, а не побочное занятие, когда нет ни мужа, ни детей, ни проклятого хозяйства. Когда есть все это, то раздробляешься на такие малые части, всему понемножку и в результате все идет скверно. Я положительно не заметила этого лета и ничего буквально не сделала, и все у меня лежит и стоит недоделанным. Теперь ехать в Париж. Я совсем к этому не готовилась, совсем об этом и не говорила. Вдруг неожиданно Лилиша [Е. В. Сапожникова] уговаривает меня ехать и берет ребят к себе, только велит ехать скорее, так как отпускает только до первых чисел октября. Ребята, слава богу, до сих пор здоровы и молодцы, но что будет дальше, бог весть. Если кому их оставлять, то согласна только Лилише, вполне покойна уже, конечно, никогда не буду. Мы думаем выехать числа 30-го и ехать в Петербург, Берлин, Дрезден, Нюрнберг, Мюнхен, Париж, в Париже две недели, и я назад, а Василий останется. Вчера ездила в Москву и поймала на улице Иванова, привезла сюда. Он много чего предпринимал за лето, но результата мало. На днях был у нас и Нестеров, очень доволен путешествием и жаждет работы; это утешительно..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Нельшевка. 18 августа 1889 г.*

.. Я продолжаю работать, хотя эти дни значительно меньше, и вот почему. Дождливое лето не прошло бесследно, и эти дни показалось так много рыжиков, что я с какою-то страстью принялась за ними охотиться. Так вспоминаются Имоченцы, детство и вся поэзия этого времени, что я просто сказать не могу, живопись отодвинулась по этому случаю на второй план, но я не в сокрушении, полна надежд и уверена в том, что буду хорошо и бодро работать. Так понимаю Константина Коровина, когда у него среди художественной работы является вдруг страсть к охоте, ружью, лесу, и живопись на время отлетает очень далеко. Что об нем ты ничего не пишешь, вообще об молодежи, не слышно ли чего об них обо всех..

Архив Поленовых.

ГЛАВА X. 1889—1891 годы

На Всемирной парижской выставке. Зима в Париже. Е. Д. и Н. В. Поленовы возобновляют рисовальные и акварельные вечера. Покупка Бёхова. Начало постройки усадьбы Борóк.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Нельшевка. 24 августа 1889 г.*]

..Все это время думаю о том, что с моей стороны совсем не дело не ехать в Париж. Очень давно я ничего не предпринимала для самоосвежения. Почти девять лет не была за границей и, кроме того, даже для специальности моей слишком давно не вижу ничего подымающего и вдохновляющего. Думаю, что кончу тем, что все-таки съезжу..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 26 сентября/8 октября 1889 г.*

Последний раз писала Вам из Вены, дорогая мамочка. Это время мы устроили очередь — Вам писал Константин, потом Наташа, теперь буду писать я, ..чтобы Вам не было то густо, то пусто.

До Вены мы ехали по-царски со всеми онёрами, т. е. в спальных вагонах и между Варшавой и Веной даже в первом классе, потому что там при втором спальных мест не бывает. Но когда в Вене мы сочли, что нам обойдется все путешествие, если мы так поедем, мы нашли, что это будет около двухсот франков лишку, чем если ехать во втором классе без спальных, и мы решили эти деньги сэкономить. Решение это послужило нам в пользу, ибо, во-первых, мы поехали не в самом скором поезде, который отходит из Вены сейчас же по приезде туда. Так что мы успели съездить посмотреть святого Стефана и проехаться по Вене. Святого Стефана я знала и прежде. Он и прежде мне не нравился снаружи и теперь тоже не произвел приятного впечатления, но внутри, напротив, он очень красив и полон жизни. В уголке стоит икона божьей матери, похожая на южнорусские. Около нее большое низкое, железное паникадило. Свечи восковые горят, а перед иконою народ на коленях молится, приходят, уходят. В других католических соборах больше порядка и меньше движения. Тоже алтари позднейшего времени, многие из них не готические, как вся церковь, а ренессансовые, хотя и нарушают строгость архитектурной выдержки,

но придают известную теплоту — чувствуешь, что много эпох со своими вкусами и идеалами сменилось здесь. Проехались после по Вене, по Пратеру (это их Невский), по Ring'у [Рингу]. Погода была чудная. Вена такая нарядная под лучами золотистого вечернего солнца.

Затем, тоже в видах экономии, мы решили ехать не на Мюнхен и Страсбург, а через Тироль и Швейцарию, и это вышло тоже очень удачно. Хотя ехали мы не без приключений: ночью в Тироле, около Инсбрука, нас будит кондуктор и просит *всех* выходить из вагонов. Весь поезд освещен факелами, по бокам разведены костры. Что за история? Оказывается, что перед нами товарный поезд сошел с рельсов. Множество вагонов было перебито. Один очутился в другом, валяются осколки. С людьми несчастий не было, но убито несколько коров. Пришлось обходить поезд по каким-то импровизированным мосткам между рядами тирольцев с факелами. Все это в горном ущелье. С одной стороны несется быстрая горная речка, с другой — деревушка с белой церковкой,— совсем немецкая иллюстрация из какой-нибудь детской книжки. Обошли мы, наконец, разрушенный поезд. Нам подали другой, мы все разместились и даже после катастрофы вышло как-то просторнее. Улеглись спать, и отлично проспали остаток ночи. Утро было туманное, стали подниматься все выше. Оказалось, что ночью выпал снег и мы въехали в настоящую зиму. Все покрыто снегом, и стало очень холодно. К нашему счастью, облака скоро начали редеть, выглянуло солнце, и погода так разгулялась, что мы скоро въехали в полосу безоблачного неба. Таким образом, весь горный Тироль и часть северной Швейцарии мы ехали чудным солнечным днем. Вечером мы были в Цюрихе, там поужинали. Уж было совсем темно, когда в Базеле мы пересели во французские вагоны. Мы попали очень удачно — нас было всего только трое в целом купе, и мы могли спать, протянувши ноги, на что совсем не рассчитывали. На другой день рано утром (в шесть часов) приехали в Париж, через Gare de Strasbourg [Страсбургский вокзал]. Поехали в рекомендованную гостиницу — ни одного номера, в другую — то же самое, хотели в третью, но кучер нам объявил, что он знает, что и там нет места, и предложил отвезти нас в гостиницу, где наверное есть пустые номера. Мы, конечно, обрадовались, и он привез нас в quartier Latin [Латинский квартал] в очень маленькую и довольно грязненькую гостиницу, но два номера нашлось, и мы расположились, умылись, разделись после четырех суток вагонной езды. Несмотря на усталость, мы, только что напились кофе, побежали (как бывало в детстве по приезде в Имоченцы) осматривать все любимые места. Париж мало изменился. Он постарел, еще закоптел, деревья выросли, но в общем характере и строе жизни — ничего нового, так что через полчаса нам уже казалось, что мы только вчера отсюда уехали. Побродивши по Парижу и убедившись, что почти все на своих местах, мы отправились на выставку. Только перешли мост и подошли к башне Eifel'я [Эйфеля], вдруг слышу: «Здравствуйте».

Смотрю — Прасковья Васильевна Циклинская — удивление! Идем дальше в искусство, вдруг опять: «Здравствуйте»— Хрущов. Пошли вместе смотреть искусство и потом идем дальше, снова: «Здравствуйте»— Зинаида Николаевна Якунчикова. Хрущов был очень мил, и мы часто с ним видались, вместе осматривали некоторые отделы выставки и даже на третий день нашего пребывания в Париже переехали в тот Английский family Hôtel [семейный пансион], где он остановился. Очень курьезно мы встретили наших: едем в омнибусе на верху, вдруг по Avenue des Champs Elysées [Авеню Елисейских полей] идут Василий и Наташа. Мы соскочили, спрашиваем: «Где живете?» Оказывается, что случайно они наняли комнату в нескольких шагах от нас — так удачно. Каждый день теперь ходим осматривать выставку вместе.

Первое впечатление от выставки было очень неприятное: что-то лубочное, грубое, какой-то расчет на дешевую рекламу. Потом при изучении находишь массу интересных вещей. Главный недостаток выставки то, что она слишком велика, и хорошая вещь затеряна в огромном количестве вещей неважных, посредственных и часто даже плохих. В отделе искусства только теперь начинаю разбираться и находить очень много хорошего и интересного. Курьезов тоже очень много, чего только не увидишь — и пляску альмеев из Алжира, и китайский театр в аннамском отделе, и скачку каирских оборванных мальчишек на белых осликах. Пробовали мы и кофе восточного приготовления и еще всякой [всячины] можно тут наглядеться..

Вчера были у Антокольского, смотрели его работы, а сегодня завтракали у него и смотрели его музей..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Париж. 23 сентября/5 октября 1889 г.*

..Париж меня страшно захватывает, но выставка еще мало. Первое впечатление огромной, дешевой и не талантливой рекламы. Много лубочного, а тонкого очень мало. Последний раз начала было разбираться и стала находить интересные вещи. В искусстве один Bastien Lepage [Бастьен Лепаж], его Jeanne d'Arc [Жанна д'Арк] и многие другие чудные вещи. Остальное все неизмеримо ниже, хотя много интересного; в других отделах очень хороши иллюстрации, фаянс и потом интересен азиатский восток, между прочим нашла несколько вещей французских, мужицких с нашей резьбой. Вещи Башкирцевой бесспорно талантливы, но совсем недозрелые..[1]

* *Париж. 27 сентября/9 октября 1889 г.*

..Во многих отделах выставки, даже там, где всего меньше ждешь, встречаю я резьбу по дереву более или менее близкую к нашей музейной, напр[имер], в испанском отделе ярмы для упряжи волов, огромные, резные скульптурной резьбой вроде последней костромской. Потом в восточном отделе сандалии и рамка вроде аналоя для чтения Корана..

* *Париж* [*октябрь 1889 г.*].

..В Москве, значит, будем 8/20-го октября. Перемена эта произошла вследствие того, что Василий остается в Париже лечиться у Шарко, а Наташа возвращается одна в Россию; чтобы ей не ехать одной, мы с Константином решили ехать вместе с нею. Несказанно радуюсь тому, что скоро к месту. Жить в Париже хорошо, но не тогда, когда выставка, а то ужасно утомительно. Так много, много видела и много очень хорошего, хочется перестать смотреть, чтобы все это улеглось в голове, и тогда рассортировать все это и распределить по достоинству. Словом, разобраться в том материале, который теперь весь в беспорядке сложен в голове. Кроме того, больше чем когда-либо хочется за работу приняться. Духом я чувствую себя опять очень подвинченной, чего не было первое время по приезде сюда..

Архив Мамонтовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 16 октября 1889 г.*

..Вернулась я из Парижа очень усталая, не физически, а мозг устал набирать впечатления. Я рада вернуться и приняться за работу. Еще не совсем мы устроились и за живопись я не взялась, но в мастерской уже начала работать. Тем, что там сделано во время моего отсутствия, я осталась очень довольна. Выпуклая резьба, привезенная из Нельшевки, имела большой успех, наши ребята быстро ее поняли, и скамейка повторена уже в нескольких экземплярах. Вообще декабрьская выставка будет, я надеюсь, очень богатая в нынешнем году. На днях начнем заниматься этюдной выставкой[2]. Я ставлю бугорок, избу, купавки, ласточек и грибок. Из художников мало еще кого видела. Говорят, что Левитан привез удивительные этюды из Плёса. Видела этюды Сурикова, очень интересная коллекция[3]. Я хотела провести такой принцип, чтобы этюды не продавать, но, кажется, на эту удочку никто не идет. Кажется, кроме меня и В[асилия] Д[митриевича], все будут продавать свои вещи. Так как

Василий остался в Париже, нам с Наташей придется много хлопотать с этой выставкой — боюсь, что она отнимет много времени и сил и что до 1-го ноября не придется, пожалуй, приняться за работу. Вместе с тем, это дело в Москве совсем новое, дело, за которое мы все стояли, кот[орое] провести было не легко, поэтому хочется с первого же раза поставить его на такую почву, которая не дала бы ему провалиться. Хотелось бы применить к ней некоторые приемы, которым научились теперь за границей. Вообще устроить что-нибудь в самом деле очень новенькое, свежее. Все из нашего кружка молодые художники, побывавшие в Париже, тоже очень бодро настроены и, когда встречаешь их, то, конечно, очень приятно поболтать о выставке, поделиться впечатлениями. Почти все одинаково восторженно относятся к Bastien Lepage [Бастьену Лепажу], и в самом деле, чем больше знаешь этого художника, тем сильнее становится грустно, что он так рано умер..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва. Октябрь 1889 г.*]

..Я опять в сильном ударе на работу, пишу старую картину «Прачку» и мечтаю об новой «Игрушечной лавке»[4]. Сегодня начала эскиз, очень увлекаюсь этой вещью. У нас это время довольно часто бывает Аполлинарий Васнецов. Звал к себе: были у него, он показывал этюды с Урала. Настроение его крайне симпатичное, но направление в живописи мне совсем не нравится, сгубил его стилизм, навязанный ему, мне кажется, Виктором Мих[айловичем]..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *17 октября 1889 г.*

..Вчера днем заходил к нам Пастернак, не застал и обещал опять прийти вечером. Очень я ему обрадовалась, можно было с ним поговорить о выставке и опять пожить ею. Он в восторге от искусства, все помнит до тонкости, вообще производит бодрое, хорошее впечатление. Так обрадовался увидать нашу квартиру и вспоминал с удовольствием прошлый год. Очень жалеет, что тебя нет. Затеял писать вечернюю картину и спрашивает тебя, как ты писал «Больную»— днем или вечером..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Париж] 25 октября 1889 г.

..Скажи Пастернаку, что я делал этюды и при вечернем освещении и при дневном, т. е. сцена была устроена при ламповом свете, а на этюд свет падал дневной и ламповый..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 20 октября 1889 г.

..Сегодня и вчера — целые дни буквально возимся с этюдной выставкой. Завтра последний день приема, а у нас, конечно, ничего не готово по случаю позднего приезда. Устраиваем мы щиты из старых ставен, обиваем их темно-синей и темно-красной материей гвоздиками. Заказали гладкий багет и будем все обрамливать; работы немало, и мы призвали столяра Всеволожского. Твоих всех этюдов на одной доске семнадцать. Выходит очень мило и симпатично.. Как только все уставим, так я сниму фотографию с наших щитов и с лучших чужих и пришлю тебе..

[Москва] 21 октября 1889 г.

..В первый раз сегодня ужасно жалею, да и все молодое жалеет, что нет тут тебя, единственного друга и покровителя молодежи[5]. Все это относительно этюдной выставки. Завтра Сергей Михайлович собирает комитет, а послезавтра жюри[6]. И тут ужасно обидно, что тебя нет. Сегодня были мы там, отвезли, что у нас готово, и смотрели, что прислано. Наша молодежь вся двинулась. Архипов выставил прелестные вещи, Виноградов тоже..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Париж] 24 октября 1889 г.

..Сейчас получил от тебя письмо от 20-го октября, где ты описываешь приготовления к этюдной выставке. Очень должно быть интересно. Только ничего ты не пишешь об Костеньке Коровине. Что он: жив ли, здоров ли? Очень бы мне хотелось об нем знать..

Париж. 27 октября [1889 г.]

.. Получил твое интересное письмо от 21-го октября. Как я рад за нашу молодежь, что они работали, и не даром. Удивляюсь только, что об Костеньке ты ни слова не пишешь. Куда он, бедняга, пропал? Тоже не пишешь, приехал ли Семеныч.. Жаль мне, что не увижу этюдной выставки, а очень интересно..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 1889 г.

..Молодежь охает, что тебя нет, а молодежь наша художественная очень симпатична.. Мы теперь затеяли рисование по вечерам. Только строго рисование, как урок. Иванов и Архипов очень обрадовались. Сейчас просидели у нас вечер; славный народ. С ними можно жить — это свет. Четверги я совсем отменяю, чтобы не было праздного народа. Рисование мы назначаем в субботу и в воскресенье, все исключительно молодежь. Между прочим, и Митя Щербиновский. Это университетская молодежь, интересно ее поближе узнать..

Москва. 6 ноября [1889 г.].

..Вчера вечером было у нас первое рисовальное собрание! Очень приятно, потому что народ очень симпатичный. Были: Хруслов, Виноградов, Романов, Архипов, Щербиновский, Голоушев и Пастернак. Очень мило все себя держали. За чаем же разговорились и тут выделились университетские: Щербиновский, Романов, Голоушев и Пастернак. Очень нам понравился Щербиновский,— на редкость симпатичный и при этом удивительно скромный и весьма неглупый. Голоушев приятен тем, что любит молодежь..

Москва [Ноябрь. 1889 г.].

..Вчера у нас рисовало тринадцать человек, между прочим и Врубель, который временно здесь работает над эскизом «Воскресения» для Киевского собора. Он на вид очень неказист, но очень образованный человек и страсть любит философствовать..

[Москва. Ноябрь. 1889 г.].

..Левитан как-то был у меня, довольно долго просидел и просил прийти посмотреть его работы. Вчера мы были с Лилей. Он работает в мастерской у Сергея Тимофеевича [Морозова]. Чудная мастерская, и сам Левитан шагнул громадно за это лето. Работает страшно много и интересно..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Париж] 12/24 октября 1889 г.

..Вчера был я у Похитонова в мастерской и просидел около двух часов; очень он мне нравится, человек с художественным чутьем и не манерист, как я думал, а с любовью добивается правды. Особенно два этюда мне очень понравились. Я его расспрашивал, отчего он живет постоянно за границей, оказывается, что и он и жена его слабы легкими и зимой им в России запрещено. Я уговорил его выставлять к нам на Передвижную выставку, и он обещал. Он говорит, что он давно собирается, что он очень сочувствует Передвижной выставке, что благодаря ей он сделался художником и за границу отправился учиться, чтобы на ней участвовать. Все больше и больше приходится убеждаться, какое хорошее дело Передвижная выставка..

Париж. 3/15 ноября 1889 г.

..Мое лечение, я думаю, принесет мне пользу; что же касается до головы, то ее состояние мало подвинулось, боли возвращаются все с той же силой, и теперь я убедился, что только время и, может быть, деревня ее излечат; поэтому, если ты на это согласна, я вот как решил: достать себе деревушку во что бы то ни стало, и если все будет идти, как предположено, т. е. не случится каких-нибудь случайностей, то я кончаю лечение 16/28 декабря (это будет одиннадцать недель) и приезжаю в Москву 21-го или 22-го декабря нашего стиля. Очень было бы хорошо, кабы дело Бёхова было подвинуто, чтобы можно было ранней весной или, скорее, в конце зимы начать дело промена, а весной и летом помаленьку начать устраивать усадьбу. Как Европа и ни хороша, а Россия в деревне мне милей во сто тысяч раз, а кроме того, прямо подло жить в Европе, когда в России надо работать, особенно если здоровье не гонит вон. Время от времени проехаться по Европе — это полезно для России, а жить в Европе я не согласен. Что же касается до Парижа, то я никогда его особенно не

любил, да и теперь жизнь его меня не притягивает. Тут все необыкновенно удобно, приспособлено, даже превосходно устроено, а сердце не лежит..

Париж. 22 ноября/4 декабря 1889 г.

..Очень я рад, что у вас устроились эти рисовальные вечера, особенно хорошо, что это серьезно. Еще меня порадовало, что Левитан шагнул вперед. Хотелось бы то же самое услыхать об моем милом Костеньке.

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *28 ноября 1889 г.*

..Сегодня появился Коровин, все время болтался на Кавказе, ничего не делал, но поправился..

Москва. 7 декабря 1889 г.

..Вчера я тебе писала и забыла написать о двух очень важных вещах, на которые нужен ответ. У Костеньки заказ в Костроме написать в церковь картину —«Христос идет по морю». Заказ от Кашина, заведующего фабрикой Третьяковых. Заказ недорогой, но все же деньги — тысяча пятьсот рублей. Размер громадный, а именно восемь с половиной арш[ин] на десять с половиной арш[ин]. Холст надо будет выписать. Я достала счет твоего парижского, и оказывается сто двадцать рублей, самый же холст двести пятьдесят шесть франков. Не можешь ли ты узнать в Париже, можно ли получить готовый холст таких размеров? Сам рассчитай, сколько это выходит на метры. Как только узнаешь, так ответь телеграммой. Костенька вообще производит сейчас неприятное впечатление, болтается, ничего не делает, просто хочется на него прикрикнуть, да я и прикрикиваю. Кавказские этюды его очень ничтожны, лучшие все те же, которые он написал у Орловых[7]. А ты их видел. Все бесцельно, недокончено, ни к чему. Мы сейчас так с Лилей заняты, что нас прямо раздражает, когда он тут болтается и мешает. Впрочем, сегодня ему от меня сильно досталось. Третьего дня он был у меня — ехал на Дмитровку. Я прошу его узнать, получены ли сполна все деньги за суриковские этюды, и привезти мне ответ, так как Суриков просил скорее ему выслать. Два дня он болтался по Москве и только сегодня случайно заехал. Я же его пробрала, и он ужасно озадачился. Просто горько, что из малого выходит

какой-то шалопай. А ведь какой хороший мальчик! Он выставил на конкурс своих «Охотников», вдруг вспомнил накануне последнего дня приема и поставил..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — П. Д. АНТИПОВОЙ

* *Москва. 15 ноября 1889 г.*

..Все это время очень много работала и по производству и по сказкам, и картину пишу, и вечернее рисование принимает очень симпатичный характер. Словом, как всегда, затей в десять раз больше, чем времени. В наш кружок вошли новые элементы — очень симпатичные и приятные. Освежение кружка всегда хорошая вещь. На днях была у Левитана в мастерской. Очень много и очень хорошо он работал нынешним летом.. Много интересных работ. Думаю, что картины, с которыми он выступит на нынешней выставке, дадут ему имя..

* *Москва. 23 ноября 1889 г.*

..Сколько я себя ни проверяла, чувствую одно — мне больно и бесконечно грустно будет, если наши отношения кончатся разрывом. Больно и грустно не из каких-нибудь соображений, а просто на основании того хорошего, что было прежде и что изменилось в форме, но осталось в сущности. У меня, говоря совершенно чистосердечно, в душе осталась вся теплота прежних отношений, и моя раздражительность, которую в себе знаю и ненавижу и которая проявляется не относительно только тебя одной, а решительно всех людей,— это только внешняя форма, имеющая, как я предполагаю, физическую причину.. Говорила я об этом с Наташей, но она уверяла меня, что по ее наблюдениям у нас у всех есть что-то с печенью. Работать я буду над собой, но отвечать за себя не могу.

Теперь с этюдной [выставкой] главные хлопоты у нас кончились, но набежало новое очень интересное дело, оно тоже требует много энергичной работы. В Питере предполагается выставка профессиональных школ, туда приглашают и нас, т. е. абрамцевскую школу, к участию. Кроме того, наша молодежь, художники нашего кружка, настоятельно требуют, чтобы у нас восстановились вечерние сборища рисовальные. Для того чтобы придать им больше серьезности, четверги отменяются совсем, и вечернее рисование назначается в субботу и воскресенье. Видела этюды Иванова, Архипова, Виноградова, много хорошего привезли. Меня очень уговаривают начать издание сказок, а мне лично до смерти хочется начинать свои

картины и даже является страх, что не поспею их написать, как бы хотелось, к Передвижной. Словом, дела так много, что дай бог только сил и бодрости, чтобы привести в исполнение все задуманное. Зима обещает быть ужасно интересной и полной содержания. Читала ли статьи Стасова о «Парижской выставке», особенно интересна вторая, относительно искусства много верного, но Bastien'a [Бастьена] он не понял, особенно грубо говорит о его чудной Jeanne d'Arc [Жанне д'Арк], но в общем хорошо[8]..

* *Москва. 23 декабря 1889 г.*

..Получила ли экземпляр моей сказки и как нашла издание[9]. Я не могу сказать, чтобы я была им вполне довольна. Много по неопытности сделала я сама ошибок, дело совсем новое, без этого невозможно — уроки всегда обходятся недешево. Начала слишком поздно, слишком близко к праздникам, поэтому страшно гнала издание, и спешка эта, разумеется, была в ущерб делу. Несмотря на все это, я рада, что принялась за него, потому что не начала бы теперь, может быть, и никогда бы вещи эти не увидали света божьего. А уж теперь два издателя предполагают купить дальнейшие сказки. Увидим, какие условия и насколько лучше меня издадут. Но хлопот и возни с этим делом просто издали себе представить нельзя, что это такое. О художественных работах не пишу, ибо с изданием их совсем запустила..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 30 января 1890 г.

..Вчера приходил Головин, шлет Василию самые глубокие поклоны и самые горячие пожелания. Очень просил, чтобы я заехала посмотреть его картину на медаль, говорит готова, просит сказать ему — можно ли ее ставить. Обещала..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 31 января 1890 г.*

..Василий надеялся вернуться вместе со мной, или, скорее, что я вернусь с ним, у него же гидротерапия кончается 10-го марта их стиля, а прием в Салон —8-го. Салон теперь разделился на Salon Messonier и Salon Bouguereau [Салон Мессонье и Салон Бугеро]. Всякий хочет выставлять

у Messonier[10], и последний срок 8-го. Конечно, это слишком длинный срок и о нем говорить нечего, но я думаю, что ему полезно остаться еще, благо уж гидротерапия помогает, хотя мысль об этом и приводит меня в уныние, но все же буду его на это уговаривать.. Ребят целую и часто об них думаю, когда вижу, как ребятишки играют на Champs Elyzées [Елисейских полях]..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва*] *12 февраля 1890 г.*

..События этого времени все относятся к миру искусства: завтра собираемся открыть клуб пастелистов. Из Питера вести, очень меня огорчившие. Пастернак не принят, Серов, хотя и принят, но не нравится. Наши приятели, то есть Нестеров, Архипов, Иванов, Хруслов — все приняты. Про Н. С. Третьякова не знаю, но, если его приняли, а отказали Пастернаку, то это позор из позоров. Здесь все молодое и свежее возмущено этим.. Репин выставил «экспонентом», это тоже крайне неприятно; что за комедия, в самом деле? Не сочувствуешь? Выходи откровенно и бросай их, а то из Товарищества вышел, а сам у них же ставит — чепуха!

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 21 февраля 1890 г.*

Дорогая Лиленька, мне просто совестно даже faire entendre ma voix (подавать голос); уехала на три недели и вместо этого шесть недель. Но поверь, что я далеко не спокойна от этого, мысль о том, что я на вас подкинула ребят, не дает мне покоя, и я не дождусь, когда мы уедем. Вчера мы провели вечер у Натальи Александровны Герцен; очень она мне нравится, умная и талантливая особа, кроме того, какое-то особенное к ней отношение, как к дочери Герцена, чтение которого, я думаю, для каждого составляет эпоху в жизни и эпоху светлую. Еще очень симпатичные люди Мечниковы, и симпатичные, и интересные. Вообще здесь жизнь можно устроить разнообразно и интересно, да и сам Париж страшно много может дать, но есть сторона его холодная, которая отталкивает, так что успокой Лизу, только хвалить Париж я не буду, а во многом буду и с ней согласна, так что, надеюсь, неприятного впечатления на нее не про-

изведу. Сегодня обедаем у Антокольских.. Отказ Пастернаку ужасно нас огорчил, но здесь во Франции всякие расколы так легко делаются и осуществляются, что начинаешь льстить себя надеждой, что это возможно и в России, только захотеть..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Москва. 21 февраля 1890 г.*

Вчера пришли ко мне наши художники — Иванов, Архипов и Пастернак. Все они ужасно возмущены теми несправедливыми отказами, которые были в эти два года на приеме экспонентов. Они хотят свое это неудовольствие заявить Товариществу и вчера пришли ко мне посоветоваться, в какой форме это сделать. Иванов прочел мне письмо свое к Ярошенке и хочет собрать подписи все или наибольшее возможное количество подписей экспонентов. По-моему, частное письмо к Ярошенке, даже за подписью большого количества экспонентов, не имеет никакого смысла. Частное письмо я понимаю от лица к лицу, или коллективное послание целой группы художников к учреждению, как передвижническое Товарищество,— это опять возможно. Одним словом, мне нравится мысль, но не форма. Нравится, что за обиженных товарищей возвышают голоса такие художники, как Иванов и Архипов, которые ни разу не были отказаны, которые вещи свои продавали на Передвижной. Словом, такие художники, которым лично Передвижная ничего кроме пользы не приносила. Но с формою заявления я не согласна.. Я считаю, что такое заявление вещь очень серьезная, и даже очень нужная, но неумелой формою можно все дело испортить. Мне бы очень хотелось уговорить их дождаться твоего возвращения и до этого времени ничего не предпринимать, а то, боюсь, они наделают глупостей..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. Февраль 1890 г.*

..Вчера вечером был у меня Головин. Видно, малый ужасно одинок и тяготится этим. Просит ужасно соединиться для работы пастелью. Я обещала с первой недели. Вытащила костюм Фауста. Ведь это ничего — не правда ли? Его уже в училище на все лады списывали. Он обещал найти подходящего натурщика. Сеансы устроим днем.

Архив Поленовых.

23. В. А. Серов. Портрет Е. Г. Мамонтовой
Рисунок. 1887

24. В. Д. Поленов. Портрет Н. В. Якунчиковой
Рисунок. 1879

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Москва. 23 февраля 1890 г.*

..Сейчас ушли от меня наши художники Ив[анов] и Архипов. Рассуждали мы много, долго дебатировали все вопросы о несостоятельности их первоначального плана, и в конце концов они со мною согласились. Гораздо труднее будет говорить с Пастернаком, он обижен сам и ужасно горячится. К концу вечера пришел Семеныч и рассказал много нового относительно дел Передвижного Товарищества. По его словам, на этих нескольких общих собраниях был пересмотрен и в основании переделан весь устав Товарищества. Из общего числа членов выделены десять, которые облечены большею властью, нежели остальные, и ведут текущие дела. Словом, нечто похожее на обыкновенные комитеты, которые всегда таким образом стоят относительно общего собрания. Это все, вероятно, сильно изменит ход дел и даже, я думаю, несколько изменит даже физиономию Передвижных выставок, т. е. закрепит за ее членами тот несимпатичный характер генеральствующих, который и без того уже проглядывал за последние годы. Семенычу ничего не сказала об проекте протеста, я ждала, что Иванов скажет, так как он главным образом завел дело. А Иванов настолько чуток, что нашел неловким подымать этот вопрос, раз что я, хозяйка, молчу об нем..

** Москва. Февраль 1890 г.*

По просьбе Головина отправилась к нему и вынесла от него очень хорошее впечатление. Картина его («Снятие со креста») вещь очень слабая, детская, ученическая, но есть у него этюды, которые мне очень нравятся. Из всех этюдов, бывших на выставке, я ему откровенно сказала, что мне нравится только зимний, сказала это без всякой задней мысли, а он тотчас же мне его преподнес. Ну, что ж, впрочем — это не беда, хороший этюд всегда приятно получить. Хорошее впечатление он на меня произвел, во-первых, тем, что он много наработал, во-вторых, тем, что он очень обеднел. Живет тем, что пишет по заказу на атласе цветы для ширмовых панно. Это обстоятельство очень его опростило, и вместо фатишки в нем стал проглядывать человек. Настоящая нужда не свой брат, а ему, видно, материально живется куда как тесно. Кроме того, я думаю, ему ужасно полезно было побывать в Париже. Там он увидал, так сказать, предел техники. Кроме того, убедился, что на самом деле французы настоящие у себя дома более *просты*, чем та репутация, которая о них создалась. Увлекся тоже пастелью, и очень мне понравилось, как он сработал этюд головы. По-моему, портрет этот так хорош, что, наверное, мог бы получить в нынешнем году премию — глупо, что не поставил..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — С. В. ИВАНОВУ

[Москва] 19-го марта 1890 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич, нынешняя неделя у меня так распределилась, что только в среду вечером я буду дома, поэтому если Вам можно и документы у Вас будут готовы, то зайдите в среду за моей подписью, в которой Вы почему-то так не уверены. А между тем делу, Вами начатому, я глубоко сочувствую, несмотря на то, что моя и без того поколебленная вера в успех нашего предприятия перешла теперь в уверенность полного неуспеха. Это впечатление я связываю отчасти с тем, что приходится слышать о настроении некоторых членов Товарищества, но еще более (Вас, может быть, это удивит), еще более с тем, что Вы решили уехать теперь из Москвы, да еще уехать с намерением не возвращаться больше. В самом деле, в кои-то веки в художественном мире как будто что-то шевельнулось. Точно пробудилось какое-то неясное, может быть, еще мало выраженное, но уже ощутительное сознание необходимости чего-то нового, потребности освежить затхлый воздух. Все чувствуют, что подходит время каких-то перемен, и вот в такую минуту, сколько я понимаю, очень важную и дорогую, Вы хотите уехать — Вы, которому изо всех мне известных художников этот вопрос обновления дороже и ближе всех, который сознательнее всех к нему относится и который один изо всех способен начать действовать. Заметьте, в настоящее время везде поприздумались,— и в Академии, и у передвижников, и даже на нашей глубоко дремавшей Дмитровке. Одни ищут, как бы устроить дело на новый лад, другие, напротив, думают о том, как бы только изгнать ненавистные новшества, незаметным образом вкравшиеся в их среду, и огородить себя от них вперед, чтобы защитить свои традиционные «здоровые» взгляды и принципы от того нового, бессмысленного вздору, что вносит подрастающее поколение художников в искусство. Словом, все насторожились и ждут. Мне кажется, что теперь каждый день может принести что-нибудь новое, а Вы хотите в такое время бросить пост и отойти в сторону.

Впрочем, еще увидимся и потолкуем.

До свидания. *Е. Поленова*

Архив Поленовых.

В ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ВЫСТАВОК

В последние годы на Передвижных выставках Товарищества число картин экспонентов все более и более возрастало. Качественная сторона всего вносимого экспонентами наиболее резко определялась тем, что само

Товарищество, принимая их произведения на свои выставки, признает их способными возвысить художественный интерес последних. Таким образом, в основе огромного интереса и несомненной заслуги, которые Товарищество имеет в глазах общества за двадцать лет своего существования, лежит некоторая и притом все возрастающая доля участия и экспонентов. Отсюда естественно желание экспонентов стать более, чем пассивными наблюдателями судьбы своих картин, представленных на суд Товарищества.

Выражая это желание, мы, нижеподписавшиеся экспоненты, обращаемся в общее собрание Товарищества с следующим предложением: не найдет ли Товарищество своевременным допустить к баллотировке экспонентских картин членами и тех экспонентов, художественное направление которых, через их неоднократное участие на выставках, успело достаточно определиться.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 30 марта 1890 г.*

..Вечером прибежал Иванов возбужденный, довольный, потом приехал Третьяков [Н. С.], такой скучный, кислый, тоску наводящий. Во вторник рано утром (то есть по-нашему рано: в десятом часу) побежали мы на экзамен в Училище. Там выставлено на большую медаль восемь картин, у нас сердце порадовалось, восемь свежеиспеченных художников, из них те, которые знают о происходящем в худож[ественном] мире, ужасно грустят, что не были годом раньше произведены в художники и не выставляли в нынешнем году на Передвижной. Так им хотелось бы подписаться. Домой возвратились, меня уже ждали мой дворник, Петр Трофимович[11], и натурщица. Принялась за картину на новом холсте. Этот бесенок Петрушка просто меня из терпения выводит — чистая ртуть. Работа идет бодро, и результат получается недурной. В два часа пришли Шанксы писать академию[12]. Во время сеанса пришел Василий с экзамена, и так как во время работы посторонние не допускаются, то он вызвал Наталью сообщить результаты. Обе Шанксы сделались белые как полотно[13]. Входит Наталья, хохочет и кричит: «Где тут у меня английская соль, а то с ними дурно будет». Те ничего не понимают, оказывается, что старшая получила медаль за картину, а Маша две медали за этюд и рисунок в натурном классе, т. е. кончила школу. Вот молодец девчонка. В одну зиму прошла натурный класс. На радостях всей компанией мы отправились на выставку «старых мастеров», устроенную Семенычем. Интересная, но, наверное, посещаться не будет, особенно рядом с Передвижной. Среду работала усердно, кончила Петрушку, кажется, довольно

удачно, кто видел — хвалит. Наши ездили в Бёхово, вернулись усталые, но довольные[14]. Сегодня (четверг) опять работала, написала нового натурщика Андрюшку, если завтра напишу прачку, как рассчитываю, то с фигурами покончу на этой неделе и тогда перейду на обстановку.. Василий ходил устраивать Передвижную. Говорит, что не находит ее такой плохой, как рассказывали, уж не знаю, говорит ли в нем голос передвижника или просто художник[15]. Так как я не экспонент для нынешнего года, то ранее первого дня праздника не увижу выставку..

** Москва. 22 апреля 1890 г.*

.. У нас это время было очень много художественных волнений разного рода. После приезда Ярошенки Семеныч, который до тех пор был довольно спокоен, вдруг проникся пылающим чувством к передвижникам и на днях приехал объявить мне войну. Он виделся с Серовым перед отъездом его в Кострому и так на него напал и отчитал его, что Серов будто бы готов отказаться от своей подписи. Впрочем, я не могла хорошенько понять, то у него выходило, что Серов не сочувствует нашей затее и готов будет подписать то контрпослание, которое Семеныч* составит и пошлет в Общее собрание для парализирования нашей; то, напротив,— он повторял слова Серова, который будто бы сказал: «подписи я назад не возьму, и если сделал ошибку, то сам и расплачиваться должен». Надеюсь, что это ближе к истине. Но Семеныч и рвет и мечет, налетел тоже на Третьякова. И что это вдруг его точно что укусило. Перед передвижниками хочет, должно быть, выслужиться и в члены попасть не мытьем, так катаньем: очень он становится неприятен. Н. С. Третьяков оказался мужественнее и не хочет отступать, несмотря на то, что Семеныч грубо его упрекнул его художественной ничтожностью. Все это, конечно, не радует. Общее собрание на Дмитровке было тоже со всевозможными столкновениями. Словом — художники зашевелились. В начале прошлой недели мы ездили на Оку. Был чудный день — впечатление от поездки вывезли самое симпатичное. Места мне не особенно нравятся, лесу мало, но зато река — это один восторг. Работаю я эти дни не особенно прилежно. Очень меня отвлекают мечты о новой картине Александровского времени. Читаю и наслаждаюсь чтением Пыпина. Какой талантливый писатель. Сейчас сидел у нас С. Т. Морозов. Очень одобрил мою картинку [«Гости»]. Рассказывала ему все наши художественные треволнения, показала знаменитое «заявление», которое наделало столько шуму в художественном мире Москвы. Нашел его очень умеренным и удивляется отношению к нему Ярошенки, а еще более Семеныча..

Архив Мамонтовых.

* Н. С. Остроухов.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Париж*] *28 мая 1890 г.*

Даже не надеюсь на Ваше прощение, слишком виновата перед Вами, дорогая Елена Дмитриевна, но, может быть, если письмо это застанет Вас в добрую минуту, Вы вспомните обо мне. Стоит ли отыскивать и объяснять причины моего безобразного поведения, пожалуй, Вам скучно будет. Скажу только, что не проходило дня, чтобы я не думала о том, что написать Вам, но все оказывалось негодным, и чем больше проходило времени, тем труднее становилось приступить к этому.

Вот и теперь думается: что, как Вы за это время совсем переменились, и я не знаю, какая Вы новая? Если перестанете когда-нибудь сердиться на меня, напишите мне два словечка. Получили ли каталог Champs Elysées [Елисейских полей]? Неправда ли, скука кромешная? Оттого-то я ничего не могла написать Вам о нем. Японские тетрадки, которые я туда вложила, куда интереснее. Каталог Salon Messonier [Салона Мейсонье] послала я Василию Дмитриевичу. Вот там есть вещи хорошие, хотя в общем остается воспоминание клочков и почти нет вещей, про которые можно было бы сказать — вот это все, это так. Остается в памяти темперамент направления художника, а не отдельная картина.

Скажу Вам, кто мне особенно запомнился: Bésnard [Бенар], знаете, конечно, выставил не особенно много и хорошо, но, как всегда, что он ни сделает, все производит впечатление. «Une famille» [«Семья»] была зимой в Cercle Boissy d'Anglas [в кружке Буасси д'Англа], комната взята почти вся, и в ней живут, сидят, идут взрослые и дети. Зря боком, прямо, спиной, у самой рамы двое детей лезут на зрителя, у одного мальчишки как-то боком голова с глупой живой миной, все движется великолепно. Жаль, зачем на нем так видно французскую необходимость выдумывать.. негодные вещи. Вот он изобрел себе краски, известное количество цветов.. и красит особые предметы выдуманным для него цветом.

Как странно, как не вяжется у французов это желание системы ограничить чем-то себя с постоянным стремлением к новизне. На пастельной выставке вещи у него были чудесные, главное рисунок. Он имеет в рисунке что-то общее с Manet [Мане]. Двое рыжих детей в углу дивана сидят немножко комком, чудо! Zorn [Цорн], помните, в норвежском отделе гуаши? Его три небольшие вещи масляные. Женщина входит в воду; на теле и на воде, на песке рефлексы, тени, полосы света.

Дама лежит на диване в ракурсе немного, сбоку освещена и лампой и денным светом, довольно обыкновенно, но полно энергии и легкости.

Портрет господина в кабинете за письменным столом — лучшая вещь из трех, и тень и свет — все спуталось и живет.

Самое привлекательное в работе его—это «franchise d'execution» [свободная манера живописи], что французы, кажется, у него не одабривают.

Другой норвежец, не помню имя, большая штука «Derniers rayons» [«Последние лучи»). У самой рамы посредине до пояса сидящая старушка и маленькая девочка, сзади деревья, изба, на всем клочки заходящего солнца; полупейзаж, полужанр. Meunier [Менье] — три маленьких картинки:

1. Женщина в розовой кофте сидит на краю каменного моста, смотрит на речку, — ровная зеленая свежесть серого дня.

2. Вода и берег с кустами и деревней освещены вечерним солнцем. Вот самая лучшая, даже всей выставки.

3. Наступает темнота в деревенском городе. Светлое небо с звездой, маленькая площадь, вдали ворота, забор. Налево дом задом к закату, его стену очень узко видно, освещенное окошко, из двери высунулась старушка и окликнула проходящего Jean [Жана] или Vincent [Винцента], который, возвращаясь с работы, повернул голову и остановился, чтобы поговорить. Слышатся и голоса их, и шаги по мостовой.

У L'Hermitte [Лермита] были недурные штучки на пастельной выставке, только он скучен à la longue [длительно], все та же манера и непродолжительность действия на чувства зрителя. Дворы, окна, куры, interieur'ы [интерьеры], все то же. Ах, да, вот что: месяца два тому назад была выставка «Des artistes indépendants» [«Независимых художников»]. Искание теории живописи у них достигло такой явной степени, что это было просто преинтересно, тем более, что между ними много талантливых. Представьте, что они выдумали: неожиданным образом они поняли, что цвет предмета плюс цвет воздуха или другого предмета, отражающегося на нем,— равно новому сложному цвету, и для большей ясности условились они не смешивать тона на палитре, а на холсте, т. е. класть отдельно друг от друга крапинками одинаковой формы и величины мазки разного цвета, например: тень на песке — мазочки коричневые (тон неосвещенного песка), лиловые и синие (тон неба). Все эти схемы были бы противны и неинтересны, если бы вещи были бездарны, но так как в них есть что-то привлекательное, то поневоле внимание задето.

Ну, вот, покамест, то немногое, что могла довести до Вашего сведения.

Об себе говорить боюсь после такого долгого молчания. Кто знает, как примете Вы мое послание, только знаете, если Вы мне напишете о себе, то я буду на седьмом небе. В Россию еще через несколько месяцев, здоровье совсем дрянь, едем в Биарриц, мамаша, Вера и я.

«Der Weg zum Glück ist lang; und Kurz ist unsere Freude» [«Дорога к счастью длинна и коротка наша радость»]..

А все-таки, мне кажется, что я заслуживаю некоторого снисхождения. Многое еще могла сказать Вам о себе, но боязнь надоесть мешает.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. В. ЯКУНЧИКОВОЙ

* [*Москва. Июнь 1890 г.*].

Я Вам очень благодарна, милая Маша, за присылку каталога. Очень вдохновительно действует всякое, даже издали, общение с французской жизнью искусства.. Куда думаете на лето, неужели мы уж и вовсе Вас не увидим в Москве. Очень жаль. Хочется видеть от Вас такие вещи, в которых выразился бы Ваш самобытный, всегда не радостный и всегда с вопросом, взгляд на жизнь. Неужели Вы не скоро напишете картину вроде, т. е. равносильную, однозначащую с той, которую так хорошо задумали Вы давно, в Жуковке, с дикой рябинкой?.. Нового во мне очень мало или, вернее, ничего, т. е. во мне лично, если есть что нового, то это моя вновь задуманная картина.

..Картина моя довольно оригинальна по концепции: из трех действующих фигур две срезаны рамою так, что видны одни лишь ноги. Только одну фигуру видно всю с ногами и с головой. Размер фигур в натуру. Когда пропишу ее настолько, что сюжет будет понятен, сниму с нее фотографию и пошлю Вам. Очень мне любопытно знать, что Вы на это скажете. Коровин, который на днях возвратился из Костромы, где у него и у Серова был заказ огромного образа (говорят, вещь очень интересная), так сострил насчет этой картины: «Когда в картине безголовые — это ничего, нехорошо, когда художник безголовый». Наташа прибавляет, что он по опыту, должно быть, знает, что это в самом деле не ладно. Какой он талантливый и как туго он выражает свою талантливость, именно потому, что царя нет в голове.

У нас здесь в художественном мире много произошло событий довольно знаменательных для будущего. Давно уже назревает недовольство на узкость тех требований, которые передвижники известным нравственным давлением предъявляют художникам. В нынешнем году особенно обострились отношения между старым и молодым, между передвижниками и экспонентами. И вот между здешнею молодежью зародилась мысль предъявить свои права на художественное существование, открыто объявить, что есть художники, которые, имея свои собственные.. идеалы и принципы, не желают подчиняться условной рутине, передвижниками установленной. Я, конечно, очень сочувственно отнеслась к этому проявлению самостоятельной жизни между нашими молодыми художниками. Они хотят представить в собрание передвижников заявление, в котором выражают желание участвовать в составлении выставки. В настоящее время собираются подписи. Подписалось уже тринадцать человек экспонентов. Здешние передвижники, исключая Вас[илия] Дм[итриевича], страшно возмущены такого рода смелостью со стороны московской молодежи. Из экспонентов против этого движения восстал Илья Семеныч, который очень за это время изменился. Многие отказались подписаться,

так что и экспоненты разбились на два лагеря. На нашей стороне оказалось все-таки много талантливых имен, например: Серов, Коровин, Левитан, Архипов, Пастернак. Из отказавшихся назову Остроухова, Нестерова, Светославского, несколько одесситов и петербуржцев. Что из этого выйдет, сказать трудно — нам, по всей вероятности, откажут и в форме, вероятно, довольно резкой, т. е. будет откровенно высказано то, что уже чувствуется в воздухе. Тогда придется откланяться и расстаться с передвижниками. Но куда идти, вот вопрос, на который еще ответа никто себе не дает. Думаю, что придется идти в Академию художеств, там свободнее... туда можно являться с каким угодно художественным направлением, туда всех пускают, а уж публика пускай разбирает, кто из художников ей больше полюбится. Признаюсь, такое отношение, конечно, для меня гораздо симпатичнее, и если бы удалось перебраться туда целой группой, хотя бы нашего московского художественного кружка, то это был бы выход.. За ними одно огромное преимущество — это передвижение.. Было говорено и об составлении отдельного общества. Но это еще рано, да и сил и времени много уйдет, лучше употребить их на художественную работу. Пишите, выучивайтесь и давайте нам картину, новую, небывалую, нам очень нужны такие силы, как Ваша. Талант у Вас есть и совсем особенный, ни на кого и ни на что не похожи Ваши замыслы — это-то и нужно, это-то и дорого..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 31 мая 1890 г.*

..Сижу большею частью дома и работаю много. Днем пишу картину новую с детенышем и лавочниковыми ногами, страсть, как ее теперь люблю. Это лучшее время, когда картина только что начата, потому что в воображении видишь ее такою прекрасною,.. хорошо исполненной; вот, когда уж через половину перевалишь, тут другой разговор, тут уж воочию натыкаешься на трудности и начинаешь видеть, какая она приблизительно будет и насколько она не похожа на ту, которую себе воображал, когда она создавалась. По вечерам читаю разные отрывки из Александровского времени и делаю выписки. Людей видаю мало, если кого и вижу, то почти исключительно художников..

* *Москва* [*Июнь 1890 г.*]

..По вечерам работаю над новыми мотивами для производства и очень этим увлекаюсь. Много мыслей на этот счет. Особенно мне нравится,

как выходит у меня висячий шкапик. Очень будет, кажется, элегантная вещица. Вдохновляюсь материалом (зачертками), привезенным в прошлом году из Костромской губ[ернии]..

Москва. 5 июля 1890 г.

..У меня в голове такой эти дни, или, вернее, эти ночи, такой наплыв новых картин и из таких неожиданных областей, что даже подчас утомительно и тяжело.— Иванов (Серг[ей] Вас[ильевич]) говорит, что творчество — это болезнь, я думаю — он прав. К Александровской чувствую некоторое охлаждение. Вообще, покуда буду воздерживаться от трудно выполнимых и сложных сюжетов. Поработаю на жанре, буду писать то, что под руками, а там со временем, когда буду чувствовать, что оно у меня в руках, а не я в его руках, тогда... О, тогда многое кое-что можно будет сделать..

Архив Мамонтовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Бёхово. 24 июля 1890 г.*

Дорогая мамочка, вчера вечером мы оба вернулись сюда и оба не нарадуемся на свое гнездо, не уехал бы отсюда — спокойно, тихо, уютно и, главное, свое..[16]

* *Бёхово. 15 августа 1890 г.*

..Василий и дети блаженствуют, хотя стоит зной и ветер невыносимый. Насчет промена земли[17] Василий еще не начинал хлопотать, да едва ли стоит начинать, так как с 1-го сентября будут введены земские начальники..

Бёхово. 31 августа 1890 г.

..На днях приезжал к нам из Тулы судебный пристав для ввода во владение. Надо было совершить эту формальность для того, чтобы начать дело с крестьянами.. Стройки и работы еще много, и мы постараемся остаться здесь, сколько возможно будет. Василий получил известие, что комиссия по пересмотру устава Академии[18] соберется еще не скоро, следовательно, мы можем спокойно жить здесь.

Архив Поленовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Абрамцево. 20 сентября* [*1890 г.*]

В гончарной[19] производят разные пробы красок, глазури и т. д. Наша глина оказалась очень хорошей. Дрюша и Врубель заняты моделями изразцов. Дрюша кончает печь, которую и исполняет первой.. В гончарной четыре ученика..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* [*Москва*] *26 октября 1890 г.*

..Василий, только бы не сглазить, просто прелесть, как хорош; бодрый, веселый, занят и заинтересован всем, что делается вокруг, словом, смотреть на него весело. В настоящее время хлопочет об этюдной выставке и велел мне просить тебя дать для этой выставки Репина «Букет», который висит у вас в столовой. Разрешение Репина он имеет. Репин просит его выставить тоже Савву Ив[ановича] в белом и те его этюды, которые у Василия и Семеныча. Участие Репина в таком деле, конечно, очень дорого и может поднять интерес выставки[20].

Архив Мамонтовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Бёхово. 20 ноября 1890 г.*

19-го на станции ждал землемера, и доехали отлично. Сегодня в восемь с половиной часов собрались мужики, я им объяснил планы, особенно подробно расспрашивал Нил Федотов [Бабкин], который был приглашен понятым и доверенным для подписи. Андрей Осипович прочел «добровольное соглашение». Староста, которого я позвал для приложения печати, потребовал удостоверения в согласии отсутствующих, написали еще бумагу и, наконец, в десять ч[асов] двадцать м[инут] подписал и приложил печать. Во все время мужики вели себя очень дельно, Кирилл [К. В. Куржупов] кивал головой в знак одобрения и, когда я спросил, так ли бумага написана, Кирилл сказал, что бумага написана как следует, все, что говорили, там есть.. Староста сказал мне, что земский начальник будет у нас в волости 23-го, т. е. в пятницу, так что, может быть, он и к нам приедет. Завтра я все-таки еду к нему и узнаю, постараюсь, чтобы он завернул, может быть, и по снегу пройдем границы. Это было бы удачно..

Архив Поленовых.

ГЛАВА XI. 1891—1892 годы

В. Д. Поленов в Петербурге на заседании жюри Товарищества передвижных выставок. Выставка 1891 года. Левитан, Остроухов, Архипов выбраны в члены Товарищества. Письма М. В. Якунчиковой из Парижа.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 5 февраля 1891 г.

..Сейчас получил из правления передвижного Товарищества следующие сроки:[1] последний прием картин экспонентов — 25 февраля, членов Товарищества — 3 марта, второе общее собрание — 6 марта, посещение государем —7 марта. Помещение выставки: Большая Морская, д. 38..

Петербург. 9 февраля 1891 г.

..Как обидно, что Коровин.. вздором занимается, а не пишет картину; жаль за его огромный талант, который так и не выразится в чем-нибудь крупном. Был я вчера у Беггрова и Шишкина, оба очень радушно меня встретили, Шишкин с извинением, что не ответил на письмо, и обещал подарить этюд..

Петербург. 13 февраля 1891 г.

..После заседания[2] меня просили передвижники к Шишкину, там были все петербуржцы; между прочим, говорили, что вчера получена от московских экспонентов бумага, где они желают и т. д. Говорили без раздражения, а Брюллов даже как будто с симпатией.

Петербург. 17 февраля 1891 г.

Я заходил на выставку, где уже присланы некоторые вещи экспонентов; одна особенно мила — некоего Симова[3], но, вероятно, не Костиного товарища: слишком жизненно, а он уже манерист. Интересно бы узнать. Изображено: художник сидит перед картиной, а к нему как-то прилепилась его жена или будущая жена, ученица; так тепло и живо взято и талантливо исполнено, что прелесть. Недурная вещь Касаткина «У заставы»[4]. Ко мне на днях приходил Рябушкин, маленький, худенький, немного картавый, страшно интересный юноша. Я его звал к нам, когда приедет

в Москву, он хотел там поселиться. Для тебя он ничего не представляет, так как ты не видела его чудной картины[5]. Репин, с которым я опять довольно сошелся, все уговаривает перебираться в Питер.

Петербург. 4 марта 1891 г.

..Баллотировка дала прилагаемые результаты. Из близких не прошел Головин. От Лили все в восторге![6] Пастернак тоже всем очень нравится.. От Шанкс даже Маковский в восхищении. Костенька возбуждал много толков, руку он поправил, но желательно лучшего..[7] Из тех, кого вы не знаете, хорош Рябушкин «В ожидании молодых»— немного странный желто-зеленоватый тон, но ужасно много правды, какая была у примитивных мастеров.. «Дворик» Левитана производит общий восторг. «В обители» всем нравится верх, но вода не вполне удалась, слишком режет..[8]

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 4 марта 1891 г.

..Сегодня с утра сидят у нас Коровин и Щербиновский: в волнении, принят ли у вас Коровин. Сейчас четыре часа, телеграммы от тебя еще нет, они уж не дождались и ушли. Бал коровинский не удался, вышел какой-то балаган. Он сейчас настроен хорошо, целовал мне руки и со слезами клялся, что не пойдет к Савве на декорации, в случае нужды возьмет денег, будет серьезно работать, осенью продаст и воротит долг. Увидим, пойдет ли это далее клятвы..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 5 марта 1891 г.

..Целый день устраивал выставку с Савицким и Дубовским, и много еще осталось дела.. Очень рад, что Константин хоть клянется, и то хорошо. Как бы было хорошо, если бы он на себя напустил строгости и написал бы пароход в Костроме[9]. Много приходится об нем говорить, и, что странно, Ге его больше всех понял и оценил. Особенно нравится ему голова. Но много еще Константину надо работать, чтобы из его таланта выходили настоящие чудеса живописи, а не перепутанные с недописками и недохватками..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 5 марта 1891 г.

Вчерашний день прошел в беспрерывном волнении от ожидания твоей телеграммы. Коровин и Щербиновский опять приезжали вечером. Шанкс просидела до двенадцати часов ночи, и все напрасно. Сегодня утром Коровин опять заезжал, но известий еще не было; хотел опять заехать часа в четыре, но еще не был. Как только пришло твое письмо с результатами, так я выписала имена и послала к Шанкс, где работали Лиля, Эмилия и Головин. К счастью, Головина не было, а то как-то неловко радоваться[10]. Ничей прием нас всех так не радует, как коровинский: может быть, это даст ему толчок. Если бы только ее еще купили, то он, наверное, стал бы сейчас работать и отказался бы от декораций Саввы..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 5 марта 1891 г.

Вчера приносили на выставку передвижники свои картины и раскупоривали московские. Суриков мне очень нравится, в красках огромный успех[11], но что меня совсем захватило, это В. Е. Маковский с маленькой картинкой, изображающей l'amour au village [деревенскую любовь], только не «au village» [в деревне], а на даче, впрочем, не буду рассказывать, чтобы не портить впечатление, сама увидишь. У Прянишникова мне «Невеста» очень нравится. И тот и другой подражают французам, Даньяну, импрессионистам [...]. Прянишников на это ужасно сердится, а я его все поддразниваю..[12]

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 6 марта 1891 г.

..Однако, судя по твоим письмам, москвичи совсем забили петербуржцев. Работают свежо. Интересно, если не забудешь и если знаешь, то напиши, сколько было всех картин экспонентов и сколько принято. Костенька совсем ликует, особенно, когда я ему сказала, что против него было всего четыре голоса..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 6 марта 1891 г.

Три с половиной часа ночи. Я вернулся с общего собрания. Много было на нем тяжелого, но Ге меня совершенно обворожил. Чудный человек, умный, высокочеловечный..

В Совет[13] выбраны: Ярошенко, Лемох, Брюллов, Маковский, Поленов, Киселев, Суриков, Савицкий. В члены Товарищества по предложению Совета пяти выбраны: Светославский, Шильдер, Архипов, Левитан, Остроухов, Загорский, Лебедев, Степанов, Позен, Касаткин. Была прочитана петиция и вызвала страшную ругань со стороны Волкова и большое неодобрение Ярошенки, Маковского и Прянишникова и удивительно умное и человечное возражение им со стороны Ге..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 7 марта 1891 г.

..Сегодня был у меня опять Костенька, к сожалению, до получения твоего письма. Все продолжает еще обещать и хочет писать картину «Первая любовь»: крылечко, воробушки и т. п. Я люблю, когда он в таком настроении, только бы Савва Иванович его не увлек, а уже начал за ним ухаживать..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 7 марта 1891 г.

Сегодня у нас на выставке были сначала президент Академии с супругой, а потом государь с государыней. Их принимала принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. Их величества были необыкновенно любезны, обо всем расспрашивали, но очень мало купили. Государь — условный пейзаж известного Шильдера, а императрица — плохую головку Харламова и маленький, ничтожнейший пейзажик Маковского.

Про Костенькину картину государь сказал: «Это из школы импрессионистов». На что государыня ответила: «Je ne suis pasá le hauteur de cette peinture» [Я не на высоте этой живописи]. А государь сказал: «Mais ça laisse beaucoup á désirer» [Это оставляет много желать]. И

правда, на выставке эта вещь оказывается только талантливыми намеками. Очень было бы полезно Константину увидать эту картину выставленной.

Экспонентами картин было представлено 147, принято — 91, из них представлено москвичей — 44, принято — 42. Из других мест империи, главное Петербурга, представлено —105, принято —49, забраковано — 66..

Ярцева и Иванова возненавидели за руководительство протеста и от того Ярцева и не приняли в члены. Ответ на заявление экспонентов был предложен Ярошенкой, смысл его выражается словом — «молчать», а Прянишникова, который был принят большинством,—«убирайся к черту».. Они признают приславших картины отказавшимися от заявления. Так что Иванов и Серов твердо стоят на почве и будут наказаны. Словом, мудрецы.

Перед моей картиной «Ранняя зима»[14] я подробно рассказал государыне про Бёхово, так что даже она захотела взять себе, но государь заметил, что зимние пейзажи наводят на него уныние: «И так у нас зима почти полгода». По той же причине он не позволил ей купить Касаткина «За хворостом», даже сказал оппозиционное слово: «Я протестую». Вообще они экономию сильно соблюдают. При прощании государь сказал, что «выставка ваша очень хороша, а академическая совсем плоха», и спросил у Брюллова: «Есть надежда на соединение с Академией?», и на его молчание сказал: «Или надежда плохая?»

Вечером было первое заседание Совета передвижников, где я при сильной поддержке Ге и Брюллова сделал несколько предложений: первое — привлечь экспонентов к экспертизе своих картин совместно с товарищами, и был единогласно отвергнут, кроме Ге и Брюллова; потом предложение о баллотировке или принятии картин членов товарищей на выставку, а не выставление их бесконтрольно, и тут был единогласно отвергнут, за исключением Ге; третье — участие в дивиденде экспонентов. В этот раз был совершенно единогласно отвергнут. Даже сам отказался, потому что по расчетам без путешествия экспонентам пришлось бы больше платить процентов, чем получать дивиденда. Во всем этом было много хорошего. Во-первых, я убедился, что я не один, а второе — мне стало ясно, кто они такие. Они прямо боятся молодежи.. На слова Ге, что экспоненты не чужие нам люди, а младшие братья, Мясоедов сказал, что это игра в либерализм, а Ярошенко, что экспоненты, пока мы не признали их достойными быть членами, нам посторонние люди..

..Выставка открывается в субботу и очень недурна. Про Лилину картину государь сказал: «Какая живая сцена», а государыня сказала: «Quelle grande peinture. Ils sont gentils ses mioches» [Какая серьезная живопись. Милы эти малыши]. Картина Эмилии Шанкс тоже заинтересовала императрицу. Я подробно рассказал, в чем сюжет..

Петербург. 8 марта 1891 г.

..Сегодня я обедал у Репина. Он только что вернулся с нашей выставки и ужасно хвалил ее. Особенно ему нравится Касаткин, по живописи — Костя Коровин. Он говорит, что чудесный прием, чисто испанец старинный, только строже надо рисовать и вообще учиться — талант огромный..

Вечером он меня повел в мастерскую мадам Кавос — молодой художницы, у которой по пятницам работают вечером с женской натуры. Очень симпатичная компания, мне напомнила Academia Qigi в Риме [Академию Джиджи]. Репин делает офорт. Следующий раз и я попробую..

Петербург. 18 марта 1891 г.

..Ты ..думала, что я выйду, нет, я никогда не имел этого намерения.. Я слишком люблю Товарищество, слишком твердо верю в его главную цель и слишком уважаю самих товарищей, как людей, намного выше стоящих всего остального строя, чтобы уходить оттуда; напротив, я остаюсь, чтобы бороться и приносить сколько могу пользы общему делу. Выставка, благодаря экспонентам, да и товарищам вышла по общему отзыву на редкость удачна.

Вчерашний обед прошел, как никогда, симпатично, особенно благодаря Ге, который сказал превосходную речь.. Я совсем изменил отношение к моим антагонистам. Надо брать у людей, что в них есть хорошее, а не портить себе существование их дурными сторонами. Потом Маковский петь стал малороссийские песни под аккомпанемент гитары. Я ужасно люблю его слушать. Он почти шепотом говорит, но с таким музыкальным чутьем и с таким глубоким чувством, что все затихло и почувствовалась настоящая высочайшая художественная нота. Всех охватило настроение любви и красоты, и все лучшее в жизни вспомнилось каждому. Чудная минута.. Я внутренне совсем примирился с Маковским..[15]

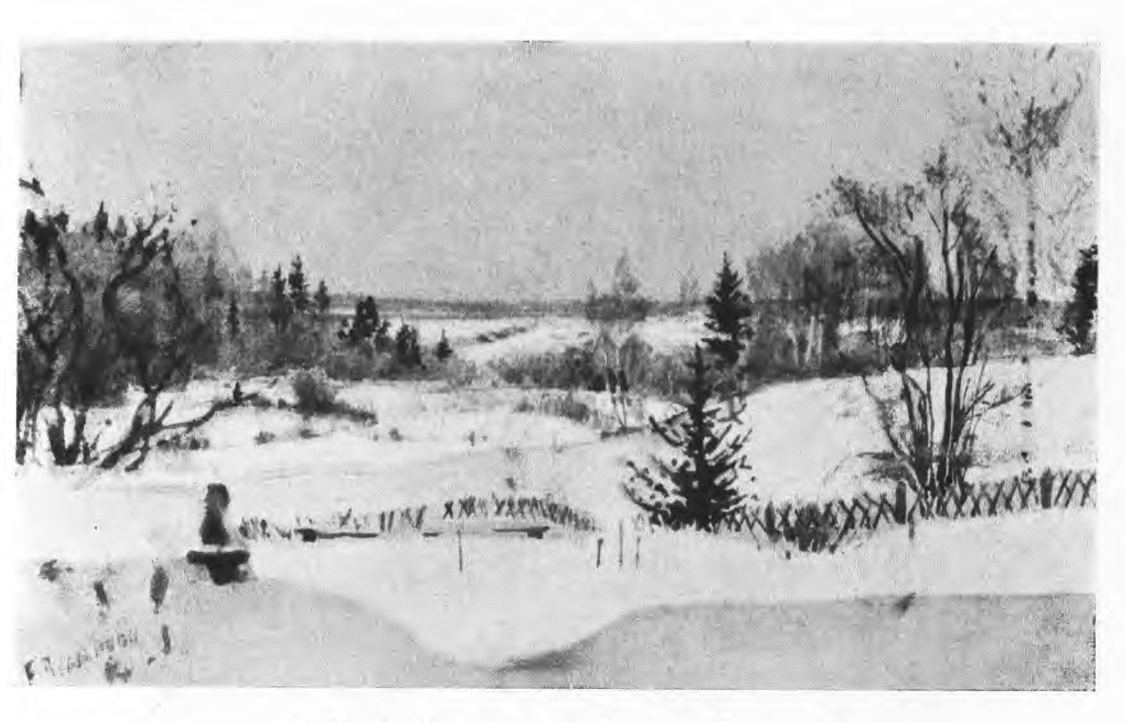
** Петербург. 20 марта 1891 г.*

..Как мне приятно слышать про Левитана, что он в хорошем настроении, хочет работать и доволен тем, что был на обеде[16]. И я остался доволен обедом и тем, что приняли так много молодежи. Действительно почувствовалась возможность обновления, какой-то молодостью повеяло..

Третьяковская галерея.

25. Е. Д. Поленова. Желтые цветы. Абрамцево
Акварель. 1885

26. Е. Д. Поленова. Хотьковская дорога. Абрамцево
Акварель. 1880-е гг.



27. Е. Д. Поленова. Зима в Абрамцеве
Акварель. 1880-е гг.

28. Е. Д. П о л е н о в а. Образцы народной резьбы
Акварель. 1890-е гг.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 5 марта 1891 г.*

..все это время хотела тебе написать, во-первых, чтобы выразить свое впечатление, вызванное Дрюшиными эскизами к собору[17]. Должна сознаться, что они превзошли мои ожидания. Есть небольшие недочеты, которые, впрочем, он и сам видит и которые легко могут быть удалены, но в общем они не только хороши, не только красивы в линиях и красках, но еще (и это всего дороже) они носят на себе печать прочувствованности и творчества. Нашим всем его вещи тоже очень нравятся. Кажется более всего, и на этом все сходятся, нравится звездное небо. Дрюша мне сказал, что он собирается сочинить для производства какой-нибудь новый тип в собористом духе. Хорошее дело..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Абрамцево. 5 июля* [*1891 г.*]

Дорогая Аленушка, со вчерашнего дня Дрюше совсем плохо, у него отек легкого. Он страшно страдает и вряд ли есть надежда на улучшение..

** Абрамцево. 21 августа 1891 г.*

..Поездкой в Киев я осталась довольна. Дрюшины работы очень подвинуты, и сейчас за ними работает четырнадцать человек. По тому, что сделано, можно судить уже о том, что будет. Мне было очень отрадно видеть Дрюшину работу на стенах Собора и видеть, что она в полной гармонии с окружающим. За исполнением орнаментов следит Адриан Викт[орович] и хочет держаться сколько возможно ближе эскизов. Все то, что он раньше хотел упростить и изменить, он в настоящее время оставляет, как у Дрюши, говоря, что теперь вопрос изменился и что надо, чтобы Дрюшина работа служила памятником его творчеству. Архангелов будет исполнять Котарбинский. Оригиналы Дрюшины все целы и главная опасность миновала, так как все шаблоны уже готовы. Прахов обещал мне возвратить тотчас же, как они не будут больше нужны. С нами из Киева приехала погостить Лёля [Е. А. Прахова], Кока [Н. А. Прахов] тоже подъехал, так что они сейчас оба в Абрамцеве. Трогательно видеть, как они тепло относятся к памяти Дрюши.. Часовня растет, но не особенно быстро..[18]

** Абрамцево. 6 сентября.*

..Много разных мыслей было в голове, тяжело очень жилось, а разобраться во всем этом не хватало энергии. Решила окончательно, что нужно уехать. Больше всего тянет в Италию, чувствую, что там всего скорее отдохну, жизнь там всегда мирила меня со многим и успокаивала. Вокруг все шлют меня в новые места, но мне ужасно не хочется новых впечатлений. Часовня, т. е. каменные работы, готовы, вышло хорошо, хотя трудно судить без купола и орнаментов[19]. Сейчас строят Васильеву часть..

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Воейково. 3 сентября 1891 г.*

Получила твое письмо, голубушка Натальинка, да, это правда, здешним пребыванием я гораздо более довольна, чем думала, что буду. Жить здесь недурно и работать можно было бы, если бы работалось. Никто не мешает, дети поставлены в этом отношении очено хорошо, не пристают и не суются, куда им не нужно.. Алексей просит меня давать старшим уроки рисования. Каждый день они учатся у меня по часу. Оба не без способностей и уже теперь сделали заметные успехи. Что же касается моих личных работ, то я ими очень недовольна. Вот уже три недели, что мы здесь, а я сделала очень мало. Вряд ли привезу что-нибудь цельное. Задумала я написать картинку местного колорита и содержания. Сюжет такой: огород, вдали усадьба виднеется, около плетня стоят два мальчика, приблизительно одного возраста, один приезжий барчук, другой босоногий туземец, они свели дружбу, барчук показывает тому городскую диковинку, а тот нес поливать грядки, поставил лейку и забыл свое дело в увлекательной беседе с приятелем. Назвать хотела ее «Новый товарищ»[20]. Когда я начала ее, то погода стояла довольно ровная, но теперь, вот уже около недели, как завернул страшный холодина, дождь, ветер, сиверка такая, что работать почти невозможно. Эти дни я начала писать другую вещь на очень давнишнюю тему «Прохожий»[21]. Для нее ненастье было бы кстати..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 8/20 октября 1891 г.*

..На Дмитровке затевают выставку в пользу голодающих. Буду, конечно, на ней участвовать, но чем, еще не решено. Художников будут просить жертвовать картины с тем, что если продастся, то выручка пойдет для

голодающих, если не продастся, то ее будут разыгрывать тоже в их пользу, и входная плата тоже, конечно. Всем рассылают приглашения. Василий приезжал специально для этого..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 11/23 октября* [*18*]*91 г.*

Вот я и опять в Риме, дорогая моя Аленушка, и чувствую, что Италия не потеряла для меня своего обаяния.. В Риме нас встретил Беклемишев, он, к сожалению, останется здесь еще всего недели три, затем едет в Грецию, на Афон и в январе в Россию. Вчера я была у него в мастерской. Он живет на чудной вилле, и около него собралась целая компания русских, они все отлично устроились и живется им, по-видимому, хорошо. Попроси Василия мне выслать размер образа для Дрюшиной часовни, чтобы я могла его заказать здесь..

* *Неаполь. 16/28 октября* [*18*]*91 г.*

В понедельник приехали Савва Ив[анович] и Врубель, и с тех пор мы постоянно в движении. Вчера утром уехали в Помпею, оттуда проехали на лошадях в Сорренто, откуда только что возвратились. Савва Ив[анович] в очень хорошем расположении духа, всем восхищается и говорит, что лучше Италии нет страны. Англия и Германия, с их утилитарной стороной, забыты. Он здесь был в керамической школе, где познакомился с директором, который, по-видимому, страшно заинтересован своим делом. Школа существует еще только лет восемь и дала блестящие результаты. Их работы нельзя отличить от древнеитальянских. Они строго держатся этого стиля и разрабатывают его. Есть у них в школе отделение деревянной резьбы, но, по словам Врубеля, мало интересное. Сейчас лучшие вещи школа отправила на выставку в Палермо. Во главе школы стоят три художника, между ними и Морелли..

* *Рим. 28 октября/9 ноября* [*18*]*91 г.*

..Живем тихо и спокойно. От всего сердца желала бы, чтобы так продлилось до рождества. Уже есть одно распоряжение Саввы Ив[ановича], которое нам не очень по душе. Он оставляет в Италии Врубеля, который на днях возвращается в Рим и будет жить здесь до рождества, берет себе

мастерскую и будет работать своих «демонов». Я не хочу, чтобы он жил у нас, он нам слишком будет тяжел..

..Вчера вечером мы ходили в Колизей. Ночь была лунная, тихая. Ни один город в мире не действует так успокоительно на душу, как Рим. Думаю, потому, что в нем на каждом шагу чувствуешь живучесть человеческого духа, и это умиротворяет, заставляет верить в бессмертие этого духа. Этот раз чувствую это еще сильнее, чем прежде, должно быть, состояние мое таково, что страшно ищет этого умиротворения..

Архив Мамонтовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 5/17 ноября 1891 г.*

..Ты спрашиваешь, что я делаю и с кем видаюсь. Делаю все то же, т. е. пишу.. Видаюсь более всего с Шанксами и очень их полюбила. Кроме них, видаюсь с нашими художниками. А из прочих всего чаще бывает Всеволожский. Он помог мне сделать удивительный примерный порядок в моей комнате. Так что комод уже не стоит посредине, и все картинки развешаны по стенам. Он по вечерам приходит нам читать, я очень люблю его за то, что он очень умеет обходиться с мамашей. Впрочем и за его личные качества нельзя его не одобрить. Из художников видела еще немногих, всего чаще Машу Якунчикову..

Наши еще в Бёхове. Впрочем Василий это время здесь на несколько дней, устраивает выставку в пользу голодающих. Многие художники пожертвовали хорошие и большие вещи — Репин обещает прислать своего «Николая Чудотворца» (повторение), которое, говорят, лучше оригинала[22]. Василий дал повторение «Грешницы», Виктор Мих[айлович] и Суриков ничего не дали, и это очень стыдно. Вчера ездила я с Василием к В[иктору] Мих[айловичу].. Он обещал, что к половине выставки докончит и поставит свою «Божию Матерь».. Из молодежи видела Серова, Коровина, Левитана, Пастернака, Архипов еще не вернулся, Иванов вовсе из Москвы экспатриировался, Щербиновский в Петербурге в Академии, без него будет скучно. Он много вносил в кружок. Видела еще Головина. Но произведений их еще не видала, за исключением коровинских и серовских, да Машиных. Говорят, Левитан много и успешно работал. Звал меня к себе.. Читала ли ты письмо гр[афини] С. А. Толстой в «Русс[ких] вед[омостях]» (3-го ноября). Чудное письмо. Молодец Лев Николаевич. Я все время об этом мечтала, чтобы он стал во главе дела помощи голодному народу..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 8/20 ноября 1891 г.*

..Жизнь наша течет мирно и спокойно, только газеты нарушают этот мир. Ужасно какой беспомощной себя чувствуешь перед этим громадным бедствием. Что, как Ваша выставка? Интересно знать, много ли картин продалось. Мне было ужасно приятно читать, что Василий и Репин приняли такое горячее участие в этом предприятии..

** Рим. 12/24 ноября 1891 г.*

..Не только читала письмо Толстой, но до сих пор нахожусь под его впечатлением. Все это время тяжело было именно то, что читаешь про массу пожертвований, чувствуешь, что в этом отношении недостатка нет и вряд ли будет, а что нет более существенного, а именно души, которая положила бы себя за это дело. И вот вдруг раздается этот голос, раздается так разумно, просто, без сентиментальничанья, а серьезно и убедительно. Хорошо, очень хорошо. Говорю также и о статье Льва Николаевича; прекрасная статья — здесь и пример и слово вместе.

Архив Мамонтовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

** Москва. 20 ноября/1 декабря 1891 г.*

..У нас на выставке дела идут очень хорошо. Еще только полсрока выставке, а уже собрали, кроме входных билетов, более пяти тысяч.. Художники все дали хорошие, ценные вещи, некоторые положительно лучшие, какие у них оставались. Молодежь очень мило отозвалась. Серов, Коровин, Левитан и другие дали хорошие крупные, заметные вещи. Я им подарила своего старика (пастель). Цены назначал Комитет, и мою голову оценили в сорок р[ублей]. Но условие продажи было такое, что в течение первых десяти дней покупатели могли записываться, а если кто давал больше, за тем оставалась вещь. На мою голову оказалось так много желающих, что к концу срока она выросла в девяносто рублей. Это очень приятно. Васильину картину купил Крестовников за две тысячи сто руб[лей]. Репин еще не продан. Ну, да и оценен, мне кажется, слишком высоко (пять тысяч), впрочем, время еще есть, может быть, кто-нибудь еще и купит..

Архив Мамонтовых.

Е. Г. МАМОНТОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 4/16 декабря 1891 г.*

..Заходили к Врубелю, сделал акварелью голову Снегурочки в натуральную величину на фоне сосны, покрытой снегом. Красиво по краскам, но лицо с флюсом и сердитыми глазами. Оригинально, что ему нужно было приехать в Рим, для того чтобы писать русскую зиму..

Рим 29 декабря 1891 г. (10 января 1892 г.)

..На второй день рождества рано утром приехали Вока, Ваня и Коровин, и сразу мы как будто зажили в другом Риме. С занятиями почти совсем прикончили, с чтениями тоже. Теперь целые дни разъезжаем по городу и показываем его приезжим..

Архив Мамонтовых.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 27 ноября/9 декабря 1891 г.*

Дорогая Елена Дмитриевна, вот он, Париж, наконец. С сегодняшнего утра ощущаю всю его целительную и живительную прелесть, вспоминаю Вас и страшно бы хотела дать Вам почувствовать здешний воздух.

Приехали мы сюда только вчера утром, так как целую неделю провели в Вене. Представьте, уже на границе московские пуды с меня свалились и все показалось полно обещающей жизни. Помните первую станцию в Австрии, где поезд стоит около часа? Еще было темно, когда мы туда приехали, потом камни платформы начали голубеть и стали совсем холодные, голубые, а вагоны черные на красной полосе неба: и белый шипящий дым; сквозь стеклянную дверь — клочки неба, голых деревьев, удаляющиеся рельсы, станционные будки, под навесом еще не потушены фонари, объявления поездов, бегущие пассажиры. Опять все такое знакомое, будничное, живое.

В Вене тоже хорошо было. Опять столбы с афишами, фонари, омнибусы, нескончаемые этажи, окна, трубы.. Туман, и вода, и дым из труб, все смешалось в одну чудную серую мокроту́.

Одна комната моя выходит на avenue [авеню], другая на двор. С одной стороны слышно и видно омнибусы, всю парижскую уличную тормошню, с другой — крыши, крыши, трубы, дворы, точно гнезда насекомых, задняя стена дома, и в каждом окне своя жизнь, свой мир. Совсем далеко — лес, холмы.

Делается такое волнение, такое переполненное чувство, *необходимость* (не только возможность) писать, что просто выразить невозможно..

Париж. 1 января 1892 г.

..Сегодня противная, голубая, светлая погода напоминает, что и весна скоро придет, а я вдруг не успею ничего сделать, я это так сильно почувствовала, что возымела ненависть к натурщице в мастерской и решилась на время ее покинуть. Будь, что будет, но начать работу дома. Не знаю, права ли — предпочесть роман грамматике, которая мне так необходима, но вполне не в состоянии себя пересилить и есть, когда хочется пить.

Скажу Вам о моей музыкальной теме. Я уверена, что Вы ее одобрите и пожелаете ей счастья.

Вечер — ночь, отворенное окно, около него край стола, на столе лампа с простым немного подожженным с боку абажуром, книги, бумаги, простой соломенный стул. Облокотившись на перила окна — фигура мужчины, на нем отблеск света от ярко освещенного стола, за ним темное небо с «кастрюлькой», край высокого дома, и в нем, и внизу, во всей массе парижского жилья огни-окна с самостоятельными в них мелькающими жизнями. Ну, я не умею хорошенько выразиться, но понимаете. Ничего особенного, но масса всякой всячины. Просто — студент занимался до позднего вечера, соскучился, выглянул в окно и задумался.

Скажите, ради бога, что одобряете, потому что с сегодняшнего дня принимаюсь за работу, и так бы хотелось слышать от Вас поощрение. Вы все-таки не думайте, что в мастерской [23] у нас многим можно напитаться, я в сущности живу совсем не ею, а просто Парижем и нашим тесным семейным кругом. Я даже заметила, что атмосфера мастерской действует на меня отупляющим образом. Если не успею много быть дома или на улице, то совсем пропадает изобретательность. На прошлой неделе, напр[имер], мало была в мастерской и сейчас же понадобилось написать нашу avenue и сделать эскиз, который произвел фурор и был совсем неожиданно одобрен Ferrier [Ферье] (новый профессор) —«Возвещение о р[ождестве] Х[ристовом] ангелом пастухам»..

Мы с двумя англичанами достанем себе позволение работать на quai [набережной], вот будет дивно! Недавно мы с Макой [Л. Н. Вебер] были в Versaille [Версале], вот чудо зимой! Кое-что написала. Мы часто делаем по воскресеньям такие эскапады. Будущее воскресенье в Meudon [Медон).

Ваша *Маша.*

Что делает Коровин? Не собирается ли в Париж?

Архив Поленовых.

ГЛАВА XII. 1891—1893 годы

Переписка Е. Д. Поленовой и С. В. Иванова. Разлад в среде молодых художников. Письма М. В. Якунчиковой. Поленовы в Боркé. Устройство музея и картинной галереи. В новой мастерской. Начало работы над картиной «Среди учителей».

С. В. ИВАНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Аткарск. 23 ноября 1891 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна! Мы живем в такой глуши, где получение письма — большое удовольствие. Будьте добры, напишите нам. Мы совершенно оторваны и не знаем, что делается в художественном мире. Архипову писал, писал, а он молчит, как убитый. Спасибо Пастернаку, от которого я узнал, что Вы уже в Москве.

У Вас теперь разгар художественной деятельности, выставки и т. п., все это меня очень интересует.

Как провели Вы лето? — Я много ездил, много видел и — мало сделал.

Поселясь здесь, я нашел тихую пристань и очень доволен — право. Тишина и одиночество хорошо на меня действуют, и я против обыкновения — даже работаю.

Напишите пожалуйста. Поклон Вашим.

С. Иванов.

Жена кланяется.

Аткарск Саратовской губ. Мне.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — С. В. ИВАНОВУ

* *Москва. 6 декабря 1891 г.*

Многоуважаемый Сергей Васильевич! Письму Вашему мы все очень обрадовались, а больше всего, конечно, хорошей вести о том, что Вы «против обыкновения работаете». Что Вы ничего не написали касательно здоровья Софьи Константиновны?[1] Впрочем, когда люди не жалуются на здоровье — это обыкновенно значит хорошо.

Не ответила я Вам тотчас по получении Вашего письма, потому что хотела дождаться результата того художественного предприятия, которое всех нас в настоящее время интересует. Вам, конечно, уже известно по газетам, что на Дмитровке была устроена выставка в пользу голодающих. Выставка была очень симпатичная по составу и гораздо оживленнее, чем обыкновенно бывают выставки Общества. Честь и слава ее затей-

щикам — Ярцеву и Голоушеву — выручили продажею картин и входными билетами четырнадцать тысяч, никто не ожидал такого успеха.

Из художников я видела Васнецовых, Пастернака, Архипова, Коровина, Серова, Левитана, а работы только трех последних. Ни у Архипова, ни у Пастернака еще не была. Общее настроение духа художников довольно незавидное. Все как-то недовольны собой, работа не ладится, все что-то хандрят. Правда, это время погода стояла гнилая, все оттепели, мрак такой, что и получаса иной день не выберешь для работы. Сколько я могут судить, более всех и бодрее всех работал Левитан. У него есть замечательно сильные и привлекательные вещи. Он очень много и серьезно работал лето и теперь продолжает энергически работать.

Наши еще в деревне; Вас[илий] Дм[итриевич] строит дом и поэтому до сих пор из Бёхова не переехал. Что Вам скажу про себя: лето мое прошло очень безуспешно для работы — начала две картины — ни одну не кончила. С осени начала я писать картину, начатую еще весною, и ту бросила, теперь пишу еще новую,— если успею кончить и не брошу на полдороге, то выставлю ее. Ведь это курьезно: в промежуток между той, которая была на прошлогодней Передвижной, и этой, которую думаю выставить, я начинала шесть вещей и, доведя их приблизительно до половины, иногда и больше, бросала; теперешняя будет седьмая. Такой расчет, сделанный мною недавно, навел меня на разные невеселые размышления: в самом деле, ведь это явление довольно прискорбное. Начала я соображать, отчего бы это могло происходить. Стала я справки наводить, так ли это у других художников, т. е. находятся ли у них в таком же отношении картины, доведенные до конца, и картины, заброшенные на полпути. На поверку оказывается, что у большинства наших *теперешних* художников, сколько мне известно, отношение это приблизительно такое же, но что у прежних этого не было. Думаю, что главная причина тут в общем безверии. Веры в нас нету — мы слишком нетвердо знаем, что нам делать, какие нужны картины и нужны ли? да и сами-то мы, художники,— точно ли мы нужны. Прежде этого не было.. В те времена, когда выступали на сцену теперешние главные воротилы передвижничества, каждый из них знал твердо, что раз он художник, он должен писать картину какую-нибудь, какая первая вздумается, и он сейчас же немедленно принимался и писал и верил в то, что он должен — что он не может иначе, как писать и дописать ее. А вот теперь не так, уж очень стали думать много, да сомневаться, да подтачивать свои начатые задачи. Уж очень стали не просто относиться к искусству, и в этом отношении таится очень нехороший, опасный симптом. На днях у меня был Пастернак, и мы с ним душу отводили по этому поводу.

Ведь вот он человек и образованный, и талантливый, и творчество есть у него, и темы есть для картин очень интересные, а начать картину не решается, просто, словно боится. Конечно, поддаваться такому настрое-

нию не нужно, и нужно всячески бороться с ним. Надеюсь, что и у меня это будут не одни слова и что так или иначе, а что-нибудь да я выставлю в этом году. Будете ли Вы участвовать на выставках текущего сезона? и если да, то где думаете ставить?

Не соберетесь ли в течение зимы в Москву на побывку?

До свидания пока, мой сердечный привет Софье Константиновне.

Е. Поленова.

Архив Поленовых.

С. В. ИВАНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Аткарск. 8* [*декабря 1891 г.*]

Елена Дмитриевна! Ваше письмо несказанно меня обрадовало и просто оживило, я дошел уже до того, что не хотел покупать дров, а топить своими произведениями.

Ваше письмо напомнило мне, что и там, не только здесь, в глуши, но и в центре, идет такая же разладица и такая же сумятица в художественном творчестве; общество и выставки тут не причем, и одиночество не играет роли; время такое, и бороться, мне кажется, невозможно, это общий удел. Я не говорю, писать мы будем и будем выставлять, но будет ли это то, что действительно мы хотим? Кого Вы возьмете теперь, кто бы работал с верой, с увлечением, весь отдаваясь своей картине? Два-три, много, пять человек, и то это какие-то просто уже гиганты, пишущие святых, медведей и т. п. (извините, это не личность, но в нашем деле нельзя без таких живых примеров), большинство, масса пишет так, чтобы только участвовать на выставке, оставляя желание в будущем работать так, как он находит нужным, и это с каждым годом откладывается, с каждым годом предъявляются к себе все новые и новые требования, а ты тем временем пишешь для того, чтобы только написать что-либо. Как заметно у нас на выставках пропадает, да и пропал уже тип, а все, или большинство из нас именно и воспитаны на этом типе; я не застал Перова, но в Школе было влияние именно его, и все только и толковали о типах; теперь тип для меня противен, нужно что-то другое. Я это чувствую, да это чувствует и каждый из нас, и это чувствуем мы без всякого давления, влияния или как там еще, а просто время берет свое, и нам просто делается скверно, противно, если в нашей работе нет никакого ответа на вновь предъявляемые требования.

И это, опять повторяю, делается совершенно независимо от нас.

Жизнь, простота, я это чувствую, но простота какая? Вот для меня камень преткновения, а между тем я не выношу своей работы, когда не нахожу в ней именно этого, я уничтожаю, рву, жгу и кончается тем, что я работал, работал (как напр[имер] эти три месяца, что действительно,

живя здесь, я работал более, чем когда-либо), у меня нет ничего, под чем бы я с чистой совестью мог подписаться.

Нынешний год летом я видел массу интересного, многое произвело на меня такое сильное впечатление, что я не скоро, может быть, и никогда не отделаюсь от них.

Теперь зимой мне представлялись такие удобства, какими я никогда не пользовался: у меня прекрасное помещение, у меня под руками натурщики, у меня было желание работать — и что же из этого: у меня в комнате стоит один подрамок наполовину оконченный, пять-шесть раз уже соскобленный и теперь, когда уже до выставки осталось два месяца, я *кончу, напишу* его, но это вовсе не то, что я хотел и что думал — это будет только холст, который можно будет послать на выставку — но это не то, чего я хотел. Можно ли против этого бороться. Заметьте, я не беру свою работу относительно ее исполнения в техническом отношении, в этом я оправдываю себя малой опытностью и, если хотите, бывшей ленью. Нет, как хотите, а это время, оно возьмет свое. Возьмите, кого хотите, исключая, конечно, тех, кого живопись интересует исключительно только с внешней стороны исполнения. Архипов? положим, как мы с Вами говорили когда-то, он не обладает творчеством, но ведь он человек, кот[орый] может написать все и написать хорошо, и он написал бы много, если бы знал, что писать. А Виноградов? это, по-моему, самый большой талант. Из всех моих товарищей такую отзывчивость и искренность редко у кого встретишь, и он мог бы писать, несмотря на то, что еще просто мальчишка, но он бродит в таких потемках и, судя по его письму, у него идет теперь такой разлад, что просто становится жалко. Нет, вот адамант Илья Еф[имович] Репин, каков? Триста штук. Черт знает, что такое, пишет себе да пишет, знать никого не хочет. Неужели у него не бывает разочарований и сомнений? [2]

Ну, да я, кажется, слишком увлекся и много написал все об одном и том же.

Мы здесь живем, получаем газеты, читаем о голоде, считаем пожертвования, посылаемые гр[афиней] С[офьей] Толстой, смотрим в окно, как из находящегося против нас земского амбара выдают голодным хлеб.

В голод, изволите ли видеть, мы не очень верим, может быть, в других местах и действительно плохо, но я теперь не верю всем этим газетным рецензиям и воззваниям, именно ввиду того, что ведь и из наших мест были корреспонденции в тех же «Рус[ских] ведом[остях]», где описывали ужасные раздирающие душу сцены, а нам, живущим на месте действия, ничего этого не видно.

Просто голову потеряешь, и я, право, оправдываю второе предостережение «Рус[ских] ведом[остей]». Всю эту историю раздули. Какая масса собирается денег и дай бог, чтобы хоть одна десятая часть попала

в руки именно нуждающимся, а остальные останутся у состоящих при земском пироге деятелей.

Меня все это очень интересует, и я как-нибудь на днях нарочно поеду в самые голодные здешние волости, где, в скобках, осенние ярмарки торговали так бойко, как никогда, чтобы видеть, действительно ли так плохо, как пишут, так как из того, что мы видим, и из того, что слышим от людей, близко стоящих к этому делу, ничего нельзя узнать верного.

Соня Вам кланяется. Она у меня нет-нет да и прихворнет, но в общем молодцом. Будете у Архипова — напишите, что он сделал, меня очень это интересует, а он по обыкновению молчит.

Кланяюсь Вашим от себя и жены. Пишите, пожалуйста. Вы не поверите, как приятно получать здесь письма.

Я, со своей стороны, во всю жизнь не писал столько, сколько здесь в один день, писал по десять в вечер — право. Поклон всем, кого увидите.

Готовый к услугам *С. Иванов.*

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — С. В. ИВАНОВУ

* *Москва. 15 декабря 1891 г.*

Ваше письмо, Сергей Васильевич, прочла я с большим интересом, хотя, не скрою от Вас, что, вместе с тем, не без грустного чувства. Прежде всего хочу выяснить одно положение, которое, кажется мне, было Вами неверно понято. Говоря в моем первом письме об охватившем художников безверии, я говорила не об религиозном чувстве, как Вы это, кажется, поняли (что я усматриваю из Ваших слов относительно «святых» и «медведей»). Я говорила о безверии в широком смысле. Вера в идеалы и вера в правоту своего дела слаба у теперешних художников.— Сбились мы с проторенной дороги: притворяться, что мы верим в тот путь, на который нам указывают наши предшественники, совесть не позволяет, а новый не найден и на искание его уходит много сил и времени. Ищем ощупью, врассыпную, всякий по-своему. Это, конечно, трудно, подчас — ух, как трудно, тем не менее на это нельзя сетовать, это все-таки самый верный, хотя и очень тягостный способ искания.

Вы удивляетесь Репину и численности его произведений. По-моему, тут удивительного нет ничего. Хотя Репина считают ультрареалистом и радикалом, но, мне кажется, что он все-таки идеалист. Именно в силу того, что он верит в свою миссию радикализма и художественного реализма, он по существу был и есть идеалист, т. е. человек, верующий в идею и в тот путь, которым он всего лучше и ярче выразит ее. Вспомните, какому времени принадлежит Репин. Он кончил Академию и впервые выступил на художественную арену в конце шестидесятых годов. Значит,

человек и художник складывался в нем в ту эпоху, когда людям легко и просто было группироваться кучками и работать совместно, двигаясь дружной толпой к цели вперед и общими силами найденной. Представьте себе,— у него впереди твердо намеченная цель, и заметьте, такая, в достоинстве которой никто вокруг не сомневается, около него поддержка других работников того же лагеря, да еще, кроме того, чувство своей крупной талантливости, как же при таких условиях не написать трехсот нумеров (в течение, надо прибавить, более чем двадцатилетнего срока). Хотя я и говорю, что в те времена было много проще и легче работать, я все-таки вовсе не хочу сказать, чтобы теперь нельзя было работать. Напротив того, художнику в настоящее время можно выработаться более самостоятельно и, если он один несет ответственность за свое произведение, как за вещь *личного*, а не *кружкового* творчества, то от этого он только серьезнее и строже будет относиться к своей работе, а это, конечно, поведет его к добру. Я уверена, что пустота, бессодержательность и даже упадок техники в художниках тесного кружка передвижников, самого *ядра* передвижничества, разумеется, во многом нужно отнести к той, если можно так выразиться, круговой поруке, которая невольно и непреднамеренно у них выработалась и которая, охраняя их от нападков внешних врагов, слишком способствовала их мирному и покойному засыпанию. Они бессознательно ощущают, что наполовину, если не больше, за них отвечает фирма: они работают не на свой страх, они под опекой. Конечно, горьких минут мы наглотаемся несравненно больше, чем они, многие при таком ходе дел более решительно погибнут, но зато те, кто выдержит, наверное, сделается лучше и бодрее, укрепленный и обдержавшийся в таком единолично-ответственном столкновении со всяческими трудностями и препятствиями, которыми художественное поприще очень и очень обильно. В этом смысле я и упомянула о борьбе, такая борьба должна быть главным образом направлена, конечно, на самого себя, с собою бороться, в себе выяснить и выработать те взгляды, которые поддержат и дадут силу снова подняться и стремиться дальше, даже после неудачи, после самого горького разочарования не опускать рук. Вот что я думаю важнее всего искать и, если нельзя *верить*, то по крайней мере *надеяться*, что цель и внутренний смысл дела мы все-таки найдем и выясним его себе рано или поздно.

Что касается голода, то это, к сожалению, факт, который не подлежит сомнению. Очень хочется знать, какое Вы вынесли впечатление от поездки в наиболее голодающие волости. Пожалуйста, поспешите написать об положении дела в них, неужели же нас так морочат?

А сами Вы работайте, пожалуйста, и над собою и над своими художественными произведениями.

Е. Поленова.

Архив Поленовых.

С. В. ИВАНОВ—Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Аткарск. 7 [января 1892 г.]*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, я давно получил Ваше письмо, прошу извинения за долгое молчание, дело в том, что последнее время я испытывал такое скверное настроение, что едва ли напишу что-либо путное. Все как-то не ладится, просто хочется иногда разбить голову. Так гадко, как никогда. Уж очень много я надежд возлагал на этот год. Просто беда — буквально ничего не выходит. В первом своем письме я и не думал затрагивать никаких религиозных вопросов, а если и упомянул о святых и медведях, то просто, вероятно, пропустил фамилию Нестерова, который меня всегда поражал своей уверенностью и верой в то, что делает[3].

Поздравляем Вас и Ваших с Новым годом.

Мне многое хотелось бы написать Вам, но, право, ничего не лезет в голову. Сообщите, как выставки Периодич[еская] и ученическая.

Право, иногда хочется кинуть все и заняться чем-либо в ожидании. Да и не только хочется, а приходишь к тому рассудком,— а ведь не можешь отстать. Это борьба? — понимаю.

Архив Поленовых.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 11 января 1892 г.*

Дорогая Елена Дмитриевна, хочется, чтобы Вы прочли этот клочок о Guy de Maupassant [Гюи де Мопассане], Вы, может быть, слышали, что у него сделался паралич мозга и что он неудачно хотел застрелиться. Все это мне кажется очень интересно, как подтверждение болезненного направления современного искусства — искание утончения и усложнения всех чувств, то, что здесь называют décaden'ством (декадентством) и к которому мы все склонны.

Со времени моего последнего к Вам письма ничего особенного не произошло. Не хожу в мастерскую, дома пишу пастелью портрет Наташи Гольштейн. Завтра жду к себе натурщика. На мольберте стоит пустой холст 100×155 см, на стене приколот эскиз моей картины, о которой Вам уже писала подробно. В воскресенье путешествовали в Meudon [Медон]. Зима, снег вдоль набережной Сены, пустые, озябшие, веселые рестораны «repas de noces à 5 frf.», «café restaurant», «qrand établissement» [«свадебные обеды за пять франков», «кафе-ресторан», «большое заведение»].

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 17 февраля 1892 г.

..Картины Пастернака, Лили и Эмилии Яковлевны, кажется, безусловно всем нравятся, но Иванов возбудил целую бурю[4]. Ге, Савицкий и Киселев страшно за него стояли, зато Мясоедова, главное, Семеныч принял его картину за личное оскорбление, как осмеливается быть такая неприятная.. вещь на выставке, где будут стоять его произведения.. За Иванова из двадцати двух членов было подано семь голосов: Ге, Киселев, Савицкий, Ярошенко, Апполлинарий [Васнецов], Архипов и я. Мое мнение, что эта картина абсолютно должна была находиться на выставке, но это вещь недосказанная, поспешная, а, главное, неприятно то, что куча людей в арестантских халатах и только один глаз,— что-то намеренное и задорное.

Из москвичей, получивших большинство от двенадцати до двадцати голосов, первое место по успеху — Мешков «Рвут зубы»[5] и особенно мне нравится «Чертежник».

Третьяковская галерея.

Н. В.ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва. Февраль 1892 г.]

Сегодня получила твое письмо и телеграмму. Эмилия в восторге. Ты только ничего не пишешь про Нестерова. Будем ждать подробности письмом..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 17 февраля 1892 г.

Сейчас вернулся из заседания Совета. Заседание было и бурное и абсурдное.. В конце концов я и Ге провалились по всем проектам и выходим из Совета. Пользы я там не приношу, а себе только порчу. Посмотрю, как общее собрание пройдет..

Петербург. 18 февраля 1892 г.

..Нестеров не выставил картины[6] и, не раскупорив, отправил назад, а сам хотел быть у вас. Вчера я послал свой отказ из членов Совета, но никого еще не видел..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 19 февраля 1892 г.

..Очень твое сегодняшнее письмо с отчетом о бурном Совете неприятно.. а оставаться товарищем и не членом Совета резон ли? ..Вероятно, ты знаешь о смерти Сорокина[7]. Завтра пойду на похороны, чтобы заменить тебя. Надо теперь будет понемногу хлопотать о мастерской и о квартире. Мастерская была бы великое приобретение: удобно, натурщики под рукой, и ты мог бы опять приняться за крупные вещи — главное, за Христа в храме[8], а квартира тут же, полное удобство, особенно ввиду Бёхова. Это был бы даровой pied á terre [пристанище]. Если бы зашла об этом речь с Павлом Михайловичем, то действуй в этом направлении[9]; о квартире, конечно, не сейчас, семья там, вероятно, останется, а мастерская — главное. Ты, живя под рукой, училищу будешь гораздо полезнее. Я со своей стороны при случае тоже об этом поговорю, конечно, еще не теперь, первые дни после смерти.

..Вчера вечером приходил Пастернак, очень воспрянул духом, что принят; хорошо, кабы купил Третьяков. На него очень сильное впечатление сделал Ге, который был у него и много говорил.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 19 февраля 1892 г.

Я вернулся с общего собрания, оно прошло довольно порядочно. Меня и Ге попросили взять назад свой выход из членов Совета. Я не мог отказаться. Предложение мое, т. е. Лилино, об экспонентах, долженствующих быть изъятыми из баллотировки, прошло двенадцатью голосами против восьми.. Но в Совете я провалился относительно Пастернака и Костанди, а Ге относительно Лили, хотя тут вопрос был поставлен принципиально относительно женщин, и Маковский страшно восстал. Так что вопрос был отложен за его новизной. Интересно было видеть на собрании свежее веяние в затхлой атмосфере Маковских и Савицких. Ясно было, с какой радостью Васнецов [А. М.], Шильдер, Левитан, Загорский и Архипов.. ухватились за новую мною предлагаемую форму образования членов с художественными правами и как им радостно было за товарищей еще не членов, что их положение станет легче. Исполнение этого нового положения отложено на год. Что-то более светлое видится впереди. Это первый раз, что крупное мое предложение прошло[10].

Третьяковская галерея

29. Е. Д. Поленова. Иллюстрация к сказке «Сынко Филиппко»
Акварель. 1890-е гг.

30. Е. Д. Поленова. Иллюстрация к сказке «Плутоватый мужик». *Акварель. 1890-е гг.*

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 21 февраля 1892 г.

..Очень меня порадовало, что твое предложение прошло; жаль, что Лили нет. Она в Абрамцеве, а то порадовалась бы.

..Вчера хоронили Сорокина. Трогательные были похороны, народу полна церковь: товарищи, ученики, бывшие и настоящие, гроб до монастыря несли ученики. Удивительно старик был хорош в гробу. Оказывается, что семьи не осталось. Сыновья служат, а дочь замужем..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 23 февраля 1892 г.

..Ты спрашиваешь, отчего [мое] предложение, принятое общим собранием, отложено на один год,— очень просто: в члены предлагает Совет, а потому и в получлены он же, а общее собрание утверждает, но после общего собрания, утвердившего мое предложение, другого не было, поэтому и выбор в получлены отложен до следующего года.

Сегодня был обед Товарищества, на котором Ге и Маковский сказали очень хорошие речи. Ге сказал, что он радуется, что наше общество благодаря молодежи идет вперед и чувствуется свежая в нем струя, а Маковский выразил убеждение, что общество наше, несмотря на новые молодые и свежие силы, вошедшие в него, осталось все тем же сплоченным товариществом.. Загорский и Маковский чудесно пели. Сегодня видел на выставке Чистякова. Он говорил: «Передайте Вашей сестре, что сильна по краскам ее картина и могуча по живописи, но точка взята близко, так не следует..»

Третьяковская галерея.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 30 марта 1892 г.*

Дорогая Елена Дмитриевна, с тех пор, как я Вам последний раз писала, вот что случилось: отправила я свою «картину» в Champs de Mars [Марсово Поле]; этому событию пошел пятый день, а узнаю я об результате jury только через месяц. Престранное и преглупое чувство, точно что-то важное случилось, а в сущности ничего нет. Вещь вышла страшно

не выработанная, нет ни достоинства педантической работы, ни достаточно умелой передачи впечатления — стыд и срам. Не примут, разумеется, но не знаю почему захотелось рискнуть ее послать; может быть, это несерьезное отношение к делу, легкомысленность, но я не раскаиваюсь. Не правда ли, есть какое-то удовольствие в émotions [волнениях], которые переживаешь в таких случаях. Представьте, этот раз мне не было тошно и стыдно, а только ужасно страшно. Расскажу Вам, как я ее отправляла: рано утром сбежались все наши домочадцы ко мне в мастерскую смотреть на эффект рамы, критиковать, волноваться. Наконец пришли рабочие и потащили ее с лестницы, когда они вытащили ее на улицу, прохожие с любопытством оглядывались на эту процедуру. Наши все смотрели с балкона, а я не выдержала и выбежала, как была, в одном платье на улицу. Вслед за фургоном отправились мы вдвоем с т[етей] С[ашей][11] в Champs de Mars [Марсово Поле]. Долго ждали там своего фургона; внутрь нас не пускали без картины, и нами начало овладевать беспокойство. Масса тачек подъезжала с большими и маленькими картинами — все больше коровы в воде, цветы, портреты. Наконец и наша. «C'est à vous le grand tableau? (с рамой 2 м 22 см). Bien vous pouvez passer» [Это Ваша большая картина? Хорошо, можете проходить]. С важностью тетя Саша проплыла мимо швейцара, а у меня так зубы трещали от волнения, что я что-то плохо помню, как мы наконец очутились наверху, перед столом, где два господина принимали notices [сведения]. Три картины были перед моей очередью, и рабочие поставили мою на пол. Вдруг вижу, какой-то художник в beret'е остановился перед ней, потом подошел, начал разглядывать подпись, потом подозвал другого, и оба начали рассуждать. Они стояли плечом к плечу со мной, но я решительно не могла расслышать, что они говорили, а тетя Саша впилась ушами и потом передала мне в точности. «Dis donc, tu sais, c'est bien ça, cet arrangement, la lampe, tout ça, mais c'est bien, c'est très bien. Est ce qu'il ne te semble pas que la table culbute». «Ah tiens, oui peut être, mais non tu comprends c'est forcé, c'est la position». [«Смотри, знаешь, это очень хорошо, эта обстановка, лампа, все это, да ведь это очень хорошо, очень хорошо. Тебе не кажется, что стол валится?» «Да, может быть, но нет, нет, ты понимаешь, это неизбежно, так взято»]. Оказалось, что в дороге бронза с рамы стряслась и застряла на мокрых местах. Попробовала стереть, они вмешались: «qu'est ce qu'il y a? Ah, c'est drôle, on dirait des etoiles filantes, mais ne touchez pas. An jury on vous en rendra compte et au vernissage vous arrangerez ça. Eh, voyons avancez la bas le grand tableau» [«Что это? А, удивительно, как будто падающие звезды. Но не трогайте. Жюри за это отвечает, а на вернисаже Вы исправите это. Ну там, придвигайте большую картину»]. Отдала notices [сведения], получила расписку: M. Jacountchikoff... a deposé une fenêtre. [М. Якунчикова. Сдала «Окно»]. С этой распиской придется за ней отправиться через месяц..

Последние дни открылась целая масса выставок. Любезные наши incohérents [непоследовательные] очень хороши в этом году. Среди известных blagueur'ов [шарлатанов] с своими пунктирами и кошмарами есть очень правдивые и просто молодые художники. Запомнила два-три этюда каких-то испанцев: 1. Отворенная дверь в cabinet de toilette [туалетную], спущенная jalousie [ставня]. Женщина с нагнутой белокурой головой выливает из таза воду, на высоком стуле пальто и цилиндр. 2. Interieur café [внутренность кафе]. Женщина, головой в профиль, облокотилась об перегородку. Банальный сюжет — чудесно написано, быстро, прозрачно. 3. !!!! «Vagabond» [«Бродяга»] идет в профиль по дороге, за ним канава, высокий вал с травой, полосы полей, в тумане дождя общипленный прут платана, ветер треплет оборванный шарф на шее. Vagabond — страшно просто и поэтично, чудно нарисовано.

Основался художественный религиозный орган Rose + croix [Роза + + крест], имеющий целью ввести исключительно мистический элемент в живопись. Une grosse blague cela par exemple [Большой вздор, конечно]. Разумеется в вещах, которые пишут художники этого ордена, нет и следа настоящей религиозности, большею частью символическое изображение каких-то пороков, одним словом, décadence [декадентство]. Первое впечатление выставки совсем странное, в сущности картин нет, а так что-то среднее между схематичными проектами, китайскими рисунками, импрессиональными пятнами. Значения многих я вовсе не поняла.

1. Лиловый телеграфный столб, желтые рельсы, ярко-зеленый подстриженный борт около садовой дорожки, странного перламутрового цвета дерево, ни с того ни с сего — детский стул, на нем что-то вроде обезьяны держит в руке ветку с молодыми листьями — называется: génération nouvelle [новое поколение].

2. L'Aurore [Утренняя заря] — восход солнца над Парижем, из-за холма несется вооруженная толпа, на первом плане испуганная масса голых, несчастных женщин, страшно яркие краски и резкий контур. Хорошо нарисовано.

Масса всяких сфинксов и т. п. Всего не припомнишь, да и не стоит. Это не настоящее искусство, а что-то нездоровое, кошмарное. Пойду на пастельную, она всегда такая интересная бывает. Что-то сделал в этом году Besnard [Бенар]. У него были чудные этюды на акварельной выс[тавке]. Две женс[кие] головы с свойственным ему небрежно-верным, дышащим жизнью рисунком. Одну вещь я не поняла. Три головы слонов хватают из потока женщин.

На днях пойду к нему в мастерскую, если не уеду в Италию раньше. Вам покажется странным это путешествие, но после моей паршивой картины страшно хочется на время сбежать из Парижа. А Вы мне напишите, что хотите делать и в каком настроении.

** Париж. 28 мая 1892 г.*

..Картину мою, как уже верно слышали, не приняли, нужно было давно написать Вам об этом, но так как впечатления это на меня нимало не произвело, так это было ожиданно и в натуре вещей, то как-то и grand cas [большого значения] из этого делать не пришлось.

Вы хотите знать, какая она — не стоит — отвратительная клеенка. Я собираюсь сделать с нее офорт, если удачно будет, пришлю.

Приехали сюда из Петербурга две барышни Шнейдер из Вашего училища, очень, очень симпатичные, развитые барышни.. Одна берет уроки керамики у Егоровой, ну и я тоже увлеклась майоликой grand feu [сильный огонь], для Вас это уже старая песня, а для меня совсем новая и страшно занимательная. Еще покамест нет удачных вещей, но я надеюсь, что будут. Это нисколько не отвлекает от живописи, напротив, еще больше наполняет всякими планами и надеждами. Провела две недели в Meudon— самое любимое мое место под Парижем, особенно весной. Все фруктовые сады в цвету, глушь, тишина, старые дома, провинциальная дремота, старая церковь; кладбище — веселое, игривое, сирень, зелень, солнце, блестящие конфетные венки. Контраст этой веселой весны со смертью, им олицетворенною, поразил [меня]. Написала пастель comme ci, comme ça [так себе]. Знаете, я не люблю больше серую погоду и не понимаю еще хорошенько, почему. Вообще, много всяких сомнений и мыслей последнее время бродит у меня в голове. Мне кажется, что я на ложной дороге, что никогда путного ничего не сделаю. Недавно встретила у знакомой корреспондента Galignani Messenger [«Галльского вестника»] художника Carrier'а [Карьера]. Помните, такие туманные, странные, меланхоличные вещи. Он сказал мне, что картины у него создаются внутри его, у него «visions» [видения] внутренние, например, слушая музыку, у него сейчас же является vision, которую потом он производит. Вот это настоящее творчество — создать образ в воображении, восстающий из суммирования предшествующих впечатлений.

Как оглянешься на себя, таким мизерным кажешься себе. Moi aussi je rapporte tous mes sentiments toutes mes idées evoquées par des impressions antérieures [я тоже вкладываю все свои чувства и мысли, вызванные прежними впечатлениями], но все это я прилепляю к образу видимому, который я встречаю на пути своем, а не создаю воображением.

Скажите мне, как Вы обо всем этом думаете, я совсем не могу разобраться.

Познакомилась с Besnard [Бенаром]. Знаете, этот талантище, который написал фрески в Ecole de Pharmacie [Школа фармацевтов]. En voilà un qui travaille pour son plaisir [Вот человек, который работает для своего удовольствия] и не ломает себе головы; рыжие головы, локти, плечи, смею-

щиеся лица, дети с круглыми глазами, все у него дышит силой, жизнью без задумчивости.

Посылаю Вам каталог Champs de Mars [Марсова Поля], хотя нет в нем лучших вещей: Zorn [Цорн] — внутренность омнибуса, белесые пятна яркого солнца на лицах, фигурах, стеклах, так и дребезжит омнибус на холсте. Carriére «Maternité» [Карьер. «Материнство»]. Когда издали смотрите на картину — ничего не различаете, кроме зеленоватого тумана и светлых пятен кое-где. Подойдя ближе, видите, что светлые пятна — лица. Dans un petit salon [в маленькой гостиной] сидит мать. Бледное измученное лицо, на коленях белокурый ребенок, она целует подошедшую девочку и сжала ей рукой обе щеки так, что губы у этой торчат и получается смешное детское выражение. Обстановка обыкновенная прозаичная, но ничего не написано — все неуловимо, серо, покрыто слоем пыли. Но иллюзия реальности удивительная. Еще много хороших вещей, но нельзя сказать, чтобы особенно захватывающих. Edelfelt [Эдельфельт] не интересен в этом году. L'Hermitte [Лермит] хорош, но скучен à la longue [длительно]. Между пастелями и рисунками есть талантливые наброски; движения рабочего, прохожего на улице.. Неделю тому назад вернулась с Mont St. Michel [Мон Сен Мишель], где провела три дня. Дивное вынесла впечатление от этого путешествия. Теперь, задним числом, не сумела бы рассказать Вам в подробностях, а в них и была прелесть. Третий класс — цветущая Нормандия, потом вдруг — эта гора среди моря, посреди нее, еще выше, собор, облепленный монастырем и аббатством. В вышине, в красоте этого камня чувствуется такой громадный подъем духа. К тому же рядом сочетание с бесконечным морем — вот место, чтобы забыть что-нибудь..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** Бёхово. 14 августа 1892 г.*

Дом наш готов, остались подробности некоторые, внешние. Внутри Алексей Антонов[12] ставит лестницу, олифят полы.. придут из Серпухова полотеры, натрут, и мы будем окончательно устраиваться..

Я теперь целый день в хлопотах. Кроме хлопот по постройке, подрядам и всем остальным, у меня еще новое дело, от которого я не могла отказаться. А именно: я назначена санитарной попечительницей целого района, состоящего из восьми деревень. Три деревни исключительно на мне, две — на моей соседке Золотухиной, взятые ею под условием, что руководство мое, и три у священника на тех же условиях. Отказаться нельзя было при нашей скудости в людях мало-мальски порядочных. У нас

о болезни[13] и помину нет.. Конечно, требовать то, что требуют врачи и что возможно на бумаге только,— полный абсурд и доводит до бунтов. Можно только советовать, рассказывать, а, главное, лечить и тем внушать доверие. Но надо обойти все, взойти в каждую избу, с каждым по душе поговорить, а это утомительно и берет много времени. Третьего дня обошла я тринадцать дворов деревни Веселёва, сегодня обошла девять дворов Бёхова..

** Бёхово. Октябрь 1892 г.*

..У нас большая радость, особенно у меня. Появился новый сосед, и Вы с Лилей не отгадаете кто. Разбираюсь я как-то в доме, выхожу из библиотеки и наталкиваюсь на человека, сходящего с лестницы в поддёвке и картузе. «Наконец-то я Вас нашел!» Я смотрю и не могу понять, кто это — маляр, печник, вообще припомнить не могу. Да это — Сергей Васильевич Иванов.— «Вы откуда?» — «Я Ваш сосед. Купил около Тарусы маленькое именье и поселился там». У него сын, которым он очень горд, и оказалось, что с сыном неудобно рыскать по белу свету. Стал искать оседлости и случайно нашел тут именье. Ее я еще не видала, а с ним мы вчера целый день вместе на ярмарке покупали лошадей и всевозможные хозяйственные вещи, как то: овчины, кадки, капусту; он купил лошадь, а я не нашла подходящей. Он счастлив до невозможности, что все это его, но не ясно, надолго ли это[14]. Во всяком случае сосед хороший..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

** Борóк. 24 ноября 1892 г.*

Многоуважаемый Иван Николович, мы до сих пор живем в деревне, перебрались в новый дом и все устраивались, теперь развешиваем картины, распределяем мебель, словом, заняты уже устройством художественной части нашего жилья. На днях я начал писать в новой мастерской и наслаждаюсь светом. Теперь пишу несколько картин с этюдов, написанных нынешней осенью. Самая значительная из них — это мотив глубокой осени, когда с минуты на минуту можно ждать снега, река как бы застывает; все серо и бесцветно, но в этой бесцветности, в этих переливах серых, коричневых и фиолетовых тонов есть своего рода прелесть и поэзия. Картину эту я назову «Перед снегом». Тоже начинаю готовить теперь материал для картины «Среди учителей». Эскиз этой картины Вы у меня видели..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Москва. 17 октября 1892 г.

..Экзамен оказался очень интересным, и я рад, что попал. Маковский поставил натурщика, днем зажигающего лампу. Вышел очень интересный этюд дневного и вечернего света и несколько хороших этюдов... Вообще мне показалось много жизни в Училище.. Сегодня водил мамашу и Лилю в наше Училище, показывал статуи парфеноновского фронтона, присланные из Академии, и результат вчерашнего экзамена. Татевосян представил летние этюды — очень интересные и самостоятельные вещи. Что-то фортуниевское в отношении. Вообще очень приятное, живое впечатление. Натурный класс не из бездарностей состоит..

Москва. 25 октября 1892 г.

..Коровин [С. А.] и Маковский затеяли в школе рисование с натуры по вечерам. Я, Лиля и обе Шанкс тоже принимают участие; теперь рисуем академию, женскую фигуру.. переносимся в давно минувшие времена, академические годы, которые я вспоминаю всегда с большим наслаждением..

Москва. 18 января 1893 г.

..Теперь я занят началом издания пятнадцатилетней художественной деятельности нашего кружка. Савва Иванович, кажется, этим увлекся[15].. и говорить нечего, приятно вспомнить. Хорошие были минуты, например «Два мира», «Камоэнс», «Алая Роза» и «Хан Намык»[16] и т. д. Не сохранился ли у тебя мой рисунок для Васко? Его тоже надо в издание[17]. Ужасно жаль, что тебя тут нет, ты бы мне помогла, одному трудно справиться, а хотелось бы, чтобы это удалось[18]. Вчера Виктор [Васнецов] передал мне все свои рисунки к «Снегурочке». Что за дивная вещь «Певцы»[19]! Мы все под этим высоким настроением. Головин как в чаду ходит. Вообще последняя неделя ужасно богата восторгами[20]..

[Петербург] 11 февраля 1893 г.

..Вчера было второе общее собрание, и картины Лили и Эмилии Яковлевны обе прошли без одного голоса, т. е. по восемнадцать голосов каждая, а было девятнадцать членов[21]. Членские вещи слабы. Моя картина какая-то черная, измятая, одноцветная, так что я даже думаю ее снять[22]. Ярошенко выставил серию слабых, никому не нужных портретов; у него есть маленькая головка, выглядывает из-за занавески —

недурно. Максимов как плох, что Ге натворил! А насчет Сурикова лучше молчать, как делает Лиля. Репин выставил четыре портрета, из них портрет Веры (дочери) производит фурор, действительно живая вещь. Я забыл, кажется, сообщить, что Виноградов забаллотирован; мне ужасно жаль за вещь.. Репин в негодовании за это[23]. Лилина картина ему очень нравится и находит, что большой шаг вперед..

Петербург. 12 февраля 1893 г.

Сегодня я был у Павла Петровича Чистякова, потом у Д. Щербиновского. Я нахожу огромный успех. Он написал два этюда, из которых один очень и очень тонко написан[24]. Он читал мне письма К. Коровина из Парижа. Ужасно интересно и талантливо. То восторги, то уныние, то он богач, то он нищий, то он работает в большой мастерской, то на чердаке. На выставке я встретился с Репиным и расспрашивал об картинах москвичей. Ему, между прочим, очень нравится Головин[25]. Этот прямо и строго идет от натуры. Как все верно, как на месте, не говоря уже об выражении лиц, особенно лицо мальчика ему нравится..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *13 февраля 1893 г.*

..Как меня удивляет, что твоя картина неудачна! Неужели можно так ошибаться! Мне давно так не нравились твои пейзажи, зима[26] казалась такой невыдающейся, а имела такой успех.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург*] *15 февраля 1893 г.*

Вчера провел я вечер (т. е. обедал и первую половину вечера) у Павла Петровича Чистякова. Там был Щербиновский.. Какая художественная атмосфера сравнительно с Мясоедовым, Киселевым и компанией! Дочь его Анна пела, и очень мило.. Павел Петрович сиял от удовольствия. Между прочим, Митя Щербиновский сообщил мне, что получает от Константина чуть не каждый день письма. Много об нем рассказывал. Павел Петрович в восторг пришел, а я перед этим сообщил о статистике сумасшествий. «Ну, это сто четвертый!» — воскликнул он. Утром я был с Хрущовым в Эрмитаже и показывал ему, тоже вышло хорошо. Когда

выходит такой удачный день, я всегда жалею, что тебя тут не было, ты умеешь наслаждаться высоким в искусстве.. Вечером вчера был товарищеский ужин, и Ге читал свои воспоминания, очень талантливо изложенные.. В Товариществе мое значение [поднялось]. Я заполучил горячего сторонника в лице Позена. Брюллов ко мне чудесно относится. Ужасно жаль, что его картина «Радуга» такая плохая. Ярошенко поставил трогательную вещь «Похороны ребенка» — очень много чувства..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Е. Г. МАМОНТОВОЙ

* *Москва. 6 апреля 1893 г.*

..Эти дни все очень заняты приготовлением жив[ых] карт[ин] и вообще того литерат[урно]-музыкального и художественного вечера, который готовит Серов, чтобы удивить всю Москву своим художественным предприятием.

* *Москва. 11 апреля 1893 г.*

..Вчера вечером произошел Антонов праздник. Народу было довольно много, вероятно, сбор окажется хорошим. Самый характер вечера вышел очень особенный, вовсе не похожий на те рутинные.. благотворительные, к которым привыкла публика. Так как главные заправилы были Серов и Поленов, которые выработались в этом отношении на сцене против Спасских казарм[27], то и характер вечера напомнил тамошние спектакли. Было все так же художественно, так же не рутинно, но и так же не гладко. Между картинами были слишком большие промежутки, публика зевала и, наконец, не дождавшись окончания, стала разъезжаться, и это не удивительно, потому что окончание последовало только в час пополуночи. Новостью было еще то, что несколько художников пожертвовали Серову свои этюды, которые были выставлены в зале рядом и во время антракта продавались. Всех картин было четырнадцать, ценою от десяти до пятидесяти руб[лей]. Был тут представлен и Репин, и Маковский, и Поленов, и Серов, и другие, была и моя пастель. Все до единой распродались в течение, я думаю, получаса и составили около четырехсот рублей лишних, и то хлеб для голодающих..

* *Москва. 27 апреля 1893 г.*

..Это время Василий часто видится с Сав[вой] Ив[ановичем] по поводу церкви в Кологривском училище[28], эту работу он поручил Василию

с целой артелью его учеников. Предприятие очень интересное в художественном отношении. Они придумали очень, по-моему, остроумную вещь. Вместо того чтобы строить церковь отдельно, они хотят построить большое здание, это будет столовая, а оканчиваться она будет алтарем и всеми церковными атрибутами. В будничные дни церковь будет закрываться щитами, и это будет столовая, а во время службы щиты будут снимать и получится очень поместительная церковь. По стенам залы они придумали сделать большие панно и расписать их евангельскими сюжетами по эскизам Ал[ександра] Анд[реевича] Иванова,— так как он был друг Федора Вас[ильевича] и так как Ф[едор] В[асильевич] очень высоко ценил его художественную идею. Эту стенную живопись будут исполнять ученики Вас[илия] Дм[итриевича] под его руководством. Что же касается иконостаса, то его тоже будут работать отчасти сам Василий, отчасти другие художники. Две иконы — Спасителя (местную) и икону кн[язя] Феодора — он поручил мне. Это ведь тот же святой, имя которого носит Федюшка, и эскиз у меня давно был сделан еще при его жизни.. Заказ этот очень меня заинтересовал. Буду его работать с большим увлечением..

Архив Мамонтовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Москва*] *16 ноября 1893 г.*

..Я получил из Одессы телеграмму, которая меня ужасно поразила: «Отец умер от удара. Спиро». Такую же телеграмму получил и Савва Иванович. Я у них провел вечер. Вспоминали разные эпизоды с Петром Антоновичем. Савва очень тепло о нем говорил. Я послал Сергею телеграмму и пишу письмо. Ах, как мне жаль Петра Антоновича, и сказать не могу. Здесь все здоровы, веселы, бодры. У Мамонтовых идут репетиции к мандолинному концерту. Просто не хочется от них уходить..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. П. СПИРО

[*Москва*] *16 ноября 1893 г.*

Любезный Сережа! Какое глубокое горе постигло и Вас и меня, да и многих других, знавших Петра Антоновича! Вашего отца и дорогого моего друга больше не стало. Это случилось так неожиданно, так внезапно, что просто не верится. Я никак не думал, что переживу его. В последний раз, что мы виделись, это было в январе; он был такой веселый, бодрый, здоровый, я радовался, глядя на него.. Я ни с кем так не схо-

дился в убеждениях, как с ним; то же самое взгляды наши на искусство, на музыку, вообще художественные симпатии были почти одни и те же. Лично я потерял, кроме самого близкого, истинного друга, еще человека, отношение которого к моей художественной работе было для меня самой сильной поддержкой. Ни от кого я не слыхал таких глубоких и симпатичных замечаний и суждений об моих произведениях, как от него. Его беседы были для меня истинным наслаждением, я ждал его приезда, как голодный ждет хлеба; после свидания с ним я чувствовал духовный подъем сил, являлась бодрость, энергия, и я с увлечением принимался за дело, зная, что не даром работаю.. Могила отняла его у нас.. Осталась память об нем, для меня она неизгладима. Я благодарю судьбу, что мне привелось с ним встретиться и так сблизиться. Я наслаждался его талантом, умом, я завидовал его ровному, всегда веселому настроению, я глубоко симпатизировал его честным убеждениям, а его теплая дружба согревала меня.. Ваш отец был человек высокой идеи, он был человеком света. Все темное, низкое, подлое было ему противно; он весь был проникнут смягчающей и примиряющей идеей любви и человечности. Он необыкновенно отзывчиво относился ко всему истинному, хорошему и прекрасному. Влияние его на меня было огромное.. Наконец, его вокальный и сценический талант[29] давали такие минуты высокого художественного наслаждения, которое никогда не забывается.. Великое ему спасибо за то добро, которое он сделал и мне и другим!

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XIII. 1893 — 1894 годы

Адрес французским женщинам. Общение и переписка Е. Д. Поленовой с В. В. Стасовым. Организация Московского товарищества художников. М. В. Якунчикова организует в Париже выставку русского прикладного искусства.

Н. В. СТАСОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург*] *6 декабря 1893 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, обращаюсь к Вам по старой памяти со следующей просьбой: Вы, вероятно, слышали, что 23-го октября организовалась комиссия для посылки французским женщинам адреса

в виде заявления сочувствия и симпатий провозглашенному миру[1]. От каждой корпорации женщин (женщин-врачей, учительниц, художниц, писательниц и т. д.) пишется отдельный адрес и затем будет один общий; на листах в 72 см длины и 50 см ширины будут заглавные виньетки в соединении с русским орнаментом; некоторые виньетки исторического содержания, напр[имер], изображены русские исторические женщины.. другие — с видами Петербурга, Кронштадта и т. п. Е. М. Бём, Зарудная-Кавос, Самокиш-Судковская и др[угие] взяли на себя исполнение виньеток. Не откажите и Вы принять участие в этом деле и нарисовать или вид Кремля или что Вам больше по душе из русской жизни.. Адресуюсь к Вам не только, как старая знакомая, но и официально, так как мне сделали честь выбрать председательницей комиссии, на которую возложено приведение в исполнение сочувственного адреса французским женщинам.

Все листы адресов корпораций будут соединены вместе и вложены в обложку, рисунок которой в древнерусском стиле сделан Ропетом и исполнен будет в школе кружевниц.. По бархату и глазету будет вышито жемчугом, золотом, серебром и драгоценными каменьями. Работы уже начаты, так же как и рисунки некоторых виньеток.

Надеюсь, что Вы не откажете в скором ответе, так как желательно, чтобы в феврале можно было отослать[2]. Пользуюсь случаем, чтобы спросить, как идут Ваши художественные занятия и рисовальная школа, в которой Вы принимаете такое живое участие?[3] Чем Вы порадуете нас на выставке? Мой привет Вашей матушке.

Любящая Вас *Н. Стасова.*

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 19 января* [*18*]*94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, моя сестра Надежда, еще лежащая в постели от инфлюэнцы (но значительно поправляющаяся) поручает мне написать Вам, что она искренне обрадовалась Вашим участием в адресе «Французским женщинам от русских женщин», с восхищением благодарит Вас и не сомневается, что Ваш рисунок будет прелестен, как все, что выходит из рук Ваших — что касается подписей, то не дальше как в последнюю субботу, на заседании здешних художниц, участвующих в этом же адресе, решено, чтобы все подписи были и русские, и французские вместе.

Исполнив должность секретаря, прошу позволения сказать Вам пару слов и от своей собственной личности. Быть может, Вы уже и прежде

давно знаете, какой я Ваш всегдашний искреннейший обожатель и поклонник за Ваши чудесные и талантливые картины, особливо «Гладильщицу», у которой мальчики в гостях пьют чай, и потому Вы поймете мое восхищение, что случай дает мне возможность вступить (хотя бы на минуту) в приятные сношения с Вами, и что Вы участвуете в «адресе» вместе с некоторыми из высоко уважаемых мною наших русских художниц — я это говорю в особенности относительно M-me Бём. Ее лист превосходен. С искренним уважением

Ваш всегда *Владимир Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 29 января [18]94 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Благодарю Вас от всей души за отзыв о моих работах, не могу сказать, чтобы я разделяла Ваш взгляд относительно талантливости моих картин, но не скрою, что слова Ваши доставляют мне глубокое и, право, совершенно неожиданное удовольствие.

Будьте любезны, передайте Надежде Васильевне, что поручение, на меня возложенное, я исполнила — заголовок для Адреса *почти* кончен, и я надеюсь завтра или послезавтра его выслать. Посылаю лист, натянутый на подрамник (не срезанный), полагаю, что в таком виде он сохраннее дойдет, да и размером боюсь ошибиться.

Надеюсь, что здоровье Надежды Васильевны совершенно поправилось и что предпринятое ею дело посылки адреса во Францию ей вполне удастся.— Меня, по правде сказать, немного тревожит мысль, что мой рисунок будет ничтожен сравнительно с другими — ну, да что делать — сработала, как умела.

Прошу Вас передать мой глубокий и искренний привет Надежде Васильевне и верить в мое искреннее уважение.

Е. Поленова.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 2 февраля [18]94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна,— Вы меня восхитили своим рисунком! Я даже столько не ожидал. Ваша изобретательность, фанта-

зия, понимание форм, оригинальность, превосходное чувство колорита — все тут есть, и я смело скажу, что, сколько мне до сих пор известно, Вы самая первая женщина по части русского орнамента. Я видал у Репина и у M-me Бём несколько мебелей (шкапиков и т. д.), от которых я решительно с ума сходил. Вот приеду в Москву в конце апреля на съезд художников (съезжу также к графу Льву Толстому в Ясную Поляну), и тут-то, в антрактах между заседаниями съезда, постараюсь повидаться с Вами, хорошенько пожать Вашу руку и тут же повидать все сочиненные Вами русские мебели, и из них приобрести для самого себя, что можно будет. Так вот и с акварелями: смело говорю, из женщин тоже и тут никто у нас не разумеет русского орнамента, как Вы. Уж какая отличная и талантливая художница M-me Бём (великая Ваша почитательница) — я обожаю ее талант как сочинительницы русских сценок, а все-таки русского орнамента она не может так творить, как Вы, и громко сознает это. Но продолжаю: уже и Ваш вид Москвы прелестен, и меня восхищает эта зима, этот зимний воздух — все это чудесно. Но зато и в какую чудеснейшую оправу вставлен этот вид! Эти гирлянды родимого чертополоха, эти его извивы и заплетения, эти красные ягодки, расположенные такими милыми кисточками — как все это превосходно! И еще одно: кто у нас из женщин, даже самых талантливых, понимает красоту несимметричности, это расположение таким образом, что правая сторона — одно, а левая — совершенно другое!

Ни одна женщина не вздумает и не посмеет это сделать. Исполать Вам, Елена Дмитриевна, исполать Вам и ура!!

Мой приятель Ропет, на мои глаза талантливейший и замечательнейший из русских архитекторов, искренне восхищается Вами вместе со мной, вчера и сегодня.

Надо Вам сказать еще, что я у художников всего выше ценю — эскизы, наброски, потому что тут выливается душа, фантазия, первый огонь художника. Поэтому мне (да и Ропету тоже) до крайности нравится Ваш рисунок нынешний, где нет никакой прилизанности и сладкой тонкости. Вероятно, многим из публики, особливо дамам, этот рисунок будет меньше нравиться. Но мне до этого никакого дела нет.

Кланяюсь Вам еще раз и остаюсь

Ваш всегда *В. Стасов.*

Ропет прилагает при сем профиль Вашей боковой фигуры под заставкой — с просьбой к Вам: нельзя ли Вам внутри этого орнамента вставить букву Б, потому что текст адреса на Вашем листе начинается со слова: Блистательный.

Если Ваша милость будет, пришлите нам эту букву хоть в карандаше, без красок.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* [*Москва. Февраль, 1894 г.*]

Многоуважаемый Владимир Васильевич, посылаю Вам рисунок буквы. Мне кажется, что место ее в орнаменте должно быть сбоку, а не внутри, как Вы предполагаете, потому что в таком случае оказалось бы чересчур много пустого места, впрочем это, конечно, будет зависеть от текста, его объема и его расположения на листе. Я от души радуюсь, что мой рисунок понравился Надежде Васильевне и Вам. Очень боялась, что недостаточная тонкость и отчетливость моей работы будет идти вразрез с работами других. Спасибо Вам за намерение посетить нас весною, с большим удовольствием покажу Вам свои работы по столярной мастерской в Абрамцеве. Стало быть, до свиданья. Передайте мой искренний привет Надежде Васильевне и верьте в мое глубокое уважение.

Е. Поленова.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 16 марта* [*18*]*94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна. Пишу Вам сегодня всего несколько слов, и это единственно для того, чтобы сказать Вам про впечатления здешние от Вашего листа с Кремлем и чертополохом для «французских женщин».

Во-первых, Ваш лист, как самый талантливый и самый русский, издали для самого «адреса». Его и вписали, после большой буквы Б (нарисованной с Вами присланного оригинала И. П. Ропетом, Вашим великим поклонником), в два столбца рядом по-русски и по-французски. Вы это можете увидеть собственными глазами, если купите где-нибудь последний № «Петербургской жизни», где Ваш лист воспроизведен (довольно худою) фототипией, полагаю, что в Москве этот журнал получается; если же нет, то я могу тотчас же прислать Вам его. 2) Вашим листом особенно любовались все художники и все, кто поинтеллигентнее и похудожественнее из публики, само собой разумеется, все, кто понехудожественнее и тупее в деле искусства, оставались недовольны листом и жаловались на «эскизность» и «недоконченность»!! Этого уж не избежишь никак: кто менее понимает в художестве, ранее всего ищет «прилизанности» и «гладкости», все прочее, талант, воображение, фантазия, прелесть и драгоценность эскизности — для него вовсе не существует!

3) Государь император при всех очень-очень хвалил Ваш лист и потом, в тот же день, за обедом во дворце, особенно рассказывал о нем с боль-

шой похвалой, и это потом было сообщено дамам Комитета великой княгиней Евгенией Максимилиановной.

4) Много восхищалась этим Вашим листом и наша талантливая M-me Бём, которой листы, [с]историческими сценами, фигурами и портретами знаменитых русских женщин были, конечно, первыми листами всей коллекции.

Со своей стороны, я могу только повторить то, что говорил Вам еще в первом письме, и пожелать, чтобы, кроме этого чудесного орнаментального Вашего листа, Вы скоро дали нам и достойное продолжение Вашей «Гладильщицы с мальчиками, пьющими чай у ней в гостях». Это, конечно, лучшая и замечательнейшая Ваша вещь, и не надо, чтобы она такою долго еще оставалась: надо, чтобы скоро у Вас явилось еще немало других картин, которые стали бы еще гораздо выше той.

Ваш всегда *В. Стасов*.

[На полях]: «Передвижники» привели меня в неописанный ужас и горесть: кроме Ярошенко, Дубовского и Ге, гуртом все перешли в Академию (обманутые и надутые призраками!) и забыли все свои предания и всю свою историю. Они погибли или, точнее, их песенка спета, их период кончился, и теперь вся надежда только на новый имеющий начаться период, на новых передвижников, и, всего более, на свежую, новую московскую и южнорусскую молодежь.

* [*Петербург*] *28 марта* [*18*]*94 г.*

Елена Дмитриевна, со вчерашнего дня я опять принужден восхищаться Вами. Вчера вечером Елиз[авета] Мерк[урьевна] Бём привезла мне, чтобы я полюбовался, Ваш «Поход грибов»[4]. Хотя эта прелесть появилась еще в 1889 году, но я не имел о ней ни малейшего понятия до вчерашнего вечера — вот как хорошо известно у нас в Петербурге все московское! И так я благодарен M-me Бём, без нее я, пожалуй, еще долго ничего бы не знал о Ваших «грибах»,— а как надо бы! Вон я уже много лет знаю все, что ни сделает нового, талантливого Елизавета Меркурьевна, и как я ей благодарен за то!

Но дело не в этом, а вот в чем: полный Вашими чудными четырьмя картинками, я намерен тотчас же напечатать о них кое-что, вместе с другими хорошими вещами. И вот, именно для этого я прошу Вас: поскорее написать мне, нет ли у Вас еще и других подобных же вещей? У нас есть в Публичной библиотеке все, что ни печатается в России, но это находится в «Русском отделении» (где не я хозяин), и потому мне невозможно знать все, что там появляется в продолжение года нового. Но Вы только напишите мне, пожалуйста, точные заглавия, и я тотчас же увижу все эти вещи.

А еще, скажите пожалуйста, как это Вы вздумали иллюстрировать «грибной поход» и другие вещи (если такие вещи были): сами Вы вздумали, или кто другой Вам заказал или предложил?

Надо сказать Вам, что мне ужасно нравится и переплет из узорчатого ситца, но тут, кажется, M-me Бём предупредила Вас? Или Вы раньше ее затеяли такие переплеты?

Не помню, писал ли я Вам, что государь чрезвычайно хвалил Ваш лист (для французиенок): «Вид Кремля» среди заставки из чертополоха и каких-то других растений (какие именно?). Я никак не ожидал, что он выкажет столько вкуса и художественности. Жду ответа.

Ваш всегда *В. Стасов.*

Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 2 апреля 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич, ничего нет удивительного в том, что Вам до сих пор не попадала под глаза моя «Война грибов»— это изданьице не имело никакого успеха и осталось очень мало распространенным. Виною тому, конечно, я сама, потому что сама вздумала издавать, а художник, мне кажется, не может и не должен быть своим издателем, это две роли несовместимые. Мы — народ чересчур никуда не годный в практическом отношении. Издание это я предприняла сама на свой страх и на свои средства, но издали мне эту вещь до того плохо, что половину фототипий я должна была сжечь за негодностью. Остальные картинки, хотя я была ими очень недовольна, я попробовала пустить в издание. Этим я поставила себя в такое положение: мне, как издателю, хотелось чтобы вещь эта распродалась и затраченные мною деньги вернулись назад, а самолюбие художника, рисунки которого искажены до неузнаваемости, требовало, чтобы вещь эту по возможности меньше видели и знали. От этого произошло то, что я почти не объявляла о нем, когда оно появилось, а потом даже просто стала его прятать подальше и от своих глаз и от глаз публики.

Мечтала я издать цельный ряд таких книжек, но первая дала мне так много горьких минут (я не говорю о денежных затратах — они были совсем ничтожные), что я дала себе слово никогда больше не пробовать издательской деятельности. Вы спрашиваете, как мне пришло в голову иллюстрировать «грибной поход». Я начала не с него, а с других сказочных сюжетов, заимствованных из сборника Афанасьева, по правде сказать, рисовала я их без определенной цели, потому что мне нравились мотивы

русских сказок (я всегда любила русскую жизнь в ее прошлом). Эти рисунки видели у меня кое-кто из приятелей, стали говорить об издании — мысль эта мне улыбнулась — я начала иллюстрировать афанасьевскую «Белую уточку». Потом, когда сцены с человеческими фигурами показались мне однообразными, мне захотелось другого и тогда я вспомнила «войну грибов» в той редакции, как я слышала ее от своей бабушки в очень раннем детстве, редакцию с вариантом об волнушечьем монастыре, которую я потом нигде не встречала. Так как издание предназначалось для детей, то я постаралась перенестись в то далекое время, когда, слушая этот рассказ, я представляла себе в лесу миниатюрные поселки, монастыри и города, выстроенные, так сказать, в грибном масштабе, в которых живут и действуют эти удивительные существа, так как в детском разумении гриб — это существо совсем живое и очень привлекательное. Чтобы выработать эти четыре картинки, я работала очень много, наслаждалась этой работой и любила ее чрезвычайно. Когда я кончила ее,— случилось то, чего со мной почти никогда не бывает относительно других моих работ (в особенности относительно картин), мне показалось, что вышло положительно недурно, оригинально и интересно; я думала, что вещь будет нравиться. Я принялась за издание, но тут пришлось испытать столько неприятного, что вспоминать не хочется. Я сделала целый ряд ошибок, наивностей, опрометчивости и в результате получилось крайне плохое издание, половину которого, как я уже упоминала, я принуждена была уничтожить, часть (очень небольшая) распродалась, часть лежит без признаков жизни у разных книгопродавцев, и пятьдесят экземпляров осталось у меня на руках.— Вот Вам очень мало интересная, но, кажется, полная история моего издания. Если весной Вы побываете в Москве, то я непременно покажу Вам оригинальные рисунки для сравнения с фототипиями, Вы увидите, как плохо они были сделаны.

Что касается переплетов из узорчатого ситца, то я их стала употреблять, думая, что это и будет ново и не рутинно, но не подозревая того, что такие же переплеты употребляет для своих изданий M-me Бём.

Вы спрашиваете еще, какие растения я имела в виду, делая узор для заставки,— по правде сказать, я предоставила фантазии водить моей рукой, как ей вздумается, без всяких определенных реальных представлений.

Что касается журнала «Петерб[ургская] жизнь», о котором Вы мне писали в предпоследнем письме Вашем,— я его в Москве достать не могла и буду Вам очень благодарна, Владимир Васильевич, если Вы мне пришлете тот номер, где издан мой лист.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 14 апреля [18]94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, Комитет поднесения подарков «французским женщинам».. постановил: послать каждой из дам, работавших листы, по фотографии с ее листа. На основании этого Вам и посылается фотография с превосходного Вашего листа.

Я же, при этом случае, беру смелость приложить к нему еще семь других фотографий этого же альбома, покорно прося Вас принять их от меня на память о Вашей чудесной работе и как маленький знак моего восхищения Вашим талантом вообще.

Всех фотографий снято двадцать девять (в том числе один лист с описанием по-французски), но я Вам посылаю только лучшие, замечательнейшие; остальные Вам бы, конечно, мало понравились, как и мне..

Надеюсь, Вы останетесь довольны этими семью рисунками, да зараз уже и своим собственным, чудесным.

Ваш *В. Стасов.*

..В Москву мне, кажется, не случится приехать на ваш съезд художников. Какая досада, что видно так и не узнаю никогда Вашей «Белой уточки»! А было, должно быть, превосходно!

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 20 апреля 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Сегодня получила фотографии, очень, очень Вас благодарю за эту присылку — мне было в высшей степени интересно видеть работы других, участвовавших в этом симпатичном деле. Одно для меня остается непонятным: почему Вы выбрали мой лист для адреса. По-моему, он положительно самый скромный и невзрачный. Но это, конечно, не мое дело, и мне во всяком случае очень приятно быть участницей этого дела.

Очень сожалею, что мы не увидим Вас теперь в Москве. Какой будет этот первый художественный съезд, вперед, конечно, нельзя сказать, но москвичи деятельно и горячо к нему готовятся. Мне лично интересно было бы показать Вам мои работы для абрамцевской мастерской, рисунки для мебели, в особенности дверь — это самая крупная и самая сложная из моих работ в этом направлении.

До свидания, может быть, как-нибудь соберусь в Петербург, тогда побываю у Вас и захвачу с собой кое-что из своих рисунков.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Париж. 15 мая 1894 г.

Это непростительно, что Вы не могли приехать эту весну. Это такой интересный, такой сложный момент парижской жизни.. Не знаю, права ли я, но мне кажется, что здешняя жизнь, а вместе с ней и искусство, достигли рубежа, дальше которого в том же направлении движение не может продолжаться. Французы сделали свое дело — путь к концу — открывается новая непроторенная дорога, но не им по ней идти, надо уступить другим, более молодым, полным силам.

Эта агония еще, вероятно, долго будет продолжаться, но она уже шибко началась. Я бы хотела ошибиться — qui vivera — verra [кто поживет, тот увидит].

Вы просите меня сообщить Вам что-нибудь об символистах и зарисовать что-нибудь. Это трудно. Они рассеяны повсюду, по всем выставкам, и трудно отметить какого-нибудь одного или какие-нибудь картины. Rose — croix [Роза — крест] стал теперь балаганом символистов, там собрались пустоголовые шарлатаны эпатировать парижскую публику кровью и развратом — так что не стоит о них и говорить.

Один художник Redon [Редон] выставлял целую коллекцию своих вещей и большой успех имел в прессе и публике. Но, как хотите, не по мне это его искусство. Он делает только рисунки углем и офорты. Идеи всегда очень глубокие и захватывающие, но форма до того схематична, а если реальна, то так не конструктивна, что, право, холоден остаешься к нему. Упомяну о нескольких вещах:

1. Рисунок углем. Чернота, в которой летают шарики вроде мыльных пузырей. Налинованное окно с решеткой, за ним дерево. Понять можно так: темнота — душевные потемки, кружки — зачатки людских дум, за окном природа и все в общем,— отношение природы и человека — разделение их обоих, невозможность постичь ее.

2. Пастель: голова, изможденная, бледная, человечья,— из мозга выросли цветы, которые выходят за круг, очерченный вокруг лица. Цветы, вероятно — усиленная мозговая работа и познание вещей за кругом видимого.

3. Chevalier mistique [Мистический рыцарь]. Рыцарь пришел с головой убитой им любовницы к двери храма, а химера, сторожащая вход, качает головой и говорит, что каранием пороков других не достигаешь бессмертия (сюжет взят из одного стихотворения). Но не то, не то.

В Champs de Mars [Салоне Марсова Поля] в этом году есть дивная скульптура и несколько рисунков, но живописи нет хорошей совсем. Так много как-то хочется от живописи теперь — я заметила, что мне хочется видеть простоту и единство, чтобы результат всегда оправдывал. Два штриха угля и грязный мазок пальцем, на плохом клочке бумаги,

лучше, чем пять метров холста, отягощенных двумя пудами пестрой краски. Зачем, зачем это количество всего — это непереваренное изображение всего, что под ноги ни попадет. Отчего не одуматься, покойно не перебродить. Как все говорить, и кому нужно это количество, эти миллионы холстов и рам? Конечно, рассуждение возможное только здесь. У нас же в России только давай больше, все равно что, только бы раскачать искусство и любовь к нему..

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 19 мая [18]94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, я давно уже собираюсь написать статью для печати про Вас и про Ваши изумительные иллюстрации к «Войне грибов», да все не удосуживался, а теперь уже, кажется, и не время — все разъезжаются во все стороны, ни у кого больше времени нет! Никому теперь не до чтения. Значит, лучше оставить это до осени. А, кто знает, может быть, до тех пор Вы что-нибудь и новое сделаете в этом роде? Мне кажется, этот род — именно Ваш, Ваш собственный, и именно в нем Вы произведете все Ваши самые замечательные, важнее и значительнее даже Ваших картин, которые, впрочем, я так люблю и уважаю (однако ж, откровенно признаюсь Вам, что «Пойманную на чердаке кошку» нынешнего года я гораздо меньше ценю: слишком ничтожный сюжет!) После Вашего последнего письма я нарочно перечитал сказку «Белую уточку» и очень пожалел, что Вы эту милую вещь так и забросили, не докончив. Сюжет богатый, разнообразный и в высшей степени благодарный. Авось Вы еще снова приметесь за эту вещь и сделаете что-то очень примечательное. Дай-то бог! Впрочем, мало ли сколько есть и других сюжетов в наших сказках, которые могут Вам послужить, и знатно!

А покуда вот о чем надо еще спросить Вас, Елена Дмитриевна: кто-то сказал мне на днях, что будто бы, относительно Ваших русских иллюстраций к сказкам, большое влияние имеют на Вас иллюстрации покойного графа Соллогуба (некоторые из них помещены были в «Артисте»)[5]. Правда это? Мне кажется — неправда. Совсем другой род!! Соллогуб был, конечно, талантлив, но для меня он неудовлетворителен. В нем что-то искусственное, насильственное, не русское, словно англичанин или немец иллюстрирует русские сюжеты, и притом — вечное отсутствие перспективы! Все сжато, скомкано и — нигде настоящей натуры!..

Не приедете ли Вы в Петербург? Я никуда не поеду нынче за границу.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва* [*Май 1894 г.*]

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Не поверите, как мне было обидно, когда, возвратясь домой, я нашла у себя на столе карточку M-me Бём с еще не засохнувшими на ней чернилами, ее адреса у меня не было, а поехать для свидания с ней в Третьяковскую галерею, как она мне предлагала, я не могла, да и вряд ли из этого вышел бы толк. Где же в толпе признать человека, о наружности которого не имеешь ни малейшего понятия, а мы обе были как раз в таком положении — словом, досадно очень, но делать нечего. Не могу не согласиться с Вами, что писать теперь об моей «Войне грибов», конечно, не стоит, да и вообще стоит ли писать об одной этой вещице. Если бы мне удалось издать их целый ряд, как я задумала, и издать лучше, чем эта была издана. Я бы с удовольствием послала Вам то, что у меня было приготовлено к изданию, но в настоящее время некоторые рисунки не у меня. Если позволите, я их пошлю Вам, когда получу обратно, чтобы Вам дать понятие об этой моей затее, тут же приложу оригиналы к «Войне грибов» — Вы увидете, как плохо они были изданы. Вы спрашиваете, имеет ли на меня влияние гр[аф] Соллогуб — ни малейшего. Но кто делает положительный толчок к уразумению древнерусской жизни, так это Васнецов (Викт[ор] Мих[айлович]).

Мне думается, Владимир Васильевич, что если Вы хотите писать об этой стороне моих работ, то не выйдет ли полнее и интереснее, если Вы также затронете мою художественную деятельность в абрамцевской столярной мастерской, так как между этими работами существует положительное сродство, то и другое (сказки и деревянные резные вещи) основано, главным образом, на том, что я зачерпнула из народного творчества. Тогда я бы приготовила к осени или чертежи или фотографии и весь материал препроводила бы к Вам в течение нынешнего лета, с некоторыми, может быть, интересными для Вас указаниями.

Что касается моей картинки нынешнего года, то это справедливо, что она не имеет никакого значения, это, скорее, этюд. Он был написан почти целиком из окна моей комнаты, написан только потому, что никакой другой из многих задуманных мною сюжетов я не могла тогда писать, так сложились обстоятельства. В настоящее время я гораздо свободнее и хочу к будущему году приготовить нечто более ответственное. Если не удастся, значит чего-нибудь не хватает во мне самой: либо способностей, либо подготовки — обстоятельства благоприятствуют работе, и неудачу сваливать будет не на что.

Соберусь ли в Питер, не знаю, впрочем, может быть.— До свидания, искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 8 июня [18]94 г.

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, Вы меня много обрадовали своим последним письмом: тут я нашел сведения о том, что Вы желали видеться и познакомиться с Ел[изаветой] Мер[курьевной] Бём (чего до сих пор, к сожалению, не случилось) и обещание, быть может, приехать сюда к нам, на минуточку, и обещание прислать мне начала разных Ваших работ по части иллюстраций к сказкам и, наконец, обещание сообщить мне сведения о Ваших работах деревянных. Все это чудесно, великолепно и прельщает меня в высшей степени. Ради самого неба и всех святых его, не откладывайте ни в каком случае двух последних пунктов (сказки и деревян[ные] работы) в долгий ящик, и к началу осени, наприм[ер] в августе или сентябре, пришлите мне все, что Вам будет возможно по этой части. Я остаюсь при прежнем своем намерении написать и напечатать, чем мне кажется Ваш русский национальный талант и как я его высоко ценю, а потому желаю, чтобы и другие это уразумели и согласились со мной. Значит, помогите же Вы мне фактами и сведениями.

Я был как громом поражен известием о смерти Н. Н. Ге. Получив первый в Петербурге телеграмму об этом от сына Ге, я тотчас же написал «некролог», который и появился в «Новостях» на другой же день, т. е. 4 июня. Если эта газета получается у Вас в Москве, пожалуйста, достаньте и прочитайте. Если ее нет, я могу Вам ее прислать. Я старался в этой статье высказать что-нибудь; побольше цифр, заглавий и дат, как обыкновенно бывает в «некрологах» и как поступило «Новое время» в своем №, 5 июня, т. е. на другой день после моего первого известия.

Я все лето — никуда из Петербурга, только на субботу и воскресенье уезжаю к своим на дачу, в Парголово. Значит, всякое Ваше письмо получу тотчас..

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* [*Борок*] *30 сентября 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Исполняю свое обещание — высылаю Вам пять книжек сказок, мною иллюстрированных, которые мне удалось получить обратно только на днях. Между ними Вы увидите оригиналы «Войны грибов», если у Вас есть под рукою издание, Вы убедитесь, как мало похожи мои рисунки на то, что у меня вышло в издании. Я сделала непростительную ошибку, избравши способом воспроизведения фототипию, картинки потом пришлось окрашивать от руки, это вышло довольно дорого и, главное, уж очень нехорошо.

После «грибов» наиболее выработанною я считаю «Белую уточку», остальные три несравненно менее доведены. Тексты тоже очень мало отработаны. Так как я отказалась от мысли продолжать издание, то не стала и работать над этим. У меня же был план такого рода: по возможности собрать для этого новый материал, а не пользоваться изданным. Так мне удалось записать со слов несколько сказок в деревне от неграмотных стариков и старух. Между прочим, в бытность мою в Костроме я записала текст к «Деду Морозу», рассказанный мне одною костромичкой и не совсем похожий на афанасьевского «Морозку». Что же касается моих рисунков для абрамцевской столярной мастерской, то их я вышлю тоже в непродолжительном времени, мне удалось собрать довольно полную коллекцию, и теперь я привожу их в порядок. Надеюсь скоро кончить эту работу и тогда не замедлю Вам выслать и эти мои рисунки.

Мне очень хотелось самой побывать в Петербурге, но вряд ли это мне удастся.

Передайте, пожалуйста, мой глубокий душевный привет Надежде Васильевне.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 6 октября [18]94 г.*

Многоув[ажаемая] Елена Дмитриевна. Вот уже второй день я не выхожу из восхищения: вчера утром принесли с почты Вашу посылку, и с тех пор я не перестаю думать о Вас и Вашем таланте. Он меня поражает и восхищает. Сегодня, поосвободившись немного от всяческих своих работ, казенных и своих, я полетел к М-me Бём, которая первая мне указала на «Войну грибов», и она пришла в великий восторг, как и я сам. Потом, едва пообедавши, я поскакал еще и к моему великому приятелю, архитектору Ропету (Ив[ану]) Павл[овичу]), и так как у него натура самая художественная, то и он тоже был вне себя от радости и восторга.. Ну, вот, мы.. взапуски радовались и восхищались, глядя на Ваши иллюстрации, и только о том тосковали, зачем их так мало: всего по четыре в тетради!!! А хотелось бы, по крайней мере, по десять, по пятнадцать. Особенно все архитектурные и орнаментальные — верх совершенства у Вас. У кого еще может явиться более фантазии, творчества и изящества после Вас и Ваших таких чудесных вещей, как, например, крыльцо с конскими головами вверху — в «Белой уточке», как «Избушка на курьих ножках», «Внутренность этой избы с люлькой Бабы-яги», «Ворота» в конце этой же сказки и все постройки и резьбы около этих ворот, «Изба» на послед-

ней картинке, «Мороз», «Дворец» в «Сивке-Бурке» и мой любимец «Киоск» или «беседка» над царем-грибом в «Войне грибов»!!!!!!

Надеюсь обо всем этом еще поговорить в печати, вместе с мебелью Вашей, когда ее увижу,— я ее жду с нетерпением. А теперь, покуда, скажу только, что, действительно, издание «Войны грибов» было сущее искажение Ваших оригинальных рисунков, изумительных по красоте тонов и форм, по необычайной тонкости подробностей и мастерству.

Но Вы, пожалуйста, не подумайте, что мы тут мало ценим человеческие фигуры. Как можно! И в них тоже пропасть прелестного художества и творчества. Например, девочка, увидавшая избушку на курьих ножках; она же, качающая люльку; она же, едущая на медведе и горько плачущая; девочка, кланяющаяся в ноги злой матери или мачехе, Иванушка-дурачок задом наперед на кляче; Снегурочка, обнимающая свою приемную мать, — это все чудо что такое!!!..

Гос. Публичная библиотека. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* [*Боро́к. Октябрь 1894 г.*]

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Посылаю Вам сборник рисунков с тех вещей, которые работались под моим руководством и по моим чертежам в абрамцевской столярной мастерской за эти последние девять лет.

Когда я начала работать эти рисунки, я задалась мыслью как можно меньше пользоваться материалом, который стал общедоступным, т. е. либо издан в увражах и фотографиях, либо находится для общего пользования в музеях. Таким образом я допускала или чисто творческие мотивы или же вырванные прямо из почвы, т. е. те, которые удавалось собирать по деревням, глухим провинциальным городкам и монастырям. От этих принципов я отступала очень редко, если не ошибаюсь в двух вещах: ларец № 9 — сделан по мотивам орнаментов, заимствованным из сборника, изданного Строгановским училищем технического рисования, и скамья № 13, где конские головы в виде окончаний или бочков взяты из Вашего собрания, напечатанного не помню в котором году,— «Известий археологического общества». Остальные же, как мотивы резных украшений, так и мотивы внешних форм, либо придуманы мной, либо заимствованы из наблюдений и зачертков мною сделанных и почерпнутых непосредственно из источника народного творчества.

Та резьба, мотивами которой я пользовалась более всего, очень распространена в русском крестьянском населении. Я говорю о низкой не рельефной резьбе, т. е. о такой, где орнамент глубже фона. Мне известно,

что она встречается в губерниях Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской, Московской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Саратовской и Воронежской, вероятно, и в других.

Резьба, родственная этой, хотя и с некоторыми своеобразными особенностями, встречается в Норвегии в большом количестве, попадается в музеях Германии в Берлине и Мюнхене. На последней всемирной выставке в Париже мне пришлось видеть ее в отделе крестьянских работ Оверни, встречается и в магометанском мире, напр[имер] в алжирском отделе той же выставки. Тоже весьма близкие мотивы бывают на резных веслах у туземцев Сандвичевых островов.

Но в нашем русском орнаменте этого типа мне удалось подметить одну черту, которой я не встречала у других народов, это пользование не одними геометрическими сочетаниями, всегда несколько суховатыми, но и более живыми мотивами, навеянными впечатлениями природы, т. е. стилизацией растений и животных, напр[имер], разработка листа, цветка, рыбы, птицы. Эта плоская резьба в моих рисунках применена на №№ 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18 и 19.

Что же касается выпуклой рельефной резьбы, то она гораздо реже встречается; сама по себе она богаче первой, и в ней преобладают растительные и животные формы. В ней участвуют цветы, листья, плоды, животные, похожие на львов, птицы и даже человеческие изображения. Район этой резьбы более сомкнутый: мне случилось видеть ее раз в Московской губернии, раз во Владимирской и несколько раз в Костромской. Там ее называют «ба̀рочной резьбой», Она действительно очень похожа на ту резьбу, которая в большом количестве украшает барки на Оке и Волге. Сколько знаю, ее очень много в Суздальском уезде Владимирской губ[ернии]. Мне самой не случалось там быть, но по очень большому количеству ее там, полагаю, что это ее родина. Мотивами этой резьбы я пользовалась при разработке предметов за №№ 1, 14, 15, 20 и 21.

Аналогичная с нею, но не вполне тождественная резьба встречается на телегах, санях и дугах: у меня она применена на ларе № 5. В отличие от барочной резьбы, она более стилизованная, цветок и лист в ней гораздо дальше отошли от натуральных форм природы, суздальская или ба̀рочная резьба, напротив, отличается своим реалистическим характером от других родов резьбы.

Е. Поленова.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 24 октября [18]94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, вчера я получил оба Ваших письма (одно с накладной), сегодня утром получил Ваш ящик с железной

дороги, и Вы не можете вообразить себе моего восхищения, когда я жадными глазами пробежал все Ваши листы.

Какой талант!! Какой необыкновенный, какой оригинальный талант, какая необычайная способность к русскому стилю, никем у нас не понимаемому и даже всего скорее презираемому и затаптываемому в грязь!! И это все делает кто — женщина, у которой нашлось вдруг и необычайное знание, и необычайная творческая фантазия, и необычайная любовь, даже страсть к нашему национальному складу, формам и краскам. Все это до такой степени неожиданно, непредвиденно и вместе сильно, что просто кажется мне невероятным. И все это делает женщина!!!!!!

..Мне нет ни времени, ни места перечислять Вам здесь все, что меня поражает и восхищает у Вас — я лишь на всем бегу упоминаю Вам лишь кое-что. Но скажу Вам, что Ваша орнаментистика изумляет меня на каждом шагу. Что может быть, например, прелестнее Ваших ландышей — их листьев и цветов! И, представьте, я давно твержу Ропету, как хорошо было бы употреблять в русской орнаментистике милый этот цветочек — одуванчик. Смотрим: ан у Вас это и сделано (лист VIII, в висячем шкапике № 3). Да ведь с каким мастерством, с каким вкусом, с какою оригинальностью! Только можно руки расставить и рот раскрыть от изумления!! Так и хочется приводить Вам еще, и еще, и еще примеры всего того, что у Вас поражает, но я силой заставляю себя умолкнуть до поры до времени (до печатной статьи моей), и только скажу еще одно слово про Ваш chef d'oluvre, который нарочно приберегал для конца: это, конечно, Ваша дверь № 21. Это уже непрерывный ряд чудес.

Какое воображение, какое чудесное творчество! Пускай это напечатают в каком угодно «увраже», и каждый понимающий человек будет присягать, что это сочинил какой-то неизвестный древний мастер нашей Руси, изумительно талантливый. Для меня это что-то невообразимое, просто легендарное. Древние русские сказки и поэмы воскресают, старая Русь словно выплывает из тысячелетних туманов и серой дали. Начиная с общей гармонической, бесподобной формы и кончая печуркой, где котенок съежился и нежится..

Позвольте мне подольше подержать у себя Ваш альбом? — Какая жалость, что Вы могли прислать мне всего двадцать одну вещь, а не все сто. Ах, если бы их все увидеть!

Много, много, много надо еще Вам сказать, но просто некогда; но попрошу Вас, второпях, тоже, чтобы: 1) Вы побольше написали мне подробностей про себя, когда, как и почему Вы начали создавать все это; 2) чему учились у Васнецова (который сам, однако, ничего подобного не сделал), я знаю многие его рисунки. Меню царских обедов, ужинов и т. д.— прекрасно, но далеко не то, что у Вас; 3) побольше подробностей об Абрамцеве: я о нем слыхал, но знаю слишком еще мало и про его церковь (по рисункам Васнецова), и про его фабрику[6], и, наконец, ровно

ничего не знаю про время учреждения этой фабрики и т. д., и т. п. Мне все это очень нужно; 4) как и когда Вы учились в Школе Общ[ества] поощр[ения] худ[ожеств], когда занимались эмалью и т. д.. Еще два вопроса: 1) Знаете ли Вы рисунки Гартмана, Ропета, Богомолова и их товарищей в «Мотивах русской архитектуры»[7] и частью в «Зодчем»?[8] 2) Нет ли у Вас оказии, с кем бы мне Вам послать мое издание: «Славянский и Восточный орнамент»?[9] Оно очень грузное, а я непременно хочу его Вам подарить: авось будет Вам приятно..

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 1 ноября 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Мне бы хотелось подробно и обстоятельно ответить Вам на Ваше в высшей степени интересное письмо, но за неимением возможности сделать это теперь, я скажу Вам только несколько слов — более полный ответ поневоле должна отложить на некоторое время. Не могу скрыть от Вас того очень большого удовольствия, которое я испытала, получивши это письмо Ваше.

Ваше одобрение и одобрение Ропета для меня имеет без сомнения огромный вес. Но не могу не сказать Вам, что похвалы Ваши заходят много дальше моей заслуги, и вот почему я так думаю: многое, что Вам нравится, конечно, далеко не все принадлежит мне полностью. И вот это-то обстоятельство мне бы хотелось как можно полнее выяснить. Как за это взяться, я еще не придумала потому, что очень трудно разграничить, где кончается народное и начинается мое собственное. А выяснить это мне бы хотелось не из какой-нибудь излишней скромности, а просто потому, что много приятнее слышать похвалу за то, что создано мною, нежели за то, чем я только сумела воспользоваться.

Вашего издания «Славянский и Восточный орнамент» я совсем не знаю и очень буду рада его получить. Вперед благодарю Вас от всей души и непременно воспользуюсь первым случаем его получить от Вас — с Петербургом у меня бывают довольно частые оказии. Вообще должна сознаться, что рус[скую] архитектуру и орнамент я очень люблю, но с литературой предмета почти не знакома. Работы Гартмана, Ропета и Богомолова мне очень мало известны. Ни «Зодчего», ни «Мот[ивов] русс[кой] арх[итектуры]» я не имела в руках. Как было бы хорошо, если бы время и обстоятельства мне позволили побывать в Петербурге и воспользоваться Вашими указаниями, чтобы поработать в этом направлении.. Может быть, в середине зимы и удастся.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 7 ноября [18]94 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, Елиз[авета] Мерк[урьевна] Бём до сих пор все не могла быть у меня в библиотеке — ужасно была занята, во весь дух торопилась кончить работу: очень маленького формата «молитвенник», который ей был заказан и на днях подносится новой будущей императрице — с множеством иллюстраций орнаментальных и иных. Все это акварели премилые, преграциозные, с большим вкусом сочиненные и выполненные в древнерусском стиле. Но только она это все кончила, тотчас привезла мне показать в библиотеку (по всегдашнему), и тут-то имел возможность наконец дать ей посмотреть Ваш чудный альбом русской мебели. Ее восхищение было, кажется, почти равно моему, и мы часа полтора все рассматривали и рассматривали, во всех возможных подробностях, словно анатомы какие-то, которым требуется разглядеть и уразуметь все до последней косточки, хрящечка, жилки. Если Вы нынешней зимой как-нибудь удосужитесь попасть сюда в Петербург, конечно, увидите всех нас, Ваших почитателей, и прямо из собственных наших уст во всей подробности услышите, что мы тут думаем и говорим про Ваш альбом, про Ваши иллюстрации к «Сказкам», вообще про все до Вас касающееся. А уж как бы это было хорошо, если б Вы сюда приехали: во-первых, я постарался показать Вам множество рисунков и фотографий, по всей вероятности Вам еще неизвестных, а между тем, наверное, Вам полезных и приятных, а во-вторых, познакомил бы Вас с разными личностями, которые, мне кажется, будут Вам приятны. Вот ужо увидите сами. Затем, скажу Вам, что я был чрезвычайно доволен Вашим письмом, длинным, тем, что мне привезла Наталья Васильевна [Поленова]. Тут Вы написали именно то, что мне нужно и интересно, и я Вам очень благодарен, к этому прибавлю, что мне до крайности нравится и Ваша манера писать: это все своеобразно, коротко и точно, а часто и картинно, а умно — всегда. (Это я Вам докладываю только так — мимоходом). Но мне, знаете ли, все мало, все мало, и очень хотелось бы вытянуть у Вас еще хоть несколько подробностей. Например, вот Вы говорите, что Вы посылаете альбом, содержавший всего только двадцать один предмет, а всех-то у Вас было более ста. Вот у меня тотчас и является жажда и голод узнать: а что же такое были прочие-то восемьдесят вещей? Менее важные, менее интересные, чем эти; не многие из них равнялись, пожалуй, Вашей изумительной «двери», от которой у нас глаза и до сих пор разбегаются, а зубы щелкают, как у жадных волков. Неужели были и есть еще такие же вещи? Если да, то будьте к нам милостивы и пришлите нам посмотреть и насладиться: ведь такие праздники такая необыкновенная редкость! И если в самом деле вздумаете что-нибудь подобное нам показать, пожалуйста, не теряйте времени ни на какое вырисовыва-

ние, ни на какие чистые рисунки. Эскизы, наброски — это всегда самое интересное, самое горячее, самое важное у художника, и никакие «законченные» рисунки никогда не имеют той горячей прелести, как первый набросок и первая мысль. Вместе с тем, мне очень хотелось бы узнать, все ли эти рисунки (теперь у нас здесь гостящие) были исполнены из дерева в действительности, или только назначены были к исполнению? Вот на первый раз..

Я послал Вам экземпляр моего «Слав[янского] и Восточн[ого] орнамента». Думаю, что многое Вас поинтересует, хотя и не имеет прямого приложения к деревянной работе..Я готовился к этому атласу тридцать почти лет и пересмотрел бог знает сколько библиотек и рукописей в России и Европе. Но удастся ли мне еще кончить и напечатать мой текст, мое исследование о «стилях» всех этих рисунков и народностей — еще бог весть. Но обратите, пожалуйста, все Ваше внимание на «заглавный лист»: тут мой приятель старинный, Ропет, по моему неотступному требованию, соединил в одно целое все стили, представленные в атласе. В основу, внизу, легли древние стили Востока: Сирийский, Коптский, Эфиопский, Армянский, Грузинский, вверху — балдахин из византийских подробностей и частей; по сторонам вверху разные славянские стили; вся середина — Россия разных эпох. Общий план был мой, и я этим горжусь. Но что создал Ропет, это сущий chef d'oeuvre. Вы поймете!

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 8 ноября 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Сегодня утром моя невестка привезла мне чудный Ваш подарок. Я еще не успела как следует всмотреться в него, но пролистала и вижу в нем неисчерпаемый источник новой пищи для дальнейших моих работ. В этом сборнике так много содержания, теплоты, рассказа о прошлом, что, я думаю, долго можно будет вдохновляться этим увражем, прежде чем истощится запас.

В настоящее время я занята очень интересной для меня работой, в которой Ваш «Слав[янский] и Вост[очный] орн[амент]» будет для меня неоценимым подспорьем. Благодарю Вас горячо и от всего сердца.

Работа, которой я теперь так сильно увлекаюсь, стоит в близкой связи и с моими иллюстрациями сказок и с абрамцевским производством. Не знаю, известно ли Вам, что в Москве между художественной молодежью формируется новое товарищество, устав которого уже готов, и об его утверждении будут хлопотать теперь. Общество это будет называться «Московское Товарищество художников»[10]. Они уже два года

сряду устраивают выставки в Москве, кроме того, в прошлом году ездили в Тверь, а нынче летом в Ярославль и Саратов. Теперь эти же художники хотят предпринять целую серию «народных выставок». Для этого они выработали программу и решили одновременно разрабатывать на этих выставках библейскую и русскую историю. Для первой пробы взяли начало той и другой истории, составили список сюжетов, чтобы выходил последовательный рассказ в картинах. Разобрали эти сюжеты между членами, и многие (в том числе и я) уже принялись за эскизы, срок которых назначается на 15 декабря, самая же выставка предполагается через год. Я взяла себе тему из древней дохристианской Руси — «Праздник масленицы» и очень ею увлекаюсь — о поездке в Петербург продолжаю мечтать.

Искренне уважающая Вас *Е. Поленова.*

* [*Москва. Ноябрь 1894 г.*]

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Спешу Вам ответить по пунктам: 1) Вы спрашиваете, какие вещи остались в числе восьмидесяти не посланных Вам. Уж, конечно, человек сам себе не враг, и когда я выбирала, какие послать Вам, чтобы познакомить с нашим делом, я понятно выбрала те, которые находила самыми лучшими и наиболее интересными.

В настоящее время ничего не могу прибавить к этой коллекции — за неимением времени. Рисунки, которые я даю в мастерскую, за редким исключением, превращаются в нечто невообразимое, а часто и вовсе уничтожаются во время работы. Мне приходится их восстанавливать по существующим предметам, а теперь я так много набрала работы, что не имею минутки свободной.

Все рисунки, составляющие посланный Вам альбом, были исполнены из дерева. Я еще не ответила Вам на один вопрос Ваш из прежних Ваших писем: альбом мой с деревянной мебелью мне совсем не нужен теперь — держите его у себя, сколько Вам нужно. Что же касается сказок, то я хочу их выставить на выставке «Печатного дела», поэтому в январе они мне понадобятся. Впрочем, до тех пор я еще, вероятно, побываю сама в Петербурге. Стало быть, то, что Вы знаете из нашего деревянного дела, это лучшее, отборное и самое крупное, что было мною сделано, ничего похожего на дверь нет в числе восьмидесяти. Там, большею частью, все мелкие вещи, если наберется штук десять, двенадцать поинтереснее других, вот и все.

До свидания. *Е Поленова.*

Пушкинский дом.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 4 декабря 1894 г.*

Милая Елена Дмитриевна.. Сегодня, наконец, кончилась наша выставка[11], которая продолжалась неделю. Еще не могу хорошенько дать себе отчет, был ли толк от нее или нет, пока знаю только que cela m'a mangé un moi de travail [что это отняло у меня месяц работы]. Когда я выберусь из массы цифр и вычислений, которые неясно путаются у меня в голове, тогда пойму я, как стоят дела. А пока сообщу Вам все, что могу.

Когда я приехала сюда, меня все обступили: —«Когда же выставка?» И вообще ожидали от меня каких-то чудес, и local [помещение] явится со мной, и капитал, и материал, и все. Я чуть не пришла в отчаяние, почти ни у кого ничего нет выставлять и нет помещения. Без вещей из России нечего выставлять, а если они вовремя придут, то у Егоровой тесно.

Тогда Александра Вас[ильевна Гольштейн] с своей пламенной предприимчивостью достает нам даровое помещение — большая зала в одном благотворительном заведении (пансион для американок доктора Evens'a [Ивенса]). Все дело стояло за количеством вещей. Наконец получаю известие, что вещи из России пришли. Отправляюсь в таможню, где пришлось провести целый день с десяти до пяти часов, получила все после тяжких испытаний и громадной пошлины на вышивки (358 fr. [франков]!).

Выставку устроили в один день, comme aspect [внешне] вышло недурно, особенно русские вещи, но в общем немного базаристо. Много набралось вещей Егоровой[12], дивные были чешские вышивки и игрушки, выставленные одним нашим членом Brounerov'ой [Броунеровой], талантливая, живая чешка.

Хороши тоже были вышивки m-me Pailleron [Пальерон] тонкие, французские, составлявшие контраст с нашими более кустарными вещами.

Выставка открылась при большом собрании публики (были разосланы печатные приглашения) речью m-me de Morsier [мадам де Морзье] одним нашим членом, обладающим блистательными ораторскими способностями. Пока этот раз вышло что-то не то, она собралась восхвалить наше общество, а исходом, началом своего discour [речи] взяла фразу Шекспира: «Есть много вещей, друг Горацио» и т. д. и кончила богом. Немного неожиданно для нас, сюрприз, но все, конечно, рукоплескали.

Итак, целью нашей выставки было: дать возможность артистам продать свои произведения, получить процент для ассоциации и se faire connaître [показать себя]. Достигли ли мы своей цели? Можно сказать, что отчасти. Во-первых, все те, которые нуждались в продаже, продали много.

Во-вторых, мы увидали, что именно имеет успех в публике: егоровские кожи, выжженные деревянные вещи и абрамцевская мебель.

Машинные вышивки[13] показались дороги, и, действительно, пошлина возвысила их без того порядочную цену..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 12 ноября 1894 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич, сегодня мне хочется поговорить с Вами относительно Ваших замечаний на мои абрамцевские рисунки. Начну с того же, с чего начали Вы — со скамьи с конскими головами. Это безусловно верно, что верхний пояс не русский. Он норвежский и заимствован с норвежской доски, которая находится в музее Об[щества] поощ[рения] худ[ожеств]. Я теперь не понимаю, как я не вспомнила обозначить ее в отступлениях от моего правила не пользоваться такого рода материалом. То же отступление Вы найдете в ленточке, окаймляющей одну из полочек, и, затем, в верхней части рамы. Строго говоря, эту разработку квадратика не следовало бы допускать в производстве, где должен быть исключительно русский орнамент, или, по крайней мере, такой, который уже переработан русским народом. Эта ошибка вкралась в самом начале, когда я еще сама была не тверда и сбивалась на иностранные мотивы. Что же касается тех гирлянд, которые Вы считаете не русскими, они составляют характерный рисунок той резьбы, которую я называю «ба́рочной». Взяты они почти без изменений с орнаментов резного мужицкого стола и наличника оконного, то и другое в глуши Костромской губ[ернии]. Эту резьбу я лично люблю меньше других родов русской резьбы, хотя она очень эффектна и многим нравится. Мне кажется, что она имеет несомненное сходство с византийским рельефным каменным орнаментом. Неужели такое поразительное сходство можно считать случайностью? Во всяком случае я и тут совершенно согласна, что в характере этих орнаментов русского мало[14].

Перехожу теперь к тем вопросам Вашим, которые относятся к Абрамцеву. Это имение находится в Дмитровском уезде Московской губ[ернии] принадлежит Елизавете Григорьевне Мамонтовой. Там двадцать лет тому назад [рукой В. В. Стасова в карандаше сделана приписка «1874»] была основана Ел[изаветой] Гр[игорьевной] школа грамотности и при ней года через два учреждена столярная мастерская, в которой крестьянские ребята, кончивши учиться грамоте, обучались под руководством простого мужика, полустоляра-полуплотника, столярно-плотничьему ремеслу. Мастерская эта просуществовала в таком виде лет восемь или девять.

Кончившие там обучение уходили в Москву на заработок. Такой характер дела оказался неудовлетворительным. Ел[изавете] Гр[игорьевне] захотелось дать мастерской новое направление и устроить так, чтобы окончившие обучение мастера не уходили на заработок в город, а получали работу на месте. В это время (это было в 85 году) я близко познакомилась с абрамцевской мастерской, так как Ел[изавета] Гр[игорьевна] задумала преобразовать ее и ввести туда художественный элемент, то я предложила взять на себя заведование именно этой части. Для этого мы сообща решили начать столярное производство такого рода, чтобы оно могло работаться в Абрамцеве и соседних деревнях и потом посылалось в Москву для продажи. Такие работы не могли, конечно, привлекать покупателей технической стороною — привлечение должно было состоять в новизне вещей, в том, чтобы таких нигде, кроме [как] у нас, нельзя было купить. Тогда я принялась делать рисунки, делать предметы деревянного производства, придерживаясь того, что производится народом для его собственного домашнего обихода. Чтобы сколь возможно ближе подойти к типу народного художественного творчества, Ел[изавета] Гр[игорьевна] начала собирать коллекцию таких вещей. Для пополнения этого собрания мы стали предпринимать экскурсии. Нас составился небольшой кружок, и мы устраивали поездки с исключительной целью собирать художественный материал. Больше всего мы изъездили Московскую губ[ернию], побывали в Ярославской, во Владимирской и в Костромской. Деятельное и горячее участие принимал в этом деле сын Ел[изаветы] Гр[игорьевны], покойный Андрей Саввич Мамонтов, талантливый молодой человек, тогда ученик по архитектуре Московского Училища живописи, ваяния и зодчества. Готовые рисунки, как мои, так и его, передавались в мастерскую для исполнения под непосредственным нашим наблюдением. Вещи, украшенные резьбой, которые нам удавалось находить во время наших поездок — солонки, ящички, донца, швейки, вальки и рубели, прялки и трепала, передки телег и саней, грабли, детские сиделки и скамьи — мы по возможности покупали, более крупные вещи, как столы, висячие шкапики, божницы, лавки — большею частью неподвижные, а прямо вделанные в стену, составлявшие как бы часть внутренней архитектуры избы, — я зачерчивала или фотографировала. Таким образом набралось довольно полное собрание, которое находится в Абрамцеве, и несколько тетрадей зачертков и снимков. С таким характером мастерская существует уже девять лет, в ней теперь обучаются девятнадцать человек ребят. Выпущено за это время двадцать восемь человек. Они живут по соседним деревням, летом занимаются землею, а зимой работают по заказам мастерской. Готовые вещи они привозят в Абрамцево и сейчас же получают условную плату за работу и новый заказ. Для исполнения работ по нашим рисункам приходится их обучать главным образом столярному делу. Резьба же, как искусство и теперь живущее в народе, такое родное, такое свое дело для

мальчика, взятого из крестьянской семьи, что он ее чувствует сам собою и превосходно ее выполняет. С нами был такой случай: во время одной из поездок мы увидели у одной старухи очень красивый резной валек — хотели его купить, нам говорят, что продать его могут с удовольствием, но что его делал Иван Кошелев, тот самый малый, который теперь учится столярничать в мастерской. «Вы бы ему сказали, он бы Вам новый сделал»,— а резал он его до поступления в мастерскую, лет десяти-двенадцати. Это искусство положительно еще не умерло в народе и там, где не учат его общепринятым приемам, он дает нечто свое, и большею частью очень красивое, оригинальное, творческое, он дает то, что всего дороже как в искусстве, так и в его приложениях.

Касательно абрамцевской церкви я не могу дать Вам о ней никаких подробностей. Это памятник глубоко художественный и в высшей степени интересный, но я лично никакого участия в нем не принимала; когда я познакомилась с Абрамцевым — церковь была уже готова, а со столярной мастерской она не имеет ничего общего. Почему Вы думаете, что она строилась по рисункам Васнецова? Там есть иконы его работы, некоторые детали внутреннего убранства: рисунки мозаики на полу, клиросы, орнамент кругом двери входной, но, насколько мне известно, архитектурною частью заведовал мой брат. А иконы писали и Васнецов, и Репин, и Поленов, и одну Неврев. Есть даже рельефная голова Ивана Крестителя Антокольского.

У Васнецова я не училась в прямом смысле слова, т. е. уроков у него не брала, но как-то набиралась около него понимания русского народного духа.

Я себя считаю исключительно ученицей Чистякова, это был мой первый и мой последний учитель. Я начала брать у него уроки — мне было девять лет, он был учеником Академии, писал, кажется, Софью Витовтовну[15]. Потом я училась года два в Шк[оле] Общ[ества] поощр[ения] худож[еств] у Крамского, потом он мне давал уроки на дому. Затем несколько лет сряду я совсем забросила занятия искусством и снова принялась за них уже в [18]75 году опять у Чистякова, а в [18]79 поступила в Шк[олу] О[бщества] п[оощрения] х[удожеств] в керамический класс. На первом экзамене удостоена была малой серебряной медали (золотых у нас не давали), на втором — большой медали и была послана в Париж для усовершенствования в этом роде живописи. Вернувшись в Петербург, я устроила у себя класс и преподавала то, чему научилась в Париже. В то же время ходила в Шк[олу] Об[щества] п[оощрения] х[удожеств] в акварельный класс, где в конце года получила медаль большого достоинства. В этот же ([18]81) год переехала в Москву на жительство. Сначала продолжала заниматься фаянсовой живописью, но обжоги так были затруднительны, что я вынуждена была оставить эту работу и занялась абрамцевской мастерской. Продолжала в то же время работать акварелью,

а потом и масляными красками. Моя первая картина была: «Иконописная» (1887 г.), я ее поставила в Петербурге на конкурс, получила вторую премию, и Третьяков купил ее для своей галереи. В 1889 г. я в первый раз выставила на Передвижной «Шарманщиков», а в [18]91 г.— «Гости». С тех пор выставляю каждый год. Вот моя художественная история. Если еще что нужно, я всегда готова пополнить ее, но не думаю, чтобы это было интересно. А теперь пока кончаю.

Глубоко Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

ГЛАВА XIV. 1894 — 1895 годы

В. Д. Поленов с семьей в Риме. Работа над картиной «Среди учителей». Замыслы народно-исторических выставок. Картины Е. Д. Поленовой «Видение Бориса и Глеба воинам Александра Невского», «Убиение Бориса» и «Масленица в деревянном городе». Поездка Е. Д. Поленовой с Головиным в Рим и Париж.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Рим. 6/18 декабря 1894 г.*

.. Я задумала писать для детей целый ряд рассказов из русской истории. Сперва у меня был план только описать одно воспоминание детства о Саввинском монастыре. Но, приступив к этому, у меня это стало разрастаться и теперь хочется что? В целом ряде детских воспоминаний передать внутренние, симпатичные стороны нашей истории. После Савв[ина] мон[астыря], прогулки в старый собор на горе[1] и по поводу его ввести в историю иконописи и иконописцев. Затем по Забелину описать путешествия в монастыри царей и цариц и т. п. Для этого нужна масса материала..

Если можно, поищи мне описание Саввинского монастыря, мне так нужно, я тебе буду страшно благодарна. Достань описание и жизни Сергия Радонежского.. Еще пришли Иловайского русскую историю.. Пришли книги под бандеролью. Прости, что беспокою, но к кому другому обратиться.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 21 декабря 1894 г.*

.. Получила ли ты книги, которые я выслала заказными бандеролями? Я долго искала Знаменский монастырь, у книгопродавцев нет. Уж под конец мне Головин его нашел. Если еще что нужно, ты, пожалуйста, без стеснения мною распоряжайся. Здесь виделась со Стасовыми — ну, конечно, азарту Вл[адимира] Вас[ильевича] нет конца. Еще я была у нас в Обществе поощрения, неузнаваемо все изменилось там.. Завтра обедаю у Стасовых...

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 31 декабря 1894 г.*

..Я обзавелся мастерской довольно удачной, очень разные светы — и верхний, и боковой, большой и малый, южный и северный. Стоит эта мастерская на горе за городом, а вечный город у ее ног; рядом лес из кипариса, пиний, лавров, платанов и других южных растений.

По долине извивается Тибр, а вдали — с одной стороны горы, покрытые снегом, а с другой — побережье морское; на стене сидит живая лисица, а по земле рассыпан разноцветный мрамор. В общем выходит какое-то волшебное царство. Находится эта мастерская от нашего жилья в двух верстах, приходится в день два раза пройти это пространство, что мне пока очень нравится..

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 4 января [18]95 г.*

..Нат[алия] Леонид[овна] Шабельская пишет мне, что скоро — очень скоро уезжает, по болезни, в Италию и Швейцарию на год, а может и больше. Вот я Вас и прошу убедительно взять да съездить к ней, и поскорее — поскорее познакомиться с нею и с ее чудесным «русским музеем»: костюмы, материи, вышивки, всяческая резьба из дерева и кости (ларцы, шкатулки, веретена, пряники и т. д.), предметы из металла, стекла, и так без конца[2]. Я был всегда от этих коллекций в великом восхищении! Для меня нет сомнения в том, что так будет и с Вами, и что Вы тут найдете громадное наслаждение, а может быть, и превеликую пользу. Я уже написал ей сегодня, что, может быть, Вы теперь же приедете с ней знакомиться, и что вот Вы какая — если она уже и так про Вас еще не знает. Адрес ее: угол

Садовой и Бронной, собственный дом. Это будет для меня превеликая радость прочитать, что Вы познакомились и с музеем и его хозяйкой..

Гос. Публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* [*Москва. Январь 1895 г.*]

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Только сегодня выбрала свободный часок и побывала у Н. Л. Шабельской. Она меня встретила (благодаря Вашему письму) так любезно, что я просто была тронута до глубины души. Она сама очень интересная и сведений у нее неисчерпаемое количество. Те небольшие отрывки из ее коллекций, которые мне удалось видеть, свидетельствуют о бесчисленных богатствах ее коллекции. Сама же коллекция уложена, но она была так добра, что обещала мне достать из сундуков ту часть музея, которая может быть мне полезна, и позволила приехать с карандашом и альбомом, чтобы черпать из ее богатейшего материала..

Теперь поговорим об абрамцевской церкви.. Я наконец узнала достоверно, что проект церкви делал Васнецов, а не мой брат, т. е. делали оба, но проект брата (Василия Дм[итриевича]) не был принят. По его рисунку исполнено только одно окошко, царские двери и гораздо уже после переход в часовню, над могилой молодого Мамонтова, и затем несколько икон и предметов утвари: напр[имер] хоругви. Мне лично очень многое в абр[амцевской] церкви ужасно нравится, что у Васнецова и тут, как почти везде, встречаются археологические неточности и анахронизмы, это совершенно справедливо. Это ему свойственно, но эти ошибки он выкупает таким интересным полным содержания художественным творчеством, что я не могу не любить и не наслаждаться огромным большинством его вещей.

Я это время много работаю. Сказки кончила и скоро вышлю их в Общество поощр[ения] для печатной выставки.

До свидания. Большое Вам спасибо за знакомство с Н. Л. Шабельской.

Пушкинский дом.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 4/16 января 1895 г.*

..Это время я работала новый эскиз для народной выставки, который тоже очень меня увлек. По вечерам тоже была интересная работа: по просьбе Рерберга я взялась помочь ему в составлении дальнейшей програм-

мы по русской истории[3]. На днях он у меня провел вечер и много рассказывал интересного про их общество. Новая тема, которую я взяла себе из дальнейшего периода, уже тем мне теперь сильно нравится, что она тоже не реальная, а фантастически-мистическая по своему характеру. Я взяла видение одного из воинов Алекс[андра] Невского, которому накануне Невской победы над шведами было явление Бориса и Глеба на лодке. Будто они плыли по Неве на утреннем рассвете. Оба князя были в светлых ризах, как их обыкновенно изображают на иконах. Гребцы были скрыты как бы мглою. И сказал Борис Глебу: «Брат Глеб, вели грести, поможем нашему сроднику кн[язю] Александру Ярославичу!» Ужасно много поэзии и образности в этом простом, несложном рассказе.

Я побывала только на выставках — ученическая очень, очень плоха, зато очень интересна Периодическая в Историческом музее, не говоря уже про чудесные вещи Нестерова (он выставил свои акварельные эскизы для Киевского собора) и об трех картинах Ап[оллинария] Мих[айловича], то и другое я видела у них, но с большим удовольствием смотрела вторично на выставке. Кроме них, крайне интересен Серов — пастельный портрет Милуши — сущий шедевр, хорош Константин, его салонная вещь[4] выставлена и куплена Карзинкиным, несмотря на то, что, по его словам, ее уже купили в Англии и потом купил Арцыбушев. Словом, у него, как всегда, ничего не разберешь, но вещь все-таки очень хорошая..

** Москва. 14 января 1895 г.*

Как мне жаль было сегодня, что ты не в Москве и что ты не была вчера на Дмитровке.. Дурнов (Модест) читал об английских прерафаэлитах — это прародители символистов. Читал он волнуясь, стеснялся страшно, временами, особенно вначале, просто даже бормотал себе под нос, но это так было, несмотря на все, интересно, ..что я вернулась домой, как в чаду. Я попала туда совсем случайно: последнее время я бываю везде, где могу видеться с художниками для пропаганды наших народн[ых] выставок, потому что, оказывается, время идет, а почти половина сюжетов еще не разобрана. Пропаганда моя идет очень успешно: программу у меня просили Серов, Архипов, Виноградов, который приезжал сюда на праздники, Бакшеев, Вопилов.

Словом, я надеюсь, что удастся по крайней мере по русс[кой] ист[ории] пристроить, если не все, то все главные сюжеты. У Рерберга в руках это дело совсем было засыпало. Но все это берет ужасно много времени и сил, уж своя работа сильно застаивается во время этих хлопот. Впрочем, я думаю, что время от времени это не только не вредно, но даже хорошо, потому что потом наверстаешь, а общение — ох, какой нужный элемент для поддерживания и набирания сил душевных..

Время от времени продолжаю получать от Стасова все такие же восторженные письма, как и прежде, если не хуже. Думаю все-таки в Питере побывать, хотя и здесь много материалу я могу найти. Насчет книг у брата Е[лены] А[ндреевны] Карзинкиной, он любезно мне предложил пользоваться его библиотекой, как собственной, а библиотека чудная, кроме того я познакомилась с истинно замечательным музеем Шабельской. Она тоже любезно разрешила им пользоваться.

** Москва. 24 января 1895 г.*

.. Работаю это время мало, потому что много приходится хлопотать по делам «Товарищества московского». Но ведь и это дело. Много с ними вожусь и с некоторыми из них больше сблизилась, есть очень симпатичные между ними. Отношения с передвижниками обостряются — вообще образуются довольно отчетливо три течения: одно — это фанатические патриоты передвижничества: Савицкий, Киселев, Касаткин, до известной степени Архипов. Второе — это передвижники и передвижнические экспоненты, которые стоят на том, чтобы поднять местные московские выставки, но с мелкотой якшаться не желают, сюда относятся — Аполлин[арий] Васнецов, Серов, Нестеров, Пастернак. Они поддерживают Дмитровку и ее общество; и третье — это наше Товарищество. Открытой борьбы между членами этих сект хотя и нету, но нет-нет да и покосятся друг на друга. Я считаю, что тут дурного ничего нет, напротив, где жизнь, там и столкновения, без этого нельзя.

Я это время отложила новые темы и кончала то, что выставлю в феврале. В Питер пошлю: на Передв[ижную]— «Подвальную»[5], несколько аквар[елей] на акварельную и сказки на печатную. «Бродягу» же, потом два этюда и одну пастель — на нашу московскую. Все это приводила к концу. Когда все это будет отправлено, тогда из обязательных останется народная, буду ее работать серьезно, а в промежутках буду писать свои самые заветные или, по крайней мере, начну их. Одно горе: для них нужна, ух, какая техника. Вот когда чувствуешь, что фундамент слаб, что мало подготовки. Ведь фантастическую и несколько аллегорическую не напишешь с натуры, многое надо от себя сделать.

Это правда, что Третьяков купил вещь Головина, ту самую пастель, которую мы вместе писали летом в подвале. Теперь он ставит на выставку московских художников один пейзаж, довольно большой — ночь летняя, туман, месяц (ущербный) вылезает из-за леса — и пастель, прошлогодняя «Спящая девочка», а на Передвижную посылает большую картину «холст с натяжкой жанра», как говорит. Все приискивали названия и, кроме французского «Le malequilibre» [Нарушенное равновесие], я ничего не

подыскала. Какая трудная штука подыскать название картины, особенно, когда Александр Всеволодович [Всеволожский] отсутствует — совсем беда..

Архив Поленовых.

С. А. ВИНОГРАДОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Харьков. 27 января 1895 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, простите, что задержал ответ..— нужно было почитать порядочно, чтобы вспомнить, а то многое забылось из русск[ой] истории-то. Я беру тему «Ослепление Василька». К святой постараюсь сделать эскиз. Мне гораздо больше симпатичны темы из эпохи славян язычников — очень жаль, что они взяты уже.

Уважающий Вас, к услугам готовый *С. Виноградов.*

** Харьков. 2 февраля 1895 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, спешу известить Вас, что с удовольствием беру себе «Масленицу», очень доволен, что «Ослепление Василька» взято до меня.

Спасибо Вам за указание книги Забелина — большое. Я достал уже его и читал, как образно написано-то! С удовольствием займусь эскизом.

Преданный Вам и уважающий Вас *С. Виноградов.*

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 4 февраля 1895 г.*

..Да, ты права, общение с людьми — это удивительно обновляющий элемент в жизни, но для обновления нужно новых людей, а если все не выходить из одного и того же кружка, который сам мало изменяется в своем составе и в который не втекают новые источники, то это хуже, вреднее одиночества. Я очень довольна в этом отношении нынешней зимою. Обстоятельства содействовали тому, что это мое искание людей вышло просто и естественно, вытекло из настоятельной потребности жизни. Меня толкнуло дело общее и потому нуждавшееся в общении. Чем больше я узнаю состав нашего нового общества Моск[овских] худ[ожников], тем более оно мне нравится..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Рим*] *6/18 февраля* [*18*]*95 г.*

.. Василий продолжает быть в отличном настроении и много работает, а по вечерам ходит в частную академию, рисует с nu [обнаженную модель]..

Как я сильно чувствую недостаток образования и ужасно позднее развитие, так подчас больно, что столько времени прошло даром, в каком-то беспорядочном метании с одного на другое. Конечно, я очень многим обязана в развитии Василию, он дал мне сильный толчок, затем громадно — ты, а теперь Ольга Юрьевна [Каминская]. Она на меня повлияла уже в другой период жизни и с другой стороны. Она мне открыла совершенно как-то особым путем глаза на то, что я как женщина имею право на личное свое я, что я не должна делаться рабой семейной жизни..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Москва*] *Февраль 1895 г.*

..Я думаю ехать в Париж на один месяц, то есть быть в отлучке один месяц, значит, неделя уйдет на путешествие, остаются три недели, отсюда никак не выкроишь двух недель на Рим, а на более короткий срок не стоит ехать, да и для Парижа менее трех недель невозможно.

Побывать у вас, то есть повидаться с тобой мне ужасно бы хотелось, но тогда жертвовать пришлось бы Парижем и Салонами, а я думаю, что для моей работы, имея один месяц (на более долгий срок не хочу оставлять мамашу) в распоряжении, мне больше даст Париж, чем Рим. Что же касается тебя — я думаю, что ты чересчур захандришь за границей, и тогда всем будет заграница не в пользу, а наоборот, потому что твоя бодрость дает и тебе, и Василию, и всем остальным чадам и домочадцам то одушевление, при котором жизнь идет гладко и в удовольствие. Сильно налегать на ваше возвращение я, конечно, не буду, потому что желаю его из личных, эгоистических целей. По правде скажу, мне очень *тебя* не хватает, но, разумеется, это не должно влиять ни на тебя, ни на меня, то есть на наше решение так или иначе устраивать жизнь. И жить, и работать, и уделять другим, что в моей силе, я буду продолжать даже тогда, когда недостает такого нужного, одушевляющего и поддерживающего элемента, каким за последние двенадцать лет была ты в моей жизни и для моей работы. Мне бы хотелось, главное, не потерять двух способностей — способности помогать, воодушевлять, служить опорой и толчком к работе другим художникам. Это свойство во мне есть положительно, его впервые ясно формулировала Маша — твоя сестра, и я не могла с ней не согласиться тогда,

а с тех пор следя за собой, и за отношениями моими к другим художникам, я еще более убедилась в этом. Это для меня стало то, что вода для рыбы, без этого мне трудно жить. Далеко не все понимают и сознают, в какой степени они опирались или сейчас опираются на меня, может быть даже потому, что для меня это не тягость, а наслаждение. Другая способность, которой, может быть, я даже меньше дорожу, чем этой — это любить, и верить, и увлекаться своей работой. Больше мне ничего не нужно. Конечно, оценка, поддержка, интерес других людей, особенно тех, мнением кого дорожишь, очень драгоценны, но неизмеримо важнее те силы, которые внутри живут и которые дают питание огню, горящему в душе. Лишь бы он не потухал, внешние неудачи тогда не важны. В миллион раз ужаснее иметь успех, а вместе с тем проклинать свое дело и ненавидеть его — это должно быть ужасно, невыразимо ужасно. Я очень понимаю твою досаду на твое «позднее развитие», как ты выражаешься. Да, великая вещь правильная школа, как фундамент. То же самое я постоянно испытываю в живописи. Я ведь этому искусству училась, так сказать, Христа ради, подаяниями, то у одного, то у другого. Того, что дает школа, вовремя пройденная, мне ужасно недостает, так что теперь хочется работать, а в то же время надо то там, то тут по кирпичику тащить, чтобы подвести хоть какой-нибудь фундамент.

** Москва. Февраль 1895 г.*

Очень давно тебе не писала, дело в том, что это время было столько горячих, бурных, грустных и радостных и, главное, неожиданных происшествий в мире всяческих «журей», что просто голова кругом шла и не в силах была собраться с мыслями, чтобы написать. Самая главная nouvelle du jour [новинка] тот инцидент, который произошел за последние три дня в Московском товариществе. Дело было так: когда состоялось жюри и голоса были подсчитаны, я заметила свои нумера, а также нумера Эмилии и Пупаревой, которые очень волновались за свои вещи. То же самое сделал Трояновский для себя, Виноградова и Васильковского, с которыми он близок, Головин и Аладжалов. После этого с результатами жюри я уехала домой, сейчас после меня ушли Трояновский и Головин. На другой день мне нужно было взять одну из своих акварелей.., я отправляюсь в помещение выставки. На лестнице встречаю Соколова, который мне говорит: «Вы знаете, вчера после Вас было другое жюри и одиннадцать картин отказаны». Вот так-так! Иду дальше. «Господа, что случилось?» — обращаюсь к Симову. — «Да вот, — говорит, — решили, что выставка оказалась тяжела, пересмотрели и несколько картин присоединили к отверженным». — «Да, ведь это не дело, подымать не хочется, потому что это накануне открытия выставки, а допускать тоже как-то не следовало бы». — «По-моему, — говорит, — следует это поднять, нельзя же, право, все допу-

скать и всегда молчать». Тогда я к тому, к другому, многие соглашаются, что не дело, другие утверждают, что для улучшения выставки можно допускать то, что по форме и не совсем правильно. С[ергей] Коровин более всех соглашался со мною, что протест с моей стороны необходим. Тогда я обратилась в правление, опротестовала и потребовала, чтобы собрано было экстренное общее собрание. Сейчас же были разосланы повестки отсутствующим, а присутствующим объявлено, что завтра в семь часов будет по моему требованию собрано экстренное общее собрание. Когда я спросила, какие вещи отказаны, оказалось: два этюда Трояновского, два — Аладжалова, один — Переплетчикова; картины: Головина, Эмил[ии], Фаллиз и Васильковского и еще чьи-то три весьма недурные (на мой взгляд) вещи. Вообще (по-моему) можно было бы, и то при очень строгой оценке, не принять только картины Фаллиз. Я удивилась как самому происшествию, так и выбору и уехала с уверениями многих, что дело это можно будет уладить. Когда в этот же день я приехала попозднее, часа через три, все уже изменилось — все избегают со мной *об этом* говорить и уж слышны такие голоса: «Ну, что ж, если не годится второй, мы сделаем третий жюри, пока не получится очень хорошая выставка».—«Поверьте, господа, что дело не в том, кто и что прошло и что отпало, дело в том, что если было решено в такой форме призводить жюри и жюри состоялось, то нельзя уже отменять его решение». Не хотят слушать. Я уехала. Все это произошло в четверг. Весь вечер и весь день пятницу я просидела дома.. в семь [часов] я поехала на собрание. Почти единогласно председателем был выбран Симов. Прения велись крайне осторожно в форме безупречно сдержанной и вежливой так, что после они сами удивлялись и радовались, что можно так хорошо (с этой стороны) вести заседание. Но, увы! со стороны содержания похвалить нельзя. Они вдруг все уперлись, как стадо баранов. Во время прений выяснилось, что пять или шесть (всех было двадцать девять) находят, что постановление второго жюри надо сохранить, а как дело идет на голоса, оказывается только пять находят его «неправильным», и так все время. Так как общее собрание было создано вследствие моего протеста, то первая говорила я. Я сказала, что имею сделать два заявления: 1) я предлагаю общему собранию отменить постановление бесправно состоявшегося жюри; 2) восстановить выставку в том составе, в каком она получилась по присуждению первого жюри. Эти предложения я мотивирую тем, что если после жюри группа художников или общее собрание найдет возможным снимать те вещи, которые были выбаллотированы, то каждый выставивший художник не гарантирован, что его работа не будет во всякое время снята вновь состоявшимся общим собранием, и нахожу, что допустить такое положение дела невозможно.— Долгие дебаты. Все, кто накануне утром соглашались со мной, все оказалось от меня отошли. «Мы это делали для пользы выставки»— и ни на шаг. Тогда я сказала, что исчерпала все свои аргументы и так как вижу,

что они не действуют, то я считаю себя вынужденной просить, чтобы меня вычеркнули из списка членов, а четыре вещи мои пришлю завтра снять с выставки и возвращаю их к себе, потому что не желаю подвергать их случайностям вторичных перебаллотировок. За мной встал Бакшеев и сказал, что он находит это единственным исходом из положения и просит тоже самое не считать его членом и картину с выставки снимает. За ним встал Головин и сказал, что он присоединяется ко взгляду, выраженному сейчас двумя членами и обращ[ается] к собр[анию] с такою же просьбою. Этого ни я, и никто не ожидал. Тут начались просьбы, увещания, даже подняли вопрос об том, что лучше: терять трех *таких* членов или вернуть одиннадцать отверженных картин. Разумеется, я сказала, что это к делу не относится и.. я ушла, за мной вышел Головин (Бакшеев ушел сейчас же после своего отказа).

На другое утро ко мне приехали Симов и Турлыгин, Мешков прислал сказать, что он тоже приехал бы, но, как очередной распорядитель, не может отлучиться. Они приехали благодарить за все, что я сделала для Товарищества за время моего (к сожалению) кратковременного пребывания членом и выразить, что им очень грустно, что дело так повернулось. Я очень их благодарила, сказала, что и дальше готова делать все, что могу для их в высшей степени симпатичного мне дела, и мы расстались друзьями. Всего не напишешь, масса была еще разного рода инцидентов, разговоров и пр. Это все, или почти все, донельзя разнузданные, но не дурные, не злые ребята. Это тот же тип московского художника-идеалиста, но до смешного не владеющего своими мозгами. Это общее собрание происходило в пятницу. Симов и Турл[ыгин] были у меня в субботу. Воскресенье (это был день открытия выставки) я пропустила, а в понедельник я отправилась к ним. Со всеми, с кем встретилась, разумеется, опять пришлось дотолковывать и разъяснять им самые элементы общежитейских форм. Они просили, если я решительно не хочу быть членом, то, по крайней мере, не оставлять занятий по народ[ной] выст[авке] в доказательство, что я вовсе не желаю им вреда, я с удовольствием согласилась продолжать работать в комиссии в должности консультанта с совещательным голосом, и в четверг у меня соберутся: Симов, Комаров, Турлыгин, Рерберг и Констант[ин] Коровин. Этот чудак меня очень удивляет. Во время истории вел себя совсем дураком. А работал по устройству выставки просто поразительно хорошо, куда девалось его всегдашнее барство и белоручковство — сидит целый день, принимает картины, записывает в книгу, выдает квитанции, а выставка большая, сверх двухсот пятидесяти нумеров всего прислали. Он же сидел от пяти вечера до девяти, подсчитывал число голосов, когда кончилось злосчастное жюри. Словом, ужасно много симпатичных проявлений, а рядом так что-то бесформенное, хаотическое, что, когда один грубый голос гаркнет какую-нибудь возмутительную несуразицу, все как стадо сейчас же за ним. Ужасные чудаки.

Когда была на выставке у «наших» [т. е. у передвижников], то встретила Милорадовича, который сообщил мне, что Суриков продал картину государю за тридцать тысяч[6], еще были куплены во время посещения царской семьи Шишкин и, кажется, Дубовской. В члены выбраны: Корин, Иван Богданов и Ендогуров..

** Москва. 27 февраля 1895 г.*

Вчера на Дмитровке опять читал Дурнов — мне ужасно опять понравилось, но мало кто ему сочувствует и понимает тот род искусства, которым он увлекается. Вчера мне представили Дурнова, я с ним говорила, он мне чрезвычайно симпатичен. Все свое фатовство он с себя сбросил и стал очень милый и скромный малый.

Я продолжаю очень много работать и кистью, и пером, и головой относительно народных выставок. Наши приехали просить меня от имени общего собрания оставить за собой звание члена комиссии по народным выст[авкам], и в четверг вечером вся комиссия полностью собралась у меня, были: Комаров, Турлыгин, Симов, Рерберг и К[онстантин] Коровин. Сидели с восьми до двенадцати ночи и очень интересно говорили, многое выяснили, двинули сильно программы и по Библии и по русс[кой] ист[ории]. Так как по русской истории вся разработка дела перешла в мои руки, то работы пропасть. Я не только вызвалась выработать программу, но еще указать источники, а если возможно, даже достать их. Время на это идет масса, но дело такое интересное, что, право, ничуть не жалею, что трачу его так много на это..

Архив Поленовых.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Рим. 6/18 марта 1895 г.*

..Я никогда не увлекалась римской историей; не скажу, чтобы и теперь она меня увлекла, но она меня увлекает тем, что я в ней нахожу богатейший материал для детей. Что ни факт, то трогательная легенда, примеры героизма, самопожертвования, вообще нравственных идеалов. Я попробовала составить первый рассказ. Третьего дня, субботу, прочла его детям, и Василий, и Лидия Тимофеевна [Струнникова] слушали. Всем понравилось, а Митька совсем заинтересовался, теперь только и разговору об этом. В воскресенье мы отправились на Палатин, и я показывала и объясняла все, что осталось от древнего Рима. Надо было видеть Митьку; он все время держал меня за руку и положительно все запомнил.

Сознание, что выходит нечто интересное и что ребятам я приношу пользу и помощь для будущего основательного знания истории — ужасно меня ободрило..

Известие о твоих столкновениях с Московским обществом художников очень меня заинтересовало, и я с нетерпением ждала развязки; развязка меня огорчила, не могу не сказать этого; нахожу, что ты погорячилась, надо было остаться, чтобы бороться. С твоим единичным мнением не согласилось целое собрание, а ты отнеслась деспотично; я даже думаю, что оттого собрание и не согласилось, — оно чувствовало, что выскажет свою слабость, уступив одному человеку. По тому, как они теперь к тебе относятся, видно, что они дорожат тобою, но они чувствовали, что уступить одному человеку, а тем паче женщине, им было неловко, не хотелось выказывать слабости...

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Вагон*] *8 апреля 1895 г.*

Устроилась очень хорошо, мы с Ел[еной] Андр[еевной] получили отдельное купе. Погода ясная, но зима полная, снежная пелена всюду и ни малейшего намека на весну[7]..

Алексей [Поленов] привез в подарок Головину два Бедекера, один — Германия, другой — Италия с Римом. Во время остановок начнем готовиться к восприятию итальянских впечатлений. Александр Андреевич с таким восторгом и увлечением рассказывает про Венецию, что невольно своим подъемом заражает и других.. Товарищи, кажется, очень симпатичные, и привычка к путешествию Ал[ександра] Андр[еевича] Карзинкина очень пригодится. Много интересного он рассказывает тоже про свои азиатские поездки. Ехать не скучно, что-то будет дальше..

* [*Вагон*] *10/22 апреля 1895 г.*

Переезжаем через границу — день ясный, солнечный, теплый — здесь уже кусты покрыты самыми маленькими зелеными листочками, сразу меняется характер построек и пейзажа — местность неровная: вблизи холмы, а фон составляют отроги Карпат.

Первая таможня за спиной, и это приятно. У меня, как всегда, ничего и не смотрели, я думаю, это происходит оттого, что багаж у меня имеет очень ничтожный размер сравнительно с моим собственным.

Чем дальше едем, тем выше становятся горы, на некоторых еще снег не сошел, а между тем внизу все зеленее и зеленей.

Подъезжаем к Вене..

* *[Венеция] 12 апреля 1895 г.*

Второй день в Венеции. Уж очень много пришлось в короткое время увидать хорошего. Во-первых — переезд через Земмеринг — это такая красота, об какой я и не подозревала. Потом попали в Италию, уж одно это сознание чего стоит.

..Вчера приехали в Венецию поздно ночью, сегодня побывали в любимых местах, в Палаццо Дукале, в Марке, на главных каналах, а вечером съездили на Лидо. К моему великому изумлению в эти девятнадцать лет Венеция почти вовсе не переменилась, и я ее очень хорошо помню[8]. С огромным удовольствием повторяю прежние впечатления, но собственно нового мало.

Завтра думаем ехать в Рим..

* *Рим. 14/26 апреля 1895 г.*

..Приехала в Рим, и на станции меня встретили Василий, Наташа и Маша.. Дети мне очень обрадовались, т. е. старшие, и очень были довольны яичкам. Все они подросли и возмужали. Хотя я очень устала, но все же я помылась, оделась и отправились сначала на Пинчио, где гуляли дети, потом в Петра, потом в духовой концерт, этим кончили первый день. Здесь совсем тепло, но еще не знойно — деревья в цвету, вообще очень, очень здесь хорошо.

* *Рим. 16/28 апреля 1895 г.*

..Сегодня третий день, что мы в Риме, погода чудная, роскошная весна, на солнце уж даже жарко, но растительность очень запоздала в этом году, и деревья только что покрываются листьями. Вчера мы смотрели Национальный музей до завтрака, а после завтрака — Виллу Боргезе. Национ[альный] музей — это собрание последних раскопок античной древности в Риме. Он устроен в прежнем монастыре, с чудным двориком, в середине которого стоят старые чудные кипарисы, которые, говорят, в своей молодости служили моделями Микеланджело. Там находится несколько экземпляров дивной греческой скульптуры и остатки стенной

живописи из одной засыпанной землею виллы богатого древнего римлянина, вроде помпейских. Потом Наташа нам показывала с комментариями виллу Боргезе, там несколько очень замечательных картин дорафаэлевской эпохи. Есть, впрочем, и рафаэлевское «Положение во гроб», и несколько венецианцев — Веронеза «Проповедь Иоанна Крестителя», очень мало изменившая колорит — даже не похожа на масляную живопись, скорее вроде фрески, и чудный золотой Тициан. По дороге домой мы зашли в церковь Santa Maria del Popolo [Санта Мариа дель Пополо], где находится плафон Пинтурикккио «Коронование Богоматери» и его же фрески по стенам, потом отправились на Корсо сделать некоторые покупки и домой. Конечно, немного устали, ну, да без этого нельзя — очень уж много здесь интересного.

* *Рим. 17/29 апреля. 1895* г.

Вчера утром были в Капитолии. Странное дело — ничего так не утомляет меня, как смотреть картины. Ни скульптура, ни фрески, ни памятники быта, может быть, оттого, что незаметно для себя я больше всего в это время напрягаю внимание. Так что мы решили сколь возможно разнообразить все осмотры и уж все после завтрака провели на воздухе и вторую половину дня провели на Палатинском холме, среди роскошных остатков дворцов цезарей, около Форума, и кончили Колизеем.

Сегодня наконец попали в Ватикан и осмотрели отделение живописи. Накануне вечером Василий сделал сообщение о значении этих произведений, об той связи, которая существует между Сикстинской капеллой и Станцами Рафаэля, вообще о том месте, которое занимают эти два художника в истории живописи, об их нравственной физиономии и показывал фотографии, относящиеся к этому сообщению. Конечно, при таком руководстве получается и отношение более сознательное и утомление несравненно меньшее. День был пасмурный, несколько раз принимался идти дождь. Мы было собрались в Каракаллы, но это далеко, нельзя было, и мы отправились по церквам: зашли в Пантеон — это чудно сохранившийся античный храм, прилаженный теперь к католической церкви; потом были в Santa Maria Sopra Minerva [Санта Мариа Сопра Минерва], где несколько фресок Филиппино Липпи и одна чудная Мадонна Филиппо Липпи и голова Христа Перуджино, оттуда в церковь Santa Maria dell'a Pace [Санта Мариа делла Паче], там большая фреска Рафаэля — Сибиллы, потом были в двух церквах, где сохранились древние византийские мозаики. Они удивительно хороши, особенно в церкви Santa Maria in Trostevere [Санта Мариа ин Тростевере], где ими заполнен и абсид и часть передней стены.

** Рим. 18/30 апреля. 1895 г.*

Сегодня опять чудная погода, солнечный день и совсем не жарко. До завтрака ездили с Василием — смотрели галереи Дориа. Там знаменитый портрет Веласкеса — Иннокентий X, тот самый, этюд к которому находится у нас в Эрмитаже. Это галерея небольшая, и мы успели побывать еще в двух — в галерее Колонны и в здешней рисовальной школе (то, что у нас Академия). Там есть фреска Рафаэля (фрагмент), чудная вещь — фигура мальчика. Интересно было посмотреть тоже работы учеников..

Сейчас собираемся за город — побываем на Via Appia (Виа Аппиа) в катакомбах.. Таким образом, как видите, я очень мало сижу дома, только вечером.

** Рим. 19 апреля/1 мая 1895 г.*

..Вчерашняя поездка в Катакомбы была чудная, все благоприятствовало, день был роскошный, солнечный и, к удивлению, не только не знойный, но скорее свежий, по ночам проходят дожди и очень освежают пейзаж и воздух. Нас водили в катакомбы Калиста, где еще немало сохранилось фресок на стенах, несколько саркофагов и в четырех местах мощи первых христианских мучеников. Там очень просторно и местами сверху идет свет через люминарий, т. е. вроде колодца с поверхности земли, там видно небо голубое и зеленые листья, освещенные солнцем, так что общее впечатление ничуть не мрачное, как, напр[имер], в наших киевских пещерах, где нас поражает полный разрыв с миром внешним, здесь, напротив,— что-то радостное. Оттуда мы поехали в Термы Каракаллы. На полдороге остановились в кабачке, пили вино в садике с видом на Кампанию, на Альбанские синие горы. Везде фонтанчики в мраморных бассейнах, везде масса цветов, вьющиеся розы темно-красные, белые, розовые и алые, как огоньки — очень все это приятно, и мы удивительно ловко попали по времени года, недели две-три тому назад были дожди и пасмурно. а теперь вся роскошь южной весны. В Каракаллах собирали обломки мраморов и кусочки мозаики в песке.

** Рим. 20 апреля/2 мая 1895 г.*

Были вчера в Фарнезине утром — смотрели знаменитый плафон, писанный по рисункам Рафаэля его учениками, и его фреску Триумф Галатеи. После завтрака ходили пешком вместе со старшими детьми к Василию в мастерскую.— Сегодня утром ездили смотреть ватиканскую скульптуру, а после завтрака — никуда,— дали себе передышку..

** Рим. 22 апреля/4 мая 1895 г.*

Дорогая мама, мы решили пробыть в Риме несколько долее, чем предполагали, т. е. вместо десяти дней — две недели. Я бы, пожалуй, осталась и еще подольше, но Карзинкины торопятся в Париж, потому что Алекс[андр] Андреевич должен 25 мая быть в Москве, а ехать обратно ему придется через Швейцарию, где он должен по делам видеться с какими-то фабрикантами.. Конечно, всего и в год не осмотреть как следует, на первый раз хоть бегло хотелось бы все видеть, главное, чтобы получить понятие,— теперь мы, так сказать, начерно кончили осматривать Рим. Сегодня утром ездили в музей Латерана — это древнехристианские древности, главным образом, и в церковь Сан-Пьетро ин-Винколи, где находится памятник папе Юлию II работы Микеланджело с знаменитым его Моисеем, занимающим центр, и двумя женскими аллегорическими фигурами по бокам..

** Рим. 24 апреля/6 мая 1895 г.*

..Вчера была ясная, лунная ночь, и мы ездили в Колизей, это ужасно впечатлительно, даже жутко делается: пустота, тишина, Рим уже спит, нежный свет луны на грандиозной развалине, мы были совсем одни, других посетителей.. не было, только громко и пронзительно кричала сова, да сновали летучие мыши, а ночь была почти что холодная.

Мы все (приезжие) немного поприустали смотреть и теперь занялись кто чем по специальностям. Я очень заинтересовалась и увлекаюсь мозаиками, отыскиваю церкви, где уцелели древние византийские мозаики, смотрю их, а сегодня в одной даже делала зачертки с разрешения тамошнего хранителя. Чтобы получить его согласие, я ему преподнесла накануне подарочек в размере одной лиры (35 коп.), что здесь считается огромной суммой, а сегодня, когда я кончила, другой сторож принес мне кусок мозаики из пола этой церкви и предложил продать мне его за две лиры, так что за три лиры я получила право работать в церкви, да еще кусок мозаики впридачу. А Сведомский мне сказал, что в церкви вряд ли позволят..

** Рим. 28 апреля/10 мая 1895 г.*

..Одно время Василий Дм[итриевич] хотел было присоединиться к нашей компании и ехать в Париж посмотреть Салоны, но теперь он хочет отложить поездку и поработать еще здесь, кончить картину и тогда поехать в Париж, он, вероятно, еще захватит нас там. Все это время я значительно меньше устаю, так как перестала осматривать новые памятники, а повторяю те, которые видела. Третий раз ездила сегодня в Сикстинскую капел-

лу, два раза была в Ватикане, в Латеранском музее тоже два, в храме Петра — три раза и последний раз пошли в Sacristi'ю [ризницу], куда не всегда пускают. Там есть несколько очень замечательных вещей Джотто, к сожалению, под стеклом и высоко повешены некоторые, но все же я рада была хоть понятие получить об его живописи..

** Париж. 4/16 мая 1895 г.*

Дорогая мама, вчера вечером добрались мы до Парижа. Дорога по Италии очень красивая, особенно около Генуи — все почти время берегом моря — так что синее море с левой, и апельсинные плантации [с правой] стороны, такой местами запах сильный, что голова кружится, теперь цветут эти деревья. Мы все вывезли из Рима чудное воспоминание. Конечно, мы туда во всех отношениях ужасно удачно попали. Одно уж то обстоятельство, что наши были там в это время и так полно и в сравнительно короткое время познакомили нас с чудесами искусства таких разнообразных эпох, как древний Рим, византийское и итальянское Возрождение, что все вместе, конечно, нигде не сгруппировано, кроме как в Риме..

Еще нигде не была, даже у Маши Якунчиковой; хочу отдохнуть и от дороги и от римских чудных впечатлений и тогда уже смотреть здешние выставки. Если Вы мне напишите тотчас по получении этого письма, то я получу его здесь. Разумеется, не видавши ещё Салонов, мне трудно определить время отъезда, но я полагаю, что более десяти я здесь не останусь, так как долее прожила в Риме. Пока до свиданья. Крепко Вас обнимаю.

Ваша *Е. Поленова.*

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. Май 1895 г.*

..Была в Салонах, была у Маши [Якунчиковой] — страшно много интересного. Салон Champs de Mars [Марсова Поля] продолжится до 30 июня, так что Василий поспеет осмотреть оба, если и не будет спешить из Рима. Жизнь здесь страшно бьет и кипит. Я не была пять лет и ничего не нашла из того, что знала тогда. Все ново, пришибает новизной. Какое-то головокружение делается. Может быть, тут есть даже какое-то нездоровое курево, но силища страшная, и ходишь как в чаду — ужасно..

** Париж. Май 1895 г.*

..В Париже много смотрю, интересного пропасть. Не помню, писала ли тебе, что Машина прошлогодняя картина «Reflets intimes» [«Отблески интимного мира»] мне очень нравится. Она написана очень по-парижски, но только внешняя форма чужая, содержание же свое и очень сильно взято и по-моему серьезно и трудолюбиво закончено, чего так не хватает ее офортам. Я бы очень хотела, чтобы теперь она начала серьезно работать в России. Это дало бы ей ту почву, которой у нее здесь не хватает. Она сама с этим совсем соглашается..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — М. А. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 14/26 мая 1895 г.*

Дорогая мама, вчера вечером приехал к нам Вас[илий] Дм[итриевич] и остановился в том же отеле, где мы. Он говорит, что у них все хорошо, сюда приехал посмотреть Салоны и поживет столько, сколько поживется..

Вчера утром я была вместе с Ел[еной] Анд[реевной] в той Academie Jullian [Академия Юлиана], в которую она поступает, видела классы в ходу и присутствовала на уроке, т. е. слушала замечания профессора, поправлявшего рисунки и этюды учениц, все это было для меня в высшей степени интересно. На выставках тоже бываю почти каждый день. Всего меньше приходится сидеть, а очень было бы приятно хоть немного поработать у Маши Якунчиковой, что и ей было бы, конечно, очень желательно. Но на это сейчас нет ни времени, ни сил. Сегодня собираемся с Василием в музей Лувра..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Париж. 24 мая 1895 г.*

..В Париже сутолока неимоверная, я его таким не помню, людно, шумно, демократично и старомодно, но по-прежнему симпатично, если не еще симпатичнее; но что изменилось — это деревья, платаны и каштаны разрослись в тенистые аллеи, благодаря чему воздух удивительно чист и свеж. Впрочем, ежедневные грозы и дожди тоже хорошо действуют.

Сегодня просмотрел оба Салона и тоже, к великому удивлению, почти не устал, правда, что от смотрения чужих работ я скорее отдыхаю, чем устаю.

Какая огромная работа, какое изучение, какое старание, и все с натуры, отсебятины какой-нибудь один процент. Есть много противного, осо-

бенно в Champs Elysées [Елисейских Полях], но гораздо больше глубоко интересного и поучительного. Одно мне непонятно — кем это все оплачивается, куда все это девается, как большинство этих работников с голоду не умирает..

** Париж. 28 мая 1895 г.*

..Описывать понравившиеся мне картины трудно потому, что все сводится к живописи. Какие силачи! В Champs de Mars [Салон Марсова Поля] меня захватили: норвежец Thaulow [Таулов] — зимние пейзажи с водой или луной; швед Цорн — сцены из парижской жизни; американец Harrison [Гаррисон], на этот раз он больше маринист. Из Champs Elysées [Салон Елисейских Полей]: испанец Sorolla [Соролла] — вагон третьего класса, шотландец Harcourt [Гаркурт] — купальщица при закате солнца, голова написана изумительно, а эффект заходящего солнца поразителен и бельгиец Brangwyn [Брэнгвин] «La pêche miraculeuse» [«Чудесный улов»], чудесный рисунок и красивая живопись. Последний указала мне Лиля.

Еще удивительный стилист-символист de Feurre [де-Фёр]. Есть прелестная скульптура из слоновой кости и дерева. Вообще работают энергично, весело и много-премного.

Вчера вечером был у Гольштейнов и встретил там Похитонова, который сказал мне, что Николай Кузнецов здесь. Я ужасно этому обрадовался и все сегодняшнее утро провел с ним. Завтра иду с ним в Салоны.. Вера [Вульф] с мужем играют и поют романсы Шумана, Балакирева, Бородина, Грига — чудо, как восторженно, он всей душой поет, особенно любовь, хотя голос часто делает грубости..

** Париж. 19/31 мая. 1895 г.*

Вчера я провел вечер у Гольштейнов, о многом говорили так интересно, оживленно; сегодня был с Машей в Салоне, показывал ей мои симпатии, она заражена чадом Парижа. Твое второе письмо получил в минуту Лилиного отъезда.. Я говорил с Лилей об ее работах, и она высказалась, что ей очень хотелось бы поработать в Париже месяцев пять-шесть, но что не может этого сделать из-за мамаши. На это я ей предложил подумать и постараться устроить так, чтобы ей можно было осуществить эту мечту. Ей хотелось бы уехать в феврале будущего года и пробыть до осени или зимы. Я этому очень сочувствую, мне самому этот раз Париж понравился больше, чем когда-либо, работа тут так и кипит, разнообразная, энергичная, завидно делается. Начинающему художнику опасно — можно уго-

реть, а стоящему уже на ногах, как Лиля, только полезно. Сегодня я об этом говорил с Машей, та совсем сияла от радости, что будет иметь такого товарища, а нам на это время надо будет быть вблизи мамаши..

Был сегодня у Мечниковых, видел только Илью Ильича, он звал меня завтра обедать. Чего в Риме недостает — это людей, с которыми можно поговорить; вчера у Гольштейнов разговор шел и о политике, и о науке, об искусстве. При этом пение, музыка, словом — восторг. Маша так хорошо настроена, теперь думает ехать в Швейцарию набраться сил, а на конец лета и осень в Россию, писать картину для исторической выставки, которую ей дала Лиля, она от нее в восхищении..

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Ф. А. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 10/22 мая 1895 г.*

..По-моему, Салоны в этом году ужасно интересные, хотя наши русские корреспонденты и изъявили на них свое неудовольствие, но на мой взгляд это неверно. Люди, которые приходят со старыми мерками и хотят, чтобы новое делалось по старым образцам, не должны идти искать этого в Париже, потому что не найдут в этом направлении ничего хорошего. Здесь в мире искусства больше чем в других областях, и именно живописного искусства, свозится все что производится мало-мальски выдающегося со всего света. Если кто отстает от движения, он уже не удерживается на месте, но идет назад и большею частью погибает. Он продолжает писать картины, и они на первый взгляд такие же, как были его картины прежде, как те, которые дали ему громкое имя, но уже слабее, как-то разжиженнее. Это просто разительно — я пять лет не была в Париже и, боже мой, что сделалось с такими художниками, как Roll, L'Hermitte, Le Loire [Ролль, Лермит и Ле Луар] — это просто изумительно, это слабее слабого. Но другие силачи растут и крепнут, только нужно уметь отрешиться от условных, общепринятых суждений, чтобы понять и оценить их по достоинству, просто даже беспристрастно взвесить, чтобы составить себе правильное об них понятие. Это, конечно, не легко; все что видел прежде, что считал хорошим непременно до некоторой степени как-то завуаливает взгляд, и отрешиться очень трудно от прежних мерок. Надо немало поработать над собой, чтобы достичь такого простого воззрения. Но вместе с тем это совершенно необходимо, чтобы понять те новые элементы, которые возникают теперь в живописи и которые, конечно, нигде так полно не представлены, как в парижских Салонах. Я еще как-то мало их вобрала в себя, хотя смотрю и изучаю усердно..

Архив Поленовых.

ГЛАВА XV. 1895—1898 годы

Возвращение в Россию. Дружеское общение с В. В. Стасовым. Смерть матери Поленовых. Нижегородская выставка. Картина В. Д. Поленова «Среди учителей». Панно Е. Д. Поленовой «Жар-птица». «Северный павильон». Панно К. Коровина и панно Врубеля. Расцвет Русской частной оперы. Подготовительная работа к Всемирной парижской выставке. Смерть Е. Д. Поленовой.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 1 октября 1895 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Сегодняшние газеты принесли нам в Москву горестную весть о кончине дорогой Надежды Васильевны. Вот еще одним светлым, притягательным человеком стало меньше для меня в Петербурге. Я глубоко уважала, от всей души любила и ценила Вашу сестру и всегда искренне сочувствовала ее убеждениям и принципам, которые она с такой неутомимой энергией умела проводить в жизнь. В этом ей можно позавидовать и пожелать, чтобы многие русские женщины последовали ее примеру. Мое знакомство с ней было очень кратковременное, если измерять его, так сказать, количественно, то придется насчитать всего только несколько месяцев, но встретились мы с ней на деле, на том излюбленном ею деле женского образования и помощи женскому труду, которым охарактеризована вся ее деятельная жизнь, и это обстоятельство помогло мне сразу узнать и понять ее. Мне очень памятна эта встреча. Это было вскоре после окончания болгарской войны. Я незадолго перед этим возвратилась из Киева, где провела зиму, работая в благотворительном кружке, который сформировался при одном из военных госпиталей. В первый раз мне пришлось вкусить все то громадное наслаждение, которое дает человеку сознание приносимой им непосредственно помощи страданию другого. После этой зимы я поняла, что для меня вернуться к прежней жизни, т. е. лишить себя общественной деятельности в той или другой области, все равно, что лишить себя самой здоровой и подкрепляющей пищи. Вернувшись в Петербург, я стала искать помещения своим силам и времени. Тут как раз у меня зародилась мысль приложить мою художественную, тогда еще довольно слабую подготовку к профессиональному образованию. Случайно я узнала о существовании элементарной школы для девочек при Литейно-таврическом кружке Общества вспомоществования бедным женщинам и обратилась туда с просьбой допустить меня преподавать там рисование и черчение. Мое предложение было

принято, но под условием, что прежде чем меня утвердить, я должна буду дать пробный урок в присутствии члена комитета заведующего учебной частью — Надежды Васильевны Стасовой. Страшно волнуясь и стесняясь при мысли о таком авторитетном судье, я собрала всю свою храбрость и, когда кончились мои три четверти часа урока, к великому моему удивлению, я не только получила согласие Надежды Васильевны оставить за мною преподавание, но даже одобрение ее и благодарность. С этого дня в первом разговоре нашем я нашла в Надежде Васильевне поддержку моей мысли придать этому маленькому учреждению профессиональный характер, расширить программу и ввести туда кроме одной грамотности, которая преподавалась там, женское рукоделие, портняжное и белошвейное дело — рисование, как подспорье этим ремеслам, хоровое пение, а если возможно и другие профессии, которые могли бы обеспечить ученицам возможность заработка в будущем. Планы наши недолго оставались мечтами. Постепенно из меленького училища грамотности это заведение разрослось в заметную, большую женскую профессиональную школу с хорошо обставленными мастерскими. Мне не суждено было долго работать вместе с Надеждой Васильевной, я около этого времени поступила ученицей в Школу Общества поощрения художеств и там, получивши в течение зимы две медали по классу керамики, я была послана на средства Общества в Париж для изучения этой отрасли прикладного искусства. Вернувшись из-за границы, мне уже не удалось работать в Литейно-таврическом кружке — другие занятия отвлекли меня. Вскоре после я потеряла сестру, и смерть ее была причиной того, что мы оставили Петербург и переселились в Москву. Прошло много лет, в течение которых Надежда Васильевна и я потеряли друг друга из виду. Только раз, в одну из редких и кратковременных моих побывок в Петербурге, мы встретились, если не ошибаюсь, на первом представлении «Хованщины». Я ужасно рада была повидаться с Надеждой Васильевной, поговорить с ней. Помню, как она, с свойственным ей живым интересом ко всему живому, расспрашивала меня о Москве, о наших художественных кружках, о том новом общественном деле, которому я горячо предавалась тогда — абрамцевской мастерской. Прошло еще несколько лет, что мы не видались, и мне теперь очень отрадно вспомнить, что в эти последние годы я два раза могла помочь Надежде Васильевне в ее симпатичном деле, мне приятно было, что когда Надежде Васильевне понадобилась художественная работа женщины, она подумала обо мне, вспомнила меня, несмотря на то, что со времени нашего знакомства прошло около десяти лет.

Прошлогодние наши с нею свидания вспомнились мне необыкновенно тепло, я никогда не забуду те два дня, которые я провела среди вас и того милого, радушного, сердечного отношения, с которым встретила меня Надежда Васильевна. После всего сказанного, Вам понятно будет, Владимир Васильевич, если я Вам скажу, что глубоко соболезную Вашей утрате.

Все это время я собиралась написать Вам, сказать, что я получила Вашу фотографию и поблагодарить Вас за внимание и память.

Искренне и глубоко Вас уважающая Е. Поленова.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 7 октября [18]95 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, Ваше письмо — воспоминание о моей покойной сестре — чудесное, как все, что я читал Вашего; один только недостаток: недостаточно для моей жадности и желания!! Курсистки затевают две книги: одну маленькую, которая должна выйти через несколько недель. Там будет краткий очерк биографии, лучшие и важнейшие статьи из газет и журналов, кое-какие небольшие воспоминания, что наскоро поспеет. Но потом будет другая книга — через несколько месяцев, уже большая. Меня туда же зовут, но я думаю напечатать свои «Воспоминания», начиная с нашего детства, как мы вместе росли и мужали,— напечатать думаю их *особо*, в каком-нибудь журнале, не слишком торопясь и дав себе время, которого в настоящую минуту у меня совсем нет, такая пропасть дела и надолго. Так вот, отстраняя себя и подумал, нельзя ли Вас залучить в большую книгу. Ваши воспоминания будут очень важны: будут и содержать много, будут и сердечны и красивы. Так как же— можно?

А я пока Вам пишу всего эту пару строк. Не до того мне!! Поневоле, кроме всего остального, про себя самого, про свой близкий конец принужден думать! Стоит ли что-нибудь начинать, что-нибудь делать! К черту все!!

Ваш *В. С.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 30 октября 1895 г.*

..Последние дни я делала эскиз (кажется десятый) к сюжету, который хорошо выражен словами «поздней осени рыданье», в котором мне хочется выразить тоску одиночества[1]. Когда ты приедешь, если выберешь свободную минуту — покажу. Мне интересно показать. Еще никто не видал, кроме Головина, но он не судья — слишком следил за всеми видоизменениями этого сюжета с момента его возникновения два года тому назад. «Змия» я мало работаю[2]— все натуру никак не подберу. Теперь нужно

будет еще написать эскизы для исторических сюжетов. Постановили, так как много новых участников, то сделать вторую выставку эскизов 1 декабря. По вечерам пишу «Убиение Бориса». Мне бы очень хотелось съездить в Бёхово для костюмов. Если я не попаду, то попрошу тебя привезти: 1) кафтан, который ты шила для царя по покрою Бориса Годунова. 2) кафтан и́моченский мальчиков, линючий, голубой. 3) сарафан. 4) южные женские рубахи — если есть. 5) паневу и 6) кичку ольшанскую.

Мне очень жаль, что Маша Якунчикова не попала на наши собрания, ей бы это было ужасно полезно. Вообще ее отсутствие для меня заметно.. Расстались мы с тем, что, может быть, она приедет сюда в январе на неделю и вместе тогда в Париж.

Архив Поленовых.

И. И. ЛЕВИТАН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Москва*] *30 октября 1895 г.*

Могу ли я приехать к Вам, добрейший Василий Дмитриевич, дня на два-три? Во-первых, хочется Вас повидать, во-вторых, у меня такой приступ меланхолии, такое страшное отчаяние, до которого я еще никогда не доходил и которое, я предчувствую, я не перенесу, если останусь в городе, где я еще больше чувствую себя одиноким, чем в лесу. Не бойтесь, Вы не увидите моей печальной фигуры, я буду бродить..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. И. ЛЕВИТАНУ

* *Борóк. 6 ноября 1895 г.*

Только сегодня получил я Ваше меланхолическое послание, любезный Исаак Ильич. Конечно, приезжайте к нам подышать озоном, которого как раз много от тающего снега. Я ведь тоже больной человек и болею тем же недугом, что и Вы, и лечусь от этой ужасной болезни, которую Вы называете меланхолией, а по-нынешнему — неврастения, и, боюсь сглазить, лечение идет успешнее, чем в Париже у Шарко. Главные медикаменты — это чистый воздух, холодная вода, лопата, пила и топор. И после трех месяцев микстур чувствуешь себя почти здоровым человеком и даже как будто забываешь, что есть на свете живопись, это счастье, эта отрава..

Третьяковская галерея.

И. И. ЛЕВИТАН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Москва*] *13 ноября 1895 г.*

Совсем было собрался ехать к Вам, добрейший Василий Дмитриевич, как вдруг, именно вдруг, меня страстно потянуло работать; увлекся я, и вот уже неделя, как я изо дня в день не отрываюсь от холста. Отчего, почему это делается — аллах разберет! Вместе с тем, как я стал работать, и нервы стали покойнее и мир не так ужасен..

Этот подъем, конечно, продолжится недолго, я знаю свои силы или, вернее, свое бессилье, но я им воспользуюсь до конца. Как хотелось бы показать Вам свои работы, я Вам передать не могу. Надеюсь, когда Вы будете в Москве, Вы заглянете к Левитану. Вероятно, меня хватит на неделю еще, и тогда позвольте мне на два-три дня приехать к Вам отдохнуть. Кстати, и зима, я думаю, станет, и будет приятно ехать. Между прочим, можно ли будет привезти с собой ружье? Я это потому спрашиваю, что, может быть, неприятен Вам буду, если я у Вас, т. е. в Вашем же доме, убью что-либо. Но это совершенно неважно, я могу и обойтись.

По поводу того, что Вы поправили меня, сказав, что я неверно назвал нашу общую болезнь неврастению меланхолией, мне хочется Вам ответить словами.. Шекспира: «Что розой мы зовем, все так же благоухало бы и под другим названием..»

..Говорят, что Вы написали замечательную вещь[3], вот это так, это дело, и очень хочется посмотреть. Я не знаю, кто ее у Вас видел, а в Москве говорят об этом. От души рад, что чувствуете себя недурно, дай Вам бог. Прошу засвидетельствовать мое почтение Нат[алье] Вас[ильевне].

Глубоко уважающий Вас и преданный Вам *И. Левитан*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. И. ЛЕВИТАНУ

* [*Борóк*] *23 ноября 1895 г.*

Очень рад, любезный Исаак Ильич, что на Вас нашел рабочий стих, для нашего брата это драгоценно, но все-таки, если найдете возможным урвать денька два-три для передышки, то приезжайте к нам; хотя мы и на отъезде, но все же недельку, вероятно, пробудем. Вы спрашиваете, привозить ли ружье? Все, что угодно, привозите, за исключением меланхолии.

До свидания.

Преданный Вам *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

С. Д. СВЕРБЕЕВА — В. Д. и Е. Д. ПОЛЕНОВЫМ

** Солнышково. Лопасня. Декабрь 1895 г.*

Пишу вам, любезные Василий Дмитриевич и Елена Дмитриевна вместе, потому что одинаково обоим хочу выразить свое глубокое сочувствие[4]. Знаю, что в эту минуту слова утешения неуместны — итог целого семейного прошлого подводится в душе и вы прощаетесь с лучшим другом жизни.

Со временем отрадным воспоминанием будет для вас, что ваша матушка до конца сохранила такую бодрость духа и что все ее способности давали ей возможность жить и делить вашу жизнь; но теперь тем больнее разлука с ней для вас. Как хорошо, что Вы, Василий Дмитриевич, вернулись в Россию и семья Ваша окружала бабушку. Она так нежно любила Ваших детей и так высоко ценила Наталью Васильевну. Мое воспоминание о Марии Алексеевне всегда будет благодарное за ее доброе расположение к нашей семье и в то же время поучительное. Она в старости жила не одним прошлым, а настоящим, и никогда в ее отзывах о современном не слышался протест. Она не говаривала «в наше время было лучше» и верила в людей.

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. Д. СВЕРБЕЕВОЙ

[*Москва*] *31 января* [*18*]*96 г.*

Многоуважаемая Софья Дмитриевна, приношу Вам глубокую благодарность за выраженное Вами сочувствие нашей семейной утрате. Кончина матушки оставила среди нас тяжелую пустоту. Она была добрым, любящим центром, где собирались и дети ее и внуки; мы люди зрелые, прошедшие уже через жизненный опыт, должны этому покориться, но внуки не могут примириться с действительностью, что нет больше бабушки. Моя маленькая четырехлетняя дочка все придумывает, как бы воскресить ее.

Вы очень верно охарактеризовали мамá и этим искренно нас тронули. В ней именно была удивительная сила жизни, сохранившаяся до последней минуты. Она имела хорошее прошлое, любила его, высоко ценила, но продолжала жить и настоящим и даже как-то радовалась всякому новому движению, следила с сочувствием за жизнью молодежи. Это особенно сильно выражалось в мире искусства, которое она искренне любила.. Савва Иванович на одной из панихид глубоко тронул нас, сказав про покойную матушку: «Марья Алексеевна высоко держала знамя искусства и передала его своим детям, а через них и мы получили этот луч света, эту чистую струю, возвышающую и облагораживающую нашу жизнь. Низкий ей

кладу поклон от себя и от всего нашего кружка за то хорошее и высокое влияние, которое она имела на нас»[5].

Сестра, конечно, ощущает теперь большое одиночество, но ее спасает работа и она в дальнейшем может ей наполнить жизнь.

Я на днях отправил в Петербург на Передвижную выставку свою новую картину «Христос среди учителей», написанную мною в Риме, и только сожалею об одном, что не успел показать ее мама́.

Я очень благодарен жене, что она настояла на возвращении из Италии, благодаря чему последние месяцы вся наша семья прожила близ бабушки, а старшая девочка всю свою последнюю болезнь провела у нее.

Мы хотя и чувствовали, что конец мама́ близится, но никак не думали, что он так скоро наступит. Больна она была недолго. Она неделю не покидала постели, вследствие предписания доктора, но все время была бодра и за полчаса до кончины делала распоряжения, как на празднике собрать и угостить внуков.

Еще раз от души благодарю Вас за высказанное нам сочувствие.

Искренне уважающий Вас *В. Поленов.*

Архив Поленовых.

И. П. ХРУЩОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург. Январь 1896 г.*]

Дорогая Лиля, я уже взялся за перо, чтобы благодарить за драгоценную присылку картин, как получил Ваше милое письмо. Я, конечно, надеюсь, что работа Вас успокоит, но работа работе рознь и потому от всей души желаю, чтобы не только механический труд служил Вам отвлечением, а чтобы Вы напали на труд по сердцу и вдохновились им и пристрастились к нему. Это у каждого бывает не всегда, на это и художнику бывает счастье, удача. Вот этого-то и желаю Вам больше всего.

Как понимаю я Ваше теперешнее одиночество,— я, исстрадавшийся на одиночестве. Вы сделали большую жертву, уступив мне две прекрасные картины. Одна из них (Петрушки)[6] как-то оживила мои кельи, согрела теплом юга и теплом былого; другая, помещенная у образов, доставляет мне духовное наслаждение, особенно в тиши ночной; с ней слито воспоминание о них обеих. Я помню, как maman горячо пожелала взять этот образ[7] после кончины Веры. Итак, тысячекратное спасибо. Целую ручку Вашу и прошу когда-нибудь еще раз порадовать меня строчкой.

Архив Поленовых

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 29 января [18]96 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, только что сейчас прочла январскую книжку «Недели» — начало Ваших воспоминаний о Надежде Васильевне. Как хорошо, как тепло написано, как картинно, до какой степени веет той эпохой, которой Вы касаетесь, — даром, что Вы так быстро и как бы слегка перебираете происшествия, не останавливаясь на подробностях. С большим нетерпением буду ждать продолжения, в особенности когда Вы дойдете до эпохи шестидесятых годов.

Я знаю, что завидовать нехорошо, да и ни к чему не ведет, но все-таки завидую тем, кто может писать пером, а не кистью.— Вы считаете, я знаю, что я могу,—но Вы в этом случае ошибаетесь. Вот Вы писали мне осенью, чтобы я рассказала свои воспоминания о Вашей сестре, и думали, что я смогу выполнить эту задачу. Я не хотела сразу ответить Вам отказом, но попробовала и вижу, что не в силах. Думаю, что это зависит от двух причин: во-первых,— я плохо владею изложением своих мыслей, может быть, по непривычке, может быть, просто за неимением к этому способности, мне, например, огромного труда стоит письмо написать, а не только что-нибудь для печати. Это одна,— другая причина та, что я обладаю весьма слабой памятью и всегда сохраняю в голове лишь общий довольно расплывчатый облик своих впечатлений.

Не подумайте, что я ищу предлога не исполнить того, что Вы меня просили сделать, но я знаю хорошо, что я не в силах. Я не раз пыталась себя переделать, заставляла себя писать, но всегда безуспешно. Итак, простите, что не исполнила Вашего желания.

Что скажу Вам о своих работах? В настоящее время мне хочется рассказать Вам только об одной из них. Я вздумала сделать рисунок для вышивки, которая будет выставлена летом в Нижнем[8]. Вот история этого заказа: нужно Вам сказать, что после кончины моей матери (умершей в конце декабря 95) мои материальные обстоятельства сильно изменились. Я не в праве сказать, чтобы я осталась совсем без средств, но все-таки, чтобы продолжать жить соответственно привычкам, мне придется работать отчасти и для заработка.— Еще с осени мне предлагали сочинить и исполнить большое панно (в 5 и 3 аршина) для вышивки, на какой я хочу сюжет, только было бы в русском характере. Тогда я отказалась, потому что хотелось работать свою картину, но теперь, когда обстоятельства изменились и мне вторично предложили эту работу — я приняла заказ.

Сюжетом я выбрала сказочную Жар-птицу, стерегущую золотые яблоки. Я изображаю темную ночь, наверху тучи, между ними виден месяц, звезды; в середине дерево с золотыми плодами на нем, на верхушке дремлет огненная птица; вокруг дерева свиваются и переплетаются сказочные цветы и травы. Внизу, между корнями дерева, притаились зайчата, еще

ниже — болотные травы, камыши и водоросли — все сильно простилизовано. Работа эта меня ужасно заинтересовала — одно боюсь, уж очень мал срок,— успею ли? Исполнительные чертежи должны быть сделаны в натуральный размер.— Об остальном другой раз.

Глубоко и искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. А. СИМОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 6 февраля [18]96 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, будьте любезны отметить в программе, что Илья Ефимович Репин берет две темы: по русской истории № 64 «Кн[язь] Угличский Андрей», а по библейской № 7 —«Выход из ковчега»[9]. Как наши дела? Очень интересно.. С совершенным уважением остаюсь Вашим покорным слугой *В. Симов.*

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 29 февраля [18]96 г.*

Многолюбезная, дорогая Елена Дмитриевна, уж Вы ради бога не взыскивайте с меня, что я так долго не пишу Вам и не отвечаю на последнее распремилейшее и распрелюбезнейшее письмо Ваше. Тут вовсе не в том дело, чтобы я Вас мало помнил, мало ценил и мало радовался на все, что мне пишете и что рассказываете про себя. Нет, нет, боже сохрани! Как можно! Все у меня к Вам по-прежнему и все по-прежнему. Вы мне дороги и милы. И поэтому должны хорошо себе представлять, как мне приятно было [?] про новые Ваши предприятия — сцену из «Жар-птицы». Мне кажется, это будет наверное отлично и чудесно. Да вот от времени до времени понемножку прихварывал — influenza [инфлюэнца] проклятая перебрала, без малого, весь наш дом, и, иногда чувствуя за это последнее время себя не совсем-то по себе, я себе говорил иной раз: «Ну, вот и я попался!» Однако же это выходило неверно, и я, оправившись немного, снова принимался за свои делишки, писания всякого рода. Оттого-то и случались иногда изрядные промежутки в моих письмах.

А нынче — я опять в великой радости. Новый талант сыскался, и я ликую! Наткнувшись на новые, мне дотоле неизвестные произведения художника, которого я по сей час считал всего только талантом второстепенным или третьестепенным — я вдруг увидал, что это вещи — капиталь-

ные! Как я обрадовался!! Да даже так обрадовался, что и себе самому не поверил, и стал показывать эти новые вещи двум художникам, которым слепо верю, потому что наши вкусы одинаковы и художественные взгляды тоже. Это Ропет и m-me Бём. Вот я и говорю им: «посмотрите, ради бога, на эти вещи и скажите: что я вру, и мне так кажется только, или и взаправду новый талант открылся?...» Они посмотрели,— каждый отдельно, не видя один другого, и в один голос, хотя в разные дни сказали мне: «Нет, не врете, а правду говорите — это в самом деле талант, и большой. Спасибо, что нам Вы его указали и показали! Поэтому-то вот теперь обращаюсь и к Вам, Елена Дмитриевна, оттого что Ваша художественная натура мне сильно симпатична, а художественные взгляды — родственны. И прошу Вас я поэтому: скажите и Вы мне тоже, вру я, или не вру, как на Ваши глаза?..

А новое знакомство мое произошло таким образом: приехал сюда недели полторы назад Ваш богатый московский купец Синицын и поднес мне (как тоже кое-кому и другому) великолепный экземпляр своего издания «Преображенское»[10]. Я потом, после его отхода, как развернул книгу, так и не мог от нее оторваться и провозился с ней целый вечер, принужденный отложить все другие тогда дела свои, даже спешные,— для типографии. Там я нашел несколько иллюстраций из старой нашей Руси конца XVII века при молодом еще Петре I, и таких, что передо мною словно воскрес на минуту — ШВАРЦ, мой дорогой, мой любезный!! Конечно, тут есть в «Преображенском» иное очень неудачное, мало стоящее, но зато сколько капитальнейших вещей, настоящих больших картин масляными красками! И кто это рисовал, кто создавал? Нестеров, которого я очень мало считал и ценил до сих пор, а иной раз и просто терпеть не мог за монашеские его, ханжеские картины (Сергий Радонежский молится в лесу, монахи, скитники и скитницы,— и т. д.). Я тотчас бросился на справки и выкопал себе у нас в библиотеке все иллюстрированные издания Нестерова,— а их пропасть, с 1888 года, когда он начал, по заказу Кушнерева (если не ошибаюсь, или другого книгопродавца, не помню, может быть Ступина) иллюстрировать Пушкина[11]. Ну, тут нашлось пропасть дряни, самой ординарной дряни, вроде той, которой были иллюстрированы у Вас, в Москве же, у Кушнерева стихотворения Лермонтова. Ах, какая тут везде была гадость (в Лермонтове), даром, что иллюстрации делала просто вся русская школа, и Репин, и Вл. Маковский, и Ваш брат, и Серов, и уж я и не знаю, кого там не было, и все — один другого хуже и гаже[12]. Так вот и с Пушкиным: чего-то, чего-то не напакостил там Нестеров! Иллюстрации к «Кавк[азскому] пленнику», «Бахчисар[айскому] фонтану», «Цыганам», «Борису Годунову», «Евгению Онегину», и т. д. и т. д.— просто мерзость, срам и стыд. Но сколько хорошего и чудесного оказалось в иллюстрациях «Сказок» пушкинских, особливо в «Балде», «Женихе», «Мертвой царевне», «Рыбаке и рыбке», «Салтане Салтановиче», Прологе к Руслану

(«Баба-яга со ступой») и т. д. и т. д. «Сказка о золотом петушке»— очень плохо!! Есть и еще другие плохие. Но это были только начатки и плохое поминутно стояло рядом с отличным. Но мало-помалу небо у Нестерова прояснилось, талант тоже, и теперь, в 1894 и 1895 гг. он наделал в «Преображенском» такие превосходные вещи, от которых у меня сердце наполняется радостью. Взгляните только: «Петр I (еще мальчик) со своими потешными»; «Представление Юдифи перед царем Алексеем Михайловичем», «Строение крепостцы», «Строение морских суденышек», «Стрижение бород» (chef d'oeuvre [шедевр]); «Ссылка Шафирова», «Везение стрельцов на казнь» (тоже два chef d'oeuvr'а). Неужели Вы на все это не порадуетесь вместе с нами? Жажду знать Ваше мнение, искреннее, непритворное — хотя бы даже и несогласное с нашим.

Какая странность! Я так радовался одно время на иллюстрации К. Лебедева[13] в иных маленьких изданиях Сытина. Но теперь я видел несколько его иллюстраций к русским «Сказкам и былинам» (Алеша-Попович, Добрыня, Илья Муромец и т. д.), и что же: одна другой хуже и ничтожнее!!!.. Что это с Лебедевым сделалось?!! Но вот что я, под впечатлением этих новых вещей, задумал поскорее, тотчас же, написать статейку: «Наши новые иллюстраторы», где на сцене будут и Нестеров, и M-me Бём, и Вы.

Поэтому, большая к Вам просьба: помогите моей памяти. Я отлично помню отдельные Ваши иллюстрации к сказкам, но не помню, которая из какой сказки и потому, сделайте одолжение, напишите мне поскорее списочек всех Ваших сказок, и в каждой — все по очереди ее иллюстрации, с короткими заметками или приметами, напр[имер]: «девочка в избе у Бабы-яги, на скамье, спиной к зрителю» и т. д. По этим приметам я тотчас вспомню тот или другой Ваш рисунок. Они все у меня и до сих пор перед глазами! В том числе и чудные архитектуры: ворота из конских голов, избы, крылечки, также сундучки на розвальнях и т. д. Но «Война грибов» у меня здесь есть. Ее не пишите.

Итак, жду Вашей благой помощи.

Ваш *В. С.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 4 марта 1896 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич, вот список тех сказок, которые я иллюстрировала и которые я считаю настолько доработанными, что выставляла их в прошлом году в Питере, а в нынешнем в Москве;

1) Война грибов;

2) Белая уточка;
3) Дед Мороз;
4) Избушка на курьих ножках.

Прилагаю здесь фототипии первой и наброски с остальных. Мне легче и проще было сделать эти зачертки, нежели описание, а службу они сослужат ту же самую. Если Вам могут быть полезны оригиналы — напишите мне,— и я немедленно Вам их пришлю. Они все у меня. Я выставляла их здесь, они вообще нравились, но Третьяков не купил. Сейчас они мне не нужны, и на недельку — дней на десять — я свободно могла бы их прислать Вам. После они мне понадобятся вот для чего: были на них покупатели, но в частные руки их мне продавать не хочется, но я сделаю повторения и когда у нас будет устроена продажа картин и этюдов с целью образования фонда для народных выставок, я их попробую там продать. Многие из участников уже пожертвовали свои работы для этой цели.

Вы спрашиваете мое мнение о нестеровских иллюстрациях «Преображенского»— я их не видела, но самого Нестерова знаю хорошо и считаю художником очень талантливым, хотя и не ровным, Лебедева же, наоборот, не считаю для себя симпатичным художником. По-моему, он сух и бессодержателен.

Если найду свободную минутку, сделаю набросок своих рисунков для тамбовских вышивок и пришлю Вам показать — оригинал уже отправила туда для исполнения.

До свидания, будьте здоровы.

Глубоко Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 5 марта [18]96 г.*

Глубокоуважаемая Елена Дмитриевна! Когда Вы рисовали и посылали мне двенадцать своих рисунков, прибавив к ним еще четыре фототипии («Война грибов»), Вы наверное не представляли себе всей той радости, восхищения, благодарности и удивления, которые я испытал, получив сегодня Вашу посылку. Ведь я люблю до страсти Ваши иллюстрации, и вдруг получить их, когда большинства вовсе нет еще в продаже,— получить, и знать, что это нарочно для меня сделано, да еще получить в самой любезной и дорогой для меня художественной форме эскизов!! «Эскизы» всегда были, есть и будут для меня самым любезным делом. Тут всегда весь огонь, вся сила, весь колорит, даже слабого и плохого, а не то что такого отличного, как Вы!

Оттого и благодарю я Вас тысячу раз, но ни в какие подробности пускаться теперь покуда не стану. Авось удастся мне это, когда будет капельку больше времени, и когда я выскажу свои понятия о Ваших сказках и «деревянных работах»— в печати.

Только до тех пор хочу попросить у Вас одной еще богатой и великой милости. Это, чтобы Вы мне черкнули в четырех словах, хоть на почтовой карточке: по каким текстам, в чьих изданиях Вы брали сюжеты для своих сказок. У Афанасьева ли, или у кого другого? Конечно, порывшись, я бы и сам нашел, да времени-то у меня мало! А писать надо теперь же, не откладывая, но никак не могу не знать при этом разных подробностей, например, как какую личность зовут (Маша, Даша, Саша, Паша и т. д.)..

Я посылал Вам недавно:

1) продолжение моих статей о моей сестре[14];

2) мою статью о передвижниках и их 24-й выставке[15]. Если получили, не можете ли показать ее другим еще московским художникам? Это мне было бы очень дорого. Благодарю Вас за сказки Ваши (чудесные!) снова 1000 раз.

Ваш всегда *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 8 марта 1896 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич. Статью Вашу о передвижниках я получила и уже кое-кому давала на прочтение из московских художников. Но воспоминаний Ваших о Надежде Васильевне я не имею, и мне страшно будет жаль, если они до меня не дойдут. Впрочем, это может быть только промедление — дело в том, что я сдала свою мастерскую на Мясницкой — работаю дома и, хотя получаю адресованные туда письма и посылки, но все же с маленькой проволочкой.

Тексты к моим иллюстрациям сказок я брала сначала из Афанасьева — таков текст «Белой уточки». Я только сократила его и выпустила, что нашла непригодным для детей, например самый конец, где ведьму привязывают к хвосту лошадиному.

Для других сказок я пользовалась материалом живым, не книжным, т. е. заставляла рассказывать баб, ребят или стариков и записывала. Таков текст «Избушки на курьих ножках», его написал по моей просьбе грамотный крестьянский мальчик, по словам товарищей, мастер сказки сказывать, он кончал учиться в сельской школе. Про эту сказку он сказал, что слышал ее на деревне до того, как стал учиться и в книжках ее не читал. Также текст «Деда Мороза» я записала в Костроме со слов одной местной житель-

ницы, пожилой особы, которая помнит эту сказку с детских лет. Там есть выражения, каких нет у Афанасьева, хотя фабула одна и та же, что его «Морозко». Например, что «мачеха положила ей вместо хлебушки — глинушку, вместо крупы — дресвы, вместо муки — золы», и другие места я почерпнула в тексте.

Текст «Войны грибов» в этих выражениях я знаю с детства, так говорила нам эту сказку наша бабушка, и я очень любила ее всегда. Бабушка вспоминала ее большею частью дорогой во время путешествия, которое совершалось еще в карете из Москвы в ее тамбовскую деревню. Проезжая Тамбов, есть большой сосновый лес, и, когда мы въезжали в него, бабушка обыкновенно говорила нам «Войну грибов». Мне до сих пор представляется, что именно в этом лесу есть всяческие грибные города и поселки. Вариант о «волнушечьем монастыре» мне не встречался ни у Афанасьева, ни в других печатных текстах этой сказки.

К каждой сказке, независимо от размера текста, я решила делать по четыре картинки. Это были известные рамки, как бы ритм, который не мешал, а помогал делу. Без таких добровольных ограничений я легко впадаю в расплывчатость, которая меня расхолаживает.

Вот, кажется, и все, что могу сказать о своих иллюстрациях сказок. «Война грибов» (единственная изданная) была напечатана в 1889 г. Остальные были сделаны приблизительно в то же время. Выставлены в Питере в 95, а в Москве в 95—96 году.

Пока до следующего письма.

Е. Поленова.

* *Москва. 20 марта 1896 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич. Посылаю Вам еще несколько пробных картин моих иллюстраций к сказкам, которые, может быть, будут Вам нужны для того, чтобы пополнить общий вид страницы вместе с орнаментом и текстом. Мне же они не нужны совсем. Постараюсь, как буду немного свободнее, прислать Вам несколько рисунков для вышивки с Жар-птицей.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

* *Москва. 29 апреля 1896 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич, давно собираюсь написать Вам и сказать большое Вам спасибо за IV часть воспоминаний о Надежде Васильевне, которую я получила в начале нынешнего месяца. Каждый раз, прочтя новую часть их, я с нетерпением жду дальнейших. Редко

приходится читать вещи в такой степени дух поднимающие, как эти Ваши воспоминания. Буду очень Вам благодарна, если Вы будете мне присылать и следующие части по мере их появления в печати, в них отражается вся духовная жизнь передовых людей второй половины нашего столетия, представителей благороднейших увлечений, как вихрь охвативших русское общество в великую эпоху шестидесятых годов.

Многие благие явления нашей теперешней жизни стоят в непосредственной связи с тогдашним пробуждением мысли.

Посылаю Вам устав (недавно утвержденный) Московского Товарищества художников и программу первой народной выставки, которые затеяны этим Товариществом и начало осуществления которых назначено на октябрь текущего года. Выставки эти, желательно, чтобы были передвижными и содержали бы в себе три отдела: русская история, русская литература и библейская история. Многим художникам Товарищество разослало приглашения участвовать на этих выставках, и, как Вы увидите из прилагаемой программы, более пятидесяти художников согласились участвовать и записались кто на одну, кто на большее число тем. Покуда, на первый раз, взяли только историческую часть, со временем же хотим приступить к разработке и литературы, начиная ранней народной и кончая современной.

Входную плату хотели бы назначить очень низкую, а если возможно, то устроить и бесплатные дни. До свидания покуда.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Нижний. 30 мая 1896 г.

..Все не писал, думал, что вот завтра уеду и все откладывал. Очень много интересного, художественного и культурного. После последней Москвы положительно чувствуешь себя где-то за границей, где-то далеко от держиморды. Кроме того, эти две великолепные реки меня совсем очаровывают. Хочется на них поработать. . Панно Врубеля очень интересны, а северный павильон с Константиновыми фресками чуть не самый живой и талантливый на выставке..[16]

Нижний. 4 июня 1896 г.

..Выставка в высшей степени интересна, но, к сожалению, место для нее выбрано самое бездарное. Россию бог обидел горными красотами, но что хорошо, это — реки. И тут при слиянии двух самых грандиозных

русских рек выставку ухитрились поставить так, что об реках и величественном виде помину нет. Инициаторы выставки, Витте и Морозов, в эстетике слабы.

Савва и Константин упросили меня взять на себя окончание Врубелевских панно. Они так талантливы и интересны, что я не мог устоять. Полученная сейчас телеграмма гласит, что условия приняты..[17]

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Нижний. 4 июня [18]96 г.

Ты не знаешь, дорогой Василий Дмитриевич, как благодатно подействовало на меня твое письмо, написанное мне перед отъездом из Нижнего! Ты воскрес для меня, в тебе сказался большой художник с той шириной и с тем святым огнем, которые делают людей счастливыми и ставят их неизмеримо выше ординара. Стары мы становимся, то там, то здесь болит, но мы не должны забывать, что вся мелочность жизни, пересуды, дрязги и всякие личные счеты ничтожны перед святым искусством, и что ему надо служить до конца дней с восторгом и радостью.

Вот ответная телеграмма Врубеля:

«Польщен мнением Василия Дмитриевича о работе и тронут его великодушным предложением, согласен».

На твои условия я совершенно согласен, Коровин согласен работать с тобой. Значит, надо немедленно приниматься за дело.

С. Ю. Витте, как и следует живому, умному и чуткому человеку, понял, что в этом вопросе мы стоим на стороне правой, а потому очень заинтересовался добиться победы. Он каждый день спрашивал меня о том, будешь ли ты кончать панно Врубеля, а сегодня категорически заявил мне, что когда он получит от меня телеграмму, что панно кончено, он доложит немедленно кому следует и получит приказание поставить панно на их место.

Это было сказано так решительно и твердо, что не допускает никакого сомнения, что это будет исполнено.

Вообще, при свидании я передам тебе много интересного по вопросу художественного отдела. Я буду в Москве в пятницу, пожалуйста, повидай меня днем, ибо вечером я выеду в Петербург.

Коровин завтра едет в Москву с холстами.

Крепко обнимаю тебя, дорогой мой старый и верный друг. Будь здоров и бодр!

Твой *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Москва] 19 июня 1896 г.

..Мы с Коровиным усиленно работаем, но я не ожидал, чтобы это было так утомительно. Двойная ответственность за себя и за другого (т. е. Врубеля). Савва сначала был любезен со мной, как никогда, говорил всевозможные возвышенные и трогательные слова, прославлял мои особые достоинства и кончает тем, что я так добродетелен, что самому даже тошно. Но я все-таки не жалею, что взялся за эту работу. Иногда я люблю работать у Саввы в доме, когда там носится художественная атмосфера. Первым делом, когда я приехал, я пошел к Врубелю и с ним объяснился, он меня чуть не со слезами благодарил. Потом Сергей мне передавал, что Врубель совершенно ожил, что он в полном восторге от того, как дело повернулось. Я с ним сговорился, что я ему помогаю и только оканчиваю его работу под его же руководством. И, действительно, он каждый день приходит, а сам в это время написал чудесные панно «Маргарита и Мефистофель». Приходит и Серов, так что атмосфера пропитана искусством.. Время от времени эти панно развертываются на дворе и там работаются. Под конец Савва на меня рассердился, зачем я деньги отдал Коровину (Врубель отказался)..

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

** Москва. 12 июня 1896 г.*

..Работаем очень усердно, как я, так и компанионы мои[18]. Головин приехал усталый и больной, но говорит меньше о впечатлениях Венеции, а больше об тех, какие получил на возвратном пути. Они возвращались Германией и останавливались в Мюнхене, Нюрнберге, Дрездене и Берлине.

Егише все еще копается над портретами, но пишет хорошо и серьезно, только очень он медлительный. Хороший он малый и сильный в нем художник живет.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Москва. Август 1896 г.*

..Все собираюсь в Бёхово дня на три, и Егише хотела прихватить. Он захандрил — ему не в привычку ни лето в городе, ни работа ответственная и срочная..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Борóк. 16 августа 1896 г.*

..Очень буду рад видеть тебя и Егише у нас в природе и кислороде..

** Борóк. 5 октября 1896 г.*

Возвращаем обратно с подножного корма Егише. Он, кажется, не жалуется, а между делом стал чудным мозаистом, слепил удивительную картину, я предлагаю ему место директора будущих мозаичных мастерских, с двойным окладом[19]. Я тоже очень увлекался этой художественно-ремесленной стряпней, а с наступлением холодов думаю приняться за красковую живопись. Хочу наладить технику Tempera..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Борóк. 10 октября 1896 г.*

..Все вожусь со школой[20], и так мне симпатично это дело и так много можно сделать, что сердце радуется. Все более и более убеждаешься в жизни, что только «patience et longueur de temps font plus que force ni que rage» [терпение и время делают больше, чем сила и натиск]. Вчера у меня было по поводу школы столкновение с бабами, и я так победила, что до сих пор чувствую какую-то радость. Скажи Егише, что вчера было столько интересного, что я решила записать по его совету. Вообще жизнь идет, и не видишь времени, и не хватает его на все задуманное, и только радуешься на то, как много в жизни интересного, как много можно сделать.. Поклон Головину и Егише..

Архив Поленовых.

И. Е. РЕПИН — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург*] *13 октября* [*18*]*96 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, Ваше письмо меня очень обрадовало. Я только что собирался писать Василию Дмитриевичу — напомнить ему и просить его передать Вам, что я очень рассчитываю на него

и на Вас, помня Ваше любезное сочувствие, тогда, в Москве, у Вас на симпатичном вечере. Очень рад, что Вы не отказываетесь от участия на выставке эскизов и сочувствуете[21].

Никакого общества здесь не составляется. Академия относится не сочувственно. Куинджи со всей своей дубинной силой *интригует* против, запугивает молодежь. Суриков отказался наотрез, хотя прежде и обещал. Многие из молодежи боятся..

Выставка будет в декабре, в Обществе поощрения (Б. Морская 38). Портреты, этюды с натуры и оконченные картины не будут приняты. Плоды чистого воображения предпочитаются особенно, но будут приняты всякие интересные композиции и прочие опыты творчества. Адресовать в Общество на предъявителя. Теперь еще рано; там будет теперь устраиваться французская выставка[22] — надо подождать, чтобы не обременить помещение. Раньше 10 ноября посылать не следует Вам. Прошу Вас посодействовать выбору вещей на месте, чтобы не посылать плохих эскизов — бессмысленной мазни. Судить здесь и выбирать буду я лично. Вас, Василия Дмитриевича и Пастернака, кот[орого] я приглашал лично, я приму как дорогих гостей и постараюсь поставить как можно лучше. Я просил и Васнецова — буду писать еще ему — он обещал. Я сделаю заказ пересылки Аванцо или кому Вы укажете: укладчик явится к Вам, упакует вещи в ящики, как удобнее, и отправит с накладным платежом. Если окажется дивиденд от выставки, он будет разделен по числу экспонентов, за покрытием расхода.

Сердечно тронутый Вашей любезностью *И. Репин.*

** [Петербург] 27 октября [18]96 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, сегодня я получил от Василия Дмитриевича почти отказ. Неожиданно! И от Вас давно уже никакого слуха нет. Неужели и Вы откажетесь. Я так рассчитывал на Вас. А выставка составляется интересная. И теперь я уже уверен, что образуется само собою новое общество. Пусть первая выставка будет эскизов, а потом последуют ежегодно выставки более полные и разнообразные. Все это покажет практика.

Прошу Вас убедительно написать мне всю правду, как относится ваш кружок молодых москвичей-художников. Мне очень важно знать это теперь. Мне пока не хочется публиковать, во избежание большого хлама, который может привалить из провинции.

Выставка откроется в залах Общества поощрения художеств (Б. Морская, 38) 5 или 6 декабря и продолжится до 10 генваря.

На этой выставке будет много нового, интересного, совсем неожиданного. В будущей организации общества постараемся устранить всякий формализм и регламентацию. Художественная деятельность, свобода творчества, культ талантов — вот наши основные принципы. Художественные идеи выражать в формах высокого совершенства разносторонне и глубоко — вот наши цели. Очень интересно знать, как думаете Вы.

Глубоко уважающий Вас *И. Репин.*

Архив Поленовых.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 27 октября [18]96 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, твои прежние эскизы, с которых картины уже написаны, так интересны, что лучшего ничего и выдумать для выставки нельзя. Публика их будет смотреть с особенным чувством воспоминания о картинах. У тебя ведь есть от всех почти картин. Если нет дома, то у любителей-собственников — надеюсь, не откажут. Хотя бы у Трояновского: «Христа на камне». Есть у тебя к «Грешнице» , есть еще много. А нет ли брошенных вариантов к картинам, недоконченных,— это было бы восхитительно.

И отчего ты так малодушествуешь, не берешь на себя выбора? Это так просто: тебя так уважают, любят, и верят тебе молодые москвичи. Ну, разумеется, я не смею приставать к тебе с этим. Буду счастлив, если ты что-нибудь отпустишь Аванцу, кот[орого] я к тебе пришлю за вещами. Уж ты не кобенься: выставка составляется интересная, даже высокопоставленные лица заинтересованы и спрашивают, когда она будет. Я даже не хочу делать публикаций. Меня и так одолели письмами разные провинциалы. Я так боюсь количества хлама, с которым много будет возни.

А материал, слава богу, есть хороший. Выставка будет интересная, и я уверен уже теперь, что составится само собою новое общество, без всяких уставов и правил, и будет такое, какое желательно теперешнему нашему образованному обществу.

Я буду очень жалеть, если тебя не будет,— *ты должен быть* здесь.

А знаешь, в Академии нашей есть сильное желание привлечь тебя в руководители мастерской. Скажи мне откровенно: пойдешь ли ты сюда?

Твой *Илья.*

Третьяковская галерея.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 8 ноября [18]96 г.*

Глубокоуважаемая Елена Дмитриевна, я Вам послал «Новости» 4 ноября с описанием юбилея Ив[ана] Павл[овича] Ропета и свою XI статью про мою сестру. Надеюсь, обе вещи до Вас дошли. Не послал Вам «Нового времени» тоже с описанием юбилея, во-первых, потому, что тут короче, а во-вторых, потому, что мне помнится, что Вы и сами получаете эту газету. Ваша «заставка»[23] для главного адреса всем, особливо художникам, сильно нравилась и произвела большой эффект. Впрочем, Вы очень хорошо понимаете, что иначе и быть не могло! Когда удосужитесь, напишите мне, пожалуйста, какие работы Вы теперь делаете и какие задумываете вперед. Ведь все это крайне меня интересует!!

Ваш искренний поклонник *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И. П. РОПЕТ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** [Петербург] 5 ноября 1896 г.*

Глубокоуважаемая Елена Дмитриевна, позвольте принести Вам мою искреннейшую благодарность за Ваше лестное для меня сочувствие, выразившееся в исполнении Вашего чудного рисунка, которым, как и вообще всеми Вашими изумительными рисунками, я не могу достаточно навосхищаться. Принося Вам еще раз и тысячу раз свою глубокую благодарность, остаюсь Вашим искренним поклонником *И. Ропет.*

Позвольте также просить Вас передать брату Вашему (адреса которого я не знаю), дорогому, глубокоуважаемому Василию Дмитриевичу мое сердечное поздравление и пламенное пожелание ему еще многих, многих лет его высокохудожественной деятельности. Приношу ему свое сердечное спасибо за память о его старом друге и товарище, яром поклоннике его чарующего таланта. Сердечно ему преданный и благодарный

И. Ропет.

Архив Поленовых.

И. Е. РЕПИН — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** [Петербург] 10 ноября [1896 г.]*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, если вещи для выставки будут здесь к 1 декабря, то это будет в самый раз. Нам эта отсрочка, надеюсь,

всем кстати. Она произошла по случаю устройства выставки французов. Зато все, что мы опоздаем, т. е. от нас оттянут в декабре — нам прибавят в генваре; а тогда и погода светлей и дни больше.

Ради бога, подействуйте на Василия Дмитриевича, чтобы он не куксился, а прислал бы побольше своих эскизов. Ведь я знаю, что за сокровища у этого скупого рыцаря хранятся! Какие у него есть недоконченные варианты к картинам, уже бывшим!..

У нас в Академии предстоят большие перемены. Маковский не желает больше быть ректором, и теперь ректорство будут отбывать *погодно* проф[ессора] руководители. На экзаменах тоже: наша теперешняя речь посполитая рушится. Решающий голос будут иметь только проф[ессора] руководители, специально по своим отделам.. Выросла такая сила и так заломила на старый академический лад, что хоть вон беги.

Ах, как жаль, что здесь нет Василия Дмитриевича. В нем теперь есть здесь большая необходимость, его собираются просить, и не знают, как за это приняться.

Душевно преданный Вам *И. Репин.*

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 5 декабря 1896 г.*

Дорогая и (даже просто) бесценная Елена Дмитриевна, я опять к Вам с просьбой, но уже с последней, и обязуюсь никогда больше не тревожить Вас никакими новыми просьбами!! Выслушайте только мое оправдание и, может быть, Вы сами станете на мою сторону.

29 декабря, воскресенье, мы празднуем (в Конференц-зале Академии художеств) двадцатипятилетний юбилей Антокольского. Будут разные адресы, и, по моей мысли, мы не должны обойтись без женского. Надо, чтобы женщины явились наравне с мужчинами. Но я ни о каких женщинах-художницах не забочусь и не беспокоюсь, кроме Вас и m-me Бём.. Поэтому горячо жажду, чтобы рисунки Ваши и m-me Бём могли украсить наш юбилей Антокольскому, 29 декабря.

Дело бы шло (если бы Вы согласились) только о том, чтобы Вы нарисовали Ивана-царевича и Жар-птицу около волшебного дерева. Она — улетает, а он стоит счастливый и торжествующий, вырвав перо из ее хвоста. Вся картинка была бы: пять вершков вышины и три вершка ширины. Или же пять вершков ширины и три вершка вышины.

На том же листе (бристоль) мы налепили бы над Вашею картинкою картину m-me Бём (тоже 5 × 3 вершка), изображающую детей-скульпторов..

Я потому решаюсь предложить Вам сюжет: «Иван-царевич и Жар-птица», что в своей превосходной «Автобиографии» Антокольский рассказывает очень поэтично, что девятнадцати лет он ехал из Вильно в Петербург с изловленным пером Жар-птицы в руках. Угодно Вам воспроизвести Вашим чудесным талантом эту чудесную задачу? Вот-то было бы счастье!!!

Ваш всегда верноподданный *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 8 декабря [18]96 г.*

С удовольствием исполняю Ваше желание, глубокоуважаемый Владимир Васильевич. Картинку сделаю и вышлю, как только будет готова. Так как Вы предоставляете мне выбрать форму, то сделаю в вышину пять, а в ширину три вершка. Ведь это безразлично, не правда ли? Надеюсь в очень скором времени выслать Вам эту вещь. Думаю, что на нее затрачу немного времени, потому что сюжет, Вами выбранный, как раз совпадает с моей теперешней работой. Предпринимаю новую серию иллюстраций к русским сказкам и эти дни как раз начала Жар-птицу набрасывать.

Об этом подробно другой раз, а пока до свидания.

Е. Поленова.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 10 декабря [18]96 г.*

Елена Дмитриевна, Вы просто прелесть!! Как Вы меня вечно восхищаете! Вот хоть бы, например, теперь, когда я только получил Ваше дорогое для меня письмо с согласием нарисовать Жар-птицу с Иваном-царевичем для юбилея Антокольского. Как я радовался, как я ликовал! А ведь перед тем я немножко приуныл и, не видя долго никакого ответа от Вас, говорил себе с глубокою горестью: «Видно некогда ей! Занята слишком! Или же уехала в Париж!»

Какая же вдруг радость, когда оказалось, что и не уехала, и что время есть, и что хочет, и что сочувствует — и что все будет! «Радость безмерная...», восклицаю я, как Сабинин в 1 акте «Жизни за царя», и тотчас лечу трубить о своей радости — раньше всех к m-me Бём, которая

такая Ваша несравненная поклонница и раньше всех и всего открыла мне глаза на Ваш крупный и оригинальный совершенно талант.

Ну, уж за то, как мы с нею иной раз примемся толковать про Вас и этот Ваш талант, то и конца нет!!

Впрочем, кроме нас двух, ведь Вы тут любимица и каждого из настоящих художников. Все Вас знают и любят. Только бы мне удалось (или Вам самим): устроиться поскорее с Ильиным и печатать поскорее всю коллекцию Ваших сказок! А покуда буду ждать с истинным нетерпением: каков-то у Вас выйдет Иван-царевич?!

Ваш всегда с подобострастным поклонением *В. Стасов.*

Вчера вышла в свет последняя (XII) моя тетрадка «Воспоминаний о сестре». Сегодня переплетают ее, завтра посылаю Вам. Дай бог, чтобы Вам понравилось! Теперь, авось, буду посвободнее и, авось, скоро буду доставлять себе наслаждение: писать про наших новых художников и... художниц. Решительно некогда иной раз вздохнуть. Впрочем, буду теперь печатать и «Воспоминания о сестре» отдельным томом.

* *Петербург. 21 декабря* [*18*]*96 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, я как-то недавно в своем восхищении писал Вам, что Вы прелестная особа. Это неправда. Вы не прелестная, а прелестнейшая! Не дорогая, а самая дорогая, что ни есть!! Вы все это поймете, когда узнаете, что я только сию секунду получил с почты Вашу посылку и увидал Вашего «Ивана-царевича» с пером райской птицы в руках. Как это хорошо! Как красиво! Как изящно! Как талантливо! Ура, Виват, Слава!

Ваш *В. С.*

Точно нарочно, точно по чьему-то заказу, одновременно с Вашей посылкой я сейчас получил другую: от m-me Бём, Вашей родной сестрицы и товарки: «Нижний Новгород»[24]. Ах, как чудесно, ах как талантливо! Наверное она Вам тоже посылает и, значит, сами будете судить.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И. Е. РЕПИН — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург*] *23 декабря* [*18*]*96 г.*

Дорогая, многоуважаемая Елена Дмитриевна, могу ли я просить Вас посодействовать, чтобы кто-нибудь из молодых художников взял на себя труд прислать сюда поскорей сведения о ценах тех вещей, кот[орые]

присланы сюда из Москвы: Вашу, Татевосяна, Головина, Якунчиковой. Ваши вещи очень интересны и блещут новизной[25].

Поздравляю Вас с наступающими праздниками.

Искренне преданный Вам *И. Репин.*

Продаются ли два эскиза Василия Дмитриевича?[26]

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Петербург*] *30 декабря* [*18*]*96 г.*

Какой вчера был успех у Вас, дорогая Елена Дмитриевна! По крайней мере у всех, кто похудожественнее! Сам Антокольский пишет Вам сегодня или завтра и скажет Вам, как ему понравился Ваш Иван-царевич. «Женский адрес» должны были бы подносить художницы, т. е. m-me Бём, или m-lle Шнейдер, или кто другой из них,— нет, все отказываются по какой-то робости и скромности для меня совершенно непонятной и удивительной. Наконец, мы принуждены были второпях уговорить и пустить вперед мою невестку Полину, жену моего брата Дмитрия. Слава богу, что нашлась хоть одна храбрая! Она вышла вперед, подошла к столу, сзади которого стоял Антокольский, подала лист и проговорила кое-что. Но, конечно, это «кое-что» не давало понятия ни юбиляру, ни публике о том, что такое рисунки Ваш и m-me Бём. Видя это, я вдруг вдохновился великою храбростью и, как главный распорядитель и починаталь всего праздника, пошел к столу и громогласно на всю залу держал новую речь (у меня вчера их было несколько!) о том, что такое эти две художницы наши, Поленова и Бём, и что такое эти две прелестные — хотя и совершенно в разных родах — картинки их сегодняшние, полные оригинальности, поэзии и живописности. Жаль, что никто не записывал моих слов, а потому не напечатал их! Что же делать! Ну, да авось дело еще не пропащее, и в будущем, теперь наступающем 1897 году мне, авось, придется говорить в печати, как я того сильно желаю, про моих двух любимиц-художниц, петербуржанку и москвичку. А пока поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего хорошего, надолго, надолго.

Ваш всегда *В. С.*

Ах, какую я прелесть получил вчера от хороших знакомых в подарок к Новому году! Это из нашего «Кустарного музея» (где продажа есть) черный шкапик с колонками посредине, для бумаги и конвертов! Резной орнамент — ветка граната, цветная. Говорят, сочинения какой-то Поленовой!!

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. Январь. 1897 г.*

Глубокоуважаемая Елена Дмитриевна, 29 прошлого месяца устроили мне сюрприз. Сюрприз был и Ваш рисунок художественный и чрезвычайно оригинальный и симпатичный. Спешу выразить Вам мою сердечную, глубокую благодарность и, кроме за такой художественный эскиз, еще за Ваше сердечное отношение. Людей сердечных теперь мало, и все меньше и меньше нас становится и поэтому все больше и больше ими дорожишь.

Но ведь мой юбилей также и юбилей Василия Дмитриевича, мы все работали по мере сил и возможности и все работали с увлечением и любовью во имя родного искусства. Наш кружок был отборный, выпуск удачный. Так передайте Василию Дмитриевичу мой дружеский привет и что я обнимаю его как товарища и как юбиляра. Надеюсь приехать к Вам хоть на денька два, три, чтобы хоть видеть моих старых друзей, хоть сквозь щель, на минуточку, и пожимать им руку по-старому.

Искренне преданный Вам *М. Антокольский.*

С Новым годом.

Архив Поленовых.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 9 января 1897 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич, обращаюсь к Вам за советом и помощью. Вот какое дело: недавно у меня был книгопродавец и издатель здешний московский, некто Ступин. Он видел здесь на выставке в прошлом году мои сказки, заинтересовался ими и хотел купить у меня право издания. Он до сих пор издавал черным способом, т. е. давал резать на дереве рисунки, которые заказывал разным художникам. То же самое он хотел сделать и с моими сказками, так как находил их слишком сложными для издания красками, боясь, что выйдет дорого и плохо. Я же нахожу, что, уничтожив краски, это слишком существенно их изменит к худшему. Я ответила, что не желала бы изменять ту форму, в которой они первоначально сделаны. Тогда он предложил мне сделать новую серию иллюстраций сказок и даже издавать в красках, если я желаю, но делать их менее сложными и более приспособленными к изданию. Он сказал также, что самое было бы лучшее, если бы и текст был мой. Художественная сторона заказа мне очень нравится, но тут является сторона литературная, а я человек малограмотный, тут вот без Вашей помощи я ничего не могу сделать.— Надо Вам сказать, что когда я иллюстрировала впервые сказки, я записала со слов народа несколько текстов,

и у меня есть такие, которые тогда не пошли в ход, и я могла бы иллюстрировать их теперь.— Но тут я могу очень сплоховать. Во-первых, совсем не знаю, насколько я сумела передать прелесть народного рассказа, так как всегда приходится их несколько изменять для детского чтения, во-вторых, в наше время очень трудно поручиться, что народ, даже неграмотный, будет рассказывать свое, а не то, что слышал в чтении какого-нибудь грамотного члена семьи. Тут могут попасться не только сказки, заимствованные из сборников уже изданных, это бы еще не беда, особенно если в пересказе будут интересные варианты, но могут легко попасться современные, выдуманные сказки, совсем не народные. Это было бы вовсе неприятно, а я мало компетентна в этом деле.— Если Вы позволите, я бы сделала так: прислала Вам первую пробную тетрадь с текстом и рисунками, как только ее сделаю, а Вы тогда без всякого стеснения скажите мне Ваше мнение, а еще лучше поправьте и переделайте, что найдете нужным. При такой редакции я могу взяться за заказ, без этого боюсь, что не слажу. Только прошу Вас об одном: скажите мне совсем откровенно, не затруднит ли это Вас чересчур, если Вы теперь очень заняты — я обожду. Не думаю, чтобы для Вас это составило работу очень сложную, но все-таки это возьмет время.

Если я обращаюсь к Вам с этой просьбой, Владимир Васильевич, то это потому, что мною руководит мысль, что это дело большой важности, я не знаю ни одного детского издания, где бы иллюстрации передавали поэзию и аромат древнерусского склада, и русские дети растут на поэзии английских и немецких чудно иллюстрированных сказок.

На этих днях думаю начать эскизы для этого издания[27].

Буду ждать Вашего письма и откровенно выраженного взгляда на это дело.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 10 января [18]97 г.*

Дорогая Елена Дмитриевна, Вы спрашиваете у меня совета — дам Вам их не один, а целых два. Предметов в Вашем деле — два, значит и советов должно быть два.

Горжусь, что могу что-то Вам посоветовать. Вы варите пиво со Ступиным — это меня сильно радует, и я искренне восхищен, что Ваши оригинальные и чудные иллюстрации к сказкам пойдут наконец в ход. Пора давно пора! И при этом меня всего более радует, что Вы настояли на том, чтобы Ваши «Сказки» появились в красках. Это отлично, это очень важно.

Без красок они потеряли бы большой процент красоты, талантливости и значительности. Я крепко надеюсь, что Вы поэтому уже не единой черточки не сдадите и твердо будете стоять на красках, непременно на красках. Но вот тут-то и проявляется мой первый совет.

Раньше чем порешить со Ступиным, я посоветовал бы Вам произвести переговоры об этом издании с Ильиным в Петербурге. Вы, конечно, припомните, что, с Вашего позволения, я уже с ним говорил об этом издании года полтора или два тому назад, и Ильин был не прочь от издания, только надо, дескать, поговорить об условиях. Вот теперь, может быть, и было бы кстати снова поговорить с ним. Могу сделать это я, а не то — и это еще лучше — m-me Бём, которая так любит и почти боготворит Ваши «Сказки» и, конечно, будет рада поместить тут свою ноту. Только в таком случае, если Вы согласитесь со мною, мне или m-me Бём надо было бы знать Ваши условия издания, чтобы передать их Ильину.

Что же касается до второго вопроса, т. е. вопроса о «тексте» сказок, то, пожалуйста, возьмите да пришлите мне его, не откладывая! Я тотчас его просмотрю, и что сам знаю и соображу — напишу, а если чего не знаю, о том спрошу каких-нибудь особенных док. Итак, сударыня, теперь все в Ваших собственных руках. Буду ждать Вашего решения!

Ваш всегда *В. С.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 16 января 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, большое Вам спасибо за Вашу милую готовность помочь мне в деле издания моих сказок. Помню, что Вы говорили мне об Ильине и буду рада, если он согласится издать первую серию моих сказок, но это не помешает мне согласиться взять у Ступина совсем новый заказ. Впрочем, теперь со Ступиным я не буду.

На днях я поеду в деревню, там надеюсь достать кое-какой материал для новой серии; как только вернусь и приведу его немного в порядок, так немедленно вышлю Вам все с подлежащими пояснениями. Покуда до свидания, еще раз спасибо и Вам и Елизавете Меркурьевне.

Е. Поленова.

* *Москва. 7 февраля 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, благодарю очень за «Ге»[28]— прочла с огромным интересом. Хорошо помню появление его

картины «Тайная вечеря», хотя я была тогда не очень крупным человеком — мне было двенадцать лет.

В самом деле, какая тогда была всюду разгоряченность, какое у всех приподнятое состояние духа. Очень живо и жизненно передалась эта характерная черта в Вашем очерке..

Сегодня послала Вам сказки, три штуки. Если Ильин захочет купить у меня право издания, буду рада. Эти три вещи сделаны на тексты мои, отличные от афанасьевских и записанные мною с натуры, так сказать, поэтому печатать их можно, а еще у меня две — «Белая уточка» и «Иванушка дурачок», там текст из Афанасьева взят — поэтому могут, пожалуй, выйти неприятности с собственностью его сказок. Думаю, что если издать эти три в одном томике, то и достаточно, тем более что над теми пришлось бы еще порядочно поработать. Свои условия я пишу отдельно. Покуда до свидания.

Искренне уважающая Вас *Е. Поленова.*

Издать эти три сказки я бы хотела:

1) Все три в одной книжке на тонком картоне, так чтобы все три составили толщину теперешней одной книжки.
2) Издать в красках и вообще, как можно ближе к их рукописному виду. т. е. с бордюром и шрифтом, как в рукописи.
3) Каждую картинку ценю в двадцать пять р[ублей], т. е. сказку в сто рублей.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 14 февраля [18]97 г.*

Глубокоуважаемая и многодорогая Елена Дмитриевна, получил на днях Ваши три сказки и новый раз ими любовался, просто напропалую!! Что за художество, что за красота и что за оригинальное творчество! Что касается практического распорядка с ними, то за него с симпатией и великой охотой взялась Ел[изавета] Мерк[урьевна] Бём, которая как раз сидела у меня в Библиотеке в ту минуту, когда распаковали и принесли мне эти сказки. Ведь она тоже великая Ваша поклонница и даже первая познакомила меня с великим восторгом с этими Вашими маленькими чудесами. Ей тем более следовало заняться теперь устройством этого дела, что она приходится Ильиным родственницей и что они крепко ее любят и уважают. Но она говорит, что надо немного подождать: у Ильиных сильно и опасно болен маленький сынок, и

теперь никаких деловых разговоров не может тут быть. Итак, подождем немного!..

Ваш всегда *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 27 апреля 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, пользуюсь Вашим разрешением прислать Вам на просмотр и на суд начало моего нового издания сказок, сделанного по заказу Ступина. Мне очень важно знать, как Вы найдете мои иллюстрации, а также и текст, написанный мною со слов или вовсе неграмотных или малограмотных людей и немного мною переделанный, так как издание предназначается для детского чтения.

Вам, конечно, говорила Ел[изавета] Мерк[урьевна] Бём о потерпленном нами поражении у петербургских издателей. Покуда я еще подожду, а там, пожалуй, придется сдаться и согласиться на условия Ступина издать первую серию моих сказок черным способом.

Прошу Вас очень совсем откровенно сделать мне замечания Ваши, рисунки, которые приложены в этой тетради,— черновые наброски и я буду их вырабатывать, поэтому очень бы хотелось знать Ваше мнение. Благодарю Вас от души за присланные Вами мне статьи, всегда прочитываю их с огромным наслаждением и, несомненно, с пользою. До свидания.

Искренне и глубоко Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 15 мая [18]97 г.*

Нет, дорогая Елена Дмитриевна, я никуда не уехал, да и не собираюсь куда бы то ни было ехать нынче летом, напротив, собираюсь жить в Парголове (по крайней мере последние дни недели) и в это время побольше наработать в одной очень большой вещи, которую задумал более тридцати лет тому назад и которая, если состоится, будет, я надеюсь, главным творением всей моей жизни. Поэтому повелевайте мне все что пожелаете, располагайте мной как Вам угодно — если Вам это понадобится, а я готов и рад Вам служить. Если же дело идет теперь о Ваших иллюстрированных сказках и присказках, то я Вам не писал о них так

долго потому, что все ими любовались, да желал, чтобы ими тоже насладились и сказали мне свое мнение о них. Это именно — люди, которые, вроде как и я сам, Вас крепко любят и уважают, как Вас самих лично, так и Ваш чудесный оригинальный талант и Ваши творения. Значит, не извольте, сударыня, слишком строго и сурово взыскивать с меня за промедление.

Теперь поговорим о Ваших иллюстрациях — новых. Я считаю, что [....] сказок принадлежит к лучшему, что Вы только сделали, если не считать, что это просто самое лучшее. Мне кажется, Вы тут сильно возмужали — относительно человеческих фигур и рисунка, которые у Вас прежде иногда хромали. Что же касается архитектуры и пейзажа, то они всегда были у Вас архипревосходны, и совершенствоваться тут — Вам уже нечего!! Вы тут уже всегда представляете верх совершенства, самостоятельности и своеобразности.— Что за chef d'oeuvre «ворота» в сказке «Как кот лису перехитрил» и «богатый дом» в сказке «Плутоватый мужик»! И формы, и узоры, и краски везде здесь несравненны и изумительны. Какой чудный пейзаж с русским древним городом в фоне для сказки «Сорока-ворона», а также для 1-й картинки сказки «Отчего медведь стал куцый». Пейзажи эти такое же совершенство, как пейзажи в самой первой Вашей сказке: «Война грибов», к которой я по сию пору не могу привыкнуть и которую вот и теперь, через несколько лет, рассматриваю с восхищением и радостью, точно в самый первый день! Как чудесны оба мужика (в сказке «Красный и рыжий»), мужик с поклоном свинье в сказке «Плутоватый мужик» и молодой крестьянин, спускающийся с неба в сказке «Отчего медведь стал куцый» (какой чудесный узор у него на штанах!), и т. д. и т. д. Но я укажу также и некоторые слабые стороны и недочеты: вообще их больше в последней картинке, где медведь нарисован очень худо, особливо его правая лапа, которая скорее похожа на круглый валёк, чем на звериную лапу. На этой же картинке никак нельзя разобрать «гнездо» в болоте; даже просто невозможно понять, что тут такое на земле! Худо и даже очень худо сделаны «облака» в картинке, где молодой парень спускается по веревке с неба. «Лапоть» в картинке «Кот лису перехитрил» придуман и сочинен — прекрасно, но если не растолковать зрителю, он никогда не разберет, что тут такое нарисовано, лапоть или что другое? Нет ни рельефа, ни планов и потому получается в результате изрядная путаница! А Вам, конечно, при Вашем мастерстве было бы так легко избежать этой путаницы!

Теперь скажу Вам («со страхом божьим» и ужасно боясь Вас рассердить и привести в негодование) — скажу Вам пару слов про всю систему иллюстраций. Если эта система «упрощения» красок — действительно соответствует Вашей природе и вкусам, то пускай так и будет, и тогда Вы правы, и никаких перемен делано быть не должно. Но если Вы тут только следуете чужим примерам, а именно английских иллю-

страторов, покойного Федора Соллогуба, а отчасти и Репина (в его иллюстрациях для народа и детей), то я тогда Вас не одобряю и нахожу эту систему — притворною, искусственною и условною. К чему употреблять пять, шесть красок, когда можно и должно употреблять их, в нынешнее время, втрое и вчетверо больше?! Что за ненужная экономия средств, что за подделка под народную неумелость и скудость?! Это то же самое, как если бы Пушкин, Лермонтов и другие писатели вздумали общипывать русский [язык] и оставлять в стороне все его нынешние ресурсы и средства, воображая быть очень национальными! Посмотрите Пушкина в его русских «Сказках» (о царе Салтане, о золотой рыбке и т. д.), Лермонтова (в его сказке «Сказка о купце Калашникове»), Льва Толстого в его разных сказках и рассказах народных («Власть тьмы» и т. д.)— и везде Вы увидите не бедность и не сокращение средств, а все богатство их при всей народности. Я думаю, художники должны держаться того же самого.

Впрочем, повторяю, если Вы действуете по убеждению, а не по моде и подражанию, то Вы совершенно в своем праве, и — да будет так, как Вам самим хочется и как Вам самим нужно!! Вот я никогда ровно ничего не требую и не осмеливаюсь взыскивать с Е. М. Бём, хотя нахожу совершенно фальшивой ее систему все на свете изображать вечно только посредством маленьких детей! По-моему, это очень худо и даже нелепо, но если ее натура, вкус и талант того требуют,— я с охотой и почтением преклоняюсь и с любовью слежу за ее грациозными и талантливыми творениями.

В заключение еще раз повторяю: в том роде, в котором представлены Вами иллюстрации, Вы наделали нынче просто прелести.

Что касается «текста», то я нахожу, что он прекрасен и во многом оригинален, но вот две мои заметки:

1) не стоило брать первую присказку: «Красный и рыжий». Тут ровно ничего нет — пустяк какой-то! Этот ничтожный [текст] вовсе не стоил той прелестной картинки, которую Вы тут сделали.

2) Язык везде очень хорошо, но иногда встречаются выражения немного «нынешние», «ординарные», вовсе не сказочного склада! Я их все главные отметил карандашом, и, если угодно, подробно выпишу Вам на особом листе.

В заключение, умоляю Вас не уступать ни за что ни Сытину, ни какому бы то ни было издателю и издавать Ваши сказки непременно в красках. Без них Ваши чудные композиции потеряют, много потеряют своей красоты и оригинальности.— Посылать мне Вам «сказки» тотчас же, или подождать оказии? Как прикажете, так и сделаю.

Ваш всегда *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Тамбов. 19 мая 1897 г.*

..Письмо Ваше я получила за несколько часов до моего отъезда в Тамбов, куда мне необходимо было съездить на некоторое время по делам, поэтому и пишу Вам из Тамбова.

Уж не знаю, сумею ли я подыскать подходящие выражения, чтобы сказать Вам, как я сильно и много Вам благодарна за высказанные Вами мысли по отношению к моему изданию. Замечаниями Вашими касательно текста, неудачных в нем выражений, плохого рисунка, неясностей и других оплошностей я, конечно, воспользуюсь и постараюсь их исправить, насколько хватит сил. Что же касается формы исполнения, т. е. того, что я ограничивала себя известной рамкой, известным условным приемом, и именно таким, какой лет пятнадцать, двадцать тому назад был распространен у англичан для детских изданий, то в данном случае этот прием был для меня обязательным, так как только при таком исполнении заказчик соглашался издавать мои рисунки в красках. Стало быть, у меня не было выбора. Но, конечно, я могла совсем отказаться от работы, раз условия были мне не симпатичны; я так и сделала, когда издатель предложил мне иллюстрировать какой-то рассказ из современной детской жизни буржуазной среды. Я тогда, не задумываясь, отказалась, потому что эта задача мне совсем была не интересна. А в этом случае вышло наоборот, хотя форма эта выработана англичанами, она мне ужасно нравится, и я очень сожалею, что она у них выходит из употребления и что за последнее время их детские иллюстрации получали совсем другой характер, и мне лично теперешний гораздо меньше нравится, чем тогдашний, напр[имер] иллюстрации Walter Crane [Вальтера Крэна] к сказкам. Я думаю, что способ издания может не мешать носить национальный характер. Полагаю, что дело не в способе, ведь ни гравюру, ни офорт, ни хромолитографию выдумали не мы, но во всех этих способах композиция может быть или не быть русскою национальною в зависимости от того, чувствовал ли художник русскую жизнь и ее характерные черты. Вот, как я смотрю на дело.

Кто правее из нас?— Не знаю..

Теперь буду Вас просить сделать следующее: отошлите, пожалуйста, эту папку со сказками в Мариинский институт на имя Татьяны Андреевны Луговской. Эта молодая особа — большой мой приятель, она перешлет мне тетрадь при первом случае, который скоро представится, так как моя невестка поедет в Москву 25-го или 26-го мая. Если же почему-нибудь к этому сроку Вам неудобно будет их послать, то это не важно, потому что мой брат Алексей Дмитриевич будет в конце мая в Петербурге и она отдаст папку ему.

*** Тамбов. 30 июня 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, посылаю Вам еще один (последний) текст и к нему черновые наброски иллюстраций. Полученные от Вас тексты я исправила согласно Вашим указаниям. Теперь принялась за исправление рисунков. За этот текст я немножко побаиваюсь, потому что мне его рассказывал грамотный мальчик, хотя в довольно глухой деревне, говорил, что слышал его от старика неграмотного. У Афанасьева есть этот же мотив, но там центральной фигурой является журавль. Благодарю очень за Ге. Как интересно его сближение с Л. Н. Как рельефно охарактеризован тут Толстой — прелесть.

Покуда до свидания. Очень, очень большое Вам спасибо за помощь в моем издании.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Петербург. 2 июля 1897 г.*

Вы меня привели в восхищение, дорогая Елена Дмитриевна, и Вашим текстом сказки, и Вашими рисунками к ней. В тексте (который и прежде был не дурен, в прежних сказках) Вы сделали большие успехи. Что значит быть талантливой, истинно талантливой натурой: Вам посторонний человек, например, я, покажет какие-нибудь недостатки (нам со стороны виднее, чем самому автору), а уж Вы тотчас шагнете вперед, vorwärts [вперед]! и марш! Вам покажешь на полмизинца, а Вы махнете на полсажени! Как хорошо с такими натурами иметь дело! Какая радость! Какое, иной раз, даже счастье! Начну сначала про тексты. Ваша натура направлена ко всему национальному, так глубоко, так искренне, так верно и метко, что у нас еще подобного не видано и не слыхано между женщинами, да, вероятно, не скоро будет услыхано в другой раз! Мало того: я думаю, что и между мужчинами — это редкость и исключение изрядное (про литературу я, конечно, не говорю: там Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Островский, Толстой — каких великих дел наделали по части «национальности». Ну, да уж то колоссы!) Ваш нынешний текст сильно, сильно меня порадовал: насколько Вы теперь вернее и более метко по-русски везде выражаетесь. Просто прелесть! Надеюсь, что авось вперед сделаете и еще успехи, если будете так наблюдать, взвешивать и талантливо решать.

Конечно, у Вас далеко не везде поставлены знаки препинания: пропущена пропасть запятых и тому подобное — ну, да это мелкий вздор

и пустяки, и я везде все это проставил. Но самый текст так хорош, так верен и так сжат (великое достоинство!), что мне нечего замечания делать. Лишь в виде исключений, и то очень редких и маленьких, укажу Вам следующие недочеты, предоставляя Вам самим решить, дело ли я говорю и надо ли Вам принимать или нет эти мои поправки:

1) Заглавие. Зачем: «Выкуп?» Не лучше ли просто: «Жар-птица и Иванушка дурачок»?

2) Стран[ица] 2: «только, чувствует, голод одолевает..» Это по-французски или по-немецки и книжно. Не лучше ли: «стало ему голодно»... или что другое подобное?

3) На той же странице: «А вчера опять... яблоко стащила». На этой же странице уже было сказано про бабушку, что она «стащила»,— значит, лучше бы, кажется, не повторять одно и то же слово так часто, а поставить другой глагол: «украл», или какой другой («схватил», «унес»).

4) Стран[ица] 5. «Думает удивить всех вкусными кушаньями...» Не народно.

5) Там же: «Чувствует Иван, что проголодался...» Не народно.

6) Стр[аница] 6: «Развязал коробок, и говорит...» Не лучше ли: «сам говорит...»

7) Там же: «Поставила чашку вина...» Не лучше ли: «ковш вина...»

8) Там же: «... коробок, из которого он, сколько хочет, столько может золота высыпать...» Не лучше ли: «из которого сколько захочет золота высыплет».

9) Стран[ица] 8. «...сказал отцу, чтобы гостей созвал...» Не лучше ли: «чтобы гостей сзывал..»

Что касается рисунков, то оба — прелесть!! Оригинальны, красивы, новы, верны. И Вас поздравляю. Замечания только следующие:

1) Дерево точно сухое и без листьев, а между тем листья нарисованы, да только так темно, что точно их нет. Надо бы хоть капельку их повиднее.

2) Яблоки нарисованы вовсе не золотые.

3) Коленки и вообще ракурс ног сидящего на земле Иванушки, мне кажется, не совсем верно нарисованы.

4) В другой картинке бабушка удивляется точно не столу и кушанью, а чему-то другому и в сторону смотрит. Иван — тоже.

5) Фон их избы — превосходный, по сочинению, но не представляет заднего плана, а словно тот же передний.

Но вообще — все чудесно! Vivat Вам!!

В. С.

В следующем письме позвольте Вам предложить один сюжет. Я жаждал бы от Вас сто, двести картинок, а не две и не пять-шесть. Только сочиняйте, не откладывайте — а издадутся, когда возможно будет!! Позвольте еще несколько дней подержать и картинки и тексты, хочу

показать кое-кому. После 15 августа думаю ехать в Ясную Поляну, к Л. Толстому, зовет. Застану ли Вас в Москве?

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 5 июля 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич, пожалуйста держите эту сказку и картинки сколько Вам вздумается, мне она теперь совсем еще не нужна, много дела с теми, которые теперь принялась вырабатывать. Для меня большая радость, что Вы остались довольны этой работой. Большое Вам спасибо за сочувственные слова, еще большее за поправки и замечания. Дельной и веской критики мне очень здесь не хватает.

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 23 сентября [18]97 г.*

Глубоко и высоко уважаемая Елена Дмитриевна, посылаю Вам (под бандеролью) напечатанную сегодня в «Новостях» мою статью против этого подлого писателя «Нового времени» (и родственника Суворина) — художника Кравченки[29]. Пожалуйста, прочитайте и дайте прочитать Вашему брату Василию Дмитриевичу, которого адреса не знаю. Но если можно, пожалуйста, дайте ее прочитать также и главнейшим Вашим московским художникам. Авось и им будет небезынтересно. Но что-то Вы сами поделываете? Напишите мне, пожалуйста. Вы знаете, как все, касающееся Вас и Вашего творчества, мне важно и глубоко интересно. Напишите же, пожалуйста, обо всем этом побольше: не только Ваши работы в настоящую минуту, но и темы и замыслы на будущее.— Я так и не поехал все лето в Ясную Поляну, несмотря на все напоминания и лестные приглашения Льва Великого, так и его графини и графинюшек. Не мог. Писал. Теперь же думаю попасть в Москву в ноябре: и Толстого повидать хочется, да и две дорогие для меня русские оперы, которые будут давать у Вас зимой. Если мой приезд осуществится в самом деле,— мне не нужно уверять Вас, что в первое утро я буду непременно у Вас. И повидаться, и посмотреть! А покуда, прощайте, моя дорогая.

Ваш всегда искренне преданный и глубоко уважающий

В. Стасов.

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 5 октября 1897 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, Коровин показал мне твое письмо — оно тронуло меня. Ты не хочешь давать своего творения другим, а со мной будешь делить охотно. Газеты, как это часто бывает, наврали. Частная опера воскресла, и дело по-прежнему в моих руках, но с той разницей, что в общем составе есть новое, живое и даже талантливое (даже страшно говорить это!): я мечтаю дать «Орфея» Глюка и *хорошо* дать. Сам Орфей уже готов, и я на него возлагаю большие надежды. Обращаюсь к твоей отзывчивой, художественной душе. Сочини декорации в строгом классическом стиле. Мне думается, что их надо сделать в совершенно светлых, условных тонах, в особенности рай (т. е. Елисейские поля). Коровин будет писать их.

Опера начала свой сезон, но не в театре Солодовникова, который еще не готов и не удовлетворяет требуемым полицией условиям. Пока он будет приведен в порядок, опера приютилась в театре Эрмитаж. Сегодня идет в первый раз «Богема». 14 октября идет в первый раз «Хованщина» Мусоргского, а в последних числах октября должен идти «Орфей».— Это должно быть художественное *торжество наше*. Костюмы, сделанные для Афродиты, целы и в полном порядке.

Я более чем когда-либо настроен высоко держать наше художественное знамя и не допускаю и мысли, чтобы ты отказался поддержать меня. Жду твоего ответа и крепко жму твою руку.

Твой *С. Мамонтов.*

[Москва] 19 окт[ября] 1897 г.

Дорогой мой Василий Дмитриевич. Спасибо тебе большое за твой отклик — я иначе о тебе никогда и не думал. Прожили мы много, всегда искренно любили искусство, не меняться же под старость.

Если мы сделаем «Орфея» с любовью и с толком, то это будет в некотором роде урок эстетики. Я счастлив, что у нас есть возможность сделать нечто подобное. А публика пусть поступает, как хочет. Я совершенно буду удовлетворен, если мы сами будем довольны. И так вот в чем задача:

1-й акт. Вот что гласит либретто:

«Красивая, уединенная роща из лавров и кипарисов. На небольшой площадке, окруженной деревьями,— гробница Эвридики». Гробница — красивый греческий саркофаг, кругом одна ступень, на которой лежит Орфей.

2-я карт[ина]. Ад. Этот акт Коровин уже пишет. Мы его сочинили вместе довольно интересно.

3-я карт[ина]. «Красивая местность в Елисейских полях»..

Это должно быть, как мне думается, очень *светлая* картина и вообще несколько условная. Надо, чтобы зритель чувствовал себя в стране блаженных духов. Чудесная задача, и никто лучше тебя не разрешит ее. Сцена эта никаких особых условий не требует, словом,— духи танцуют и гуляют в прелестной местности.

4-я карт[ина]. «Мрачное ущелье, прорезанное в разных направлениях запутанными тропинками и окруженное нависшими скалами». Я полагаю, что эти запутанные тропинки лишние. Надо впечатлительное ущелье (вроде Бёклина), и чтобы они сходили с пригорка.

5-я карт[ина]. «Великолепный храм, посвященный Амуру».

Я бы не делал особой декорации, а прямо спустил бы сразу посреди сцены отдельный храм и больше ничего. Это не интересное действие, ничего не имеющее интересного по музыке, а по сцене и подавно. К тому же оно до наивности кратко, как апофеоз.

Посылаю тебе особо печатное либретто. Оно довольно уморительно по своим стихам. Коровину я передавал, что ты не прочь был бы и сам помазать,— он, конечно, в восторге. Вообще он сейчас в хорошем, очень художественном настроении.

Костюмы «Афродиты» все целы и пойдут в дело. Придется делать пастухов для мужского хора.

Я от этого спектакля ожидаю много прелести. С нетерпением буду ожидать от тебя вестей, а пока крепко, крепко жму руку.

Твой всегда *С. Мамонтов.*

[Москва] 9 ноября 1897 г.

Дорогой мой Василий Дмитриевич! Эскизы декорации «Орфея» я получил и тотчас передал их Косте Коровину. Конечно, они превосходны и дадут чудесное благородство спектаклю. Коровин принялся за исполнение, твои указания я ему передал. «Орфей» уже репетируется и, вероятно, около 22 числа этого месяца будет первое представление. Я буду сам вести репетиции до мельчайших подробностей и верю в успех, т. е. спектакль не уступит «Афродите». Этим я бы думал преподать московской публике урок эстетики.

Коровин просит передать тебе, что он был бы очень счастлив, если бы ты хотя немного поруководил его работой,— от твоих эскизов он так же, как и я, в восторге. Приезжай, пожалуйста, не засиживайся очень в деревне. А ведь мы тебя искренно любим,— ты это должен знать. Жду словечка, а еще более тебя самого.

Твой *С. Мамонтов.*

[Москва] 24 ноября 1897 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, первое представление «Орфея» будет в воскресенье 30 ноября в пользу вспомогательного фонда Общества любителей художеств. Предположено публиковать, что постановка под руководством членов Общества В. Д. Поленова и С. И. Мамонтова. Декорации я видел третьего дня на репетиции — они превосходны. Костюмы тоже выходят хороши. Идет опера недурно, красиво и гладко. Фигуры Орфея и Эвридики очень изящны, но Амур пока по виду не выходит, надо подумать над костюмом. В субботу вечером окончательная генеральная репетиция, а до тех пор будут репетировать по утрам. Когда ты можешь приехать?

Я сделаю все, что возможно, чтобы спектакль вышел действительно художественно, но, конечно, было очень важно, чтобы ты прошел с твоей стороны критикой.

Всегда твой *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Москва] 30 ноября 1897 г.

Вчера была генеральная репетиция «Орфея». Вокальная сторона слаба. Я советовал Савве еще репетиции две сделать и получил на это умный ответ, что это ему слишком большой убыток принесет. Вообще в бочку меду попало, несмотря на все мои старания, довольно-таки дегтю. Теперь девять часов вечера, я все, что мог, сделал, загримировал, задрапировал Орфея, Эвридику, подрезал крылья Амуру, устроил гробницу, уложил Орфея и ушел, чтобы не присутствовать при провале людей, а может быть, и вещи. А ведь можно было бы сделать недурно. Эта сторона дела возмутительна с Саввой. Нет терпения довести до конца. Рожанский объясняет спетость и живой ensemble «Богемы» тем, что Савва Иванович был за границей, а теперь опера идет с тремя репетициями и с «Орфеем», взятым чуть что не прямо от сохи.

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 4 декабря 1897 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, сейчас прочел твое письмо и от всей души иду навстречу высказанному тобою намерению.

То, что мы с тобой прожили и перечувствовали в жизни, в радостях искусства, ни изгладить, ни повторить, ни забыть нельзя. Это есть тот светоч, который делал нас нередко счастливыми. Теперь наше дело, не взирая на тупое хрюканье грубой, бессмысленно злой толпы, давать молодежи все, что мы можем, и вести их по той тропинке, где нам в жизни было хорошо. Большей радости мы уже (по крайней мере я наверное) не найдем в жизни.

«Орфей» так, как он вышел, приводит меня в искреннее художественное умиление — это есть нечто, сказанное на чистом, искреннем и красивом языке, и пусть вся молодежь с умилением (а молодежь на это способна) поучается красоте, как мы с тобой, два опытных в деле драбанта, ее и понимаем. Это, я думаю, есть наш лучший подарок молодежи. Я полагал бы назначать «Орфея» по утрам в воскресенье и посылать билеты в большом количестве учащейся молодежи. Этим путем мы можем заронить искру божию в юные души. Во всяком случае «Орфея» я с репертуара не сниму и во что бы то ни стало буду навязывать его публике, и буду делать это с сознанием, что делаю чистое благородное дело.

Первый раз «Орфей» прошел очень хорошо, и вся (конечно тонко образованная) публика была поражена художественностью спектакля. Вчера его повторили, и он, говорят, шел еще глаже и цельнее. «Орфей» идет опять во вторник.

Если ты захочешь тронуть что-нибудь в декорациях, скажи, когда, и все к твоим услугам. О моей благодарности я не говорю. Ты хорошо понимаешь, что она весьма искренна.

Твой *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Париж. 2/14 ноября 1897 г.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.. летом я была серьезно больна и долго после не могла поправиться. Доктор посоветовал мне ехать на юг и поесть винограду. Я отправилась было на юг Франции, но там в октябре завернули холода. Тогда я воспользовалась свободным временем, работа была мне запрещена, да и сама я чувствовала, что не в состоянии чем-нибудь заниматься, и проехала в Испанию[30]. Это мне казалось, во-первых, крайне интересно, а во-вторых, несомненно полезным для здоровья. Так как я ехала туда без определенного плана, с целью пожить, где сколько поживется, то письма я просила пересылать в Париж. Проездила я около пяти недель и теперь возвратилась в Париж, где думаю остаться некоторое время и, если позволит здоровье, то и по-

пробую здесь поработать. Мои ожидания меня не обманули. Южное солнце и чудный виноград в Малаге и Гренаде сделали свое дело, я теперь гораздо лучше себя чувствую. Еще немного слаба голова, скоро устаю не только от работы, но даже от смотрения, но и это, наверное, пройдет теперь, когда удалось отстранить те симптомы, т. е. малокровие и страдания желудка, которые причиняли это неприятное состояние головы. Что буду делать, когда примусь за работу, еще сама не отдаю себе отчета. Вот все, что могу сказать про себя. Жаль, что не увижусь с Вами в Москве, но не думаю, чтобы я в ноябре туда попала, разве вызовут туда по делам.

Пушкинский дом.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 13/25 ноября 1897 г.*

Дорогая Наташа, получила ли ты мои письма из Испании и из Парижа? Напиши мне, пожалуйста, что у вас делается. Все ли здоровы?— Давно ничего не знаю из России. Я теперь устроилась 130, rue d'Assas [улица Ассас]. Мне кажется, буду довольна. Кроме того, я взяла мастерскую на три месяца. Меньше здесь не отдают и, если не будет необходимости ехать в Россию, то поработаю здесь. Чувствую себя хорошо и помаленьку начинаю работать. Туман головы совсем прошел, появился интерес к работе и мысли стали приходить, а то все было тошно и физически и умственно. Ужасно было гадко, теперь так рада, что это состояние прошло почти совсем, только изредка, через большие промежутки оно возвращается, впрочем, в слабой степени и ненадолго..

* *Париж. Ноябрь 1897 г.*

..Мастерская мне очень нравится, она довольно большая, очень светлая, во втором, так что не чересчур высоко, отдается на три месяца и стоит пятьдесят франков в месяц, т. е. восемнадцать р[ублей] пятьдесят к[опеек]. Все это сильно соблазняет меня оставить ее за собой на год, если в течение этих трех месяцев не объявится какого-нибудь существенного в ней неудобства. Оставить ее за собой так, чтобы часть года жить здесь, а другую часть в Москве, это было бы очень удобно..

На днях у Duval'я [Дюваля][31] меня отыскал Щербиновский.. Это очень трогательно, конечно, но еще более удивительно, что в таком большом городе, как Париж, нельзя спрятаться!..

Архив Поленовых.

* *Париж. 25 ноября/7 декабря 1897 г.*

..Я здесь ни у кого не была, случайно в ресторане встретила Аполлинария Васнецова, больше никого из русских знакомых не видала. Много время и сил затратила на устройство. Этот раз как-то труднее было. Теперь с удовольствием повидала бы кое-кого, конечно, больше других Машу. Если можешь, сообщи ее адрес..

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 19 декабря [18]97 г.*

Многоуважаемая, дорогая Елена Дмитриевна, Вы мне крайне нужны (для писем и статей моих), а я не знаю, где Вы, и потому пишу только несколько строчек сегодня, чтобы узнать Ваше местопребывание. Может быть, это письмо мое пропадет, в случае Вашего отъезда — что же делать, пускай: оттого-то я пишу только одну страничку. А мне так хотелось бы поговорить с Вами о многом (в том числе о здешних художественно-женских приготовлениях к Парижской всемирной выставке 1900-го года), так хотелось бы послать Вам несколько последних статей моих против Репина (я был им к тому вынужден), против также перебежчиков — передвижников, против декадентов и т. д.— так хотелось бы, так нужно было бы!! И потому развяжите мне руки — напишите поскорее, где Вы и куда Вам писать?

Ваш поклонник *В. С.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Париж. 26 декабря 1897 г. /7 января 1898 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Письмо Ваше от 19 дек[абря] я получила исправно. В настоящее время я еще в Париже и думаю остаться до половины февраля (нашего) здесь, если меня только не выпишут в Россию раньше этого срока. Работаю, но мало, плохо поправляюсь, все нездоровится, и это крайне меня раздражает — так многое хотелось бы сделать. Сильный толчок мыслям дает все виденное здесь, а руки не слушаются.— Временами, когда крепче себя чувствую,— то с энергией принимаюсь за дело, но, к сожалению, это бывает не часто,

и длится недолго. Итак, до свидания, недель пять или шесть еще думаю пробыть здесь..

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 3/15 мая 1898 г.*

..Все это время провожу с Машей. Она бодра и сравнительно хорошо переносит свое положение. Только ей очень хочется ехать в Россию, а вместе с тем она чувствует, что это было бы неразумно. Не знаю, как она решит этот вопрос. Теперь она работает, только немного и очень много шьет для своего будущего детеныша.

С тех пор, как открыты Салоны, я почти все время там и работаю сама мало. Но все-таки работаю[32]. Впрочем, смотреть и вдохновляться — это тоже стоит многого..

Архив Поленовых.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

* *Петербург. 14 мая* [*18*]*98 г.*

Дорогая Елена Дмитриевна, сегодня утром получил письмо от Вашего брата, Василия Дмитриевича, что Вы только что приехали. Радуюсь! Но вообразите, а я ведь послезавтра, суббота 16 мая, уезжаю в Париж и Германию на два месяца, до половины июля..

А мы как Вас тут вспоминали, как ждали — особенно я!! В январе я ездил в Москву, был у Льва Толстого, но Вас — увы, мне недоставало!— У нас тут затеваются большие дела. С октября начинается большой художественный журнал, под редакцией Собко[33]. Он на днях Вам все напишет.

Васнецов тоже участвует и обещал давать туда, что мы у него ни попросим из его вещей, и сильно на Вас указывал, как на сотрудницу, а мы и так всей душой на Вас рассчитывали. Очень много будет там печататься в красках, и, надеюсь, отлично — нарочно выписывают отличного хромолитографа из Парижа: Бри, значит, если Вы захотите, то можете дать туда множество чудных Ваших вещей, в том числе Ваши прелестные мебели в красках (русскую дверь, шкапчики, что хотите), не говоря уже о «сказках»— по частям, или листочкам: это уже само собою разумеется! Как я был бы рад, если бы все это осуществилось! Но с октября же начнется еще другой художественный журнал, но декадентский,

под редакцией Дягилева и на деньги Саввы Мамонтова и княгини Тенишевой[34]. Как я боюсь, что мне придется провести чуть не всю зиму в сражениях и боях с этими декадентами! А пока прощайте.

Ваш всегда *В. Стасов.*

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

** Москва. 22 мая 1898 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. На днях я получила Ваше письмо и письмо Н. П. Собко, мне очень грустно, что на этот раз мне приходится отказать Вам, но дело в том, что сотрудничать в журнале Общества поощрения художеств я не могу. Все мои рисунки, на которые Вы указываете, уже обещаны в другие издания, т. к., например, рисунки для абрамцевской мебели и для вышивок во время моего пребывания в Париже я отдала в один английский иллюстрированный журнал, а мое сотрудничество, тоже в Париже, я обещала Дягилеву, с которым там познакомилась. Самого Дягилева я мало видела и мало знаю, но его художественные вкусы, направление его журнала и характер его выставок мне симпатичны. Кроме того, у него будут сотрудничать в журнале и участвовать на выставках многие мои друзья, и мне приятно будет помещать свои вещи рядом с их вещами. Помимо моих художественных симпатий, я связана словом. — Я видела первый раз Дягилева в Париже в апреле месяце [«1898» — писано рукой Стасова], но тогда уже я окончательно переговорила с редактором английск[ого] журнала[35], и многие его просьбы мне пришлось отказать, т. е. все то, что раньше было обещано в Англию. Скажу Вам откровенно, что Дягилев закупает меня и многих других близких мне художников тем, что его главное стремление выйти в области искусства из той ужасной снотворной рутины, в которой очень многие любят оставаться. Что выйдет из всех его начинаний — не знаю, очень может быть, ничего — это весьма возможно, все-таки усилие его мне симпатично.

Когда в Париже мне удалось взойти в соглашение с редактором английского иллюстрированного журнала, я решила тогда же, что буду просить Вас не отказать прислать мне мои рисунки для абрамцевской столярной мастерской.

Что же касается моих сказок, я говорю о первой серии, то они обещаны Дягилеву. Те же, над которыми я работала в прошлом году и с текстом которых я обращалась к Вам для поправок, те я считаю еще не доделанными и не даю никому.

Надеюсь, многоуважаемый Владимир Васильевич, что таковые мои взгляды не изменят наших добрых отношений, пожалуйста, не считайте

фразой того, что я очень сожалею, что должна отказать исполнить Ваше желание.

Искренне и всегда Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом.

В. В. СТАСОВ — Е. Д. ПОЛЕНОВОЙ

** Франкфурт. 31 мая/12 июня 1898 г.*

Многоуважаемая Елена Дмитриевна, я получил Ваше письмо от 22 мая еще в Париже, но отвечаю Вам из Франкфурта на Майне, потому что за множеством работ (в Публ[ичной] б[иблиоте]ке и т. д.) и разъездов, решительно некогда было!

Вы, я думаю, и сами хорошо можете понять, какой был для меня удар (удар страшный и больной!) узнать, что Вы пошли в «декадентки» и соединились с русскими и английскими декадентами (последние, я думаю, в журнале «Studio» [Студио], — а впрочем, наверное отгадать не берусь!). Но, что есть, то есть, и если Вы решились и нашли это хорошим и нужным, то уже, разумеется, никто и никакими силами Вас извлечь оттуда не может, да и никакого права не имеет, и, конечно, не в состоянии!! Но так как Вы позволяете мне, невзирая на Ваш переход в «декадентство», оставаться с Вами в прежних отношениях, то я считаю своей обязанностью написать Вам насчет Дягилева все то, что давно собирался, но не мог, потому что то мне говорили, что Вы нездоровы и Вам не до известий из России о художествах, — то мне говорили, что вот Вы сейчас-сейчас и сами едете сюда, и, значит, не стоит к Вам уже писать за границу, так как Вы и сами все увидите и услышите у нас на родине. Но вот теперь опять нас разделяют тысячи верст, и я считаю себя обязанным по-прежнему писать Вам прямо и откровенно. В течение 96-го и 97-го годов Дягилев часто и много смущал меня своими печатными статьями в разных журналах. Я там не находил ничего, кроме грубого невежества, нахальства, надутости собою, а главное — непозволительного верхоглядства и бесконечной поверхностности. Всего же непозволительнее казалась мне проповедь Дягилева, что никакого «сюжета» и «содержания» не надо для искусства, а довольно одного «художественного исполнения». Я долго воздерживался и не хотел трогать Дягилева, потому что он приходится родным племянником даме, которую я глубоко люблю и уважаю, и которая дорога моему семейству почти лет сорок (в особенности покойной моей сестре). Это — прелестная и милая Анна Павловна Философова. Притом же, она мне сама много раз повторяла: «Да оставьте его, В. В., оставьте, ведь он всего только занесшийся мальчишка!!» (передаю Вам эти слова, многоуважаемая Елена Дмитриевна, совершенно конфиденциально и интимно).

Но, наконец, у меня однажды терпение лопнуло, особливо, когда я стал видеть, что те из нашей художественной молодежи, которые послабее умом или характером, а иногда и то и другое вместе, слушают с некиим «почтением» глупости Дягилева и прибавляют их к тем глупостям, какие получали и сами непосредственно из Парижа. Ведь молодежь всегда так падка, где ей объявляют: «новость!», «новость!» — Тут уж просто хлебом не корми. Так все и лезут на стену, без всякого разбора, что правда, что неправда! А у кого скверный, исковерканный вкус, тот еще больше всегда бывает падок на что угодно «новенькое!!» — Досадуя на легкомыслие и безвкусие, безрассудство и неразборчивость наших художественных обезьянок и придакивателей чужих выдумок, я в один прекрасный день уже совсем перестал себя сдерживать, и написал большой разбор выставки Дягилева в Соленом городке, куда он согнал и скопил кого только мог, особливо из московских юношей, нередко талантливых, но почти повально невежд и не рассуждающих ровно ни о чем. Я особенно хватил Врубеля, который очень хороший и милый человек и даже отчасти небесталанен, но до того нелеп и безобразен, что никакого терпения нет! И что меня поражало на этой выставке, это, что Серов, такой талантливый, но не рассуждающий и не способный ни к какому творчеству, а только к портретам, иногда блестящим,— тоже примкнул к безмозглым и бездарным Бакстам, Сомовым, Бенуа и другим.

Вот я напал на них всех. Кажется, моя статья[36] пришлась вовремя и в препорцию, потому что я получил громадную массу сочувственных отзывов, благодарностей и т. д.

Прав я или нет, не знаю, судите сами (если когда-нибудь ее прочтете), но в особенности пришлось по всем вкусам мое название Дягилеву — «декадентский староста», и его иначе у нас не называют. Появились также великолепные карикатуры, где он представлен побитым мною и перекувыркнувшимся на полу и валяющимся вверх ногами, с подписью на заду: «Декадентский староста». Что же бы Вы думали было дальше? Дягилев прислал мне вдруг письмо, где говорит, что нигде не принимают (в журналах) его статью и не хотят печатать, а потому он меня просит, чтобы я похлопотал и постарался напечатать ее. Это было так нагло, так нелепо, так беспутно, что я хохотал во все горло, но ради курьеза взял да пошел и просил в некоторых журналах, чтобы напечатали, но нигде не приняли, и я ее возвратил автору. Недавно Дягилев продолжал свою наглость и нахальство, был у меня в б[иблиоте]ке, просил меня доставлять ему для будущего журнала исторические, художественные и всякие сведения, так как он меня очень уважает (!) и верит в мои знания и всегда с удовольствием и наслаждением читает мои такие талантливые статьи (!!!!). Притом при всех встречах он мне сочувственно пожимает руку (!!!). Сверх того, на мой вопрос, когда же появится, наконец, эта статья (как он мне сам несколько раз заявлял), — он сказал, что он ее напечатает в журнале

своем, в самом же начале. — Каков?!! В этой же статье он мне докладывает, что и я, и передвижники, мы в свое время были полезны, лет тридцать назад, но свое дело уже сделали, более не нужны и должны уступить место другим, новым, и потому-то он, от имени художественной молодежи, просит и приглашает меня — перестать писать. Имя же новых наших художников — субъективисты. Все это прекрасно, чудесно, но я что-то все не вижу «творений» этих «субъективистов», а только их беспомощность, неумелость, претензии, безвкусие, нелепость, — а чаще всего — глупость и безмозглость. По моему мнению, Вы никоим образом к ним не принадлежите!! Впрочем, и в Париже они почти уже вовсе перевелись, и на последнем Салоне их уже осталось очень мало, всего какая-нибудь одна сотая. Мода прошла!! А у нас только собираются ее заводить! Репин, по-видимому, тоже отстранился от этих глупостей..

Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. В. СТАСОВУ

* *Москва. 5/17 июля 1898 г.*

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Не знаю, захватит ли Вас это письмо еще в Nauheim [Наугейме]. Впрочем, если нет, — то Вам, вероятно, перешлют его в Россию. Вы пишете, что Вам говорили, что я больна, да, это правда — я была больна до поездки за границу и там чувствовала себя очень нехорошо, а теперь, по возвращении, я совсем расхворалась. Усиленно лечусь, и более всего в настоящее время занята этим. Чем я больна, ни я сама, ни доктора, которые лечат меня, того не знают. Болезнь моя кажется нервного происхождения, а выражается она тем, что мало-помалу я теряю способность ходить: ноги вроде как отнимаются, руки еще ничего, хотя временами тоже не тверды. Я очень мечтаю о том, чтобы в августе кончить большой заказ и уехать опять за границу, и вот осенью мне бы хотелось забрать с собой рисунки, которые я сделала для абрамцевской мебели и которые несколько лет тому назад я послала Вам в виде большого альбома. Я буду очень Вам благодарна, если Вы, возвратившись из-за границы, пришлете мне в Москву эти рисунки.

С тех пор, как я возвратилась из-за границы, я получила несколько писем от Е. М. Бём с поручением сделать для Всемирной выставки павильон в виде терема. Это была бы работа очень интересная, но большая и сложная. Я теперь не чувствую себя в силах, да и доктор мне не советует теперь брать на себя исполнение такого сложного заказа. Итак, покуда до свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Искренне Вас уважающая *Е. Поленова.*

Пушкинский дом

Е. Д. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Москва. 27 июля 1898 г.*

Мне стало несколько хуже. Шаталов предложил устроить консилиум. Решили, что нужно ехать на воздух на шесть недель, конечно, подумала о Бёхове. Наташа говорила, что она хочет меня внизу устроить. Я рада — ходить почти не могу, особенно вниз с лестницы. Хуже всего ноги. Главное условие жизни в деревне — это не говорить о своих ощущениях и о своем здоровье. Главное для поправления — воздух и купанье. Доктора настаивают на купании в реке и на жизни в деревне. Я и сама думаю, нужно предпринять что-нибудь..

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — К. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Борóк*] *Август 1898 г.*

..Состояние Лили, по-видимому, очень серьезное, не решаюсь еще говорить безнадежное, но во всяком случае ждать хорошего нельзя. Болезнь мозга, но болезнь органическая, не нервная и, вероятно, причина ее падение из пролетки на мостовую два года тому назад. Доктора, лечившие ее летом, по-видимому, не считали ее заболевание таким глубоким, так как рекомендовали ей деревню, купанье и развлечение. Василий привез ее сюда 15 августа, а 17-го у нее началась мозговая рвота, потеря сознания временами; затем она опять вставала, но ходить почти не могла. 22-го с ней сделался обморок.. Тяжело сообщать тебе эти грустные события, но мы не считали себя вправе не известить тебя, так как положение слишком серьезно..

Архив Поленовых.

М. В. ЯКУНЧИКОВА — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Париж. 15/27 ноября* [*18*]*98 г.*

Дорогая Натальюшка, как давно порываюсь писать тебе, как хотела облегчить свое уныние по поводу болезни Елены Дмитриевны! Мысли о ней сначала как-то совсем затмились радостным восторгом после рождения Степки. Но теперь опять начинают прокрадываться с выздоровлением и вступлением в жизнь. Все, что есть для меня самого дорогого, так тесно связано с ней, что не могу на каждом шагу не вспоминать ее.. Прошла зима во время ее пребывания в Париже, прошла, как дивный сон. Мы так дружно, весело и активно прожили вместе.. она, Netta [Нетта],

Головин, Мака [Л. Н. Вебер] и я. Как мы с Nett'ой мечтали об ее приезде опять в этом году. Я не верю, не верю, что нет надежды, неужели теперь, когда она достигла настоящей степени развития, настоящего расцвета ее художественной деятельности, ее жизнь, если не физически, то духовно оборвется. Это жестоко ужасно. Столько у нее было чудесных проектов задумано, столько интересного!..[37]

** Париж. 16/28 ноября 1898 г.*

..Третьего дня отправила письмо, такая непонятная тоска съедала.. Вчера читаю Верино письмо к мамаше и попадаю на фразу «вчера была на похоронах Елены Дмитриевны». Боже, какой удар, какое горе! А я-то еще надеялась, когда ее уже не стало навсегда. Только одно слово может для меня все выразить — я осиротела...

Архив Поленовых.

Р. С. ЛЕВИЦКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

** Петербург. 15 ноября 1898 г.*

Милый Василий Дмитриевич, прекрасно окончил ты письмо твое ко мне, в котором так верно охарактеризовал душевную тихую грусть, и жалость, и радость, овладевшую тобою при последнем расставании с бедной Лилей. От всей души молю бога и желаю, чтобы чувство это тебя не покидало никогда, чтобы оно осталось навсегда, неразлучно с тобою. Ты так просто, душевно, в простых словах говоришь о твоей милейшей сестре, что невольно рождается желание чем-либо увековечить память о ней, передать потомству каким-нибудь действием на пользу той области, в которой так много она потрудилась.

Не покидай, дорогой Василий Дмитриевич, мысли собрать в одно целое все, что возможно будет собрать из работ покойной, путем ли выставки, путем ли стипендии, путем ли пожертвований — безразлично — все равно необходимо действовать, лишь бы имя Елены Дмитриевны сказалось надолго в обществе[38]. Труд этот возьми сам на свои плечи, лично на себя, по личной инициативе. Уверяю тебя, в составлении подобной задачи ты, именно ты, найдешь ту тихую грусть и радость, о которой так сердечно выразился.. Всей душой с тобой.

Р. Левицкий.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. К. КОРСАКОВОЙ

** Москва. 4 декабря 1898 г.*

Дорогая тетя, простите, что я так долго не отвечал на Ваше сердечное письмо, от всей души благодарю Вас за Ваше участие к нашей тяжелой утрате. Конечно, смерть есть утешение, когда она прекращает страдания, но когда она вырывает человека полного жизни, таланта и сил, то становится обидно за наше бессилие, ничего мы не можем сделать против такой несправедливости. Лиля получила от природы талант, ум и необыкновенную способность к живому труду. Всем этим она воспользовалась, она неутомимо работала, можно сказать всю свою жизнь и все время шла вперед, и вот когда талант ее развился и окреп, когда полная творческих замыслов она могла бы дать еще много высокодаровитого и интересного, жестокая судьба убивает ее и убивает каким-то новым небывалым способом, по словам докторов от странной аномалии в костях головы, как выразился доктор, делавший вскрытие. Думают, что отросток верхнего позвонка, после ее падения и удара головой об мостовую, стал расти, давить на мозг и, наконец, как бы задушил его. Начала она хворать года два назад, а последние два месяца была уже почти без сознания, к счастью, физически она, кажется, не страдала. По крайней мере всегда отвечала на вопрос отрицательно. За несколько дней до смерти я ее спрашивал: «Болит ли что у тебя?» и она сказала, хотя с трудом: «Ничего не болит!» Раньше я ее спрашивал: «Хорошо ли тебе тут (в лечебнице)?» Она отвечала: «Жить здесь очень хорошо». Действительно уход был превосходный..[39]

Сейчас узнали мы о смерти еще одного друга. Сегодня скончался Павел Михайлович Третьяков. Помимо того, что искусство потеряло в нем самого широкого покровителя, можно сказать, самую сильную поддержку, Москва, да и вся Россия, потеряла в нем истинного гражданина в высоком смысле этого слова, а граждане у нас за последнее время совсем перевелись. Это был человек с убеждениями и держался он их до конца жизни..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. П. ХРУЩОВУ

* [*Москва*] *26 декабря 1898 г.*

Дорогой друг, Иван Петрович, от души благодарю тебя за сердечное отношение.. Смерть Павла Михайловича Третьякова, помимо общественного горя, лично для меня есть великая утрата. Я потерял в нем такого друга, такой художественный устой, не материальный, а нравственный, что чувствую себя как бы подстреленным. Наши с ним отношения по внеш-

ности были очень просты, но тем сильнее была внутренняя связь. Он был один из немногих, которые горячо сочувствовали моей работе. Каждое его посещение придавало мне бодрости и силы к труду. Он необыкновенно внимательно разглядывал всякое новое художественное произведение и сжато, почти односложно, высказывал свое мнение. Его одобрение было для меня в высшей степени дорого, и я это не преувеличиваю, вот прошло уже около месяца и чувство осиротелости не покидает меня.

Художественная семья потеряла глубокого ценителя искусства и создателя замечательной художественной галереи, близкие люди — приветливого человека и доброго друга, а Россия — неподкупного честного гражданина. Несмотря на свою внешнюю мягкость и скромность, Павел Михайлович имел твердые, можно сказать, непоколебимо честные убеждения, и ни разу не поступился ими. Эта нравственная крепость делала его немного сектантом, покровителем проповеди этических идей эстетическими средствами; это до некоторой степени сужало его деятельность, но и давало силы другим не колебаться. В наше время общей нравственной слабости, шатания и сделок с совестью, эта гражданская мощь являлась совершенным исключением, глядя на нее можно было не унывать и не падать духом. Великое спасибо судьбе, которая дала мне случай узнать и сблизиться с этим чудным человеком. Прав был Голицын, сказав, что у его гроба сошлись все те, кому дорога Москва, кому дорого искусство и труд во имя искусства.

Похороны Павла Михайловича были глубоко трогательным торжеством; благодаря тому, что на них вполне отсутствовала высшая администрация, не было ничего официального, были только те, которым он был дорог, которые его искренно уважали и любили..

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

Н. В. ПОЛЕНОВА — И. С. ОСТРОУХОВУ

* *Москва. 21 декабря 1900 г.*

Многоуважаемый Илья Семенович, обращаюсь к Вам вот по какому делу. Мне хотелось бы знать, примет ли Третьяковская галерея как дар от меня ту пастель Елены Дмитриевны, которую хотел купить Павел Михайлович сейчас же после ее смерти[40] и которую я отказалась ему уступить, так как это моя собственность. Меня мучает совесть, что я отказала Павлу Михайловичу и тем лишила его удовольствия, а Елену Дмитриевну возможности быть хорошо представленной в его галерее. Тогда мы предполагали показать ему другие ее работы, из которых он мог

выбрать что-нибудь. Между тем это не удалось, так как он скончался. Решите этот вопрос в Вашем Совете; я могу прислать вещь к Вам для осмотра всех членов Совета. По возможности решите мне этот вопрос не медля, тогда я уж буду знать, что эта вещь мне более не принадлежит..

Третьяковская галерея.

И. С. ОСТРОУХОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Москва*] *22 декабря 1900 г.*

Многоуважаемая Наталия Васильевна.. При скором, надеюсь, свидании я поговорю с Вами детальнее о пастели Елены Дмитриевны, пока же ограничусь лишь выражением полнейшей уверенности, что Совет с величайшей благодарностью примет Ваш ценный и прекрасный дар..

Архив Поленовых.

ГЛАВА XVI. 1891—1900 годы

Реформа Академии художеств. Роль В. Д. Поленова в реформе Академии художеств. Отказ В. Д. Поленова от работы в Академии.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург*] *20 января* [*18*]*91 г.*

..Поехал в Академию и прямо наткнулся на Толстого. Мне он довольно понравился. Выслушивает и старается вникнуть и взять из твоей мысли. И только что мы начали говорить о деле, пришел Айвазовский и все расстроил. Я согласился с Толстым быть у него вечером и отправился посмотреть Мазаччо, но, увы, он закрыт и там выставка картин французской школы, чудный Th. Roussot [Т. Руссо] и много очень хороших вещей. Потом отправился к Репину. Он меня встретил очень дружелюбно, и я провел у него целый день, даже обедал. У него учатся с натуры. Мы много толковали, и я пришел в конце концов к философским результатам, что главное зло — это паршивые нумера[1], а остальное — дребедень. А власть и деньги должны сосредоточиться в одних руках. По крайней мере известно будет, у кого все это находится и т. д. и т. д. Вечером вместе отправи-

лись к Толстому, опять толковали. Во многом сходимся. Оттуда к Кондакову..

Сегодня утром я отправился с визитом к Петрову. Не застал, а оттуда к Кондакову. Вот это так дельный человек, с очень симпатичным взглядом на дело. С ним я гораздо больше сошелся, чем с Репиным. Потом пришел Толстой, и тут втроем мы обговорили план завтрашней кампании.

Страшно интересно и прискорбно [наблюдать] этот хаос столкновений, интриг, личных самолюбий, ненависти, и все это мелко, узко, ничтожно. Словом, отвратительно, а главное все из-за денег.

[Петербург] 21 января [18]91 г.

..Сегодня утром я отправился представиться президенту.. Потом поехал познакомиться с Хомяковым и Жуковским. Хомяков очень умный человек, и поэтому с ним говорить и спорить очень интересно, не чета нашему философу с Мясницкой[2]. С Жуковским я во многом схожусь во взглядах на искусство и этому очень рад.. Без пяти минут четыре я был во дворце, где нашел компанию наполовину уже в сборе. Толстой меня познакомил с Петровым, который мне по нескольким словам показался очень умным человеком, что и вполне доказал во время заседания, которое происходило под председательством его высочества президента Академии. Что дальше будет — не знаю, но на первый раз необыкновенно удачно. Сначала Толстой прочел высочайшее повеление о созыве комиссии[3], потом нам роздали литографированные программы и председатель начал нам объяснять, в чем дело. Пошли прения и после двух часов принципиальных разговоров пошли обедать в холостой компании. Члены комиссии суть следующие: председатель — великий князь, его товарищ — Петров, старик Бенуа, Буслаев, которого не было, архитектор Китнер, Хомяков, Жуковский, Философов, П. М. Третьяков, который присутствовал, Репин, Толстой и я. Боголюбов по болезни не приехал, а Бобринский отказался. Так что из четырнадцати членов комиссии в первом заседании было одиннадцать. За обедом разговор шел почти все время об искусстве и довольно интересно. Жуковский и Толстой очень просто поставили себя и все чувствовали себя «довольно равнодушно». Между прочим великий князь спросил у меня: «Что делает ваш талантливый ученик, который написал «Мальчика на барке» и другую картину». Я подсказал: «Рязанских баб». «Да, да, не помню его фамилии». Я объяснил, что Архипов работает большие вещи и поэтому нынешний год у него будут небольшие. Оттуда Толстой пригласил Кондакова, меня, Репина, Философова и Жуковского к себе, где мы провели вечер в горячих спорах. Очень все это интересно, может быть, что-нибудь да и выйдет. В[еликий] князь спросил у меня,

сколько времени я остаюсь в Петербурге. Я сказал, что все время работы комиссии, но приехать на два-три дня будет возможно, чтобы переговорить. А что все желают Академию предоставить в полное распоряжение Чистякова, Репина, Васнецова и Поленова, это мне с каждым днем все становится яснее..

[Петербург] 23 января [18]91 г.

Вчера все утро проработал я над новым уставом, т. е. над его некоторыми сторонами, так как сегодня вечером будет второе заседание, и, вероятно, одно из самых главных. По всему видно, что в переустройстве школы[4] главную роль будут играть Репин, я да Кондаков. Я отправился к первому и провел у него много часов, чтобы сговориться. Очень это трудно с ним, он такой летучий и неопределенный, при этом мелочный и невежественный, что долго я бился, пока до чего-то добился. Но сегодня в заседании боюсь, что он опять меня продаст. Сейчас пойду к Кондакову, чтобы с ним потолковать..

[Петербург] 24 января [18]91 г.

..Вчера вечером было второе заседание, т. е. в сущности первое, потому что первое было только так. С девяти часов до часу говорили и не договорились. Но очень интересно, как мало-помалу выплывают личные интересы и корыстные цели. Особенно под конец в этом направлении выполз Кондаков какой-то алчной силой, а Хомяков — защитник правительственного назначения — против выбора. Всех умнее Петров, а симпатичнее Жуковский. Толстой какой-то неопределенный, как-то без принципов, но тем не менее с ним можно вести дело. Очень умным и понимающим дело оказался Китнер. Не знаю, как будет дальше. Философов помалчивает. Репин улыбается и кивает головой в ту сторону, где раки зимуют, а Павел Михайлович на стороне света. Боголюбова нет и, вероятно, он приедет, когда все будет сделано. Все очень радуются этому, но мне жаль. Он куды как симпатичнее Кондакова. Я совсем не ожидал, что это такой эгоистический человек. Оказывается, что он только о себе и думает и хочет пристроить всю Академию для своих изданий и получать как можно больше денег. Ну, да что делать, всяко бывает..

[Петербург] 25 января 1891 г.

Вчера было третье заседание. Дело идет до сих пор (страшно сказать) так хорошо, как я и думать не смел. Председатель Петров во главе всего

светлого, свободного и разумного. Мы с Репиным не нарадуемся. Я бываю у Репина каждый день, и до сих пор он меня в важных случаях поддерживает. Что-то дальше будет. С Жуковским я все больше и больше схожусь. Вообще мне сдается, что и верховная власть на стороне нашей партии, т. е. выборного начала, а не на стороне Хомякова, который по болезни вчера не присутствовал и написал в собрание, что, по его мнению, президент может швырнуть мнение собрания Академии в печку. Все собрание удивилось. А умный и очень умный человек..

[Петербург] 25 января [18]91 г.

..Я тебе писал у Репина в мастерской, где я провел почти весь день, обсуждая решенные и предстоящие к решению вопросы, в общем дело идет пока почти идеально.. Пообедал в «Медведе» и забежал к Жуковскому, где опять проговорили и проспорили целый вечер, Хомяков, несмотря на свои странные выходки, умнее многих, особенно недалек наш Николай Алексеевич [Философов], но кто тяжел, так это Кондаков, который развивает какую-то непонятную, довольно странную доктрину каких-то двадцати пяти работников при Академии под названием непременных членов, только никак не художников, с большим жалованием, он бы желал, кажется, быть всеми двадцатью пятью зараз, и никак ему не удается никого убедить в необходимости этих двадцати пяти деятелей: по граверному отделению, по мозаичному, по отделению всяких заказов и иных дел. Толстой, который совершенно под его, можно сказать, игом, изнывает от усилий ему помочь и теряет, бедный, почву. Ну пока это только придает разнообразие занятиям.

У Жуковского я встретил С. М. Третьякова, который меня просил завтра прийти утром, чтобы поговорить о делах Дмитровки[5], где на заседаниях устава я не буду.

Потом думаю кое-что купить, то есть сюртук, потому что мой уже староват, придется, может быть, сделать визиты высокопоставленным особам и в нем неловко, шуба великолепная, служит мне чудесно.

Завтра вечером соберемся у Кондакова продолжать споры. В воскресенье отдых, а в понедельник опять заседание.

[Петербург] 26 января [18]91 г.

..Опять на предварительное заседание к Кондакову. Там Хомяков всех опять сбил на свою сторону и даже теперь у них выходит неумно. В подробностях и в практическом применении Хомяков необыкновенно умен, но принцип свой защищает слабо, т. е. отрицательно, что и в проти-

воположном начале бывают очень скверные вещи. В конце концов мне кажется, в Петербурге что ни придумывай, какое начало ни устанавливай — в силу вещей все кончится все-таки Исеевым..[6]

[Петербург] 27 [января 18]91 г.

..Я всюду расхваливаю нашу комиссию. Да и правда, я никак не ожидал, что дело так пойдет симпатично. Но где же не без греха на этой планете, так и у нас представителем оного, кажется, является в данном случае Кондаков. Репин очень метко его называет «Змей-горыныч» или «Кондогина». И действительно, он извивается, как змей, так что почти невозможно понять, чего он добивается. А как начнешь смекать, так выходит с какой-то корыстной подкладкой..

[Петербург] 28 [января 1891 г.]

Вчера вечером было четвертое заседание. Дело идет довольно успешно. Сегодня мы назначили собраться редакционной комиссии, и если Хомяков не будет настаивать, чтобы все наши труды под конец были брошены в печку, а, пожалуй, и нас вместе с ними, то очень приятно будет работать, — так хорошо настроены остальные члены. В редакционную комиссию вошли: Толстой, Хомяков, Кондаков, Философов и я. Мы вчера просили Жуковского тоже принять участие. Он парень не очень умный, а, главное, совершенно не обладающий умением говорить, но очень чуткий к искусству и ко всему хорошему в жизни. А это качество не только не последнее, а даже очень из первых и редких. Теперь я составляю редакцию устава, чтобы явиться на заседание более или менее подготовленным. Заседание назначено в три часа, а до этого я успею побывать в Эрмитаже.

[Петербург] 29 января [18]91 г.

После Эрмитажа, где кое-что есть нового по части голландцев (сегодня особенно мне они понравились), я отправился в Академию на заседание редакционной комиссии, которая собственно занялась редакцией не проекта устава, а протоколов. Ну, да это мелочь, и в конце мои предчувствия сбылись — все члены потихоньку переползли на сторону Хомякова по его личной просьбе. Остался один Жуковский на моей стороне, единственный человек с открытым, свободным взглядом и независимым мнением. Другие, т. е. Толстой, Философов и Кондаков, просто холопы, а Хомяков — наглец, который прямо в заседании говорит Толстому: «Граф, по-

ставьте ваше имя вместе со мною». Тот отвечает: «С удовольствием».. За выбор членов остались я да Жуковский. Но комиссия не решающая, а только совещательная, поэтому и неизвестно, на чьей стороне будет утверждение. В общем все это очень интересно. Жуковский на это сказал: «Мне хотелось бы, чтобы меня нация выбрала в Академию, а не правительство назначило». Хомяков ему ответил: «Cela dépend des gouts» [«Это зависит от вкуса»]. Вообще этот византийский господин с своей православной иконописью вместо живописи только и говорит что на французском диалекте с татарским акцентом..

[Петербург] 30 января [18]91 г.

Два часа ночи. Вернулся из пятого заседания комиссии, дело шло как по маслу и довольно быстро подвигается. На этом заседании все сплотились против общего врага, хотевшего проглотить архитектуру в Академии, но пока не удалось..

31 [января]..

Сегодня второе редакционное заседание. Вчера Толстой расспрашивал Петрова, что должна делать редакционная комиссия, и Петров ему подробно объяснил, т. е. дал нам полную свободу писать, что хотим. До этого он с Кондаковым нам не давал шагу сделать. Ужасные здесь трусы..

[Петербург] 1 февраля [18]91 г

..Вчера днем завтракали у Толстого и пошли смотреть академический музей. Чудное здание, чудесные коллекции, удобные разные приспособления, громадные средства и двадцать лет ничего, кроме воровства и душения всего, что талантливо. Ужасно обидно. Толстой мне говорит: «Грешно вам, трем китам русского искусства (он так называет Репина, Васнецова и меня), мимо проходить. Ведь сколько пользы вы можете принести русскому искусству, если хоть немножко уделите свего таланта и знания в пользу Академии». Потом было редакционное заседание очень неудачного свойства. Кондаков упирался и отпирался от всего. Что за тупая личность. Толстой лебезил перед Хомяковым, Философов не знал к кому перекинуться. Хомяков разыгрывал какого-то русского дворянина, не умеющего по-русски. Словом, не то шуты, не то холопы. Один Жуковский, несмотря на совершенную неспособность говорить, оказался чем-то таким высоким, благородным, когда вступился опять за идею избрания. «Я не умею, как это сказать, но выше, красивее учреждение будет, если членов будет выбирать нация». Он мне каким-то Лоэнгрином показался в сравнении с этими лакеями по крови. Кончилось тем, что Кондаков предложил

составление чернового проекта передать двум членам, на что все с удовольствием согласились и назначили Кондакова и меня. Сегодня вечером буду у него. Ужасно тяжелый человек. Относительно бескорыстности тоже какой-то сомнительный. Впрочем, здесь в Питере все в конце концов свою статью гонят. Говорят мне, что это всюду так, не знаю, но у нас в Москве уже потому не так, что соблазну меньше. А жаль, чудное все-таки здание и собрания в нем. Надо бы как-нибудь их на пользу обратить, а как посмотришь на это общее бездушное чиновничество, тупоумную и наглую военщину, словом, поголовное холопство во всех видах и проявлениях, как-то жутко становится.

[Петербург] 2 февраля [18]91 г. [Утро]

..Я поехал к Кондакову для редакции нового устава, и вдвоем у нас дело пошло успешнее, чем в компании. Так что, если бы так продолжать, то и конец виден. Но Кондаков струсил, что слишком скоро дело идет, «чтобы не обвинили нас в поспешности», и говорит, что подождать надо. Ну и жди..

[Петербург] 2 февраля [18]91 г. [Вечер]

..Пришел с заседания. Кажется, дело подвигается. Заседание прошло недурно. Петров меня удивляет своим смыслом, широким взглядом на дело. Совершенно противоположное, что об нем говорят, что будто он сухой формалист, хитрый интриган и т. д. Не замечаю этого, а, напротив, — человек с очень широким и даже светлым умом, и желающий узнать мнение каждого для пользы дела..

3 февраля.

Сейчас ушел от меня Павел Петрович Чистяков. Часа три у меня просидел и толковал об Академии настоящей и будущей и о том, как у него написано: «Там все у меня написано, только под другими названиями». Про молодежь стали говорить, как их Академия портит: «Вот Серов, не дали кончить, а ведь как он умел рисовать. Поднос у меня нарисовал, а другие этого не могут!» И много в этом роде, но в общем много толкового говорил, гораздо лучше, чем то, что у него написано. Вообще он выглядит очень бодро и здорово. Тоже Репин в полнолуние превратился. Значит тут здорово живется, весело. Если в этой реформе удастся дать ему, т. е. Павлу Петровичу, хорошую мастерскую для его учеников и независимое положение, то уже и это можно считать за великую пользу в деле развития искусств. Остальное вряд ли выйдет удачно, несмотря на хороший ход. Людишки мелковаты..

Третьяковская галерея

Н. В. ПОЛЕНОВА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 4 февраля [18]91 г.

..Вчера, воскресенье, были внизу гости — Васнецов, Пастернак, Иванов, Архипов, Романов и Щербиновский. Последний сияет от радости, его приняли в головной класс. Кроме того, он берет уроки рисования с гипса же у Серова. Просил сообщить тебе его радость и, кроме того, очень кланяется. Скоро придет твое письмо, что-то оно сегодня скажет. Письмо в обыкновенное время не пришло, а пришло сейчас, в шесть часов вечера, верно с курьерским. Ты пишешь про Чистякова. Хотелось бы знать, как смотрят на тебя лично, надеятся ли на твое участие в Академии послереформенной..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Петербург] 4 февраля [18]91 г.

Я бы.. с удовольствием постарался бы для Академии, для молодежи принять участие в преподавании, но как вспомню голос, манеры, а главное нравственный облик и умственный склад нашего президента и повторения его в разных вариантах, так и станет до невозможности скверно. И порядочные люди делаются дворняжками. Напр[имер] Толстой, правда, без всяких убеждений, но, видно, был малый простой, занимающийся наукой и изредка принимавший участие в горячих и хороших делах.. Был одним из молодых делопроизводителей в комиссии сведущих людей, был на месте при разработке переселенческого вопроса и теперь как этот мальчик кланяется и здоровается различно по чинам. Смотреть противно.

[Петербург] 4 февраля [1891 г.].

..Сейчас вернулся от Кондакова, где было у нас вдвоем редакционное заседание. Боже, какой тупой и трусливый человек! Всего боится и все понимает, как личную против него интригу. Между прочим, за перерывом занятий, за чаем он рассказал мне, кто против него интригует. Такая сложная наука, что черт ногу переломит. Кондаков попал в Эрмитаж через Бобринского, [назначенный] лично Воронцовым, Бобринский попал в Академию тоже через Воронцова, Толстой через Бобринского. Теперь Кондакова обвиняют, будто он поссорил Бобринского с Толстым, а Воронцов против президента и т. д. и т. д. Словом, такое хитросплетение, что много нужно познаний, чтобы понимать эти тонкости.

[Петербург] 5 февраля [18]91 г.

..Относительно Репина, то кажется, он склоняется принять профессуру в послереформенной Академии. Сначала и на меня они, кажется, возлагали большие надежды, но теперь перестали об этом говорить, и я очень рад, а то прямо выходило, что будто для себя реформу делаешь и подготавливаешь местечко. Сегодня я завтракал у Третьякова с Жуковским и он сообщил мне, что Хомяков начинает сдаваться, это интересно, сегодня Жуковский звал обедать, а после обеда художественная подкомиссия.

Вернулся с заседания у Жуковского, дело прошло опять-таки блистательно, так что, что ни дальше, то как будто лучше, правда уже обсуждали вопрос школы, в котором главную роль будут играть мастерские. Репин сверх ожидания стал очень благоразумным человеком..

[Петербург] 6 февраля [18]91 г.

Каждый раз, что я бываю в Эрмитаже, мне ужасно тебя недостает. Хочется с тобой походить, посмотреть, поделиться этим огромным наслаждением. Смотрел сегодня танагрки и вспоминал, как ты ими увлекалась и восхищалась, и действительно необыкновенно увлекательны. Если будем живы, может быть, опять с тобой будем ходить по Эрмитажу и наслаждаться.. Два часа ночи. Вернулся с редакционного заседания. Дело этот раз шло не только хорошо, но даже весело, как-то все теперь более или менее друг друга узнали, делают обоюдные уступки, начальствующих лиц в этих заседаниях нет, и дело идет жизненно и запросто, но все-таки до главного вопроса еще не добрались, на котором я с Жуковским остаюсь с одной стороны, а Хомяков, потом Толстой и другие — с другой. Хотя Жуковский мне вчера сказал, что Хомяков делает уступки.

[Петербург] 7 февраля [17]91 г.

Сегодня я обедал у Чистяковых. Очень много говорили за обедом об живописи и потом об музыке. Очень умненькая старшая дочь Павла Петровича, Анна, оказалась ужасная вагнеристка и по настоянию отца после обеда спела несколько романсов, да так чисто и с таким чувством, что просто прелесть. Утро я опять все провел в Эрмитаже и, если придется долго тут сидеть, и другой работы не будет, то я бы с удовольствием скопировал что-нибудь. Если есть у тебя что-нибудь намеченное, то сообщи.. Сегодня опять заседание редакционной комиссии, битых четыре часа

говорили, т. е. Хомяков главным образом ораторствовал. Такого определенно и резко выраженного холопского взгляда я не слыхал. «Мне гораздо приятнее, чтобы меня единоличная власть сослала, куда ей вздумается, чем коллегия возвысила». Так что бедный наш Философов уж совершенно ничего не понимает, потому что он очень хорошо понимает, что быть сосланным и единоличной властью не особенно приятно. Кондаков сегодня вдруг переменил фронт и пошел против Хомякова. Все это любопытно, но дело идет тихо. Завтра вечером мы опять заседаем..

[Петербург] 9 февраля [18]91 г.

..Сейчас вернулся из комиссии. Опять очень симпатичное заседание. Дело идет для меня хорошо. Товарищи мои все видят в Петрове какого-то хитреца, который их хочет подвести. А по-моему, просто они все какие-то трусы. Повторяют слова Кондакова, который всюду видит каких-то своих личных врагов. Репин сказал мне, что ящик пришел. Большое тебе спасибо. Завтра же отправлюсь работать к нему..

..Академия есть собрание из всех выдающихся деятелей по искусству в России, она и заведует всем делом поддержки и развития искусства в России. Первый состав будет назначен государем, а потом предложены три системы: 1) по назначению, 2) по выбору, 3) по предложению. Последняя, кажется, будет довольно остроумна — каждый член Академии называет своего или своих кандидатов, которые восходят на высочайшее утверждение. Круг ведения у этого собрания огромный. Самое трудное, кажется, будет выхлопотать значительную сумму, чтобы поддержание и развитие искусства не вышло бы одним платоническим пожеланием. Под ближайшим наблюдением Академии будет находиться Высшая школа изящных искусств. Состоять она будет из натурного класса и мастерских в которых, кажется, примут участие Чистяков, Репин, Васнецов, Шишкин, Куинджи и другие силачи.

Я забыл, что Академия будет иметь постоянный комитет текущих дел и наблюдение над школой и разные временные комиссии. Допускаться в эту школу будут лица, окончившие курс в Московском училище или школах, равных ему по программе, но не иначе как с проверочным по рисованию испытанием, чтобы не было подлогов, или же шесть классов училища и художественный экзамен в Академии. Для исключительных талантов Совет школы может делать исключение. Окончанием в академической школе будет написание картины. Кроме того, конкурсы на премии в мастерских Академии на свои темы.

У Репина я работаю и наслаждаюсь..

[Петербург] 13 [февраля 1891 г.]. [Утро]

..Работу мою по редакции академической школы я сегодня кончил и завтра передам Толстому для литографии, в субботу она должна быть доложена Комиссии просмотра и исполнения, но вряд ли в субботу успеем, а будут рассматриваться некоторые неконченые, главным образом об академических конкурсах, вопросы, на мой взгляд, второстепенные, и я совершенно свободно могу уехать на неделю и побыть с тобой сколько тебе хочется и сколько понадобится..

Вчера днем у нас было совещательное заседание у Толстого, на котором, говоря про академическую школу, он сказал: «Конечно, Василий Дмитриевич будет у нас преподавателем, это уже решено и подписано» (разумеется, в шутку). Но он ужасно ко мне с этим пристает.. Откуда этот Хомяков взялся? Не поймешь, какой-то человек «времен от вечной темноты».. Еду опять к Репину писать, ужасно хорошо у него работается..

13 февраля. Вечер].

..Днем я работал у Репина и не могу нарадоваться, такое наслаждение работать в большой мастерской с хорошим светом, при интересных разговорах и спорах. Время от времени кое-кто приходит. Вчера, напр[имер], был Кюи, известный композитор, критик и артиллерийский генерал и профессор.. Репин как-то умеет делать, что это ему не мешает работать..

[Петербург] 14 февраля [18]91 г.

..Вчерашнее заседание, где я председательствовал, мне так натянуло и без того уже натянутые нервы, что я не мог спать всю ночь, но это ничего, зато голова почти не болит. Просто чудеса.

Но в общем кажется остались довольны моим председательством, по крайней мере вчера Мясоедов и Куинджи, а сегодня Репин и Толстой мне это выразили, что будто благодаря мне заседание вышло интимное, свободное, живое, но вместе с тем толковое. Ну и за то спасибо. Сегодня вечером было первое заседание архитектурной комиссии, заседание, которого всего больше боялись почему-то Кондаков, а за ним и Толстой и вышло блистательно, т. е. наши враги были совершенно разбиты. Дело идет об том, надо ли архитектуру признать «искусством с техникой» или же техникой с искусством, и все архитекторы встали за первое. Так что враг Толстого Китнер и враг Кондакова Петров были побеждены, но в сущности это, конечно, мелочи. Теперь очень поздно и сильно клонит ко сну. Думаю, что сегодня буду спать.

[Петербург] 16 [февраля 1891 г.].

..Сейчас вернулся с я восьмого заседания высочайше утвержденной комиссии. Дело идет очень стройно, но все увеличивается [в] размере и становится все интереснее и живее. Нам, вероятно, придется пересмотреть устав нашего Училища и вообще написать нормальный устав для Училища живописи, ваяния и зодчества.

[Петербург] 18 [февраля 1891 г.]

..Заседания у нас теперь так намечены: понедельник, вторник и среда или большая комиссия или редакционная, что, в сущности, одно и то же, и, вероятно, в эти три дня мы дело так подвинем, что потом останется только формальное его обсуждение, а может быть и кончим, без архитектурного отдела.

В четверг архитектурная комиссия, в которой идет бессмысленное переливание из пустого в порожнее. Так что мне уже нет надобности присутствовать. Что будет в пятницу и субботу неизвестно, так как сфинкс Петров не высказывается и не назначает большой комиссии.

[Петербург] 19 [февраля 1891 г.].

..Вчера было опять художественное заседание, и дело опять значительно подвинулось и опять дело шло очень симпатично, так что я этот раз спал. Да вообще я не могу пожаловаться на бессонницу. Это было исключение, кроме того, и волнение теперь не так сильно, главные основные положения уже решены и очень хорошо решены, а уж подробности не так важны и сами будут решаться жизнью.

По окончании заседания я просил членов комиссии вместо будущего понедельника собраться в пятницу на этой неделе и получил согласие.

[Петербург] 20 февраля 1891 г.

..Вчера у меня собиралась редакционная комиссия, я для этого брал отдельный кабинет, где и было заседание, а потом Жуковского и Философова угостил в большом зале обедом. Все это удовольствие мне обошлось. Опять Хомяков начал гадить с своим президентом, которому он во что бы то ни стало хочет опять отдать всю Академию на растерзание, и Философов с Толстым сейчас же на его сторону, а Жуковский.. то там, то тут. Темное все-таки царство петербургская Россия. Хотя Хомяков ругает на каж-

дом шагу Петербург, но сам он самый ярый представитель петербургского чиновничьего деспотизма. Все-таки в передвижниках много скверного, рутинного, уже старческого, но свет на их стороне,— оттого молодежь к ним так и льнет..

[Петербург] 5 марта [1891 г.].

Вечером было засадение живописной комиссии и присутствовал А. П. Боголюбов, который только что приехал. Он ужасно добродушный человек и со всеми согласен. Так что страхи оказались, кажется, напрасными..

[Петербург] 10 марта [18]91 г.

..Стасов рвет и мечет против нас за то, что мы опозорили имя передвижника, приняв участие в реформе Академии. Наговорил кучу вздору, тут и старые сараи, подпертые столбами, и никуды негодные отжившие тряпки и много еще всякого такого остроумия..

11 [марта]. Отправляюсь к Кончаловскому смотреть рисунки Врубеля и других..[7]

[Петербург] 17 [марта 1891 г.].

Сейчас я вернулся с заседания редакционной комиссии, где была прочитана и пересмотрена первая часть устава. Единственный человек свежий, который оказался на моей стороне, это старик Боголюбов, так что я ужасно рад, что он тут. Конечно, исправить все то, что нагадил Хомяков с своими холопами, нам не удалось, но все-таки кое-что затормозили для произвола будущего Исеева и компании, для которого открывался, а может быть, и открылся тот же простор, что и прежде.. Жаль, что Толстой такой деспотический человек и для достижения своей цели употребляет всякие средства. А очень недюжинный малый умом, и даже подчас есть художественное чутье. Ну, да что делать — всего не соединишь. Только холопство у кого дворянское, у кого мещанское меня огорчает.

[Петербург] 20 [марта 1891 г.]. [Утро]

Вчера опять было заседание, на котором все перепутали. Хомяков написал особое мнение об высшем художественном училище, а сам при этом добродушно уверяет, что он нимало этим вопросом не интересуется, да

и ничего не понимает в нем. Большинство к нему примкнуло. Но спасибо Кондакову — у него иногда бывают гражданские порывы, и Боголюбову. Мое дело не провалилось, и сегодня я с Кондаковым будем делать редакцию. Толстой — парень неглупый, но болтун и человек без слова, постоянно говорит одно, делает другое, словом человек, которому верить совершенно нельзя. Удивительно тут, какие высокие гражданские принципы в ходу, Репин, Ярошенко, Толстой и т. д. и т. д. признают только то хорошо, что они приказывают. Репин вдруг мне говорит: «Да что ты все за выборный принцип стоишь? С выборами мы бы никогда с тобой в комиссию не попали!» — Ко всему этому надо привыкать. Философов ничего не понимает и только об этом и толкует. Репину начинает надоедать вся эта дребедень. Вчера в мастерской Репина познакомился с Стаховичами — отцом, сыном и дочерью. Очень они мне понравились. Удивительно интеллигентные люди. Особенно старик меня поразил своим горячим и гуманным отношением к жизни[8]. Тут приехала итальянская актриса Дузе, об которой весь Петербург бредит, и старик Стахович ее по силе таланта сравнивает с Луккой..

[Вечер]

..Дело наше подвигается, и сегодня в редакционной комиссии подвинулось довольно далеко. А не будь Кондаков так туп и упрям, то и совсем кончили бы. У него иногда дельные и даже светлые мысли, но упрямство и тупоумие неимоверны. Я сегодня даже из себя вышел. Уверяет меня, что искусство то же, что и цифры, что рисунок в тридцать сеансов всегда будет в три раза лучше, чем в десять сеансов, что об самостоятельности профессора в своей мастерской нечего упоминать в уставе, потому что это само собой понимается.. В общем я думаю, что теперь мое присутствие не особенно важно, потому что все главное намечено и, кажется, сколько возможно, не совсем скверно, кое-что мне удалось спасти от этих холопов, с одной стороны, и упрямых болванов, с другой. Ну, а кое-что и погибло, а дальше уже трудно бороться..

[Петербург] 22 марта [18]91 г.

..Да, очень жаль, что Толстой — человек без убеждений, в высоком смысле слова, а так, любитель просвещения и картинок. Через это решительно не знаешь каждый раз, что будет в результате. Кондаков вчера мне с глазу на глаз говорит, что вся беда в Петербурге, что с вами человек говорит порядочно, толково, свободно, как только до дела дошло, то оказался холоп или мошенник. Я ему говорю, что в самом деле я в этом начинаю убеждаться (особенно, имея дело с Вами), последнего я не сказал, а подумал. Со мной он ругает до ненависти Хомякова, даже своего ученика и друга Толстого не очень хвалит, а при них он самый униженный испол-

нитель их красноречия. Хомяков грандиозен с своим французским самодержавием, несмотря на свою маленькую фигуру и калмыцкую физиономию, а Толстого больше всего в реформе интересует красноречие, с которым он сильно начинает надоедать. Ну да ничего, в общем все-таки все идет хорошо. Жуковский еще тут, но он как человек не очень сильный умственно, сейчас же подчиняется тому, кто насядет, особенно когда дело заходит об принципах не художественных, а политических, тут он сейчас сбит с толку..

[Петербург] 28 марта [18]91 г.

..Завтракал у Толстого, который рассказывал все штуки Петрова, целая компликация. Кто кого лучше — я не знаю. После завтрака приехал Третьяков и категорически стал ставить вопросы. Тут Толстой вертелся, вертелся и в конце концов сказал: что Павел Михайлович и Василий Дмитриевич слишком идеально смотрят на дело и воображают, что все люди такие прекрасные. Ничего подобного нет, а с мошенниками надо понимать как вести дело, и т. д. и т. д. Что касается до жалования, то теперь он говорит, что и квартиры и мастерские и заказы будут розданы новым профессорам. Как это ново и свежо!.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[Москва] 14 марта [18]93 г.

Дорогой друг Илья Ефимович, я получил от вице-президента циркуляр, что надо-де приискать руководителей для академических учеников, что-де сам г[осподи]н ректор очень этим озабочен.

Осмеливаюсь высказать по этому поводу свое мнение, хотя я уже раз поплатился за такую смелость,— я выразил бы удовлетворение по поводу отношения Академии к Павлу Петровичу Чистякову. Ведь это такой учитель, каких мало, а в Академии его как бы и не замечают. Мне было невыразимо обидно, что когда придумали мастерские и завели там руководителей, того, кто был нашим руководителем, да и вообще руководителем, выбросили, как негодную тряпку. Что меня тогда за борт выкинули, вполне понятно и даже натурально; я с своей непозволительной бестактностью и непочтительностью навлек на себя неблагосклонность будущего начальства, которое усмотрело в моем настроении злонамеренный и недопустимый нигилизм. Дело в том, что я осмелился сметь иметь свое мнение. Но Павел Петрович, этот мечтатель и даже основатель теперешней мастерской, он-то чем не угодил, за что его-то обходят?.. Что касается твоего проекта

покупки картин в музеи, то я с ним совершенно согласен, особенно если покупатели будут особы, об которых рассуждать нельзя. А теперь всякий толкует вкось и вкривь; а тут еще придавленная анонимная печать, которая ни о чем не может по душе говорить и ругать, кроме искусства да самоуправления, старается и обливает помоями беззащитных. А так как теперь доказано, что в России самый лучший способ самоуправления — это приказание, от начальства исходящее, то пускай оно прикажет, и все пойдет, как по струнке. Читал я в бумаге, что передвижники желают упразднить свой Совет, ну что же, в добрый час. Только не в этом суть...

Борóк. 13 ноября [18]96 г.

Только что получил в деревне ваши письма и телеграммы[9], дорогой Илья, несказанно обрадовали они меня. Я почувствовал себя с вами, я не один, обо мне помнят и старые и молодые друзья.

Вспомнил я давно минувшие годы нашей молодости, когда мы учились в Академии, для меня это было хорошее время. Особенно хорошо вспоминается мне осенью начало занятий, когда все возвращались после лета, кто с этюдами, кто с картиной, и почти все со свежими силами; вскоре открывалась выставка, да какая, с картинами Ге, Флавицкого, Клодта, Попова, Морозова.

Принято бранить Академию, называть ее мачехой, а я так иначе ее вспоминаю, для меня она была родной; я несказанно ей за все благодарен, я обязан ей художественным образованием, обязан моими художественными связями, от гимназии и университета у меня никого не осталось, а от Академии близкие друзья.. В стенах ее, как в лучше всего обставленной высшей художественной школе России, я бы, конечно, был рад поделиться с подрастающим поколением тем, что сам приобрел в течение двадцатипятилетней трудовой жизни, работы,— и, казалось, сама судьба вела меня к этому.

Я был призван к работе над новым уставом, пришлось выдержать сильную борьбу с холопским направлением Хомякова и компании, но многое удалось отстоять, но настойчивость моих убеждений не понравилась. Открылась новая Академия, в которой, по всей справедливости, рядом с тобой я должен был быть одним из первых деятелей.

Общественное мнение было за меня, молодежь обо мне мечтала, и что же, меня обошли, я остался вне течения.

По моим художественным симпатиям я принадлежу к петербургской школе в широком смысле. Меня с молодости увлекали великие мастера Академии, больше всех я любил, да и до сих пор люблю Иванова, у Брюллова меня пленяли легкость рисунка и талантливость концепции; из современных мне художников на меня сильное впечатление произвели Ге и Флавицкий, из жанристов меня увлекали тоже петербургские художники

Попов и Морозов, а тенденциозные художники Московской школы мне всегда были довольно далеки. Совершенно противоположны были мои симпатии к городам, где развились эти две школы. Петербург с его административно мундирным духом был мне всегда антипатичен, а Москва, какою я застал ее в конце семидесятых годов, меня ужасно пленила.

Ты мне пишешь, что в Академии явилось желание привлечь меня в руководители мастерской, и спрашиваешь, пойду ли я? Раньше я бы с удовольствием принял это предложение, но теперь это невозможно. Я только что устроил себе мастерскую[10] для дальнейших работ, оставлять теперь Москву, опять обрывать только что наладившуюся художественную жизнь было бы крайне неблагоразумно. Кроме того, с моей стороны было бы очень наивно идти туда, где многие не только меня не желают, но относятся ко мне прямо враждебно.

В заключение скажу, что такого строптивого человека, как я, не следует и пускать в Академию, впрочем, я и сам боюсь туда показываться, неравно начальство переменит милость на гнев и велит выгнать.

Третьяковская галерея.

И. И. ЛЕВИТАН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [*Москва*] *22 ноября* [*1896 г.*].

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, вчера только узнал я, что Вы вернулись в Москву, спешу принести Вам свое сердечное поздравление по случаю двадцатипятилетия Вашей художественной деятельности и высказать Вам свое глубокое уважение, как к наиталантливейшему художнику, благодарность, как своему учителю и доброму отзывчивому человеку.

Заехал бы лично все это Вам сказать, но болен и болен тяжело. Дай Вам бог долго и долго поработать и по-прежнему вносить в искусство непосредственность, свежесть, правду.

Сделанное Вами в качестве художника громадно — значительно, но не менее значительно Ваше непосредственное влияние на московское искусство (это звучит дико — но это так и это важно, что так). Я уверен, что искусство московское не было бы таким, каким оно есть, не будь Вас. Спасибо Вам и за себя и за наше искусство, которое я безумно люблю.

До свидания, как поправлюсь, непременно поеду к Вам, чтобы высказать все, что я думаю по этому поводу, а писать мне буквально трудно — ослаб.

Уважающий Вас глубоко и искренно преданный Вам *И. Левитан.*

Третьяковская галерея.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

М. И. Д.
Императорской
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
Вице-Президент
26 апреля 1897 г.

№ 1748

Его Высокородию В. Д. Поленову

Милостивый Государь, Василий Дмитриевич.

В Собрании Императорской Академии Художеств 21-го апреля сего года было внесено предложение, подписанное двадцатью семью членами Академии, об избрании Вас профессором — руководителем мастерской Высшего художественного Училища при Академии, причем предложение это было единогласно принято Собранием.

По докладе о сем августейшему президенту Академии, его императорскому высочеству угодно было изъявить полное удовольствие по случаю приведенного предложения и выразить надежду, что Вы не откажетесь посвятить Ваши силы и Ваш авторитет на пользу родного искусства, содействуя образованию молодого поколения художников.

Уведомляя об этом, прошу Вас известить меня для доклада его императорскому высочеству о Вашем решении и с своей стороны считаю долгом присовокупить, что вступление Ваше в число профессоров — руководителей мастерских было бы искренне приветствовано всеми, кому дороги интересы подрастающего поколения художников.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности Вашего усердного почитателя.

Гр[аф] *И. Толстой*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. И. ТОЛСТОМУ

[*Москва, 1897 г.*]

Милостивый государь граф Иван Иванович, покорнейше прошу Вас передать собранию императорской Академии художеств мою глубокую благодарность за высокую честь и доверие, оказанные мне решением избрать меня в руководители мастерской Высшего художественного училища при Академии.

Прошу Вас также выразить мою почтительнейшую признательность его императорскому высочеству августейшему президенту Академии за выраженное согласие на мое избрание в преподаватели Училища.

Примите и Вы мою искреннюю благодарность за высказанную мне симпатию.

К сожалению, я не могу воспользоваться в настоящее время столь лестным для меня предложением, я недавно начал большую работу в мастерской, нарочно для этого выстроенной, и бросать ее теперь я решительно не в силах.

Я не скрою, что мне очень тяжело отказываться от деятельности, которая мне всегда была в высшей степени симпатичной, а особенно при настоящих условиях, когда деятелями на этом поприще являются лучшие художественные силы России и между ними есть мне и товарищи и друзья.

Я надеюсь, что ни великий князь, ни Академия не посетуют на меня за настоящий отказ, так как он является следствием необходимости. Предприняв большую работу и полагая все мои силы и способности на художественное выражение тех этических идей, которые меня волнуют, я считаю, что я также служу и молодому поколению и дорогому искусству..

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Здравнёво. 14 мая [18]97 г.

Дорогой Василий Дмитриевич. Ах как жаль! Напрасно ты отказался. Месть Толстому? Мелкое это дело; игра свеч таких не стоит. Отговорка твоя серьезным художественным трудом — вздор! Академические каникулы дают чистых пять месяцев — делай, что хочешь. Да и занятия с учениками два раза в неделю по полтора часа, вот и все — больше будет уже во вред. Ведь в академическую мастерскую поступают уже люди подготовленные, кот[орые] не нуждаются в специальных учителях.

(Как у нас все еще твердят многие посредственности мысли, что нужны будто бы преподаватели посредственные, *не работающие* художники, а умеющие учить.) В гимназиях, даже реальных училищах и рисовальных школах эти учителя неспособны даже сколько-нибудь увлечь предметом и научить правильно относиться к делу.

А в Академии именно и нужны такие руководители, которые сами, не покладая рук, *работают* над чем-нибудь серьезным и пока они еще не состарились. И тут обоюдная и самая естественная помощь. Молодым художникам-ученикам нужен опытный работающий серьезно художник, а ему, чтобы не стареть, необходимо общение с этими свежими бодрыми силами, имеющими *даром* самое очаровательное свойство искусства — молодость и новизну.

Ну, да ведь тебе доказывать бесполезно, у тебя своя какая-то логика...

Очень, очень жаль. Твой *Илья.*

Знаешь, серьезно говоря, с твоей стороны даже бессовестно так лично отнестись к такой человечной задаче. Печально, а у нас это постоянно — выдающиеся, вполне незаменимые на известные посты люди, из-за мелких капризов удаляются в пустыню и предоставляют свои ответственные посты (не только перед нацией, а может, и вообще перед человечностью) — ничтожествам, тупицам, и гениальный Павел Петров прав: *«а погань историю делает»*.

Ну да мне ли тебе все это говорить, — все ты это давно знаешь. Прощай.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[Москва] 29 мая [18]97 г.

Дорогой Илья Ефимович, ты уж очень яростно на меня накинулся. Но, уверяю тебя, ты ошибаешься. Во-первых, ни к кому у меня нет чувства мести, а тем более к человеку подчиненному, исполняющему приказания другого; во-вторых, ты говоришь, что бессовестно покидать ответственный пост, совершенно верно, но ко мне это обвинение вряд ли приложимо; во все время моей общественной службы я стоял на своем посту твердо, как в мирное, так и в военное время, и сошел с него только тогда, когда был сменен. Поэтому я свой вклад, свою лепту уже внес в общественную сокровищницу, на пользу молодого поколения, я тринадцать лет был преподавателем в Училище живописи и сохранил с бывшими учениками, а теперь товарищами, самые лучшие отношения. В конце моей педагогической деятельности я пришел к заключению, что учить молодежь, прошедшую общие классы, больше нечего, надо давать только возможность продолжать учиться. Когда мы были в Академии, нас профессора мало чему учили, они нас почти и не знали, а учились мы у натуры, да друг у друга и у старших товарищей, всякий брал, что ему нужно, и это было самое настоящее дело. Всматриваясь в теперешнюю Академию, мне приходит на мысль, что класс или мастерская с авторитетным художником во главе, вряд ли есть удачная выдумка, это выходит что-то среднее между прежним академическим классом и настоящей западной мастерской.

Что касается лично до меня, то в настоящее время я решительно не могу, да и не хочу бросать моей работы, мне для этого выстроена мастерская, я только что в ней устроился и перебираться опять на новое место, значит отодвинуть работу года на два.

Ты говоришь, что я неправ перед нацией, а, может быть и человечеством, оставляя «делать историю», как выражается Павел Петрович, «погани». Может быть, перед Петербургом я и поступаю не вполне учтиво,

отказываясь от его милостивого ко мне внимания, откровенно тебе сказать, теперешний Петербург представляется мне сплошной мистификацией, поэтому я и предложения его принимаю как за таковые.

Что же касается человечества,— то это вопрос такой огромный, что об нем не берусь толковать.

В чем ты прав, это говоря, что, занимаясь с молодежью, многому сам научаешься, но при этом и отдаешь так много, что для себя остается мало, по крайней мере, так было со мной. Прежде я с этим кое-как справлялся, а теперь сил стало меньше, надо приберегать про черный день.

В заключение скажу, что нет и охоты идти туда, где за несогласие в мнении просят удалиться, а если этого не желаешь, то просто удаляют.

Ты мне говоришь, что у меня «какая-то своя логика», идущая вразрез с теперешним временем, и называешь меня устарелым либералом, оно так и есть, поэтому тем более мне не следует идти в учреждение, столь проникнутое духом современности. Вследствие всего вышесказанного ты на меня не сердись.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

Великий князь ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 11 июля 1897 г.

Василий Дмитриевич. В письме от шестого мая сего года Вы уведомляли графа И. И. Толстого, что затрудняетесь принять в настоящее время предложенную Вам должность профессора — руководителя мастерской Высшего художественного училища при императорской Академии художеств, ввиду того что Вы недавно начали большую работу в мастерской, нарочно выстроенной для этого, и бросать работу теперь Вы не в силах.

Сожалея о том, что встречается препятствие к немедленному вступлению Вашему в руководители молодого поколения художников и признавая справедливость довода Вашего о том, что начатое произведение следует окончить, я, тем не менее, в заботах о пользе преподавания искусства в высшем художественном училище, нахожу необходимым высказать Вам, что я не считаю Ваш отказ за окончательный на будущее время, а надеюсь, что по окончании работы, которая наиболее притягивает Вас к себе, Вы все же вступите в семью художников-профессоров, с большою пользою отдающих дорогое для них время педагогической деятельности в учебном заведении, которое с гордостью числит и Вас в числе своих питомцев.

Поэтому прошу Вас известить меня, на какой срок Вы отлагаете вступление Ваше в Высшее художественное училище.

Конечно, я желал бы, чтобы срок этот был возможно более краткий.

Что касается дальнейших Ваших работ, то я полагаю, что Вы могли бы продолжать их и в Академии, где нашлась бы для Вас удобная и просторная мастерская.

Пребываю к Вам навсегда доброжелательным

Владимир.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Великому князю ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Борóк. 4 августа 1897 г.

Ваше императорское высочество, позвольте выразить мою почтительнейшую благодарность вашему высочеству за столь лестное для меня желание Ваше видеть меня в числе преподавателей Высшего художественного училища при императорской Академии художеств.

Я искренне люблю Академию и глубоко благодарен ей за все то, что она мне дала, за то свободное художественное развитие, которое я получил там. Я всей душой желал бы послужить ей.

Но Вы, Ваше высочество, сами признаете справедливость моего довода, что начатое произведение следует окончить, а работа моя состоит из целой серии картин.

Промучившись много лет без мастерской, я, наконец, благодаря помощи хорошего друга, устроил себе таковую и теперь получил возможность отдаться вполне охватившему меня художественному замыслу.

Поэтому, не отказываясь послужить Академии и делу художественного образования молодого поколения, я в настоящее время не могу принять на себя этой обязанности, а назначить срок большой работе, особенно в ее начале, совершенно невозможно, потому что нельзя предвидеть всех сложных условий, с которыми она сопряжена.

Я надеюсь, что Вы, Ваше высочество, не посетуете на меня за это.

Прошу Ваше императорское высочество принять выражение моего глубокого почтения.

Василий Поленов.

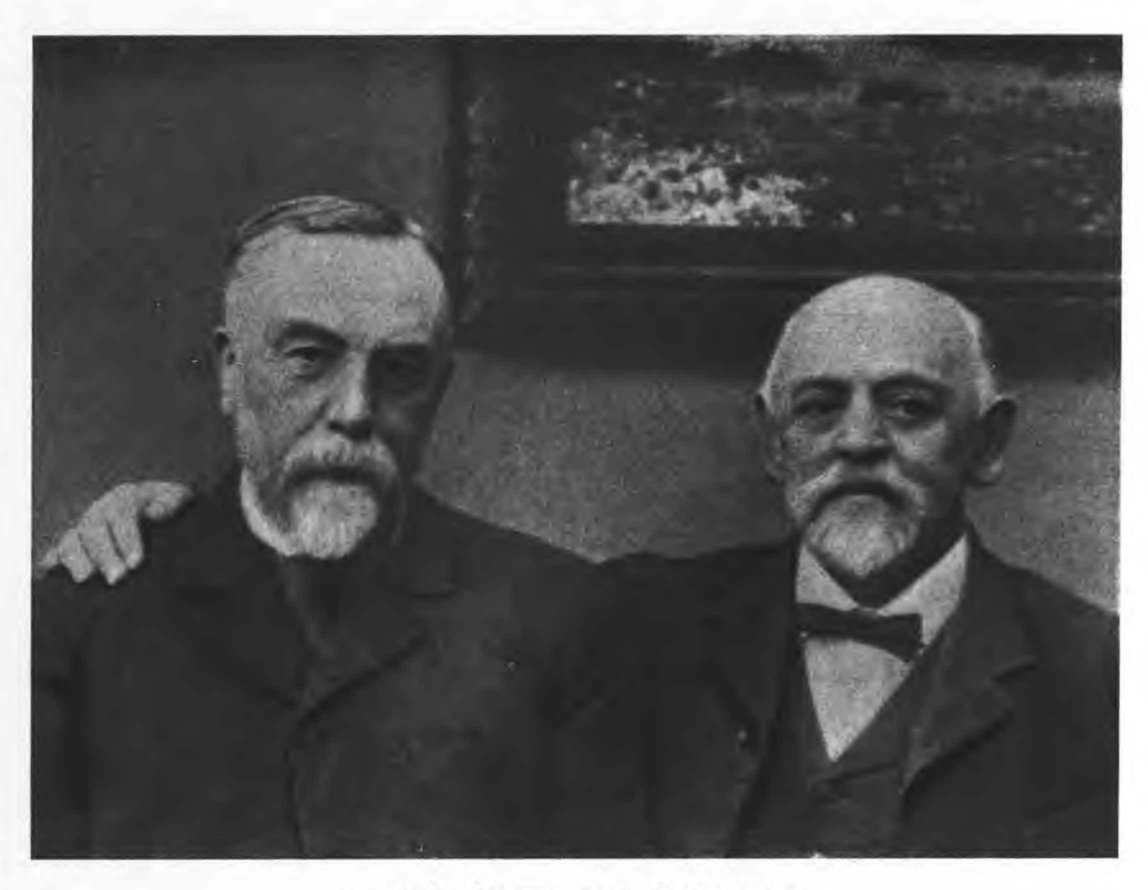
Третьяковская галерея.

Н. Д. КУЗНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Одесса. 10 сентября [18]97 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, давно тебя не видать. Слышу только иногда о тебе. Так бы мне хотелось с тобою поговорить. Ведь ты мой заду-

31. В. Д. Поленов. Старое Бёхово
Этюд. Масло. 1892



32. В. Д. Поленов и С. И. Мамонтов.
Фотография. 1900-е гг.

33. В. Д. Поленов в своей мастерской.
Фотография. 1900-е гг.

34. Музей-усадьба В. Д. Поленова. *Фотография*

шевный приятель, несмотря на то, что редко видимся. Думал, что ты приедешь в Питер к Передвижной, но тебя не было. Ты правду говорил мне о порядках в Академии. Так там все пошло и такие там все пошляки. И знаешь ли? Лучше их всех гр[аф] Толстой. Суди об остальных. Когда я решил оставить Акад[емию],— точно гора с плеч свалилась. Если бы ты знал, как здесь все далеки к искусству! Положительно не с кем поговорить о нем. Маковские, Киселевы и пр[очие], даже Репин готовы воздвигнуть китайскую стену от Запада. Слыхал, что тебя приглашают, но что ты отказался. Для тебя это хорошо, но для учеников скверно. Кого же они найдут? Дело дошло до того, что прочат Киселева. Вот уж правда, что свет клином сошелся. Я уже успокоился на Одессе с выездом за границу, и даже купил себе кусок земли здесь, чтобы построиться. Здоровье мое пока лучше, и могу ходить.

Затеваю французскую выставку, удастся ли? До свидания, дорогой друг, обнимаю и целую тебя крепко. Наталье Вас[ильевне] и всем низкий поклон.

Твой *Н. Кузнецов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. Д. КУЗНЕЦОВУ

[*Москва. 1897 г.*].

Милейший Николай Дмитриевич, как я рад, что ты не только жив, но и помаленьку здоров — даже в Одессе домишко себе заводишь. Мне бы самому хотелось повидаться с тобой и потолковать обо многом, да как это сделать — не знаю. Я за тебя порадовался, когда узнал, что ты из Академии ушел, об одном жалею, и даже очень, что ты не перебрался в Москву. Мне сдается, что в художественном отношении это было бы для тебя хорошей переменой. А для меня это было бы просто клад! Что делать — не все так выходит, как бы хотелось. Желал бы я знать, почему прошлогодняя история в Академии кончилась неожиданно изгнанием Куинджи[11] из профессоров, казалось, что он так крепко там присосался, чуть что не хозяином сделался. Вообще я этого господина не понимаю: за что он все время так упорно против меня интриговал, отчего так вдруг покорно вылетел из профессоров?

В итоге Академия довольно-таки опустела, пяти лет не прошло, как она действует по новому уставу, а уж пять профессоров выбыло.

Весной меня туда приглашали и даже вице-президент сообщил мне свое одобрение, но я не пошел. Тогда на меня напустили президента с грамотой, лично им подписанной, но я все-таки не пошел. Остается меня с жандармами водворить в Академию.

Ты прав, что вся эта клика старается загородить от молодежи все свежее, все новое и пичкает ее своей затхолью, и с большим успехом вокруг нее образуется целая куча последователей. С ними не споемся, при этом людишки они преподлейшие, руки не хочется подать. Илья Репин, конечно, сильнее всех как художник, но так не крепок как человек, что решительно не на кого опереться.

Толстой — это не что иное, как послушный исполнитель высших предначертаний. К нему, как нельзя лучше, приложима поговорка: каков поп, таков и приход, или «Tel maître tel valet» [каков хозяин, таков слуга]. Поэтому, будь другой поп или maître [хозяин] более порядочный и человекоподобный, Толстой, может быть, был бы недурным слугою, а как человечишко он немногого стоит.

Вообще вся эта петербургская холопщина мне противна до мозга костей. Я, наконец, благодаря помощи Арцыбушева, устроил себе мастерскую и пока доволен, желал бы тебе ее показать, может быть, ты как-нибудь проездом завернешь к нам.

Ну, до свиданья, дорогой друг, прошу передать мой почтительнейший поклон жене.. Крепко тебя обнимаю.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

Н. Д. КУЗНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Одесса]. 16 января [18]98 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, и я рад за тебя, что ты отказался от Академии. Конечно, только за тебя, но не за Академию. Ты еще сам поработай, когда же состаришься, ну, тогда — с богом! Теперь же там, кажется, еще хуже. Понабирали профессоров с бору да с сосенки: Киселев — руководитель! Ученики от смеху, что называется, рыла на бок гнут. Вот тебе и авторитеты искусства. Куинджевская история, собственно, довольно простая. Он своим давлением и чрезмерным старанием сделать Толстого полезным для Академии вызвал в нем протест. И тот только искал случая, чтобы свергнуть куинджевское иго.. И не думай, что Куинджи покорно оставил Академию. Толстой во время последних ученических смут выставил его перед в[еликим] к[нязем] как виновника беспорядков, как человека, не выбиравшего средств для своей популярности. Одним словом, вся эта история так мне противна, столько было лжи, и со стороны заправил желание этой ложью маскироваться в тогу благородства, что не стоит об этом говорить. Можно все самому себе представить очень легко. Стоит поставить себя только на место Толстого и многих профессоров.

Ты, верно, слыхал об отказе Эдельфельта. Он, как от сатаны, открещивается от Академии. В Академии мы с ним жили целый месяц (в моей квартире) и он вдоволь насмотрелся на тамошние порядки. Постоянное его восклицание на этот счет: «c'est inouï!» [неслыханно].

Еще одна пренеприятная сторона быть там. Не думай, что так безнаказанно ты оставишь или отделаешься от нее. Тебя еще постараются оклеветать. Не знаю, насколько верить, но ко мне дошли слухи, что там меня славословят, не знаю только, за что.

Весною думаю ехать за границу, и это для меня один восторг. Я теперь коллекционер и у меня собралось порядочно-таки хороших представителей Champs de Mars'a [Салона Марсова Поля], Dauches [Дошэ], Ménard [Менар], Robinson [Робинсон], Thaulow [Таулов], Simon [Симон] и т. д. и все это не что-нибудь. На днях получу Cottet [Коттэ] и Alexander'a [Александер] американца чудеснейшего. Желаю тебе успеха в твоей арцыбушевской мастерской и шлю тебе и твоим сердечный мой привет. Жена благодарит за добрую память.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — П. П. ЧИСТЯКОВУ

[*Москва*] *20 октября 1897 г.*

Спасибо Вам, дорогой Павел Петрович, за Ваше хорошее ко мне отношение, я очень им дорожу. Вы правы, говоря, что кто-то над нами издевается, да не над одной Академией, а над всей мыслящей частицей России. Так тяжело, так обидно, что стараешься об этом не думать. Мне представляется, что в настоящее время отечество наше охвачено непреоборимым духом холопства, который всем заправляет, а я никак не могу к нему приспособиться. Вы спрашиваете, отчего я редко бываю в Питере? Именно оттого, что уж очень унизительно себя там чувствуешь... Не об такой я мечтал Академии, когда мы составляли с Вами новый устав. Теперь мне все кажется, что с Академией может приключиться то же самое, что с Куинджи... Весной я получил от вице-президента извещение, что Академия пожелала иметь меня руководителем мастерской. Я от души благодарю тех членов, которые действительно этого желали, сам с радостью бы поработал с ними вместе и искренно сожалею, что не удалось этого осуществить. Дело в том, что сил мало предпринимать борьбу, при этом я только что устроил себе мастерскую и начал в ней работать. Пришлось бы все бросить и идти в полную неизвестность, а кто знает, с чем столкнешься, с интригой, обманом, продажностью и, наконец, что мне всего ненавистнее — с произволом.

Я очень люблю нашу Академию и несказанно ей благодарен за все то хорошее, что она мне дала, а главное — за то свободное художественное

развитие, которое там получалось. Я с великой радостью послужил бы на пользу молодому поколению; но, как вспомню, с кем придется сталкиваться, руки опускаются и всякая охота пропадает.

Как-то Вы поживаете, дорогой Павел Петрович? Что Ваши птенцы, ведь у Вас уж пошли внуки.

Прошу Вас передать Вере Егоровне мой почтительнейший поклон.

От души любящий Вас *В. Поленов.*

Если будет охота и Вы мне кое-что черкнете об Академии, буду очень благодарен.

Третьяковская галерея.

И. П. ХРУЩОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *20 ноября 1899 г.*

Твое вчерашнее письмо, дорогой друг, пришло как раз тогда, когда все мысли мои были о тебе, и я думал, как бы лучше тебе написать. Вот в чем дело: ты мне говорил, что жалеешь, что не получил в Академии той высокой в нравственном смысле руководительствующей молодыми силами роли, которая так обставлена хорошо в новом уставе. Ты говорил мне, что с тобой поступили так, что ты потом не мог принять здесь кафедру. Мне случилось на днях говорить с И. И. Толстым. Я о тебе не заводил речи, потом, в ответ на его расспросы, я сказал, что ты выражал сожаленье, что тебе не пришлось взять кафедру в Академии. На это Ив[ан] Ив[анович] принес напечатанные в журналах Академии следующие строки: «21 апреля 1897 г.: Собрание Академии вследствие предложения двадцати четырех членов Академии об избрании В. Д. Поленова в профессора руководители мастерской высшего художественного училища постановило доложить августейшему президенту Академии *о единогласном* своем мнении относительно избрания В. Д. Поленова».

Толстой говорит, что это тебе было сообщено, и ты отказался наотрез. Теперь он говорит: «Передайте ему, если хотите, что мы его просим самым горячим образом взять обратно свой отказ. Другими словами, если бы хоть через [Вас] узнали, что он согласен, то тотчас бы устроили его не только профессором руководителем, но и ректором, если он того желает. А мы страстно его желаем, но что же нам делать? Как склонить его? Для него все готово, пусть только даст свое согласие, и мы дадим форму предложению такую, какую он пожелает». Я, со своей стороны, думал бы, что нравств[енные] недостатки лиц можно отделить от них как от административных органов власти. Пусть они были виноваты, но ведь Академия не их собственность, и ты еще мог бы многое сделать для русской молодежи художников, если бы, согласно твоему идеалу, поруководствовал ею в мастерской на берегу Невы. Советовать не смею.

Потом гр[аф] Ив[ан] Ив[анович] был у меня и горячо просил убедить тебя дать согласие, дать т[ак] ск[азать] позволение вновь предложить тебе место. Прости, милый друг, что я вмешиваюсь, но ведь ты сам выражал сожаленье... Мне кажется, тебе бы хорошо было это со стороны удовлетворения твоей этики, и я готов просить это сделать для самого себя. Время не ушло, и ты довершишь свой путь со славой. Да, наконец, для тебя и для семьи пожить несколько лет в Петербурге будет полезно. Крепко жму руку твою и жду или ответа мне или, быть может, поездки сюда, хотя на самое короткое время. В моих келиях есть знакомый тебе с детства покойный диван, недавно реставрирован.

И. Хрущов.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. П. ХРУЩОВУ

[*Москва. 1899 г.*].

Любезный друг Иван Петрович, благодарю тебя за теплое чувство ко мне и за добрые пожелания. Ты находишь, что мне и семье было бы полезно прожить несколько лет в Петербурге и довершить этим мой путь со славой. Может быть, но обстоятельства так сложились, что это неисполнимо.

Я постараюсь рассказать тебе вкратце мою эпопею девяносто первого — девяносто четвертого года в Академии художеств. Хотя все это и отошло в область истории, но мне еще очень памятно.

Я, действительно, когда-то желал и мечтал поработать для молодого поколения в Академии художеств, от которой я сам так много хорошего получил и воспоминания которой храню как святыню. Это были лучшие годы моей юности. В благодарность за них я готов был посвятить ей несколько трудовых лет жизни и поделиться с юными работниками опытами многолетнего труда, тем более, что я искусился и в делах передачи этого опыта; я в продолжение двенадцати лет был преподавателем в Московском училище живописи и, кажется, оставил в учениках хорошую о себе память. Со многими из них я до сих пор в самых близких товарищеских и даже дружеских отношениях.

Когда я приехал в Петербург, вызванный для участия в комиссии по составлению нового устава Академии и познакомился с И. И. Толстым, тогда еще конференц-секретарем, он сделал на меня впечатление человека, хотя мало понимающего в искусстве, но простого, желающего дела, немного слишком многоречивого, но, даже скажу, симпатичного, казалось, мы столкуемся и дело помаленьку пойдет... Но с появлением Хомякова (Дмитрия) все вдруг изменилось. Возведение Хомяковым в идеал этики холопства, которое он ловко преподносил на французском диалекте, сразу

вскружило голову целой половине нашей комиссии. Толстой почувствовал под собой настоящую родную почву, сразу изменил всему, чего прежде твердо держался, что говорил утром, над тем стал смеяться вечером, что обещал сегодня, того не исполнял завтра, словом, повел такую дипломатию, что мне стало гадко.

А Хомяков, пользуясь глупостью Философова, бесхарактерностью Жуковского, услужливостью Толстого, интригантством Кондакова и равнодушием Репина, повел крупную интригу и почему-то против министра двора, тогда Воронцова-Дашкова, как бы в защиту угнетенного президента. Это скоро наверху заметили и сразу покончили с нашей комиссией.

Тем не менее мы все-таки успели кое-что сделать и препроводить куда следует.

Толстой, Хомяков и компания струсили, попрятались и присмирели. Толстой даже вышел из Академии. Но не прошло и года, как все опять уладилось, а Толстой даже попал в вице-президенты.

Но тут опять вышла неожиданность: Толстой вдруг изменил своим, т. е. Хомякову, Философову, Кондакову и комп[ания] и передался передвижникам. Последствием этого было, что Философов даже не попал в члены новой Академии, на что он очень рассчитывал.

Я был в это время в Москве и только издали следил за переходами и вариациями этой истории.

Но вот настало время действовать, и Толстой энергично этим занялся.

Надо тебе сказать, что в новой Академии было придумано новое звание или наименование для тех художников, которые должны были руководить мастерскими окончивших курс классных занятий учеников. Наименование это было: «профессора-руководители». Предполагалось, что такими руководителями Академия изберет: Репина, Васнецова, Шишкина, Куинджи, Мате, меня и других. Но в это время Толстой уже меня не жаловал и не хотел, чтобы я был руководителем в Академии. Для того чтобы меня устранить, он придумал следующий маневр: он заставил верховную власть, до подписания нового устава, назначить в старую Академию всех намеченных профессоров-руководителей, исключая меня, а после этого утвердить новый устав, по которому эти профессора должны были быть избираемы Академией. Маневр удался блестяще, я в Академию руководителем не попал.

Тут есть для меня вопрос неразрешенный. Почему император согласился на исключение меня из руководителей новой Академии, когда прежде сам этого желал и даже как будто указал призвать в комиссию? Вероятно, ему выставили меня как человека неблагонадежного. (Какое великое слово, перед ним бессильны самые сильные.) А он, хотя и знал, что это не так, что это вымысел (потому что он сам знал меня), но уступил, не захотев, вероятно, портить радужного настроения президентуры,— и умыл руки.

Тогда говорили, что его могли уверить, будто я сам отказался от участия в новой Академии, но ведь он имел возможность узнать об этом лично от меня или от близких ему людей, с которыми и я был тоже довольно близок. Вряд ли они рискнули на такой обман.

Но вот настал великий день торжества: новую Академию собрали, посадили на венские стулья и стали ей читать об том, как теперь будет все иначе, и насколько это будет лучше против прежнего. Когда чтение кончилось и обменялись приветствиями, один из новых членов Академии (это был Константин Михайлович Быковский) встал и сказал: «Ходят слухи, что профессора-руководители уже назначены в новую Академию, тогда как по новому уставу они ею избираются. Правда это или нет?» Это был высокий гражданский подвиг. Все переглянулись. Президент нахмурился, покраснел и потупился. Вице-президент стал что-то нашептывать ему на ухо. Наконец, тот, не подымая глаз, выкрикнул своим горловым голосом: «да, предрешено»,— все замолкли, и настала неловкая и неприятная минута...

В конце заседания вице-президент пригласил членов Академии собраться на следующий вечер, чтобы познакомиться и потолковать.

Мы собрались, и первое, на что обратили внимание, это на какие-то афиши, разложенные на столе. Спрашивают Толстого: «что это такое?» Он отвечает, что это до настоящего вечера не относится, а будет объяснено впоследствии. На этой афише находились имена художников, утвержденных высочайшей властью профессорами руководителями (к сожалению, я потерял такую афишу). На следующий вечер назначается первое очередное собрание новой Академии (это единственное, на котором я был). В самом начале заседания Мясоедов вынул из кармана вчерашнюю афишу и спросил: «что означает этот список имен и почему руководители мастерских назначены раньше утверждения нового устава, в котором они впервые появляются и избираются Академией?» Толстой сейчас же прервал, сказав: «это высочайшее повеление, об котором разговаривать нельзя». После этого я больше ни разу не был в заседаниях Академии.

Из всего этого выходит, что из-за меня было дано такое высочайшее повеление, об котором совестно было говорить открыто, потому что выходило, что кто-то тут передернул.

Из всей этой истории мне всего было обиднее, что человек внешне так высоко и независимо стоявший и, как казалось, любивший правду и прямоту, пошел на такую сделку и не только не защитил от клеветы человека, которого знал, а даже сам сделал подлог, чтобы его за что-то оскорбить.

В [18]97 году, вследствие шуточного разговора с Репиным, Академия избрала меня в руководители. Я очень благодарил за столь высокую честь и доверие, но отказался, так как уже устроился для работы в Москве, то же самое я повторил и президенту Академии на его письмо.

Было время, когда я пошел бы в Академию, не скажу, с удовольствием, скорее со страхом, потому что задача была слишком велика и ответственна, но я должен был тогда идти. Теперь же это невозможно, работа моя в ходу и я не хочу ее прерывать, а главное — там *делаются дела, с которыми я не могу помириться*. Не далее как два года тому назад заставили оттуда уйти человека, всею душою преданного Академии и молодежи, потому что он *осмелился иметь свое мнение*. Я говорю о Куинджи. Я же, когда имею свое мнение, то держусь его крепко и выйти меня никто не заставит, могут выгнать, но такой финал меня не привлекает. Да вряд ли Академия теперь меня приняла бы, я не гожусь в ее ареопаг, там теперь заседают все больше почтенные или важные нигилисты, а я таковым никогда не был. Мой друг Илья Ефимович Репин как-то назвал меня отсталым либералом, вот это было верно сказано. Такие там не годятся теперь.

Я очень люблю Петербург как город: его река, набережные, улицы, площади, каналы — все это очень красиво; его галереи, музеи, библиотеки, выставки в высшей степени интересны; его здания, театры, академии, высшие школы великолепны. Но Петербург как центр современного русского фетишизма или попросту холопства мне противен до глубины души.

В настоящее время я работаю с утра до вечера в чудной мастерской, построенной мне хорошим приятелем (К. Д. Арцыбушевым), и мечтаю только о двух вещах, чтобы голова поменьше болела да чтобы побольше было времени для работы. Может ли Академия исполнить эти два мои желания? Сомневаюсь.

Лично против Толстого я ничего не имею, он исполнитель и действует в духе высшего начальства, tel maitre [каков хозяин] ...но что меня от него оттолкнуло еще в начале знакомства, это что у него хотя и много слов, но слова нет...

Твой *В. Поленов.*

P. S. Прости за такую длинную литературу, но мне хотелось выяснить тебе мое положение.

Третьяковская галерея.

И П ХРУЩОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 29 декабря 1899 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, я имел свиданье с Толстым. Письмо твое было читано ему с небольшими пропусками некоторых выражений. Он жадно впивался в каждое слово и в течение всего вечера — за полночь, мы говорили о тебе. Он мне рассказал всю историю твоего неприглашения сначала и твоего блистательного избрания после. Мне теперь совершенно

ясно, что ты на некоторые обстоятельства смотрел односторонне, истина посередине. А Толстой совсем не виноват.

То, что ты пишешь о Куинджи, я бы мог осветить теперь совсем другим светом. Он мальчишески поступал, шел против всего педагогического персонала Академии и действовал с глупо бунтовавшими учениками, как человек, совершенно не развитой и не цивилизованный — mal élevé [невоспитанный].

Твое дело стоит так: избрание 1897 г. во всей силе, а оно единогласное. Тебя желают, готовы просить еще и еще, если ты захочешь ломаться. Если откажешь, хотя бы через меня, пожалеют искренно. Эти «дела давно минувших дней» так памятны Толстому, как будто они совершились вчера.

Всех благ на новый год и тебе и твоим.

Иван Хрущов.

Третьяковская галерея.

И. И. ТОЛСТОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 25 января 1900 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, в то время когда Академия *единогласно* постановила пригласить Вас на должность профессора-руководителя, Вы, к сожалению, ответили отказом, мотивировав его Вашею занятостью и дав как бы надежду, что, несколько освободившись, Вы со временем могли бы принять предложение. Если Ваша мотивировка не была просто любезною и деликатною формою, приданною Вашему отказу, то не было ли бы возможно вернуться к этому вопросу? Ваше деятельное участие в академических делах было бы *чрезвычайно* важно, а облегчить Вам Ваши обязанности можно было бы различными способами, если бы только Вы принципиально согласились. До получения от Вас того или другого ответа я расписывать не стану. Что Вы на это скажете?

Второй вопрос, с которым я обращаюсь к Вам, следующий: не согласились бы Вы взять на себя обязанность члена жюри по искусству от России на Парижской выставке? Вопрос я пока ставлю принципиально, и если бы Вы не отказались бы *принципиально* оказать эту услугу, то я бы сообщил Вам подробности, познакомившись с к[оторы]ми Вы могли бы решить вопрос.

Если что не так, то извините меня великодушно и не откажите в ответе на оба вопроса.

Искренно уважающий Вас и преданный

Ив. Толстой

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. И. ТОЛСТОМУ

[Москва] 28 января 1900 г.

Многоуважаемый граф Иван Иванович, причина, которую я выставил, отклонив от себя сделанное мне Академиею лестное предложение быть руководителем мастерской, не была просто формой отказа; я действительно тогда начинал большую работу и за последние два года исключительно был занят собиранием материала.

В настоящее время работа моя в самом разгаре и я решительно не могу оставить ее.

Я и до сих пор не отказываюсь от дела, которое мне всегда было очень симпатично, передача молодым товарищам опыта, приобретенного многолетним трудом. Но в настоящую минуту я решительно не могу ничем себя связать, поэтому не могу взять на себя никаких обязательств.

Я приношу Вам искреннюю благодарность за честь, которую Вы мне делаете, предлагая принять деятельное участие в делах Академии и обязанность члена жюри на парижской выставке; и то и другое предложение в высшей степени мне интересны, и в другое время я бы с удовольствием их принял, но теперь я должен от них отказаться, потому что всякое ответственное дело помешает моей работе, особенно в настоящем ее периоде.

Примите уверение в совершенном моем почтении.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XVII. 1897—1899 годы

Начало работы над циклом картин «Из жизни Христа». Второе путешествие на Восток.

В. Д. ПОЛЕНОВ — А. А. ГОРЯИНОВОЙ

* *[Москва] 22 марта [18]97 г.*

..Трудная задача передо мной — непосильная, но я не в состоянии от нее отказаться[1], слишком я охвачен величием этого человека и красотою повествования об нем.

Вы называете мою картину [«Христос и грешница»] «нигилистической». Так ли это? Я вполне согласен, что она не каноническая, т. е. не такая, как принято изображать. Действительно, я не придерживаюсь уста-

новившихся правил. Мне все хочется доискаться исторической правды, но это не отрицание. Отрицаю, желая изобразить предметы по возможности ближе к действительности. Я ищу только истины. Истина, какая бы она ни была, для меня несравненно выше вымысла.

В первых повествованиях о Христе личность его является чисто человеческой, со всеми человеческими чертами, и несравненно более для меня привлекательной, трогательной и величественной, чем тот придуманный после его смерти отвлеченный, почти мифический образ, который передали нам писатели и художники позднейших времен. В евангельских сказаниях Христос есть настоящий, живой человек, или сын человеческий, как он постоянно сам себя называл, а по величию духа сын божий, как его называли другие. Поэтому дело в том, чтобы и в искусстве дать этот живой образ, каким он был в действительности.

Но для художника образа, желающего правдиво передать изображаемый предмет,— внешний вид его — [имеет] несомненно огромное значение. И вот этого-то,— правдивости во внешнем виде,— я и доискиваюсь. Но какие же для этого существуют данные?

Дело в том, что положительных данных очень мало. Те, которые до нас дошли, крайне противоречивы. С самого начала возникает спор и два противоположных сказания. Одно описывало его почти физическим уродом, другое, наоборот, облекало его в красивую внешность. Поэтому изображение лица его относится к области творчества. Что же касается до одеяния, на этот счет существует много указаний, но без сомнения, оно не было классическим, каким стали изображать его римские и византийские художники. Всего скорее, он носил еврейскую или галилейскую одежду простого народа. Точного изображения еврейского костюма того времени не осталось, но тем не менее до нас дошли некоторые подробности, как по археологии, так и по этнографии, дающие возможность восстановить, до известной степени, внешность жизни той эпохи. В самих евангелиях есть очень ценные бытовые черты, рисующие картину того времени и указывающие на сходство тогдашней жизни и обстановки с настоящею. Но что, вероятно, не изменилось, или если и изменилось, то очень мало, это природа: небо, горы, озеро, скалы, тропинки, камни, деревья, цветы, все это осталось приблизительно тем же. Тоже и постройки и одежда простого люда были близки к теперешним. Все это я говорю на основании изучения и наблюдения. И вот всем этим я стараюсь воспользоваться в моих картинах.

Я несказанно люблю евангельское повествование, люблю этот наивный правдивый рассказ, люблю эту чистую и высокую этику, люблю эту необычайную человечность, которой насквозь проникнуто все учение, наконец, этот трагический, ужасный, но в то же время и грандиозный конец...

И что же? Из этого высочайшего учения любви люди создали узкое и жестокое притворное изуверство, называют это религиею Христа и под

ее охраной, в лице православия и католицизма, творят самые возмутительные дела. Люди, называющие себя христианами, убивают, вешают, насилуют, лгут, развратничают, грабят и прикрываются самым нравственным, самым любвеобильным, самым чистым учением.

Недавно в Петропавловской крепости жандармы изнасиловали девушку и сожгли ее, чтобы скрыть следы, и когда возмущенная молодежь собралась отслужить панихиду, ее забрали и рассажали по тюрьмам, а высшее правительство через надлежащую власть сделало ей строгое отеческое внушение. При этом рассказывают, что обер-прокурор подыскивает из писания тексты, которыми санкционируются все эти деяния. Куда ни взглянешь, всюду творятся ужасы. Раскольников опять преследуют, идеалистов изгоняют, урядники, земские начальники, губернаторы бесконтрольно свирепствуют, распоряжаются. Причины смерти несчастных Сайгиной и Ветровой[2] случайно стали известны, а сколько подобных ужасов остаются навеки погребенными с своими жертвами. Теперь православная Россия чуть что не во главе турецких зверств. Оно и понятно — в ней самой творятся дела худшие, потому что тайные. Душа возмущается, сердце обливается кровью, и ничего не поделаешь,— время лжи, притворства и наглого цинизма. Ужасно тяжело!

[*Москва*] *18 апреля* [*1897 г.*]

На днях я вернулся из Петербурга, какое там самодовольство, какое к нам презрение, я виделся с товарищами, они теперь все на страже реакции. Репин называет меня устарелым человеком, другие отсталым нигилистом. Но я против этого протестую, я никогда не был ни нигилистом, ни анархистом, я всегда был противником всякого разрушения и цинизма, напротив того, я всегда стоял за созидание и устройство. Ненавидел, да и теперь ненавижу, динамит, смертную казнь и произвол, а это главная сила современной России.

Начал писать об евангельских рассказах, а кончил современными ужасами, слишком тяжело на душе.

В. Поленов.

Если Вам эта переписка тяжела, то прекратите ее.

Третьяковская галерея.

И. И. ЛЕВИТАН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* [[*Москва*] *24 марта* [*1899 г.*].

Очень тронут, глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, что зашли ко мне перед отъездом. Я давно собирался к Вам, да в последнее время

у меня сердце ведет себя не порядочно, а у Вас лестница «порядочная».

От души желаю Вам счастливого пути и всего лучшего. Желаю также, чтобы Вы привезли к нам на север чудные этюды востока и юга. Они у Вас так бесподобны.

Всего лучшего.

Преданный Вам *Левитан.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Киев]. 24 марта [18]99 г.

Пока едем благополучно[3], все в надлежащем здравии. Егише* ничего, оправился, но забыл свой паспорт в Москве, а потом нашел его в чемодане в багаже. Очень воздух хорош, на рубке пахнет весной, а в вагоне жарко и душно. Большой успех имел завтрак. Благодарим. Пока все веселы, подъезжаем к Орлу. Думаем остановиться на сутки в Киеве.

Одесса. 27 марта [1899 г.].

Приехали в Одессу без особых приключений. Только в Киеве рессора сломалась у коляски, только что мы отъехали от станции. Фуртапыч** усердно суетится и очень расторопный малый. Леонид*** изучает Египет, а Егише не в духе. Ему все кажется, что слишком дорого. Здоровьем пока все ничего.

В Киеве ходил смотреть Влад[имирский] собор. Пестро, ярко, всюду золото, всюду раскрашено и спереди и сзади, но единства и гармонии мало.

Отдельно есть очень талантливые места у Васнецова. Нестеров очень благочестив, у Сведомских и важно, и весело, и с грехом пополам, у Котарбинского в придачу довольно глупо. Почти всюду чувствуется или подражание или притворство во славу петербургского православия и в назидание еретикам.

Из орнаментов есть оригинальные колосья и рыбы Врубеля. Дрюшины пальмы недурны; красивы сочетания мраморов Прахова, но его узловые колонны и рельефная эмаль бессмысленны и безвкусны.. Сейчас был

* Е. М. Татевосян.
** А. А. Киселев.
*** Л. В. Кандауров.

на пароходе. Новый, чистый, нарядный, говорят, не валкий. Погода стоит ясная, но холодная и ветреная, не особенно приятная, деревья еще все по-зимнему, а все остальное по-летнему.

Кузнецова отыскал, но он в Питере. Вечером угощал Леонида и Фуртапыча устрицами. Егише отказался..

[Константинополь] 29 марта [1899 г.].

Приехали в Константинополь. Переезд был далеко не зеркальный. Меня и Леонида порядком укачало. В Босфор взошли при серой пасмурной погоде с дождем, все время дул сильный холодный ветер.

Егише и Киселев молодцами, их нисколько не укачало и оба наслаждаются, мы с Леонидом вчера сильно приуныли, я перевел его в первый класс, тут не так качает. Нас утешают, что привыкнем. Теперь полная тишина..

Пирей. 2 апреля [18]99 г.

Чем дальше отходим от вас, тем больше хотелось бы знать, что у вас поделывается. Из Константинополя по Мраморному морю и у Малоазиатского берега переход был удачный, у Смирны даже степлело и ветер стих. Переход к Аттике опять с качкой, но я уцелел. Леонид усердно занимается фотографией. Егише энергично и хорошо пишет tempera и грустит о соотечественниках[4]. Фуртапыч всем восхищается и от всего в восторге. В Константинополе я видел дивные греческие саркофаги с окраской и ужасно обрадовался, когда в музее нашел камень с надписью храм Ирода.

Александрия. 4/16 апреля 1899 г.

Прибыли благополучно. Последний пароход был великолепен, море синее, слегка покачивает, но без последствий. Ветер стал теплее.

В Александрии взял драгомана, который нам все и устроил. Тут чувствуется уже весна, хотя большинство деревьев без листа.

Каир. 5/17 понедельник [1899 г.].

Были в мечети Хассана, это одно из самых гениальных сооружений не только арабо-византийского стиля, но и больше. На другой день отправился на пирамиды, очень жарко, но тем не менее удалось сделать два этюда.

Зашел на почту и получил твою телеграмму, очень обрадовался. Киселев ужасно увлекается, суетится, путает, торгуется, со всеми входит в дружбу, его слегка надувают. Он горячится и много пишет этюды. Егише все больше критикует, а Леонид изучает и философствует. Фотография у него понемножку удается.

Каир. 10/12 суббота [*1899 г.*].

Сегодня едем в Порт-Саид, а оттуда в Яффу, я устроился на английском пароходе через агентство Геез [Gaze], думаю у него остановиться в Иерусалиме и поручить ему составить караван. Это будет немного дороже, но вернее, чем через русские общества. Посылаю Митюхе билет каирской конки и марки с твоей телеграммы..

Иерусалим. 21 апреля/3 мая [*1899 г.*].

..Сегодня в четыре часа пускаемся в путь. Удачно, что могу, сделаю. Караван составился довольно дешево, по семнадцать франков в день с человека, спутники приладились к путешествию, хотя каждый остается в своем характере. Фотографии у Л[еонида] очень удаются.

..Маршрут у нас составлен в главных итогах следующий:

Апрель [ст/ст]	Май [н/ст]	
21	3	из Иерусалима
23	5	Сихем
26	8	Назарет
28	10	Тивериада
Май		
11	24	Бейрут
14	27	Из Бейрута Messagerie* в Смирну и Афины.

Так что, если все кончится благополучно, то в конце мая может быть и увидимся.

Переезд из Порт-Саида в Яффу был на маленьком египетском пароходе и вышел очень удачным, совсем не качало.

Поездка на Мертвое море сошла хорошо, хотя было очень ветрено и пыльно..

Третьяковская галерея.

* Пароходное общество.

ГЛАВА XVIII. 1899—1901 годы

С. И. Мамонтов в тюрьме. Суд и оправдание. Всемирная парижская выставка. Выход русского искусства на мировую арену. Смерть Левитана.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *21 января 1899 г.*

Дорогой Василий Дмитриевич. Разумеется! Жду тебя! Пожалуйста, без церемоний. Если меня не будет дома в момент твоего приезда, то ты вали ко мне в кабинет, со всеми чемоданами и устраивайся, как у себя дома.

Твой *Илья.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Петербург*] *23 января 1899 г.*

Выставка Дягилева очень интересна[1]. Много талантливого, свободного, но и много вздору, Лилины вещи выставлены отдельно и, кажется, нравятся[2]. Марии Федоровны* изделия поражают своим оригинальным вкусом и дешевизной[3]. Мои камни поставлены очень незаметно, но недурно. Вчера было открытие с высокопоставленными лицами. Я на нем не был. Остановился я у Репина, он очень любезен. Я им восхищаюсь, бодрый, веселый, много работает, всюду бывает, везде поспевает.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[*Москва. 1899 г.*].

Дорогой друг Илья Ефимович! Все собирался я выразить тебе то чувство глубокой радости, которое я испытал благодаря твоему истинно дружескому приему. Несколько дней, проведенных мною у тебя, в Академии художеств, ясной полосой остались в моем воспоминании. Твоя приветли-

* М. Ф. Якунчикова.

вость, веселое настроение и юмор на время даже рассеяли мой мрачный пессимизм или, вернее сказать, удручающую руссофобию. От души благодарю тебя за это.

Я в последнее время уж и не думал, что мне придется провести хоть несколько дней в здании, над входом которого написано: «Свободному искусству». В этом здании прошли лучшие годы молодости, годы хоть и трудной работы, но зато и чудных замыслов и надежд. Это учреждение недаром существовало, оно дало несколько поколений замечательных художников, я сам ему всем обязан и поэтому горячо люблю.

Прошу тебя передать мой дружеский привет твоим милым барышням, Вере и Татьяне Ильинишнам, а Веру Ильинишну, кроме того, я благодарю как радушную хозяйку и веселую спутницу.

На второй неделе поста мы думаем устроить народно-историческую выставку[4], в которой ты, кажется, одно время думал принять участие. Если бы ты прислал нам хотя бы маленький эскиз (из русской или библейской истории).

От души тебя обнимаю
Твой *В. Поленов.*

Посылаю тебе выдвижной ящик, употребление его изображено на прилагаемой гравюрке.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Петербург] 28 февраля 1899 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, ты меня очень тронул твоим добрым настроением и скромным довольством моего приема... Ах, как бы я рад был дать что-нибудь на выставку в память Елены Дмитриевны. Но что же я могу? Теперь, когда на втор[ой] нед[еле] *выставка*! Тогда еще по первому впечатлению я попробовал компоновать, ничего не вышло. А теперь, где же я возьму? Тебе ведь известна моя бездарность — будем откровенны — сколько надо времени мне, чтобы чего-нибудь добиться и сколько издыханий, чтобы что-нибудь, хотя рутинное, одолеть... докорпеть.

А я сокрушен Надиным отъездом в Сибирь[5]. Все ищет подвига! На переселенческие пункты. Ведь там и голод, и холод, и все болезни. Вот туда-то ей и нравится...

На Передвижную выставку у меня ничего не вышло, бывает.

На выставку Васнецова, наконец, толпа валит, последний день сегодня[6].

Получил ли ты фотографию с Семирадского «Фрины»? Я ее отдал для передачи В. Васнецову.

40 Заказ 234

Будь здоров. Мои благодарят тебя за милостивое расположение. Семейству передай наш общий привет.

Твой *Илья.*

Третьяковская галерея.

А. Д. ПОЛЕНОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 14 сентября 1899 г.

Только завтра я уезжаю в Воейково, меня оч[ень] задержала здесь беда, стрясшаяся над Сав[вой] Ив[ановичем[. Ты, конечно, знаешь из газет о произведенном у него в доме суд[ебным] следователем обыске и затем об аресте его[7]. Его посадили в тюр[емный] замок, в довольно скверную маленькую и душную комнату. Вся процедура более приближалась к жестокости, чем к правосудию. Пришлось ехать и к следователю и к прокурору, но, к сожалению, без пользы..

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 21 сентября 1899 г.

М. Г. Т.
Камера №
По приему №

Дорогой друг Василий Дмитриевич! Никогда я не сознавал так глубоко великого значения искусства, как сейчас. Я всегда искренно любил его и оно в тяжелые дни спасает мой дух.

У меня к тебе есть трогательная просьба. Я сочинил оперный сюжет, Щепкина-Куперник написала его в красивых стихах, а Кротков сделал, кажется, недурную музыку. Я слышал первый акт, мне нравится — благородно и деликатно. Называется опера «Ожерелье»[8]. Фабула взята мною из времени греческих колоний на юге Италии. Словом, деликатная Греция и милая Италия. Либретто печатается и ты его получишь.

Бедная Частная опера хочет поставить «Ожерелье» и надо по возможности помочь им справиться с художественною частью. Она незамысловата, но требует такого благородного художника, как ты, т. е. тут должен быть дан тон, который ты сумел так недосягаемо высоко поставить в «Афродите» и «Орфее». Та же чистая, благородная и несколько условная Греция. Будь великодушен и сделай рисунки трех актов. Вот задания их. *Первый*: скалистый берег моря. Летний день, склоняющийся к вечеру. Море ярко освещено. Слева нечто вроде отрогов кратера и небольшая скала, с которой должен быть сход. Вся прелесть в море. *Второй*: сцена представляет

открытую террасу с колоннами белого мрамора, находящуюся на скале над морем. Направо вход во дворец. Слева в глубине на выступе скалы небольшая колонна ниже человеческого роста (около нее окаменевает одно из действующих лиц). Терраса убрана гирляндами. С моря подъезжает галера празднично украшенная. Яркий летний день. *Третий*: то же место через две тысячи лет. Время cinquecento [чинквеченто]. От террасы остались кое-какие развалины, из дворца сделан скромный католический храм. Налево лепятся утлые хижины итальянских рыбаков, у берега лодки. Выступ скалы, на котором едва видна окаменелая фигура, поросшая мхом. Фигура эта должна оживать, как призрак. С половины акта наступает ночь, луна, и на море показывается призрак погибшей галеры. Вот и все.

Не буду тебе, конечно, говорить, насколько меня порадует твоя помощь. При ней, словом, задача может быть достигнута, а это все-таки будет нечто, т. е. новое слово в художественном мире нашем.

Крепко обнимаю тебя, Наташу и ребят.

Твой искренно *С. Мамонтов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. И. МАМОНТОВУ

[*Борóк. Сентябрь 1899 г.*]

Сейчас получил твое письмо, дорогой друг Савва, об отказе, конечно, не может быть и речи. Я с особенным вниманием постараюсь исполнить твою просьбу. Мы ведь часто понимали друг друга на поприще искусства, оно нас связывало, и на нем, главным образом, основана наша дружба. Нет человека, который имел бы для меня в моей художественной деятельности такое большое значение, и, прямо скажу, что без твоего сочувствия и помощи я не мог бы исполнить моей большой работы. В твоем жизненном отношении к искусству я почерпал бодрость, мажорность твоего настроения всегда оживляюще действовала на меня. Но рядом с этим в тяжелые минуты жизни, когда у меня случались личные невзгоды, ты всегда приходил ко мне на помощь, когда умер Федюшка, ты да Петр Антонович [П. А. Спиро] только и отнеслись ко мне с сочувствием. Потом во время академической истории[9], когда другие с каким-то злорадством на меня накинулись, ты все сделал, чтобы меня поддержать, во время моего нервного расстройства ты необыкновенно добро относился ко мне. За все это тебе великое спасибо и, если я чем-нибудь могу тебе помочь, то, конечно, сделаю все, что в моих силах.

Третьяковская галерея

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 5 октября 1899 г.

М. Г. Т.
Камера №
По приему №

Дорогой друг, Василий Дмитриевич! Твое письмо глубоко порадовало меня. Что бы там ни было, но то чистое, святое, что мы видели и видим в искусстве, дает нам такую связь, которая может быть нарушена только смертью. Спасибо тебе за внимание к «Ожерелью». Его сейчас, вероятно, печатают,— я попрошу доставить тебе немедленно экземпляр.

Конечно, надо держаться той простоты и удивительной красоты, которую ты проявил в «Афродите»[10] и «Орфее»,— в этом-то и есть вся прелесть. Первый и второй акты несложны, в третьем есть некоторые осложнения, которые, впрочем, как ты увидишь, победить не трудно. То ли еще мы побеждали! Я буду ужасно рад, если Кротков, как композитор, займет подобающее ему место. Как обидно, что люди, имеющие возможность поддержать способного человека, стараются, наоборот, замять, не дать ходу. Es ist eine alte Geschichte doch bleibt sie immer neu! [это старая история, но она остается вечно новой]. А ведь он так привык к этому, что сам первый уже подставляет шею и, получив толчок, принимает его как должное. Впрочем, во многом он сам виноват, или вернее сказать, его косная природа, которая, однако, покидает его, когда он садится за нотную бумагу. В полгода написать и оркестровать трехактную оперу — это не шутка! Это впору только Римскому-Корсакову. Конечно, весь вопрос в качестве. То, что я слышал (первый акт), мне нравится.

Между нами любезности не у места. Я считаю, что твои «Афродита» и «Орфей» прямо-таки шедевры, которые, собственно говоря, принадлежность музея. А ведь, знаешь ли ты, что «Афродита» твоя тю-тю! Вероятно, сторожа в музее извели на тряпки. Ну, да это все равно,— она была! Надо полагать, что и «Ожерелье» будет прелестно!

Как и где ты устроился, я ведь не знаю, и доволен ли ты?[11]. Обнимаю крепко Наташу, тебя и ребят. Все тот же *С. Мамонтов*.

Все время мое проходит в работе. Пока светло, леплю, а вечером кропаю. За это время перевел «Д[он]-Жуана»,— давно собирался, наконец, нашел время.

В. Д. ПОЛЕНОВ — А. А. ЛОПУХИНУ

[Москва] 16 октября 1899 г.

Милостивый государь Алексей Александрович, сегодня я воспользовался разрешенным Вами мне свиданием с Саввой Ивановичем Мамонто-

вым и спешу самым сердечным образом благодарить Вас за этот истинно человеколюбивый поступок. Савва Иванович был так глубоко тронут моим посещением и так мне обрадовался (нашей дружбе более двадцати пяти лет), что я в полной мере оценил благое дело, Вами совершенное. При этом позволю себе передать Вам в нескольких словах то впечатление, которое он на меня произвел: мне показалось, что состояние его здоровья внушает серьезные опасения. Не говоря о нравственном потрясении, неизбежном в подобных случаях, однако сильно смягчаемом прекрасным, поистине человеческим обращением тюремного начальства,— повторяю это со слов Саввы Ивановича,— материальные условия, в которых он находится, особенно при его болезненном состоянии, очень тяжелы: недостаток движения, чистого воздуха, но особенно тягостное для него одиночество (на это он жалуется сам) вконец могут подорвать и без того уже расстроенное здоровье... Происшедший вчера утром обморок с удушьем и, вероятно, ослаблением деятельности сердца, о чем вы, конечно, уже осведомлены, внушают мне опасения за его жизнь.

Извините мое, при других условиях может быть неуместное, вмешательство; извините решимость, с которой я обращаюсь к Вам с просьбой заменить Савве Ивановичу это заключение домашним арестом; к тому меня вынуждает долголетняя с ним дружба.

Мне говорили, что заключение его между прочим является мерою к предупреждению самоубийства. Так долго и так близко зная С[авву] И[вановича], я не могу допустить этой мысли. Я уверен, что он всегда найдет в себе достаточно силы духа, чтобы перенести испытание. Что же касается вреда для хода следствия от предоставления ему иных условий жизни, то не справедливее ли предположить, что больший вред раскрытию истины причинит роковой конец, притом, может быть, внезапный.

Еще раз поблагодарив Вас и извиняясь за необычное вмешательство, прошу Вас верить чувству искреннего и глубокого моего уважения.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

С. И. МАМОНТОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 1899 г.

Дорогой друг Василий Дмитриевич! Твое посещение было мне не только отрадно, но прямо живительно, как благодатный дождь, упавший на засыхающую ниву. Я ободрился, дух мой посвежел. Спасибо!

Ты сказал мне мысль, которая может иметь самый победоносный результат по отношению к моей художественной деятельности. Если ты, Васнецов, Репин, Антокольский, Суриков,— словом русские авторитетные художественные силы,— могут примкнуть и другие (позднейшей формации),— скажете *искренно*, *смело* свое слово, свое определенное художественное мнение, то из этого может вырасти такой цветок, который всех нас будет до конца дней радовать. Не бросай эту мысль, а я буду обдумывать план, и когда я буду свободен (будет же это когда-нибудь), сообщу. Надо решительно, твердым словом, повлиять на общество, а это более, чем возможно. Может быть нечто прямо отрадное, если взяться энергично.

Обнимаю крепко. Твой *С. Мамонтов*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Москва*]. *28 ноября 1899 г.*

..Из Мамонтовых я видел два раза Сергея. В первый раз он был в очень радостном настроении и сильном подъеме. Говорил мне, что с возвращением из-за границы.. все изменилось, так что сам Витте опять стал очень любезен. Во второй раз, т. е. сегодня, говорит, что ничего неизвестно; а прокуратура и следователь теперь в Петербурге на Невском заводе.

Сергей был у меня от Саввы Ивановича, который чувствует себя превосходно и очень благодарит за декорации. Он уже получил от следователя все следствие с показаниями других подсудимых и с заключением следственной власти. Впрочем он, кажется, мало этим занят, а все лепит фигурки к своей опере «Ожерелье»..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. М. ВАСНЕЦОВУ

[*Москва*] *18 февраля 1900 г.*

Дорогой Виктор Михайлович! Спешу сообщить тебе радостную весть, которую сейчас привезла мне Вера. Савва Иванович завтра переводится на домашний арест, он выбрал для этого гончарную мастерскую за Бутырками. Я весь день сегодня думал об нашем вчерашнем решении. Мне кажется, что не шире ли будет, если мы поднесем ему оба завета, и Новый, и Ветхий, т. е. всю Библию, тем более что он из Ветхого завета два раза черпал вдохновенье для своих литературных созданий. А кроме того, можно прибавить что-нибудь хорошее из русской истории или поэзии. Всякий

дар будет теперь ему впрок, так как все его достояние будет на днях продано. Я написал обо всем этом Репину и послал заявление о моем желании предложить Академии удостоить Аполлинария [Васнецова] званием. Как только получу ответ, сообщу тебе.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва]. 19 февраля 1900 г.

..Тебе, конечно, уже известно, что С[авве] И[вановичу] разрешен домашний арест, но с теми же ограничениями, как и прежде. Конечно, все же это для него, вероятно, будет большим облегчением. Да и то хорошо, это значит — обращено выс[очайшее] внимание. Впрочем, не стеснили бы еще большими строгостями? Наше же предприятие, мне теперь кажется, должно быть выполнено без грому, а совершенно дружески и интимно. И нам, конечно, было бы приятно выразить свои чувства без стеснения, да и ему больше было бы удовольствия. Но наше печатное заявление не ухудшило бы его без этого тяжкое положение? И осторожность с нашей стороны должна быть обязательна. В этом случае пострадаем не мы, а он. Впрочем, как будет решено, на то я и согласен.

Затем в выражении наших дружеских чувств мы ни в каком случае не должны подчеркивать в нем *мецената*. Да это было бы и неверно. Как я уже говорил ранее, и снова скажу: он со своей семьей дорог нам, как центр, около которого ютился кружок, в котором художнику легко дышалось,— чувствовался воздух, в котором привольнее было жить. Он не меценат, а *друг художников*. В этом его роль и значение для нас. Притом же нужно заметить, что сфера, в которой наиболее напрягались его художественные потребности и где наша творческая деятельность встречала с его стороны наибольшее сочувствие, это — сфера *художественно-сценическая*. В этой области его значение и роль огромны,— это безусловно и должно быть закреплено за ним исторически. Только после его художественных постановок оперы в Частной опере (а особенно дома) несколько задумались над теми же вопросами и пошевелились такие крепкостенные учреждения, как императорские театры. И публике вопрос о художественности театральной постановки стал не так уж чужд.

Конечно, в его деятельности в этой области не все цельно, кой-что художественно и не удавалось; но начала положены несомненно ярко и решительно и для всех очевидно. В сценической области художественной он — поистине великий реформатор, на деле показавший, к чему должно стремиться и чего можно достигнуть. В этом деле честь ему и истинная

слава! И художники должны крепко пожать ему руку и, не колеблясь, мужественно выразить свое сочувствие. Конечно, и область чистого искусства близка его сердцу, да без этого и для сцены он не имел бы такого огромного, несомненного значения. Но здесь его деятельность выражалась довольно неопределенно и случайно. Настроения наши не всегда совпадали, и художественные его требования не всегда бывали на должной высоте.

Я потому позволил себе отчасти критически отнестись к роли его в искусстве, что хотел доказать очевидность его заслуг в области искусства более ему сродной, и их неопровержимость, и что наше сочувствие ему не есть только выражение дружеских личных чувств и желание только утешить в великом несчастии; но оно есть в то же время и дань уважения нас как художников, к его истинным заслугам художественным.

Он, как общественный деятель, в указанной области достоин всякого уважения со стороны всех, кто ценит истинное великое искусство.. Судить же его в других отношениях — не нам... Да, так или иначе следует нам выразить дружеское участие к Савве Ивановичу и Константину Дмитриевичу*.

Твой *В. Васнецов.*

19 февраля.

Сегодняшнее письмо я, признаюсь, написал сгоряча и упустил из виду его литературные труды. В них много искреннего, красивого, и потому забыть их нельзя. Каюсь.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *21 февраля 1900 г.*

Дорогой Василий Дмитриевич, разумеется, я с удовольствием распишусь под вашим сочувствием С. И. Мамонтову как художнику, артисту, просветителю своего круга в изяществе. Идея ваша мне очень нравится.

Бумагу об Ап[оллинарии] Мих[айловиче] Васнецове я подал вчера, подписал третьим Волков (Мате не было). Его три картины последние превосходны, а все-таки я боюсь[12].

Да, я слыхал, что Савве последовало уже смягчение кары. Мне его очень жаль, и я до сих пор даже помириться не могу с этим его положением.

Будь здоров, всего тебе хорошего. Твой *Илья.*

Твоя «Зима»[13] — прелесть!

Третьяковская галерея.

* К. Д. Арцыбушев.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. М. ВАСНЕЦОВУ

[*Москва. Февраль 1900 г.*].

Дорогой Виктор Михайлович! Я тоже получил от Репина ответ, где он очень сочувственно относится к нашей мысли. Вот что он пишет: «Я с удовольствием подпишу Ваше сочувствие С. И. Мамонтову как художнику, артисту, просветителю своего круга в изяществе».

Я очень этим доволен, а то, признаюсь, побаивался за Илью Ефимовича. Жду теперь ответа от Антокольского. Надеюсь, и он не устрашится, тем более, что теперь есть уже доказательство некоторого благоволения свыше..

К Савве еще не пускают посторонних, но мне обещали это устроить на будущей неделе. Тогда я ему обо всем сообщу. Это, я думаю, ему доставит большое удовольствие. Если не помешаю, то могу побывать у тебя сегодня или завтра вечером, как тебе удобнее.

Третьяковская галерея.

М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Париж*] *11 марта 1900 г.*

Мой добрый, дорогой Василий Дмитриевич. Твое письмо, равно как ваши добрые намерения, несказанно обрадовали меня, и чего бы Вы ни придумали, я подпишусь обеими руками, только поскорее. Но, если спрашиваешь мое мнение, то, по-моему, ни Старый, ни Новый завет тут не к месту, мы не священники и не раввины,— сделаешь [не] то, что научено нам Старым и Новым заветом. Говоря другими словами, пусть каждый впишет в книгу то доброе чувство к Савве Ивановичу, которое душа его диктует. Притом же, как мне кажется, поднести ему Старый и Новый завет будет и нетактично. Подобные книги дают миссионеры непросвещенным и т. д. Но, повторяю, это только мое мнение, и я сделаю все, что вы решите.

Весь твой *М. Антокольский.*

[*Париж*]. *14/26 марта 1900 г.*

Добрый друг Василий Дмитриевич. Твое доброе письмо получил. Спешу выслать тебе мое письмо к С[авве] И[вановичу]. Не знаю, как его найдут, но все равно, сказал то, что чувствовал. Что же касается до моей подписи, то попробую написать обратно химическими чернилами, но вряд ли

что-нибудь выйдет, и не лучше ли будет написать тебе: «Антокольский просит меня подписаться за него». Впрочем, делай, как найдешь лучше. Но вот что хочу сказать тебе, друг. Твое письмо дало мне ключ к следующему: я убежден, что если бы мы все, художники, подали прошение вел[икому] кн[язю] Владимиру Александровичу как своему президенту, прося его ходатайствовать об освобождении Саввы Ивановича, причем выставили, сколько он сделал для нас, художников, следовательно, для искусства, такая просьба, повторяю, имела бы, наверно, свой благоприятный исход. Повторяю еще раз: в этом я почти убежден, и это, конечно, будет со стороны художников очень, очень хорошо. Я еще убежден в твоей горячности, искренности и доброте души: что сделаешь это по возможности скорее, ибо каждый день жаль. Что же касается до моей подписи, то одолжаю тебе на это обе руки, хотя они мне пока нужны, но для таких дел все можно. Когда увидишь Елизавету Григорьевну, то скажи ей, что крепко-накрепко целую ей руки, ужасно ее мне жаль. Мой сердечный поклон твоим.

Твой *М. Антокольский.*

Третьяковская галерея.

Н. Д. КУЗНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Одесса. 1 апреля 1900 г.

Дорогой друг Василий Дмитриевич, от всего сердца желаю выразить хоть чем-нибудь свое сочувствие и горе дорогому и чудному Савве Ивановичу. Пожалуйста, присоедини мою подпись. Если успею, то пришлю химическую, а то и так подпиши за меня; спорить и прекословить я не буду. Скопировать и ты сможешь помощью кальки с этого письма.

Всегда рад получить от тебя весточку. Мне так приятно знать, что ты здоров и помнишь обо мне. До свидания, дорогой друг, обнимаю тебя крепко и целую ручки Натальи Васильевны.

Любящий тебя *Н. Кузнецов.*

Третьяковская галерея.

ГРУППА ХУДОЖНИКОВ — С. И. МАМОНТОВУ

[*Москва*] *1900 г.*

Христос воскресе, дорогой Савва Иванович! Все мы, твои друзья, помня светлые прошлые времена, когда нам жилось так дружно, сплоченно и радостно в художественной атмосфере приветливого, родного круга твоей

семьи, близ тебя,— все мы, в эти тяжкие дни твоей невзгоды, хотим хоть чем-нибудь выразить тебе наше участие.

Твоя чуткая художественная душа всегда отзывалась на наши творческие порывы. Мы понимали друг друга без слов и работали дружно, каждый по-своему. Ты был нам другом и товарищем. Семья твоя была нам теплым пристанищем на нашем пути; там мы отдыхали и набирались сил. Эти художественные отдыхи около тебя, в семье твоей, были нашими праздниками.

Сколько намечено и выполнено в нашем кружке художественных задач, и какое разнообразие: поэзия, музыка, живопись, скульптура, архитектура и сценическое искусство чередовались.

Прежде всего вспоминаются нам те чудные вечера в твоем доме, проводимые за чтением великих созданий поэзии: эти вечера были началом нашего художественного единения. Мы шли в твой дом, как к родному очагу, и он всегда был открыт для нас. Исполнение многих наших больших работ значительно облегчалось благодаря тому, что твои мастерские давали нам гостеприимный приют, в них работалось легко рядом с тобою, работавшим свои скульптуры. С тобою же вместе, с таким общим энтузиазмом и порывом, создалась и церковь в Абрамцеве. Дальше мы перешли к сценическим постановкам, а ты к первым опытам сценического творчества. Чудным воспоминанием остались для нас постановки в твоем доме — сперва живых картин, потом твоих мистерий «Иосифа» и «Саула» и, наконец, «Двух миров», «Снегурочки», твоих сказок и комических пьес. То было уже началом твоей главной последующей художественной деятельности.

С домашней сцены художественная жизнь перешла на общественное поприще, и ты, как прирожденный артист именно сцены, начал на ней созидать новый мир истинно прекрасного. Все интересующиеся и живущие действительным искусством приветствовали твой чудесный почин. После «Снегурочки», «Садко», «Царя Грозного», «Орфея» [14] и других, всем эстетически чутким людям уже трудно стало переносить шаблонные чудеса бутафорного искусства. В этой сфере искусства у нас твоими усилиями сделано то, что делают призванные реформаторы в других сферах. И роль твоя для нашей русской сцены является неоспоримо общественной и должна быть закреплена за тобою исторически.

Мы, художники, для которых без высокого искусства нет жизни, провозглашаем тебе честь и славу за все хорошее, внесенное тобою в родное искусство, и крепко жмем тебе руку.

Шлем тебе две книги: одна — всемирная, из нее ты не раз черпал вдохновение для своих работ; другая — сборник драгоценнейших, самоцветных камней, извлеченных из глубин народного русского творчества. Прими их и цени не как дар, а как знак нашей искренней к тебе дружбы и сердечной привязанности,

Молим бога, чтобы он помог тебе перенести дни скорби и испытаний и вернуться скорее к новой жизни, к новой деятельности добра и блага. Обнимаем тебя крепко.

Твои друзья: *В. Васнецов*, *Поленов*, *Репин*, *Антокольский*, *Неврев*, *Суриков*, *Серов*, *А. Васнецов*, *Остроухов*, *Коровин*, *Левитан*, *Кузнецов*, *Врубель*, *Киселев*, *Римский-Корсаков* [15].

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. И. МАМОНТОВУ

[*Москва*] *6 апреля 1900 г.*

Дорогой друг Савва! С приближением весны и наступлением светлых дней пасхи вспоминаются мне те хорошие времена, когда я встречал этот радостный праздник у тебя, в гостеприимном Абрамцеве, в теплом кругу твоей семьи, в простой, но высоко художественной обстановке и в живительной атмосфере твоего талантливого и бодрого настроения.

Теперь, когда нас разделила суровая судьба, хочется мне хотя в этих строках поделиться с тобой охватившими меня воспоминаниями и горячим чувством благодарности тебе.

Вспоминаю я мое первое посещение Абрамцева осенью [18]73 года. С тех пор прошло более двадцати шести лет, но оно неизгладимо запечатлелось у меня в памяти. Туда случайно приехал, и тоже в первый раз, Мстислав Прахов. Вскоре он сошел в могилу, но оставил в нас высокую память о себе. Он сделался, почти без ведома для себя, основателем нашего единенья, положив первый камень художественному зданию. Внешне странный, почти юродивый, он своим высоким настроением выделялся и даже как бы противоречил общему тогда представлению об интеллигентном передовом человеке. В то время, когда эстетика изгонялась из искусства, а на ее место водворялась доктрина, тенденция, он в своем наивном идеализме имел мужество пойти против течения и тихо, но твердо выставить эстетическую потребность человека, не только как возможного деятеля, но как одно из самых необходимейших начал человеческого существования. Ты ухватился за это и, поняв не теорией, а чувством, стал проводить в жизнь. Это короткое пребывание в вашей деревне озарило меня таким чудным лучом света, что он до сих пор светит мне путеводной звездой. Начатые в то время Мстиславом Викторовичем чтения стали понемногу выразителями нашего общего стремленья к совершенствованию. Великие создания слова всех времен и народов стали живым источником духовной жизни для целого кружка. В продолжение нескольких лет мы жили этими чтеньями, мы к ним готовились, они вызывали интереснейший обмен мыслей и горячие споры.

В связи с этим на твоей домашней сцене мы начали ставить живые картины, а потом и «Два мира», «Снегурочку», твои мистерии, сказки и комические сцены.

Не могу не вспомнить при этом с особым чувством душевной радости о твоем друге, а потом и моем, Петре Антоновиче Спиро, который своим тонким комизмом, музыкальной талантливостью, художественной восприимчивостью, жизненной уравновешенностью и высокими гражданскими убеждениями так обаятельно тогда на нас действовал. Для меня это была одна из самых светлых встреч в жизни. Как для работника в области искусства, знакомство с ним имело для меня огромное значение. Особенно был он мне дорог, когда мы вместе поселились в твоей абрамцевской мастерской. Я сообщал ему мои художественные замыслы. Он с глубоким сочувствием выслушивал меня, иногда даже помогал выяснить то, что и для меня было неясно, а потом с самым живейшим интересом следил за моей работой.

Из частных абрамцевских воспоминаний особенно хорошо вспоминается мне одна пасха. Весна только что начиналась, в полях было еще много снегу, всюду текли ручьи, в лощине у дубовой рощи шумел поток, в воздухе, насыщенном озоном, в солнечных лучах мелькали первые проснувшиеся жучки и мошки, пахло землей и чувствовалась близость тепла и жизни.

Потом вспоминаются мне поэтические летние вечера, полные художественных чар. Вспоминаются также впечатления от игранных нами сцен: глубоко трогательное от сцены «Камоэнс», живое и веселое от остроумной и злой сатиры «Черный тюрбан».

В Москве рождественские недели были одно время рядом художественных праздников и высоких эстетических наслаждений.

Там же в Москве, в твоей чудной мастерской, я оканчивал мою большую картину. Работалось у тебя легко, с увлечением, ты умел своими высокоталантливыми импровизациями и набросками вызвать художественный подъем. Из общественных спектаклей с особым удовольствием вспоминаю я нашу общую работу при постановке «Картины Афродиты» и дивной оперы великого Глюка «Орфей».

Когда меня постигло несчастье, умер мой старший мальчик, ты просто, но глубоко сердечно отнесся ко мне, и я почувствовал, что есть человек, который умеет делить с тобой не одни радости, но и горе. Тоже не могу забыть твоего искреннего негодования и горячего сочувствия ко мне, когда Академия меня оскорбила, а товарищи промолчали.

Я понял, что всегда найду в тебе нравственную поддержку и, понадобись мне художественная помощь, ты всегда с радостью протянешь мне руку.

За все это сердечное тебе спасибо. Будем надеяться, что ты скоро опять будешь среди нас. Крепко обнимаю тебя[16].

Твой *В. Поленов*.

Архив литературы и искусства.

М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Париж. 11/21 августа. 1900 г.

Дорогой Василь Дмитриевич. Я лечу свои нервы и тем, что не читаю русской газеты, поэтому я ничего не знаю, что у вас творится. Вчера я узнал, что Савву Ивановича судили и оправдали. Так ли это точно? Ты не можешь себе представить, как это меня обрадовало! Я хотел писать Савве Ивановичу, но опять спрашиваю, так ли? Если это так, то пока сделай божескую милость и обнимай и поздравляй Савву Ивановича, Елизавету Григорьевну и всю семью. Как я рад, счастлив, что честь этой семьи спасена. Поздравляю и тебя с этим как друга. Поздравляй и меня.

Твой старый друг *М. Антокольский.*

Я все еще, как старый конь, работаю, тащу, несу, но что про себя говорить, особенно теперь!

Я теперь рад и доволен, что Савва среди своих. Ах, лишь бы это не был сон!

Мой сердечный поклон твоим.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. М. АНТОКОЛЬСКОМУ

[*Борóк*] *31 августа 1900 г.*

Дорогой Марк Матвеевич. Ты, вероятно, уже знаешь от самого Саввы Ивановича, который, говорили мне, теперь в Париже, подробности об его деле.

Действительно, все подсудимые признаны невиновными и поэтому по суду оправданными. Но, насколько я понимаю, до сути дела не добрались, и, кажется, умышленно, так как тут пришлось бы раскрыть такие стороны, которые в России должны быть тщательно закрыты и о которых говорить и судить не дозволено. По мнению многих, настоящая истина осталась совершенно в стороне, хотя на ней и строились защитительные и заключительн[ые] речи. Суть дела гораздо шире и грандиознее, чем она появилась в обвинении. А обвинение, т. е. прокуратура и следственная власть, оказались на очень низком нравственном уровне, представители ее оказались корыстными, они вели себя грубо, пристрастно, несправедливо и даже жестоко, они обходили сильных и обрушивались на слабых; и настоящие виновные остались невредимы.

Ты пишешь, что не читаешь русских газет, чтобы не тревожить себе нервы, но и в иностранных газетах последних лет находятся странички неуспокоительного характера. В прошлом году — возмутительный по своему пристрастию приговор над Дрейфусом [17], а в этом году небывалая

бойня [18], громадным скопищем цивилизованных разбойников горсти храбрецов, защищающих свою независимость, и все это в угоду ненасытным аферистам и богачам. И кем же? Одной из самых культурных наций — где принцип свободы был раньше всех и крепче выработан, где всякий произвол и насилие, казалось, были навсегда изгнаны. И что же? Из-за денег эта нация делается восторженной поклонницей и представительницей грабежа и насилия, нанимает людей для убийства и узаконивает разбой. Все твои верования опрокидываются, надежды рушатся, перестаешь верить в человеческие стороны человека; видишь, как на их месте выступают звериные свойства, как холодный эгоизм и алчность наживы сразу уничтожают веками вырабатываемые лучшие стороны человека! Непомерно обидно!

Очень меня порадовало, что наша молодежь получила награды на Парижской выставке; особенно я был доволен за моих двух любимых художников — за Серова и Костю Коровина. Одно, что меня удивило, это — за что получил награду подражатель Нестеров, а не Виктор Михайлович Васнецов, который создал новое самобытное направление в искусстве; отчего дали [награду] посредственности, как Дубовской, и не дали крупному и оригинальному таланту, как Левитан? [19]

О себе вот что я скажу: живу я тихо и уединенно, занимаюсь попеременно искусством и головной болью. Но последние два месяца больше брал в руки топор и весла, чем карандаш и кисти, это меня пока спасает от разных невзгод.

Крепко тебя обнимаю. Твой *В. Поленов*.

P. S. Наш адрес был и всеми товарищами подписан, и хотя по распоряжению прокуратуры не допущен до Саввы Ивановича, все-таки он его читал и, кажется, был тронут.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. С. ОСТРОУХОВУ

** Борок. 31 июля 1900 г.*

Дорогой друг, Илья Семенович.. утруждаю тебя просьбой. Не можешь ли ты сообщить мне, кто из художников получил на выставке награды и какие? Или же указать мне на №№ газет, в которых это было сообщено.

Какая тяжелая утрата — смерть Левитана! Хотя мы уже давно знали, что жизнь его в большой опасности, но когда пришло известие об его смерти, не верилось этому, сердце больно сжалось. Он умер в самом расцвете таланта.

И странное совпадение, вот уже четвертое лето умирают близкие мне люди и талантливые художники: четыре года назад умер Ярошенко [20], в следующем году в августе безнадежно заболела Елена Дмитриевна,

прошлым летом так трагически утонул малоизвестный очень симпатичный мне человек и талантливый художник, один из моих любимых учеников, Валентин Комаров, и, наконец, теперь Левитан, которого я тоже немножко считал своим учеником, а главное, хорошим товарищем и преданным другом.

Очень хотелось бы тебя повидать и обо многом поговорить, очень одиноко себя чувствуем.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея. Архив Остроухова.

И. С. ОСТРОУХОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

* *Базель. 5 сентября [1]900 г.*

Дорогой Василий Дмитриевич, пишу тебе в ответ на твое письмо, полученное в начале августа в Москве перед моим отъездом. Мне трудно было писать тебе из Парижа, потому что все две с половиной недели, что мы там прожили, я с утра до ночи жил на выставке, которая в тысячу раз интереснее и серьезнее обеих мною виденных 1878 и 1889 годов. *Эту* выставку действительно стòит посмотреть. Я поехал в Париж на неделю, а остался там две с половиной исключительно благодаря неожиданно интересной выставке [21]. Очень советую Вам съездить. С наградами по русскому худож[ественному] отделу очень долго возились. Наконец, вот результаты:

Hors concours [*вне конкурса*]: Репин. Эдельфельт. (Остальные награды сообщаю только русским, выключаю поляков и финляндцев.)

Grand Prix [*Высшая награда*]: Серов.

Médailles d'or [*Золотая медаль*]: Малявин, Коровин.

Médailles d'argent [Серебряная медаль]: Ап. Васнецов, Похитонов, Дубовской, Касаткин, Нестеров, Кузнецов, Пастернак, Ярцев, Эристова.

Médailles de bronze [*Бронзовая медаль*]: Архипов, Вилье, Розен, Соколов А. П., Суриков, Светославский, Власов, Гриценко, Ткаченко, Лебедев, Костанди, Милорадович, Пурвит, Размарицын.

Mentions honorables: [*Почетная грамота*]: Борисов, Ярошенко, Лушников, Рябушкин.

Все эти имена я взял с списка (печатного), который я получил через служителя при нашем отделе, т. к. заведующего отделом, Визеля, я не мог поймать все время моего пребывания в Париже, то не знаю, чем объяснить то обстоятельство, что твоего имени в списке нет, но на картине «Сидящий Христос на берегу озера» стоит ярлык: Médaille de bronze [22].

Из скульпторов получили grand prix: Антокольский, Трубецкой; Беклемишев получил médaille d'or.

Вот все, что я могу сообщить тебе по интересующему тебя вопросу.

К 1 октября надеемся быть в Москве, а пока пробираемся на неделю на Комское озеро, в Каденнабию, и оттуда недели на две во Флоренцию.

Здесь остановились, чтобы посмотреть *Гольбейнов.* Действительно, чудо, как хороши, в особенности рисунки. Завтра уезжаем рано утром через Сен-Готтард в Каденнабию.. Не знаю, куда адресовать это письмо, посылаю его в адрес Е. Г. Мамонтовой и прошу ее переслать его тебе.

Твой *И. Остроухов.*

Третьяковская галерея.

К. А. КОРОВИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 12 октября 1900 г.

Дорогой Василий Дмитриевич! Много раз справлялся, не в Москве ли Вы, но нет, Вы в деревне, и я никак не мог поехать, чтобы Вас увидеть. Сейчас я занят, пишу декорации и никак не могу оторваться. Я бы так хотел Вас увидеть, мой дорогой, милый друг. Мне бы хотелось так много сказать Вам.

В Париже меня спросили, чтобы я написал, чей я ученик и где учился? Я написал: Professeur Polénoff. Moscou [Профессор Поленов. Москва].

Милый мой, никто бы никогда не поощрил меня, и поэтому никто бы не поднял мой дух, если бы я не встретил Вас. Это всегдашнее мое сознание. Знайте, Василий Дмитриевич, что Ваш образ, искренность и честность всегда живы во мне. Жаль одно, что я разбил свою жизнь на ненужное, не на то, что я любил, а этого — такой большой воз, и все это оттого, что совершенное неверие в себя и себе, и неверие окружающего, да и все русские таковы, а форма искусств тогда только и хороша, когда она от любви, свободы, непринужденья в себе, а так — веселье, своя утеха; вот тогда оно искусство! Когда оно трудно, предвзято, похоже на урок — тяжко.

Я думаю, что когда Вы приедете в Москву, то черкнете, я приеду, или Вы? Мой адрес: Москва, Тверская, дом Молчанова, кв. 1. Мой искреннейший привет глубокоуважаемой Наталье Васильевне.

Преданный и любящий Вас всей душой *Константин Коровин.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[*Москва*] *1 ноября 1901 г.*

Приветствую тебя, дорогой друг, в день тридцатилетней годовщины, признанной началом нашей общественной работы. Ты сразу своим огромным талантом стал во главе русского искусства и продолжаешь быть первым русским художником современности.

Долго мы шли вместе, и я с радостью вспоминаю наши хорошие товарищеские отношения и твою искреннюю и теплую ко мне дружбу.

В последние годы мы внешне как бы разошлись, но внутренно остались так же близки, как и прежде.

Теперь ты второй раз стоишь во главе нашего искусства, но уже для работающей молодежи; я был неожиданно выброшен за борт и не мог принять участия в горячей и увлекательной работе обновленной нами Академии; но наши отношения остались все теми же, и не было в них ни единой тени. Спасибо тебе за все это.

Что касается твоего общественного значения, то оно огромно. Своей неутомимой, разнообразной и талантливой деятельностью ты заслужил от всей России великую благодарность. Честь тебе и слава!

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *9 ноября 1901 г.*

Дорогой друг Василий Дмитриевич, вернувшись в Петербург, нашел твое прочувствованное письмо, которое меня даже растрогало...

Да, жаль, что мы не вместе здесь работаем в нашей возлюбленной сфере. И я с удовольствием вспоминаю, как мы в одно время — почти три года в Париже и пять лет в Москве, дружно учились и бескорыстно поддерживали друг друга.

Может быть, и здесь, при совместной работе, результаты в Академии были бы другими. Я часто жалею, что тебя нет здесь. Но ты наслаждаешься не бесплодно свободой художника; делаешь свое дело независимо, неустанно. И твой труд оценен Россией и всегда служит прекрасным примером для молодежи. Все твои ученики очень тебя ценят и вспоминают с великой благодарностью. Дай бог тебе здоровья, чтобы поддерживать ту неутомимую энергию, которой ты одарен свыше.

Дружески обнимаю тебя. Твой *Илья Р.*

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XIX. 1902—1909 годы

Смерть М. В. Якунчиковой. Сооружение Музея изящных искусств и замыслы В. Д. Поленова покрыть стенной живописью скульптурные залы.

Л. Н. ВЕБЕР — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Женева. 14/27 декабря 1902 г.*

Дорогой друг Наташа, сегодня в два с четвертью часа дня скончалась наша Маша [1]. До последних дней, как она сама говорила, наслаждалась тем возвышенным покоем духа, которого достигла болезнью. Беспечно приготовляла елку. Но три дня тому назад стало хуже.. посылаю последнее писанное ею письмо к Вам: «Наталья, друг бесценный, редко могу сама написать, а ведь только сам можешь по-настоящему сказать, что хочешь. Как-то у вас пройдет праздник, весело, должно быть, будет детям: елка, приглашения на елки и т. д. Я увлечена приготовлениями елки, т. е. сама мало делаю, но выдумываю подарки и вообще трипотирую [tripotter — фр.], сортирую украшения»..

* *Женева. 30 декабря 1902 г. /10 января 1903 г.*

Дорогая, хорошая Наташа, я долго плакал после чтения Вашего письма и до сих пор вспоминаю о нем с глубоким волнением. Ничего не писал до сих пор; хотел разобраться сам с собою. Острое, то что называется по Вашим словам физической и нервной слабостью, ослабело; даже улыбаешься детям и радуешься ими; но душевная пустота, чувство потери громадной нравственной опоры и душевная angoisse [тоска] усилились..

Архив Поленовых.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* *Москва. 15 декабря 1902 г.*

..Тяжело, страшно тяжело переживать смерть близких нам людей и особенно, когда умирает человек в расцвете сил и таланта, но, когда подумаешь, что страдания его кончились и что теперь от него осталось его дело, его творенье, то жгучесть личной боли должна отойти на второй план. Является нравственный долг продолжать свое дело, которое есть вместе

с тем и его дело, и это сознание общности работы и жизни духа дает силу продолжать работать; и не с грустью, что его нету, а с радостью, что он был..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ю. С. НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦЕВУ

[*Москва. ? 1902 г.*].

Глубокоуважаемый Юрий Степанович. Прошу Вас принять мое искреннее поздравление с Вашим блестящим избранием в почетные члены Академии художеств. От всей души желаю Вам много лет продолжать Вашу полезную и плодотворную деятельность в великом деле поддержания и распространения искусств в России.

Все это время я был занят возложенным Вами на нас поручением выработать программу живописных работ для музея императора Александра III.

Общий их план был Вами широко намечен, и на основании его тогда же, на частном совещании у Романа Ивановича Клейна, под руководительством Ивана Владимировича Цветаева и при содействии Павла Васильевича Жуковского мы составили программу. Потом я, с общего согласия, обращался к Виктору Михайловичу Васнецову, прося его дать указания для оценки стенной живописи, что он любезно и исполнил.

На основании этих данных я составил список сюжетов для картин, долженствующих пояснять и оживлять скульптуру.

Последнее время я довольно часто виделся с Романом Ивановичем, который начал разрабатывать разрезы и определять размеры площадей живописи.

Когда этот труд будет закончен, то можно будет вычислить общее количество живописной работы, и с Вашего согласия приступить к детальному выяснению этого чудного дела, которое может сделаться эпохой в русском искусстве.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. В. ЦВЕТАЕВУ

[*Борóк*] *10 октября 1903 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Владимирович, очень порадовала меня Ваша весточка. Значит, можно надеяться, что наше заветное желание оживить однообразие скульптурного музея стенной живописью начнет

переходить из заоблачных мечтаний в действительность, для глаза доступную.

Как только приеду в Москву, явлюсь к Вам и тогда мы все подробно обсудим, а пока я готовлюсь.

Наконец-то, Юрий Степанович решил выйти из заколдованного круга разрезов, кессонов, монолитов и других дорого стоящих предметов. Честь и хвала ему!

Не могу не сознаться, что, приступая к такому большому художественному делу, испытываю значительный страх, ну как сил не хватит? Впрочем, что загадывать вперед, будем надеяться, авось и удастся!

От души Вам преданный *В. Поленов.*

[*Москва*] *20 февраля 1904 г.*

Дорогой Иван Владимирович, Ваше письмо, пришедшее из наших милых краев и целебной Тарусы [2], довольно утешительно, и мне кажется, что в конце концов у нас что-нибудь, да и выйдет. Уж то, что Юрий Степанович не протестует против материальной стороны дела, действует ободряюще.

Что касается до названных Вами лиц, могущих исполнить такие-то и такие работы, то там так много места, что на всех хватит и, пожалуй, еще немножко останется.

В искусстве я совсем равнодушен к направлениям, хорошее оно или плохое, либеральное или консервативное — мне все равно, ибо я делю искусство и художников на два сорта — на талантливый и бездарный. Поэтому во всяком направлении талантливый художник интересен, а бездарный плох. Что касается до декадентства, то это понятие настолько широко, что Маковский и Мясоедов называют этой кличкой все свежее, живое и талантливое, за такое декадентство я горой стою. Жму крепко Вашу руку. Когда увидимся, потолкуем.

До свидания. *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. А. СЕРОВУ

[*Москва*] *25 марта 1904 г.*

Дорогой Валентин Александрович, вчера я хотел поговорить с тобой о премии имени Елены Дмитриевны, но как-то не пришлось. Она хотя и не велика, но все-таки может дать лишнюю минуту спокойствия, которая иногда бывает и не лишней, особенно, когда дело идет о выздоровле-

нии. При этом эта премия ни к чему и ни к кому не обязывает, так как она именно и учреждена с такой целью. Во всяком случае, имей ее в виду.

По поводу разговора о греках я справлялся и оказалось, что ты совершенно прав: статую Апоксиомена сделал Лисипп и он же изменил канон Поликлета, сделав фигуру более легкой и стройной.

Вот несколько биографических подробностей о Лисиппе. Он был простым литейщиком и в искусстве самоучка; своим учителем он называл «Дорифора» (копьеносца) Поликлета; статую, признававшуюся каноном. Он как-то спросил одного художника: к кому идти учиться? тот, показав на толпу, сказал, учись у натуры, а не у художника. Лисипп был необыкновенно производителен. Есть сказание, что он откладывал от каждой проданной вещи монетку и в конце оказалось тысяча пятьсот штук. Сравнивая свои статуи с поликлетовскими, он говорил: Пол[иклет] делает человека, какой он в натуре, а я — каким он нам кажется. Я тебе в высшей степени благодарен за вчерашнюю беседу, а главное за то, что ты выразил готовность мне помочь, если состоится наша поездка; с твоей помощью я даже не боюсь Кости Коровина.

Вообще вчерашний разговор меня очень оживил и порадовал, и я буду стараться, чтобы дело выгорело. Если бы ты взялся исполнить: Лисиппа, пейзаж Ниобид (гора Киферон в Беотии) и еще что-нибудь, напр[имер], Эгину; Косте Коровину мы поручили бы развалины Олимпии, Аттики Аркадии и т. д.; Головину — Акрополь, Парфенон, Панафиней и Праксителя; Грабарю — Архипелаг; Мусатову — Пергамы и т. д., то, пожалуй, дело вышло бы не плохое. Ну, пока до свиданья, поезжай на море и солнце и поправляйся, а мы постараемся как-нибудь уладить дело.

Мой глубокий поклон Валентине Семеновне и Ольге Федоровне.

Душевно твой *В. Поленов.*

Если что понадобится, сообщи, и мы исполним.

Третьяковская галерея.

В. А. СЕРОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *26 марта 1904 г.*

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, спасибо еще раз за Ваше доброе предложение. Повторяю, если бы я очутился в трудном положении, я охотно взял бы премию имени Елены Дмитриевны, но я сделал заем на очень выгодных условиях, ни к чему меня не обязывающих, и деньги у меня есть на все лето, включая сюда и поездку за границу. Еще, быть может, представится случай помочь этой премией, если не мне, то кому-нибудь другому. По поводу музея желаю лишь, чтобы Вас как-

нибудь не отстранили. А скажите, что Суриков, не смог ли бы он дать что-либо? — ведь он чувствует хорошо и еще свеж...

Дело это вообще очень интересное, и если бы я смог выразить, на стене что ли, то ощущение, какое я всегда испытываю, глядя на то, что выходило из-под рук греков, т. е. то живое, трепетное, что почему-то называется классическим и как бы холодным, да... ну, это невозможно, пожалуй, а попробовать — попробуем — и от Аполлона и Лисиппа не отказываюсь!

Итак, до свиданья, Василий Дмитриевич. Буду очень опечален, если почему-либо эта затея Ваша не удастся.

Ваш *В. Серов*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. В. ЦВЕТАЕВУ

[*Борóк*] *27 октября 1904 г.*

Дорогой Иван Владимирович.. Мы до сих пор в деревне, где я в это лето сооружал себе мастерскую, но вышло почему-то аббатство. Тем не менее я несказанно доволен: окно огромное, свет чудный, я всю жизнь об этом мечтал, а теперь как-то не верится, что это осуществилось. Одно жаль, по случаю мокрого лета стены не успели просохнуть, и начать там работать можно будет только с будущего лета (если доживу). Очень хотелось бы Вас повидать и поговорить.

Я в политике никогда ничего не понимал и, может быть, что с точки зрения политики петербургского благополучия все это так и нужно, но меня эта людская бойня [3] совсем придавила. Неужели все так тупы, что из-за тупости немногих все это проделывают; а эти немногие не понимают всей страшной ответственности, которая на них падает. В истории есть своего рода справедливость, за грехи отцов платят дети. Это ужасно безжалостно, жестоко, но оно так есть, и как мало понимают это!

Искренно Ваш *В. Поленов*.

Третьяковская галерея.

В. Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ И В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *19 декабря 1904 г.*

Дорогая Наталья Васильевна и Василий Дмитриевич. Прежде всего о деле. Мне бы очень хотелось поговорить с Вами о всех выставочных делах и Московского товар[ищества] и Союза [4]. Кажется, все обошлось

благополучно, но я не буду уверен в успехе до тех пор, пока не увижу выставки в Петербурге.

Потому меня очень обескуражило, Наталья Васильевна, Ваше решение отложить выставку вещей Марии Васильевны до Москвы[5]. А заехать к Вам выяснить все это до сей поры я не мог по двум и очень важным причинам. Первая — это то, что у меня на этих днях родилась дочь, с чем можете меня от души поздравить. А вторая, скверное настроение, благодаря ужасной остроте назревшего материального вопроса. В этом отношении я нахожусь в исключительном положении. Я далеко не один, а между тем ни одной надежды быть обеспеченным даже на месяц. Единственная моя надежда на выход из этого слишком острого положения — какая-нибудь работа, хотя самая ничтожная, даже не художественная — все равно. Но я ищу с осени и ничего не могу достать. Единственное, что я имел до сих пор,— обложка для «Весов» [6] и копия со старого портрета. Вот и все.

Но лучше иметь копию за гроши, чем иметь жалкое положение учителя рисования. Для искусства голодная (эфемерная) жизнь богемы лучше какого угодно 20-го числа. Все время я надеялся устроить что-нибудь, и все безуспешно. А между тем сейчас у меня только несколько рублей в кармане, мне же сейчас необходимо достать двести рублей. Я уже не могу отправить свои картины в Петербург, ибо все их отправляет Грабье. А Грабье я должен за рамы семьдесят рублей. Я придумать ничего не могу. Занять? Но все мои друзья такие безденежные, и про мое отчаяние никто не может знать.

Это письмо самое главное доказательство моего безвыходного положения, которое началось уже давно и о котором я никогда не говорю.

Лучше иметь вид богатого помещика и голодать, чем, будучи вполне обеспеченным, делать вид казанской сироты.

Говорю же это Вам потому, что Вы знали о тяжелых минутах многих русских художников и многим в эту минуту помогли. Но эту помощь я могу взять как только долг, ибо думаю, что мое положение когда-нибудь изменится к лучшему, потому что я в себя верю.

И пусть это письмо будет моей долговой распиской, если Вы можете мне чем-нибудь помочь. Вы оба знаете меня как человека, которому можете верить, цените мой талант и энергию, Вам обоим я бесконечно обязан своей первой выставкой за границей. Никто, как Вы, не заслужил такого доверия в стремлении поддержать молодое искусство и потому я единственно Вам решаюсь вполне открыть свое беспомощное положение. И если уж я кому-нибудь об этом пишу, то значит, что оно безвыходно.

Сказать об этом я не мог бы, не решился бы кому-нибудь другому, потому что истинно благородных людей мало, и я их не знаю.

Ваш всегда преданный *Мусатов*.

Третьяковская галерея.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Москва*] *12 октября 1907 г.*

Дорогой Василий Дмитриевич, вчера во время нашей беседы мне никак не приходило на память необходимое слово для определения моего участия в предполагаемом деле — участие мое в нем может быть только *совещательное*. Во-первых два-три года, как я тебе уже говорил, будут поглощены всецело огромным (для меня), неизбежным, обязательным делом [7]. Отвлекаться от него посторонними, тоже, конечно, неизбежными волнениями крайне неудобно будет для меня. Во-вторых, из многолетнего своего опыта я знаю точно, что способности быть руководителем и дирижером мне не дано, общественная деятельность всякого рода не по моей натуре и темпераменту. Владимирский собор в этом случае не пример, там помощники помогали мне исполнять мое личное дело, художественные мои проекты и композиции. Условия были таковы, что для личного их творчества места не было, оно бы повредило сути дела. Здесь же должно стоять дело совсем наоборот — все дело именно в творчестве приглашенных художников. Руководить их деятельностью, даже косвенно, дело для меня новое, непривычное и, повторяю, мне не сродное. Ты же был руководителем и вел это дело с великим успехом и не только не мешал, а усердно помогал молодым художникам. Я же, при всем моем искреннем желании помогать им, своими слишком личными художественными требованиями могу повредить им. Ввиду этого я хотел бы совершенно устраниться даже от состава жюри, которое, конечно, необходимо должно быть.

Излагаю тебе все откровенно и искренно и надеюсь, что ты найдешь уважительными причины, заставляющие меня уклониться от прямого участия в деле музея в качестве участника в руководительстве.

Винюсь, но ничего не поделаешь.

Сочувствую же делу искренно. Твой *Виктор Васнецов*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. М. ВАСНЕЦОВУ

[*Москва. 1907 г.*].

Дорогой Виктор Михайлович, я вполне тебя понимаю и почти со всем согласен, что ты пишешь, и искренно тебя благодарю, что ты соглашаешься на «совещательное» участие, тем более, что о другом в этом деле и речи не может быть, потому что решающее участие принадлежит тому, кто заказывает.

Далее спасибо за то, что ты, отклоняясь «от прямого участия в деле музея в качестве участника в руководстве», «искренно сочувствуешь делу».

Поэтому и не отказываешься от личного художественного участия, хотя бы в отдаленном будущем.

К Жуковскому я не пошел, чтобы не вышло замешательства от преждевременного вмешательства.

Вообще, чтобы дело удалось (с внешней стороны), надо вести политику тонко. Иван Владимирович [Цветаев] говорил мне, как он ведет дело, он все приписывает вдохновению главного финансового источника[8], и дело идет, хотя с некоторыми увлечениями, но складно.

Если моим художественным детям Коровину и Головину удастся сделать что-либо равносильное их таланту, то я получу великую награду за мои труды, большего я ничего не желаю.

Еще раз спасибо за помощь. Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. В. ЦВЕТАЕВУ

[Борóк] 31 августа 1908 г.

Дорогой Иван Владимирович, очень мне было радостно получить Ваше письмо и узнать, что Юрий Степанович начинает вспоминать об малярной работе и живописи и этим дает нам возможность надеяться, что заветная наша мечта — покрыть стены музея живописью, может быть и осуществится.

Что касается самих фресок, их содержания, величины и стоимости, то у нас есть уже подробно выработанный план, который находится у Романа Ивановича, и мне помнится, что он настолько хорошо обдуман, что, мне кажется, следует его держаться.

Относительно художников, я тогда назвал троих: Серова, Головина и Конст [антина] Коровина, они все живы и в расцвете сил. Теперь я прибавил бы еще Владимирова — это молодой талантливый художник, который изучал фресковую живопись. Серов был недавно в Италии и Греции с целью подготовить себя к этой работе, поэтому у него, вероятно, и материал готов.

Что касается величины путевых издержек, то в первое мое путешествие по Востоку с Праховым и Абамелеком мы платили пятьдесят фр [анков] в день, значит около тысячи пятисот фр [анков] в месяц. Путешествие может ограничиться сорока днями и двумя тысячами на человека.

Я собираюсь ехать в Грецию для своей работы, поэтому в счет не иду [9]. Головин и Коровин служат в театре и могут получить на лето отпуск, которым воспользуются для путешествия. До свиданья, от души желаю нам с Вами успеха.

Ваш *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XX. 1905 год

1905 год. Протест Поленова и Серова. Вооруженное восстание в Москве. Начало работы по народному театру.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

* *Москва. 19 января 1905 г.*

Неделю тому назад над Петербургом разразилась страшная трагедия,— а сегодня мы прочли, что Академия закрыта! Что это такое? Мы, ее члены, не можем оставаться безучастными зрителями, а что нам предпринять, что делать, не знаю! Ты стоишь близко к действию и, может быть, знаешь, как поступить? Напиши нам, в такие минуты надо сплотиться, действовать заодно, оставаться одному уж очень тяжело.

Твой *В. Поленов.*

Пушкинский дом.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *25 января 1905 г.*

Твое письмо, дорогой Василий Дмитриевич, получил только вчера. Академия, может быть, откроется через две недели — закрыта по желанию учеников... Что можем мы «в годину бедствия и позора»!? Какой позор на всю Европу! Да, вот уж именно: «если господь захочет наказать, то отнимет разум». Вот оно историческое возмездие!.. Арестовать Горького! Ужаснее всего, когда круглое невежество облечено властью!

Какая дивная книга Гуго Гонца «Перед катастрофой». Вот достань на немецком языке, изд[ано] в Вене.

Просвещенный европеец навел прожектор на нашу тьму и осветил... Да ведь как!?... И притом фотографически верно и талантливо написано!!...

Твой *Илья*.

Надо непременно *писать и печатать протесты*, где только возможно. Мы здесь уже подписались.

Составляйте там петицию и собирайте побольше подписей.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ и В. А. СЕРОВ — И. И. ТОЛСТОМУ

[*Москва*] *18 февраля 1905 г.*

Милостивый государь граф Иван Иванович! Посылаем Вам при сем заявление, которое покорнейше просим Вас огласить в собрании Академии.

Примите уверение в нашем совершенном почтении.

В. Поленов.
В. Серов.

В СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Мрачно отразились в сердцах наших страшные события 9 января. Некоторые из нас были свидетелями, как на улицах Петербурга войска убивали беззащитных людей, и в памяти нашей запечатлена картина этого кровавого ужаса.

Мы, художники, глубоко скорбим, что лицо, имеющее высшее руководительство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов[1].

В. Поленов.
В. Серов.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[*Петербург*] *24 февраля 1905 г.*

Дорогой Василий Дмитриевич, я бы с удовольствием подписался под вашим заявлением, если бы не знал, как оно далеко от *правды*. Войска в экстренных случаях выдаются в полное распоряжение *полиции*. И в[еликий] к[нязь] ничего не знал о том, что будет,— это уже не его компетенция. Мне лично известно, что В[ладимир] *плакал*, когда узнал,

что было. Вот тебе факт из того же времени: академический двор наполнили кавалерией; ученики тряслись, как в лихорадке, и послали депутатов к Толстому, чтобы он приказал войскам удалиться, очистить двор Академии. Толстой обратился к их полковнику с требованием вывести войска из двора Ак[адемии]. Полковник ему ответил, что он с *войском всецело* в распоряжении *полиции* и ему следует получить инструкции от участкового пристава. И только по приказу пристава войска удалились. При чем же тут в[еликий] к[нязь]?

Я бы советовал вам взять вашу бумагу обратно: она не обоснована на фактах... и как же затевать такой скандал, да еще над человеком совсем больным. Вчера Дубовской мне рассказывал, что они с Богд[ановым]-Бельск[им] были у него депутатами от Товарищества на открытие выставки,— это полубольная развалина... И что же его теперь добивать, да еще пропустив столько времени и не узнав всего, как должно?

Нет, возьмите! Телеграфируй Толстому, чтобы он вам возвратил бумагу,— вот мой совет.

Твой *Илья*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — И. Е. РЕПИНУ

[*Москва*] *Март 1905 г.*

Дорогой друг Илья Ефимович, меня очень порадовало твое хотя и условное согласие подписать наше заявление. То, что ты пишешь, мы знали и взвешивали, когда посылали в Академию заявление. Мы расспрашивали людей, приезжавших из Петербурга, самых различных направлений, между которыми были очень близко стоящие к источнику. Все в один голос называли Владимира. Немецкие газеты прозвали эти события «Wladimirsche Tage» [Владимирские дни].

Но если искать более близких деятелей, то полиция окажется в середине и не принимающей никакого непосредственного участия в военных действиях нашей победоносной гвардии, распоряжались и приказывали офицеры, а действовали солдаты...

Способ сваливать вину на подчиненных есть самый простой и употребительный в петербургской иерархии. У нас чем выше кто стоит, тем больше от него зависит, тем меньше он несет ответственности, а по старинному иначе: чем больше кому дано, тем больше с того и взыщется; поэтому я убежден в истинности нашего заявления и назад его не могу взять.

Третьяковская галерея.

В. А. СЕРОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Петербург. 3 марта 1905 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, как и можно было ожидать, бумага наша без всяких разговоров положена гр[афом] И. И. Толстым под сукно (28-го было заседание). Теперь я в свою очередь буду Вас спрашивать — что делать? Полагаю — нужно выходить из членов Академии на том основании, что заявление наше в заседании Академии прочитано не было,— вот и все.

Буду ждать извещения Вашего в ближайшем будущем. Как здоровье Ваше?

Ваш *В. Серов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. А. СЕРОВУ

[Петербург] 4 марта 1905 г.

Дорогой Валентин Александрович, посылал наше заявление в Академию художеств, мы почти наверняка знали, что Толстой его не сообщит собранию, поэтому я и послал копию Репину с просьбой познакомить товарищей, что он, вероятно, и сделал. Ведь наше заявление не было тайным, я думаю, большинство из членов Академии о нем знают.

Я бы с большим удовольствием вышел из теперешней Академии — так мне противны все эти анархические учреждения Петербурга, набитые прислужливыми молчалиными, под верховенством неограниченных держиморд. Но мне кажется, что наш гражданский долг теперь не позволяет нам уходить, надо стоять твердо, а если придется, так и нести последствия. Я нашу Академию от всей души люблю, все лучшее я получил от нее и поэтому искренно желал бы ей послужить; я все надеялся, что придет возможность это исполнить,— да и теперь не теряю этой надежды, мы, наверное, дождемся лучших дней! Придет время и осуществятся, может быть, слова поэта: «Поверь, мой друг, взойдет она, заря пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна»... А уйти теперь, выйдет, мне кажется, что-то вроде бегства,— показали, мол, кулак, да и наутек.

А что Толстой спрятал наше заявление, нарушил тем наше право — не новость, он этим с успехом занимается вот уже двенадцать лет. Нашей отставкой мы его не образумим, а нанесем как бы обиду некоторым из товарищей, которые, наверное, и подписали бы наше заявление, если бы были в нашем положении [2].

Здоровье мое склеивается. До свиданья.

Твой *В. Поленов.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Борóк] 25 октября 1905 г.

..Начинается новая жизнь — теперь хотя и страшный, но великий праздник; свобода вырвана из зубов хищников и идиотов, но немало еще пройдет время, пока они это усвоят и привыкнут к положению, что не все зависит от их усмотрения. Но великая теперь задача отстоять эту свободу, чтобы ее не отняли, и немало пройдет время, и пожалуй, крови прольется немало, пока не окрепнет новое понятие об жизни, основанной не на произволе и угнетении, а на праве и равенстве перед этим правом..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. А. ПОЛЕНОВОЙ

[Борóк] 3 ноября [190]5 г.

..Теперь такая минута, что заниматься своей профессиональной работой, особенно если она из области искусства, как будто зазорно, но я не так смотрю и согласен с тобой, что искра света, которая в нем, не должна никогда угасать, искусство выше временных треволнений; они, как бы ужасны ни были, проходят, а искусство остается. Работник, любящий свое дело, не бросает его в самые критические минуты. Архимед решал свои проблемы, когда римляне, взяв Сиракузы, бросились его убивать. Настоящее положение тяжело, главное все той же продолжающейся ложью и обманом сверху и донизу. Наверху — петербургская дворня состоит из хищников и идиотов, вокруг нее — шайка грабителей..

Все реформы, которые дает теперь правительство, вынужденные, но, к сожалению, и очень опоздалые. Все это должно было бы совершиться двадцать восемь лет тому назад. Если бы во главе государства стояли умные и честные люди, то это произошло бы сейчас после болгарской войны. Когда начались поражения, Александр II, чтобы свалить ответственность за войну на общество, совсем уж собрался дать конституцию, но как только счастье повернулось на его сторону, он изменил. Если бы это совершилось тогда, то не было бы нелепого убийства его, не было бы царства тьмы Александра III, не было бы отупляющего убаюкивания и мошеннических передержек дальнейшего царствования, может быть, не было бы колоссальной бойни Дальнего Востока и ужасающих по дикости теперешних погромов. Может быть, я рассуждаю как старый человек, который все это пережил, который видел, как все это накоплялось и надвигалось, который страдал, говорил, где мог и как умел, и жил толь-

ко верой в искусство, и все надеялся, что люди образумятся и поймут — вера мне не изменила, а надежда оказалась пустой мечтой. Мерзавец никогда не станет порядочным человеком, а дурак ни от чего не поумнеет. Одно меня утешает, если это может быть утешением, что весь ужас обрушивается пока не только на наших детей, но и на меня, а я уверен был, что до этого не доживу. Может быть, у них, если они уцелеют, будущее будет светлее, чем наше недавнее прошлое, и они не будут такими измученными, как мы.

Мастерская удалась, работать там дивно, и я начал работать, и вдруг был отрезан от всех, теперь жду, чтобы успокоилось и жажду опять работать,— а из Питера вести нехорошие..

Третьяковская галерея.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЛЕНОВА
«ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 ГОДА»

Декабрь.

8. *Четверг.* Вечером на Тверской полная темнота, только из некоторых переулков врываются снопы неяркого света. Много народа, все не спеша куда-то идут. Ни малейшего признака пьянства, я шел навстречу толпе и никто меня не задел. Человек двадцать молодежи, довольно стройно поют марсельезу.. Идет компания барышен и гимназистов и тоже поют марсельезу, но не очень стройно. Чувствуется, что все нашли, чего искали, чувствуют себя победителями, но сдерживаются, восторгов нет, слишком все это ново. Разумеется, ни экипажей, ни полиции нет.

9. *Пятница.* Утром тихо, обсуждают вчерашние события, разные слухи...

В четыре часа пили чай у Елизаветы Григорьевны Мамонтовой, рядом с нами. Савва Иванович и Владимир Васильевич Якунчиков говорили о статье Горького [3]. С[авва] И[ванович] признавал справедливым его упрек или вопрос, сделали мы для народа что-нибудь такое, за что он мог бы нас поблагодарить, и говорил, что не сделали. С[авва] И[ванович] признавался, что он ничего такого не сделал...

Вечером было заседание союза деятелей искусств[4] у архитектора О. О. Шишковского. Председательствовал (довольно неумело) С. И. М[амонтов]. Присяжный поверенный Толбузин умно редактировал первые параграфы, выясняющие цель общества. Вбежал хозяин дома Торопов и рассказал, что на дом генерал-губернатора было нападение, толпы народы взошли на площадь, начали требовать Дубасова, его не оказалось, началась стрельба, пошли залпы, много раненых и убитых.

После заседания (около двенадцати часов) иду домой, на улицах ни души, хотя фонари горят. Садовая точно вымерла.

10. *Суббота*. Утром пришел А. В. Семенцов и нарассказал кучу вздору: будто Кремль взят, генерал-губернатор в плену.

У Натальи Васильевны инфлюэнца с жаром.

Началась постройка баррикад; на Тверской ружейные залпы... Вечером к нам на двор явились молодые люди от боевой дружины требовать, чтобы ворота были отперты... Их стали расспрашивать. На вопрос — что же будет дальше? — начальник дружины, юноша лет двадцати, сказал: «Не беспокойтесь, вы под нашей защитой, будет учредительное собрание, полиция будет заменена милиционерами, войско — дружинами, управление будет устроено на демократических началах всеобщего равенства, войска уже на нашей стороне, и скоро все будет в наших руках. Одного боимся, что на окраинах образуют шайки из черной сотни, которые могут сильно нам помешать». Я рассказал это Наташе, и она успокоилась.

11. *Воскресенье*. Выпал снег. Я пошел к И. И. Трояновскому попросить навестить Наташу, у которой к вечеру температура повышалась. На улицах движение. Из части выезжают два извозчика с гробами, у одного сидит женщина. Прохожий замечает: «Это вчера, много их развезли по частям, ну, родные приходят, узнают; им отдают, не препятствуют, бери — коли твой». Трояновского не застал.

На Кудринской площади часовые солдаты. На Садовой появились баррикады, я набросал баррикаду у церкви Ермолая.

Начались пушечные выстрелы.

Около часу от Триумфальных ворот с площади артиллерия стала стрелять шрапнелью вдоль Садовой. Один снаряд попал на чердак реального училища, откуда мальчишки баловали красным флажком, двоих ранило, одного серьезно — выбило глаз. Другой влетел к нам на двор и оторвал угол и кусок крыши у флигеля Васильева.. Рассказы о совершающемся, о расстрелянных рабочих, стариках, повешенных казаках и т. д.

Жильцы дома собрались в школе и назначили ночное дежурство. Мне с Митей и с Семеном досталось от пяти до семи утра.

Все время отдельные выстрелы из ружей, но больше из револьверов.

Вечером и ночью вместо обыкновенной тишины все время галочье карканье и собачий вой. Странное и жуткое настроение.

Во время дежурства подходили к забору реального училища, там также дежурные, спрашиваю их — кто они? Отвечают, дежурная стража, какой пропуск — не знают. Один говорит другому: «Саша, поди спроси». Саша ушел и не вернулся. В шесть часов утра на колокольне удар колокола, как в мирное время. Когда-то оно настанет?

12. *Понедельник*. Утром заходили В. В. Якунчиков и [П. А.] Тучков, говорили, что ждут прибытия войск из Петербурга и казаков с юга.

Идет стрельба, говорят, что берут Прохоровскую фабрику, кто-то насчитал сто два пушечных выстрела. За садом к Пресне сильный пожар. Написал этюд. Какие-то взрывы.

От управляющего пришли сказать, что к пяти часам придут войска, чтобы оцепить реальное училище, где заперлись реалисты и засела дружина. Если не сдадутся, то в шесть часов начнется бомбардировка.

Действительно, к пяти часам на Садовой появляются войска.

Чтобы отвлечь внимание от улицы, я с Наточкой начинаю клеить избушку к елке, а маме, которая встала и пришла в кабинет, говорю, что в шесть часов возможна очень близкая канонада. Смотрю на часы — шесть часов. Тихо, проходит четверть — ничего; еще четверть, выхожу на двор, там говорят, что директор молил начальника отряда пощадить училище, что это дети, а что дружины у них нет, что он отвечает за полное спокойствие. Артиллерия увозит пушки, пехота еще остается, но к семи часам уходит.

Начинается пальба на баррикаду Ермолая. Слышно, как снаряды попадают в какую-то стену.

Дежурство нам назначено от десяти до двенадцати. В эти часы тихо, отдыхают, изредка выстрелы.

13. [*Вторник*]. Всюду баррикады, всюду пальба. Приходил И. И. Трояновский. Находит, что инфлюэнца пошла на убыль, но может сделаться осложнение в легких.

С трех часов громят Пресню, стрельба по Садовой. Я с Катей, которая принимает деятельное участие в событиях, идем осматривать бреши в заборах...

Вечером сильная пальба в Грузинах и пожар, все небо за садом багровое. Становится жутко.

14. *Среда*. Утром по Садовой езда: извозчики и частные экипажи, к полудню появляются войска. Драгуны и пехота начинают обстреливать Бронную и Спиридоновку, где засели боевые дружины...

Среди дня я пошел в наш сад, из-за забора началась стрельба и посыпались ветки и кора от пуль. Я вернулся на двор, а жена кучера говорит: «В сад не ходите, из моей комнаты видно, как солдаты попрятаны за забором и палят во всякого, кто проходит». Спасибо ей за хороший совет. Вечером тихо.

15. *Четверг*. Утром тихо. К полудню стрельба по нашему двору и саду с каланчи. Офицер стоит и смотрит в бинокль. Два солдата стреляют по его указанию...

Был Сережа [Мамонтов], он рассказывал, как брали тюрьму, как он отдал честь красному флагу, который несла толпа, а передовые барыш-

ни бросились его обнимать за то, что офицер стоит за них. Про Шаляпина рассказывал, как он хотел запеть и повести за собой толпу, но предпочел уехать домой, за что получил звание уж не солиста его величества, а социалиста его величества.

16. *Пятница*. С Катей, которая во что бы то ни стало хотела участвовать в восстании и принести посильную пользу, пошли в лечебницу Чегодаева, где были раненые реалисты, один с простреленным глазом. Князь Чегодаев нас очень любезно принял, сказал, что в настоящую минуту надобности нет, но обещал известить, если будет трудная работа. Оттуда зашли к Остроуховым, Илья Семенович взволнован и негодует.

На нашем дворе ребятишки начали строить гору, в них стали стрелять с колокольни, одного ранили...

17. *Суббота*. Семь часов утра, пальба из револьверов, винтовок, пушек. У нас в саду и в окрестных садах идет бой сквозь заборы, пули попадают в окошки и ставни.

К девяти часам все стихает, в десять часов пожарные стали обливать керосином деревянные флигели за садом и поджигать. Пожар разгорается, делается страшно за наш дом.

В нас откуда-то стреляют, к Е. Г. Мамонтовой влетает пуля и застревает во внутренней ставне.

18. *Воскресенье*. Утром от управляющего пришли сказать, что дом Найденова войска будут расстреливать. От жильцов избирают несколько человек, чтобы узнать об этом в участке.

Мы с управляющим идем. Приходится проходить через три цепи солдат, нас обыскивают. У Апанасенко находят какую-то бумагу, дежурный унтер-офицер идет за начальством, подходит большой казак с удивительно добрым лицом и вдумчивыми глазами, успокаивает и пропускает. Пристав князь Церетели (?) объясняет правила, по которым расстреливают дома, что прежде дают предупреждение, а потом стреляют, и он ничего сделать не может. Я говорю, что в нашем доме около тридцати детей, надо же их спасти? «Это не мое дело, но я не слыхал, чтобы дом Найденова предназначен к расстрелу». Пришлось удалиться. Одного из нас почему-то не хотели пропускать назад. Управляющий объяснил, что он показался подозрительным, держал руки в кармане.

В семь часов вечера начинается стрельба, из садов дружины нападают на участок. Ночью никто из взрослых не спит.

По двору бегут дружинники, в шесть часов подымают детей. К восьми стихает.

19. *Понедельник*. Утром тихо. Н[аталия] В[асильевна] и девочки уезжают на Кисловку[5]. День спокойный. Я иду на Садовую и набрасываю баррикаду, вдруг толпа из переулка, и убегают по Владимиро-Долгоруковской; кого-то поймали, махают руками, выстрел от Триумфальных ворот, толпа разбегается..

Вечером прислуга ушла, кто на Кисловку, кто в более безопасное место. Я с Митей остаюсь вдвоем и, несмотря на стрельбу, высыпаемся.

20. [*Вторник.*] Днем спокойно. Заезжал В[ладимир] В[асильевич] и говорит, что Прохоровская фабрика сдалась, и пальбы больше не будет, вообще всюду войска победили.

Дворник пришел из участка и говорит, что видел убитым молодого человека, что приходил с дружиной и успокаивал, что все идет прекрасно, только на окраине черная сотня. Рассказывают, что.. на Спиридоновке застрелили старичка и его жену, которые не поняли команды, на соседнем дворе убили гувернантку и ранили девочку.

Один мастеровой идет по Садовой и утирает слезы, я слышу: «прямо в прорубь, ведь она была у меня единственная».

21. [*Среда*]. Все стихло.

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XXI. 1909 годы

Выставка цикла картин «Из жизни Христа» в Петербурге.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. А. ТОЛСТОЙ

[Борóк] 8 сентября 1908 г.

Глубокоуважаемая графиня София Андреевна! Приношу Вам и Льву Николаевичу мое искреннее поздравление с благополучно прошедшим восьмидесятилетним днем его жизни. Радостью было узнать, что болезнь, налетевшая на него, уступает, и наш великий художник слова и бесстрашный искатель истины выздоравливает.

Вам же, София Андреевна, низкий поклон от полноты души за все то, что Вы сделали для него и для нас.

Вы глубоко поняли Льва Николаевича, Вы были его поддержкой, Вы способствовали его творчеству. Вы сберегли его на радость и счастье многим и многим...

Великая Вам хвала и слава.

В. Поленов.

Третьяковская галерея.

С. А. ТОЛСТАЯ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Ясная Поляна] 23 сентября 1908 г.

Многоуважаемый Василий Дмитриевич! Ваше письмо меня глубоко тронуло, и я очень благодарю Вас за поздравление и добрые слова. Но заслужила ли я ту высокую оценку, которую Вы мне делаете так любезно? Я только *любила* Льва Николаевича, без усилий, без рассуждения, и сегодня ровно сорок шесть лет, как мы повенчались, и я, совсем девочкой вступила на счастливый путь служения великому человеку. Тогда я этого не сознавала, а только инстинктивно чувствовала. Теперь же за все благодарю бога, но часто мучаюсь за те недочеты в моих отношениях и в непонимании Льва Николаевича, которые теперь ничем не вознаградить. Здоровье его теперь было бы хорошо, если б не нога, которая распухает от движения и держит его в катающемся кресле, в неподвижном положении.

Отношение стольких тысяч людей, выразивших ему свою любовь,— очень умиляло и трогало его..

Надеюсь когда-нибудь иметь удовольствие с Вами встретиться в Москве, где Вы, вероятно, бываете, и может быть, Вы и меня пустите взглянуть на Ваши прекрасные картины.

Искренно уважающая и преданная *София Толстая*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — С. А. ТОЛСТОЙ

[Борóк] 29 сентября 1908 г.

Глубокоуважаемая графиня София Андреевна, спасибо Вам за Ваше доброе милое письмо.

Я с большой радостью покажу Вам мои картины из жизни Христа, мой «Евангельский круг», как я их называю. Я работаю над ними около сорока лет. Теперь живу в деревне и в удобной, светлой мастерской оканчиваю последние.

В Москве у меня нет хорошей мастерской, а теперь нет и выставки, которую видела Екатерина Федоровна [Юнге]; но картины я там собираю для того, чтобы показать их на предстоящей передвижной выставке.

Когда буду в Москве, то наведаюсь о Вашем приезде и тогда попрошу Вас посетить мою [....] мастерскую, или скорее кладовую, и взглянуть на работу, которой я посвятил почти всю жизнь[1].

Искренно уважающий Вас *В. Поленов*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. В. ПОЛЕНОВОЙ

[Москва] 29 сентября [190]8 г.

Дорогая моя Катериша, больно нам за тебя, что ты одна в эти грустные минуты нашего общего горя. Не стало дорогой тети Лизы*... но мама и Шура** удивительно бодро переносят эту тяжелую для них утрату, тоже и наши девочки и Митюха***. Сегодня они вернулись из Хотькова, где было отпевание, а погребение завтра в Абрамцеве. Дядя Савва говорит: удел наш общий смерть, а кто остался в живых должен твердо выносить удары судьбы. Я в такие минуты вспоминаю слова Жуковского, кажется вроде этого:

О милых спутниках, что жизни путь нам осветили,
Не говори с тоской, их нет, а с благодарностию — были[2].

Я только что получил твое милое письмо с описанием простых и добрых немцев и тупых бюргеров. Я действительно захворал в Борке, думал инфлюэнцей, а оказывается какой-то нервной болезнью и по совету Ивана Зиновьевича [Добротворского] приехал в Москву, а теперь схватил опять что-то вроде бронхита, так что не могу ехать в Абрамцево. Старайся быть крепкой и работай, работа удивительно облегчает тяжелую ношу жизни и горя.

Твой *В. Поленов.*

Очень рад, что ты нашла изданную в Мюнхене Villa am Meer[3], я был бы рад иметь маленький экземпляр.

Поленово. Архив Е. В. Сахаровой.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

Петербург. 16 февраля 1909 г.

Только сегодня окончательно распределили картины[4], и, кажется, недурно, так что, когда приехала Фанни с семьей и Константин и Ольга Юрьевна [Каминская] с дочерью, то можно было уже получить настоящее впечатление. Я тем временем с Минченковым отправился к цензору, который разрешает передвижные выставки. По словам Минченкова, очень культурный и любезный молодой человек (оказалось, что он генерал). Назначено было в два часа; он приехал в три с четвертью. Мы ждали в передней, он спросил: «Где?... есть разрешение от градоначальника». Минченков дал какую-то бумажку. «Это не разрешение от градоначаль-

* Е. Г. Мамонтова.
** Н. В. Поленова и А. С. Мамонтова.
*** Дочери В. Д. Поленова и сын Дмитрий.

ника». Повернул спину и ушел. А у градоначальника сказали, что пока не будет разрешения от цензора, то разрешения может не дадут. Минченков мне говорит: «Теперь я не вполне понимаю, что нам делать». Я поехал на выставку и встретил всю компанию и страшно был тронут тем сочувствием, участием и помощью, которую встретил.,

[Петербург] 20 февраля 1909 г.

Я очень доволен, как устроилась выставка, хотя две картины и пришлось убрать за недостатком места, но это нисколько не повредило цельности. Эти дни я делал визиты и на выставке не был, но А[лексей] В[асильевич] [Семенцов], который все время там наблюдает за впечатлением и ему кажется, что оно огромное. Я раздаю билеты друзьям, а они своим друзьям и т. д. Алексей был на выставке, когда появился помощник генерала Бутовского, который отнесся ко мне и Минченкову строго. Этот помощник оказался очень веселым маленьким человечком. Он очень удивился, что г-н Поленов так много сделал разных картин и так много в них ни на что не похожего Христа, но что, вероятно, понадобится обратиться к авторитету духовного лица. На другой день Алексей был у г[енерала] Бутовского, он был очень любезен и обещал быть в субботу в три часа с «попиком», но что par le temps qui court [в наше время] может быть встретятся затруднения — тем более, что Пуришкевич будет нас забрасывать запросами. Словом, все идет, как по-писаному.

21. Я вчера переехал в Академию художеств к Василию Васильевичу Матэ, он ужасно милый и гостеприимный, настоял на этом. Во всяком случае разрешения открыть выставку раньше вторника (24) мы не получим, я в самом бодром и радостном настроении, несмотря на легкий грипп. Я никогда не думал, что доживу до такой высокой минуты..

[Петербург] 22 февраля 1909 г.

Третий день я живу у Василия Васильевича Матэ. У меня сделалась московская или здешняя инфлюэнца с ларингитом. Вчера Алекс[ей] Василь[евич] принимал на выставке цензоров: светского и духовного. Светский, некто Быховский, взошел, не сняв пальто и в калошах, но увидев, что общее настроение очень высокое, вернулся, снял и стал любезен. Архимандрит Александр, который был по духовной части, оказался очень милым и слегка комиком. Перед картиной «Пошла в нагорную страну» сказал: «Очень умилительно, только жаль, что платье не так как делают», «Преуспевал в премудрости»,— заметил, что «это не духовно и не свой-

ственно происхождению». В картине «Повинен смерти» сказал, что Христос недостаточно внушителен и не в красном платье, как подобает, что простой народ может вознегодовать. Тут был Николай Александр[ович] Ольхин. Он объяснил, что красное платье было дорого и его носили только богатые. Но больше всего его смутило, почему Петр столь мал ростом. (в картине «Отречение»), и лицо очень испуганное. В картине «У правителя» отчего мальчик, а не большой. Ему сказали, что в евангелии не сказано, кого послала жена. В «Сидели стерегли» отчего Христа не видно? В «Предал дух» зачем подставка под ногами, сказано повесили. Заключительная сцена понравилась... После чего оба нашли, что «препятствия к публичному показанию не встречается», а полицейская и пожарная комиссии так заинтересовались выставкой, что нашли все превосходным..

[Петербург] 3 марта 1909 г.

Сейчас был у меня Павел Петрович Чистяков, приходил благодарить за выставку. Я никак этого не ожидал. Он говорит: «особенно понравилась мне картина «Моление о чаше», видно, как умоляет.. а другая картина — «Сидит на скале»...— и благородства много, и чувствуешь, что это было давно-давно, но так и было... И театра нет, как бывает, когда делают в плащах... Оно должно быть так и было, без плащей.. А в шлемах-то идут, народ стоит, женщина бежит, и не знаешь, что такое, а это его ведут — Христа... Я угадал. И много со мной художников ходило, и все молчат... Маковский Владимир — на что мудрый, и тот присмирел, говорит: «Тут чистота Христа связана с красотой природы». Это верно!».

Сидел Павел Петрович у нас целый вечер, был в ударе, все время говорил, все больше о падении Академии как школы, рассказывал про интриги Маковского, Киселева и ко мне: «Все они заранее обдумают, а потом действуют, и во всем Толстой виноват, не надо было Маковского делать ректором... Ну, да это уже давно было... Теперь Академия как школа совсем испортилась. И Репин, какой он учитель? Он только напортил, и больше всего себе самому. Теперь ученики такие, что не только за границу, за мост совестно послать. Он должен был делать, как вы,— работать... Если бы Вы учили, Вы бы наполовину растеряли»... «Это верно»,— говорю я. «Вы теперь поднялись, а он опустился. Ведь картина-то его плохая, да портреты стали хуже... Ведь он себя на популярность разменял... Я ведь учил потому, что голова болела... Да и люблю я это дело. А всякий не может учить. Во всяком деле любовь... Вот и у Вас в картинах есть любовь»... Я ему говорю: «Павел Петрович, а знаете, что для меня составляет большое счастье? — что я имею право назвать Вас своим учителем?» — «И я этому радуюсь и горжусь этим. Немногим

такую радость приходится испытывать»... Признаюсь, я ничего такого не ожидал и был очень счастлив. Как он удивительно сохранился... Меня перенесло в давно прошедшие времена, лет за пятьдесят... когда мы жили в восьмой линии, и Чистяков приходил к нам давать уроки. Оставался он обыкновенно весь вечер и ораторствовал, как сегодня... Оказывается, Павел Петрович на тринадцать лет старше меня и ему теперь семьдесят семь лет...

[Петербург] 9 марта [190]9 г.

Я согласен, что выставку надо в Петербурге продлить.. Был я на выставке Салон[5], мне было обидно видеть, что такие искренние и даже интимные вещи, как Левитана, Марии Якунчиковой и Мусатова, находятся среди сбора наглости и бесстыдства. Конечно, есть и хорошие вещи, напр[имер] Головина, Серова, Коровина, но общий тон — кривлянье и придуманность, и все это подражательное, холодное и непристойное. Выставка Нового общества[6] гораздо симпатичнее. Мне очень понравились Кардовский, Рылов..

[Петербург] 13 марта [190]9 г.

Третьего дня я был у Репина. Был чудный мягкий день, ходил с Матэ на берег моря на то место, где Репин изобразил студента с барышней[7]. Но теперь море еще во льду и покрыто снегом. Много там понравилось. Сам Репин здоровый, цветущий, веселый, его жена тоже цветущая немка[8] с изречениями из прописей Толстого. Обстановка роскошно безвкусная, как всегда, а жизнь устроена с толстовскими причудами..

[Петербург] 22 марта 1909 г.

Вчера я был у Врубеля, он совершенно слеп[9]. Но по словам доктора Афросимова, все еще надеется, что будет видеть. Иногда приходит в отчаяние, даже отказывается от пищи, но не надолго. Говорит мне: «По голосу я вас не узнаю». Но по мере моего рассказа стал припоминать и вспомнил, что я живу в каком-то имении, где есть мраморы. Я спросил, помнит ли Серова и Коровина, он сказал: «Я и брата его помню». Про Серова ничего не сказал. Когда я назвал Савву Ив[ановича] Мамонтова, он вспомнил Джоконду и Лукрецию.

Третьяковская галерея.

Л. О. ПАСТЕРНАК — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 1 мая 1909 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Василий Дмитриевич! Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и память и за доставленные минуты необычного, особенного эстетического наслажденья, которое явилось результатом — помимо непосредственно художественных достоинств, с которым я от всей души Вас поздравляю,— но и того глубоко трогательного и важного, серьезного отношения Вашего к своему огромному, всю Вашу жизнь отданному oeuvr'y [делу], и вот это-то Ваше дорогое высокое и теперь так редко встречающееся отношение к Вашему творенью несомненно передается каждому; по крайней мере, мне и моей жене, которая так же, как и я поздравляет Вас с успехом и благодарит за высокое наслажденье. Если бы чувство зависти не было так предосудительно, я сказал бы Вам, что я Вам позавидовал, что Ваша жизнь сложилась так, что Вы могли отдать ее на такой любимый, отобранный, цельный труд с таким высоким настоящим — по особому призванию художника — святым, можно сказать, отношением к избранному своему созданию. В последний год особенно я часто думал на тему о том необычном, особом (и поразительно верно определенном «избранным») существе, среди всей вокруг копошащейся серой массы, называемом «художником», о его истинном призвании и отношении к его делу, к его дару и т. д. и часто думал и скорбел, что в последнее время особенно важное высокое значение художника низведено, изгажено до невозможного и постыдного, и не столько публикой или прессой, литературой нашей, сколько и самими художниками, главным образом, особенно, «молодыми», «ранними»; и вот, когда встречаешь такое отрадное явление, как Ваша выставка, то снова — «жив курилка», жив художник.. И вот Вы своей выставкой еще больше подтвердили мое мнение об истинном художнике, и Ваше отношение к делу глубоко меня тронуло и дало огромное нравственное удовлетворение.. При личном свидании «поболтаем» о многом, чего в письме невозможно охватить, не говоря уже о детальном разборе; да едва ли это нужно: цель Ваша, и прекрасная цель, так успешно Вами достигнута,— что же еще больше.

Будьте здоровы, бодры. Желаю Вам и Вашей дорогой семье с уважаемой Натальей Васильевной во главе наслаждаться успехом, который несомненен и свидетелем которого были и мы, ибо публика (и огромная!) жадно смотрела и переживала высокие минуты — я давно не видал такого серьезного внимания и интереса. Веселого лета Вам! Жму Вашу руку.

Ваш *Пастернак.*

Третьяковская галерея

Л. Н. ТОЛСТОЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Ясная Поляна. 3 июня 1909 г.

Очень благодарен Вам, Василий Дмитриевич, за присылку Вашего альбома[10]. По рассказам я имел очень неопределенное понятие о Вашей выставке, но альбом Ваш произвел на меня сильное впечатление. Воображаю, как подействовала бы на меня сама выставка, и очень, очень сожалею, что не мог видеть ее. Не говоря уже о красоте картин и том вполне сочувственном мне отношении Вашем к изображаемому предмету, самый этот огромный труд, положенный Вами на это дело, вызывает глубокое уважение к художнику. Само собой разумеется, что раскрашивание, хотя Вы его и начали, не может передать красок, но благодарю Вас за намерение сделать это для меня.

Кроме всех других значений Ваша выставка имеет, по моему мнению, еще значение педагогическое. Нельзя в лучшей форме передать детям историю Христа, как по Вашим картинам.

Еще раз благодарю Вас. Ваш *Лев Толстой*.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. Н. ТОЛСТОМУ

[*Борóк. Июнь 1909 г.*]

Только на днях получил я Ваше сочувственное письмо, глубокоуважаемый Лев Николаевич, мне несказанно дорога Ваша оценка моего труда, я действительно долго и много работал над этими картинами и все-таки не завершил еще всего круга.

Но больше всего меня порадовало высказанное Вами мнение, что: «нельзя в лучшей форме передать детям историю Христа».

Рядом с живописной работой идет у меня и письменная, или литературная; называется она «Иисус из Галилеи»[11]. Это свод в одно целое евангельских текстов и других новозаветных сказаний о Христе, снабженных моими примечаниями. В этих примечаниях я стараюсь пояснить то, что мне кажется неясным, стараюсь собрать исторические данные как о действующих лицах, так и о книгах, содержащих эти повествования; читая современные исследования об евангелиях, я делаю выписки и заметки; все это вместе составляет дополнительное приложение к евангельскому своду, а мои картины служат главным образом изображением природы и обстановки, в которой совершались евангельские события. В настоящее время рукопись моя переписывается, и когда у меня будет готовый экземпляр, я позволю себе послать его Вам..

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XXII. 1910—1913 годы

Путешествие В. Д. Поленова с Л. В. Кандауровым по Германии. Поездка в Бретань, Испанию, Италию, Грецию. Этюды к детским постановкам в Народном театре. Этюды к картинам для Музея изящных искусств.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

[*Прага. 16 июля 1910 г.*].

8 июля покинули Киссинген рано утром. Дождь. Хозяйка дружелюбно провожает, Johann [Иоган]* жмет на прощанье руку. В Гейдельберге.. студентов с резаными физиономиями и комаров на Неккере множество.

Из Гейдельберга по Рейнской долине, через Мангейм и Ландау в городок Анвейлер у подошвы трех гор Трифельс[1]. Анвейлер — самое лучшее местечко всего нашего путешествия, в тот же вечер отправились на руину Трифельсов. Когда возвращались, собиралась гроза, гремел гром, блестела молния, было жутко и поэтично, на другой день (с утра) провели там полдня. Я успел написать в Анвейлере и Трифельсе десять этюдов и набросков. Долина оказалась похожей на декорацию, но замок гораздо торжественнее на высокой горе. Окно комнаты замка так похоже на декорацию, точно я его реставрировал с натуры. Дворик не похож в натуре. Главная башня квадратная. В приемной комнате я вспоминал, как Наталья мечтала, а Ольга** декламировала и пела[2], но Натальина первая фраза была бы вернее так: «Как хороша эта далекая равнина». Ричарда зовут там «Löwenherz» [Львиное сердце]. Мальчик дровосек на мой вопрос, кто был заключен в замке, сказал «Löwenherz», «Und wer hat ihn befreit?», «Blondel» [«А кто его освободил?» — «Блондель»]. Пребывание в Анвейлере и Трифельсе осталось самым чудным воспоминанием всего путешествия. Леонид*** сделал около двадцати фотографий. Мы накупили множество карточек с описанием замка и окрестностей. Оттуда по рейнской долине в Франкфурт. Хорошая картинная галерея. 12-го в Эйзенах и Вартбург. Комната Лютера не тронута и производит захватывающее впечатление, но «Sängerhalle» [зала певцов], «Rittersaal» [рыцарский зал].

* Иоган — слуга на Вилле Монтана в Киссингене, где жил Поленов.
** Н. В. и О. В. Поленовы — дочери художника.
*** Л. В. Кандауров.

«Kapelle [часовня] и другие комнаты, к сожалению, так сухо реставрированы, что совершенно не дают исторического настроения. Досада берет на бездарных современных немцев.

13-го из Эйзенах в Вернигероде, городок у подножия «Garzgebirge» [хребта Гарц]. 14-го оттуда поднялись по маленькой ж[елезной] д[ороге] на Брокен; еловый лес, черно, сурово и однообразно, совершенно не похоже на мою декорацию, на вершине плоского Брокена туман, ветер, холод, как у нас в ноябре. Но Леонид, который хворал последнее время в Киссингене, вдруг помолодел и почувствовал себя Фаустом, а я так вдруг устал, что постарел и захирел, стал хуже Мефистофеля в старости, но в Дрездене в галерее опять немного отошел. Славная галерея, какие Веронезы, какие Кранахи, Вермееры, какой Delaroche [Деларош], да и много других.

Париж. 22 июня 1911 г.

Париж нам очень удался. Кроме Салона. Мы могли бы его видеть, так как его на два дня продлили, но мы узнали это вечером. Особенно хороша была экскурсия на Montmartre [Монмартр], жаль только, что он испорчен нелепым «Sacré Coeur» [Храмом святого сердца].

[*Редон*] *23 июня* [*1911 г.*].

Redon [Редон][3]— маленький городок со старинным (12—15 вв.) собором, портом, каналом, шлюзами, речкой и т. д.

[*Сарзо*] *24 июня* [*1911 г.*].

Sarzeau [Сарзо], в двух километрах от городка (на берегу моря) древние, хорошо сохранившиеся развалины замка Sussinjo [Сусиньо], летняя резиденция герцогов Бретани. Очень интересные остатки, их открыл Леонид. Тут мы купались в океане на огромном безлюдном пляже. Было дивно.

[*Совне*]

25 июня. Едем в Nantes [Нант]. Станция Sovenei [Совней], все в зелени, дорога ничем не отгорожена от парка, а магнолии и другие деревья в цвету. Прилагаю один..

Биарриц. 26 июня [1911 г.].

Благодаря тому что наш поезд из Nantes' а [Нанта] опоздал, пришлось взять на Бордо, до Биаррица Lux [люкс]. Нас до того закачало, затрепало, запылило, задымило, закурило, что мы решили остаться день в Биаррице, чтобы отдышаться. Отвратительное учреждение этот Lux, но зато чудное учреждение Биарриц и наше окно на море, т. е. океан, и мне припоминается [....] Nettuno [Неттуно]..[4]

Мадрид. 27 июня 1911 г.

Какая удивительная красивая, плодородная, возделанная земледельческая страна Испания. Сначала горы Пиренеи, очень красивые, потом долины и холмы со срезанными верхушками и поля, поля, без конца и на них возделывается начиная от нашего овса и кончая виноградом. Баски, а потом испанцы удивительно милый, приветливый и неназойливый народ, предлагают, но не пристают, и при этом у всех премилая улыбка. Итальянцы (больших центров) куда хуже.

Мадридская галерея огромная и полна шедевров, не говоря о чудных Веласкесах, какие Веронезы, Тицианы, Мурильо, Рафаэли, Alonso Cano [Алонсо Кано], из немцев удивительный Petrus Christus [Петрус Кристус], Van Eyk'u [Ван-Эйки] и т. д. Интересны Теотокопули и Гойя, хотя я от этих двух ждал большего. И как все сохранились, голубые небеса действительно голубые. И как хорошо выставлены. Такого музея нигде нет.

29. Сегодня вернулись из Толедо; было очень жарко, но интересно. Маленький мальчик Пеппос помогал мне носить этюдник, премилое существо. 30. Леонид подсчитал деньги и боится, что на обратный путь не хватит и что мы будем стеснены; в Афинах мы полагаем быть около 10—11 нашего июля и остаться до 14—15, поэтому не найдешь ли возможным выслать мне триста рублей. Аккредитив мой дан на Banque d'Athènes [Афинский банк], а письмо надо послать poste restante [до востребования]..

Венеция. 7/20 июля 1911 г.

..До сих пор путешествие идет очень удачно. Из Мадрида до Венеции мы для экономии ехали в третьем классе, оказалось много интереснее и прохладнее, чем в высших. Вагоны деревянные и сквозные, хорошо продувает, правда Леонид видел двух клопов, но я ни одного. Из Мадрида ехала веселая публика самых различных положений и кабалеросы, и доньи с дочерьми, и мужички с женами и детьми, и жандармы и Карме-

ны, почему-то одну из них даже звали Ольгой. Во Франции в вагоне солдатики, матросы, один зуав, совсем мальчик, но настроение более серьезное, чем в Испании. В Барцелоне был политический митинг под самым нашим балконом, были выстроены конные жандармы с обнаженными саблями, боялись, что социалисты не выдержат, но все обошлось благополучно. Депутаты говорили речи и успокоили толпу, что парламент до войны не допустит.

Чудная страна Испания и как возделана, а кем неизвестно, в полях почти никого нет, да и жилья мало.

Южная приморская Франция, особенно после Марселя, необыкновенно красива, изумительно причудливы горы и скалы, при этом море, сосны, пальмы, какая-то сказка. В северо-западной — красивая река Луара и множество каменных ветряных мельниц по холмам. Около Ниццы и Монако мне не понравилось, зато после Вентимиль в Италии гораздо проще, очевидно сюда еще не проник важный чопорный англичанин. Поезд несется по самому берегу моря, в котором купается бесчисленное множество ребятишек всяких возрастов и положений. Купаются и взрослые и ты за них наслаждаешься. Богатого и знатного монда еще нигде нет и потому всюду весело и просто. Все время очень жарко, но море так умеряет и так хорошо дышится, что больше наслаждаешься, чем огорчаешься.

Венеция оживлена, всюду радость. Италия идет вперед. Думаем выехать отсюда в субботу 9/22 морем на итальянском пароходе через Бриндизи, Коринфский пролив в Пирей. В Афинах останемся около недели и если никаких неожиданностей не произойдет, то думаю быть в Тульской губернии 28 июля. А пока будьте здоровы и веселы. Может быть, и увидимся..

[Венеция]. Июль 1911 г.

..Сейчас мы едем на пароходе через Бриндизи в Пирей и Афины[5]. Жара тропическая, голуби и те открыли рот, хотя они строго воспитаны показывать англичанам, что у них климат приятный. Вчера были на Лидо, и там действительно было приятно..

Корфу. 13/26 июля 1911 г.

Стоим пять часов, на остров не пускают, ибо карантин холеры, которая, говорят, очень сильна в Палермо. А интересно было бы взглянуть на остров смерти Бёклина и Виллу Ахиллеса..

Вечер тихий, небо звездное, море между островами спит.

14. В каюте было ужасно душно, да еще навоняли карболовой кислотой,

и я провел ночь на палубе. Твоя подушечка служит мне превосходно, и выспался на деревянной скамейке великолепно, давно так не спал.

В Потрас нас не пустили, поэтому мой маршрут приходится переделать. Очень трудно будет попасть и в Дмимпио, и в Дельфы, и на Милос..

Идем по Коринфскому заливу и к вечеру думаем быть в Пирее и Афинах. Может быть, будут от вас известия. Прошли Коринфский канал и взошли в Эгинский залив, едем мимо Саламина,— скоро Пирей. [В] Афины приехали вечером..

Афины. 16/29 июля 1911 г.

Афины теперь большой европейский город с чудными греческими зданиями. Вчера и сегодня утром провели на Акрополе. Очень жарко, тем не менее я работаю. Вообще живопись очень облегчает мне утомление пути, а за последние дни и от жары и от всего виденного оно растет. На пароходе (из Венеции в Пирей) я познакомился с очень милым францисканцем (Antonio Drago) [Антонио Драго] и итальянским журналистом J. Galli [Ж. Галли], оба прекрасно говорят по-французски. С Antonio я рассуждал о религии, и он со мной соглашался, что надо, чтобы христианская религия была для всех одна, так как Христос и la Sainte Vierge [Святая Дева] одни. С Galli о политике и искусстве, показывал мои этюды, подарил альбом из жизни Христа и объяснял картины и так его растрогал, что он расплакался. Просил сообщить ему биографические сведения, чтобы написать обо мне статью. Завтра едем в Дельфы..

Дельфы. 17/30 июля 1911 г.

Из Афин в Дельфы на маленьком пароходе, море чудное. Там в коляске три часа. Небольшая, но интересная и таинственная развалина у самой стены Парнаса (Федриады). Ущелье, в котором жил Пифон, а теперь из которого течет кастальский источник, очень впечатлительно, и этюд как будто удался. Когда я писал вид на долину Плейстос, подошел небольшой эллин лет восьми, с белокурыми волосами и голубыми глазами (сначала я думал, что эллинка, потому что костюм был длинный, передник, как носят французские дети). Он внимательно следил за работой, но когда я положил синий тон гор в глубине долины, он громко расхохотался и убежал, потом объяснилось, что он был очень доволен, что их горы вышли такими похожими. Вообще поездка удалась. Но на острове Милосе погостить не удалось из-за пароходов, а оставаться еще неделю не хватило энергии и денег. Но что здесь на юге отвратительно, и в Испании,

и в Италии, а в особенности в Греции — это насекомые, совсем на дают спать. Это всего утомительнее. Тут и блохи, и мошки, и еще какие-то звери, но главное — это комары. Они хуже наших, потому что почти не поют и быстрее летают, так что поймать невозможно. Я спасаюсь борной водой на вате — чудное средство.

Афины. 21 июля/3 августа [*1911 г.*].

Какие тут удивительные вещи в музеях и в большом, и на Акрополе. Греция — интересная страна, а люди приветливы, но без заискивания, не назойливы и деликатны, и красивы, хотя на Гермеса и Афродиту не похожи.

Идем 22-го по морю, тихо, но солнце красное. Будет ветер. Подходим к Смирне и боимся карантина.

Смирна, 23 [июля]. Карантина не будет. Из Смирны сильный ветер, пароход качает.

24 [июля]. Утром пришли в Константинополь. Перемена большая, можно ходить по улицам почти безопасно.

25 [июля] идем по Босфору. Леонид находит, что Босфор красив, но и Ока близ Тарусы красива, а я нахожу, что Оять близ Окуловой горы тоже красива, все в своем роде.

26 [июля] четыре часа дня. Одесса. Переезд был хороший, особенно вечер — чудный, тихий. Утром были волны, но все кончилось благополучно.

27 [июля]. Наконец, на твердой земле — и домой..

Борóк. 24 ноября 1911 г.

Какая огромная потеря для искусства — смерть Серова. В последний раз я виделся с ним, когда я лежал больной, в Петербурге, в мастерской милого, гостеприимного Матэ. Он [Серов] писал портрет Нобеля, который ему не удавался, и он непомерно много курил.

Помню, как однажды он пришел и говорит, что был на моей выставке: «По чувству мне очень понравилось, меня даже как будто захватило». Эти слова доставили мне тогда большую радость.

Какой это был неподкупно честный человек и какой высокий и стойкий в убеждениях! Несмотря на свое кажущееся равнодушие, как он горячо принимал к сердцу наш протест против президента Академии!

Он ведь несколько раз был на краю смерти. Этот раз, вероятно, сердце не выдержало такого долгого и высокого давления. Ведь барометр больше двух недель стоял, как три года назад, почти на 78.

Мне очень жаль, что я не мог быть у него на панихиде и на похоронах. В такие минуты общение с близкими людьми смягчает горечь утраты.

Надо бы узнать у Ильи Семеновича, когда будет заупокойная обедня — на девятый день (30) или на сороковой; я бы приехал.

..Странное дело: последнее время мне почему-то все припоминался Серов..

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XXIII. 1913—1923 годы

Народный театр. Постройка театрального дома в Москве. Октябрьская революция. Деревенский театр в Борке́. Открытие музея для народа. Диорама.

В. Д. ПОЛЕНОВ — К. А. КОРОВИНУ

[*Москва*]. *6 марта 1913 г.*

Дорогой Константин Алексеевич, обращаюсь к Вам по одному делу, близкому нам обоим. Расскажу Вам об этом довольно пространно, но Вы имейте терпение, прочтите до конца. При московском Обществе народных университетов (не Шанявского[1]), открылось отделение или секция народных театров[2]; я уже три года, как состою членом этого кружка, а теперь выбран в председатели. Я все более и более втягиваюсь в это глубоко интересное дело и восхищаюсь, как молодежь, люди самых разнообразных положений, состояний, занятий, возрастов, там работают. Цель этого кружка или секции — распространение искусства среди народа, а главное средство — это сцена. И вот наш кружок поставил себе задачей содействовать устройству фабричных, деревенских и школьных театров. Для осуществления этой задачи, для достижения намеченной цели мы работали над теми отраслями искусства, которые в своей совокупности дают театр. Мы составляем сборники подходящих пьес, пишем об них рецензии, составили руководство или учебник по всем отраслям театрального дела, пишем декорации, шьем костюмы, готовим бутафорные принадлежности и т. д. Работа кипит ключом, и все работают совершенно бескорыстно, несмотря на то, что у доброй половины за душой гроша медного нет, все делается ввиду великой цели. Я пригласил в наш кружок многих друзей, и они все помогают, чем могут. Членами его, между прочим, состоят И. Е. Репин, П. А. Брюллов, А. М. Васнецов, В. В. Матэ, З. С. Соколова, А. С. Штекер, Н. В. Поленова и другие. Я этим делом теперь

страшно увлекаюсь, прямо-таки живу, особенно занят отделом школьного или детского театра. Я уверен, что Вы сочувствуете этому великому делу, и, если бы Вы вступили в наш кружок, то доставили бы нам большое удовольствие. Наше членство ни к чему не обязывает, а при случае, если бы захотели, могли бы нам и помочь. В настоящее время Вы могли бы нам оказать большую услугу. Мы знаем, что время от времени казенные театры распродают старое имущество, как-то: костюмы, мебель, бутафорские принадлежности, до декораций включительно. Наш кружок еще чрезвычайно беден имуществом, денежные средства у него самые ограниченные... Поэтому, не нашли ли бы Вы возможность выхлопотать у директора театра уступки, а еще лучше, дара нам того, что Вам не нужно. Это было бы великое для нас благо. А для Вас — великая честь и заслуга перед родиной. Вы, конечно, сами знаете, что искусство (а в театре все искусства объединяются) не есть прихоть или праздная забава, это — великое культурное дело. Ничто так не смягчает нравы, как оно, ничто так не отвлекает людей.. как причастие к искусству. Ввиду всего этого не найдете ли Вы возможным попросить уважаемого Владимира Аркадьевича [Теляковского] помочь нам в этом деле.

Ваш старый друг и учитель.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Ф. И. ШАЛЯПИНУ

[Москва] 16 мая 1913 г.

Многоуважаемый Федор Иванович, Ваше согласие вступить в члены нашего кружка доставило нам большую радость. Я Вам рассказал в общих чертах, в чем наше дело, теперь, после единогласного Вашего избрания, постараюсь изложить подробнее наши мысли и надежды. В небольшом кружке близких по духу людей возникла мысль помочь пробуждающемуся народу в его стремлении к свету, в его жажде чего-то нового, высокого, в потребности жить не только жизнью материальной, но и духовной, иметь возможность подыматься иногда над действительностью, жить мечтой, грезой, творчеством, словом в стремлении к жизни мысли, жизни духа.

До сих пор эта потребность удовлетворялась крайне скудно и может быть, что его тяготение к алкоголю объяснимо теми минутами счастья, веселья, забвения неприглядной действительности, что дает этот скрашивающий жизнь, но предательский напиток. Хотя в Петербурге упорно держатся мнения, что добрый русский народ до того любит свое начальство, что пьет для его вящего благополучия, но мне кажется, что это большое заблуждение. Народу, как и нам всем, нужна в жизни радость,

а жизнь дает ее скупо,— вот и тянет его у нас к водке, в Китае — к опию, на востоке — к гашишу. Но искусство ведь тоже дает минуты радости, а эти минуты и продолжительнее и много безвреднее алкогольных.

Вот мы, разные люди, но одинаково одушевленные желанием помочь меньшему брату и одинаково любящие искусство и верящие в его силу, сплотились в кружок, сначала тесный, а теперь уже разросшийся в большое общество, чтобы работать над этой великой задачей.

Благодаря первой нашей председательнице, гр[афине] В. Н. Бобринской, дело пошло успешно, хотя и не без препятствий.

Теперь мы примкнули к обществу народных университетов, а меня выбрали в председатели, я же выхлопотал себе звание декоратора.

Редко приходилось мне переживать такие высокие и счастливые минуты, как в настоящее время; в нашем кружке такое настроение объясняют «атмосферой», несмотря на холод, сырость и прочие там неудобства.

Я удивляюсь и восхищаюсь, как люди самых различных положений, состояний, занятий, возрастов, дружно и бодро работают сообща и работают совершенно бескорыстно.

Мы, как я Вам уже сказал, задались целью по мере сил и умения помочь народу удовлетворить высокие потребности человека — потребности духа. И вот искусство, по нашему глубокому убеждению, есть одно из самых могучих для этого средств. Многостороннее и доступнее всего оно проявляется на сцене, на ней соединяются в одно целое: поэзия, музыка, живопись, пластика и т.д. Поэтому ближайшей нашей задачей стало: «Содействие устройству деревенского, фабричного и школьного театра». Для этого мы теперь усиленно работаем над теми отраслями художественного дела, которые входят в театр. Мы составляем сборники пьес, пишем о них рецензии, собираем сведения по разным отраслям театральной техники, пишем декорации, шьем костюмы, изготовляем бутафорские принадлежности и т. д. Работа кипит ключом, и все работают ради великой цели, и если какие-нибудь случайности нам не помешают, а в нашем отечестве, как известно, таковых много, то дело наше разрастется, и мы принесем людям пользу, нам удастся дать народу ту крупицу, которая так облегчает и красит жизнь и без которой так тяжело жить, мы дадим минуты радости.

Если буду жив и нам удастся свидеться, то я буду счастлив Вас приветствовать как сочлена и товарища по великому делу народного обновления.

Искренно любящий Вас *В. Поленов.*

P. S. Прошу передать мой сердечный привет уважаемому сочлену Александру Акимовичу Санину.

С разных сторон я слышу, как искусство, в настоящем случае сценическое, превращает людей, почти погибших, в хороших работников, трезвых, бодрых, талантливых. Один пропойца бросил это занятие после

того, как был приставлен к занавеси, он уразумел, что и без водки можно испытывать великие минуты счастья..

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Куоккала. 26 декабря 1913 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, только отсюда удосужился написать тебе. Благодарю за великолепные ценные подарки — твои издания[3]. Как изящно и близко к оригиналам вышла твоя Палестина. Но что меня поражает: ты оказываешься музыкальным композитором! И как это тебя на все хватает. Я в восхищении аплодирую тебе и жду с нетерпением, когда заедет к нам сюда музыкальный исполнитель; только тогда буду слушать и понимать.. А так ведь, ты знаешь, я человек безграмотный в музыке.

Слава богу, по виду ты мне показался плечистым, широким богатырем. Дай бог тебе прожить сто лет, и тогда вся твоя музыка будет обыкновенным явлением: скажут — это еще он в молодые свои годы оперу на музыку перекладывал. Браво, браво! Это тебя *народ* так оздоровил и помолодил. Жалею, что ничего из сцен сих мне не довелось видеть на сценах деревенских театров.

Твой *Илья*.

Третьяковская галерея.

В. Н. МЕШКОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 20 мая 1914 г.

Дорогой учитель, я и семья моя искренне приветствуем Вас со днем Вашего рождения и желаем Вам многая лета на процветание русского искусства, а нам на радость.

В. Н. Мешков.

Архив Поленовых.

Н. А. КАСАТКИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 21 мая 1914 г.

Горячо приветствую Вас, глубокочтимый Василий Дмитриевич, культурную громаду русского искусства.

Касаткин.

Архив Поленовых.

К. А. ТИМИРЯЗЕВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Клин. 21 мая 1914 г.

Примите, глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, горячий, искренний привет одного из старейших ценителей Вашего чудного таланта, хотя не художник, я воспитался на академических выставках, а, как сверстник, с первых Ваших шагов следил за его развитием. Вы один владели обеими областями: исторической и пейзажной. Желаю Вам долгие годы творческой деятельности на радость себе и тем, кто Вас ценит[4].

Тимирязев.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — К. А. ТИМИРЯЗЕВУ

Борóк. 26 мая 1914 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Климент Аркадьевич, Ваше приветствие меня особенно порадовало. Лично я не люблю юбилеев и всячески старался утаить мой восьмой десяток, но не удалось и произошел неожиданный праздник. Теперь я не только не сожалею о случившемся, но искренно рад. Я глубоко тронут и взволнован тем горячим сочувствием и тем выражением любви и симпатии, которые так неожиданно выпали на мою долю. Из этого я вижу, что прожил не даром, что мне удалось направить силы свои и способности на пользу людям и на радость тем, кто меня ценит, как Вы говорите.

Во время долгой, одинокой и трудной работы художника тебе все кажется, что ты никому не нужен, никто тебя не замечает, что ты одинок, и вдруг, по чисто внешней причине, оказывается, что столько прекрасных, милых, замечательных людей тебе сочувствуют, тебя ценят и любят! Иначе не могу это назвать, как великой радостью!

Третьяковская галерея.

К. А. КОРОВИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 23 мая 1914 г.

Поздравляю художника поэта, да хранит господь ваши мудрые годы, ваш ученик *Коровин Константин.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — К. А. КОРОВИНУ

[Боро́к] 31 мая 1914 г.

Дорогой Константин Алексеевич, Ваше поздравление доставило мне огромное удовольствие. Хотя мы и редко видимся, но встречаемся друзьями, и связь между нами остается прежняя. Я всегда восхищался Вашим изумительным талантом. Ваши этюды и наброски до сих пор дают мне истинные минуты радости, а это, мне кажется, высшее, что художник может дать людям. И Вы это даете. Вы в живописи необыкновенно искренни, никому не подражаете и ни под какую моду не подделываетесь.

Как мне хотелось бы показать Вам нашу Оку с ее окунями, налимами, судаками и даже стерлядями; а шересперы такие храбрые, так на тебя одним глазом и смотрят. Ведь мы с Вами первые открыли ее красоту и выбрали место для жительства. Но Вам почему-то показалось, что в этой красоте и гармонии нет-нет да и проскольнзнет гармоника. Вот я живу здесь теперь двадцать два года, и ни разу ее не слыхал, а красота и гармония все те же.

Второй раз Вы прибыли к нам, когда мы были в маленьком домике в старом Бёхове. Я до сих пор не могу забыть этого события и всем об нем рассказываю: была осень, октябрь, выпал первый снег, но было тепло. Вечером мы стояли у открытого окна. Вдруг Конст[антин] Алекс[еевич] говорит: «В овраге должен быть волк»,— дает протяжную ноту волчьим голосом — и вот из темноты раздается такой же протяжный, в ту же ноту ответ. Я так и обомлел. После этого мы пошли ужинать и выпили на брудершафт за волка, а на другой день даже хотели идти на охоту, но ружья оказались не в исправности, а Конст[антин] Алекс[еевич] должен был ехать в Москву. Тогда мы торжественно решили съехаться через неделю и в полном вооружении — и тогда берегись волки... И хотя до сих пор он еще не приезжал, но я почему-то твердо уверен, что он к нам приедет и исполнит обещание.

В этот промежуток, т. е. двадцать один год, я много кое-чего понаделал, построил усадьбу и назвал ее по местному названию «Боро́к». Еще построили две школы, одну церковь, мастерскую, много лодок, а я самолично устроил дамбу, вышло сто восьмое чудо света, если не больше[5].

Как обидно, что погибли чудные Ваши декорации[6], особенно я любил первую картину из «Конька Горбунка», созданную Вами под впечатлением Архангельска и по чудным этюдам, привезенным оттуда. Теперь, разумеется, Вам не до разъездов, но к осени, перед началом постановок, подышать немного деревенским кислородом, где, как известно, он бывает чист, делу не помешает. Тогда я заеду к Вам и увезу. Итак, твой старый друг

В. Поленов.

Живу я в усадьбеБоро́к против города Тарусы в домике, называемом «Аббатство»[7].

Третьяковская галерея.

СЕКЦИЯ СОЙДЕСТВИЯ УСТРОЙСТВУ ДЕРЕВЕНСКИХ И ФАБРИЧНЫХ ТЕАТРОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 15 февраля 1915 г.

Секция содействия устройству деревенских и фабричных театров в чрезвычайном общем собрании сего 15 февраля, заслушав доклад правления о покупке земли и постройке дома для Секции, единогласно постановила, выразив Вам горячую благодарность за Ваше щедрое пожертвование, просить Вас, глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, разрешить наименовать будущее здание Секции Домом имени академика Василия Дмитриевича Поленова..[8]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. А. ТОЛБУЗИНУ

[Борок] 29 августа 1915 г.

Дорогой Дмитрий Аркадьевич, я вполне разделяю Ваш взгляд — нам непременно надо достроить наш домик для секции, ведь пройдет же ужасное время теперешних бедствий и наше дело станет необходимым, хотя оно и теперь приносит несказанную пользу..

Третьяковская галерея.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 30 декабря 1915 г.

Дорогой и искренне уважаемый Василий Дмитриевич.. поздравляю тебя.. с счастливым началом осуществления твоей любимой мечты — с началом создания детского и народного театра! От души желаю полного успеха и добрых плодов твоим начинаниям, и пусть ни одна капля из мутной волны, так называемых новых течений в мире искусства, не заплеснет в ваше чистое, светлое дело! Да минует вас эта мутная, грязная волна, так отравившая и сделавшая «горькими» художественные «источники жизни»! Многая лета тебе и светлому твоему делу!

Искренно тебя любящий. Твой *Виктор Васнецов*.

Третьяковская галерея.

ИЗ РЕЧИ В. Д. ПОЛЕНОВА

Москва. Январь 1916 г.

Перед закрытием съезда позвольте мне выразить искреннюю радость, что дело народного театра стало предметом общего интереса и привлекло на съезд своих поборников со всех концов России.

Обмен мнений не только единомышленников, но и людей противоположных взглядов, раз они искренно преданы делу, всегда способствует выяснению главных вопросов и задач и облегчает совместную работу.

Просматривая отчеты заседаний и докладов, можно проследить, что выдвинулось одно общее мнение, а именно, что *художественность* должна иметь первенствующее значение в деле народного театра. Это особенно ярко выразилось в формуле, вынесенной рабочей группой: «Народный театр, являясь самодовлеющей эстетической художественной ценностью, есть в то же время средство воспитания масс на основах широкой общественности, идейности и самодеятельности».

Позвольте же пожелать вам и нашим товарищам, оставшимся на местах, широко развить эту эстетически-художественную форму просвещения на пользу и радость народа во всех концах нашей обширной родины..[9]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — О. В. БЕРВИ

[*Москва. Январь*] *1916 г.*

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна, съезд уже закрыт, так что Ваше письмо опоздало, но школьный театр, о котором говорилось на съезде, и комиссия этого театра в нашей секции это и есть тот театр, который предназначается для детей и юношества разных возрастов. Меня лично это больше всего интересует. Что репертуар для этого театра очень скуден, с этим я совершенно согласен, но не гоголевские пьесы, с которых принято начинать детский театр, должны составлять его репертуар, особенно «Женитьба» с ее цинизмом и, как сам Гоголь признался, невероятностью должна быть совершенно исключена из этого репертуара. Да и «Ревизор» теперь наводит на детей скорее скуку, чем смех или поучение. У Островского сравнительно тоже немного пьес для юношей, а для детей и того меньше. Для первых «Тяжелые дни», «Праздничный сон до обеда» и «Бедность не порок», для вторых — пожалуй, «Снегурочка».

Наша секция теперь работает над этим репертуаром, мы уже выпустили сборник рецензий пьес для детского театра (сто пьес) и работаем дальше.

Что касается лучших артистов, которые должны отдавать для юношеского театра свои силы, то это неосуществимо. Вы, вероятно, читали письма Савиной[10], в статье Кони о почти каторжной работе артистки. Если такая первоклассная актриса, притом находившаяся под особым верховным покровительством, задыхалась под гнетом административного режима, то какая же возможность для меньшей братии представлять юношам. Кроме того, большинство из артистов люди неимущие, зарабатывающие и даром не играющие. А главное, надо до всего своими силами доходить. В этом главным образом и состоит задача нашей секции.

Третьяковская галерея.

ИЗ ДОКЛАДА В. Д. ПОЛЕНОВА О НАРОДНОМ И ШКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Москва. 1916 г.

..За последнее время возник особый вид театра под именем народного. Я разумею под этим названием такой театр, который был бы интересен по содержанию и доступен по цене большинству народа.

Театр для народа не всегда считался развлечением желательным. Когда была учреждена винная монополия, то как бы в противовес было придумано общество трезвости. Но когда оно стало увлекаться театральными постановками для народа, то появился циркуляр министерства финансов, гласящий, что общество хотя и должно всемерно распространять в народе сведения о вреде пьянства, но не должно отвлекать его от прямых занятий посредством театральных представлений, которые могут иметь место в крупных центрах; в деревне же они должны иметь характер явлений чрезвычайных.

В настоящее время театр для народа начинает приобретать некоторые права гражданства. Признано, что театр может сделаться для народа разумным развлечением, и поэтому может быть допущен в более широком размере, чем прежде. Как ни беден наш уездный город, по сравнению с деревней он все-таки богач. В городах, на фабриках, в больших селах начали сооружаться так называемые народные дома с разными просветительными и потребительными приспособлениями: читальнями, театральной сценой, лавками, постоялым двором и т. д. А в «малом селе» или деревне есть только рынок, бывает иногда и школа.

В нашей секции возникла мысль использовать школу для народного театра, но надо было узнать, как обстоит дело на местах. Была устроена анкета и из полученных ответов В. В. Тихонович составил прекрасный отчет под названием «Народный театр по сообщениям с мест». В нем мы находим очень ценные данные по народному театру. С разрешения

автора делаю некоторые выписки. На вопрос, где помещаются театры, автор отвечает, что наиболее часто пользуются для театра министерскими и земскими народными училищами. Далее указываются: хлебный амбар, помещичья рига, волостное правление, пожарное общество, кредитное товарищество, трактир, пивная, склад сельскохозяйственного общества, постоялый двор. Как два крайних случая, нужно привести бывший летний общественный театр и открытое поле, где сцена была огорожена и зало обсажено деревьями.

Мы выработали два типа сцены для народного театра: 1) для народного дома, сравнительно большая сцена и 2) для сельской школы — малая сцена. Размеры их подробно описаны в вышеназванном отчете В. В. Тихоновича, а устройство сцен и постановок к ней, о которых речь впереди, прекрасно изложены в книге Н. В. Скородумова[11] «Новый метод» и т. д. Теперь мы перейдем к практике дела, поставив себе два главных вопроса: что ставить на народной сцене и как ставить?

Для того чтобы ответить на вопрос, что ставить, я приведу несколько отдельных примеров. В них ясно выразится впечатление, вынесенное различными лицами от различных представлений.

Припоминается мне разговор с одним простым человеком из крестьян, но бывшим в столице, многое видавшим. Это было давно, но и теперь его оценка не утратила своего значения. По поводу одного спектакля он говорил: «Ловко представляли! все мошенников, да пьяниц. Только это ни к чему — от них дома и на селе тошно, а в губернии у нас еще не такие мошенники. Нет, а ты мне покажи, как хороший человек живет».. На это можно сказать, что пьяницу да мошенника показать не трудно, а хорошего человека весьма и весьма трудно. Слова крестьянина кто-то дополнил: «Это сочиняют господа для своей потехи»..

Невольно вспоминается Белинский и его восторг от Мочалова — Гамлета.

Не могу не привести несколких страниц из лучших современных писателей, художников, а именно: «В людях» Горького. Алексей Пешков находился в иконописной мастерской на обучении: «когда я им (иконописцам) рассказывал о том, что сам видел, они плохо верили мне, но все любили страшные сказки, запутанные истории; даже пожилые люди явно предпочитали выдумки правде; я хорошо видел, что чем более невероятные события, чем больше в рассказе фантазии, тем внимательнее слушают меня люди. Вообще действительность не занимала их, и все мечтательно заглядывали в будущее, не желая видеть бедности и уродства настоящего». В [....] воспоминаниях Горького, в этом живом свидетельстве силы театра, ясно выступает глубокая потребность видеть нечто поднимающее над тяжелой действительностью, хорошее, красивое, идеальное. Не найдя этого в театре, юноша Пешков увлекся цирком.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. И. ПОЛЬ

[Москва] 5 января 1917 г.

Дорогой Владимир Иванович, вчера как раз начало осуществляться то, об чем Вы так сочувственно пишете в последнем письме, т. е. упрощенное обучение искусствам. По живописи я уже давно начал подготавливать двух-трех юношей к писанию декораций, и дело идет недурно.

Вчера было заседание музыкальной комиссии, вновь образованной при секции, туда вошла наша группа молодежи: Александровы, Шлее, Колумбовы, Мориц, Вульф, Корецкий и другие. Было очень оживленно. Постановили выработать упрощенные курсы и упрощенные симфонические концерты. Молодежь, кажется, этим очень увлеклась.

На рождестве у нас идут первые детские спектакли, чередуются «Подснежник» и «Анна Бретонская»[12]. Как раз я об этом пишу сыну в окопы. Рождественские недели принесли мне столько удовлетворения и прямо радости, что и сказать трудно. Шла в нашем театре на Медынке моя пьеса «Анна Бретонская», переложение рассказа Eugènie Foa «Anna de Bretagne» [Евгении Фоа «Анна Бретонская»] в драму, а потом и перевод. Я кое-что прибавил, но в общем вышло близко к подлиннику. Я написал новые декорации, так как прежние были малы по этой сцене. Они были написаны для нашей маленькой сцены в столовой. Пьеса шла уже три раза и имела, кажется, успех. Пойдет еще раза два, и билеты все уже разобраны. Труппа под режиссерством Марии Викторовны Шемшуриной из ее родственников, воспитанников, это молодежь, и детей одного небогатого приюта с Басманной. 29 декабря играли исключительно девочки из приюта, начиная с аршинного возраста..

Третьяковская галерея.

И. Э. ГРАБАРЬ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 2 февраля 1917 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич, не могу удержаться, чтобы не высказать Вам своего сердечного восхищения всем тем чудесным делом, которое Вы создали с Вашими друзьями, которое оживили и согрели только Вашей верой, любовью и энергией. Во время спектакля были моменты, глубоко волновавшие и будившие какие-то дивные воспоминания далекого детства. Ваше дело самое живое и нужное, какое я когда-либо видел. И Вы сумели его сделать и самым прекрасным. Бесконечное спасибо[13]. Искренно преданный

Игорь Грабарь.

Третьяковская галерея

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. В. КАНДАУРОВУ

[Москва] 4 марта 1917 г.

..У нас радость стоит непомерная — 1 марта было сплошное ликование, несмотря на восьми — десятиградусный мороз, солнце светило по-летнему.. Желаю Твери и всей России выйти из этого великого переворота с наименьшими потерями и потрясениями.. Наша молодежь ликует и стала на работу в учреждения воспрянувшей России.

[Москва] 16 марта 1917 г.

Да, я несказанно счастлив, что дожил до этих дней, лишь бы они не сменились тьмой, как это бывало прежде... То, об чем мечтали лучшие люди многих поколений, за что они шли в ссылку, на каторгу, на смерть, совершилось. Россия в настоящую минуту охвачена великой радостью воскресения. На ее долю очень редко выпадали такие светлые счастливые дни. У нас пока все спокойно и все опять приступили к работе и, надо надеяться, к работе великой, созидательной.

..Ты пишешь, что старый режим есть хорошее удобрение для новых всходов, вряд ли это так, старая бюрократия своим отупевшим чиновничьим мозгом не удобряла, а портила почву; и вам придется много потрудиться, чтобы очистить землю от ее наносов, люди под ее тлетворным дыханьем превращались в околодочных Штюрмеров-Монасевичей, Курловых-Протопоповичей[14]. Как-то удастся от всего этого избавиться.

А искусство пускай процветает теперь в чистом свободном воздухе, это хорошо..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — В. И. ПОЛЬ

[Москва] 16 апреля 1917 г.

Дорогой Владимир Иванович, работа в секции идет полным ходом. Мы уже поставили около двадцати пьес, «Анна Бретонская» выдержала шестнадцать представлений при полном сборе и переполненном ребятишками зале. «Замок Трифельс»[15] подготавливается, и если все обойдется благополучно, то пойдет осенью. Мне спектакли «Анны Бр[етонской]» дали ряд минут или даже часов несказанной радости и счастья. Ко мне приходили депутации от школ; пришли незнакомые девочки сообщить мне, что после «Анны Бретонской» они тоже сочинили пьесу и хотят ее играть, не знают только, как кончить. Я обещал помочь..

«Трио»[16] еще не в печати, все над ними работаю. Благодаря В. Л. Кубацкому мне удалось его услышать. Но я так волновался, хотя только переворачивал листы, что многое пропустил.

Курсы в секции при старом порядке были сначала запрещены, потом сильно ограничены. Оказалось, что председатель, т. е. я, не пользуется симпатиями правительства, но теперь эта причина отпадает и мы начали это дело опять налаживать, хотя трудно, ибо участники разбрелись или охладели.

Управление зоологического сада пригласило нас устроить летний театральный отдел, по возможности в художественной атмосфере, по этому случаю мне придется написать около тридцати декораций. Это меня радует. Между прочим думаем поставить «Вокруг света в восемьдесят дней» Жюля Верна, «Дон-Жуана» Алексея Толстого, «Каморру»[17] Саввы Ивановича и Эспозито, может быть «Два мира» Майкова, мою «Элладу»[18] и «Гамлета» (сокращенного). Кабы это сбылось, было бы хорошо. Многое для детей, но многое и для взрослых. Кабы Вы помогли нам в музыкальной части..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — М. В. ШЕМШУРИНОЙ

[Борóк] 26 декабря 1917 г.

..Наша деятельность в настоящее время более нужна, чем когда-либо.. Темнота народа, с одной стороны, и искание света, с другой, так ярко выразились, что всякое просветительное дело есть самое теперь важное и нужное. А театр есть одна из самых широких, просветительных школ для народа, но театр, возвышающий человека, а не унижающий его..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. А. ТОЛБУЗИНУ

[Борóк] 4 января 1918 г.

Дорогой Дмитрий Аркадьевич.. Из Вашего письма видно, что работа в Секции идет бодро, то, что намечается, очень симпатично и прямо ведет к нашей цели. А цель эту я рисую себе так: дать сколько можем и как умеем свету людям, ищущим его.

Идейная сторона нашего дела бесспорно превосходна и громадна, она-то и одушевляет нас всех и сплачивает в такой тесный, дружеский кружок; радостно участвовать в этой прекрасной работе, и жизнь показы-

вает, что, несмотря на все трудности переживаемых времен, все-таки дело подвигается, разрастается и крепнет. Конечно, другая сторона, материальная, обстоит сравнительно слабее, но от этого, мне кажется, не следует падать духом и Ваши предположения относительно преобразований ясно показывают, что не только этого нет, но, наоборот, духовная сила возрастает.

Я всегда был поборником вознаграждения труда, но в начале это было невозможно, дело создавалось для будущего, а вознаграждение в нем было не материальное, а нравственное, оно получалось от самой работы. Я по крайней мере был искренно счастлив, что на мою долю выпала радость работать в деле любимом со всей душою и с такими преданными и одухотворенными соратниками..

Вы совершенно правы, говоря, что иметь компетентных специалистов важнее, чем лиц, желающих говорить. Но получить их гораздо труднее, ибо их не так-то много, да и все они народ занятой.

Я на днях писал Марье Викторовне о моих мечтах относительно постановок в нашем театре, как для детей, так и для взрослых.. Мои всегдашние мечты были: ставить высоко нравственные и глубоко вразумительные вещи, при красивой поэтической обстановке, с исполнителями по возможности талантливыми и, главное, играющими просто и понятно. Конечно, это легко говорить, труднее исполнить, но мне кажется, что Марье Викторовне удалось очень много достигнуть в этом направлении в ее постановках детских спектаклей. Они поражают талантливостью, простотой и любовью к делу.

Чему я особенно сочувствую в Вашем проекте, это — передвижному театру. Он должен быть создан по Вашей системе с изумительно практическим механизмом Николая Федоровича..[19]

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. В. КАНДАУРОВУ

[*Бордк*] *30 января 1918 г.*

..Одно время мне казалось, что настал нам конец. Как некогда развалились и кончились разные царства и наикрепчайшие государства, так и наше рассыпалось. А теперь мне кажется, что это скорее начало, а что рассыпалось,— это нам на пользу, и мерещится мне, что будет лучше,— уже не говоря об недавних временах самодержавия, Распутина и Протопопова, общего произвола, бесправия и всякого порабощения. Конечно, предсказывать теперь трудно.. слава богу, с голоду мы пока не померли, хотя бывает, что сидим без сахара. Пшеничного хлеба вот уже шесть месяцев не видали.. Возвращаясь к современности, не раз

поблагодаришь решительных людей, уничтоживших много вековых глупостей: напр[имер] — освобождение брака из-под ига попов, упразднение разных несправедливостей судьбы, уничтожение ехидного ять, который причинял гибель не одной сотне юнцов, даже перенесение числа на западный календарь есть хорошая перемена..

[Борóк] 10 марта 1918 г.

..Ты говоришь, что «все разрушено, что строилось с Петра», а я бы сказал: поколеблено не только, что от Петра, но и что от Иванов, ибо Петр, мне кажется, больше внешность изменил, а суть осталась все та же. А так как я всегда глубоко ненавидел все духовное, что создалось Россией Иванов, то и не печалюсь разрушению Ивано-Петровских затей и побед. От этого и мой оптимизм..

Последние столетия России или вернее московско-петербургской деспотии чертовски везло, чуть что не пять веков она давила все попадавшее под ее жестокую «рукодержаву», как говорит царь Максимилиан в ее единственной народной драме. Ты как-то сравнил Россию с сальным пятном, которое, расплываясь, все засаливает. Ну, а теперь надо надеяться, что этого уже больше не будет.. За эти последние месяцы поразительно выяснилась та всеобщая ненависть, которую Россия умела распространять вокруг себя. Россия... «была великой тюрьмой народов»..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. А. ТОЛБУЗИНУ

[Борóк] 20 мая/2 июня [1918 г.].

Спасибо за подробное описание деятельности секции, дорогой Дмитрий Аркадьевич, за добрые пожелания и за энергичную деятельность как товарища председателя, или скорее лица, стоящего во главе дела и ведущего его. Я все думал, не следует ли мне отказаться от звания председателя; мне казалось, что неся это почетное, но и ответственное наименование, не совсем-то ладно быть так долго в отсутствии и не работать вместе с друзьями, особенно в такое время, когда со всех сторон можно ждать неожиданности. Но Ваше дружеское письмо меня успокоило, так что я, живя мысленно и симпатиями с Вами, остаюсь здесь и продолжаю работать, тем более, что работа имеет отношение и к нашему делу.

У нас тут среди крестьян образовалось два театральных кружка, но с разными оттенками — один придерживается бытовых пьес в обыденной

обстановке, а другой избрал более сложный и отдаленный от современности,— эпический, исторический и сказочно-легендарный и сатиру.

Между исполнителями или артистами, как мы их называем, есть очень талантливые и одухотворенные. Дочери заняты режиссерством, костюмами, гримом, но и сами участвуют, а я пишу декорации, устраиваю сцену и делаю бутафорию. Так что, как видите, наше дело перекинулось и сюда..[20]

Я получил первый номер журнала Секции и брошюру о передвижном театре[21], за что очень благодарю. Очень интересные статьи. Я подписался на два экземпляра для наших кружков и для себя..

У нас зима прошла как никогда, никто не хворал, даже обычных московских гриппов, бронхитов ни у кого не было. Правда, что мы жили наружи, в физическом труде, а в комнатах было сухо, но не жарко. Весной особенно был хороший разлив, я первый раз его видел полностью, а мечтал об этом двадцать семь лет. Удалось написать целую серию этюдов.

Меня очень порадовало Ваше желание превратить сады около Секции в детские убежища от улицы и пыли. Прошлым летом это были притоны солдат, играющих в карты..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. В. КАНДАУРОВУ

[*Борóк*] *26 июня 1918 г.*

..Катя и Наталья младшая всецело поглощены народной сценой в Страхове. Готовят Мольера, Бориса Годунова со взрослыми, а с маленькими — сказки, басни и сцены с пением. Ребятишки прелестно поют песню: о Волге, Стеньке Разине, о раките и шофере, которому грустно, что машина его сломалась.

Эти дни я с Володей Морицем готовили новь под пахоту перед домом, снимали кустарник, выкорчевывали пни, срывали кочки. Теперь начнем возить удобрение.. Отношения с крестьянами никогда не были так хороши, как теперь,— близки, искренни и в настоящем смысле слова товарищеские..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Д. А. ТОЛБУЗИНУ

[*Борóк*] *2 мая 1919 г.*

Дорогой Дмитрий Аркадьевич, я получил Ваше интересное письмо с дороги, и очень был рад, что Вы выбрались из Москвы больше на юг, вероятно, воздух там целительный, для Вашего бронхита и нервного пере-

утомления это очень полезно. Меня глубоко радует и трогает отношение близких членов нашей Секции к нашему чудному делу. Мне самому хотелось бы опять принять в нем вместе с Вами и другими товарищами более активное участие. Я тоже верю, что настанут лучшие времена. Тогда наша работа опять взойдет в прежнюю колею, а пока лабораторный способ, как Вы говорите, или лаборатория — мастерская, как я определил наше дело Савве Ивановичу, т. е. подготовка матерьяла,— есть самое необходимое и возможное в настоящее время дело. Лично меня, конечно, больше всего интересует сторона картины при постановке, т. е. так называемая декорация. А поставить мне бы страстно хотелось те пьесы, которые были Вами и мной намечены: «Гамлета» и «Дон Жуана» сокращенных, тоже «Вокруг света» и «Два мира». Если бы это удалось осуществить, то я несказанно был бы счастлив, мой закат озарился бы чудным светом красоты и любви..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Е. М. ТАТЕВОСЯНУ

[*Борóк. 1920 г.*]

..Особенно хотелось бы мне Вам показать так называемую диораму[22]. Вы бы, наверное, помогли мне. Вероятно, остатки от нее я Вам показывал, но это совсем не волшебный фонарь. Диорама — значит прозрачная картина, ее изобрел французский ученый Дагер. Картины меняются в зависимости от направления света спереди или сзади. Может быть, я показывал Вам мои прежние опыты. Можно очень разнообразить пейзажи, марины, горы, комнаты, улицы. Дневное освещение можно сделать переходящим в ночное медленно или мгновенно, выходит что-то вроде волшебства.

Содержание картин очень разнообразно. В моей диораме оно состоит из путешествий вокруг света, начиная с р[еки] Оки: идет пароход, мы на нем как бы едем, сначала днем, а потом вечером; далее поезд идет через мост днем и приходит на станцию вечером. Затем идут картины: московский Кремль, галерея, Эйдкунен, поезд идет по Германии, первый тоннель, германские древние замки, рейнские, Вартбург, Вольфрам и Тангейзер, Бавария, гостиницы, дилижанс. Шиллер и Гёте пешком. Потом Италия, Венеция, днем дворец дожей, ночью маскарад и гондолы. Рим. Неаполь, извержение Везувия. Швейцария, горы, тоннель, Сан-Бернар, Симплон, Франция, Париж, Сена, собор Nôtre Dame de Paris [Собор Парижской Богоматери], фейерверк. Возвращаемся опять в Россию на юг: Украина, Крым (Ялта), Черное море, фантастический маяк. Далее наше путешествие: Босфор, пароходы и корабли. Египет в шести картинах,

Палестина, Восточная Азия, Индия, слоны. Китай, фонарики, иллюминация. Северная Америка — горы Кордильеры, южная — девственный лес, Амазонка, ловля дикой лошади; эмигранты пашут землю женской силой. Возвращаемся в Россию: губернский город, пожар, Петербург, Академия художеств, Аничковский мост. Начало зимы у нас. Драма «Борис Годунов» — четыре картины. Кончается елкой, ребятишки пляшут.

Я сделал это для детей, которые все время восклицают от восторга и удивления, но, оказывается, и взрослые восхищаются. Последнее время многие хотят устроить у себя такую диораму. Художнику это совсем не трудно. Механика простая: ящик, спереди и сзади стенки вынуты, крышка подымается и опускается для дневного и ночного освещения. Сначала я употреблял огарки, но так как их трудно достать (одно время их совсем не было), то Наталья Васильевна приспособила простую лампу, и выходит еще лучше. Прилагаю чертеж, если это интересно. Если непонятно, напишите, я дам разъяснения.

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. В. КАНДАУРОВУ

[Борóк] 4 декабря 1920 г.

..Мы все за работой, это придает бодрости. Овощи и картофель питают нас почти досыта. Впрочем, последнее время и мясо появляется и за обедом и ужином. Особенно всем нравится конина — точно дичь или немецкий Rehbraten [жареная оленина]. Я усиленно работаю над диорамой.

[Борóк] 31 марта 1921 г.

Не знаю, получил ли ты мою открытку о впечатлении диорамы на масленице. Ты пишешь, что все лежишь,— вот и я. Диорама так уходила меня, что я тоже врастяжку уже две недели..— обострение сердечного склероза, отек ног.. Сказалось плохое питание, работа, как умственная, так и физическая, очень сильная. Ноги были, как у слона. К счастью, друзья как московские, так и здешние снабжают едой. Митя привез от Виктора какао, пшено. Дрель [А. В.] прислал рису, крупы! здесь дарят яйца, Катина свекровь овсяной крупы и сахару, из деревень Наталья приносит масло, молоко. Все это поддерживает силы.. Я много читаю и перечитываю любимые отрывки из русской прозы. Составилось как бы ожерелье: Пушкина — сцену на почтовой станции из Дубровского (с этих немногих страничек начинается русская литература), Тургенева:

«Записки охотника», «Первая любовь»; Толстого — начало «Войны и мира»; Чехова — «Степь» и «Мужики»; Леонида Андр[еева] — «Наводнение»; Горького — «Детство», «Бабушка», «Епископ» и «В людях», «Повар Смурый», «Королева Марго», «Допрос политического», «Грамота»..

[Борóк] 1923 г.

..Приезжай, когда тебе удобно,— всегда будешь дорогим гостем..[23] У нас в нынешнем году есть пропитание. Зимой московские друзья выхлопотали мне американский паек для голодающих: рис, сахар, чай, кофе, белая мука, из которой великолепные выходят макароны. Картофеля своего изобилие. Здешняя молочная артель, узнав про такой дар американцев, прислала свой паек: хлеба, гречихи, овса, а Наталье Васильевне удалось превосходно откормить свинку, получить чудесного сала, ветчины, окорока и всякой свинины. Наталья Васильевна — удивительная хозяйка, жаль только, что она последнее время все хворает.. Я ..очень мечтаю съездить в Москву посмотреть перед концом, который не за горами, Иванова и другие картины. В Москве теперь сосредоточено много галерей..

Третьяковская галерея.

ГЛАВА XXIV. 1924—1927 годы

Последние годы жизни.

Л. В. КАНДАУРОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Тверь. 17/30 мая 1924 г.

Дорогой Василий Дмитриевич. Ваша работа, прошедшая при другом укладе общественной жизни, встречает сочувствие.. Не надо, стало быть, ждать протекания веков, чтобы оценить элементы вечности в Вашей творческой жизни. Однако не эта сторона в оценке Вашей работы волнует нас, Ваших современников. Мы слишком живо чувствуем непосредственное влияние Вашей красивой и возвышенно настроенной души. К Вам подошли бы эпитеты и «учителя жизни» и «жреца красоты и добра», но я бы дал Вам эпитет из Ваших же собственных слов: Вы «его величество Кислород»[1]. Когда Вы хвалили воздух в Бёхове, Вы часто не находили ничего более драгоценного. Вероятно, именно потому, что кислородом, дающим радость жизни, пропитано Ваше духовное Я и Ваша работа, возможно такое дружное объединение разных людей в дни Вашего юбилея. Все Ваше творчество утверждает вполне верную мысль.. что в основе этики лежит эстетика. Только тогда зло побеждено, когда человек чувствует его безобразным. Этой стороной своей работы Вы становитесь в ряды великих учителей от греков через Гете и Шиллера к нашим дням. Мне хочется отметить и то, что называется демократизмом. Ваш демократизм выражается не в снисхождении к массам, а в глубокой любви к благородству человека.. без различия рас и сословий. Такой демократизм не дает людям замкнуть-

ся в своей среде, делает их лучшими гражданами мира.. Я не могу исчерпать всего, что можно бы сказать о Вас и Вашей работе, но должен в заключение отметить Вашу трудоспособность и Вашу любовь к труду. Вы всегда с большим чувством и любовью произносили слово «трудящийся», ..поэтому я бы предложил к Вашему титулу прибавить, кроме кислорода, «да здравствует его величество работник Василий Дмитриевич Поленов!»

Любящий Вас *Леонид*.

Третьяковская галерея.

ЧЛЕНЫ МАМОНТОВСКОГО КРУЖКА — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 20 мая/2 июня 1924 г.

Неизменно дорогой всем нам Василий Дмитриевич, почти полвека отделили сегодняшний день от того года, когда образовалось первоначальное ядро, объединившее впоследствии всех нас в одно неделимое целое.

То было славное время, когда некоторые из нас только что вступили и в жизнь и в искусство, тогда как другие уже полным ходом направлялись к преднамеченным целям, путеводимые счастливой звездой, ставя те самые вехи, по которым и шли и будем надеяться долго еще будут идти последующие поколения.

Вы помните — мы совсем разные пришли отовсюду — В. Васнецов и Антокольский, Е. Д. Поленова и Серов, Репин и Арцыбушев, А. Васнецов и М. В. Якунчикова, Спиро и Остроухов, другие еще.. Мы совсем разные, но вдохновляемые одним и тем же — правдою и честностью в искусстве, мы в Абрамцеве сомкнулись в одну тесную семью, которая,— как ни разделяй ее почти бездорожные расстояния и лихие времена,— и до сих пор связывает нас, оставшихся, нерушимыми узами большой, настоящей человеческой дружбы.

Вы были там, в Абрамцевском кружке, Василий Дмитриевич, на первом месте. Неутомимая деятельность Ваша, кипучая энергия, тонкий вкус и крупнейший талант Ваш обусловливали успех в любой области нашей интимной художественной жизни..

Чтобы мог соловей петь, надо, чтобы было у него теплое, уютное гнездо.. А разве не было нам хорошо в Абрамцеве? Разве не созданы были там многими из абрамцевцев лучшие, может быть, вещи?

В устроении этого милого всем нам художнического гнезда, столь любовно свитого незабвенным Саввой Ивановичем и Елизаветой Григорьевной Мамонтовыми, Вы принимали самое горячее участие.. Вы делали это для всех нас, и мы это помним.

Целые лавины многоразличных событий раскидали многих из нас по всем закоулкам русской земли.. Но в этот радостный день восьмидеся-

той Вашей весны в наших сердцах одинаково бьется горячая направленная к Вам дружеская благодарность!

Абрамцевцы: *В. Васнецов*, *И. Остроухов*, *А. Мамонтова*, *Ап. Васнецов*, *М. Якунчикова*, *Н. Поленова-Якунчикова*.

Третьяковская галерея.

И. С. ОСТРОУХОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 20 мая/2 июня 1924 г.

Многие и многие на Руси вспомянут тебя, дорогой Василий Дмитриевич, в этот торжественный день твоего восьмидесятилетнего юбилея. Немало будут говорить сегодня о твоем большом творческом пути и о значительности вклада твоего в родное искусство. Почти с исчерпывающей полнотой скажет об этом и твоя выставка, устроенная в стенах Третьяковской галереи.

В этом море светлых воспоминаний и добрых чувств позволь и мне принять участие, скромное, но для меня лично — очень существенное и важное.

В числе моих восприемников от чистой купели искусства — А. А. Киселева, П. П. Чистякова, И. Е. Репина и тебя — ты, конечно, имел наибольшее значение в деле моего художественного воспитания.

Полный благодарной и светлой памятью о тех далеких и все так же близких мне временах Толстовского дома, Абрамцева и Клязьмы, я и хочу сегодня, крепко-крепко обняв тебя, высказать тебе, как горяча моя признательность тебе за все то доброе, что сделал ты для меня в прошлом. Этим добром твоим освещен и скрашен весь мой уже долгий жизненный путь, им я и жил и живу по сие время..

Искренно тебя любящий и бесконечно благодарный

И. Остроухов.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Куоккала. [*Июнь*] *1924 г.*

Felicitations sincères viel ami. Repin [Сердечно поздравляю, старый друг Репин.]

Третьяковская галерея.

М. В. НЕСТЕРОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. Май 1924 г.

Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич! Поздравляю Вас с восьмидесятилетием Вашего рождения. Путь, пройденный Вами, одинаково славный для Вас и для родины нашей. Вы были участником и свидетелем незабываемой эпохи в жизни русского искусства, его прекрасных достижений. Вы, один из лучших учеников П. П. Чистякова, передали заветы учителя своим ученикам.

Из Вашего большого опыта молодежь брала то, что ей недоставало. С юных лет я был восхищенным почитателем «Бабушкина сада», «Московского дворика», «Болота с лягушками». В них Вы с таким молодым непосредственным чувством, с такой красочной полнотой показали мне поэзию старого родного быта, неисчерпаемые тайны нашей природы. Вы как бы заново открыли волшебное обаяние красок. За все благодарю Вас. Храни Вас господь!

Вас уважающий *Михаил Нестеров.*

Третьяковская галерея.

В. М. ВАСНЕЦОВ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 1 июня 1924 г.

Дорогой Василий Дмитриевич, от всей души поздравляю тебя со днем празднования твоего восьмидесятилетия. Пройден великий многотрудный путь! В этот торжественный, знаменательный день будем вспоминать твои великие заслуги перед родиной и твои многосторонние плодотворные труды в области русского искусства; да будут навсегда они памятны..

Кроме яркого проявления великого таланта в главной области твоего художественного творчества — живописи, с такой полнотой и силой выразившегося в «Грешнице», как и в других произведениях, нельзя забыть твоих заслуг и в других областях духовного творчества: ты так много послужил русскому театру своим талантом и знанием, и словом, и делом. Неизгладимо для меня воспоминание о твоих декорациях, напр[имер], к опере Глюка «Орфей в аду»[2]. Это было редкое совпадение музыкального настроения и художественного образа и представления. Честь тебе и слава за пережитые минуты высокого духовного подъема! Велики твои заслуги и в учительстве: все тобой руководимые молодые художники — теперь уже зрелые и прославленные — вспоминают дорогого Поленова тепло, сердечно и благодарно! Не стану перечислять всего, что тобою сделано в нашем русском искусстве,— это сделает история.

Но в заключение не могу не припомнить нашу дружную работу в абрамцевской церкви, среди семьи незабвенных Елизаветы Григорьевны и Саввы Ивановича Мамонтовых,— как было светло, тепло на душе.. Это было радостное, солнечное утро нашей художественной трудовой жизни! Многие, многие лета да пошлет тебе господь!

Твой всегда любящий *Виктор Васнецов*.

Третьяковская галерея.

И. Е. РЕПИН — И. С. ОСТРОУХОВУ

Пенаты. 6/19 июня 1924 г.

Дорогой, милый Илья Семенович, Ваше письмо — «радость безмерная».. Как я рад, что Поленов здоров и бодр — молодец, молодец! Он старше меня на несколько месяцев. Где-то его семья? Наталья Васильевна, сыновья и дочери английского типа. Я бесконечно жалею, что не побывал у них в Бёхове. У него было бы что посмотреть, начиная с дома и построек. Ведь он — архитектор, да еще какой! Еще будучи учен[иком] Акад[емии] худ[ожеств], он некоторым архитекторам по-родственному сочинял и обрабатывал архитектурные программы на заданную тему, и те получали медали и звания. Недаром мужики бёховцы называли его: Василий Дмитриевич — *строитель*. Он и им выстроил церковь и, как всегда,— дешево и великолепно.

Будучи пенсионером Ак[адемии] х[удожеств] в Париже в 1872—3—4—5 и 6-м годах он начинал много картин архитектурного характера, б[ольшей] ч[астью] Ренессанса и готики. Затевались драмы внутри дворцов и замков; красивые залы, дивно освещенные, великолепные троны, колонны — картины грандиозные и совсем готовые, оставались только люди.. И тут художник охладевал, бросал все чары средневековья и забывался в природе, писал пейзажи..

А я по-старому все тот же, неотступно пристрастившийся к некотор[ым] идеям и до последних дней ищущий неисчерпаемых глубин в бесконечных очарованиях искусства. Было много, много страданий; но должен признаться, были и восторги, были очарованья, за которые стоило умереть; но я еще жив и, пошатываясь и опираясь за станок, не думаю бросать совсем,— надеюсь: бросит же, наконец, богиня благосклонную улыбку... на Вашего

Ил. Репина.

Третьяковская галерея. Архив Остроухова.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Москва. 2 июня 1924 г.

Не имея возможности лично присутствовать на чествовании уважаемого Василия Дмитриевича Поленова, считаю своим приятным долгом послать ему настоящее приветствие. Имя Василия Дмитриевича Поленова дорого новой России не только как имя одного из крупнейших представителей русской художественной культуры, но и как имя человека весьма рано поставившего перед собою задачи распространения этой культуры в широких массах и разрешившего их с блеском, подобного которому мы в истории нашей экстенсивной художественной культуры не имеем.

В программу нашей партии поставлено требование сделать искусство, служившее до сих пор только высшим классам, достоянием широких масс, и в этом деле — мы никогда не забудем этого — мы всегда являемся продолжателями того пути, на который первым столь уверенной стопой вступил именно Василий Дмитриевич. Заслуги перед экстенсивным театром Василия Дмитриевича исключительны, и имя его навсегда записано в истории театра. А ведь это имя с огромным блеском сверкает в той части нашего художественного неба, которая отведена великой и ныне воскресающей во всем своем величии группе передвижников. От имени Наркомпроса выражаю глубокую благодарность В. Д. Поленову за понесенные им труды и желаю ему бодрой и радостной старости, поздравляя его с достижением восьмидесятилетнего возраста.

Нарком Просвещения *А. Луначарский.*

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

[*Борóк. 1924 г.*]

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич, приветствие Ваше в день моего восьмидесятилетия было для меня особенно радостно, потому что Вы в нем указали ту сторону моей деятельности, которая мне всего дороже. Я искренно желал сделать искусство доступным и интересным народу[3]. Это было всегда одной из главных задач моей работы и это побудило меня в начале моего художественного поприща присоединиться к Товариществу передвижников, так как оно основалось и сплотилось именно в этом принципе. Теперь более пятидесяти лет, как мы неустанно работаем.

Это же самое желание побудило меня приняться за создание народного театра. Сейчас я лишен возможности в тех же размерах работать для

выставок и сцены, но взамен я имею великую радость видеть, как дети мои продолжают мою работу и имеют успех среди окружающего населения.

Другая моя заветная мечта тоже осуществляется, и окружающая нас деревенская и городская молодежь относится к ней сочувственно. Я говорю про мой маленький музей, собранный четырьмя поколениями. Он состоит из научных коллекций, картинной галереи, народных изделий и библиотеки. Художественные коллекции дают понятия о лучших эпохах истории искусств и вообще культуры, и надо видеть, с каким напряженным вниманием посетители, между которыми бывает много молодежи и детей, смотрят на вещи и слушают объяснения.

Приношу Вам глубокую благодарность за доставленное мне утешение признанием моей работы на пользу Родины.

Третьяковская галерея.

Е. М. ТАТЕВОСЯН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Тифлис. 10 июня 1924 г.

Дорогой учитель! Дорогой Василий Дмитриевич! поздравляю Вас с восьмидесятилетним юбилеем Вашим! Зная заранее, что ни телеграммой, ни этим жалким письмом не сумею выразить то, что мне бы хотелось, и все же пишу, надеясь на Вашу снисходительность и чуткость..

Я счастлив за Вас, желаю Вам, главное, здоровья, здоровья и здоровья в награду за все Ваши страдания. Мне хочется [чтобы] в Ваш великий праздник сбылись бы все те [хорошие] мечты Ваши. Я рад, что, наконец, общество проснулось и вспомнило Вас. Мы же, многочисленные и неблагодарные ученики Ваши, рассеянные повсюду, виновны в этом, что не смогли Вас чествовать ни разу до сих пор. Итак, желаю здравия на радость всем нам, искренно любящим Вас.. Я, один из младших учеников Ваших, ревностью евангелиста Иоанна к Христу, чувствами любви и преклонения к Вам преисполнен. Так как я обязан Вам не только наставлениями Вашими по художеству, еще более того, — я обязан Вам нравственному воспитанию Вашим личным примером. Сколько счастливых лет я провел с Вами.. За все сердечное я благодарен вечно. Целую Вашу правую руку, которая создала столько прекрасного..

Ваш *Егише Татевосян*.

Третьяковская галерея.

И. И. ТРОЯНОВСКИЙ — В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва] 20 июня 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич! Теперь, когда отзвучали юбилейные фанфары, издававшие как всегда и везде сухие и фальшивые звуки, быть может, Вы позволите мне, Вашему старому, верному, искреннему почитателю, принести свое одинокое, но самое горячее поздравление! Мало чего можно пожелать дорогому человеку в нашем возрасте.. Но так как человеческие желания — нечто удивительно живучее, то да исполнятся все Ваши самые задушевные, самые дорогие и сокровенные!. [Хочу] поблагодарить Вас от всей души за многие часы чистой радости, которые доставлены мне были Вашим искусством в течение более чем сорока лет моей жизни! Вся Ваша художественная деятельность прошла перед моими глазами,— и Вам я, быть может, более чем всем другим обязан своим развитием.. Как далеко то чудное время, когда я, начинающий, но уже страстный любитель, благоговейно и робко тронул звонок Вашей квартиры, придя к Вам, тогда уже славному художнику, с сотней трудовых грошей в кармане, после долгих и мучительных колебаний.. И меня принял простой, нервный, чуткий, ласковый и деликатный, почти застенчивый человек, который сразу все понял, ободрил меня — и наделил сокровищами.. Дорогой Василий Дмитриевич, слезы застилают мои старые глаза, но это сладкие слезы!.. Вечное Вам спасибо за это! Не знаю, увижу ли я Вас еще когда-нибудь на этом свете: я стар и болен... Но Вам дай бог еще многие годы сил и здоровья..

Неизменно любящий Вас д[окто]р *И. Трояновский.*

В. Д. ПОЛЕНОВ — Л. В. КАНДАУРОВУ

[Борóк]. Ноябрь 1925 г.

..Осень у нас была удивительная — тепло, но без мух. Я воспользовался солнечной неделей, было вроде лета, но позолоченного, и наработал этюдов «целое количество», как говорила Наталья в юности. Мне хочется на ёлку подарить друзьям на память. Есть французская басня: «le laboureur» [пахарь]. Я так ее переделал: «Un viel artisant sentant sa fin prochaine» [старый ремесленник, чувствуя близкий конец] — это я. Басня говорит про земледельца, но я себя таковым не могу назвать. Это Митя может, а я только работник «artisant» и [ремесленник]. Я всегда любил больше всего работу и в разных ее видах — и в огороде, и в столяр-

ной, и на реке, и в мастерской. Поэтому мне дорого оставить друзьям как большим, так и малым по кусочку этой работы..

Третьяковская галерея.

В. Д. ПОЛЕНОВ — А. В. ВАСНЕЦОВОЙ

* *Борок. 1926 г.*

Глубокоуважаемая Александра Владимировна, не стало нашего дорогого Виктора Михайловича, великая творческая работа сломила этого изумительного труженика, этого несокрушимого богатыря.

Я вспомнил, как мы восторгались его совершенно новыми невиданными творениями. Тогда, приехавши в Москву, он написал картины для Саввы Ивановича Мамонтова: «Витязя», «Битву», «Ковер» и «Уголек»[4]. А вскоре после этого начал серию сцен из Каменного века, поразивших всех своей живой правдой быта и работы древнего человека, нашего прародителя.

С особым чувством восхищения и благодарности вспоминал я дорогого друга, когда показывал наш музей посетителям. Его этюды, эскиз и картина являются лучшим вкладом в нашей галерее.

В чудной картине на стихотворение Лермонтова «Зачем я не птица, не ворон степной» и в эскизе «Богатыри» с особой яркостью выразилась вся сила его творческого таланта.

Его глубокое понимание русской северной природы вылилось в двух этюдах из окрестностей Абрамцева...

Архив Поленовых.

Ф. И. ШАЛЯПИН И К. А. КОРОВИН — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ

* [*Париж*]. *Июль* [*1927 г.*].

Glouboko skorbim kontchine houdojnika poeta drouga Wasilia Dmitrievitcha Polenova mir nesabvennomou Chaliapine Korovine [Глубоко скорбим кончине художника поэта друга Василия Дмитриевича Поленова мир незабвенному Шаляпин Коровин].

Архив Поленовых.

И. Е. РЕПИН — И. С. ОСТРОУХОВУ

[*Куоккала*]. *24 июля 1927 г.*

Дорогой Илья Семенович, печальная, неизбежная весть.. Итак, мои сверстники: Васнецов, Суриков, вот и Поленов — отошли в вечность...

И я *жду* своей *очереди*, без всякого нелепого желания жить до *двухсот* лет..

Мне в жизни незаслуженно счастливилось. И я невольно воображаю себя мальчиком *Товией*, которого всю жизнь вел за руку добрый ангел, взяв его под свою опеку. Все устраивалось лучше, чем он мог желать. Так и конец жизни в Финляндии был предрешен. И я теперь предпринимаю хлопоты — быть похороненным в моем саду в Куоккала («Пенаты»). А с Вами, милый друг, прощаюсь с благодарностью судьбе за те немногие моменты, когда я имел общение с Вами: всегда были они плодотворны.

Ваш с любовью и большим почтением *Илья Репин.*

..Не смею Вас просить — о Поленовых, что Вам известно? Наталья Васильевна? Дети их — кто и где теперь?

Я очень рад, что у меня есть *прекрасный бюст* работы Саввы Ив[ановича] Мамонтова. Кажется, это лучший бюст его работы — Вас[илий] Дм[итриевич] *очень похож* и превосходная работа.

Всего лучшего Вам. Черкните!

Третьяковская галерея.

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Глава I

1. Летом 1855 года Поленовы (родители) начали строиться в усадьбе Имоченцы Олонецкой губернии, Лодейнопольского уезда. М. А. Поленова (мать художника) в письме к Ф. В. Чижову от 22 сентября 1851 года сообщает: «Брат Алексей Васильевич вместе с Дмитрием [Д. В. Поленов, отец художника] ездили после кончины батюшки [В. А. Поленова] в его деревню, которая в Олонецкой губернии в двухстах верстах от Петербурга, а водой из нее легко доставлять и сбывать все деревенские произведения. Это имение приносило до сих пор самый ничтожный доход. Как был назначен оброк еще дедушкой [А. Я. Поленовым], так и продолжали платить баснословно мало в сравнении со всеми другими».. (Архив Ф. В. Чижова). Имение было куплено А. Я. Поленовым в конце XVIII века.

«Дом был построен по проекту архитектора Кузьмина, приятеля отца по Греции. Строил его плотник Люсин, он сделал чертеж, который, по-моему, вышел гораздо талантливее, чем у Кузьмина, но, получив деньги, запьянствовал и пропал» (из воспоминаний В. Д. Поленова. (архив Поленовых).

2. В «Сборнике статей и заметок И. П. Хрущова» (Спб., 1901) в заметке «О русских жителях берегов Ояти» дается описание природы, окружавшей Имоченцы: «Местность на берегах Ояти красивая, разнообразная. В лесах ель, сосна, осина, рябина, вереск; ягоды — малина, морошка, земляника, брусника, куманика («мамура»), на болотах клюква. Среди северной растительности в глубине лесов частые озера, то группами по два, по три рядом или одно против другого поодиночке, большие (на семь верст и более), глубокие, обильные рыбой. Около некоторых из них.. разрослись вязы, клены, дикие яблони и липы, такою растительностью окружено, например, Мальгозеро, верстах в четырех от Ояти. По лесам водятся медведи; их видят и около селений и часто на прогулке попадаешь на мед-

вежий след. Иногда появляются лоси; в верховьях их очень много. Рысь попадается также в верховьях. Нечего говорить о волках, лисицах, белках и зайцах. Дичи множество: «рябы», тетерева, утки. Осенью появляются лебеди; иногда видят орла». «Берега Ояти то поднимаются с обеих сторон высокими кряжами, наклонно к реке, то постепенно возвышаются, отклоняясь от берега. В реку текут из лесов обильные ручьи, между ними есть железистые и серные ключи. Берега по большей части каменисты, река на своем протяжении порожиста.. обильна рыбою, окуни, ерши, пескари, язи, мелкая порода лососей и всего более щук. В лесных ручьях ловится форель (по местному названию «лавьяны»)..»

3. Речь идет о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу».

4. Третий по течению реки Ояти «погост» Имоченский впервые упоминается в 1585 году в «Грамоте на усадище Имоченский наволок с деревнями», выданной Я. С. Вындомскому. В XVII и частью XVIII веке усадьба находилась во владении Вындомских, после чего перешла к А. П. Мельгунову, продавшему часть имения А. Я. Поленову (Из родословных разведок Н. Н. Кашкина. Спб., 1912). Родители художника строили усадьбу на новом месте, носившем название Окуловой горы, в трех километрах от погоста Имоченского, где и была, по-видимому, усадьба Вындомских. В Олонецкой губернии центр близлежащих малых селений носил название «погост»; «на́волок» — прибрежная луговая полоса наносной илистой почвы.

5. Восторженное отношение к творчеству А. А. Иванова прошло через всю жизнь Поленова. Н. В. Поленовой, женой художника, в 1902 году сделана запись со слов мужа: «В 1858 году влюбился в Иванова. Рассказ об Иванове от Федора Васильевича Чижова [помню] с 14 лет» (Ф. В. Чижов был другом Иванова). «Мы ждали минуты приезда Иванова с трепетом и вдруг в Имоченцах известие о смерти. Потрясающее впечатление». В начале 1920-х годов сыном художника Д. В. Поленовым записано со слов отца: «Когда художник Иванов должен был приехать в Петербург из Италии, у нас в семье ждали его приезда, как праздника, собирались встречать его, приготовили даже кресло, куда его должны были усадить. Но нашим мечтам не суждено было сбыться. Он заболел и умер». «Как удивительно он писал! В таком маленьком человечке такой талант.. Его гений давил его..»

6. Работа Иванова, купленная Поленовыми на выставке его картин и этюдов (1858),— этюд драпировок для трех центральных фигур картины «Явление Христа народу»: Иоанна Крестителя и апостолов Петра и Иоанна. Этюд Иванова был подарен Д. В. Поленовым сыну при окончании им Академии художеств. Находится в ГРМ.

7. Алексей Яковлевич Поленов, прадед художника, был первым русским юристом-«законоведом» с высшим образованием и одним из первых русских студентов, командированных при Ломоносове в заграничные

университеты (Страсбург и Геттинген). Вернувшись на родину (1766), он принял участие в конкурсе Вольно-экономического общества (основано в 1765 году) на тему, предложенную Екатериной II,— «Что полезнее для государства, чтобы крестьянин имел в собственности землю или только движимое имение и сколь далеко на то и другое его право простирается». За лучшее сочинение была назначена премия в тысячу червонцев. Первую премию получил француз Беарде-де л'Аббей. Из семи русских сочинений выдающимся было одно, под заглавием «Об уничтожении крепостного состояния в России» и под девизом: Plus bonae mores valent, quam bonae leges (хорошие нравы лучше хороших законов), автором которого был А. Я. Поленов, но оно не было напечатано и удостоено премии. Поленову было предложено смягчить «над меру сильные выражения». В 1767 г. он был награжден медалью в двенадцать червонцев «с прописанием на оной имени автора». Смягченная форма изложения, однако, не изменила смысла этого интересного исторического документа, в котором автор говорит о необходимости ввести всенародную грамотность и требует безотлагательного освобождения крестьян с земельным наделом, тогда как получивший премию француз предлагает постепенно подготовить «рабов» к принятию свободы. Статья Поленова была впервые напечатана в 1865 году в «Русском архиве» как приложение к биографическому очерку, составленному Д. В. Поленовым. Вторично напечатана в «Избранных произведениях русских мыслителей второй половины XVIII века» (М., 1952, т. II).

8. В связи с крестьянской реформой Д. В. Поленов получил служебное назначение в Петрозаводск в качестве «непременного члена губернского по крестьянским делам присутствия». В Петрозаводске Поленовы пробыли с осени 1861 до весны 1863 г.

9. Д. В. Поленов с 1861 г. был членом-корреспондентом Академии наук.

10. Очерк Д. В. Поленова под заглавием «А. Я. Поленов — первый русский законовед XVIII века» был напечатан в «Русском архиве» (т. II, 1865).

11. «Русская беседа» — славянофильский журнал, выходивший в Москве (1856—1860).

12. Письмо П. П. Чистякова к Д. В. Поленову написано каллиграфическим почерком и неправильно датировано 1861 годом. По данным биографии Чистякова — 1862 г. Почерк П. П. Чистякова труден для чтения.

13. Картина П. П. Чистякова «Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого на свадьбе Василия II Темного» (1861, ГРМ), за которую он получил золотую медаль и право заграничного пенсионерства на шесть лет за счет Академии художеств, была послана на Всемирную выставку в Лондоне (1862).

14. Приезд П. П. Чистякова в Имоченцы не состоялся.

Глава II

1. Речь идет о годичной выставке в Академии художеств за 1862/63 учебный год, на которой были выставлены: «Тайная вечеря» Н. Н. Ге, «Поход Олега на Царьград» И. Н. Крамского, картины К. Д. Флавицкого, М. П. и М. К. Клодтов, И. К. Айвазовского и др.

2. Летом 1867 г. В. Д. Поленов впервые выехал за границу и вместе с родственниками Левицкими посетил Всемирную парижскую выставку.

3. Эскиз к картине «Иов и его друзья» — конкурсное задание на Малую золотую медаль.

4. Е. Д. Поленова давала уроки в организованной ее сестрой В. Д. Хрущовой сельской школе.

5. Осенняя академическая выставка 1869 г., на которой были выставлены конкурсные работы Поленова, Репина, Макарова и Урлауба на тему «Иов и его друзья»; всем четырем конкурентам присуждена Малая золотая медаль.

6. Имеются в виду картины: К. Е. Маковского «Народное гулянье на Адмиралтейской площади» (1869, ГРМ), за которую он получил звание профессора; В. П. Верещагина «Свидание заключенного со своим семейством» (1868, ГТГ), за которую он получил звание профессора; Е. Э. Дюккера «Вид в Эстляндии»; В. Г. Перовым были выставлены портреты: А. Ф. Писемского, А. А. Борисовского, В. В. Бессонова и этюд «Голова старика».

7. Г. П. Виллевальде, профессор класса исторической и батальной живописи в Академии художеств, на академической выставке 1869 г. выставил две картины: «Сражение под крепостью города Карса» и «Атака под Варшавой».

Глава III

1. Поездка В. Д. Поленова за границу летом 1870 г. не состоялась.

2. В 1922 г. В. Д. Поленов, перечитывая свои письма пенсионерского периода, уничтожил в них все личное, сохранив только впечатления от искусства, природы, интересных встреч с людьми. Так обработаны все его письма 1872—1873 гг. и часть писем 1874 г. Большого труда стоило его близким уберечь остальные письма от уничтожения и обработки. Все письма (включая данное) с обработкой 1922 г. отмечаются двумя звездочками (**) после даты.

3. В. Д. Поленов с академическим товарищем Р. С. Левицким прожил осень 1870 г. в Имоченцах и привез оттуда сто этюдов. Он работал по деревням, делая этюды и зарисовки фигур, архитектуры, обстанов-

ки крестьянского жилища, предметов бытового обихода. Часть этюдов находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова. Среди них варианты изображения огня в топящейся русской печке, использованные для неоконченной картины «Семейное горе» (1876, Музей-усадьба В. Д. Поленова).

4. Ф. В. Чижов был университетским товарищем Д. В. Поленова и другом его детей, которые называли его «дядей».

5. В октябре 1871 г. Чистяков писал С. П. Боткину: «..программы на первую золотую, особенно Репина и Поленова, очень колоритны».

6. Диплом об окончании Петербургского университета по юридическому факультету со званием кандидата прав.

7. Об участии П. П. Чистякова в работе над картиной «Воскрешение дочери Иаира» В. Д. Поленов рассказывал: «Он живо интересовался нашей работой на золотую медаль и руководил ею, часто заходя к нам в мастерские. Одна драпировка на ноге матери была у меня небрежно написана, он попросил ее вновь проштудировать и пройти и сказал: «Сделайте это для меня». Придя в следующий раз, он благодарил меня за то, что я исполнил его просьбу. Он же принес нам с Репиным известие о том, что мы получили медали. Это было в мастерской Репина. Как сейчас, помню это переживание: Репин пишет, я лежу на диване. Входит Павел Петрович: «Ну, братья, поздравляю. Молодцы, молодцы». — «Кто же?» — спрашиваем мы. — «Все получили, только не ровно. Вы трое: Зеленский 1-ю, Репин 2-ю, Поленов 3-ю — полные пенсионеры, остальные два — Макаров и Урлауб — условно». Павел Петрович был трогательно счастлив за нас, сам жил нашей радостью (П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания», М., 1953).

8. «После получения золотой медали,— вспоминает В. Д. Поленов,— я решил поработать специально над рисунком, и тогда мы с другом моим Рафаилом Сергеевичем Левицким попросили Павла Петровича познакомить нас с теорией и позаниматься с нами, на что он охотно согласился. Мы рисовали с гипса глаз и ухо, добиваясь точности рисунка и силы светотени, и увлекались тонкими указаниями учителя. Рисунки эти до сих пор сохранились у меня и я всегда показываю их ученикам, как пример того, как надо рисовать» («П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания». М., 1953).

Глава IV

1. *Старая Пинакотека* — собрание живописи старых мастеров. *Новая Пинакотека* — галерея современного немецкого искусства. Построены в первой половине XIX в.

2. Галерея графа Фридриха Шака (1815—1894), в которой собраны картины Бёклина, Морица Швиндта, Ленбаха и др. немецких художников XIX в., по завещанию принесена в дар императору Вильгельму II, в 1890-х гг. открыта для посетителей как государственная галерея.

3. Диалект, на котором говорят в Баварии, сильно отличается от литературного немецкого языка и мало понятен иностранцу.

4. Bilderbogen (Листы с картинками) — мюнхенское иллюстрированное издание, содержащее иллюстрации на всевозможные темы: история, география, этнография, архитектура, легенды, сказки, бытовые картинки, юмор, растительный и животный мир, охота, костюмы разных эпох и т. д. В библиотеке В. Д. Поленова было собрано это художественное издание.

5. *Сильвия* — героиня романа Шпильгагена «Один в поле не воин».

6. «Песнь о Нибелунгах» (обработка германского эпоса) вошла в тетралогию Вагнера «Кольцо Нибелунга». В данном случае речь идет о вагнеровской тетралогии в целом.

7. Е. Д. Поленова передает свое впечатление от выставок, открытых в Москве весною 1872 г.: Всероссийской Политехнической, развернутой под Кремлевскими стенами на территории Александровского сада, и Первой Передвижной, перевезенной из Петербурга в Москву и открытой в помещении «Художественного класса» (впоследствии Училище живописи, ваяния и зодчества), где в это время была выставка работ учеников и преподавателей «Художественного класса». Картина Крамского, отмеченная Е. Д. Поленовой, — «Майская ночь» (1871, ГТГ).

8. В. Д. Поленов оговаривается — река Арно протекает во Флоренции, в Венеции — река По.

9. Дворец Питти — крупнейший в Европе музей живописи старых мастеров. Уффици — часть Дворца Питти, соединенная с ним подземным ходом, — Музей живописи эпохи Возрождения.

10. Речь идет о картине В. Д. Поленова «Воскрешение дочери Иаира», выставленной в залах Академии художеств.

11. В. Д. Поленов часто говорил о Полине Лукке. Кроме голоса и внешних данных, он ценил ее художественную передачу сценического образа, чего совершенно не видел в другой мировой знаменитости, Аделине Патти, выступавшей в те же годы в итальянской опере в Петербурге. Видеть и слышать Христину Нильсон В. Д. Поленову, очевидно, не пришлось.

12. Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу».

13. В 1873 г. в Риме вокруг семьи Мамонтовых сгруппировался артистический кружок. У Мамонтовых бывал М. М. Антокольский, композитор М. М. Иванов, поэт А. А. Голенищев-Кутузов, З. С. Оболенская (по второму браку Острога) и ее две дочери: молодая вдова Е. А. Мордвинова, юная М. А. Оболенская и др. Во время карнавала, по тради-

ции русских пенсионеров, артистический кружок выступал в шествии по Корсо на колеснице. Мужчины были в красных средневековых костюмах под Мефистофеля и смешили публику комическими импровизациями. Дома у Мамонтовых силами кружка ставили «Женитьбу» Гоголя. Талантливость и живость Саввы Ивановича Мамонтова в сочетании с теплотой отношения к людям его жены Елизаветы Григорьевны, которую в кружке звали «наша мама», создавали на чужбине русский домашний очаг, привлекательный для культурных людей.

14. Весною и ранним летом 1872 г. Репин находился в Москве, где сдавал заказную работу для «Славянского базара» — групповой портрет «Славянские композиторы». Он часто бывал на Всероссийской Политехнической выставке, которую также посещал В. Д. Поленов, бывший в Москве проездом в заграничную командировку. Упомянутая встреча художников, видимо, произошла у решетки Александровского сада.

15. Вспомогательная касса учеников Академии художеств была организована в 1871 г. по инициативе некоторых учеников и в 1876 г. утверждена Академическим советом. По почину «кассы» периодически устраивались выставки ученических работ.

16. Письма родителей и бабушки В. Д. Поленова написаны в ответ на его телеграммы и письма с известием о внезапной смерти восемнадцатилетней Маруси Оболенской. Марья Алексеевна Оболенская — сердечное увлечение Поленова, встретившегося с ней в Риме в артистическом кружке Мамонтовых и Праховых; похоронена в Риме на кладбище Монте Тестаччо. В 1873 г. Поленов написал этюд с ее могилы, а в 1875 г. ее портрет, который подарил матери Маруси — З. С. Острога. М. М. Антокольский сделал мраморный надгробный памятник в виде девушки первых веков христианства, сидящей у входа в склеп. Поэт А. А. Голенищев-Кутузов посвятил ее памяти стихотворение «У могилы девушки (памятник М. А. Оболенской)»:

Недугом злым привлечена
К дверям безвременной могилы,
Почуя склепа мрак унылый,
В тоске склонилася она.
Ее уста не шепчут пени,
В глазах угас надежды свет,
Но три последние ступени
Переступить ей мочи нет.

Кругом весна, цветы, веселье
И зной и блеск со всех сторон,
А смерть толкает в подземелье,
В холодный мрак, на вечный сон».

(Сборник стихотворений А. А. Голенищева-Кутузова «Перед мраморами», т. III.) Письма В. Д. Поленова, так сильно взволновавшие его близких, не сохранились.

17. В Риме В. Д. Поленовым было начато несколько картин. Вероятно, имеется в виду «Право господина».

18. Под «придворным» сюжетом С. И. Мамонтов, видимо, подразумевает картину «Право господина». Сюжет «Смерть девушки», навеянный смертью Маруси Оболенской и болезнью юной студентки Лизы Богуславской, с которой В. Д. Поленов познакомился также в Риме и которая умерла от туберкулеза легких, впоследствии выразился в картине «Больная».

19. Вспоминая о С. И. Мамонтове, Н. В. Поленова (жена художника) писала: «Савва был человек с огромным художественным чутьем, с редкой жизнерадостностью, с громадным обаянием широкой русской личности. Лиза — вдумчивый, любящий людей человек, легко увлекаемый всем высоким и красивым. Савва до тех пор в искусстве соприкасался с пением. Тут, поддержанный художниками, он выказал большие способности к скульптуре и был приветствуем ими, как товарищ» (Н. В. Поленова. Мои воспоминания о Савве. Борок, 1920-е годы. ЦГАЛИ).

20. Мордух — дружеское прозвище М. М. Антокольского.

21. В. Д. Поленов приехал в Неаполь и Кастелламаре к Репину, который из Рима вместе с женой и маленькой дочерью прибыл туда на морские купанья. Там же находились Прахов и Антокольский с семьями. 16 июня 1873 г. Репин писал Стасову из Рима: «Мы с Праховым едем в окрестности Неаполя на лето к морю. А на зиму я подумываю о Париже...

Поленов — малый добрыня, я тут его и Мордуха подбиваю поскорее ехать к нам в Россию, строить свои мастерские и заводить новую русскую школу живописи. Им этот проект очень нравится. Пора нам» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», М.— Л., 1948).

О совместной жизни художников в Италии, о их восхождении на Везувий Репин живо и образно рассказывает Стасову в письме от 17 июля 1873 г. («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка»). Среди путевых набросков В. Д. Поленова сохранились зарисовки кратера Везувия (ГТГ).

22. Базилио, дон Базилио, Базиль — дружеские прозвища В. Д. Поленова в мамонтовском кружке.

23. На Венской всемирной выставке (1873) находилась картина Репина «Бурлаки».

24. Signor Paul Ч. [синьор Пауль Ч.] — П. П. Чистяков, проживший в Риме семь лет (1863—1870).

25. Мастерскую Доменико Морелли Репин посетил вместе с Поленовым (см. главу VI, письмо В. Д. Поленова к П. Ф. Исееву от 2 января 1874 г.).

Глава V

1. Этюды, написанные «в виде отдыха», высокого качества и тонкой проработки. Это имоченские еловые и сосновые леса с густыми подлесками, виды Ояти в лесных берегах, окаймленных ярко-зеленой полосой наволоков. «Деревенские мальчики», участники летних занятий Поленова на воздухе, неоднократно изображались им в этюдах: «Удильщики», «Вахрамей» (1878), «Ванька с Окуловой горы» (1880) и в картине «Рыбачки» (1877).

2. Имеется в виду «дело Лопухиных» в царствование Елизаветы Петровны, по придворным интригам обвиненных в заговоре. Наталья Федоровна Лопухина, рожденная Балк, ее муж и сын были публично наказаны плетьми после того, как им всем трем вырезали языки.

3. Под «стариком в желтой ризе» подразумевается папа Сикст II. Картина Рафаэля была написана по заказу бенедиктинского монастыря св. Сикста в Пьяченце. «Улыбающаяся девица» — изображенная на картине святая Варвара.

Глава VI

1. «Меня радует, что ты в семье у Репиных нашел себе приют в Париже. Это большое счастье», — писала сыну М. А. Поленова 10 декабря 1873 г. О приезде Поленова в Париж Репин сообщал Крамскому 28 ноября/8 декабря 1874 г.: «Поленов приехал к нам.. отыскали ему мастерскую. Намерены приняться за самые строгие этюды с натуры и рисовать» («И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка», М. — Л., 1949). Мастерскую для Поленова нашли на Монмартре (улица Бланш, 72), недалеко от Репина, у которого он жил и работал, пока мастерская ремонтировалась. На улице Бланш Поленов проработал все три года своего пребывания в Париже (1873—1876).

2. Молодой талантливый художник Анри Реньо, вступивший добровольцем в ряды французской армии, был убит 19 января 1871 г. Похороны Реньо, совпавшие с капитуляцией Парижа, обратились в демонстрацию народного траура. Впечатление этой драмы было еще свежо в 1873 году и усиливало интерес к творчеству художника-героя.

3. Речь идет о скульптуре Антокольского «Христос перед судом народа», за которую он в 1878 г. на Всемирной Парижской выставке получил французский орден Почетного легиона. До 1899 г. статуя принадлежала С. И. Мамонтову и была выставлена в его кабинете на Спасской-Садовой. Впоследствии приобретена Советом Третьяковской галереи.

4. Для русской церкви в Париже А. П. Боголюбовым написана картина «Хождение Иисуса по водам».

5. Галерея графа Рачинского в Берлине основана в 1847 году.

6. Поленов говорит о своей картине на сюжет: право феодала на первую брачную ночь с дочерью его крепостного. Картина начата в Риме в 1873 г., окончена в Париже в 1874 г. и выставлена в Салоне Елисейских полей того же года. В 1875 г. была приобретена П. М. Третьяковым. В переписке картина эта упоминается под названиями: «Право господина», «Закон первой ночи», «Le droit du Seigneur» и «Jus primae noctis».

7. В письме В. Д. Хрущовой к брату от 21 декабря 1874 г. есть указание на то, что копия эта была сделана Поленовым: «... Папа велел тебе передать, что он свез Боку картину, назначенную в[еликому] к[нязю] Влад[имиру] Алек[сандровичу] и вчера получил от Бока официальное письмо такого содержания: «Его высочество, благосклонно приняв этот снимок, соблаговолил поручить мне просить Вас благодарить Вашего сына за доставление оного и передать Вам желание вел[икого] кн[язя] о всяком преуспеянии сына Вашего на поприще искусства и т. д.» (Архив ГТГ). Копии заказывались пенсионерам для Музея Академии художеств.

8. В письме к Стасову от 17 июля 1873 г. Репин сообщает: «Видел я в Неаполе удивительную вещь Морелли «Тассо, читающий перед Леонорой»; вещь превосходная и изящная, хотя и грубовато написана. Там же... есть еще много его вещей, между ними особенно замечательна небольшая картина рыцарь с пажом — много поэзии; напоминает лермонтовского рыцаря: «Смерть, как доеду, поддержит мне стремя».. «Возвращение крестоносцев» — нечто героическое». Точное название картины, отмеченной Поленовым и Репиным, — «Граф Лара с пажом». О знакомстве с Морелли Репин пишет: «Были у него в студии. Простой, симпатичный человек, с виду похож на персианина, черный как смоль.. должно быть сарацин по крови.. На стене у него висит, между прочим, «Явление Христа народу» Иванова (фотография), да Делароша «Гемицикл» и много своих этюдов..» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», М.— Л., 1948).

9. Морелли, реалистически трактовавший исторические сюжеты, имел большое влияние на творчество Поленова. В библиотеке Музея-усадьбы В. Д. Поленова хранится папка с репродукциями картин, эскизов и набросков Морелли, которые Поленов собирал во время заграничных путешествий.

10. Речь идет о неоконченной картине Крамского «Христос во дворе Пилата» или «Хохот» (ГРМ).

11. Настроения и стремления Репина во время пребывания в Париже выражены в письме к Стасову от 25 декабря 1873 г.: «Сколько у нас мечтаний, предположений о будущей деятельности в России! Иногда и ночью долго не можем заснуть. Так один за другим несутся планы и прожигают

насквозь. Сейчас бы полетел туда; окружил бы себя новой, полной жизнью и начал бы действовать со всем пылом детства. Поленов оказывается чудесным товарищем, все это он разделяет с восторгом (я рад, чем нас больше, тем лучше)! («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», М.— Л., 1948).

12. «Художественный класс» — первоначальное название Училища живописи, ваяния и зодчества, в котором В. Г. Перов был преподавателем (1871—1882).

13. В письме к И. Н. Крамскому от 19 февраля 1874 г. Репин объясняет: «Я заметил, что когда я расскажу о своей работе, то непременно ее брошу, так случилось еще недавно. Я увлекся ужасно, разболтал до того, что даже в Совет Академии дошло, что я делаю; а я, между тем, сделав множество эскизов, бросил. Я несколько раз давал себе зарок не делать эскизов и не рассказывать про свои дела» («И. Н. Крамской. Переписка», М., 1954). Репин имеет в виду картину «Садко», которую начал писать по приезде в Париж и временно оставил, увлекшись картиной «Кафе».

В. Д. Поленов, зная отрицательное отношение своего отца к сюжету картины «Право господина», также не сообщал в семейный круг, над чем он работает. Д. В. Поленов писал Ф. В. Чижову 1 апреля 1874 г.: «Отправил к Васе длинное послание. На днях мы получили от него известие. Он пишет, что кончил свою картину, но не говорит, какую именно, и представил ее в Парижскую комиссию о выставке.. До нас дошел слух, что он писал ночлег парижских нищих, и Репин, который дал сюда это известие, прибавил, что вещь очень талантливая» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Желая устроиться в Москве вместе с Репиным, вне тормозящих влияний семейной среды и своего круга в Петербурге, Поленов обращался к С. И. Мамонтову с просьбой присмотреться к условиям для художественной работы в Москве.

14. Офортом занимались Поленов, Репин, Савицкий, Боголюбов, Шиндлер и др. 1/13 ноября 1874 г. Репин сообщает Стасову: «Занимаемся офортом. Собираемся у Боголюбова по вторникам», и 5 февраля 1875 г.: «Посылаю Вам офорт («Курица и петух») работы большой Веры [В. А. Репиной]. Сам я также занимаюсь этим чудесным делом, но еще не пошлю Вам ничего своего, ибо я все еще знакомлюсь с техникой этого искусства и почти уже постиг.. Какие у нас удобства, свой станок, сами печатаем, травим, так занятно; на это мы посвящаем один вечер в неделю — субботу» («И. Е. Репин и В. В. Стасов». Переписка, М.— Л., 1948).

15. В письме от 31 марта 1874 г. мать сообщает Поленову: «..Сейчас был у нас Чистяков, очень тобою интересуется и посылает привет. Он любит и высоко ставит талант Репина, но нисколько не желает, чтобы ты кем-либо увлекался, а был просто верен себе и правде. «Я не пишу Василь[ю] Д[митриевичу],— говорит он мне,— потому что знаю, он

мне верит, а за глаза не знаешь, на какую минуту попадешь. Может и повредишь..» (Архив ГТГ).

16. Подразумевается картина «Право господина». «Поленов пишет хорошую вещь и, кажется, успеет здесь к выставке» (из письма Репина Стасову 4 марта 1874 г. «Переписка», М. — Л., 1948).

17. «Салон» — название ежегодных парижских выставок, впервые устроенных при Людовике XIV в залах — салонах Луврского дворца. До середины XVIII в. Салон оставался государственным учреждением, не допускавшим прогрессивных течений. В 1881 г. Салон получает название: «Salon Société des artistes français» («Салон — общество французских художников»). Помещается этот салон во дворце промышленности на Елисейских полях. В 1890 г. образовался салон «Société nationale des Beaux arts» («Национальное общество изящных искусств») на Марсовом поле. С 1904 г. был образован «Осенний салон»—«Salon d'automne». О своем участии в Салонах Поленов рассказывал следующее: «Salon du Champ de Mars [«Салон Марсова поля»] образовался подобно нашим передвижникам из отщепенцев, которые считали официальный «Salon des Champs Elyzées» [«Салон Елисейских полей»] устаревшим рутинным учреждением и были недовольны тамошним жюри. В мое время Салон был один, и я выставлял в нем три раза» (из записей Д. В. Поленова. Архив Поленовых). В. Д. Поленов выставлял в Салоне 1874 г. картину «Право господина». В 1875 г. посылал на жюри две вещи: этюд «Голова еврея», который был принят, и пейзаж «Старые ворота в Вёле» (1875, ГРМ), который был отвергнут; в 1876 г.— портрет Ф. В. Чижова.

18. В Лейпциге находилась студентка Е. А. Богуславская, с которой В. Д. Поленов вел переписку.

19. Ворчуном дяденькой С. И. Мамонтов называет Ф. В. Чижова, который был другом и компаньоном отца С. И. Мамонтова по железнодорожным предприятиям. После смерти отца, в 1869 г. молодой Мамонтов сделался преемником его дел и компаньоном опытного и властного старика Чижова. «Шатанием на гулянках» Мамонтов в шутку называет многочисленные деловые путешествия Чижова.

20. По дороге из Петербурга в Париж Поленов не заезжал в Рим. Видимо, его приезд в Россию не был официально согласован с администрацией Академии художеств, потому он и пишет Исееву «уезжая из Рима во второй раз». В первый раз он уезжал в Неаполь, во второй раз на Всемирную венскую выставку, в Петербург, Имоченцы, Москву и Абрамцево. В Париж он ехал из Петербурга через Берлин и Дрезден. Обстановка мастерской в Риме, начатые работы и вещи были им упакованы и пересланы Антокольским по адресу мастерской на ул. Бланш, 72, в Париже.

21. В архиве Академии художеств в деле Поленова, рядом с его рапортами, лежит записка без подписи: «Удивляюсь великим способностям и громадной наблюдательности этих господ. Довольно нескольких меся-

цев пребывания за границей, чтобы почувствовать себя реорганизатором. Это все из тех же, которые все ломают, ничего не создав, — и ему Академия поперек горла, да кто им мешает учиться в мастерской любого мастера по выбору, хоть Тюрина или фотографа Вагенгейма. Проповедует — однако же сознается, что только в Берлине раскусил, что древнее искусство есть искусство, а в Академии смотрел, да не понимал, не имел времени сосредоточиться. Слов очень много, а дела нет. И где эти пугала с начальственной «грозной физиономией» [академические преподаватели] в противоположность «отцам-учителям», обитающим в мастерской» (опубликовано в книге О. А. Лясковской «В. Д. Поленов». М., 1946).

Как принимались отчеты пенсионеров Советом Академии художеств и ее администрацией видно из письма Крамского к Репину от 25 декабря 1873 г.: «В Совете были читаны письма пенсионеров. Исеев, читая эти отчеты, в которых были будто бы выражены задушевные мысли, намерения, суждения, словом, такого рода интимности, которые можно позволить себе в письме к лицу близкому и, пожалуй, перед многими людьми, у которых не испорчено нравственное чувство и ум, но говорят, что Исеев, читая один отчет пенсионера, так иронически улыбался, а за ним осклаблялись Верещагины, Шамшины, Бруни и прочая свиная щетина, что было зрелище неприятное: зачем молодые люди бросают на поругание свои чувства. А именно: читая, Исеев говорит: «Господа, тут вот начинаются рассуждения и разные чувства, слишком личные, скучные, и никому не интересные, и не лучше ли, если я пропущу, а просто прочту только одно дело, что он думает делать и чем он занят» («И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка», М.— Л., 1949).

22. На картине Рафаэля изображена святая Варвара, Поленов ошибочно называет ее Екатериной.

23. С. А. Бове была одной из моделей для картины Репина «Царевна Софья».

24. Речь идет о картине «Ливень» (1874, ГТГ).

25. Письма Анри Реньо искрятся жизнью и художественным темпераментом. Реньо был пенсионером французской Академии изящных искусств и получил от нее «Римскую премию». Годы его жизни в Риме близки к годам пенсионерства Поленова и Репина. Письма Реньо представляют интерес как сравнение французского склада с русским. Реньо спортивен, отличный наездник, шутя делает восхождение на пылающий Везувий, у него прекрасный тенор, он солирует в соборе Св. Петра. Из Рима едет в Испанию, принимает участие в Мадридском дворцовом перевороте, сближается с цыганами; едет в Африку, строит себе мастерскую в Танжере, но при первых известиях о франко-прусской войне вступает добровольцем в ряды армии и гибнет под осажденным Парижем. Однако творчество Реньо, в отличие от творчества русских художников, идущего в глубь явлений, передает их со стороны сверкающей поверхности, они экзотичны и не отра-

жают жизни народа, с которым он сближается. Реньо погиб 27 лет, не выработавшись в зрелого мастера. Русским реалистам он был близок своим талантом колориста с реалистическими тенденциями, которые высказывал и в письмах. В 1869 г Реньо писал отцу из Рима: «Ничего не сочиняется, хорошо выходит, в сущности, только то, что пишется с натуры.. отними у «Свадьбы в Кане» Веронеза прекрасные венецианские ткани и замени их бумазейными плащами.. и ты увидишь, что от «Свадьбы в Кане» будет разить скукой..» Увлечение Реньо прошло, не оставив глубокого следа в творчестве русских художников. В «Далеком близком» Репин, вспоминая это увлечение, прибавляет, что теперь никто не говорит о Реньо.

26. Генерал Прим — политический деятель, возглавлявший мадридскую революцию 1868—1869 гг. Конный портрет Прима (1868, Париж, Музей Люксембурга), сделанный в Мадриде, был выставлен в Вене на Всемирной выставке 1873 г., где его видели Поленов и Репин.

27. Со студенткой Е. А. Богуславской Поленов познакомился в Риме. Горестное положение бедной русской студентки, умиравшей на чужбине от туберкулеза легких, впервые натолкнуло Поленова на мысль о картине «Больная». Чижов исполнил просьбу Поленова: 2 июня 1874 г. он записывает в дневнике, находясь в Париже: «Весь день с утра до вечера провел я с Васей Поленовым.. Отдал ему 200 рублей для его друга нигилистки..»

28. Репин писал П. М. Третьякову 23 мая/4 июня 1874 г.: «Товарищ мой Поленов поставил вещь на выставку для пробы себя, боялся, что не примут, забракуют; вещь еще не кончена даже; оказалось, что она одна из лучших по колориту» («И. Е. Репин. Переписка с П. М. Третьяковым», М.— Л., 1948).

29. Под «царской любезностью» Поленов подразумевает полученную отцом награду, за пятидесятилетнюю службу, в размере ежегодной суммы в 4000 рублей.

30. Подразумеваются сочинения М. В. Храповицкого против крепостного права и газета «Голос».

31. Образ мыслей Поленова не нравился его родителям. М. А. Поленова писала Чижову: «В Париже был у Вас Вася... Что он? Я получила от него письмо с очень завиральными и как-то сбитыми мыслями. Увлекающийся господин, и к тому же иногда совершенный младенец, которого можно как угодно поднадуть..» (Имоченцы. 22 июня 1874).

32. Е. Д. Поленова в Киеве встретилась с врачом, профессором киевского университета А. С. Шкляревским. Взаимное увлечение перешло в глубокое чувство, не принесшее счастья Е. Д. Поленовой. Родные воспротивились ее браку и добились разрыва с Шкляревским.

33. 4 марта 1874 г. Репин писал Стасову: «Я все это время особенно усердно, и кажется, плодотворно работал, запоем: подмалевана целая картина и сделаны к ней почти все этюды с натуры. Что за прелесть

парижские модели! Они позируют, как актеры...» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», М.— Л., 1948). Некоторые этюды с моделей Поленов и Репин писали вместе. В Музее-усадьбе В. Д. Поленова хранится его этюд шали, накинутой на женские плечи. Тот же аксессуар использован Репиным для центральной фигуры в «Кафе». Картина Репина была выставлена в Салоне в 1875 г., находится в Стокгольме в собрании Монсон.

34. 6 июня 1874 г. Ф. В. Чижовым в дневнике сделана запись: «К Поленову писал об его Васе, с которым мы очень приятно провели время в Париже и много толковали о современном направлении искусства. Он сильно восстает против Академии — она убивает жизнь, а между тем искусство должно идти рука об руку с жизнью..

Если судить о современном направлении молодых художников по двум мастерским — Васи и Репина — и по выставке, то приходишь к тому, что они сами на распутье: они хотят изобразить жизнь и никак еще не попали на то, что сто́ит изображения. Например, Репин начал писать парижскую кофейню, — я очень хотел бы решить, что тут может быть художественного! Что подметил тут художник такого, что могло бы быть предметом картины? Толпа народу — дамы еще доставят хорошенькие этюды и красотою лиц и изяществом одежды, сочетанием красок, их гармониею, а мужчины все в черных фраках, самых уродливых из костюмов всех веков и народов? Выражения лиц? Но какое же придать выражение посетителям кофейни, если не сделать его героем какого-нибудь происшествия? Сама по себе кофейня может остановить прохожего только болтовнею, кокетством, пожалуй, нахальством, но как передать это на картине, тут именно часто останавливает внимание моментальность— отъявленный враг картины» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

35. 2 июня 1874 г. Чижов записал в дневнике: «были на художественной выставке, я видел картину Васи — недурна, но сюжет сатиры, не искусства.. Я ничего не мог сказать, потому что картина ничего не говорит. Кто узнает предмет без подписи.. Это фактор события, даже не события.. а бывшего скверного права, в изображении которого нет ничего говорящего. Странно, что он избрал этот предмет..»

36. 13 июня 1874 г. Чижов записал в дневнике: «Читаю понемножку Correspondances de Henri Régnault, но ничего пока не нахожу особенно замечательного. Не понимаю, как Вася Поленов мог рекомендовать эту книгу; Реньо прямо против его понятий, он восхищен Италией и ее великими мастерами, а Вася как-то очень странно о ней отозвался. Для него в Италии только воспоминания средневековых гадостей и гадостей древнего Рима».

37. Подразумевается «Право господина».

38. Лето 1874 г. Репин по совету Боголюбова провел в Нормандии в местечке Вёль. В августе туда приехал Поленов и поселился у Репи-

ных. «Репин был уже женат и жил с семьей. Он снимал целый домик и был так добр, что предложил мне поселиться у него наверху. Когда я хотел ему заплатить, он ни за что не взял с меня денег».. «у Репина я жил потому, что мне очень хотелось, чтобы он приехал к нам в Имоченцы, а так как он был очень щепетилен и ни за что не захотел бы жить у нас даром, то вот я и надеялся, что он будет жить за то гостеприимство, которое он мне оказывал. Но вернувшись в Россию, он поехал к себе в Чугуев». «Я с удовольствием вспоминаю эти полтора месяца, проведенные в Вёле. Очень красивое местечко, оттуда видно Англию. С Репиным мы предпринимали экскурсии и были в Этрета, там я и написал «Черную лодку» (1874, ГТГ). Туда приехал еще очень талантливый художник Беггров; был там и Савицкий» (из записей сына художника. Архив Поленовых).

«Нас здесь собралась веселая компания: Савицкий с женой (хорошие вещи он начал), Поленов, приехал А. П. Боголюбов.. потом Беггров и Добровольский. Пишем, пишем и пишем, а по вечерам гуляем» (Репин — Крамскому, 23 августа 1874. «Переписка», М.— Л., 1949).

39. «Пугачевцы» — роман Е. А. Салиаса (1842—1908), впервые напечатанный в «Русском вестнике» (1874).

40. Частная галерея Пурталеса в Париже, основанная в конце XVIII в., состояла из более 300 картин мастеров эпохи Возрождения, XVIII в. и первой половины XIX в. Кроме того, в ней были собраны скульптуры, этрусские вазы, эмали, камеи и рисунки мастеров разных времен и школ.

41. Вьель — предположительно — привратник дома, где жил Поленов.

42. Репин пишет «вам», имея в виду всю компанию художников, собравшихся в Вёле.

43. Репин писал Стасову 14/26 октября 1874 г. : «Приехала сюда жена покойного Серова, поселилась недалеко от нас, сын ее ходит ко мне учиться рисовать (есть талант), 9 лет ему. Она играет нам иногда, и я возымел некоторое понятие о «Каменном госте» (полна поэзии и страсти эта вещь Даргом[ыжского]), о «Псковитянке» (какая воодушевляющая вещь). И даже у нее есть, что бы Вы думали? «Борис Годунов» Мусоргского и поэтому нам теперь раздолье!!! И сама Валентина Семеновна сочиняет тоже, но я еще не успел оценить и понять ее музыку» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», М.— Л., 1948).

44. Красные шерстяные береты — головной убор жителей атлантического побережья Франции на границе Испании.

45. К. А. Савицкий путешествовал с женой.

46. «Путешественники в Оверни» (1876, ГРМ). Эскиз (1874) подарен Савицким Поленову (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

47. В. Д. Поленов работал над курсом перспективы (не издан. Архив ГТГ).

48. В это время Поленов написал одну из своих лучших портретных работ — портрет сестры В. Д. Хрущовой (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

49. В конце 1874 г. Поленов начал работу над картиной «Арест гугенотки» (1875, ГРМ), за которую получил звание академика. Картина была куплена в мастерской художника в Париже Александром III (в то время еще наследником), посетившим ее в сопровождении А. П. Боголюбова.

Глава VII

1. Поленов имеет в виду пенсионерскую работу «Арест гугенотки».

2. В роли медведя выступал Поленов, в роли поводыря Беггров.

3. О значении Боголюбова и его кружка для русской артистической молодежи Репин писал Стасову 5 февраля 1875 г.: «Боголюбов очень много делает для русских молодых художников: достает работы и печется, как о своих детищах, спасибо ему, молодец. Без него русским было бы плоховато (художникам)». «Кроме хорошего, про него нечего сказать, он как родной заботится о нас, и иногда даже в ущерб себе» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.— Л., 1948).

4. Картина «Восстание Нидерландов» или «Заговор Гёзов» не была окончена. В 1875 г. Поленов написал только архитектурный фон — средневековый зал в темных тонах, напоминающих Делароша, под влиянием которого написаны его первые исторические картины. В 1921 г. Поленов достал это незаконченное полотно и в другой живописной манере вписал в него ряд фигур.

5. О вечерах у Виардо Репин писал Стасову 16/28 декабря 1874 г.: «Вчера был на вечере у m-me Viardot и Тургенева, больше из любопытства. Сумасшедшие французы... Вот так веселятся! По-детски, до глупости. Всего перепробовали: начали с пения, музыки, потом импровизировали маленькие пьески (Тургенев тут отличался, сколько в нем молодости и жару!!!), фанты и кончили танцами. Всех превзошел в шутовстве и глупости композитор Сен Санс (чуть на голове не ходил, танцы играл!)» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.—Л., 1948).

6. Жена К. А. Савицкого на почве ревности, по мнению Поленова, не обоснованной, покончила самоубийством: села около жаровни с непрогоревшим углем и умерла от угара.

7. О встречах Поленова с Тургеневым и семьей Виардо сохранился застенографированный рассказ: «Я нашел у себя записную книжку, по которой мне удается восстановить события времен моей жизни в Париже и знакомства с Тургеневым. Это было лучшее время моей жизни. С тех пор прошло пятьдесят лет, а мне кажется, что это было вчера. Я встречал

46 Заказ 234

много интересных людей у Виардо и очень жалею, что не записывал тогда, что они говорили. Я видел Ренана. Я познакомился с Золя, маленьким, застенчивым человеком. Там бывал Вырубов, друг Тургенева, он был позитивист, последователь Огюста Конта. Из художников там чаще всего бывали Харламов, Репин, Шиндлер и я. С кем я себя очень хорошо и свободно чувствовал, это с м-ме Виардо, с которой у меня бывали интересные разговоры, главным образом о музыке. Тургенев приглашал меня на те вечера, где он думал, что будет интересно. На этих вечерах он вел себя как хозяин, затевал живые картины, сам играл разные роли, он был ужасно живой... Мадам Виардо говорила по-русски бегло и понятно. сам Виардо знал русский язык, а мадам Виардо читала Тургенева по русски.. Тургенев был ужасно милый, простой и добрый; он называл себя русским дворником, потому что находил, что больше всего на него похож. Огромный, серебряные волосы так зачесаны, как в сороковых годах. На вечере у мадам Виардо он стоял в углу и рыдал. Она пела Шумана некоторые вещи и потом Шуберта «Erlkönig» [«Лесной царь»].. как я спросил, не помню, какую из своих вещей он считает лучшей. Он ответил: «Первая любовь».. я тоже считаю эту вещь лучшей. Это изумительно живая, свежая вещь, так и дышишь все время воздухом. Я страшно высоко ставлю «Записки охотника».. Это такой бриллиант в русской литературе» (Из стенографической записи О. С. Гарелиной, 1924 . Архив Поленовых).

8. Подразумевается картина «Арест гугенотки». Положительную оценку работ Поленова давал также посетивший его мастерскую в Париже вице-президент Академии художеств Г. Г. Гагарин: «на днях, как-то князь Гагарин... говорил о твоем таланте и прибавил: «il a déplus un charmant talent pour le paysage qu'il ne devrai pas nigliger aussi» [у него, кроме того, прелестный талант к пейзажу, он не должен им пренебрегать] (М. А. Поленова — В. Д. Поленову. 17 февраля 1875).

9. О запрещении выставляться на европейских выставках писал Репин Стасову 1 апреля 1875 г.: «Известно ли Вам, какие строгости предписывает нам Академия художеств — беда, не смеем больше нигде выставлять — запрещается безусловно. Я написал в Совет, но Совета более не существует, все делается его высочеством, и на моем письме он собственной рукой изволил надписать очень строго. Значит, не рассуждай, мол, и письмо это препроводил ко мне для острастки.. Однако я все-таки послал «Кафе» в Салон и при ней дамский портрет и маленький этюдик белой лошади на морском берегу на солнце» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.—Л., 1948).

10. На Передвижной выставке 1875 г. Поленов намеревался выставить «Арест гугенотки». Академическая администрация не разрешила этого и предложила выставить картину в Академии художеств, где обыкновенно выставлялись все пенсионерские работы. Поленов впервые участ-

вовал на Передвижной выставке в качестве экспонента в Москве в 1878 г. картиной «Московский дворик». В 1879 г. был избран в члены товарищества. С 1889 г.— стал членом жюри. В 1891 г. избран в члены организовавшегося в этот год Совета Товарищества, в котором находился до отъезда в Рим (1894).

11. Няня А. К. Булахова пользовалась любовью и уважением всей семьи. В 1861 г. Поленов написал ее портрет (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

12. Имеется в виду самоубийство жены К. А. Савицкого.

13. Кушелевской галереей называлась коллекция картин и скульптур, занимавшая несколько залов в Музее Академии художеств. Основана екатерининским канцлером князем А. А. Безбородко. По женской линии частично досталась графу Н. А. Кушелеву-Безбородко, добавившему к первоначальной коллекции картины современных ему мастеров французской пейзажной живописи XIX в. «барбизонцев». В 1863 г. по завещанию коллекция перешла в Музей Академии художеств. Поленов, высоко ценивший «барбизонцев», любил Кушелевскую галерею и особенно лесной пейзаж Теодора Руссо, о котором приводил отзыв Тургенева: «грибами пахнет».

14. «Циркулем» назывался ряд зал Музея Академии художеств, окружавший внутренний двор.

15. «Иаировной» в семье Поленовых называли картину «Воскрешение дочери Иаира», за которую В. Д. Поленов получил Большую золотую медаль и заграничное пенсионерство.

16. Увлечение русских художников творчеством Фортуни вызвало полемику между Крамским и Репиным. 16 мая 1875 г. Крамской писал: «Фортуни увлек всех, естественно. Так как он пишет натурально, еще бы не увлечь. Я видел его одну вещь, которую купил Боткин. Совершенно понимаю, что он нравится больше всех. Он пишет наивно, натурально и, стало быть, оригинально. Только он не сродни нам». И далее 20 августа 1875 г.: «Фортуни есть, правда, последнее слово, но чего? Наклонностей и вкусов денежной буржуазии. Какие у буржуазии идеалы? Что она любит? К чему стремится? О чем больше всего хлопочет? Награбив с народа денег, она хочет наслаждаться — это понятно. Ну, подавай мне такую и музыку, такое искусство..» (Переписка И. Н. Крамского. М., 1954).

29 августа 1875 г. Репин писал Крамскому: «Буржуазия о Фортуни не имеет ни малейшего понятия, она знает только поразившие ее цифры при аукционе его последних, недоконченных вещей и только с этих пор поговорила о нем немного; слава его сделана, главным образом, *художниками всего света*, которые и разносят эту славу во все концы нашей планеты; они сами (кто побогаче) раскупили большинство его набросков за огромные деньги, как редкость, как бриллианты. Все дело в таланте

испанца, самобытном и оригинальном и красивом, а к чему тут буржуазия, которая ни шиша в искусстве не понимает» (Переписка И. Н. Крамского. М., 1954).

Ответ Крамского от 10 сентября 1875 г.: «Что такое Фортуни, нам с Вами будет мудрено решить к обоюдному согласию, тем более, что Вы имеете на своей стороне *художников всего света*, авторитет, перед которым я должен бы смириться, но... Вы все-таки ошибаетесь, выделяя их из буржуазии. Они суть, за малым исключением, плоть от плоти ее и кость от костей ее. Мое выражение, что Фортуни есть высшая точка, идеал представлений о художнике буржуазии. Вы приурочили к люду, специально теперь населяющему Париж и шатающемуся там. Но ведь масса буржуазии могла ни разу не слышать имени его, а он, Фортуни, быть их выразителем.. Охотно отдаю Вам технику, но что до главного, то позвольте думать, что он величайший из великих буржуазных художников» («Переписка И. Н. Крамского», М., 1954).

17. Описка: Поленов видел картины Морелли на Всемирной парижской выставке 1867 г.

18. В 1869 г. Реньо писал своему другу Дюпарку из Рима: «Позавчера я провел день у Фортуни и у меня руки опустились. Он поразителен.. У него чудеса живописи! Это мастер учитель для всех нас. Если бы ты видел те две, три картины, которые он заканчивает, и его последние акварели!! Вот отчего мои мне опротивели!» (Переписка Анри Реньо. 1872, Париж).

19. «Шеф» — президент Академии художеств вел. кн. Владимир Александрович. «Чиновник» — конференц-секретарь П. Ф. Исеев.

20. На Передвижной выставке 1875 г. В. М. Максимов выставил картину «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875, ГТГ). Пейзаж А. И. Куинджи — «Степь в цвету» (1875, ГТГ).

21. «Пчела» — еженедельный журнал искусств, литературы, политической и общественной жизни. Выходил в Петербурге (1875—1878), художественный отдел — под редакцией А. В. Прахова.

А. В. Прахов в № 15 «Пчелы» от 27 апреля 1875 г. дает положительную рецензию картины Поленова «Арест гугенотки»: «При первом взгляде на эту картину вам кидается в глаза превосходно написанная стена какого-то старинного замка, изъеденная временем и поросшая зеленью, окутанная самою симпатичною игрою суровых благородных серебристых тонов, и в этой стене темное пятно низенькой двери и на этом темном пятне превосходно рисуется высокая фигура бледной дамы в черном бархатном платье с страдальческим выражением на красивом измученном лице.. Отдельные фигуры, уверенно и характерно нарисованные, совершенно естественно сгруппированы так, что ваш взор прежде всего падает на главную фигуру, от которой и потом не отрывается внимание зрителя.. Но главная сила всей картины состоит в поэзии колорита, который сначала

и до конца выдержан в изящных мужественных тонах.. Жаль, что такая прекрасная вещь, скажем прямо, лучшая картина на настоящей выставке поставлена не с достаточным вниманием, не по свету и притом так, что почти отовсюду вам мешают отблески. Конечно, это произошло по нечаянности, так как нельзя же предположить, что Академия не оценила или пренебрегла талантом и произведением, которое делает ей честь, ибо г[осподин] Поленов принадлежит к числу молодых ее пенсионеров, быстро и энергично шагающих вперед».

22. Московский коллекционер картин Д. П. Боткин в 1875 г. в Париже приобрел картину Фортуни «Двор в Гренаде» (1871). С упоминаемой марины Поленовым была сделана копия, висевшая в его кабинете среди любимых вещей (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

23. Дети Эдуарда IV (1442—1483) Эдуард V и его брат Ричард — были заключены в Тауер и погибли при невыясненных обстоятельствах.

24. «Темплиеры» или «храмовники» — духовно-рыцарский орден, основанный в XII веке.

25. «Отчет о командировке на Мурманский берег» (Спб, 1876).

26. Речь идет о начатой Поленовым в 1875 г. и не оконченной картине на сюжет «Пир у блудного сына».

27. «Соловки» — «Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» В. И. Немировича-Данченко (Спб., 1875).

28. «Садко» — пенсионерская работа Репина (1875, ГРМ). Владелец аквариума — Антон Дорн, зоолог, основатель Неаполитанской зоологической станции.

29. «Барыней» С. И. Мамонтов называет центральную фигуру картины «Арест гугенотки».

30. Д. В. Поленов подразумевает картину «Право господина». 20 сентября 1874 г. он писал Ф. В. Чижову: «Алеша привез фотографии с Васиной картины. Она мне нравится. Я только думаю переменить ее название и наименовать: Sorie d'une pension. [Выпуск из пансиона]. Не правда ли, что это название идет к картине, а главное стушевывается нескромность. Я и Васе буду это советовать. Это для публики, jus [закон] все-таки останется для немногих» (Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки). Картина «Право господина» была куплена П. М. Третьяковым. Находится в ГТГ.

31. Е. Поленова в 1875 году готовилась поступить на педагогические курсы.

32. А. А. Голицына-Прозоровская под влиянием Е. Поленовой занималась живописью и брала уроки акварели у Чистякова в доме Поленовых.

33. Цып-Наволок — фактория рыбопромышленника Смолина, спутника А. Д. Поленова по путешествию на Мурманский берег.

34. И. И. Срезневский, филолог, славист, был другом отца Поленовых, с которым познакомился в Петербурге на литературных пятницах

А. В. Никитенко, сблизился на общем интересе к русской археологии и на работе в Археологическом обществе. В доме Срезневского устраивались чтения, ставились шарады, комические импровизации и серьезные спектакли (Пушкин, Мольер, Шекспир). Сам Срезневский, талантливый чтец-декламатор, участвовал вместе с молодежью, друг его поэт А. Н. Майков также руководил постановками и чтениями. Его трагедия «Два мира», написанная в те годы, произвела сильное впечатление на В. Д. Поленова. Впоследствии он поставил ее на сцене мамонтовского домашнего театра в Москве (1879) и написал ораторию на текст Майкова (1880). Срезневский с большим интересом и сочувствием следил за творческим развитием Поленова.

35. Первый этаж французы называют réz de Chaussée, т. е. на уровне улицы. Счет этажей они начинают со второго.

36. Определение, данное Поленовым В. В. Стасову — «умственный помпадур», очевидно, навеяно вышедшими в 1873 г. очерками М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши».

37. Речь идет о начатой Поленовым в Париже в 1876 г. картине на библейский сюжет: во внутреннем помещении египетского храма или дворца происходит пир у блудного сына. Сквозь яркие ткани, натянутые между колоннами, местами прорывается солнечный свет. Неоконченная картина находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

38. Чистяков имеет в виду оркестровую фантазию Н. А. Римского-Корсакова «Садко» (1867), частично вошедшую в оперу «Садко» (1897).

39. Общество выставок художественных произведений (1876—1890). Поленов, сочувствовавший передвижникам, не примкнул к этому Обществу.

40. Чистяков острит, называя Айвазовского юношей: в 1875 г. ему было пятьдесят восемь лет.

41. Подразумевается иллюстрированная хрестоматия для детей, которую готовила к изданию В.Д. Хрущова при участии сестры, брата и мужа. Преждевременная смерть не дала ей осуществить издание.

42. «Пир у блудного сына».

43. Картина «Публичная лекция Лассаля» не была написана. Сохранились этюды рабочих (1876) и эскиз 1923 г. (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

44. Подразумевается роман французского писателя Франсуа Фенелона «Приключения Телемака» (1699) как пособие для изучения французского языка и литературного стиля.

45. Речь идет о костюмах, которые шила Е. Поленова для задуманных братом картин «Пир у блудного сына» и «Демон и Тамара». Тетя Леля — двоюродная сестра матери Поленовых Е. К. Корсакова, рожденная Бороздина, постоянно жившая в Париже.

46. Под «обращением» В. Д. Хрущовой подразумевается ее отход от патриархальных настроений родителей и мужа и, как Поленову казалось, сочувствие его прогрессивным взглядам.

47. Задуманная Поленовым картина «Демон и Тамара» или «Дух познания».

48. Картина не была осуществлена.

49. Имеется в виду выставка Общества выставок художественных произведений.

50. Музыка А. С. Даргомыжского.

51. О задуманной картине «Демон и Тамара» Поленов сообщал: «Когда встречали у Боголюбова Новый, 1876 год, я ставил живую картину «Демон и Тамара». Демона изображал мой приятель Шиндлер, а Тамару — Зоя Григорьевна Ге (племянница художника). Всем это так понравилось, что мне посоветовали написать картину» (из записей сына художника. Архив Поленовых). Ее содержание рассказывается в подчеркнутых В. Д. Поленовым словах: «*Дух познания и свободы*» и в переделках стиха Лермонтова: вместо «бич *рабов моих* земных» — «бич *властителей* земных» и вместо «я *зло* природы» — «я *жизнь* природы».

52. Картина Поленова «Одалиска» не была на выставке Салона 1876 г., она выставлялась в Петербурге в Академии художеств осенью 1876 г. Впоследствии принадлежала московскому коллекционеру картин И. Е. Цветкову.

53. В. Д. Поленов имеет в виду трехтомный труд отца «Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения нового уложения». I, II и III части. Спб., 1871 и 1875.

54. Какие русские сюжеты имеет в виду Поленов, точно неизвестно. В 1876 г. им начата жанровая картина из олонецкого крестьянского быта «Семейное горе» (возвращение из города в деревню обманутой девушки с грудным ребенком). Картина в незаконченном виде находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова. В 1877 г. в письме из Чугуева от 9 февраля Репин упоминает о задуманной В. Д. Поленовым картине из русской истории, которую называет «Постриженье негодной царевны». Картина не осуществлена.

55. Речь идет о заказе иконостаса для румынской церкви в Париже. 19 октября 1875 г. М. А. Поленова писала Чижову: «Вася пишет, что он кончил образа, заказанные ему для какой-то румынской церкви. Вера пишет, что ангелы, которых он написал, очень хороши» (Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина).

12 декабря 1875 г. Репин писал Стасову: «Поленов с Шиндлером написали иконостас для румынской церкви. Художники очень хвалили и поздравляли с успехом авторов, а священники и православные прихожане забраковали почти и приняли только с поправками (глупейшими)».

56. О приезде Крамского в Париж Репин писал Стасову 24 мая 1876 г.: «Несколько дней уже Крамской здесь: споры, расспросы, разговоры без конца; вчера после Лувра сделали большую прогулку в S-t Cloud [Сен Клу]: (Полен[ов], Васнец[ов], Крамск[ой] и я). Обедать вернулись к нам.. Сегодня опять всей компанией были в Салоне» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.—Л., 1948).

57. О занятиях пенсионеров керамикой Репин сообщал в письмах к Стасову 27 января / 8 февраля 1876 г.: «Мы теперь все керамикой занимаемся, пишем [на] лаве и на блюдах; занятно очень, красиво может выходить, а главное, ведь какая прочность после обжога в огне; вот чудесно применить бы к наружной живописи и к живописи в местах, где она скоро портится и где ее заменяют мозаикой. А ведь на лаве может написать хороший художник живо, легко и грациозно. Прелестнейший способ! Помните ли Вы тарелки и блюда в магазине Deck [Дэк] против grand Opera [Большого оперного театра] работы Anker [Анкера]? Что это за прелесть! Вообразите себе целый фриз, расписанный подобным образом! Здесь два года уже работает один русский художник Егоров (сын знаменит[ого]) и технику этого дела знает; жена его тоже работает. Боголюбов очень увлекался этим делом, написал уже много блюд, из которых несколько вещей чудесных вышло. Теперь он бьется изо всех сил и хочет добиться, чтобы керамикой вытеснить совсем мозаику. Керамический способ скор и легок, как фреска, и потому он не будет так дорого стоить; да притом же это будут оригиналы, а не копии, как всегда в тяжелой мозаике.. Егоров все хлопочет о том, чтобы добыть двух-трех молодых мужичков и обучить их сему искусству здесь; тогда, приехав в свои деревни, где они занимаются подобным производством, они поучили бы своих собратий, да и привезли бы образцов хорошего вкуса..» Через Репина Стасов передал керамический заказ от директора Школы поощрения художеств Д. В. Григоровича в кружок любителей-керамистов. 25 мая 1876 г. Репин сообщал Стасову: «Поручение Ваше насчет керамики исполняется. Пришлются самые удачные вещи; участвующие: Поленов, Савицкий, Боголюбов и я; если хотите, можно еще кое-кого пригласить».

8/20 июня 1876 г.: «Вещи для Григоровича уже сделаны. Уведомьте поскорее, куда их адресовать. Вещи след[ующие]:

1. Боголюбов — «Пейзаж с деревьями» — 100 р.
2. Поленов — «Русский всадник XVII в.» — 100 р.
3. Репин — «Иванушка дурачок» — 100 р.
4. Савицкий — «Мальчики-рыболовы» — 100 р.
5. Дмитриев — «Женская головка» — 100 р.

58. Поленов, очевидно, забыл купить рисунки, о которых просил его Чижов, или оставил их в Париже и обратился к Крамскому с просьбой выручить его из неловкого положения и прислать рисунки в Петербург.

59. Под словами «сфотографировал мужичка» Поленов подразумевает написанный им с натуры портрет олонецкого сказителя былин Никиты Богданова (1876, ГТГ).

60. О В. М. Васнецове Поленов рассказывал в воспоминаниях, записанных его сыном: «В Академии было много мастерских, где работали кончающие Академию художники. В мое время было очень свободно. Я зашел к кому-то в мастерскую, где был Крамской, он сказал: «Вы не знакомы с художником Васнецовым, который показывает привезенные им работы. Идите, я Вас познакомлю». Васнецов был моложе меня. Он в то время был очень либерален.. У него произошли неприятности, и Владимир выгнал его из Академии. Я был тогда в Париже, вызвал его к себе, помог ему материально, он работал у меня в мастерской, написал эскиз к «Трем богатырям» и подарил мне. Тогда я не взял этого эскиза и сказал ему, чтобы он написал картину, которая теперь в Третьяковской галерее, много позже он мне подарил эскиз» (Музей-усадьба В. Д. Поленова). «Когда мы поселились в Москве, мы с Репиным и Васнецовым проводили все время вместе» (Архив Поленовых).

61. Неоконченная картина В. М. Васнецова «Балаган» находится в ГТГ.

Глава VIII

1. В сентябре 1876 года В. Д. Поленов находился в Сербии в добровольческой армии генерала М. Г. Черняева.

2. В 1858 г. кружком московских славянофилов с М. П. Погодиным во главе был учрежден в Москве Славянский благотворительный комитет, на средства которого в 1876 г. были отправлены на театр военных действий санитарный отряд и отряд добровольцев, а сербскому правительству выдана ссуда в 130 000 рублей.

3. Та́ковский крест (Орден Та́кова) — сербский золотой орден с надписью «За веру, князи и отечество», учрежденный в 1815 г.

4. Ниш — город в Сербии на реке Нишаве. Крепость в 1876 г., занятая турками.

5. Записки В. Д. Поленова «Дневник русского добровольца» были напечатаны в журнале «Пчела» (1877, № 9 и 10).

6. За участие в кавалерийской атаке Поленов 3 ноября 1876 г. был награжден воеводой Маш Врбица черногорской медалью «За храбрость». 12 ноября он получил нагрудный Та́ковский крест. 15 ноября начальник кавалерии полковник Андреев дал Поленову свидетельство о храбрости в боях 7, 8, 9 октября.

7. Репин поздравляет В. Д. Поленова с получением звания академика и с боевыми наградами.

8. Репин получил в 1876 г. звание академика за пенсионерскую работу «Садко».

9. Рецензии о пенсионерских работах русских художников, упоминаемые Репиным — «Русский мир», 12 и 19 ноября 1876, №№ 280, 287. Дм. Ст. (Д. И. Стахеев): «Пчела», 21 ноября 1876, № 45. Профан (А. В. Прахов): «Голос», 1 декабря 1876, № 332; Эм. (А. М. Матушинский) — послужили материалом, на котором Стасов построил статью «Прискорбные эстетики» в «Новом времени» 8 января 1877, № 310 (перепечатана в сборниках его статей, 1894, 1952).В «Петербургских ведомостях» рецензий о выставке не было.

В статье от 19 февраля 1876 г. («Русский мир», № 287) Д. И. Стахеев, сравнивая работы Репина с работами Поленова, отдает предпочтение последнему: «Г[осподин] Поленов до сих пор не написал ни одной картины, но едва ли мы ошибемся, если скажем, что такое осторожное отношение к своему делу ничуть не ставит талант г[осподина]Поленова ниже таланта его бойкого и смелого товарища.. Г[осподин] Поленов.. только через два года после выезда за границу решился написать картину. Она была выставлена в Академии в мае 1875 г.. Сюжет ее «Арест г[оспожи] Колиньи». В этой картине столько мысли, столько душевной глубины.. Мы смеем высказать, что работы г[осподина] Поленова заслуживают внимания вовсе не по их сюжетам и не по размерам полотна, исписанного художником, а по их достоинствам внутренним и необычайной жизненности, правде, силе и красоте каждого этюда, каждой маленькой вещицы.. Мы не говорим уже о его портретах, напоминающих во многом портреты Ван Дейка..».

10. Репиным в Чугуеве была написана картина «Возвращение солдата на родину» или «Вернулся» (1877, ГРМ).

11. Очевидно, имеется в виду картина Семирадского «Светочи христианства» (1877, ГРМ).

12. Стасов подразумевает написанную Поленовым в Париже картину «Забава Цезаря» (1876).

13. Имеется в виду статья А. В. Прахова («Пчела», № 46, 28 ноября 1876), в которой тот противополагает, по его мнению, «женственное» творчество Поленова «мужественному творчеству Репина».. «Из четырнадцати названных произведений девять посвящены прекрасному полу. Вы видите перед собою целый живописный сераль столь разнообразного состава, что его обладателю мог бы позавидовать сам падишах.. Г[осподин] Репин — это чисто мужественный тип в искусстве.. Г[осподин] Поленов, наоборот, женственный тип в искусстве; натура, в которой Франция и чувство преобладают над сознанием.. Как хотите, а сладострастие и свирепость — два чувства, служащие темами для картин в роде Le droit du Seigneur («Право господина») и «Христианка в цирке» («Забава Цезаря»)—не могут быть причислены к числу возвышающих и освобождающих»..

14. Стасов, считавший себя вправе высказывать свое мнение прямо и резко, был недоволен и огорчен письмами Поленова. Репин получил от него в Чугуев письмо, «насквозь пропитанное великой хандрой и желчью». Когда Поленов уехал в Москву, Стасов 27 апреля 1877 г. писал Репину: «Поленов так и сгинул с тех пор, как написал и насказал мне целую кучу дряни и вздора» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.— Л., 1949).

Отношение Стасова к Поленову в основном не изменилось на протяжении всего его творческого пути. Написав статью, посвященную творчеству Е. Д. Поленовой в 1899 г., когда лучшие произведения Поленова—«Московский дворик» и «Бабушкин сад»—уже в течение двадцати лет являлись красой и гордостью Третьяковской галереи, Стасов продолжал утверждать, что «Поленову еще менее (чем Репину) была нужна Москва, так как у него национальной жилки вовсе не было и свои прекрасные, столько во многом замечательные произведения он без затруднения мог бы отлично исполнить где угодно, помимо всякой Москвы» («Искусство и художественная промышленность», 1899, XIII).

25 июня 1896 г. Стасов писал П. М. Третьякову: «В галерее Вашей немало нового и хорошего.. А все-таки вот чего еще вовсе нет:.. Акварелей Е. Дм. Поленовой (они отличные и притом по творчеству «русских сказок» она гораздо сильнее и важнее, чем все картины ее брата») — («П. М. Третьяков и В. В. Стасов. Переписка». М.— Л., 1949).

15. Все названные В. В. Стасовым работы были выставлены Поленовым на Осенней академической выставке 1876 г.

16. Речь идет о счете от комиссионера картин К. Беггрова (Невский 4), с которым Репин имел дела по продаже картин.

17. Имеется в виду статья Стасова «Прискорбные эстетики».

18. Поленов, вернувшись с фронта, делал рисунки для «Пчелы». В номерах журнала за 1877 г. были помещены следующие его рисунки: № 3 — сербские конники у водопоя, № 5 — из альбома русского добровольца в Сербии — 1. Вид г. Парачина. Недостроенный собор, площадь, церковь, конак (дворец). 2. Мост через приток Моравы. № 8 — Виды и типы Сербии — 1. Белград с восточной стороны. 2. Кола (повозка) красного креста. 3. Внутренность госпиталя. 4. На пароходе из Белграда в Смедерево. 5. Каюта. 6. Старая крепость в Смедереве. 7. Бегунцы из-под Зайчара. № 10 — Пряха. № 23—1. Главная квартира Черняева. 2. Походная церковь в Делиграде, присланная московским Славянским комитетом. 3. Долина Моравы перед Делиградом. Батарея князя Милана. № 44 — Болгарские отцы и дети: 1. Отцы (головы на кольях). 2. Дети (беспризорные бегунцы). № 46 — На бивуаках за Дунаем (два рисунка). № 47 — За Дунаем: первое знакомство с гранатой. № 50—1. Тыл сербской армии. 2. За Дунаем в цепи. Кроме этих рисунков, в № 5 «Пчелы» того же года репродуцирована картина Поленова «Герцеговинка в засаде»

(1876, Академическая выставка) и в № 11 «Одалиска» (та же выставка).

19. Художник Н. А. Мурашко, академический товарищ Поленова и Репина, в семидесятых годах организовал в Киеве художественную школу. Товарищи давали ему свои работы для постоянной выставки при школе.

20. Речь идет о картине Поленова «Герцеговинка в засаде», написанной в мае 1876 г. в парижской мастерской на улице Бланш, 72. Картина изображает вооруженную девушку в костюме южных славян на фоне горного пейзажа. Написана до поездки Поленова на Балканы, выставлена на отчетной академической выставке осенью 1876 г.

21. Репин имеет в виду фельетон А. В. Прахова, напечатанный в № 2 «Пчелы» (9 января 1877) под заглавием «В первый и в последний. Из записок Профана. Посвящается художественному критику В. С.».

22. Задумав картину с интерьером из русской истории, Поленов в 1877 году написал ряд превосходных интерьерных этюдов теремов и соборов Московского Кремля (ГТГ). Картина, упоминаемая Репиным, не была написана.

23. Речь идет о картине «Право господина», купленной П. М. Третьяковым. Поленов благодарит за разрешение выставить ее на своей отчетной выставке 1876 г. в Академии художеств.

24. 22 апреля 1876 г. М. А. Поленова писала сыну из Петербурга: «Павел Петрович Чистяков выставил в Академии художеств новую свою картину «Русский боярин». Ах, Вася, что за великолепная вещь. Я говорю: Да это Рембрандт, а Лиля говорит: «Нет, лучше!» Я такой прелести не ожидала, признаюсь, я Павлу Петровичу это откровенно сказала»..

25. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

26. Относительно картины «Демон и Тамара» или «Дух познания», Поленов говорил сыну: «Она вышла настолько темна, что кто-то, кажется Боголюбов, сказал, что после пенсионерства неудобно выступать с такой темной вещью, и так она осталась ни разу не выставленной» (из записей Д. В. Поленова. Архив Поленовых). Очевидно, мнение, высказанное Чижовым, а не Боголюбовым, все же расхолодило Поленова — картина «Демон и Тамара» осталась неоконченной.

27. В письме, которому Поленов придал шуточный тон, речь идет о его картине «Стрекоза», написанной в Париже в 1875 г. с натурщицы Бланш Ормье. Картина куплена С. И. Мамонтовым как свадебный подарок Е. В. Якунчиковой и В. Г. Сапожникову (брат жены Мамонтова).

28. Юрий Ильич Репин.

29. Картина Семирадского «Светочи христианства» выставлялась на академической выставке 1877 г.

30. См. примечания 33 и 34, глава VI.

31. В доме Баумгартен на углу Трубниковского и Дурновского пер. В. Д. Поленов вместе с товарищем Р. С. Левицким прожил около года — до лета 1878 г. Здесь написаны «Московский дворик» и «Бабушкин сад».

Глава IX

1. Имеется в виду квартира в доме Баумгартен. Из окна этой квартиры написан «Московский дворик». «Я ходил искать квартиру. Увидал на двери записку, зашел посмотреть и прямо из окна мне представился этот вид. Я тут же сел и написал его» (из записей сына художника). Этюд, с которого написана картина «Московский дворик», находится в ГТГ.

2. Летом 1877 г. на даче под Киевом близ деревни Петрушки Поленов написал этюды к картинам «Заросший пруд» и «Летнее утро» (болото с лягушками). Раф — Р. С. Левицкий.

3. С певицей М. Н. Климентовой Поленов встретился 31 августа 1877 г. в дороге, на станции Орел. Поленов возвращался от родителей из деревни Петрушки Киевской губ. Климентова ехала из Воронежа в Москву поступать в консерваторию.

4. Ольшанка — имение Л. А. Воейкова в Тамбовской губернии — неоднократно посещалась В. Д. и Е. Д. Поленовыми, писавшими там этюды маслом и акварелью. В семидесятых годах старый деревянный дом пришел в ветхость. Постройка нового дома в русском стиле была навеяна вошедшими в моду в семидесятых годах псевдорусскими постройками архитекторов В. А. Гартмана, И. П. Ропета и др.

5. В. Д. Поленов пробыл в Москве несколько дней, в течение которых Репин написал его портрет (1877, ГТГ). 24 декабря 1905 г. Репин писал И. С. Остроухову: «Мне очень нравится идея портретов художников времени Павла Михайловича [Третьякова]. Позвольте мне преподнести портрет Поленова в эту коллекцию. Поленов написан мною в последний день, накануне отъезда его на войну в Болгарию — портрет-набросок». («И. Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям», М., 1952).

6. Имеется в виду «Госпиталь круглой башни», где работали сестры Поленовы.

7. Рущукский отряд — левофланговый отряд русской армии в сорок пять тысяч человек, которому после переправы русской армии через Дунай (15 июня 1877 г. у Зимницы), было поручено овладеть турецкой крепостью Рущук. Начальником отряда был наследник (Александр III).

8. В семидесятых годах Поленов писал этюды на дощечках, в последующих путешествиях замененных более портативными кусочками холста, которые по возвращении наклеивались на картон.

9. Юрий Арсеньев. «Дневник моряка на Дунае и в сухопутном походе на Балканы. 1877—1878 гг.» Изд. Киевского отдела Русского военно-исторического общества.

10. «Слезы»— стихотворение Ф. И. Тютчева.

Глава X

1. Речь идет о картине «Арест гугенотки», которую администрация Академии художеств не разрешила выставить на Передвижной выставке 1875 г.

2. Подразумевается наследник (Александр III).

3. Ошибка: В. Д. Поленов не имел никакого придворного звания.

4. Картина «Московский дворик».

5. Этюд к «Московскому дворику» написан в июне 1877 г. Так как каталоги передвижных выставок печатались в Петербурге, картина «Московский дворик» (1878) не вошла в каталог VI Передвижной выставки, открывшейся в Москве 7 мая 1878 г. Картина и этюд находятся в ГТГ.

6. «Рыбачки»— картина «Удильщики», выставленная в Петербурге в 1879 г.

7. Как видно из последующих писем, Поленов тяготился заказными баталистическими работами для наследника и сдал их только в 1883 г. Опасаясь не удовлетворить заказчика, Поленов был рад, когда картины были приняты и чуждая ему работа окончена. В июле 1883 г. Н. В. Поленова, жена художника, писала Е. Д. Поленовой: «Как-то страшно было, что останутся на руках эти картины, а кому они нужны, да и самому Василию противны». Родителей, видимо, тревожило такое отношение к делу, в котором они видели залог будущей художественной карьеры сына под покровительством верховной власти. И мать и отец торопили его с выполнением и сдачей заказа.

8. Чистяков благодарит Поленова и Левицкого за оказанное ему гостеприимство в их московской квартире в Дурновском переулке.

9. Подразумевается «Московский дворик».

10. Чистяков в течение ряда лет работал над картиной «Мессалина», начатой в Риме в период пенсионерства. Картина осталась неоконченной.

11. Подразумевается картина А. К. Саврасова «Радуга» (1875), купленная Репиным для Д. В. Стасова, находится в ГРМ.

12. Чистяков, очевидно, просит передать поклон певице М. Н. Климентовой, которая бывала у художников в Дурновском пер. и увлекала их талантливым исполнением романсов Шуберта, Шумана, Чайковского...

13. Речь идет о картине «Московский дворик».

14. Поленов вместе с Левицким прожил во флигеле дома Олсуфьева на Девичьем поле четыре года — с 20 июля 1878 г. до осени 1881 г. Огромный сад дома Олсуфьевых, спускавшийся к Москве-реке, примыкал к саду дома, в 1882 г. купленного Л. Н. Толстым в Хамовниках. Толстые общались с Олсуфьевыми через калитку в заборе смежных садов. В годы, проведенные Поленовым в доме Олсуфьева, Толстые еще не были его соседями. Репин также жил у Девичьего поля в Теплом переулке. Жизнь художников в Москве, как и в Париже, проходила в постоянном общении: «Я все езжу и хожу пешком по окрестностям Москвы (в компании с Поленов[ым] и Левицким, а иногда и Васнецов). Какие места на Москве-реке! Какие древности еще хранятся в монастырях, особенно в Троице-Сергии и Саввинском» (И. Е. Репин — В. В. Стасову. 9 июля [18]78 г. «Переписка». М.— Л., 1949).

15. Речь идет о батальных картинах русско-турецкой войны.

16. Поленовы отзывчиво относились к нуждам деревни. В. Д. Хрущова с сестрой организовали школу, в которой Е. Д. Поленова работала с девятнадцатилетнего возраста. В 1878 г., после турецкой войны, сестры устроили амбулаторию, оказывали первую помощь больным и лечили гомеопатией.

17. Речь идет о биографическом очерке И. П. Хрущова «Очерки жизни и деятельности Д. В. Поленова» (Спб., 1879) с гравюрным портретом работы В. А. Боброва. Гравюра дома в Имоченцах не вошла в издание. Пробный оттиск находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

18. Речь идет о рисунке Крамского для «Альбома русских художников», изданного С. И. Мамонтовым в 1880 г. Название рисунка «Встреча войск»: дети и кормилица с грудным ребенком смотрят в окно, на переднем плане в кресле плачущая женщина в трауре. Личное горе Крамских, переживавших смерть ребенка, выразилось в рисунке и произвело на друзей художника то впечатление, о котором пишет Поленов. Крамской понял это и в следующем письме к Поленову благодарит «за участие». В указанном «Альбоме» воспроизведены рисунки: В. Васнецова, Куинджи, Левицкого, В. Маковского, Поленова, Репина, Шишкина, Ярошенко.

19. Упоминаемая картина Крамского «Ночь» выставлялась в 1880 г.

20. На Передвижной выставке 1879 г. были выставлены картины: А. И. Куинджи «Березовая роща», «После дождя» и «Север»; В. Е. Маковский «Осужденный», И. Е. Репин — «Царевна Софья», которую Крамской сравнивал с «тигрицей в клетке»; В. Д. Поленов «Удильщики» (картина написана в Имоченцах на реке Ояти. Продана с выставки Матвееву), «Лето» (картина написана по этюду, сделанному в 1877 г. в деревне Петрушки Киевской губернии. Куплена коллекционером Д. П. Боткиным), «Бабушкин сад» (фигура молодой женщины в розовом — В. Д. Хрущова. Сохранился рисунок этой фигуры с надписью: «Вера», сделанной рукой художника. Картина куплена С. М. Третьяковым. Находится в ГТГ).

В Москве Поленов выставил: «Бабушкин сад», «Заросший пруд» 1880, ГТГ) — картина написана по этюду 1877 г., сделанному в деревне Петрушки; «Речка», «Летнее утро» (неизвестно, новая ли это картина или то же «Лето»— плотик с лягушками, которая была в Петербурге).

На общем собрании 1879 г. Поленов был единогласно избран членом Товарищества передвижных выставок, участвовал впервые в 1878 г. в Москве картиной «Московский дворик» и ежегодно в течение сорока лет до последней выставки в 1923 г.

21. Подразумевается картина Репина «Правительница, царевна Софья Алексеевна, через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги, 1698 г.» (1879, ГТГ).

Глава XI

1. Портрет был написан Поленовым и подарен М. Н. Климентовой.

2. Е. Д. Поленова с 1879 г. работала в акварельном и керамическом классе в Школе поощрения художеств, директором которой был Д. В. Григорович.

3. Под словом «приютик» подразумевается школа для девочек при Литейно-Таврическом кружке Общества вспоможения бедным женщинам, где по инициативе Е. Д. Поленовой были учреждены профессиональные мастерские.

4. Речь идет о дебюте М. Н. Климентовой в роли Маргариты в опере Гуно «Фауст» в Большом театре.

5. Поленов подарил Тургеневу повторение первого этюда к картине «Московский дворик».

6. Упоминаемый Хрущовым вариант картины Поленова «Больная» находится в Музее латышского и русского искусства в Риге.

7. «Западник» — западный ветер, благоприятный для парусных прогулок.

8. Оратория к драме А. Н. Майкова «Два мира» была написана под впечатлением постановки ее на домашней сцене у Мамонтовых в Москве в 1879 г. Поленов играл главную роль — Деция — римского патриция, роль Лиды исполняла Е. Г. Мамонтова. Пьеса Майкова шла в постановке Поленова, с его музыкальными добавлениями (песни первых христиан за сценой и др.).

9. Речь идет об отчете А. Д. Поленова по командировке на Мурманский берег в 1876 г. и его очерке «Рыбачий полуостров» (Спб., 1875).

10. И. П. Хрущов работал над очерком «К истории русских почт. Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II» (Спб., 1884).

11. В. Д. Хрущова работала над историческим романом «Князь Курбский». Работа осталась неоконченной.

12. Речь идет о проекте фона с архитектурным мотивом для статуи Антокольского «Христос перед судом народа» в кабинете С. И. Мамонтова на Спасской-Садовой. Статуя Антокольского, принадлежавшая С. И. Мамонтову, была послана в Париж на Всемирную выставку 1878 г., где Антокольский получил за нее орден Почетного легиона. Об этом событии Стасов поспешил сообщить Репину, который писал ему 24 мая 1878 г.: «Вчера по прочтении Вашего.. письма сейчас же отправился к Поленову, сообщил ему о торжестве Антоколя, и он ужасно обрадовался; весь вечер об нем мы говорили (тут же и Рафа Левицкий), выкопали фотографии со всей последней европейской скульптуры и решили единогласно, что Антоколь действительно лучший скульптор в нашем новом искусстве». Статуя Антокольского до 1899 г. находилась в кабинете Мамонтова, в данное время — в ГТГ.

13. Имение Мамонтовых Абрамцево с 1844 г. принадлежало С. Т. Аксакову, написавшему там «Детские годы Багрова внука» и «Семейную хронику», после смерти С. Т. Аксакова в 1870 г. было куплено С. И. и Е. Г. Мамонтовыми, постепенно обратившими его в культурный поселок со школой, амбулаторией, столярно-резчицкой и гончарной мастерской. Абрамцево сделалось любимым местопребыванием Поленова, В Васнецова, Репина, Сурикова, Нестерова, Остроухова, Серова, Е. Поленовой, К. Коровина, Врубеля и др., писавших там этюды и картины в приспособленных для них С. И. Мамонтовым мастерских. Поленов впервые попал в Абрамцево в 1873 г. и был его постоянным гостем в 1870—1880-х гг. В Абрамцеве он написал ряд пейзажей; кроме того, он принимал участие в театральных постановках, бывших в Абрамцеве, и в разработке проекта церкви, построенной Мамонтовым в 1882 г. в абрамцевском парке.

14. Основной причиной удрученного состояния Поленова в начале восьмидесятых годов была неудовлетворенность своей художественной работой. Сам Поленов и окружающие друзья не придавали большого значения тем работам художника, которые вошли впоследствии в золотой фонд русского искусства.

15. Мамонтог вылепил бюст Васнецова, Репин — Мамонтова. Васнецов — Репина. Художники работали одновременно в мастерской Мамонтова в Абрамцеве летом 1880 г.

16. Речь идет о предполагавшейся в 1880 г. Всероссийской выставке «25 лет русского искусства» (1855—1880), распорядителем которой был М. П. Боткин. Выставка состоялась лишь в июле 1882 г. на Ходынском поле под названием «Всероссийская промышленно-художественная выставка».

«Товарищество добилось своего — оно имеет отдельный зал на Всероссийской выставке, третий, последний от входа. Большой — двенадцать

саженей длины и восемь саженей ширины» (И. Н. Крамской — И. Е. Репину. 28 октября 1880 г. «Переписка». М.— Л., 1949). В окончательном распределении выставочных экспонатов передвижникам, видимо, не удалось отстоять себе отдельный зал, картины их вперемежку с картинами «академического» направления были распределены по всем залам русской живописи. Поленов участвовал на выставке следующими картинами:

1. Болгарская деревня «Брестовац» (1878). 2. Летнее утро (1878). 3. Бабушкин сад (1878). 4. Христос воскрешает дочь Иаира (1871). 5. Черногорец (1877). 6. Цесарская забава (1879). 7. Заросший пруд (1879). 8. Лето красное пропела (1875). 9. Пейзаж — Мельница (1878). 10. Арест гугенотки (1875).

17. Из портретов и́моченских крестьян, написанных Поленовым, сохранились: портрет сказителя былин Никиты Богоданова (1876, ГТГ); голова белокурого мальчика с надписью Поленова на обороте: «Вахрамей» (1878); детская головка с надписью на обороте: «Ванька с Окуловой горы» (1880) и этюд головы Никиты Богоданова. В 1880 г. сделаны также семь миниатюрных рисунков «Имоченские мужики» из деревень Окулова гора, Бор и Остров.

18. Пьеса С. И. Мамонтова «Иосиф» написана на сюжет библейской легенды об Иосифе, проданном братьями в Египет. Мамонтовские спектакли, создавшие эпоху в истории русского театра, начались с живых картин, поставленных Поленовым и А. В. Праховым под Новый год (31 декабря 1878 г.) в московском доме Мамонтовых на Спасской-Садовой. Поленов повторил свои парижские постановки боголюбовского кружка, живые картины: «Демон и Тамара», «Русалка», «Апофеоз искусств». А. В. Прахов поставил живую картину и комическую пантомиму «Юдифь и Олоферн». Олоферна изображал К. С. Алексеев (Станиславский).

Дальнейшее участие Поленова в мамонтовских спектаклях выразилось в следующем: 29 декабря 1879 г. в Москве им поставлена трагедия Майкова «Два мира», в которой он играл римского патриция Деция. 28 декабря 1880 г. шла постановка детской пьесы С. И. Мамонтова «Иосиф» в декорациях Поленова (повторена 8 января 1881 г., 4 января 1885, 1 августа 1889). 24 июня 1881 г. (в Абрамцеве) — пьеса С. И. Мамонтова «Каморра» в декорациях Поленова, который участвовал в роли Джеронимо. 23 августа 1882 г. (в Абрамцеве) — «Камоэнс», пьеса Жуковского в декорациях Поленова. Поленов исполнял роль Камоэнса. Во втором отделении вечера был поставлен III акт оперы Гуно «Фауст», декорации и костюмы Поленова. 16 января 1883 г. (в Москве) шла пьеса-сказка С. И. Мамонтова «Алая роза» в декорациях Поленова. Поленов исполнял роль мавра Бен-Саида. 6 января 1894 г. Поленов участвовал в первом отделении вечера живой картиной «Христианские мученики». Мамонтовские спектакли, начавшиеся в 1878 г., продолжались до 1897 г.

Работа мамонтовского кружка зафиксирована в альбоме «Хроника нашего художественного кружка» (М., 1894): издание А. И. Мамонтова, текст пьес С. И. и С. С. Мамонтовых, репродукции эскизов к декорациям и костюмам художников: Поленова, Васнецова, Серова, Врубеля и др. Альбом издан к пятнадцатилетнему юбилею кружка.

19. Поленов подразумевает московское «Общество любителей художеств», устраивавшее «Периодические выставки». «Общество поощрения художеств» было в Петербурге.

20. Под впечатлением болезни и смерти сестры Поленов написал вариант картины «Больная», который находится в ГТГ и датируется 1886 г. Композиция изменена в сравнении с первым вариантом. Возле больной (у изголовья) не молодая подруга, а пожилая женщина, няня или мать, скорбно склонившая голову; в лице умирающей больше сходства с В. Д. Хрущовой. Поленов писал «Больную» в 1881 г., но выставил на Передвижной только в 1886 г.

Глава XII

1. Письма В. Д. Поленова вызывают отрицательное отношение к М. Н. Климентовой, которая представляется бессердечной кокеткой, играющей искренним чувством. Из отзывов и воспоминаний некоторых ее современниц возникает более сложный психологический образ. Актриса Малого театра Н. А. Смирнова рассказала о ней следующее: «Помню женщину с лицом не то японки, не то кореянки, с широкими скулами, с небольшими черными, приподнятыми в углах, глазами. Цвет лица у нее был очень смуглый, волосы очень черные, глянцевитые, причесанные кверху, что увеличивало сходство с японкой. Мне было двадцать лет, я была на первом курсе драматической школы. Помню летний вечер на даче в Царицыне. Игра в карты кончена, и Марию Николаевну просят петь. Она редко отказывалась, потому что любила петь под аккомпанемент моей сестры. У рояля при первых аккордах аккомпанемента к романсам Шуберта, которые особенно памятны мне, лицо ее преображалось. Она пела необыкновенно выразительно, с большой теплотой и темпераментом. До сих пор звучит у меня «Орешник» и «Весна» в ее исполнении. Из романсов Чайковского, которые она пела совсем в другой манере, чем Шуберта, пела поэтично и нежно, пела русскую весну, русскую любовь,— особенно памятны романсы «Уж гасли в комнатах огни» (после я никогда ни от кого не слыхала такого исполнения) или «То было раннею весной» — уж никогда больше этот романс не производил на меня такого впечатления. За эти минуты художественных радостей была я благодарна Марии Николаевне, преклонялась перед ее талантом. Я шла на другой день к ней

на дачу, чтобы поговорить об ее искусстве, но дома она была какая-то неуютная, словно чужая, в громадных комнатах, к которым так подходила величественная фигура ее красавца мужа Сергея Андреевича Муромцева. Она в его присутствии была какая-то неестественная, как будто робела перед ним. Я тогда не понимала в чем дело, а потом уже много позже мне рассказывали, что он женился на ней, чтобы поддержать ее после какой-то тяжело ранившей ее любовной истории, в которой было замешано очень крупное имя в музыкальном мире» (из записей Н. А. Смирновой. 27 января 1951). Когда В. Д. Поленов вернулся с Востока, М. Н. Климентова была замужем за С. А. Муромцевым. По отзывам служившей с ней в Большом театре в восьмидесятых и девяностых годах певицы Н. В. Салиной, М. Н. Климентова производила впечатление человека травмированного, со странностями: она пила, курила и со страстью играла в карты тайно от мужа, в жизни с которым не была счастлива.

В. Д. Поленов не сохранил в своем архиве документов, которые могли бы пролить свет на личность М. Н. Климентовой. Очевидно, он уничтожил ее письма, когда пути их безвозвратно разошлись и он отдал свое чувство другой женщине, своей жене. Сохранилось несколько деловых писем Муромцевой, написанных в девяностых годах, телеграмма 1887 г.: поздравление с успехом картины «Христос и грешница» и пожелание продолжать идти по пути «гения и славы», а также письмо от 23 мая 1914 г., написанное к семидесятилетию В. Д. Поленова: «Рыцарь красоты!» Какое славное наименование дал Вам С. Мамонтов. Я узнала, что Вы предпочли уйти от всяких чествований и не решилась поэтому посылать Вам обычные в таких случаях поздравления; но эти два слова возбудили во мне благодарные чувства к «рыцарю красоты», которого я знала во время беззаботной юности, когда красота скорее чувствуется, чем сознается. Вспоминая всех выдающихся людей, с которыми сталкивала меня судьба, я останавливаюсь на Вас, и мне хочется приветливо поклониться идеалу духовного аристократизма, черты которого, когда-то едва намеченные в моем сознании, теперь так тесно сливаются с Вашим образом.. Привет и лучшие пожелания этому славному образу! М. Муромцева».

М. Н. Климентова была первой исполнительницей Татьяны в первой постановке «Евгения Онегина» в 1879 г. в Московской консерватории. Чайковский положительно оценивал ее исполнение. М. Н. Климентова-Муромцева умерла в Париже в эмиграции. Письма В. Д. Поленова к ней, находящиеся в Центральном архиве литературы и искусства, переданы туда ее дочерью.

2. Подразумевается день первой встречи с М. Н. Климентовой на вокзале в Орле.

3. В Ассуане путешественники наняли «дахабие»— большую парусную лодку с каютами и спустились в ней по Нилу до Сиута (около 500 *км*),

откуда поездом вернулись в Каир. Путешествие на «дахабие» представляло то преимущество, что можно было делать остановки в любом месте и задерживаться смотря по надобности, что было особенно удобно для этюдной работы Поленова. Передвижение сильно замедлялось встречными северными ветрами, обычными в зимние месяцы в Египте. С. С. Абамелек-Лазарев писал в своих воспоминаниях: «Порывистые ветры все время задерживали нас. Утром было всего 3°, в каюте только 6°. Однако, несмотря на египетскую стужу, солнце сильно пекло, и как только ветер унимался, то сразу температура в тени поднималась с 10° до 15°. Впечатления, оставшиеся от путешествия на дахабие, можно резюмировать следующим образом: этот способ передвижения годится для людей, желающих провести два или три месяца на Ниле, жить в одном плавучем home [обиталище] и видеть страну, но не особенно пенять на погоду» (Архив древних актов).

Путешествие на «дахабие» началось 20 декабря 1881 г. и закончилось 15 января 1882 г. Расстояние между Каиром и Ассуаном — около тысячи километров. Сиут находится приблизительно на полпути.

4. Поленов вспоминает постановку пьесы С. И. Мамонтова «Иосиф» (28 декабря 1880).

5. Поленов подразумевает своего приятеля нубийского мальчика Джуму, который сопровождал его на этюды, помогал носить вещи и отгонял мух. Джума написан и нарисован Поленовым (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

О детях-нубийцах также с большой симпатией отзывается С. С. Абамелек-Лазарев: «Население прелестное. Нубийцы темнее кожею, чем арабы, с прелестными симпатичными лицами и приятным голосом, говорящие на своем мягком наречии. В особенности дети милы, каждый норовит сделаться вашим саисом, т. е. провожатым. Он несет ваше пальто, на каждой ступеньке в вершок помогает вам входить, поддерживая вас под локоть, очевидно, если вы сорветесь, то сомнете, т. к. ему всего 10—12 лет. Замечательно, что они, например, целый день с вами проведут без пищи и веселятся, как божьи птички. Смешливость, игривость необыкновенные. Все они знают много европейских слов, по большей части английских. Проведя три с половиной дня с ними посреди развалин, стало нам очень грустно их покидать» (Архив древних актов).

6. Акварели Е. Д. Поленовой, сделанные летом 1881 г. в Ольшанке и Анашке, были выставлены в 1882 г. на выставке акварелей в Школе поощрения художеств. В Музее-усадьбе В. Д. Поленова в комнате, посвященной творчеству Е. Д. Поленовой, находятся две акварели 1881 г.: «Баня в Ольшанке» и «Колодезь с журавлем».

7. Из Дамаска С. С. Абамелек-Лазарев с А. В. Праховым предприняли путешествие в глубь Аравии к развалинам Пальмиры. Путешествие описано в книге Абамелек-Лазарева «Пальмира» (СПб., 1884). Поленов

отделился от товарищей в Палестине, объездил и зарисовал те места, которые были нужны ему для задуманной картины «Христос и грешница» и дальнейшего цикла картин «Из жизни Христа». Из Палестины он направился в Сирию и съехался с путевыми товарищами в Баальбеке.

8. В Афинах спутники расстались: Прахов и Абамелек-Лазарев продолжали путешествие по Греции, Поленов через Константинополь уехал в Россию. В это пребывание в Греции написаны им этюды Акрополя под снегом (ГТГ). В дневнике Прахова 24 марта (ст. ст.) сделана запись: «Было очень злое весеннее утро, когда мы сегодня часов в семь сели в коляску, чтобы ехать на Марафонское поле». 28 марта: «Горы, запорошенные снегом, холодно синели на утреннем солнышке». На обратном пути в Константинополе написаны этюды В. Д. Поленова «Эски-Сарайский холм» (Музей-усадьба В. Д. Поленова) и внутренность храма Айя-София (ГТГ). В Москву Поленов вернулся 10 апреля (ст. ст.).

14 ноября 1912 г. Поленов в письме к Абамелек-Лазареву вспоминает совместное путешествие и своего дорожного спутника Прахова: «Мне так ярко вспомнились былые годы и наше чудное давнишнее путешествие по Востоку. Оно пронеслось передо мной как будто это было вчера! Я помню, как сначала все шло хорошо, мы как-то сразу попали из московской ноябрьской сырости и темноты в яркий свет и тепло древней Византии. Помню, как я написал с парохода несколько этюдов моря и гор, освещенных солнцем. Из них Троада до сих пор остается одним из любимых моих набросков.

После Сиры поднялась буря и вероятно сильная, потому что я, который прежде хорошо переносил качку, тут совсем сплоховал. Но как только подошли к Александрии, все как рукой сняло и начались чудеса! Египет, переполненный старинными диковинами. Сначала Гизех с пирамидами и сфинксом, потом Фивы, храмы, храмики, гробницы, острова, Элефантин, Филе, пороги и т. д... Потом пошла Палестина с ее величавыми воспоминаниями. Суровая Иудея, Иерусалим с его гробницами и великими сказаниями. Дальше Иудейская пустыня, Мертвое море, Иерихонская долина, зеленые берега Иордана. Потом Самария с ее поэтическим колодцем Иакова и развалинами классических портиков и дворцов. Наконец, красивая цветущая Галилея с ее чудным голубым озером, берега и воды которого слышали величайшие слова, сказанные на земле — изречения Христа!..

Под конец роскошный римский Баальбек, как таинственная загадка.. Расстались мы с Вами в Афинах.

Когда я переношусь в эти дни моей жизни, то всегда с благодарностью вспоминаю милого Адриана Викторовича, которому я был обязан этим путешествием..»

Воспоминания С. С. Абамелек-Лазарева публикуются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Глава I

1. Н. В. Якунчикова познакомилась с В. Д. Поленовым у своей двоюродной сестры Е. Г. Мамонтовой в 1878 году, когда он вернулся с фронта турецкой войны и окончательно поселился в Москве. Поленов в эти годы увлекался певицей Климентовой. За этим увлечением он не замечал полюбившую его Наташу Якунчикову, четырехлетние страдания и радости которой записаны в сохранившуюся маленькую «книжку для отметок замечаний каждого дня года» (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

2. В доме П. И. Толстого на Божедомке в Самарском переулке Поленовы прожили шесть лет — с осени 1882 до осени 1888 г.

3. Речь идет об акварельных этюдах Е. Д. Поленовой, написанных летом 1881 г. в Ольшанке и Анашке и выставленных на акварельной выставке в Школе поощрения художеств. Поленов из Египта писал матери: «Ужасно сильно они врезались мне в память. С наслаждением вспоминаю о них и о том времени, когда мы вместе с ней писали... Даже самому хочется попробовать учиться акварельному искусству» (12 января 1882). Репин в письме к Поленову передавал отзыв Чистякова об акварелях Е. Поленовой: «ее этюды акварелью сделают честь самому пресловутому мужчине художнику» (ноябрь 1882).

4. В Школе поощрения художеств Е. Д. Поленова работала в акварельном и в прикладном керамическом классе. В 1880 г. она была премирована медалью за керамическую пластинку «Пир у Иоанна Грозного» (по рисунку В. Г. Шварца) и командирована от Школы поощрения художеств к известному русскому керамисту Е. А. Егорову в Париж. Директор школы Д. В. Григорович предполагал под ее руководством открыть керамическое отделение при школе. Переезд в Москву помешал Е. Д. Поленовой осуществить это дело.

5. Периодические выставки устраивались в Московском Обществе любителей художеств на Малой Дмитровке, основанном в 1861 г. в целях: 1. Распространения искусства в России. 2. Помощи талантливым художникам (преимущественно по окончании школы). 3. Сближения любителей с художниками. Общество любителей художеств устраивало ежегодные Периодические выставки, аукционы, лотереи картин и конкурсы на премии. В переписках поленовского художественного круга упоминается сокращенно под названиями «Общество любителей» или «на Дмитровке».

6. 16 января 1883 г. в доме Мамонтовых в Москве была поставлена пьеса-сказка С. И. Мамонтова «Алая Роза», написанная на сюжет народной

сказки «Аленький цветочек», перенесенный в средневековую обстановку Испании. Декорации Поленова к этой пьесе составили эпоху в русском театральном искусстве. В речи, произнесенной на праздновании пятнадцатилетия мамонтовского художественного кружка в 1893 г., Васнецов характеризовал постановку «Алой Розы» следующими словами: «Сказка об «Алой Розе» — так оригинально рассказать и поэтически показать эту сказку на сцене!.. Разве можно забыть сцену в саду над умирающим чудовищем-принцем. Эта воскрешающая слезинка истинной любви — как она памятна. Исполать актрисе, да и не актрисе, а просто Соне Мамонтовой, племяннице дяди Саввы. А еще исполать и Поленову. Его декорации к «Алой Розе» — гениальные декорации, говорю это смело.. надо быть волшебником, чтобы перенести нас в эти сказочные дворцы и сады». Эскизы декораций находятся в Музее «Абрамцево», воспроизведены в «Хронике нашего художественного кружка» (1894). Е. Д. Поленова принимала участие в приготовлении костюмов к «Алой Розе» по рисункам брата. Поленов участвовал в спектакле в роли мавра Бен-Саида. Е. Д. Поленова познакомилась с Мамонтовыми в 1881 г. во время похорон сестры В. Д. Хрущовой.

7. Е. Д. Поленова исполняла керамическим способом иконы по заказам своего дяди Л. А. Воейкова для церкви и часовни в Ольшанке и по заказу компаньона С. И. Мамонтова по железнодорожному акционерному обществу, инженера-путейца В. А. Титова — для вокзала в Екатеринославе.

8. «Берёзы» — акварель Е. Д. Поленовой, подаренная ею П. Д. Антиповой. «Вороны на снегу» — акварель, написанная из окна дома П. И. Толстого.

9. Речь идет о коронации Александра III.

10. В. Д. и Н. В. Поленовы проводили лето 1883 г. в Абрамцеве в отдельном домике, за которым осталось название «Поленовского флигеля».

11. «Царская акварель» — одна из заказных работ для Александра III, в штабе которого Поленов был на Балканах во время русско-турецкой войны (1877—1878).

12. Под «царской историей» подразумевается сдача заказных картин из походной жизни штаба наследника (Александра III) на Балканах.

13. В письме к Поленову от 17 июля 1883 г. Репин описывает свое путешествие со Стасовым по Западной Европе (опубликовано в книге Е. В. Сахаровой «В. Д. Поленов». М., 1948 и 1950).

14. Е. Д. Поленова подразумевает историю своей первой любви, которая не принесла ей счастья.

15. Подразумевается отпуск из Училища живописи, ваяния и зодчества, где Поленов работал старшим преподавателем с 1882 по 1894 г. Во время поездки в Рим 1883—1884 гг. его заменял И. М. Прянишников.

Глава II

1. Подразумевается мастерская Поленова, жившего в Риме в 1873 г. в качестве пенсионера Академии художеств.

2. Из Вены Н. В. Поленова послала Е. Г. Мамонтовой письмо того же содержания, как Е. Д. Поленовой из Флоренции.

3. Под «каменным углем» С. И. Мамонтов подразумевает постройку подъездных путей к Донецкому бассейну, инициатива которой принадлежала ему.

4. С. И. Мамонтов при участии композитора Н. С. Кроткова поставил на своей домашней сцене в Москве оперу «Алая Роза», взяв за либретто свою пьесу «Алая Роза», сыгранную 16 января 1883 г., в постановке Поленова (7 января 1884).

5. «Поэт Сергей» — старший сын С. И. Мамонтова, писавший стихи для пьес отца.

6. Речь идет о портрете бабушки Поленовых В. Н. Воейковой, написанном Крамским в 1867 г. на уроке у Поленовых одновременно с Поленовым (оба портрета в Музее-усадьбе В. Д. Поленова). Портрет, купленный Поленовым, очевидно, был прислан ему Крамским из Петербурга в Москву (Поленов благодарит «за любезность»). Портрет В. Н. Воейковой Поленов считал одной из лучших работ Крамского.

7. Речь идет о картине Поленова «Христос и грешница», задуманной им в 1868 г. и оконченной в 1887 г. За период времени, прошедший между замыслом и окончанием картины (девятнадцать лет), Поленов не раз возвращался к этой теме. В 1876 г. в Париже под влиянием Фортуни им сделан один из лучших эскизов к картине (ГТГ). В 1881—1882 гг. он предпринял путешествие по Востоку, чтобы собрать этюдный материал. Зиму 1883/84 г. провел в Риме, работая над типами и вырабатывая эскизы. В 1885 г. в Меньшове (дачная местность около Подольска, где Поленов проводил лето) им закончен угольный рисунок на холсте в размер картины (Музей-усадьба В. Д. Поленова). Картина, находящаяся в ГРМ, написана в течение 1886—1887 гг. в Москве в кабинете С. И. Мамонтова (Спасская Садовая). В 1888 г. там же С. А. Коровиным сделана с нее копия несколько меньшего размера, в которой Поленовым написаны головы. Картина, приобретенная на Передвижной выставке 1887 г. Александром III, была выставлена в Петербурге и в Москве, копия была сделана для передвижения по провинции. Сюжет картины взят из легенды о Христе (Евангелие от Иоанна. Глава VIII). Разъяренная толпа требует решения Христа, чтобы побить камнями женщину, обвиняемую в разврате. После его слов: «Кто из вас без греха, пусть бросит первый камень», толпа расходится.

8. Четырехтомным трудом Гавета «Христианство и его происхождение» Поленов пользовался для картины «Христос и грешница».

9. Пребывание в Альбано перенесло Поленова к дням юности, когда он впервые увидел итальянские этюды А. А. Иванова на его посмертной выставке (1858). «Я очень любил этюды Иванова, изображающие Альбано: налево башня с замком, а вдали море. Я часто ходил их смотреть, когда они выставлены были в Академии художеств. И вдруг, когда мы поселились в Альбано, я увидел перед собой этот пейзаж. Альбано так расположено, что отовсюду видишь один и тот же вид. Мне хотелось написать его, но не дерзнул писать того, что написал великий Иванов, а теперь жалею. По крайней мере осталось бы воспоминание» (из записей сына художника. Архив Поленовых).

10. «Снегурочка» Островского на мамонтовской сцене в постановке В. М. Васнецова была одним из ярких художественных событий своего времени. 20 декабря 1881 г. Репин писал Стасову: «не могу не поделиться с Вами одной новостью: здесь у С. Мамонтова затеяли разыграть «Снегурочку» Островского. Васнецов сделал для костюмов рисунки. Он сделал такие великолепные типы, просто восторг!... Мне казалось бы, этими рисунками надо воспользоваться для оперы Римского-Корсакова. Я уверен, что никто у вас не сделает ничего подобного. Это просто chef d'oeuvre». Первая постановка «Снегурочки» у Мамонтовых состоялась 6 января 1882 г. Повторения: 29 декабря 1883 г., 3 января 1886 г. и 6 января 1897 г. Все постановки шли в Москве в доме Мамонтовых на Спасской-Садовой. Эскизы В. М. Васнецова к декорациям и костюмам находятся в музее «Абрамцево». Воспроизведены в «Хронике нашего художественного кружка» (1894).

11. «Кумушки» («Виндзорские кумушки») — были первой попыткой оперной постановки на домашней мамонтовской сцене.

12. Роль Чудовища исполнял певец-дилетант М. Д. Малинин, впоследствии выступавший в Частной опере С. И. Мамонтова.

13. «Жизнь Иисуса» (1863) — первый том труда Эрнеста Ренана «История происхождения христианства», под впечатлением которого Поленов задумал картину «Христос и грешница». Поленовы читали первое издание Ренана, как запрещенную книгу. Новый взгляд на личность Христа, как на простого человека, проповедника этики, смягчающей жестокие нравы, был чужд религиозному учению, в традициях которого родители Поленовых воспитывали своих детей, и вызывал их неодобрение. Начало второго тома труда Ренана — «Апостолы» (1866) послужило Поленову в его дальнейших работах над евангельскими сюжетами.

14. В это время Поленов написал превосходный маленький эскиз внутренности храма с фигурами, послуживший основанием для большой картины «Среди учителей» (1896, ГТГ).

15. Зимою 1883 г. под влиянием задуманного С. И. Мамонтовым спектакля из былинного эпоса Поленовы занимались изучением русских былин. Спектакль не был осуществлен.

16. Речь идет об уроке акварели и перспективы, которые давал в доме Мамонтовых художник Николай Авенирович (Авенирыч) Мартынов. Под словами «приводила в перспективу» Е. Д. Поленова подразумевает сделанный ею акварельный групповой портрет рисующих: Сергея и Воки (Всеволода) — сыновей Мамонтовых, Юры Пфель, К. Д. Арцыбушева, Варвары Гавриловны — экономки Мамонтовых и Н. А. Мартынова (1884, Музей «Абрамцево»).

17. Для картин библейского цикла Поленов пользовался трудами Вогюэ: «Иерусалимский храм» (1-е издание 1864, Париж) и «Сирия, Палестина и гора Афон» (3-е издание, 1887, Париж).

18. Де Сольси Луи, Фелисьен — французский археолог и нумизмат. В. Д. Поленов пользовался его трудом «Иерусалим» (1882, Париж).

19. Подразумевается постоянная выставка в Обществе любителей художеств в Москве.

20. Речь идет о картине Крамского «Неутешное горе» (1884, ГТГ).

21. «Причины неизвестны» — картина Н. А. Ярошенко.

22. Имеется в виду детский портрет старшей дочери Мамонтовых Веры, написанный Н. Д. Кузнецовым в 1883 г.

23. Статьи под названием «Письма к другу» под псевдонимом «Незнакомец» писал не Репин, а издатель «Нового времени» А. С. Суворин.

24. «Жанровый этюд старика обличает в г[осподине] Сурикове наклонность следовать чересчур реальной манере Репина в выписывании мозолей, багровых пятен, грязного белья» (П. Д. Боборыкин, «Новое время», № 2872, 27 февраля 1884).

25. Речь идет о картинах В. М. Васнецова «Каменный век», написанных для стен Исторического музея.

26. «Водевиль» — комедия С. И. Мамонтова «Черный тюрбан» (первая постановка — Абрамцево, 1 августа 1884; повторения: 4 января 1887 — Москва; 1 августа 1889 — Абрамцево).

27. Под «чужестранным элементом» Е. Г. Мамонтова подразумевает чуждых духу семьи посетителей московского дома на Спасской Садовой в период организации С. И. Мамонтовым Частной оперы (1884—1885), где выступали иностранные знаменитости.

28. «Дрюшка» — А. С. Мамонтов в комической роли хранителя гарема Али-Гуссейна в комедии С. И. Мамонтова «Черный тюрбан».

Глава III

1. Поленовские «акварельные утра» по воскресеньям и «рисовальные вечера» по четвергам, организованные осенью 1884 г., с небольшими перерывами продолжались до половины 1890 г. В 1889 г. они были перенесены

на субботу в виде правильных занятий рисунком, рисовальные четверги заменились «керамическими четвергами». С осени 1886 г. под руководством Е. Д. Поленовой из поленовского круга выделился «археологический кружок» изучения древностей Москвы и окрестностей. В поленовских собраниях принимали участие художники старшего поколения товарищи В. Д. Поленова: В. Васнецов, Неврев, Суриков, изредка, наездами из Петербурга — Репин и Киселев; младшее поколение, ученики Поленова: Левитан, С. и К. Коровины, Архипов, С. Иванов, Остроухов, Серов, Нестеров, А. Васнецов, Пастернак, Головин, Щербиновский, Якунчикова, Врубель и др. На художественных собраниях работали акварелью, маслом и пастелью, рисовали карандашом, пером, углем — любым способом, в любой манере. Модель ставили чаще костюмированную, иногда бытовую, писали натюрморты и групповые интерьерные портреты. Иногда художники позировали друг другу. В 1887 г. Левитан позировал в костюме бедуина. Большинство рисунков и акварелей поленовских собраний, в том числе и рисунки с Левитана в костюме, сохранены в собрании Музея-усадьбы В. Д. Поленова. Характеризуя атмосферу и дух поленовских собраний, Остроухов писал: «Как художник исключительной величины, В[асилий] Д[митриевич] стоял в центре этой интимной художественной жизни и направлял ее, но делал это незаметно и не касаясь кого бы то ни было, точно открывал широкое окно, в которое лился светлый и бодрый художественный воздух. Когда я ближе сошелся с ним и вошел в круг семьи его, я вступил не в художественный кружок, а в художественную семью, ибо все, кого я нашел там.., члены семьи и посторонние семье, были связаны крепким духовным художественным родством. Как-то сразу почувствовал и я себя ее равноправным членом; так было и с каждым товарищем» (Воспоминания И. С. Остроухова. М., 1928).

2. Имеются в виду этюды, привезенные Е. Д. Поленовой из ее путешествия вместе с П. Д. Антиповой по маршруту: Волга — Кавказ — Крым (август — октябрь 1884 г.)

3. Собрание картинной галереи Поленова, положившее основание Музея-усадьбы В. Д. Поленова, составлено в значительной части также путем обмена своих работ на работы товарищей-художников.

4. Подразумевается повторение пьесы Мамонтова «Иосиф», поставленной в декорациях Поленова 30 декабря 1880 г.

5. Частная опера основана С. И. Мамонтовым в 1885 г. в помещении Солодовниковского театра на Б. Дмитровке (ныне улица Пушкина). На сцене Частной оперы зритель увидал «Русалку» Даргомыжского, «Рогнеду» и «Вражью силу» Серова, «Хованщину» и «Бориса Годунова» Мусоргского, оперы Глинки, Чайковского и Римского-Корсакова в постановках Васнецова, Поленова, Серова, Коровина, Головина, Врубеля и др. Частная опера дала возможность Шаляпину развить свой талант в общении с культурным художественным миром и создать образ

Ивана Грозного в «Псковитянке», Мельника в «Русалке», Досифея в «Хованщине», Бориса и Варлаама в «Борисе Годунове», Ерёмки во «Вражьей силе», Мефистофеля в «Фаусте», Варяжского гостя в «Садко» и др. Римский-Корсаков, создавая оперу «Садко», писал партию Волховы для певицы Частной оперы Н. И. Забелы-Врубель, для которой была написана им и партия Марфы в «Царской невесте». Новаторские замыслы Мамонтова и его круга были понятны не многим. Публика, привыкшая к шаблонным постановкам императорских театров и к итальянскому репертуару, осмеивала новые начинания. «Для открытия Частной оперы 9 января 1885 года при полном театре исполнена была «Русалка» Даргомыжского (эскизы декораций и костюмов делал В. М. Васнецов, а сами декорации исполняли И. И. Левитан, Н. Чехов, К. Коровин и Янов).

Отношение публики к спектаклю было крайне недоверчивое — она не понимала нововведений и относилась к ним скептически. Даже художественные декорации и костюмы были осмеяны как купеческое самодурство инициатора.

«Фаусту» и «Виндзорским проказницам» (декорации писались теми же художниками по эскизам Поленова) посчастливилось еще менее, в особенности первому, так как поленовская постановка не имела ничего общего с принятым в тогдашних театрах шаблоном. Смеялись над «Маргаритой» — Гальнбек, которая пела без традиционного белокурого парика, смеялись над «Мефистофелем» — Скуратовским, появившимся в малиновом плюшевом колете и средневековой шляпе с алым пером, смеялись и над солдатами, одетыми в пестрые костюмы ландскнехтов» (С. М. «Частная опера С. И. Мамонтова». Ежегодник императорских театров, вып. VIII, СПб, 1885).

С 1885 до 1891 г. Мамонтов вел свою антрепризу на имя композитора и дирижера Н. С. Кроткова, позднее — на имя К. С. Винтер.

Поленов сочувственно относился к предприятию и замыслам Мамонтова в Частной опере. Его личное участие выразилось в следующих постановках: 1) 1885 г.— «Виндзорские кумушки» по тексту Шекспира, музыка Н. Кроткова. В исполнении декораций Поленову помогал его ученик К. Коровин. 2) «Фауст» Гуно — с помощью К. Коровина. 3) «Аида» Верди — постановка К. Коровина под руководством и по египетским этюдам Поленова. 4) 1897 г.— «Орфей» Глюка. Эскизы декораций и костюмов Поленова, исполнение — К. Коровина и С. Малютина. 5) 1899 г.— «Орлеанская дева» Чайковского.

Е. Поленова руководила исполнением костюмов для первых постановок Поленова («Виндзорские кумушки» и «Фауст»), В. Васнецова — «Русалка» и для постановки оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» (1885).

6. На Передвижной выставке 1885 г. Поленов выставил цикл этюдов из путешествия по Востоку (1881—1882). Все этюды были приобретены

П. М. Третьяковым и при жизни его находились в экспозиции галереи в комнате Поленова.

7. В 1885 г. Репиным была выставлена картина «Иван Грозный и сын его Иван» (1885, ГТГ).

8. Кухонный стол, расписанный В. Васнецовым, послужил началом большого дела. В 1885 г. Е. Д. Поленова и Е. Г. Мамонтова организовали в Абрамцеве столярно-резчицкую мастерскую мебели в русском стиле. Мебель абрамцевского производства, сделанная по рисункам Е. Д. Поленовой и др., получила широкое распространение. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. русский кустарный отдел был оборудован абрамцевскими столярами и удостоен золотой медали.

9. Под словом «секретничали» Остроухов подразумевает разговоры о возникающем кустарном деле, которым увлекались Поленова и Мамонтова и которому он не придавал серьезного значения, досадуя на то, что оно отвлекает Поленову от художественной работы с натуры.

10. Огромный рост Остроухова был поводом для дружеских шаржей и шуток в кругу его друзей. Слова: «Он во дворец ворвался силой с одним таинственным верзилой» в пьесе Мамонтова «Черный тюрбан» — относились к Остроухову, который играл в постановке 1884 г. безмолвную роль палача. В постановке 1889 г., по рассказам Поленова, Остроухов отказался играть роль «таинственного верзилы», ее исполнила М. В. Якунчикова, отличавшаяся также исключительно высоким (для женщины) ростом. На стене классной комнаты детей Поленова висела сравнительная таблица высоты различных памятников архитектуры, в которой была нарисована человеческая фигура и его рукой подписано: «Илья Семеныч Остроухов».

Глава IV

1. «Меньшово» — имение Лопухиных близ Подольска Московской губернии, в котором Поленовы снимали дом и проводили лето 1885 и 1886 г.

2. Сиверская — дачная местность под Петербургом, где Е. Д. Поленова гостила у Антиповых.

3. Под «Константиновой резьбой» подразумевается резьба Саратовской губернии, где находился хутор Анашка, принадлежавший К. Д. Поленову.

4. Кустарные изделия, которые Поленовы начали собирать в «Меньшове», положили основание коллекции, сохраненной в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

5. Е. Д. Поленова подразумевает заказ костюмов для постановки оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова. О первой постановке «Снегу-

рочки» на сцене Частной оперы рассказывает Н. В. Поленова на страницах книги «Абрамцево» (М., 1922). «В 1881 году пьеса Островского «Снегурочка» была исполнена у Мамонтовых на домашней сцене. Постановкой тогда увлекся В. М. Васнецов и даже сам играл роль Деда Мороза. Когда была решена постановка оперы, Савва Иванович обратился к нему. В этой сказке, полной поэзии русской природы и жизни, Васнецов почувствовал простор своему творческому чутью и создал замечательные эскизы, которые переносили зрителя в живую, глубокую старину. Для костюмов было решено — одеть хор и некоторых солистов в настоящее русское платье, образцы которого хранились в Абрамцевском музее. Савва Иванович не удовольствовался имеющимися и отправил своего абрамцевского старосту на его родину в Тульскую губернию с поручением накупить там как можно больше простых, народных рубах, панев, армяков, шапок и т. п. Особенно старинного покроя. Результат получился блестящий. Алексеич (староста) привез массу вещей и среди них некоторые такие оригинальные и примитивные по покрою, что В. М. Васнецов и Елена Дмитриевна Поленова пришли в восторг. По ним Виктор Михайлович Васнецов набросал костюмы для главных действующих лиц. Елена Дмитриевна занялась подыскиванием подходящей материи, кройкой, отделкой и руководством вышивок, рисунки которых брала со старых образцов. Хор и статистов одели в настоящие рубахи, сарафаны, армяки, привезенные из Тульской губернии. Впечатление получилось грандиозное. Помнится, как художник Суриков, присутствовавший на первом представлении, был вне себя от восторга. Когда вышли «Бобыль» и «Бобылиха» и с ними толпа «берендеев» с «широкой масленицей», с настоящей старинной «козой».. его широкая русская натура не выдержала и он разразился неистовыми аплодисментами, подхваченными всем театром.

Постановка «Снегурочки» явилась чем-то совершенно новым в области театра и совершила полный переворот в русском декоративном искусстве. Публика, привыкшая к условности казенных театров, к известному выработанному типу декораций и костюмов, не сразу поняла новое направление. Но художественный мир с первых представлений оценил его и приветствовал новую эру в жизни театра».

6. Речь идет о костюмах для домашнего спектакля «Снегурочки», поставленного у Мамонтовых в 1882 г.

7. По рассказу Н. В. Поленовой, Поленов был недоволен работами своего любимого ученика К. Коровина, которые считал талантливыми, но «с недописками и недохватками». Желая показать ему, как следует работать с натуры, он предложил Коровину пойти вместе в деревню Тургенево, в пяти километрах от «Меньшова», и писать рядом один и тот же мотив. Поленов написал превосходный этюд русской деревни в тихий день позднего лета («Тургенево», 1885, Музей-усадьба В. Д. Поленова).

8. С 1885 до 1893 г. В. Васнецов работал над росписью Владимирского собора в Киеве.

9. Иван Антонович Комиссаров — один из старших столяров Абрамцевской мастерской.

10. Семен — кустарь из деревни Комягино в окрестностях Абрамцева.

11. Картина Поленова «Христос и грешница».

12. Подразумевается разлад в семье Репиных, кончившийся разводом. Судя по переписке, женская часть семьи Поленовых и Е. Г. Мамонтова симпатизировали и сочувствовали В. А. Репиной, не считая ее виновной в семейном разладе. Поленов и Мамонтов, дорожившие Репиным как художником, не вникали в его семейные дела.

13. В 1886 г. Остроухов в качестве экспонента впервые представил на Передвижную выставку пейзаж «Ранняя весна» (1886, ГТГ). Картина была принята.

14. Левитан в 1885 г. также в качестве экспонента выставил на Передвижной выставке картину «Весна».

15. Речь идет о заказе надгробной иконы на могилу ребенка одного из золотопромышленников Кузнецовых, которые помогли Сурикову выехать из Красноярска в Петербург и поступить в Академию художеств.

16. Речь идет о картине «Христос и грешница», над которой Поленов работал в это время в кабинете С. И. Мамонтова на Спасской-Садовой.

17. Подразумевается статья П. М. Ковалевского «Акварельная выставка в Обществе поощрения художников» («Русская мысль», 1886, V, стр. 185), в которой акварели Е. Д. Поленовой он ошибочно приписывает В. Д. Поленову.

18. Картина «Христос и грешница».

Глава V

1. Акварельная выставка в помещении Общества любителей художеств.

2. Столяр А. А. Минаев, работавший мебель по рисункам В. Д. и Е. Д. Поленовых и А. С. Мамонтова (Дрюши).

3. О работе молодых художников в общей мастерской пишет П. П. Чистякову его ученик Н. А. Бруни 8 декабря 1886 г.: «Днем я работал, вечером пошел в концерт — 9-я симфония Бетховена.. Там я встретил В. Д. Поленова, Серова, Остроухова, Мамонтова [М. А.] и многих еще молодых художников и музыкантов. В этот четверг надеюсь побывать у Вас[илия] Дм[итриевича]. И он и его супруга очень любезно приглашали меня бывать у них. Радуюсь этому знакомству. А Серов и другие

молодые художники звали рисовать с ними. Они наняли чудесную громадную мастерскую Вл. Маковского, там они пишут с натуры и устроили вечернее рисование с натуры. Так радушно приняли они меня в свой круг, спасибо им. Приходит к нам и Суриков и В[асилий] Дмитр[иевич] Поленов и Вл. Маковский, и вот из молодых Серов, Мамонтов [М. А.], Остроухов, Третьяков [Н. С.], да и я. Вот бы Павлу Петровичу приехать погостить к нам да и поучил бы и научил нас — были их слова».. (П. П. Чистяков. Письма... М., 1953).

4. Н. В. Поленова с осени 1886 г. начала посещать классы Училища живописи, ваяния и зодчества.

5. Пейзаж Остроухова «Золотая осень» (1887) был принят и куплен П. М. Третьяковым. (Находится в ГТГ).

6. А. М. Васнецовым на Передвижной выставке 1887 г. был выставлен пейзаж «После дождя» (ГТГ).

7. На Передвижной выставке 1887 г. Александром III были приобретены картины: Г. Г. Мясоедова «Страдная пора», И. И. Шишкина — «Дубы», В. Е. Маковского — «Рыбачки», «Пастушки», «Перед купаньем» и «Пейзаж»; Е. Е. Волкова — пейзажи: «Церковь» и «Сельцо»; П. А. Брюллова — «Утро», А. К. Беггрова — «Севастопольский рейд во время пребывания государя императора» и «Прибытие государя императора в Севастополь».

8. В «Московских ведомостях» (15 марта 1887) была напечатана статья М. Соловьева, дающая резко отрицательную оценку картины Поленова за «натурализм», отход от «канонического типа Христа» и за изображение современных «жидов» вместо «древних евреев».

9. Статьи В. М. Гаршина и В. Г. Короленко оценивают картину положительно, давая сравнительный разбор одновременно выставленных картин Поленова «Христос и грешница» и Сурикова «Боярыня Морозова», сходных по основной теме толпы и жертвы.

В. Г. Короленко:— «Левая сторона (картины) — новый мир, правая — старый. В этот уголок, где только что звучали слова новой истины, старый мир врывается с частным фактом. Факт этот весь состоит из спутанной смеси греха, страданья, злобного гнева, исступления. Это одно из бесчисленного множества житейских противоречий, выдвигавшихся без сомненья в ум и совесть тогдашнего человека мучительным вопросом... Луч живой любящей правды сверкнет сейчас в этот мрак изуверства. Между общей формулой и частным фактом не может быть противоречий и потому он (Христос) обращается к этому факту, чтобы навеки приобщить его к целому своего учения.. И уже готовы слова, которые будут говорить векам: «Кто из вас без греха — пусть бросит первый камень».. Христос был странствующий проповедник. Ему нужна была физическая сила, чтобы носить бремя великого деятельного духа. Он, как и мы, загорал на солнце, уставал от трудного пути, ел и пил. Художник и изобра-

зил нам человека с чрезвычайной правдивостью. Это реально, но не надо забывать, что реализм есть лишь выработанное нашим временем условие художественности, а не сама художественность. Поэтому если бы.. художнику удалось какими бы то ни было средствами воссоздать с фотографической точностью каждую черту этой фигуры и он дал бы нам Христа «обыкновенным человеком» в момент обеда, сна или незначительного разговора — это было бы хотя и реально, но грубо и не художественно. Тут условие превратилось бы в цель, это был бы уже не «художественный реализм», под которым нужно разуметь «художественное обобщение в реальных условиях», но одни реальные условия без всякого художественного обобщения — «натурализм».. («Две картины». «Русские ведомости», 16 апр. 1887; статья перепечатана в Собр. соч. В. Г. Короленко, т. III, в разделе «Размышленье литератора»).

В. М. Гаршин: — «Христос Поленова очень красив, очень умен и очень спокоен. Его роль еще не началась. Он ожидает; он знает, что ничего доброго у него не спросят, что предводители столько же и еще более хотят его крови, как и крови, преступившей закон Моисеев. Что бы ни спросили у него, он знает, что он сумеет ответить, ибо у него есть в душе живое начало, могущее остановить всякое зло.

Поленов взял всю сцену, как она по его представлению должна быть. Это не группа с театральных подмостков, где есть главные персонажи, тщательно одетые и загримированные, с художественно выраженными чувствами на лицах, и есть толпа статистов, одетых с чужого плеча.. нелепо и нецелесообразно корчащих актерскую гримасу.. необыкновенно приятное впечатление производит также отсутствие сухой академической условности в одежде действующих лиц. В картине нет ни одной, что называется, драпировки; все это — настоящее платье, одежда; и художник, пристально изучивший Восток, сумел так одеть своих героев, что они действительно носят свою одежду, живут в ней, а не надели для подмостков или позирования перед живописцем».. («Заметки о художественных выставках», «Северный вестник», кн. III, 1887).

10. В. В. Стасов в № 58 газеты «Новости» от 1 марта 1887 г. в статье «Выставка передвижников» дает следующую заметку о картине Поленова: «Кончая эту часть моего отчета, я всего лишь несколько слов скажу про огромную картину В. Д. Поленова: «Христос и грешница». Рассмотреть подробно это большое сочинение, занявшее холст в десять аршин, требовало бы особой статьи, которую я, быть может, представлю своим читателям впоследствии. Много вопросов возбуждается сюжетом и его выполнением. Теперь же, покуда, я скажу только, что В. Д. Поленов очень тщательно отнесся к своей задаче. Совершил путешествие в Палестину, изучая на месте архитектуру, местные типы людей и природы, световые эффекты. Скажу еще, мимоходом, что часть Иродова храма, до сих пор уцелевшего, изящные столбы с орнаментированными капителями в углу

этого храма, ступени, ведущие от храма вниз, туда, где происходит известная евангельская сцена, все это передано колоритно и изящно, освещено ярким палестинским солнцем. В общем Поленов остался изящным, элегантным живописцем, каким мы его знали давно, уже с самого начала его карьеры в 1871 г., но к этому он еще прибавил большое мастерство и живописность в передаче пейзажа».

Более подробная статья В. В. Стасовым написана не была.

Картина В. Д. Поленова произвела большое впечатление на младшее поколение художников. Е. М. Татевосян вспоминает: «Это было событие, это был настоящий праздник, особенно для нас, молодежи, учеников его. Мы праздновали точно свою победу. После традиционных, почти черных картин.. «Грешница» была светлым, жизнерадостным, горячо-солнечным произведением в холодной, снежной Москве, к тому же она была дерзким вызовом для религиозных ханжей. Совершенно необычно, Христос в костюме восточного дервиша, да и все ученики, фарисеи и вся толпа были в восточных костюмах, которые мы видим в наши дни» (Е. М. Татевосян. Воспоминания. Тбилиси, 1928. Архив Поленовых).

О впечатлении, которое картина производила на студенческую молодежь, говорит В. Вересаев в письме к В. Д. Поленову от 1 января 1926 г. «Вы — моя давнишняя любовь, еще со студенческих времен, когда я в первый раз увидел на Передвижной выставке «Христа и грешницу». Картина на меня произвела потрясающее впечатление — и особенно фигурой и лицом Христа: меня возмущали критики, писавшие только о колоритах и «восточных типах». Совсем не удовлетворила и статья Гаршина, так холодно и мимоходом упомянувшего о Христе. Я написал большую статью о картине и отправил ее в «Новости». Статья безвестного студента конечно не была напечатана. Я в ней писал, что картина дает именно такого Христа, каким мы его теперь только и можем мыслить,— не бога, а человека с огромной душой ..»

11. В марте 1887 г. Е. Д. Поленова послала на конкурс в Школу поощрения художеств в Петербург свою первую жанровую картину маслом «Иконописная» (ГТГ).

Глава VI

1. Портрет-набросок В. А. Серова — находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

2. Морево — дача В. И. Якунчикова на берегу Москвы-реки.

3. В дачном поселке Жуковка Поленовы проводили лето 1887, 1888, 1889 гг.

4. Ученик Поленова С. В. Иванов, начиная с 1885 г., работал над циклом картин на тему переселенчества из средней полосы России в Си-

бирь. Поленов дал ему возможность провести лето в Орловской губ. у своего брата Алексея Дмитриевича и на месте сделать нужные для картин этюды и зарисовки. В Музее-усадьбе В. Д. Поленова находится картина С. Иванова «Переселенка в вагоне» (1887), купленная Поленовым и представленная им на жюри Товарищества передвижных выставок, где она была принята. Картина С. Иванова «В дороге. Смерть переселенца» (1889) находится в ГТГ.

5. Портрет В. С. Мамонтовой «Девочка с персиками» (ГТГ) написана В. А. Серовым летом 1887 г. в Абрамцеве.

6. Иллюстрации к русским народным сказкам Е. Д. Поленова начала делать в 1886 г. Образы первой сказки «Белая уточка» по тексту Афанасьева возникли на пейзажном фоне прудов Толстовского дома. Там же сделаны этюды и наброски уток. Моделью для ребяток в гнезде уточки послужил маленький Федя Поленов. Следующие три сказки — «Война грибов», «Морозко», «Волк и лиса» — создавались на фоне летних и зимних пейзажей Абрамцева. Пятая сказка — «Сивка-Бурка» или «Иванушка дурачок». Иллюстрации в акварелях-подлинниках находятся в Музее «Абрамцево» и в Музее-усадьбе В. Д. Поленова. «Волнушкин монастырь» — одна из иллюстрации к сказке «Война грибов».

7. Сказки Пушкина с иллюстрациями М. В. Нестерова. Редакция В. П. Авенариуса, издание М. Ступина. М., 1888—1889.

8. На Передвижной выставке 1888 г. были выставлены картины Н. Д. Кузнецова: «Мировой посредник», «Стадо свиней», «После обеда», «Этюд» (пастель), «Пастель. Этюд», портрет В. Д. Поленова (Музей-усадьба В. Д. Поленова), портрет В. А. Титова. Из перечисленных картин Поленов выше всего оценивал «После обеда», где на первом плане сидит щенок и смотрит на муху. Поленов восхищался живописью и выразительностью этой сцены и свежестью живописи Н. Д. Кузнецова.

9. На Передвижной выставке 1888 г. Остроухов выставил картину «Поздняя осень».

10. Группа мальчиков итальянцев — работа И. С. Остроухова (масло) была им подарена Н. В. Поленовой (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

Глава VII

1. К восьмидесятилетию Поленова Остроухов в поздравительном письме вспомнил молодые годы, прожитые в кругу семьи Поленовых. Н. В. Поленова отвечала ему 15 августа 1924 г. «Василий Дмитриевич был очень тронут Вашим письмом.. и отвечает на все добрые слова воспоминаний и пожелания — этюдом из тех времен, которые особенно дороги по той полосе света, которая ярко озаряет их. Мне Ваше письмо было

особенно дорого, потому что и для меня то прошлое осталось маяком в моей жизни.. Ваши теплые слова.. так перенесли меня в Толстовский дом, в Жуковку, в Меньшово, точно сейчас переживаю наши увлечения этюдами, вижу Елену Дмитриевну, Машу сестру, Костю Коровина и Вас, возвращающихся с «этюда» и упоенных любовью к этой работе и верой в успех».

2. Claude Lantier (Клод Лантье) — художник, герой романа Э. Золя («Творчество»).

3. «Чайный стол» — групповой портрет К. А. Коровина «За чайным столом» написан с натуры на террасе в Жуковке. На картине изображены: у самовара Н. В. Поленова, в профиль справа М. В. Якунчикова, со спины вполоборота Е. Д. Поленова, слева у самовара офицер В. И. Зиборов, гость Поленовых.

4. Поленов писал этюды к фигуре Христа на берегу Генисаретского озера с К. Коровина.

5. Под «лодочной картиной» Е. Д. Поленова подразумевает картину К. А. Коровина «В лодке» (1888, ГТГ). Женская фигура написана с М. В. Якунчиковой, мужская — с В. Д. Поленова.

6. Н. В. Поленова подразумевает свой этюд «Аллея в Жуковке» (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

Глава VIII

1. С. М. Третьяков в отличие от брата — собирателя русской живописи — коллекционировал современную иностранную живопись: картины Фортуни, Коро, Бастьена Лепажа, Даньяна Бувере и др.

2. Речь идет об эскизе к картине «Шарманщики», выставленной на Передвижной выставке 1889 г.

3. Осенью 1888 г. Поленовы переехали из Самарского переулка на Божедомке в дом Фроловой на Мясницкой в Кривоколенном переулке, вблизи от Училища живописи. Здесь они прожили до 1892 г.

4. На конкурсе Общества любителей художеств 11 декабря 1888 г. Серов получил первую премию (200 р.) за «Девочку с персиками» (1887, ГТГ). Первая премия за жанр не была выдана никому, вторую получил К. А. Коровин за жанровый групповой портрет «За чайным столом» (1888, Музей-усадьба В. Д. Поленова); третью премию получил В. Г. Орлов за «Крестьянское сватовство». Первая премия за пейзаж также не была выдана, вторую получил Левитан за «Вечереет», третью — Коровин за пейзаж «Золотая осень».

5. Осиротевшие дочери Сурикова — Ольга и Елена.

6. Речь идет о картине Л. О. Пастернака «Письмо с родины».

7. К. А. Коровин. «У балкона» («Испанки». 1889, ГТГ).

8. С. В. Иванов выставил на Передвижной выставке 1889 г. картину «В дороге» («Смерть переселенца». ГТГ).

9. «Грибной рынок» устраивался ежегодно после масленицы под Китайской стеной на берегу Москвы-реки.

10. Отзыв Репина о картине Е. Д. Поленовой «Шарманщики» в письме В. Д. Поленова к Н. В. Поленовой от 20 февраля 1889 г.

11. Поленов прилагает к письму от 19 февраля 1889 г. список принятых картин москвичей с обозначением количества полученных ими голосов. Многие из этих вещей стали гордостью русского искусства. Интересно, как принимало их жюри передвижников:

2 вещи Ярцева — 16 и 12 голосов (В горах Осетии. У скалы).

2 вещи Архипова — 13 и 16 (Пересуды. На барке (на Волге).

1 вещь Иванова — 16 (В дороге).

1 вещь Хруслова — 12 (В степи).

2 вещи Костанди — 15 и 16 (Больная на даче. Гуси).

3 вещи Левитана—9, 13 и 10 (Под вечер. На Волге. Пасмурный день на Волге).

2 вещи Степанова — 16 и 16 (Лоси. В ожидании поезда).

2 вещи Богданова (И. П.) — 15 и 16 (Друзья. На посылках).

1 вещь Нестерова — 16 (Пустынник).

1 вещь Коровина К.— 13 (У балкона).

1 вещь Поленовой—15 (Странствующие музыканты. Шарманщики).

2 вещи из трех Остроухова — 15 и 14 (Первая зелень. Серый день).

1 вещь Первухина — 15 (Дорога).

1 вещь Пастернака — 14 (Письмо с родины).

1 из двух вещей Светославского — 16 (Под печкой. Коровы). (чудесную его вещь отказали, тоже коровы, за то, что велика).

12. Картина Е. Д. Поленовой «Пляска медведя» не была осуществлена. Эскиз хранится в музее «Абрамцево».

13. Картина Е. Д. Поленовой «Детская» была выставлена на Передвижной выставке 1892 г.

14. В заголовке письма М. В. Якунчиковой сделана акварель, изображающая «подлый вид» из гостиницы: океан с прибрежной полосой гравия и набегающей зеленой волной. Мастерство этого наброска, сделанного девятнадцатилетней, нигде не учившейся художницей, по плечу зрелому мастеру.

Глава IX

1. Не́льшевка — родовое имение Антиповых в Костромской губернии, Кологривского уезда.

2. А. Д. Поленов и С. И. Мамонтов были душеприказчиками Ф. В. Чижова и организаторами ремесленных школ его имени в Костромской губернии (Кострома, Кологрив, Чухлома).

3. Драма А. П. Чехова «Иванов».

4. Этюд интерьера костромской избы, исполненный Е. Д. Поленовой для сказки «Сынко-Филипко» (1889), хранится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

5. Молодая русская художница Мария Башкирцева умерла от туберкулеза легких одновременно со своим товарищем по работе и другом Бастьеном Лепажем, имевшим сильное влияние на ее творчество. Записки М. Башкирцевой, в которых много говорится о Бастьене Лепаже, были написаны и первоначально изданы на французском языке.

Глава X

1. М. К. Башкирцева выдвинулась на парижских Салонах жанровыми картинами из жизни французских школьников. На Всемирной Парижской выставке 1889 г. работы Башкирцевой, так же как и ее товарища Бастьена Лепажа, выставлялись посмертно.

2. По инициативе Поленова осенью 1889 г. была устроена этюдная выставка в помещении Общества любителей художеств. На этой выставке наряду со зрелыми художниками выставляла и талантливая ученическая молодежь Училища живописи, ваяния и зодчества. Е. Д. Поленова и Н. В. Поленова (как ученица) принимали участие в устройстве этой выставки.

3. Относительно своих этюдов Суриков писал Поленову 11 августа 1889 г.: «Василий Дмитриевич! Мне бы хотелось узнать от Вас относительно этюдов, выставляемых с 1 ноября по 1 декабря: что это этюды творческие, т. е. для картины, или же простые, бесцельные с натуры? Я это хотел узнать от И. С. Остроухова, да его дома нету. Если это этюды первой категории, то я оставлю их несколько. Осенью-то я не буду в Москве, а буду в Красноярске, то я просил бы Вас, Василий Дмитриевич, выставить их без рам и подрамников и просто пришпилить на стену. Да и оставил-то бы их я у Вас, если позволите. В понедельник 12-го я должен выехать, то мне желательно бы получить ответ от Вас к этому времени. Поклонитесь от меня Наталии Васильевне и всем Вашим.

Любящий Вас *В. Суриков*.

Этюды В. И. Сурикова были оформлены и выставлены Поленовыми, деньги от их продажи посланы Сурикову в Красноярск.

4. Под «Прачкой» Е. Д. Поленова подразумевает картину «Гости» или «В гостях у крестной», которая была выставлена на Передвижной выставке 1891 г. Картина «Игрушечная лавка» не была закончена.

5. В 1895 г., когда весь отдавшись художественной работе, Поленов покинул Училище живописи, ваяния и зодчества, ученики младшего поколения поднесли ему адрес, высоко оценивающий его двенадцатилетнюю деятельность художника-педагога:

«Глубокоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич... Ваше имя, дорогое каждому любящему русское искусство, всегда было тесно связано с училищем: мы, Ваши ученики, гордились Вами не только, как славным родным художником, но и как незаменимым, горячо любимым профессором.

Ваша гуманная, высокообразованная личность невольно влекла учеников под Ваше руководство: Вы старались внушить им стремление к правде и красоте, заставляли их работать осмысленно, радушно делились с ними всеми сведениями, которые дала Вам наука и Ваша славная художественная деятельность, всегда были врагом заученности, манерности и рутины и поддерживали свежие, новые течения в искусстве. Благодаря Вашему мягкому сердечному отношению к ученикам и необыкновенно искусной, вполне современной системе художественного преподавания. Ваш аксессуарный класс стал как бы «школой в школе», во всех бывших в нем, он на всю жизнь оставил самые светлые воспоминания, и немало выдающихся художников считают его фундаментом своего художественного образования.

Многие из нас, не будучи Вашими непосредственными учениками, во многом обязаны своим художественным развитием Вашим произведениям, которыми так гордится русская живопись и которые всегда будут неиссякаемыми источниками красоты и художественной правды.

За все это мы от чистого сердца из глубины души приносим Вам нашу искреннюю благодарность, которую едва ли сумеем выразить словами. Позвольте же нам не оставлять надежды, что Вы, быть может, найдете возможным в будущем возвратиться к глубокоуважающим и искренно любящим Вас ученикам».

Под адресом 262 подписи, среди них: Бялыницкий-Бируля, Борисов-Мусатов, С. Жуковский, Виноградов, Н. Ульянов, К. Сомов, Н. Сапунов, Н. Милиоти, К. Юон, Глаголева, С. Коненков.

6. С. М. Третьяков был председателем Общества любителей художеств.

7. Летом 1889 г. Коровин гостил в имении родителей одной из учениц Поленова Е. Н. Орловой в Саратовской губ., там написан им превосходный этюд «Мальвы», подаренный Н. В. Поленовой (Музей-усадьба В. Д. Поленова).

8. В статье Стасова «По поводу Всемирной выставки» («Северный вестник», № 10, 1889, октябрь, стр. 215) дана оценка творчества Бастьена Лепажа и, в частности, картины «Жанна д'Арк», которая произвела такое большое впечатление на русских художников: «В последнее время велика была слава Бастьена Лепажа. Но, невзирая на все виртуозное

мастерство его, в нем скоро все-таки разглядели, что у него творчества нет, что его «Жанна д'Арк» не вдохновенная будущая спасительница отечества, а какая-то безумная психопатка, у которой только от физических причин, от лихорадки блуждают глаза, а щеки рдеют, и нет тут во всем ее лице ни единой черточки глубокого душевного подъема, душевной жизни. В других его картинах также находим или сырую прозу, без всякого интереса, или неверность душевного выражения..» О выставке Стасов вообще отзывается отрицательно. «Французское искусство является в поразительном ходе назад в сравнении с тем, чем оно было еще двадцать лет назад. По-видимому, фантазия исчезла у французов еще более, чем творческая сила.. Даже то, чем всегда отличались французы, хорошая школа, по-видимому, совершенно затерялась под влиянием импрессионизма и других глупостей».

9. Речь идет об издании сказки «Война грибов» способом фототипии. Другие сказки первого (абрамцевского) периода, исполненные в многоцветных акварелях, Е. Д. Поленовой при жизни не удалось издать. В советское время в цвете была издана сказка «Белая уточка» (М., 1923).

10. Поленовым в Париже в 1890 г. было написано повторение картины «Христос на берегу Генисаретского озера», выставлена на весеннем Салоне Мейсонье.

11. В первом варианте картины Е. Д. Поленовой «Гости» справа, рядом с двумя мальчиками была мужская фигура в полушубке, с блюдечком чая в руках. Натурщиком к этой, в последнем варианте отброшенной, фигуре послужил дворник дома Фролова — Петр Трофимович.

12. «Академия» — обнаженная модель.

13. Шанксы Эмилия и Мария — ученицы Поленова по Училищу живописи, ваяния и зодчества, с которыми Е. Д. Поленова в начале 1890-х годов сообща изучала анатомию человеческой фигуры.

14. Имение Саблуковых «Бёхово» после долгих переговоров было куплено Поленовыми в январе 1890 г. за 7500 руб.

15. Поленов, проводивший зиму в Париже, не был на Передвижной выставке 1890 г. в Петербурге, впервые увидал ее в Москве, где, как обычно, был одним из ее устроителей.

16. Н. В. Поленова писала Остроухову 30 марта 1928 г.: «В январе девяностого года, когда Вас[илий] Дм[итриевич] проводил зиму в Париже у Шарко, я купила Бёхово и весной перевезла из Жуковки все имущество в Москву.. Мы в Бёхове стали строить временный домик, потом обращенный в кухню.. Дети прожили часть мая и июнь в Любимовке (дача Сапожниковой по Ярославской ж. д. платформа Тарасовка) со мной, а в конце июня мы с В[асилием] Д[митриевичем] поехали в Бёхово; на Петровской ярмарке в Тарусе купили все необходимое: плошки да ложки, устроили дом и перевезли ребят — Митю и Катю..»

17. Весной 1889 г. Поленов вместе с Коровиным побывал в Бёхове и облюбовал место для постройки новой усадьбы на открытом песчаном бугре, носившем местное название «Боро́к», расположенном около речного переката с береговыми отмелями и пологим спуском к реке. Так как во время общинного владения землей крестьяне не имели права ее продавать, Поленов предложил им произвести обмен бугра Боро́к на пахотную землю в двойном размере.

18. В апреле 1890 г. была учреждена правительственная комиссия «Для всестороннего обсуждения необходимых в устройстве императорской Академии художеств изменений и для составления соответственного этим изменениям проекта нового устава». Поленов был деятельным участником работы комиссии, собравшейся 21 января 1891 г. в Петербурге.

19. Гончарная мастерская в Абрамцеве была организована А. С. Мамонтовым и М. А. Врубелем в 1890 г. Впоследствии перенесена в Москву на Бутырки и расширена в небольшой гончарный завод.

20. 8 октября 1890 г. Репин писал Поленову: «Этюды выставь мои какие не были выставлены. Головка, которая у тебя [«Голова индийской царевны» для картины «Садко», 1875, Музей-усадьба В. Д. Поленова], Тани Мамонтовой [Т. А. Мамонтовой-Рачинской, 1882], Савву в белой блузе [С. И. Мамонтов, 1880], букет, что в Абрамцеве, доверяю лично тебе, твоему вкусу и благоразумию». «Букет» — превосходный натюрморт садовых цветов (1878, Музей «Абрамцево»).

Глава XI

1. Зиму 1891 г. Поленов проводил в Петербурге как участник правительственной комиссии по пересмотру устава и реорганизации Академии художеств, работавшей с 21 января до конца 1891 г.

2. Подразумевается заседание комиссии по пересмотру устава Академии художеств.

3. В. А. Симовым была представлена и принята жюри Передвижной выставки 1891 г. картина «Мечты».

4. Н. А. Касаткиным были выставлены картины: «Большая дорога», «Соперницы» и «За хворостом».

5. А. П. Рябушкин «Ожидание молодых».

6. Е. Д. Поленовой была выставлена в 1891 г. картина «Гости», обратившая на себя внимание Стасова. «..художница сразу выказала замечательное, чрезвычайно симпатичное дарование. Ее картина с фигурами в рост полна правды, простоты и колоритности» («Искусство и художественная промышленность», 1899. «Елена Дмитриевна Поленова»). Картина «Гости» изображает прачку, склонившуюся над гладильной доской, и двух приезжих из деревни белоголовых малышей; написана

под впечатлением картины Даньяна Бувере «Благословение новобрачных» в галерее С. М. Третьякова, по словам В. Д. Поленова, повлиявшей и на Серова в его портрете «Девочка с персиками» и даже на Репина в картине «Не ждали» (В. Д. Поленов — Е. В. Поленовой 30 сентября 1901 г. пишет: «что касается до Веры Мамонтовой Серова и «Не ждали» Репина, то их вдохновила, вероятно, картина Dagnan de Bouverey (Даньяна Бувере) — «Новобрачные». На картине изображен белый стол с белой вазой, белым букетом, невеста в белом на фоне окна и двери, выходящих в зелень сада. Белизна подчеркивается черными одеждами мужчин. Групповой портрет Коровина «За чайным столом», написанный в оттенках белого, также навеян впечатлением от картины Даньяна Бувере.

7. Л. О. Пастернак в 1891 г. выставил картину «К родным», Э. Шанкс— «Старший брат», К. Коровин — пейзаж с фигурой «Осенью». На этой же выставке единогласно (18 голосов) прошел пейзаж Остроухова «Сиверко».

8. Левитан выставил пейзажи «Ветхий дворик», «Тихая обитель» и «Баргетто» (Италия).

9. Работая в Костроме над эскизом картины «Христос, идущий по морю», К. Коровин сделал большой эскиз двухфигурной композиции: отход парохода ночью, колеблющееся отражение огней, небо в облаках, прощание. Талантливо задуманная картина не была закончена.

10. А. Я. Головин посылал на жюри портрет Н. П. Богданова-Бельского, который не был принят.

11. Суриков — «Взятие снежного городка».

12. В. Маковский — «Объяснение».— Картина Бастьена Лепажа «Деревенская любовь» находилась в галерее С. М. Третьякова в Москве. Прянишников в 1891 г. выставил картину «В ожидании шафера». Поленов подразумевает картину Даньяна Бувере «Благословение новобрачных» (была в собрании С. М. Третьякова в Москве).

13. Совет Товарищества передвижных выставок был организован в 1891 г.

14. Пейзаж «Ранняя зима» или «Ранний снег» (ГТГ) написан Поленовым в 1890 г. из окна флигеля в Бёхове.

В письме к К. Коровину от 31 мая 1914 г. Бopóк Поленов вспоминал о его приезде в Бёхово осенью 1890 г., совпавшем с ранним снегом, который изображен на картине «Ранняя зима»; «Ты прибыл к нам, когда мы были в маленьком домике в старом Бёхове.. Была осень, октябрь, выпал первый снег, но было тепло. Вечером мы стояли у открытого окна. Вдруг Конст[антин] Алекс[еевич] говорит: «В овраге должен быть волк» и дает протяжную ноту волчьим голосом. И вот из темноты раздается такой же протяжный, в ту же ноту ответ. Я так и обомлел. После этого мы пошли ужинать и выпили на брудершафт за волка, а на другой день даже хотели идти на охоту, но ружья оказались не в исправности». Кар-

тина в 1955 г. отдана в качестве сувенира французской труппе «Comedie française» («Комеди Франсез»). В воспоминаниях В. Н. Бакшеева этюду Поленова к картине «Ранний снег» посвящены следующие строки: «Этюд «Первый снег» это вполне законченная картина с глубоким внутренним содержанием. Там так превосходно передан холодок только что выпавшего снега, такой прозрачный свежий воздух и так верно, правдиво взято отношение белоснежной пелены к деревьям, покрытым желтовато-коричневыми листьями. Все небо покрыто тяжелыми серыми облаками, и это небо, и эти темные деревья еще более оттеняют белизну снега» (1950. Архив Поленовых).

15. Поленов, стремясь выдвигать молодежь, наталкивался на сопротивление В. Е. Маковского, особенно недружелюбно относившегося к евреям и женщинам. На этой почве между художниками происходили столкновения.

16. Подразумевается традиционный обед участников Передвижной выставки членов Товарищества, который устраивали раз в год в Петербурге после общего собрания. Среди новых членов Товарищества на обеде присутствовали Левитан и Остроухов. В архиве Поленова хранится фотография группы художников на обеде 1891 г.

17. А. С. Мамонтов (Дрюша) по совету В. М. Васнецова был приглашен А. В. Праховым на работу по орнаментальной росписи Владимирского собора.

18. А. С. Мамонтов похоронен в Абрамцеве около церкви, к которой по проектам Васнецова и Поленова сделана пристройка в виде надгробной часовни.

19. Орнаменты в виде лепной керамики были выполнены по рисункам Врубеля в абрамцевской гончарной мастерской.

20. Картина «Новый товарищ», навеянная творчеством Марии Башкирцевой, не была закончена.

21. Картина «Бродяга» была выставлена в 1893 г. на выставке Московского Товарищества и в 1902 г. на посмертной выставке Е. Д. Поленовой в Москве.

22. Репин отзывчиво откликнулся на просьбу Поленова принять участие в выставке в помощь голодающим, организованной в Обществе любителей художеств. 10 октября 1891 г. он писал Поленову: «Какие вы молодцы в Москве! Не то что мы: сидим тут «на развалинах разума нашего». Я, конечно, со всем моим удовольствием присоединяюсь к вашей жертве в пользу голодающих, и у меня не пар, и души немножко еще есть. Напиши мне, дорогой Василий Дмитриевич, когда и куда послать вещь. Я жертвую свой вариант Николая Чудотворца с рамой. Ну, будь здоров, желаю большого успеха вашему доброму почину».

23. В Париже М. В. Якунчикова посещала мастерскую Рудольфа Юллиана (Academie Jullian).

Глава XII

1. Слабое здоровье жены (болезнь легких) была основной причиной отъезда С. Иванова из Москвы в провинциальный городок Аткарск.

2. Речь идет о персональной выставке Репина и Шишкина, открытой в залах Академии художеств 26 ноября 1891 г. Выставка приурочивалась к двадцатилетию художественной деятельности Репина и сорокалетию художественной деятельности Шишкина. Творчество Репина было представлено с большой полнотой и разнообразием. Многие работы художника выставлялись впервые. В 1892 г. выставка Репина была открыта в залах Исторического музея в Москве.

3. Подразумевается картина Нестерова «Юность Сергия Радонежского» (1893, ГТГ).

4. На Передвижной выставке 1892 г. Л. Пастернак выставил картину «Муки творчества», Е. Поленова — «Детская», Э. Шанкс — «Новенькая». Картина С. Иванова «Этап» была отказана.

5. Картина В. Н. Мешкова «Зубоврачевание» (1892) была приобретена П. М. Третьяковым.

6. М. В. Нестеров работал над картиной «Юность Сергия Радонежского», которую думал представить на жюри Передвижной выставки 1892 г., но взял обратно на доработку. 2 апреля 1892 г. он описал Поленову из Киева, где находился на работе по росписи Владимирского собора: «О своем решении относительно картины я не только не жалею и не считаю его ошибочным, но все более и более убеждаюсь в правильности своего поступка. Кроме замечаний, сделанных Вами, а потом Виктором Михайловичем, я вспоминаю еще много корректур и промахов, особенно же меня занимает и беспокоит вопрос: не слишком ли много пейзажа в отношении фигуры? И по этому вопросу хотелось бы очень слышать Ваше мнение».. 21 декабря 1892 г.: «Картина моя «Юность Сергия Радонежского» в настоящее время может считаться конченной, если же будут необходимы поправки, то таковые сделаю уже в Москве, в раме. Последняя ее редакция не заставляет жалеть о том, что я переписал ее на новый холст и изменил в ней кое-что..»

Картина была выставлена на XXI Передвижной выставке (1893) и вызвала спорную оценку. «Кто произвел страшную бурю споров, брани, негодования, это Нестеров. Особенно на него напали Ге и Максимов, а за него были Ярошенко, Куинджи и Савицкий. Он прошел одиннадцатью голосами» (из девятнадцати). (Из письма В. Д. Поленова к Н. В. Поленовой, 8 февраля 1893).

7. Е. С. Сорокин был преподавателем Училища живописи, ваяния и зодчества; Н. В. Поленова, посещая классы Училища (1886—1889), была ученицей Сорокина; на его место был приглашен В. Е. Маковский.

8. Речь идет о картине Поленова «Христос среди учителей» (1896, ГТГ), задуманной в Риме в 1884 г. первый эскиз) и написанной в Риме же в 1895 г.

9. П. М. Третьяков был членом Совета Училища живописи, ваяния и зодчества. В 1891 г. находился в Петербурге вместе с Поленовым как член комиссии по пересмотру устава Академии художеств.

10. По предложению Поленова, принятому на общем собрании Товарищества передвижников в 1892 г., наиболее сильным художникам-экспонентам предоставлялось право на год выставить две картины без жюри. Работы членов Товарищества не проходили через жюри.

11. «Тетя Саша» — А. В. Гольштейн, русская эмигрантка семидесятых годов прошлого столетия. Жена врача эмигранта В. А. Гольштейна, двоюродного брата Якунчиковых, мать врача Л. Н. Вебера. В Париже Якунчиковы жили в общей квартире с Гольштейнами на Авеню Ваграм. Гольштейны содействовали художественному образованию М. В. Якунчиковой и музыкальному образованию ее сестры В. В. Якунчиковой.

12. Московский столяр А. А. Минаев, с 1883 г. работавший мебель по рисункам Поленова, был приглашен на работу по внутренней отделке дома-музея в Борке. Минаевым исполнены по рисункам В. Д. Поленова: 2 дубовые лестницы, 6 дубовых дверей, 3 шкафа и стол в готическом стиле.

13. В 1892 г. в средних губерниях России была эпидемия холеры.

14. В имении «Марьине» Тарусского уезда, Калужской губ. С. В. Иванов действительно прожил недолго и переселился в Московскую губ. (станция Влахернская по Савеловской ж. д.).

15. Речь идет об издании альбома, посвященного пятнадцатилетней деятельности мамонтовского театрального кружка (М., 1894).

16. «Два мира» — трагедия А. Майкова. «Камоэнс» — пьеса В. Жуковского, Хан Намык — главное действующее лицо пьесы С. Мамонтова «Черный тюрбан».

17. В пьесе «Камоэнс» (Абрамцево, 23 августа 1882 г.) Н. В. Поленова в костюме, сделанном по рисунку Поленова, играла роль молодого поэта Васко Кеведо, страстно влюбленного в творения великого поэта Португалии Камоэнса, которого играл Поленов. Рисунок Поленова к костюму Васко Кеведо помещен в указанном издании.

18. Отсутствие Н. В. Поленовой, проверявшей даты по документам хранимых ею архивов, отразилось на издании альбома, в котором есть существенные ошибки датировки спектаклей. 30 марта 1928 г. она писала Остроухову: «Когда составлялась «Хроника нашего кружка» в 1893 г. в январе, меня не было в Москве, я жила ту зиму здесь (в Борке́), и в составлении Хроники принимали участие Савва, Спиро и Василий. Они во многом не могли распутаться, и пометка, что «Хан Намык» шел в 1886 г.

неверная.. «Хан Намык» шел в Абрамцеве в августе 1884 г., был повторен в Москве в 1887 г. и в Абрамцеве в 1889 г.

19. «Певцы» или «Гусляры» — рисунок В. Васнецова для постановки «Снегурочки» Островского на мамонтовской сцене.

20. В январе 1893 г. праздновалось пятнадцатилетие мамонтовского художественного кружка, на котором В. Васнецов выступил с воспоминаниями о прошлой деятельности кружка и о значении для него семьи Мамонтовых. «Сколько художников жили и живут душа в душу с этой семьей! Репин вот и ныне не утерпел, приехал опять минутку пожить с нами; Поленов, Неврев, этот суровый старичина, Бермяту даже у нас играл, вот как; Антокольский, Кузнецов, Антон Серов, который, между нами будь сказано, растет художественно не по дням, а по часам; здесь в доме и рос, кажется; Врубель Михаил Александрович, Коровин, да и опять не перечислишь. Встречал я здесь Сурикова и Маковского. Подумайте только, почтенный профессор Спиро каждый год, старина, катит сюда из Одессы. По три дня сидит голодный, под снежными заносами, а часто и совсем замерзает, с трудом оттает, а чуть только оттает, сейчас на сцену! И таких он нам дал Хана Намыка, царя Берендея, что и век не забыть! Да, Петр Антонович, такого царя Берендея, боюсь, русская сцена не увидит; жаль, что и Островский не видал.

Почти все мы, помянутые художники, со славой поработали не только кистью, но и на сцене были не последними. Поленов сколько ролей прошел: прекрасный был Деций, с Елизаветой Григорьевной, Камоэнс; Репин — прекрасный Бермята, Неврев тоже! О Серове и говорить нечего: и балерина, и декоратор, Фатима, купец измаильтянский, черкес, и кто еще, не знаю, сегодня. Калиныч — Врубель тоже сегодня прекрасно играл. Помню и почтенного профессора Поленова, пишущего декорации: весь в белилах, саже, сурике, охре — глаз не видно, тут же роль разучивает..»

В. А. Серов был талантливый актер-комик. В пьесе «Черный тюрбан» он танцевал в костюме гаремной красавицы Фатимы перед влюбленным ханом. Когда тот поднимал покрывало, перед зрителями открывалось комически испуганное лицо Серова. М. А. Врубель играл роль режиссера Калиныча в пьесе С. И. Мамонтова «Около искусства», поставленной к празднованию пятнадцатилетия кружка.

21. Е. Д. Поленовой на XXI Передвижной выставке 1893 г. была выставлена картина «Счастливые годы», Э. Шанкс — «Трудная задача».

22. Поленов подразумевает свой превосходный пейзаж Оки глубокой осенью «Стынет» (1893), о котором он сообщал И. Терещенко, предполагая назвать его «Перед снегом» (Киевский музей русского искусства). В каталоге Передвижной выставки назван «На Оке».

23. Н. А. Ярошенко выставил портреты: «Симановский», «Ауэрбах», «Евдокимов», «НСП», «Этюд», «Похороны», «Мальчик»; В. М. Макси-

мов — «Лихая свекровь», «Лесной сторож»; Н. Н. Ге — «Мой портрет», портреты: «Костычев», «Н. И. Петрункевич»; В. И. Суриков — «Исцеление слепого Иисусом Христом»; И. Е. Репин — портреты: «В. Д. Спасович», «Великий князь К. К. Романов», «В. И. Репина» («Осенний букет»). Отказаны были картины С. А. Виноградова «У часовни» и «Подруги».

24. Д. А. Щербиновский в 1891 г. поступил в Академию художеств и работал у П. П. Чистякова.

25. А. Я. Головин. «Урок музыки».

26. Подразумевается «Ранний снег» (1891, ГТГ).

27. Домашняя сцена в доме С. И. Мамонтова на Садовой против Спасских казарм.

28. В городе Кологриве Костромской губ. при одной из ремесленных школ, учрежденных на капитал, оставленный на это дело Ф. В. Чижовым, строилась церковь. Во главе строительства был его душеприказчик С. И. Мамонтов, привлекший к работе В. Д. Поленова, его учеников и Е. Д. Поленову, взявшую на себя исполнение нескольких икон и орнаментальную роспись на стенах церкви. Работая над составлением орнаментов для этого заказа, Е. Д. Поленова увлеклась стилизацией растений и придумыванием орнаментальных комбинаций, которые вошли в творчество последних лет ее жизни. Е. М. Татевосян в воспоминаниях о ней (Тбилиси, 1935) писал: «В творчестве Елены Дмитриевны орнамент занимает большое место. Она имела особую способность сочинять орнамент, стилизовала большей частью растительные элементы. Одно время она много писала с натуры цветы среди природы, лугов, полей, лесных полянок и хорошо их проштудировала. Я заинтересовался стилизацией. Мне было любопытно узнать процесс работы. Елена Дмитриевна сказала: «Попробуйте, это очень занятно, составлять узор. Возьмите какой угодно элемент и его повторите в прямом и обратном положении». Я попробовал, и у меня стал выходить орнамент. Я этим увлекся и наполнил целый альбом орнаментов; но любопытно то, что орнаменты Елены Дмитриевны все выходили в русском стиле, мои же в восточном. Я перенял у художника Суреняна способ копирования орнаментов с древнеармянских манускриптов. Много и быстро Елена Дмитриевна сочиняла орнаменты. Особенно после хорошей музыки. Когда она лежала, переживая звуки, ей очень ясно представлялись узоры. Хотя сама она не занималась музыкой, но очень любила слушать и обладала хорошим слухом. Орнаменты Елены Дмитриевны восхитительны по краскам и очень фантастичны. Я знаю некоторые орнаменты Врубеля, он также стилизовал, но они декоративны и жестки по сравнению с орнаментами Елены Дмитриевны. Ее орнаменты настолько тонки по сочетаниям красок и линий, что ими можно любоваться, как любуешься хорошими картинами. Они не просто узоры, а точно в них вложены загадочные мысли, они цветозвучны, если можно так выразиться» (Архив Поленовых).

29. Спиро, по рассказам современников, в роли Хана Намыка в пьесе «Черный тюрбан» проявил необыкновенное дарование актера комика. Н. В. Поленова утверждала, что никогда в жизни так не смеялась, как на этом спектакле (Абрамцево, 1889), в котором участвовал второй исключительный комик Серов, к тому же изображавший ржание коня и воркование голубей. На один из мамонтовских костюмированных вечеров Серов въехал в зал в виде зайца с барабаном, на другом изображал балерину. Спиро был тонким ценителем музыки и театра, аккомпанировал С. И. Мамонтову и пел лирические теноровые партии, итальянские романсы и песни. В музее «Абрамцево» находится портрет-набросок Поленова «У рояля»: Мамонтов поет, Спиро аккомпанирует (масло, 1882).

Глава XIII

1. Адрес русских женщин француженкам был поднесен в связи с событиями, сопровождавшими заключение франко-русского союза. В 1891 г. французская эскадра посетила Кронштадт, в 1893 г. русская эскадра в составе: броненосца «Николай I» и крейсеров «Адмирал Нахимов», «Память Азова» и «Рында» под флагом контр-адмирала Ф. К. Авелана совершила ответное посещение в Тулон. Адрес подносился в благодарность за встречу, оказанную русским морякам в Тулоне и Париже.

2. Виньетка, выполненная Е. Поленовой, была выбрана для заглавного листа комиссией по организации, составлению и поднесению адреса, возглавляемой Н. В. Стасовой. Впоследствии заглавный лист с виньеткой был выставлен на стене читального зала Парижской Национальной библиотеки.

Описание альбома и адреса приводится в переводе с выдержки из французской газеты «Temps» (Париж, 28 марта 1894), сохраненной в архиве Е. Д. Поленовой: «На выставке в Обществе поощрения художеств в Петербурге был выставлен альбом, поднесенный русскими женщинами женщинам Франции в память празднеств Париж—Тулон. В нем расписалось уже более пяти тысяч человек. В альбоме двадцать пять листов большого формата, украшенных изящными акварелями, из которых одна на странице, посвященной консерватории, изображает группу певцов. Акварель на первом листе с надписью «Русские женщины — женщинам Франции» принадлежит г-же Поленовой и представляет боярыню и бретонскую крестьянку, взявшихся за руки.

Большинство подписчиц принадлежит к педагогическому, морскому и артистическому миру. Они поставили только свое имя.

Переплет альбома в древнерусском стиле отличается исключительным богатством отделки, она представляет кружевную вышивку на бар-

хате и золотой парче с жемчугом и драгоценными камнями; в середине вышит шелками и золотом герб России, увенчанный короной из жемчуга и камней. На переплете две надписи разноцветной эмалью: наверху «русские — француженкам», внизу дата «1893 год».

На одной из страниц альбома помещен адрес, написанный вязью на двух языках, следующего содержания: «Блистательный и задушевный прием, каким почтила Франция русскую эскадру, является первым в истории примером братского единения двух Великих наций во имя мира. В этом знаменательном событии мы не только приветствуем единодушный обмен горячих взаимных симпатий и России и Франции, но и видим в нем залог торжества гуманных стремлений современного человечества, мы хотим верить, что высокий идеал братства народов будет насущной задачей грядущего века.

Мы, женщины,— не умираем на полях битв, но обречены видеть, как гибнут, защищая нас, наши отцы, мужья, сыновья и братья. Мы разделяем все превратности их судьбы, за исключением одной этой роковой опасности. Вот что всего более обязывает нас, женщин, служить Великой идее мира. Вот что дает нам неоспоримое право провозглашать, что величайшим в истории будет тот день, когда цивилизация победит наконец кровавое наследие варварства, когда общими усилиями лучших умов создана будет возможность избегать в будущем всех неисчислимых бедствий войны — этого вечного источника разорения народов и отчаяния семей, этой величайшей преграды торжеству прогресса.

Да придет мир!

Вам, женщины Франции, шлем мы это заветное пожелание вместе с заявлениями наших горячих симпатий и глубокого чувства дружбы и уважения к Великой Французской Нации».

Русский текст адреса приводится в копии с фотоснимка с альбома, хранящегося в отделе рукописей Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Виньетка Е. Д. Поленовой с акварелью Кремля в зимний солнечный день воспроизведена в журнале «Искусство и художественная промышленность» (1899) в статье В. В. Стасова «Елена Дмитриевна Поленова».

3. Художественная столярно-резчицкая мастерская в Абрамцеве.

4. Речь идет о сказке Е. Поленовой «Война грибов», изданной в 1889 г. в Москве одноцветной фототипией.

5. «Артист» — театральный, музыкальный и художественный журнал-ежемесячник. Издавался в Москве с 1889 г. иллюстрации Ф. Л. Соллогуба за 1889 г.: Книга I — рисунки костюмов к театральным постановкам: «Дон Карлос» и «Доминго». Книга VI — «Сказка о золотом петушке» Пушкина.

6. Под «фабрикой» Стасов, очевидно, подразумевает столярно-резчицкую мастерскую и гончарную мастерскую в Абрамцеве.

7. «Мотивы русской архитектуры» — журнал, издававшийся в Петербурге (1873—1880). Издание и литографии А. А. Рейнбота.

8. «Зодчий» — журнал, издававшийся петербургским Обществом архитекторов (1872—1917).

9. «Славянский и Восточный орнамент» — атлас, составленный В. В. Стасовым по рукописям от XIV до XIX века (СПб., 1884—1887.)

10. «Московское Товарищество художников» (1893—1924) было организовано молодыми художниками с целью устройства своих выставок, по направлению не зависимых от передвижников.

11. Выставка прикладного искусства, организованная в Париже М. В. Якунчиковой и М. К. Егоровой в декабре 1894 г.

12. Русские прикладники-керамисты Е. А. Егоров и его жена М. К. Егорова жили и работали в Париже. Под руководством Егорова керамикой занимались в 1875—1876 гг. художники-пенсионеры Поленов, Репин, Савицкий и др. На выставке 1894 г. М. Егоровой был оборудован отдел керамики.

13. «Машины вышивки» — работы женщин-кустарей Тамбовской губернии, где М. Ф. Якунчикова организовала артель вышивальщиц в деревне «Соломенки».

14. В письме даны два рисунка для сравнения русского орнамента и византийского.

15. Подразумевается картина Чистякова «Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого» (1861), за которую он получил I-ю золотую медаль и право пенсионерства от Академии художеств на 6 лет.

Глава XIV

1. «Собор на горе» — собор XII в. в Звенигороде. Там же — монастырь Саввы Сторожевского (Саввинский).

2. Н. Л. Шабельская имела в Москве музей собранных ею старинных русских костюмов и библиотеку по русской истории с библиографическими редкостями.

3. О Народно-исторических выставках и участии Е. Поленовой в задуманном деле писал Е. Татевосян (Тбилиси, 1935): «Идея организации Народных выставок возникла у Товарищества московских художников. Выработали программу из сюжетов, взятых из Библии и русской истории. Елена Дмитриевна глубоко сочувствовала этому симпатичному делу, энергично взялась за него; хотя идея всех и воодушевляла, но на практике оказалось, что многим из нас не по карману было входить в такие большие расходы: так как картины предполагалось писать довольно больших размеров, то, разумеется, на подрамки, холсты и краски требовались средства, и тут Елена Дмитриевна пришла на помощь с очень

остроумным предложением, чтобы всякий участник будущей выставки добровольно пожертвовал какую-нибудь из своих прежних работ, будь то этюд, эскиз, рисунок — безразлично. Собрали довольно много работ, устроили из них негласную маленькую выставку, пригласили знакомых покупателей и, кажется, все было продано по невысоким ценам. Вырученные деньги были внесены в магазин художественных принадлежностей Надежина на Сретенке с тем, чтобы каждый участник, желающий пользоваться материалами, имел право забрать из магазина на сумму не более тридцати рублей. Таким образом участники предполагаемой выставки оказались обеспечены материалами.

Елена Дмитриевна путем собраний постоянно подогревала интерес к этому делу. Нас интересовало, как же выглядит подобная выставка, разнообразная по выполнению и сюжетам. Для этого Елена Дмитриевна предложила товарищам устроить выставку всех эскизов к будущим картинам. Весною 1896 года мы снова устроили закрытую выставку. Результат оказался очень хороший, особенно запомнился мне эскиз Серова на библейскую тему «Слуга Авраама у Ревекки», Елены Дмитриевны «Борис и Глеб», Головина «Чудо Моисея».

Мысль народной выставки была оригинальна и интересна и совсем новая. Предполагали устроить ее передвижную по городам и селам России. Принцип пропаганды искусства в народ — задача хорошая, но и трудно осуществимая. Большинство художников не имело достаточно просторных мастерских для выполнения крупных работ и проводило время в заботе о куске хлеба. Выполнено было лишь двадцать картин, слишком мало для того, чтобы открыть выставку. Мы все, как и Елена Дмитриевна, верили в возможность осуществления этой идеи. Я даже думаю, если бы осталась жива Елена Дмитриевна, может быть, она сумела преодолеть все препятствия и реализовать выставку. Сама она до срока написала картины на взятые ею темы. Грустно, что мечте ее не суждено было сбыться. После нее распалось дело, некому было поддерживать огонь, и он естественно заглох».

Е. Д. Поленова написала для предполагаемых выставок три картины: «Масленица» (в деревянном древнерусском городе), «Видение Бориса и Глеба воинам Александра Невского» и «Убиение князя Бориса».

Стасов в статье «Елена Дмитриевна Поленова» («Искусство и художественная промышленность», 1899) полностью приводит программу и состав участников неосуществившегося дела Народно-исторических выставок.

4. На XIV Периодической выставке Общества любителей художеств М. В. Нестеровым были выставлены эскизы для Владимирского собора в Киеве: 1) Св. Арсентий великомученик, 2) Св. Николай, 3) Св. Варвара великомученица, 4) Св. Филарет милостивый, 5) Св. Кирилл, 6) Св. Мефодий, 7) Св. царица Елена, 8) Св. Константин, 9) Иконостас из четырех

образов: Иисус Христос, Богоматерь и св. Борис и Глеб, 10) Рождество Христово (запрестольный образ), 11) Евангелисты, 12) Благовещенье, 13) Иконостас из четырех образов: Христа, Богоматери, св. Ольги и св. Михаила, 14) Богоявление, 15) Благовещенье (собрание П. М. Третьякова), 16) Евангелисты.

А. Васнецов выставил три картины — этюды путешествия на Каму: 1) Свидловская башня, 2) Сибирь, 3) Березняк. Киевские этюды: 1) София, 2) Андреевский спуск, 3) Хата, 4) Трехсвятительская церковь, 5) На Кирилловской улице, 6) В городском саду; и «Кремлевские соборы».

Серов выставил: портрет Л. А. Муравьевой (рожд. Мамонтовой — «Милуша»). Из путешествия на строительство Северной ж. д. с Мамонтовым и Коровиным: Северный олень; из путешествия на Север: 1) Берега северной Норвегии, 2) Улица в Тромсё, 3) Мурманский берег, 4) Рыбацкое становище на Мурмане, 5) У лопарей, 6) В Норвежском море, 7) Рыбацкая пристань в Архангельске, 8) Печенга.

Коровин выставил пейзажи: «Гаммерфест». Из путешествия на Север: 1) На Печенге (Мурманский берег), 2) Зима в Лапландии, 3) Ручей св. Трифона и картины «Под утро» и «Продавщица танагр».

Какую картину Е. Поленова называет «Салонной» — не выяснено.

5. Под «Подвальной» Е. Поленова подразумевает свою картину «Без сил, без денег», выставленную на Передвижной выставке 1895 г. На картине изображены уличные музыканты, юноша и девушка с арфой, после бесплодного дня вернувшиеся в свою подвальную каморку.

6. Суриков выставил на Передвижной выставке 1895 г. картину «Покорение Сибири» (1895, ГРМ), купленную Николаем II за сорок тысяч рублей.

7. Письма Е. Д. Поленовой к матери, посылаемые из путешествия (Италия—Франция), которое она совершила совместно с Е. А. и А. А. Карзинкиными и А. Я. Головиным, имеют превосходные акварельные заставки. Сохранен также альбом путевых акварельных набросков Е. Поленовой, о котором Татевосян писал: «Акварель — стихия Елены Дмитриевны. Если умолчать о всех ее работах и взять только ее акварели — этого достаточно, чтобы признать ее первоклассным художником.

Она говорила: «В технике акварели много случайностей, дело лишь в умении ими пользоваться». Изумительно ловко, сочно она заливала, смывала, удачно пользовалась затеками и достигала высокохудожественных результатов. Никто в то время так своеобразно широко, так ярко и красиво не передавал натуру, как она.

Елене Дмитриевне подарили толстый квадратный альбом в пергаментном переплете. Весь он заполнен акварелями путешествия за границу весной 1895 года. Она зарисовывала быстро с мчавшегося поезда виды местностей, где она проезжала, начиная с Москвы в тумане, Польша, Вена, перевал Земмеринг, Италия, Париж и обратное путешествие кон-

чается снова Москвой. Дивно сделано! Что ни акварель — то шедевр! Невозможно равнодушно на них смотреть, они восхитительны. Сколько раз я пересматривал и постоянно находил в них интерес. Вообще все эти акварели, как перлы, достойны быть украшениями музея. Не надо оставлять их в альбоме, надо дать всем возможность осматривать эти дивные работы». Акварели путешествия в Рим и Париж находятся в экспозиции Музея-усадьбы В. Д. Поленова.

8. Е. Поленова была в Венеции в 1875 г. с сестрой Верой и ее мужем И. П. Хрущовым.

Глава XV

1. «Поздней осени рыданье» — поэтический образ из стихотворения «Ворон» американского поэта-символиста Эдгара По, переведенного на русский язык Бальмонтом. Вспоминая о Е. Поленовой, Татевосян дает описание упоминаемого эскиза: «Ночной пейзаж, вид крыш в городе, на первом плане — дымовая труба и лицо человека, с выражением щемящей тоски дующего в трубу. Она хотела передать тоску одиночества, которое охватывает в бессонные ночи под вой ветра в печной трубе. Этот эскиз был выставлен на выставке «Опытов творчества», устроенной Репиным в Петербурге в 1896-97 годах».

2. «Змий» или «Зверь» — последняя (неоконченная картина Е. Поленовой. «Последняя ее картина,— пишет Татевосян,— исполнена акварельными красками, над ней Елена Дмитриевна долго работала, название картины «Зверь», она стилизованная, сюжет аллегорический. Невинная девушка зашла в сказочный сад с золотыми яблоками. Через открытую калитку к ней подползает страшный «зверь», вот-вот обовьется и унесет ее. Тишина сада полна зловещего ожидания. Но все же эта картина не производит на меня впечатления законченной работы. Мне думается, если бы Елена Дмитриевна осталась жива, она довела бы ее до значительной вещи». В биографическом очерке, составленном к посмертной выставке Е. Д. Поленовой (1902), Н. В. Поленова писала: «Казалось, что Елена Дмитриевна в своей картине «Зверь» бессознательно воспроизводила ту страшную драму, которую переживала сама. Живя в волшебном мире искусства, срывая цветы его, она не видела того чудовищного зверя, который уже близко подкрался к ней и должен был беспощадно унести ее» (Архив Поленовых). Картина «Зверь» находится в фондах ГТГ.

3. Подразумевается картина Поленова «Среди учителей» (1896, ГТГ), которую он закончил в Борке́ осенью 1895 г.

4. 24 декабря 1895 г. умерла мать Поленовых, Мария Алексеевна; похоронена рядом с мужем в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря. Обстановка М. А. Поленовой и ее семейные портреты были

перевезены Поленовым в Борóк, где устроена комната ее памяти — «Портретная».

5. Ученик Поленова — Л. О. Пастернак пишет: «Стоило хоть раз побывать в гостеприимном доме Поленова в Кривоколенном переулке, и помимо общей атмосферы и стиля окружающей обстановки, созданного при помощи преданного друга и помощника — жены его Натальи Васильевны,— хоть раз увидать старушку мать его, сидевшую всегда за рукоделием и принимавшую живое участие в оживленных беседах за вечерним чаем после наших рисовальных вечеров, чтобы безошибочно представить себе дух и направление, какое должна была дать эта среда творчеству Поленова.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что эту благородную, еще бодрую старушку в сединах, с пробором посредине, с черной тюлевой наколкой, всегда очень опрятно и с достоинством одетую, надо отнести к категории того русского передового дворянства, которое отдало из среды своей и декабристов и которое в лучших своих представителях непрестанно в течение столетия давало людей, не страшившихся ни эшафота, ни ссылки на каторгу, отдававших силы свои и жизнь свою на служение русскому народу, которое жаждало вплоть до наших дней освобождения этого народа от рабства и приобщения его к европейской культуре» (Москва, 1927, Архив Поленовых).

6. Подразумевается этюд Поленова к картине «Заросший пруд», написанный в 1877 г. в деревне Петрушки Киевской губернии, где отец и мать Поленовых проводили лето вместе с Хрущовыми.

7. Возможно, что идет речь об эскизе к одной из живописных икон, написанных Поленовым в Париже в 1876 г. по заказу румынской церкви.

8. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде, устроенная при очередной Нижегородской ярмарке. Е. Д. Поленова работала над панно «Жар-птица», заказанным М. Ф. Якунчиковой для отдела русского прикладного искусства на Нижегородской выставке. Работа исполнялась в вышивальной мастерской, организованной М. Якунчиковой в помощь голодающим (см. примеч. 3, глава XVIII).

9. Речь идет о сюжетах, которые были включены в программу Народно-исторических выставок.

10. «Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее». Сборник составлен и издан П. В. Синицыным. Иллюстрации М. В. Нестерова. Гравировано А. С. Яновым (М., 1895).

11. Стасов имеет в виду издание А. Ступина «Пушкин А. С. Сочинения, изданные для юношества под редакцией В. П. Авенариуса с биографией поэта, портретами и снимками с почерка его, картинами и политипажами в тексте». Иллюстрации М. В. Нестерова (М., 1889. 2-е издание — 1899), а также иллюстрации Нестерова к сказкам Пушкина: «Сказка

о золотом петушке», «Песнь о вещем Олеге», «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Издание А. Ступина под редакцией В. П. Авенариуса. М., 1889, 2-е издание — 1896).

12. Стасов имеет в виду издание И. Н. Кушнерева (М., 1891) — двухтомник сочинений Лермонтова с иллюстрациями: Айвазовского, В. Васнецова, А. Васнецова, Врубеля, Е. Волкова, Дубовского, С. Иванова, К. Коровина, В. Менка, В. Маковского, Поленова, Пастернака, Репина, Савицкого, Серова, К. Трутовского, Шишкина. Иллюстрации Серова к «Герою нашего времени», а также иллюстрации Врубеля к «Демону» и «Герою нашего времени» — это непревзойденные шедевры русской иллюстрации.

13. К. В. Лебедев иллюстрировал преимущественно рассказы, очерки и романы из русской истории, а также поэмы и рассказы Пушкина. Издание И. Д. Сытина, М., 1890-е гг.

14. «Воспоминания о моей сестре» печатались Стасовым в «Книжках недели» (1896, I—XII), отдельные оттиски (авторские) были в зеленых обложках. В письмах Стасов называет их «зелеными тетрадями». «Книжки недели» — литературные приложения к еженедельной газете «Неделя», издававшейся в Петербурге П. А. Гайдебуровым (до 1893 г.), а затем его сыном В. П. Гайдебуровым. Впоследствии, в дополненном и переработанном виде, очерки Стасова были изданы в виде книги: «Владимир Стасов. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки». Петербург, 1899.

15. «Заметки о 24-й выставке передвижников» — «Новости и биржевая газета» (1896, 1 марта, № 60) перепечатана в двухтомнике «В. В. Стасов. Избранные сочинения, М.—Л., 1937. В этих «Заметках» Стасов положительно отзывается о молодом поколении передвижников и посвящает несколько строк картине Поленова «Среди учителей»: «Здесь автор, долго пробывший на Востоке, продолжает с талантом, тщанием и умелостью прилагать восточные этнографические и архитектурные подробности к сюжетам из Священной истории, и в этом у него, к сожалению, еще мало у нас последователей. Только необходимо, чтобы и психологическая сторона играла сильную и значительную роль в сочинениях этого рода».

16. «Константиновыми» фресками Поленов называет северные панно Коровина, сделанные по заказу Мамонтова для стен Ярославского вокзала и выставленные на Нижегородской выставке 1896 г. О Северном павильоне, в котором они были выставлены, К. А. Коровин рассказывает в своих воспоминаниях (см. книги: «Федор Иванович Шаляпин», т. II, М., 1958 и «Константин Коровин», М., 1962).

17. Чтобы достойным образом выставить панно Врубеля, отвергнутые жюри, Мамонтов на свои средства построил для них павильон на Нижегородской выставке.

18. О совместной работе с Е. Поленовой рассказывает в своих воспоминаниях Татевосян: «В первой квартире Елены Дмитриевны, куда я был приглашен (в Чудовском переулке, недалеко от Чистых прудов), я подружился с художником А. Я. Головиным, который до меня бывал там и работал, примкнул и я к ним. Создалась общая мастерская. Вместе работали, чай пили, шли вместе на концерты, летом в Зоологический сад, словом, Елена Дмитриевна за нами, как нянька за детьми. Она была старше нас. Много опытнее меня. И так талантливо, без уроков, она наводила меня на все новые и новые мысли в разнообразных работах.

Головин обладал необыкновенной легкостью в живописной технике, это качество очень ценила Елена Дмитриевна. Головин был старше меня, конечно, и опытнее, Училище живописи он окончил раньше..

..Головин редко сдерживал данное слово, часто не приходил, сказав, приду. Елена Дмитриевна сердилась, так как сама она была человек слова, не терпела обмана» (Архив Поленовых).

19. Поленов и Татевосян увлекались в 1896 г. мозаичными работами из окских камней. Поленовым был сделан фриз на камине в центральной комнате дома в Борке́ — «Библиотеке», часть которого была исполнена Е. Поленовой, и две мозаичные картины «Кувшинки» и «Горелый лес». Татевосян сделал сказку о «Мулле Наср-Эддине и его десяти ослах», мозаичное панно «Трехцветная кошка» по заказу М. Ф. Якунчиковой, и в начале 1900-х гг. «Портрет В. Д. Поленова» (Музей-усадьба В. Д. Поленова). Говоря о месте директора мозаичными мастерскими с двойным окладом, Поленов шутил.

20. Н. В. Поленова взяла на себя ремонт и перестройку школы в соседнем с Борком селе Страхове.

21. Выставка опытов творчества, которую Репин устраивал в Петербурге в Обществе поощрения художеств в конце 1896 — начале 1897 г.

22. Французская художественная выставка в пользу Красного Креста (Петербург, 1896).

23. Речь идет о двадцатипятилетии художественной деятельности И. П. Ропета. По просьбе Стасова Е. Д. Поленова делала заставку для адреса юбиляру (воспроизведена в издании «Искусство и художественная промышленность», 1899, в статье Стасова «Елена Дмитриевна Поленова»). Юбилей Ропета совпадал с двадцатипятилетием художественной деятельности В. Д. Поленова, Репина и Антокольского.

24. Стасов подразумевает издание с иллюстрациями Е. М. Бём: «Нижний Новгород. Не поминай лихом, а добром — сколь хочешь. На память о Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. 1896». 10 таблиц в папке. Петербург, 1896.

25. На выставке опытов творчества в Петербурге (1896—1897) были выставлены: Е. Д. Поленова — символическая композиция «Ненастье» на слова стихотворения Эдгара По «Ворон» («Поздней осени рыданье»); М. В. Якунчикова — панно-картины (масло по дереву с обрисовкой контура выжигальной иглой): «Лебеди», «Утки», «Окно», «Весло», «Две дороги»; Е. М. Татевосян — эскиз «Эспланада»; А. Я. Головин — символические композиции: «Преходящее», «Ущерб», «Щемит».

26. Поленов выставлял эскизы к картинам: «Христос и грешница», «Мечты», «Среди учителей».

27. Так как Е. Поленовой не удалось издать в цвете ни одну из многокрасочных сказок первого (абрамцевского) периода, то, приступая к работе над вторым (костромским) циклом (1888—1898) и предназначая его для издания, она выработала упрощенную манеру с ограниченной цветовой гаммой. Сказки, иллюстрированные в этой манере, были изданы в цвете в трех выпусках в 1906 г. фирмой Брукман в Мюнхене при посредстве московской фирмы Гроссман и Кнебель, в складе которой хранилось издание. Иллюстрации этого периода представлены в подлинниках, копиях и цветных репродукциях в экспозиции Музея-усадьбы В. Д. Поленова и в фондах ГТГ и ГРМ.

Татевосян пишет: «Иллюстрации к народным сказкам в творчестве Елены Дмитриевны занимают серьезное место. Изучая по северным деревням русскую резьбу, она сталкивалась с крестьянами, прислушивалась к их рассказам и сказкам. Она сама подбирала народные сказки, записывала со слов крестьянских детей и стариков, редактировала текст. У нее был широкий план недорогого издания в красках с целью широкого распространения, но неожиданная смерть все расстроила.

Многие рисунки к сказкам она делала при мне. Ее серьезное глубоко добросовестное отношение весьма поучительно. Корректуру каждого рисунка она проводила последовательно на десяти и больше отдельных рисунках с вариациями, доводила постепенно до совершенства. Рисунки были стилизованы, во внешней форме стилизации она придерживалась лучших образцов английских иллюстраций, но вся трактовка сюжета была своя, оригинальная и русская. Первая проба издания исполнена в фототипиях без красок — это «Война грибов» (1889). Пришлось раскрашивать от руки. Позднее она стала искать новую форму. Никто до нее так удачно не находил.

В отношении содержания сказки очень разнообразны, в выборе их сказывается ее личный вкус. Жаль, что она не увидала изданными свои сказки, на которые положила столько труда. Только после ее смерти были изданы три тетрадки под названием — «Русские народные сказки и прибаутки, пересказанные для детей и иллюстрированные Е. Д. Поленовой». Названия сказок: «Плутоватый мужик», «Козлихина семья», «Сынко-Филипко», «Злая мачеха», «Жадный мужик», «Отчего медведь

стал куцый», «В тридесятом царстве»; прибаутки: «Рыжий и красный», «Тили-телешок», «Дурак и дурочка», «Пенье-коренье». В этих сказках, кроме людей, часто фигурируют животные, хищников почти нет, все больше ей симпатичное животное царство. Ее интересовала архитектура, постройки изб, палат, в которые она вкладывала фантастичность, украшала узорами из источников народного творчества в своей переработке. Сказки эти, хотя и названы «для детей», но для взрослых они не менее интересны. О них можно много сказать. О них скажут еще в будущем» (Архив Поленовых).

Народный художник СССР К. Ф. Юон посвящает следующие строки Е. Д. Поленовой: «Рисунки Е. Д. Поленовой к русским сказкам — чарующие документы о русских детях и о русской народной душе. Примитивный уклад деревенской жизни недавнего прошлого в них отражен лаконично, правдиво и трогательно. Пушкинская простота и живая образность — их неоценимое достоинство. В них слышен голос русской матери, доброй бабушки и любимой няни. Сказки Поленовой насквозь проникнуты московским духом и народной мудростью. Лишенный стилизации их правдивый язык делает их близкими каждому русскому в той же мере, как поэзию Пушкина или музыку Чайковского («Советская культура», 5 апреля 1958).

28. Речь идет о статье Стасова «Николай Николаевич Ге» (биографический очерк). Статья печаталась в «Северном вестнике» (1895, № 1, 2, 3), затем, из-за расхождения Стасова с редакцией «Северного вестника», статьи продолжали печататься в «Книжках недели» (1897, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август). Впоследствии очерки, переработанные и дополненные, были изданы в виде книги под заглавием «Николай Николаевич Ге. Его жизнь, произведения и переписка. Составил В. Стасов. Издание «Посредник» для интеллигентных читателей». М., 1904.

29. На статью Н. И. Кравченко «Временный устав Академии художеств» («Новое время», 1897, 16 сентября, № 7742) Стасов ответил статьей «Нужно ли образование художнику?» («Новости и биржевая газета», 1897, 23 сентября, № 262). В свою очередь Н. И. Кравченко опубликовал «Ответ В. В. Стасову» («Новое время», 1897, 4 октября, № 7760), на что Стасов ответил статьей «Еще раз по поводу Н. И. Кравченко» («Новости и биржевая газета», 1897, 7 октября, № 276).

30. В апреле 1896 г. Е. Поленова ехала на извозчике по крутому спуску к Трубной площади, пролетка налетела на рельсы конки и вывернулась. Удар головой о мостовую, вызвавший разращение костей, стал причиной ее смерти. В последнем путешествии в Испанию и Париж Е. Д. Поленову, уже сильно больную, сопровождал А. Я. Головин.

31. Дюваль — владелец сети недорогих ресторанов в Париже.

32. Е. Поленова, М. Якунчикова и А. Головин были заняты работой по подготовке русского кустарно-прикладного отдела к Всемирной Парижской выставке 1900 г.

33. Журнал «Искусство и художественная промышленность» издавался под редакцией Н. П. Собко (1898—1901).

34. Журнал «Мир искусства» (1898—1904), редактором которого был С. П. Дягилев.

35. Е. Поленова работала для английских журналов «Артист» и «Студио».

36. Стасовым были написаны статьи против Дягилева: «Выставки» — обзор Выставки русских и финляндских художников, организованной Дягилевым («Новости и биржевая газета», 1898, 27 января и 24 февраля); «Нищие духом» — статья против вышедшего журнала «Мир искусства» («Новости и биржевая газета», 1899, 5 января).

37. Приводим статью английской журналистки, сотрудницы журнала «Artist» Н. Пикок (Netta), написанную после смерти Е. Д. Поленовой в переводе с английской рукописи: «Мое знакомство с Еленой Поленовой было довольно кратковременным, хотя имя ее было известно мне уже много лет. Я встречала ее случайно при различных обстоятельствах. Ее могучая, восторженная личность сразу притянула меня к себе. Я вполне понимаю, что она может оказывать большое влияние на молодых московских художников и вообще дать сильный толчок искусству в древней столице России.

Именно при знакомстве с декорациями для столовой г-жи Якунчиковой в ее загородном доме в Наре — мы, действительно, в первый раз побратались. То были рисунки, виденные мною, когда они были представлены для утверждения на месте, которое должны были украшать. Нечего говорить, что меня прельщал весь план: фантастический элемент был введен сюда с таким знанием, оригинальность выполнения, остроумный способ, чтобы все стены были отделаны без малейшего следа монотонности,— возбудили мою любовь к декоративным поверхностям, а национальный характер всего плана вызвал во мне глубокий интерес. Несколько месяцев спустя мы встретились в Париже, где нам предстояло видеться много раз, и, увы! мы строили немало планов на будущее, которое, однако, не осуществилось.

В последнее время жизни Елены Поленовой, в зиму 1897/98 г., она ревностно занималась усовершенствованием и разработкой подробностей вышеназванной столовой: два наброска с нее акварелью могут дать достаточное понятие об общем начертании всего проекта. Первый рисунок представляет заднюю часть комнаты, заключающую в себе панно Е. Поленовой: «Жар-Птица» и «Цвет папоротника», а также большое панно «Лебеди», сочиненное и выполненное А. Я. Головиным, который также нарисовал несколько панно и фризов для этого предприятия

и на долю которого выпало исполнение большей части его вследствие смерти Е. Поленовой в ноябре 1898 г. На таблице II мы видим половину конечной стены покоя и почти всю стену с окнами, большая часть которых отделана деревянными украшениями. Когда в «Artist'е» появилась статья об этом новом производстве,— внимание художественно-образованных людей в Англии было приковано этим истинно национальным проектом, где легенда и сказка были так счастливо и талантливо применены к украшению плоских поверхностей, и тогда же пробудился интерес к русскому прикладному искусству, до этого неведомому и не снившемуся в этой стране. Вальтер Крэн, которому я показала все рисунки и планы, был очень восхищен ими и выразил надежду, что он встретит когда-нибудь этих двух художников, богатому воображению коих мы обязаны столь оригинальным декоративным произведением.

Все, что Елена Поленова ни предпринимала, было выполнено сердцем и душой — она работала до изнеможения, никогда не отдыхая, безустанно стремясь усовершенствовать свое дело, всегда стараясь протянуть руку помощи серьезным работникам, попадавшимся ей на пути.

Не только одна столовая занимала ее мысли и маленькие руки — ее собрание иллюстраций к сказкам тоже должно было пополняться ею, согласно с теми высокими целями, какие она себе поставила и сверх коих тут были ее произведения для галереи библейских и русских исторических картин, не считая многочисленных и разнообразных эскизов из повседневной жизни, которые она впоследствии применяла как орнамент для резьбы по дереву или вышивки, и т. д. и т. д.

Для меня самым интересным и радостным в декоративном искусстве было — подвинуть ее на решение употребить особливо ее время прежде всего для поднятия этой отрасли художества, потому что она думала, после лета, проведенного в России, съехаться со мной в Англии, где она могла следить за большим развитием и движением во всех прикладных искусствах и познакомиться с нашими великолепными собраниями, заключенными в Южном Кенситгоне и Британском музее. В Париже мы посещали вместе: Клюни, Трокадеро, Лувр и музей Гимэ,— она со своим альбомом, я с записной книжкой..

Невзирая на слабевшее здоровье, настроение художницы было невозмутимо радостное, ее восторженное желание служить красоте оставалось неизменным и было, как, впрочем, и всегда, весьма плодотворным, поражая всякого, кто действительно приходил с ней в прикосновение. Наше взаимное ощущение архитектуры было лишь звеном для обоюдной симпатии; посещение же мною России наполняло меня желанием понять движение русской архитектуры.

Наши беседы повели нас к новому проекту — к поездке по Волге для посещения старинных городов, где можно было на месте изучить

все, что есть лучшего в русской архитектуре. Я должна была ехать с камерой и записной книжкой,— она, конечно, с альбомом.

..Нельзя было бы найти более подходящих слов «Она сделала все, что могла» («Искусство и художественная промышленность», № 20, 1900, май, стр. 411).

38. В память Е. Д. Поленовой ее братьями была учреждена стипендия на художественно-образовательные путешествия молодым художникам. «После смерти Елены Дмитриевны,— сообщает Е. М. Татевосян,— остался капитал в 6000 рублей золотом. Братья ее разумно распорядились — на проценты от этого капитала через год посылать за границу молодых талантливых художников. Этой стипендией воспользовались: Богаевский, Мешков, Первухин, Комаров, я и многие другие. Каждый стипендиат обязывался после поездки отдать какую-нибудь из своих работ в фонд будущей галереи имени Елены Дмитриевны. Как жаль, что эта прекрасная мечта не сбылась по случаю всемирной войны» (Архив Поленовых). Деньги от продажи собрания картин, подаренных Е. Д. Поленовой ее товарищами-художниками, и от продажи ее собственных работ вошли в фонд капитала, о котором упоминает Татевосян.

39. Е. Д. Поленова умерла 7/20 ноября 1898 г. в психиатрической лечебнице доктора Токарского в Москве.

40. Речь идет о пастели Е. Д. Поленовой «Мокрые крыши» (1895, ГТГ).

Глава XVI

1. Под «паршивыми нумерами», очевидно, подразумевается система ставить ежемесячно номера при просмотре работ учеников Академии художеств, причем наиболее почетными считались номера первого десятка.

2. «Философ с Мясницкой» — инспектор Училища живописи, ваяния и зодчества А. Н. Философов.

3. «Правительственная комиссия для всестороннего обсуждения необходимых в устройстве Академии художеств изменений и для составления соответственного этим изменениям проекта нового устава».

4. «Школа» — Высшее художественное училище при Академии художеств.

5. Подразумевается Общество любителей художеств в Москве на Малой Дмитровке.

6. Конференц-секретарь Академии художеств П. Ф. Исеев был замешан в хищении государственных денежных сумм, предан суду и сослан в Сибирь. По рассказам В. Д. Поленова растрачены были средства, собранные от пожертвований на постройку церкви Спаса-на-крови, на месте, где был убит Александр II.

7. Под редакцией П. П. Кончаловского в издательстве И. Н. Кушнерёва (Москва, 1891) шло издание двухтомника сочинений М. Ю. Лермонтова (см. примеч. 12, глава XV).

8. Стаховичи — друзья Репина. «Старик» — Александр Александрович, крупный помещик Орловской губернии, коннозаводчик, человек прогрессивного склада, много сделавший для благосостояния крестьян, большой любитель театра и актер-любитель. Сыновья: Алексей Александрович, артист Художественного театра, в 1913 г. играл в постановке «Николай Ставрогин» по роману Достоевского «Бесы» роль Степана Трофимовича. Михаил Александрович, орловский предводитель дворянства, прогрессивный общественный деятель, любитель музыки. Дочь — Софья Александровна — друг Репина, бывала у него в Петербурге и гостила в Пенатах (Куоккала). Репин любил гостить и работать в имении Стаховичей Пальна Орловской губ. Ефремовского уезда. Все они были музыкально образованы. Репин, страстный любитель музыки, наслаждался домашними концертами в их исполнении.

9. Речь идет о письмах и поздравительных телеграммах к двадцатипятилетию художественной деятельности Поленова.

10. Подразумевается мастерская в доме К. Д. Арцыбушева (Сыромятники), в которой Поленов работал над картинами «Из жизни Христа» с 1896 до 1900 г.

11. В 1894 г. Куинджи был назначен профессором-руководителем мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств. Властный характер и сильное влияние его на учеников вызвали недовольство академической администрации. Обвиненный в подстрекательстве учеников против порядков Академии, Куинджи в 1897 г. был вынужден подать в отставку.

Глава XVII

1. Поленов подразумевает задуманный им ряд картин «Из жизни Христа». Первые эскизы сделаны в Риме в 1884 г. во время подготовительной работы к картине «Христос и грешница». В 1888 году написана картина «Христос на берегу Генисаретского озера» (ГТГ) и картина «Мечты» на тот же сюжет (Киевский музей русского искусства). Под впечатлением чтений книги Ренана «Жизнь Иисуса» в 1884 г. написан превосходный эскиз к картине «Среди учителей» (1896, ГТГ). В 1899 г. Поленов предпринял второе путешествие в Египет, Сирию и Грецию и привез большой этюдный материал —«Путь Христа в пейзажах», как он его называл.

2. Политические заключенные.

3. Второе путешествие на Восток Поленов совершил в компании молодежи. Его сопровождали художники: Е. Татевосян («Египше»), А. Кисе-

лев («Фуртапыч») и студент-естественник и фотограф-любитель Л. Кандауров («Леонид»).

4. Егише Мартиросович Татевосян, уроженец горного местечка Эчмиадзин недалеко от турецкой границы, тяжело переживал газетные известия о жестоких расправах турок с армянами, его соотечественниками. Автор этих строк своими глазами видела в 1915 году толпы беженцев, двигавшихся от турецкой границы из местечка Дилижаны к озеру Гокча (ныне Севан). Женщины и дети с изможденными лицами и глазами, полными ужаса, сидели на повозках, нагруженных имуществом. Мужчины шли пешком и гнали перед собой стада овец. Дорога к Севанскому перевалу уходила в облака. Охваченные холодным туманом, они шли, обернувшись в красные стеганые одеяла с яркими восточными узорами.

Глава XVIII

1. Речь идет о второй выставке «Мира искусства». Поленов выставил на ней мозаичные работы из окских камней (см. примечание 19, глава XV).

2. «Лилины вещи» —посмертный отдел произведений Е. Поленовой, составленный по выбору С. Дягилева.

3. М. Ф. Якунчикова была одним из выдающихся деятелей по поднятию русской кустарной промышленности и прикладного искусства. Во время голода 1891 г. в селе Соломенки Тамбовской губ. ею были оборудованы в помощь населению вышивальные и швейные мастерские.

4. Московское товарищество намеревалось открыть при своей очередной выставке 1899 г. отдел эскизов и картин, написанных для Народно-исторических выставок. Репин в 1896 г. взял на себя выполнение картин на сюжеты, предложенные Е. Поленовой: «Князь Андрей Углицкий заключен в темницу с сыновьями по приказанию его брата великого князя Иоанна III» (№ 64); и «Выход из ковчега» (№ 7). После смерти Е. Д. Поленовой художник не возвращался к этим работам, которые остались в набросках. Со смертью Е. Поленовой дело замерло и развалилось.

5. В 1899 г. дочь Репина Надежда уехала фельдшерицей на переселенческие пункты в Сибирь.

6. Речь идет о персональной выставке картин В. М. Васнецова в Петербурге (1899).

7. Так называемый «мамонтовский крах» был подготовлен следующими обстоятельствами. В 1890 г. Донецкая ж. д. была выкуплена государством у акционерного общества, возглавляемого С. И. Мамонтовым. На капитал, освободившийся от этого предприятия, был куплен Невский судо- и паровозостроительный завод. По настоянию министра финансов

С. Ю. Витте, С. И. Мамонтов взял также дело восточно-сибирских рельсопрокатных заводов и построил Мытищинский вагоностроительный завод. Поднятие слабо поставленного заводского дела требовало больших денежных сумм. Ярославская ж. д., покупавшая на заводах паровозы, рельсы и вагоны, в значительной мере субсидировала их. В 1899 г., в одну из трудных минут, С. И. Мамонтов сделал превышавший законную возможность заем из кассы Ярославской ж. д., надеясь покрыть его притоком средств к намечавшейся и утвержденной правительством постройке Петербургско-Вятской линии, Мамонтов рассчитывал на этот момент для покупки железнодорожным обществом всех заводов и объединения всех дел в одно. Между тем министр юстиции Н. В. Муравьев повел крупную интригу против министра финансов С. Ю. Витте. Надо было найти концы и доказать правильность ходивших слухов о крупных взятках министерства финансов. Узнав о незаконном поступке С. И. Мамонтова, Н. В. Муравьев воспользовался им, чтобы поднять дело, во время которого рассчитывал раскрыть взяточничество министерства финансов. С. И. Мамонтов был арестован. Кредиторы С. И. Мамонтова предъявили ко взысканию и потребовали продажи его дома на Спасской-Садовой со всеми художественными ценностями. Н. В. Муравьеву не удалось задеть С. Ю. Витте и найти концы взяток, которых во время следствия усиленно доискивались. Следствием было установлено, что недостающие суммы Мамонтовым присвоены не были. В июле 1900 г. он был оправдан судом присяжных.

8. Опера «Ожерелье» с декорациями, написанными по эскизам Поленова, была поставлена Частной оперой в 1900 г. Эскизы не сохранились.

9. См. главу XVII II части.

10. «Афродита»— живая картина, поставленная Поленовым и Мамонтовым в 1894 г. для съезда художников в зале Благородного собрания (ныне Дом союзов).

11. В. Поленов с 1896 до 1900 г. работал в мастерской (Сыромятники), построенной для него общим другом его и Мамонтова К. Арцыбушевым.

12. По ходатайству за подписями Поленова, Репина, Е. Волкова в 1900 г. А. Васнецову было дано звание академика.

13. «Зима»— картина Поленова «Река стала» (Всемирная Парижская выставка 1900 г.)

14. Опера Римского-Корсакова «Садко», написанная в 1897 г., в том же году была поставлена Мамонтовым на сцене Частной оперы с участием Шаляпина в роли Варяжского гостя. В декабре 1896 г. поставлена его же опера «Псковитянка», в которой молодой Шаляпин создал роль Грозного. Опера Глюка «Орфей» в постановке Поленова шла в 1897 г.

Много лет спустя Ф. И. Шаляпин благодарным словом помянул С. И. Мамонтова. Артист русской оперы в Париже И. Горбов пишет: «В 1933 году в июне в Лондоне был объявлен интернациональный конкурс

оперного искусства.. На конкурсе первенство завоевала русская опера.. После прощания с лондонцами Шаляпин собрал нас всех, тепло поблагодарил и подчеркнул, что победе русской оперы содействовал весь коллектив, от мала до велика.. «Завтра прошу вас всех быть в кафе «Лайонс», где я снял зал». Огромный зал «Лайонс-кафе» был ярко освещен. Собралось около сорока человек. Федор Иванович был в ударе. Казалось, что перед нами опять юный Шаляпин, чудесным образом омолодившийся, как Фауст. Остроты, шутки, десятки анекдотов и тосты, тосты.. Особенно хорошо я запомнил самый последний.— Друзья мои!— сказал Шаляпин.— Я хочу сегодня поделиться с вами дорогим для меня воспоминанием. Сегодня мы, русские люди, одержали славную победу! Мы с гордостью можем сказать, что высоко и с честью держим святое знамя русского искусства. За это уменье, за любовь нашу к родному искусству и большую работу наш народ-богатырь, может быть, помянет нас добрым словом и простит нам ошибки вольные и невольные. Я хочу вспомнить о своем друге и учителе Савве Ивановиче Мамонтове. Мало кто из вас о нем слыхал, а многим молодым это имя совсем ничего не говорит. Это был человек большой культуры, с серьезным музыкальным и общим образованием; он учился пению в Италии. Прекрасный певец, он неожиданно бросил этот заманчивый путь и отдал всю свою жизнь, все знания, весь большой капитал бескорыстному служению русскому искусству. Говорю откровенно: я научился у Мамонтова вот так работать над материалом, как работаю сейчас! Обстановка мамонтовского театра рождала в артисте уверенность в своих силах и драгоценное чувство самокритики. Не знаю, был бы я таким Шаляпиным без Мамонтова! Я пью за здоровье всех вас, мои дорогие друзья, пью за прошедшее, за моих старых учителей и соратников, пью за блестящее будущее нашего русского искусства! Желаю вам лучезарного счастья и крепкого здоровья! Вечная, добрая память труженикам нашей родной русской сцены!» Очарованные, счастливые, мы возвращались по улицам затихшего Лондона в отель. Около Трафальгар-сквера, высоко в небе, переливался электрическим светом огромный транспарант с портретом Шаляпина, под которым горела подпись: «Король голоса».. («Федор Иванович Шаляпин». М., 1958, т. II, стр. 534—536.)

15. Обращение группы художников сохранилось в четырех черновых экземплярах. Один написан рукою В. Васнецова, три — рукою Поленова. Под публикуемым нами экземпляром, написанным рукою Поленова, его же рукою намечены подписи художников и композитора Римского-Корсакова.

16. Письмо Поленова к Мамонтову публикуется по черновику архива Мамонтовых (ныне фонд ЦГАЛИ). Очевидно, не имея уверенности, что письмо будет передано Мамонтову, Поленов отдал черновик его семье для передачи при случае. Обычно Поленов сохранял черновики в своем архиве.

17. Дело капитана Дрейфуса, злостно обвиненного французскими шовинистами в шпионаже, сопровождалось ярой антисемитской пропагандой.

18. Захватническая война мировой державы Англии с горсточкой колонистов Южной Африки — буров волновала и приводила в негодование русскую интеллигенцию.

19. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. В. А. Серов получил Grand Prix (первую премию) за портрет великого князя Павла Александровича (1897). К. А. Коровин по отделу живописи — золотую медаль за картину «Испанки», по отделу прикладного искусства — золотую и серебряную медали за декоративные панно; М. В. Нестеров — серебряную медаль (выставил картины: «Благовест» и «Св. Сергий Радонежский»); Н. Н. Дубовской — серебряную медаль («Штиль», «Вне монастыря», «К вечеру»); В. М. Васнецов выставил свои превосходные полотна: «Аленушка», «Витязь на распутье», «Битва русских с печенегами», «Богоматерь» (запрестольный образ во Владимирском соборе в Киеве), «Гамаюн, птица вещая», «Пруд» (пейзаж, написанный в Ахтырке близ Абрамцева). И. И. Левитан перед смертью не имел радости быть понятым и оцененным на мировой арене. Его чудесные пейзажи «Осень», «Ранняя весна», «Весна», «Лунная ночь»— прошли не отмеченными даже поощрительными грамотами, которые были присуждены целому ряду незначительных художников, не выдержавших суда времени и совершенно забытых. Это тем более странно, что и Виктор Васнецов и Левитан оба отмечались парижской печатью.

20. Поленов ошибается: Ярошенко умер от туберкулеза легких 25 июня (ст. ст.) 1898 г., а Е. Поленова безнадежно заболела 15 августа того же года и умерла 7/20 ноября.

21. В иллюстрированном приложении к журналу «Вестник иностранной литературы» (Спб., 1900), озаглавленном «Всемирная Парижская выставка 1900 г. в иллюстрациях и описаниях», составленных М. А. Орловым, раскрывается грандиозная картина огромного охвата русского отдела. Россия, в представлении Европы неведомая дикая страна, впервые выходит на передовую линию мирового значения и славы. Выставка была открыта с 14 апреля по 11 ноября. Генеральный комиссар выставки — Альфред Пикар. Генеральный комиссар русского отдела — князь В. Н. Тенишев.

Из художников и культурных деятелей поленовского круга награды получили:
М. А. Врубель — золотую медаль по отделу прикладного искусства;
А. Я. Головин — серебряную медаль за майолики; золотую медаль по отделу прикладного искусства.
С. И. Мамонтов — золотую медаль за майолики гончарного завода «Абрамцево».

Е. Г. Мамонтова — золотую медаль за резную мебель «Абрамцевское производство».
М. Ф. Якунчикова — золотую медаль по отделу прикладного искусства.
М. В. Якунчикова-Вебер — серебряную медаль за резную лавочку для русских народных игрушек.
И. Е. Репин — получил Hors concours, т. е. высшую награду вне конкурса, выставил четыре портрета:

1. С. М. Драгомировой. 2. И. И. Толстого. 3. Ц. А. Кюи. 4. Е. В. Павлова.

В. И. Суриков — серебряную медаль за картину «Взятие снежного городка».
А. М. Васнецов — серебряную медаль, выставил четыре картины:

1. «Элегия». 2. «Сибирь». 3. «Избушка на курьих ножках. Сказка». 4. «Кремль московский».

Всемирную Парижскую выставку 1900 г. можно считать первым звеном в цепи грандиозных выступлений русского искусства на мировой арене. Первое десятилетие нашего века отмечено замечательными художественными и театральными антрепризами, которые французы назвали «Saisons russes» («Русские сезоны»). На сцену всемирной славы вышли русские оперы в исполнении Ф. И. Шаляпина, прославились русские хоры и русский балет. Среди тупиков декаданса русское искусство продолжало гореть чистым светом.

22. Поленов выставлял картины евангельского цикла: «Мечты», «Среди учителей», «Христос на Генисаретском озере» и пейзажи: «Генисаретская долина», «Ранний снег», «Зима» («Река стала»). На жюри Всемирной выставки они отмечены не были.

Глава XIX

1. М. В. Якунчикова-Вебер умерла тридцати двух лет от туберкулеза легких в Женеве, где муж ее, врач Л. Н. Вебер, снимал дом в предместье Шэн-Бужери. Она оставила двух малолетних сыновей. Берта Андерегг, бернская крестьянка, служившая медицинской сестрой в горном санатории Лэзэн, помогла Л. Н. Веберу вырастить детей и впоследствии стала его женой. Л. Н. Вебер купил дом в Шэн-Бужери и сосредоточил там художественное наследство, оставшееся от умершей жены. Все стены трехэтажного дома были увешаны ее картинами и панно; бережно, в скатанном виде, хранился ковер-аппликация из крашеного холста «Девочка и леший», сделанный для Всемирной Парижской выставки 1900 г.

В статье «М. В. Якунчикова» в журнале «Свободным художествам» М. Гофман вспоминает: «В 1911 г. мне удалось побывать у Машеньки на вилле д-ра Л. Н. Вебера (за которого Мария Васильевна вышла в 1897 г.) в Chêne Bougeries. 2 1/2 километра отделяют эту виллу от Женевы, но когда попадаешь на нее, погружаешься в совершенно иной, тихий и прекрасный мир. Громадные дубы, светлозеленые широкие поляны, молодые березки, торжественная мягкая тишина. Все так тихо, чуждо суетливости. Все другое — и природа и люди. Но когда входите в комнаты,— мир иной. Мир художественной мысли настолько вас охватывает, что долго не хочется возвращаться в серую сутолоку будней, как очарованный ходишь по комнатам, стены которых увешаны картинами М. В. Здесь и Версаль, и Венеция, и рядом бедные проселочные дороги, Mont Blanc и покривившиеся кресты, колодцы, колонны террасы с видом в бесконечную даль..» (Спб., 1911, сентябрь, стр. 19).

Вторая жена Л. Н. Вебера установила традицию ежегодно развертывать и вывешивать в зале дома в Шэн-Бужери ковер «Девочка и леший» и в день памяти художницы собирать около него семью и друзей. В данное время умерли и муж художницы, и его вторая жена, и младший сын. Старший сын С. Л. Вебер (Степа), архитектор, живет во Франции близ границы Савойи, где в местечке Монтэ была горная дача его родителей. Внучка М. В. Якунчиковой Ирина Вебер живет в Шэн-Бужери и хранит ее художественное наследство. На могиле художницы до сих пор сохранился русский дубовый крест.

Часть картин и панно М. В. Якунчиковой-Вебер приобретена Советом Третьяковской галереи с ее посмертной выставки (1905), некоторые вещи приобретены позднее из частных собраний. В Третьяковской галерее находятся следующие работы художницы: 1. «Сосенка» (1895). 2. «С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода» (1891). 3. «Кладбище в Медоне, под Парижем» (1892, пастель). 4. «Осень» (1893, пастель). 5. «Окно» (1896, панно, выжигание). 6. «Осинка и елочка» (1896, выжигание). 7. «Пламя» (1897, темпера). 8. «Из окна старого дома. Введенское» (1897). 9. «Чехлы» (1897). 10. «Церковь в старой усадьбе. Черемушки, близ Москвы» (1897). 11. «Монастырские ворота. Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода» (1897). 12. «Крест над колодцем в Наре» (1899, гуашь). 13. «Часовня в Наре» (1899, гуашь). 14. «Дерево в цвету» (гуашь).

2. Дача Цветаева находилась в четырех километрах от усадьбы Поленова «Боро́к».

3. «Людская бойня» русско-японская война 1904 г.

4. В. Д. и Н. В. Поленовы были одними из первых ценителей оригинального таланта В. Э. Борисова-Мусатова, обратив на него внимание на IX выставке Московского товарищества (1902), при котором Н. В. Поленова устраивала посмертную выставку Е. Д. Поленовой. Мусатов выста-

вил свои картины, навеянные жизнью в старинном имении Голицыных-Прозоровских Зубриловке Саратовской губ. Есть сведения, что Мусатову выдавалась стипендия им. Е. Д. Поленовой (300 рублей), предназначенная для заграничного путешествия и поддержки молодых художников. Можно предположить, что выдача стипендии была откликом на письмо Борисова-Мусатова, к которому Поленовы относились с большим сочувствием, как к выдающемуся молодому художнику. Некоторые члены Московского товарищества, в том числе Борисов-Мусатов, перешли в Союз русских художников (1903—1918). В. Д. Поленов на приглашение вступить в члены «Союза» в 1904 г. ответил отказом, мотивируя его тем, что не считает возможным участвовать в трех объединениях.

5. Посмертная выставка картин М. В. Якунчиковой-Вебер, которую предполагали устроить в Петербурге совместно с выставкой картин В. Э. Борисова-Мусатова, была устроена в Москве в январе 1905 г. совместно с очередной выставкой Союза русских художников.

6. «Весы»— ежемесячник искусства и литературы (1904—1909).

7. Под «неизбежным, обязательным делом» В. М. Васнецов подразумевает заказ четырех больших полотен и одной мозаики для церкви при хрустальном заводе Ю. С. Нечаева-Мальцева (Гусь-Хрустальный).

8. В записях сына художника изложен рассказ отца о постройке и создании музея: «Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве был построен исключительно на средства Ю. С. Нечаева-Мальцева. Конкурс проектов был объявлен университетом и производился Академией художеств. Я не помню, чьи проекты получили первые премии. Только настоящее здание музея построено на основании нескольких скомпонованных проектов. Университет, объявляя конкурс, выговорил себе это право и поручил составить проект своему архитектору К. М. Быковскому и его помощнику Р. И. Клейну, который таким образом оказался строителем музея, не участвуя в конкурсе проектов. Сам Быковский был более общественный деятель, чем строитель. Из его построек заслуживает внимания Государственный банк в Москве, где очень хороши большие залы. Клейн — человек очень бездарный и испортил здание музея. Так, например, входная лестница с колоннами из желтого мрамора, опоясанного черным лабрадором. Оба эти мрамора в отдельности и в малом количестве очень хороши, но тут все сплошь из желтого мрамора очень безобразно. Моя идея была сделать des cours vitrées [застекленные дворики]. Он сделал это и поместил часть фриза и колонну Парфенона. Парфенон красив своим положением, к нему подходишь снизу и смотришь вверх, а он вкопал эту колонну в колодезь, так что ее видишь сверху. А, напротив, портик с кариатидами, который находится на уровне человеческого роста, он поместил на возвышении. И главное — он был везде и видел все это в натуре. Моя идея была поместить в залах — греческой, римской и других — картины, изображающие те места, где происходили события и находились

памятники древности. Для исполнения этого проекта я хотел пригласить художников Коровина и Головина, а Серов сам пришел ко мне и сказал, что и он тоже хочет принять участие в этом. Я был очень рад и сказал ему: «Я не смел к тебе обратиться, но если ты сам хочешь принять в этом участие, то лучшего я не могу желать». Ю. С. Нечаев-Мальцев сначала отнесся сочувственно к моей идее, но все тянул и не давал средств на поездку художников. После И. В. Цветаев говорил мне, что он сказал: «Поленов назвал два таких декадентских имени!» Это Коровин и Головин — такие классические живописцы! Он тратил миллионы на ненужные вещи и пожалел тридцать или сорок тысяч рублей на живопись. Лестница в подвале, которую никто не видит, вместо того чтобы быть сделанной из песчаника или известняка, делалась из гранита. Серов ездил на свой счет и привез несколько чудных вещей — (Юпитер в виде быка похищает Европу). А Головин получил деньги на поездку, но не поехал, а на память написал кладбище по Аппиевой дороге. На фоне его стоит Гермес Праксителя, удивительно хорошо! Клавдий Степанов написал фриз из греческой жизни. Очень сухо, как он всегда пишет, но не бездарно.. Мне даже очень нравится. Итальянский зал, по желанию П. В. Жуковского, который был близок к государю и которому не мог противиться Нечаев-Мальцев, написан очень скверно какими-то бедными художниками, которых он отыскал в Италии. Скульптура, находящаяся в музее, пожертвована разными богатыми людьми; жертвовали, кто из искреннего интереса, кто из самолюбия, кто для того, чтобы получить что-нибудь. Египетская коллекция приобретена И. В. Цветаевым у Голенищева, молодого еще человека, купца, очень образованного, который читал иероглифы, как газету. Коллекция прекрасно составлена и поражает не количеством, а качеством своих предметов. Он обанкротился и принужден был продать ее, а раньше для нее специально он выстроил здание в Петербурге» (Архив Поленовых).

9. Поленов совершил путешествие в Грецию в 1911 году. По этюдам, сделанным в Греции, им написаны для Музея изящных искусств следующие картины:

Афины

1. Общий вид Акрополя.	
2. Вид Пропилей.	*Музей изобразительных*
3. Угол Парфенона.	*искусств им. А. С. Пушкина.*
4. Эрехтейонский Пондросион.	

Дельфы

1. Вид Парнаса и соседних гор.	*Государственный Саратов-*
2. Ущелье Кастальского источника.	*ский музей (с 1933 г.).*
3. Сокровищницы афинян.	*Музей изобразительных ис-*
4. Развалины святилища.	*кусств им. А. С. Пушкина.*

Глава XX

1. Заявление Поленова и Серова публикуется с копии архива Поленова, написанной Н. В. Поленовой. Рукой сына художника сделаны примечания: «на подлиннике имеются надписи: 1. На полях первого обращения: «Написано рукою В. Поленова». 2. На полях второго: «написано рукою В. Серова». 3. На верхнем поле: «Доложено его высочеству 24 марта 1905 г.»

2. Поленов имеет в виду тех своих товарищей-художников, которые были связаны с Академией заработком, мастерскими и педагогической деятельностью, для которых уход из Академии был бы коренной ломкой жизни. Сам Поленов и Серов в этом отношении были свободны. Нежелание обидеть товарищей — характерная черта деликатности Поленова, чутко относившегося к уважаемым труженикам своей профессии. Поленов остался верен своему решению не выходить из членов Академии художеств; Серов, своими глазами из окон Академии видевший расстрел рабочих и потерявший сознание в тяжелом сердечном припадке, подал протестующее заявление о своем выходе. Оно также не было оглашено И. И. Толстым на общем собрании членов Академии художеств. Мотивом выхода Серова было выставлено его расстроенное здоровье.

3. Речь идет о статье М. Горького «По поводу» (газета «Новая жизнь», № 23, 26 января 1905).

4. Союзом деятелей искусств Поленов называет Секцию содействия фабричным и деревенским театрам (см. примечание 2, глава XXIV).

5. «Кисловкой» в семье Поленовых называли дом отца Н. В. Поленовой В. И. Якунчикова на Средней Кисловке.

Глава XXI

1. Картины «Из жизни Христа», над которыми Поленов работал вплотную с 1896 по 1909 г., были первоначально выставлены в Петербурге в феврале — марте 1909 г. в количестве 58 номеров. Написанные ранее картины «Христос и грешница» (1887, ГТГ), «Христос на берегу Генисаретского озера» (1888, ГТГ) и «Среди учителей» (1896, ГТГ) входили в этот цикл в повторениях меньшего размера. В Москве выставка открылась 15 апреля, продолжалась до июня, после чего вместе с Передвижной была в Орле, Харькове, Киеве, Екатеринославе и Казани. В апреле 1910 г. она была устроена Педагогическим обществом в Твери, летом — открыта в Праге, куда Поленов ездил вместе с Л. Кандауровым. Осенью 1914 г. выставка была повторена в Москве в пользу раненых первой мировой войны. На выставке русских художников, организованной Наркомпросом в Нью-Йорке (1924), было 13 картин «Из жизни Христа», из которых

в Америке были куплены: «Среди учителей», «Кто из вас без греха», «Гефсиманский сад», «Возвестила плачущим», «Мария пошла в нагорную страну», «Моление о чаше», «Он учил их», «Стояла у гроба», «Повинен смерти», «Смотрели издали». Шесть из них были куплены меценатом-коллекционером Чарльзом Крэном. В их числе «Среди учителей», «Кто из вас без греха», «Скорбна душа моя», «Повинен смерти».

2. Художник приводит выдержку из четверостишия В. А. Жуковского так, как оно запечатлелось в его памяти. Правильно:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили.
Не говори с тоской, их нет,
А с благодарностию: были

3. Villa am Meer — репродукция с картины Арнольда Бёклина «Вилла на море», изданная в Мюнхене.

4. Речь идет о цикле картин «Из жизни Христа».

5. Салон — выставка живописи, графики, скульптуры и архитектуры, устроенная в 1909 г. в Петербурге.

6. Новое общество художников — объединение, возникшее в 1904 г. Последняя выставка 1914—1915 гг.

7. Подразумевается картина Репина «Какой простор» (1905, ГРМ).

8. Вторая жена И. Е. Репина, писательница Н. Б. Нордман-Северова.

9. Врубель умер в психиатрической лечебнице, где пробыл последние пять лет жизни.

10. В 1909 г. В. Д. Поленов посылал Л. Н. Толстому альбом с репродукциями картин «Из жизни Христа» (М., 1908).

11. Работая над картинами «Из жизни Христа», Поленов одновременно вел литературную работу над сводом четырех Евангелий в одно последовательное повествование (Архив Поленовых).

Глава XXII

1. В 1910 г. Поленов поставил для своих младших детей на домашней сцене пьесу, написанную С. С. Мамонтовым на сюжет рейнской легенды о пленном крестоносце короле Ричарде Львиное Сердце, заключенном в замке Трифельс и освобожденном трубадуром Блонделем. Задумав обработать постановку для детского народного театра, он в сопровождении Л. Кандаурова (Леонид), возвращаясь с курорта Бад-Киссинген, заехал осмотреть и зарисовать развалины замка и окружающий его пейзаж, чтобы сделать постановку исторически верной.

2. Младшая дочь Поленова (Наталья) играла роль героини пьесы Кунигунды. Третья дочь (Ольга) играла мужскую роль — трубадура Блонделя.

3. Работая над пьесой для детского народного театра на сюжет французской писательницы Евгении Фоа «Анна Бретонская», Поленов включил в маршрут своего путешествия Бретань, в частности городок Редон и развалины замка Сусиньо, где происходило действие пьесы.

4. С Биаррицем связано у Поленова воспоминание о сестре В. Д. Хрущовой, которая была там в 1874 г., наслаждалась морем, романтикой близости Испании (из Биаррица видны Пиренеи) и сохранила хорошие воспоминания, переданные брату. Неттуно — приморский городок в Италии, где Поленов был с женой в 1884 г.

5. Путешествие в Грецию предпринято Поленовым в связи с работой в Музее изящных искусств и желанием собрать подлинный материал, чтобы живописными фонами оживить залы скульптурных слепков (см. примечание 10, глава XIX).

Глава XXIII

1. Помимо Университета имени Шанявского, организованного в начале 1900-х гг., существовало московское Общество народных университетов.

2. Секция содействия фабричным и деревенским театрам или просто Секция, как сокращенно называл ее Поленов, была основана кружком деятелей народного театра. Кружок этот в лице Н. Ф. и М. В. Шемшуриных, Д. А. Толбузина, В. Д. Поленова и являлся организатором первоначальной ячейки и комиссии по сельскому и фабричному театру при Всероссийском союзе сценических деятелей. Секция помещалась на Малой Дмитровке, в подвальном помещении частного дома, с 1915 г. перешла в отстроенный по проекту Поленова, с помощью средств С. Т. Морозова, театральный дом с удобными мастерскими, костюмерными и небольшим театральным залом. Дом этот, названный «Домом имени академика В. Д. Поленова» (угол Медынки и Кабанихина пер.), в кругу его работников продолжал называться Секцией. Определяя значение работы Секции, Поленов называл ее «Театральной лабораторией на всю Россию». С 1921 г. Секция была национализирована и носила название «Дом театрального просвещения имени академика В. Д. Поленова». В 1928 г. в помещении Секции произошел пожар, уничтоживший декорации Поленова и большую часть театрального имущества. В. Д. Поленов лично написал для Секции около тридцати типовых декораций, копии с них, сделанные молодыми художниками, давались напрокат театральным кружкам. Показательные постановки в зале Секции шли в подлинниках декораций Поленова.

3. В 1913 г. Поленов посылал Репину альбом «Из жизни Христа» с цветными репродукциями, сделанными в Праге (изд. типографии А. И. Мамонтова), клавир своей оперы «Призраки Эллады» и др. музыкальные сочинения.

4. К. А. Тимирязев положительно оценивал творчество В. Д. Поленова: «Поленов приближает [евангельский рассказ] своей исторической правдой и чарующим палестинским ландшафтом» (Собр. соч. К. А. Тимирязева, т. V, М., 1938, стр. 435). Из множества полученных к семидесятилетию поздравлений оценка Тимирязева была особенно дорога Поленову.

5. «Сто восьмое чудо света»— так Поленов в шутку называет ежегодную собственноручную постройку дамбы на Оке, чтобы образовать наносную отмель для купания. Когда Поленов облюбовал место под усадьбу, до середины Оки доходила большая береговая отмель. Дамба не достигала цели, весной ее сносило полой водой, Поленов снова строил ее к осени и шутил, что зарабатывает на ней деньги, так как пишет этюды и продает их по 100 рублей. В наши дни мечта художника осуществилась, река приняла прежний вид, как она изображена на этюдах и картинах девяностых годов.

6. Декорации Коровина пострадали от пожара Малого театра (1914), затронувшего примыкавший к нему склад декораций.

7. «Аббатством» была прозвана мастерская Поленова с башенкой и черепичной крышей, построенная в 1904 г. около дома в Борке́.

8. Для постройки народного дома Поленовым был куплен в 1915 г. участок в полтораста саженей земли (угол Медынки и Кабанихина пер.) над прудом нынешнего Зоопарка.

9. Поленов был избран председателем Съезда деятелей народного театра (27 декабря 1915 г./6 января 1916 г.). Публикуемый отрывок представляет черновик его заключительной речи.

10. Видимо, речь идет о переписке М. Г. Савиной с И. С. Тургеневым, изданной под редакцией и с предисловием А. Ф. Кони («Тургенев и Савина», 1918).

11. Н. В. Скородумов. Новый метод упрощенных постановок с приложением статей и эскизов декораций академика В. Д. Поленова, М., 1914.

12. Поленов с детства любил рассказанную детской писательницей Евгенией Фоа историю 13-летней герцогини Анны Бретонской (1476—1514), впоследствии французской королевы, которая в костюме крестьянки ходила по деревням и узнавала о нуждах бретонской бедноты. В начале 1900-х гг. Поленов литературно обработал рассказ Евгении Фоа сначала на французском языке, затем перевел на русский и сделал постановку для детского театра. Пьеса Поленова неоднократно ставилась в Секции зимой 1916—1917 гг., декорации к ней написаны по этюдам, сделанным в 1911 г. с развалин замка Редона в Бретани, где происходит действие.

13. И. Грабарь благодарит Поленова, приславшего ему с семьей билеты на постановку «Анна Бретонская» в зале Секции.

14. Поленов подразумевает реакционеров и черносотенцев последних лет царствования Николая II. Штюрмер Борис Владимирович — один

из последних премьер-министров, назначенных на этот пост в 1916 г. В книге «Падение царского режима» (т. I) историк П. Е. Щеголев дает ему следующую характеристику: «Штюрмер, давший пространнейшие показания и поразивший в них полным отсутствием какой-либо государственной точки зрения, круглым непониманием основных законов. Быть может, Штюрмер на допросе старательно преувеличивал свою природную тупость страха ради, но за всем тем его умственная ограниченность бьет в глаза. Этот старик, с вдумчивым выражением лица и благообразной наружностью, был в действительности самым беззастенчивым хищником и авантюристом; он совершенно не разбирался ни в средствах достижения, ни в людях, которые помогали ему. Манасевич-Мануйлов Иван Федорович. Сыщик, агент по политическим делам, исполнитель всяких темных поручений, похититель дипломатических шифров, Мануйлов сумел стать необходимым, а при Штюрмере он стал его наперсником и получил специальное задание следить за Распутиным, не столько следить, сколько во время слежки охранять от всяких покушений расположение Распутина к Штюрмеру. Показания Мануйлова перед комиссией полны выдающегося интереса: наперсник не пощадил никого из тех, на чьем ложе он возлежал, и дал верную и блестящую картину развала правительства и престола в 1915—1916 годах». Курлов Павел Григорьевич, жандармский генерал, опубликовал на немецком языке в Германии книгу «Конец русского царизма», переведенную на русский язык под редакцией М. Павловича (Петроград, 1923). П. Е. Щеголев в комментариях к допросу Курлова говорит, что по своей лживости его записки не уступают дневнику А. А. Вырубовой. Протопопов Александр Дмитриевич был последним министром внутренних дел царской России.

15. См. примечание 1, глава XXII.

16. Упоминаемое «Трио для фортепиано, скрипки и виолончели» было исполнено молодыми друзьями Поленова — композитором А. Н. Александровым, виолончелистом В. Л. Кубацким и скрипачом Корецким. Напечатать «Трио» Поленову не удалось.

17. «Каморра»— водевиль С. И. Мамонтова был поставлен в Абрамцеве (1881) и в Москве (1890). Впоследствии переработан в оперетку другом С. И. Мамонтова композитором Эспозито.

18. «Эллада»— опера В. Д. Поленова (либретто С. И. Мамонтова)— впервые была поставлена в 1894 г. в Москве в зале Благородного собрания (Дом союзов) для съезда художников. Это была живая картина на фоне превосходной декорации Поленова: греческий храм, за ним море и цепь покрытых снегом гор, в центре статуя Венеры Милосской. Живая картина называлась «Афродита». Переработанная в оперу, она шла в Москве в Большом зале консерватории в 1906 г. под названием «Призраки Эллады». В 1915 г. была поставлена кружком музыкантов на сцене Народного дома города Тарусы.

19. Под «механизмом Николая Федоровича» Шемшурина Поленов подразумевает изобретенную им систему ширм для походного театра, дающую возможность ставить спектакли в любом помещении и на открытом воздухе. Легко выполнимое и недорогое оформление сцены пользовалось успехом в лазаретах и на фронтах гражданской войны.

20. Силами деревни и города Тарусы при участии семьи Поленовых в самые тяжелые годы гражданской войны и голода, под руководством В. Д. Поленова, были поставлены: в Страхове (1918—1919): «Царь Максимилиан»— народная драма, «Черный тюрбан» С. И. Мамонтова, «Плутни Скапена» и «Вынужденный брак» Мольера, «Борис Годунов» Пушкина. В Тарусе (1918—1920): «Борис Годунов» Пушкина, «Отелло» и «Король Лир» Шекспира, «Псковитянка» Мея и др. В организованном дочерью Поленова Н. В. Поленовой детском театре шли постановки русских сказок (1918—1920): «Жар-птица», «Царевич-Незнайко», «Мертвая царевна», «Перышко Финиста ясна сокола». В последующие годы театральные занятия приняли систематический характер с уроками пластики и ритмики, которые вела О. В. Поленова. Силами детей Поленова, перешедших в возраст юности, были поставлены «Вильгельм Телль» Шиллера и др. постановки того же уровня. Кружок существовал двадцать лет и был много раз отмечен в печати. В 1936 г. на конференции театральной самодеятельности в Заокском районе побывали артисты МХАТ О. Л. Книппер-Чехова и В. А. Орлов; они с большим интересом отнеслись к тому, что показал Страховский кружок, многолетним опытом угадав незаурядную руководящую руку; им назвали Поленова и его семью. «На смотре театральных кружков Заокского района первое место по праву занял Страховский драмкружок, показавший отрывок из пьесы Шиллера «Вильгельм Телль». Страховские колхозники — потомственные театралы. Организованный еще под руководством Поленова драматический кружок существует до сих пор. Он вырос в сплоченный и творчески спаянный коллектив» («Советское искусство», 20 февраля 1936).

Большое значение для успеха самодеятельного театра в годы гражданской войны имело то, что Поленовым задолго до революции, в 1912 году, для школы села Страхова была оборудована разборная сцена, а классы спланированы с раздвижной перегородкой, превращавшей их в зрительный зал. Способ передвижных постановок Поленова был простой и портативный: задник-картина и четыре гладкие, нейтрального тона, закатывающиеся кулисы; собранные декорации — несколько длинных палок с накатанным полотном; кулисы — четыре короткие палки, так же собираются занавес и софиты. До какой степени все это было необходимо в первые годы революции, показала ключом закипевшая работа Поленовского театрального дома.

Великая Отечественная война поглотила молодые силы театральных кружков. Замерло и развалилось большое культурное дело. На смену

ему пришло кино. В 1958 г. дочери художника Н. В. и О. В. Поленовы снова организовали театральное дело, на этот раз избрав форму детского кукольного театра. Под художественным руководством Поленовых поставлены сказки: «Сынко-Филиппко», «Золушка» и «Мертвая царевна».

21. Поленов благодарит Д. А. Толбузина за присылку журнала «Народный театр» (изд. Секции содействия устройству деревенских и фабричных театров при МОНО. 1918—1919) и брошюру «Походный театр» Н. Шемшурина и Д. Толбузина (изд. Секции, I—1915, II—1918).

22. В 1920 г. Поленов увеличил диораму, сделанную в начале 1890-х гг. для своих детей. Увеличенная диорама охватывает кругосветное путешествие с эффектами дня и ночи. Поленов хорошо знал унылый быт дореволюционной деревни с долгим осенним ненастьем, снежными заносами и беспросветностью. «И вдруг, кругосветное путешествие!»— говорил он. Диорама, предназначенная для детей, находила отклик и у взрослых в те времена, когда не было кино, а отвлечением от повседневности являлись трактир и церковь с ее убогим исполнением, профанирующем творчество в этой области больших композиторов (Бортнянский, Кастальский, Гречанинов). Ящик для перевозки диорамы по деревням был сконструирован и сработан руками самого художника. Диорама находится в Музее-усадьбе В. Д. Поленова и показывается детским экскурсиям.

23. Л. Кандауров, разносторонне образованный человек, был любимым собеседником Поленова по вопросам философии, искусства, медицины и пр. Разница лет (33 года) не мешала их дружеским отношениям.

Глава XXIV

1. Относительно слов «его величество» Л. Кандауров в своих воспоминаниях делает следующее примечание: «Когда я писал Василию Дмитриевичу приветственное письмо к юбилею (говорят, очень удачно), то я закончил: «да здравствует его величество В. Д. Поленов». Василий Дмитриевич старательно зачеркнул «величество», я сам видел это письмо у него. Он говорит: слишком часто это слово в истории прилагалось к ничтожествам, дорого стоившим человечеству. Однако, угощая Борко́м, он любил повторять, что в Бо́рке «его величество кислород».

2. «Орфей в аду»— оперетта Оффенбаха. Опера Глюка —«Орфей».

3. В статье, написанной на смерть Поленова («Правда», 20 июля 1927), А. В. Луначарский так формулирует свое отношение к нему: «Это был человек высококультурный, на все отзывчивый, ласковый, безукоризненно честный, друг народных масс, страстно стремившийся поскорее продвинуть к ним достижения того высокого искусства, для которого он сам жил..»

4. «Витязь на распутье», «Битва русских с печенегами», «Ковер-самолет», «Три царевны подземного царства».

СПИСОК ФОНДОВ, ИЗ КОТОРЫХ ВЗЯТЫ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗДАНИЯ, И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

МОСКВА

1. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина: Архив Ф. В. Чижова. Письма В. Д. Поленова, его родителей и сестер к Ф. В. Чижову. Записи из дневника Ф. В. Чижова.

2. Государственная Третьяковская галерея: Архивы В. Д. Поленова, И. Н. Крамского, П. П. Чистякова, И. С. Остроухова (*Третьяковская галерея*).

3. Центральный государственный архив литературы и искусства: Архив Мамонтовых. Письма В. Д. Поленова к М. Н. Климентовой (*Архив литературы и искусства*).

4. Дом-музей В. М. Васнецова: Архив Васнецовых. Письма В. Д. Поленова к В. М. Васнецову. Речь, произнесенная Васнецовым в день пятнадцатилетия мамонтовского художественного кружка (*Архив Васнецовых*).

5. Центральный государственный архив древних актов: Архив С. С. Абамелек-Лазарева.

ЛЕНИНГРАД

1. Научно-библиографический архив Академии художеств СССР (*Архив Академии художеств СССР*).

2. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма В. В. Стасова к Е. Д. Поленовой.

3. Институт русской литературы Академии наук СССР. Письма Е. Д. Поленовой к В. В. Стасову, письма Е. Д. Поленовой и В. Д. Хрущовой — М. А. Поленовой (*Пушкинский дом*).

КИЕВ

1. Архив Праховых. Выдержки из писем А. В. Прахова к родным из путешествия на Восток (*Архив Праховых*).

ПОЛЕНОВО. Музей-усадьба В. Д. Поленова:

1. Архив Поленовых: Переписка Н. В. Поленовой с Е. Д. Поленовой и Е. Г. Мамонтовой. Посмертные выписки П. Д. Антиповой из писем Е. Д. Поленовой. Переписка Е. Д. Поленовой с М. В. Якунчиковой и С. В. Ивановым. Письма худож-

ников: И. Е. Репина, М. М. Антокольского, С. А. Виноградова, В. А. Симова. Воспоминания Е. М. Татевосяна о Е. Д. Поленовой (*Архив Поленовых*).

2. Архив Мамонтовых: Переписка Е. Д. Поленовой с Е. Г. Мамонтовой (*Архив Мамонтовых*).

Звездочкой (*) перед адресом отмечена первая публикация.

Двумя звездочками (**) после даты отмечены письма, обработанные В. Д. Поленовым в 1922 году (см. примеч. 2, глава III, первая часть). Публикуются впервые.

Даты и место написания письма, не обозначенные в оригинале, заключены в квадратные скобки.

Купюры отмечены двумя точками.. Неразобранные слова — тремя точками в квадратных скобках [...]

Принятые сокращения:

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.

И. Е. Репин. «Письма» — «И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка». М.— Л., 1948, 1949, 1950; «И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка». М.—Л., 1949.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Письма, дневники, воспоминания

САХАРОВА Екатерина Васильевна

Василий Дмитриевич Поленов
и Елена Дмитриевна Поленова

ХРОНИКА СЕМЬИ ХУДОЖНИКОВ

Редактор *Е. И. Боданова*
Оформление художника *В. П. Богданова*
Художественный редактор *Л. А. Иванова*
Технический редактор *М. П. Ушкова*
Корректоры *Н. Г. Шаханова* и *С. И. Хайкина*

А-10681. Подп. к печ. 15/XII-64 г.
Бумага 70×90/16. Бум. л. 26,25
Физ. п. л. 54,625. Усл. п. л. 63,911
Учет.-изд. л. 54,493. Тираж 7500 экз.
Заказ 234. Изд. № 400. Цена 4 руб.

Издательство «Искусство»

Московская типография № 16
Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Москва, Трехпрудный пер., 9.

4 руб.